

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Bound'MAR 5 1908

Harbard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,
(Class of 1817),

ВЪСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

тридцать-седьной годъ. — томъ VI.

114号

въстникъ В В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВЪСТИ-ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

TOMB VI

РЕДАКЦІЯ "ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20. .

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28. Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

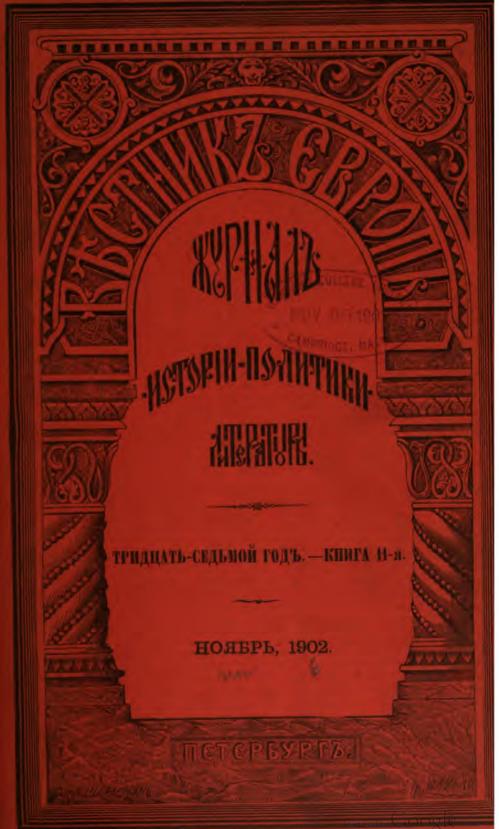
1902

CANTAL AT A TOP TO THE TOP TO THE TOTAL AT A TOP TO THE TOTAL AT A TOP TO THE TOP TO THE

P Slav 176.25

Sever Jund

КНИГА 11-л. — НОЯБРЬ, 1902.

1.—АМЕРИКАНСКІЯ ВПЕЧАТЛЪНІЛ.—Очерки и заметик.—1-V Ф. Ф. Мар-	
Tenca.	ā
II.—HA HOARITH.—Hockers.—XI-XX.—Oscowanie,—Bazep. Cubranus.	52
П.—ИВ. С. ТУРГЕНЕВЪ ВО ФРАНЦИИ.—1847-1850 гг.—1-1 х.— И. Руткора. 1У.—ВЪ ГОСТЯХЪ НА ХУТОРЪ. — Личния вценарубнік.— І. Въ страну далекую	94
H. Ha zyroph III. Form. IV. Moli orelogs10plu Reasumuna.	187
VI-VIII Ozosvanie A. Xnocroua	181
УС.—НА ЗОЛОТЫХЪ ПРИИСКАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКЪ.—По зачишта аос- повинаниют. — У.—Опомчанів. — И. С. Кларка	200
VII.—IIIATRIR OCHOBBI. — Scruzz, — W. von Polonz, "Wurzellocker", Roman,— XIII-XXVIII.—II.—miz C—non	251
VIIIMERRIE RPOMBICIES ELS ARPARE,-B-ro ,	303
ЛХ.—КВИГА О КНЯЗЪ В. А. ЧЕРКАССКОМЪ. — "Мачеріали для біографія ки.	
В. А. Черкасскаго", состав. вв. О. Трубецкая, т. 1.—А. О. Кони	817
X.—HOBOE PPAEJAHCROE YJOHEHIE.—A. S. Cassenegaro	542
ХІ.—ХРОНИКА.—Повий тэтда о движжной гизовия. — "Рефирми денежнаго обращения въ России и проминачений примет." (1805—1902 г.) П. П. Мигулива. — В. В.	861
XIL-BUTTPEHREE OBO3PhHIE-Ilpagazzenie sanaviii ykannuu comperora -	
Разь правительства, земства и городова на области охранения народните	
здравів.—Недовара земськах сборозь.—Приміненіе пременяних прадвить о пароднова продовольствів. — Земскіе заеви училищомух сопітоть. — Никой	
постили вихода вротима земства. — Инцидента на постовелова ублукова	
вемском собранів.—Участіє членова тубориской земской управої ва укад- ника вемскиха собранівах.	874
XIII ВНОСТРАННОЕ ОБОЗРЪНІЕ Бурскіе геперали вы Европі Англійская	
политива и он вонуваентальние обличители. — Насотория наласстрація съ копросу о политической этикі. — Положенію Макодоніи. — Парадментскія	
дела на Франція.—Рымання паменноуголивато принцел въ Соединенника- Штатахъ.	300
XIVЛЕТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНІЕГр. Некоменёнь, Въ сумеркаха затература	
и жимиД Сбориява сабатий по исторіи и статистикі вибиней гор-	
тожи Россія, в. р. В. И. Покровскаго, т. І.—Облера податнита тактивца курской тубернів за 1900 года.—В. В.—Очерка псеобидей и русской исто-	
рав. М. Кованевскиго К Народное образование из Петеротрек, 10, И.	
Лаприполича. — 2. — Новко книги и бронгори	404
XV.—HOBOCTH HIJOCTPARHOÙ JETEPATYPM —1 G. Reval: "Les Sévriennes"; "Les Lycsennes",—II. Hans Ostwald, "Verworfene",— B. B.	434
ХУІ.—ВЗЪ ОВЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИЕЙ. — Увлаерезгетская реформа в рачь	
 г. управления пропождуемая продикто просидуемы. — Своробранная делентрализація, пропождуемая пр. "Граждання». — Пересмотра Тородо- 	
ware Hasomenia 1592 г. за примышенія съ одному городу Петербургу,-	
Вопроси: о газовой шагыненія далиности городского головіг, о распростра-	
винів вобератольнаго права; о вородкі производства виборова; объ венод- нетельних коминесіяхь	489
XVII.—ИЗВЕЩЕНИЕ.—Ота Поцетительства и слудовідниха	456
XVIII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Воспитаціє и образованіє станкта и	
иха приоръне на Западь, д-ра А. И. Скреблявато Portin из дорожноми	
изившений, состав. В. Мейейн. — Шевенира—въ перинодъ А. Л. Состана-	
скаго.—Приктическія запятія по продогія и богання Т. Гексів и Г. Мар- увик.—Спитавляся русскаго квила. Д. Органина-Буанконскаго	

ра подписка на воступанцій 1908-ій года 💥 (Сп. условія подписка на постадава странняй обертки).

АМЕРИКАНСКІЯ ВПЕЧАТЛЪНІЯ

Очерки и вамотки.

Въ мартъ прошедшаго года я получиль отъ президента старъйшаго американскаго университета (The Yale University) въ Нью-Гавенъ извъщение о пожаловании инъ этимъ университетомъ звания почетнаго доктора правъ (Doctor of Laws—D. L. L.). Вмъстъ съ тъмъ я былъ приглашенъ прибыть въ Нью-Гавенъ, въ октябръ, для церемонии торжественнаго возведения въ пожалованное звание и для участия въ торжествахъ Іэльскаго университета по случаю двухсотлътняго его юбилен.

Давнымъ-давно собирался я посётить Новый-Свётъ, гдё у меня много знавомыхъ и добрыхъ друзей. Но путешествіе въ Америку сопряжено съ значительными затрудненіями. Главное затрудненіе—Атлантическій океанъ и плаваніе по немъ, а это весьма многихъ устрашаеть отправляться въ Соединенные-Штаты.

Однако, въ виду исключительнаго почетнаго случая, я ръшился рисковать продолжительнымъ морскимъ путешествіемъ и исполнить данное моимъ американскимъ друзьямъ объщаніе навъстить ихъ въ ихъ отечествъ. Къ тому же личная явка для церемоніи возведенія въ званіе почетнаго доктора правъ совершенно необходима, и американцы очень дорожатъ этимъ почетнымъ званіемъ, которое императоръ Вильгельмъ II, въ телеграмиъ въ

-му брату, принцу Генриху, получившему это званіе отъ --- трдскаго университета, близъ Бостона, въ февралѣ сего года,
-- лъ "высшимъ почетнымъ званіемъ, какое Америка можетъ
-- ловатъ".

ь сентябръ мъсяцъ я выъхаль изъ Бремергафена, на предномъ пароходъ "Съверо-германскаго Ллойда", "Kaiser

Wilhelm der Grosse", и въ самомъ вонцъ овтября я вернулся въ Европу, пробывъ въ пути всего около двухъ мъсяцевъ. Въ продолжение моего непродолжительнаго пребывания въ Соединенныхъ-Штатахъ мив удалось видеть весьма много, благодаря безпримърному гостепримству и очаровательной любезности американцевъ. Я имълъ возможность побыть въ Нью-Іоркъ, видъть Филадельфію, любоваться Вашингтономъ, принимать діятельное участіе въ университетскихъ юбилейныхъ торжествахъ въ Нью-Гавенъ, посътить Бостонъ и самый старый американскій университеть Гарвардскій въ Кэмбриджь, близь Бостона, откуда я увхалъ на знаменитый Ніагарскій водопадъ и на американскую выставку въ Буффало. Благодаря неутомимой любезности моихъ америванскихъ друзей и знакомыхъ, мей удалось подробно осмотрыть четыре замычательных американских университета: Колумбійскій въ Нью-Іоркь, Іэльскій въ Нью-Гавень, Гарвардскій въ Кэмбриджь и наконецъ Филадельфійскій въ Филадельфіи. Главнъйшіе памятники исторіи и предпріимчивости американскаго народа въ вышеназванныхъ городахъ были мною осмотрёны, вакъ-то: "The Independence Hall" въ Филадельфіи, Національная библютека и музей "The Smithsonian Institution" въ Вашингтонъ.

Наконецъ, со многими американскими государственными дѣятелями, учеными и писателями, начиная съ президента Рузевельта, мнѣ удалось познакомиться и видѣть ихъ не только за торжественными обѣдами и интимными завтраками, но также многихъ изъ нихъ я видѣлъ въ ихъ домашнемъ быту, и въ шумныхъ городахъ, и въ тихихъ помѣстьяхъ.

Прошелъ почти годъ послѣ моего возвращенія изъ Америки, и удивительно свѣжо сохранились впечатлѣнія о всемъ мною видѣнномъ. Я вполнѣ раздѣляю впечатлѣнія, которыя лучшій знатокъ Америки, Джемсъ Брайсъ, высказалъ въ своемъ громадномъ классическомъ трудѣ о Соединенныхъ-Штатахъ.

"Америка вызываеть восторгь, — писаль Брайсь, — воторый нужно почувствовать на мѣстѣ, чтобы его понять. Вѣра въ будущность американскаго народа переходить во всякому, кто движется среди него, убѣждая его, что роковыя ошибки въ политикѣ тамъ, въ Америкѣ, гораздо менѣе опасны, нежели онѣ были бы въ Европѣ" 1).

Въ настоящихъ очеркахъ мнъ хотълось набросать, въ общихъ чертахъ, мои личныя впечатлънія объ Америкъ и культурно-по-

¹⁾ Bryce, The American commonwealth. London, 1888, t. I, p. 14. Русскій перев., 1889—90 ("Американская республика", М., 3 тома).

литическомъ состояни Соединенныхъ-Штатовъ, вынесенныя какъ изъ бесёдъ съ выдающимися общественными дёятелями этой страны, такъ и изъ личныхъ наблюденій, провёренныхъ литературными пособіями. Въ виду весьма кратковременнаго пребыванія въ Америкъ, мои впечатлёнія могутъ быть обманчивы, и мои очерки могутъ вызвать справедливую критику. Но далека отъменя мысль сказать что-нибудь новое объ этой интереснъйшей странъ. Я буду счастливъ, если мои очерки кое-что прибавятъ къ существующему уже интересу, вызываемому Соединенными-Штатами, и побудять также русскихъ почаще посъщать Америку и болъе основательно изучать народъ, будущность котораго должна имъть для Европы самый животрепещущій интересъ.

Навонецъ, настоящіе очерки имѣютъ еще совершенно особенную цѣль. Не имѣвъ рѣшительно никакой возможности отблагодарить американцевъ разныхъ классовъ общества за чарующее гостепріимство, которымъ они меня осчастливили, я желалъ бы, чтобы эти очерки послужили имъ доказательствомъ того исключительнаго и признательнаго вниманія, съ которымъ я отношусь къ ихъ отечеству и ко всему, мною тамъ видѣнному. Я надѣюсь, что они усмотрять въ нѣкоторыхъ моихъ недоумѣніяхъ, относительно нынѣшняго курса государственнаго корабля Соединенныхъ-Штатовъ, только выраженіе искренняго уваженія къ міровой роли американскаго народа на лонѣ цивилизованныхъ государствъ. Чѣмъ почетнѣе эта роль, тѣмъ желательнѣе сохранять ее въ міровомъ ея назначеніи.

I.

Всявій, вто много путешествоваль, знаеть изъ опыта, что для полнаго наслажденія и истинной пользы всяваго путешествія нужно соблюдать два условія: во-первыхъ, имъть точно опредъленный маршруть, и во-вторыхъ, везти съ собою поменьше багажа. Въ особенности важно послъднее условіе не только съ точки зрънія сокращенія путевыхъ издержекъ, но равнымъ образомъ въ виду несомивныхъ удобствъ и пользы путешествія.

Всякій же багажъ состоить изъ двухъ частей: 1) вещей — и 2) идей, понятій, привычекъ и предразсудковъ. Особенно вреднымъ багажемъ представляются тѣ предвзятыя понятія, претенвіи и странные предразсудки, съ которыми путешественники весьма часто переходятъ границы того или другого цивилизованнаго государства. Какъ часто личная антипатія къ политикъ

даннаго правительства переносится на весь народъ, на его нравственные, соціальные и государственные идеалы! Какъ часто нелюбовь въ данному выдающемуся государственному дѣятелю ставится мѣриломъ для оцѣнви цѣлаго народа, его нравовъ и характера! Въ видѣ иллюстраціи, стоитъ только вспомнить, какъ у насъ, въ Россіи, нелюбовь къ англійской внѣшней политикѣ, ен цѣлямъ и средствамъ, обыкновенно переносится на весь англійскій народъ, на всѣхъ англичанъ и на ихъ нравы и обычаи.

Такого рода багажъ крайне затрудняетъ дъйствительное ознакомленіе съ чужимъ народомъ и лишаетъ всякое странствованіе
разумнаго значенія и дъйствительной пользы. Когда я сълъ на
пароходъ съверо-германскаго Ллойда, чтобы переплыть Атлантическій океанъ, у меня не было съ собою никакого багажа въ
видъ предвзятыхъ мыслей или странныхъ предразсудковъ насчетъ
Соединенныхъ-Штатовъ, или "брата Іонавана". Но не скрою,
что когда послъ Шербурга стали мало-по-малу скрываться берега Европы, когда потерялся изъ виду свътъ послъдняго европейскаго маяка и когда нашъ пароходъ круто взялъ курсъ въ
Атлантическій океанъ, тогда невольно мысли переносились впередъ черезъ океанъ и въ ту громадную страну, благополучное
прибытіе въ которую искренно желалось всъми 2.200 людьми,
довърившими этому пароходу свою жизнь и свою ближайшую
будущность.

Съ этого момента, по мёрё приближенія къ американскому берегу, мысли стали сосредоточиваться на томъ великомъ народі, котораго гостепріимствомъ я намітренъ быль воспользоваться. Совершенно естественно вспоминались объ этомъ народів всі главнійшіе факты, особенно засівшіе въ памяти по личнымъ или случайнымъ причинамъ.

Невольно вспоминалъ я, какимъ казался мив американскій народъ въ прежнія времена и какимъ является онъ въ настоящее время. Разница поразительная.

Въ моей молодости американцы являлись въ видъ героевъ романовъ Купера: безпощадная и ожесточенная борьба американскихъ фермеровъ и піонеровъ съ дикими краснокожими индъйцами сильно приковывала вниманіе молодыхъ читателей и заставляла удивляться и восторгаться личной храбростью, страшной отвагой и высокими нравственными добродътелями американскихъ піонеровъ. Въ то же время удивительное перо Бичеръ-Стоу нарисовало въ безсмертномъ разсказъ "Хижина дяди Тома" такую картину рабства негровъ на американскихъ плантаціяхъ, которая навърное никогда не изглаживалась изъ памяти читателей этого

знаменитаго творенія. Возбужденныя этимъ твореніемъ, чувства сожалѣнія и милосердія въ несчастнымъ жертвамъ плантаторскаго кнута и алчности несказанно воспрянули, когда президентъ Линкольнъ сталъ, въ 1863 году, во главѣ войны сѣверныхъ штатовъ противъ южныхъ рабовладѣльческихъ, съ цѣлью искоренить навсегда рабство негровъ и всѣ связанные съ нимъ ужасы.

Мнѣ помнится, съ какимъ восторгомъ все русское общество отнеслось тогда къ великому президенту Соединенныхъ-Штатовъ и съ какою открытою радостью оно встрѣчало извѣстія о поступательномъ торжествѣ Сѣверныхъ штатовъ, несмотря на происки Англіи и Франціи. Царь-Освободитель не могъ не сочувствовать дѣлу враговъ рабства, и блестящая депеша князя Горчакова, выразившая такое сочувствіе русскаго царя президенту Линкольну, была встрѣчена съ неподдѣльнымъ восторгомъ русскимъ народомъ, который нашелъ въ этомъ дипломатическомъ актѣ выраженіе своихъ собственныхъ задушевныхъ мыслей...

Глядя съ палубы громаднаго "Kaiser Wilhelm der Grosse"

Глядя съ палубы громаднаго "Kaiser Wilhelm der Grosse" на темно-сърыя волны Атлантическаго океана, мит также вспоминлось, что черезъ этотъ же океанъ прибыла, въ 1866 году, въ Кронштадтъ, американская эскадра, подъ начальствомъ Фокса, чтобы торжественно передать Царю-Освободителю глубочайшую благодарность президента и народа Соединенныхъ-Штатовъ за искреннее сочувствіе Россіи къ ихъ войнт съ пталью отмтины рабства и торговли неграми. Великъ былъ усптать въ русскихъ водахъ еще никогда невиданнаго американскаго броненосца "Міаптопотон" и безпредъленъ былъ восторгъ, съ которымъ русское общество чествовало американскихъ моряковъ въ Кронштадтт и въ Петербургъ. Явились тогда эти американцы живыми представителями идей личной свободы, равенства людей и равноправности предъ закономъ и судомъ. Вёдь для торжества этихъ идей пожертвовали стверо-американцы жизнью сотенъ тысячъ своихъ согражданъ и сотнями милліоновъ долларовъ. Къ этимъ идеямъ очень чутко относилось русское общество начала 60-хъ годовъ, и потому громадный и единодушный усптать американцы завоевали тогда русскихъ идеализмомъ своихъ стремленій, сердечностью своихъ симпатій и чарующею веселостью своихъ нравовъ.

Мнъ живо помнится мое посъщение американскаго броненосца на кронштадтскомъ рейдъ и произведенный американскими моряками фуроръ, въ особенности среди русскихъ дамъ... Въ то самое время моего студенчества были еще другія причины увле-

ченія нашими "заатлантическими друзьями" и американскими порядками. Молодое покольніе тогдашней эпохи съ увлеченіемъ зачитывалось сочиненіями Alexis de Tocqueville ("La Démocratie en Amérique") и Эдуарда Лабулэ ("Paris en Amérique"). Въ этихъ классическихъ трудахъ была представлена уклекательная картина государственныхъ порядковъ Соединенныхъ-Штатовъ и нравовъ и обычаевъ американскаго народа. Съверо-американская республика рисовалась какъ идеальная страна гражданской свободы, самоуправленія и свободы мнтін, религіи, слова и печати. Эти американскіе порядки до такой степени отличались отъ порядковъ императорской Франціи, что французъ, прибывшій въ Америку, совершенно тамъ терялся, когда ему была предоставлена полная свобода върить во что желаетъ, говорить что желаетъ и писать что желаетъ. Французъ временъ Наполеона ІІІ до такой степени привыкъ находиться подъ правительственною опекою, которая все для него предусматривала, что впадалъ въ самыя смёшныя положенія въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдѣ каждый долженъ думать о себъ и устроивать свою собственную судьбу по мтръ силъ и способностей.

И вотъ увлеченія порядками, нравами и обычаями великой сѣверо-американской республики заставляли въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія всѣхъ европейскихъ защитниковъ большей свободы смотрѣть на эту страну какъ на классическій образецъ широчайшей личной и политической свободы. Гражданинъ Соединенныхъ-Штатовъ сдѣлался синонимомъ съ человѣкомъ, пользующимся личною свободою, самодѣятельностью и самоуправленіемъ.

Вотъ тѣ американскія идеи, которыми увлекались всѣ европейцы, желавшіе усовершенствованія порядковъ своей родины въсмыслѣ личной и гражданской свободы. Вотъ причина небывалаго усиѣха сочиненій Токвилля и Лабулэ, и вотъ объясненіе популярности американцевъ въ Европѣ до 80-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Нътъ никакого сомнънія, что такое положеніе значительно измънилось въ послъдніе годы: уже нътъ болье увлеченія американскими порядками, но есть боязнь за распространеніе на Европу американскаго имперіализма въ видъ синдикатовъ и трёстовъ, захватывающихъ европейскую торговлю, промышленность и судоходство.

Впрочемъ, этотъ страхъ предъ захватами Америкою источниковъ европейскаго богатства выражается въ самыхъ причудливыхъ формахъ. Одни въ Европъ серьезно задумываются о необходимости соединенія европейских государствъ въ общій оборонительный союзъ противъ Соединенныхъ-Штатовъ. Другіе, напротивъ, вполнѣ сознавая грозящую опасность, полагаютъ, что лучше идти на встрѣчу Соединеннымъ-Штатамъ и соединиться съ ними. Такъ думаетъ, между прочимъ, талантливѣйшій англійскій публицистъ Стэдъ, который серьезно мечтаетъ о соединеніи подъ однимъ правленіемъ всей англо-американской расы. Въ такомъ случав всв говорящіе на англійскомъ языкѣ народы составляли бы одно великое государство, въ составъ котораго входили бы 121 милліонъ свободныхъ гражданъ, правящихъ 353 милліонами азіатовъ и африканцевъ.

Съ точки зрѣнія этого англійскаго публициста, "американизація всего міра" совершенно неизбѣжна въ ближайшемъ будущемъ, и Англія только выиграетъ отъ этого процесса поглощенія всего міра американцами, ибо ея языкъ и культура завоевывають всю вселенную 1).

Трудно согласиться со всёми доводами симпатичнаго М. Stead, но, съ другой стороны, не подлежить сомнёнію, что прошло безвозвратно время, когда европейцы платоническимь образомь увлекались демократическими учрежденіями, нравами и порядками Соединенныхъ-Штатовъ.

Въ настоящее время сочиненія Токвилля и Лабулэ далеко не произвели бы того глубокаго и увлекательнаго впечатл'янія, которое выпало на ихъ долю въ половин'я прошлаго стол'ятія.

Такая крупная перемёна въ отношеніяхъ къ сёверо-американской республике объясняется общензвёстными фактами изъ области торговой и международной политики Соединенныхъ-Штатовъ.

Стоитъ только вспомнить тё фазисы, чрезъ которые проходила знаменитая доктрина Монроэ въ продолжение послёднихъ лётъ. Первоначально эта доктрина была протестомъ Соединенныхъ-Штатовъ противъ намёрения великихъ европейскихъ державъ вмёшиваться въ борьбу народовъ центральной Америки за свою свободу. Она положила конецъ такому вмёшательству и обезпечила свободное развитие центрально-американскихъ государствъ въ формё нескончаемыхъ революцій, убійствъ и смутъ. Вслёдъ затёмъ доктрина Монроэ послужила основаніемъ претензіи Соединенныхъ-Штатовъ имёть верховное покровительство

¹⁾ См. W. T. Stead. The Americanisation of the world. London. 1902. Другого мижнів придерживался Stead въ 1899 году, въ своемъ сочиненіи: "The United States of Europe".

надъ всею Америкою, ибо "Америка должна принадлежать американцамъ". Отсюда уже выводилось право вашингтонскаго правительства даже вмёшиваться въ отношенія европейскихъ государствъ—владёльцевъ частей американскаго континента—къ ихъ собственнымъ подданнымъ или къ сосёднимъ американскимъ народамъ. Наконецъ, въ самое послёднее время, доктрина Монроз даже послужила оправданіемъ завоеваній Филиппинскихъ острововъ, ибо "мы, американцы,—сказалъ недавно замѣчательный американскій дипломатъ,—почти-что выросли въ гражданъ всей вселенной" ("citizens of the world" 1).

Я не вритикую, но только констатирую положительные факты.

Если имъть въ виду эти факты, то понятно будетъ, почему въ особенности въ Англіи обнаруживается явное безпокойство насчетъ американскаго имперіализма въ области торговли, мореплаванія и международныхъ сношеній. Самъ мистеръ Стэдъ, несмотря на его увлеченіе американизацією вселенной, все-таки каждый мъсяцъ напоминаетъ въ своемъ "Review of Reviews" своему отечеству о грозящей ему опасности отчаяннымъ возгласомъ: "Wake up! John Bull!"

Словомъ, по истинъ велика перемъна въ міровомъ положеніи Соединенныхъ-Штатовъ, совершившаяся въ продолженіе послъднихъ пятидесяти лътъ. Еще лътъ тридцать тому назадъ, "братъ Іонафанъ" представлялся въ сатирическихъ журналахъ какъ кудощавый и длинноногій янки, который, прибывъ въ континентальную Европу, не зналъ что дълать, какъ състь и какъ избавиться отъ слъдовавшей за нимъ правительственной опеки европейскихъ государствъ. Теперь же тотъ же янки или "дядя Самъ" изображается въ каррикатурахъ какъ морское чудовище, съ лицомъ знаменитаго Пирпонта Моргана, забравшее въ свои лапы всъ торговые флоты европейскихъ народовъ. Или тотъ же "дядя Самъ" рисуется какъ гигантъ Гулливеръ, около котораго копошатся пигмен — европейскіе народы, не знающіе, какъ избавиться отъ поглощающей ихъ американской конкурренціи.

Дъйствительно, велика происшедшая перемъна, и совершенно правъ былъ римскій императоръ, сказавъ: "Тетрога mutantur, et nos mutamur in illis"! Но будетъ ли народъ Соединенныхъ-Штатовъ счастливъе отъ той "міровой роли", которую онъ въ послъднее время на себя принялъ, — это покажетъ будущее. Во всякомъ случать несомитьно, что идеально счастливо, спокойно

¹⁾ Whitelaw Reid. Problems of expansion. New-York, 1900, p. 155.

и завидно было его прошлое. Европейскіе народы съ завистью смотрым на счастливъйшее сочетание въ конституции Соединенныхъ-Штатовъ политической свободы съ глубочайшимъ уваженіемъ народонаселенія въ существующему законному порядку. Сохранение международнаго мира, естественнымъ образомъ, было обевпечено отсутствіемъ большой постоянной арміи и большого военнаго флота. Надъ европейскимъ милитаризмомъ ядовито и справедливо смъялись американцы, нашедшіе для своихъ милліоновъ лучшее помъщение въ торговлъ и въ промышленности...

Таковы мысли, всецело занимавшія меня во время прогулки по палубъ въ двъсти метровъ громаднаго и роскошнаго парохода .Сверо-германскаго Длойда".

Ознакомившись во время моей повздки съ двумя лучшими пароходами "Свверо-германскаго Ллойда", для меня совершенно понятно, почему Пирпонтъ Морганъ добивался во что бы ни стало вступленія этого пароходного общества въ его атлантическій трёстъ. Съ другой стороны, не менъе понятно, почему этой ком-паніи и другой—гамбургской—Морганъ долженъ былъ сдълать особенно льготныя условія. Съ пароходами объихъ германскихъ пароходныхъ компаній никакъ не могутъ конкуррировать другія пароходныя общества, какъ-то: французское общество "Transatlantique", англійскія— "Cuniard", "White Star" и другія.

Пароходъ "Kronprinz Wilhelm", на которомъ я вернулся

изъ Америки, на два метра длиннъе парохода "Kaiser Wilhelm der Grosse".

Приведу нъкоторыя данныя относительно перваго. Онъ представляль собою громадный четырехь-этажный домь, надъ которымь торчали четыре огромныя трубы. Нижняя часть этого парохода разделена на двадцать-четыре части, которыя, въ случав столкновенія или пробоя, въ одну секунду могутъ герметическимъ образомъ закрываться и быть отдёляемы другъ отъ друга. Въ капитанской кають видьль я электрическій аппарать, посредствомъ вотораго вапитанъ, не сходя съ мостива, можетъ въ одну секунду изолировать столько отдёленій, сволько нужно. Съ тавими пробоями пароходъ можеть спокойно продолжать свой путь. Для выкачиванія воды им'єются нісколько паровыхъ насосовъ, воторыми въ одинъ часъ вывачиваются 3.600 тоннъ воды.

Пассажировъ I-го класса можеть быть на "Kronprinz Wilhelm" оволо 650 человъвъ; ІІ-го власса — около 350 человъвъ; ІІІ-го власса -больше 700 человъкъ. Наконецъ, команду парохода составляють больше 520 человъкъ, въ составъ которыхъ входить также оркестръ музыки, исполняющій разныя музыкальныя пьесы во время завтраковъ и об'єдовъ.

Вся обстановка пом'вщенія для пассажировъ перваго класса вполн'в отв'ячаеть вс'юмъ современнымъ требованіямъ комфорта. Желающіе им'ять на пароход'є свою отд'яльную роскошную квартирку изъ гостиной, спальной и ванной платять въ одинг конецъ—4.800 германскихъ марокъ, т.-е. около 2.400 рублей за шесть дней.

Въ общей столовой перваго власса имъются 414 вреселъ за столами. Какъ столовая, такъ и гостиная, комната для вуренія и читальня, отдъланы съ большимъ вкусомъ и весьма комфортабельно. Вездъ имъется электрическое освъщеніе и не только въ каютахъ и общихъ комнатахъ, но также и на палубъ, гдъ въ продолженіе всего дня и вечера сидятъ или прогуливаются пассажиры.

Въ плату за мъсто на пароходъ включена плата за столъ, который чрезвычайно обиленъ и можетъ удовлетворять самому изысканному вкусу. Каждый можетъ ъсть сколько угодно съ утра до вечера и только за спиртные напитки обязанъ платить особо. Я не могъ не удивляться аппетиту нъкоторыхъ пассажировъ.

Наконецъ, несмотря на то обстоятельство, что пароходъ работалъ 35.550 лошадиными силами и дёлалъ въ часъ больше 24 узловъ, все-таки сотрясение намъ было не особенно чувствительно. Я писалъ каждый день свои письма во время хода. Только при очень бурной погодъ писать нельзя было, и громадный пароходъ подбрасывался волнами океана какъ щепка.

Наибольшей скорости достигь пароходь "Kaiser Wilhelm der Grosse" въ апрёлё нынёшняго года. Весь путь въ 3.146 морскихь миль онъ прошель въ 5 дней 18 часовъ и 35 минутъ. Онъ шелъ въ сутки до 568 морскихъ миль. Каждый пойметъ, какіе запасы каменнаго угля должны находиться на этихъ пароходахъ. Лётъ десять тому назадъ считалось чудомъ, если какойнибудь англійскій пароходъ въ одиннадцать дней совершалъ путь между Европою и Америкою. Теперь и шести дней не требуется для совершенія этого самаго пути.

Таковъ прогрессъ въ способахъ международныхъ сообщеній. Такъ лн великъ нравственный подъемъ народовъ и культурный ихъ прогрессъ? Сомнъваюсь...

II.

"Какъ вы переносите море? Развѣ вы не страдаете отъ морской болъзни?" — Таковы вопросы, которые мнъ постоянно ставились до и послъ моей поъздки въ Америку. Всъхъ интересуетъ вопросъ о морской болъзни, и всъ ея боятся.

Я довольно много путешествоваль по разнымъ морямъ и бываль боленъ морскою болёзнью. Но никогда эта болёзнь меня не останавливала отъ желанія путешествовать и видёть чужія страны. Мнё кажется, что для борьбы съ этою болёзнью также нужна извёстная сила воли: нужна твердая рёшимость бороться съ нею.

Въ этомъ отношении мив помнится мой разговоръ съ почтеннымъ капитаномъ парохода "Kronprinz Wilhelm", побывавшимъ во всехъ моряхъ и съ малолетства плавающимъ. Я его спросилъ: имвется ли какое-либо двиствительное средство отъ морской болезни? Онъ мив категорически ответилъ: "Нетъ, не имвется. Все аллопатическия и гомеопатическия средства, рекомендуемыя рекламами и шарлатанами, совершенно безполезны".

"Впрочемъ, — съ улыбкою прибавилъ почтенный старикъ, — у меня самого есть очень хорошее средство отъ морской бользни, но не всёмъ могу я его рекомендовать и не всегда оно примънимо". Когда я съ явнымъ любопытствомъ спросилъ капитана, какое же это средство, — онъ отвътилъ: "Это средство — кончикъ каната! " — "Какъ кончикъ каната? " — спросилъ я его съ удиеленіемъ. — "Да, кончикъ каната. Вотъ видите: когда поступали на управляемые мною корабли юнги, желающіе сдълаться мореходиами, они въ первое же плаваніе подверглись приступамъ морской бользни. Но я не позволялъ имъ предаваться этой бользни; я заставлялъ ихъ неустанно работать, и кончикъ каната очень чувствительнымъ образомъ поддерживалъ мое неумолимое требованіе. И вотъ тогда морская бользнь проходила немедленно, и мои молодцы, будучи постоянно заняты, совершенно забывали эту бользнь и ей не подпадали".

Нельзя было не согласиться съ сѣдовласымъ капитаномъ, что его средство, практикуемое имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, весьма дѣйствительно, но вѣроятно немногіе пассажиры согласятся разрѣшить употребленіе такого средства въ отношеніи ихъ. Однако, многолѣтняя опытность этого почтеннаго моряка неопровержимымъ образомъ подтверждаетъ то положеніе, что морская болѣзнь—этотъ врагъ морскихъ путешествій—зависитъ

въ значительной степени отъ психическаго, а не только — физическаго состоянія человъка. На основаніи моего личнаго опыта, — если во время плаванія голова очень занята мыслями или чтеніемъ интересной книги, то, при совершенно здоровомъ и спокойномъ состояніи организма, врагъ морскихъ путешественниковъ менёе легко можетъ одерживать побёду.

Какъ бы то ни было, несмотря на очень непріятную качку въ Сіверномъ морів, на пути отъ Бремергафена въ Соутгомтонъ, и потомъ на бурю въ Атлантическомъ океанів, все-таки меня этотъ врагъ только аттаковалъ, но не побівдилъ. Послівдніе три дня путешествія были восхитительны: иногда Атлантическій океанъ напоминалъ Женевское озеро въ чудный іюльскій день. Сидя за обівденнымъ столомъ въ залитой электрическимъ світомъ столовой парохода и слушая маршъ изъ "Тангейзера", разыгрываемый оркестромъ музыки, можно было себя вообразить гдів-нибудь на континентів европейскомъ, напр. въ "Hôtel Beau-rivage" въ Лозаннів.

- Въ одинъ изъ такихъ прелестныхъ дней на океанъ представилось ръдкое зрълище: цълое стадо китовъ, отъ 10—12 штукъ, пускало свои фонтаны на воздухъ, что можно было видъть на очень большомъ разстояніи.

Наконецъ, въ исходъ шестого дня нашего плаванія, мы стали приближаться въ америванскому берегу, и безпроволочный телеграфъ Маркони, устроенный на пароходъ, уже сталъ получать по воздуху черезъ океанъ извъстія съ американскаго континента. Последній обедь на пароходе до высадки на берегь всегда бываеть особенно торжественъ: самый объдъ бываетъ особенно роскошный и въ концъ объда происходить торжественное шествіе оффиціантовъ со всёми яствами и декоративными эмблемами мореплаванія. Столовая же изящно убрана на этотъ день гирляндами изъцвътовъ, съ электрическими транспарантами и т. д. Этотъ последній об'єдь называется "об'єдь капитана" (the captain's dinner). Послъ объда, при корошей погодъ, на палубъ происходитъ балъ, на которомъ танцующія пары должны были обнаруживать особенную крипость, чтобы держаться на ногахъ и не терять равновъсія - что было весьма нелегко, послъ хорошаго объда съ шампанскимъ и при качкъ парохода. Танцующія пары весьма часто сталвивались и валились по направленію, данному пароходу океанскою волною. Однако, не взирая ни на что, балъ продолжался за полночь.

На другой день посл'в этой веселой ночи на Атлантическомъ океан'в, мы увид'вли наконецъ американскій берегъ и медленно

вошли въ устье ръви Гудсонъ, на которой лежитъ Нью-Іоркъ. Первое впечативніе, которое производить въвадь въ Гудсонскую р'вку, окрестности Нью-Іорка и самый городъ, - грандіозное. Немедленно чувствуєть, что вступаєть въ страну, гдѣ все громадно и все подавляеть европейца грандіозными разм'врами. Одинъ Брувлинскій мость въ 6.000 футовъ, подъ которымъ свободно проходять громадиватие мачтовые корабли, производить глубокое впечатавніе. Торчащіе же надъ городомъ дома въ 25-27 этажей, названные американцами "небочесалками" (skyscrippers), больше вызывають удивленіе зрителя, нежели желаніе жить въ тавихъ домахъ.

Къ сожалвнію, это грандіозное впечатлівніе, производимое величайшимъ городомъ Соединенныхъ-Штатовъ на живописныхъ берегахъ Гудсона, значительнымъ образомъ парализуется невъроятными таможенными мытарствами, которымъ подвергаются всв пассажиры на прибывающихъ пароходахъ. Эти таможенные порядки до такой степени унивительны для пассажировъ, что трудно върится въ ихъ существование въ свободномъ государствъ, устроенномъ на уважени въ достоинству человъческой личности.

Мой разсказъ о таможенномъ осмотръ пассажировъ на границахъ Соединенныхъ-Штатовъ чуждъ всяваго личнаго неудовольствія: америванскія таможенныя власти были со мною чрезвычайно любезны и не подвергли мой багажъ никакому осмотру, позволивъ мет немедленно убхать изъ таможни. Но въ отношенін самихъ американцевъ, бевъ всякаго различія, и другихъ иностранцевъ этотъ таможенный осмотръ принималъ по истинъ возмутительно-осворбительную форму. Вотъ что происходить при прибытін пассажирскаго парохода въ америванскому берегу.

На пароходъ, до прибытія въ Гудсонскую ръку, пассажиры получили печатный листь оть секретаря казначейства Соединенныхъ-Штатовъ, въ которомъ было изложено следующее: "Все пассажиры обязаны подать таможенному чиновнику объявленіе, съ обозначеніемъ количества своихъ багажныхъ м'есть и ихъ содержанія. Граждане Соединенныхъ-Штатовъ, возвращаясь въ отечество, должны представить подробный списокъ купленныхъ ими заграницею вещей, съ обозначениемъ цънъ, уплаченныхъ за нихъ. Лица, скрывшія вещи, подлежащія оплать таможенныхъ пошлинъ, подвергаются конфискаціи самыхъ вещей, штрафу и уголовному наказанію въ видѣ тюремнаго заключенія. "По закону 1890 года (Customs Administrative Act), штрафъ

не долженъ превышать 2.000 долларовъ, и тюремное заключение

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

съ каторжною работою (hard labour) не можетъ превышать годичнаго срока, если пассажиры сдёлали попытку подкупить таможеннаго чиновника при осмотрё ихъ багажа. Съ пёлью облегчить трудъ таможеннаго ревивора, пассажиры приглашаются написать на отдёльныхъ печатныхъ листахъ всё свои покупки, съ обозначеніемъ уплаченныхъ цёнъ".

Далеко до американскаго берега пассажиры угрюмо стали записывать на полученныхъ листахъ свои покупки и съ видимымъ нетерпъніемъ ожидали момента подачи этихъ объявленій таможеннымъ церберамъ. Этотъ моментъ наступилъ, когда пароходъ уже прошелъ мысъ Sandy Hoock и фортъ, обороняющій входъ въ устье ръки Гудсонъ, и когда, послъ остановки парохода, причалилъ къ нему небольшой таможенный пароходикъ, съ котораго перешли на большой пароходъ около 20 таможенныхъ чиновниковъ.

Часть этихъ чиновниковъ стала рыскать по всему пароходу, а около двънадцати изъ нихъ вошли въ столовую І-го класса и здъсь продълали слъдующую унизительную церемонію.

Эти чиновники садились въ концахъ длинныхъ объденныхъ столовъ съ чернильницами и кипами формуляровъ декларацій. Пассажиры должны были садиться на вресла вдоль столовъ, и по мъръ освобожденія переднихъ креселъ пересаживаться въ нихъ, пока они не дойдуть до таможеннаго надзирателя. Первый, по лъвой сторонъ отъ чиновника, пассажиръ долженъ былъ отвъчать на всъ вопросы чиновника, который ихъ записывалъ. Вопросы заключались въ слъдующемъ: имя и фамилія, какого званія, откуда и куда, какія вещи имъетъ, подлежащія очиствъ пошлинъ, и сколько за нихъ заплатилъ. Эти послъднія свъдънія провърялись раньше по поданнымъ самимъ пассажиромъ объявленіямъ.

Такая перемонія продолжается нісколько часовь, смотря по количеству пассажировь. Ті изъ нихъ, которые оповдали занять кресло, должны стоять, пока не освободится посліднее кресло въ ряду. Одни пассажиры пересаживаются съ кресла на кресло съ правой стороны стола, чтобы дойти до таможеннаго чиновника; другіе—съ лівой стороны, чтобы дойти до другого таможеннаго пербера. Одни пассажиры очень долго, въ полголоса, бесідують съ ними; другіе отпускаются довольно скоро.

Между твиъ, благодаря этой самородной американской таможенной церемоніи, пассажиры приковываются сидыть по часамъ въ столовой парохода, вмісто того, чтобы любоваться картиною, которую представляють городъ Нью-Іоркъ и его ближай-

Но этою церемоніею на пароходів еще не кончены таможенныя мытарства: это только цвітки, а ягоды впереди. Когда пароходъ причалиль къ пристани, на которой собралось нівсколько сотъ людей для встрічи ожидаемых родственниковъ и знакомыхъ, начался другой фазисъ таможенныхъ вымогательствъ. Въ громадномъ пактаузів были разставлены на шестахъ громадныя буквы въ алфавитномъ порядків, и каждый пассажиръ дол жент былъ ждать своего багажа съ парохода у буквы, которою начинается его фамилія. Когда весь багажъ былъ выгруженъ на что требовалось больше часа—начался таможенный осмотръ самаго багажа. Таможенные чиновники провірили содержаніе сундуковъ, корзинъ и чемодановъ по поданнымъ письменнымъ объявленіямъ и взыскивали пошлины на основаніи показанныхъ цінъ и собственной оцінки. Если же при тщательномъ осмотрів багажа окажутся вещи, не показанныя въ объявленіяхъ, то взыскиваются еще значительные штрафы.

Этого мало: американскія таможенныя власти съ особеннымъ усердіемъ довять лицъ, скрывшихъ что-либо оть ихъ зоркаго ока. Для этой цёли организовано нёчто въ родё шпіоиства въ главнёйшихъ европейскихъ пунктахъ, куда въ особенности направляются американцы мужского и женскаго пола для сво-ихъ покупокъ. Сплошь да рядомъ бываютъ въ американской таможнё такого рода случаи. Пассажиръ, подавъ свое объявленіе, присутствовалъ при осмотрё своего багажа и былъ отпущенъ, такъ какъ оказалось, что все въ порядкё и деньги за по-казанныя вещи уплачены. Но вдругъ, тутъ же въ таможнё, къ нему подходитъ другой представитель таможенной власти и ему напоминаетъ, что онъ въ такой-то день купилъ тамъ-то въ Лопдонё или Парижё драгоцённые камни или браслетъ, которые онъ не показалъ въ своемъ объявленіи. Въ такихъ случаяхъ пойманный пассажиръ долженъ заплатить еще штрафъ, или вещи отъ него совсёмъ отбираются.

Подобная исторія случилась недавно съ женою одного изв'єстнаго американца, которая вернулась изъ Европы. Мужъ ея ожидаль на пристани, и посл'є окончанія таможеннаго осмотра они пожелали с'єсть въ свою коляску и у'єхать. Но въ то самое время подошель къ жен'є чиновникъ и заявиль ей, что въ Парижъ, въ Rue de la Paix, она купила ожерелье въ 100.000 франковъ, которое она не показала въ объявленіи. Мужу пришлось заплатить изрядный штрафъ и пошлины за ожерелье, ку-

пленное женою для себя въ Парижъ, которое оказалось на ея шеъ!

Вотъ картина американскихъ таможенныхъ порядковъ, введенныхъ съ 1898 года.

Всявій европеецъ согласится, что такіе порядки не только врайне непріятны, но и унивительны. Въ Европ'в господствуеть мивніе, что государства, тратящія милліарды на арміи и флоты, не должны гнаться за нъсвольвими тысячами рублей, получаемыми въ видъ таможенныхъ пошлинъ съ бездълушекъ, сувенировъ или туалетныхъ мелочей, провозимыхъ туристами. Тольковъ отношении лицъ, систематически занимающихся провозомъ контрабанды, суровое применение таможенных законовъ справедливо и необходимо. Такихъ же лицъ опытный глазъ таможеннаго чиновника немедленно откроетъ въ средв пассажировъ. Но подвергать лицъ, переввжающихъ границы государства, всвыъ мытарствамъ и непріятностямъ посредствомъ придирчивой переборки всего ихъ багажа, съ цёлью взыскать, во что бы то не стало, нъсколько десятковъ рублей въ пользу государственной вазны, мнъ важется несогласнымъ съ достоинствомъ государства и совершенно несогласнымъ съ современными международными сообщеніями. Въ Европъ нигдъ не существуеть ничего похожаго на американскую процедуру подачи письменныхъ объявленій, никавихъ разспросовъ пассажировъ чиновниками по одиночеть, помпейскихъ раскопокъ въ багажахъ пассажировъ и келейнаго выслъживанія ихъ покупокъ въ европейскихъ магазинахъ. Напротивъ, съ каждымъ годомъ осмотръ пассажирского багажа упрощается, и таможенныя власти отвазались, въ настоящее время, отъ прежняго взгляда, что провзжающій пассажиръ непремънно мошеннивъ, желающій надуть государственную казну. Вотъ почему въ Европъ таможенный осмотръ на границахъ почти всъхъ цивилизованныхъ государствъ обратился въ пустую формальность, ибо казна этихъ государствъ гораздо больше выигрываеть отъ увеличенія удобствъ международныхъ сообщеній, нежели отъ увеличенія для пассажировь таможенныхъ мытарствъ на границахъ.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ, очевидно, придерживаются противоположнаго взгляда.

Только чрезвычайно меня удивило, какъ равнодушно относились сами американцы къ унивительной процедуръ, которой они подвергались. Никто не возмущался и не находилъ возмутительными пріемы таможеннаго въдомства для увеличенія государственныхъ доходовъ. Когда я выразилъ одному американцу мое удивленіе по этому поводу, я получиль отв'єть: "Мы сами сочинили законь 1898 года, и сами виноваты, если онъ плохъ и невыносимъ".

Въ этихъ словахъ выражается характеристическая общая черта американскаго народа: безропотное подчинение законамъ. Весьма часто я удивлялся покорности, съ которою американцы подчиняются всякимъ законамъ и распоряжениять законыхъ властей. Это чувство закономърности объясняется сознаниемъ американца, что онъ самъ участвуетъ въ издании всёхъ законовъ и въ установлении законныхъ властей. Если эти законы или власти плохи, то онъ самъ виновать, ибо законы издаются конгрессомъ, члены котораго избираются народомъ, а власти, издающия глупыя распоряжения, избираются тъмъ же народомъ. Вотъ почему американцевъ не возмущаютъ ни несообразные законы, ни безсмысленныя распоряжения властей. Въ случать наробности, общественное митне—этотъ верховный повелитель Соединенныхъ-Штатовъ—заставитъ конгрессъ отитнить невыносимые законы и смъстить ограниченнаго правителя 1).

Этою чертою америванского національного характера также объясняется ангельское теривніе американцевъ при таможенномъ розыскъ, во имя закона 1898 года. Но долго ли будетъ существовать этотъ законъ—всецьло зависить отъ самого всесильнаго американскаго народа.

Изъ таможеннаго пактауза въ Нью-Іоркъ я зашелъ въ самую большую гостиницу: "The Walldorf-Astoria". Подобной гостинницы въ Европъ навървое нътъ: она состоить изъ 1.500 комнать и представляеть собою громадное десятиэтажное зданіе, на врышт вотораго-ресторанъ. Нижній этажъ представляеть совершенно особенный интересь: это-мъсто свиданій для "flirt" и мъсто оборудованія всевозможныхъ торговыхъ и промышленныхъ дълъ. И такъ какъ въ Америкъ всъ поголовно интересуются вопросами о способахъ скоръйшаго разбогащенія, то въ росвошных гостиных и ворридорах "The Walldorf-Astoria" постоянно обделываются грандіозныя дела. Въ этомъ именно отнощенін, постоянно снующая въ этой гостинницъ толпа и сидящія на всевозможныхъ диванчикахъ и креслахъ парочки заслуживають серьезнаго вниманія наблюдателя. Только не думаю, чтобы продолжительное пребывание въ этой гостиници было пріятно лицамъ, желающимъ нъкоторой тишины и спокойствія...

¹⁾ То же наблюдение было сдълано Врайсомъ въ его "The American commonwealth", t. III, p. 340 etc.

Я не намеренъ описывать ни Нью-Іорка, ни другихъ американскихъ городовъ, въ которыхъ мив случилось быть. Кто не читалъ описаній Нью-Іорка, его 25-ти-этажныхъ домовъ, его Wall-street и Broadway? Ограничусь только немногими замечаніями и наблюденіями.

Когда путешествуеть въ Швейцаріи, стараеться подняться на какую-нибудь гору, чтобы имъть болье обтирный кругозоръ и любоваться видомъ окрестныхъ мъстностей. Когда я прівхаль въ Нью-Іоркъ, въ тоть же день, мой любезный гидъ, изъ ньюіоркскихъ видныхъ дъятелей, повелъ меня въ 24-хъ-этажный домъ, гдъ на подъемной машинъ съ огромною скоростью насъ подняли подъ самую крыту этого дома-, небочесалки". Я видълъ у своихъ ногъ громадный городъ съ народонаселеніемъ въ 31/2 милліона, и невольно вспомнилъ, что сто лътъ тому назадъ все народонаселеніе всей съверо-американской республики составляло всего 51/2 милліоновъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ были негры-невольники. Въ настоящее время народонаселеніе Соединенныхъ-Штатовъ доходитъ до 77 милліоновъ, изъ которыхъ свободные негры составляютъ 6,3 милліоновъ.

Не только сто, но и пятьдесять леть тому назадь, Нью-Іоркъ былъ сравнительно небольшой городъ. Въ 1845 году, одна изъ громадныхъ гостинницъ ("The Fifth Avenue Hôtel") находилась почти за городомъ и представляла собою маленькій одноэтажный домикъ съ садомъ. Въ настоящее время эта гостиница находится въ самомъ центръ города и имъетъ видъ огромнаго дворца. Сто лътъ тому назадъ, американцы жили близъ морского берега. въ своихъ бловгаузахъ, въ которыхъ не всегда встречались степла въ овнахъ. Въ настоящее время только на дальнемъ вападъ (Far West) можно еще находить бловгаузы. На восточномъ же берегу все занято цвътущими городами, портами и морскими купаньями. Если смотреть внизъ съ крыши 24-хъэтажнаго дома на городъ Нью-Іоркъ, то нельзя не удивляться той випучей деятельности, воторая випить повсюду, на улице и въ домахъ. Картина уличной жизни Нью-Іорка замъчательно напоминаетъ сцены, ежедневно происходящія, въ опредъленные часы, въ биржахъ (Stock Exchange и Produce Exchange). Равница, однако, между прочимъ, въ томъ, что на биржахъ происходять невообразниме гамъ и шумъ, между тёмъ вавъ на ньюіоркскихъ улицахъ люди ведутъ себя обыкновенно тихо и чивно. Только невообразимое количество экипажей, вагоновъ электрическихъ и паровыхъ железныхъ дорогъ, снующихъ по улицамъ и надъ улицами, производить шумъ и трескотню. Словомъ, видъ съ высоты "небочесалки" очень интересный—на этотъ громаднъйшій городъ съ его домами безъ всякаго архитектурнаго стиля. Но, откровенно признаюсь, въ Швейцаріи видъ съ Rigi-Kulm мит больше нравится...

Уже въ Нью-Іоркъ я сдълалъ наблюденіе, которое впослъдствін подтвердилось во всъхъ другихъ американскихъ городахъ, мною посъщенныхъ. Все въ Соединенныхъ-Штатахъ поражаетъ громадностью размъровъ; все велико и громадно. Громадны пространства, громадны дома и громаденъ Central-Park, простирающійся въ центръ самаго города на десятовъ миль.

Но, напротивъ, очень малы и даже миверны историческіе памятники и все, что напоминаеть прошлое. Кажется, только современность и ея жизнь интересують американцевъ. Въ самомъ дълъ, если взглянуть на памятники, сооруженные въ память американскихъ героевъ меча и пера, на улицахъ и площадихъ Нью-Іорка, Филадельфіи и Вашингтона, то поражаешься малыми размърами ихъ и отсутствіемъ въ нихъ опредъленныхъ мыслей. Даже знаменитый памятникъ-обелискъ въ честь Вашингтона кажется совсъмъ мизернымъ—между Капитоліемъ, съ одной стороны, и Библіотевою Конгресса, съ другой.

Можеть быть, такое наблюдение—результать оптическаго обмана или опибочности моего дичнаго впечатлёния. Но я вынесь такое впечатлёние и думаю, что современная жизнь, ея успёхи и разгромы, гораздо больше интересують американцевь, нежели ихъ прошлое. Исторический смысль и любовь къ старинё развиваются тамъ, гдё имёется богатое историческое прошлое и гдё земля покрыта развалинами сёдой старины и народъ живетъ воспоминаниями прежнихъ вёковъ. Ничего подобнаго не могло быть въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдё жизнерадостный народъ находится еще въ юнопискомъ возрастё и представляетъ собою типъ "self-made nation". Вотъ почему его исторические памятники въ честь Франклина, Морзе и другихъ представляются почти миніатюрными игрушками на фонѣ окружающихъ ихъ гигантскихъ домовъ.

Этого мало: когда стоишь у подножія этихъ памятниковъ и видишь, что суетная толпа, въ погонѣ за оборудованіемъ своихъ дѣлъ, бѣжитъ стремглавъ мимо этихъ памятниковъ и даже не имѣетъ времени на нихъ взглянуть, то невольно вкрадывается въ душу мысль, что еслибы эти бронзовыя статуи могли оживиться и, какъ статуя Командора, сойти съ пьедестала и вмѣ-шаться въ современную толпу,—эти Вашингтонъ, Франклинъ, Джефферсонъ и Эмерсонъ, были бы чрезвычайно поражены со-

временнымъ направленіемъ американской жизни. Вѣроятно, они пожелали бы опять обратиться въ бронзовыя статуи, ибо современной американской жизни они ни понять, ни охватить не могли бы.

Такое впечативніе укрвиняюсь во мив въ особенности послів посвіщенія Филадельфін и Вашингтона: въ первомъ городів началась историческая государственная жизнь американскаго народа и въ послівднемъ сосредоточивается она въ настоящее время. Какъ поразительно малы такія историческія зданія, какъ "The Independence Hall", въ которомъ была подписана въ 1787 году нынів дійствующая конституція Соединенныхъ-Штатовъ! Какъ біздны и малы залы, въ которыхъ происходили совінцанія представителей тринадцати первоначальныхъ штатовъ, согласившихся соединиться въ одну націю для борьбы противъ общаго врага! Какъ мизерна была вся тогдашняя обстановка, въ которой жили отцы Соединенныхъ-Штатовъ! И какъ колоссальны современныя зданія вашингтонскаго конгресса и національной библіотеки въ Вашингтовъ!

Тавія сравненія напрашиваются на каждомъ шагу въ Америкъ. Сто льтъ тому назадъ, провхать изъ Филадельфін въ Вашингтонъ составляло почти подвигъ. Нужно было провзжать черезъ дремучіе льса и по ужасной дорогь. На это путешествіе требовалось не менье недъли. Въ настоящее время жельзнодорожный путь также проложенъ черезъ огромные льса, которые въ прелестный осенній день представляють живописный шую картину, благодаря листьямъ, окрашеннымъ въ совершенно красный цвытъ. Только въ настоящее время этотъ самый путь можно совершить въ четыре часа и любоваться изъ оконъ вагона-ресторана громадными дубами, листья которыхъ также вдвое больше, чымъ въ Европъ, потому что въ Америкъ все должно быть большихъ размъровъ. Уже таковъ въ Америкъ законъ природы. Только въ Европъ исторія и прошлое несравненно болье велики и интересны, чымъ въ Америкъ.

Это чувство невольнаго повлоненія предъ величіємъ природы и громадностью современныхъ американскихъ сооруженій охватило меня съ особенною силою въ Буффало и на берегахъ Ніагарскаго водопада. Нивакія описаніи или фотографическіе снимки не въ состояніи передать тысячную долю того потрясающаго впечатлівнія, которое производять два Ніагарскіе водопада, съ ихъ неимовірною массою воды, падающей внизъ съ высоты 165 метровъ и разбивающейся внизу въ пыль. Въ эту пучину спустилась въ октябрів прошлаго года, наканунів моего посівще-

нія Нізгарскаго водопада, сверху внизь въ бочкі г-жа Тэйлоръ и выиграла свое пари. Бочку съ нею выловили, когда она спустилась внизь по теченію бішеной ріки.

Если же принять въ соображеніе, что производительною силою этого водопада приводятся въ дійствіе всі электрическія машины фабрикъ, городовъ Ніагары и недалекаго Буффало, то нельзя не удивляться предпріимчивости и искусству американцевъ въ области техническихъ сооруженій. Дійствительно, поразительно даже для не-спеціалиста, какимъ образомъ по канатамъ равсылается электрическая сила, добытая отъ водопада, на далекія разстоянія, съ цілью приводить въ дійствіе машины множества фабрикъ и саводовъ.

Все это по истинъ поразительно.

Но нисколько не менъе поражали меня многія другія явленія американской жизни. Такъ, меня очень пріятно поражало то великое уваженіе, съ которымъ относятся въ Соединенныхъ-Штатакъ къ юстиціи и ея высшему представителю, верховному судьъ Соединенныхъ-Штатовъ (Chief Justice). Я самъ испыталъ, что, находясь подъ его любезнымъ покровительствомъ, всъ двери, начиная съ дверей "Бълаго дома", настежь открыты и всякое уваженіе обезпечено.

Правда, велика роль верховнаго союзнаго суда (Supreme Court), котораго Chief Justice—поживненный председатель. Этотъ судъ стоить на стражв вонституціи свверо-америванской республики, и предъ его авторитетнымъ ръшеніемъ преклоняются весь народъ и всв власти, не исключая президента республики. Даже всемогущій конгрессь должень признать толкованія конституцін верховнымъ союзнымъ судомъ для себя обязательными. Нивогда задачи этого суда не были столь сложны, какъ въ настоящее время, когда имперіалистская политива повойнаго превидента Макъ-Кинлея вореннымъ образомъ измёнила основы и цели отношеній Соединенныхъ-Штатовъ къ иностраннымъ народамъ. Никогда, ни даже во времена знаменитаго Chief Justice Merchal, въ 30-хъ годахъ прошлаго стольтія, верховный союзный судъ не принуждался столь часто, вакъ теперь, останавливать увлечения массы и сохранить неприкосновенность величайшаго совданія политической мудрости, именуемаго вонституцією Соединенныхъ-Штатовъ. Честь и слава мистеру Фуллеру, нынъшнему маститому Chief Justice of the United States, и почтеннымъ восьми членамъ верховнаго суда, что они высоко держатъ знамя, на которомъ написана конституція 1787 года, и не поддаются вліянію никаких мимолетных увлеченій или народных страстей.

Эту высовую роль и возвышенное значение своего верховнаго суда отлично сознаеть весь американскій народь. Поэтому никто не посміть въ Соединенныхъ-Штатахъ оспаривать авторитеть суда, и еще меньше кто-либо осмітлится вторгнуться въ сферу его компетенціи или повліять со стороны на его рішенія.

Вотъ причины, объясняющія подавляющій авторитеть этого высшаго судебнаго м'яста и ту отрадную почтительность, съ которою въ этой демократической странт вст относятся къ его почтенному представателю.

На одномъ пріемъ у ныньшняго талантливъйшаго президента Рузевельта я видълъ, что одинъ изъ представлявшихся ему очень дружескимъ образомъ положилъ свою руку на плечо президента и ему сказалъ: "Я очень радъ видъть васъ, мистеръ президентъ". (I am exceedingly glad to see you, m-r President). Миъ казалось, что мистеръ президентъ нисколько не былъ шокированъ такою безцеремонностью обращенія.

Я не видёль, чтобъ вто-нибудь положиль свою руку на плечо верховнаго судьи Фуллера, и мий кажется мало вйроятнымь, чтобъ при торжественномъ пріемі у Chief Justice вто-либо позволиль себі такую фамильярность.

III.

Совершенно неизгладимыя впечатлёнія оставила во миё система народнаго просвёщенія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Хотя очень много писано объ америванскихъ учебныхъ заведеніяхъ и, въ частности, объ америванскихъ университетахъ, — все-тави весьма противоположныя миёнія существують относительно ихъ внутренняго достоинства. Встрёчаются даже въ самой Америвёв писатели, которые утверждаютъ, что высшее образованіе поставлено въ Соединенныхъ-Штатахъ весьма неудовлетворительно, вбо тамъ не прогрессирують ни наука, ни университеты. Эти порицатели находили эхо въ русской печати, въ которой также свептическое и пренебрежительное отношеніе въ америванскимъ университетамъ и наукъ находило свой отголосовъ.

Мнъ кажется, что лучшимъ опровержениемъ такого пренебрежительнаго отношения будетъ объективное изложение самой нынъшней системы народнаго образования въ Соединенныхъ-Штатахъ, которая не подходитъ ни подъ одинъ изъ типовъ европейских систем учебной или ученой части. На лице европейскаго чиновника въ области народнаго просвещения американская система можетъ вызвать только сисходительную улыбку. Но сами американци очень довольны своею системою и добытыми ею результатами.

Главнъйшіе результаты можно выразить въ нъсколькихъ цифрахъ: въ настоящее время въ Соединенныхъ-Штатахъ имъется 629 университетовъ и колледжей, владъющихъ собственностью въ 680 милліоновъ рублей. Ежегодный ихъ доходъ—около 60 милліоновъ рублей, и въ продолженіе одного 1898 — 99 года частными лицами было ножертвовано не менъе 45 милліоновъ рублей! Таковы цифры, свидътельствующія во всякомъ случав о той цвнъ, которую американцы придають образованію. Эту черту американскаго національнаго характера подмітиль, уже 70 літъ тому назадъ, знаменитый Ричардъ Кобденъ въ слідующихъ міттихъ словахъ:

"Общераспространенность образованія въ Соединенныхъ-Штатахъ въроятно больше, чъмъ все другое, будетъ содъйствовать ускоренію прогресса на пути къ высшей цивилизаціи и могуществу. Тридцать-шестая часть всъхъ публичныхъ вемель, изъ которыхъ сотни тысячъ ввадратныхъ миль еще не обработаны, отписаны на нужды народнаго образованія.

"Если знаніе есть сила, — продолжаеть Кобдень, — и если образованіе даеть знаніе, то американцы неминуемымь образомь должны сдёлаться самымь могущественнымь народомь на вемномь шарё. Самый геній американскаго законодательства не терпить невёжества въ народё, усматривая въ немъ самаго страшнаго врага хорошаго правленія" 1).

І'лубовая правда этихъ словъ знаменитаго англійскаго государственнаго д'явтеля вполн'я подтверждается краткимъ анализомъ основъ американской системы народнаго образованія.

Вся эта система слагается изъ трехъ частей: для низшаго образованія—начальныя училища (grade-school); для средняго образованія—высшія училища (high-school), и навонецъ для высшаго образованія—университеты. Начальныя училища даютъ всё свъденія, необходимыя для 13—14-летняго мальчика, чтобы самостоятельно зарабатывать себе вусовъ хлеба. Иногда прохожденіемъ вурса этихъ начальныхъ училищъ оканчивается обученіе детей низшаго власса народонаселенія.

Самая система обученія — совершенно американская и ваклю-

¹⁾ Stead, The Americanisation of the world, p. 148.

чается почти исключительно въ наглядномъ ознакомленіи съ предметами изученія. Такъ, пріятно поразили меня цвѣтники, украшающіе окна начальныхъ училищъ. Оказалось, что учитель или учительница показывають дѣтямъ, какъ надо сажать цвѣты и за ними ходить. Изо дня въ день дѣти, подъ руководствомъ своихъ учителей, наблюдаютъ за ростомъ цвѣтовъ и растеній, которые они сами сажали. Дѣти приносятъ съ собою въ школу овесъ, пшеницу или кукурузу, сажаютъ въ особые ящики, и чрезъ опредѣленные промежутки учитель вынимаетъ изъ земли одинъ эквемпляръ каждаго, чтобы показать поступательное развитіе растенія. Курицу приносять въ училище, чтобы наблюдать за процессомъ выводки цыплять.

Идеальная цёль америванской системы обученія завлючаєтся въ развитіи въ ученивахъ не только разума, но и сердца. Интересъ во всему окружающему міру постоянно поддерживается и развивается. Вотъ почему переходъ изъ начальныхъ шволъ въ средне-учебныя заведенія (high-school)—не исключеніе, но общее правило также для бёдныхъ ученивовъ. Америванцы справедливо гордятся тёмъ фавтомъ, что всё области знанія и всё учебныя заведенія, безъ исключенія, доступны для дётей всёхъ влассовъ общества. Даже самыя бёдныя дёти всегда находять возможность посёщать и университеты, пользуясь чрезвычайно льготными условіями.

Эта жажда знанія приводить въ весьма любовытнымь явленіямь. Мальчики восьми или девяти лёть сами зарабатывають деньги, нужныя на ихъ обученіе. Предо мною портреть прелестнаго восьми-лётняго мальчика, который, въ свободное оть ученія время, разносить газеты по домамъ и исполняеть всевовможныя порученія за очень небольшую плату. Иногда онъ возвращается домой очень поздно ночью, и на другое утро въ пять часовъ онъ опять на ногахъ. Такимъ образомъ, этотъ американскій мальчуганъ зарабатываеть настолько, что платить не только за свое собственное обученіе, но также за обученіе своей маленькой сестры въ дётскомъ саду.

Совершенно особенное и крайне отрадное впечатление производять американские мальчики восьми—девяти лёть, когда видншь ихъ въ публичныхъ библютекахъ серьезно читающими рекомендованныя имъ учителемъ книги. Также интересно видеть ихъ, вмёстё съ дёвочками или отдёльно, занимающимися въ школе разными ремеслами. Они изготовляють всевозможную мебель или вещи по собственнымъ рисункамъ и иногда даже по собственному изобретеню. Это занатіе ручною работою (manual training) практикуєтся также въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Обращаясь теперь въ этимъ послёднимъ заведеніямъ (high-school), я долженъ, прежде всего, зам'ютить, что въ отношенія ихъ совершенно не существуетъ непроизводительной борьбы между влассицизмомъ и реализмомъ. Въ этихъ высшихъ шволахъ существуютъ обывновенно три вурса или отдёленія: литературный, влассическій и естествоиспытательный. Каждый ученивъ можетъ себ'ю выбрать то отдёленіе, которое наибол'ю соотв'ютствуетъ его способностямъ и навлонностямъ.

Изученіе одного латинскаго языка обыкновенно обязательно, но въ весьма скромныхъ размърахъ. Гораздо больше вниманія обращено на изученіе новыхъ языковъ, которые въ высшихъ школахъ западной Америки совершенно устранили изученіе древнихъ языковъ.

Не входя въ подробное изложение программъ этихъ шволъ, воторыя не выдержатъ сравнения съ общирными учебными программами нашихъ гимнавій, я не могу не остановиться на двухъ врайне отрадныхъ явленіяхъ американской школы.

Прежде всего, самый методъ преподаванія отличается простотою и сердечностью. Отношенія между учителями и ученивами—не формальныя, но сворёе дружескія. Учителя пользуются всёми средствами и случаями нагляднаго изученія предметовъ, окружающей жизни и явленій природы. Ученики, во время уроковъ, часто ставять учителю вопросы, вступають съ нимъ въ пренія, просять объясненій и даже защищають свои собственныя миёнія. Рёдко тавія пренія переходять границы нужнаго почитанія учителя, который всегда имёсть средство останавливать ученика, забывшаго свой долгь.

Такія столкновенія между учителемъ и учениками бываютъ очень рѣдко, не въ виду угрожающихъ наказаній, но благодаря простотѣ и сердечности ихъ взаимныхъ отношеній. Учитель въ Америкѣ не только учитель, но и сердечный другъ своихъ учениковъ. Онъ интересуется жизнью, стремленіями и направленіемъ мыслей своихъ учениковъ. Не только въ классной комнатѣ, но также на общихъ гуляньяхъ, на школьныхъ играхъ и торжествахъ, учителя бываютъ вмѣстѣ съ учениками, съ ними бесѣдуютъ, стараются узнавать ихъ личность. Игры какъ football и tennis, вызываютъ живой интересъ не только учениковъ, но также и учителей. Часто бываютъ состязанія въ этихъ играхъ между воспитанниками различныхъ школъ. Побѣда данной школы есть великое торжество для побѣдителей, всѣхъ ихъ товарищей,

всёхъ учителей и всёхъ родителей, имеющихъ детей въ школе, получившей въ матче первый призъ.

Между учениками бывають также литературныя сообщества, въ дъятельности которыхъ учителя принимають ближайшее участіе, но не въ качествъ надзирателей или начальства. Они являются свёдущими совётниками и добрыми друвьями ученивовъ, выступающихъ на собраніяхъ этихъ литературныхъ бесёдъ съ своими произведениями. Навонецъ, дружеская близость между учителями, учительницами и ихъ ученивами въ особенно привлекательной формъ проявляется во время торжествъ при выпускъ ученивовъ. У насъ, къ сожальнію, такіе выпуски часто являются законными поводами для попоевъ и всевозможныхъ безобразій. Въ американскихъ высшихъ школахъ выпускные (seniors) устроивають на последней недель своего пребыванія въ школъ вечеръ, на которомъ почетное мъсто принадлежитъ приглашеннымъ учителямъ или учительницамъ. На этихъ обывновенно скромныхъ вечерахъ, несмотря на богатство американцевъ, обывновенно танцуютъ и веселятся отъ души. Или же на такихъ вечерахъ исполняется какая-нибудь театральная пьеса (the classplay), иногда сочиненная даровитыми ученивами и подготовленная въ представленію при дружномъ содъйствіи учителей и учениковъ. Такія пьесы обывновенно касаются эпиводовъ изъ швольной жизни. Въ случав отсутствія такихъ пьесъ исполняются пьесы извёстныхъ авторовъ, которыя также отлично подготовляются. Такова первая основа американской школьной жизни: простое, сердечное и дружеское отношение между учителями и ученивами, часто продолжающееся на всю жизнь. Нёть туть ни формально начальнического отношенія, съ одной стороны, чи безсмысленнаго страха или унизительнаго раболенства, съ другой.

Но есть еще другая, не менте отличительная основа америванской школьной жизни: близкое и постоянное взаимодтиствие между школою и семьею. Въ Америкт я не находиль даже признака враждебнаго чувства родителей къ школт. Напротивъ, родители любять, дорожатъ и восхваляють свои школы. Все, что происходитъ въ школт, ихъ интересуеть, и все общество заинтересовано судьбою школы, ея усптани и приключеними. Вст школьныя торжества, какъ состязания въ играхъ, театральныя представления, литературныя состязания и танцовальные вечера, съ любовью описываются на столбцахъ мъстныхъ газетъ. Школьный праздникъ есть общественный праздникъ.

Такое положение вещей обезпечиваетъ полное объединение силъ, школы и семьи въ достижении идеальной пъли учебнаго

дъла—гармоническаго развитія всёхъ умственныхъ и физическихъ силъ юношества. Великую и неоцёнимую услугу оказываеть въ этомъ отношеніи американская мать! Въ виду того, что время отцовъ поглощено ихъ дёлами и борьбою за существованіе, матери посвящають себя съ особеннымъ рвеніемъ дёлу воспитанія и образованія своихъ дётей. Американскія матери весьма часто провожають сами своихъ дётей въ школу, присутствують очень часто на урокахъ и обмёниваются съ учителями насчеть способностей и поведенія дётей. Любопытно, что въ американскихъ школахъ присутствіе постороннихъ лицъ на школьныхъ урокахъ—весьма обыденное явленіе. За родителями же привнается законное право послушать, какъ идеть преподаваніе ихъ дётямъ. Матери же съ особеннымъ почтеніемъ принимаются въ американскихъ школахъ, и учителя со вниманіемъ выслушиваютъ желанія и замёчанія матерей обучаемыхъ ими дётей.

Тавниъ постояннымъ общениемъ между материми и учителями объ стороны отлично узнають личность важдаго ученива и стараются виъстъ общими силами направить ее на путь истины и добра.

Для лучшаго достиженія поставленной идеальной цёли въ нѣкоторыхъ американскихъ городахъ устроились особенные "клубы матерей" (Mothers clubs), въ которыхъ по вечерамъ встрѣчаются матери съ школьными учителями. Тутъ происходитъ между ними постоянный обмѣнъ мыслей, съ цѣлью обезпечить наилучшимъ образомъ достиженіе полнаго объединенія школы и семьи на пользу подростающаго юношества.

Въ такой дружеской и неразрывной связи семьи съ школою заключается, по моему глубокому убъжденію, великое преимущество американской школы. Подобнаго взаимодъйствія между школою и семьею нигдъ не существуетъ на европейскомъ континентъ. Но едва ли можетъ быть сомнъніе въ томъ, что именно только общими силами семьи и школы можетъ быть достигнута высокая цъль воспитанія и образованія юношества, которая одна и та же для всёхъ цивилизованныхъ народовъ.

Практическій результать американской учебной системы бросается въ глаза каждому, кто не закрываеть глазъ на окружающія его жизненныя явленія: жизнерадостность американской молодежи очаровываеть и сердечно радуеть каждаго внимательнаго наблюдателя.

IV.

Такую же отрадную картину представляють американскіе университеты, которые не подходять ни подъ одинь изъ европейскихъ типовъ университетской организаціи. Совершенно справедливо замічаеть Джемсь Брайсъ, что въ Америкі ність университетовъ, подобно болонскому, парижскому или оксфордскому, возникшимъ силою собственной иниціативы; ність также университетовъ, въ роді прагскаго, созданныхъ императорами или королями; наконецъ, ність также университетовъ, подобно гласгоускому, созданныхъ римскими папами 1).

Почти всё американскіе университеты обязаны своимъ существованіемъ почну частныхъ лицъ и щедротамъ благотворителей. Любопытно, что если въ Европ'й университеты, возникшіе по почину частныхъ лицъ или корпорацій, мало-по-малу превращаются въ государственныя учрежденія и теряютъ свою самостоятельность, — въ Америк'й, напротивъ, университеты, зависящіе въ начал'й отъ государственной власти, становятся мало-по-малу совершенно независимыми отъ всякаго правительственнаго контроля. Они обращаются въ учрежденія, живущія собственными громадными капиталами и управляемыя президентами и коллегіями, которыя избираются всёми бывшими воспитанниками университетовъ, получившими въ нихъ свой дипломъ (graduates). Ничего подобнаго нётъ въ какомъ-либо европейскомъ университетъ 2).

Еще менъе можно находить въ Старомъ-Свътъ что-либо напоминающее пожертвованія американцевъ на свои университеты,
колледжи, библіотеки и лабораторіи. Достаточно отмътить слъдующіе факты. Съ 1893 по 1901 гг., т.-е. за девять лътъ, такихъ частныхъ пожертвованій было всего 422 милліона долларовъ! Въ одномъ истекшемъ 1901 году было пожертвовано
на учебно-воспитательныя учрежденія—107.360.000 долларовъ.
Въ число этихъ милліоновъ входять 30 милліоновъ долларовъ,
распредъленныхъ Карнеги между университетами и публичными
библіотевами, и 18 милліоновъ долларовъ, данныхъ госпожею
Леландъ Станфордъ университету ея имени въ Калифорній,
которому она, кромъ того, еще подарила милліоновъ долларовъ.
движимой собственности, стоимостью 12 милліоновъ долларовъ.

²) Сравн. Butler, Monographs on education in the United States. New-York. 1900. Tarme Paulsen, Die deutschen Universitäten. Berlin. 1902, S. 86.

¹⁾ Bryce, The American commonwealth, t. III, p. 426.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ имъется нъсколько университетовъ, созданныхъ на средства одного лица и часто носящихъ имя этого лица. Сюда относятся университеты "Джонсъ Гопкинсъ" въ Бальтиморъ, "Тьюланъ" (Tulane) въ Нью-Орлеанъ, "Корнель" въ Итакъ, "Вандербильтъ" въ Нашвиллъ и вышеупомянутый университетъ "Леландъ-Станфордъ" въ Пало-Альто, близъ Санъ-Франциско, сооруженный родителями Станфордъ въ память ихъ умершаго сына.

Знаменнтый Джонъ Ровфеллеръ, сооружившій университеть въ Чикаго, не пожелаль, чтобы онъ назывался его именемъ. Онъ только позволилъ поставить свой портреть въ актовомъ залѣ. Этотъ богатвйшій университетъ обогащается ежегодно, потому что ежегодно Ровфеллеръ даритъ ему отъ одного до двухъ милліоновъ долларовъ. Такую щедрость этотъ американскій меценатъ можетъ себѣ позволить, потому что его ежегодный чистый доходъ доходитъ до 90 милліоновъ долларовъ!

При такихъ обстоятельствахъ нёвоторые американскіе университеты обладають сказочными богатствами. Университетъ въ Чикаго уже теперь имъетъ 20 милліоновъ долларовъ собственнаго капитала; университетъ "Колумбія" въ Нью-Іоркъ имъетъ около 22 милліоновъ долларовъ; наконецъ, университетъ "Леландъ-Станфордъ" владъетъ фондами и недвижимостями въ 80 милліоновъ долларовъ. Сравнительно съ этими университетами-богачами, первый и старъйшій американскій университетъ "Гарвардъ", близъ Бостона, почти бъденъ, ибо владъетъ только 15 милліонами долларовъ.

Такое богатство американских университетовъ еще особенно поражаетъ выходца изъ Стараго-Свъта, когда онъ видитъ въ одномъ и томъ же городъ нъсколько совершенно независимыхъ другъ отъ друга университетовъ. Такъ, въ Вашингтонъ—три университета; въ Нью-Іоркъ и въ Чикаго — по два университета. Наконецъ, въ одномъ нью-іоркскомъ штатъ имъется всего восемъ университетовъ, изъ которыхъ одинъ университетъ (Vassar-University)—исключительно для лицъ прекраснаго пола.

Наконецъ, нужно еще прибавить, что частныя лица основывали, на свои собственныя средства, множество учебно-ученыхъ учрежденій, въ видъ химическихъ лабораторій или институтовъ, медицинскихъ школъ или факультетовъ съ необходимыми госпиталями, библіотекъ публичныхъ или состоящихъ при факультетахъ.

Если принять въ соображение это сказочное богатство американскихъ университетовъ, то понятны будутъ та роскошь и

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

тъ удобства, которыми они обставлены. Трудно желать еще большихъ удобствъ для изученія тіхъ или другихъ отраслей человівческаго знанія. Одному Гарвардскому университету принадлежить оволо 60 зданій, воторыя служать студентамь и профессорамь. Каждый факультеть имбеть свои собственныя зданія, аудиторіи и библіотеви. Обывновенно въ одномъ и томъ же зданіи имеются аудиторіи и библіотеви, такъ что профессора и студенты могуть немедленно воспользоваться всёми литературными пособіями для изученія интересующихъ ихъ научныхъ вопросовъ. Для студентовъ построены громадные дома для общежитія (dormitories), въ воторыхъ за небольшую плату они могутъ жить и заниматься. Въ Нью-Гавенъ, гдъ процевтаетъ Іэльскій университетъ, выстроено громадное зданіе изъ бълаго мрамора, называемое "Сутnasium", въ которомъ имъются: большіе бассейны для плаванія въ проточной холодной водъ, турецвін бани, громадный залъ для гимнастиви, со всевозможными приспособленіями, для фехтованія, и галерея для бъга, игры въ кегли и въ мячъ. Въ Гарвард-свомъ университетъ обращаетъ на себя вниманіе "The Memorial Hall", представляющее собою громадное вданіе, служащее сто-ловою, въ которой более тысячи студентовъ могуть свободно вавтракать и объдать. Кухня находится въ подвалъ и на подъемныхъ машинахъ поднимаются вверхъ, гдъ сотня лакеевъ изъ негровъ принимаетъ въ мигъ всв кущанья и затвмъ распредъляетъ между присутствующими студентами. Рядомъ съ этою великоленною столовою, сооруженною въ память павшихъ во время междоусобной войны 1863 — 65 годовъ, бывшихъ воспитаннивовъ Гарвардскаго университета, находится другое громадное зало, въ которомъ происходять театральныя представленія, концерты и литературныя чтенія.

Въ этой блестящей обстановив течеть мирно жизнь американскихъ университетовъ. Для вврной оцвики нужно еще имвть въ виду внутреннюю организацію этихъ университетовъ, которая чрезвычайно проста.

Что касается до порядка управленія университетовь, то онь бол'є или мен'є одинаковь. Если университеть получаеть субсидію отъ штата и отъ него зависить, то во глав'є управленія находятся "регенты" (Regents), избираемые или народонаселеніемъ штата, или назначаемые губернаторомъ. Д'єйствительнымъ же главою университета является "президенть", который обыкновенно самовластно управляеть д'єлами университета, находясь подъ контролемъ регентовъ и всего народонаселенія.

Огромное большинство американскихъ университетовъ совер-

шенно независимо отъ правительства какъ отдѣльныхъ штатовъ, такъ и вашингтонскаго правительства. Они управляются президентомъ и совѣтомъ (Board of trustees or governors), которые избираются на опредѣленные сроки голосованіемъ всѣхъ лицъ, получившихъ свое образованіе въ данномъ университетѣ. Огромное значеніе имѣетъ президентъ университета, власть и обязанности котораго весьма обширны и многосложны. Президентъ и "fellows" Іэльскаго университета завѣдываютъ всѣми имуществами его и управляютъ всѣми его дѣлами. Для приведенія въ дѣйствіе какихъ-либо преобразованій въ жизни американскихъ университетовъ, достаточно воли президента и совѣта или "корпораціи" изъ семи членовъ, —какъ въ Гарвардскомъ университетѣ. Никакого высшаго начальства не существуетъ, и автономія университетовъ не пустой звукъ, но положительный фактъ.

Обращаясь теперь въ профессорскому составу американскихъ университетовъ, нельзя не замѣтить, что онъ вообще малочисленнѣе европейскихъ университетовъ, хотя въ Гарвардскомъ университетъ около 400 преподавателей. Но къ послѣднимъ причислены всевозможные профессора разнаго рода спорта. Содержаніе профессоровъ доходить до семи тысячъ долларовъ въ годъ. Послѣ чтенія лекцій въ теченіе шести лѣтъ, профессора имѣютъ право на седьмой годъ отдохнуть и уѣхать, съ сохраненіемъ своего содержанія, куда имъ угодно.

Если профессора, по словамъ Брайса, составляютъ "соціальную аристократію" въ мъстности ихъ пребыванія, то президенты университетовъ пользуются такимъ всеобщимъ уваженіемъ и общепринятымъ авторитетомъ, съ которымъ не можетъ сравниваться положеніе ни одного изъ ректоровъ европейскихъ университетовъ. Кто въ Америкъ не знаетъ мистера Элліота, занимающаго уже тридцать лътъ должность президента Гарвардскаго университета? Кто изъ гостей Іэльскаго университета, во время празднованія ихъ въ прошломъ году своего двухсотлътняго юбилея, не любовался всеобщимъ почитаніемъ, которымъ былъ окруженъ мистеръ Годлей, президентъ этого университета?

Но если вообще хорошо живется профессорамъ американскихъ университетовъ, то идеально хорошо организованъ бытъ студентовъ. Рамки, въ которыя поставлена студенческая жизнь въ Соединенныхъ-Штатахъ, настолько блестящія, что невольно вызываютъ чувство зависти у знатока студенческаго быта въ государствахъ Стараго-Свъта, въ особенности въ томъ случаъ, если этой блестящей внъшности соотвътствуетъ также внутреннее содержаніе университетской жизни.

Американскіе университеты обыкновенно состоять изъ факультетовъ (colleges), въ которыхъ изучають богословіе, историкофилологическія и юридическія науки, медицину, инженерное искусство и земледѣліе. Кромѣ этихъ факультетовъ, имѣется еще особенный "академическій факультетъ (academic department or college of liberal arts), имѣющій назначеніемъ давать болѣе основательное общее образованіе, основанія котораго были получены въ высшей школѣ". Этотъ академическій факультетъ только отчасти напоминаетъ философскій факультетъ германскихъ университетовъ и обыкновенно служитъ приготовительною стадією для спеціальнаго изученія отдѣльныхъ отраслей наукъ.

Пребываніе въ университеть обывновенно продолжается четыре года. Студенты перваго курса носять кличку: "freshmen" (новички); второго курса—"sophomores"; третьяго курса—"juniors"; и, наконець, четвертаго курса—называются "seniors".

Методъ преподаванія въ американскихъ университетахъ существенно не отличается отъ способовъ преподаванія въ "высшихъ школахъ". Профессоръ не только читаетъ лекцій, но также спрашиваетъ, во время лекцій, студентовъ, выслушиваетъ ихъ вопросы, даетъ отвъты и вступаетъ съ ними въ пренія. Каждий студентъ имъетъ право останавливать профессора и проситъ разъясненія возникшихъ у него недоумъній.

Письменныя работы студентовъ весьма развиты и служать основаніемъ отмътокъ, которыя выставляются студентамъ по окончаніи каждаго семестра. Высшій баллъ—100; низшій—75.

Отношенія между профессорами и студентами—весьма близвія и дружескія. За посъщеніємъ лекцій студентами установленъ весьма строгій контроль, и манкированіе лекцій, безъ уважительныхъ причинъ, лишаетъ студента права на дипломъ. Однако эта строгость нисколько не вліяеть на дружескія отношенія между профессорами и студентами. Первые принимаютъ ближайшее участіе во всъхъ радостяхъ и печаляхъ студенческой жизни, а послъдніе относятся съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною простотою къ своимъ преподавателямъ.

Товарищеская жизнь студентовъ поддерживается всёмъ строемъ американскихъ университетовъ. Прежде всего содъйствують развитю духа товарищества на всю жизнь студенческія общежитія или "dormitories", въ которыхъ почти всё студенты даннаго университета, за небольшую плату (отъ 3 до 7 долларовъ въ недълю), могутъ имъть одну или двъ комнаты, комфортабельно устроенныя, съ ванною и со всёми удобствами. Жизнь студентовъ на частныхъ квартирахъ представляетъ исключеніе, и если

въ "dormitories" нѣтъ достаточно помѣщенія, то университетское начальство старается покровительствовать также студентамъ, живущимъ на частныхъ квартирахъ.

Органами общей жизни студентовъ являются: 1) студенческія періодическія изданія; 2) организованныя между студентами общества и 3) общія университетскія торжества.

Что васается періодических изданій, публивуемых студентами даннаго университета, то, наприм'ярь, въ Гарвардскомъ университетъ студенты издають пять газетъ и журналовъ: "The Crimson", "The Monthly", "The Advocate", "The Campion" и "The Graduates Magazine".

Первое изданіе есть ежедневная газета о шести страницахъ, которая выходить каждый день утромъ и приносить самыя последнія новости изъ университетской жизни Гарварда. Другія изданія издаются рёже и посвящены или изящной литературів, вли юриспруденціи и т. п. Жгучіе политическіе вопросы дня обывновенно оставляются въ стороні редакторами этихъ студенческихъ изданій, юные читатели которыхъ исключительно интересуются дізами и жизнью своего университета.

Вообще, меня часто поражало въ Америкъ, какъ люди образованные и умные мало интересуются политивою своей собственной страны. Каждый занимается своимъ собственнымъ дъломъ, и политива считается спеціальною областью политическихъ дъятелейспеціалистовъ (politicians). Потому совершенно понятно, что и американскіе студенты политическими вопросами дня гораздо меньше интересуются, чъмъ можно было ожидать. Студенческіе и университетскіе интересы—настолько разнообразны и всепоглощающи, что мало остается времени и охоты для занятія политивою.

Естественнымъ отводомъ отъ политическихъ словопреній и увлеченія политическими комбинаціями являются студенческія общества или товарищества, которыя иногда называются "братствами" (fraternities). Такія братства представляются иногда тайными обществами, члены которыхъ избираются подачею голосовъ. Цёли и статуты такихъ братствъ иногда извёстны только членамъ, которые считаютъ себя на всю жизнь связанными неразривной дружбою. Эти братства иногда обозначаются буквами греческаго алфавита, которыя можно видёть на булавкахъ членовъ братствъ.

Кром'й такихъ братствъ, немного напоминающихъ германскія студенческія корпораціи, американскіе студенты им'йютъ свои литературныя общества, д'ятельность которыхъ чрезвычайно пло-

дотворна. Эти общества устроивають почти еженедёльно публичныя чтенія, концерты, исполненіе драматическихъ пьесъ, пренія о соціальныхъ и иногда также о политическихъ вопросахъ. Все это организовано самими студентами, при ближайшемъ участіи подлежащихъ профессоровъ.

Особенный интересъ вызывають устроиваемые оть времени до времени публичные диспуты на заданныя или свободно избранныя темы. На этихъ диспутахъ присутствуетъ публика въ лицъ студентовъ, профессоровъ и родителей. Молодой ловкій ораторъ можетъ уже на этихъ университетскихъ турнирахъ обнаружить свой ораторскій талантъ, логическія способности и находчивость.

Иногда такіе ораторскіе турниры устроиваются между различными университетами: каждый университеть выставляеть своихъ наиболее способныхъ и умныхъ ораторовъ, которые иногда экспромтомъ должны дебатировать на темы, заданныя при самомъ открытіи турнира. Эти состязанія приносять несомнённую пользу, заставляя молодыхъ диспутантовъ мыслить правильно и логично и развивать ихъ ораторскій талантъ.

Наконецъ, нужно еще прибавить, что, кромъ этихъ братствъ и многочисленныхъ литературныхъ обществъ, между студентами отдъльныхъ курсовъ существуютъ постоянныя товарищескія сборища и общества для организаціи своихъ курсовыхъ интересовъ.

Обращаясь теперь къ третьей опоръ организаціи студенческой жизни въ американскихъ университетахъ, я долженъ замьтить, что вообще всякій университетскій праздникъ есть общій праздникъ студентовъ, профессоровъ, родителей и всего населенія университетскаго города. Всъ эти лица считаютъ себя нравственно обязанными дълать все, чтобы сохранить за университетскимъ праздникомъ его семейный и порядочный характеръ.

Я никогда не забуду той искренней радости и сердечныхъ ликованій, которыя я видълъ во время двухсотлътняго юбилея Ізльскаго университета. Почти цълую недълю продолжались торжества самаго разнороднаго свойства. Были театральныя представленія пьесъ, сочиняемыхъ самими студентами; были концерты и былъ торжественный факельцугъ, сопровождавшій разныя историческія группы въ костюмахъ двухъ истекшихъ въковъ. Во всъхъ этихъ торжествахъ участвовали ныньшніе студенты рядомъ съ почтенными старцами, бывшими воспитанниками Ізльскаго университета, и всъ несказанно радовались за свою торжествующую аlmа mater. Весь городъ Нью-Гавенъ былъ разуврашенъ флагами и всъ жители города считали за честь радушно принимать гостей любимаго университета.

Но вром'й такого исключительнаго юбилейнаго празднества, какъ въ Нью-Гавен'й, въ каждомъ университет и бываютъ въ продолжение учебнаго года самыя разнообразныя торжества.

Сюда относятся состязанія въ игръ въ foot-ball, въ tennis, въ golf, гребныя гонки и т. п. Особеннымъ культомъ окружена въ Америкъ игра въ foot-ball, для которой выстроены громадные амфитеатры на 2.000—4.000 зрителей, принадлежащіе въ собственность университетамъ. Мнъ лично не нравится этотъ спортъ, благодаря его грубому характеру и отсутствію въ немъ всякой артистической красоты. Этотъ спортъ есть торжество грубой физической силы, отъ которой въ особенности часто страдаютъ носы играющихъ. Поэтому на носахъ бойцы носятъ футляры,—что не особенно украшаетъ физіономіи молодыхъ бойцовъ.

Но надо разъ присутствовать на состяваниях въ футъ-боллъ, чтобы понять возбужденныя ими страсти, какъ въ средв самихъ играющихъ, такъ и въ средв публиви. Особенный интересъ вызываютъ состязания между студентами-борцами въ футъ-боллъ различныхъ университетовъ. Въ такомъ случав вся публика раздвляется на два лагеря, и каждый лагерь громкими криками ноощряетъ или поддерживаетъ своихъ борцовъ. Побъдителей на плечахъ относятъ въ ихъ дома.

Въ этихъ играхъ студенты—главные дъятели. Но профессора и родители равнымъ образомъ заинтересованы перипетіями происходящей борьбы. Мячи въ теннисъ, крикетъ, гольфъ, гимнастика или гребныя гонки, организуемыя студентами, также вызываютъ всеобщій интересъ. Вообще, нельзя не радоваться тому значенію, которое американскіе университеты, подобно англійскимъ, придаютъ всякаго рода спортамъ, справедливо находя, что пеопровержимо римское правило: "mens sana in corpore sano".

Всё университетскіе праздники достигають своего кульминаціоннаго пункта въ послёднюю недёлю до выпуска студентовъ послё четырехлётняго курса. Въ продолженіе недёли происходять театральныя представленія (classplay) какой-либо пьесы, аd hoc сочиненной, баль "сеньоровъ", т.-е. студентовъ, покидающихъ университетъ, публичный актъ, на которомъ какой-нибудь выдающійся государственный человёкъ или ораторъ произноситъ рёчь. Затёмъ президентъ университета говоритъ прощальную рёчь студентамъ и раздаетъ имъ дипломы, дающіе право на особенный костюмъ съ четырехугольнымъ беретомъ. Званіе, даруемое дипломомъ, есть званіе кандидата (Bachelor) или "литературы" (В. of Litterature), "науки" (В. of Science), "искусства" (В. of Arts) и т. д. Для полученія докторскаго диплома надо выдержать особый экзаменъ. Между кандидатомъ и докторомъ имъется звание магистра (Master of Litterature, Arts etc.).

Пожалованіе званія почетнаго достора искусства, литературы или правъ выдающимся ученымъ или государственнымъ дѣятелямъ есть обыкновенно большой университетскій праздникъ, въ которомъ принимаютъ живѣйшее участіе всѣ жители университетскаго города и все образованное общество страны. На церемоніи такого пожалованія президентъ университета произноситъ рѣчь о заслугахъ чествуемаго лица, и затѣмъ двое изъ профессоровъ мѣстнаго университета возлагаютъ на новаго почетнаго доктора особенное одѣяніе, называемые "hood" и вполнѣ напоминающее нашъ башлыкъ. Обыкновенно такимъ образомъ чествуемый обязанъ произнести благодарственную рѣчь въ отвѣтъ на оказанную ему честь. Публика, присутствующая въ огромномъ количествѣ на такой церемоніи, высказываетъ громкими рукоплесканіями живѣйшее участіе въ происходящей церемоніи.

Въ заключение позволю себъ прибавить инсколько общихъ замъчаний относительно только-что изложенныхъ американскихъ университетскихъ порядковъ.

Каждаго европейскаго наблюдателя американских университетскихъ порядковъ не могутъ не поражать двё характеристическія черты: во-первыхъ, изумительная щедрость американцевъ на нужды народнаго просвёщенія и, во-вторыхъ, полная доступность американскихъ университетовъ всёмъ классамъ общества. Въ послёднее время въ самой Америке раздаются голоса, критикующіе щедрость американскихъ меценатовъ и приписывающіе колоссальнымъ щедротамъ на развитіе университетскаго образованія только мотивы тщеславія и самолюбія. По моему крайнему разумёнію, такіе мотивы скоре могуть быть приписываемы меценатамъ въ европейскихъ государствахъ, гдё жертвователь можеть добиться своими щедротами всевозможныхъ знаковъ отличій и почетныхъ званій. Ничего подобнаго не могуть получать Рокфеллеръ, Карнеги или Станфордъ за сдёланныя ими коллоссальныя пожертвованія.

Наконець, если даже исключительно тщеславіемъ руководились эти меценаты, то ихъ тщеславіе настолько благородно и почтенно, что можно только желать, чтобы въ Старомъ-Свётъ народились также Рокфеллеры и Карнеги, которые милліоны пожертвують на нужды народнаго и университетскаго образованія.

По моему убъжденію, любовь къ пожертвованіямъ на нужды образованія въ Соединенныхъ-Штатахъ объясняется двумя причинами: во-первыхъ, непоколебимымъ сознаніемъ жертвователей,

что знаніе есть сила, ибо они сами обязаны этой именно сил'я свонми колоссальными богатствами; во-вторыхъ, нигдъ, кром'я Соединенныхъ-Штатовъ, совнаніе службы общей пользів не вошло настолько въ плоть и кровь народа. Это совнаніе заставляетъ каждаго американца думать не только о себъ, о своемъ личномъ счасть и удовольствіи, но также о пользів своей родины и окружающаго его общества. Американецъ представляетъ собою въ полномъ смыслів слова то "общежительное животное" (ζῶον πολιτιών), о которомъ говоритъ Аристотель какъ объ основів каждаго государства.

Не менѣе замѣчательна общедоступность американскихъ университетовъ, которая виражается въ томъ положительномъ фактѣ, что "въ Америкѣ каждый молодой человѣкъ, одаренный способностями и энергіею, можетъ получить высшее образованіе, ничего не платя за него" 1). Эти слова американца совершенно справедливы.

Плата за ученье въ американскихъ университетахъ весьма везначительна и весьма часто совершенно не взыскивается, если студентъ бъденъ и дъйствительно прилеженъ.

По отзывамъ же всёхъ знатоковъ америванскихъ университетовъ, студенты вообще отлично занимаются, если имъ не мъшаетъ спортъ.

Въ самомъ дѣлѣ, миѣ кажется, что занятія всякими спортами очень много отнимають времени у американскихъ студентовъ. Блестящая сторона американскихъ университетовъ заключается во всѣхъ спортсмеяскихъ играхъ и приспособленіяхъ, посвященныхъ физическому развитію юношества. Нельзя не сочувствовать такой правильной постановкѣ этого дѣла, отвлекающаго отъ вредныхъ времяпровожденій и создающаго здоровыхъ и жизнерадостныхъ гражданъ.

Однаво, если игра въ футъ-боллъ, теннисъ или гребной спортъ, въ продолжение цёлыхъ недёль — почти исключительное занятие студентовъ, то вследствие этого неизбёжнымъ образомъ должны пострадать научныя занятия, постановка которыхъ въ американскихъ университетахъ значительно отличается отъ постановки въ германскихъ и даже англійскихъ университетахъ. Огромное большинство американскихъ университетовъ представляется только "высшими школами" или гимназими высшаго разряда. Изъ тридцати американскихъ университетовъ подъ масштабъ европейскаго континентальнаго университета подходятъ не боле восьми или

¹) Cpash. Bryce, The American commonwealth. t. III, p. 452.

девяти. Остальные суть колледжи или высшія гимназіи въ смыслѣ среднеобразовательнаго учебнаго заведенія.

Въ самомъ дѣлѣ, самый методъ университетскаго преподаванія чрезвычайно напоминаетъ методъ гимназическаго преподаванія. Существеннаго различія между ними не существуетъ: тѣ же вопросы даже во время лекцій, пренія между профессорами и студентами, письменныя работы, отмѣтки и т. д. Насколько такіе пріемы полезны и умѣстны въ гимназіяхъ или американскихъ "высшихъ школахъ", настолько же неумѣстны въ университетахъ.

Здёсь излишне разбирать подробно сложный вопросъ о пользё университетскихъ наукъ. Но, по моему личному мнёнію, университетскую лекцію нельзя замёнить никакими письменными работами или словесными преніями. Лекція не только должна давать слушателямъ научныя фактическія свёдёнія, но она должна указывать пути и методы, которыми эти свёдёнія добыты. Университеть не есть только школа или учебное заведеніе, но онъ есть, вмёстё съ тёмъ, академія, лабораторія, кабинеть, въ которыхъ совершаются научныя изслёдованія, работаєть человёческій умъ и двигаются впередъ науки. Хорошій лекторъ заставляєть своихъ слушателей работать вмёстё съ нимъ, прислушиваясь къ его словамъ, слёдить за ходомъ его мыслей и присутствовать при созданіи имъ тёхъ научныхъ положеній, которыя онъ имъ преподаєть.

Уже Аристотель говорить: — чтобы знать, нужно върить. Въра же дается, прежде всего, живымъ словомъ и увлекающимъ примъромъ. Только посредствомъ своей личности профессоръ можетъ плодотворнымъ образомъ повліять на своихъ слушателей и установить тотъ электрическій токъ взаимодъйствія, который связываетъ неразрывными узами университетскихъ слушателей съ ихъ университетскими преподавателями. Книга — мертва и никогда не въ состояніи замънить обаянія живой ръчи, въ которой звучитъ глубина убъжденій и проявляется стойкость научныхъ стремленій. Viva vox docet.

Само собою разумъется, что для достиженія университетсьюю лекцією такой возвышенной цъли абсолютно необходимо, чтобы университетское преподаваніе стояло на должной высотъ. Необходимо, прежде всего, чтобы университетскіе преподаватели не читали лекціи, рабски держась какихъ-нибудь учебниковъ, но чтобы они передавали свою личность, насколько она проявляется въ совершаемыхъ ими научныхъ изслъдованіяхъ или общественной дъятельности. Но если лекціи считываются со страницъ

наданной книжки или читаются лицами, ровно ничего не сдёлавшим въ преподаваемой ими наукъ, въ такомъ случаъ можно одобрить американскій методъ университетскаго преподаванія.

Этимъ я нисколько не хочу сказать, что въ американскихъ университетахъ каоедры занимають профессора, случайно на нихъ попавшіе и ничего не создавшіе въ избранной ими соціальной наукъ. Далеко была отъ меня подобная мысль.

Нѣтъ, высвазыван свой взглядъ на университетское преподавание вообще, я только желалъ выразить то положение, что университетская лекція не допускаетъ примовъ гимназическаго преподавания: она должна быть свободнымъ и, по возможности, воодушевленнымъ воспроизведениемъ мыслей живого человъка, а не книжки. Только пожь этимъ условиемъ оправдываются слова веливаго поэта, что "человъкъ влиятъ на человъка только посредствомъ своей личности".

Въ американскихъ университетахъ въ высшей степени симпатичны дружескія сношенія между профессорами и студентами.
Если профессора составляютъ "соціальную аристократію" въ
американскомъ народонаселеніи, то студенты являются возлюбленнымъ чадомъ всего народа. Всё интересуются въ Америкъ судьбою университетовъ и участью университетской молодежи. Американскіе университеты свободны и популярны, въ полномъ смыслъ
этихъ словъ. Университетамъ и студентамъ приносятся въ даръ
скавочныя богатства, но подъ непремънымъ условіемъ, чтобы
университеты давали хорошее и нужное высшее образованіе и
чтобы студенты прилежно занимались. Прилежаніе же американскихъ студентовъ восхваляется всёми знатоками жизни американскихъ университетовъ.

Въ заключение остается мий только выразить пожелание, чтобы американские университеты продолжали свободно развиваться по тому пути, на которомъ поставлены лучшие изъ нихъ. Если въ нихъ вмёстё съ преподаваниемъ все шире и шире будеть развиваваться научная дёятельность, то они въ состоянии достигнуть идеальной высоты.

Можеть быть, учреждение свободнаго союзнаго университета, съ богатыми средствами, послужило бы образцомъ соединения университетскаго преподавания съ кипучею научною дъятельностью профессоровъ. Можеть быть, такой союзный панамериканскій университетъ, включая въ себъ лучшія ученыя силы всей Америки, сдълался бы естественнымъ двигателемъ всъхъ университетскихъ наукъ.

Это вполнъ возможно, и великая будущность американскаго

народа вивняеть ему въ обязанность сдвлать усилія въ завоеванію міра не только посредствомъ всемогущаго доллара, но еще болве могуществомъ знанія н силою идей. Только подъ соблюденіемъ этого условія "американизація всего міра" можеть обвіщать всвиь народамъ на земномъ шарт союзную и дружескую помощь американцевь въ борьб съ мракомъ невіжества и съ адомъ человіческихъ страстей. Только при этомъ условіи "американизація" сдвлается синонимомъ свободы, свёта и прогресса...

٧.

Въ настоящее время идея "американизаціи всего міра" — самая модная тема на страницахъ англо-американскихъ періодическихъ изданій. Для однихъ эта идея выражаетъ идеалъ ихъ задушевныхъ пожеланій и энергическихъ стремленій; для другихъ она представляется пугаломъ, которымъ омрачается ихъ свътлый взглядъ въ будущность. Нътъ сомнънія, что въ положеніи послъднихъ должны находиться всъ европейскіе народы не-англо-американской расы.

Если подъ "американизацією" подразумівается порабощеніе англо-американскою расою всіхть европейских народовъ, то этого опасаться нечего. О завоеваніи огнемъ и мечомъ всего міра едва ли мечтають даже самые смітые поборники англо-американскаго имперіализма. Въ такомъ случай спрашивается: въ чемъ же должна заключаться американизація міра? Другими словами: какую идеальную ціль должны себі поставить американцы въ обществі другихъ цивилизованныхъ народовъ?

Мнѣ важется, что эта высовая и идеальная цѣль дана всею исторією, государственными порядками, нравами и обычанми веливаго америванскаго народа. Не въ завоеваніяхъ мечомъ и огнемъ чужихъ странъ историческая роль Соединенныхъ-Штатовъ, и не въ порабощеніи остального міра всемогущимъ долларомъ идеальная цѣль національной политики веливой америванской республиви. Нѣтъ, по моему глубовому убѣжденію, высовое цивилизующее назначеніе этого государства завлючается въ всестороннемъ развитія тѣхъ веливихъ дуковныхъ силъ, воторыми оно создано, жило и развивалось по настоящее время. Въ чемъ же состоять эти духовныя силы?

І'лубово правъ былъ Монтесвьё, геніальный творецъ "De l'Esprit des Lois", сказавъ, что тѣ самыя силы, воторыя вызвали въ жизнь данное государство, налагаютъ на него неизгладимую

печать и служать рычагами его исторического назначенія и прогрессивнаго развитія. Въ отношенін Соединенныхъ-ІІІтатовъ жизненнымъ принципомъ является: соединение единичныхъ силъ въ единое целое для достиженія боле возвышенных целей. Когда, въ вонцъ XVIII въка тринадцать штатовъ соединились виъстъ и составили конфедерацію, они действовали во имя того великаго начала, которое врасуется въ настоящее время подъ громадною фигурою свободы, находящеюся на купол'в вашингтонскаго Капитолія, въ словахъ: "E pluribus unum!". Когда въ 1787 году представители этихъ тринадцати штатовъ подписали нынъ дъйствующую образцовую вонституцію Соединенныхъ-Штатовъ, онв соединили вийсти свои матеріальные и духовные интересы для охраненія, прежде всего, своей политической самостоятельности. Но вогда эта первышая цыль была достигнута, ты же Соединенные-Штаты продолжали довазывать всёмъ народамъ цивилизованнаго міра, что для полнаго развитія народныхъ силъ нужно всегда держаться правила: "E pluribus unum". Таковъ завътъ, который преподанъ великими творцами съверо-американской республики будущимъ потомствамъ и, вмёстё съ тёмъ, всёмъ остальнымъ народамъ.

Весь историческій рость американскаго государства и его учрежденій служить краснорічною иллюстрацією этого положенія: изъ 13 штатовь образовалось 47 штатовь и нісколько территорій; изъ одного Гарвардскаго университета—30 университетовь. Во всіхъ отрасляхь экономической діятельности и политической жизни американцы неопровержимыми фактами доказали, что только соединеніємь единичныхь и разбросанныхь силь совершаются великія діла на всіхъ поприщахь человіческой жизни.

Если "американизація всего міра" должна заключаться въ торжестві этого великаго рычага человіческой діятельности, то можно только радоваться такому вліянію американских идей на жизнь европейских народовь.

Въ естественной связи съ этимъ жизненнымъ принципомъ находится другой, нашедшій опять въ Америвъ наиболье наглядное примъненіе. Соединенные-Штаты представляютъ единое и нераздъльное государство подъ одною верховною властью. Но это государственное единство нисколько не убило мъстную автономію отдъльныхъ штатовъ, сохранившихъ по сіе время свое собственное штатное законодательство, представительныя учрежденія, штатные суды и административную независимость въ управленіи мъстными интересами. Это уваженіе мъстной автономія

отдёльных штатовъ есть краеугольный камень всего государственнаго устройства Соединенныхъ-Штатовъ. Только одинъ разъ, во время междоусобной войны 1863 года, центробъжныя стремленія подвергли опасности государственное единство американской республики. Но ни эта братоубійственная война, ни крики сторонниковъ всепоглощающей центральной государственной власти, не въ состояніи были низложить коренной законъ Соединенныхъ-Штатовъ, обезпечивающій свободу и автономію за отдёльными штатами. Эта же свобода и автономія нисколько не воспренятствовали гигантскому росту всего государства.

Такимъ образомъ, развитіе Соединенныхъ-Штатовъ служить нагляднымъ доказательствомъ истинности другого культурно-историческаго принципа, который можно выразить въ положеніи: единство вт разнообразіи и разнообразіе въ единство. Этотъ законъ проходитъ какъ красная нить чрезъ всю жизнь растительнаго и животнаго царства. Онъ же есть основаніе всякаго поступательнаго и мирнаго прогресса въ жизни народовъ.

Если "американизація всего міра" означаєть обезпеченіе окончательнаго торжества этого высоко-правственнаго и соціальнокультурнаго начала въ умахъ и сердцахъ всёхъ народовъ, то исторія только съ признательностью будеть помнить подвиги великаго северо-американскаго народа.

Есть еще другая причина духовнаго преуспънія американскаго народа—это неограниченная въротерпимость. Нътъ въ этой странъ ни влерикализма, ни борьбы съ претензіями римско-католической церкви, ни ограниченія чьихъ-либо гражданскихъ или политическихъ правъ, вслъдствіе исповъданія одной, а не другой въры. Въ Соединенныхъ-Штатахъ нътъ ни господствующей въ государствъ церкви, ни привилегированныхъ классовъ общества, обязанныхъ своими преимуществами только принадлежности въ данной церкви. Въ великой американской республикъ вполнъ осуществилось изреченіе Фридриха Великаго, что въ его государствъ всъ "по собственному фасону" могутъ въровать и исповъдывать какую угодно религію.

Притомъ замѣчательно, что, несмотря на отсутствіе въ Соединенныхъ-ІПтатахъ какого бы то ни было принужденія въ дѣлахъ религіозныхъ, не ввирая также на отсутствіе всякаго ханжества или англійскаго "cant", все-таки американцы вообще весьма религіозный народъ. Хожденіе въ церковь по воскресеньямъ и соблюденіе воскреснаго отдыха весьма распространены.

Если "американизація всего міра" приведеть въ безпреділь-

ному торжеству американскаго начала свободы совъсти и религіи во всемъ міръ, то американцы сослужать великую службу дълу истинной цивилизаціи. Если благодаря имъ прекратятся всв споры и борьба между церковными обществами, и государства признають за своими гражданами неотъемлемое право върить во что они желають, то "американизація" окажется побъдою свъта надъ мракомъ, свободы совъсти надъ средневъковымъ обскурантизмомъ и свободы религіи надъ возмутительными преслъдованіями и насиліями въ дълахъ религіи. Въ самой Америкъ полная свобода религіи и совъсти сдълалась устоемъ государственнаго порядка. Поэтому можно думать, что "американизація" сдълается синониюмъ неограниченной въротерпимости и свободы совъсти.

Обращаюсь еще въ другому устою америванскаго народа: это — неограниченное уважение всикаго честнаго и производительнаго труда. Нигдъ въ міръ не существуетъ подобнаго почитанія трудолюбія и нигдъ слово "джентльменъ" не выражаетъ понятія о человъвъ трудящемся. Это мы видимъ только въ Америвъ. Тамъ каждый работнивъ есть джентльменъ, и каждый достигнувшій собственнымъ трудомъ богатства и славы есть первый между джентльменами. Поэтому въ Америвъ никакой честный трудъ не считается позоромъ, и титулъ "self-mademan" открываетъ двери всъхъ салоновъ и обезпечиваетъ почетнъйшее мъсто въ обществъ.

Ни одинъ американецъ не будетъ шовированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, напримъръ, студенты университетовъ, желая заработывать деньги для уплаты за университетскія левціи, поступають, во время лѣтнихъ каникулъ, въ половые ресторановъ, кондуктора желѣзныхъ дорогъ, въ кучера и даже рабочіе на биржахъ. Студенты и ученики высшихъ школъ встаютъ въ два или три часа угра, чтобы сбѣгать въ редакціи газетъ и затѣмъ, или пѣшкомъ, или на велосипедѣ, разносить по домамъ газеты. Молодыя бѣдныя дѣвушки поступаютъ въ горничныя подъ условіемъ, что хозяйка освободитъ ихъ каждый день на два—три часа для слушанія лекцій въ университетѣ.

Ни одного американца такіе факты не смущають и не удивляють. Онъ знаеть, что ихъ Линкольны, Карнеги и Рокфеллеры изъ ничего сдёлались и президентами Соединенныхъ-Штатовъ, и богатьйшими людьми на вемномъ шаръ. Вотъ почему въ Америкъ никогда честный трудъ не обезчестить человъка, но всегда будетъ служить рекомендацією и почетомъ. И надо прибавить, нигдъ не виситъ работа такъ, какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Если благодаря "американизаціи всего міра" повсюду, на всемъ земномъ шарт, утвердится такая американская любовь къ труду, то можно будеть только радоваться такому положенію. Въ такомъ случат съ корнями будуть вырваны тт соціальные предразсудки, которые въ Европт еще существують относительно труда и извъстныхъ родовъ занятій. Если въ европейскихъ народахъ укоренится положеніе, что всякій честный трудъ даетъ право на уваженіе и что именно трудъ есть жизненный рычагъ встъть отраслей человт ском дтятельности, въ такомъ случат американцы одержатъ великую духовную побъду надъ европейскими народами и такая "американизація" будеть только великимъ шагомъ впередъ на пути прогресса. Вся культурная работа американскаго народа есть блестящая иллюстрація втяно цамятнаго изреченія римскаго поэта: "Labor omnia vincit"!

Кромъ вышеприведенныхъ главнъйшихъ духовныхъ принциповъ, внесенныхъ американцами въ общую сокровищницу плодовъ соціально-культурной работы цивилизованныхъ народовъ, имъются еще другія начала, которыя также достойны всеобщаго распространенія посредствомъ американизаціи. Сюда относятся: свобода мысли, слова и печати; равенство между людьми предъ закономъ и судомъ; простота обращенія и доброта отношеній; сказочная щедрость на пользу общественную и т. п.

Таковы тв жизненные принципы, которые были положены въ основаніе общественно-государственнаго строя Соединенныхъ-Штатовъ. Во всестороннемъ ихъ развитіи и стойкомъ поддержаніи заключалась культурно-историческая задача свверо-американской республики. Правда, всякое цивилизованное государство должно руководствоваться такими же началами для достиженія своихъ жизненныхъ цълей. Однако, до послъдняго времени именно Соединенные-Штаты считались государствомъ, въ которомъ вышенисчисленныя блага наиболъ рельефно выступали какъ въ практической жизни, такъ и въ научныхъ трактатахъ.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что порядки Соединенныхъ-Штатовъ могли бы считаться идеальными. Жизнь этого государства въ продолжение истекшаго столетия открывала множество отступлений отъ техъ возвышенныхъ началъ, которыя были положены въ основание его бытовыхъ порядковъ. Свобода печати, не обузданная ни законами, ни чувствомъ приличия, ни нравами, везде можетъ становиться бичомъ для всего общества.

Великій принципъ соединенія разрозненныхъ силъ въ высшее единство, создавшее такое государство, какъ Соединенные-Штаты, обратился въ послёднее время въ девизъ американскихъ синди-

ватовъ и трёстовъ, имѣющихъ цѣлью уничтоженіе всякой конвурренціи посредствомъ поглощенія всѣхъ опасныхъ конкуррентовъ. Подобное извращеніе великаго жизненнаго принципа представляется только отступленіемъ отъ той идеальной и разумной цѣли, въ достиженіи которой заключается вся его культурная сила.

Если наша точка зрвнія на всемірную роль Соединенныхъ-Штатовъ заслуживаеть вниманія, а выясненныя выше культурносоціальныя начала действительно являются девизами на североамериканскомъ флаге, въ такомъ случае великая американская республика справедливымъ образомъ можеть гордиться своимъ блестящимъ прошлымъ, спокойно наслаждаться настоящимъ и съ упованіемъ смотрёть въ грядущее.

Однаво, въ послъднее время происходить въ Соединенныхъ-Штатахъ переломъ, могущій привести въ полному отступленію отъ всъхъ унаслъдованныхъ отъ предвовъ веливихъ принциповъ и порядвовъ.

Пресловутая доктрина Монроэ, вызванная крайнею необходимостью положить предёль маніи вмёшательства великихъ европейскихъ державъ начала прошлаго въка, превратилась изъ щита обороны въ динамитную бомбу, которая можеть вворвать во всявое время и во всякомъ мъсть. Все зависить отъ усмотрънія вашингтонскаго правительства, въ рукахъ котораго доктрина Монроэ есть весьма цёлесообразное средство для устраненія всякаго европейскаго вліянія въ предблахъ всего американскаго вонтинента. Трудно, мив кажется, предвидеть все усложненія, жоторыя могуть быть естественными последствіями нынешняго чрезвычайнаго развитія этой политической доктрины. Непомірно велива отвътственность, принятая на себя Соединенными-Штатами въ отношени всвхъ народовъ, могущихъ иметь вавіе-либо интересы на американскомъ континентъ. Всякіе же интересы могуть быть поводами всевозможных столеновеній. Чёмъ сложнъе становятся политическія задачи съверо-американской политиви, тъмъ больше нужно ожидать поводовъ въ конфликтамъ, окончательный исходь которыхь никто предвидёть не можеть.

Современный американскій имперіализм'є послужить неизб'єжным образом стимулом для самых непредвид'єнных политических осложненій. Завоеваніе Порто-Рико и Филиппинских островов послужило прославленію американской храбрости и отваги. Но не всегда завоеванія идуть въ прокъ завоевателю. Только такія завоеванія становятся основаніем дальн'єйшаго развитія жизненных силь завоевателя, которыя входять въ его

Томъ VI.--Нолерь, 1902.

плоть и вровь и дёлаются органическою частью его владёній. Если же завоеваніе ограничивается установленіемъ фактической власти надъ покоренною областью, безъ поглощенія ея государствомъ-завоевателемъ, то имбетъ мъсто простое порабощеніе, которое можетъ быть поддерживаемо только физическою всесокрушающею силою.

Я не берусь судить, какова будеть дальнёйшая судьба сдёланныхъ Соединенными-Штатами завоеваній. Еще менёе считаю я себя компетентнымъ для рёшенія конституціонныхъ вопросовъ, вызванныхъ этими завоеваніями, и вытекающей изъ нихъ необходимости управлять завоеванными областями.

Однаво не подлежить сомнёню, что народившіяся новыя задачи, въ отношеніи завоеванныхъ земель, должны вызвать новые политическіе интересы и новые пути и средства для ихъ охраненія. Роль "всемірнаго гражданина" даромъ не дается. Поэтому военный бюджетъ Соединенныхъ-Штатовъ возростаеть съ поразительною быстротою, и нельзя предсказать, когда будеть положенъ предёль такому росту.

Всѣ эти новѣйшіе факты изъ жизни великой американской республики—очень блестящія доказательства ен могущества и жизнеспособности. Но позволительно сомнѣваться, чтобы американцы на поприщѣ международныхъ завоеваній и связаннаго съ ними милитаризма достигли такихъ же блистательныхъ результатовъ, какіе выпадали по сіе время на ихъ долю въ области мирныхъ завоеваній на поприщѣ торговли и промышленности. Сомнительно также, чтобы военные лавры вполнѣ могли замѣнить лавры, пріобрѣтенные состязаніемъ въ царствѣ мирнаго и плодотворнаго труда.

Какъ бы то ни было, мнё лично кажется, что историкокультурная роль Соединенныхъ-Штатовъ вполив определилась въ продолжение истевшей ихъ столетней жизни: они были блестящимъ примеромъ баснословнаго развитія всёхъ жизненныхъ силъ этого народа мирною работою и постояннымъ культомъ тёхъ веливихъ соціальныхъ принциповъ, на которыхъ были основаны его государственные порядки. Мнё кажется, что въ дальнейшемъ развитіи этихъ началъ, въ ихъ распространеніи и одухотвореніи, заключается завидное историческое призваніе великой американской республики. Для исполненія этого призванія нужны не территоріальныя завоеванія, не громадные флоты и арміи, но нужно только продолжать идти по пути, указанному исторією и основными жизненными принципами американской республики. Еще большее развитіе американской университетской науки приведеть естественнымъ образомъ въ еще лучшему выясненію тіхть духовныхъ и культурныхъ силъ, которыми такъ богатъ американскій народъ.

Съ этими мыслями я повинулъ гостепріимную почву Соединенныхъ-Штатовъ. Чёмъ больше я былъ очарованъ неистощимымъ гостепріимствомъ моихъ америвансвихъ друзей и знавомыхъ, тёмъ врёпче засёло во мнё пожеланіе видёть мирную будущность этой страны въ полномъ соотвётствіи съ ея мирнымъ прошлымъ. Чёмъ больше я пронивался на америванской почвё уваженіемъ къ этому великому и симпатичному народу, тёмъ яснёе сталъ для меня истинный смыслъ "америванизаціи всего міра" въ видё завоеванія всего міра тёми великими соціальновультурными началами, которыя составляють устои его общественно-государственнаго строя.

Наконецъ, на почвъ соединенія единичныхъ силъ для достиженія высшихъ благъ,—въ уваженіи разнообразія при соблюденіи единства; въ въротерпимости и въ увъренности, что "трудъ все побъждаетъ",—на почвъ этихъ началъ всъ лучшіе умы Стараго и Новаго Свъта всегда будутъ дъйствовать единодушно и согласно. На почвъ этихъ жизненныхъ принциповъ можетъ бить между Европою и Америкою только мирное соревнованіе и дъятельное взаимодъйствіе.

Обезпечить и то, и другое, въ будущемъ есть задача, достойная какъ государственнаго деятеля, такъ и политическаго мыслителя.

Ф. Мартенсъ.

НА ПОЛПУТИ

повъсть.

Oxonvanie.

XI *).

Въ увенькой и темной прихожей стоялъ небольшой сундучовъ, выкрашенный красной краской и обитый свътлыми жестиными полосками; на немъ покоились двъ подушки въ наволочкахъ, изъ розоваго ситца, да еще теплое пальто, стеганное наватъ. Это были вещи Мареуши, приготовленныя ею въ отправкъ...
куда? Она и сама не знала. Завтра наступитъ третій день срока,
даннаго ей Евлампіей Львовной, и нужно будеть во что бы то
ни стало уъхать. Всъ эти два дня она не переставала надъяться,
что Господь смягчитъ сердце суровой правительницы; но ни еяслезы, ни просьбы искренно огорченной Маруси—ничто не помогло. У Евлампіи Львовны былъ замъчательно твердый характеръ, и это знали всъ въ домъ. Ръшенія ей давались вообщетрудно, но разъ она уже что-нибудь ръшала, это было безповоротно.

На другое же утро Мареушѣ были выданы пресловутые пятнадцать рублей, и это еще было особой милостью благодѣтельницы. Въ прежнія времена неповорныя или неугодныя приживалки изгонялись изъ дому безъ всякихъ воспособленій и безъвсякихъ льготныхъ дней, а такъ прямо на улицу и немедленнопо произнесеніи приговора.

.:

^{*)} См. выше: окт., 475 стр.

Мареуша надвялась еще на заступничество своего повровителя, Алексъ́я Львовича; иногда ему удавалось уговорить свою сестру, и всъ́ знали, что изъ овружавшихъ Евлампію Львовну людей только онъ одинъ успъваль въ столь трудной задачъ́.

Но Алексви Львовичъ вавъ нарочно не шелъ. Онъ и вообще бывалъ не очень часто въ домъ своей сестры, потому что служилъ въ консисторіи, гдъ проводилъ цълые дни, а по вечерамъ занимался у себя дома, въ холостой ввартиркъ, состоявшей изъ трехъ комнатъ, дълами, которыя онъ бралъ "приватно" для увеличенія средствъ жизни.

Евлампія Львовна очень уважала своего брата и въ затруднительныхъ случанхъ любила выслушать его совёть; и вогда ей овазывалась надобность въ этомъ совете, она посылала за нимъ, вормила его постнымъ объдомъ, поила чаемъ съ ячменнымъ сахаромъ, давала ему варенья, запиралась съ нимъ въ вомнатв и выслушивала его обстоятельныя річи. Неизвівстно, всегда ли она следовала его советамъ, но, важется, иногда придерживалась восточнаго правила жизни: "если хочешь поступить мудро, позови друга, выслушай его совыть... и поступи вавъ разъ наоборотъ". Однаво бывали случан, вогда совъты брата и исполнялись, въ особенности въ дълахъ денежныхъ и по имуществу, потому что она считала его большимъ законникомъ по мъсту и роду его службы. Онъ, напримъръ, отлично зналъ, вакія бумаги повупають въ данную минуту духовныя лица и въ какіе фонды монастыри пом'ящають свои капиталы. Въ первое время, однако, она не довъряла Алевство Львовичу, по той простой причинт, что онъ не съумълъ сберечь отповскаго наслёдства, проторговался въ пухъ и прахъ и потеряль всякій кредить среди купечества. Ихъ покойный отець, занимавшійся парчевымь производствомь, быль большой самодуръ и передъ смертью распорядился на особый ладъ: производство свое продаль, капиталь обратиль въ процентныя бумаги и зав'ящаль девять-десятых вего — "любимой моей дочери Евлампін, а по прошествін зрадку лать и выхода оной вамужъ, капиталъ сей переходитъ полностью на дёла благотворительныя, богоугодныя, а также на монастыри по особому моему увазанію, въ сей моей воль приложенному". Сыну Алексью онъ завъщаль остальное, то-есть небольшую лавчонку церковной утвари. Съ этой лавчонкой сынъ Алексей и вступиль въ жизнь. Но онъ съ самыхъ юныхъ лётъ нивогда не обнаруживалъ коммерческихъ способностей; всегда интересовался "высшими вопросами духа", цълыми днями читалъ съ очвами на носу, такъ вавъ плохо виделъ, духовныя вниги и вступалъ въ безвонечные

разговоры о религіи съ покупателями. Кажется, онъ даже обрадовался, когда проторговался и, благодаря общирному знакомству съ духовными лицами, поступилъ на службу въ консисторію. Здёсь онъ оказался какъ разъ на мёстё и почувствовалъ себя въ своей сферё. Но послё приключившагося съ нимъ краха онъ уже не пускался въ разсужденія и разговоры, а ударился въ другую крайность и сталъ молчать; изрёдка только торжественнымъ голосомъ проивносилъ, по его мнёнію, подходящую цитату, которая должна была окончательно "убить" спорящаго и уничтожить его доводы.

Когда его первый правтическій совіть, принятый Евлампіей Львовной, оказался удачнымъ, она стала ему вірить и чаще обращаться въ его содійствію. Кавъ, однакоже, ни тяжело приходилось въ первое время службы брату, Евлампія Львовна нивогда не помогала ему матеріально, да и онъ нивогда не обращался въ ней за помощью. Только на Рождество да на Пасху она дарила ему по десяти рублей, которые онъ бралъ довольно равнодушно и самымъ колоднымъ образомъ благодарилъ ее. Она же всегда считала долгомъ, при поднесеніи этихъ даровъ, сентенціознымъ тономъ прибавить: "Самой не изъ чего жить! Самъвидишь, вавъ живу: вмъ впроголодь, грівюсь впрохолодь. И есть деньги, да не мои. Умру—оставлю сиротів-племянниців, да, согласно волів батюшви, на монастыри да богоугодныя учрежденія. Сама кавъ бы заимствую".— "Да я и не прошу",—замівчаль онъ.— "И отлично дівлаешь. У тебя мівсто, а казенное мівсто человівка кормить".

На этомъ и прекращался разговоръ.

Въ своей частной жизни Алексъй Львовичъ былъ затворнивомъ и ипохондрикомъ. Въ особенности въ послъднее время овъ сталъ чуждаться людского общества, женщинъ же не зналъ совершенно. Единственною его страстью было чтеніе духовныхъ книгъ; но, по своему малому обравованію, онъ плохо понималъ ихъ и иногда пълыми мъсяцами ходилъ съ какой-нибудь вычитанной фразой въ головъ, силясь своимъ умомъ дойти до ел пониманія. На сестру свою смотрълъ, кажется, съ уваженіемъ и считалъ ее благочестивой, а можетъ быть и святой жизни женщиной; на ея приживалокъ глядълъ косо, считая ихъ дармоъдками и даже сестриными кровопійцами, по "необыкновенной добротъ ея". Въ послъднее время, при посъщеніяхъ дома Евлампіи Львовны, онъ вступалъ въ разговоръ только съ Мареушей, чего прежде никогда не дълалъ ни съ одной изъ обитательницъ "строгаго дома". Да и посъщенія его участились, вслъдствіе ли

особых обстоятельствъ, вызванных слухами о письмѣ Маруси къ отцу и потребовавших его присутствія для совѣтовъ, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ— неизвѣстно. Достовѣрно только то, что онъ сталъ появляться у сестры непрошенный и незванный. И всегда онъ находилъ время перекинуться словечкомъ съ Мареушей или сказать ей что-либо назидательное.

Нивто изъ его сослуживцевъ не зналъ, какъ онъ относился къ разнымъ вопросамъ жизни и въ томъ числъ къ браку, но нивогда не могъ онъ пропустить ни одного ребенка безъ ласки, в если кого изъ товарищей посъщалъ, то только женатыхъ. Поэтому ръшили, что Алексъй Львовичъ ничего не имъетъ противъ брака и даже одобряетъ его, но только въ принципъ, такъ сказать въ идеъ.

- Ты что-жъ, Алексви, спросила его однажды Евлампія Львовна, когда разговоръ пришелся "къ слову": такъ и не женишься?
 - Такъ и не женюсь.
 - А почему бы?—полюбопытствовала она.
- Чёмъ же жить-то я буду съ семьей? просто отвётилъ онъ. И такъ не принцемъ живу. А пойдуть младенцы придется имъ жить впроголодь, да безъ лакомствъ, да безъ игрушекъ. А развъ младенцу можно въ чемъ отказать? Лучше я жизни рёшусь, чёмъ откажу младенцу. И самъ знаю: "не доброчеловеву быть едину"...
 - Отчего не добро? Вотъ же я одинова?
- Потому вовругь тебя и приживальи, что ты едина; а была бы у тебя семья, и ихъ бы не было.
 - А что онв тебв мвшають?
 - Да мей что, мей ничего. Это я такъ, къ слову.
- Не вышла я замужъ, усмъхнувшись, продолжала сестра, потому что нравъ у меня, говорили, больно строптивъ былъ. Одинъ женихъ былъ, да и того выгнала изъ дому. Мошенникъ, не меня онъ добивался, а къ капиталамъ моимъ подбирался, хоть и самъ не безъ средствъ былъ...

Алексви Львовичъ промодчалъ, потому что отлично зналъ, что не Евлампія Львовна выгнала жениха, а онъ самъ ушелъ, разведавъ, что все капиталы, въ случат замужества Ситниковой, переходятъ на благотворительныя дёла.

Больше нивогда этотъ разговоръ и не возобновлялся.

И вотъ теперь Мароуша "съ неистовымъ нетерпвніемъ ждала своего покровителя"—по выраженію Стуловой, и въ глубинъ своей испуганной души надвялась, что ему удастся "отговорить"

благодътельницу; въ тому же и Маруся объщалась поговорить съ дядей.

На третій день онъ, навонецъ, дъйствительно пришелъ.

XII.

Алексъй Львовичъ какъ пришелъ въ домъ, такъ сразу и наткнулся на сундучокъ Мароуши.

- Это что?—въ недоумвніи произнесь онъ:—прівхаль въ вамъ вто-нибудь, или увзжаеть? спросиль онъ быстро выбъжавшую въ нему на встрвчу Марусю.
- Увзжаеть, дяденька, увзжаеть... Тетенька ее выгоняеть, а я хочу васъ просить, милый дяденька, разговорите вы ее отъ этого... вы добрый, вы можете...
- Стой, стой!—остановиль онъ ее.—Да вто уважаеть? Кого прогоняють? Толкомъ свазывай.
 - Мареушу! Ее прогоняють.
- Мареушу?—протянуль онь, и на лицъ его легла тънь.— Да что ты? Евлампія ее прогоняеть? Да за что же?
- Ой, говорите потише, дяденька,—тетенька услышать... По наговору Александры Васильевны... Ненавистью она ее ненавидить, а за что—не знаю.
 - Ишь!..—проворчалъ Алексей Львовичъ.
 - Вредная женщина! подтвердила Маруся.

Евлампія Львовна отдыхала еще послѣ обѣда, дремля въ креслѣ; Ситниковъ заглянулъ къ ней въ комнату и не рѣшался будить ее. Онъ прошелъ въ комнату Маруси, гдѣ сидѣла и Мареуша. Стулова куда-то отлучилась, и трое пріятелей были въ относительной безопасности.

Мареуша при видъ Алексъя Львовича ударилась въ слезы и не могла произнести ни слова.

Алексъй Львовичъ женскихъ слезъ видъть не могъ, и тотчасъ же отвернулся неопредъленно, въ видъ утъшенія огорченной дъвушкъ пробормотавъ:

— Ну-ну... ишь вѣдь...

Когда Мареуша усповоилась, она заговорила съ Алексвемъ Львовичемъ и разсказала ему подробно о происшествіи; разскавывала она горячо, путанно, отклоняясь въ сторону, возвращаясь въ одному и тому же по нъскольку разъ. Наконецъ, когда вопросъ достаточно выяснился, она спросила Ситникова:

- Ну, что вы сважете, Алексей Львовичъ?

Онъ помончалъ.

- A ничего не сважу, усповоительно замѣтиль онь. Мареуша опѣшила.
- -- Какъ ничего? -- повторила она и приготовилась заплакать.
- Такъ ничего. Что говорить? Действовать надо, а не говорить.

Маруся винулась въ нему на шею.

- Дяденька, миленькій, какой вы добренькій!..
- А съ виду-то такой суровый!—замётила, улыбаясь, Марвуща, которая очень легко переходила отъ слезъ къ смёху.
- Ужъ такой видъ! согласился Ситниковъ. У многихъ лодей, — поучительно добавиль онь, — видь не соответствуеть душъ. Вотъ у меня былъ учитель въ юности. Страшный такой съ виду, да и звали-то его Африканъ Гаврилычъ. А голосъ у него—что у льва пустыни. Ажно страшно становилосъ, когда уста свои раскрываль. Матушка моя повойница-царство ей небесное! -- слабаго сложенія была женщина, и та его даже боялась. "Охъ, -- говорила она Африкану, -- и сподобиль же васъ Господь этакимъ-то зычнымъ голосомъ, да еще и словеса страшния иврекать"! И такая-то она передъ нимъ маленькая, худенькая, словно малютка. Воть когда приступаль онь къ моему обученію, и говорить она ему, кланяясь въ поясь и слезно моля: "Обучите вы, батюшка, Африканъ Гавриловичъ, моего Алешу уму-разуму... только ежели онъ чего по глупости не пойметь, строго не наказуйте --- вдоровьемъ-то онъ плохъ у меня, совсёмъ лядащій. И въ науку, — говорить, — не отдала бы его, да ужъ больно желательно мей, чтобы онъ по торговой части пошель"... А Африканъ-то еще пуще брови насупилъ, да такимъ зычнымъ голосомъ всиричалъ, что стекла въ окив задребезжали: "Мароа, — говорить, — Мареа! Печешися о мновъ"!.. — Матушка-то со страху попятилась да и обидилась: "Какая, -- говорить, -я тебъ, отецъ мой, Мароа, волн вовутъ меня Оедосьей". Не поняла старуха. Ну, вотъ, и сталъ я обучаться у Африкана Гавриловича, и очень скоро всякій страхъ потерялъ, потому добръйшей души человъкомъ оказался, и за все время ученія пальцемъ не тропуль меня. А вогда, бывало, разсердится, -ръдво случалось это, потому и я прилеженъ былъ, -- только мудренымъ словомъ навимъ обзоветъ: "Сикофантъ! -- всиричитъ тавово вычно: —почто тетрадь чернилами облилъ "? Или: "Мастодонть! Корень ученія горекъ, а плодъ его сладокъ"! Или чтонибудь этакое-подобное.

Дъвушки слушали Алексъя Львовича внимательно и улыба-

лись. Онъ внали, что его не нужно прерывать, когда онъ начиналь свои воспоминанія. Это случалось съ нимъ очень ръдко, но всегда означало, что онъ въ духъ. Къ тому же объ давно подмътили, что онъ только съ ними пускается въ воспоминанія и разговоры, тогда какъ съ другими упорно молчить или отвъчаеть ничего не значащими фразами.

— Я же сважу, --продолжаль Ситниковъ, --что ворень ученія горькимъ мит ничуть не показался, а даже совствив напротивъ. И какъ выучился грамотъ, полюбилось миъ пуще всего книжки читать, особливо какъ сказку про Конька-Горбунка прочиталъ. Наизусть я эту сказку выучилъ, да и до сихъ поръ помню. Африканъ же Гаврилычъ очень моими успъхами доволенъ былъ; говорилъ, еслибы въ семинарін мив поучиться, непремвино быть бы мив попомъ. Однако не судилъ Богъ мив этого! -- со вздокомъ сожальнія проговориль Алексьй Львовичь. - Матушка, продолжалъ онъ, -- тоже радовалась, только все бонлась, какъ бы я не заучился да не зачитался. "Храни Господь, заучиться—въ чахотку впадещь"... Къ чему это я веду-то? - вдругъ спохватился онъ и въ недоумъніи остановился. — Да! — вспомниль онъ: — къ тому, что, моль, всякая наружность обманчива. Суровъ быль съ виду Африканъ, -- ангелъ же душою. Таковъ и я! То-есть, -- поправился онъ, вдругъ сконфузившись, — я-то не ангелъ, а гржшный человёвъ, со всёми человёческими слабостями и грёхами, однаво даромъ не только человъва не обижу, а скажемъ такъ, что и вурицы. А обливъ у меня мраченъ — это вы дъйствительно. И обликомъ похожъ я на разбойника съ большой дороги.

Дъвушки прыснули со смъха.

- Чему вы? изумился Алексей Львовичъ.
- Да какъ же, дяденька! сказала Маруся, весело сивясь: какой же вы разбойникъ!
 - Съ виду, говорю, съ одного виду.
 - И съ виду даже вовсе не похожи. Худенькій вы...
 - Что-жъ, развъ худенькихъ разбойниковъ не бываеть, что-ли?
- Худые-то они всё худые, а худеньваго ни одного,—съострила Маруся, и Алексей Львовичъ благосклонно взглянулъ на. нее, удостоивъ ея замёчаніе улыбкой.

Маруся смотръла на этого тощаго человъка въ очкахъ, поминутно вздрагивавшаго отъ какого-то внутренняго холода, и никакъ не могла его вообразить себъ разбойникомъ, да еще съ большой дороги...

Дверь отворилась, и въ ен отверстіе просунулась голова Александры Васильевны. Увидя Алексия Львовича, она попятилась; она его не любила и чувствовала въ немъ врага. Она знала, что Ситниковъ называетъ ее кровопійцей и настранваетъ благодітельницу противънея. Однако они никогда между собою не разговаривали и по внішности ихъ отношенія были безукоризненны.

- Ничего, ничего, не стъсняйтесь, сказалъ Ситниковъ Стуловой. — Это и, свой, домашній человъкъ. Вы по дёлу?
 - Не то чтобы...—замялась приживалка.
- Меня выживать? Часъ, дескать, насталь?—вдругъ раздражившись, крикнула Мареуша, чувствуя сиблость въ присутствіи Алексвя Львовича. Не безпокойтесь, уйду... до вечера есть еще время.
- А мит что? ответила Стулова.—Я ведь въ этомъ не причина.
 - Не причина?—взвизгнула Мареуша.

Но Алексей Львовичь поспешиль вступить въ разговоръ, чтобы превратить эту сцену.

- Госпожа Стулова, торжественно свазаль онь, такъ какъ никогда не навываль ее по имени и отчеству, не соблаговолите ли сказать мив: проснулась ли сестра?
- Проснувшись, Алексьй Львовичь, проснувшись. Только онъ разстроены и никого видъть не желають, отвътила она, робко поглядывая на Ситникова.
- Объ этомъ не безповойтесь, госпожа Стулова. Сестра почти всегда разстроена, а долгъ брата завлючается въ томъ, чтобы ее настроить.

Онъ всталъ, кивнулъ объимъ дъвушкамъ и вышелъ изъ комнаты.

- Ты чего?—наконецъ спросила она.
- Ничего. Зашелъ тебя провъдать.
- Не умираю еще. Больно часто вабъгалъ. Когда нужно зову, а такъ-то ходить—что пустые разговоры заводить? Пользы отъ нихъ не вижу. У "того" былъ ли?
 - Былъ и не однажды.
 - Уговорилъ?
 - Касательно чего?
 - Да что ты, Алексъй, вовсе оглупълъ, что-ли? Толку отъ

тебя не добъешься въ последнее время. Относительно того, чтобы онъ сюда не вздумалъ явиться.

- Не выгорило.
- -- Что же, явится?
- Это его твердое ръшение.

Она посмотръла на него такимъ взглядомъ, какъ будто хотъла сказать: "Ну, вотъ и самъ видишь, на что же ты послъ этого годенъ".

- Говоритъ: "добромъ не пуститъ, по закону потребую свиданія съ дочерью". Что жъ я могу? По закону онъ правъ.
- По закону, по закону!—вскипъла она.—Законники вы съ нимъ! Гдъ это таковъ законъ? Двадцать лътъ не видавшись съ дочерью—и вдругъ, на! по закону...
- Что-жъ, Евламиія, вначаль, по молодости и суетности, повинуль онь дочь, потомъ обстоятельства метали...
 - Да ты что? Въ своемъ умъ?
 - При полномъ разумъ.
 - Вишь, какъ заговорилъ! Ужъ не оправдываеть ли ты его?
 - Я нивого не осуждаю, -- уклончиво отвътиль Ситинковъ.
- И по твоему допустить?—спросила она его съ насмъщвой въ голосъ и вмъстъ съ тъмъ робко.
 - Нельзя не допустить...
- Ну ужъ, Алексъй, скажу тебъ прямо: не понимаю я, что съ тобой сдълалось въ послъднее время? Али голова, али сердце у тебя не въ своемъ порядкъ.
- Все, матушка, въ порядкъ, все, нъсколько раздражаясь, проговорилъ Ситниковъ и мрачно продолжалъ: Что же я-то могу?
 - Представилъ бы ему резоны.
- И представляль. И гръхомъ пугалъ, и тобою: женщина, говорю, властная, строгая.
- Мною нечего пугать, обидълась она. Я не сатана, чай...
 - Да, вишь, онъ и въ сатану не въритъ.
- Да что ты думаешь, очень я боюсь его? Пущай приходить. Только чего же онъ до сихъ поръ-то не идеть?
 - Насильствомъ не хочетъ. Выжидаетъ твоего согласія.
- Воть что! иронически разсмъялась она, но въ душть ощутила пріятное чувство.
 - Такъ сказать, чтобы пришель?
 - Мнъ что! Скажи. Только Маруси я ему не поважу.

Наступило молчаніе. Евлампія Львовна догадывалась, что онъ

еще что-то хочетъ сказать ей, и даже, важется, знала, что именно. Тъмъ не менъе, она глядъла на него вопросительно, какъ бы спрашивая его: "что же ты не уходишь, коли обо всемъ переговорили"?

Но такъ какъ Ситниковъ упорно молчалъ, то она, наконецъ, не выдержала и сама заговорила:

- Еще есть что?
- Есть, Евлампія.
- Говори.
- Да ужъ и не знаю, какъ сказать.—И онъ полёзъ-было въ карманъ за папиросами, такъ какъ всегда, когда его что-либо смущало, имёлъ привычку закуривать папиросу. Онъ сознавалъ, что курить "занятіе довольно подлое", но отъучить себя отъ этой привычки, несмотря на всё усилія, никакъ не могъ. Но онъ во-время вспомнилъ, что въ дом'в сестры никогда еще не позвоваль себъ выкурить ни одной папиросы. И теперь онъ воздержался и помоталъ рукою по воздуху.
- А коли не знаешь, значить, пустое,—заявила Евлампія Львовна.

Ситниковъ вдругъ разсердился.

— Обижать праведнаго человъка — пустое? — мрачно заговориль онъ. — Гнать бездомнаго на улицу — пустое, по твоему? Какая же ты послъ этого христіанка, Евлампія?

Евлампія Львовна сурово нахмурилась. Она еще никогда не сышала такого тона отъ Алексъя Львовича.

- Слушай, медленно и внушительно заговорила она, внутренно волнуясь. Слушай, что я тебв скажу, Алексви... Когда ежели мив твой совыть надобень, я тебя завседа зову. Не такь ли?
 - Такъ.
- И говорю тебъ: вотъ, молъ, такое-то и такое-то дѣло; какъ по твоему? А коли ежели я тебя не вову, и ни о чемъ не спрашиваю, стало быть ни въ тебъ, ни въ твоемъ совътъ надобности не настоитъ. А въ свои домашнія дѣла никому вмѣ-шательства не попущу. И твоего вмѣшательства не попущу. Вотъ.
 - Такъ, --еще мрачиве сказалъ онъ.
- Ступай-ка къ Марусъ, пущай она тебя угоститъ чаемъ. И варенье у ней должно быть есть твое любимое черносмородинное. А ежели нъть, пусть въ лавочку кухарку пошлетъ. Миъ же покой нуженъ. И то помотали меня мои людишки.
- Навоевалась, значить... усмъхнулся онъ, все еще не поднимая глазъ.

- Алексъй! вривнула она, возмущенная его тономъ.
- Да ужъ такъ. А только дозволь и инъ тебъ сказать: женщина ты разумная Богъ умомъ не обидълъ и жизни ты строгой, благочестивой, это тоже нечего сказать... заговорилъ онъ, видимо волнуясь и подбодряя себя. Такъ какъ же, послъ всего этого, допускаешь ты негодной пьяной бабъ и прихлебательницъ...
 - Алексъй!—еще разъ попробовала она остановить его.

Но его остановить было трудно. Онъ походиль на кусовъ гранитной скалы, угрюмой и неподвижной, пока не тронулся съ мъста; но когда кусовъ этотъ отрывался, то онъ уже катился безъ удержу, и ничто не могло бы его остановить въ его сокрушительномъ бъгъ.

- Какъ же ты, говорю, допускаешь куражиться ей надътобою? Девушка ни въ чемъ неповинна вся ея вина, что не съумъла угодить твоей... домоправительницъ а ты ее тиранишь. Девушка, такъ сказать, благороднаго воспитанія и даже пронсхожденія, а ты ее въ угоду пьяницъ прогоняешь? Если ужъ на тебя напало такое вражеское чувство, чтобы непремънно изгонять... ну, изгони свою Стулову. Отъ этого только въ домъ миръ и спокойствіе наступять. А то и ее можно не изгонять, а только держать ее въ строгости.
- Да что ты влюбленъ, что-ли, въ поганую эту Мароутку? въ врости крикнула она, и замътила, какъ онъ вздрогнулъ.
- Поганые бывають исы и некоторыя прочія животныя. А людей погаными обзывать грешно,—наружно спокойно ответиль онь.—А что же касается до твоихъ нечистыхъ намековъ, то разсуждаю я такъ, что они и ответа не стоютъ...
- Потому и не стоютъ, что лгать-то на старости лѣтъ совѣстно, а правду сказать—еще того совѣстнѣе. А только что ты мнѣ ни говори, а это дѣло рѣшенное. Нѣтъ моей воли безпутную дѣвку въ домѣ держать, чтобы она и другихъ портила.
 - Распутную? Да чёмъ же это она распутная?
 - А ты, небось, не знаешь?
- Не знаю, отвътилъ тотъ неувъреннымъ голосомъ и впился глазами въ старуху.
- А не говорила она, побъдоносно начала Евлампія Львовна, что всякая тварь любить?
 - Говорила.
- A не говорила она, что нѣту грѣха въ любви человѣческой, а какъ разъ наоборотъ?
 - Говорила.

- Ну, такъ вотъ, значитъ, она и распутная.

Алексъй Львовичъ удивился этому выводу и нъкоторое время ничего не могъ отвътить сестръ. Онъ припомнилъ, что, дъйствительно, недавно у него съ Мареушей былъ подобнаго рода разговоръ, въ которомъ онъ не нашелъ ничего зазорнаго, потому что они часто говорили на эту тему, а иногда и Маруся принимала участие въ этихъ разговорахъ.

- Но почему же? наконецъ, спросилъ онъ.
- Евлампія Львовна не сразу нашлась, что отв'єтить.
- Почему, почему? Потому самому!—равсердившись, вривнула она.—Да что!—припоминая еще что-то, прибавила она,—ты и самъ ее осадилъ...
 - R
- Ты. Развъ ты не отвътиль этой паскудъ: "не совмъстию мив, холостому человъку, въ преніе съ вами по такимъ дѣламъ вступать"?—побъдоносно и торжествующе окончила она. Алексъй Львовичъ злобно ухмыльнулся.
- Ну, сестра, сказалъ онъ, вотъ что на это тебъ вовражу: никогда я такихъ словъ не произносилъ, это тебъ напутали и нарочно налгали твои шпіоны, -- онъ повысиль голосъ, -или, върнъе, твой единственный главный шпіонъ, госпожа Стулова. Говорю сіе громко, дабы она, коли находится за дверью въ положение подслушивательницы, то и слышала бы. А что васаемое діла, то оно обстояло такъ: мы дійствительно иміли разсуждение о любви и о томъ, что нъть въ любви человъческой грёха, иначе не были бы произнесены слова: "плодитесь, размножайтесь и населяйте землю". А когда Мароа спросила меня: "значить, нъту гръха въ любви человъческой, а какъ разъ наоборотъ? "-я ей отвётиль: "нёту". А она вновь спросила: "а вакъ же говорять, кто любить плотски, тотъ грешенъ"? И я вновь отвётиль: "тоть, кто любить самую любовь, а не человъка-тоть гръщенъ". И на семъ простились, и нивогда я столь глупыхъ словъ, кои мит вредные и овлобленные люди приписывають, не произносиль...
 - Она наущаеть противъ меня Марью.
 - Ложь.
- Говорить: "не слушайся ты старой тетки,—нъту, говорить, такой власти"...
 - Клевета.
- Да ты чего отъ меня, навонецъ, хочешь?—потерявъ теривне, вскрикнула Евламиня Львовна. — Ну, говори, только не мажь, а скорфе и кратче. Уставши я, вотъ.

- Изволь, скажу кратко; первое: не гони неповиннаго человика; второе: теперь ночь—куда ей дъваться?
 - А мев какое двло?
- Да въдь ты христіанка! И еще третье: коли человъва считаешь виновнымъ передъ собой, призови его, внуши ему, выслушай оправданіе и прости его.
- Видъть ее не хочу, слышать ее не желаю, непрошеныхъ совътниковъ не терплю! Мареутвъ отсюда чтобы ныньче же убраться, а ты будь добръ, уйдя отсюда, передай ей это мое послъднее распоряжение.

Алексъй Львовичъ всталъ, тряхнулъ головой и подошелъ въ сестръ такъ близко, что она отшатнулась.

- Упряма же ты, какъ ослица!— сказаль онъ ей, и Евлаипія Львовна чрезвычайно разгитвалась.
- Что, что?! Я—ослица? Да вавъ ты смѣешь! Да вавъ ты можешь!.. Въ домъ приходишь скандалить! И пускать тебя не стану... Приважу выгнать. Александра! Александра! закричала она.

Но съ совершенно необывновенной легкостью Алексъй Львовичь подскочиль къ двери, заперь ее на ключь и вновь сталь передъ сестрой.

- Сестра, сказаль онь ей спокойно, не дури. Не вившивай чужую бабу въ нашъ разговоръ, который ведемъ между собою. Вёдь мы брать и сестра. Я вёдь ей могу такое сказать... А впрочемъ Богъ съ ней. Ссориться съ тобой тоже моего желанія нётъ. А послёднее мое слово таково: коли Мароу простить не желаешь...
 - Не желаю.
- Погоди. Коли непремънно ее изгнать ръшила, не глядя на ночь...
 - Ръпила.
- Постой, дай кончить. Такъ воть, коли ты все это ръшила, то и я ръшиль: Мареа отсюда пойдеть ко миъ.
 - Къ тебъ?! всириннула Евламиня Львовна. Къ тебъ?!
- Не на улицъ же ей въ самомъ дълъ ночевать? просто отвътилъ онъ.
 - А ты... ты куда же денешься?
 - Къ товарищу уйду.
 - А товарищъ-то женатый?
 - Женатый.
- Эхъ ты, умная голова, совътчикъ! Такъ ты ее лучше къ семейному человъку отвези, а не на свою квартиру...

- А вёдь и то!—согласился Алевсей Львовичь. А всего дучше ей бы у тебя оставаться.
 - Никогда.
 - Экъ въдь тебя и впрамь не переупросишь.

Это замъчаніе, повидимому, понравилось Евлампіи Львовнъ, и она даже улыбнулась.

- Да ужъ, это ты върно, свазала она.
- Ну, будь по твоему. А теперь —прощай.

Онъ собирался выйти, вогда Евлампія Львовна опять его остановила.

- А вогда же свадьбу играть будемъ? спросила она.
- Какую свадьбу? удивился Алексви Львовичъ.
- Твою съ Мароуткой.
- Сестра Евлампія! торжественно заговориль онь, какъ бы стараясь внушить ей однимъ своимъ тономъ уваженіе къ себъ. Такихъ и подобныхъ сему шутокъ, при всей своей незлобивости и безобидности, не потерплю. Низменныхъ чувствъ во мив къ ней не имъется, кромъ благородныхъ и сострадательныхъ. Коли собаку на улицъ брошенную пригръваемъ, какъ же не пригрътъ человъка? И Богъ воздастъ миъ, а тебя и твою злую совътчицу накажетъ. А господину Муромскому передамъ твое разръшеніе явиться. Что касается меня, то незваннымъ меня долго не увидишь, а коли понадобится совътъ или дъло какое, я по прежнему твой слуга и совътчикъ. Ну, а за симъ прощай, злобствуй во все свое удовольствіе и прости меня, коли я тебя чъмъ обидълъ.

Она хотъла ему что-то отвътить и даже поднялась съ вресла, но онъ ее уже больше не слушалъ, медленно подошелъ въ двери, отперъ ее и вышелъ.

Въ передней, на сундучкъ сидъла Мароуша съ залитымъ слезами лицомъ, закутанная въ пальто и платокъ, готовая къ "выброшенью на улицу", но все еще на что-то надъявшаяся.

- Ну, что? прошептала она. Простили?
- Собирайтесь, повденте, отвътилъ онъ.

Она опять залилась горючими слезами, но онъ посившилъ успокоить ее, и голосъ его звучалъ на этотъ разъ какъ-то особенно сурово.

— Чего химчете? Въ хорошій домъ отвеву. Лучше чёмъ вдёсь будеть...

XIII.

Муромскій шель по улиці, понуря голову. Настроеніе его было неопределенное. Съ техъ поръ вакъ онъ пріёхаль въ Россію, прошло не мало времени. Онъ отвыкъ отъ строя жизни, отъ строя мыслей окружавшихъ его людей. Къ прошлому его уже не влекло какъ-то, онъ и самъ не зналъ-почему; въ настоящемъ ощущалась тоска-нудная и томительная, пустота и неловкость, въ будущемъ все казалось мрачнымъ и горькимъ. Два-три товарища, которыхъ онъ встретилъ по возвращения. отнеслись въ нему странно: одинъ пренебрежительно холодно поторопился произнести нъсколько фразъ, установленныхъ кодексомъ светскихъ приличій; остальные и того не сделали, а поспѣшили не узнать его; два раза заходилъ Ситниковъ и объявляль, что желанія на свиданіе еще не последовало со стороны сестрицы. Муромскій замітиль, что "суровый консисторецъ", вакъ онъ называлъ его, постепенно размякаетъ и съ важдымъ разомъ говорить съ нимъ въ менъе сдержанномъ тонъ, а иногда въ его голосъ прорываются даже мягкія, теплыя нотки. Въ особенности перерожденнымъ онъ явился въ последній, третій разъ, объявивъ, что "согласіе на свиданіе со стороны Евлампін Львовны хотя и последовало, однако же съ пекоторыми "прелиминаріями", что означало нежеланіе старухи, чтобы Муромскій увидался съ дочерью. Муромскій, послів минутнаго размышленія, согласился, въ душів разсчитывая при личномъ разговоръ покорить волю Евлампін Львовны и добиться своего. Въ тонъ же Алексъя Львовича было на этотъ разъ такъ жного ласки, что Муромскій рискнуль его попросить передать дочери записку. Однако Ситниковъ, хотя и виноватымъ голосомъ, но съ достаточною твердостью отклониль это порученіе.

— Увольте-съ, ей Богу, увольте.

И Муромскій поняль, что настанвать будеть безполезно.

Онъ, конечно, давно могъ бы самъ отважиться пойти къ Евлампіи Львовнъ или послать съ къмъ-нибудь письмо дочери, но онъ ничего не хотълъ "форсировать", опасаясь тъмъ повредить дълу или Марусъ. И онъ терпъливо выжидалъ.

Теперь, когда онъ шелъ по деревяннымъ мосткамъ, которые колыхались подъ его ногами, какъ клавиши негоднаго рояля, смутное, тревожное чувство овладёло имъ. О чемъ онъ будетъ говорить съ этими темными и странными людьми? И главное, какъ онъ будетъ говорить? Конечно, ни онъ ихъ, ни они его не

поймутъ. Они говорятъ на разныхъ язывахъ, и мысли ихъ слишкомъ различнаго строя, чтобы совпастъ котя въ чемъ-нибудь. Раза два у него мельвнула мысль вернуться, но что-то властное, что-то до сихъ поръ ни разу неиспытанное, что-то невъдомое, толкало его впередъ и впередъ и заставляло сердце его учащенно биться.

Онъ даже передернулъ раза два плечами отъ досады. "Есть многое на свътъ, другъ Гораціо...—думалъ онъ: —двадцать лътъ прошло, и я ни разу не вспомнилъ ни жену, ни дочь... и вдругъ какое-то наивное письмо незнакомой дъвочки перевернуло мнъ всю душу"! И по мъръ того, какъ онъ приближался, душа его наполнялась сладостнымъ, мучительнымъ чувствомъ, и онъ, который привыкъ все анализировать, безпомощно разводилъ руками и не могъ понять, что съ нимъ такое происходитъ.

Когда-то, не такъ еще давно, онъ читалъ лекцію объ альтруизмів и эгонзмів; онъ доказываль, что оба эти чувства составляють необходимые элементы душевной организацін человівка; онъ говориль, что они находятся въ постоянномъ антагонизмів, что сердце человівческое скоріве эгонстично, а разуміъ скоріве альтруистичень; что любовь къ своимъ собственнымъ дітямъ, къ своей семьів, къ своей родинів, по самому своему существу—чувство узкое и эгонстическое, хотя, въ силу издавна сложившихся традицій и ложно истолкованной морали, принято думать наобороть; онъ толковаль, что любовь къ постороннему человівку и къ чужимъ дітямъ, шире, естественніве; что любовь къ человівчеству вообще, ко всімъ людямъ еще шире, еще естественніве; что слова: семья, общество, государство, патріотизмів—слова ложныя, сковывающія альтруистическое чувство человівка и связывающія полеть его мысли.

И воть, вдругь, теперь онъ чувствуеть всю разницу между отвлеченными разсужденіями и практивой жизни. Еще не видя дочери, онъ полюбиль ее. Неиспытанное теплое, цёлительное родительское чувство наполняеть его... и удручаеть его.

— "Alea jacta est!"—пробормоталь онь и позвониль у двери.

Онъ вошелъ въ комнату Евлампіи Львовны. Старуха двинулась въ креслѣ, нагнулась впередъ, и во взорѣ ея выразилось недоумѣніе. Она не узнала его, и по всему видно было, что она его не ожидала.

[—] Муромскій, — тихо произнесъ онъ.

[—] А...—отвътила Евлампія Львовна.—Прошу поворно садиться.

Наступило модчаніе. Ни Евлампія Львовна, ни Муромскій не прерывали его.

Навонецъ, она, оправившись отъ смущенія, заговорила.

- Вамъ, стало быть, братъ передалъ мои условія?
- Это насчеть того, чтобы не видъться съ дочерью?
- Насчеть этого самаго.
- Передалъ.

Они опять замодчали.

- Евлампія Львовна!—началь онь, стараясь найти надлежащій тонь и уклоняясь оть ея остраго, проницательнаго взгляда.
 —Я не понимаю,—вы, женщина благочестивая, строгой жизни, какъ говорить Алексъй Львовичъ... какъ это вы можете ставить такія условія... Въдь Маруся—дочь мнъ... въдь я—отецъ ея.
- Какой же вы отецъ, ежели вы ее двадцать лътъ не видали?
- Акъ, оставьте вы эти двадцать лѣтъ!—съ досадой проговорилъ онъ.—Ну, что же изъ этого? Ну, не видалъ, а теперь желаю видъть...
- Я думала, что вы поворились моему рѣшенію. Марусю вы не увидите. Къ чему? Ей живется хорошо, тихо, спокойно,— зачѣмъ смущать ея душу? Ежели вы съ тѣмъ пришли, чтобы замутить ея душу, вотъ вамъ мое слово... ужъ извините, не ввыщите за рѣзкое слово... вотъ Богъ, а вотъ порогъ!

Въ эту самую минуту Муромскій почувствоваль, какъ сердце его дрогнуло. Уйти, не увидавъ дочери? Уйти, не сказавъ ей ни слова? Не прижавъ ее къ груди, къ груди, — которая давно не видала ласкъ? Весь запасъ любви, который со дня рожденія заложенъ въ челов'вческой душ'в, а у него накапливался годами, вдругъ поднялся сразу. Какой-то внутренній вопль стоялъ въ немъ, и онъ заговорилъ страстно и горячо, такъ, какъ никогда не говорилъ, какъ и не могъ предполагать, что ум'ветъ такъ говорить.

— Евламиія Львовна, вы видите передъ собой глубово несчастнаго человъка... Жизнь моя была уже разбита въ молодыхъ годахъ. Жена меня повинула всворъ послъ рожденія Маруси. Боже мой, я никого не обвинию, — не обвиняю и ее, — можетъ бытъ, я самъ въ этомъ виноватъ, и даже навърное. Потомъ меня повинули люди, товарищи, и я самъ оставилъ отечество. Безъ семьи, безъ друзей, прожилъ я чуть не четверть въка на чужбинъ... Тяжело въдь мнъ было, подчасъ такъ тяжело, что и сказать — не повърите. Ну, вотъ, сердце мое охладъвало, чувства мои остывали, умъ работалъ, усиленно работалъ, а все, что к

писаль, мало въмъ было понято какъ слёдуеть, мало въмъ было принято. Когда сердце молчить или ожесточается, разумъ всегда доходить до крайнихъ выводовъ. И я поняль это недавно. И я раскаялся... И мит захотълось пожить, какъ живуть всё люди, и мит захотълось любить, какъ любять всё люди...

Широво раскрывъ глаза, слушала старуха эту странную ръчь, и ничего не понимала. Она глядела на этого прасиваго сорокаизтилътняго человъка, и ее разбиралъ страхъ. Ростъ и фигура Муромскаго, который среди своей ръчи всталъ, были величественны, лицо мужественное, жесты его широви, влассически благородны и преврасны, вакъ у человъка, привывшаго къ извъстности, въ жизни на людяхъ. Говорилъ онъ нъсколько театрально, и подъ вліяніемъ увлеченія или сильнаго чувства річь его походила на декламацію. Лицо его и глаза всегда выражали волнующія его въ данную минуту чувства. Невольно чувствовалось, что это характеръ сильный, упорно настойчивый и вместе съ тыт увлевающійся до самозабвенія, что препятствія могуть только разжигать его. И вийсти съ тимъ иногда въ его словахъ н въ особенности въ его тонъ дрожали глубово-сворбныя нотки. Евлампія Львовна старалась остановить его движеніемъ руки, но онъ, повидимому, не замъчалъ ничего.

- А воли вы раскаялись, —наконецъ сказала она, —такъ ово и лучше. Богъ любитъ раскаявшихся гръшниковъ. Коли дъйствительно раскаялись, —и онъ проститъ, многомилостивый. Ну, а коли онъ проститъ, —какъ не простить и людямъ? Хорошо, батюшка, вы это сдълали... Теперь бы вамъ отговъть, да исповъдываться... отъ еретичества отъ вашего отречься...
- Вы меня не такъ поняли, смущенно началъ онъ. Мнѣ не отъ чего отрекаться. Я не сдѣлалъ ничего дурного или зазорнаго, и мнѣ не въчемъ каяться... Я каюсь въ одномъ, что жилъ до сихъ поръ безъ любви, что осмѣливался думать, что можно прожить однимъ разумомъ. Теперь я хочу видѣть дочь, понимаете ли, хочу и имѣю полное право требовать этого свиданія. Никто, слышите ли, никто, вдругъ разгорячился онъ, не можетъ меня лишить этого права...
- Ну, вотъ, батюшка, теперь я узнаю васъ! ехидно заивтила старуха. — И нечего, стало быть, было привидываться овцой. Волють-то всегда скажется, даже въ овечьей шкуръ.
 - Эхъ, не понимаете вы меня, Евлампін Львовна!
 - И не понимаю этого, точно, -- смиренно согласилась она.
- И нивогда, нивогда не поймете! всеривнулъ онъ. Слишвомъ мы разные люди. Мнъ васъ не понять, а вамъ меня.

- Это точно, опять согласилась она равнодушнымъ тономъ.
- Да, пожалуй, этого и не требуется, началь онъ.—Я знаю, вы воспитывали мою дочь, когда родители ее покинули, и я глубоко вамъ благодаренъ за это, ахъ, еслибы вы знали, какъ благодаренъ!
 - Не на чемъ, пробовала она его остановить.
- Ен мать была безъ разума и сердца, а отецъ жилъ только разсудномъ; пусть тавъ, противъ этого нечего спорить. Вы замънили ей мать. Ну, корошо; никто не можеть отнять оть васъ этой васлуги. Но теперь Маруся—взрослая девушка. Предоставьте же ей увидъть отца, поговорить съ нимъ и ръщить, отвергнетъ ли она его, или нътъ. Я не хочу насилія; я всю жизнь былъ противъ него, и я, даю вамъ слово, тотчасъ же уйду, какъ только увижу, что сердце ся не лежить во мев. И нивто изъ васъ, ни она, ни вы, ни брать вашъ не увидять больше меня... Но если она не отвергнетъ меня, если она полюбитъ меня, предоставьте же и мей въ моей горькой одинокой жизни испытать хотя одно мгновеніе счастья, почувствовать на себъ хотя одинъ теплый лучъ любви... За что, по вакому праву вы хотите лишить меня этого? Или вы боитесь за нее? Тогда непрочно же, значить, вы вселили въ нее ваши идеи! Пусть она увидится со мной въ вашемъ присутствіи. Вы сами будете свидітельницей, что я буду вести себя честно и ни одного слова не скажу ни противъ васъ, ни въ свою пользу. Она молода, и молодое, здоровое, искреннее чувство подскажеть ей, что ей делать... Согласны?

Но тутъ произошло ивчто неожиданное.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и въ вомнату вбъжала Маруся; видъ ея былъ растерянный, возбужденный. Еще въ дверяхъ она оттолкнула отъ себя Стулову. Всъ эти дни она сторожила Марусю. Но, въ свою очередь, и Маруся была на чеку, видимо волновалась и, сама не отдавая себъ отчета, предчувствовала что-то. Теперь дъвушка, опустивъ глаза, стояла передътеткой. Евламиія Львовна сурово взглянула на Марусю.

— Что тебь надо?—спросила она ее. — Кто тебя зваль?

Маруся ничего не отвътила и ръшила поднять глаза. Взглядъ ея остановился на Муромскомъ, который при входъ ея оборвалъ свою ръчь на полусловъ; онъ также смотрълъ на нее безмолвно, пораженный ея врасотой, и не столько красотой, сколько выраженіемъ кротости и чего-то высшаго, идеальнаго, что было присуще ея лицу.

Что-то дрогнуло въ немъ, чужое, незнакомое, что-то потрясло его и сжало въ горлъ.

- **Маруся!** произнесъ онъ еле слышно, однѣми губами, дрогнувшимъ и прервавшимся отъ волненія голосомъ.
- Папа!—вырвалось у нея какимъ-то истерическимъ крикомъ.

Она вся вспыхнула, потомъ поблёднёла, хотёла сдёлать шагъ въ нему, вачнулась и должна была сёсть на стулъ.

— Это я... да, это я...—безсмысленно и растерянно повторяль онъ, не зная, что дълать, съ чего начать.—Это я... вотъ я хотъль васъ видъть...

Евлампія Львовна, казалось, превратилась въ каменное изваяніе; еле-еле двигались ея зрачки, переходя съ лица Муромскаго на лицо племянницы, но ни одинъ мускулъ ея собственнаго лица не дрогнулъ.

Муромскій понемногу началь приходить въ себя. Онъ подошель къ дѣвушкѣ, наклонился надъ нею, взялъ ея холодную руку и поцѣловалъ ее. Еще за мгновеніе до этого онъ не зналъ, что именно онъ сдѣлаетъ; вообще, онъ вдругъ потерялъ всякую способность разсуждать и анализировать свои чувства. Все какъто спуталось, смѣшалось въ его всегда ясной головѣ, а сердце его учащенно билось и въ немъ жило какое-то странное, и сладкое, и тревожное въ одно и то же время чувство.

— Маруся, милая... чего же вы испугались? Не бойтесь меня, милая, хорошая... Я вёдь вашъ отецъ... И я люблю васъ, хотя, можеть быть, и потерялъ право на это...

И туть вдругь Евламиія Львовна открыла свои окамен'явшія уста и изрекла строгимъ голосомъ:

— Кто жъ своему дътищу "вы" говорить? Дътище она вамъ аль нътъ?

Маруся оправилась. Теперь она съ улыбкой подошла къ **Муромскому и заговорила:**

— Папа, это хорошо, что вы, наконецъ, прівхали, я давно ждала васъ и уже думала, что вы не хотите меня видёть. Вы не бойтесь тети, она славная, добрая... Вотъ я у васъ хочу спросить что-то при ней... можно?

И она опять вся вспыхнула.

Муромскій переглянулся съ Евлампіей Львовной, и ему д'я ствительно показалось, что на ен лиц'я появилось какое-то особое вираженіе доброты, котораго прежде онъ не зам'я чаль въ ней.

— Конечно, можно, Маруса,—нервшительно пробормотальовъ.

- Отчего вы раньше не шли въ намъ? Я знала, что вы здъсь... Вы... тети боялись?
- Я не звёрь, чтобъ меня бояться,—обиделась Евлампія Львовна.
- Я не хотълъ придти безъ ея согласія, безъ согласія той, которая тебя выростила и воспитала, но она долго не соглашалась.
 - Отчего?
- Оттого что она думала, что я не люблю тебя, что я кочу явиться въ вамъ съ нехорошими цёлями.
- Да, я знаю, —прервала его Маруся. —Тетя думала, что вы не върите въ Бога. —И она мучительно-вопросительно посмотръла въ глаза своему отцу. —Папа, —продолжала она, не давая ему времени собраться отвътить, —скажите мнъ, вотъ сейчасъ, при тетъ: върите вы въ Бога?
- Върю, дорогое дита, я върю въ Бога. Я не только върю въ него, но и люблю его...
- Ну, вотъ видите, видите! чуть не вскрикнула Маруся, обращаясь къ теткъ съ радостнымъ и шумнымъ волненіемъ, и Евлампія Львовна въ первый разъ видъла такое возбужденіе въ своей тихой племянницъ. И она взглянула на нее строго, потому что никогда не допускала въ своемъ домъ ничего шумнаго и веселаго.

Но Маруся на этотъ разъ не испугалась этого взгляда. Въ ней происходило что-то великое и радостное; новое сильное чувство, казалось, найдя лазейку, шумнымъ и обильнымъ потокомъ врывалось въ ея душу, пригнетенную, сдавленную, затемненную. Теперь у нея есть опора, есть человъкъ, который можетъ всегда поддержать ее.

Муромскому вдругъ стало весело. Никогда еще ничего подобнаго онъ не испытывалъ. Ни тогда, когда писалъ свою книгу и пылалъ радостью при сознаніи, что Истина открывается ему; ни тогда, когда читалъ лекціи и слышалъ привътствія и одобренія восторженной молодежи; ни тогда, когда жилъ въ радостной природъ, на берегу лазурнаго моря, въ сіяніи радостнаго южнаго солнца, въ созерцаніи глубокаго синяго неба.

Онъ нѣжно обнялъ Марусю и тихимъ, взволнованнымъ голосомъ заговорилъ, самъ не зная, отвуда брались у него слова, сами собою срывавшіяся съ губъ, ни того, почему онъ говорилъ именно это, а не то, не сознавая и того, слушають ли его и понимаютъ ли то, что онъ говоритъ.

— Я люблю Бога, милая, родная дочурка, и люблю его тво-

ренія. Какъ не любить Божій міръ, какъ не любить людей, созданныхъ по образу и подобію его? И тѣ, вто тебѣ свазали, что я не люблю Бога, что я врагь его, сказали неправду... не потому, чтобы они хотели свазать ложь, а потому что были введены въ заблужденіе... Я повторяю тебь: я люблю Божій міръ; природа собрала на землю все, что необходимо для человъчесваго счастья, а природа -- дъло рувъ Божінхъ. И если человъвъ несчастенъ, какъ, напримъръ, была ты или я тоже, то вто же виновать? Самъ человъкъ. Я долго жиль одиновимъ и не сознаваль, что есть счастье, такъ легко доступное человъку. А отчего? Потому что человъвъ не слушается голоса природы и удаляется оть нея. Ахъ, Маруся, Маруся, человъвъ много сдълалъ самъ себъ зла и много принесъ самъ себъ горя... между тъмъ какъ счастье его и счастье его близкихъ-- въ немъ самомъ. Главное--надо любить... Я долго не зналъ этого, и понялъ только тогда, вогда нежданно-негаданно получилъ твое письмо. Что-то проснулось тогда во мев, чего я не зналъ прежде, чего я не испытываль. Это была любовь --- любовь въ тебъ, моему ребенку, котораго не зналъ.

Онъ замолчаль, не находя словъ для дальнъйшихъ выраженій своихъ мыслей, которыхъ было такъ много и которыя толпились въ его головъ, перебивая другъ друга и смъняя одну другою съ необыкновенной быстротою.

Но Маруся слушала его и не слышала. Какой-то экставъ овладълъ ею. Она даже и врядъ ли понимала его.

Она была поворена сразу. Съ восторженнымъ удивленіемъ смотрёла она на него, и неиспытанная еще радость наполняла ея чистую дётскую душу.

Она ему върила! Она не котъла, не могла ему не върить! Да и какъ можетъ этотъ величественно-прекрасный человъкъ, говорящій ей такія ласковыя, такія трогательныя слова, такимъ кватающимъ за душу голосомъ—быть страшнымъ гръшникомъ, съ душою, обреченною на адскія муки? Нужды нътъ, что она не понимала этихъ словъ; довольно ей было его видъть и слышать, его, такого величественнаго, такого важнаго и такъ смиренно просящаго ея любви... Развъ гръшники могутъ такъ говорить, такъ думать, такъ чувствовать? Если даже онъ и гръшникъ, то въдь онъ кается, а кающійся въ гръхахъ угоднъе Богу, нежели праведникъ!

Къ тому же она не могла не замътить, что тетка, при всей своей строгости и суровости, смягчилась при видъ его искренности и смиренія.

XIV.

Жизнь въ домѣ Ситнивовой измѣнилась послѣ перваго посѣщенія Муромскаго. Съ внѣшней стороны все шло по прежнему, но чувствовалось, что нѣчто необычайное приготовляется подъ этой обычной внѣшностью и своро должно будетъ разразиться неожиданнымъ ударомъ.

Евламиія Львовна разрѣшила Муромскому видѣться съ дочерью въ ея домѣ, но не иначе вавъ въ ея присутствіи; онъ принялъ эти условія; онъ не могъ не принять ихъ, кавъ она не могла отказать ему въ его законномъ правѣ. Но Евламиія Львовна опять сдѣлалась прежней: встрѣчала нежеланнаго гостя сурово, почти не говорила съ нимъ, дулась на него. Ея присутствіе стѣсняло и отца, и дочь, но они ничего не возражали и говорили другъ съ другомъ цѣлыми часами. Эти свиданія стали утомлять Евламиію Львовну, и она часто засыпала въ ихъ присутствіи. Тогда они становились смѣлѣе, отвровеннѣе и высказывали другъ другу то, чего не рѣшались говорить, когда она бодрствовала.

Но Стулова, этотъ злой духъ Евлампін Львовны, настранвала ее противъ Муромскаго, и старуха становилась все згѣе и нетерпѣливѣе, и теперь стала спрашивать все чаще и чаще, долго ли еще пробудетъ въ городѣ Муромскій и не собирается ли уѣзжать. Въ концѣ концовъ его присутствіе стало стѣснать ее, и она потребовала, чтобы Муромскій видѣлся съ дочерью въ комнатѣ Маруси, но не иначе какъ въ присутствіи Александры Васильевны, которан ровно ничего не понимала изъ ихъ разговоровъ, крайне этимъ огорчалась и обижалась, и на другой день несла невозможную околесную, яко бы передаван Евлампін Львовнѣ содержаніе ихъ бесѣдъ. Старуха раздражалась, молча негодовала, но не могла прінскать никакого приличнаго данному случаю выхода.

Раза два призывался Алексви Львовичъ. Но прежняго довврія онъ уже не имвлъ. Старуха замвтила, что ен братъ сталъ "обалдввши". Говорилъ Богъ знаетъ что, отввчалъ невпопадъ, и впадалъ въ неистовство, когда худо отзывались о Мароушъ.

Къ довершенію бъдъ старый недугъ Евлампіи Львовны вернулся и уже съ удвоенной силой. Ноги ея ръшительно пукли и превращались въ какія-то гранитныя тумбы. Она не могла не только ходить, но даже передвинуть ихъ съ мъста на мъсто. Не было никакого сомнънія, что водянка задушить ее. Она этому ръшительно не котъла върить: "помилуй, сухая я женщина, не сырая, не тучная,—откуда туть водъ взяться?"—А между тъмъ недугъ подврадывался несомивню, слишкомъ явно и необыкновенно быстро.

Бывали минуты, когда старуха ужасно мучилась. Въ одну ввъ такихъ минутъ былъ позванъ Алексей Львовичъ, и ему предписано было привести съ собою еще одного пріятеля. Очевидно, дело шло о написаніи завещанія, и это сильно обезповоило Стулову.

Однажды ночью, когда со старухой сдёлался припадокъ удушья, она испугалась—не за нее, конечно, а за себя, и не выдержала:

— Всё подъ Богомъ ходимъ, матушка-благодётельница, всё въ его десницё животъ обрётаемъ, —сказала она. —А ну какъ помрете? Дай вамъ Господь много лётъ здравствовать, а только вто же знаетъ...

И вдругъ она бухнулась на колъви и задилась пьяными слезами.

— Не вабудь, матушка, и меня своими милостями! Гдё же бёдной голову склонить, коли Богъ судилъ мий одной горькую жизнь вдовью коротать? Окружена ты ворогами, расхитять твое добро, выгонять на улицу вёрную слугу твою. Вонъ, намеднись, братецъ вашъ были съ консисторскимъ... писали чтой-то, а чего писали, не вёдаю. Да и бумажку, будто бы, съ собой унесли...

Когда припадовъ удушья прошелъ у Евлампіи Львовны, она упавшимъ голосомъ сказала:

— Встань, Александра, будетъ валяться, шута строить. Не любию этого. И ворогами я не окружена, окромя родной моей племянницы, которая мит отнюдь не ворогь. И до завъщанія моего тебъ никакого дёла нътъ, а хранится оно, —внушительно и многозначительно взглянувъ на нее, добавила она: —въ върномъ мъстъ...

Посл'в этой отпов'вди, Стулова притихла и даже перестала пугать Евламнію Львовну угровою уйти изъ дому. Разъ она всетави попробовала придраться къ чему-то и обид'еться.

- Уйду я, матушка, отъ васъ... Уйду, силъ моихъ нътъ, какъ обижаете бъдную сирую вдову...
- А уйди! вдругь услыхала она равнодушный отвъть Евламин Львовны.

И несмотря на то, что Стулова была уже оволо двери, она свонфуженно вернулась на свое мъсто.

- Не́што я могу бросить свою благод тельницу...— пробормотала она въ вид в оправданія, — да еще въ такомъ положеніи...
- Само собой,—'язвительно отвътила ей Евламиія Львовна.— Развъ видано когда, чтобъ воронъ улеталь отъ добычи?

Стулова сдълала видъ, что ничего не слышитъ.

— Приказать что изволишь, матушка? — наивно спросила она. — Слухъ сталъ плохъ что-то.

Но на это она не получила отвъта.

XV.

Между твит, сближение между Муромскимъ и Марусей шло не по днямъ, а по часамъ. По мврв того какъ болвянь старухи усиливалась, ихъ свидания становились все болве и болве свободными. Стулова, несмотря на строгій приказъ Евлампіи Львовны, все рвже и рвже присутствовала при ихъ свиданияхъ; она должна была или находиться при больной, или бъгать по ея поручениямъ.

Иногда еще Евламиія Львовна требовала Муромскаго и Марусю въ себъ, но чрезвычайно быстро утомлялась отъ ихъ разговоровъ и просила ихъ удалиться.

Муромскій будто перерождался въ присутствіи дочери. Теперь онъ могъ анализировать все происходившее въ немъ, и по возвращеніи домой, ночью, одинъ въ своемъ кабинетъ предавался думамъ, соображеніямъ и мечтамъ.

Желаніе увидъть свою дочь, послъ полученнаго имъ письма, онъ объясняль себъ страннымъ капризомъ, одною изъ тъхъ сумасбродныхъ фантазій, которыя иногда приходять въ голову людямъ даже самымъ серьезнымъ. Такъ, по врайней мъръ, ему тогда казалось. Онъ даже создалъ цълую теорію такъ-называемой родительской любви и чувства крови. Страстную любовь въ своимъ дётямъ онъ считалъ скорбе низменнымъ и во всякомъ случав достаточно "эгоистическимъ", "самочнымъ" чувствомъ. Мать, страстно, безумно цёлующая своего годовалаго ребенка, обожаеть въ немъ свое тело, свою вровь, ибо она не знаетъ еще, выйдеть ли изъ ея сына "апостоль добра" или "страшный Картушъ". Она готова "перервать горло" сотив другихъ двтей, сотнъ чужихъ сыновей, чтобы доставить своему лишній кусовъ или лучшее мъсто въ жизни. Во всемъ этомъ онъ, при всъхъ своихъ усиліяхъ, нивавъ не могь видъть ничего высоваго, геромческаго, святого, а только нъчто животное, низменное и даже гнусное. Онъ признаваль, что не только можно, но и должно любить дътей, какъ матеріаль, какъ сырье для будущаго человъчества; что молодежи надо посвящать свои силы и отдавать свое сердце, чтобы передать имъ добытую прежнимъ поколъніемъ частицу истины. "Дъти" должны были передать своимъ дътямъ эту частицу, увеличенную ихъ собственной работой. Да, дътей надо любить и ихъ лелънть, но для этого нътъ надобности, чтобы ребеновъ былъ непремънно "свой". Одинаково должно любить всяваго ребенка, да и притомъ "голосъ врови"—это метафора и больше ничего.

Онъ быль убъждень, что повинутый вскоръ послъ рожденія ребеновъ не можеть быть узнань отцомъ и даже матерью, -- впосабдствін, вогда онъ станеть взрослымъ. И если такому родителю уважуть на юношу и скажуть ему: "это вашь сынь",-"вровь" въроятно бросится ему въ лицо и зальеть его враской стыда, но "голосъ крови" все-таки будетъ молчать И ему вспоинился даже извъстный разсказъ про Лафонтена, покинувшаго жену и только-что родившагося ребенка, котораго онъ встрътилъ двадцать летъ спустя. Ему представили юношу и сказали, что это - его сынъ. "Monsieur, - деремовно отвътвиъ ему Лафонтенъ, — очень радъ съ вами познавомиться", и, поклонившись, сповойно отошель отъ него. Отсутствіе "голоса крови" не можеть, однавоже, не въ чемъ помъщать любви, которую можно питать въ ребенку; и эта любовь рождается только отъ привычки совиъстной живни, отъ ваботъ, которыми окружаещь этого ребенка, отъ его физическаго и правственнаго развитія и даже отъ огорченій и заботь, которыя онъ доставляеть. Эгонямь-это одинь изъ источниковъ, въ которыхъ особенно охотно зарождаются самыя ужасныя болёвии человёческого духа, -- а что можеть быть эгоистичные любви къ своему ребенку, понятой узко въ "мате-**Динскомъ" смыслъ слова?..**

Такъ разсуждаль онъ еще очень иедавно и считаль себя правымъ. Но, вотъ, теперь, при видъ этой цвътущей дъвушки, куда дъвались эти сухія, формальныя, разсудочныя мысли? Слушая ея глупенькія, наивныя ръчи, упиваясь ея нъжнымъ серебристымъ голоскомъ, вглядываясь въ ея ласковые, красивые глаза, онъ чувствуетъ, какъ что-то пока еще смутное, но уже хорошее овладъваетъ имъ, какъ что-то пока еще смутное, но уже хорошее овладъваетъ имъ, какъ сердце его начинаетъ сладостно биться, а разсудокъ съ его теоріями упорно молчитъ. Какъ разъ наоборотъ тому, къ чему онъ такъ привыкъ и что казалось ему единственно върнымъ и непреложнымъ.

И въ Марусъ происходила замътная перемъна. Ея долго

дремавшій умъ, отъ природы пытливый, наслёдственно-аналитическій, начиналь пробуждаться. Жажда знаній просыпалась въ ней; но она, издавна привышная къ молчанію и покорности, смущаемая внушенною ей неприкосновенностью къ этимъ вопросамъ, суевёрно боялась ихъ поднимать, сильно смущалась, услышавъ что-либо сильно расходящееся съ тёмъ, чему ее раньше учили, и по ночамъ подолгу замаливала свои дневные грёхи.

Но мало-по-малу, котя и быстрве, чвит можно было бы ожидать, цвии ен скованной мысли ослабвали, распадались, освобождали ее. Она походила теперь на путника, долго блуждавшаго по безплодной и унылой пустынв и вдругь набредшаго на оазись съ сввтлой проточной водой и рощами съ великолвиными, невиданными ею плодами. И она припала въ этому ручью запекшимися губами и жадно пила эту живительную влагу; и неввдомые плоды манили ее и пугали; ей страстно котвлось отввдать ихъ, но вивств съ твиъ ее пугала отрава, которая, можетъ быть, заключалась въ нихъ.

Муромскій отлично понималь состояніе ея души. Онъ понималь, что голодному челов'яку нельзя сразу дать много пищи. И потому съ врайней осторожностью и съ большими промежутвами открываль ей одну за другою свои истины, и, къ своему немалому удивленію, находиль въ ней вполить здравый, логичный умъ. Мысли его она схватывала на лету, понимала его съ двухътрехъ фразъ и быстро усвоивала самую суть, борясь еще съ своими прежними убъжденіями и освобождаясь отъ опутывавшихъ ее суевърій и страховъ.

- Соединеніе частицъ, называемыхъ атомами, составляютъ человъва и даютъ глазу наблюдателя, также состоящаго изъ атомовъ, пріятную комбинацію, называемую человъкомъ. Придетъ день, они разъединятся съ тъмъ же индифферентизмомъ, съ кавимъ соединились, и человъкъ исчезаетъ...
- А душа? съ горящимъ взоромъ прерывала она его. Въ каждомъ тёлё живетъ душа: у злого человека душа одна, а у добраго другая. Поэтому Богъ караетъ злодевъъ и милуетъ добрыхъ.
- Богъ никого не караетъ, Маруся. Разъ ты признаещь, что человъвъ—созданіе Божіе, тавъ какъ же онъ можетъ карать насъ? Разъ онъ насъ создалъ, то не можетъ онъ быть ни удивленъ, ни разсерженъ, видя насъ такими, какими онъ насъ создалъ, и дъйствующими согласно съ тъми побужденіями и мыслями, которыя онъ въ насъ вложилъ. Человъвъ часто называетъ зломъ то, что можетъ быть вовсе и не зло. Разумъ и знаніе въ гла-

вахъ твоей тетушки, нанримъръ, несомивиное зло... Поэтому важенъ скоръе не самый поступовъ, не самое совершившееся дъло, а побужденіе, двинувшее человъва на совершеніе того или вного дъла.

- Я не понимаю этого, —безпомощно сказала Маруся.
- Ну, напримъръ: если человъвъ, подавая милостыню, раздражается и спъшитъ сунуть ее голодающему, лишь бы отдълаться отъ его просьбъ или чтобы заслужить название веливодушнаго человъва, или чтобы эгоистично избавиться отъ непріятнаго для него зрълища, то милостыня злое дъло. Если онъ подаетъ ее съ сердечнымъ порывомъ, съ душевною болью, она—хорошее дъло. Молитва считается тобою святымъ дъломъ?
 - Конечно, папа!
- Но если ты молишься о дарованіи теб'я того или иного блага—молитва пріобр'ятаеть значеніе вымогательства, и кром'я того она бевц'яльна в'ядь Богъ всев'ядущій не лучше ли тебя знасть, что именно теб'я нужно?

Маруся широво расврыла глаза и взволновалась. Это ее поразило. Какъ! Тетка заставляла ее часами стоять на колъняхъ и выпрашивать у Бога разныхъ милостей для нея самой и для ея близвихъ. И она стояла и выпрашивала. И это было гръшнымъ, дъломъ и опа оскорбляла этимъ Бога? Какія странныя вещи говоритъ ея отецъ! Но почему же эти вещи не возмущаютъ ее теперь, а какъ будто находять въ ея сердцъ мъсто и даже усвоиваются ею?

— Йапа! — страстно заговорила она: — вотъ мы узнали теперь другъ друга и мы много говорили съ вами за это время... Скажите миъ, скажите по совъсти, какъ передъ Богомъ— христіанинъ вы или нътъ? Исповъдуете ли вы нашу въру?...

Она еще что-то хотъла сказать, но волненіе помъшало ей, голось ен пресъкся. Она въ первый разь рішилась поставить ему этоть вопрось ребромь, сміло, категорически, безь колебаній. Оть этого зависьло все ен будущее. Онь, этоть вопрось, быль слишкомь великь для нен, слишкомь жгучь, слишкомь болізнень, чтобы она могла относиться къ нему спокойно. До сихь порь она слушала ежедневно его річи, которыя ей все-же казальсь грішными, быть можеть, потому, что она наполовину ихъ еще не понимала, а только чувствовала, что за ними скрываются какіе-то новые горизонты. Ей хотілось, чтобы онь ей прямо сказаль, что онь не еретикь, что онь христіанинь, что онь віруеть вь то, во что она віруеть, чтобы она могла за

нимъ пойти смъло, безъ страха будущихъ мученій за въроотступничество, безъ думъ, безъ колебаній.

И онъ понялъ ея наболѣвшую душу. Онъ понялъ, что ему надо высказаться ясно, твердо, просто. Но онъ чувствовалъ и сознавалъ, что не умѣетъ говорить достаточно просто, такъ, чтобы его могла понять такая простая душа, какъ душа его дочери. Ахъ, еслибы онъ обладалъ даромъ Великаго Учителя въ простыхъ притчахъ высказывать величайшія философскія истины! Но не отвѣтить на ея вопросъ нельзя было, и онъ поспѣшилъ отвѣтить, какъ умѣлъ.

— Слушай, Маруся, — началь онъ: — когда Великій Учитель кончилъ свое земное поприще, онъ оставилъ послъ себя величайшее изъ ученій міра — христіанство. Рождались и умирали люди, гибли и нарождались государства, проходили въка, а ученіе его живо до сихъ поръ- не доказательство ли это истинности и силы его ученія? И я върю этому ученію, я страстно върю въ его духъ. Я хотъль бы сдълаться первобытнымъ галилеяниномъ съ простою душою твхъ рыбаковъ, которые вакидывали въ Геннисаретское озеро съти, слушан слова, великін и простыя слова Божественнаго Учителя; я бы котвлъ пережить этотъ чудный совъ, испытать на себъ все очарованіе Мессіи. "Любить Бога" значить дюбить все преврасное и доброе или, по крайней мъръ, то, что мы искренно и убъжденно считаемъ таковымъ. Быть религіознымъ значить умёть отыскивать во всемъ существующемъ духъ Божества, върить, что онъ почість въ тебъ; если ты будешь прислушиваться каждую минуту въ своему внутреннему голосу, то каждый разъ этотъ голосъ направить тебя на върный путь истины. "Толцыте и отверзется вамъ, ищите и обрящете". Вотъ въ этомъ-то "исканіи" и ваключается служеніе правде и добру. Я именно такъ понимаю христіанство, и потому смъло отвъчаю тебъ на твой прямой вопросъ, "христіанинъ я или нътъ". Да, я христіанинъ, христіанинъ убъжденный, и, думаю, не хуже и не менъе христіанинъ, чъмъ твоя тетя и чъмъ ты сама...

XVI.

Въ такихъ разговорахъ проходили дни и вечера. Отецъ и дочь сильно привязались другъ къ другу; имъ обоимъ страшно стало вспоминать, что такъ дольше продолжаться не можетъ и что такъ или иначе придется рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ ихъ существованіи.

Муромскій рівшиль окончательно переговорить съ Евлампіей Львовной относительно будущности Маруси и просить старуху не препятствовать его дочери жить съ нимъ или убхать вуданибудь вмістів съ нимъ изъ города. Но онъ никакъ не могъ найти удобнаго случая. Старухі становилось все хуже и хуже, и теперь большую часть дня она проводила въ полудремотномъ состояніи, переходившемъ иногда въ обморочное. И она какъ-то все больше и больше замыкалась въ себя: різдко допускала къ себі Стулову, еще ріже Марусю, а отъ свиданія съ Муромскимъ разъ навсегда и весьма рівшительно отказалась.

— О чемъ мнѣ съ нимъ говорить? — отоявалась она: — пущай дѣлаеть, что хочеть, а на совмѣстное житье съ нимъ Маруси нѣтъ моего согласія. Однаво и Маруся взрослый человѣвъ—ея добрая воля, воли душу свою хочетъ погубить, нивто отъ этого удержать ее не можеть. А мнѣ въ пору и о своей душѣ подумать. Не жилица я больше на этомъ свѣтѣ...

Однажды Муромскій велікль передать ей, что привезеть къ ней извістнаго доктора, который можеть вылечить ея болівзнь, но старука спокойно отвітила:

— Благодарствую на добромъ желаніи, а только еще ни одинъ врачъ отъ смерти не вылечивалъ.

Въ тотъ же вечеръ старухъ сдълалось совсъмъ свверно; она еле-еле могла усиліемъ воли побороть дремоту и послать Стулову за братомъ. Но тотъ не пришелъ, а велълъ отвътить черезъ посланную, что у него и "своихъ дъловъ много".

Старука врядъ-ли осмыслила этотъ отвътъ и даже не удивиась ему со стороны всегда услужливаго Алексъя Львовича; она просила поввать въ ней Муромскаго. Но когда тотъ вошелъ въ комнату, она махнула рукой и проговорила:

— Неть, это я такъ... попритчилось.

Однако онъ не ушелъ, а сълъ въ кресло, думая, что она вспомнитъ, зачъмъ его звала, и онъ не ошибся.

Евламиія Львовна опять преодольла свою дремоту и, пристально всмотръвшись въ своего гостя, проговорила:

— Господь въ себъ требуетъ. Его святая воля. Часъ мой насталъ. Поговорю съ Марусей. Не препятствуйте ей — пусть сама ръшитъ.

И она махнула рукой, давая знать, что аудіенція окончена. Онь поняль, что она хочеть поговорить съ его дочерью передъ смертью и предоставить ей самой рішеніе своей участи. А что она умирала, онъ въ этомъ уже не сомніввался. Достаточно было взглянуть на ея полупотухшіе глаза, на ея осунувшееся лицо,

Tomb VI.-- Hogeps, 1902.

несмотря на его одугловатость и опухлость, наконецъ, на что-то неуловимое, смутное и тяжелое, легшее на ея лобъ и губы, чтобы убъдиться, что смерть подошла въ ней и невидимой рукой запечатлъла на ней свою печать.

Онъ вышель отъ старухи грустный, подавленный. Всеже, въ глубиев души онъ чувствоваль въ Евламини Львовив благодарность за то, что она взростила его дочь, его Марусю, за то, что она воспитала ее и, несмотря на всю нелъпость этого воспитания, не окончательно затемнила ея разсудовъ и не совершенно изсушила ея сердце.

А онъ только радовался! Они много говорили съ Марусей и даже строили планы. Онъ видёлъ, что часъ, когда Маруся освободится отъ опутывавшихъ ее чаръ ложныхъ ученій—близокъ; ея умъ просвётлялся; ей захотёлось учиться, увидёть свётъ, вспорхнуть вольной птицей. Какая радость—онъ направить ея полетъ, онъ укажетъ ей на новый путь и поведеть ее по нему.

И вдругъ что-то тяжелое легло ему на душу.

Онъ простился съ дочерью горячо. То родительское чувство, которое зародилось въ немъ такъ недавно, быстро выросло и теперь достигло высшей точки.

— Маруся! — взволнованно свазалъ онъ: — тетка твои умираетъ...

Она вскрикнула.

- —- Да, родная, ступай въ ней; она хочетъ тебя видъть... Онъ поцъловалъ ее и пошелъ въ двери. На порогъ онъ обернулся.
- Маруся, тихо проговорилъ онъ: мы друзья? Ты мив не измвнишь?

Онъ и самъ не зналъ, что хотель сказать этимъ, и эти слова вырвались у него неожиданно, непроизвольно.

Она ему ничего не отвътила. Глава ея были полны слезъ и страшная блъдность поврыла ея лицо...

XVII.

Въ угловой комнатъ царилъ полумравъ. Въ шировомъ и глубовомъ креслъ сидъла Евлампія Львовна, порывисто и тя-жело дыша. Въ темномъ кіотъ, за стекломъ, дрожало плами лампадви, разливая на серебряныя и золотыя ризы потемнъв-шихъ отъ времени ликовъ трепетные отблески свъта. Пажко

насломъ и лекарствами, котя больную нивто не лечилъ, и только Стулова варила ей какое-то питье и натирала изр'ядка камфорнымъ спиртомъ, увърян Евлампію Львовну, что камфорный спирть "ото всего хорошъ". Давно внакомия вартины на ствиахъ, желтый ликъ Христа передъ Оомой и синія одежды Маріи Магдалини-вновь мелькнули въ глазахъ Маруси, и віотные образа, вазалось, мрачно взглянули на нее. Въ вомнать было тихо, уныло, мрачно, какъ всегда, но было еще что-то невидимое и веслышимое, нев'вдомое, но близкое, несомивнию присутствующее, что заставило содрогнуться ея сердце. Между ею и теткой нивого не было, но она ясно ощущала присутствіе чего-то, что глядью на нее невидимымъ ей взоромъ, что, казалось, вошло въ жомнату вибстб съ нею и беззвучно шептало какія-то річи, воторыя она не могла ни разслышать, ни понять. И она поняла, что Смерть, эта величайшая изъ тайнъ, эта роковая Неязвестность, несомивнно присутствуеть въ этой комнате. И какъ будто что-то тяжелое придавило ее...

Евлампія Львовна заговорила, и Маруся вздрогнула—до того ей показался чуждымъ и страннымъ голосъ больной.

- Маруся,—начала старуха хрипло и тяжело переводя дыханіе,—умираю...
- Тетя! вскрикнула дъвушка, но больная слабо пошевелила пальцами, какъ бы прося ее не прерывать и отказаться отъ ненужныхъ и ни къ чему не ведущихъ сожаленій.
- Умираю... Молилась врачу многомилостивому, угоднику Христову, цёлителю Пантелеймону, однако часъ мой насталъ. Не боюсь смерти, не страшусь предстать предъ Господомъ. Спокойно отошла бы въ его святое лоно, но одно мучаетъ меня, и сильно страдаю поэтому. Мучаетъ меня твоя участь... На ложный путь ты вступила и губишь свою душу... Злой человъкъ совратилъ тебя; всю жизнь свою гръшную отдала я тебъ; вскормила, вспоила, наставила въ благочести, а теперь что? Умру и погибнешь, какъ погибла Мареа отпусти ей, Господи, какъ погибли многія.

Она умолела, переводя духъ, пошевелила пальцами, собралась съ силами и продолжала:

— Дай же мев отойти спокойно... За всю мою любовь, за всё мои заботы достойно отплати мев... Не для себя прошу, — для тебя же.

У Маруси похолодъло сердце. Смутно она почувствовала, что старуха потребуетъ отъ нея большой, серьезной жертвы, быть можетъ, жертвы на всю жизнь, и ей стало страшно.

Digitized by Google

- Воля умирающаго священна, —продолжала больная: —вто преступить ее —великъ грёшникъ передъ Господомъ, и тому человъку нётъ счастія на землё и нётъ спасенія въ будущей жизни... А ты, вскормленная мною, развё можешь отказать мнё?
- Нъть, тетя, не могу,—тихо проговорила Маруся.—Скажите, чего вы хотите отъ меня?
 - Сдёлаешь? Все сдёлаешь, что попрошу?
 - Все, что въ монхъ силахъ.
 - Правда?
 - Богомъ влянусь, тетя.
- Не влянись, это грёшно. Сважи: "да", и я тебё повёрю. Измёнишь слову— не будеть тебё счастія и повоя. Тавъ сдёлаешь?
 - Ла.
- Ну, спасибо тебъ, родная. Вотъ мнъ и легче. Вотъ чего я кочу отъ тебя. Какъ только я умру, похорони меня честь честью, а сама ступай въ монастырь.
- Тетя!—въ ужасъ вскрикнула дъвушка, поблъднъвъ какъ смерть.
- Не бойся. Не въ монашки прошу тебя идти, разъ у тебя сердце не лежитъ въ этому. Слушай: записала я все свое состояніе въ Новоспасовъ монастырь, съ тімь, чтобы тебі отведена была тамъ велія на всю твою жизнь. Алексей ездиль, -- говорить, все устроилъ. И бълье, и постель, разръшили тебъ нивть свои, и даже умывальникъ. Одного не разръшили: писемъ писать и получать ихъ. Поживи тамъ три года; свывнешься, потянетъ тебя душою Христовой невъстой стать-къ тому времени пострижешься. Нътъ — войдешь въ свъть, на эту мученическую живнь въ свътъ; а стрясется бъда-все-же у тебя будетъ върный кусокъ хлеба да теплый уголь; велья останется за тобою. Алексью оставлю пять-соть рублей-пусть съ ними дълаеть, что хочеть, и Александръ тоже пять-соть рублей-внаю, пропьеть и подъ заборомъ умретъ. Хотъла и ей устроить хорошую живнь, да за ея строптивость, да пьяное поведеніе, раздумала. Что толку деньги по кабакамъ оставлять... Много она меня тервала, и еще больше и ей уступала. Все думала—наверстаю. Ну, воть и наверстала...
- Передъ смертью прощать надо обиды!—вступилась Маруся, потрясенная своимъ неожиданнымъ горемъ, за Стулову.
- Я и простила... Это Богъ мий внушилъ. Это онъ ее караетъ моей гришной рукой. И тебя ничимъ не обязываю. Сдилаешь какъ знаешь. Ты молода, и черезъ три года будешь мо-

- лода жизни впереди много. А только есть на то моя непремънная воля, чтобы тебъ прожить три года въ обители... Горе ребенку, у котораго иътъ родителей, а еще горше тому, у кого они дурные... Прости, Господи, твоему отпу его еретичество...
- Тетя, родная, да онъ не еретикъ!—попробовала Маруся защитить отца.
- Еретикъ, еретикъ, злой еретикъ! упорно, твердо, несмотря на свою слабость, проговорила старуха. Я прощаю ему, Богъ ему никогда не проститъ...
 - Богъ милосердъ...
- Есть гръхи непрощаемые. Самъ Христосъ сказалъ: горе тому, вто соблазнитъ невинную душу, и ему надо мельничный жерновъ на шею и въ воду... Соблазнитъ, соблазнитъ онъ тебя...

СОна заговорила невнятно, тихо, впавъ въ полное разслабленіе. Грудь ея высоко и тяжело вздымалась, въки закрылись, пальцы слабо шевелились. Но губы ея, синія и распухшія, продолжали бормотать что-то невнятное. Маруся въ страхѣ нагнулась къ ней, прислушиваясь къ ея словамъ. Но это были уже какія-то странныя, дикія слова, въ которыхъ не было мысли, а чувствовался непонятный ей бредъ.

Маруся задрожала въ испугв и выбъжала изъ комнаты.

- Александра Васильевна!—зашептала она страстно, встрътивъ въ коридоръ приживалку. Съ тетей что-то неладное творится, я боюсь...
- Нечего теб'в бояться. Умираеть воть теб'в и неладное. Живого надо бояться, а такая не страшна... Что она теперь можеть безъ движениевъ?..

Онъ вошли въ комнату больной. Евлампія Львовна уже хрипъла; въ груди ен что-то клокотало; пальцы ен болье не шевелились. Что-то еще болье страшное, еще болье торжественное, чъмъ то, что Маруси увидъла въ первый свой приходъ, легло на ен лицо.

- Что съ ней? прошептала она, наклонившись къ Студовой.
- Извъстно что! Отходить, отвъчала она, тоже шопотомъ. Стулова опустилась на колъни и стала бормотать про себя молитву великомученику Пантелеймону-Цълителю, хотя ясно было, что молиться объ исцълени было уже поздно...

Больная открыла глаза, но въ мутномъ взоръ ея уже не было жизни.

— Действуеть, — проговорила Стулова. — Действуеть мо-

И она продолжала читать про себя.

Клокотаніе въ груди Евлампін Львовны вдругь прекратилось; вакан-то судорога прошла по ней, какъ будто она хотвла сдвлать отчанное усиліе встать; пальцы снова вадвигались, дыханіе сдвлалось ровиве, и на лицв появилось подобіе улыбки, что-то блаженное и страдальческое.

Сердце Маруси горестно сжалось. Вся ея живнь въ домътетки возстала передъ ней, и она почувствовала, что въ ея сердцъ ярко зажглась любовь къ этой умиравней женщинъ, отдавшей ей всю свою жизнь. До сихъ поръ она только смутно догадывалась, что любитъ ее, — теперь она безсовнательно удивлялась силъ этого чувства. Горячія мучительныя слезы закапали изъ ея глазъ и рыданія просились наружу, но она сдерживала ихъ.

— Ступай въ себв! — услышала она надъ ухомъ шопотъ-Стуловой. — Еще до утра протянется. Когда нужно будетъ — позову. Ей легче отходить будетъ въ повов. Ступай, ступай же...

Но Маруся не шла, не будучи въ силахъ оторвать своего взора отъ умиравшей.

Стулова взяла ее ва руву и тихо, хотя пастойчиво, вывела ее изъ комнаты.

— Аль боишься?—спросила она ее въ коридоръ.—Все цъло будетъ, небось!

Маруся вдругь потеряла всю свою волю, почувствовала необывновенную слабость и, какъ подкошенная, не раздъваясь, леглана постель и заснула глубовимъ, свинцовымъ сномъ.

Стулова немедленно вернулась въ вомнату больной и, дрожа отъ страха и тишины, общарила шкафъ, віотъ и вомодъ, въ чаяньи найти какую-либо бумажку, но ничего не нашла и усълась натабуретку.

— Припрятали, аспиды!—не удержалась она.

XVIII.

Бълесоватый разсвъть занялся надъ улицами города и пронивъ черезъ единственное овно въ вомнатку Маруси.

Дъвушка спала безпробудно съ той минуты, когда, подавленная горемъ и усталостью, легла на постель. Теперь она чувствовала надъ собой чье-то дыханіе. Усиліемъ воли она заставила себя пробудиться и открыла глаза. Она различила передъ собой темный силуэть Стуловой. Приживалка наклонилась къ ней и что-то ей говорила.

Навонецъ Маруся поняла смыслъ ея словъ.

- Вставай... вставай... Благодътельница наша привазала долго жить...
 - Тетушка?! всириннула Маруся.
 - Помёрши...—утвердительно вивнула головой Стулова.

Маруся мигомъ вскочная съ постели. Вся эта ночь разомъ припомнилась ей. Прежнее больное чувство овладело ею. Тетушка умерла! Умерла единственная въ мірів душа, которая любила ее, которая лелвяла ее. Любила по-своему конечно, но все-же любила. И она теперь осталась одна, сиротой на этомъ свътъ... А отецъ? И Маруся вспомнила, что смерть тетви лишела ее отца. Со смертью тетки она разомъ потеряла двухъ любимыхъ ею существъ. Она вспомнила, что дала умирающей слово пойти въ монастырь; что это слово дано ею добровольно, и что нивто, нивто, ни одна душа не властна разръшить ее оть этой влятвы. И ей стало жалко себя, и ей повазалось, что она сама умираетъ, сама своими руками хоронитъ свою молодость, свои проснувшіяся мечты—въ холодную, мрачную могилу. И она заплавала; слевы ея лились неудержимо, страстно, горячо. И больно ей стало отъ совнанія, которое нашептывало ей, что она плачеть больше о себъ, чъмъ о теткъ, и оплавиваеть свою смерть горячье, чыть смерть Евлампін Львовны.

— Что плакать-то? Не плачь, — говорила Стулова. — Становись-ка на молитву. Стань передъ образомъ на колъни и молись великому Искупителю объ упокоеніи души рабы божіей Евлампіи и объ отпущеніи ей гръховъ ея.

Маруся послушно опустилась на волёни. Но молиться она не могла. Слова молитвы не шли съ ея явыва, не приходили ей на умъ, не зарождались въ сердцё... Умъ былъ вакъ-то особенно разсёянъ, а сердце ея сосала одна мысль, что вотъ всё мечты ея рухнули, что впереди, вмёсто широкой, вольной жизни, вмёсто голубого неба и золотыхъ лучей солнца, вмёсто смёлыхъ рёчей отца, такъ волновавшихъ и соблазнявшихъ ее, ей предстоитъ одинокое, унылое прозябаніе въ мрачной кельё, гдё будетъ царить могильная тишина, безмолвіе смерти, прерываемое бормотаньемъ молитвъ и пёніемъ клира... Ей не хотёлось молиться; дуща ея ныла и безмольствовала; ей хотёлось кого-то обвинять, на что-то жаловаться, о чемъ-то плакать. Но она не находила ни кого обвинять, ни на что жаловаться, ни о чемъ плакать... Все ей казалось постылымъ и чужимъ, ничего ей не

было жалко, и вдругъ все опять становилось ей близкимъ и дорогимъ, а ен судьба — ужасной.

Къ утру набъжали отвуда-то старушви, которыхъ Маруся до того не видъла и не знала, любительницы похоронныхъ церемоній, и принялись суетливо "обряжать" покойницу.

Еще попозже явился, увъдомленный Стуловою, Алексъй Львовичь. На лицъ его не было ни горя, ни удивленія.

— Царствіе ей небесное!—прошенталь онь, набожно перекрестившись передъ трупомъ, но произнесъ онь это какъ-то безучастно, формально.

Когда онъ поправилъ простыню, которою было покрыто тъло его сестры, Марусъ мелькнуло на его пальцъ обручальное кольцо. Она удивилась, но мысли ен были далеки ото всего ее окружавшаго, и она ничего не сказала.

Около одиннадцати часовъ, по обыкновенію, явился Муромскій. Еще въ воротахъ дома онъ узналъ о смерти Евлампів Львовны и очень удивился такой быстрой развязків; сердце его тревожно забилось, въ предчувствін чего-то недобраго. Быстро онъ вошелъ въ квартиру покойной, гді встрітиль нівсколькихъ старухъ съ важными и строгими лицами, въ сознаніи необходимости своего положенія въ домів и первенства своего значенія въ данную минуту.

Онъ вашелъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло, и поклонился ему. Маруси здѣсь не было; она сидѣла въ своей комнаткѣ.

Когда онъ вошель туда, она истерически вскрикнула и кинулась ему на шею, обливансь слезами.

— Папа! папа!--вричала она:--все кончено, все...

Онъ не понядъ ее и сталъ утвшать. Онъ немножко не ожидалъ, что смерть всегда суровой тетки произведеть на нее такое сильное впечатлъніе. Но она быстро разсказала ему ночную сцену. И тогда онъ все понядъ и содрогнулся.

Онъ хотълъ ее утъшить; хотълъ сказать, что она не должна держать своего объщанія, если оно противно ея совъсти. Но онъ ничего не сказаль, потому что не осмълился.

— Я глядёла на нее сегодня утромъ, — быстрымъ шопотомъ сообщала ему Маруся. — Ея лицо такое стало доброе и торжественное. Глаза ея были закрыты, но мнё казалось, что она сквозь вёки смотрить мнё въ самую душу и спрашиваеть менн, сдержу ли я свое слово... Ты молчишь, папа? Ты не можешь мнё ничего сказать?

Она залилась слезами.

Онъ погладилъ ея волосы. Странная безпомощность овла-

дёла ниъ. Куда дёвалось его мужество, его сила воли, его ясное отношение къ вопросамъ вёры, духа и жизни. Онъ могъ бы сиёло сказать ей въ другую минуту: "человёкъ долженъ дёлать то, что кажется ему справедливымъ и истиннымъ; все остальное —предравсудки, быдуманные людьми". Но онъ не могъ теперь произнести этого и смущенно молчалъ.

— Я дала, дала ей слово передъ лицомъ Бога. Я повлялась умирающей исполнить ея волю, — все страстиве говорила Маруся. — Могу ли я измёнить этой влятве, могу ли я это сдёлать? Скажите, папа, — могу?

И вдругъ вакъ будто вто-то посторонній, чужой посившиль отвітить за него:

— Нътъ, не можешь!..

Да, это сказаль онъ. Онъ самъ произнесь эти роковыя слова; онъ самъ отдаль дочь на жертву длинному, трехлётнему искусу, въ концё котораго никто не могъ знать, что ее ожидало. Да, онъ, своими устами посовътоваль ей исполнить волю сумасбродной старухи, искалъчившей всю ея жизнь, смутившей ен молодую мысль. Да, онъ сказаль это. Къ чему? Зачёмъ?

Маруся нагнулась въ его рукъ, поцъловала ее и тихо сказала:

- Спасибо, папа, Теперь я люблю васъ еще сильне, еще горяче. Не бойтесь, —пройдуть три года... пройдуть своро, и я вернусь опять въ вамъ...
- Акъ, дитя! дитя! горячо вырвалось у него. Не бывать этому... Онто тебя погубять, онв не выпустять тебя, онв вамутять твой умь, твое чистое сердце, твою ввру... Это самое большое несчастие, которое только могло надъ тобою стрястись.

И онъ заплакалъ.

Въ объятіяхъ другъ у друга стояли они посреди комнаты, жалкіе, растерянные, не зная, что предпринять, что сказать въ утъщеніе другъ другу.

XIX.

На третій день хоронии Евламнію Львовну, а на четвертый Маруся должна была отправиться въ монастырь. Ничто не заставляло ее такъ торопиться, но она настаивала на своръйшемъ исполненіи даннаго объщанія, какъ будто желая отръзать себъ всякій путь къ отступленію. Въ теченіе этихъ трехъ дней она больше не ваговаривала о своемъ ръшеніи съ отцомъ. Правда, онъ оправился отъ перваго впечативнія, которое помішало ему высказаться въ первый же день, и пробовалъ разными доводами убъдить дочь отназаться отъ своего намъренія. Но она была въ особомъ настроеніи, какъ будто вся замерла, слушала и не слышала, сосредоточивалась и не понимала; на нее нашло что-то въ родъ столбнява, съ воторымъ Муромскій ръшительно не вналь что делать. Да впрочемь, онь и самь чувствоваль, что говорить не то, что надо, и не такъ, какъ надо. Ни прежней горячности, ни прежней убъжденности въ немъ не было. Въ его словахъ чувствовалась натяжка, въ его увъщаніяхъ слышались софизмы. Онъ очутился лицомъ въ лицу съ прямымъ, яснымъ и простымъ вакъ день вопросомъ: нужно ли исполнить свободно данное слово, и вся его философія, всё его разсужденія оказались бевсильными передъ простотой совъсти Маруси. Да ему и ившали разныя обстоятельства въ эти печальные дни. Его постоянно прерывали входившія въ комнату старухи, требовавшія то то, то другое; ившаль Алексей Львовичь, аккуратно приходившій къ утренней и вечерней панихидь; мъщали гробовщики. Но онъ даже не сердился на всё эти препятствія; его энергія разомъ упала, какъ бы предчувствуя, что ей придется еще сослужить своему хозянну большую службу, въ день великаго горя, въ тотъ день, когда ему придется присутствовать при погребеніи его дочери за монастырской ствной. Сердце его сжималось и холодъ проникаль въ его душу.

Съ Марусей ничего нельзя было подвлать. Алексви Львовичь—и тотъ, несмотря на все свое благочестіе, отнесся несочувственно въ ея желанію исполнить во что бы то ни стало волю повойной тетви. Алексви Львовичь вообще сильно изменился: сочувствоваль Муромскому, не могь подавить своей жизнерадостности, которая такъ не шла въ его добродетельной и благочестивой наружности, сталь разговорчивь и даже, пожалуй, болтливь и упрекаль Евлампію Львовну за неосторожно взятое съ Маруси слово.

Приходила и Мароуша, тоже очень измѣнившанся за это время. Она пополнѣла и порозовѣла, и хотя на ней было скромное черное платье, подобавшее обстоятельствамъ, но на пальцѣ ен блестѣло, кромѣ обручальнаго кольца, еще и бирюзовое, ен любимаго голубого цвѣта. При ней Алексѣй Львовичъ умолкалъ и какъ-то растерянно-глупо ухмылялся, сладво гладя ей прямо въ глаза.

И Мареуша уговаривала Марусю:

- Брось, милан, брось, родненьвая! Ну, что хорошаго? По-

люби вого ни на есть! Только любовь и есть настоящее дёло на свётё! Воть я полюбила Алешу, и съ меня все это какъ рукой сняло. Да и онъ, гляди, сталъ другой. Правда, Алеша?

"Алеша" сильно конфузился, но кивалъ головой въ знакъ согласія.

- Вотъ, мы обручились, —протинула она свой палецъ съ кольцомъ, —а какъ женимся и вовсе хорошо будетъ! А за ослушаніе покойной твоей благодітельницы наложи на себя эпитемію, хошь на годъ, али на два, и все ладно будетъ.
 - Замолчи, Мареуша!—сурово прервала ее Маруся. Тъмъ дъло и кончилось.

XX.

На другой день посл'в похоронъ, Муромскій зашель въ Марусв. Она уже собрала чемоданчикъ и была совершенно готова въ отъбаду. Въ ввартиръ было холодновато-овна стояли отвритыми всю ночь, и все-таки пахло ладаномъ и ельникомъ. Тихо было въ комнатахъ; единственная прислуга, остававшаяся при Евлампіи Львовив въ последнее время, копошилась на вухев; Стулова, начавъ пить съ перваго же дня смерти своей благодътельницы, лежала теперь у себя въ вомиатъ въ нетрезвомъ состоянін. Кухарка налішила уже на окнахъ билетики съ объявленіемъ о сдачъ квартиры. Завъщаніе покойной еще не было всерыто, но Ситнивовъ сообщелъ Муромскому, что такъ вавъ его нивто оспаривать не будеть, то оно, конечно, будеть утверждено судомъ, что всё капиталы завёщаны монастырю, въ которомъ Марусъ назначена "въчная" келья, а домъ предоставленъ въ достояніе той же Марусь, въ случав если она пожемаеть черезь три года вернуться въ міръ; если же "Господь сподобить внушить ей севтлую мысль навсегда остаться въ монастырь, то и домъ поступить въ его пользу". Онъ же, Ситнивовъ, назначенъ до этого времени имъ управлять, а доходы доставлять въ монастырь, для учреждения при церкви неугасимой лам падви "въ поминовеніе души усопшей рабы божіей Евлампін" и для чтенія по ней сорокоуста. Монастырь быль, по желанію зав'ящательницы, ув'ядомлень обо всемь этомь и выразиль свое согласіе принять нын'в же въ свое лоно Марусю, впредь до окончательнаго утвержденія завъщанія, и на четвертый день послъ смерти Евлампін Львовны назначенъ быль пріемъ новой обитательницы.

Маруся обернулась при входъ отца. Его поразило ея лицо. Оно было спокойно, неподвижно, будто высъчено изъ камня. Богъ знаетъ, какія мысли бродили въ ея головъ, но на лицъ ея ръшительно ничего не отражалось.

- Зачемъ вы пришли, папа? чуть слышно спросила она.
- Проводить тебя, дорогая,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.
- Къ чему? Дальніе проводы, лишнія слезы—усмёхнулась она и замолила.

Они спустились и сёли въ эвипажъ. Небо было блёдное, но свётлое, безъ единаго облачка. Пакло весной; свёжій вётеровъ несся имъ на встрёчу.

Оба молчали. Улицы становились пустынными, дома стали ниже и ръже; потянулись заборы, фабрики, огороды, кладбища. Городъ оставался позади. Маруся ни разу не обернулась, ни разу не взглянула по сторонамъ. У нея ничего не было позади, о чемъ бы она жалъла, а впереди ее ждала тяжелая неизвъстность.

Муромскій заговориль съ нею.

- Богомъ заклинаю тебя, одумайся, Маруся!—свазалъ онъ. Она ему спокойно ответила:
- Папа, не тревожь меня. Это ни къ чему не поведетъ. Ты думаешь, легко мив?

Больше она не произнесла ни слова, и они продолжали ъхать молча.

— Вотъ монастырь, — проговорилъ Муромскій, указывая на золотой врестъ монастырской церкви, сіявшій на свётло-голубомъ небё.

Маруся ведрогнула и легкая краска покрыла ея щеки.

Слышался звонъ цервовнаго воловола, и звуки его вливали жестовую скорбь въ душу Муромскаго.

У воротъ каменной ограды остановился экипажъ. Сторожъ не пустилъ дальше лошадей. Путники вышли изъ экипажа. Ворота раскрылись; за ними, по аллев, обсаженной липами, стояли монахини и встрвтили свою новую гостью протяжнымъ, унылымъ пвніемъ. Муромскаго не пустили дальше. Онъ нагнулся въ Марусв и поцвловалъ ее. Она была холодна какъ изваяніе; ни одного слова она не сказала ему. Горькая складка легла на ен губы, но глаза были сухи, и ни единой слезинки онъ не подмътилъ въ нихъ.

Кто-то взялъ его подъ руку, оторвалъ отъ Маруси, посадилъ въ экипажъ. Лошади тронулись. Въ последній разъ онъ обернулся. Ворота не были еще заперты. Муромскій увидель еще разъ тонкую фигуру своей девочки. Онъ снелъ шляпу и замахаль ею, чуть не вскрикнувъ оть горя, когда увидаль, какъ ноги Маруси подвосились, какъ фигура ея осёла, какъ ее подхватили двё монахини подъ руки. Ворота быстро затворились, и черные силуэты исчезли за ними...

Колокола продолжали гудёть, какъ бы издёваясь надъ его горемъ.

И воть онь остался одинь на быломь свыть, одинь среди этой пробуждающейся оть зимней спячки природы, среди этого ликованія весны, среди живыхъ людей, къ которымь онъ никогда не чувствоваль особеннаго влеченія. И онъ созналь, что теперь появился у него новый спутникъ жизни, который, можетъ быть, никогда уже больше не покинеть его, и имя этому спутнику—, горе".

Вернется ли въ нему Маруся съ полпути-и вавою вернется она?!

Валер. Свътловъ.

ИВ. С. ТУРГЕНЕВЪ

BO

ФРАНЦІИ

1847—1850.

I.

Во второй половин февраля 1) 1847 года, И. С. Тургеневъвы вхаль изъ Петербурга въ Берлинъ, гдъ съ 1-го января на сценъ Королевской оперы пъла П. Віардо. Въ концъ апръла онъ отправился, вслъдъ за нею, въ Дрезденъ. Съ 21-го мая до середины іюля, Иванъ Сергъевичъ провелъ время вмъстъ съ Бълинскимъ и П. В. Анненковымъ, главнымъ образомъ въ Зальцбруннъ (Силезія). Затъмъ, заглянувъ не надолго въ Лондонъ, Тургеневъ прітхалъ въ имъніе Віардо, Куртавенель. Съ этого времени и начинается трехлътнее безвыт вдное пребываніе его во Франціи, еще мало затронутое біографами Ивана Сергъевича, несмотря на то, что періодъ этотъ отмъчается, съ одной стороны, созданіемъ "Записовъ Охотника", а съ другой—врупными событіями февральской революціи, свидътелемъ которыхъ былъ Тургеневъ-

Куртавенель (Château de Courtavenel) — "колыбель литературной извъстности" Ивана Сергъевича, по его собственному выраженію, находился въ департаментъ Сены-и-Марны, въ об-

¹⁾ Всв хронологическія данныя приведены нами по новому стилю.

вести Бри (Вгіе), въ 12 верстахъ отъ городка Розе (Rosay), верстахъ въ 60 къ востоку отъ Парижа. Замовъ носилъ на себъ слъды глубовой старины: массивныя стъны пепельно-съраго цвъта, большія окна, поросшая мъстами мхомъ крыша и наполненные водою рвы, идущіе вокругъ дома, — вотъ что прежде всего останавливало вниманіе всякаго прівзжаго. Цвъточныя клумбы между группами каштановъ и тополей расположились, противъ фасада; по другую сторону дома — паркъ, оранжереи, а еще дальше — поля и рощи. Въ перепискъ Тургенева симпатично обрасовываются и отдъльные уголки, мъстечки вбливи и вдали замка, которые Иванъ Сергъевичъ любилъ награждать различными именами собственнаго изобрътенія. Такъ, часть каналовъ, идущихъ вдоль дороги, названа была имъ "Великить океаномъ"; одинъ изъ мостовъ черезъ ровъ — "Чортовымъ мостомъ". Въ письмъ къ П. Віардо изъ Куртавенеля, отъ 14-го іюля 1849 г., онъ пишеть между прочимъ: "Я забавлялся тъмъ, что размскиваль въ окрестностихъ деревья, которыя имъли бы физіономію, — индивидуальность, такъ сказать, — и давалъ имъ имена... Каштановое дерево, что стоитъ на дворъ, я прозвалъ "Германомъ" и подыскиваю ему "Доротею". Въ Мезонфлёръ есть береза, которая очень похожа на "Гретхенъ"; одинъ дубъ окрещенъ "Гомеромъ", другой — "встревоженною добродътелью", одна ива названа тте Вандерборстъ".

Прівхавъ въ Куртавенель, въ концв іюля 1847 г., Тургеневъ оставался тамъ до октября въ кругу дружественной ему семьи, изрвдка ваглядывая, впрочемъ, въ Парижъ, гдв лечился (до 23-го сентября) Белинскій и гдв Иванъ Сергвевичъ встрвчался также съ Анненковымъ и другими русскими, о которыхъ будемъ говорить дальше. Въ началв октября, П. Віардо отправилась въ артистическую повздку по Германіи, чтобы принять участіе въ оперныхъ спектавляхъ въ Дрезденв (до декабря), въ Гамбургв (около двухъ недвль) и наконецъ въ Берлинв. Тургеневъ въ томъ же октябрв вывхалъ въ Парижъ, гдв и прожилъ 9 мёсяцевъ. Квартира его въ теченіе зимы находилась недалеко отъ Пале-Рояля, куда Иванъ Сергвевичъ почти каждый день ходилъ пить кофе и читать газеты. Это зданіе, построенное еще Ришелье, хотя и было въ эпоху іюльской монархіи центромъ модныхъ ресторановъ, но дни его славы уже давно миновали,—, той громкой и особенной славы (по свидвтельству Тургенева), которая, бывало, влагала въ уста нашимъ ветеранамъ 1814 и 1815 годовъ, при первомъ свиданіи съ человъкомъ, возвратившим ся изъ Парижа, неизмённый вопрост:— а что подёлываетъ

батюшва Пале-Рояль"? Въ столицъ Иванъ Сергъевичъ проводилъ время, правда, не замкнуто, но и не столь шумно, какъ его русскіе друвья и внакомые. Изъ нихъ П. В. Анненковъ (проживавшій въ Парижів съ середним 1846 года до сентября 1848) быль самымь близвимь въ нему человевомь. Затемь следуетъ назвать семью А. И. Герпена, появившуюся во Франціи почти одновременно съ Тургеневымъ; М. А. Бакунина и, наконецъ, Н. И. Савонова. Последній вполне принадлежаль въ вружву Герцена и пользовался репутаціей оригинальнаго ума, воторый онъ, однако, растеряль въ 25-летнее пребывание за границей, вращаясь между различными партіями, раздёляя ихъ эксцентрические планы и несбыточныя надежды 1). Въ одномъ изъ писемъ въ П. Віврдо (8-го дев. 1847 г.) Тургеневъ тавъ описываетъ свое времяпрепровождение: "Я веду здъсь образъ жизни, который мев очень правится: все утро я работаю, въ два часа выхожу, -- отправляюсь въ maman (m-me Гарсіа мать П. Віардо), гдё остаюсь съ полчаса, потомъ читаю газеты, гуляю; послѣ обѣда иду въ театръ, или же возвращаюсь въ таман; по вечерамъ я иногда видаюсь съ друзьями, особенно съ Анненвовымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонвимъ умомъ, сколь общирнымъ теломъ, -- а затемъ я ложусь спать". Съ кавимъ удовольствіемъ, послъ долгаго рабочаго утра, Иванъ Сергъевичъ отдавался иной разъ прогулеъ, видно, напримъръ, изъ следующихъ стровъ письма его въ тому же лицу (14-го дек. 1847 г.): "Два или три дня стоить у насъ превосходная погода. Я много гуляю передъ объдомъ въ Тюльерійскомъ саду, любуясь толпой детей-врасивыхь, вавъ амуры, и такъ вокетливо нараженныхъ. Ихъ по-дътски важныя ласки, ихъ маленькія пухленькія щечки, слегка подрумяненныя первымъ вимнимъ морозцемъ, добрыя и невозмутимыя лица нянекъ, преврасное багровое солнце, свётящее сквозь развёсистые каштаны, статун, безмятежная поверхность водъ, величественная темно-сврая масса Тюльери, - все это очень нравится мнъ, успоканваетъ, освъжаетъ меня посав работы пелаго утра".

Какъ увидимъ дальше, время пребыванія Ивана Сергѣевича во Франціи было самымъ плодовитымъ во всей его писательской дѣятельности. Но свой богатый досугъ онъ посвящалъ не одному, такъ сказать, самостоятельному творчеству. Насколько въ слѣдующія двѣ зимы онъ много помогалъ Луи Віардо и Просперу Мериме́ въ ихъ изученіи русской литературы, особенно Пушкина

^{1) &}quot;Анненковъ и его друзья". Стр. 21.

в Гоголя, -- настолько въ эту зиму часть своего рабочаго времени Иванъ Сергъевичъ посвящалъ испанскому языку и литературъ. Эти занятія вызваны были, очевидно, тъмъ интересомъ ко всему испанскому, какой преобладаль въ семь внаменитой артистки. Какъ извъстно, Полина Віардо была дочерью Мануэля Гарсіа, извъстнаго въ свое время опернаго пъвца и компониста, родомъ вспанца (родился въ Севильъ). Мужъ ея, Луи Віардо, много переводилъ съ испанскаго на французскій. Его переводъ "Донъ Кихота", напримъръ, считается во Франціи влассическимъ. Не удивительно, что и Тургеневъ былъ увлеченъ всеми этими интересами. Здёсь, однако, надо замётить, что начало занятій Ивана Сергъевича испанской литературой не следуетъ относить къ 1843 году, вогда онъ впервые познакомился съ П. Віардо и когда уже написаль сцены изъ испанской жизни — "Неосторожность". Какъ давно уже замъчено критикой, эта пьеса написана подъ вліяніемъ поэзіи Альфреда де-Мюссе (перваго періода его творчества), — поэзін "плаща и шпаги", "шелковыхъ лъстницъ и потаенныхъ ходовъ", -- которою восхищалось русское образованное общество вонца тридцатыхъ годовъ настолько, что у насъ раньше французовъ поставлены были драматическія произведенія поэта на сцену. "Неосторожность" въ рукописи была готова еще за нъ-сволько мъсяцевъ до первой встръчи Тургенева съ П. Віардо. Въ октябръ 1847 года, Иванъ Сергъевичъ пригласилъ въ себъ въ наставники el senor Castelar, который, между прочимъ, заставдаль Тургенева вести корреспонденцію по-испански. "Я вступыть въ переписку съ другимъ ученикомъ моего учителя,—сообщать Иванъ Сергъевичъ, 17-го янв. 1848 г., П. Віардо",— "переписку анонимную, которая не имбеть другой цели, кромб нашего усовершенствованія въ изученіи "magnifica lengua castellana". Но посмотрите, какая мев удача! Въ одномъ письмъ я неиного позабавился (не помню только, по какому именно поводу) насчеть австрійскаго правительства, а мой корреспонденть оказался врайне патріотичнымъ вънскимъ евреемъ! Впрочемъ, мой учитель увъряеть меня, что онъ очень добрый и не захотъль принять это въ дурную сторону".

Больше всего времени тратиль, однако, Тургеневъ на изученіе произведеній испанской литературы, но не современной ему, усердно служившей романтизму. Объ этой послѣдней онъ быль невысокаго мнѣнія, какъ можно судить по его отзыву, напримѣръ, объ одномъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей новой испанской литературы—Мартинесѣ де-ла-Роза (1789—1862). Прочитавъ его прозаическое произведеніе ("Isabel de

Томъ VI.—Нояврь, 1902.

Salis" (1837—1840), Тургеневъ пишетъ о немъ II. Віардо: "Пусть извинять меня ваши соотечественники, если вся ихъ современная литература окажется въ такомъ же родъ, — все ребячество. Интересны только одив выдержки изъ летописей". Иванъ Сергвевичъ остановился на Кальдеронв (1600-1681). "Это величайшій драматургь изь католиковь, какъ Шекспирь самый гуманнъйшій, самый анти-христіанскій драматургь", тавъ отзывался о немъ Тургеневъ въ письмахъ въ П. Віардо. Познакомившись съ одной изъ наиболее популярныхъ его драмъ — "Повлонение Кресту", въ которой проводится мысль, что въра въ силу св. Креста достаточна для спасенія человъка, какія бы влодъйства онъ ни совершиль, Иванъ Сергвевичъ такъ говорить о ней въ твхъ же письмахъ: "Devotion de la Cruz" есть шедёвръ. Эта неповолебимая торжествующая вёра, лишенная даже и тёни какого-либо сомнёнія или размышленія, подавляеть вась своею мощью и величіемъ, несмотря на все, что есть въ этой доктринв отталкивающаго и жестоваго. Это уничижение всего, что составляеть достоинство человъка, передъ божественной волей; то равнодущие во всему, что мы называемъ добродътелью или порокомъ, и съ которымъ благодать остиняетъ своего избранника, — является еще новымъ торжествомъ человъческаго разума, потому что существо, ръшающееся съ такой отвагой признаваться въ своемъ собственномъ ничтожествъ, тъмъ самымъ возвышается до того фантастическаго Божества, игрушкой котораго оно себя считаеть. И это Божество есть тоже твореніе его руки. Но я все-таки предпочитаю Прометея, сатану, типъ возмущенія и индивидуальности. Пусть я буду атомъ, но я самъ себъ владыва; я хочу истины, но не спасенія, и ожидаю ее получить отъ разума, а не отъ благодати $^{\prime\prime}$ 1).

Философская драма Кальдерона: "Жизнь есть сонъ", доказывающая ничтожность земной жизни въ сравненіи съ реальностью въчной, вызвала слъдующія замъчанія Ивана Сергъевича: "Это самая величественная драматическая концепція, какую я когда-либо видълъ или читалъ. Въ ней царитъ дикая энергія, глубокое и мрачное презръніе къ жизни, удивительная смълость мысли рядомъ съ фанатизмомъ непреклоннаго католика. Сигизмундъ Кальдерона (главный герой)—это испанскій Гамлетъ со всею разницею, какая существуетъ между съ-

^{1) &}quot;И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма въ г-жѣ Віардо". М. 1900 г., стр. 25 (переводъ съ франц.).

веромъ и югомъ. Гамлеть болѣе разсудителенъ, утонченъ, болѣе философъ; характеръ Сигизмунда проще, яснѣе и проникаетъ какъ шпага; одинъ не дѣйствуетъ вслѣдствіе своей нерѣшительности, сомнѣній и размышленій; другой дѣйствуетъ, потому что къ тому толкаетъ его южная кровь, но, дѣйствуя, онъ хорошо сознаетъ, что жизнь есть не что иное, какъ сонъ" 1).

Приступивъ къ "Чудесному волшебнику", котораго называютъ испанскимъ Фаустомъ, но воторый на самомъ дёлё томится не жаждой постигнуть тайны природы, а жаждой любви,--Тургеневъ пиметь своему другу: "Теперь я принялся читать испанскаго Фауста — El Magico prodigioso, и совсъмъ "окальдероненъ". Читая эти преврасных произведенія, чувствуешь, что они естественно выросли на плодородной и могучей почвъ; ихъ вкусъ н благоуханіе просты, литературная подливка здёсь совсёмъ не тувствуется. Драма въ Испаніи была последнимъ и самымъ лучшимъ выраженіемъ наивнаго ватолицизма и общества, создан-наго имъ по своему образу". Н'вноторая какъ бы ультра-раціоналистическая нотка, звучащая въ приведенныхъ выпискахъ, не вполнъ согласная съ послъдующими взглядами Тургенева, выявана была отчасти крайностями міровоззрівнія Кальдерона, какъ религіознаго фанатика и восторженнаго мистика, отчасти же объясняется довольно замътнымъ увлеченіемъ со стороны Тургенева въ то время Фейербахомъ, котораго Иванъ Сергвевичъ называль "единственнымь человъкомь, единственнымь характеромъ и единственнымъ талантомъ" среди современныхъ ему писателей, произведенія которыхъ, казалось ему, "воняють литературой". Впоследствии Тургеневъ изо всей испанской литературы интересовался болье всего "Донъ-Кихотомъ", которому и посватиль столько горячихь словь въ своей ръчи "Гамдеть и Донъ-Кихотъ" и котораго онъ неоднократно мечталъ перевести на русскій языкъ.

II.

Мирное и дъятельное времяпрепровождение Ивана Сергъевича, посвященное литературъ, искусству, друзьямъ, было внезапно прервано февральской революціей. "Незадолго до 24 февраля,— писалъ впослъдствіи Тургеневъ,—я уъхалъ въ Бельгію—и въсть о государственномъ переворотъ во Франціи дошла до меня въ

¹⁾ Ibid., crp. 28-29.

Брюсселъ. Поминтся, въ теченіе цъдаго дня нивто не получаль ни писемъ, ни журналовъ изъ Парижа; жители толпились на улицахъ и на площадяхъ; все замирало въ тревожномъ ожиданіи. 26-го февраля, въ шесть часовъ утра, я еще лежалъ-хотя и не спаль-въ постели, въ номеръ гостиницы, -- какъ вдругъ наружная дверь растворилась настежь и кто-то зычно прокричаль: "Франція стала республикой!" — Не въря ушамъ своимъ, я вскочиль съ вровати, выбъжаль изъ комнаты. По корридору мчался одинъ изъ гарсоновъ гостинницы и, поочередно раскрывая двери направо и налаво, бросала ва каждый номера свое поразительное восклицаніе. Подчаса спустя, я уже быль одёть, уложыть свои вещи и въ тотъ же день несся по железной дороге въ Парижъ. На границъ сняты были рельсы; спутники мон и ямы съ трудомъ, въ наемныхъ повозвахъ, добрались до Дуэ-н къ вечеру прибыли въ Понтуазъ... Рельсы около Парижа были тоже сняты... Помню, что на одной станціи мимо насъ съ шумомъ и трескомъ пронесся ловомотивъ съ однимъ вагономъ перваго власса: въ этомъ эвстренномъ повздв мчался "эвстренвыв коммиссаръ" республики, Антоній Турэ; фхавшіе съ нимъ люди махали трехцивтными флагами, вричали; служащіе на станців съ нъмымъ изумленіемъ провожали глазами громадную фигуру воммиссара, до половины высунутую изъ овна, съ высово приподнятой рукой... Годы 1793, 1794 невольно воскресали въ памяти. Помню, что, не добажая до Понтуаза, произошло столвновеніе нашего повзда съ другимъ, встрвчнымъ... Были раненыено нивто не обратиль даже вниманія на этоть случай: у важдаго тотчасъ явилась одна и та же мысль: можно ли будетъ дальше вхать? И какъ только нашъ повядъ снова тронулся, всв тотчасъ заговорили съ прежнимъ одушевленіемъ, всф, исключая одного сёдого старичка, который съ самаго Дуэ забился въ уголъ вагона и безпрестанно повторяль шопотомъ: "все пропало! все пропало"! 1) Столь же сильныя впечатлёнія испыталь Тургеневъ и при въйзди въ Парижъ, при види всюду пестрившихъ трехцевтныхъ кокардъ, вооруженныхъ блузниковъ, разбиравшихъ вамни барривадъ, и т. п. "Весь первый день моего пребыванія въ Парижъ прошелъ въ какомъ-то чаду", -- говорилъ онъ. Но впечатленія переворста скоро улеглись въ душе Ивана Сергвевича, и для него вновь наступило время обычных ванятій. прогуловъ, посъщеній театровъ. Еслибы не опредъленная дата 1 ман 1848 г., мы могли бы легво подумать, что следующее

¹⁾ Сочин. И. С. Тургенева. Изд. "Ниви". XII, 122-123.

инсьмо въ П. Віардо написано еще до революцін. "Сегодня я воспользовался корошей погодой, чтобы отправиться въ Ville d'Avray, небольшую деревушку за Saint Cloud. Я думаю, что найму тамъ вомнату. Я болбе четырехъ часовъ провель въ лвсахъ-печальный, растроганный, внимательный, поглощающій в поглощенный. Висчатленіе, которое природа производить на одинокаго человъка, очень своеобразно. Въ этомъ впечатавние есть осадовъ горечи, свъжей какъ благоуханіе полей, немного ясной меланхолін, вавъ въ пънін птицъ... Вы, вонечно, понимаете, что я хочу сказать, потому что вы понимаете меня много лучше, чвиъ я самъ себя. Я не могу видеть безъ волненія, какъ ветка, поврытая молодыми зеленвющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небъ. Почему? Да, почему? По причинъ ли вонтраста между этою маленьною выткой, живущею, колеблющеюся отъ самаго небольшого дуновенія, которую я могу сломать, и она должна умереть, но воторую благолетельный совъ оживляеть и окрашиваеть, - и этою въчною и пустою безпредальностью, этимъ небомъ, воторое только благодаря вемлъ сине и лучезарио? Ахъ, я не выношу неба!---но жизнь, ея реальность, ея капривы, ея случайности, ея привычки, ея быстро преходящую красоту... все это я обожаю. Я прикръпленъ въ землъ. Я предпочитаю созерцать торопливыя движенія влажной лапви утви, воторою она чешеть себь затыловъ на краю лужи, или длинныя и блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной воровы, только-что начившейся воды изъ пруда, куда она вошла по кольно,—всему, что можно видеть въ небё!.."

Имъя передъ собою, съ одной стороны, подобныя и совствъ не политическія настроенія и интересы Тургенева въ 1848 г., а съ другой—такіе разсказы, какъ "Человъвъ въ сърыхъ очвахъ" и "Наши послали", полные живого пониманія великихъ событій. совершавшихся тогда въ Парижъ, —мы необходимо должны остановиться подробнъе на вопросъ, —насколько, въ самомъ дълъ, интересовался Иванъ Сергъевичъ политивой, каковы были, въ концъ концовъ, его взгляды на нее и какую роль сыграла здъсь февральская революція и вторая республива. Само собою разумъется, что отвъчать на этотъ вопросъ одной ссылкой на "западничество" автора "Дыма" невозможно. Никто и никогда не сомнъвался въ западничествъ Тургенева, но политическимъ взглядамъ его давали очень различную оцънку. Одновременно считали ихъ и умъренно-либеральными, и консервативными, и даже революціонными. Однимъ казался Иванъ Сергъевичъ "кувыркающимся" передъ радикальной молодежью, другимъ же—прирож-

деннымъ баричемъ-ретроградомъ; третьимъ, наконецъ, —либераломъ въ молодости и консерваторомъ подъ старость. Въ дъйствительности, основнымъ началомъ западничества у Тургенева служила мысль, а именно, что его отечество составляетъ органическую часть европейскаго цълаго, отнюдь не подлежащую какимъ-либо особымъ историческимъ законамъ или историческимъ процессамъ, чуждымъ, будто бы, западному міру.

III.

Тургеневъ явился во Францію съ немалой подготовкой въ пониманію столь чуждой въ то время для русскаго среды. Но предварительное ознакомленіе съ последней заключалось менее всего въ чисто-политическихъ вопросахъ. Французское искусство, французская исторія—воть гдв Иванъ Сергвевичь чувствоваль себя свободнымъ. Даже черезъ десять лётъ после революція 1848 г., въ письме "Изъ-за границы" ¹), где онъ такъ горячо ратуеть за подготовку во всякому путешествію, предпринижаемому съ образовательной целью, Тургеневъ не требуеть знакомства съ политическими вопросами предпочтительные или даже наравив съ другими. Но вавъ бы ни была свромна подготовва-Ивана Сергвевича въ этомъ отношеніи, на ней все-же слъдуетъ остановиться. Прежде всего заметниъ, что у насъ въ сороковыхъ годахъ политикъ не придавали такого главенствующаго значенія, вакое приписывали ей люди шестидесятыхъ годовъ. Политические интересы того десятильтия въ вружвъ Бълнескаго очень правильно характеривуются К. Д. Кавелинымъ въ его воспоминаніяхь о великомъ вритикъ: "Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всв анекдоты, слухи и разговоры, изъ которыхъ прямо или восвенно следовало... приближение иного времени; также жадно и зорво слёдили за всявимъ проявленіемъ въ словъ или печати мыслей и стремленій, воторыми были преисполнены... Жоржъ-Зандъ и французская литература пользовадись веливимъ авторитетомъ. За событіями политическими въ Европъ мы слъдили внимательно, но нельзя сказать, чтобы съ настоящимъ пониманіемъ... Его (Бълинскаго) симпатін влонились въ сторону Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальные болже, чжих политическіе. Полити-

^{1) &}quot;Атеней" 1858 г., кн. 6.

ческой программы ни у кого въ тогдашнихъ кружкахъ не было" 1). Не у одного Бълинскаго, но и у большинства друзей его идеалы были "нравственно-соціальные", т.-е. касающіеся общественной нравственности и культуры, "болье, чвиъ политическіе". И попади эти люди въ среду молодыхъ радикаловъ поздившаго времени, они сказали бы вивств съ Базаровымъ въ "Отцахъ и Дътяхъ", что нечего толковать о парламентаризив, напримъръ, когда дъло идеть о насущномъ клюб; когда грубъйшее суевъріе насъ душитъ; когда всв наши акціонерныя общества лопавстви единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въчестныхъ людяхъ; когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва-ли пойдеть намъ въ прокъ, потому что муживъ нашъ радъ самого себи обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакъ".

Не менъе врупной особенностью политической мысли сороковыхъ годовъ, вавъ справедливо заметилъ тотъ же Кавелинь, является отсутствіе опредёленной программы не только правтическаго, но и теоретическаго значенія. Тогда сознавалась только необходимость разъяснить общіе основные вопросы историческаго развитія, и горячій споръ между западнивами и славянофилами не замёняль собою, а какъ разъ подготовляль обсуждение и понимание вопросовъ чисто политическихъ, народившихся нъсколько позднъе. "Жоржъ-Зандъ и французская литература пользовались великимъ авторитетомъ", -- свидетельствуеть Кавелинъ, подразумевая подъ французской литературой Пьера Леру, Луи Блана. Фурье, Кабе и иныхъ соціалистовъ. Это же подтверждають и другіе друзья Белинскаго. Но, во-первыхъ, названные писатели до 1848 года тоже занимались болже общими, чъмъ спеціальными практическими вопросами политиви и соціализма, а затімь, авторитеть французсвихъ писателей для вружва Бълинсваго не былъ, къ тому же, подавляющимъ, никогда не господствовалъ до такой степени, вавъ авторитетъ Гегеля въ концъ тридцатыхъ годовъ. Западники, за исключениемъ развъ Герцена, а поздиве — Бакунина, не разделяли многихъ положений социализма, не говоря уже о его врайностяхъ. Бълинскій даже не прочь быль доказывать славанофильскую мысль, что Россія лучше съумветь, пожалуй, разръщить вопрось о враждъ вапитала и собственности съ трудомъ, чёмъ Европа, хотя и считалъ тогдашнее наше положение вполнъ ненормальнымъ 2). Восторгаясь же статьей Литтре объ

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Біограф. Вѣлинскаго, II, 204, 208-9.

³) А. Н. Пыпинъ. Біограф. Білинскаго, II, 209.

успъхахъ физіологіи ("Современнивъ" 1847 г., кн. 2), Бълинскій вмѣнялъ автору въ заслугу, что онъ не принадлежитъ въ соціалиста чъ, которые уродились, по мнѣнію вритика, изъ фантазій генія Руссо. Тургеневъ не менѣе друзей своихъ знакомился съ французской литературой, вмѣстѣ съ ними обсуждалъ ея вопросы и положенія. Подобно всѣмъ западникамъ, въ политикѣ онъ интересовался общими историческими вопросами. Какъ и его единомышленники, люди сороковыхъ годовъ, въ основу своихъ сужденій онъ ставилъ моральныя требованія, считая въ устройствѣ общества рѣшающей силой не тѣ или другія политическія формы или порядки, а нравственное воспитаніе общества и образованіе научное. А къ идеямъ соціализма относился съ полнымъ отрицаніемъ, какъ это видно изъ письма къ Герцену, отъ 3 декабря 1862 года.

Но вавъ ни мало въ общемъ увлекался Иванъ Сергвевичъ политикой у себя дома, гдъ въ тому же слишвомъ ясно чувствовалась безполезность подобныхъ занятій, - ступивъ на почву Франціи, переживавшей тогда моменты первостепенной политической важности, онъ быль невольно охвачень живымъ и бурнымъ потокомъ совершавшихся вокругъ него событій. Правда, въ сравненіи съ друзьями своими, бывшими одновременно съ нимъ въ Парижь, Иванъ Сергьевичь можеть показаться стоящимь внъ этихъ движеній. Бакунивъ и Герценъ сдёлались активными участниками событій; даже П. В. Анненвовъ важется намъ теперь цѣликомъ погруженнымъ въ шумъ и сутолоку европейскихъ треволненій и теорій конца сороковыхъ годовъ. Читая воспоминанія послідняго, невольно удивляещься, какъ этоть человінь бливно принималь въ сердцу столвновенія соціалиста Вейтлинга съ Марксомъ, разногласія Маркса съ Прудономъ и т. д. Свои собственныя русскія діла онъ не могь бы різшать съ большей обстоятельностью, чёмъ дёла французскихъ или нёмецкихъ соціалистовъ. Не относясь столь же горячо къ кипъвшимъ вокругъ событіямъ, какъ его друзья, Тургеневъ, однако, внимательно слъдилъ за ними, многое старался наблюдать непосредственно, даже рискуя иногда жизнью. Онъ самъ сознается, что общее волненіе, охватившее Парижъ въ ожиданіи предстоявшихъ въ февралв 1848 г. банкетовъ въ пользу реформы, охватило и его. Семнадцатаго марта того же года, онъ наблюдаль, какъ громадная толпа работниковъ ходила въ ратушъ протестовать передъ временнымъ правительствомъ противъ манифестація такъ-называе-мыхъ "медвъжьихъ шапокъ" (раскассированныхъ гренадеровъ и вольтижеровъ національной гвардіи). Пятнадцатаго мая, Тургеневъ быль очевидиемъ шествія массы народа, направлявшагося мимо церкви Маделены на штурмъ палаты депутатовъ. Тринадпатаго іюня, онъ долженъ быль бъжать вмъстъ съ толпой, которую гнали штыками съ площади Согласія. Черезъ десять дней,
Иванъ Сергьевичъ попалъ подъ выстрълы инсургентовъ, скрывавшихся въ Жувьенской фабрикъ, и т. д. Но всъхъ этихъ наблюденій было бы недостаточно для политической любознательности, еслибы они не сопровождались бесъдами съ людьми,
близко стоящими къ текущимъ событіямъ. А въ сношеніяхъ съ
такими людьми Тургеневъ былъ довольно счастливъ. Назовемъ хотя
бы Бакунина, Герцена, Гервега и такую замъчательную личность, какъ monsieur François ("Человъкъ въ сърыхъ очкахъ"),
не говоря о французскихъ друзьяхъ и знакомыхъ семьи Віардо.

А. И. Герценъ прівхалъ въ Парижъ въ концв лета 1847 г., когда Тургеневъ быль уже въ Куртавенелъ, и прожилъ въ столицъ до середины 1849 г., т.-е. почти два года, въ теченіе которыхъ лишь февраль и марть 1848 г. провель въ Италіи. Въ тв месяцы, вогда Иванъ Сергевнить находился въ Париже, онъ часто видълся съ внаменитымъ эмигрантомъ, особенно въ зиму съ 1848 г. на 1849 г., вогда, послъ отъъзда Анненкова, Тургеневъ у одного Герцена могъ быть поближе въ родному русскому, въ чемъ всегда такъ нуждался на чужбинъ. Появившись въ столицъ Франціи, Герценъ не только быстро вошелъ во всъ подробности политическихъ движеній, волновавшихъ ее, но сталъ однимъ изъ видныхъ центровъ тогдашнихъ демократическихъ кружковъ, принимая у себя на квартиръ такихъ лицъ, какъ Прудонъ, Гервегъ и др... Александръ Ивановичъ прибылъ во Францію горячимъ посибдователемъ соціализма. Эти симпатів лишь усилились въ Парижъ, но, подъ вліяніемъ буржуванаго свлада монархін Луи-Филиппа и второй республики, онъ стали получать славянофильскій оттіновъ. Не признавая за Европой ни силь, ни способностей осуществить соціалистическій идеаль, Герценъ сталъ ожидать именно отъ русскаго народа всеобщаго обновленія на почев соціализма. Этогь повороть въ міровозарвніи уже замъченъ быль друзьями въ письмахъ его изъ Avenue-Marigny, пом'вщенныхъ въ десятомъ нумерв "Современника" за 1847 голъ.

Бакунить поселился въ Парижъ задолго до появленія въ немъ Тургенева и къ 1847 г. составиль себъ извъстность дъятельнымъ участіемъ въ польской революціонной партіи, къ которой примкнуль, покинувъ прежнія занятія въмецкой философіей. Блестящія діалектическія способности, повергавшія въ изум-

леніе иностранцевъ, дали возможность Бакунину быть очень врушной силой въ польскомъ дёлё, хотя онъ и не вполнё отвёчаль требованіямъ центральнаго революціоннаго комитета. Бакунивъ въ своей пропагандъ стремился не столько въ возстановленю Польши, сволько въ сближению славянсвихъ народностей на почев политическихъ протестовъ противъ правительствъ. Будучи неразлучнымъ съ Бавунинымъ въ последній годъ своего бердинсваго студенчества, Тургеневъ охотно возобновилъ дружеское общене съ прежнимъ своимъ товарищемъ и въ Парижъ. Изъ писемъ последняго въ Анненкову видно, что Иванъ Сергеввичь быль въ числъ немногихъ, съ которыми Бакунинъ дълился своями планами и севретами въ 1847 году. Но встръчи ихъ были прерваны очень скоро. Послъ своей зажигательной ръчи, 29 ноября, передъ полявами, за которую Гизо обозвалъ Бакунина, при запросъ въ палать депутатовъ, "une personnalité violente", сивлый агитаторъ быль выслань изъ Парижа и поселился въ Брюссель. Вернувшись обратно после февральского переворота, Бакунинъ явился передъ друвьями уже совствить въ другомъ видъ. Поселившись въ вазармъ съ работнивами, составлявшими охрану революціоннаго префекта полиціи Косидьера, онъ заявиль себя не горячимъ сторонникомъ полонияма, а страстнымъ проповъдникомъ соціалистическихъ теорій. Вспоминая позднъе о своихъ встръчахъ съ Бавунинымъ за этотъ второй періодъ его политической д'ятельности въ Парижъ, Тургеневъ разсказывалъ слъдующее: "Вліяніе Бакунина на рабочихъ объясняется тімъ, что онъ былъ демократъ по природъ. Когда онъ входилъ въ кабакъ, то всемъ присутствующимъ казалось, что онъ всю жизнь провелъ въ этомъ кабакъ. Къ тому же овъ быль необывновенно доступенъ для всёхъ и каждаго. Однажды въ Париже, въ конце сороковыхъ годовъ, встръчается съ Бакунинымъ какой-то рабочій, останавливаеть "гражданина" Бакунина и начинаеть ему излагать свой проекть, согласно которому для спасенія человічества необходимо разрушить до восьми соть лучшихь зданій Парижа. Всякій другой посившиль бы отдёлаться отъ этого полупом'ьшаннаго. Бавунинъ же садится туть же на какой-то камень и въ теченіе четырехъ часовъ доказываеть рабочему, что проекть его не выдерживаеть критики"! 1) Въ Парижъ Бакунинъ и на этотъ разъ прожилъ недолго вмёстё съ Тургеневымъ. Вывхавъ въ началъ апръля 1848 г. черезъ Брюссель въ Германію, онъ

¹⁾ Воспоминанія о Тургеневѣ Ан. Половцова. Календарь "Царь-Колоколъ" 1887 г., стр. 77.

въ начале мая организоваль возстание рабочихъ въ Древдене, получивъ отъ последнихъ почти диктаторския полномочия. Девятаго мая, онъ былъ взятъ въ пленъ прусскими войсками и приговоренъ къ смертной казни, которан была, однако, заменена ему пожизненнымъ заключениемъ. Позднее онъ былъ выданъ Австріи, а этой последнею—Россіи и сосланъ въ Сибирь.

Гервегъ (Herwegh) жилъ уже изгнанникомъ въ Парижв и быть тамъ предсёдателемъ влуба нёмцевъ-эмигрантовъ, "Democratischer Verein", когда въ столицъ ноявился Тургеневъ. Познакомившись съ поэтомъ (у Герцена), Иванъ Сергвевичъ потувствоваль въ нему искреннюю симпатію и всегда искаль съ нить встрівчь и бесіндь, вплоть до выізда Гервега въ Швейцарію (последовавшаго въ середине 1849 года). Особенно часты были ихъ встречи въ мав и іюне 1848 г., вогда Тургеневъ квартировалъ не только въ одномъ домѣ (на углу улицы Мира и Итальянскаго бульвара), но на одной и той же лъстницъ съ Гервегомъ. Иванъ Сергъевичъ безпрестанно заходилъ въ нему "отводить душу" въ виду грозныхъ событій, волновавшихъ въ то время Парижъ. Анненковъ даеть следующую характеристику Гервега. Онъ былъ, по его мивнію, "въ высшей степени развитой, изящной и вийсти холодной и эгоистически-сластолюбивой личностью". Являлся вдобавокъ еще "двойной германской внаменьтостью: онъ прославился лирическими пъснями, призывавшими народы въ оружію, и радикализмомъ взглядовъ на правительство вообще и на прусское въ особенности. Подъ мягкой, вкрадчивой наружностью, прикрываясь очень многостороннымъ, проворливымъ умомъ, который всегда былъ на сторожъ, такъ сказать, и опираясь на изумительную способность расповнавать малейшія душевныя движенія человіка и къ нимъ подділываться, — чудная личность эта тапла въ себъ совровища эгонзма, эпикурейскихъ свлонностей и потребности леленть и удовлетворять свои страсти, чего бы то ни стоило" 1). Отрицательныя стороны характера Гервега были, однаво, въ то время еще совершенно скрыты отъ руссвихъ друзей его и обнаружились поздиве въ той романтической исторіи, описанной темъ же Анненковымъ въ его воспоминаніяхъ, которая оставила глубовіе слёды въ семейной жизни Герценовъ. Интересно, какъ отнесси Тургеневъ къ апръльской (1848 г.) экспедиціи Гервега въ Баденъ. Подъ вліяніемъ февральской революціи німецкій поэть, какь извістно, отправыся въ походъ во главъ отряда вооруженныхъ рабочихъ и съ

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки. III, 179.

помощью баденских революціонеровъ проникъ въ городъ, но быль отбить виртембергскими войсками. Узнавъ объ этой неудачв, Иванъ Сергвевичъ писалъ П. Віардо (30 апрвля): "Экспедиція моего друга Гервега потеривла полное фіаско; эти несчастные рабочіе подверглись ужасному избіенію. Второй начальникъ, Борнштедть, быль убитъ; что касается до Гервега, то онъ, говорять, вернулся въ Страсбургъ со своею женой. Если онъ прівдеть сюда, я ему посоввтую еще разъ прочесть "Короля Лира", особенно сцену между королемъ, Эдгаромъ и шутомъ въ лвсу. Бъдняга! Ему следовало или не начинать дела, или дать убить себя, какъ и другихъ".

IV.

Попавъ въ вруговороть крупныхъ политическихъ событій, сталкиваясь съ людьми, интересы которыхъ сосредоточивались на тёхъ же событіяхъ, Тургеневъ именно во Франціи 1848—1849 годовъ получилъ свое, такъ сказать, политическое крещеніе, какъ за десять лётъ передъ тёмъ въ Германіи получилъ культурное, научное крещеніе. Лучшей политической школы, какъ Парижъ конца сорововыхъ годовъ, невозможно было найти въ Европт для современниковъ Тургенева, —какъ для того же покольнія нельзя было найти и лучшей научной школы, чёмъ Берлинъ конца тридцатыхъ годовъ. Въ Парижъ у Ивана Сергъевича сложились окончательно тъ взгляды, тъ выводы, отъ которыхъ онъ уже не отступалъ во всю свою жизнь при обсужденіи какъ своей родной, такъ и западной дъйствительности, поскольку выражалась она въ политикъ. Эти выводы не явились у Тургенева внезапно, какъ слъдствіе переворота въ міровозаръніи, — они имъли извъстную подготовку въ болье раннемъ времени, въ бесъдахъ кружка Бълинскаго и даже на студенческой скамът берлинскаго университета. Но окончательную какъ бы шлифовку получили они все-таки въ Парижъ 1848—1849 годовъ.

Выяснить политическіе взгляды Ивана Сергвевича за тв годы намъ поможеть превосходный разсказь его "Человыкь въ сърыхъ очкахъ". Тургеневъ не запомниль бы съ изумительной точностью всёхъ бесёдъ своихъ съ героемъ воспоминаній—monsieur François,—этоть послёдній не являлся бы передъ нами столь художественно правдивымъ и живымъ при всей своей глубовой оригинальности, еслибы многіе взгляды его не совпадали со взглядами молодого Тургенева, върнѣе—еслибы они не помогли уяснить

последнему смутно совнаваемыя собственныя мысли. Но лучше всего сказанное нами подтверждается сравненіемъ политическихъ сужденій monsieur François съ такими же сужденіями Ивана Сергевича. Начать съ того, что ни "Человёкъ въ сёрыхъ очкахъ", ни Тургеневъ не вёрили "въ принципы 89-го года, всеобщее братство, прогрессъ" и т. п. Первый прямо говорилъ, что эта вёра хороша для овощныхъ торговцевъ (pour les épiciers). Иванъ же Сергевичъ писалъ, 20 іюля 1849 г., П. Віардо: "Кто сказалъ, что человёку суждено быть свободнымъ? Исторія доказываетъ намъ противное. Гёте, конечно, не изъ низкопоклонства написалъ свой знаменитый стихъ:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein!

Это просто факть, истина, выскаванная имъ въ качествъ точнаго наблюдателя дъйствительности, какимъ онъ былъ".

Повторявъ, восемнадцать лъть спустя, тоть же стихъ Гёте въ письмъ къ Герцену, Тургеневъ дополняеть его еще слъдующими словами: "Это вопросъ физіологическій, а общество рабовъ съ подраздъленіемъ на влассы попадается на важдомъ шагу въ природъ (пчелы и т. д.) — и изо всъхъ европейскихъ народовъ именно русскій менте встать других нуждается въ свободъ... Последнія слова могуть показаться крайностью, вызванной полемическимъ задоромъ, но основная мысль Тургенева остается ясной. Monsier François высказываль и другія характерныя положенія своему собесёднику. Особенно тёсно связывается съ предъндущимъ указаніе на то стихійное, безразличное состояніе массъ, общества, которое делаеть людскую толпу способной какъ на высовое увлечение идеаломъ, такъ одновременно и на слепое ся в дованіе за всявимъ довкимъ шарлатаномъ. Представляя собою въ тому же матеріаль и для простыхъ случайностей, чернь, народъ, не можетъ возбуждать ни уваженія, ни презрівнія, не можеть носить въ себъ нивавихъ основъ для осуществленія торжества политическихъ идеаловъ. "Народъ-то же, что земля", - говорить monsieur François: "хочу, пашу ее... и она меня вормить; хочу, оставляю ее подъ паромъ. Она меня носить, а я ее попираю. Правда, она вдругь возьметь да встряхнется, вавъ моврый пудель, и повалить все, что мы на ней настроилевсъ наши карточные домики. Да въдь это, въ сущности, ръдко случается-эти землетрясенія-то. Съ другой стороны, я очень хорошо знаю, что, въ концъ концовъ, она меня поглотитъ... И народъ меня поглотить тоже. Этому помочь нельзя". Человъвъ

всегда остается человъвомъ со всъми своими недостатвами, дъйствуетъ ли онъ въ одной части свъта, или въ другой, живетъ ли онъ въ эпоху крайняго развитія индустріи, или во времена языческихъ имперій древности. "Америка—та же Европа—только на изнанку", — доказывалъ monsieur François: — "у американцевъ нътъ ни одной изъ тъхъ основъ, на которыхъ зиждется зданіе европейскаго государства... а между тъмъ — выходить одно и то же. Все людское — одно и то же. Вы помните наставленіе унтеръофицера рекрутамъ: "направо кругомъ — совершенно то же самое, что налъво кругомъ, только оно совершенно противоположно". Ну, вотъ, и Америка — та же Европа, только налъво кругомъ".

Подобныя же мысли высказываль и Тургеневь во многихъ мъстахъ своихъ сочиненій, но, конечно, безъ эгоистически-властолюбиваго оттынка, характеризующаго рычи monsieur François. Съ наибольшею силою изложилъ онъ ихъ въ отрывкъ "До-вольно", гдъ мы читаемъ между прочимъ: "Еслибы вновь народился Шевспиръ, ему не изъ чего было бы отвазаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его проницательный вворъ не отврыль бы ничего новаго въ человъческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи. То же легковъріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тв же пошлыя удовольствія, тв же бевсмысленныя страданія во имя... ну, хоть во имя того же ведора, дей тысячи леть тому назадъ осмвяннаго Аристофаномъ; тв же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко нопадается многоголовый звёрь-людская толпа; тё же ухватки власти, тё же привычки рабства, та же естественность неправды-словомъ, то же хлопотливое прыганье бълки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ волесъ". Въ одномъ только расходился Тургеневъ съ своимъ случайнымъ собесвдникомъ въ ротондв Пале-Рояля. Иванъ Сергъевичь не могь принимать участія въ революціонных дъйствіяхъ. Подобно Бълинскому, онъ чувствовалъ отвращеніе ко всявимъ насильственнымъ мърамъ, сворымъ расправамъ, и трудно придумать болже чудовищную влевету, чёмъ ту, вавую старались распустить его заграничные quasi-друзья изъ русскихъ эмигрантовъ, будто на смертномъ одрѣ онъ, авторъ "Казни Тронмана", признавался въ бреду: "а все-таки террористы-великіе люди". Достаточно прочесть мѣсто въ его разсказѣ "Наши по-слали", гдѣ говорится о разстрѣливаніи инсургентовъ въ іюньскіе дни 1848 г., чтобы представить себ'я весь ужась, какой возбуждали въ душъ Ивана Сергъевича подобныя мъры.

Тургеневъ въ своихъ политическихъ, точно такъ же, какъ и въ историческихъ взглядахъ, былъ, однако, не разочарованнымъ, не свептивомъ-иначе онъ не отнесси бы съ полнымъ сочувствіемъ, подчасъ съ восторгомъ, въ реформамъ шестидесятыхъ годовъ. Его возарънія, поэтому, отнюдь не исключали самой горячей заботы о благв того самаго народа, въ которомъ онъ видель столько чисто стихійныхь свойствь. Политическіе взгляды Ивана Сергвевича являются лишь характерными для строгаго последователя эволюціонной теоріи, если будемъ понимать подъ эволюціей органическій процессь зарожденія, развитія, роста и умиранія (разложенія). Основы такого міросоверцанія были заложены у Тургенева еще въ берлинскомъ университетв, гдв сказывалось тогда сильное влінніе "исторической школы права" Савины, отрицавшей рёшительныя и быстрыя мёры въ политической деятельности и выдвигавшей на первый планъ преемственность и органическое развитіе учрежденій. Но именно какъ эволюціонисть, Тургеневъ не могь быть въ такой степени консервативенъ, какъ Савиньи, и не могъ отрицать вслъдъ за нимъ, вапримъръ, института присяжныхъ, или защищать смертную казнь в телесныя наказанія. Какъ эволюціонисть, онь не впаль въ славанофильскія крайности, что случилось съ Герценомъ подъ вліяніемъ разочарованій отъ событій 1848—49 годовъ. Какъ эволюціонисть, навонець, Иванъ Сергвевичь быль чуждь того политического космополитизма, какимъ отличался Бавунияъ. Тургеневъ былъ только тёмъ, чёмъ онъ самъ называлъ себя въ известномъ ответе "Иногородному обывателю". "Не хвастаясь н не обинуясь, — писалъ онъ, — а просто констатируя факть, я нивю право утверждать, что убъжденія, высказанныя мною и печатно и изустно, не изменились ни на іоту въ последнія сорокъ лътъ (т.-е. со временъ Бълинскаго), я не сврывалъ ихъ никогда и ни передъ въмъ. Въ глазахъ нашей молодежи, въ какой бы партіи она ни принадлежала—я всегда быль и до сихъ поръ остался "постепеновцемь", либераломъ стараго покроя въ англійскомъ, династическомъ смыслъ, человъкомъ, ожидающимъ реформъ только свыше, - принципальнымъ противникомъ революци, -- не говоря уже о безобразіяхъ последняго времени ...

٧.

Возвращаясь снова въ описанію вившнихъ событій жизни Ивана Сергъевича, мы должны прежде всего повторить, мирные интересы искусства, литературы, дружескихъ общеній, прерванные февральскими событіями, сдёлались опять господствующими въ парижской жизни Тургенева почти тотчасъ же послъ переворота. Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой объ Иванъ Сергъевичъ, за время съ марта по іюнь, рисують его тавимъ съ достаточной выпувлостью. "Когда мы, - разсказываеть она, — всёмъ семействомъ, т.-е. мои родители, я съ сестрой и гувернантва наша, m-lle Michel, пріёхали въ 1848 году изъ Рима въ Парижъ, Александръ Ивановичъ Герценъ писалъ о нашемъ прівадь Павлу Васильевичу Анненкову, который, какъ и Иванъ Сергвевичь Тургеневъ, находился тогда тамъ. Сначала Анненковъ пришель въ намъ одинъ; онъ намъ всёмъ очень понравился: его непринужденность, пріятное и ровное обхожденіе со всёми, его готовность намъ все показывать въ Париже, где онъ быль вавъ дома, приводили насъ въ восторгъ. Его помощь была всего чувствительные въ картинныхъ галереяхъ: онъ понималъ живопись, много уже видаль галерей за границей и любиль объяснять намъ особенности вартинъ, воторыя были у насъ передъ глазами, но воторыя бы мы, вероятно, безъ него не заметили, благодаря нашей неопытности. Черезъ нъсколько дней Анненвовъ привель намъ Ивана Сергвевича Тургенева. Высовій рость Ивана Сергвевича, преврасные его глаза, иногда упорная молчаливость, иногда, наоборотъ, горячій разговоръ, безвонечные споры съ Анненвовымъ на всевозможныя темы, -- все это не могло не поразить насъ... Онъ приходиль въ намъ ежедневно, иногда чтобъ играть въ шахматы съ моимъ отцомъ, иногда исключительно для меня; съ остальными дамами онъ только здоровался, а дамъ было много, особенно съ возвращенія изъ Италіи семейства А. И. Герцена, и всѣ дамы, вонечно, замѣчательнѣе меня.

"Жена Герцена, о воторой я много говорила въ Записвахъ Т. П. Пассекъ, была поэтическая натура и наружности очень привлекательной; Марья Өедоровна Коршъ (сестра Евгенія), не молодая уже дѣвица, умная и очень любезная; врасивая и еще не старая мать Александра Ивановича Герцена, Луиза Ивановна, и Марія Каспаровна Эрнъ (нынѣ m-me Рейхель), тогда дѣвушка, очень умная, веселая, образованная; моя мать, тогда еще довольно молодая и тоже красивая; моя сестра Елена, которую

за ея необывновенную грацію Наталья Александровна Герцент називала "своимъ пажемъ" и я, дурняшка, которую она называла своей Консуелой или Миньоной Гете.

"Тургеневъ любилъ читать мив стихотворенія или разсказывать планы своихъ будущихъ сочиненій... Иногда Иванъ Сергъевичь приносиль миж духи "гардени", его любимый запахъ; говориль со мною даже иногда о Віардо, тогда вакь вообще онъ избывать произносить ея имя-это было для него въ родъ святотатства... Впосабдствін мы жили въ одномъ домъ съ А. И. и Н. А. Герценами въ Парижъ, и потому Тургеневъ часто заставать меня съ сестрой у Натальи Александровны. Часто Александра Ивановича не было дома; тогда Тургеневъ читалъ мнѣ что-нибудь; при этомъ, если всв сидвли вмъсть, то у Тургенева являлись удивительныя фантазіи: онъ то просиль у насъ всёхъ позволенія причать какъ петухъ, влезаль на подоконнивъ и, действительно, неподражаемо хорошо вричаль и вибств съ твиъ устремляль на насъ неподвижные глаза; то просиль позволенія представить сумасшедшаго. Мы объ съ сестрой радостно позволяли, но Наталья Александровна Герценъ возражала ему:

"— Вы такіе длинные, Тургеневъ, вы все туть переломаете,— говорила она, — да, пожалуй, и напугаете меня.

"Но онъ не обращалъ вниманіи на ея возраженія. Попросить у нея, бывало, ея бархатную черную мантилью, драпируется въ нее очень странно и начнеть свое представление. Онъ всклокочеть себ' волосы и закроеть ими себ' весь лобь и даже верхнюю часть лица; огромные стрые глаза его дико выглядывають изъподъ волосъ. Онъ бъгалъ по комнать, прыгалъ на окна, садился съ ногами на нихъ, дълалъ видъ, что чего-то боится, потомъ представляль страшный гиввь. Мы думали, что будеть смёшно, но было какъ-то очень тяжело. Тургеневъ оказался очень хорошемъ автеромъ; слабая Наталья Александровна отвернулась отъ него, и всё мы вздожнули свободно, когда онъ кончилъ свое представленіе, а самъ онъ ужасно усталь. Когда насъ звали съ сестрой наверхъ, Иванъ Сергвевичъ или уходилъ въ кабинетъ Герцена, смежную съ гостиной комнатку, или ложился на кушетку въ гостиной и говорилъ мий: Возвращайтесь поскорбй, а я пока понъжусь.

"Онъ очень любилъ лежать на кушетвахъ и имълъ талантъ свернуться даже на самой маленькой.

"Наталья Александровна или читала, или занималась съ къмънибудь изъ дътей, а на Тургенева не обращала ни малъйшаго вниманія: онъ былъ, какъ и П. В. Анненковъ, короткій зна-

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

вомый въ ихъ домѣ. Анненковъ имѣлъ большую симпатію и глубовое уваженіе къ Натальѣ Александровиѣ; Тургеневъ же, напротивъ, не любилъ ее, мало съ ней говорилъ, какъ будто нехотя; нерѣдко случалось имъ даже говорить другъ другу волвости" 1)...

Мы прерываемъ выписки изъ воспоминаній Огаревой-Тучвовой именю на фактъ натянутыхъ отношеній между Тургеневымъ и женою Герцена, такъ какъ фактъ этотъ довольно интересенъ въ біографіи Ивана Сергевна. Оригинальная и богатая натура Натальи Александровны во всёхъ лично ее знавшихъ оставляла самое преврасное впечатленіе. При наружномъ сповойствія и холодности она въ душь была женственной и нъжной въ высшей степени. При недюжинномъ ум'я и сильной вол'я Н. А. Герценъ обладала всеми лучшими поотическими качествами героинь Тургенева. Казалось бы, между последнимъ и ею должны были вознивнуть взаимныя симпатін и уваженіе. На ділі, однаво, овазывалась лишь какая-то натянутость и неловкость. "Съ пріятелемъ твоимъ Тургеневимъ, — писала Наталья Александровна Огаревой-Тучковой вскор'в посл'в отъ взда посл'вдней въ Россію (1848 г.), --- мы все непріятели; талантливая натура, я слушаю его съ интересомъ, даже люблю его, но мив никогда не бываетъ его нужно, понимаешь ты это; ну, и въдь это нисколько не уменьшаеть его достоинства. Помнишь ты наше прощанье? Тебъ онъ, можетъ, не мъшалъ, а мнъ былъ невыносимъ его любопытный, проническій взглядь и насмішки. Я сношу его посінце нія иногда три раза въ день, но не могу выносить его въ хорошія минуты. Мив случалось увлекаться и говорить съ нимъ оть души-и всякій разь жальла потомъ. Но человыкь онь очень, очень хорошій, интересный и иногда пріятный". Въ другомъ письм'в въ той же Тучковой она признавалась: "Странный человъвъ Тургеневъ. Часто, глядя на него, мив важется, что я вхожу въ нежилую комнату-сырость на ствиахъ, и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни състь, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскоръй на свъть, на тепло. А человъвъ онъ хорошій ²). Съ своей стороны, и Тургеневъ ни въ своихъ воспоминаніяхъ, ни въ письмахъ, почти ни разу не обмолвился словомъ сочувствія и симпатіи въ этой все-же замѣчательной женщинь. Только въ письмы къ Салтыкову отъ 19 (31) января 1876 года, онъ высказалъ по поводу трагическихъ мо-

²⁾ Воспоминанія Т. II. Пассекъ. III, 105, 120.

^{1) &}quot;Русская Старина", 1889 г., февр., стр. 337 - 340.

ментовъ въ жизни Натальи Александровны следующее: "Все эти дни я находился подъ впечатленіемъ той (рукописной) части "Былого и Думъ" Герцена, въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жены, еа смерть и т. д. Все это написано слезами, вровью: это—горить и жжеть. Жаль, что напечатать это невозможно. Такь писать умёль онь одинь изъ русскихь". Но и приводимыя строви относятся болбе въ самому Герцену, чемъ въ жене его. Какъ же понять все это? Описывая въ "Отцакъ и Дътякъ" развявное появленіе Ситникова въ гостиной Одинцовой, послів неудвинаго объясненія ся съ Базаровымъ, Тургеневъ замічасть: .Появление пошлости бываеть часто полезно въ жизни: оно ослабляеть слишвомъ высово настроенныя струны, отрезвляеть самоувъренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое бивжое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситнивова все стало вакъ-то тупъе и проще; всъ даже поужинали плотиви и разошлись спать получасомъ раньше обыкновеннаго". Не "слишкомъ ли высово настраивались струны", не являлись ли "самоувъренныя и самозабывчивыя чувства" при иныхъ бесъдахъ и свиданияхъ Тургенева съ Н. А. Герценъ, особенно въ виду довольно сильной душевной экзальтированности, всегда присущей Натальъ Александровић?

После страшных іюньских дней 1848 г., Иванъ Сергевичь повинуль Парижъ и весь іюль, августь и сентябрь провель въ Куртавенель. Въ октябръ, Тургеневъ совершилъ довольно продолжительную повыдку по южной Франціи, побываль въ Марсели, Тулонъ, Гіеръ. Изъ этой экскурсін онъ посылаль подробныя письма П. Віардо, изъ которыхъ дошло до насъ только одно, янтересное лишь по описаніямъ южной природы. Къ 5-му ноября, Иванъ Сергеевичъ возвратился въ Парижъ, какъ можно завлючить изъ следующихъ стровъ выше упомянутаго письма въ П. Віардо: "Я объдаю у васъ въ воскресенье 5-го, --желаете ли вы принять это приглашение? Итакъ, ръшено: 5-го, въ вашемъ маленькомъ китайскомъ салонъ, у васъ будетъ за столомъ одинъ лишній гость. Я прошу приготовить въ этотъ день "русскій шарлотъ". Съ ноября до начала іюня 1849 г., Тургеневъ прожыль въ столице, квартируя въ rue Tronchet № 1. Зиму съ 1848 на 1849 г. проведа въ Парижъ и семья Віардо, гдъ Иванъ Сергвевичъ былъ почти постояннымъ гостемъ. Изъ руссвихъ друзей оставался только Герценъ, котораго Тургеневъ посвщаль также очень часто. Съ этой именно зимы и начинаются усиленныя литературныя ванятія Ивана Сергвевича.

Приступая теперь въ характеристикъ последнихъ, мы раз-

смотримъ ихъ за всё три года пребыванія Ивана Сергевнча за границею, считая туть и мёсяцы, проведенные въ Германіи.

VI.

Время съ 1847 по 1850 г. есть, прежде всего, эпоха созданія "Записовъ Охотнива". Значеніе этихъ разсвазовъ, этихъ "этюдовъ", какъ ихъ называль самъ авторъ, было преувеличиваемо до такой степени, что критика долгое время въ сущности говорила лишь одно: Тургеневъ великъ только какъ творецъ этого сборника, чуть ли не единственнаго и сильнъйшаго литературнаго протеста противъ врвностного права. Все, что не "Записви Охотника", -- даже его врупныя повъсти--- далеко ниже, какъ по общественному, такъ и по художественному своему значенію, въ сравнении съ этими маленькими разсказами. Критикъ какъ будто не было дъла до того, что половина ихъ или совствиъ не трогаетъ вопроса крестьянской неволи ("Увздеми лекарь", "Мой сосъдъ Радиловъ", "Бъжинъ лугъ", "Лебедянь", "Татъяна Борисовна и ея племянникъ", "Смерть", Пъвцы", "Свиданіе", "Гамлетъ Щигровскаго убзда", Чертопхановъ и Недопюскинъ", "Лъсъ и Степь"), или уже явились послъ 1861 г.—("Конецъ Чертопханова", "Живыя мощи", "Стучить"). Между твиъ, на крепостное право съ наибольшей силой нападали разсказы не изъ "Записовъ Охотника", какъ "Муму", "Постоялый дворъ", "Собственная господская контора", напечатанные до изданія манифеста 19 февраля 1861 года. Да и вообще, следовало ли измерять значение Тургенева только его службой дёлу крестьянской свободы, какъ бы ни было велико это дъло и вакъ бы ни была велика эта служба.

Для біографа Ивана Сергвевича важно также рвшить прежде всего вопрось, чвмъ были вызваны "Записки Окотника" и какъ отразились на нихъ условія времени и мѣста ихъ созданія. Самъ Тургеневъ указываетъ на тотъ врупный фактъ, что сороковые годы въ литературѣ всвхъ почти европейскихъ народовъ ознаменовались появленіемъ интереса къ деревив, къ врестьянской жизни. Въ своемъ предисловіи къ роману Ауэрбаха "Дача на Рейнѣ" онъ пишетъ: "До сихъ поръ (1868 г.) не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его (Ауэрбаха) знаменитыми разсказами изъ шварцвальдской деревенской жизни ("Schwarzwälder Dorfgeschichten"), появившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной

жизни замъчается около того же времени во всъхъ странахъ Европы (вспомнить Жоржъ-Зандъ—la Mare au Diable, la Petite Fadette и т. д., а также и то, что совершалось у насъ, въ Россін), но честь почина остается за Ауэрбахомъ"... Собственно въ нашей литературъ интересъ въ врестьянской жизни зародился въ спорахъ между западнивами и славянофилами. П. В. Анненвовь, въ своей извъстной стать "Замъчательное десятилътіе", очень искусно проследиль появление и развитие более правильнихъ и гуманныхъ взглядовъ на "мужика". Онъ показалъ, какъ уже въ 1845 году большая часть западнивовъ, подъ вліннісмъ славянской партін, перестала относиться свысока къ народной массь: "Литература и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, вакъ личности, опредъленной существовать безъ всявихъ гражданскихъ правъ и служить только чужниъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не им'ющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя". Такъ характеризовалъ Анненковъ вакъ бы презрительное отношение къ "мужику" въ. предшествовавшіе годы 1). Перевороть во взглядахъ западниковъ на деревию, пробуждение особеннаго интереса въ крестьянской жизни встрътили у Ивана Сергъевича самую горячую поддержку. Разбирая вышедшіе въ 1846 г. разсказы В. И. Даля, Тургеневъ ставилъ въ особую заслугу автору "сочувствіе въ народу, родственное въ нему отношеніе". Тѣ произведенія вазака Луганскаго, которыя касаются "мужицкаго быта", несомивню подго-товляли почву и для "Записовъ Охотника". Но еще болве врупную роль сыграла въ этомъ отношении повъсть Григоровича "Деревня", появившаяся въ последней внижев "Отечественныхъ Записовъ" за тоть же 1846 годъ. Эту повъсть Иванъ Сергвевичь считаль впоследствии "первой попыткой сближения нашей итературы съ народной жизнью, первой изъ нашихъ деревенских исторій—, Dorfgeschichten". Конечно, къ богатому и разнообразному содержанію "Записовъ Охотнява" этоть пемецкій термень не вполев подходить; твмъ не менве, Тургеневъ быль въ правъ примънить его и въ своимъ разсказамъ, тавъ вавъ деревия составляеть все-же ихъ центръ, ихъ какъ бы фокусъ.

Посылая Полонскому для сборника "Складчина" свои "Живия мощи", Иванъ Сергвевичъ писалъ ему (13/25 янв. 1874 г.): "Не имън ничего готоваго, сталъ и рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ прилагаемый отрывовъ изъ "Записовъ Охот-

^{&#}x27;) Воспоминанія и критическіе очерки, III, 123.

ника", который прошу тебя препроводить по принадлежности. Всёхъ ихъ напечатано двадцать-два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недовонченными изъ опасенія, что цензура ихъ не пропустить; другіе потому, что показались мив не довольно интересными или неидущими въ двлу. Къ числу последнихъ принадлежитъ и набросовъ, озаглавленный "Живыя мощи". Нъсколько раньше (6 ноября—25 окт. 1872 г.) Тургеневъ сообщилъ Анненкову еще о четырехъ разсказахъ, не вошедшихъ въ первия изданія: "Два были начаты — "Русскій нъмецъ и реформаторъ" и "Землевдъ"; два только набросаны-"Примъты" и "Незадача". Первые два оставлены потому, что я зналь, что никакая тогдашняя цензура ихъ бы не пропустила, вторые-потому, что были незначительны". Въ томъ же письмъ Иванъ Сергвевичъ сообщаеть и сюжеть "Землевда": "Въ этомъ разсказъ я передаю совершившійся у насъ факть-какъ крестьяне уморили своего пом'вщика, который ежегодно уръзываль у нихъ землю, и котораго они проввали за то "вемлевдомъ", заставивъ его скушать фунтовъ восемь отличнъйшаго черновему. Сюжеть веселенькій, вакъ изволите видъть 1. Поздиве, Иванъ Сергъевичъ отыскалъ у себя еще одинъ разсказъ изъ "Записокъ Охотника" — "Стучить". Напечатанный же после смерти Тургенева (въ "Нивъ") "Конецъ", продиктованный авторомъ П. Віардо по-французски и довольно неудачно переведенный Григоровичемъ, ничего уже общаго съ внаменитой серіей очерковъ не имветь.

Появленіе двадцати-двухъ разсказовъ няъ "Записокъ Охотника" не сразу, а на протяженіи трехъ лѣть отразвлось и на самомъ характерѣ ихъ. Этюды, напечатанные до 1848 г., пронивнуты замѣтной враждой къ крѣпостному праву; нанисанные же съ 1848 г. носять отпечатокъ болѣе тоски по родинѣ, и къ этимъ послѣднимъ, очевидно, относятся слова Тургенева, а именно, что нѣкоторыя ивъ "Записокъ Охотника" были написаны "въ тяжелын минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ". Въ самомъ дѣлѣ, въ "Современникъ" 1847 г. появилисъ: "Хорь и Калинычъ" (кн. 1); "П. П. Каратаевъ" (кн. 2); "Ермолай и мельничка"; "Мой сосѣдъ Радиловъ"; "Однодворецъ Овсявниковъ"; "Льговъ" (кн. 6); "Бурмистръ"; "Контора" (кн. 10). Съ 1848 года напечатаны всѣ остальные. Ивъ нихъ только "Малинован вода" и "Два помѣщика" проникнуты скрытымъ негодованіемъ противъ крестъянской неволи. Протестующій, такъ сказать, характеръ разсказовъ перваго періода обусловленъ былъ

^{1) &}quot;Руссв. Обозрвніе" 1898 г.. вн. 5, стр. 22.

въ сильной степени тъмъ оживленіемъ симпатій къ приниженвому народу, которое было вызвано пресловутыми "Выбранподнятое въ вружке Белинского этой "смесью гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона", какъ охарактеривовалъ Тургеневъ письма Гоголя, отражалось на всёхъ бесёдахъ и спорахъ кружка въ теченіе всего 1847 года. Тъ изъ "Записокъ Охотника", которыя появились именно въ этомъ году, и были ващитою человъческаго достоянства земледъльческихъ слоевъ русскаго общества, по отношенію въ которымъ Гоголь, по выраженію Бълинскаго, являлск "поборникомъ обскурантивма и мракобъсія, панегиристомъ татарскихъ нравовъ". Мы не котимъ утверждать, будто протестующій характеръ первой серін "Записовъ Охотника" явился только всявдствіе обнародованія переписки Гоголя, но, несомивню, посивдиня оказала на самый духъ и направленіе разсказовъ 1847 года весьма сильное вліяніе. Крівпостное право оставалось злівнішимъ врагомъ Тургенева и въ 1848, и въ 1849 г., но написанное въ эти годы носить на себъ печать уже иного направленія: "Записки Охотника" превращаются въ рядъ воспоминаній о далекой родинъ; въ нихъ воспроизводится каждая мелкая черточка, всякая милая подробность деревенского гивада Тургеневыхъ и его окрестностей. Рядъ урочищъ, угодій, овраговъ, ръчевъ описаны Иваномъ Сергвевичемъ съ сохранениемъ ихъ настоящихъ именъ (Бъжинъ лугъ, Чаплыгинскій лісъ, річка Зуша н т. д.); ко второй серін равскавовъ поэтому и можно только отнести привнание Тургенева, что онъ, "конечно, не написалъ бы "Записовъ Охотнива", еслибъ остался въ Россіи".

Крупный успёхъ, вынавшій на ихъ долю съ появленія перваго очерка, долженъ быль бы заставить Ивана Сергёевича заняться творчествомъ именно подобнаго рода. Это тёмъ болёе являлось необходимымъ, что Тургеневъ "Записками Охотника" не только пріобрёлъ славу выдающагося писателя, но ими онъ вообще вернулся въ литературной дёятельности, покинутой-было подъ вліяніемъ чрезмёрно строгой критики Бёлинскаго. На самомъ дёлё мы видимъ, что въ періодъ 1847—1850 г.г. Иванъ Сергенева занимался драматическими вещами съ не-меньшимъ стараніемъ, чёмъ своей прозой,—тавъ что годы пребыванія его во Франціи есть не только эпоха "Записовъ Охотника", но и эпоха драматическихъ произведеній Тургенева.

Причины влеченія Ивана Сергьевича къ комедіи въ этотъ именно періодъ отыскать не трудно. Со времени первой постановки "Ревизора" (1836 г.) начинается полный расцевть русскаго сценическаго искусства, ставшаго съ этихъ поръ на равную ногу съ западно-европейскимъ. Припомнимъ, что въ сороковыхъ годахъ къ давно популярнымъ именамъ Щепкина и Мочалова прибавились не менъе славныя имена Мартынова и Садовскаго. И психологически понятно, какимъ образомъ внакомство со сценой должно пробуждать охоту къ драматическому творчеству сильнъе, чъмъ знакомство, такъ сказать, съ книжной драматической литературой. И дъйствительно, Тургеневъ пишетъ, напримъръ, "Нахлъбника" прежде всего для Щепкина; для него же сочиненъ и "Холостякъ"; "Равговоръ на большой дорогъ" написанъ для Садовскаго.

Образдомъ, идеаломъ сценическаго искусства не для одной Россіи—для всей Европы, была въ то время Франція. Письма же Ивана Сергвевича, сохранившіяся отъ твхъ годовъ, свидвтельствують о самомъ живомъ его интерест къ парижской сцент. Къ сожальнію только, въ нихъ слишкомъ мало находимъ отзывовъ объ игръ францувскихъ актеровъ. Высоко ставилъ онъ Фервиля въ театръ Variétés, какъ артиста "прекраснаго по своей правдивости, благородству и чувству". Въ письмъ, отъ 8-го декабря 1847 г., Тургеневъ говорить П. Віардо по поводу Верне: "Въ сущности, всъ францувские автеры — реалисты, но нивто изъ нихъ не высказываеть своего реализма съ такою утонченностью, такъ глубоко, какъ Верне. Онъ одновременно удовлетворяеть и инстинету, и уму зрителя; онъ даеть великое наслаждение знатоку, заставляеть сместься и плавать. Какъ жаль, что онъ начинаеть старёть! Воть человёкь, который уметь совдать"! Въ письмё, отъ 2-го мая 1848 г., находимъ характерный отзывъ о другой парижской знаменитости. "Третьяго дня, вечеромъ, я ходиль смотрёть Фредерика Леметра въ "Робере Макаре". Пьеса сама по себъ гнусная и плохо скроенная, но Фредеривъ есть нанболье могучій автерь, вакого я знаю. Въ этой пьесь онъ страшенъ. Роберъ Макэръ-это тотъ же Прометей, но только самый чудовищный изъ всёхъ. Какая наглость и безстыдная дерзость, какой циническій апломоъ, какой вызовъ и какое презръніе во всему! Публика держить себя преврасно: съ холоднымъ сповойствіемъ и съ достоинствомъ. Даю честное слово, что последній уличный мальчишка артистически наслаждается талантомъ Фредерика, - а самую роль находить отвратительною. Но какая глубокая правда, какое вдохновеніе 1 1) Воть и всё отзывы

¹⁾ И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма, стр. 17-18, 45.

Тургенева о французскомъ театръ въ его письмахъ. Отрицательную сторону сценическаго искусства во Франціи конца сороковыхъ годовъ Иванъ Сергъевичъ яснъе созналъ уже позднъе. Подчеркнулъ онъ ее преувеличенно сильно слъдующими словами monsieur François ("Человъкъ въ сърыхъ очвахъ"):

- "— Вы, конечно, бываете въ театрахъ?—спросилъ онъ меня. Въдь вы всъ, господа русскіе, до этого большіе охотники.
 - Бываю.
 - И, въроятно, восхищаетесь нашими автерами?
 - Да, иными... Особенно въ Théâtre Français...
- Всёхъ нашихъ автеровъ, перебилъ онъ меня, губитъ хорошій вкусъ. Эти традиціи тамъ, консерваторіи бёда! Всё они какіе-то выпотрошенные да замороженные. У васъ, въ Россіи, такія рыбы бывають на рынкахъ, зимой. Ни одинъ изъ нашихъ актеровъ не скажетъ на сценё: "я люблю васъ", не разставивъ ноги въ видё циркуля и не закативъ томно глаза. И все ради хорошаго вкуса! Настоящихъ актеровъ можно найти только въ Италіи! Да, всякій итальянецъ актеръ. У нихъ это въ натурё... а им только толкуемъ о натуральности. У насъ даже въ Палэ-Рояльскомъ театрё никто не можетъ потягаться съ любымъ уличнымъ проповёдникомъ...
 - Однаво... Рашель, началъ было я.
- Рашель, —повторилъ онъ. Да; это сила. Сила и цвътъ того жидовства, которое теперь завладъло всъми карманами пълаго міра и своро завладъеть всъмъ остальнымъ. Впрочемъ, и Рашель въ послъднее время попортилась... а все вы, господа иностранцы, виноваты. Въ Италіи есть одна актриса... ее зовутъ Ристори. Она, говорятъ, за какого-то маркиза вышла и сцену покинула. Хороша; только кривляется маленько".

Но и въ позднъйшихъ отзывахъ Тургеневъ французскую сцену ставилъ высоко, гораздо выше, напримъръ, нъмецкой. Въ "Вешнихъ водахъ" онъ писалъ про послъднюю: "Въ 1840 году театръ въ Висбаденъ былъ и по наружности плохъ, а труппа его, по фразистой и мизерной посредственности, по старательной и пошлой рутинъ, ни на волосъ не возвышалась надъ тъмъ уровнемъ, который до сихъ поръ (1870 г.) можно считать нормальнымъ для всъхъ германскихъ театровъ, и совершенство котораго въ послъднее время представляла труппа въ Карлсруэ, подъ "знаменитымъ" управленіемъ г-на Девріента". Сравненіе же нъмецкой сцены съ французской Тургеневъ заставляетъ дълать умную и наблюдательную героиню разсказа, Марью Николаевну: "Послъдній французскій актеръ, въ послъднемъ провинціальномъ городишкъ,

естественные и лучше играеть, чымь первая нымецкая знаменитость".

Но, можеть быть, еще сильные охоту, интересъ въ драматическому творчеству возбуждала въ Иваны Сергыевичы сама П. Віардо, съ которой онъ быль такъ дружень въ то время. Какъ критическая двятельность Тургенева довольно неожиданно выдвигалась въ періодъ его дружбы съ Былискимъ, такъ драматическая—въ періодъ почти непрерывнаго общенія съ Віардо. Только найдя настоящую свою дорогу, Иванъ Сергыевичъ пересталь подчиняться вліянію отдыльныхъ лицъ, какъ бы талантливы они ни были.

За время своего пребыванія во Франціи, Тургеневъ написалъ: "Гдё тонко, тамъ и рвется" (1847 г. 1); "Нахлібникъ" (1848 г.); "Холостякъ" (1849 г. 2); "Завтракъ у предводителя" (1849 г.); "Місяцъ въ деревнів" (1850 г.). Пять наиболіве крупныхъ комедій изъ десяти, изданныхъ имъ, составляютъ, однако, не половину всего драматическаго текста, напечатаннаго Иваномъ Сергівевичемъ, а дві трети, если судить по числу страницъ. Кромів того, въ 1849 году онъ написалъ комедію въ одномъ дійствіи: "Вечеринка", и началь пяти-актную комедію: "Гувернантка", которую впрочемъ довель только до четвертаго дійствія и почему-то оставиль неконченной.

Интересно, что прозаическія произведенія Тургенева никогда не подвергались тавимъ цензурнымъ мытарствамъ, вавъ его вомедін. "Місяць въ деревнів" (первоначальное заглавіе— "Студенть") появился въ печати лишь въ 1855 г. ("Современникъ", вн. І), да и то въ передъланномъ видъ. "Я поставилъ-было себъ въ этой комедін довольно сложную психологическую задачу,писалъ позднъе Иванъ Сергъевичъ: -- но тогдашняя цензура, принудивъ меня выжинуть мужа и превратить его жену во вдову, -совершенно исказила мон намъренія". Въ истинномъ же своемъ видъ комедія напечатана была лишь въ 1869 году, въ отдъльномъ изданіи сочиненій Тургенева, т.-е. почти черезъ двадцать лътъ послъ появления своего изъ-подъ пера автора. "Нахлъбнивъ", написанный въ 1848 году, попаль въ типографскій становъ только черезъ девять лътъ. Въ письмъ, отъ 19-го января 1849 г., Иванъ Сергъевичъ писалъ между прочимъ Краевскому: "Предлагаю вамъ следующее: 31 числа января (ст. ст.), т.-е. черезъ 24 дня, будеть дана въ Москве для бенефиса Шенкина моз

²) Напечатано въ девятой книгъ "Отеч. Зап." за 1849 г.

¹⁾ Напечатано въ одиннадцатой книге "Современника" за 1848 г.

комедія въ двухъ актахъ, подъ названіемъ "Нахлібоникъ". Хотите ви ее напечатать въ "Отечественныхъ Запискахъ", если она не шлепнется, разумвется"? Но цензура не допустила въ постановий "Наклібника" на сцену. Тімъ не меніве, Краевскій взялся монотать о разръшени напечатать ее въ своемъ журналъ. По поводу этого Тургеневъ писалъ ему 13-го марта 1849 г.: "Я, ей-же-ей, не понимаю, что могла найти цензура въ "Нахлъбникъ", и съ нетерпвніемъ ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся вомедія, какъ вы увидите, написана болбе для одной роли (Щепвина), и вы можете себв представить, вавъ инъ было непріятно неисполненіе "Нахлъбника" въ его бенефись. Ну, однаво, дело сделано, и я желаю только, чтобы въ вашемъ журналъ ее бы не исказили". Но комедія Тургенева не была пропущена и въ печать. Иванъ Сергвевичь писаль по этому поводу Краевскому 14-го апрълн 1849 г.: "Съ недълю тому навадъ получилъ я ваше письмо съ извёстіемъ объ окончательномъ кораблекрушения влополучнаго "Нахлебника". Миръ его праху". Тъмъ не менъе, друзья Тургенева только черезъ годъ оставили хлопоты о разръшении вомедии. Щепвинъ для этого даже устроиль чтеніе "Нахлібнива" въ одномь обществів, гдів были и люди вліятельные въ то время. И несмотря на то, что пьеса всемъ очень поправилась, дело не пошло на ладъ 1). Лишь въ 1857 г. комедія Ивана Сергьевича была пропущена цевзурой и появилась въ третьей внигь "Современнива" подъ заглавіемъ: "Чужой хлібоь". Да и столь повіднее изданіе ен было результатомъ особой протекціи. Бурдинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ Островскомъ 2), разсказываеть объ этомъ слёдующее: генераль Анненковъ, брать извъстнаго писателя П. В. Анненкова, близнаго друга Тургенева, быль назначень временно исправлять должность начальника III-го отделенія. Обстоятельствомъ этимъ воспользовался П. В. Анненковъ и попросидъ брата разрешить вомелію.

"— Съ удовольствіемъ, — отв'язалъ тотъ, — и не только эту, а вст тъ, которыя ты признаешь нужными, только присылай поскорте, потому что на этомъ м'ястт я останусь очень недолго".

Анненвовъ присладъ ему "Нахлёбника" Тургенева, "Воспитанницу" Островскаго и нёвоторыя другія. Однаво постановка цьесы на сцену произошла еще нозднёе, лишь въ 1861 г., какъ

¹) См. письма Тургенева къ Краевскому въ Отчете Импер. Публ. Вибл за 1890 годъ.

²) "Въстникъ Европы", 1886 г., кн. 12.

это видно изъ слъдующихъ строкъ письма Ивана Сергъевича къ Анненкову (отъ 11-го (23) девабря того же года): "Слышалъ я, что разръшили представить "Нахлъбника"; въ такомъ случаъ передаю вамъ всъ свои права и прошу въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы "Нахлъбника" не давали безъ прибавочной сцены во второмъ актъ, которую я давнымъ-давно выслалъ Щепкину и которую могу выслать вамъ теперъ".

Даже невиннъйшій "Завтракъ у предводителя" встрътиль цензурныя возраженія и напечатанъ быль черезъ семь леть послѣ появленія его въ рукописи, именно въ 8-ой кн. "Современника" за 1856 г. По поводу этой комедіи Некрасовъ писаль Тургеневу 9/21 янв. 1850 г. изъ Петербурга: "Вашъ "Завтравъ" игранъ и имълъ успъхъ, но онъ не напечатавъ, ибо одинь изъ нашихъ цензоровъ заупрямился; онъ не любять та-вихъ сюжетовъ—это его личный капризъ" ¹). Боязнь цензурныхъ ватрудненій заставила Ивана Сергвевича упомянутую выше "Вечеринку" оставить уже навсегда подъ спудомъ. Уведоманя Краевскаго объ ея овончанін, Тургеневъ писаль 25 дек. 1849 г.: "Я не знаю, переписывать ин мив ее, потому что цензура навърное ее изуродуетъ". Черезъ мъсяцъ же онъ сообщалъ редавтору "Отечественныхъ Записовъ": "Я продолжаю работать надъ моей "Гуверпанткой", но такъ вакъ я не буду въ состоянін окончить ее ранбе шести недбль или двухъ місяцевъ, то я намвренъ просмотреть "Вечеринку" и, вывинувъ изъ нея неудобныя мъста, тотчасъ перепишу и пошлю въ вамъ, то-есть, если будетъ возможность сохранить ее послъ операціи... Уви-

Но "Вечеринвъ", какъ и "Гувернанткъ" не пришлось попасть въ печать. Содержаніе второй изъ названныхъ комедій
остается для насъ неизвъстнымъ; но именно сюжеть "Вечерники"
по всей въроятности и излагаеть Огарева-Тучкова въ своихъ
воспоминаніяхъ: "Помню до сихъ поръ канву одной драмы, —
разсказывала она, — которую овъ собирался написать (въ 1848 г.),
и не знаю, осуществилась ли его мысль: онъ хотълъ представить кружовъ студентовъ, которые, занимаясь и шутя, вздумали
для забавы преслъдовать одного товарища, смъялись надъ нимъ,
преслъдовали его, дурачили его—онъ выносилъ все съ покорностью, такъ что многіе, въ виду его кротости, стали считать
его за дурака. Вдругь онъ умираетъ: при этомъ извъстіи сначала раздаются со всъхъ сторонъ шутки, смъхъ. Но внезапно

¹⁾ Письмо-въ автографакт Румянцовскаго музея.

является одинъ студентъ, который пикогда не принималь участія въ гоненіяхъ на несчастнаго товарища. При живни послёдняго, по его настоянію, онъ молчаль, но теперь онъ будетъ говорить о немъ. Онъ разсказываеть съ жаромъ, каковъ, дъйствительно, былъ покойникъ. Оказывается, что гонимый студентъ былъ не только умный, но и добродътельный товарищъ; тогда встаютъ и другіе студенты, и каждый вспоминаетъ какой-нибудь фактъ оказанной имъ помощи, доброты и проч. Шутки умолкаютъ, наступаеть неловкое, тяжелое молчаніе. Занавъсъ опускается. Тургеневъ самъ воодушевлялся, представляя съ большимъ жаромълица, о которыхъ разсказывалъ" 1).

Иванъ Сергвевичъ былъ невысоваго мевнія о своемъ драматическомъ талантъ и неодновратно высказывалъ мысль, что пьесы его, "неудовлетворительныя на сценв", могуть "представить некоторый интересъ" только въ чтеніи. Драматическія его вещи дъйствительно ниже его провы, но не следуеть забывать, что онв являются значительнымъ шагомъ впередъ послв нашихъ оригинальных пьесь предшествовавших годовъ, имфиних лишь водевильный или ходульно-драматическій характеръ. Разбирая наиболье видныя изъ "патріотическихъ" драмъ, въ родь "Смертв Ляпунова" Гедеонова, "Паткуля" Кукольника, Тургеневъ справедливо высказывалъ (въ 1846 г.), что "у насъ нътъ еще драматической литературы и нътъ еще драматическихъ писателей". Свое положение онъ развиль подробно въ вритической стать о названной выше пьесъ Гедеонова, гдъ писалъ между прочимъ: "Драматическое искусство, какъ и вообще всв искусства и художества, занесено было въ Россію извив, но, благодаря нашей благодатной почев, принялось и пустило ворни. Театръ у насъ уже упрочиль за собой сочувствие и любовь народную; потребность соверцанія собственной живни возбуждена въ русскихъоть висшихъ до низшихъ слоевъ общества; но до сихъ поръ не явилось таланта, воторый бы съумель дать нашей сцень необходвиую ширину и полноту. Мы не станемъ повторять уже не разъ высказанныя на страницахъ "Отечественныхъ Записокъ" инвнія о Фонвизинв, Грибовдовв и Гоголв: читатели знають. почему первые два не могли создать у насъ театра; что же касается до Гоголя, то онъ сдёлаль все, что возможно сдёлать первому начинателю, одинокому геніальному дарованію: онъ проложиль, онъ указаль дорогу, по которой со временемъ пойдеть наша драматическая литература; но театръ есть самое непо-

¹) "Русская Старина" 1889 г., февр., стр. 388—339.

средственное произведеніе цілаго общества, цілаго быта, а гепіальный человікть все-таки одинь. Сімена, посіянныя Гоголемъ, — мы въ этомъ увітрены — безмолвно зріноть теперь во многихъ умахъ, во многихъ дарованіяхъ; придетъ время — и молодой літсовъ выростеть оволо одиноваго дуба... Десять літь прошло со времени появленія "Ревизора"; правда, въ теченіе этого времени мы на русской сцент не виділи ни одного произведенія, которое можно было бы причислить въ Гоголевской школі (хотя вліяніе Гоголя уже замітно во многихъ), но изумительная переміта совершилась съ тіхъ поръ въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ потребностяхъ".

Если истинная, "реальная" драматическая литература на Руси должна была вырости именно изъ съмянъ, посъянныхъ Гоголемъ, то Тургеневъ, еще итслово раньше Островскаго, отврываетъ новый періодъ въ этой области. Авторъ "Гровы", правда, заслонилъ собою драматическую дъятельность Тургенева, но не столько своимъ несомитеннымъ талантомъ, сколько плодовитостью. Съ другой стороны, запоздалое появленіе и въ печати, и на сцент чуть не половины пьесъ Ивана Сергтениа не могло не умалить значенія ихъ въ русской литературть. Для читающей же публики великія произведенія Тургенева, какъ романиста, совершенно закрыли его сцены и комедіи.

Литературная двятельность Ивана Сергвевича за годы 1847 —1850 не ограничилась "Записками Охотника" и дражатичесвими произведеніями. Въ Парижь, вромь того, написаны были разсказы: "Жидъ", набросанный, по свидётельству Дружинина, еще въ 1846 году, "Пётушковъ", "Дневникъ лишняго человъка". Въ письмъ къ Краевскому, отъ 4 апр. 1850 г., онъ говорить еще о "Перепискв", какъ вещи уже готовой. Изъ названныхъ повъстей Тургеневъ особенное значение придавалъ "Дневнику". "Я бы желалъ,—писалъ онъ Краевскому 25 дек. 1849 г.,—чтобы "Дневникъ" вамъ понравился: я его писалъ соп атоге"... "Я почему-то воображаю, что "Дневникъ" хорошая вещь, и желаль бы видеть его выставленнаго лицомъ, какъ говорится, — писалъ Иванъ Сергвевичъ тому же корреспонденту 22 янв. 1850 г., высылая последніе листы своей пов'ясти. "Перепискъ и "Пътушкову" онъ не придавалъ особенной цъны. Ужъ изъ этого можно заключить, что, вопреки установившемуся мнѣвію, ничего автобіографическаго нѣтъ въ описаніи душевныхъ волненій героевъ двухъ этихъ разсвазовъ. Да и смінно сравнивать П. Віардо съ глупенькой танцовщицей "Переписви" и съ еще болье ничтожной героиней "Пътушкова". Чувства, возбуждаемыя П. Віардо, могли только возвышать, облагораживать человіка и "почище" героя "Переписки".

VII.

Подводя итогъ литературной дъятельности Тургенева за годы 1847—1850, мы должны отмътить, прежде всего, что ни раньше, ни позднъе она не была столь плодовита, какъ тогда. Написанное Иваномъ Сергъевичемъ за это время составляетъ пятую часть всего вышедшаго взъ-подъ пера его, тогда какъ описываемый періодъ равенъ только одной двънадцатой всъхъ сорока лъть его литературной дъятельности. Другими словами, Тургеневъ въ годы 1847—1850 работалъ въ два слишкомъ раза больше, чъмъ работалъ до и послъ этого времени. Такая усиленная дъятельность объясняется отчасти и матеріальной нуждой его, вызванной отношеніями къ матери—В. П. Тургеневой.

До февральской революціи Варвара Петровна еще мирилась вое-вавъ съ долгимъ пребываніемъ сына за границей, вблизи "провлятой цыганки", какъ она называла П. Віардо. Но посл'в торжественнаго манифеста императора Николая, 14 марта (стараго ствая) 1848 г., призывавшаго "всякаго русскаго, всякаго върноподданнаго ответить радостно на призывъ своего Государя" бороться противъ "мятежа и безначалія", вознившихъ сперва во Франціи н "разливавшихся повсемъстно съ наглостью, возраставшею по мъръ уступчивости правительствъ",—послъ этого Варвара Петровна не могла оставаться спокойной и настойчиво стала звать Ивана Сергвевича домой. Въ надеждв уже летомъ 1848 г. увидэться съ сыномъ, она сдёлала нёвоторыя приготовленія въ прівзду своего любимца въ Спасское, и осыпала даже милостями тёхъ изъ дворовыхъ, въ которымъ особенно благоволилъ Иванъ Сергвевичъ. Но просъбы Варвары Петровны не подъйствовали, и она немедленно прекратила высылку денегь въ Парижъ. Впрочемъ, въ январъ 1849 г., вызовы сына въ Спасское возобновились, и ему было даже послано 600 руб. Приготовленія въ пріваду его, а также и въ пріваду изъ Петербурга другого сына, бывшаго тогда тоже подъ материнской опалой -- Ниволая Сергвения, были еще общирнве, чвив въ прошломъ году. Заново быль отделань флигель, цветники передъ домомъ были приведены въ лучшій порядокъ. Варвара Петровна, зная, какъ любиль фрукты ен Ванечка, вельла вынести изъ грунтовыхъ сараевъ испанскія вишни и сливы и поставить ихъ ближе въ

дому. В. Житова, описывая въ своихъ воспоминаніяхъ всѣ эти приготовленія, разсказываетъ между прочимъ: "Разъ вакъ-то, катаясь (этой весною), Варвара Петровна вспомнила мѣсто, гдѣ былъ когда-то прудъ, на которомъ дѣти ея, тогда еще маленькія, имѣли свой ботикъ, доставлявшій имъ немалое удовольствіе; прудъ былъ мелокъ, и имъ позволено было однимъ на немъ кататься. Мѣсто это въ 1849 г. представляло уже большой сухой оврагъ, заросшій травою и окаймленный серебристыми тополями. Немедленно велѣно было расчистить этотъ прудъ и на сторонѣ, обращенной въ большой дорогѣ, приказано было водрузить столбъ, на которомъ доморощенный живописецъ Николай Федосѣевъ, онъ же и маляръ, по приказанію барыни, изобразилъ съ одной стороны руку съ протянутымъ указательнымъ перстомъ, а на другой—надпись, конечно, французскую: "Пѕ reviendront".

Но Иванъ Сергвевичъ, разсчитывавшій, согласно прежнимъ объщаніямъ Варвары Петровны, получить изъ дому не менъе 6.000 руб., писалъ матери, что готовъ прівхать, если ему вышлють еще денегь на дорогу, потому что полученныхъ имъ отъ нея 600 руб. даже недостало на уплату его долговъ, накопившихся за время, въ теченіе котораго онъ ничего не получаль изъ дому. Отвъта долго никакого не было. Иванъ Сергъевичъ обратился за справками къ брату. Тотъ написаль ему въ октябръ 1849 г., что на денежную помощь изъ родительского дома разсчитывать нечего, ни въ ближайшемъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. Лишь въ началъ весны слъдующаго, 1850 г., вогда Варвара Петровна серьезно заболъла, была выслана Ивану Сергъевичу достаточная сумма денегъ. Въ виду такихъ отношеній въ матери, Тургеневъ за границею сидълъ, въ сущности, безъ ко-пъйки. Уже въ ноябръ 1848 г. онъ писалъ Краевскому о своемъ долгь ему. Черезъ годъ Иванъ Сергьевичъ сообщаеть тому же издателю "Отечественныхъ Записокъ", что у него "гроша нътъ наличнаго", что онъ находится "въ совершенной врайности". Получивъ въ декабръ 1849 г. отъ Краевскаго 300 руб., Тургеневъ увъдомлялъ, что "эти деньги ръшительно спасли его отъ голодной смерти". Помощь, какую оказывала ему семья Віардо, была недостаточна, и результатомъ стесненныхъ матеріальныхъ условій явилась усиленная литературная діятельность.

УШ.

Возвращаемся теперь снова къ внёшнимъ событіямъ парижской жизни Тургенева. Въ столице, какъ мы уже говорили, оста-

выся онъ безвытанно до середины іюня 1849 г., и лишь около 10 января отправился на нісколько дней въ Версаль, откуда писаль ІІ. Віардо о своемъ времяпрепровожденіи тамъ: "Я перевожу, читаю Сенъ-Симона, гуляю, хожу въ кафе́ читать газети—и уже постоянные посітители, старые, дряхлые буржуа, смотрівшіе на меня въ первый день исподлобья и искоса, какъ обыкновенно смотрять на охотничьихъ картинахъ загнанные въ безвыходное положеніе дикіе кабаны, — теперь начинають на встрічу мить приподнимать свои шляпы".

Въ апрълъ мъсяцъ въ Парижъ появилась холера, которая въ май зацъпила и Тургенева. Объ этомъ эпизодъ читаемъ въ восноминаніяхъ Пассекъ: "Тургеневъ сбирался ъхать изъ Парижа, срокъ квартиры его оканчивался; онъ пришелъ переночевать у Герцена. Послъ объда Тургеневъ жаловался на духоту и пошелъ выкупаться. Возвратившись, онъ почувствовалъ себя еще хуже, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и легъ спать. Ночью онъ разбудилъ Герцена и сказалъ:

" — Я пропащій челов'явъ, у меня холера.

"У него, дъйствительно, были тошнота и спазмы; по счастью, онь отдёлался десятью днами болёзни. Когда занемогь Тургеневъ, Александръ (Герценъ) отправилъ жену и детей въ Ville d'Avray, гдв жила его мать съ меньшимъ внукомъ Колей и съ Марьей Каспаровной Эрнъ, впоследствии Рейхель; Александръ остался съ нимъ одинъ. Стало Тургеневу лучше, Александръ также перевхаль въ Ville d'Avray". Десятаго іюня, Герценъ писаль о томъ же Н. П. Огареву: "Помнишь холеру въ Москвъ въ 1831 г., -- сколько было благородныхъ усилій, сколько міръ: временныя больницы, люди, шедшіе добровольно въ смотрители, и проч. Здёсь правительство не сдёлало ничего, общество-иичего; бользнь продолжалась два мъсяца, — вдругъ жары неслыханные (въ тъни 30—32°), и Парижъ покрылся трупами. Ни мъстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ-трупы лежатъ въ домахъ два, три дня... У меня на квартиръ Иванъ Сергъевичъ Тургеневъ занемогъ холерою, чуть не умеръ, однако отходился " 1). Воть когда Иванъ Сергвевичь почувствоваль впервые тоть страхъ передъ холерой, который сохраняль уже въ теченіе всей своей жизни, теряясь и падая духомъ при одномъ извъстіи о приближеній бользии. Въ 1881 г. Полонскій наблюдаль въ Спасскомъ, вавое дъйствіе произвело на Тургенева изв'ястіе о холер'я въ

¹⁾ Воспомин. Пассекъ. III, 92, 114.

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

Брянскъ. "Блъдный, позеленълый пришелъ во мнъ Тургеневъ и говорить:

- Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся, несчастная машина.
- Странный ты человъкъ, Иванъ,—говорилъ я ему,—въдь холера, если она и есть, въ 300-хъ верстахъ отъ насъ.
- Это все равно, —отвъчаль онь, какь бы разслабленнымь голосомъ, --- хотя бы въ Индіи... Запала въ меня эта мысль, попало это слово на языкъ и-кончено! Первое, что я начинаю чувствовать, это судороги въ икрахъ, точно тамъ кто-нибудь на влавишахъ играетъ... Начинаетъ сосать подъ ложечкой; я ночи не сплю, со мной дёлаются обмиранія... и затёмъ равстранвается желудовъ. Мысль, что меня вотъ-вотъ захватитъ холера, ни на минуту не перестаетъ меня сверлить, и что бы я ни думалъ, о чемъ бы ни говорилъ, вакъ бы ни казалси спокоенъ, —въ мозгу постоянно вертится: холера, холера, холера... Я, какъ сумасшедшій, даже олицетворяю ее: она мнв представляется въ видв вакой-то гнилой, желто-зеленой, вонючей старухи. Когда въ Парижъ была холера, я чувствовалъ ен запахъ: она пахнетъ вакоюто сыростью, грибами и старымъ, давно повинутымъ дурнымъ мъстомъ. И я боюсь, боюсь, боюсь... И не странное ли двло, -я боюсь не смерти, а именно холеры... Я не боюсь нивакой другой болъзни, нивакой другой эпидеміи: ни оспы, ни тифа, ни даже чумы... Одолъть же этоть холерный страхъ-вив моей воли. Туть я безсилень. Это такъ же странно, какъ странно то, что извъстный герой кавказскій—Слъпцовъ—боялся паука; если въ комнатъ его появлялся паукъ, съ нимъ дълалось дурно. Другіе боятся мышей, иные-лягушекъ. Бълинскій не могь видъть не только змъи, но ничего извивающагося".

Оправившись отъ холеры, Тургеневъ поспѣшилъ въ Куртавенель, откуда П. Віардо собиралась въ новую артистическую поѣздку, на этотъ разъ въ Лондонъ. Выѣхавъ въ столицу Англіи въ самомъ началѣ іюля, знаменитая пѣвица оставила Ивана Сергѣевича въ своемъ имѣніи совершенно одного. Съ этого момента и начинается то интересное одиночество Тургенева въ деревнѣ Віардо, о которомъ онъ часто любилъ вспоминать впослѣдствіи, и о которомъ друзья его разсказывали почти фантастическія вещи. Такъ, Н. В. Бергъ передаеть въ своихъ запискахъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ слѣдующее: "Въ 1850 (1849 г.) артистка уѣхала съ мужемъ въ Лондонъ—пѣть передъ самой взыскательной публикой. Тургеневъ остался на это время въ

одномъ изъ ея замковъ, на границъ Франціи и Испаніи (!), на горъ, среди дремучаго сосноваго лъса (!). Внизу была деревушка, отвуда приходила въ Ивану Сергвевичу, въ извъстные часы, старушка и приносила объдъ и ужинъ. Тургеневъ разсказывалъ однажды, при авторъ, что ему становилось иногда въ пустомъ замкв очень жутко. Куда ни поглядишь: горы и темный лесъ. тянувшійся на необъятное пространство, — и больше ничего (!). Онъ боялся даже нападенія разбойнивовъ. "Еслибы пробрался въ замовъ одинъ недобрый человёвъ, я бы, вёроятно, не струсыть. Я подсидёль бы его въ одной изъ удобныхъ для этого вомнать съ оружіемъ въ рукахъ-и принудиль бы къ сдачв. Я бы ему свазалъ: "вы мев ни на что не нужны; ни убивать вась, ни преследовать полиціей я не думаю. Но... разскажите инъ исторію своей живни-и потомъ ступайте на всъ четыре стороны!" Никакой разбойникъ, однако, не доставилъ Ивану Сергъевичу матерьяла для повъсти и т. д. 1)".

За полтора мъсяца своего отшельничества Тургеневъ всего два раза заглянуль въ Парижъ-11-го и 31-го іюля, оба раза на два дня; да съ 12-го по 17-е того же мъсяца въ Куртавенель гостиль дядя П. Віардо, брать ея матери, г-жи Гарсіа, Ситчесъ и его супруга ²). Чета эта не представляла собою ничего особеннаго. Онъ-добродушный баловень, она-живая и подвижная женщина. Общество этихъ людей нъсколько развлекало Ивана Сергвевича, особенно своими спорами, въ которыхъ донъ-Пабло, какъ называлъ Ситчеса Тургеневъ, обыкновенно нападаль на свою супругу въ гићвныхъ выраженіяхъ: "ну, что ты знаешь"! или: "замолчи, сумасшедшая"! Супруги Ситчесъ увхали изъ Куртавенеля 17-го іюля, оставивъ Ивану Сергвевичу 30 франковъ, изъ которыхъ черезъ недвлю у него осталось только четыре. Раза три посътилъ Тургенева въ его одиночествъ нъвто Фуже, случайный знакомый семьи Віардо, человъкъ матеріально независимый, но "весь пропитанный національными, бонапартистскими, литературными и судебными предразсудками", по выраженію Ивана Сергвевича. Постоянно же въ замкв вмв-

^{1) &}quot;Историч. Въстн." 1883 г., XIV, 375.

³) Гальперинъ-Каминскій, издавая письма Тургенева за літніе мізсяцы 1849 года, вслідствіе отсутствія хронологических поміть на нівоторыхь изъ нихъ, а затімъ и по причині, візроятно, неразборчивости почерка Ивана Сергівевича, размізстиль письма неправильно. По внутренней связи они должны слідовать другь за другомъ такомъ порядкі (сохраняемъ нумерацію издателя): XV, XIV, XVII, XIX, XX, XVII, XXII и XXIII.

сть съ Тургеневымъ жили только три лица: Вероника, старухакухарка, въчно ворчавшая на старую охотничью собаку Л. Віардо —Султана; Жанъ — бойкій и расторопный лакей хозяина, съ воторымъ Иванъ Сергвевичъ, между прочимъ, выдергалъ весь тростникъ изъ канавъ вблизи дома, и, наконецъ, ленивейший изъ смертныхъ — садовнивъ при замвъ. Всъ эти лица внимательно ухаживали за молодымъ анахоретомъ. Про Веронику Тургеневъ писалъ, напримъръ, П. Віардо. "Ужъ не жениться ли мив на ней, чтобы вознаградить ее за ен услуги, принимая во вниманіе, что всявая другая монета въ настоящее время для меня только одна химера"! Много времени Иванъ Сергъевичъ посвящаль чтенію внигь изъ преврасной библіотеки Л. Віардо, воторую онъ предварительно привель въ порядовъ. Особенно заинтересовали его письма лэди Монтэгю (1690-1762), извъстной въ англійской литературъ своими правдивыми описаніями мусульманскаго быта, главнымъ образомъ турецкихъ сералей, а поздиве - вритическимъ изображениемъ нравовъ тогдащнихъ гостиныхъ Англіи. Письма ен Тургеневъ называлъ "прелестной книжкой, исполненной граціи, ума и искренняго чувства, и за-ставляющей любить ту, которая ее писала, несмотря на ея происхождение". На мысли и наблюдения Монтэгю онъ неодновратно ссылается въ письмахъ въ И. Віардо за это время. Собственно литературной работой Иванъ Сергвевичъ занимался очень мало. "Я все это время провель въ деревив, въ совершенномъ уединенів, —писалъ онъ Герцену 31-го іюля, —а уединеніе про-изводить во мив всявій разъ невыразимую лінь, которую на поэтическомъ языкъ называютъ тишиной, погруженіемъ въ тишину и т. д.". Дъйствительно, Тургеневъ въ сущности былъ "погруженъ въ тишину". Въ письмахъ изъ Куртавенеля есть нъсколько характерныхъ мъстъ въ этомъ отношения. "Я сижу передъ круглымъ столомъ въ большой гостиной... Глубокое молчаніе парствуєть въ дом'в, — только слышится жужжаніе горящей ламны"... читаемъ въ письмъ отъ 20-го іюля. Въ другомъ (отъ 7-го авг.) онъ пишетъ П. Віардо: "Вчера я только-что собирался уйти изъ гостиной, какъ вдругъ услыхалъ два глубовіе, совершенно ясные вздоха, раздавшіеся, или, върнъе, пронесmiecя какъ дуновеніе въ двухъ шагахъ отъ меня. Султанъ давно спаль, я быль совершенно одинь. Это вызвало во мив легкую дрожь. Проходя по коридору, я вдругъ подумалъ о томъ, что бы я сдълалъ, еслибы почувствовалъ, что кто-нибудь схватилъ меня за руку, и и долженъ былъ совнаться, что и испустиль бы крикъ

ужаса. Положительно ночью бываеть мен'ве храбрымъ, чёмъ двемъ. Я хотвлъ бы знать, боятся ли слеше привиденій? — Прежде чёмъ лечь спать, я каждый вечеръ дёлаю маленькую прогулку по двору. Вчера я остановился и началъ прислушиваться. Вотъ разные звуки, услышанные мною:

Шумъ врови въ ушахъ и дыхавія.

Шорохъ-неумолкаемый лепеть листьевъ.

Трескъ кузнечиковъ—ихъ было четыре—въ деревьяхъ на дворъ. Рыбы производили на поверхности воды легкій шумъ, походившій на звуки поцълуя:

Отъ времени до времени падала капля съ легкимъ серебристымъ звукомъ.

Ломалась какая-то вътка, -- вто сломалъ ее?

Вотъ глухой звукъ... что это шаги по дорогъ? или шопотъ человъческаго голоса?

И вдругъ тончайшее сопрано комара, которое раздается надъвашимъ ухомъ... $^{\alpha}$

Въ сентябръ 1849 г., возвратилась въ Куртавенель семья Віардо, и Тургеневъ провель съ друзьями подъ однимъ кровомъ болье мьсяца. Ко дию похоронъ Шопена (30 октября) всь уже были въ Парижъ. Похороны знаменитаго музыванта, на воторыхъ присутствовалъ и Тургеневъ, были своего рода артистическимъ торжествомъ, и очень жаль, что Иванъ Сергвевичъ не оставиль намъ нивакихъ воспоминаній о нихъ. На зауповойной мессь быль исполнень "Реввісмъ" Моцарта орвестромъ подъ управленіемъ Мейербера, органомъ и такими солистами, какъ П. Віардо, Кастеляне и Лаблашъ (знаменитый оперный пъвецъ-басъ). Въ эту зиму 1849 — 1850 г. слава П. Віардо достигла наибольшей высоты. Она показала себя не только вам Вчательной првицей, но и высоко-даровитой драматической автрисой. Последнюю сторону ен таланта вызваль упомянутый уже Мейерберъ постановкой своей оперы "Пророкъ" на сценв "Grand Opéra". Давно и съ нетеривніемъ ожидаемая опера эта произвела сильное впечатленіе на парижанъ, чему много способствовало именно участіе П. Віардо, по настойчивой просьбів композитора, въ партіи Фидесъ. Иванъ Сергвевичь въ видв письма изъ Парижа, отъ 9 января 1850 г., пом'ястиль въ "Отечественных Запискахъ", за подписью:—е—; статью: "Нъсколько словъ объ оперъ Мейербера— "Пророкъ" 1), которую начинаетъ

¹⁾ T. LXVIII, Cmbcs, crp. 280-283.

словами: "Завтра дають эту оперу въ сороковой разъ, и уже сегодня всё мёста разобраны". Оцёнивая ее ниже "Гугенотовъ" того же Мейербера, Тургеневъ, однако, отзывается о ней съ полнымъ сочувствиемъ: "Я около десяти разъ видёлъ "Пророка", и всякій разъ открывалъ въ немъ новыя красоты",— писалъ онъ. Особенный восторгъ возбуждала въ немъ игра и пёніе П. Віардо, и тё сцены, въ которыхъ выступаетъ знаменитая пёвица, описаны Иваномъ Сергѣевичемъ съ большими подробностями и съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

IX.

Зиму съ 1849 на 1850 г. Тургеневъ жилъ въ Парижъ уже безъ русскихъ друзей; тъмъ ближе приходилось ему знакомиться съ кружкомъ французскихъ писателей и представителями французскаго испусства, собиравшимися въ ввартиръ Віардо. Изъ нихъ прежде всего следуетъ назвать Проспера Мериме, образованнъйшаго изъ писателей своего времени, который чуть ли не первымъ во Францін оціниль достоинства нашей литературы и сталь учиться по-русски, чтобы въ подлинникъ читать Пушвина и Гоголя. Какъ видно изъ переписки его съ графиней Монтихо (императрицей Евгеніей), Мериме въ вонце 40-хъ годовъ сталъ усиленно изучать русскую литературу, въ чемъ могъ овазать ему существенную помощь именно Тургеневъ. Результатомъ этихъ занятій явился рядъ переводовъ на французскій языкъ Пушкина и Гоголя (изданныхъ, однако, въ 1852 и 1853 гг.), предпринятыхъ Мериме. Изъ другихъ писателей, встръчавшихся съ Иваномъ Сергъевичемъ, слъдуетъ назвать еще Шарля Эдмона и Жоржъ-Зандъ. Последняя въ 1848 году оставила политические вопросы и обратилась къ разсказамъ изъ сельсвой жизни. Этотъ повороть въ деятельности знаменитой писательницы Тургеневъ отмътилъ одинъ изъ первыхъ и отмътилъ съ полной определенностью. Въ письме его къ П. Віардо отъ 17 января 1848 г. мы читаемъ: "Вашъ мужъ въроятно говорилъ вамъ о новомъ романъ теме Зандъ, который печатается въ фельетонъ Journal des Débats: "Франсуа ле Шалепи". Онъ написанъ въ ея лучшей манеръ-просто, правдиво, захватывающе. Можеть быть, она вставляеть въ него слишкомъ много крестьянскихъ выраженій; это м'єстами придаеть ея разсказу н'ькоторую дёланность. Искусство-не дагерротипъ, и такая веливая мастерица, какъ теме Зандъ, могла бы обойтись и безъ втихъ капризовъ художника съ нъсколько притупленнымъ вкусомъ. Но очень ясно, что ей выше головы надовли всякіе сощалисты, коммунисты, Пьеры Леру и другіе философы, что она ими измучена—и съ наслажденіемъ погружается въ источникъ молодости искусства наивнаго и неотвлекающагося отъ земли. Между прочимъ, въ самомъ началъ предисловія находится нъсколько строкъ описанія осенняго дня. Это—удивительно. Эта женщина имъетъ талантъ передавать самыя тонкія, мимолетныя впечатльнія твердо, ясно и понятно; она умъетъ рисовать все, даже благоуханія и самые мелкіе звуки"... Хотя въ 1847—1850 гг. Тургеневъ неръдко встръчался съ Жоржъ-Зандъ у Віардо, хотя энтузіазмъ въ этому кумиру кружка Бълинскаго не совсъмъ еще остыль у Ивана Сергъевича, но онъ не сомелся съ французской писательницей, и въ ихъ тогдашнихъ отношеніяхъ ничто еще не говорило о той дружбъ, которая связывала этихъ людей впослъдствіи.

Въ началъ мая 1850 года Тургеневъ заглянулъ на нъсколько дней въ Брюссель, откуда повхалъ въ Куртавенель, проститься съ дорогими ему мъстами передъ возвращениет въ Россію. И. Віардо была тогда уже въ Германіи, и Иванъ Сергвевичъ провель нъсволько дней лишь въ обществъ ея матери, сестры ея мужа и старшей дочери (впоследствіи т-те Геррить). Вскоре прівхаль туда и Гуно, только-что приступившій въ работамъ надъ первой своей оперой, "Сафо". Авторъ "Фауста" явился въ Куртавенель по приглашенію П. Віардо, чтобы отдохнуть хорошенько оть тяжелой потери, угнетавшей его - смерти брата. Общество этого композитора было большимъ счастьемъ для Тургенева, который высоко ставиль его музыку. "Если Гуно не великан музыкальная сила, -- писаль Иванъ Сергвевичь своему другу въ томъ же году, --если у него нътъ генія, я отвавываюсь отъ всяваго сужденія о людяхъ и талантахъ". По прівздв въ деревню Віардо, Тургеневъ писаль ея хозяйкв (16 мая): "Я въ Куртавенель. Скажу откровенно, я счастливъ, какъ ребеновъ, что снова нахожусь здёсь. Я пошелъ поздороваться со всёми мёстами, съ воторыми я прощался передъ отъйздомъ. Россія подождеть, эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и туманная, какъ сфинксъ Эдипа. Она поглотить меня поздиве. Мив кажется, что я вижу ея тяжелый, неподвижный взглядъ, устремленный на меня съ колоднымъ вниманіемъ, какъ и следуеть каменнымъ глазамъ. Будь сповоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебъ, и тогда ты можешь поглотить меня въ свое удовольствіе, если я не разгадаю твоей загадки"!

Двадцать-четвертаго іюня, Тургеневъ написаль г-жѣ Віардо прощальное письмо изъ Парижа и въ тоть же день выталь оттуда, чтобы черевъ недѣлю сѣсть въ Штеттинѣ на пароходъ, отправлявшійся въ Петербургъ... Эдипъ отправился въ своему Сфинксу, чтобы до конца разгадать трудныя его загадви въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ.

Н. Гутьяръ.

ВЪ ГОСТЯХЪ НА ХУТОРЪ

Личныя впечатления.

I.

Въ страну далекую...

Въ 189... году, окончивъ университетскій курсь по юридическому факультету, я собирался-было за границу, какъ говорится -для довершенія своего образованія. Говоря отвровенно и даже положа руку на сердце, я себя обманываль этою красивою фразой, сознавая въ душт ея несометиную фальшь. Меня влевли въ себъ не столько заграничные университеты, музеи, галереи, наука и искусство, сколько самая жизнь европейская, казавшаяся инь крайне заманчивою, --- мнъ было въдь только двадцать-четыре года и въ карманъ достаточное количество денегъ. Да я и не могь серьезно думать о довершении своего образования уже и потому, что "довершать" мнв, собственно говоря, было нечего, върнъе-слъдовало бы начинать все съ начала. Изъ гимназіи и университета ничего я не вынесъ, --- ни серьевныхъ фактическихъ знаній, ни идей, ни уб'єжденій, ни идеаловъ... Современная наша литература и публицистика, которыми некоторое время я интересовался больше, нежели лекціями, очень мало или вовсе не могла благотворно воздействовать на мое умственное и особенно нравственное развитіе... Положительно могу свазать, что въ душ'в моей я не сознаваль никакого нравственнаго критеріума, въ головъ и сердцъ-никакихъ высшихъ и благородныхъ идей и стремленій. Я мечталь лишь объ удовольствіяхь и развлеченіяхъ и собирался окунуться съ головою въ випучую жизнь Вѣны, Берлина, Парижа, — особенно Парижа. Иные изъ моихъ товарищей и знакомыхъ, отправляясь за границу для "довершенія", ни въ чемъ подобномъ не сознаются, а я вотъ — сознаюсь откровенно.

Обстоятельство неожиданное и совершенно непредвидънное заставило меня, однако, отказаться оть этой завётной мысли,на время, по врайней мірів. Была у меня дальняя родственница, со стороны отца, нъкая Аглая Михайловна Свищова, о существованіи которой я почти уже забыль. Когда-то я ее видываль, будучи еще восьмилътнимъ мальчивомъ, и никогда потомъ о ней не думаль, съ тъхъ поръ какъ, по смерти отца, мать моя, продавъ имъніе богатому купцу-кулаку, переселилась въ Петербургъ, откуда была родомъ. Добрая кузина, или тетушка, какъ намъ, дътямъ, приказано было ее называть и какъ я уже и буду ее называть, вдругъ объявилась. Въ полученномъ мною, въ концъ ноября, заказномъ письмъ, написанномъ археологическимъ почеркомъ и стилемъ, говорилось, между прочимъ, что она, тетушка, просила одного петербургскаго своего знакомаго узнать мой адресь въ адресномъ столъ и доставить ей, что она меня помнить, любить, и желала бы меня видёть, что живеть она одна-одинёшенька на принадлежащемъ ей куторъ Ерши (Уединеніе тожъ) и просить меня—если я тоже помню ее и люблю, - навъстить ее передъ ея смертью, которая непремънно своро должна "воспоследовать", и т. п. Въ вонце письма сообщался подробный адресъ Аглан Михайловны. Признаюсь, письмо мив врайне не понравилось, по содержанию и по стилю. -- Очень нужно!---думаль я про себя, бросивь письмо на столь и шагая по комнать изъ угла въ уголъ, въ крайнемъ смущении, переходившемъ минутами въ влобную досаду и раздражение. -- Изъ Парижа, гдъ я уже быль мысленно, изволь ъхать въ какіе-то Ерши!.. Куда, зачемъ? Въ далекую и безпробудную глушь кавую-то... Да и названіе хутора какое-то нелівное и забавное, особенно въ соединени съ другимъ названиемъ... Ахъ, милостивая государыня, Аглая Михайловна, что общаго между "ершомъ" и "уединеніемъ", —помилуйте?!

Однако, какъ быть? Любопытно, что бы я сталъ тамъ дѣлать, въ этихъ самыхъ "Ершахъ"?.. А все-таки ѣхать надобно, въ концѣ концовъ нельзя не ѣхать. Не ѣхать — съ моей стороны было бы неприлично и неблагодарно. Да, ѣхать нужно, ничего не подѣлаешь. Тѣмъ не менѣе, мысль о необходимости по-ѣздки, хотя и непродолжительной, въ какую-то отдаленную и

бевпроглядную глушь, просто пугала меня и тоскливо отзывалась въ сердив. Стояла къ тому же тогда, какъ нарочно, отвратительная ноябрьская погода.

Быль уже девнадцатый чась ночи въ исходъ. Тупая тоска и какая-то нравственная угнетенность овладёли мною, думать ни о чемъ не хотвлось, хотя разныя невеселыя мысли, върнъе -представленія, насильно лізан въ голову. Раздівшись и бросившись въ вровать, старался я заснуть, но напрасно. Въ умѣ и воображении, неразрывною цѣпью, одни за другими, стали возникать сперва смутные, потомъ болѣе опредѣленные образы прошлаго, далевія воспоминанія д'єтства, картины, сцены, лица, имена. Одинъ только разъ, послъ переселенія нашего въ столицу, будучи уже гимназистомъ, посътилъ я съ матерью и сестрой, вышедшей вскоръ замужъ, эти глухія палестины со смъщаннымъ населеніемъ, частью "кацапсвимъ" (великороссы) и частью "хо-хлацкимъ" (малороссы). Не всъ еще дъла по продажъ имънія повончены были у матушки съ кулавомъ, и личное присутствіе ен на мъстъ оказалось необходимымъ. О тетушкъ Аглаъ Микайловив матушка не вспомнила тогда ни однимъ словомъ; важется, онъ были не въ ладахъ изъ-за продажи имънія, противъ которой тетушка сильно протестовала. И все живъе и живъе являлась теперь она въ моемъ воспоминаніи. Жила она довольно далеко отъ насъ, чуть ли не въ противоположномъ вонцъ уъзда, и только изръдка насъ посъщала. Меня она почему-то очень любила. Это была пышная женщина, выше средняго роста, довольно полная, съ матово-блёднымъ лицомъ и густыми черными волосами, всегда одътая въ черномъ. Нужно прибавить, что она не была замужемъ, оставаясь дъвственницею. Мнѣ нравился особенно ея носъ, красивый, тонкій и правильный, съ маленькою горбинкой, но больше всего интересовала меня мягкая линія нѣжно-темныхъ усиковъ, похожихъ на легкую тынь, но вполив явственныхъ, какихъ у другихъ женщинъ мив не случалось видъть. Откуда, — задавался я вопросомъ, — взялись у тетушки усики? Теперь-то я понимаю очень хорошо — откуда. Тетушка была сильная брюнетка, и даже возлъ ушей, —помню тоже корошо,—гдѣ у мужчинъ бываютъ бакенбарды, темнѣло у нея что-то, чуть замѣтное, словно кто слегка мазнулъ по этимъ мъстамъ висточкой отъ туши. Вообще, принимая въ соображение все то, о чемъ говорило мит воспоминание, и ретроспективно овидывая всю фигуру тетушки нынѣшними моими глазами, могу положительно утверждать, что она была... вавъ бы выразиться? ну, была она довольно замѣтно помята рукою времени, и не

подлежить теперь для меня ни малёйшему сомнёнію, что и способность возбуждать въ мужскихъ сердцахъ чувство нёжное и трогательное была тогда у бёдной тетушки уже окончательно утрачена. Но смолоду она несомнённо была красавицей, о чемъ мнё еще придется говорить.

Среди ночной тишины, слегка лишь нарушаемой рёдкимъ уже движеніемъ по улицъ запоздалыхъ экипажей, я невольно увлекся воспоминаніями. Какъ живой явился въ моемъ воображенін и мой отецъ, добрый, умный и благородный, съ его энергическою поступью и сердечнымъ голосомъ. Припомнился мев и нашъ старый и общирный домъ, съ густымъ парвомъ и тенистыми аллеями, по воторымъ мы такъ часто бъгали съ сестренкой и не разъ гонялись за кошкою, подозръваемой въ истребленіи соловьевъ и другой мелкой птицы; проходили одни за другими разныя иныя лица, знакомыя и дорогія-и влючница Явдоха, всегда такая веселая; и садовникъ Панасъ, съ длинными бъльми усами, дълавшими его похожимъ на моржа, лечившій деревенскихъ бабъ и мужиковъ отъ зубной боли съ помощью кузнечныхъ влещей и сапожнаго шила; и шировоплечій кучеръ, Хома Щуръ, который съ лошадьми, казалось, жилъ одною жизнью, не отличаясь ничуть отъ нихъ интеллигенціею, но котораго отецъ любилъ за то, что онъ берегъ лошадей, понималъ ихъ и онъ его понимали, и никогда ихъ не наказывалъ, ограничиваясь словесными внушеніями и колкою критикою ихъ "лукаваго нрава"... И всв эти лица, вазавшіяся почти живыми, говорящими и движущимися, быстро уходили отъ меня въ даль, блёднъли и исчезали, и вновь являлись другія лица, незнакомыя и никогда не виданныя... Изъ-за плетня съ любопытствомъ глядитъ на меня вавая-то босоногая девчонка... По аллее расхаживають вакіе-то мужланы, широко размахивая руками... Но это быль уже сонъ.

II.

На хуторъ.

До Москвы и Харькова мет удалось добхать вполет счастливо, т.-е. счастливо въ томъ смыслъ, что удалось мет избъжать всякихъ знакомствъ въ дорогъ. Странное дъло: человъкъ по натуръ сообщительный, любящій веселые разговоры, смъхъ, шутки, шалости, подчасъ даже глупо-жизнерадостный, я всъми мърами старамось всегда уклоняться отъ какихъ бы то ни было знакоиствъ въ дорогъ. Это во мнъ просто какан-то идіосинкразія.

На харьковской станціи вагоны второго класса оказались переполненными. Чувствуя себя порядочно утомленнымъ и уставшимъ, я пересълъ, доплативъ разницу, въ купо перваго класса, занятое вавими-то двумя дамами, воторыя на ближайшей затымъ станцін вышли изъ вагона. И чёмъ дальше уносилъ меня повядь, темъ сильнее овладевала мною гнетущая тоска. Къ тому же и погода стояла невозможная, упорно моросилъ мелкій дождикъ, сырой туманъ заволакивалъ окрестности, казавшіяся сиящими и безжизненными. Полное безмолые, нарушаемое лишь стукомъ и вздрагиваніемъ вагоновъ, всевластно царило кругомъ и еще усиливало и безъ того тяжелую тоску и уныніе. Поражало меня полное повсюду безлюдье и отсутствіе въ странъ вакихъ бы то ни было следовъ культурности. Каждая деревенька, важдая изба, встръчавшіяся изръдка по мъръ движенія повзда и вазавшіяся издали вавими-то навозными кучами, важдый развалившійся заборъ или плетень, каждое лишенное листвы деревцо -говорили, вричали, вазалось, о безъисходной нищеть и общей безпомощности. Сидълъ я одинъ-одинешеневъ въ вупэ, и только эта счастливая случайность поддерживала во мнъ нъкоторую бодрость, примиряла съ безотрадными впечатлѣніями окружающаго. Бываеть такое психическое состояніе, когда не хотѣлось бы ни на что и ни на кого смотръть, когда овладъваеть душою единственное желаніе крикнуть: убирайтесь всь къ чорту и оставьте меня одного!

По мъръ приближенія поъзда въ станціи, отвуда мив предстояла еще взда на лошадяхъ, погода стала понемногу разгуливаться, и когда поъздъ, наконецъ, остановился передъ небольшою и уединенною станцією, косые лучи склонявшагося уже въ западу солнца весело выглянули изъ-за разорвавшихся и поръдъвшихъ тучъ. Въ воздухъ пахнуло свъжестью и холодкомъ. Можно было ожидать, что вечеръ будетъ хорошій.

Еще изъ Москвы я телеграфировалъ тетушвъ о днъ моего пріъзда въ ней и просилъ выслать на станцію лошадей. Меня врайне удивило, что нивто меня не ожидалъ и не встрътилъ на станціи. Первое впечатлъніе вышло не особенно пріятнымъ, и я усповоивалъ себя мыслью, что телеграмма моя не была тетушвою получена по всей въроятности.

Передавъ ручной багажъ носильщику и вручивъ ему квитанцію на полученіе щегольского дорожнаго сундука, купленнаго

мною для заграничнаго путешествія, я туть же спросиль, можно ли нанять здёсь лошадей до хутора г-жи Свищовой.

— Вы, баринъ, значитъ, на хуторъ "Ерши"? А васъ тамъ ждетъ, на заднемъ дворъ, четверка. Пожалуйте.

Телеграмму, значить, тетушка получила, — тёмъ лучше. На заднемъ дворъ стояло нъсколько крестьянскихъ телъть, и между ними замътно выдълялась не то бричка, не то тарантасъ, не то коляска, запряженная четвёркой сытыхъ и здоровыхъ лошадей. Мужики съ любопытствомъ смотръли на меня, какъ на ръдкую птицу.

— Въ "Ерши" подавай! — крикнулъ носильщикъ.

Къ врыльцу медленно подвалилъ, громыхая, этотъ оригинальный экипажъ. Лошадьми правилъ забавный малый, широво улыбаясь, въ громадной бараньей шапкъ, насунутой почти на самые глаза, и въ такомъ же тулупъ, но, очевидно, съ чужого плеча, съ кого-то побольше ростомъ и потолще.

- Ты изъ "Ершей"?—спросиль я, не безъ удивленія глядя на забавную фигуру возницы.
 - Та вжежь изъ Яршей.
 - Одинъ?
 - А на що бильше, буде и одного.

"Не мѣшало бы, однаво, г-жѣ Свищовой, — съ досадой подумаль я про себя, — прислать на станцію вого-либо"... Во мнѣ заговорило самолюбіе и претенціозность шаблоннаго петербургскаго "сноба", который всюду, особенно же парадируя по Невскому проспекту, какъ лучшее его украшеніе, силится всегда казаться не тѣмъ, что онъ есть, но персоною болѣе важною и болѣе знатною. Эту вотъ невско-проспектную физіономію я дотащиль съ собою до невѣдомаго и отдаленнаго уголка имперіи... Привычка.

- Отчего съ тобой не прівхаль вто-либо умиве тебя? спросиль я возницу.
- Не прінсвали. Не бійтесь, довезу, отвічаль онь равнодушно и небрежно, какъ отвічають обывновенно на пустые вопросы.

Я быль въ недоумвніи: совсвиь иное я себв воображаль. По всему было видно, что г-жа Свищова жила не важно. Чорть возьми, зачвиь я предприняль это дурацкое путешествіе въ эту глухую трущобу, гдв еще возможны подобные экипажи, а вивсто кучеровь—какіе-то чурбаны?!

Со двора станціи мы выёхали прямо на шировій тракть, безжизненный и глухой; погода вполнё разгулялась, начинало

сиетка морозить; яркое солнце на половину скрылось уже за горизонтомъ. Четвёрка здоровыхъ лошадей съ трудомъ тащила негвинй и громоздкій экипажъ, колеса котораго глубоко врёзывансь въ сырую и рыхлую отъ дождей землю. Боже, какая мучительная тоска и скука!.. Полнёйшее кругомъ безмолвіе и безлюдье; слышно только, какъ лошади тяжело дышутъ, вытаскивая экипажъ изъ глубокой грязи, и шлепаютъ копытами.

- Эй, послушай, какъ тебя зовуть? обратился я къ вознить.
 - Мене?
 - Да, тебя.
 - А я Тарасъ Мазюва буду.
 - Красивъ!.. Давно служишь у барыни въ кучерахъ?
 - Эге, не потрахфили, я не у кучерахъ.
 - Кто же ты такой?
- Кучеръ у барыни другой, Ондрей Чубайка прозывается, винъ хворый лежитъ.
 - Ну, а ты?
 - Пастухъ буду, ось вто я.

Какова г-жа Свищова!.. Вивсто кучера послать за мною... пастука! Чорть знаеть что такое!

- Такъ ты пастухъ? Давно ли въ пастухахъ?
- Давно, а коли я бувъ ще малымъ хлопцемъ, то у барыни служивъ "за-діда".
- Это еще что такое? Какъ за-дъда? Маленькій мальчикъ и—служилъ за-дъда?
- Кхи, кхи!—вахохоталъ хохолъ и, обернувшись, съ удивленіемъ и любопытствомъ глядёлъ на меня, молча.
- Что ты смотришь? Ну, сважи, что ты делаль, служа за-деда, вавую должность справляль?
- А вы не знаете? Та-й баштанъ я вараулилъ за місто діда,—о це що. Ха, ха, ха!.. Не знаете?...
- Противъ кого же ты караулилъ? Здёсь у васъ, чортъ васъ возьми, вёдь и людей не видно.
- Не видно? Ой, ой, туть у насъ богацько всякаго народу; вонъ тамъ село, тамъ два хуторка, и тамъ, и тамъ. О, богацько туть у насъ мужикивъ. Якъ-же не не караулить? Разнесутъ баштанъ скурвые сыны, коли не караулить...

Какъ будто въ подтверждение его словъ, что тутъ дъйствительно живутъ люди и даже какие-то еще "скурвые сыны", на встръчу намъ показалась нищенская телъга, влекомая медленно весчастною клячею, крайне изнуренною и тощею, едва передвигавшею ноги. Въ телътъ, опершись спиною о вакой-то плоскій ящикъ, поставленный стоймя, сидъла жалкая фигура, лица которой невозможно было разсмотръть. Надвинутая на глаза рваная шапка повязана была сверху головы до подбородка грязною тряпкою, закрывавшею все лицо, кромъ глазъ и носа. Тарасъ крикнулъ:

-- Ты отвелева? Отъ барыни, что-ли?

Отвъта я не разслышаль, а Тарась, сейчась же обернувшись ко мнъ, поясниль, что это стекольщикь, разъъзжающій оть деревни до деревни, оть хутора до хутора съ оконными стеклами и вставляющій ихъ вмъсто разбитыхъ.

-— Жидъ винъ, Мойша, тильки ой-явъ не любитъ, коли звать ёго жидомъ. И чудной же винъ. — Якій я, каже, жидъ, я—православный чоловівъ яврейской віры. Хо, хо, хо... Перекрестись, кажутъ ёму, а винъ каже— це для мене не требуется... Чудной!

Инстинктивно отвернулся я отъ этой живой эмблемы безъисходной нищеты, нравственной и матеріальной, дополнявшей общую картину окружавшаго меня унынія и безмолвія.

Вскорѣ лошади повернули налѣво, въ боковую аллею, ведущую, очевидно, къ хутору. Лишенныя листьевъ деревья отнюдь не придавали ей особенной картинности, но мнѣ сдѣлалось веселѣе почему-то. Притомъ, почва ли была тутъ тверже, или лошади обрадовались, почуявъ близость конюшни и отдыха, но онѣ пошли бодрѣе и живѣе. Ну, слава Богу, наконецъ-то.

- Далеко еще до хутора?
- Версты двъ буде... Ну, вы, соволиви!...
- Послушай, ты бы спёль что-нибудь. Умёешь пёть?

Тарасъ оглянулся съ вопросительною улыбкою, но не исполнилъ моего приказанія, и только минутъ черезъ пять, вдругъ, неожиданно гаркнулъ молодымъ и здоровымъ голосомъ:

> Ой, поіхавъ Опанасъ За горілкой для насъ, Зачепывся за пень, Та-й стоявъ цілы день...

Молодой и звучный голосъ своимъ контрастомъ съ овружавшею насъ пустотою и безлюдьемъ производилъ какое-то странное впечатлъніе.

Вскоръ мы замътили мелькавшіе вдали слабые огоньки, и вътерокъ сталъ доносить до насъ даже лай собакъ. Близко. Минутъ черезъ десять лай усилился, и вскоръ громоздкій нашъ эки-

пажъ въёзжалъ въ хуторскія ворота, открытыя для насъ какимъ-то старикомъ съ бёлёвшею въ вечернемъ сумраке бородою.

Многія овна были освіщены, а на врыльці толинлась кучка людей, которые низко мей поклонились. Въ обширной прихожей, освіщенной висячею лампою, меня встрітила сідая совсімъ, но бодрая и живая старушка. Это была тетушка, Аглая Михайловна Свищова. Она встрітила меня съ искреннею и сердечною радостью, кріпко жала мою руку, обнимала за шею.

- Юрій, ты ли это? Тебя ли я вижу?..
- Ma tante, проговорилъ я, цълуя ея руку: сердечно радъ... но позвольте...
 - Параска!.. Возьми, дурная, у паныча шубку.

Ко мит подобжала молодая хохлушка, заврывая себт лицо и глаза ладонью, и приняла мъховое мое пальто.

— Чего же ты, дурная, соромишься? Повъсь шубку. Ахъ, ты, мой Жорживъ!.. Для тебя приготовлена комната, но сейчасъ пойдемъ ко мнъ, мой милый и дорогой Жорживъ. Дай, я посмотрю на тебя поближе, похожъ ли ты на того Жоржива, какимъ я тебя помню...

Она ввела меня въ небольшую комнату, заставленную старинною и скромною мебелью, освёщенную столовою лампою и нылающимъ каминомъ. "Какъ тутъ мило и уютно!" — подумалъ я про себя.

— Ахъ, Боже, вакъ ты выросъ и возмужалъ!.. Нътъ, не узнала бы и теби. Сколько лътъ съ тъхъ поръ...

Она усадила меня возлѣ себя на диванѣ и внимательно въ меня вглядывалась.

- А то, пожалуй, узнала бы, особенно по глазамъ. А ты меня узналъ бы? Вёдь ты меня помнишь?.. Да?.. Помнишь?
- Помню, хорошо помню, дорогая тетушка, вы даже очень мало перемёнились, мнё важется (я порядочно лгаль, изъ любезности). Если не ошибаюсь, мнё было не больше восьми лёть, когда вась я видёль въ послёдній разъ. Не могу сказать, какъ я быль удивлень вашимъ письмомъ, и тогда-то я именно вспомнилъ про васъ, вы мнё живо представились во всей привлежательной вашей красотё. Вёдь вы были очень красивы, не правда ли, тетушка?
- A теперь, видишь, какая старуха! проговорила она, грустно улыбаясь.

Я старался увърить ее, что не такъ она стара, чтобы ужъ очень, а между тъмъ тоже внимательно въ пее вглядывался.

Toms VI - Horber, 1902.

Волосы совсёмъ сёдые, почти бёлые, но еще густые; носъ тотъ же, съ горбинкою, но какъ будто утратившій прежнюю скульптурную правильность; глаза довольно еще живые; только вотъ зубы нёсколько подгуляли, порёдёли и даже замётна была нёкоторая ихъ недохватка; зато усики казались еще гуще и замётнёе.

Тетушка засыпала меня вопросами, поминутво переходя отъ настоящаго въ воспоминаніямъ о далекомъ прошломъ.

- Помнишь ли, мой Жорживъ, вавъ однажды, мив было очень скучно почему-то, я взяла тебя за руку и увела тебя въ парвъ погулять, а ты вырвался отъ меня и убъжалъ?.. Ты и теперь такой же шалунъ?
- Нътъ, не помню, дорогая тетушка; но еслибы теперь взяла меня за руку и увела въ садъ или паркъ молодая и красивая дама или дъвица, клянусь вамъ—я бы не убъжалъ. Мнъ котълось еще шутить въ подобномъ же родъ, но изъ сосъдней комнаты сталъ явственно доноситься до моего чуткаго уха звонъ стакановъ, тарелокъ и ножей, возбуждая во мнъ замътное безпокойство... Тетушка почти вскочила и быстро проговорила:
 - Да ты голоденъ, я вижу, что же это я!..
- Угадали вы, милая тетушка: я въдь двое сутовъ не спалъ и ничего почти не влъ.

Схвативъ меня подъ руку, она увела меня въ столовую, говоря со смъхомъ: Теперь ты отъ меня не убъжишь!

На большомъ вругломъ столѣ возвышался випящій самоваръ и разложены были разныя печенья и завуски, колодныя и горячія; нѣсвольво разнаго вида бутыловъ поставлены были группою на серединѣ стола. Тетушка сейчасъ же подвинула во мнѣ стулъ, на воторый я усѣлся слишкомъ торопливо, быть можетъ, между тѣмъ какъ глаза мои не вполнѣ прилично, важется, устремлены были на аппетитныя блюда, запахъ воторыхъ возбуждалъ во мнѣ почти ликорадочную дрожь нетерпѣнія. Съ замѣчательною поспѣшностью и ловвостью наклавъ мнѣ на тарелку котлеть, добрая старушка съ удовольствіемъ слѣдила за моментальнымъ ихъ уничтоженіемъ. Долженъ сознаться, что я былъ до невѣжливости невнимателенъ къ ея вопросамъ, которыми она меня не переставала засыпать, отвѣчаль на нихъ лаконически и часто невпопадъ.

- Вы правы... Это върно... Не помню... Да, да, ma tante... Неужели?.. Отлично помню... Тогда я еще спугнулъ птипу...
- Выпей рюмочку наливки, хорошая наливка, приглашала она, наливая рюмку.

- Да, да... я люблю... особенно если прибавить хрвну со сметаною.
- Что ты, Жоржъ, его же пьеть наливку съ хрвномъ! расхохоталась старуха.
- Ой, простите, я не то... я другое. Но я, милая тетушка, совсёмъ не пьющій; воть стаканъ чаю выпью съ удовольствіемъ, только позвольте мив еще попробовать воть этого звёря.
- Ахъ, миленькій, кушай на здоровье, только это не звірь, а куропатка.

Куропатна оказалась невообразимо вкусною.

- Знаете ли, ma tante, въ Петербургъ, у Дюссо, за такую штуку рубля три сдерутъ, а то и больше, только не съумъютъ такъ приготовить. Куда имъ!
 - Ну, такъ кушай же, кушай!

Но извъстно, и древніе писатели свидътельствують, что вушать можно лишь до извъстныхъ предъловъ. Я быль сыть, хотя и не до послъднихъ предъловъ, о которыхъ упоминають древніе мыслители, но вполив достаточно для порядочнаго человъка новъйшей эпохи. Однаво, туть произошла новая бъда: старуха видимо желала продолжать разговоръ до безконечности, а у меня стали слипаться глаза. Всесильная потребность сна послъ двухъ ночей безсонницы, проведенныхъ въ ваговъ, вдругъ, несмотря на всъ мон усилія бороться съ нею, овладъла всъмъ моимъ существомъ, и это не ускользнуло отъ вниманія доброй старушки. Она поднялась, протянула миъ руку, которую я кръпко поцъловалъ, и подвела меня къ дверямъ сосъдней комнаты.

— Ты спать хочешь, я вижу; воть для тебя комната, — проговорила она съ сердечною улыбкою, прибавивъ въ видъ извиненія, что раздъваться я долженъ буду самъ, такъ какъ мужской комнатной прислуги она не держить.

Подвловавъ еще разъ обв руки доброй старушки въ знавъ искреней благодарности за такое вниманіе ен ко мнв, я вбв-жаль въ комнату и сейчасъ же раздвлся. Выставивъ нечищенные двое сутокъ полусаножки за дверь (авось замвтять!), я сдунуль севчу, бросился въ мягкую кровать и почти мгновенно заснуль крвпчайшимъ сномъ. Проспаль я, не перемвняя позиціи, до девяти часовъ утра. Желая подняться съ кровати, я неосторожно толкнуль стоявшій у изголовья стуль, и въ ту же минуту дверь открылась и въ комнату вбъжала шустрая дъвчонка лътъ десяти, неся на чайномъ поднось... мои почищенные полусаножки! Бросивъ подносъ съ ними на стуль, она мгновенно убъжала, сверкая пятками...

Эта оригинальная сцена, продолжавшаяся нъсколько секундъ, разсмъшнла меня до слезъ; но для меня было ясно, что я очутился въ совершенно отдъльномъ міръ, съ особыми понятіями, привычками, нравами и обычаями, не имъющими ничего общаго съ условіями сколько-нибудь культурной жизни. Плохо. Къ крайнему моему огорченію, я узналъ еще вчера отъ тетушки, — и теперь невольно вспомнилъ, — что она вовсе не выписываетъ никакихъ газетъ, ни журналовъ, ни внигъ. Боже мой, что же я стану тутъ дълать?..

- Пробовала выписывать, другь мой, пробовала,—извинялась она,—но ничего не вышло: газету доставляли мий въ невозможномъ видй, по ийскольку номеровъ разъ въ недёлю или въ двй недёли,—ну, я и бросила. Газету-то выписывала я маленькую, сочиняемую тамъ у васъ въ Петербургй генераломъ... генераломъ...
 - Генераломъ Дитятинымъ?
 - Нътъ, иначе какъ-то...
- Знаю. Газета хорошая и, главное, по цён**ё—дешевле** пары калошъ.

"И въ первый разъ въ жизни моей я былъ бы душевно радъ даже и такой газетвъ",—невольно подумалъ я про себя.

Пока и одъвался, меня занималь и мучиль вопросъ: зачъмъ эта милая старушка, за-живо похоронившая себя въ безпробудной глуши, меня въ себъ приглашала, что ей нужно отъ меня и долго ли мий придется здёсь промучиться? Все меня окружавшее поражало своею странностью, какою-то примитивностью, чуждою и непривычною для меня. Эта, напримъръ, Параска, истинное дитя природы, т.-е. деревенская дура, закрывающая себъ глаза ладонью, чтобы не взглянуть на незнавомаго ей человъва, котораго она "соромится", --быть можеть, очень мила въ своей наивности и дикости, но жить среди такихъ примитиввыхъ людей едва ли можетъ доставить большое удовольствіе. Или этотъ пастукъ въ роли кучера, въ невозможномъ костюмъ, исвренно удивляющися тому, что "панычъ" ничего не понимаеть и даже того не знаеть, что служить "за-діда" значить "караулить баштанъ"... И въдь вся внушительность моей столичной физіономіи не производить на этого болвана вовсе нивакого впечатавнія, и на всю мою фанаберію онъ просто, какъ говорится, наплевать хотель... Это было бы, пожалуй, даже обидно, еслибы не было такъ комично, а все вивств-дико и скучно.

Въ столовой ждала меня тетушка къ чаю. Милая старушка, въ съромъ шерстяномъ платьъ, съ черной кружевной наколкой

на бёлой голове, съ отложными воротничками снёжной бёлизны и такими же нарукавчиками, была очень симпатична. При дневномъ свёте лицо у нен показалось мей желте и морщинисте и вся она гораздо старе. На вопросъ, какъ мей спалось, я отвёчалъ, что, благодаря окружавшей меня тишине, спалъ я какъ убитый.

— Впрочемъ, это потому только, что сряду двое сутокъ я не спалъ, но думаю, что безъ врайней усталости я не могъ бы вовсе заснуть, благодаря именно этой невозмутимой тишинъ, въ которой нужно привывнуть. И сважите мнъ, милая тетушка, отчего у васъ тутъ такое всюду безлюдье? Отъ станціи, напримъръ, до самаго хутора я встрътилъ только одного человъка, какого-то жалкаго еврея-стекольщика, а больше ни души?

Старука улыбнулась.

— Но въдь теперь зима, —всъ сидять и работають по домамъ. Весною и лътомъ, вогда народъ выходитъ на полевыя ра-боты, картина совершенно мъняется. Уголъ нашъ глухой, но едва ли не самый населенный въ увздв и даже въ губернів. Къ сожалънію, очень многіе начинають бросать хозяйство и деревню, ища занятій и заработвовъ по городамъ, больше всего по поводу семейныхъ раздёловъ, ссоръ и дракъ, а то еще больше по врайней бёдности. Жаль, что у насъ тутъ нётъ по близости нивакихъ фабрикъ и заводовъ, гдъ наши бъдные сельчане могли бы найти какой-нибудь заработокъ, въ которомъ они такъ нуждаются. Нынъ всъ, особенно молодежь, только и грезять о томъ, какъ бы бросить опостылъвшее хозяйство и уйти куда бы то не было, на вольные заработки. Даже моя Параска, не въ чемъ не нуждающаяся и никогда не бывавшая въ городѣ—до увзднаго города отсюда верстъ пятьдесять -- спить и думаеть о томъ, какъ бы уйти въ городскія няньки, горничныя и т. п. Ее соблазняють деревенскія подруги, побывавшія въ городів и разсказывающія, что тамъ "купцы, молъ, сидять въ лавкахъ и про-дають ленты и леденцы", но что всего интереснве—"молодые яхфицеры тамъ на лошадяхъ скачутъ, а солдаты на трубахъ трубятъ"... Весело! Впрочемъ, удивляться тутъ нечему, изъ деревни бъгутъ всъ, бъгутъ и наши дворяне и хуторяне. Повъришь ли, на сто версть въ овружности только немногіе пом'вщиви и хуторяне сидить дома и ведуть хозяйство, громадное же ихъ большинство побросали насиженныя мъста и родовыя имънія, продавъ или сдавъ ихъ въ аренду кулавамъ, и расползлись какъ тараканы въ разныя стороны.

— Но вуда же?

- Да вто ихъ знаетъ? Кто въ авцизные чиновники, вто въ вондувтора или контролеры на желъзную дорогу, вто на иныя казенныя должности, а дамы и дъвицы—которая въ учительницы, которая въ кассирши разныя и конторщицы... Однако, больше всего разъъхалось ихъ по разнымъ окраинамъ, т.-е. больше мужчины. Прошу не шутить: изъ нашей непочатой глуши вышло ве мало цивилизаторовъ, ассимиляторовъ и насадителей для водворенія на окраинахъ культуры и порядка...
- Хорошо!.. Но, разнеся по овраинамъ культуру и цивилизацію и снабдивъ ими окраинныхъ аборигеновъ, ваши господа хуторяне возвращаются въдь домой, въ роднымъ пенатамъ?
 - Ну, нътъ, совсвиъ этого не видно.
- Это ужъ нехорошо... Видите ли, милая тетушка, цивилизація, воторою снабжають ваши хуторяне аборигеновъ окраинъ, - дъло хорошее и патріотическое; но въдь вы сами сказали сейчась, что вашъ благодатный уголъ пустветь и глохнеть отъ усиленнаго экспорта мъстной культуры... Продать родное гнъвдо кулаку!.. Сдать въ хищническую аренду!.. Нътъ ничего легче, но такою внутреннею политикою самый цвётущій родной край въ короткое время можно превратить въ пустыно... Вотъ, напримъръ, я разсчитывалъ провести у васъ время весело, подълать визиты сосёдямь, завязать знакомства, ухаживать за красавицами, взросшими подъ свнью сирени и жасминовъ и вскормленными нефальсифицированными продуктами сельскаго производства, - обстоятельство весьма важное. Долженъ сознаться, что у лучшаго петербургскаго портного ваказанъ былъ мною великольпевишій смовингь со всьми другими принадлежностями щегольского костюма. А новая дюжина галстуховъ-просто ума помраченіе. И все это напрасно. Знаете ли, тетушва, я возлагалъ громадныя надежды вавъ на этотъ смовингъ, тавъ особенно на нъсколько фигуръ въ "па-де-катръ", вполнъ новыхъ и оригинальныхъ, нарочно изученныхъ мною, совершенно увъренный въ успъхв и побъдъ, а вышло, что я собрался на войну противъ несуществующаго противника, -- это хуже всякаго пораженія. Благодарю васъ покорнейше, — на сто версть въ окружности ни одного интеллигентного семейства! Не отвалывать же мнъ трепава съ вашею Параскою, надушившись тончайшими "Violette de Parme" или "Triple extrait de peau d'Espagne"... Ну, не правъ ли я, добрая тетушка, утверждая, что безъ сельской интеллигенціи деревна-глухая могила?

Старуха согласилась, грустно улыбансь, что я вполив правъ.

Медленио и скучно проходили дни за днями. Въ ясную и моровную ногоду, после ранняго деревенскаго обеда, когда тетушка уходила въ свою спальню отдохнуть, я отправлялся гулять по дорогв-аллев, ведущей нь большому провзжему тракту. Всякій разъ меня сопровождали дві веселыя дворняжки, очень своро во мев привывшія. Онъ обывновенно ждали уже меня у крыльца въ обычный часъ, радостно встречали мое появленіе на врыльць, и затымь быстро, перегония другь дружку, мчались къ воротамъ, гдъ опять меня поджидали и, убъдившись въ моемъ намбреніи отправиться именно въ аллею, съ лаемъ мчались дальше, а въ аллей опять оглядывались и опять поджидали. Особенно любилъ я одну изъ нихъ, необыкновенно забавную лохматую, вличной "Жгутъ", съ острыми ушами и обрубленнымъ хвостомъ; но и другая, пестрая собачка, побольше ростомъ, кличкой "Лыска", тоже была очень забавна и жива. Онъ сопровождали меня всякій разъ въ монхъ прогулкахъ и-странное дъло-очень дорожили монмъ въ нимъ вниманіемъ. Если одна бросалась во мив, обнимала лапами мон волени и я гладиль ее рукою по мордъ, другая сейчасъ же и непремънно дълала то же самое, требун для себя того же доказательства дружескаго расположенія въ ней съ моей стороны. Мив было веселве, я былъ не одинъ среди овружавшей меня мертвенной тишины и без-RAKOIK.

Однажды, хотя погода стояла ясная и тихая, я не чувствовалъ расположения въ прогулкъ и, по уходъ тетушки въ спальню, гдъ она послъ объда всегда любила отдохнуть полчасика, остался одинъ. Шагая по комнатъ, я заинтересовался нъкоторыми портретами, развѣшанными по объимъ сторонамъ зервала, въ шировомъ простенве между двумя окнами. Между этими портретами вниманіе мое обратиль одинь, акварельный, изображавшій врасиваго молодого человъва. Это быль молодой гусарь, - "усъ длинный и довольно черный, словомъ-идеалъ дъвицъ, одно изъ славных русских лицъ", - припомнилъ я невольно стихъ Лер-Ронтова. Действительно, усы у гусара были великоленны. И не подлежало сомевнію, что это быль одинь изъ самыхъ "опасныхъ сердцевдовъ", о чемъ свидетельствовали, между прочимъ, нъсколько прищуренные глаза и самоувъренная улыбка, придававшіе всей физіономін выраженіе отвровенности и отваги. Глядя на него, тавъ и вазалось, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ лукаво подмигнеть однимъ глазомъ... Въ обществъ мужчинъ любилъ онъ, безъ сомивнія, здорово выпить, подчасъ метнуть направо и налево, а въ провинціальномъ трактире или клубе.

при случав, учинить скандалиссимусь,—словомъ, это быль, что называется, милый "шалунъ"... Денисъ Давыдовъ воспълъ предвовъ этихъ исчезнувшихъ уже нынъ "шалуновъ" въ слъдующемъ стихотвореніи:

Гдё друзья минувших в вть, Гдё гусары коренные, Предсёдатели бесёдь, Собутыльники драгіе. Дёды, помню васт и я, Испивающих ковшами (!) И сидящих вкругь огня Съ красносизыми носами, и т. д.

Дъло ясное, что фраза "испивающихъ ковшами" есть гипербола, втиснутая поэтомъ-гусаромъ въ стихъ для риемы съ "носами"; тъмъ не менъе, молодой гусаръ, передъ портретомъ котораго я стоялъ, былъ прямымъ потомкомъ этихъ "коренныхъ" гусаровъ и несомнънно принадлежалъ къ числу товарищей и собутыльниковъ единственныхъ и невамънимыхъ.

Всмотрѣвшись ближе въ портретъ, я замѣтилъ внизу выцвѣтшую, но еще вполиѣ разборчивую подпись—такую: "Корнетъ М. Загривинъ 15 мая 1854 года".

"Вотъ, — подумалъ я про себя, — тема готова, можно будетъ поговорить съ тетушкой, вызвать въ ней воспоминания о далекомъ прошломъ, расшевелить старуху. Всё эти портреты говорять же что-нибудь ея уму и памяти, и, быть можетъ, мив удастся выслушать много интереснаго и занимательнаго, какъ вчера, когда она мив разсказывала о своихъ отношенияхъ къ покойнымъ моимъ отцу и матери"...

Въ углу вомнаты стояло старинное фортеніано, длинное и узвое, окрашенное въ желтую краску, но на черныхъ и тонкихъ ножкахъ, — вещь положительно археологическая, нигдѣ нынѣ не встръчаемая. Крышка на клавіатурѣ украшена была перламутровыми инкрустаціями, изображавшими амуровъ съ крылышками въ разныхъ позиціяхъ, а на верхней доскѣ лежали кипы нотъ, до которыхъ, видно, давно-давно уже никто не дотрогивался... Одна изъ тетрадей оказалась писанною, — это были какіето романсы. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ разобрать подписанный выцвѣтшими уже чернилами, подъ нотными знаками, текстъ нѣкоторыхъ романсовъ. Въ кипѣ тетрадей оказался также небольшой томикъ въ бархатномъ и тоже выцвѣтшемъ переплетѣ. Это былъ томикъ "Греческихъ стихотвореній" Щербины. Когда

я раскрымъ томикъ, изъ него посыпалась тонкая и ъдкая пыль. Страница раскрымась на стихотворенія:

> "О, не тронь ее, Арвасъ, молю я. То въ распуколкахъ розовый кустъ, Не пали же огнемъ поцълуя Этой утренней свъжести устъ"...

Подъ втой строфой можно было разобрать написанную цвётнымъ карандашемъ, тоже почти выцвётшимъ, такую сентенцію: "Не согласёнъ ибо для чево же красота сущиствуетъ". "Что-жъ, подумалъ я,—философія не хуже правописанія,—но почеркъ миё показался какъ будто знакомымъ. Да, это вёрно: сентенція написана тёмъ же неровнымъ и почти полудётскимъ почеркомъ, что и подпись подъ портретомъ "сердцеёда"... Вотъ оно что! Ну, милая тетушка, общирный у насъ съ вами будетъ разговоръ...

Я почти обрадовался своей находить, живо привель тетради въ прежній порядовъ и, отдёливъ томикъ, устелся съ нимъ на диванть, въ ожиданіи появленія тетушки.

Она ве замедлила явиться.

- Хорошо отдохнули, тетушка? А я, вотъ, нашелъ у васъ на фортепьянахъ, между нотами, этотъ маленькій сборникъ стихотвореній и зачитываюсь ими. Меня заинтересовала еще рукописная тетрадь съ романсами, но, къ сожальнію, чернила выцвъли, и я съ трудомъ могъ разобрать только нъсколько строфъ. А видно, хорошіе романсы...
- Гдъ? Какіе? спросила она, позъвывая со сна и закрывая уста платкомъ. Взглянувъ на поданную ей мною тетрадь, она замътила съ улыбкою:
- Эти романсы передъ врымскою войною считались самыми модными, ихъ распъвала тогда вся русская молодежь...
 - И вы тоже, тетушка?
 - Какой ты любопытный!.. Ну, конечно.

Взявъ изъ рукъ ен тетрадь, я сталъ медленно читать, собиран слоги, раздёленные по нотамъ:

На зарѣ ты ее не будв, На зарѣ она сладво такъ синть, Утро дышеть у ней на груди, Ярко пышеть на ямкахъ данить...

— Да вёдь же это прелесть!.. Авторъ этого романса положительно понималь толкъ въ поэзін,—это очевидно. Особенно

хороши эти "ямки", пышущія на ланитахъ при яркомъ сіянів золотого утра, и будь я живописецъ, я бы сейчасъ же изобравилъ эти ямки кистью. Какъ жаль, что невовможно разобрать дальше... Не помните ли, тетушка, какъ картина эта разрисована поэтомъ дальше? Ахъ, это любопытно...

- Не помню, отвъчала она полушутливо, опершись щевою на ладонь и глядя съ улыбвою на меня.
- Неужели такъ-таки и забыли? Не помните ли, по крайней мъръ, хоть напъва, добран тетушка?
 - Не помню, отвъчала она, не переставая улыбаться.
- Ну, позвольте же, я самъ добьюсь какъ-нибудь по ноткамъ.—Отбивая рукою тактъ, я запълъ:

Тру-ля-ля-ту-ти-та-фю-ю-ю...

- А вотъ и врешь, совсёмъ не такъ! прервала она, смёлсь. Она была въ прекрасномъ расположени духа. Быть можеть, въ эту минуту въ воспоминани ел промелькнули далекіе юные годы, съ ихъ поэзіей и дёвичьими снами...
- А, вотъ что! почти вскричалъ я: вы, значитъ, вспомнили, не забыли, а только не хотите, вотъ вы какія! Ну, прошу васъ, спойте мит этотъ прелестный романсъ, присталъ я, цтлуя ея руку: мит такъ хочется послушать, какъ птли до-Крымскія барышни...
 - Отстань, сумасшедшій!
- Такъ я постараюсь обойтись безъ вашей помощи и попробую на фортепіано,—клавиши не совруть.

Говоря это, и подошель въ влавіатурт и съ немальны трудомъ приподняль врышку, очевидно давно нивъмъ не открывавшуюся, причемъ одинъ амуръ отвалился и звявнуль на полъ, а изъ-подъ влавишей выскочила мышь и мгновенно вуда-то скрилась. Къ врайней моей досадъ, ни одинъ влавишъ не дъйствовалъ... Выходили изъ-подъ нихъ вакіе-то шипящіе и глухіе звуки, напоминавшіе разбитый барабанъ, по которому колотять полъномъ. Дъло надобно было бросить.

Старуха хохотала; ее забавляла моя неудача.

Нисволько не смущаясь, я перевернуль страницу и сталь вчитываться въ другой, следующій романсь.

- Превосходно! вскричалъ я, вскакивая: отлично!..
- Что тамъ еще такое?
- А вотъ прошу послушать:

Люди добрые, внемлите Печали сердца моего, Скорбь мою вы всё поймите, Груство жить миё безъ него. Онъ меня разлюбиль...

дальше невозможно было равобрать.

- Теперь я и безъ музыки легко могу вообразить, какимъ своропалительнымъ темпомъ текла жизнь въ до-крымскую эпоху. Помилуйте, сейчасъ было "дышущее на груди утро" и вслёдъ затемъ, тутъ же, на другой странвив: "люди добрые, спасите"!.. Совсёмъ неожиданно! Но знаете ли, милая тетушка, мий нравится эта экспансивность молодой до-крымской дёвушки, приглашающей "всёхъ добрыхъ людей" вникнуть въ ея положеніе, и, съ своей стороны, я охотно впикаю. Но зачёмъ она, бёдная, вёрная ему?.. Неужели она не знала, что нашъ братъ, мужчива, частенько оказывается порядочнымъ прохвостомъ во многихъ отношеніяхъ?
 - А ты самъ развъ лучше другихъ?
- Я?.. Я—лучше. Могу даже васъ увърить, что ни разу еще я не былъ и влюбленъ надлежащимъ манеромъ.
 - Ну, а не надлежащимъ манеромъ?
- Что жъ, скажу вамъ правду: былъ увлеченъ... Особенно заинтересовала меня недавно одна премилая блондинка, съ чудними голубыми глазами и роскошными пепельными волосами... Атъ, какъ мив вравятся такіе типы! Я встрвчался съ нею у общихъ знакомыхъ и близокъ къ ней не былъ, а вскорв потомъ потерялъ ее изъ виду. Почти въ одно время познакомился я, тоже у знакомыхъ, съ великоленною шатэнкою, томною и мечтательною, на устахъ милая улыбка, глаза съ поволокою... Ахъ, тетушка, такіе типы тоже очень-очень мив нравятся. Но она вишла замужъ за генерала какого-то, который увезъ ее куда-то въ крепость, гдв состоить комендантомъ. Затёмъ, и тоже почти въ одно и то же время, я былъ представленъ одной брюнеткъ, съ богатвящею шевелюрою, матово-блёднымъ лицомъ и огненными глазами, которые... ну, знаете... такіе глаза на меня всегда двйствують обаятельно...
- Ну, братъ, я вижу, что на тебя обаятельно дъйствуютъ всв масти и колера, притомъ одновременно! — расхохоталась старуха.
- Поввольте, вы ловите меня на словахъ, но я могь въдь выразиться не точно, да и сказалъ я не "одновременно", а "почти одновременно".

- Будто это не все равно?..
- Нът, позвольте, туть необходимы положительныя доказательства, какія имъются, напримъръ, у меня относительно вашихъ вкусовъ, когда вы были юною дъвицею. Долженъ вамъ доложить, что, по имъющимся у меня подъ рукой документамъ, я пришелъ къ безошибочному ваключенію, что на васъ, въ юные ваши годы, обаятельно дъйствовали... усы масти вороньяго крыла, не такъ ли?
- Откуда ты это взяль? быстро спросила старушка, ивсколько оживившись.
- Откуда?.. А поввольте васъ спросить, кого изображаеть этотъ вотъ портретъ и откуда вы его раздобыли?
- A, вотъ что! Ну, портреть изображаетъ того, кто на немъ изображенъ...
- Върно. Но вто *онз* такой и какимъ образомъ портретъ этотъ очутился здъсы, и еще на самомъ почетномъ мъстъ, позвольте спросить?..
 - А вотъ и не сважу! отвъчала она, шутливо улыбаясь.
- Прекрасно, но въ такомъ случать я оставляю ва собою право догадовъ и предположеній, какія мит угодно...
- Послушай, Жоржъ, почему ты обратилъ вниманіе именно на этотъ портретъ, а не на иной вакой-либо, тутъ ихъ въдъ много? Это меня очень, очень интересуетъ. Это... это въдъ мой женихъ.
- Вотъ что!—отвъчалъ я, удивленный неожиданнымъ открытіемъ:—женихъ? Простите, милая тетушка, отвуда же я могъ это знать? А обратилъ я вниманіе на этотъ именно портретъ потому, что изображенный на немъ молодой человъкъ очень красивъ, положительно можно сказать—красавецъ.

Старуха нъсколько минутъ хранила задумчивое молчаніе.

- Да, онъ быль врасивъ, но сколько горя изъ-за него я перенесла... Безумно я его любила, хотя всѣ были противъ него, всѣ—отецъ и мать, у которыхъ я была единственною дочерью, всѣ родные и знавомые, и даже твой повойный отецъ, бывшій тогда еще молодымъ холостявомъ, всѣ нападали на бѣднаго моего Мишу,—всѣ, говорю, нападали на него, всѣ говорили, что онъ кутила и буянъ, что не быть мнѣ съ нимъ счастливой; но я нивого и ничего не слушала... Какъ я его любила, какъ любила!..
- Что жъ, неудивительно, красавецъ-мужчина; но чѣмъ же дѣло-то кончилось? допытывался я тономъ и явыкомъ судебнаго слѣдователя.
 - Назначенъ былъ уже день свадьбы, и вдругъ приказано

было ихнему полку сію минуту выступить въ походъ, — война в'йдь тогда была. Тогда-то я и получила оть него этотъ портретъ. Пошелъ онъ на войну, и очень своро, въ первомъ сраженів сложилъ буйную свою голову.

- Убить?
- Наповаль.
- Этимъ все свазано, и простите мей, дорогая тетушка, если я неосторожно про него что-нибудь свазалъ или подумалъ.
- Но вёдь ты ничего... Пойдемъ чай пить! проговорила она, поднемаясь и утирая кончикомъ платка старческія свои слезы: за чаемъ и разскажу тебё подробно всю эту печальную исторію...

III.

Гости.

Усъвшись у внакомаго уже намъ круглаго стола, на которомъ випълъ ярко вычищенный самоваръ, тетушка принялась подробно разсвавывать свою "печальную исторію". Признаюсь, исторія эта не особенно меня интересовала. Когда челов'якъ убить, то наван же туть еще исторія? Кончено, значить, все; но я молчаливо слушалъ длинный разсказъ... Вдругъ, неожиданно, донеслись со двора звуки бубенчиковъ: очевидно, кто-то прівхалъ. Видно было, что посъщенія посторонних виць были здісь очень ръдки, потому что старуха сейчасъ же прервала свой разсвазъ, стала вслушиваться и-мей повазалось-встревожилась, даже обевновонлась. Поднявшись изъ-за стола и предложивъ миъ остаться на мёстё, она вышла, чтобы встрётить нежданнаго гостя или гостей, и вскорт вернулась въ сопровождении пожилого мужчины громаднаго роста, съ длинными хохлацкими усами и безпорядочной вопною сёдыхъ волосъ на голове, въ серомъ не то сюртувъ, не то полу-пальто вакомъ-то.

— Рекомендую моего племянника, прівхавшаго изъ Петербурга нав'ястить меня, старуху, а теб'я, Жоржъ, рекомендую сос'яда, но р'ядкаго гостя, господина Чуприненко.

Старивъ протянулъ мнв громадную и жесткую руку, дополнивъ рекомендацію тетушки твиъ, что назвалъ свое имя и отчество: — Иванъ Яковлевичъ.

Ръдвій гость, г. Чуприненко, возвращался въ себъ на хуторъ възъ города, куда онъ тадилъ по своимъ дъламъ, и заталъ переночевать, потому что къ ночи слъдуетъ непремънно ожидать снѣжной метели, опаснаго въ этихъ мѣстахъ "бурана", въ чемъ онъ, кавъ мѣстный старожилъ, нисколько не сомнѣвался. И дѣйствительно, на дворѣ уже начала завывать выога и встряхивать оконными ставнями.

Пова г. Чуприненко разговариваль съ тетушкой, приказавшей, между тёмъ, Параскё подать къ чаю наливки и закусокъ, я внимательно всматривался въ суровую физіономію оригинальнаго гостя. И ничего-то я не разгадаль и никакъ не могь опредълить—очень ли серьезенъ по натурё, сердить ли, или очень ужъ уменъ г. Чуприненко. Во всякомъ случай, я рёшиль держать себя поосторожнёе, отнюдь не симпатизируя, съ людьми, обладающими такими холодными и грубыми физіономіями. Потомъ я убёдился, что г. Чуприненко—прекрасный человёкъ, неудобный иногда только развё тёмъ, что любилъ онъ прямо говорить всёмъ въ глаза "правду-матку", не стёсняясь въ выраженіяхъ... Говорилъ онъ густымъ басомъ и могъ бы быть превосходнымъ протодіакономъ.

— Не слышно ли тамъ, въ городъ, чего-либо про войну? — обратилась тетушка къ гостю.

Въ глухихъ деревняхъ первый вопросъ, обращенный къ свъжему человъку, всегда про войну.

— Какъ не слышно, —отвъчалъ Чуприненко своимъ густымъ басомъ, — не только слышно, но ежедневно происходятъ тамъ, по трактирамъ и въ клубъ, война и мордохлёстъ за картами, особливо ежели народъ выпившій, ну —а про настоящую войну ничего не слышно. Исправникъ бы сказалъ, коли бы что-нибудь... А притомъ есть примъта... У насъ, — обратился онъ во мнъ, — у насъ, деревенскихъ жителей, на все имъются свои примъты, по нимъ мы привыкли угадывать ясную погоду и ненастье и разныя другія явленія природы; —такъ вотъ я говорю, —онъ опять обратился къ тетушкъ, —есть несомнънная примъта, что войны не будетъ: на дняхъ жена акцизнаго надзирателя убъжала съ ротнымъ командиромъ... Передъ походомъ онъ не осмълился бы отлучиться изъ полка, на этотъ счетъ у нихъ строго... Войны очевидно не будетъ, —заключилъ онъ вполнъ серьезно.

Въ душъ я призналъ всю безошибочность подобной примъты и чуть-чуть было вслухъ не расхохотался, глядя на тетушку, которая еще сильные должна была почувствовать вырность этой примъты и правильность умозавлючений Чуприненка...

Вьюга на двор'в разгулялась и свир'в пствовала съ непонятною для меня силою. Въ первый разъ въ жизни случилось мить слышать такіе вопли ея и завыванія, удары хлопьевъ сивга въ ставни, брошенных в порывами бури, глухой гуль въ печной трубе... Не дай Богь быть застигнутым въ дороге въ такую погоду,—истинный шабашъ вёдьмъ.

Поспъшно и неожиданно вбъжала Параска и подала тетушкъ—миъ показалось—письмо или влочовъ бумажки, но это биль визитный билеть.

- Еще одинъ баринъ пріихавъ, торопливо доложила Парасва.
- Что такое?—спросила удивленная тетушка и передала билеть мив, прося прочесть, такъ какъ безъ очковъ она плохо ввлить.

На билеть значилось: "Халкедонъ Николаевичъ Шкура, надворный совътникъ и навалеръ".

- А-а, Халведоша! прогремвлъ Чуприненво: отвуда онъ?..
- Да вто же онъ такой?..—спросила старуха, ванъ будто это-то приноминая.
- Но вы, сударыня, внать его должны, еще у него, верстахь въ сорока отсюда, куторъ Пидсвинкино и служилъ онъ когда-то, помните, дълопроизводителемъ у Василія Петровича, нашего бывшаго мирового посредника, но былъ имъ прогнанъ за плутии и разныя художества.
 - Ахъ, да, да, припоминаю.

Старуха тяжело поднялась и вышла на встречу новому гостю, оставивъ меня одного съ Чуприненкомъ.

"Заговорить ли съ нимъ, или молчать,—раздумывалъ я про себя, глядя съ опасвою на громадную его фигуру.—Лучше не громать, а то въдь чортъ его знаетъ... А впрочемъ, чего же бояться?..."

- Однаво, какое странное имя—Халкедонъ! Въ первый разъ слышу... Неужели есть такое имя?—сказалъ я, отодвиган незамътно свой стулъ нъсколько подалыне.
- Вотъ подите же, а видно—есть, коли его такъ окрестили, нечего тутъ и спрашивать, — отвъчалъ Чуприненко, не глядя на меня.

Въ сущности, онъ былъ правъ и возражать ему было нечего, да и неловко, чортъ возьми. За дверью, между тъмъ, слышенъ былъ разговоръ, переплетаемый извинениями, съ одной стороны, за безпокойство и безперемонность, а съ другой—увърениями, что "очень приятно", "даже съ большимъ удовольствиемъ" и т. д.

Новый гость овазался старикомъ лътъ шестидесяти съ хвостикомъ, средняго роста, съ самою обывновенною физіономіей, вичъмъ ръзкимъ не отличавшеюся, только маленькіе глаза выражали постоянное безпокойство какое-то, но вийстй съ тймъ смышлёность и лукавство. Первое впечатлйніе: сблизиться съ нимъ было бы нежелательно, но наблюдать его со стороны— интересно. На немъ былъ порядочный черный сюртукъ, очевидно скроенный не ийстнымъ портнымъ, застегнутый на нижнія пуговицы; но изматый галстухъ и довольно грязные воротнички рубахи свидйтельствовали, что владілецъ Пидсвинкина очень мало былъ знакомъ съ привычками порядочныхъ людей, предпочитающихъ бёлье всегда чистое даже и при самомъ скромномъ платьй. Если во всему этому прибавить обнаженный черепъ, окаймленный по бокамъ и сзади коротко остриженными сёденькими волосами, и жиденькую, довольно плюгавенькую бородку, то получится полный портретъ Халкедона Никитича.

Какъ только тетушка со Шкурой показались на порогѣ, Чуприненко загремѣлъ своимъ густымъ басомъ:

- Халкедонъ Никитичъ!.. Здорово, пріятель, отвуда? давно ли пожаловаль въ родныя палестины?
- Извините, милостивый государь мой, я не им'йю чести васъ знать, или не могу вспомнить, память у меня сдёлалась слаба,—отвёчалъ Швура, остановившись, зам'ётно смущенный.

Мив повазалось, однако, что онъ сразу увналъ Чуприненва...

Тетушка усадила новаго гостя возлѣ себя у стола и предложила выпить съ мороза наливки и закусить. Гость не заставиль повторять просьбу, ловкимъ глоткомъ осушилъ большую рюмку красной жидкости и принялся закусывать.

- Ужъ вы меня простите за мою смёлость, многоуважаемая Аглая Михайловна, извинялся онъ, безъ васъ пришлось бы пропадать... То-есть, зги не видно; хлопья снёга, крутясь и свиста, залёпляють глаза лошадниъ и людямъ; а еще мужикъ попался мнё чрезвычайно глупый, и не будь аллеи, указывающей путь къ кутору, я бы пропалъ въ чистомъ полё...
- Видно, со страху и меня не узналъ, проговорилъ Чуприненко. — Правда, давненько-таки мы съ вами не видълись, съ той самой поры, поди, когда Василій Петровичъ...
- Со мною привлючилась въ такую же метель, когда я служилъ въ Семипалатинской области, преинтересная исторія...
- Постой—погоди!.. Съ той поры, я говорю, когда Василій Петро...
- Позвольте, исторія эта весьма любопытна, на меня напали тогда еще и разбойники, такъ что я вынужденъ быль отстръливаться изъ револьвера...

- Съ тъхъ поръ мы не встръчались, я говорю, когда Василій Петровичь, помните ли, прогналъ васъ со службы за плутни и разныя художества.
- Извините, милостивый государь, —проговориль измёнившійся въ лицё Швура, стараясь сохранить хладновровіе: давненько ужъ это было, и если и не узналь васъ, вавъ вы говорите, со страху, то позвольте миё вамъ сказать, что въ головё у васъ все перепуталось отъ давности. Со службы меня Василій Петровичь не прогоняль, а и самъ отказался служить съ намъ, кавъ съ челов'явомъ легков'ёрнымъ, дававшимъ в'ру всявимъ доносамъ и клеветамъ. А впрочемъ, кавое вамъ до всего этого дёло?..

"Коса нашла на вамень, —подумалъ я про себя: —любопытное столкновеніе".

- Ужъ будто сами отказались! возразиль Чуприненко спокойно и равнодушно: — будто вы не брали обманнымъ образомъ взятовъ съ мужиковъ, облыжно обнадеживая ихъ увеличеніемъ надѣловъ? Изъ-за этого-то и пошло, а въ головѣ у меня ничего не перепуталось. Помню.
- Плохо помните, —проговорилъ Швура: —и я прошу васъ оставить меня въ повов. Что вы во мив привязались?.. Да я и разговаривать съ вами не желаю.
- Не важно. А только вы говорите вздоръ, будто въ гомовъ у меня перепуталось; будьте покойны—не перепуталось.
- Знаете ли, Иванъ Яковлевичъ, что я позволю себъ сказать вамъ? Если память вамъ измъняеть, то, виъсто того, чтобы меня вря оскорблять, подумайте сами, какіе капиталы я могъ брать съ бъдныхъ и совершенно нищихъ муживовъ?
- Капиталовъ у муживовъ, точно, не водится, но вы брали не съ муживовъ, а больше съ бабъ, и брали вы не деньгами, а больше яйцами, утятами и другими статьями продовольствія.

Швура быстро вскочиль съ мёста, молча, въ возмущенномъ состояніи, сталь ходить по вомнать, заложивь руви за спину. Настало натянутое и томительное молчаніе. Было очевидно, что почтенный Халкедонъ Нивитичь опрометчиво вступиль въ бой неравный, что противнивь, опирающійся на фавты, быль сильне его еще и темпераментомъ. По натуре своей склонный принимать всегда сторону боле слабаго, я решился поддержать Халкедона Нивитича въ этомъ неравномъ споре.

— Поввольте мив, господа, высказать мое мивніе,—заговориль я спокойно и серьезно:—вы, воть, говорите—утята. Но, тожь VI.—Нояврь, 1902.

извините, какая же это взятка? Вёдь ихъ, утятъ-то, надобно еще кормить, а это ужъ прямой убытокъ, по моему митенію.

— Ахъ, правда, правда!— отозвалась тетушка добродушно, съ птицею всегда такая возня!..

Повидимому, добрая старушка, какъ опытная хозяйка, исвренно сожалёла о положении человёка, поставленнаго въ необходимость возиться съ утятами.

Конечно, почтеный надворный советникь не настолько быть глупь, чтобы не понять цёли и смысла моей непрошенной интервенціи. Онъ не могь не смекнуть, что весь непріятный спорь его съ Чуприненкомъ, перешедшій почти въ ссору, мнё хотелось превратить въ шутку и дать всему разговору иное направленіе. Онъ чуть замітно улыбнулся и, махнувъ рукой, подошель къ столу и усёлся на прежнее місто. Наливъ себі въ чайный стаканъ наливки, онъ осущиль его энергически; глаза у него засвітились, на лбу выступило красное пятно...

— Гдъ это вы научились наливку стаканами пить? — спросилъ невозмутимый Чуприненко: — это по-польски или по-чухонски?

Швура даже не взглянулъ на него и, попросивъ у тетушви извиненія, сталъ закуривать сигару, по запаху оказавшуюся довольно скверною. Вскоръ онъ и бросилъ. Послъ короткаго молчанія, онъ неожиданно обратился къ Чуприненку и проговорилъ полушутя:

- Это—по-валмыцви. Научился я этому, благодаря вашему мужицкому апостолу и пророку, Василю Петровичу.
 - То-есть, какимъ же это образомъ? не понимаю.
- Вы знаете все, такъ должны знать также, что послѣ ссоры моей съ Василіемъ Петровичемъ...
 - Ну, какая же это ссора!
- Послё этой ссоры, я очень долго оставался безъ мёста, котя разослаль въ разныя стороны до десяти прошеній. Только спустя долгое время получиль я назначеніе, отличное назначеніе!.. Мнё предоставлена была должность полицейскаго пристава въ одномъ калмыцкомъ улусё, съ жалованьемъ по тристадвадцать-восемь рублей пятьдесять-четыре съ половиною копйекъ въ годъ. Тогда вотъ я послаль Василію Петровичу благодарственное письмо за его поступокъ со мною, —пускай, думаю себъ, порадуется. Долженъ вамъ одно сказать, продолжалъ Шкура, обращаясь къ тетушкъ, —проходилъ я потомъ разныя и, могу даже сказать (туть онъ опять наполнилъ себъ стаканъ наливкою), самыя разнообразныя должности, и въ какихъ только

мъстахъ, на вакихъ окраннахъ ни побывалъ, но такихъ идоловъ, какъ эта калмыцкая голь, не видывалъ. Повърите ли, что приходилось иногда по цълымъ днямъ оставаться безъ пищи или довольствоваться кускомъ кобыльей подбрюшины, поджареннымъ слегка на кизякъ.

- Вкусно? спросиль Чуприненко.
- А вы бы сами попробовали...

Отвинувшись на стулъ, Чуприненво сердито проговорилъ:

- И въдь чортъ васъ знаетъ, чего вы ищете, вы и другіе, подобные вамъ, и зачъмъ гоняетесь по свъту! Въдь ваше Подсвинкино нисколько не меньше и не хуже моей Воробьевки, въ иныхъ мъстахъ у васъ земля даже лучше; а вотъ же я не сдаю своего хутора въ чужія руки, сижу постоянно дома, самъ работаю и, какъ видите, сытъ, одътъ и обутъ, и ъздить къ калмыкамъ, чтобы питаться кобыльей подбрюшиной, ничто меня не заставляетъ. Я не нищій, не канцелярскій пролетарій, у меня имъется собственность, но точно также она имъется и у васъ. Сидя дома, вы бы не питались кобылятиной.
 - Позвольте, я служу государству...
- Мы всё служимъ государству... Между нами только та разница, что я своимъ производительнымъ трудомъ на землё приношу государству пользу, упрочивая въ общемъ внутреннее его благосостояніе и силу, а вы эксплоатируете государство и наживаетесь на его счетъ, строча безполезныя бумаги. И пишущая бумаги братія нужна государству, но этой братіи наплодилось столько, что хоть караулъ вричи. Да и честно ли отнимать хлёбъ у людей, не имъющихъ ничего и въ немъ нуждающихся, всю свою молодость готовящихся въ чиновнической службъ?.. Мало ли этого народа?..
- Вы правы, пожалуй, этого народа много, даже безчисленное множество въ нашей матушев Россіи, но для государственной службы нуженъ и земскій элементь, вносящій смысль и оживленіе...
- — Кавой смыслъ? Развъ служба полицейскаго пристава въ калмыцкомъ улусъ — служба земская?..

Пвура поняль, что сказанное выс—вздорь и что Чуприненка не обойдеть пустыми и облыжными фразами. Отпивъ сразу полставана наливки, онъ замолчаль. Красное пятно разлилось у него по всему лбу и перешло на носъ. Шустрый старивъ видимо хмелёль, но не поддавался, подобно уличному мальчугану, въ одномъ изъ разсказовъ Глёба Успенскаго, пойманному на краже дровъ отставнымъ солдатомъ. Подброшенный имъ на воздухъ и огрѣтый полѣномъ, онъ все еще кричалъ, падая на землю: "Еще неизвъстно, кто кого!"...

Халкедонъ Никитичъ принадлежалъ, повидимому, къ категоріи тъхъ среднихъ русскихъ людей, которые, подъ вліяніемъ выпивки, чувствуютъ особенное влеченіе къ разговору "по-душъ", становятся искреннъе и откровеннъе. Не стъсняясь ни противоръчіями, ни компрометирующими фактами и подробностями, онъчувствовалъ себя расположеннымъ продолжать откровенный разсказъ о тъхъ переплетахъ, въ какихъ побывалъ, й о тъхъ трубахъ, огнъ и водъ, сквозь которые прошелъ на своей "службъ государству"... Хлебнувъ еще изъ стакана наливки, онъ устремилъ глава на Чуприненка и проговорилъ:

— Нуждаются иногда и въ нашемъ братв, — вотъ что я вамъ скажу. Продержали меня въ улусв не болве года и послали потомъ въ другое мъсто, на противоположную окранну имперіи... Стало быть, на что-нибудь Халкедонъ Никитичъ пригодился начальству!...

Веселая и даже радостная улыбка озарила лицо старика при этомъ воспоминаніи.

- Питаться вобылятиною больше не случалось. Зайдешьсебъ, бывало, —продолжаль онъ, —въ "ресторацію"; веселеньвая и миленькая паненка подасть тебъ ловко полендвицу или зразы, и еще скажеть съ улыбкою: "бардзо прошу", —ну, и поболтаешь съ ней въ шутку, если нивого тутъ нътъ изъ знакомыхъчиновниковъ.
- Но въдь въ обществъ знакомыхъ еще веселъе, —возразнаъ я, удивляясь странному замъчанию старика.
- Оно бы вазалось, что такъ, а между тъмъ... опасно! Донесутъ. Онъ, молъ, не ассимилируетъ, а самъ ассимилируется... Благоразумиве тогда вазаться какъ можно болъе серьезнымъ и громко приказывать по-русски.

Мы переглянулись молча съ Иваномъ Яковлевичемъ.

- Воть тоже въ Ригв, нельзя сказать, жизнь пріятная,—
 продолжаль старикь, на котораго воспоминанія эти дъйствовали,
 повидимому, очень возбудительно:—въ пивной или въ трактиръ
 подбъжить къ тебъ бъленькая и чистенькая нъмочка, въ цвътномь передничкъ:—"Васъ вюншенъ-ви?"—"Шнапсъ ундъ биръ,
 либе медхенъ",—скажешь, а потомъ:— "битте варме вурсть митъ
 воль ундъ кальбсбратенъ митъ копфсалять"... Чудесно!.. Даже,
 вотъ, по-нъмецки выучился болтать...
- Постой, Халкедонъ Никитичъ, какъ же это такъ? Въдь жалованье, въ самомъ дълъ, платили вамъ за то, чтобы вы за-

нимались обрусеніемъ, —возразиль Чуприненко, улыбаясь: — а вы, вивсто того, сами разговаривали тамъ по-ихнему? Хорошо это? Старивъ улыбнулся вавъ-то странно и махнулъ рукой.

- Да если нивто изъ нашихъ не видитъ и не слышитъ... Въдь важдый изъ насъ точно такъ же поступаеть; им боимся тольво другь друга, и взаимно другь друга ненавидимъ. Вы сами посудите: житья вёдь намъ нёть отъ насъ самихъ. Попробуйте добиться вавого-либо мъста, даже самаго пустяшнаго, и вы убъдитесь, что вездъ все переполнено до невозможности, и на важдую ванансію, даже на такую, которая еще только предполагается въ неопределенномъ будущемъ, являются сотни вандидатовъ. Повсюду у насъ идетъ настоящая война изъ-за м'естъ, и получить вавое-либо мъсто нынъ гораздо труднъе, чъмъ на войнъ, напримъръ, взять непріятельскую пушку или овладъть укръпленною позиціей. Я думаю, вскоръ никакихъ окраинъ даже не хватить, чтобы равывстить весь контингенть чиновничества, въ ужасающей прогрессіи изо дня въ день увеличивающійся. Я побываль вездь, переходи оть должности на должность, переселяясь изъ одной окранны въ другую, и вездъ встръчаль одно и то же: ожесточенную борьбу и конкурренцію изъ-ва м'ясть, наградъ, отличій и повышеній, но больше всего изъ-за куска жавба. Есть еще и русская пословица: "рыба ищеть, гдв глубже, а человъвъ -- гдъ лучше"; пословица эта выдумана, въроятно, чиновниками, которые въчно ищуть и стремятся туда, гдъ возможны лучшін условін службы, хоти сами же въ патріотическія газеты посылають жалобы: "вдали, моль, оть родины, оть всего близваго и дорогого сердцу, среди враждебнаго населенія"... Ха, ха, ха!.. И переходить, переселяются, добровольно и невольно, съ одной должности на другую, изъ окраины на окранну, взанино перетасовываясь и...
- "И щетиною свервая", прерваль я, но сейчась же члоправился:—виновать, я хотёль свазать—свервая стальными перьями...

Старивъ не разсердился, вавъ этого и ожидалъ, но вахохоталъ и почти вскочилъ отъ удовольствія.

- Вотъ это правда, истиная правда!—повторять онъ, не втереставая смёнться:—совершенно вёрно!..
 А воть что, спросиль вдругь Иванъ Яковлевичь: —
- А воть что, спросиль вдругь Ивань Яковлевичь: сколько прошеній разослали вы изъ улуса по окраинамъ, и книга съ адресами у васъ еще имъется?
- Какая книга?.. Никакой вниги у меня нътъ, да и за-

- Толкуй!.. У него, видите ли, продолжалъ Иванъ Яковлевичъ, обращаясь ко мнъ, — есть толстая книга, въ которую онъ вносить адресы всъхъ начальствующихъ лицъ во всей имперіи, и ведетъ имъ самую точную статистику.
 - Для чего же это?—спросиль я.
- А вотъ, вогда его прогонять со службы, онъ сейчасъ же и за одинъ разъ посылаетъ по почтв не меньше десяти прошеній разнымъ начальствующимъ лицамъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ и готовности жертвовать жизнью для блага службы и польвы отечества. И текстъ прошенія у него всегда готовъ: "Движимый, молъ, желаніемъ посвятить всё мои силы, какъ русскій человёкъ и патріотъ"...
- Вотъ ужъ нѣтъ! почти вскричалъ старикъ: прошеній моихъ вы не читали и не можете знать, какъ они мною пишутся, это ужъ вы напрасно!..

Онъ опять поднялся со стула и сталъ, пошатываясь, шагать по комнатѣ молча. Затронута была, очевидно, самая чувствительная струна въ старомъ служакѣ, который, по всей вѣроятности, признавалъ себя "бойкимъ перомъ"... Самолюбіе старика, очевидно, сильно было затронуто... И опять, думаю-себѣ, недоразумѣніе.

— Воля ваша, Иванъ Яковлевичъ, — проговорилъ я небрежно и вполнъ равнодушно: — но должны же вы согласиться, что, судя по вашимъ же собственнымъ словамъ, прошенія свои господинъ Шкура пишетъ хорошимъ слогомъ.

Старикъ прошелся еще раза два взадъ и впередъ по комнатъ и, остановившись предо мною, проговорилъ:

- Вы, вотъ, изволили выразить ваше миъніе, что прошенія мои я пишу хорошимъ слогомъ (самодовольная улыбка чуть замътно пробъжала по его устамъ),—но не въ этомъ суть дъла. Слогъ слогомъ, а дъло-то въ томъ, что не самому же вздить по окраинамъ съ своими прошеніями; посылать ихъ по почтъ проще и стоитъ дешевле и, притомъ, гораздо безопасиъе, нежели являться съ ними лично,—воть оно что.
- Поввольте, я не понимаю, какая же туть возможна опасность?—спросиль я, дёйствительно не понимая, о какой опасности можеть туть быть рёчь.
- Опасность очень возможна, во всякомъ случай возможна непріятность... Изволите видіть, посылаю я прошеніє; его должны получить, прочитать и записать въ реестръ входящихъ, а главное—прочитать. Конечно, всй меня ругаютъ, но это для меня все единственно-съ, ругайся себт сколько хочешь, а все-таки

случается, что изъ десяти посланныхъ прошеній одно оважется счастивымъ. А являться съ прошеніемъ лично, -- это ужъ игра иная. Тебя не хотять ни слушать, ни даже взглянуть на твое прошеніе. И, притомъ, туть еще не знаешь, на кого наскочишь, особенно если начальникъ, къ которому являешься съ прошеніемъ, военный генералъ. Они, военные генералы, не любятъ стёсняться съ нашимъ братомъ, мелкимъ чинодраломъ. Со мной быль воть какой случай. Было это тоже на одной изъ окраинъ. Должность у меня тогда была довольно плёвая, и мий желательно было перейти въ другое въдомство и получить лучшій овладъ. Приготовилъ я прошеніе, и въ пріемный часъ являюсь въ генералу. Въ первой комнать, въ которую я вошель прямо съ лъстницы, сидитъ молоденьній писецъ и строчить что-то. — Начался ли пріемъ? спрашиваю. Не глядя даже на меня, писецъ небрежно отвъчаеть, что-скоро кончится... Заглядываю въ дверь пріемнаго зала, а тамъ целая толпа-мещане, отставные солдаты, салопницы и всякая голь. Нъть, думаю, лучше подождать. Стою, жду и смотрю на выходящихъ, которые, значить, вручили уже или заявили свои прошенія. Когда пріемъ овончился, я-въ залъ, но на порогъ сталкиваюсь съ элегантнымъ молодымъ чиновникомъ, у котораго въ рукахъ цёлая кипа прошеній.— "Куда вы?—спрашиваеть онъ:—пріемъ кончень, и генераль никого больше не принимаеть".— "Прошу вась, говорю, доложить его п-ву"...-, Да я же вамъ говорю, что генералъ нивого больше не принимаетъ сегодня".-- Вижу, что дъло плохо, что надобно хоть солгать.— "Прошу васъ, говорю, исполнить вашу обязанность и доложить генералу, что посторонній чиновнивъ желаетъ представиться по важному делу". Франтъ пожалъ плечами и отправился съ докладомъ, а черезъ минуту возвра-щается и говоритъ— "Пожалуйте". Вхожу въ кабинетъ. Генералъ, еще далеко не старый мужчина, здоровый и широкоплечій, съ вруглою и воротво остриженною головой, съ густыми усами, въ разстегнутомъ военномъ сюртуке и беломъ жилете, сидить за письменнымъ своимъ столомъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу.
— Имъю честь, говорю, представиться вашему п-ву, на-

- дворный советникъ...
- Что сважете?—спрашиваеть онь, отвинувь голову навадъ и нахмуривъ брови.
- Хотвать бы, говорю, служить подъ просвёщеннымъ на-**Тальствомъ** вашимъ, "движимый желаніемъ посвятить всё мои силы, какъ"... Тутъ онъ какъ вскочитъ, да какъ крикнетъ: Вонъ! Я тебъ, старая ты собака, силы задамъ такія!"-и,

отбросивъ въ сторону стулъ, выбъжаль изъ-за стола и прямо на меня... "Позвольте, — говорю, пятясь ближе въ двери, — всякое насиліе отечественными узаконеніями воспрещается", — но вижу, что дъло плохо и время дорого, — въ одну секунду я быль уже за дверью. Повърите ли, генералъ былъ такъ раздраженъ, что до половины громаднаго зала гнался за мною. А чиновникъ-то, который докладывалъ обо мнъ, отвернулся къ окну, зажалъ себъ, прохвостъ, рукою ротъ и хохочетъ...

— Ну, а еслибы генералъ васъ догналъ, — что бы тогда? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ съ свойственною ему безцеремонностью.

Старый чиновникъ насмёшливо улыбнулся, мотнувъ головой, какъ бы желая сказать: травленый, молъ, я волкъ.

— Ну, такъ что же, котя бы и догналъ. Да развъ я ему спину свою подставлю—лупите, молъ, ваше превосходительство? Ну, допустимъ, онъ меня догналъ, но что же онъ мнъ можетъ сдълать, если на бъгу я стану присъдать, нагнувъ голову впередъ, собственно для огражденія затылка?—Швура показалъ даже, какъ надобно это дълать. Попробуй онъ схватать меня рукою, непремънно потерялъ бы равновъсіе... Да развъ это возможно? Генералы тоже народъ опытный и осторожный; они знаютъ, въдь, даже изъ военной своей науки, что преслъдованіе врага требуетъ иногда большой предусмотрительности.

Старый выжига отпиль изъ стакана наливки, хотя быль уже весь красный и на лицъ его выступиль обильный поть. Но это быль "артисть" своего рода и, видимо, увлекался собственнымъ разсказомъ и воспоминаніями.

— Я вамъ скажу, — продолжалъ онъ: — бываетъ положеніе гораздо опаснъе, когда присутствіе духа и быстрая сообразительность оказываются еще необходимъе. Иные генералы, изволите видъть, имъютъ привычку орудовать носкомъ сапога... Держи ужъ тутъ ухо востро, и тактика тутъ уже другая. Тутъ ужъ присъданіе не поможетъ, напротивъ — скоръе повредитъ. Единственное спасеніе тогда состоитъ въ томъ, чтобы на бъгу весь корпусъ держать въ полуоборотъ и оглядываться каждую секунду, т.-е. слъдить за намъреніями преслъдующаго, а въ критическую минуту необходимо уловить тотъ моментъ, когда генералъ порывисто поднимаетъ ногу, и въ этотъ именно моментъ умъть ловко уклониться въ сторону отъ прямой линіи, по которой всегда дъйствуетъ генеральская нога, какъ въ маршировкъ. Это, я вамъ скажу, пълая наука. Да... вы, вотъ, смъетесь, господа, какъ будто не върите, а я въдь не сказки разсказываю, —я могъ бы на-

ввать... Да что ужъ тутъ и въ чему! Я хочу доказать только ту истину, что являться съ прошеніемъ лично бываетъ не всегда... удобно и куда лучше посылать ихъ по почтв. А съ другой стороны, надобно по совъсти то сказать, что и генерала пожальть иногда слъдуетъ, — ему, сердечному, тоже не сладко. Извъстное дъло, хлопотъ у него по горло, онъ занятъ, быть можетъ, важними соображеніями и неотложными мъропріятіями, и въ это время къ нему лъзетъ противная рожа и проситъ мъста, котораго, быть можетъ, у него даже не имъется. Это, какъ хотите, всяваго можетъ взорвать... Надобно же войти и въ положеніе начальства.

Старикъ былъ въ ударѣ и заставлялъ насъ невольно хохотать, хотя рѣчь его была вполнѣ серьезна и даже нолна раздраженія. И трудно было понять, что больше его раздражало: чиновничья ли назойливость, или оборонительная тактика генераловъ.

— Сважите, — спросиль я: — отчего это у насъ такъ много охотниковъ въ чиновники? И судя по вашимъ словамъ, мъстъ хватаетъ далеко не для всъхъ, хотя государство наше почти безгранично?.. Ничего я тутъ не понимаю.

Старивъ иронически улыбнулся.

- Отчего?.. Откуда же и взяться этимъ мъстамъ? У насъ нинъ всъ, ръшительно всъ, вто умъетъ перо держать въ рувахъ, идутъ въ чиновники. У насъ въдь ванцелярское сословіе само по себъ уже составляетъ громадную армію, и примите во винманіе, что у каждаго чиновника куча дътей, воторыя тоже готовятся въ чиновники и идутъ въ чиновники, увеличивая эту армію до безконечности. Всъ наши сословія готовятъ нынъ свое потомство въ чиновники, главнымъ образомъ; и дворяне, и военние, и мъщане, и всякіе разночинцы, всъ бросаютъ свое дъло и лъзутъ на службу въ чиновники.
 - Вотъ какъ и вы, -- замътилъ Чуприненко.
- Ну, я—другое дёло: мой дёдъ былъ чиновникомъ, и одинъ дядя, и двё сестры были за чиновниками замужемъ. А вы возьмите, напримёръ, наше духовенство. Вёдь у каждаго батюшки меньше полудюжины дётей обыкновенно не бываетъ, а часто бываетъ и больше, но въ попы ныньче идутъ неохотно. А сочтите сыновей діаконскихъ, дьяческихъ и пономарскихъ, которые тоже всё почти норовятъ въ чиновники, получивъ кое-какое образованіе, —да тутъ и ариеметики никакой не хватитъ. Судя по-человёчески, куда же имъ, бёднымъ, дёваться, разъ родились они на свётъ Божій и нуждаются, какъ всякая тварь, въ пропитаніи? Войдите же и въ ихъ горькое положеніе. Ни наша торговля,

ни заводская и фабричная промышленность, столь мало развитыя, въ нихъ не нуждаются. Куда же имъ деваться? Воть они и устремляются въ разныя канцеляріи, и туть борьба за существованіе ведется у нихъ ужъ настоящая, почти въ буквальномъ сиыслъ этого слова, прямо, открыто... Вотъ, между прочимъ, если вамъ угодно послушать, -- я могу разсказать про забавную встрічу, какую мні случилось прошлою осенью иміть въ дорогі между Харьковомъ и Кієвомъ, и передать любопытный разговоръ. Въ числе иныхъ пассажировъ, въ вагоне заняла место какая-то пожилая женщина, не то купчиха, не то чиновница. Въ разговор'в со мной она назвала себя, однако, супругою благочинаго, такъ прямо и свазала: "я, говоритъ, супруга благочиннаго", и даже сказала—откуда она, но я не запомнилъ. — "Ну, что-жъ, очень пріятно, говорю, познакомиться". Изъ дальнъйшаго разговора узнаю я, что въ ихъ крат служатъ чиновниками пять ея сыновей и вст получаютъ хорошіе оклады. Взглянулъ я на эту бабищу и говорю: "Стало быть, матушка, вы должны денно и нощно благодарить Господа Бога, что создаль такой полезный врай". -- "Я и то, говорить, благодарю, а только они жалуются, что тамошніе, мъстные, очень ихъ не любять". — "Стало быть, говорю, для вашихъ сыновей, вромъ хорошихъ овладовъ, еще и любовь требуется? Это ужъ вачвиъ же, это ужъ жирно будеть, говорю. Вёдь любовь-то, матушка, заслужить надобно, а сдёлать это гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, заслужить прибавку къ жалованью"... Ничего вѣдь, кажется, особенно дурного я ей не сказалъ, но какъ окрысится она на меня!.. "Что это вы, говоритъ, выдумали, и какъ это удивительно, что никакого патріотизма въ словахъ вашихъ не вижу! да русскій ли вы человъкъ, не измънникъ ли какой?" — Посмотрълъ и на нее, плюнулъ и отвернулся, а она меня востить: "Какой вы, говорить, патріоть, и вавъ это пускають въ вагонъ всякаго, можеть быть, весьма неизвъстнаго какого-либо, и вреднаго человъка!"... Другіе пассажиры обратили уже на меня и на нее вниманіе, зло меня взяло, но я молчу, стиснувъ зубы. А она не унимается: "У меня, говорить, есть и еще три сына, которые тоже готовятся въ чиновники"... Туть я не выдержаль и говорю: "Только еще три? Мало. Вы, матушка, воть что: вы ихъ пока приберегите; авось мы откроемъ или завоюемъ новую окраину какую-либо, тогда вотъ они и потребуются для насажденія въ ней ассимиляціи, культуры и цивилизаціи". Къ счастью, повздъ въ это время какъ разъ подо-шелъ къ станціи, до которой я вхалъ; скорве схватилъ я свой чемоданчивъ и выскочилъ изъ вагона; но баба опустила овонное стекло, высунулась вся, распраснъвшаяся, и съ пъною у рта посылаеть миж въ догонку разныя ругательства...

- Достается же вамъ здорово, не только отъ генераловъ, но и отъ бабъ,—замътилъ Иванъ Яковлевичъ, смъясь.
- Что-жъ, она въ своемъ правѣ. На то война. У насъ сейчасъ же поднимается внутренняя, междоусобная война, чуть только затронутъ вопросъ о хорошихъ мъстахъ и окладахъ и запахнетъ конкурренціей, тогда ужъ мы ничѣмъ не стѣсняемся. И долженъ вамъ сказатъ, что баба-то дошлая, у-ухъ, знаетъ—какимъ оружіемъ воевать. Русскій ли вы человѣкъ, говоритъ. Ловкая!
- Да въ томъ именно, —продолжалъ старивъ, —и вся моя сила, что я русскій человъвъ. Мы тэмъ тольво и дышемъ, что трубниъ въ газетахъ о своемъ патріотизмв и о невыносимомъ якобы положение въ виду враждебнаго отношения въ намъ инородцевъ и иновърцевъ, и т. д. Русскій ты человъкъ и патріотъдовольно, этимъ все свазано, и для окраины ты годишься, хотя вся цвна тебъ грошъ. Почему мы такъ любимъ и такъ усердно читаемъ, некоторыя особенно, наши газеты? Потому что оне патріотичны, и не просто патріотичны, а патріотичны специфически, съ душкомъ, съ подвохомъ, съ фальшью, съ пропо-въдью неправды и насилія. Попробуй какая-либо газета усоиниться въ пользъ и даже необходимости для государства нашей обрусительной деятельности, - такую газету мы закричимъ, приведемъ, въ оторонь жалобами и протестами, станемъ доказывать, что она—органъ не русскій и служить німецкой, польской, ла-тишской интригів. Приміры бывали. Вы только вникните,—продолжаль Швура, одушевляясь:--что такое, въ сущности, окраинныя газетныя корреспонденціи, сочиняемыя нашими же окраинними чиновнивами. Это, въ сущности и въ большинствъ случаевь, простой донось и-чистую правду сказать-донось чаще всего аживый. Это мы всё знаемъ, но безъ этого намъ нельзя.

Старивъ допилъ свою наливку, задумался на минуту о чемъ-то и затъмъ продолжалъ:

— Изъ ума у меня не можеть выйти эта сердитая баба... Ловкая!.. Патріотизма, говорить, не вижу, не русскій вы человіть. То-есть, она хотіла сказать, что ты—ничто, хуже еще тімь ничто, если ты на окраині не русскій человіть. Відь ния русскаго человіта для значительнаго числа окраинных чиновниковъ заміняєть все—и умі, и образованіе и пригодность ділу. Не знаю, разсказать ли ваміь одинь случай со мной, о которомь я саміь не могу вспомнить безъ сміха. Повірите ли,

меня чуть было не сдълали однажды — знаете ли чъмъ? — ни болъе, ни менъе, какъ классною дамой въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи!

- Враки! гаркнулъ Чуприненко.
- Нѣтъ, не враки. Служилъ я тогда помощникомъ влассныхъ наставниковъ въ одной мужской гимназіи...
- Какъ! вскричалъ я: неужели вы служили в по учебной части?..
- А вы лучше спросите, по какой части я не служиль, и я вамъ скажу, что, вотъ, попомъ не служиль, да еще развѣ не служиль музыкантомъ на фаготѣ...
 - Продолжайте, продолжайте, —проту васъ!
- Позвали меня въ главному начальнику, являюсь, и мив говорять: совсёмь неожиданно открылась вакансія классной дамы, которую некъмъ пока замъстить, --- нужна, моль, настоящая русская дама или дъвица, но ее-то и нътъ сейчасъ подъ рукой. "Поручаю вамъ временное исполнение этой должности, только вотъ что: знаете ли вы сволько-нибудь по-французски?" — "Два-три слова знаю, ваше п-во, напримъръ: бонжуръ, жевупри, сильвупле ... "Этого недостаточно, — замътнаъ присутствовавшій при этомъ директоръ Провименскій, тоже не внавшій ни одного иностраннаго языва. - "Больше не знаю, говорю; воть, еслибы по-валмыцви, я бы съ удовольствіемъ, напримъръ: арвили-буса"...-, Этого не требуется, -- говорить начальство, милостиво улыбаясь: -- впрочемъ, въ врайнемъ случав, вы можете какъ-нибудь объясняться съ девчонками жестами, - ведь только временно будете исполнять эту должность и больше смотрёть, собственно, за порядкомъ, пока вотъ мы съ Иваномъ Антонычемъ не прінщемъ подходящей руссвой дамы". -- Однако, я отказался на-отръзъ. Чортъ возьми, -подумаль я, —приважуть еще, пожалуй, надёть ворсеть и юбву... Тетушка почти залилась хохотомъ, и раздался общій нашь

Тетушка почти залилась хохотомъ, и раздался общій нашъ хохотъ, причемъ ръзко выдълялся пронзительно-писвливый смъхъ самого Шкуры. Онъ былъ видимо доволенъ и польщенъ произведеннымъ имъ эффектомъ и успъхомъ столь свойственной русскому человъку насмъщки надъ самимъ собою...

- А гдъ теперь ваши сыновья?—спросилъ Иванъ Яковлевичь, нъсколько поуспокоившись:—у васъ, кажется, три сына?
 Четыре. И всъ на службъ. Петя, самый старшій и са-
- Четыре. И всё на службё. Петя, самый старшій и самый умный и ловкій, отлично служить въ Заваспійскомъ враё; другой, Коля, состоить—въ Прибалтійскомъ краё; третій, Ваня,—въ Привислинскомъ краё, а самый младшій, Сеня,—по акцизу въ Темиръ-Ханъ-Шурё.

- Это вначить, на всёхъ географическихъ широтахъ по потомку. Ну, а гдё же ваша дочь? У васъ, помнится, и дочь была?
- Соня, какъ же. У нея уже четверо дётей, будущихъ чиновниковъ, и живетъ она съ мужемъ въ Забайкальъ, гдё онъ состоятъ на службъ. На дняхъ, впрочемъ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что ждетъ въ скоромъ временя повышенія, съ переводомъ на Чукотскій-Носъ.
- Помилуйте, удивился я: тамъ въдь и люди, кажется, не живутъ и вхать туда на собавахъ надобно?..
- Что-жъ, повдешь и на собавахъ... Было бы жалованье. Вамъ все это кажется смёшнымъ и невёроятнымъ, а позвольте вась спросить: куда же дъваться и что дъдать бъдному чиновнику безъ жалованья? Чамъ же онъ существовать будетъ? Вовьинте коть моего вятя, — человъвъ онъ корошій и неглупый, но за него, еслибы, напримъръ, вывести его на рыновъ и продавать, нивто и тридцати копъекъ не дасть, потому что, кромъ ванцелярской службы, онъ ни въ чему больше не способенъ, нивакому полезному дёлу не обученъ и чуждъ всякой личной иниціативы. Куда же ему діваться съ семьей? Всіз окраины давно уже до преизбытка переполнены чиновничествомъ, и нигдъ ивста даже топоромъ не вырубить уже и теперь. Чукотскій-Нось!.. Что жъ такое? Еслибы на лунъ открылись мъста, чиновничество двинулось бы и на луну, съ которой сейчасъ же посыпались бы, вавъ эти вотъ хлопья сивгу, предписанія, отношенія, рапорты, справки, доносы, ворреспонденціи и т. д.
- Ну, ужъ будто сейчасъ доносы и ворреспонденціи, усомнился Чуприненко, сильно заинтересованный, повидимому, разсказами Шкуры.

Старивъ поднялъ голову; лицо его дышало задоромъ и одушевленіемъ.

— Непременно. Ныне каждый изъ насъ, окраинныхъ чиновниковъ, — не говоря уже о корреспондентахъ-спеціалистахъ, безъ затрудненія, въ пять минутъ, напишетъ шаблонную политико-патріотическую корреспонденцію, которую иныя газеты охотно и съ легкимъ сердцемъ напечатаютъ. Вотъ, послушайте, если угодно, для примера. Я — наизусть и безъ приготовленія:

"Луна (отъ нашего корреспондента). Мъстное населеніе, — существованіе котораго пока не открыто, — руководимое своими нолитиканами, враждебно относится ко всему русскому, питаетъ непріязненныя намъренія и весьма туго поддается обрусенію. Тайная интрига, направленная противъ насъ, искусно ведется

мъстною интеллигенціей, которая вдругъ подняла голову, благодаря слабымъ дъйствіямъ иныхъ изъ представителей нашей администраціи. Особенно сказать это необходимо о восточно-западной окраинъ нашей Луны, — окраинъ, отличающейся наибольшимъ религіознымъ и національнымъ фанативмомъ. Переходя затъмъ въ сферу фактовъ и явленій болье конкретнаго характера, признаю патріотическимъ долгомъ своимъ засвидътельствовать объ энергической дъятельности нъкоторыхъ вновь назначенныхъ сюда лицъ, отъ которыхъ"...

- Довольно, довольно, прервалъ Иванъ Яковлевичъ.
- Вы думаете, эту галиматью не напечатають наши газетные генералы?.. Если вы читаете газеты, то не трудно было
 вамъ замътить, что ни одна окраинная ворреспонденція не говорить никогда о мирной и совмъстной жизни нашей съ мъстнымъ элементомъ, вездъ столь возможной и даже необходимой,
 но наши ворреспонденты возбуждають лишь страсти, взаимное
 недовъріе и раздраженіе... А почему? Да потому, что это упрочиваетъ тамъ, на окраинахъ, наше положеніе и матеріальный
 быть. Если случится иногда прочесть что-либо о согласіи и
 взаимномъ примиреніи, то первое впечатлъніе наше—страхъ и
 мысль о томъ, не грозять ли подобныя иден прочности нашего
 служебнаго положенія...
- Скажите правду, Халведовъ Нивитичъ, вы вѣдь тоже пописываете въ газеты?.. Ну, сознайтесь...

Швура улыбнулся и махнуль рукой.

— Вы не служите, —отвъчаль онъ, —и потому вамъ многое пеизвъстно и, простите, непонятно. Что жъ, по неволъ и корреспонденціи сочинять станешь. А вы подумайте, что уже и теперь многіе чиновники положительно не знають, куда имъ дъваться, а что было бы, еслибы количество "мъстъ" еще сократилось? Для насъ необходимо, чтобы "мъстъ" было больше, а въ крайнемъ случав, чтобы все оставалось "инъ стату квоускве тандемъ", какъ говорится по-латыни, кажется. Писали мы и будемъ писать, —этого требують наши жизненные интересы и наше положеніе.

На старыхъ ствиныхъ часахъ пробило часъ ночи.

- А сважите, кстати, сами вы служите еще, или вышли уже въ отставку?—спросилъ Чуприненко.
 - Въ чистую. Пора и честь знать. Послужилъ и довольно.
- Не върю я вамъ что-то... Вы завтра отсюда куда же? Въ свое Пидсвинвино?..
 - Нѣтъ, я изъ хутора.

— Куда же вы... въ такое время?

Халкедонъ Никитичъ замялся и, очевидно, желалъ уклониться отъ дальнъйшихъ разспросовъ.

- Ну, не котите сказать, такъ и не надо.
- Да развъ съ вами возможно? Въдь и васъ знаю...
- Ну, не говорите, я и не спрашиваю.
- Нечего съ вами дълать, скажу ужъ правду: пробираюсь въ Одессу.
 - Зачвиъ?
- Къ отходу корабля въ Квантунскую область, куда я и направляюсь, если ужъ всю правду говорить.

Чуприненко только руками развелъ.

- Халкедонъ Нивитичъ! Съ ума вы сошли на старости лътъ, жизнь вамъ не мила, что-ли?—проговорилъ онъ серьезнымъ и искреннимъ тономъ:—въ такую даль, вамъ, старику!..
- У меня, видите ли, племянничекъ тамъ, въ городъ Мяу-Чхи-Фуй служить, вотъ онъ и пишеть, что наклевывается мъсто смотрителя провіантскаго магазина.

Чуприненко не сказалъ больше ни слова; я тоже модчалъ. Пожелавъ намъ доброй ночи, Шкура сейчасъ же ушелъ, пошатываясь, въ отведенную на ночь для гостей комнату.

Когда мы остались одни, Чуприненко отозвался:

- И не разбереть, чего въ этомъ человъвъ больше ума или плутовства! Хоть пьянъ, а весь вечеръ съумъль занять преинтересными разсказами о такихъ вещахъ, о воторыхъ мы здёсь, живя въ глуши, понятія никакого не имъемъ. Это одинъ изъ тъхъ тертыхъ калачей, которые въ жизни частной и общественной преслъдуютъ только личный интересъ, всякое положеніе эксплоатирують лишь въ личную польку, это человъвъ жадный и ненасытный. Не удивительно ли, что на старости лътъ, не ввирая на бури и непогоды, онъ пробирается въ дальній и безвъстный край, и будьте увърены, онъ ъдетъ не даромъ, казна заплатитъ ему до гроша за это его путешествіе. Это самый искусный счетоводъ и бухгалтеръ, особенно по части всякихъ подъемныхъ и прогонныхъ и, въ доступныхъ ему предълахъ, самый ловкій эксплоататоръ казеннаго сундука. Съ этой стороны онъ давно извъстенъ.
- Мив кажется, отозвалась молчавшая все время тетушка, что онъ разсказываетъ небылицы или, во всякомъ случав, сильно преувеличиваетъ.
- Кто же его знаетъ, замътилъ Чуприненко: онъ и солгатъ мастеръ, но и то сказать, что дыма безъ огня не бываетъ.

— Всякія обобщенія, само собой разум'вется, были бы несправедливы, но про себя-то онъ, очевидно, разсказаль правду и даже, быть можеть, еще и не всю,—зам'втиль я съ своей стороны:—но чтобы цвёли и созр'ввали такіе фрукты, какъ господинъ Шкура, для этого необходимы соотв'втственныя условія и благопріятная почва... Зам'втили вы, что, собственно, о характер'в и, такъ сказать, о пріемахъ или метод'є своей служебной д'вятельности онъ не сказаль ни слова...

Чуприненко, махнувъ рукой, поднялся грузно и, пожелавъ намъ доброй ночи, отправился вслёдъ за Шкурой на покой.

На другой день, утромъ, когда я вошелъ въ столовую въ чаю, Чуприненко съ тетушкой сидъли уже у стола. Халкедона Никитича не было. Онъ поднялся съ кровати ни свътъ, ни заря, и отправился на станцію, ни съ къмъ не попрощавшись, чтобы не опоздать къ поъзду. Вьюга успокоилась и стояла прекрасная зимняя погода, южная—ясная и тихая.

Чуприненко разсказываль тетушкѣ, по-сосѣдски, о своихъ дѣлахъ и хлопотахъ, —по-сосѣдски, я сказалъ, хотя хуторъ его, Воробьевка, отстоялъ отъ Ершей верстахъ въ пятидесяти. Изъ разсказа его я могъ понять, что старшій сынъ его живетъ въ городѣ, гдѣ служитъ по земству, а младшій, по отбытіи воинской повинности, занимается хозяйствомъ на хуторѣ, помогая отцу; что вмѣстѣ съ ними живетъ старая и бездѣтная вдова, сестра Чуприненка, а дочь его находится за-мужемъ за хуторяниномъ въ другомъ уѣздѣ, и что самъ Чуприненко давно уже вдовецъ. Такъ я могъ заключить изъ его разговора.

- Алексъй засъяль двъ десятины лъсу, въ удивленію муживовъ, говорилъ Чуприненко, которые недовърчиво гладятъ и посмъиваются, утверждая, что съять можно овесъ или пщеницу, но не дерево.
- Позвольте спросить: Алексъй—это вашъ сынъ?—спросилъ я.
- Да, младшій, а старшаго зовуть Ниволай... Тавъ, вотъ, я говорю, мужики недовърчиво глядять на это дъло. Рубить лъсъ они молодцы, но разводить лъсъ не привыкли, да и не умъють, развъ только съ помощью посадки, и за это дъло никто не берется, трудно, молъ, и накладно. Однако, когда на засъянныхъ лъсомъ десятинахъ показались всходы, мужики мон съ удивленіемъ и любопытствомъ почесали затылки. Пойдемъ, молъ, къ молодому барину просить, чтобы онъ засъялъ часть

нашего общаго выгона по песчаному берегу ръчки, гдъ и трава мохо ростетъ. Прошлою осенью Алексъй исполниль ихъ просьбу, и не знаю, будетъ ли тамъ лъсъ. Пріобрълъ также мой Алеша нъвоторыя земледъльческія машины, на которыя мужики тоже гладять съ "сумлъніемъ"... "Развъ, говорять, рукъ у насъ нътъ? Зерно, молъ, тогда только дастъ урожай, когда его, благословясь и повъсивъ лукошко съ нимъ на шею, бросишь въ матьземлю собственною рукою. А машина—что? Развъ въ ней есть душа?".. Не привнаютъ также никакого искусственнаго удобренія, потому что—навозъ, извъстно, что такое навозъ и какой онъ долженъ быть, а посыпать землю какимъ-то порошкомъ, — развъ это навозъ? Пустое это дъло.

Попивая чай съ вкусными сливками, Чуприненко видимо былъ, какъ говорится, въ ударъ, попавъ на любимую тему, и продолжалъ:

— Значительно расширилъ Алексви и нашъ садъ, отведя въ немъ часть подъ пасвку, въ которой теперь у него до полутораста ульевъ. Машины для мужика, дъйствительно, не нужны, нотому что не примънимы на малыхъ земельныхъ участкахъ и дорого стоятъ; но вотъ пчелки имъ понравились, и теперь у нъкоторыхъ хозяевъ вы найдете по десяти и даже по двадцати ульевъ. Былъ бы съ нихъ и доходъ, еслибы былъ сбытъ, но вотъ сбытъ-то нътъ никакого при нашихъ разстояніяхъ и невозможныхъ дорогахъ, а скупщики, какъ вамъ извъстно, разъъзающіе иногда по деревнямъ, покупаютъ всякіе продукты за безцънокъ, обирая крестьянъ безсовъстно. И ничего тутъ не подълаеть.

Помодчавъ минуту, Чуприненно перемениль тему.

- А мой Алексей, знаете ли, Аглая Михайловна, подумываеть о женитьбе,—только невесты, воть, еще не прінскаль; по соседству ведь у насъ неть ни одной образованной девицы, а ему нужна и образованная, и работящая.
- Ну, и преврасно, пусть молодой человъвъ ищеть и женится,—отвъчала тетушка.
- Я то же самое говорю. Женись, говорю, а я себь уйду.

 —"Куда это?" спрашиваеть онъ. Пойду куда захочу... Вотъ коть въ монастырь, въ првије; тамъ я своимъ басомъ встахъ монаховъ въ трепетъ приведу и встахъ ихнихъ басовъ раскассирую... "Да развъ, смъется онъ, возможно вообразить Воробьевку безъ Ивана Яковлевича? Что скажутъ вст окрестные мужики, для которыхъ Воробьевка и Иванъ Яковлевичъ составляють одно неравдъльное цтлое сколько уже времени!.. И вто

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

станетъ меня бранить, учить и контролировать?.. Нётъ, никуда ты не уйдешь изъ Воробьевки, — она сама за тобой двинулась бы, куда бы ты ни ушелъ. Никогда этому ие бывать "... А я, если сказать правду, никогда и ни въ чемъ его не контролирую; такъ, скажешь иногда что-нибудь... Вотъ бы вы, — обратился онъ ко мнё: — познакомились бы съ монмъ Алешей, навъстили бы насъ какъ-нибудь; онъ тоже отчасти петербуржецъ, окончилъ курсъ въ лёсномъ институтъ подъ Петербургомъ...

Чуприненво поднялся и протянулъ мий руку. Въ тони его и въ самомъ пожатіи руки чувствовалась такая исвренность и радушіе, какихъ я въ немъ не подовриваль.

Черезъ часъ, послъ завтрака, онъ увхалъ.

IV.

Мой отъвадъ.

На другой день я сказаль тетушкв, что пора уже и мив съ нею попрощаться. Въ теченіе трехъ недвль, проведенныхъ мною на хуторв, я ни разу не позволиль себъ даже намекомъ выразить желаніе узнать—зачвиъ именно и съ какою цвлью она меня къ себъ пригласила. Не выразиль я этого желанія и въ последнюю минуту, твмъ более не могь и прямо спросить о томъ старуху изъ простой деликатности и приличія, и, признаюсь, мив жаль было ее, взглянувшую на меня полными слезъ глазами, когда я сказаль ей о своемъ намъреніи.

Она, впрочемъ, нисколько этому не удивилась, понимая очень хорошо, что миъ скучно, невыносимо скучно, что привыкъ я къ жизни нъсколько иной, да и пъли никакой не было оставаться миъ дольше на хуторъ, глухомъ и уединенномъ. Взявъ меня за руку, она усадила меня возлъ себя и, подумавъ минуту, сказала:

- Послушай, Жоржъ, ты—единственный человъвъ, наиболъе мив близвій и родной... Я—старуха, перешагнувшая уже за шестой десятовъ, жить мив осталось уже не долго. Это имънье, гдв и провела всю мою жизнь, нужно оставить вому-нибудъ... Я оставлю его тебъ... И еще есть у меня мое дъвичье приданое, положенное повойнымъ отцомъ въ банкъ и почти утронвшееся.—ты возьмешь его...
- Довольно!—почти вскричаль я, вскакивая:—прошу васъ, дорогая тетушка, объ этомъ не говорить...—Я сталь увърять ее,

что отъ чистаго сердца желаю ей еще долгой, долгой жизни, что она проживетъ еще много и много лътъ. — Клинусъ вамъ, я не чуждъ былъ желанія и намъренія, узнавъ васъ ближе, еще когда-либо васъ навъстить, но теперь этого я не сдълаю, —вы загородили мнъ дорогу. Милая тетушка, отчего вы объ этомъ не подумали?..

- Иввини, не сердись... Что же мий оставалось ділать?— Она опять усадила меня вовлів себя на диванів и продолжала: Ахъ, Жоржь, вавой ты!.. Но если ты свазаль правду, что не прочь опять навістить меня вогда-либо, то прошу тебя сдержать слово. Весною и літомъ у насъ здісь не такъ скучно, особенно весною. Сама я чувствую себя тогда и моложе, и веселье, и жить еще хочется... Птицъ всявихъ тутъ у насъ много, растительность вся развивается съ удивительною роскошью, воздухъ живительный и какой-то радостный... Исчезаеть безлюдье, которое тебя такъ удивляеть, дороги и поля оживляются, раздаются ийсии... Ты любишь уженье? Черевъ садъ у меня протекаеть довольно глубокая річка, въ ней водится много рыбы, особенно ершей. Говорять, что мой діздъ, большой любитель уженья, потому и хутору даль названіе "Ерши". Такъ ты навівстишь меня еще когда-нибудь, —обіщай мий это, другь мой!
- Извольте, но съ условіемъ, что нын'вшній нашъ разговоръ больше не повторится.
- Хорошо, согласна, отвёчала она съ грустной улыбкою и, обнявъ руками мою голову, наклонила ее къ себе и ноцеловала меня въ лобъ.

По просьбъ старухи, я пробыть у нея еще два дня и уъхалъ только на третій. Сборы мои были коротки, но прощаніе съ тетушкой, видимо привязавшейся ко мнъ, и одинокую жизнь которой сколько-нибудь оживляло мое пребываніе на хуторъ—сильно ее растрогало. Она заплакала...

Когда подали лошадей, которыми правиль теперь давно выздоровъвшій кучерь, Ондрей Чубайка, старуха вышла со мною въ
прихожую, гдъ собрался весь ея штать, чтобы попрощаться со
мною. Туть были всъ знакомыя уже мнъ лица, и старикъ Павло,
— "правая рука тетушки", и стряпуха— дочь его и жена кучера—работника Чубайки, и маленькая Гапка, дочь ихъ, подававшая мнъ сапоги на чайномъ подносъ, и Параска, и пастухъработникъ Тарасъ. Всъ они казались нъсколько смущенными
при видъ плачущей барыни... Живо попрощался я со всъми и
выбъжалъ на крыльцо, но тутъ встрътили меня Лыска и Жгутъ,
выражавшіе ръшительное намъреніе сопровождать меня, по всей

въроятности, до самой станців. Павло привривнуль на нихь и загналь на кухню. Когда экипажь повернуль, выбхавь изъ вороть, направо, вдоль забора, окружавшаго усадьбу, въ крайнемъ углу его, примыкавшемъ къ аллеъ, я замътиль группу людей, — это были тъ же Павло, Параска, Тарасъ, Гапка...

- Прощайте, панычъ, прощайте! вричали они, вланяясь.
- Прощайте, добрые люди!..

Мит вдругь вакъ будто стало жаль повидать этотъ мирный и уединенный уголовъ; особенно жаль было этой милой, доброй и одиновой старушки.

И думаль я о ней всю дорогу... до самой жельзнодорожной станціи, то-есть, до новыхь и свежихь впечатльній. Но и потомь я часто возвращался въ мысли о далекой уже оть меня старухь и о последнемь нашемь разговорь съ нею. Я молодь, и жизнь обещаеть мив еще многое впереди. Похоронить себя въ глухой и безвестной трущобь, — это больше, чемъ несчастіе, это — finis vitae... Однако, мало-по-малу, въ воображеніи моемъ начала рисоваться иная картина. Въ перестроенной усадьбь, въ Ершахъ, кипить жизнь, раздаются дётсвій смехъ и вривъ, толим ребять бёгають и играють на обширномъ дворе, а надъ воротами усадьбы прибита большая доска, съ надписью на ней золотыми буквами: "Земская начальная сельско-хозяйственная школа имени Аглаи Михайловны Свищовой". Девичье ея приданое пожертвовано на открытіе и содержаніе этой школы, а вся принадлежащая хутору земля превращена въ опытное поле...

Кавимъ содержаніемъ и смысломъ обогатится личная моз жизнь, и вакъ достойно почтена будетъ тетушкина память!

Юрій Крапивинъ.

РУССКІЙ КИТАЙ

Наша первая колонія на Дальнемъ Востокъ.

Oronyanie.

VI *).

Военный телеграфъ. — Китайскій правительственный телеграфъ. — Русско-китайскій банкь — Отношеніе мізстнаго купечества къ этому банку. — Государственное казначейство. — Денежная валюта. — Повременная печать. — Печать Приамурскаго края по отношенію къ Квантуну. — Иностранная печать Дальняго Востока. — Вліяніе враждебной намъ печати на Японію и Китай. — Взглядъ пекинской миссіи. — Необходимость русскаго печатнаго органа на англійскомъ языкѣ.

Въ предълахъ Квантуна, до мъстечка Пуландынъ, на столбахъ телеграфа китайской восточной желъзной дороги подвъшенъ также и проводъ временнаго телеграфа, связывающаго Портъ-Артуръ съ Таліенваномъ, Бицзиво съ Портъ-Адамсомъ.

Основою телеграфныхъ сообщеній Квантуна съ Приамурский краемъ и Европейскою Россією служить правительственный китайскій телеграфъ, линія котораго соединена съ россійскими телеграфами въ Благовъщенскъ. Не говоря о высовой стоимости депешъ, составляющей одинъ долларъ за слово въ Приамурскій край и 1 1/4 доллара въ Россію, — цъна почти недоступная для частныхъ лицъ, — зависимость управленія Квантуномъ отъ иностраннаго телеграфнаго предпріятія крайне тяжела.

Нъть сомивнія, что содержаніе децешь можеть сдалаться во

^{*)} См. выше: октябрь, стр. 653.

всякое время извёстнымъ китайскому правительству, а черезъ него представителямъ иностранныхъ державъ, которые, впрочемъ, при извёстной подкупности китайскаго чиновничества, -- исключеніемъ изъ чего телеграфные чиновники, конечно, не служать,могутъ имъть вопіи съ депешь и помимо участія витайсваго правительства. Хотя депеши болбе или менбе секретнаго содержанія передаются шифромъ, но при огромной телеграфной вореспонденціи невозможно изб'яжать передачи массы интересныхъ депешъ открыто, да и шифры могутъ быть открыты экспертами. Такъ какъ на Квантунъ все вершится путемъ телеграфнаго сношенія, то обладаніе копіями съ депешъ даетъ полную картину всёхъ распоряженій, касающихся Квантуна, въ удобномъ, сжатомъ видъ. Въ первые дни пребыванія здъсь генерала Суботича имъ была сдълана попытка водворить въ число служащихъ на станціи Портъ-Артуръ иностранца, австрійскаго поляка, но попытка эта не удалась. Нынъ станція Ньючуанъ находится подъ строгимъ контролемъ японцевъ, а между тъмъ черезъ Ньючуанъ проходять всё депеши съ Квантуна и на Квантунъ. Очевидно, иностранцы, а главное японцы, интересуются этимъ дъломъ. Необходимо отдать справедливость витайскому телеграфу, что онъ функціонируетъ образцово, передавая депеши на чужомъ языкъ почти безъ искаженій, а длинныя шифрованныя телеграммы, которыя и на россійскихъ телеграфахъ искажаются весьма часто, ръдво подавали поводъ въ недоразумъніямъ. Весьма характерною чертою является следующее обстоятельство. Когда въ Инькоу объявились заболъванія въ русскомъ участвъ, телеграфисты-русскіе, служащіе на Инькоуской станцін витайской восточной жельзной дороги, объятые паническимъ страхомъ, бъжали изъ Инькоу въ Портъ-Артуръ, и если дъйствіе жельзнодорожнаго телеграфа не прекратилось, то это лишь благодаря содъйствію, оказанному станцією правительственнаго витайскаго телеграфа. Но, во всякомъ случав, скорвишее освобождение отъ попечительства надъ нами витайского телеграфа крайне необходимо.

Русско-китайскій банкъ донынѣ имѣетъ исключительное право производства банковыхъ операцій на Квантунѣ. Между тѣмъ, управленіе банкомъ долгое время отказывало въ производствѣ насущаѣйшихъ и простѣйшихъ банковыхъ операцій, какъ-то: страхованіе выигрышныхъ билетовъ, пріемъ на храненіе процентныхъ бумагъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, банкъ не платилъ вовсе процентовъ по текущимъ счетамъ и бралъ чрезмѣрную плату за

делаемые имъ переводы, причемъ сделалъ совершенно невозможними переводы по телеграфу.

Мъстное вупечество, на сходъ 12-го іюня прошлаго года, побудило возбудить рядъ ходатайствъ, касающихся операцій банка. Въ представленномъ протоколъ вначилось, что при оплатъ наложныхъ платежей за высланные изъ Японіи товары, черезъ посредство русско-китайского банка, отъ грузополучателя, принесшаго існы (доллары), таковые банкомъ не принимаются, а грузополучатель обявывается продать свои існы банку и потомъ кушить таковые (переводъ по чеку) обратно; при этой операціи получается разница, въ убытовъ грузополучателю, въ разм'вр'в 20/о, причемъ мотивами такой процедуры банкомъ выставлено неимъніе у него счета для іены. Далье, купечество жаловалось, что при продаже процентных бумагь банкъ ввимаетъ, сравнительно съ цёнами Владивостокского отдёленія того же банка, дороже на 30/о; что курсъ на иностранную валюту банкомъ содержится въ севретв, размънъ денегь производится произвольно, и въ одинъ и тотъ же день получается большая разница; что вредить въ баний отврыть лишь немногимъ, и то на невыгоднихь условіякъ- не менте 8-90/о годовыхъ, причемъ вредить стыснень, а между тымь въ немь чувствуется врайняя необходимость; навонецъ, что банкъ не дълаетъ непосредственныхъ переводовь въ тъ города Европейской Россіи, гдъ есть отдъленія государственнаго банка, и что вообще администрація невнимательно савдить за переводами, такъ что бывали случан, когда переводы, дълаемые банкомъ по телеграфу, получались черезъ четире місяца, - убытки же отъ этого дожатся на отправителя. Всі эти затруднения сходъ купечества приписывалъ тому монопольному положению, которое занимаеть на Квантунъ русско-китайскій банкъ.

Въ іюдъ 1898 года на отдъленіе руссво-витайскаго банка были возложены операціи государственнаго казначейства, и съ прибытіемъ, въ началъ января, агента департамента казначейства—операціи эти были начаты.

Одновременное обращение на Квантунъ двухъ монетныхъ единицъ—рубля и мевсиканскаго доллара—не только понизило курсъ перваго, но въ практикъ повседневной жизни уравняло ихъ совершенно. Ознакомившись съ распоряжениемъ германскаго правительства, по воторому обращение германской монеты въ колоніи Кіачаю отмънено, за исключеніемъ размѣнной, и установлено обращение исключительно мексиканскихъ долларовъ, причемъ мотивомъ указана необходимость упорядочения государствен-

ныхъ разсчетовъ, признано было и на Квантунѣ болѣе осторожнымъ сохранить временно уже установившееся положение денежнаго обращения.

Осенью 1898 года оберъ-аудиторъ тихоовеанской эскадры, капитанъ Артемьевъ, заручившись позволеніемъ своего начальства, обратился съ просьбою издавать въ Портъ-Артуръ газету "Новый Край", посвященную интересамъ Квантуна и русскаго Дальняго Востока. Изданіе газеты было, въ январъ 1899 года, разръшено военнымъ министромъ, на тъхъ же основаніяхъ, на которыхъ издается "Закаспійское Обозръніе", причемъ, согласно представленію генерала Суботича, дана была правительственная субсидія, въ размъръ трехъ тысячъ рублей въ годъ, срокомъ на три года. Вслъдствіе цълаго ряда затрудненій и промедленій въ полученіи заказанныхъ типографскихъ машинъ, изданіе газеты въ полномъ ея объемъ затянулось надолго, но редавція, тъмъ не менъе, выпускала въ установленные сроки сокращенное изданіе подъ пазваніемъ "Бюллетень Новаго Края".

Существенную часть газетных свъденій составляли, конечно, телеграфныя извъстія, ибо только этимъ путемъ возможно знать о томъ, что творится въ Европъ, откуда, несмотря на значительное улучшение почтовыхъ сообщений, газеты получаются никавъ не ранве, какъ черезъ мъсяцъ. Между тъмъ полученіе телеграммъ сопряжено съ непомърными расходами, ибо вакъ депеши русскаго агентства, содержащія столь близкія для насъ извъстія изъ Европейской Россіи, такъ и депеши иностранныхъ агентствъ, тоже имъющія серьезный интересъ для дълъ Дальняго Востова, могуть здёсь получаться лишь съ уплатою полнаго кабельнаго тарифа, совершение недоступнаго для частныхъ лицъ и для редавціи нашей слабой въ матеріальномъ отношеніи газеты. Осенью прошлаго года, чувствуя настоятельную надобность, стоя на такомъ выдвинутомъ и отрезанномъ отъ Россіи посту, быть въ курсі политических новостей, генераль Суботичь обратился съ ходатайствомъ въ приамурскому генералъ-губернатору о предоставленіи, наравив со всёми другими губернаторами, права полученія безплатно агентских телеграми, но въ этомъ, по сношени съ главнымъ управлениемъ телеграфовъ, ему было отказано, такъ какъ расходъ былъ слишкомъ значителенъ. Вследъ затемъ на тихоокеанской эскадре возникла мысль подписаться соединенными средствами сухопутнаго въдомства и эскадры для выписви Рейтеровскихъ телеграмиъ. Дъло это было организовано, сдълана разверства подписныхъ денегъ, но въ по-слъднюю минуту начальство эскадры остановилось передъ зна-

чительностью расхода, и эта мысль не получила осуществленія. Потеривых такимъ образомъ несколько неудачъ, генералъ Суботить вошель въ соглашение съ нашимъ военнымъ агентомъ въ Китай о доставленіи имъ, по телеграфу изъ Тяньцвиня, въ совращенномъ видъ, важнъйшихъ агентсвихъ телеграммъ, васающихся Дальняго Востова, причемъ предполагалось поврыть этотъ расходъ остатвами по вакантнымъ должностямъ. Этимъ путемъ удалось на пъсколько мъсяцевъ быть въ курсъ политическихъ событій, а не довольствоваться полученіемъ ихъ черезъ мівсяцъ и больше времени. Денежный источникь этоть, къ сожалвнію, овазался невърнымъ, и получение телеграммъ этимъ путемъ пришлось превратить. После того вомандированъ быль проживающій въ Чифу врачъ, на котораго возложенъ надзоръ за прибывающими на Квантунъ рабочими, и который, владея англійскимъ явывомъ, присылалъ снятыя имъ вопів съ получаемыхъ въ Чифу Рейтеровскихъ телеграмиъ, что, при довольно частомъ сообщенів съ Чифу, все-таки давало возможность получать изв'єстія вначительно раньше, чёмъ изъ владивостокскихъ газетъ. Наконець, недавно, порть-артурская витайская телеграфиая станція, поведимому изъ благодарности за выхлопотанное ей, за уселенние труды, пособіе, стала присылать безплатно копіи съ Рейтеровскихъ известій, получаемыхъ ею нынё телеграфнымъ путемъ для собственной надобности. Изложение этой истории полученія столь необходимыхъ въ наше время интеллигентному обществу политичеснихь телеграммъ показываетъ, какъ трудно устронть что-нибудь, находись на окраинъ и не имъи значительвихъ денежныхъ средствъ. Всв получаемыя телеграммы передавались для печатанія въ "Новый Край", чівить и поддерживался этоть важный отдёль изданія, безъ котораго ни одна газета существовать не можеть. Но все это васается лишь все-таки телеграммъ иностраннаго агентства, не дающаго ничего, или очень мало, о нашихъ русскихъ событіяхъ, что всёми здёсь очень чувствуется. Необходимость въ містномъ органів печати настоятельная. Это будеть однимь изъ путей, которымь возможно будеть, до извъстной степени, распространить въ Россіи болъе върныя свъдънія о Квантунъ и о жизни на немъ, если только, на что можно разсчитывать, -- редавція будеть стремиться въ созданію органа серьезнаго и правдиваго.

Выходящія во Владивостов'в газеты занимаются, отъ времени до времени, д'влами Квантуна, или, точн'ве сказать, Портъ-Артура, и им'вютъ въ немъ читателей, такъ какъ между служащими и частными жителями Квантуна много прибывшихъ изъ Приамуры,

воторые сохраняють связи съ нимъ. Впрочемъ, владивостовская печать отнеслась въ новому враю не вполнъ дружелюбно, и если писала о Квантунъ, то лишь для обличенія слабыхъ сторонъ, причемъ корреспонденты, въ сожальнію, считали необходимымъ стущать враски; все-же, что было хорошаго, положительнаго, оставалось читателямъ большею частью неизвъстнымъ. Бывали, конечно, и сочувственныя извъстія, но они терялись въ общемъ тонъ осужденія Квантуна, съ оттънкомъ даже враждебнаго отношенія въ Портъ-Артуру, какъ бы къ конкурренту твердыни русскаго Дальняго Востока — Владивостоку. Городское управленіе Портъ-Артура не оставляло безъ возраженія многія изъ такихъ свъдъній владивостокскихъ газеть, но этимъ мало измънились выше очерченныя отношенія ихъ въ Портъ-Артуру.

На Дальнемъ Востовъ распространены иностранныя газеты, преимущественно англійскія, выходящія въ Шанхаъ, Тяньцзинъ и Іокогамъ. Насколько русскія газеты отличаются пессимизмомъ, настолько же англійскія выдъляются шовинизмомъ, восхваляя все англійское и понося все не-англійское, а въ особенности все русское. Враждебность англійской печати Дальняго Востока противъ всего русскаго превосходитъ всявое въроятіє; для нея нътъ рышительно ничего святаго, такъ что чтеніе этихъ газетъ для русскаго человыка подчасъ становится невыносимымъ. Нътъ той лжи, клеветы, глумленія, которыя бы эти газеты считали неудобными печатать противъ Россіи.

Само по себъ, это бы, можетъ быть, и не имъло особенной важности, но всъ эти выходви получаютъ огромное значеніе, если принять въ соображеніе, что англійскія газеты имъютъ большой кругъ читателей въ Японіи, а теперь даже и въ Китав, въ средъ туземной интеллигенціи, что вся эта грявь переводится на туземные языки, печатается въ китайскихъ и, въ особенности, японскихъ газетахъ и становится такимъ путемъ доступной всей массъ туземныхъ читателей, къ числу которыхъ можно отнести всю грамотную Японію. Такимъ образомъ, все читающее населеніе этихъ странъ систематически воспитывается на враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи и ко всему русскому, и усвоиваетъ себъ пренебрежительное отношеніе къ намъ. Въ началъ 1899 года появился въ шанхайской газетъ "Herald" рядъ статей, весьма оскорбительныхъ для нашего флота и его боевой славы; статьи эти имъли характеръ историческаго очерка и остались тоже безъ возраженія съ нашей стороны;—несомнънно, онъ оказали свое вліяніе, гдъ слъдуетъ, что въроятно и было

главною ихъ целью. Кроме того, англійскія газеты постоянно помещають тенденціовныя выдумки о военныхъ приготовленіяхъ Россіи, и этимъ не мало способствують поддержанію непріязненныхъ къ намъ отношеній японцевъ. Такъ, напримеръ, въ ноябре была помещена въ шанхайской газете корреспонденція о томъ, что въ Посьеть собрано 30.000 войскъ, и что на запросъ китайскихъ пограничныхъ властей о цели такого сбора войскъ командующій генераль далъ ответь: "приготовляемся къ дессанту въ Японію". Въ то же время въ іокогамской газете была помещена телеграмма о высадке на острове Улнеуть дессанта съ русскаго судна, который сорваль японскій флагъ и водрузиль русскій. Такія известія, печатаемыя въ такое напряженное время, не могуть иметь иного вліянія, кроме дурного, темъ более, что они никогда и никемъ не опровергаются.

Нашъ посланцивъ въ Пекинъ и нашъ военный агентъ, ген.наіоръ Вогакъ, близко знакомые съ Дальнимъ Востокомъ, раздівляють мивніе генерала Суботича по этому вопросу. Въ іюнъ появилась корреспонденція о притесненіяхь, чинимыхь русскими властями въ Артуръ протестантской датской миссіи. Приглашенный генераломъ Суботичемъ датскій миссіонеръ опровергнуль всъ эти инсинуаціи, пославъ письмо за своею подписью въ подлежащую газету. Тогда же, прочитавъ въ одной изъ тяньцзинскихъ газетъ свъдъніе, требовавшее непремъннаго опроверженія, генераль Суботичъ телеграфировалъ о томъ посланнику, съ просьбою опровергнуть эту выдумку отъ имени миссіи. Въ отвётъ на это, посланникъ сообщилъ следующее: "Во всехъ издающихся въ Китав англійсьих газетах почти ежедневно поміщаются статьи, направленныя противъ Россіи и ея политики на Дальнемъ Востокъ, полныя заведомо ложныхъ извёстій и всевозможной клеветы в инсинуацій противъ насъ. Вступать въ полемику и опровергать распространяемые слухи считалось для миссіи неудобнымъ, а потому и въ данномъ случай казалось бы наиболие цилесообразнымъ оставить безъ всяваго вниманія извістіе, которому, конечно, не будеть придано серьезнаго значенія".

Съ этимъ нельзя согласиться. Какъ бы то ни было, въ наше время печать стала такимъ факторомъ, съ которымъ обязательно нужно считаться. Печать—это тотъ судъ общественнаго мивнія, который привлекаеть къ отвётственности все и вся, а это неминуемо требуетъ проявленія со стороны привлекаемаго извёстной защиты себя, въ видё опроверженія, поправки, полемики и проч. Въ этомъ духё воспитана интеллигенція нашего времени, и измёнить этого нельзя. Постоянныя и послёдовательныя обвине-

нія во всевовможных происках и постоянное пренебрежительное отношеніе во всему русскому, нивогда не встрічающее отпора со стороны русских, неминуемо вселяєть въ читателях убёжденіе въ томъ, что мы не можемъ опровергнуть взводимыя на нась обвиненія. Система отмалчиванія наносить огромный вредъ нашему престижу, какъ націи и государству, въ глазахъ Японіи и Китая, а віроятно и Кореи, да и въ глазахъ европейскаго населенія Дальняго Востока пріучаєть ихъ смотріть на насъ свысока и мішаєть нашимъ вультурнымъ и политическимъ задачамъ. Характеризующее насъ, какъ націю, отсутствіе выдержки и твердости при сношеніяхъ съ иностранцами, составляющее послідствіе нашей скромности, даже робости, подъвліяніемъ постояннаго сознанія нашихъ недостатковъ, — еще увеличиваєть въ иностранцахъ и даже японцахъ и китайцахъ сознаніе, или, лучше сказать, ощущеніе ихъ превосходства.

Передълать свой національный характерь, въ частныхъ отношеніяхъ, мы не можемъ, и останемся, въроятно, навсегда тъми добрыми малыми, къ которымъ относятся покровительственно всв европейцы, считая насъ чвиъ-то наравив съ японцами и китайцами. Но передълать наши отношения въ этимъ, подрывающимъ паше положение, европейскимъ двятелямъ Дальняго Востова мы можемъ и должны, и прежде всего намъ необходимо отвазаться отъ роли въчнаго, несмъняемаго подсудимаго передъ самозваннымъ судомъ англійской прессы, и самимъ привлечь эту прессу и ея читателей и стороннивовъ въ ответственности, для чего Англія и ея дійствія на Дальнемъ Востові, да и вездъ, дають матеріала болье чьиь нужно. Для насъ слишкомъ важна правильная опъпка дъйствій Россіи японскою и витайскою читающею частью народа, чтобы намъ возможно было въ будущемъ позволять англичанамъ руководить этими народами въ направленіи враждебномъ намъ. Лучшимъ примъромъ, насколько важенъ отпоръ, данный во-время, служатъ наши сосъди, нъмпы и французы. Органы печати этихъ на-цій, выходящіе въ Шапхаъ, не спускають англійскимъ газе-тамъ ни одной выходки противъ ихъ національныхъ интересовъ, и достигли того, что англійская пресса значительно умърила тонъ, вознаграждая себя за то постоянными выходками противъ беззащитной Россіи. Дошло до того, что въ тъхъ же англійскихъ газетахъ появилась, одинъ разъ, корреспонденція отъ англичанина изъ Ньючуана, заявляющаго, что совъсть ему не позволяеть молчать на выходки газеты противъ русскихъ, и что онь, какь очевидець действій русскихь, удостоверяеть лживость

обличительных корреспонденцій. Французская газета, выходящая въ Шанхаї, особенно энергично отстаиваеть интересы Франціи и весьма уміло пользуется слабыми сторонами англійской политики, чтобы обличать самихъ же англичанъ, чёмъ и зажала, въ значительной степени, роть англійской прессії. Эта же газета заступается но временамъ и за насъ, и особенно різко влеймила англичанъ за безсов'єстныя и непозволительныя выходки ихъ газеть. Къ сожалінію, французскій языкъ такъ мало распространенъ на Дальнемъ Востокії, что эта симпатичная и порядочная газета не можеть иміть большого распространенія.

Англійскій языкъ завладёлъ Дальнимъ Востовомъ, и англійская печать даетъ тамъ направленіе общественному мевнію. Потому намъ самимъ необходимо, выступая на это поле, учредить свой печатный органъ, который бы явился противовёсомъ въ нашу пользу, и издавать его непремённо на англійскомъ языкё, въ центрё англійской агитаціи, въ Шанхав. Денежная разсчетливость не должна имёть мёста въ этомъ дёлё, ибо затраты на печать, какъ на оружіе, не менёе необходимы, чёмъ затраты на воинскую силу дипломатическаго представительства, а по моему убёжденію, служба, которую намъ сослужить это оружіе, будетъ, пока, болёе дёйствительна, чёмъ остальныя два.

VII.

Проявленіе общественной жизни.—Гарнизонное военное собраніе.— Артистическій кружовъ. — Скаковое общество.—Мистиній комитеть "Краснаго Креста".— Общество спасанія на водахъ.—Военно-медицинское общество.—Пушкинская читальня.—Датская миссія.—Матеріальная обстановка.

Вся общественная жизнь русскаго населенія Квантуна сосредоточивается въ Портъ-Артурѣ. Таліенванъ, съ его небольшая русская колонія въ Дальнемъ, въ этомъ отношенів вполнѣ тяготѣютъ въ Портъ-Артуру, отдѣленные отъ него лишь незначительнымъ разстояніемъ. Горсть служащихъ въ Бицзнво обречена на крайне однообразное существованіе. Въ Таліенванѣ, впрочемъ, имѣется небольшое полковое собраніе 11-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. Центромъ общественной жизни, въ смыслѣ пріюта для ея проявленія, служать гарнизонное военное собраніе, морской клубъ и театръ при зданіи матросской чайной, бывшій городской китайскій театръ. Отсутствіе военнаго собранія въ сезонъ 1898-99 года было весьма ощутительно для офицеровъ

и вообще для интеллигентныхъ житслей Портъ-Артура. Морсвой влубъ, учрежденный вслёдъ за занятіемъ Квантуна, дёйствуетъ на весьма замвнутыхъ началахъ. Такимъ образомъ, портъ-артурское общество было лишено мёста, гдё бы оно могло собираться для развлеченія, обмёна мыслей, поученія путемъ публичныхъ лекцій, и т. п., ибо театральная зала матросской чайной являлась единственнымъ мёстомъ, гдё бы возможно было собираться, но по спеціальному своему назначенію—служить для собранія матросовъ съ эскадры—зала эта была занята именно во всё праздничные и торжественные дви матросами, спускаемыми на берегъ, а потому въ эти—самые удобные для собранія публики—дни не могла быть утилизирована. Такимъ образомъ, въ зиму 1898-99 года интеллигентной публикъ Портъ-Артура не удалось найти себъ пріюта, который впослёдствіи дасть ей военное собраніе.

Немедленно по прівздів генерала Суботича на Квантунъ, началось устройство общаго гарнизоннаго собранія. Въ ожиданіи постройки капитальнаго зданія для постояннаго собранія, военнымъ министромъ были отпущены средства на приспособление временнаго помъщенія. Единственнымъ зданіемъ въ городь, которое по своимъ размърамъ и своему центральному положению отвъчало цъли, было зданіе матросской чайной. Въ виду отказа вонтръ-адмирала Дубасова, пришлось остановиться на такъ-называемомъ театръ "Суна", небольшомъ ветхомъ вданіи за китайскимъ базаромъ, которое, однако, по ближайшемъ осмотръ, оказалось нужнымъ сломать почти цёликомъ и выстроить заново, съ со-хранениемъ въ залъ собрания витайскаго стиля и орнаментацій. Работа эта могла быть начата лишь въ февралв и была окончена въ іюлю 1899 года, а 22-го числа собраніе было торжественно открыто. Въ теченіе зимы дійствовало маленькое, но хорошо веденное полковое собраніе 10-го восточно-сибирскаго стрълковаго полка, помъщеніе котораго нынѣ отошло къ морскому въдомству. Въ октябрѣ 1898 года возникъ въ Портъ-Артурѣ артистическій вружовь, иміющій цілью доставить участникамь возможность собираться для исполненія произведеній драматическаго искусства, музыки и для литературныхъ чтеній. Возникновеніе этого вружва вызывалось овружающею обстановкою, и число его членовъ въ самое короткое время достигло 128. Изъ годичнаго отчета дъятельности кружка видно, что осуществление намъченной задачи встрътило на практикъ не мало затруднений. Въ силу необходимости пришлось устроивать собранія и вечера кружка въ пом'єщеніи матросской чайной, не соотв'єтствовавшемъ характеру подобныхъ вечеровъ, которые, поэтому, посъщались неохотно, и

ихъ пришлось прекратить. Помещение чайной отдавалось вружку за плату, хотя и не очень большую, но, при незначительныхъ рессурсамъ вружка, все-тави для него чувствительную, тъмъ более, что вружовъ отчисляеть съ важдаго спектакля $10^{o}/o$ въ пользу общества "Краснаго Креста", спеціально для благотворительныхъ мёстныхъ цёлей, и, кромё того, дветь спектакли, весь доходъ съ которыхъ ниветь благотворительное назначение. Всего дано было кружвомъ, за первый годъ существованія, въ зимній сезонъ 1898-99 года, два спектакля и три семейныхъ вечера. сь музыкально-вокальнымъ отделеніемъ. Нынё артистическій вружовъ перенесъ свою деятельность въ военное собраніе, зала вотораго предоставлена ему въ постоянное безплатное пользованіе, и можно надъяться, что онъ еще болье разовьется. Донынь, въ теченіе двухъ м'всяцевъ, дано въ военномъ собраніи три спектавля и одинъ вонцертъ, и еженедъльно собираются для домашних музывальных вечеровъ.

Весною 1899 года образовано въ Портъ-Артурѣ скаковое общество, по примъру существующихъ во всъхъ колоніяхъ Дальняго Востока. Число членовъ—91. Скачекъ было устроено двѣ. Нынъ отведенъ обществу свободный участокъ въ пользованіе, для устройства постояннаго гипподрома.

Весною же образованъ, въ морской средъ, клубъ для игры въ lawn-tennis. Число членовъ его—110, а помъщение для клуба отведено морскимъ въдомствомъ. Клубъ этотъ тоже организованъ на весьма замкнутыхъ началахъ.

Всв заважіе артисты, посъщавшіе Порть-Артуръ, давали свои представленія въ матросской чайной, съ платою въ польку чайной. Затемъ, постояннымъ развлечениемъ публики всехъ слоевъ служить военная музыка, играющая два раза въ недёлю на Николаевскомъ бульваръ, и морская музыка, играющая, во время нахожденія эскадры въ Портъ-Артурів, въ портовомъ садивів, вуда однако входъ для частной публики закрыть. Одинъ разъ игралъ на бульваръ хоръ 10-го восточно-сибирскаго стрълковаго полка и броненосца "Наваринъ" — съ большимъ успъхомъ. Примывающій въ бульвару садъ "Гу" въ последнее время заврыть для публиви, ибо тамъ производится постройва для морского въдомства, и теперь опять единственнымъ мъстомъ гулянья и мъстомъ, гдъ могуть різвиться діти, служить небольшой Николаевскій бульваръ, лежащій на пути большого движенія обововъ, а потому, вонечно, для этой цівли мало удобный, тогда какъ садъ "Гу" быль нъсколько въ сторонъ и окруженъ высокою оградою, изолировавшею его отъ улицы. Имъя въ виду огромное значение хорошей музыки для лицъ, заброшенныхъ на дальнюю окраину, музыкальнымъ потребностямъ которыхъ, конечно, не можетъ удовлетворить плохонькій нештатный хоръ полковой музыки, мы полагаемъ, что для предстоящаго къ постройкъ военнаго собранія, на которое ассигнована большая сумма, необходимо имъть также хорошій бальный оркестръ.

Общественная жизнь Портъ-Артура проявилась и въ болъе серьезной формъ. Въ февралъ 1899 года учрежденъ былъ квантунскій містный комитеть "Краснаго Креста". Число членовь въ немъ доходить ныев до 90. Двятельность свою управление вомитета, состоящее исключительно изъ дамъ, проявило прежде всего сборомъ въ пользу бъдствующихъ русскихъ переселенцевъ, приходащихъ въ Приморскую область сухопутно, черезъ Сибирь, на свой счеть. Результать сбора быль 1.802 рубля, отправленныхъ попечительному о переселенцахъ вомитету въ Хабаровскъ. Затъмъ, послъ достиженія до насъ въсти о неурожав въ приволжскихъ губерніяхъ, дамскій комитетъ энергически взялся за дело: устроилъ подписку и организовалъ народное гулянье, что вивств дало для Портъ-Артура значительную сумму въ 8.278 рублей, которая была переведена по телеграфу въ Петербургъ, въ главное управленіе, для передачи по принадлежности. Наконецъ, комитетомъ, въ ноябръ 1899 года, организованъ сокращенный теоретическій и практическій курсь для женщинь, желающихъ посвятить себя уходу за больными и ранеными, въ случаъ необходимости, имън въ виду, что въ минуту нужды намъ неоткуда получить сворую помощь въ этомъ отношевіи. Занятія производятся подъ руководствомъ четырехъ врачей, а число слушательницъ — 16, почти исключительно женъ офицеровъ, въ томъ числъ даже изъ семей вомандировъ частей. Капиталъ комитета состоить изъ двухъ тысячь рублей. Отвывчивость русскаго населенія Квантуна не ограничилась сборомъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, произведеннымъ "Краснымъ Крестомъ", а еще ранве того откливнулись войска ввантунскаго отряда. Всё офицеры и чиновники отряда постановили отчислить единовременно полпроцента получаемаго содержанія, а нижніе чины поголовно сділали свои посильныя пожертвованія. Такимъ образомъ, собрано было съ офицерскихъ чиновъ 4.001 рубль, а съ нижнихъ — 1.175 рублей, которые были переведены по телеграфу въ Петербургъ. Офицеры крипостной артиллеріи прибавили къ этому еще 577 рублей, взамвиъ празднованія своего полкового правд-

Одновременно съ обществомъ "Краснаго Креста" возникли два

ивстных управленія общества спасанія на водахь: одно, вивокружной отділь, учрежденный генераломь Дубасовымь, а другое—овружное управленіе, учрежденное генераломь Суботичемь. Первое насчитываеть 80, а второе—119 членовь. Капиталь общества состоить— перваго изъ 3½ тысячь рублей, а второго— изъ 2.307 рублей.

Наконецъ, въ ноябръ прошлаго года, вознивло, по иниціативъ довтора Франціуса, первое ученое общество Квантуна — военномедицинское, въ составъ котораго допускаются и лица не-медицинской профессіи. Число членовъ—80. Дъятельность свою общество уже начало публичнымъ сообщеніемъ, въ залѣ военнаго собранія, о чумъ, врача Падлевскаго, пробывшаго въ Инькоу, въ этомъ очагъ чумы, три слишкомъ мъсяца. Далѣе послъдуетъ цълый рядъ интересныхъ рефератовъ по мъстнымъ вопросамъ, медицинскимъ и санитарнымъ. Общество открываетъ свою безплатную амбулаторную лечебницу, домъ для которой отведенъ изъчила домовъ военнаго въдомства, а на обзаведеніе и содержаніе лечебницы городская коммиссія ассигновала, по дополнительной смътъ, двъ тысячи рублей и постановила выдавать эту субсидію ежегодно. Такимъ образомъ, дъло это вполнъ обезпечено.

Серьезнымъ для Портъ-Артура общественнымъ учрежденіемъ просвётительнаго характера является также Пушкинская читальня, учрежденная осенью 1898 года и названная въ честь поэта въ день юбилейнаго празднованія. Она возникла, главнымъ образомъ, трудами штабсъ-капитана Лединга, и была первоначально устроена на подписныя деньги. Число подписчивовъ достигло 150, а подписная сумма—15.000 рублей. Выписано было до 60 періодических визданій и сдёлана обстановка для читального зала. Помъщение было отведено отъ города. Впосавдствін, съ организаціей городской коммиссіи теперешняго состава, читальня была передана въ въдъніе города и сдълана общедоступною, а генераломъ Суботичемъ дальнъйшее ея существованіе обезпечено отнесеніемъ ел содержанія на счеть городсвихъ суммъ по смътъ. Для образованія общественной библіотеки при Пушкинской читальнъ генералъ Суботичъ обратился въ редакцію "Новаго Времени", съ просьбой организовать сборъ пожертвованій внигами, на что редавція изъявила согласіе, а комитеть "Добровольнаго флота", по просьб'я генерала Суботича, разрѣшилъ безплатную перевозку на своихъ пароходахъ собранныхь этимъ путемъ внигъ. Результатъ сборовъ пова еще не извъстенъ. Чествование столътия Пушкина не было забыто и на Квантунъ. Своевременно былъ составленъ вомитетъ для органи-

Digitized by Google

заціи празднованія, состоявшій изъ представителей отъ всего общества, который и руководиль этимъ скромнымъ, по мъстнымъ условіямъ, торжествомъ. Отслужена была панихида по поэтъ, прочитана публичная левція, поставленъ спектакль, собрана сумма на швольное дело и составлена "Памятка" русскому солдату о Пушкиев, вывъшенная во всъхъ казарменныхъ помъщеніяхъ. Но главнымъ результатомъ чествованія было учрежденіе начальной шволы имени поэта, здание которой и было заложено 26-го мая. 17-го овтября зданіе школы было освящено, а на другой день начались учебныя занятія. Матеріально школа обезпечена собственнымъ зданіемъ и участкомъ, и содержаніемъ по смътъ городскихъ доходовъ, а нравственною зарукою ея процвътанія служить принятіе ея подъ покровительство его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, состоявшееся 17-го ноября. Въ Таліенванъ юбилей быль тоже отпразднованъ.

Въ отношении удовлетворения религиозныхъ потребностей русскіе и прочіе европейскіе жители Квантуна были обставлены плохо. Съ самаго начала занятія Квантуна и по іюль 1899 года, т.-е. въ теченіе 16 мъсяцевъ, вся православная паства, войска и всъ частныя лица не-военнаго званія, находилась на рукахъ одного лишь священника, о. протојерея І. Никольскаго, который служиль всё службы, исполняль всё требы и, въ тому же, оть времени до времени долженъ былъ ввдить въ Таліенванъ для той же цвли. Труды его во время великаго поста двиствительно были огромные. Богослужение происходило въ сарав, отведенномъ въ порту морскимъ въдомствомъ, холодномъ, убогомъ. Немедленно по прівадв генерала Суботича, въ августв 1898 года, на Квантунъ, онъ распорядился, не ожидая назначенія кредитовъ, постройкой временной деревянной церкви, которая и была освящена, 9-го мая 1898 года, во имя св. Николая чудотворца. Церковь расположена на хорошемъ мъстъ, хорошо видна съ малаго рейда и изъ порта, и своею светлою окраскою и двумя вуполами придаеть городу русскій видь. Вмістимость ея-на 500 человъвъ. Впослъдствін, когда будеть построенъ соборъ, цервовь эту предполагается перенести на владонще. Въ Таліенванъ богослужение отправляется въ сараъ. Въ іюлъ 1899 года протојерей Никольскій быль откомандировань, а вновь прибыли три священника, изъ которыхъ одинъ отправленъ въ Таліенванъ, и лишь съ этихъ поръ можно считать, что церковная служба въ обоихъ пунктахъ обезпечена. Пъвчіе въ церквиотъ войскъ, и при умеломъ руководстве поручика Кондратьева

и г. Сахарова церковное пѣніе было очень удовлетворительное; образовался также хорь любителей изъ среды офицеровъ и дамъ, который пѣлъ по большимъ праздникамъ. Католическая и лютеранская паствы не имѣли до 1900 г. на Квантунѣ пастырей. Католическій священникъ пріѣзжалъ два раза изъ Владивостока для совершенія требъ, а лютеранскаго за полтора года слишкомъ не было вовсе.

До извъстной степени лютеранское богослужение совершается здъщнимъ датскимъ миссіонеромъ Бедло, но онъ внаетъ лишь датскій и англійскій языки. Миссія эта существовала здёсь до занятія нами Квантуна; она состояла изъ нѣсколькихъ миссіонеровъ, которые, послъ занятія нами города, убхали въ глубь Манчжуріи. Прежде бывали ежедневныя пропов'єди на витайсвомъ языкъ въ особой часовив, но онъ прекратились, ибо срокъ аренды помъщенія для часовни окончился, а прежнее управленіе не разр'єтило продлить аренду. Нын'є миссіонеръ совершаеть богослужение въ здании миссии каждое воскресенье навъщаетъ крещенныхъ ранъе китайцевъ по деревнямъ, не занимаясь дальнъйшею пропагандою, впредь до выясненія юридическаго положенія иностранныхъ религіозныхъ миссій на Квантунь, о чемъ генераломъ Суботичемъ возбужденъ вопросъ, въ мав прошедшаго года, черезъ посланнива въ Пекинв. Паства его совершенно ничтожна числомъ. Вийсти съ тимъ миссіонеръ ванимается амбулаторнымъ леченіемъ китайцевъ.

Матеріальная обстановка русскихъ жителей Квантуна вообще тяжелая. Тёснота въ Портъ-Артурѣ, отсутствіе хорошихъ помѣщеній, при очень высокихъ цѣнахъ на нихъ, и довольно высокія цѣны на предметы первой необходимости, дѣлаютъ жизнь трудною. При этомъ нельзя не упомянуть, что если дороговизна номѣщеній и оправдывается задержкою въ устройствѣ новаго города, то дороговизна жизненныхъ припасовъ установилась совершенно искусственно, благодаря тому, что первые торговые люди прибыли сюда изъ Владивостока и сразу установили здѣсь сибирскія цѣны, которыя не слыханы въ англійскихъ колоніяхъ по сосѣдству, причемъ повліяли на повышеніе цѣнъ и въ смежныхъ портахъ Китая.

Не вполнъ удовлетворительная матеріальная обстановка усиливается нравственною обстановкою: отдаленность, трудность и дороговизна сообщенія съ Европейскою Россіею, дороговизна телеграфнаго и продолжительность почтоваго сообщенія, неоднократныя тревоги военнаго характера, чума по сосъдству и пр.

Собственно офицерскій составъ войскъ, составляющій по

численности большую часть жителей Портъ-Артура, обставленный въ денежномъ отношении лучше чёмъ гдё-либо, не можетъ жаловаться на денежную стёсненность.

VIII.

Офицерское экономическое общество. — Топографическія работы на Квантуні. — Учрежденіе комитета для борьбы съ чумою. — Міры огражденія Квантуна по морской граннців. — Центральный морской карантинь на мыст Робинзонь. — Крейсерство. — Особыя міры противь Чифу. — Міры огражденія по сухопутной граннців. — Чума въ Японін. — Посліднія свіддінія по медицинской и санитарной части. — Качество воды въ Порть-Артурів.

Учрежденіе экономическаго общества въ Портъ-Артур'в тоже имъло вліяніе на удешевленіе жизни офицеровъ, а восвенно составляетъ препятствіе чрезм'врному росту цінь и въ частной торговлъ. По прівздв генерала Суботича на Квантунъ, онъ немедленно подвинулъ поднятый уже, но слабо двигавшійся вопросъ объ учреждени этого общества, утвердилъ временно уставъ его, отвелъ ему помъщение и побудилъ приступить въ постройвъ собственнаго дома для магазина на отведенномъ въ центръ города участив. Домъ быль окончень и освящень въ ноябръ, а старое пом'ящение обращено въ складъ. Д'яйствия общества, т.-е. открытіе продажи во временномъ помѣщеніи, начались съ января 1899 года. Общество завязало прямыя сношенія съ фабрикантами и оптовыми торговцами Европейской Россіи, Марселя, Шанхая, и такимъ образомъ получаетъ товаръ, минуя посредниковъ. Оборотъ 1899 года былъ до 90.000 рублей. Новый домъ, построенный (также какъ и зданіе собранія) строевымъ офицеромъ, штабсъ-капитаномъ Лункевичемъ, нынъ составляетъ украшеніе города. Число членовъ общества 249 человъкъ.

Квантунъ, несомнънно, вызываетъ извъстный интересъ въ иностранцахъ; со времени занятія нами Квантуна по осень 1899 года, посътили Портт-Артуръ нъсколько болье или менъе выдающихся лицъ. Такъ, между прочимъ, былъ членъ англійскаго парламента, изъ состава оппозиціи, Joseph Walton; англійскій ученый D-г Seaman; американскій морской агентъ въ Японіи, лейтенантъ Кеу; англійскій ротмистръ М-г Swiney—уроженецъ Москвы и говорящій хорошо по-русски; американскій консуль изъ Чифу Fowler; французскій консуль оттуда же de Pommeyrac; французскій военный агентъ въ Китав, маіоръ Vidal:

французскій туристь, виконть de Breteuil; французскій епископь изъ Мукдена, M-gr Guillon; германскій генеральный консуль въ Шанхав, D-г Кпарре, съ вице-консуломъ изъ Чифу, D-г Lenz; два офицера сухопутныхъ войскъ изъ Кіаочао, генеральнаго штаба маіоръ v. Falkenhayn и капитанъ баропъ Buttlar, —первый съ женою, — японскій консуль изъ Чифу, капитанъ 2-го ранга Могі и др.

Всв эти лица имъли соотвътствующія рекомендаціи, представлялись генералу Суботичу и были у него приняты, а затъмъ осмотръли, въ сопровожденіи приставленныхъ къ нимъ офицеровъ генеральнаго штаба, или адъютанта генерала Суботича—то, что генералъ Суботичъ считалъ возможнымъ показать каждому изъ нихъ; нъкоторые вздили въ Таліенванъ или въ Дальній. Кромъ того, въ Портъ-Артуръ было нъсколько иностранныхъ военныхъ судовъ: австрійскихъ, итальянскихъ и аргентинское, командировъ которыхъ съ офицерами генералъ Суботичъ также принималъ. Японскія и англійскія суда не заходили, а китайскія суда приходили часто чиниться въ докъ или за углемъ.

При занятіи нами Квантуна топографическія св'ядівнія объ этой странь были крайне недостаточны. Морскія карты англійсваго изданія давали сколько-нибудь точныя данныя только о побережьи, но совершенно не касались внутренняго пространства. Топографическія свёдёнія о послёднихъ ограничивались планомъ ближайшихъ окрестностей Порть-Артура, но и этотъ планъ не годился для пользованія, такъ какъ обнималь слишкомъ малую площадь и не быль достаточно правиленъ. Такимъ образомъ предстояли врупныя топографическія работы, осложнявшіяся тімь, что надо было нийть возможно скорбе планы различныхъ масштабовъ и различныхъ характеровъ, тогда какъ офицеровъ-спеціалистовъ этого дела было крайне недостаточно. Недостатовъ въ офицерахъ ворпуса топографовъ заставилъ генерала Суботича, для ускоренія съёмовъ, прибъгнуть въ привлеченію на эти работы строевых офицеровъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба. Топографическія работы раздёляются на слёдующія категоріи: 1) съёмки участковъ мъстности, важныхъ въ военномъ отношении; 2) для статистическаго изученія края; 3) съемки для надобностей города Портъ-Артура по распредъленію вемель между различными в'вдомствами; 4) топографическія работы, производившіяся въ коммиссіи, разграничивавшей нашу территорію отъ нейтральной зоны; 5) планы городовъ.

При топографическихъ работахъ на нашей территоріи глав-

ное вниманіе было обращено на изученіе Порть-Артура и его оврестностей, и можно считать, что съ овончаниемъ производимой нынъ военными топографами инструментальной съёмки въ масштабъ 100 с., и дополненіемъ ея до района въ десять версть, Портъ-Артуръ, какъ крвность, будетъ достаточно обезпеченъ планами. Планы остальной части нашей территоріи им'єются снятые или полуинструментально, или глазом врно, а потому и не вполет точные, и кромт того они не связаны между собою. Карты всей территоріи, составленныя въ масштабів одна, дві и пять верстъ въ дюймъ, могутъ считаться вполнъ пригодными для стратегическихъ цёлей и соображеній. Для составленія точной карты всей нашей территоріи літомъ 1899 года партія топографовъ, подъ руководствомъ начальника военно-топографическаго отдёла, приступила къ инструментальной съёмкъ, въ масштабъ одной версты, всей нашей территоріи вплоть до границы. Съёмку эту предположено было окончить въ ноябръ 1901 года, причемъ въ нее войдутъ инструментальныя съёмки 1898 года. Независимо отъ того, гидрографическою экспедицію морского в'йдомства были произведены мензульная съёмка и описаніе юго-восточнаго побережья Ляодунскаго полуострова, до р. Ялу, а также входъ въ р. Ялу, и произведены промъры въ Корейскомъ заливъ.

Въ февралъ 1899 г. генераломъ Суботичемъ было получено письмо начальника главнаго штаба, съ предложениемъ распорядиться провъркою и исправленіемъ списка и таблицъ китайскихъ названій Квантуна, перечисленныхъ въ приложеніи въ этому письму. Работа эта была выполнена поручивомъ Россовымъ. При этомъ предсталь вопросъ, поднятый правтикой нашей на Квантунъ, о правильности транскрипціи витайскихъ названій. Генералъ Суботичъ выразилъ мнёніе о желательности пересмотра, главнымъ образомъ для вартографическихъ работъ главнаго штаба, транскрипціи, принятой восточнымъ факультетомъ и въ словаръ И. С. Попова, такъ какъ мъстный опыть показалъ необходимость такого пересмотра для устраненія недоразуміній и ошибокъ. Работа эта, вслъдствіе незначительности ея объема, не можеть представить большихъ затрудненій, имбя въ виду, что въ словаръ Попова значится лишь 404 различныхъ по звукамъ словъ, а по англійскому учебнику Wade, весьма распространенному на Дальнемъ Востовъ среди русскихъ, изучающихъ китайскій язывъ, число таковыхъ доходитъ до 420. Объ этомъ было доведено до свёдёнія начальника главнаго штаба, съ приведеніемъ ряда приміровъ, относящихся въ ділу.

Первое изв'ястіе о появленіи чумы въ Ньючувить (Инькоу)

было генераломъ Суботичемъ получено отъ начальника южнаго отдъленія витайской восточной жельзной дороги, 31-го іюля 1899 года, которому это было сообщено изъ Инькоу, по телеграфу, его мъстнымъ агентомъ. Извъстіе гласило, что въ китай-свомъ городъ уже два дня вавъ начались заболъванія, отъ которыхъ умирають ежедневно 30-40 человъкъ. Получивъ это свъдъніе, генералъ Суботичъ, 1-го августа, собралъ экстренное, особое совъщаніе, изъ всёхъ наличныхъ въ Портъ-Артуръ врачей всёхъ въдомствъ и представителей военной и гражданской администраціи, желъзной дороги, пароходствъ и проч. На совъщании было постановлено командировать немедленно въ Ньючуанъ коммиссію изъ трехъ врачей -- военнаго, морского и желванодорожнаго, съ цълью опредъленія появившейся бользин и степени ея распространенія. Врачи выбхали въ тоть же день, на экстренномъ пароходъ китайской восточной жельзной дороги. На томъ же совъщани избрана была коммиссія изъ нъсколькихъ врачей и должностныхъ лицъ, для довлада эгому совещанію, на следующій же день, схемы установленных закономъ и наукой мёропріятій, на случай еслибы потребовалось принятіе этихъ мітрь. Но независимо отъ того, имъя въ виду, что болъвнь въ Ньючуанъ, мо-жетъ быть, началась еще значительно ранъе обнаруженія ея жеивзнодорожнымъ агентомъ, генераломъ Суботичемъ было сдвлано тотчасъ же распоряжение о примвнени карантинныхъ правилъ ко всемъ судамъ, прибывающимъ въ Портъ-Артуръ изъ Ньючуана, впредь до выясненія обстоятельствъ. 2-го августа, консулъ нашъ въ Ньючуанъ, г. Островерховъ, телеграфировалъ генералу Суботичу на его запросъ, что въ течепіе последнихъ десяти дней въ Ньючуанъ появились подозрительныя заболъванія, въ виду чего имъ превращено сообщение между витайскимъ городомъ и русскимъ участкомъ (расположеннымъ отъ города въ четырехъ верстахъ, гдъ находится станція жельзной дороги). 3-го августа, генераломъ Суботичемъ было получено телеграммою донесеніе воминскій врачей о томъ, что существованіе бубонной чумы несомивнно.

Въ тотъ же день, въ засёданіи особаго совёщанія, быль выслушань докладь коммиссіи, избранной 1-го августа, и, согласно полученному изъ Ньючуана удостовёренію о существованіи чумы, генераломъ Суботичемъ быль учрежденъ комитеть для борьбы съ чумою, подъ его предсёдательствомъ, изъ нёсколькихъ врачей, ветеринара и ряда лицъ, стоящихъ во главё административныхъ и общественныхъ учрежденій. Комитеть этоть былъ, по полученін высланныхъ изъ Петербурга правилъ для коммиссіи его императорскаго высочества принца Ольдепбургскаго, переименованъ генераломъ Суботичемъ, 23-го октября, въ квантунскую санитарно-исполнительную коммиссію. Немедленно были выписаны по телеграфу лимфа, сыворотка, дезинфекціонные аппараты и сдълано сношеніе о присылкъ временно изъ Приамурскаго врая восьми врачей, которые 19-го августа и прибыли. Объ усиленіи врачебнаго персонала Квантуна двадцатью врачами, фельдшерами и сестрами милосердія генераль Суботичь телеграфировалъ главному военно-медицинскому инспектору, и 2-го декабря врачи, въ числъ десяти, и сестры милосердія, въ числъ девяти, прибыли въ Портъ-Артуръ и привезли съ собою медикаменты, перевязочные и дезинфекціонные припасы для карантиновъ и наблюдательныхъ пунктовъ. 4-го августа, въ засъданіи этого комитета, выработана была схема мъропріятій, подлежащихъ немедленному приведенію въ исполненіе. При обсужденіи ихъ, митыія членовъ комитета раздълились: семь членовъ, въ томъ числъ всь четыре врача комитета, высказались за принятіе самыхъ строгихъ мъръ въ огражденію Квантуна отъ заноса чумы, а три члена - представители въдомствъ морского, желъзной дороги и жельзнодорожнаго пароходства-за принятие облегченных мъръ.

Согласно постановленію вомитета и на основаніи личнаго взгляда генерала Суботича, 5-го августа портъ Ньючуанъ (Инькоу) былъ объявленъ имъ по чумѣ неблагополучнымъ, о чемъ объявлено вуда слѣдуетъ. Вскорѣ послѣ того въ Инькоу былъ вомандированъ врачъ Падлевскій, съ двумя фельдшерами и съ двадцатью больничными мѣстами, въ распоряженіе вонсула, гдѣ и оставался до прибытія изъ Европейской Россіи желѣзнодорожныхъ врачей, въ теченіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ.

Для охраненія Квантуна отъ заноса чумы по морской границь учреждень быль въ Портъ-Артурь карантинь, для котораго были возведены постройки на Тигровомъ-Хвость и выставлено оть морского въдомства брандвахтное судно. Въ Таліенванъ брандвахтенная служба производилась вначаль съ берега; затьмъ посланъ быль туда, по сношеніи съ морскимъ начальствомъ, паровой катеръ, и накснецъ поставлено брандвахтное судно. Въ Таліенванъ допускались лишь благополучныя суда, прочія же подлежали отправкъ въ Портъ-Артуръ. Въ Бицзиво опросъ судовъ производился съ лодокъ. Гвардіоны для постановки, находящіеся въ обсерваціи, назначались отъ частей гарнизона. Служба этихъ людей заслуживаетъ упоминанія: десятидневное жительство на грязной джонкъ, часто переполненной китайскимъ грузомъ и экипажемъ, при морской качкъ на маломъ рейдъ, необходимая

напряженная бдительность, при склонности китайцевъ нарушать карантинъ, опасность отъ зараженія чумою, еслибы таковая обнаружилась на суднъ, холодъ и пр. - это было удъломъ этихъ многочисленных ребять нашей славной армін, можно свазатьстоявшихъ безсменно по десяти дней на часахъ. Всего перебывало въ гвардіонахъ 154 нижнихъ чина. Большія неудобства для скораго и успъшнаго дъйствія брандвахты составляеть неподчиненность ея судовъ начальнику края, вслёдствіе чего всё распоряженія должны были делаться черезъ портовое начальство. О подчиненіи брандвахты непосредственно генералу Суботичу, по дылы карантиннымъ, генералъ Суботичъ входилъ съ представленіемъ, такъ какъ существующая постановка дёла отражалась вредно на торговомъ судоходствъ вообще и на пароходствъ китайской восточной жельзной дороги въ особенности, и давала поводъ къ постояннымъ жалобамъ со стороны последняго, но морское министерство не нашло возможнымъ согласиться на это подчиненіе.

Портъ-артурскій морской карантинъ предполагался генераломъ Суботичемъ какъ учреждение временное. Еще въ апрълъ мъсяцъ назначенною имъ коммиссіею изъ врачей, инженеровъ и морявовъ и представителей администраціи избрано было на мысъ Робинзонъ, въ таліенванской бухть, мъсто для постояннаго карантина, объ устройствъ котораго генераломъ Суботичемъ было представлено главному военному медицинскому инспектору въ іюль. Выше, въ отдъль медицинской части, перечислены свойства и удобства этого мъста. Съ наступленіемъ, такъ неожиданно, необходимости въ осуществлении карантипа противъ чумы, генералъ Суботичъ призналъ необходимымъ примънить сдъланвыя изысканія и учредить общій для Квантуна центральный карантинъ на Робинзонъ, съ окончаніемъ постройки котораго, возведеніемъ, конечно, временныхъ, деревянныхъ зданій, предполагаль закрыть временный порть-артурскій карантинь, ибо Порть-Артуръ, по крайней тесноте, не представляетъ решительно нивакихъ удобствъ для карантиннаго учрежденія. Предполагалось оставить лишь брандвахту и карантинный постъ. Предположение генерала Суботича о карантинъ на Робинзонъ было одобрено, и отпущено 40.000 рублей на постройку и 10.000 на его обору-

Впоследствіи, въ ноябре, когда постройка карантина была уже окончена, неожиданно возникло затрудненіе со стороны строителя порта Дальняго, такъ какъ онъ считалъ близость Робинзона къ Дальнему угрозою для последняго. Не говоря о томъ, что варантины вообще воздвигаются въ чертъ самихъ городовъ, какъ, наприм., въ Одессъ, да и въ Портъ-Артуръ, и обстоятельство это не считается угрожающимъ для города, — самый переносъ готоваго уже карантина на мъсто, указанное строителемъ, на островъ Саншанькоу, превышалъ силы и средства внженернаго въдомства, не располагающаго нивакими плавучими средствами, да и вообще настолько обремененнаго работою, что генераль Суботичь не считаль возможнымь на него возложить и это дело, и сделаль представление въ томъ смысле, что если переносъ этого варантина столь нуженъ въ интересахъ постройки порта Дальняго, то и самая его постройка можетъ быть возложена на строителя порта, располагающаго для того вавъ матеріальными средствами, такъ и личнымъ составомъ. Это представленіе генерала Суботича было уважено. Темъ временемъ, вслъдствіе превращенія, по зимнему времени, навигаціи въ Ньючувит и встхъ стверныхъ портахъ Желтаго моря, дълалось необходимымъ тщательное охраненіе всей береговой линіи, тавъ какъ иначе учреждение морского карантина не могло достигнуть цели. Потому отъ войскъ было выставлено охранение обоихъ береговъ, по Корейскому и Ляодунскому заливамъ, вилоть до линіи сухопутнаго вордона. Для выхода въ море и обратнаго прихода рыбавовъ были установлены правила, равно для наблюденія за торговыми джонками, приходящими именно въ это время, въ значительномъ числъ, для нагрузки заготовленной населеніемъ соленой и сушеной рыбы, на вывозъ съ Квантуна. Такъ какъ для этихъ джонокъ ръшительно было невозможно заходить сначала для отбыванія карантина въ Артуръ, ибо это сопряжено съ тавимъ расходомъ и съ тавою потерею времени, что купцамъ пришлось бы отвазаться отъ этой операціи, вследствіе чего у населенія остался бы на рукахъ, непроданнымъ, весь уловъ рыбы, генералъ Суботичъ призналъ необходимымъ предоставить этимъ джонкамъ отбывать десяти-дневный карантинъ на мъстъ, въ тъхъ бухтахъ, гдъ по заведенному порядку ежегодно сосредоточивалась продажа рыбы. Наблюденіе за этимъ было возложено на выставленные отъ войскъ офицерскіе посты. Всего въ охранъ береговъ находится 508 человъкъ, при восьми офицерахъ.

Для охраны береговъ установлено было также крейсерство небольшихъ судовъ эскадры, что больше имъло, впрочемъ, нравственное, чъмъ фактическое значеніе, ибо это крейсерство не было постояннымъ, а суда по своимъ размърамъ не могли держаться близко къ берегамъ. Крейсерство это было прекращено въ началъ октября, вслъдствіе недостатка судовъ.

Нежеланіе китайских властей и иностранных консуловь въ Чифу принять какія-либо действительныя мёры противъ провенансовъ изъ Ньючуана делало этотъ пунктъ особенно опаснымъ для Квантуна. Сообщенія Чифу съ Ньючуаномъ—весьма оживленныя и зараза могла быть легко занесена этимъ путемъ.

Пароходамъ, идущимъ изъ Ньючуана, стоило зайти въ Чифу, чтобы оттуда явиться въ намъ съ чистымъ патентомъ не болъе, вакъ черезъ двое-трое сутокъ послѣ выхода изъ Ньючуана. Отвазь иностранных представителей установить варантинь въ Чифу, несмотря на требованія нашей миссіи и нашего вонсула, объясняется нежеланіемъ ихъ нанести матеріальный ущербъ торговлів города; въ случав же действительнаго заноса чумы въ Чифу, ее можно было скрыть, да и немногочисленные европейскіе жители города, при изолированности его отъ витайскаго города, въроятно рисковали не многимъ. Заносъ эпидеміи на Квантунъ черезъ Чифу напугалъ, конечно, этихъ консуловъ, но для насъ, при многочисленности войскъ, скученности городского населенія, живущаго бокъ-о-бокъ съ китайцами, и при наличности большого числа простого русскаго народа, имъющаго близвія сообщенія съ массою китайскихъ рабочихъ, заносъ эпидеміи этимъ путемъ могь сделаться роковымъ. Съ формальной точки вренія, генераль Суботичь, вонечно, не имъль права принимать нивакихъ мъръ противъ Чифу, до тъхъ поръ, пока городъ этотъ благополученъ по чумъ; непринятіе мъръ было равносильно отмънъ всявихъ мъръ со стороны моря, ибо важдому пароходу да и джонкъ выгоднъе было зайти изъ Ньючуана въ Чифу и оттуда въ намъ, потерявъ нъсколько дней, чъмъ стоять десять дней въ карантинъ. Вслъдствіе того генералъ Суботичъ сообщилъ посланнику и консулу въ Чифу, и сделалъ распоряжение по порту, что всв суда, идущія изъ Ньючуана черезъ Чифу, онъ считаеть въ виду отсутствія міръ предосторожности въ Чифу — идущими изъ порта неблагополучнаго, и что по тому въ нимъ будутъ приивнены въ полномъ объемв всв карантинныя мвры. Надзоръ за такими судами быль возложень на находящагося въ Чифу, командированнаго генераломъ Суботичемъ, военнаго врача. Мъра эта была встръчена въ Чифу врайне неблагопріятно, и тамъ были пущены въ ходъ всякія міры, чтобы добиться отміны этого распоряженія, причемъ врачъ Канель сдёлался предметомъ происковъ, съ цълью хотя бы его удаленія и возложенія діла надзора на мъстнаго англійскаго врача, который, конечно, съумълъ бы повести дело въ смысле удобномъ для интересовъ Чифу. Тъмъ не менъе, это не удалось; врачъ и теперь находится тамъ,

и безъ его удостовъренія не пропускается изъ Чифу ни одинъ пароходъ и ни одинъ китайскій рабочій.

Хотя чума объявилась лишь въ Инькоу и его ближайшихъ окрестностяхъ, но въ сентябрв на джонкв, пришедшей съ устъя Ялу, обнаруженъ былъ въ портъ-артурскомъ карантинв одинъ больной чумою китаецъ, который и умеръ. Этотъ случай заставилъ геперала Суботича принять мвры предосторожности и противъ этого пункта, который имветъ съ Портъ-Артуромъ весьма оживленныя сношенія по привозу строительнаго люса. Джонки, приходящія оттуда, подвергаются десятидневной обсерваціи, но въ случав если привезенный люсъ разгружался съ нихъ немедленно, прямо въ воду, то ихъ выпускали обратно для ухода на Ялу. Впрочемъ, упомянутый случай былъ единственнымъ на Квантунв. Весьма желательно было этого умершаго, и вообще всюхъ могущихъ впредь умереть отъ чумы, не погребать и тюмъ еще больше заражать почву Квантуна, а принять за правило сжигать трупы. Генералъ Суботичъ вошелъ въ сношеніе съ посланникомъ, камергеромъ Гирсомъ, который отвътилъ, что не следуетъ прибъгать къ сожженію труповъ, во избъжаніе неудовольствія со стороны населенія. Всего, съ открытія карантина въ Портъ-Артурв и по 1-е декабря, перебывало въ обсерваціи 1 пароходъ, 2 лоцманскихъ судна и 484 джонки.

Немедленно по выясненіи возникновенія эпидеміи въ Нью-

Немедленно по выясненіи возникновенія эпидеміи въ Ньючуань, генераломъ Суботичемъ было отдано приказаніе о занятіи нашей съверной границы кордономъ отъ войскъ и объ устройствъ тамъ карантина. Войска уже выступили, когда, 15 августа, было получено изъ Петербурга распораженіе, по которому охрана Квантуна съ сухого пути должна была стать на Цзиньчжоускомъ перешейкъ, а съверная часть полуострова, оставшаяся такимъ образомъ внъ кордона, охраняться двумя врачебно-наблюдательными пунктами. Такой отказъ отъ включенія всей съверной половины нашей территоріи въ районъ охраны вытекалъ изъ нуждъ постройки жельзной дороги, работы по которой подходили къ смычкъ пути съ обоихъ концовъ, со стороны Инькоу и со стороны Таліенвана. Съ своей стороны, генералъ Суботичъ не считалъ возможнымъ очистить эту половину территоріи отъ войскъ, расположенныхъ тамъ, въ Бицзиво и по казачьимъ постамъ; ибо такая мъра повела бы къ дискредитированію нашей власти, къ усиленію вліянія на населеніе цзиньчжоускихъ и мукденскихъ властей, къ возобновленію разбойничества и къ опасности всъхътъхъ жителей страны, и въ особенности состоятельнаго купечества въ Бицзиво, которые уже успъли показать свое расположе-

ніе въ русскому режиму. Ходатайство генерала Суботича объ оставленіи этихъ войскъ на мѣстахъ было уважено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія административнаго вліянія на сѣверной, отрѣзаной вордономъ, части территоріи, генералъ Суботичъ раздѣляль сѣверный участовъ на двѣ части, назначивъ для завѣдыванія южною частью пристава южнаго участва, а южный участовъ быль переданъ въ непосредственное вѣдѣніе помощника начальвика округа.

Кордонъ по Цзиньчжоускому перешейку былъ немедленно выставленъ, причемъ въ нарядъ шла одна рота, а врачебно-наблюдательные пункты поставлены въ Иченпу и Паотайдзы. Карантинъ былъ помъщенъ въ импанъ (укръпленныя казармы китайсьних войскъ) подъ городомъ Цзиньчжоу (оставшемся внъ вордонной линіи), гдв для того были приспособлены имвющівся зданія. На устройство сухопутнаго варантина отпущено было тоже 40.000 рублей, и 10.000 руб. на его оборудование. При такомъ расположеніи кордона, порть и желёзнодорожная станція Таліенванъ (старый) оказались внутри линіи, и такимъ образомъ движение пободовъ съ юга не могло имъть мъста, и постройкъ угрожала полная остановка съ этой стороны. Имъя руководящее указаніе военнаго министра принять всё міры, дабы не промелить продолжение жельзной дороги, и сознавая и съ своей стороны всю важность этого дёла, генераль Суботичь счель возможнымъ, на личную свою отвътственность, отступить отъ суровыхъ правилъ карантиннаго устава, и потому сделалъ распоряжение о пропусвъ матеріальныхъ поъздовъ дороги, при возвращении ихъ съ съвера, черезъ кордонъ безъ карантина. Вмъстъ сь темъ, генералъ Суботичъ разрешилъ постоянный пропускъ 14 лицамъ, служащимъ по движенію и ремонту, присутствіе которыхъ по объ стороны кордона признано было крайне необходимымъ. Всвхъ служащихъ, польвующихся этою льготою, генераль Суботичь обязаль дать подписку въ томъ, что не будуть посъщать зараженнаго инькоускаго района, и всъмъ имъ были выданы именные билеты на пропускъ. Льгота эта действуетъ и понынъ и была генераломъ Суботичемъ пріостановлена на нъсколько дней, вслёдствіе полученія извёстія, оказавшагося впостедствін ложнымъ, о появленін подозрительныхъ заболеваній на свлонъ массива Самсона, близъ Таліенвана. Такое положеніе дъла, воторое, по мевнію генерала Суботича, для желвзной дороги представляетъ лишь значительныя неудобства и едва ли можетъ отражаться на успъхъ постройки, не удовлетворяло дорогу, которая считала необходимымъ имъть свою пристань и станцію въ Таліенван'ї, въ район'ї, свободномъ для сообщенія съ с'вверомъ, въ вакомъ направленіи и велось д'їло.

Въ виду этого генералъ Суботичъ, 30-го сентября, получилъ окончательное приказаніе о перенесеніи линіи охраны въ югу отъ Таліенвана, что было сопряжено съ выводомъ всего таліенванскаго гариизона, который не могь остаться открытымъ для чумы. Новую линію генераль Суботичь избраль на Нангалинской позиціи, для занятія которой потребовался нарядъ въ три роты. 12-й восточно-сибирскій стрівлеовый польть быль еще въ конців августа, въ ожиданіи переноса кордонной линіи, переведенъ въ Портъ-Артуръ, а для занятія кордона быль назначень 11-й полвъ, въ три очереди, для чего онъ долженъ былъ перевезти все свое имущество за вордонную линію, на то м'єсто, гд'є онъ находился въ лагеръ. Батарея, госпиталь и провіантскій магазинъ могли быть оставлены въ Таліенванъ, такъ какъ ихъ районъ, расположенный на отлеть отъ города, могъ быть оставленъ внутри вордонной линіи. Что же касается казачьяго полка, то генераль Суботичь ходатайствоваль объ оставлении его въ Таліенванъ, вив вордона, не считая возможнымъ бросать этотъ пунктъ, составляющій противовісь Цзиньчжоу. Ходатайство это было утверждено. Однако, переходъ на новую линію затянулся. Возникло въ Портъ-Артурѣ предположение дать еще больше простора желъзной дорогъ и осадить линію кордона еще болье на югь, съ твиъ, чтобы и портъ Дальній оставить на свободъ, вив кордона. Занятіе этой линіи, длина которой составляла уже шестнадцать верстъ, потребовало бы двухъ полковъ, на двъ очереди наряда вивсто трехъ. Въ то же время, строитель порта, узнавъ о такомъ предположении, энергично возсталъ противъ него, заявивъ, что онъ долженъ будетъ пріостановить всё работы, если Дальній будеть вив кордона, ибо всв его рессурсы находятся въ полосв, лежащей внутри этого района. Такимъ образомъ предположение это не осуществилось.

Но стало поздно выводить войска на кордонъ въ палатки. Снёжная буря 2—4 октября дала благодётельное предостереженіе: всё палатки были сорваны, и 11-й полкъ, стоявшій лагеремъ, остался подъ открытымъ небомъ. Немедленно пришлось ввести полкъ въ его казармы въ Таліенванъ и отложить переносъ кордона до постройки зимнихъ бараковъ какъ для ротъ, занимающихъ кордонъ, такъ и для полка. Нынѣ эти бараки, равно какъ и бараки для карантина, окончены, и новая линія была вскоръ занята.

Переносъ этой линіи отозвался очень тяжело на семействахъ

офицеровъ 11-го и 12-го полковъ, которыя должны были оставить свои только-что устроенныя квартиры и перебраться: 12-й полкъ въ Портъ-Артуръ, гдв временно они помъщены въ казармахъ 10-го полва (людей коего пришлось вслёдствіе этого очень стёснить), а на дняхъ они перейдутъ въ выстроенные для нихъ временные бараки и частью въ оконченныя для нихъ постоянныя помъщенія при казармахъ 12-го полка. Семейства 11-го полка перебираются скученно въ тъ зданія, которыя остаются вблизи Таленвана внутри кордона, а частью решили остаться въ Таліенванв. Предположенный переводъ этихъ семей въ Портъ-Артуръ, гда для нихъ тоже предполагалось строить барави, не состоялся, за отвазомъ ихъ перейти, мотивированнымъ недостаточностью средствъ, чтобы жить на два дома. О выдачв всвиъ этимъ семействамъ и вообще всёмъ офицерамъ этихъ частей пособія генераль Суботичь представиль ходатайство военному министру. Постройка сухопутнаго карантина обойдется значительно дешевле отпущенных денегь, такъ вавъ овазалось возможнымъ вупить витайскія фанзы и приспособить ихъ, а не строить всё зданія вновь. Всего перебывало въ сухопутномъ карантинъ въ обсервацін, со дня отврытія его и по 1-ое декабря, 358 руссвихъ и европейцевъ и 102 витайца.

Одновременно съ организацією карантиновъ для огражденія отъ проникновенія чумы извив, были приняты всё указанныя възаконт мітры овдоровленія городовъ. Въ Портъ-Артуріт построена чумная больница, на отпущенные отъ казны 20.000 рублей, изъ которыхъ были выдітлены средства на постройку временнаго карантина въ городіт, на Тигровомъ-Хвостіт, а также отчуждена площадь земли подъ чумное кладбище.

Имън въ виду трудность борьбы съ чумою путемъ выставленія карантиновъ, генералъ Суботичъ обратился, 3-го августа 1899 года, телеграммою къ посланнику въ Пекинъ, съ просьбой возбудить вопросъ о принятіи нами, совмъстно съ китайскимъ правительствомъ, крайнихъ мъръ для локализаціи чумы въ Ньючуанъ. Объ этомъ же было и указаніе нашего военнаго министра, а потому генералъ Суботичъ вторично телеграфировалъ въ Пекинъ. Посланникъ просилъ генерала Суботича о присылкъ врачей, но, къ сожальнію, этого исполнить нельзя было, за полнымъ недостаткомъ врачей, которыхъ не хватало для ухода за больными въ госпиталяхъ. Въ виду этого, управленіе китайской восточной жельзной дороги озаботилось приглашеніемъ врачей, и прибыли также изъ Ньючуана приглашенные, въ большемъ числъ, японскіе врачи. Такъ какъ большая часть русскихъ семействъ при-

надлежить въ офицерскимъ, то генераль Суботичъ, въ виду возможности заноса чумы на Квантунъ, просилъ командующаго войсками Приамурскаго округа о безплатной перевозкѣ (за исключеніемъ платы за продовольствіе) тѣхъ семействъ служащихъ, которыя бы пожелали выѣхать съ Квантуна во Владивостокъ, или Японію, на зафрахтованномъ пароходѣ "Корниловъ", что и было разрѣшено. Правомъ этимъ нѣсколько семействъ и воспользовалось. Впослѣдствіи генералъ Суботичъ ходатайствовалъ о такой же льготѣ для семействъ, желающихъ, въ случаѣ усиленія опасности отъ чумы, переѣхать въ Европейскую Россію, и ходатайство это военнымъ министромъ было уважено, съ отпускомъ суточныхъ денегъ такимъ семействамъ.

Всёхъ смертныхъ случаевъ отъ чумы въ Ньючуанъ было понынъ 1.380, причемъ русскихъ умерло 3, изъ числа 6 заболъвшихъ. Всъ они—низшіе служащіе желъзной дороги. Первое заболъваніе русскихъ было 18-го сентября. Данныя о числъ смертныхъ случаевъ въ китайскомъ городъ—не заслуживаютъ въры. По довладу врача Падлевскаго, сдъланному въ засъданіи квантунскаго военно-медицинскаго общества 7-го декабря, цифру умершихъ отъ чумы въ Ньючуанъ слъдуетъ считать не ниже 4.000. Чумные случаи были также въ смежныхъ городахъ Кайджоу и Хайчень. Заболъваемость среди русскихъ, а также между китайцами, проживающими въ русскомъ участкъ, прекратилась вскоръ. Въ китайскомъ городъ послъднее заболъваніе было зарегистрировано 1-го ноября, но затъмъ, послъ перерыва, вновь было 4 заболъванія, изъ которыхъ послъднее—25-го ноября.

Вопреки завлюченію зав'вдующаго медицинскою частью, изложенному выше, смертность отъ тифа и дизентеріи съ 1-го октября не уменьшилась, а дала по 1-е декабря: отъ тифа еще 27 челов'вкъ и отъ дизентеріи еще 31 челов'вкъ, и такимъ образомъ превзошла смертность 1898 года, а именно умерло отъ тифа 46 челов'вкъ (противъ 38 того года), и отъ дизентеріи 77 челов'вкъ (противъ 52).

Анализъ воды изъ водопровода въ Портъ-Артуръ, сдъланный въ Хабаровскъ въ 1891 году, совершенно не сошелся съ ея химическимъ изслъдованіемъ, сдъланнымъ позже на мъстъ водопроводная вода оказалась хорошею. Оставалось сдълать еще бактеріологическое ея изслъдованіе, чего долго нельзя было сдълать, за неимъніемъ спеціалиста-бактеріолога, который потомъ и прибылъ.

А. Хвостовъ.

на золотыхъ прискахъ

BT

ЮЖНОЙ АМЕРИКЪ

По личнымъ воспоминаниямъ.

Oxonyanie.

V *).

Оставшись одинъ, баронъ принялся перечитывать — до этого онъ едва пробъжать ихъ — письма Бромлеевъ и Кортэса. Маіоръ писать ему о томъ, что, благодаря его стараніямъ, актъ ввода во владвніе будетъ высланъ барону на слёдующей недёлё, такъ накъ недостававшую для полной уплаты сумму онъ, маіоръ, внесъ изъ своихъ средствъ "за своего новаго соотечественника, владёльца Бахчаръ-Итэ и собрата по оружію". Говорить, затёмъ, что онъ надёется сохранить съ нимъ дружбу, несмотря на то, что газеты довольно-таки лаяли на него, — "можеть быть, и совсёмъ не такого злого". Заканчивалъ письмо, почтительно кланяясь, — точно расшаркиваясь, — "очаровательной баронессё фонъ-Ванденъ — лучшему украшенію нашихъ дикихъ пустынь". Письмо было напыщенное, высокопарно-смёшное, но при этомъ въ немъ видно было желаніе дружески услужить, помочь. Безалаберный этотъ Донъ-Жуанъ, вёроятно, былъ не бо-

^{*)} См. выне: октябрь, стр. 514.

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

гатъ, и однавоже, внеся за барона около двухсотъ пэзо, онъ деликатно обходилъ вопросъ о срокъ этого долга.

— "Дуравъ!" — говорилъ про себя баронъ, но улыбался, довольный и польщенный.

Письмо Бромлеевъ васалось будущности земель, и въ то же время обращало вниманіе барона на необходимость большаго развитія работь и "добываемости" въ Айкъ-Итэ. Обратно креольской болтовнъ маіора, письмо Бромлеевъ было сухо-дъловымъ, англійскаго сжатаго, серьезнаго слога, что заставило барона вдумываться въ его содержаніе.

Прочитавъ и перечитавъ его, баронъ принялся набрасывать отвътное черновое письмо.

Зной не уменьшался, и барометръ по прежнему предсказываль "сухую погоду". На свёть лампы въ отворенное полотнище палатки летели бабочки, отчего по бумаге пробегали тени, а въ затыловъ и шею писавшаго вцёплялись разные жуви и бувашки. Писать не было нивакой возможности. Не набросавъ н половины письма, баронъ вышелъ изъ палатки и, убавивъ огонь въ лампъ, сълъ опять въ кресло. Первымъ его побуждениемъ было посмотръть на вершины горъ, и онъ, попрежнему, не увидълъ тамъ нивакого отраженія свъта. Опять рой думъ и мечтаній охватиль его, и онь долго сидёль, отдавансь имь, пока усталость не взяла свое и онъ не задремалъ. Пеначо, не дождавшись сигнала, поднялся въ палаткъ и, видя своего повелителя спящимъ въ вреслъ, поставилъ часового. Баронъ проснудся оволо полуночи и, приказавъ часовому поднять полотнища палатки, отправился спать на складную свою кровать, не снимая ботфортовъ и долго слыша сквозь сонъ, какъ вверху палатки летала и билась о ея полотнища большая ночная бабочка.

Проснулся онъ довольно поздно и обливансь потомъ. Продолжан лежать, онъ увидаль, въ приподнятый низъ палатки, Пеначо и Ганса, братски тянувшихъ там у стъны, за палаткой,
близъ нипровизированной кухни Ганса. Гансъ сидълъ на низенькомъ табуретъ, а Пеначо, по обыкновенію негровъ, сидълъ передъ
нимъ на корточкахъ, видимо чувствуя себя хорошо въ этомъ
привычномъ ему положеніи. Оба были въ полуоборотъ къ барону
и говорили тихо, боясь разбудить его. Пеначо равсуждалъ о немъ.
Баронъ не любитъ негровъ, потому что не знаетъ еще ни ихъ,
ни страны. Безъ негровъ здъсь ничего бы и не было. Индъецъ—
не работникъ и не солдатъ. У нихъ въ батальонъ были индъйцы,
и ихъ не могли дисциплинировать, сколько ихъ ни били и ни
пороли. Баронъ безпрестанно ругаетъ негровъ "черной сво-

лочью", "дивими свотами" и т. п. А это несправедливо! Негры трабры. И вонечно храбръе "гринго'въ" 1), воторые только кажутся сильными. Пусть, напримъръ, сеньоръ лейтенантъ или другой европеецъ проживетъ одинъ въ лъсу хоть два дня. Конечно, не проживетъ! Пропадетъ съ голоду или его съъдятъ звъри. А ему, Пеначо, лъсъ не страшенъ. Съ однимъ ножомъ да пригоршней табаку онъ пройдетъ пъшкомъ до округа, да и дальше округа. Уворять негровъ за ихъ цвътъ—нехорошо, тъмъ болъе, что раньше они были такими же бълыми, кавъ и европейцы, а почернъли и обратились въ негровъ безъ вины!

— Отчего же они почернвли?—спрашиваль Гансь, потягивая "maté".

И Пеначо объясниль эту метаморфозу, съ полной върой въ разсказываемое имъ событіе. Оказалось, что негры, такъ скавать, созданы апостоломъ Петромъ. Въ то время какъ онъ ходилъ по землъ, пришелъ онъ въ городъ Римъ, — тамъ, въ Европъ, въ хо-лодной сторонъ. И захотълъ онъ погръться и потянуть "maté", для чего и приказалъ своему ученику развести огонь. Недалеко оть нихъ были люди уже около разведеннаго огня, и апостолъ послаль въ немъ своего ученива, а самъ сталъ на волени и началь молиться Богу. Ученивъ пошель въ людямъ и сталъ просить головешку. А люди и говорять: "Погоди! Пусть разгорятся. Дрова сырыя. У насъ потухнеть, да и у васъ не зажжется". Такъ сказали. Ну, а ученикъ пошелъ да и налгалъ: "Не дають! "-говорить. Апостоль тогда и равсердился. "Пускай же,говорить, -- они сами вакъ головешки сделаются"! И какъ только онъ это сказалъ, такъ у людей и сталъ тухнуть костеръ. И стали они на уголья дуть, и дули, и дули-все напрасно: огонь у нихъ потухъ. Тольво губы раздулись, а потомъ и сами всъ почернъли, сдълались неграми. (Отъ того-то у негровъ губы толстын, кожа черная, а волосы въ бороде и на голове точно опаленные; а раньше они были, какъ и сеньоръ лейтенанть и другіе — бълые!). И пока это они дули, апостолу Петру ангелы востеръ развели и стали ему "maté" подавать. Какъ увидали это люди-испугались, и пошли къ апостолу Петру поворяться, и хогели ему все объяснить. То-есть, насчеть дровъ. Онъ, можеть быть, и простиль бы ихъ, но, на ихъ несчастье, ангелы вхъ не допустили и прогнали. Отъ нихъ-то и пошли негры.

^{1) &}quot;Gringo" (гринго)—презрительно-насмёшливое названіе, которое креолы давть европейцамъ.

— Dummheiten!— сказаль Гансь не безъ важности. — Какъже святой Петръ не узналь бы, что его обманули?

Длинноносый и рыжій, съ лицомъ, поврытымъ веснушвами, Гансъ былъ разсудительный ивмецъ.

Это замѣчаніе повазалось Пеначо и глупымъ, и вольнодумствомъ. Конечно, апостолъ этого не зналъ! Молясь Богу, онъ не могъ видѣть, что дрова были сырыми. При томъ же святой—все равно что начальникъ: его дѣло—только наказывать! Виноватъбылъ ученивъ и... и... ангелы, конечно.

Последнее Пеначо добавиль смущеннымъ тономъ, точно подавлял свою досаду негра на ангеловъ... Но Гансъ не казался убъжденнымъ.

— Ты говоришь, что негры были бёлыми? Хорошо. Ну, а индёйцы отвуда пошли?

Этого Пеначо не вналъ; но этнографія индъйцевъ не казалась ему стоющей изследованія! Индейцы, конечно, не черные и, конечно, потому, что не попали въ Римъ и не дули на уголья. Оттого и не почернели. Бёлые ничему этому не верятъ, потому что у нихъ, въ ихъ странахъ, нетъ хорошей веры. А онъ, Пеначо, это знаетъ, потому что онъ—"добрый католикъ" (buen catolico).

И, сказавъ это, бъднявъ набожно поцъловаль болтавшійся на его черной груди мъдный врестикъ съ какой-то ладанкой въвидъ сердца. На звърской физіономіи его, на мигъ смягчая ее, точно промелькнулъ или пронесся проблескъ человъчности в любви.

Баронъ, вставая, прерваль этотъ діалогъ сврипомъ своей вровати. Пеначо быстро поднялся и, идя вавъ-то бовомъ, съ опущенной по-волчьи головой, направился внизъ. Баронъ привазалъ ему опять смочить вемлю и палатву, и Пеначо торопливо оставилъ его, видимо смущенный мыслью, что баронъ могъ слышать его разсужденія.

Смоченныя земля и палатка освъжили температуру, и остывшая за ночь стъна горной террасы не отдавала еще зноемъ, давая тънь. Отказавшись отъ кофе и слъдуя совъту Риверо, баронъ приказалъ Гансу подать ему "maté". Горячія струйки этого чаю подъйствовали на него хорошо, и, чувствуя себя сильнъе и точно спокойнъе, баронъ принялся курить, сидя въ складномъ креслъ. Онъ обратилъ, наконецъ, вниманіе на открывавшіеся передъ нимъ холмы и долины подъ знойнымъ, яркимъсвътомъ жгучаго солнца.

• Недъля знойнаго времени совстви измънила ихъ видъ, и

что-то мертвенно-дикое, пустынное, было теперь въ нихъ. Изъ веленыхъ — долины стали желто-сърыми, и только тамъ и сямъ, по впадинамъ, зеленъли одинокіе кустарники. Аллен пальмъ казансь сърыми полосами. Надъ долиной дрожалъ и колебался раскаленный воздухъ, и сквовь его слои чуть угадывались очертанія холмовъ. За ними, по горивонту, протянулась съро-фіолетовая туманная полоса, казавшался неподвижно остановившеюся въ воздухъ пилью. На небъ ни облачка, и блёдно-голубое, точно раскаленное, оно разливало потоки зноя и свъта. Сушь — вокругъ. Около ручья сохранялись еще зеленые тоны, но и передъ нимъ, и за нимъ трава была точно выжжена и не скрывала трещинъ желто-сърой, затвердъвшей отъ жара, земли.

Гансъ приготовилъ завтравъ задолго до полудня, но баронъ завтравалъ вяло, безъ аппетита, читая вавой-то старый нумеръ нѣмецваго журнала. Онъ хотѣлъ погомъ ѣхать навѣстить Риверо, но апатія и лѣнь, овладѣвающія человѣкомъ въ жары, остановили его, и онъ принялся за письмо въ Бромлеямъ.

Письмо тоже не удавалось — мыслилось вяло, точно урывками. И отъ письма отвлекъ его шумъ возвратившейся толпы рабочихъ. Въ другомъ настроеніи онъ не замѣтилъ бы этого, но теперь посмотрѣлъ на часы. Было только десять часовъ утра, а рабочіе уже вернулись съ плато. И это несмотря на спѣшность работъ... Почему они вернулись?

Выйдя изъ палатки, онъ увидёль ихъ ходящими вокругь ихъ палатокъ съ топорами и какими-то кольями. Солдаты-негры тоже ходили вокругъ палатокъ, показывая руками на холмы. Оживленный гортанный говоръ несся отъ ихъ группъ.

Баронъ, съ перомъ въ рукъ, молча наблюдалъ ихъ, пока не увидълъ между ними и ходившаго Ганса, которому негры чтото объясняли, показывая на палатку барона. Махнувъ ему рукой, онъ позвалъ его къ себъ и спросилъ о причинъ этихъ разговоровъ.

Гансъ объяснилъ ему, что ожидается "зунда" (zunda) 1), и они хотитъ повернуть палатви къ горамъ, а не къ холмамъ, что оттуда придетъ буря...

— Значить, будуть и дожди?—спросиль съ досадой баронъ. Этого Гансь не зналь. Баронъ свистнуль два раза, и на этоть разъ къ палаткъ взбъжалъ Пеначо, видимо озабоченный и точно занятой. Забывъ почтительность, онъ, говоря съ барономъ,

¹⁾ Сіверо-западный вітерь, дующій страшными порывами съ Андовъ и обыкновеню предшествующій въ тропической полосії Южной Америки началу дождей.

смотрёль внизь, на рабочихь, снимавшихь палатки. На вопросы барона онь объясниль, что скоро будеть буря, что буря придеть отъ холмовъ, — вначить, прямо противъ нихъ и противъ горъ; поэтому горы ихъ не защитять. Надо укрёпить палатки, а главное — повернуть ихъ "ртами" (por las bocas) къ горамъ, — иначе, наполнившись воздухомъ, онъ сорвутся "зундой" и улетятъ, а если не сорвутся, то "зунда" порветь ихъ въ клочья. При этомъ очень опасны колья. Вырванные изъ земли, они вмёсть съ полотнищами клопаются съ страшной силой по воздуху и могутъ покальчить и убить неосторожнаго или незвающаго этого человъка.

Негръ говорилъ продуманно, какъ знающій и бывалый человъкъ. Баронъ слушалъ его молча, и странное ощущеніе тоски, мрачное предчувствіе чего-то страшнаго овладъли имъ. Ощущеніе было и внезапное, и сильное. Передъ нимъ, какъ передъутопающимъ, промелькнулъ образъ Люси, его домъ, тънистая аллея сада, павильонъ... И желаніе опять быть тамъ, желаніе идти туда и оставить лагерь вдругъ сильно овладъло имъ, — до того сильно, что, съ перомъ въ рукъ, онъ одно время смотрълъ на Пеначо, не видя и не слыша его.

Но онъ скоро побороль въ себѣ вто ощущение разсудочностью... Конечно, эти жары и жизнь съ этими дикарями разстроятъ нервы даже и самому крѣпкому человѣку. Онъ былъ уже достаточно напуганъ, и однакоже дѣло почти закончено! Эта ихъ "зунда" тоже кончится ничѣмъ!

- Погоди, свазаль онъ Пеначо, и заглянуль въ палатку, на барометръ. Блестящій столбикъ ртути по прежнему показываль "сухую погоду". Баронъ посмотрёль на небо: по прежнему свётлое, блёдно-голубое, безъ малейшей тучки; только дымчато-туманная полоса на горизонте сдёлалась темнёе и точно увеличилась или приподнялась кверху.
- Когда же, ты думаешь, начнется буря? спросиль онъ Пеначо.
 - Къ вечеру, передъ закатомъ, сеньоръ.
 - Ну, а потомъ? Начнутся дожди?
 - Дожди—не сразу. Сперва бури...
 - Какъ же будуть тогда костры?
- Костры передъ палатками, за вътромъ, сеньоръ. Каскара сухихъ дровъ запасеть на недълю.
- Хорошо. Мы больше недёли здёсь не останемся. Устрой же все какъ слёдчетъ. Ступай!

Пеначо быстро сошелъ внизъ, и черезъ минуту баронъ ви-

дъль его работающимъ наравнъ съ другими. Негры и рабочіе вбивали колья наискось, натягивали канаты, протягивая ихъчерезъ верхъ палатокъ. Баронъ смотрълъ и начиналъ понимать ихъ работу. Палатки ставились не совсъмъ къ горъ отверстіями, а нъсколько бокомъ, давая возможно меньшую площадь вътру. "Эти дикари, однакоже, смышлёный народъ!" — думалъ онъ.

Потомъ къ палаткъ барона поднялись рабочіе съ сухими сучьями и кольями, объяснивъ ему, что для сохраненія дровъ надо устронть ихъ на возвышенномъ мъстъ. Руководилъ ими рабочій, назначенный Перкинсомъ какъ надсмотрщикъ, худощавый и серьезный креолъ лътъ тридцати, съ честнымъ и важнымъ на видъ, бронаовымъ лицомъ араба. Баронъ позволилъ сложить дрова за своей палаткой, у горной террасы, не особенно довольный этимъ появленіемъ рабочихъ. Взявъ шляпу, онъ оставилъ свое жилище подъ надзоромъ Ганса и пошелъ по направленію къ плато, къ будущему "кварталу рабочихъ".

Эта ожидаемая буря не особенно даже интересовала его, но дожди—овлобляли. Онъ нашелъ бараки почти доконченными, и цълня горы приготовленныхъ бревенъ для большихъ построекъ. Обойдя и осмотръвъ все, онъ ръшилъ, что разъ Риверо покончитъ съ мостомъ, можно будетъ оставить эту лъсную идиллю: бараки докончитъ тотъ же Риверо съ половиной оставленныхъ ену для экономіи людей. До дождей нельзя основать "Виллы Ванденъ", это теперь исно, и это надо вынести стоически, т.-е. не поддаваясь досадъ... Проклятая страна дикихъ!

И досадуя на судьбу и страну, онъ верпулся въ лагерю, гдъ ждало его непріятное привлюченіе. Онъ увидълъ дрова не сложенными за палаткой, у стъны террасы, какъ это онъ привазывалъ, а поставленными стоймя, вонусами и передъ палаткой. Около нихъ онъ засталъ одного надсмотрщика, Каскару, и на вопросъ барона, почему не сдълано такъ, какъ онъ это привазывалъ, Каскара, не снимая шляпы, угрюмо отвътилъ, что Перкинсъ, назначивъ его надсмотрщикомъ, зналъ, что онъ дълаетъ, и что барону не надо приказывать. Все сдълается безъ его приказаній. Говоря это, онъ спокойно посматривалъ на поставленные конусы. Барона это взбъсило.

Каскара стоялъ невозмутимо. Но въ его большихъ черныхъ глазахъ отразилось загадочное выражение, а на тонкихъ губахъ промелькиула презрительная улыбка.

- Я шляпы не сниму, сколько бы ты ни кричалъ, сповойно отвътилъ онъ.
- A я тебѣ говорю: снять шляну, каналья! крикнулъ баронъ, ощупывая въ карманъ револьверъ.

Лицо Касвары изъ бронзоваго сделалось бледно-желтымъ. Правая рука его инстинктивно воснулась рукоятки ножа, у спины, за поясомъ.

— Ты меня канальей не ругай! Я вёдь не индѣецъ!.. Береги свою шкуру, "гринго"!.. Не будь у меня жены съ дѣвчонкой, я бы показалъ солнцу твои кишки (tripas al sol)!

И дрожа отъ злобы, но точно пренебрегая борьбой, онъ отвернулся и пошелъ внизъ.

— Остановись!— закричаль ему баронь уже съ револьверомъ въ рукъ.—Я тебъ приказываю.

Внизу, у палатовъ, рабочіе стихли, смотря на сцену, и въ Каскаръ шелъ Пеначо. Каскара остановился въ полуоборотъ въ барону, блъдному и задыхающемуся.

- Приказываешь? переспросиль онъ. Приказывай другому, а и тебъ не работникъ больше.
- Я тебя... каналья!..—началъ-было баронъ и остановился послъ сдъланнаго шага.

Слово "каналья" на этотъ разъ точно электричествомъ подъйствовало на креола. Совсъмъ желтый, съ безкровными губами и изступленными глазами онъ на мгновеніе, стоя въ полуобороть, согнулся и вытянулъ впередъ голову, какъ звърь, приготовляясь къ прыжку. Потомъ правая рука его, судорожно дрожавшая на рукояткъ ножа, за спиной, быстро описала полукругъ, и въ то время какъ въ воздухъ сверкнуло лезвее, лъвая рука и нога креола подались назадъ, чтобы, произведя прыжокъ впередъ, сразить врага. Это былъ обычный фехтовальный пріемъ креоловъ въ ихъ дуэли на ножахъ.

Но этого последняго пріема и не удалось ему сделать: подоспевшій во-время Пенато ударомъ ноги на-отмань заставиль его потерять равновесіе, и Каскара, съ ножомъ въ руке, ударился коленомъ въ землю, въ то время, какъ сильныя руки негра схватили его за руки и вырванный ножъ отлетель далеко въ сторону. Пенато оказался сильне Каскары.

Все это произошло въ нѣсколько мтновеній, и произведенная сцена отрезвила барона.

— Держи его!—приказалъ онъ негру, и потомъ вривнулъ внизъ создатамъ:—Подать веревовъ!

Пеначо держалъ рабочаго сзади какъ железными тисками.

Лицо Касвары было страшно. Помертвъвшія губы бъщенствомъ искаженнаго рта судорожно подергивались; грудь тяжело дышала, а отуманенные глаза его, казалось, уже не видъли барона.

- Отпусти, Пеначо! Не хочу, чтобы меня вязали. Клянусь святымъ Петромъ, не теперь убью гринго.
 - Клянешься?-прорычаль Пеначо, продолжая держать.
 - Клянусь св. Петромъ, что здёсь, теперь, не убью его.
 - И страшнымъ судомъ (juicio final)?..
 - И страшнымъ судомъ!

Пенато смягчился и, прежде чёмъ баронъ могъ понять значене этихъ влятвъ, отпустилъ рабочаго, который, осмотрёвшись кругомъ и найдя свой ножъ, заткнулъ его за спиной за поясъ, въ то время какъ подошли солдаты съ вереввами.

— Связать его!—холодно приказаль баронъ, указывая солдатамъ на Каскару.

Солдаты съ недоумъніемъ смотръли на барона и на Пеначо. Пеначо обратился смущенно въ барону.

— Онъ больше не будеть, сеньоръ лейтенанть... Онъ послъ выятни не можеть здъсь... сеньоръ...

Каскара между тъмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спустился къ ожидавшемъ его рабочимъ. Баронъ окончательно пришелъ въ себя, соображая, какъ онъ долженъ поступить теперь.

- Кто же тебъ позволилъ отпускать его и слушать его выятвы? врикнулъ онъ негру.
- Виновать, сеньоръ... Онъ клятвы не нарушить... Онъ не вдъсь... Онъ здъсь не опасенъл.

Баронъ, наконецъ, уловилъ смыслъ этого "не здёсъ", и злоба опять овладёвала имъ.

— Да ты, черная скотина, понимаешь ли ты, что ты говорить? Въдь если я на тебя донесу,—ты изъ тюрьмы годы не вылъзешь, болванъ!—грозно завричалъ онъ.

Пенато сталъ просить прощенія. Онъ уступилъ влятвѣ. А потомъ, все-тави, спасъ барону жизнь. Не подоспѣй онъ воврема, баронъ теперь никому уже не былъ бы страшенъ.

Это опять смирило властителя Бахчаръ-Итэ. Въ самомъ дълъ, это, пожалуй, и върно: при фехтовальной ловкости креоловъ револьверъ не всегда спасаетъ, — пришло ему на умъ.

- Хорошо, ты поступиль по своей обязанности солдата и честнаго человъка. Тебъ я прощаю. Ну, а этого... Каскару немедленно выбросить за два километра изъ лагеря. Поняль?
 - Поняль, сеньорь. А вакь же его выбросить?
 - Съ двумя солдатами... за два вилометра. Я не хочу имъть

въ лагеръ разбойниковъ. У него есть какіе-нибудь пожитки? Постель?

- Постель есть, сеньоръ. Лошадь и съдло съ полнымъ приборомъ.
- Такъ постой... Отправь его къ сеньору Риверо съ двуми солдатами. Я дамъ записку, чтобы отправить его въ Санъ-Педро, заплативъ ему его дни. Объясни ему, чтобы онъ убирался поскоръе, потому что одной моей строкой въ округъ я его сгною въ тюрьмъ. Ступай!

И баронъ отправился въ палатку. Въ записной рабочей внигъ Первинса значилось, что Тристанъ Касвара — по національности аргентинецъ, женатъ, двадцати-восьми лътъ, рабочій первой ватегоріи уже около двухъ лътъ. Въ графъ "штрафы" не былъ отмъченъ. Это заставило барона задуматься. "Значитъ, этотъ разбойнивъ былъ на хорошемъ счету у Первинса? Несомивнно!.. Иначе этотъ аввуратный и дъловой старивъ не назначилъ бы его надсмотрщивомъ. Странная страна, странные люди!.. Но думать объ этомъ нечего — это прежде всего отчанный нахалъ и разбойнивъ". Баронъ высчиталъ его заработанныя деньги — Касваръ причиталось двънадцать пэво, считая и день его отсылви. На обычные свистви барона появился и сталъ у палатви Пеначо.

— Спроси у него, сволько... сколько по его счету причитается и дай мив отвътъ. Ступай.

Въ ожиданіи его, баронъ сталь писать Риверо: "... Protégé нашего Первинса чуть не зарізваль меня. Изъ гостепріимства пустынь шлю его въ вамъ. Заплатите ему двінадцать позо и послі ночлега немедленно же гоните дальше, — во имя дисциплины нельзя оставлять тавихъ рыцарей ножа"... Тутъ взглядъ его упаль на разставленныя конусами дрова, и онъ вспомниль, что Каскара наблюдаль за ихъ кладкой именно передъ палаткой. "Почему это, однаво, онъ тавъ ихъ разставиль? — явилась у него мысль. — Эти вреолы — гордецы... Въ нихъ много самомніни и претензій на гражданскую свободу и тому подобное, но они уміноть жить этой дикой жизнью... Наприміръ, это ихъ свинское шате... въ сущности полезная вещь. Эти дрова онъ разставиль не безъ ціли, віроятно... Но зачімъ именно"? Потомъ у него явилась мысль о Первинсь... Первинсь держаль Каскару на хорошемъ счету и два года"...

Отъ этихъ размышленій его отвлекъ сперва шумъ голосовъ, ругательства, потомъ топотъ свачущей лошади внизъ по ручью. Вслъдъ затъмъ раздался другой топотъ, уже болъе сильный.

Отъ палатовъ неслись одобрительные врики и смъкъ. Баронъ вышель изъ палатки и сталь смотреть. Впереди, уже далеко, свавалъ Каскара, а за нимъ, нещадно погоняя муловъ, свавали солдаты... два солдата. Потомъ одинъ изъ нихъ на минуту остановился, и за нимъ показалось небольшое бёлое облачко дыма. Потомъ долетвлъ сукой стувъ отдаленнаго выстрвла. Оба солдата остановились. Каскара продолжаль лихо скакать, превращаясь въ черную точку, за которой протянулась неподвижная полоса пыли. Солдаты медленно возвращались назадъ.

Баронъ соображалъ. Ка́скара ускакалъ, и преслъдовавшіе его солдаты не могли очевидно догнать его на своихъ мулахъ. Раненъ ли онъ? И почему онъ ускавалъ, не заботясь объ уплать? Въроятно, боясь доноса?

Увидавъ поднимавшагося въ палатвъ Пеначо, баронъ махнулъ ему рукой. Негръ подошелъ и, вытянувшись, сдълалъ барону "подъ козырекъ". На вопросъ о причинъ этой скачки онъ объ-яснилъ, что Каскара разбойникъ отчаянный и т. д. Узнавъ, что его будуть сопровождать солдаты, онъ разсердился и говориль, что онъ не арестанть. И ускакаль. Онъ, Пеначо, два раза грозилъ ему стрълять, и вогда солдаты увидели, что на мулахъ имъ его нельзя догнать, они стръляли... Но разбойнивъ ускавалъ!

Все это Пеначо рапортоваль смущеннымь и точно боявливымъ тономъ, держа какъ-то по-волчы вытянутую впередъ голову. Его укоры "разбойнику" звучали какъ-то фальшиво.

- А что говориль онь насчеть уплаты? спросиль баронь.
- Онъ говорилъ, что найдетъ сеньора Первинса... Не знаю, зачвиъ?-- какъ бы недоумввая, спросиль негръ.

Барона это бъсило. Каскара ръшительно пренебрегалъ и его властью, и его личностью... И этотъ эпизодъ, разумвется, не понравится и Перкинсу. Пожалуй, оскорбить его... Провлятая страна!..

И переставъ смотръть на негра, скрывая свою озабоченность, баронъ, случайно взглянувъ на висъвшее надъ вроватью зеркало, увидълъ, что Пеначо заврываетъ рукой ротъ.
"Чему можетъ смъяться этотъ черный скотъ?" — подумалъ

онъ, но догадался не сразу.

И солдаты, и рабочіе провели его, обманули какъ мальчишку. Каскара для нихъ свой человъкъ. Уступивъ его требованію не вевти его арестантомъ, они разыграли вомедію преследованія и даже стрвыбы.

"Хитрый народъ, — думалъ баронъ. — Но я перехитрю ихъ, оставивъ имъ иллюзію, что я обманутъ ими".

И, гордый этой мыслью, онъ не замѣчалъ, что отврылъ ихъ обманъ только благодаря случаю — отраженію въ зеркалѣ. Онъ приказалъ не допускать больше Каскару въ лагерь.—Стрѣлять въ него послѣ двухъ окликовъ... Не допускать!

- Слушаю, сеньоръ, почтительно говорилъ негръ, съ усиленнымъ вниманіемъ смотря на свои сапоги.
- A теперь скажи мнъ... Эти дрова... Зачъмъ они именно вдъсь поставлены?

Пеначо на этотъ разъ не сдержалъ улыбви. Дрова нельзя было сложить за палаткой, у ствим, потому что отъ нея пойдеть вода потовами. Даже и послё дождя. Да и вообще ихъ нельзя сложить или класть по землю, потому что тогда они будутъ между двумя водами—отъ земли и сверку—и промокнутъ насквовь. Надо ставить ихъ стоймя, почти вертикально, соединивь ихъ въ конусъ, чтобы вода бъжала по наружнымъ частямъ его, сохраняя внутреннія. И тогда можно сохранять огонь костровъ, — а это важно въ лёсной жизни.

— Конечно, — согласился баронъ. — Ну, а буря не размечетъ ихъ?

Это тоже оказалось предвидённымъ. Конусы "прошиты" переврещивающимися кольями, которые въ основание поставлены "иксами" или открытыми ножницами. Буря размечетъ, пожалуй, просто сложенныя дрова, но не скрепленные между собою конусы.

Баронъ чувствовалъ себя неловко, и вопросъ Пеначо, когда прикажетъ онъ переставить палатку, былъ ему по душъ. Палатку переставляли около десяти человъкъ солдатъ, пока баронъ, сидя въ креслъ, озабоченно думалъ: къмъ можетъ онъ замънить, на дни отсутствія Перкинса, ускакавшаго Каскару, — ръшивъ потомъ поговорить объ этомъ съ Пеначо.

Въ полчаса времени палатка была переставлена и укрѣплена. По верху ея протянули веревки, укрѣпивъ ихъ на вкось-вбитые колья. Выходъ изъ нея былъ теперь прямо противъ стѣны, т.-е. спиной къ лагерю. Дрова, такимъ образомъ, не напоминали ему больше его fiasco...

Зной, вазалось, уменьшился, и баронъ, сперва объяснивъ это привычкой, посмотрълъ на термометръ и увидълъ, что температура понизилась: было около 36° въ тъни, однавоже. Барометръ тоже упалъ и стоялъ ниже "перемънной погоды"; такое быстрое паденіе, по наблюденію барона, всегда сопровождалось дождемъ.

Приказавъ Гансу подать ему maté, онъ принялся за чтеніе

натересовавшей его повъсти Поля Гейзе. Но драматическій сюжеть, никогда ему пе нравившійся, своро подъйствоваль на него снотворно, и, не дождавшись maté, онь заснуль, протянувшись въ креслъ.

Спаль онъ около двухъ часовъ времени, и, по пробуждения, онъ увидълъ первые признави приближавшейся бури. Темная полоса на горизонтъ точно надвигалась на небо и, несмотря на полную, удушливую тишь въ воздухъ, безъ малъйшаго вътерка, шла, медленно подвигаясь, къ горамъ. Она скоро заняла полънеба, и начинавшее склоняться въ западу солнце закрылось этой тучей. Цвътъ ея изъ съро-фіолетоваго получалъ все болье и болье темный, почти черно-синій, оттънокъ надъ холмами. Въ томъ мъсть тучи, гдъ зашло солнце, края ея свътились желтоватомутными тонами отблеска. Баронъ смотрълъ на эти края, пока они не потухли, — потомъ взглядъ его перенесся на землю.

Странный, непріятный полусвёть цариль надъ изсохшей долиной, сврадывая очертанія холмовь съ ихъ лісами пальмъ въ перспективів. Общій сёрый колорить, казалось, отражался и на різдкой уцілівшей зелени. Линіи олеандровь казались запыленными, а вмісто красно-розовыхъ цвітовъ на нихъ торчали грязно-желтые сухіе пучки.

Снизу отъ палатки, вмёстё съ синеватымъ дымомъ, потянуло запахомъ жаренаго мяса. Баронъ понялъ, что предусмотрительные туземцы рёшили ужинать, пока гроза имъ еще не мёшаетъ. Рёшивъ вполнё положиться на тактъ всегда заботливаго Ганса, онъ приказалъ подать себё maté — и, занятый "тягой", не сразу замётилъ неожиданно появившагося передъ нимъ рабочаго. Со шляпой въ руке, онъ заявилъ, что пришелъ что-то сказать сеньору лейтенанту.

— Я тебя не звалъ, положимъ, но... что такое? — спросилъ баронъ, съ таке въ рукахъ.

Рабочій объясниль, что онъ хотёль бы замёнить Каскару, по окладу надсмотрщина, конечно.

— A сеньоръ Первинсъ назначалъ тебя надсмотрщикомъ?— спросилъ баронъ.

Рабочій отвічаль уклончиво, точно приготовившись въ этому вопросу. Онъ знаеть работы въ "разрізахъ" и по промывкі. А закончить врытье бараковъ ему будеть легко. При этомъ онъ—законный человівкь. А Каскара— разбойникъ, бітлый аргентискій солдать, изранившій и чуть не убившій своего начальника. Это всімь извістно, и Каскара не можеть перейти гра-

ницу Аргентинской республики. А онъ-ваконный человъкъ и радъ служить барону.

Баронъ вагадочно улыбался, поглаживая усы.

- Положимъ, ты лучше этого... Каскары... Но, видишь ли, жаль, что тебя не назначилъ вмъсто него сеньоръ Первинсъ. Теперь его уже нътъ, и я не знаю, какъ мнъ съ тобой быть...
- Значить, сеньоръ Первинсь уже убхаль для работь въ Айкъ-Итэ, сеньоръ лейтенанть?
 - Да... Здъсь будуть рабочіе съ сеньоромъ Риверо.

Отъёздъ Первинса и замёна его Риверо, вазалось, нравились рабочему; онъ оживленно и—теперь уже увёренно—сообщалъ, что сеньоръ Первинсъ назначалъ его наблюдать за работами и давалъ ему разныя порученія; онъ поэтому надёется удовлетворить и Риверо.

— Какъ тебя зовуть?—спросиль баронь, сдерживая торжествующую улыбку.

— Мигуэль Лассата, сеньоръ, — отвъчалъ рабочій.

Баронъ медленно поднялъ глаза на говорившаго, оставивъ на минуту таté, и своро пересталъ улыбаться: личность Лассаги не располагала въ насмъщет, при всей ея непривлекательности. Смуглое, желтовато-болъзненнаго оттънка лицо было изрыто оспой, и въ усахъ, ръдвой бородъ и бровяхъ были точно выщипаны, мъстами, и безъ того уже ръдкіе черные волосы. Тонкія губы большого рта давали ему что-то животное, и это впечатлъніе дополнялось сильно развитыми челюстями и низкимъ лбомъ. По сторонамъ довольно длиннаго, расплюснутаго носа небольшіе черные глаза производили сперва непріятно-странное впечатлъніе, которое потомъ усиливалось. Когда Лассага смотрълъ въ лицо говорившаго съ нимъ, въ черныхъ глазахъ его не равличался зрачокъ, и, по отсутствію ръсницъ, они казались черными кружками умно-злыхъ, не мигающихъ глазъ ехидны. Одътъ онъ былъ какъ исправный рабочій, и за поясомъ, у спины, обычный ножъ имълъ на рукояткъ блестящія полоски, въроятно, серебра.

— Хорошо, я подумаю и... и позову тебя. Потомъ... Ступай!—сухо сказалъ баронъ.

Лассага модча повлонился, точно ныряя головой въ воздухѣ, и пошелъ внизъ, въ палатвамъ. Черезъ минуту Гансъ подалъ барону записную внигу, и поворитель Бахчаръ-Итэ читалъ: "Мигуэлъ Лассага. Парагваецъ. Холостъ. 25 лѣтъ. Изъ записной артели разрѣза № 3". Оказалось, что работалъ онъ немного, оволо шести—восьми мѣсяцевъ, и эти мѣсяцы имѣли перерывы

по болъзнамъ и отлучвамъ. Въ графъ штрафовъ отмъченъ не быль, но въ этой графъ не были отмъчены и всъ другіе рабочіе; штрафы, очевидно, не были системой Первинса.

Записная внига, при своемъ лаконизмѣ, все-же не рекомендовала Лассату какъ работника. Допуская бользни, какъ законную причину его прогуловъ, чъмъ можно было объяснить его частыя отлучви? Онъ, несомнънно, не быль на корошемъ счету у Первинса, и, вонечно, сознавая это, искалъ устроиться съ Риверо. Навначить, однаво, надо было вого-нибудь, и баронъ ръшыть сделать выборь на основании данныхъ вниги Первинса. Это вазалось ему стольно же удобнымъ, сволько и тактичнымъ пріемомъ. Въ первой категоріи рабочихъ по времени службы выдавался нівкій Евсевій Мэндесъ. Подумавъ съ минуту, баронъ позвалъ Пеначо.

- Ты знаешь Евсевія Мэндеса?—спросиль онъ негра. Чилійца? Кривого?—въ свою очередь спросиль Ценачо. Баронъ посмотрёль въ книгу.
- Чилійца, да. Но вривой ли онъ-этого не знаю. Объяви ему, что съ завтрашняго дня онъ назначенъ надсмотрщивомъ. И ему, и рабочимъ.
- А вавъ же Лассата, сеньоръ лейтенанть? спросиль вегръ, не любившій побъдителей-чилійцевъ.
- Слушай, что я тебъ говорю, холодно-строго осадилъ его баронъ. -- Пусть Мэндесъ идетъ кончать крытье бараковъ до прівзда Перкинса; но ни онъ, ни рабочіе не должны... утруждать меня своими вопросами или просьбами... Я ничего ни о вихъ, ни съ ними знать не хочу. Ступай!

И такимъ образомъ возстановивъ недостававшую власть, баронъ принялся за Поля Гейзе.

Глухіе раскаты грома надъ холмами скоро опять напомнили ему о действительности. Гроза приближалась, и теперь это приближение и росло, и чувствовалось. Туча черно-синихъ, съ грязножелтыми краями, облаковъ дошла до горъ, перешла за ихъ вершины по ту сторону.

Непріятный сумравъ, вазалось, сгущался до темноты. Въ знойномъ, удушливомъ затишь в чувствовалось ожидание уже недалекой бури, и, наконецъ, нарушая эту тишину, по небу пробъжала зигзагомъ перван голубоватан молнін, на мигъ освітивъ мрачную долину, молчавшіе ліса пальмъ, кусты и деревья лощины. И среди снова наступившаго, теперь болже сильнаго, полумрава, вдругъ точно бухнулъ съ трескомъ раворвавшійся ударъ и проватился раскатами по горамъ надъ лагеремъ.

Всявдъ за ударомъ, пова стихали его раскаты и повторенія по горамъ, отъ холмовъ съ долины пахнулъ и понесся легкими порывами знойный, почти горячій вітеръ, съ каждой минутой все болье и болье крівпчая. Странное, бользненное ощущеніе слабости и удушья производитъ эта "зунда" даже и въ здоровомъ человъкъ, но экваторіальное знойное дыханіе ея можетъ быть гибельнымъ для эпилептиковъ и слабогрудыхъ.

Эти порывы зунды точно овладъвали природой и людьми. Въ молчавшихъ по горнымъ уступамъ лъсахъ пронесся странный глухой гулъ, и въ этомъ гулъ, точно въ смятении приближавшейся опасности, раздавались вричавше, прерывая одинъ другого, голоса испуганно летавшихъ птицъ. Грозный шумъ лъса точно спусвался съ вершинъ по уступамъ; вазалось, что дыханіе бури, найдя преграду въ горахъ, спусвалось по нимъ, угрожая природъ, и, точно понимая это, глухо роптали лъса и метались птицы...

Новая молнія, на этотъ разъ надъ лагеремъ, яркимъ краснымъ отблескомъ вловещаго света на мигь осветила гудевшіе леса, и вследъ за ней въ теченіе минуты потрясающіе страшные удары грома, ударъ за ударомъ, гремели по горамъ. Голоса птицъ смолкли и только слышался шумъ ропщущаго леса...

Баронъ обернулся въ долинъ. Она представляла фантастически-страшный пейзажъ.

Далеко за холмами, по сине-черному фону горизонта, протянулись столбами дымчатыя, болбе свётлыя полосы:—тамъ, за колмами, уже шелъ дождь. А передъ холмами, по долинъ неслась буря, вздымая на страшную высоту тучи темной красноватой пыли, и точно гигантскій морской валъ катился на лагерь и горы.

И въ этомъ валѣ, кружась, ныряя внизъ, поднимаясь кверху, въ адской пляскѣ хаоса и влобы неслись сухія травы, вырванные, безжизненно-изсохшіе, обезображенные смертью кусты, тучи листьевъ. Подъ неровными напорами бури валъ мѣстами раздавался, смыкаясь опять; но въ эти короткіе просвѣты баронъ видѣлъ, какъ за валомъ, у подножья холмовъ, уже бушевала буря; какъ гнулись и бились деревья, а вершины пальмъ безпомощно метались въ адскомъ свирѣпомъ хаосѣ. Потомъ ихъ точно задернула мгла—холмы и деревья исчезли за косыми мутными полосами хлынувшаго дождя. Глухой гулъ несся по долинѣ, точно по ней неслись тысячи лошадиныхъ ногъ въ бъщеномъ галопѣ испуганной скачки.

Валъ находилъ на лагерь. Въ его дыханін уже не было

знойнаго пронесшагося вътра, а чувствовалась сырость набъгавшей воды. А за нимъ, гудя по землъ, несся шумъ ливня все блаже и громче. Это длялось секунды.

Потомъ баронъ увидалъ, какъ этотъ валъ пронесся надълощиной и въ мигъ стращнымъ напоромъ слъпой силы налетътъ на лагерь, скрывъ въ тучъ несшейся пыли палатки, и съ ревомъ и свистомъ пронесся между конусами дровъ. На него и его палатку налетъла, ослъпляя и оглушая его, туча мусора и сухой земли. Отъ напора бури онъ едва удержался на ногахъ, и въ темнотъ набъжавшаго на него облака пыли ему удалось видъть, что его складное кресло полетъло кверху. По раздавшемуся потомъ стуку, который онъ еще могъ уловить, онъ понять, что его кресло ударилось въ стъну горной террасы, но стука возвратнаго паденія кресла онъ уже не разслышаль отъ рева бури и несшагося за ней по землъ гула ливня. Валъ несся теперь по горамъ, гдъ съ трескомъ валились падающія деревья въ злобномъ, точно осмысленномъ ревъ бури, которой вторили громовые оглушающіе удары.

Палатка билась и точно тряслась, скрипя перекладинами угловъ. Удерживавшіе ее ванаты дергались подъ напорами вѣтра, какъ мускулы чудовища, и баронъ съ минуты на минуту ждалъ, что они лопкуть отъ порывовъ бури. Но хлынувшій потоками ливень косыхъ струй, бившихъ съ страшной силой, парализовалъ силу циклона, и баронъ перевелъ духъ, понявъ, что страшный перевей напоръ миновалъ.

Дождь лиль потовами, не уменьшая своей силы, около трехь часовъ, не переставая. Съ горной террасы теперь несся цёлый каскадъ воды, а по бовамъ хорошо окопанной палатки бёжали бурные ручьи. Съ наступленіемъ ночи порывы бури стали ослабівать, и дождь лился монотонно-ровно, барабаня по верху и подвітренной сторонів палатки. Гансь, остававшійся внизу, появился съ кускомъ жаренаго мяса между двумя тарелками, которое и составило на этоть разъ весь ужинъ барона. По словамъ Ганса, палатки рабочихъ и солдать протекали, а ручей обратился теперь въ річку, которая текла чуть не у самыхъ постелей этихъ біздныхъ людей. Баронъ слушалъ все это разсівнию и, главное, довольный тімъ, что его двойная палатка не протекала.

На разсвъть дождь пересталь и буря стихла. Съ съвера тянуло влажнымъ, теплымъ вътеркомъ и свинцовыя низкія облака облегали небо. Баронъ, отлично выспавшійся подъ шумъ дождя, святьль въ своемъ складномъ кресль, куря и потягивая maté.

Томъ VI.—Нояврь, 1902.

Кресло было найдено солдатами, загрязненное иломъ и со сломанной перекладиной, уже около ручья. Обчистивъ его и связавъ проволокой, Пеначо принесъ его къ своему начальнику. Баронъ далъ ему за это пэзо и, съ наслаждениемъ вдыхая влажный, чистый воздухъ, наблюдалъ перемёну въ пейзажъ.

Вдали надъ холмами облава стояли низво, чуть не касаясь ихъ, а даль была задернута мглой отъ водяныхъ испареній. Долина потемевла и зеленые тона въ ней преобладали. Обмытые вусты и деревья, отъ освъщенія, можеть быть, казались темнозелеными, почти черными. Линіи олеандровъ, оваймлявшихъ ручей, стояли теперь до половины въ водъ, мутной и шибко бъжавшей внизъ по лощинъ. Ручей сдълался довольно шировой ръчкой, и вода его несла по теченію кусты вамышей, ломанные сучья к мусоръ, протекая прямо за палатками, почти набъган на задніе ихъ колья. Передъ барономъ предсталъ озабоченный Пеначо, прося его разръшенія для рабочихъ заняться устройствомъ загона и перестановкой палатокъ. На вопросъ барона о всемъ этомъ, Пеначо толково объясниль, что сделать надо прежде всего поправки въ загонъ для животныхъ: буря и несшіяся воды загнали ихъ въ одну сторону, и испуганный своть, теснясь, сломалъ загороди. Теперь, пока не прибыла сверху вода, надо немедленно же чинить загонъ, чтобы не ушелъ или не уплыль скоть. По той же причина надо переставить выше, т.-е. дальше отъ ручья, и палатки лагеря: вода прибываетъ - это можно видъть по быстрогъ ся теченія, по несущейся пънъ и камышувамышъ этоть озерной. Ливень одной ночи съ его горными потоками переполниль оверо, и если опять пойдеть дождь, не выдержавъ сутокъ, ръчка разольется сильнее. Тогда бъда!

Наученный опытомъ, баронъ рѣшилъ послушаться дикаря, тѣмъ болѣе, что дикарь этотъ хотя и позволялъ себѣ совѣты, но въ формъ просьбъ и держа себя почтительно.

— A вакъ ты думаеть, будеть еще дождь?—спросиль баронъ.

Пеначо, на это не отвічая, сділаль знавъ лівой рукой, а указательный палець правой руки всунуль себі въ роть, и съ пальцемъ во рту смотріль на барона своими вытаращенными звірскими глазами, около двухъ-трехъ минуть. На этоть разъ и баронъ вытаращиль глаза, не понимая манёвра негра. Давъ надивиться своему начальнику. Пеначо вынуль изо рта палець и, поднявъ его кверху, смотріль и на палець, и на небо. Потомъ объявиль, что дождь будеть, но не скоро, потому что вітерь не дождевой. И онъ указаль направленіе вітра, которое

во соображенію барона опредълялось румбомъ SSE, болье наи менье. Объясниль Пеначо и свои "ргосе́де́я" съ пальцемъ, и барону припоминлось что-то изъ эпиводовъ, имъ читанныхъ, о морявахъ. Согрътый во рту и смоченный, такъ сказать распаренный, палецъ получаетъ большую чувствительность въ току воздуха. Самый легкій вътерокъ производить ощущеніе "холодка", и сторона пальца и будетъ означать румбъ воздушнаго тока... для върующаго въ этотъ пріемъ, конечно. Баронъ, смъясь, отпустиль Пеначо, давъ ему автономію управленія, и занялся, пользуясь благодатной теперь температурой, -отвътомъ на письмо Бромлеевъ и поправкою плановъ.

Къ вечеру тучи разошлись, и проглянувшее на мигъ заходящее за холим солнце оврасило ихъ ярко-розовымъ свътомъ. Вдоль ручья-ръчки раздавался концертъ лягушекъ, которыхъ до этого времени не слышали еще въ Вахчаръ-Итэ; чистый, влажный воздухъ точно лился въ грудь, а зеленые лъса по горамъ, полные жизни, были въ розовомъ сіяніи зари. Сумерки спускались быстро; внизу опять запылали костры и несся оживленный говоръ рабочей толпы.

На завтра баронъ ръшилъ вкать навъстить Риверо, а къ вечеру ожидалъ нарочнаго изъ Санъ-Педро съ грузомъ и письмомъ отъ Люси.

При мысли о ней, опять пробудилось въ немъ странное ощущение тоски и страха; опять сильное желание вхать къ ней, туда, въ домъ, охватило его душу. Ощущение было сильно до подавления какой бы то ни было всякой другой мысли, являсь точно еню его самого, и всякий безъискусственно-живущий человъкъ остановился бы на безпричинности и внезапности такого ощущения. Почему оно и откуда?

Но герой этого разсказа быль сыномъ нашего въка. Искусственныя наслоенія современнаго полуобразованія и вивщией цивилизаціи мъшали ему непосредственно относиться къ природь и людямъ. Полуузнавъ носледнихъ и гордо игнорируя сили первой, онъ жилъ только для "великихъ" задачъ достиженія силы и власти въ человъческомъ муравейникъ. И теперь, какъ и прежде, "наслоенія" помъщали ему заглянуть въ самого себя, а овладъвшее имъ, неизвъстно какъ явившееся ощущеніе онъ объяснилъ вліяніемъ погоды на организмъ. Конечно, онъ непріятно чувствуетъ себя, потому что проблескъ корошей погоды послъ дурной напоминаетъ ему лучшія условія его жизни... Не больше!.. Но и это даже пронеслось у него урывками мысли, потому что, какъ дъловой человъкъ, онъ не столько думала, собственно говоря, сволько соображаль, въ узко-правтическомъ смыслѣ этого слова. И по прежнему мня себя будущимъ великимъ муравьемъ, онъ и не подозрѣвалъ, что, какъ властитель Бахчаръ-Итэ, онъвидитъ это заходящее солнце въ послѣдній разъ.

Метеорологическія изслідованія Пеначо, однакоже, оказались візрными: ночь прошла безъ дождя, и наступившее сіренькое утро обіщало хорошій день. Солнца не было видно, но между расходившимися тучами, тамъ и сямъ, какъ привіть надежды, світилось голубое небо.

Баронъ долго сибаритствовалъ въ постели, потомъ, лѣнивочитая, все ждалъ, что небо происнится. Но тучи не расходились, а барометръ неизмѣнно стоялъ на "непостоянной погодъ". Въ восьмомъ часу утра баронъ, позвавъ Пеначо, приказалъ осѣдлать лошадь и дать двухъ солдатъ. Загоны оказались исправленными и рабочіе уже крыли бараки.

- А почему не переставлены палатки? Вода не сбываеть, кажется?—спросиль баронь.
- Не сбываетъ, сеньоръ. Не внаю, почему такъ долго... Должно быть, озеро очень полно и вверху дождь шелъ больше. Если не спадетъ къ полудню, надо переставить: на ночь опять можетъ собраться гроза, и тогда въ темнотъ будемъ прыгать хуже врысъ.

Дорогой въ Риверо баронъ чувствовалъ себя въ особенно хорошемъ настроеніи. Своимъ продуманнымъ отвётомъ въ Бромленмъ,—съ вотораго онъ предусмотрительно оставилъ вопію,—онъ остался доволенъ, и картины будущаго опять развертывались передъ нимъ заманчивой далью, пова онъ вхалъ впереди двухъ солдатъ, устремивъ глаза на холку и уши плавной иноходью обжавшаго воня.

По дорогѣ замѣчались слѣды дождя—растительность всюду точно воскресала, но туть же были и слѣды бури, съ ен разрушеніемъ и смертью: дорогу загромождали поломанныя и до половины вырванныя деревья. Обнаженные корни ихъ, съ комками уже высохшей земли, корчились точно змѣи надъ образовавшейся черной зіяющей ямой. Отдаляясь отъ горъ, надо было проходитъручей, мѣстами разливавшійся довольно широко. Надъ нимъ проносились, кружась и наполняя воздухъ своими печальными кривами, стаи налетѣвшихъ чаекъ, а по берегамъ задумчиво-разсудительно ходили, точно разглядывая свои шаги по топи, большія цапли. Баронъ и солдаты остановились: вода бѣжала съ клочьямы пѣны, скрывая загадочную глубину. Но перейти надо было. Негры нещадно били муловъ, заставляя ихъ войти въ воду, м

ручей переходили вбродъ, наискось противъ теченія, шагь за шагомъ ища мельоводьи и полагаясь больше на инстинктъ животныхъ. Но тутъ же случилось и непредвиденное. Осторожно пробираясь и будучи уже въ серединъ потока, они увидъли, что на нихъ несется теченіемъ большое дерево. Животныя стали храпеть, испуганно перебирая ногами на ненадежномъ, топвомъ дев; остановиться и переждать недьзя было. Баронъ побледнель и точно холодомъ и болью сжало ему грудь. Но негры не потерялись. "Пусвай воня съ боку! Вынь ноги изъ стремянъ! Съ бову! Иди за нами! Не тяни! Упадеть-уже не поднимется!"вричали они властителю, забывая теперь его власть, и злобноиспуганно сверкали бълки ихъ главъ. И они, собственно, и спасли потерявшагося барона, энергично заворотивъ муловъ въ полуобороть противъ несшагося дерева и обходя его, уже не заботясь о глубиню. Оба мула точно сразу опустили врупы, на игновение вода раздалась по ихъ бовамъ, потомъ баронъ увидыть, что она сомвнулась надъ ними вплоть до ихъ задранной вверху головы, съ раздувающимися ноздрями и дивими глазами. Неграмъ вода доходила до груди. Съ отчаяніемъ труса онь удариль шпорами воня и, бухнувь въ глубину, поплыль за создатами. Холодная вода обдала ему грудь и струнии бъжала подъ бъльемъ, въ ботфорты, сразу сдълавъ тяжелыми ноги. Отъ вида бъгущей воды у него кружилась голова, и, инстинктивно понявь это, онъ сталь смотреть на приближающийся берегь. Вздохъ облегченія вырвался у него изъ груди, когда онъ увидыт передняго солдата уже до половины обрисовавшимся изъ воды. Всявдъ за темъ съ нимъ рядомъ сталъ и остановился и другой. Еще минута, и баронъ былъ съ ними, не понимая, чего они ждуть до половины въ водъ и въ трехъ саженяхъ отъ берега.

— Здёсь, у берега, опаснёе, чёмъ въ глубинё, —объяснили негры. —Вязко, топь. Животныя увязнуть въ илё, будуть биться, увязнуть еще больше и зальются водой. Ты, сеньоръ, иди за нами и дай волю коню!

Потомъ одинъ изъ негровъ сошелъ или, лучше, спустился съ мула и повелъ его за поводъ, идя по грудь въ водѣ, параллельно берегу. За нимъ гуськомъ слѣдовалъ другой солдатъ съ барономъ. Пройдя такимъ образомъ оволо десяти саженей, шедшій впереди остановился, посмотрѣлъ на берегъ и сраву пошелъ по направленію въ нему. На вопросъ барона, почему вожатый знаетъ, что не идетъ на топь, негръ-товарищъ усмѣхнулся.

— Это всявій знасть! По цвіту берега видно, гді иль и гді песокъ,—отвіталь онъ.

Выйдя на берегь, но совъту тъхъ же негровъ, баронъ раздълся, вылилъ воду изъ сапогъ, а негры выжали ему бълье в пальто. Минованіе опасности опять возстановило іерархію, в негры почтительно совътовали своему начальнику не надъвать ничего мокраго, кромъ шляпы и сапогъ; послъдніе—по необходимости имъть опору въ стременахъ.

— Ну, а какъ же вы надъваете мокрое бълье и куртки?— спросиль баронъ.

Негры объяснили, что для двяъ это ничего, но что бѣлому человъву надо лучше ѣхать совсѣмъ Адамомъ, вавъ бы холодно ни было, а надѣть только совершенно высохшую одежду. "Голое тѣло—не вредно, а покрытое моврымъ даетъ болѣзнь, сеньоръ!"—говорили они.

Но барону казалось невъроятнымъ, чтобы онъ, съверянинъ, могъ простудиться въ такой температуръ, да еще и при вздъверхомъ. Ему припомнились его военные переходы на маневрахъ, въ Германіи, гдъ не разъ ему приходилось часами ъхать подъ проливнымъ дождемъ въ октябръ мъсяцъ, въ холодное время. А главное, его шокировало то, что онъ, баронъ фонъ-Ванденъ, всегда, даже и въ глуши, одътый по возможности корректно, будетъ вхать голымъ Адамомъ въ сопровожденіи двухънегровъ, къ своему подчиненному и другимъ неграмъ. И прв этомъ еще не ради "развлеченія", а такъ—неизвъстно зачъмъ, нотому что они это посовътовали.

Сухо приказавъ вавъ можно скорте выжать его одежду, баронъ одълся, чувствуя не то чтобы ознобъ, а скорте что-то въ родъ бъгавшихъ по тълу мурашевъ—послъдствие этихъ своеобразныхъ ваннъ и компрессовъ. Черезъ минуту онъ уже скавалъ по знакомой ему дорогъ, оставляя позади негровъ, и первое время что-то въ родъ озноба пробъжало по тълу и пальцы ногъ точно коченъли. Къ полудню, опередивъ солдатъ больше чъмъ на полчаса, онъ достигъ бивуака Риверо.

Практическій креоль устроился отлично, и гамакъ Пеначо служиль ему и кресломь, и постелью. Баронь васталь его уже позавтракавшимь и ходившимь около бревень. Солдаты отдыхали. Несколько вкопанныхь уже столбовь и пирамиды наготовленныхь бревень показали барону, что время не терялось даромь. Онъ высказаль это своему "alter ego", и португалець, довольный этимь замечаніемь, но сохраняя обычную ему американскую флегму, предложиль завтракать. Оба, выйдя изъ палатки, расположились на бревнахъ. Осмотревь свой герметически закрывающійся портсигаръ, баронь нашель сигары сухими, к

они закурили и разговорились. Риверо сообщиль, что, по согламенію съ Перкинсомь, онъ должень быть въ бивуакъ не повже еще двухъ дней, такъ что до дождей, собственно, мость будеть окончень. Всенаблюдающіе Мефистофелевскіе глаза португальца остановились на высохшемь, но точно жеванномъ пальто барона, и онъ спросиль о причинъ. Баронъ разсказаль про ихъ переходъ черезъ ручей и свой отказъ превратиться изъ начальника "самраменто" въ галопирующаго прародителя человъчества. Риверо нахмурился. По его мнънію, это было дурно сдълано, т.-е. лучше было бы вхать нагимъ.

- Да перестаньте—вы тоже! Я въ Германіи вздиль часами подъ ливиями, — отвічаль баронь.
- Допускаю; но въ Германіи вы были не то, что теперь. Южный климать, конечно, сдёлаль васъ болёе анемичнымъ, это во-первыхъ; а во-вторыхъ, тамъ до этихъ лисней вы не выносин 42^0 зноя въ тённ... Вы, какъ и большинство европейцевъ, не все берете въ разсчеть, мой дорогой патронъ... Скажите: воги у васъ согрёлись сраву послё купаньи, или нётъ? Можетъ быть, онё и теперь холодныя?

Барона встревожиль и тонь, и доводы Риверо, — доводы выскіе. И видимо португалець быль опытень... Чувствуя себя отлично и согрывшись жедой, баронь не могь, однаво, согрыть ногь, и пальцы ихь были точно окоченымии. Сообщивь это Риверо, онь спросиль, вы чемы же собственно опасность. По словамы португальца, опасность была вы зной уже перенесенномы и сдылавшемы организмы страшно воспріимчивымы, "деликатнымы", по мыстному выраженію, такы что послы зноя и безы купаній забольнають и умирають люди, просто-таки оты вліяній понизившейся температуры.

Барона это тревожило, какъ и всякая непредвидънная забота, забота—не больше. Опасность же смерти, —которой онъ боялся, не понямая ея, —ему и въ голову не приходила, или, лучше, казалась ему иевъроятной, немыслимой. Онъ—столько вынестій, столько устроившій! Ему припомнился его отвъть Бромлеямъ... Онъ талантливо "обошелъ" ихъ теперь и одолъеть потомъ. Онъ станетъ во главъ громадныхъ предпріятій, и начало имъ уже есть... И вдругъ—умереть!.. И оттого, что несшееся по водъ дурацкое дерево напугало животныхъ, и надо было плыть... Ноги, однакоже, не согръвались, несмотря на то, что въ воздухъ чувствовался сырой и влажный зной.

— Хорошо. Что же, по вашему, надо сделать? — спросиль онъ Риверо.

- А вотъ, слушайте. Во-первыхъ, отвазаться отъ завтрака, хотя я и приказалъ вамъ зажарить водяного фазана. Ничего не всть. Потомъ, вивсто фазана, принять потогонное и, немедля больше, пропотвть здвсь и вхать только завтра. Потогонное найдуть здвсь въ лёсу негры и въ чайникъ сварятъ лучше аптекаря. Это—корень... И довольно пріятный на вкусъ.—Согласны?
- Потогонное—согласенъ. Но потъть вдъсь... Какъ же это? Гдъ? Между неграми?
- Да. Мы найдемъ вамъ тряпья и укроемъ. Пропотете, вылежитесь и поедете завтра.
- И добавьте, что повду во вшахъ, засмвался баронъ. Бр-р-р!.. Гадость! Не могу. Ни за что не соглашусь, дорогой мой Риверо.

По лицу португальца точно свольвнуло преврительное выраженіе.

- Не понимаю, баронъ, вавъ, преслѣдуя цѣль, можно смотрѣть на пустаки. Предупреждаю, что дѣло можетъ быть серьезно, добавилъ онъ, загадочно-пытливо посмотрѣвъ на барона.
- Хорошо, я согласенъ на корень, и прошу васъ послать его искать. Но я думаю, что не ъсть—едва ли полезно; такъ что вашего фазана давайте!.. Закусивъ и отдохнувъ, ъду лечить... холодъ ногъ. И объщаю вамъ потъть всю ночь, то-есть, наверстать время.

Риверо и туть упирался,— но баронъ, послѣ купанья и верховой ѣзды, ничего не ѣвшій съ утра, быль голодиве волка. Отъ фазана остались только косточки, а сухари, замѣнявшіе хлѣбъ, баронъ ѣлъ съ наслажденіемъ. Потомъ онъ спросиль португальца, есть ли у него что-нибудь въ родѣ коньяку. Риверо нахмурился, озабоченный.

- Коньякъ есть, но у васъ къ вечеру и безъ того повысится температура. Я увъренъ! Увъренъ потому, что случаевъ въ этомъ родъ видълъ много. Васъ ждетъ, по меньшей мъръ, злъйшая лихорадка, и вы, на мой взглядъ, бравируете напрасно. И мнъ, знающему, не весело это видъть.
- Хорошо, оставимъ коньявъ, согласился баронъ и невольно подумалъ, что Риверо, при своей физіономіи Мефистофеля и заговорщика-кинжальщика, былъ далеко не бездушный человевъ.

Заговорили о лагерѣ и эпизодѣ съ Каскарой. Баронъ чувствовалъ потребность сіэсты, въ которой онъ уже привыкъ, и, послѣ успокоительныхъ увѣреній Риверо, рѣшился вздремнуть въ гамакѣ Пепачо-Риверо. Оставивъ его, португалецъ пошелъ на постройку моста и рубку.

Баронъ спалъ долго и врвивимъ сномъ уставшаго отъ взды человъва, но, проснувшись, онъ не чувствовалъ бодрости и хорошаго настроенія послі отдыха, и долго лежалъ, повачивалсь въ
гамавъ съ заложенными подъ голову руками и дымящейся сигарой въ зубахъ, бевъ мысли и апатично слідя за синей спиралью ея дыма. Явившійся Риверо, пытливо посмотрівъ на барона, предложиль ему "тате". Баронъ охотно согласился, чувствуя жажду, и спросиль о погодь.

— Время вамъ подумать объ отъезде, если котите екать, — отвечалъ Риверо. — Погода угрожающая — жарко, а небо обложено. Къ ночи, — а ужъ ночью наверное, — надо ждать грозы.

Оба занялись maté, которое подаваль имъ солдать-негръ, и баронъ апатично-вяло выразиль свою надежду получить къ ночи грузъ изъ Санъ-Педро. Риверо сомиввался. Подъ Санъ-Педро дорога идетъ низкой мъстностью, вода еще не сбыла, и нарочний будетъ бояться за грузъ.

- А ваше объщанное лекарство? Нашли? спросилъ баронъ.
- Да, оно уже сдано вашему солдату, и онъ съ Гансомъ сварить вамъ немедленно же по прібздѣ. Его пьють горячимъ и, уврывшись, потвють. Потомъ—день діэты и отдыха.

Посив maté баронъ привазалъ свалать лошадь и черезъ полчаса уже скакалъ по дорогв въ лагерь. Проголодавшиеся мулы не отставали на этотъ разъ отъ лошади, и путешественники, почти одновременно, очутились на берегу своей утренней, переправы.

Вода прибыла за это время и прибывала еще, неся по теченю спрпившіеся между собою кусты, пучки камыша и мусоръ. По быстроть, съ которой она неслась, видно было, что теченіе сильно, и солдаты решили жхать вверхъ по ручью, ища более медваго брода. Они добхали почти до долины, противъ лагеря, но вездъ, судя по теченію и очертаніямъ берега, было или глубоко, или вязко. Незадолго до сумерекъ они вернулись къ мъсту утренней переправы, и на этотъ разъ, чтобы не терять времени переодъваньемъ на противоположномъ берегу, ръшили сдълать свой туалеть немедленно. Пріемъ ихъ быль настолько же простъ, насколько и практиченъ: снявъ съ себя нъкоторую неизбъжную часть мужского туалета, негры въ важдую часть панталонъ завязали по сапогу и обвязавъ ихъ вовругъ шен, положили спину, поддерживан свизку подбородкомъ. При такой системъ нанталоны и сапоги сохраняются сухими даже и тогда, когда приходится переплывать потокъ. Грудь разсекаеть воду.

Прежде чъмъ войти въ воду, негры ворко смотръли на по-

верхность ея вверхъ по теченію, и убѣдившись, что вромѣ мелкаго мусора нѣтъ ничего для нихъ опаснаго, стали переправляться, и на этотъ разъ пустились вплавь, внизъ по теченію съ середины воды. Потомъ опять шли бродомъ наискось противъ теченія, чтобы вода не относила ступающія передніи ноги животныхъ, и вышли на берегъ во-время, встрѣтивъ полосу болѣе твердаго грунта. Послѣ этой ванны баронъ почувствовалъ приступы озноба по всему тѣлу.

На этотъ разъ, уже не делая туалета, съ бившимися по спинъ сапогами, путники галопомъ доскакали до лагеря, и баронъ слъзъ съ коня передъ самой палаткой, а войдя въ нее босикомъ, немедленно же легъ въ постель. Теперь онъ торопился, чувствуя, что начинавшееся головокруженіе мёшало ему и надёть сапоги, и сдълать какое-нибудь движеніе безъ боли въ поясницъ. Начинавшійся ознобъ скоро перешелъ въ дрожь, а головокруженіе— въ головную боль. Потомъ съ нимъ началась рвота, но приподняться ему было уже тяжело—голову точно сжималъ раскаленный широкій обручъ, затемняя мысль, и, сквозь прыгавшія зеленыя пятна страннаго свъта онъ видълъ, какъ то исчезали, то появлялись ножки стоявшаго передъ вроватью въ палаткъ стола. Болъзнь сразу и съ силой овладъла организмомъ европейца.

Пришелъ старый солдатъ-негръ, слывшій между товарищами за волдуна и довтора. Одобрявъ леварство Риверо, онъ прибавиль въ нему какіе-то сухіе цвѣты, объяснивъ, что послѣ этого пріема больной долженъ усповоиться и заснуть. Тогда нужно будеть вызвать потъ, и это остановить лихорадку.

Гансъ испуганно-тоселиво смотрълъ на своего патрона, поминутно спрашивая негра, не опасна ли болъзнь; никогда не видълъ онъ еще барона тавимъ ослабъвшимъ, точно упавшимъ и уменьшившимся. Старый негръ, съ приплюснутымъ черепомъ и выдающимися челюстями гориллы, озабоченно-умно смотрълъ на больного и усповоивалъ Ганса. Глаза старика тоже походили на глаза обезьяны, съ ихъ тоселиво-человъческимъ выраженіемъ, съ бевсильно-наморщеннымъ лбомъ, въ которомъ точно таится мысль укора безшерстнымъ собратьямъ. Старивъ мягкимъ и симпатичнымъ, не совсъмъ идущимъ къ нему голосомъ увърилъ юношу, что положеніе серьезно, но не опасно, "вровь еще не сразу сварится"; что онъ поднималъ и не такихъ, какъ баронъ, и что теперь барону нужно потъть и спать. Приготовленное снадобье дастъ ему и потъ, и сонъ, а черезъ два дня онъ будетъ здоровъ.

Потомъ Гансъ слышаль, какъ старикъ, уже выйдя изъ палатки, бранилъ провожатыхъ барона и самого Пеначо за то, что они пустили въ воду барона, зная, что это опасно въ такое время, когда испаренія и безъ того дають лихорадки. Это и глупо, и нехорошо съ ихъ стороны. Баронъ-гриню, и ничего этого не понимаеть; но его надо было научить и поберечь, прощан ему его задорность (pendenciero). Провожатые оправдыва-мись, а Пеначо ворчаль смущеннымь басомь, тономь виновнаго человъва. И Гансъ слышаль, что эти люди, презираемые барономъ, теперь заботится о немъ безкорыстно и искренно. Значить, они не вполив "скоты дикіе". И пожалуй въ ихъ чернотв дъйствительно быль виновать только налгавшій на нихь ученивъ и строгіе ангелы, --- думаль этоть глуповато-важный слуга, по-своему любившій барона н какъ вемлява, н какъ великаго для него человъва. При слабо-пущенномъ огоньвъ лампы Гансъ ваботливо укрываль больного, не замечая слезь, кативщихся по его длинному носу, не чувствуя ихъ соленаго вкуса.

Сухіе цвъты добраго волдуна-негра были не только благодатнымъ противолихорадочнымъ, но и сильнымъ снотворнымъ средствомъ, и наркотическое вліяніе ихъ сказалось быстро, усыпивъ больного.

Гансъ помъстился около его постели, на землъ, на постланномъ тюфякъ, и, облокотившись на подушку, не спускалъ съ него глазъ. Къ девяти часамъ больной, укутанный всъми одъялами и тюфяками, бывшими въ палаткъ, былъ покрытъ лившимся съ него потомъ. Пеначо и негръ-колдунъ, войдя, остались довольны и повеселъли. "Онъ спасенъ",—говорили они.— "Опоздай онъ еще часъ, и пота нельзя было бы уже вызвать! А теперь онъ спасенъ. Къ утру у него покажется сыпь, а когда пройдетъ сыпь, онъ можетъ встать. Т.-е., черевъ два-три дна".

Это была правда—баронъ былъ спасенъ отъ болъвки; но

Это была правда—баронъ былъ спасенъ отъ болъвни; но только отъ болъзни... И темныя силы мщенія проносились вовругь, накъмъ еще не видимыя...

Мрачная черная ночь царила надъ Бахчаръ-Итэ. Въ удушливомъ жаркомъ воздухѣ порывами проносился вѣтеръ, отъ времени до времени колыхая бова палатки, и въ этихъ порывахъ доносились Гансу и глухой гулъ роптавшаго по высотамъ лѣса, и влобные, унылые крики летавшихъ во мракѣ совъ. И эти явуки ненастной ночи, въ порывахъ вѣтра, проносились голосами угрозъ и плача надъ палаткой больного, надъ стихнувшимъ лагеремъ, и неслись дальше въ черную тьму, къ долинамъ и холмамъ.

У востровъ не раздавались больше ни гитары, ни оживленный шумъ голосовъ. Несмотря на то, что палатки переставили выше, т.-е. ближе въ палаткъ барона, Гансъ слышалъ, что близко за ними, бурно шумя, неслась вода все росшаго ручья. Озабоченно-угрюмые отдъльные голоса отъ времени до времени слали ругательства и провлятія. Потомъ говорили о часовомъ. Теперь незачъмъ ставить часового въ барону... Люди устали отъ работъ и перестановки палатокъ. А главное — теперь всъ соединены, и одинъ часовой видитъ всъхъ. Да и вода ростетъ, и если не спадетъ въ полуночи, съ новыми дождями надо будетъ идти на плато, въ бараки, — иначе ихъ затопитъ всъхъ вавъ врысъ.

По горной ствив террасы пробъжаль свъть молніи и съ верховьевь ручья донеслись далевіе раскаты грома. Гансъ слушаль, какъ говорили объ оверъ. Оно должно быть переполнено, какъ налитое до краевъ корыто прачки. И, суди по тучамъ и грому, тамъ шелъ дождь и вчера, и сегодня, а къ полуночи гроза разразится и надъ Бахчаръ-Итэ, и придется тогда опять передвигаться. Если вътеръ не перемънится, лучше это сдълать теперь же.

И Гансъ, обловотясь и продолжая смотрёть въ лицо больного, слушалъ рабочихъ, мысленно соглашаясь съ ихъ доводами. При тусвломъ полусвётё онъ видёлъ врупныя вапли пота на лбу барона, на его вискахъ съ слипшимися волосами и поблёд-пъвшихъ щевахъ... Но дыханіе его было ровное и сповойное, какъ у здороваго спящаго человёва. Отрадное чувство спокойствія овладёло имъ, и онъ уснулъ, утвнувшись упавшей головой въ подушку.

Выспавшись днемъ, за отсутствіемъ барона, въ его постели и съ журналами въ рукахъ, Гансъ спаль теперь прерывающемся, чуткимъ сномъ. Сквозь сонъ слышаль онъ, какъ бились отъ усиливавшагося вътра края палатки. Голоса рабочихъ перешли въ сплошной шумъ кричавшихъ между собой людей, потомъ слышался трескъ и скрипъ ломавшагося дерева подъ ударами топора. Вбиваютъ колья, переставляютъ палатки... "Значитъ, ручей ростетъ", — думалъ Гансъ въ полуснъ, и въ этомъ состоянів онъ услышалъ, что что-то стукнуло ему въ яогу. Онъ быстро вскочилъ и сълъ на тюфякъ, смотря на чернъвшій квадратъ открытаго полотнища налатки, и въ то же время увидълъ, что сверку отъ стъны влетъю и упало другое что-то, на этотъ разъ бълъвшее. Присмотръвшись, онъ увидълъ, что это былъ камешекъ съ привязанной къ нему запиской, который бросили ему сверху, съ горы.

Гансь быстро вскочиль на ноги, схвативь камешевь съ записвой. Очевидно, сверху, въ открытомъ, полуосвъщенномъ пространствъ, видъли и его, и спавшаго барона. Но кто это можетъ бить? Конечно, это не индъйцы! Вмъсто камешковъ, они послали би имъ что-нибудь другое, — сообразилъ Гансъ.

И прибавивъ огня въ ламиъ, бледный отъ волненія, онъ развернулъ бумажку. Держа ее дрожащими руками, онъ увидёлъ, что это была записка на немецкомъ языкъ, и крупный почеркъ ея строкъ повволилъ свободно прочитать следующее:

"Господинъ баронъ фонъ-Ванденъ, спасайтесь немедленно. Индъйцы запрудили ръчку, вытекавшую ивъ озера, и разрушаютъ его плотину на вашей сторонъ горъ. Затопленіе Бахчаръ-Итэ невзбъжно. Не могъ—безъ опасности для своихъ—предупредить васъ или остановить ихъ месть. Но не пугайтесь, а главное—не теряйте порядка. По спущенному канату послъдовательно должны подниматься по три или четыре человъка, не больше. Сохраняйте порядокъ, избълайте шума. Проводники проведутъ васъ надежнымъ путемъ. Господь да поможетъ вамъ и вашимъ подямъ, и спасетъ всъхъ васъ.—Патриціо".

Гансъ нѣсколько разъ прочиталъ эти строки, держа трясущимся руками записку у самаго стекла лампы. Холодный ужасъ приближавиейся смерти леденилъ ему кровь, дрожь пробъгала по членамъ, и нѣмецкая разсудительность его исчезла. По импульсу страха, почти безъ мысли, канулся онъ къ стѣнѣ, дрожащими руками проводя по ней, и нашупалъ толстую веревку. Его глава теперь, хорошо ввдѣвшіе отъ возбужденности, видѣли, что изъ его рукъ она уходила вверхъ по стѣнѣ, туда, во мракъ страшнаго лѣса, гдѣ грозно шумѣли черныя деревья да проносились вловѣщіе крики...

Но веревка была привръплена. Толстая, жесткая, съ узлами. И тамъ наверху ихъ ждали люди... Добрые люди, не индъйны. Добрые потому, что они пишутъ по-нъмецки и пришли, чтобы спасти его и барона, — пронеслось въ головъ Ганса.

И опять вбёжавь въ палатку, онъ понималь теперь, что надо что-то дёлать. Традиція подчиненности подскавала ему, что надо увёдомить барона. Остановившись на этой мысли, онъ потомъ точно углубиль ее въ себя, припомнивь подчеркнутыя слова записки. Сохранять порядокъ... Не дёлать шума.

И ужась опять охватиль его. Эти дивіе безъ барона никого

не послушають! Они всё захотять лёзть вийстё и прежде, чёмъ полёзеть баронъ!

"Полъзетъ?!" — поймалъ онъ себя на этомъ словъ, и глаза его остановились на баронъ.

Взглянувъ на его блёдное лицо, неопытный, невёжественный Гансъ понималь, однако, что баронь, —увы, —не полёветь, — у него не хватить силь... И винувшись въ больному, онъ сталь будить его сперва легво, потомъ сильнёе... Потомъ онъ взялъ его за кисти рукъ, приподнялъ съ подушевъ и, забывая осторожность, и звалъ, и кричалъ.

Но баронъ не открылъ даже главъ. Наркотическій настой дъйствовалъ теперь всей своей силой, и онъ спалъ глубовимъ сномъ. Это былъ сонъ-обморокъ. Его горячія, потныя руки выскользнули изъ дрожащихъ рукъ Ганса, и онъ опять упалъ на подушки. Разбудить и поднять его было невозможно!

Гансъ зарыдалъ, — дико, горячо, съ давящей болью страданія, уже безъ страха и мысли, а только страдая. Онъ не видълъ ни выхода, ни надежды, и страдалъ и бился.

И давимый, безсильный, не думан уже, онъ теперь, по невъдомому ему импульсу внутренняго своего существа, невольно для него самого, въ слезахъ и рыданіяхъ воззвалъ въ Тому, Кто, полный любви, и свъта, и жизни, не даетъ смерти, но таниственномудро допускаеть и тьму, и зло...

Бѣднаго мальчика, въ счастію, не убила еще мертвящая спорная "научность" прогресса. Онъ еще жиль. Фанфаронство барона, лакейскія претензій на образованность не погасили въ Гансѣ чистаго, святого огонька вѣры. И теперь, со всею страстностью безсильной, страдающей души своей, онъ горячо взываль въ Богу.

И что-то родное, теплое точно охватило душу Ганса. Онъ отнялъ руки отъ жесткихъ рыжихъ вихровъ головы; онъ чувствовалъ теперь соленый вкусъ слезъ, падавшихъ на губы скошеннаго отъ рыданій рта. Онъ начиналъ понимать и думать онять, сперва тоскливо и съ болью... Его рыданія стихали передъ началомъ мысли.

Но мысль росла, овладевала имъ, точно отстраняя боль души. Чувствуя это, онъ не понималъ причины, устранившей сграданіе, и уже не молился больше. Занятый создавшимся въ его голове планомъ, онъ скоре понималъ, чемъ слышалъ раскаты грома находившей грозы, дробящійся стукъ по палатке мелкаго дождя и крики рабочихъ, которые точно росли и приближались.

Это напомнило ему о дёлё. Онъ рёшилъ привявать барона. и

тянуть его туда. Спасеніе его онъ обобщаль съ своимъ спасеніемъ, а спастись самому, безъ барона, не приходило на мысль Гансу, хотя въ то же время о спасеніи другихъ онъ не думалъ, понимая а ргіогі, что имъ-то это легво. Положеніе барона тенерь могло бы отдълить его отъ Ганса, и, при меньшей любви послъдняго, неизбъжно явилась бы мысль о безполезности спасать барона, таща его полуобнаженнымъ подъ начинающейся грозой, таща въ лъсъ, гдъ тоже неудобства ждали больного! Покрытаго тенерь сильнъйшей испариной едва ли вернулъ бы къ жизни и самъ отецъ Патриціо, о которомъ Гансъ, къ тому же, и не зналъ, потому что разговоръ о немъ засталъ его уже спавшить. Но честный и любящій Гансъ не разсуждалъ, и ръщилъ втащить барона наверхъ, не увъдомивъ никого изъ "дикихъ",— инстинктъ любви подсказалъ ему, что они не могутъ сдълать теперь для барона того, что онъ, Гансъ, способенъ сдълать.

Туть только заметиль онь, что ламиа уже давно едва-едва теплилась розовымъ, умирающимъ огонькомъ на обгоревшей светильне. Онъ вспомниль теперь, что они зажигали ее эти дни только на время "раздеванья" барона, сохраняя керосинъ, и что теперь ихъ ждетъ темнота.

Онъ быстро выбъжаль изъ палатки и схватился за веревку. Упираясь ногами въ стъну и приподнимансь руками по узламъ, онъ достигъ плоскаго верхняго врая стъны и, вскарабкавшись на нее, пошелъ на четверенькахъ по лежавшей уже на плоскости веревкъ, не сразу понимая положеніе. Вставъ потомъ на ноги, онъ увидълъ, что веревка шла отъ ближняго дерева, и понялъ, что она привязана.

— Wo ist der Freund?—сказаль онъ негромно, вглядываясь въ мракъ.

Отъ стволовъ деревьевъ отделились и пошли къ нему две черния фигуры.

— Господь и миръ да будутъ съ тобою, братъ! — сказалъ поиспански мужской звучный голосъ. Не ожидая ничего испанскаго, Гансъ пятился назадъ, рискуя разбиться.

Подошедшіе овазались францисванскими монахами. Въ черномъ овалѣ раздувавшагося непогодой вапюшона Гансъ увидѣлъ смуглое, истомленное лицо молодого монаха. Другой монахъ, стоя позади, рисовался неясной черной фигурой. Гансъ съ минуту смотрѣлъ въ лицо привѣтствовавшаго его францисканца, и, несмотря на трагичность положенія, у него вырвалось его обычное: "Zum Teufel"! Юноша-монахъ обладалъ одною изъ тѣхъ благородныхъ и сельныхъ физіономій, которыя вамѣчаются даже

н Гансами. Это быль одинь изъ двухъ францисканцевъ, не принятыхъ барономъ, и которымъ Гансъ подалъ на блюдечвъ два пэзо, тамъ, въ Санъ-Педро, — уже давно, казалось ему теперь. Узнавъ монаха и не сврывая этого, Гансъ таращилъ глаза. Монахъ, казалось, тоже узналъ Ганса и, точно отвъчая ему на его недоумъніе, сказалъ, что Провидъніе ръшило, что онъ увидитъ барона и радъ будетъ оказать ему гостепріимство. Потомъ добавилъ, что надо торопиться, въ виду наступающей грозы, да и опасность наводненія должна быть очень бливкой, потому что они провели въ дорогъ около десяти часовъ.

Это опять вернуло Ганса въ его горю. Объяснивъ монахамъ болъзнь барона и свой проевть поднятія, онъ сталь просить монаховъ помочь ему. Къ ужасу Ганса, они отказались. Пославшій ихъ настоятель, отець Патриціо, запретиль имъ спускаться внизъ, въ вострамъ. Они должны были увъдомить барона именно тавъ, какъ это они сдълали, но не спускаясь внизъ, въ вострамъ. Имъ это запрещено, и это надо честно исполнить. На всв мольбы Ганса они отвічали, что онъ напрасно тернетъ времи, - драгоцънное время для живви столькихъ людей, --- что ни одинъ изъ нихъ ни спуститься, ни ввать людей иначе не можетъ; и когда Гансъ сталъ укорять ихъ въ жестокости, грозя имъ ищеніемъ Бога, монахъ объяснить ему, что привазанія его начальника-не вапризъ, а глубово продуманное соображение: вто поручится имъ, что за лагеремъ не наблюдають враги барона?! Пова они во мравъ лъса, помощь ихъ можеть быть или не быть отврытой; но разъ ихъ увидять въ лагеръ барона, дъло измъняется, и ихъ общинъ грозитъ опасность мщенія. Они не могуть изъ состраданія въ барону потерять состраданіе въ сотнямъ другихъ людей! Не могутъ тавже непослушаниемъ осворбить о. Патриціо. То, что они сделали, и безъ того уже опасно, страшно опасно. Но они пренебрегають опасностью во имя любви въ ближнему и рады помочь-не выставляясь, однакоже, въ интересахъ общины.

Рыданіе вырвалось изъ груди Ганса, и, обхвативъ одежду монаха, опъ упалъ на колъни. Въ черныхъ, глубокихъ глазахъ юноши отразилась борьба, и онъ молчалъ, не ръшаясь ни поднять Ганса, ни оттолкнуть его, полуоборотясь къ своему, все время молчавшему товарищу.

- Спустись съ нимъ, я позволяю! сказалъ тоть по-русски, тихо и точно говоря съ самимъ собою. Потомъ онъ сдълалъ шагъ къ Гансу.
 - Твое горе мѣшаеть тебѣ думать, сынъ мой, вакт-то

ласково и сильно свазаль онъ ему по-нѣмецки.—Мы сдѣлаемъ какъ ты просишь, но ты долженъ будешь послушать меня...

Этотъ голосъ и звуки родного явыка оживили Ганса, и онъ радостно бросился впередъ.

Передъ нимъ былъ старивъ-францисванецъ, высовій, худощавый я нёсколько согнувшійся. Смиренно-величественный нарядъ монаха вполнё гармонировалъ съ его физіономіей. Капюшонъ, закрывая его голову, позволялъ разсмотрёть лицо, — строгое лицо праведника, худощавое, съ впалыми щеками, съ сёдыми бровями, задумчиво сдвинутыми, и узкой рёдковатой бородой влиномъ, длинной полосой бёлевшею на груди. Онъ походилъ на святыхъ византійскаго стили, напоминая въ то же время и русскаго старика-пасёчника, уже совсёмъ глухого и только по привычке "слушающаго", какъ гудятъ божьи-пчелки-работницы надъ родными липами.

Гансъ съ навлоненной головой исвалъ его руви, но старивъ привлевъ его къ себв и поцеловалъ его мокрую щеку. Потомъ онъ на мигъ заглянулъ ему въ лицо, и его больше голубые глаза, съ лучистыми морщинами вокругъ, точно засветились лаской.

- Ты плачешь, прося за другого,—это не по-американски! И конечно ты еще недавно въ Америкъ, —полу-смъясь, говорилъ старикъ, и костлявая рука его ласкала шею Ганса.
- Я боюсь, что баронъ умреть, говорилъ Гансъ, но отрадно чувствовалось ему и отъ этой ласви, и отъ этого свътлаго, точно лучистаго взгляда стараго францисканца.
- Смерти нътъ, сынъ мой, върь миъ. Насъ всъхъ ждетъ лучная жизнь, отвъчалъ онъ.

Потомъ лицо его сдёлалось серьезнымъ, а въ глазахъ отравилось спокойно-повелительное выражение человёка власти и мысли. И отнявъ руку, онъ заговорилъ по-испански, полу-оборотясь въ своему спутнику. Моросившій, пробёгавшій порывами дождь усиливался, и всё трое повернулись спиной къ лагерю. Старикъ сталь отдавать имъ приказанія.

— Вы спуститесь вдвоемъ, стараясь по возможности не привиемъть ничьего вниманія въ лагерѣ. Надо увязать барона въ простыни и одѣяла и приврѣпить въ ванату... Пова оставьте его еще на землѣ... Я бы тоже спустился съ вами, но у меня нѣтъ силъ въ ногахъ... Чувствую, что не могу... Но вы справитесь вдвоемъ, и, привязавъ, поднимайтесь сюда; мы втянемъ его общими силами... и увроемъ... Одѣялъ возьмите нѣсколько... для переноски...

Тонь VI.--Нояврь, 1902.

Онъ замодчалъ и съ минуту стоялъ модча. Потомъ обратился къ Гансу:

- Å потомъ ты пойдешь со мной впередъ. Вдвоемъ. Они не должны насъ видъть.
- Вдвоемъ? Впередъ? А какъ же баронъ? съ тревогой спросилъ Гансъ.
- Его понесуть за нами люди, укрытаго отъ непогоды. И сдълаютъ привалъ до разсвъта, если она усилится. А ты и я— мы пойдемъ вдвоемъ, сповойно ръшилъ старикъ.

Гансъ согласился тоскливо-неохотно, но боясь противоръчить. И слушая гуль лъса въ непроглядной черной тьмъ по высотамъ, онъ спросилъ, не нападутъ ли на нихъ звъри.

— Въ твоемъ Ганноверъ или Берлинъ ихъ не меньше, и тамъ они не побоятся нашихъ фонарей,—не безъ горечи отвъчалъ ему старикъ.—Не бойся! —Но, однако, что это такое?

Снизу доносилось въ гулъ голосовъ мычанье быковъ и отдъльные ръзкіе крики. Быстро подойдя къ краю стъны, они увидъли уже начало быстро несшагося на лагерь наводненія. Въ палаткъ барона давно погасла лампа, и черный квадратъ темноты не позволялъ видъть ея внутренность... А за ней, тамъ, ниже, сквозь сътку дождя, точно слоями пробъгавшаго по воздуху съ порывами вътра, они увидъли, что отъ единственнаго оставшагося костра съ горъвшими головешками и сучьями къ палаткъ барона бъжали люди, чтобы сохранить въ ней остатки огня. Другіе торопливо тянули снятыя палатки, уже не отвязывая, а рубя веревки, и метались въ хаосъ страха и озлобленія. Глухой зловъщій шумъ прибывавшей воды то доносился до нихъ порывами вътра, то заглушаль весь этоть гулъ смятенія.

— Спускайтесь же! Возьми фонарь! — уже ръзко и сильно крикнулъ старикъ и, отбросивъ капюшонъ молодого монаха на спину, вложилъ въ него, поставивъ стоймя, длинный, круглый предметъ съ чуть краснъвшими вверху точками свъта. Молодой францисканецъ точно упалъ надъ веревкой и черезъ минуту исчезъ за краемъ стъны. За нимъ послъдовалъ и Гансъ.

Старикъ, не замъчан дождя, смотрълъ внизъ, и страданіе отразилось на его лицъ. Онъ видълъ, какъ черный квадратъ палатки освътился, и въ этомъ свътъ черныя фигуры тащили что-то облое, клали на землю, метались, суетись около кровати...

Яркая молнія зигзагами проръзала тьму надъ самымъ лагеремъ, и подъ оглушающимъ трескомъ и грохотомъ удара освътила страшное зрълище.

Съ верховьевъ ручья, съ стальными отблесками воды, неслись

валь за валомъ, неслись бревна, срубленныя деревья, переворачиваясь силой напора, сталкиваясь между собой, снося палатки и бившихся у нихъ людей... Всё они черной массой фигуръ бёжали теперь въ палатке барона, уже оставивъ работу и борьбу, и скоро ихъ черныя фигуры заслонили собой свётлый квадратъ валатки больного.

Съ новой молніей онъ увидёль, что вода уже сносила палатки и бурно неслась подъ стеной, между людьми. Это была насса донесшейся воды овера.

Сквозь сътку дождя онъ видълъ ошалъвнихъ, безумно кричавнихъ людей. Видълъ порывы вътра, и раскаты грома оглушали его. Вътеръ рвалъ его одежду, чуть не сшибая съ ногъ. Онъ видълъ, что Гансъ и его спутникъ уже увязывали барона у стъны... на землъ.

Потомъ видълъ негра въ солдатской курткъ, грозившаго наступавшему на него рабочему. Это были Пеначо и Лассага,— Лассага, теперь уже не боявшійся барона.

Изъ отдъльныхъ криковъ, доносившихся въ порывахъ хлеставшаго дождя, среди бури, гула лившейся воды, криковъ и мычанья, старикъ понялъ начало драмы... пока единичной. Очевидно, рабочій хотълъ лъзть, не ожидая спасенія больного. Негръ дълалъ движеніе, схватилъ его за горло. Рабочій взмахнулъ рукой... Что-то блеснуло... Они оба упали...

Старивъ, наклонившись надъ этимъ адомъ, поднялъ боковую заслонку своего фонаря, наклонивъ его книзу... Яркій снопъ оранжевыхъ лучей сильнаго свёта пронизалъ мракъ и засвервать въ дождевыхъ струяхъ, брызнувъ полосой свёта на эту червую массу ошалёвшихъ людей-звёрей. В'ётеръ напиралъ ему въ бокъ, и онъ держался съ трудомъ.

Его фонарь увидели; увидели и его самого.

— Побойтесь Бога! Спасайте больного! Не падайте духомъ, и Господь спасетъ васъ! — покрывая шумъ, кричалъ онъ имъ громвимъ, звучнымъ голосомъ.

Свизу донесся нестройный ревъ голосовъ, къ нему протянулись руки; онъ видель лица, искаженныя страхомъ и злобой. Его увидели, но едва ли услышали.

— Отецъ Патриціо! Божій челов'якъ! Святой! Спасай насъ! — долетало въ порывахъ бури.

Молнія еще разъ освітила несчастныхъ, и громовые раскаты заглушали ихъ врики.

Новые валы нещадно-стихійно неслись уже подъ стіной, поднимаясь выше, напирая на палатку, на бившихся у каната

людей. Черныя фигуры ихъ казались влубомъ свученныхъ звърей...

Потомъ изъ этого клуба, отдёляясь, падая, опять отдёляясь, поднимались черныя фигуры. Цёплялись за веревку... Одна... Три... Достигали половины стёны... За ними—другія.

— Остановитесь внизу!—ревёлъ старикъ, едва держась на краю стёны отъ сшибавшей его съ ногъ бури.—Остановитесь, несчастные!—уже съ мольбой вричалъ онъ.

Но его не слушали и не слышали: буря несла его крики въ мракъ затопленнаго лагеря подъ несущимися водами. Онъ видълъ искаженное ужасомъ лицо поднимавшагося перваго человъка, его безумно расширенные глаза. За нимъ другого... Многихъ другихъ...

— Остановитесь, несчастные! Не всё сразу!—кричаль онъ въ изступленіи, махая фонаремъ и едва не падая.—Останови...— Онъ не докончилъ. Ударъ по ноге концомъ лопнувшаго каната прервалъ его слова...

Потомъ онъ видёлъ, какъ отъ стёны отлетёлъ, кувырвнувшись четвереньками въ полосё свёта фонаря, первый изъ взбиравшихся наверхъ.

Кучу бившихся внизу людей покрывала вода.

Исчезъ и свътъ фонаря молодого монаха...

Старивъ отвачнулся назадъ и заврылъ глаза рукою. Капюшонъ упалъ ему на спину, и дождь хлесталъ его по лицу и по обнаженной головъ.

Дождь лилъ теперь потоками, заглушая все шумомъ ливия. Тамъ, внизу, неясными отрывками, все рѣже и рѣже долетали до него стоны и бевсильные вопли боровшихся съ безпощадной смертью... Вода съ ревомъ неслась теперь до половины стѣны. Быки и мулы еще бились, свользя копытами по стѣнѣ, затопляемые бревнами, которыя неслись съ цѣплявшимися за нихъ безпомощно, безумно, людьми...

Страшный сонъ Люси сбылся. Если только это былъ сонъ! А старикъ стоялъ, какъ неподвижное видъніе, на краю стъны, надъ смертью... Его рука, безсильно упавшая, держала фонарь у кольна, и отъ него, проръзывая мракъ, протиснулась узкая полоса прямого свъта, не освъщая его самого. Молніи, сверкая надънимъ, освъщали несшіяся воды съ ихъ жертвами, которыхъ онъ теперь уже не слышалъ... Его глаза глядъли въ мракъ, ничего не види передъ собой, и изъ нихъ, вмъстъ съ струями дождя, бъжали слезы по лицу его, обожженному зноемъ пустынь, темному, какъ лики святыхъ угодниковъ божімхъ на далекой его родинъ...

Губы шевелились... И въ экстазъ безмольной горячей молитвы за погибавшихъ онъ не чувствовалъ ни злобы бушевавшихъ стилій, ни ужасовъ бури этой страшной ночи смерти и мщенін.

Сильный порывъ вътра волыхнулъ его полный воды вапюшонъ. Тяжесть его на спинъ, сдавивъ горло, привела его въ себя, напомнила ему, что онъ еще живетъ.

И всю ночь бушевала буря. Громовые удары проносились адекнии раскатами по горамъ, а въ грозномъ гулъ лъса, во мракъ злобы и смерти метались и бились деревья.

И только въ разсвъту стала стихать буря. Пересталъ и дождь. Брезжущій свъть съренькаго утра, безмолвіе затишья—царили вадъ Бахчаръ-Итэ...

По небу мутно-сърому, какъ дымъ, разорванными клочьями неслись облака... Надъ водами несшейся ръки, точно вглядываясь въ нихъ, съ печальными криками носились чайки, чуть касаясь воды концомъ остроконечнаго треугольнаго крыла...

Прошло три мъсяца.

Въсть о затопленіи Бахчаръ-Итэ и гибели его поселенцевъ пришла въ Санъ-Педро только недълю спустя послъ катастрофы: лъсныя дороги по разлившимся потокамъ были непроходимы, да и сообщенія по лъсамъ, благодаря индъйцамъ, были не безопасны.

Бивуакъ Риверо и самъ онъ спаслись чудомъ, плавая между деревьями, и достигли округа, полу-умирая отъ голода и изнуренія.

Монахи увнали, конечно, первыми о страшной мести индъйцевъ, и послъ перваго спада водъ въ долинъ нашли останки погибшихъ. Это были уже не трупы, а обглоданные, смрадние, исковерванные свелеты. По илистой долинъ, тамъ и сямъ, ихъ открыли, благодаря коршунамъ, искавшимъ еще гніющихъ остатковъ. Нельзя было сразу узнать—да и стоило ли это узнавать!—кому принадлежали эти вонявшія кости: людямъ или животнымъ.

Отецъ Патриціо, привезшій въ Санъ-Педро эту страшную в'ясть, взяль на себя и тяжелую обязанность подготовить въ ней Люси, по своему влеченію идти всегда туда, гд'я есть боль и страданіе.

Но онъ встретилъ нечто неожиданное.

Монаха удивила сила самообладанія б'ёдной женщины, которая, казалось, внала о гибели мужа. Но в'ёсть все-же поражала ее, и, блёдная отъ ужаса, она прижала къ груди руки, сложивъ нхъ какъ на молитву. Въглазахъ ея не было слезъ, и, поднявъ ихъ въ небу, она заговорила лихорадочно-порывисто, какъ въ экстазъ молитвы.

— Онъ погибъ, отецъ мой, онъ погибъ!—говорила она.— Ты, Господи, Отецъ и Судья всёхъ насъ. Ты долженъ знать и его сердце!.. Велико его злодъяніе, велика его месть... Но ты видишь и великую любовь его. Ты знаешь, что онъ ръшилъ перенести кару праведной руки Твоей, и страдать самому, но спасти отъ неволи и страданія бъдныхъ и угнетенныхъ. Прости же, прости его Ты, Отецъ правды и милосердія, или дай мнѣ понести за него праведный судъ Твой!

И, закрывъ лицо руками, она зарыдала, судорожно вздрагивая плечами.

Отепъ Патриціо слушаль, опустивь голову, и проницательный умъ его видёль тайную драму.

— Кто много любить—тому многое простится,—прошенталь онъ, и несчастие рыдающей казалось ему теперь еще болъе тяжелымъ... Знатокъ человъческаго сердца и зная по опыту, что не утъшениями райскаго блаженства утихаетъ боль души, онъ мягко, спокойно, какъ старый другъ плакавшей, сталъ говорить ей о необходимости подчиниться безъ отчаяния,— "въ которомъ всегда есть доля мятежнаго чувства и гнъва",—волъ Провидъния; заговорилъ о томъ, что жизнь даже и здъсь, на землъ, безконечно разнообразна, и ей, въ ея годы, опять улыбнется и счастье, и свътлые, ласкающие дни... Онъ говорилъ точно спокойно, но страдая за нее.

Эти утвшенія подвиствовали на Люси, хотя и не такъ, какъ думалъ старикъ. Глаза ея высохли, и горькая улыбка страданія исказила блёдное лицо несчастной.

— Счастье!—ваговорила она.—Счастье уже не для меня! Къ прошлому нѣтъ возврата, отецъ мой! Да и это прошлое... развѣ въ немъ было собственно счастье? Развѣ, подойдя ближе въ жизни, я не увидѣла любовь только... самого себя... тамъ, гдѣ ждала найти любовь... ко мнѣ... А настоящее... настоящее...

Она закрыла лицо руками, точно боясь видеть, борясь и содрогаясь.

— Я не должна думать о немъ! Онъ убійца мужа! — прошентала бъдная женщина.

На другой день она лежала въ безпамятствъ, въ бреду нервной горячки. Около недъли жязнь ея была на волоскъ, но молодость и сильная натура взяли свое: она уцълъла.

Поправлялась она медленно, презрительно-апатично относясь

во всему окружающему. Потомъ, уже сидя въ креслъ, въ саду, и безсильно уронивъ на колъни руки, она, смотря передъ собой въ пространство, точно ждала кого-то, шепча непонятныя слова. Сильно исхудавшая, подурнъвшая и съ остриженными волосами, она мало походила теперь на прежнюю "очаровательную баронессу", прельщавшую маюра Кортэса.

Маргарита явилась для нея женщиной-другомъ. Если раньше свиданія Люси въ саду съ индібицемъ возбуждали ея подозрівнія,—теперь бредъ горячки открыль ей тайну. И она неусыппочестно сдівлала все, чтобы сохранить ее оть окружного доктора, прійхавшаго вмістів съ маіоромъ, отъ Перкинса, отъ старика Антоніо и другихъ сердобольныхъ липъ, приходившихъ справляться о здоровьй вдовы. Маргарита показала туть всю снаровку друга, а по выздоровленіи—и деликатность своей дружбы. Она, впрочемъ, не долго могла скрывать отъ самой Люси знаніе ея тайны. Умалчиваніе и уклончивость Маргариты скоро сказали б'йдной женщинів, что о душевной ранів ея знаеть ея служанка, что, какъ женщина, она ее понимаеть и сочувствуеть ей. Это сблизнло ихъ обівхъ, и Люси, послів долгаго и выразительнаго взгляда на Маргариту, молча обняла ее и долго и тихо плакала на ея плечів.

Что касается маіора, то онъ проявиль въ отношеніи въ Люси н порядочность, и такть. Онъ, конечно, искренно жалёль барона, и для него, мало думавшаго, баронъ являлся въ лучшемъ свыть, чыми они были ви дыйствительности. Больянь Люси оти винесеннаго ею потрясения тронула этого боливійскаго джентльмена, и въ душъ его тихимъ свътомъ забрезжилась любовь въ страдающей женщинв, которая еще такъ недавно волновала его только чисто... воологически. И Люси, остриженная и исхудавшая, уже не порождала въ немъ только пластическія соображевія въ полумракъ будуара, а человъчески-гуманное стремленіе опять сдёлать ее поющею и счастливою. При этомъ онъ уважаль ея горе, ея любовь въ исчезнувшему другу, и чувство его въ Люси выразилось въ потребности заслужить ея любовь, повазать ей дёломъ, рискуя собой, какъ тяжело ему ея горе. Но, скрывая эту зръвщую въ немъ мысль, онъ старался всъми силами сврывать свои надежды, быль почтительно въжливъ и угодливъ до невозможнаго. Ободряя, какъ умель, больную, онъ говориль,сильно насилуя себя, бъднякъ, - что отъъздомъ ея изъ Санъ-Педро займется правительство страны и вся интеллигенція "ввъреннаго ему округа", что онъ, какъ другъ ея, это устроитъ, и т. д., и

т. д., безъ малъйшаго слова о своей любви или надеждъ. Любовь сдълала его и лучше, и умиъе.

Но объ женщины не обманулись и поняли, что все это говорилось, чтобы замаскировать чувство, которое угадывается женщинами даже у болье ловкаго, чьмъ маюръ, человъка. Въ бесъдъ объ этомъ Маргарита осторожно коснулась возможности превращения Люси въ боливійскую маюрту, —коснулась и сразу же поняла, какъ далека была Люси отъ подобнаго превращения.

Не задолго до ихъ отъёзда въ Буэносъ-Айресъ, "Mensajero del Pueblo" вышелъ въ траурной каймѣ, объявляя о смерти маіора Кортэса въ схваткѣ съ индѣйцами.

По словамъ хронивёра, маіоръ преслідоваль ихъ съ своимъ отрядомъ до Игур и дальше, т.-е. уже на бразильской территоріи, и захватиль въ плінь оволо пятидесяти человівь. Онъ добивался узнать виновныхъ, на этотъ разъ не боясь и главнаго виновника—Нисахъ-Керру, котораго ему, однако, не удалось захватить. Не добившись никакого признанія, ни указанія, онъ угрожаль имъ смертью, собственноручно биль пліннивовь. Но во время этой расправы на отрядъ напала масса индійцевъ, оволо пятисотъ человівть, соторыхъ собраль и повель Нисахъ-Керру. Они напали на отрядъ, и битва длилась недолго.

Отъ отряда маіора не уцілівло и десяти человівть. Самъ онъ, тяжко раненный въ горло и грудь, едва могь отступить съ горстью солдать. Онъ умеръ, истевая вровью, не добхавъ до города. И умирая, этотъ безалаберный до жестовости человівть показаль, что не быль безсердечнымъ, и чувство его въ Люси, пожалуй, поставило бы его потомъ на лучшую дорогу... Держа уже холодіющими руками ея портреть, съ туманомъ смерти въ глазахъ, онъ поціловаль его и отдаль негру-солдату, взявъ съ него клятву отдать ей. "Только ей самой", — добавиль онъ.

И негръ выполнить клятву. Пораженная Люси узнала, что ен портретъ, который она считала погибшинъ вийстъ съ мужемъ, былъ у мајора. Когда и какъ онъ досталъ его, она не узнала, но хроникёръ, говоря объ этомъ обстоятельствъ, назвалъ ее "уважаемой дамой" съ иниціалами L. von-W.

Такъ прошло три мъсяца. Съ прекращениемъ дождей, сразу же наступила хорошая погода, еще не жаркая, а недавно сърое небо теперь, отъ водяныхъ испареній, было темно-голубымъ небомъ Венеціи. Природа послъ бурь и грозъ опять радостно, любовно обнимала бъдную землю, и, ласково сіяя, темно-голу-

бой сводъ неба раскинулся надъ пустынями и горами Бахчаръ-Итэ...

Догораль тихій вечерь не жаркаго, чуднаго дня обновленной природы. Заходящее солнце стояло уже низко надъ холмами, противь горь, освёщая розовымь свётомь безмольные лёса по ихъ уступамъ... Еще минута—и огненный дискъ его, какъ раскаленное ядро, ушелъ за холмы, и отъ нихъ по долинамъ протянулись длинныя тёни. А за холмами пылало море огня, и вершины ихъ рёзко обозначились на ярко горёвшемъ фонё заката.

По лощинъ, у подножья горъ, съ тихимъ ропотомъ неслась ръка, образуя полукругъ залива тамъ, гдъ еще недавно слышался шумъ снесенной ею жизни пришельцевъ.

Вода снесла и сгладила все, и тихими всплесками подъ неровнымъ напоромъ теченія набъгала на зеленую траву у подножья горъ. Но въ серединъ лощины масса несшейся воды кавалась неподвижной, теченіе не замъчалось, и на зеркальной поверхности ея отражались, въ опровинутомъ видъ, контуры горныхъ уступовъ, зеленыя рощи въ розовомъ сіяніи заката, да глядълось темно-голубое небо, преврасное, тихое и... безучастное въ борьбъ человъка!

Вода неслась у самыхъ корней деревьевъ.

Одно изъ нихъ, подмытое уже, свлонилось надъ водой, и длинныя вътви его касались ръки. Струи ея, пробъгая между ними, тихо журча, блестъли серебромъ чистой воды.

А на выдающійся сукъ его вершины прилетёла сверху, съ горъ, птичка... сърая, съ черными врыльями и хохломъ на симпатично-задорной, умно глядовшей головко...

Подергивая хвостомъ, точно собирансь улетъть, она глядъла на имлавшій за холмами закать, на долины съ набъгавшими на нихъ тънями, на ръку съ ен отраженіями и, казалось, соображала дальность полета.

Потомъ, слегка откинувъ назадъ голову, огласила безмолвіе наступавшихъ сумерекъ чистыми трелями своей пъсни безвъстнаго счастья, живни и свободы...

И замолчала, точно сама прислушиваясь въ своему пѣнію... Потомъ запѣла опять непрерывными серебристыми трелями, любовно прощаясь съ заходящимъ солнцемъ. Счастливая и свободная, она пѣла, не зная и чуждаясь того, что несущіяся воды, надъ которыми проносятся ея трели, разрушили столько надеждъ, заглушая еще такъ недавно и крики злобы и отчаннія, и стоны умирающихъ во тьмѣ страшной ночи!

И теперь, въ сіяніи мирнаго заката, ея трели ласкали слукь. Въ тишинъ этихъ зеленъющихъ пустынь былое проносилось смугнымъ сномъ, уже теряя свои очертанія.

А предъ тихимъ величіемъ природы жалкими призракам возставали, точно въ смутной дымеъ, силуэты жизни съ ея обманчивыми миражами...

Н. С. Кларкъ.

Аргентина.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

эскизъ

- Wilhelm v. Polenz. "Wurzellocker", Roman in zwei Bänden.

XIII *).

Генрихъ Лемфинкъ убхалъ къ себъ на родину въ Швабію. Ему захотълось навъстить мать и сестру, съ которыми онъ долго не видался.

Послѣ его отъвзда, Знгфридъ Зильберъ, уже не ствсияясь, подходилъ въ кофейной къ Фрицу Бертингу и усаживался за его столомъ. При этомъ онъ каждый разъ спрашивалъ повволенія, какъ будто желая подчеркнуть, что не забылъ когда-то полученнаго имъ отказа. Длинноволосые юноши, вмѣстѣ съ Фрицемъ сбѣжавшіе съ чтенія "Суллы", тоже посѣщали эту же самую кофейную, и Бертингъ раскланивался, встрѣчаясь съ ними. Это обстоятельство не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ Зильбера. Онъ понялъ, что Фрицъ бываетъ у г-жи Гильшіусъ, и нѣсколько разъ принимался его разспрашивать о хозяйкѣ дома, о ея средствахъ и о томъ, кто именно у нея бываетъ. Въ концѣ концовъ, Фрицу пришлось дать прочесть Зильберу романъ г-жи Гильшіусъ.

Фрицъ понялъ очень скоро скрытую цёль всёхъ этихъ разговоровъ и разспросовъ. Зильберъ желалъ попасть въ салонъ г-жи Гильшіусъ.

Фрицъ подсививался въ душв надъ Зильберомъ. Его самого

^{*)} См. выше: октябрь, стр. 600.

нисколько не тянуло въ г-же Гильшіусъ; но настойчивость Зильбера всегда, въ конце концовъ, побеждала его, и онъ обещалъ отправиться туда съ пимъ въ ближайшую субботу. Но когда наступилъ назначенный день, его вдругъ охватило сомивніе. Онъ сталъ бояться за костюмъ и за манеры Зильбера. Вспоминая острый языкъ Анни Эшауеръ и насмешливую улыбку фрейлейнъ фонъ-Лаванъ, онъ почти сожалелъ о данномъ имъ обещаніи. Но его опасенія не оправдались. Зильберъ, для такого торжественнаго случая, явился въ безукоризненномъ белье, а кроме того, въ эту субботу ни фрау Анни, ни Гедвиги фонъ-Лаванъ не было у г-жи Гильшіусъ.

Г-жа Гильшіусь была въ восторгь, что ен салонъ обогатился еще однимъ изъ "извъстныхъ писателей". Вейсблейхеръ, игравшій роль патрона дома, былъ совершенно недоволенъ. Онъ презрительно вздернулъ носъ и бросалъ уничтожающіе взгляды на своего единоплеменника. По его мнънію, Зигфридъ Зильберъ былъ весьма нежелательнымъ элементомъ въ этомъ домъ.

Фрицъ невольно удивлялся, видя, до какой степени Зильберъ искусно исполняетъ свою роль. Онъ не могъ изучить хорошихъ манеръ за отцовскимъ прилавкомъ, но его первый дебютъ въ свътъ можно было назвать особенно удачнымъ. Онъ живо разобрался среди присутствовавшихъ и, не обращая ни малъйшаго вниманія на звъзды второй и третьей величины, посвятилъ все свое вниманіе исключительно людямъ, пользовавшимся изъвъстностью и значеніемъ. Онъ долго и очень дружески разговариваль съ сыномъ хозяйки дома, Теофилемъ-Алонзомъ. Фрицъ, проходя мимо, случайно услыхаль какія то громкія фразы, чтото "о будущности нъмецкой литературы, которая нуждается въспаситель". Фрицъ писколько не сомнъвался въ томъ, что кажъдый изъ этихъ юношей смотритъ на себя какъ на этого будущаго спасителя.

Зильберъ добился своей цъли. При прощанью, хозяйка очень любезно попросила его не забывать ея средъ.

Нѣсколько дней спустя, Фрицъ Бертингъ отправился въ Вейсблейхеру. Онъ держалъ корректуру своего романа, и ему довольно часто приходилось встръчаться съ издателемъ. Вейсблейхеръ передалъ ему приглашение г-жи Гильшіусъ. Она звала Фрица позавтравать у нея въ самомъ интимномъ вружкъ. Кромъ своей семьи, она ждала въ этотъ разъ только Вейсблейхера и профессора Вальборга.

Фрицу Бертингу уже приходилось не разъ слышать это имя. Вейсблейхеръ особенно значительно упоминалъ его, а дамы, собиравшися въ салонъ г-жи Гильшиусъ и почему-либо, такъ или иначе, причастныя литературъ, произносили его съ какимъ-то боязливымъ трепетомъ. Фрицъ какъ-то спросилъ у Вейсблейхера, что за человъкъ этотъ профессоръ Вальборгъ и что въ немътакого особеннаго.

— О, это—одинъ изъ ворифеевъ нашей вритики! — отвътилъ ему Вейсблейхеръ. — Онъ двумя строчвами можетъ пустить въ ходъ каждаго молодого писателя.

Вейсблейхеръ еще прибавилъ, что хота Вальборгъ и принадлежитъ къ старой школъ, но это нисколько не умаляетъ его значенія, а въ современныхъ молодыхъ писателяхъ онъ цънитъ больше всего скромность и отсутствіе всякой заносчивости.

Г-жа Гильшіусь встрътила Фрица необывновенно любезно, когда онъ, въ назначенный день, ровно въ два часа, появился въ ен салонъ. Анни Эшауеръ раскланялась съ нимъ, какъ уже съ старымъ знакомымъ. Она собиралась ъхать въ Карлсбадъ, и осталась на лишній день только изъ-за этого завтрака. Во время разговора Фрица съ хозяйкой дома и ен дочерью, Теофиль-Алонзъ сидълъ вдали отъ всъхъ, положивъ ногу на ногу и подпернись рукой. Видъ у него былъ сосредоточенный и мрачный, и можно было подумать, что въ его головъ зарождается новое произведеніе, не уступающее, по своимъ достоинствамъ, знаменитому "Суллъ". Фрау Анни поинтересовалась увнать, приготовилъ ли онъ свой латинскій урокъ. Этотъ ндовитый вопросъ взорваль юношу. Онъ пробормоталъ что-то по поводу "неслыханнаго нахальства" и выскочилъ изъ комнаты. Мать пошла утъщать своего разобиженнаго любимца. Анни разсмёнлась и сказала:

— Вотъ вамъ и семейная сцена!

Она только-что собиралась поговорить по душт съ Фрицемъ, какъ къ нимъ подошелъ Вейсблейхеръ. Профессора Вальборга все еще не было. Онъ заставилъ подождать себя, а когда явился, то объявилъ, что его задержалъ одинъ извёстный писатель,—при этомъ онъ назвалъ одну изъ аристократическихъ фамилій. Онъ хоттътъ узнать митніе профессора по поводу своего драматическаго произведенія. Вальборгъ довольно долго распространился на эту тему, что дало ему возможность упомянуть и многихъ другихъ изъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ.

Навонецъ, съли за столъ, и профессоръ Вальборгъ принялся снова ораторствовать. Онъ говорилъ о литературъ, и все, что онъ ни говорилъ, имъло болъе или менъе ближайшее отношеніе къ его собственной персонъ. Онъ пересыпаль свою ръчь анекдотами, цитироваль слова знаменитыхъ людей — и все это съ явной цълью выставить себя центромъ литературнаго движенія за послъднее десятильтіе.

Г-жа Гильшіусь не спускала восторженнаго взора съ великаго человъка, Теофиль почтительно слушаль его, а всегда говорливый Вейсблейхерь окончательно умолкъ. Одна только фрау Анни отваживалась, по временамъ, возражать профессору, принимавшему ен слова какъ милую шутку.

Съ Фрицемъ Бертингомъ профессоръ Вальборгъ очень долгое время не говорилъ ни слова, но, въроятно, не сомейвался, что и онъ, вавъ и всй, преклоняется предъ нимъ. Г-жа Гильшіусъ представила ему Фрица, кавъ поэта и автора только-что печатающагося романа, и профессоръ, желая познакомиться съ направленіемъ молодого человъва, началъ говорить о современной молодежи.

Старивъ не особенно стъсиялся въ своихъ выраженіяхъ относительно натуралистическаго направленія въ литературъ. По его мнънію, натурализмъ былъ самымъ грубымъ и примитивнымъ проявленіемъ творчества и возвращалъ людей въ эпохъ варварства. Онъ смотрълъ на натурализмъ и на декадентство кавъ на два вловредныя явленія въ современной литературъ.

- А между тъмъ, я все-таки очень люблю, когда мнѣ, въ видѣ разнообразія, попадается что-нибудь декадентское, замѣтила Анни. Воспѣваніе несокрушимой нѣмецкой вѣрности, описаніе чуднаго Рейна, восхваленіе всевозможныхъ добродѣтелей, все это ужасно надоѣло, и я такъ рада, когда встрѣчаю что-нибудь болѣе интересное. Въ Берлинѣ у меня очень много знакомыхъ молодыхъ поэтовъ, и мнѣ очень съ ними весело!
- Истинно женскій способъ спорить. Вамъ весело, и потому вамъ нравится, язвительно возразиль профессоръ. Но мив, въ мои годы, приходится уже быть основательнее, сударыня, и глубже вникать въ сущность вещей; воть почему я и смотрю на модный натурализмъ какъ на болезнь и заразу, губительную для современной литературы. Повторяю вамъ, что это направленіе ведетъ къ нравственному одичанію и къ самому грубому нигилизму!

При этихъ словахъ, лицо и шея профессора замътно покраснъли подъ желтовато-съдыми волосами, и сърые глаза заблестъли изъ-подъ очковъ непримиримой ненавистью.

Анни Эшауеръ уже нъсколько разъ довольно выразительно

посматривала на Фрица Бертинга. Она ждала, что онъ, наконецъ, возразитъ профессору, и онъ затоворилъ:

— Мев важется, — началь онь, — что натурализмь — это не бользяь, а напротивы, наиболье эдоровое проявление творчества. Оно не имьеть ничего общаго сь декадентствомы и представляеть собою могучий протесть противы неестественности и безсили предъидущаго повольния. Натурализмы явился самы по себь, но еслибы даже его не было, необходимо было бы создать его. Декадентство тоже служить однимы изы проявлений общественной жизни и будеть существовать до тыхы поры, пова существують изломанные люди. Искусство не подчиняется требованиямы избитой нравственности, — оно, прежде всего, свободно, а потому упреки вы безправственности вы этой области, по меньшей мырь, безпыльны.

Профессоръ Вальборгъ смотрълъ съ невыразвимымъ изумленіємь на молодого человіна. Онь быль поражень его неслыханной сивлостью. Вейсблейхеръ дёлаль Фрицу знаки, чтобы онъ замолчаль. Теофиль сидёль съ открытымь ртомь. Анни, довольная тёмь, что Фрицъ, навонецъ, поднялъ брошенную ему перчатку, вивала ему головой, въ внавъ полнаго пониманія. Г-жа Гильшіусь начивала замътно волноваться. Она внала, что профессоръ не выносиль никакого противоръчія, и, стараясь перевести разговорь на другую тему, заговорила что-то неясное и сбивчивое объ образовательной роли искусства, заимствуя свои мысли изъ передовой статьи последняго нумера газеты. Но ея попытка не удалась. Перебросившись нъсколькими бъглыми замъчаніями, противники снова вернулись къ прежней темв. У профессора навопилось слишкомъ много раздраженія противъ новаго направленія, и онъ долженъ былъ высказать все, что было у него на душъ, этому Фрицу Бертингу. Имя его онъ слышаль въ первый равъ въ своей жизни, но сразу понялъ, къ какой школъ онъ принадлежить.

И профессоръ Вальборгъ принялся пространно и очень внушительно доказывать, что натурализмъ, въ сущности, не имъетъ ничего общаго съ искусствомъ. Уничтожая всякія границы между ремесломъ, наукой и настоящимъ искусствомъ, онъ не имъетъ ничего общаго съ красотой.

Фрицъ Бертингъ возразилъ ему, что натурализмъ опирается на жизненную правду.

— Нътъ! — вакричаль въ какомъ-то неистовствъ старикъ, сверкая глазами. — Нътъ! Мы это ужъ не разъ слышали, но это—чистъйшая ложь. Прикрываясь стремленіемъ къ правдъ, вы рое-

тесь въ мусорныхъ кучахъ и выбираете оттуда всякую гадость и грязь.

- Но въдь и въ жизни не одна красота, —возразнаъ Фрицъ Бертингъ. —Писатель, желающій быть правдивымъ, не долженъ ни на что закрывать глаза. Молодые писатели только смълъе старыкъ. Они не боятся показывать жизнь такой, какая она есть на самомъ дълъ, въ ея неприкрашенномъ видъ.
- Да и въ вонцъ концовъ все это—только недостойная спекуляція на нервы публики. Это—не литература, а просто какой-то музей восковыхъ фигуръ. Вы всъ ретрограды, и самые лучшіе изъ васъ все-таки не художники, а только довольно исвусные ретушёры!
- Вашъ упревъ несправедливъ, возразилъ Фрицъ, все время сохранявшій хладнокровіе, въ противоположность своему противнику. Мы совсёмъ не ставимъ себѣ цёлью механическое воспроизведеніе дёйствительности, но мы уважаемъ природу и хотимъ служить ей изо всёхъ силъ, не дёлаясь въ то же время ея рабами.
- Да, и въ этомъ служеніи природё вы доходите до порнографіи! гремёлъ профессоръ. Ваши вниги это чистейшая зараза. Вы разрушили старые идеалы и не создали нивавихъ новыхъ. Отъ молодежи, живущей безъ идеала, нельзя ждать ничего хорошаго!
- Вы ошибаетесь, у насъ есть идеалы, г-нъ профессоръ. Именно эти идеалы и дали намъ смълость спуститься въ самыя нъдра жизни и освътить пропасти, никогда не видъвшія свъта. Наше время—это время реализма, и мы побъдимъ. Даже такіе великіе люди, какъ Гёте, являются нашими помощниками.
 - Позвольте вамъ возразить, что вы влевещете на Гёте.
- О, въ этомъ случат я говорилъ не о тайномъ совттивт Гете; я имълъ въ виду молодого Вольфганга. Онъ, навтрное, понялъ бы насъ. Кромъ того, и самъ Гете никогда не возмущался молодежью, никогда не называлъ ее, подобно нашимъ современнымъ ханжамъ, бездарной и безнравственной. И наконецъ, за что именно мы должны уважатъ старую школу? Что она дала намъ? Какіе образцы? Неужели мы обязаны восхищаться профессорскими романами? Въ большинствъ случаевъ, это сказки, даже не особенно удачныя, для подарка на елку маленькимъ дътямъ. Для меня же литература...

Но въ эту минуту таинственные знаки Вейсблейхера приняли угрожающій характеръ, а фрау Анни разсмівлась насмішливо и злорадно. Фрицъ внезапно остановился. По выраженію едва сдерживаемой злости въ лицѣ профессора онъ поняль, что своими послѣдними словами невольно тяжело осворбиль его. Наступило тягостное молчаніе.

На этоть разъ изъ неловкаго положенія вывелъ всёхъ Теофиль-Алоизъ.

— Вотъ такъ штука! уже десять минуть четвертаго! — воскикнулъ совершенно неожиданно авторъ "Суллы", взглянувъ на часы, и, окинувъ унылымъ взглядомъ сидъвшихъ за столомъ, онъ попледся изъ столовой.

Г-жа Гильшіусь воспользовалась этимъ маленькимъ эпизодомъ, чтобы заговорить о переутомленіи современной молодежи и о томъ, какъ вредно заниматься сейчасъ же послё ёды.

Кофе подали въ большую гостиную, где происходило чтеніе знаменитаго "Суллы".

Г-жа Гильшіусь, Вейсблейхерь и профессорь занялись обсужденіемъ будущности произведенія Теофиля, а Анни прошла вивств съ Фрицемъ въ маленькую гостиную.

Фрицъ Бертингъ испытывалъ непріятное ощущеніе челов'єва, сділавшаго только-что какую-то очень большую неловкость, и онъ разсізянно посматривалъ на Анни. Молодая женщина вытянулась на качаль и закинула на спинку білья руки, покрытия кольцами. Во всіхъ ея движеніяхъ была какая-то кошачья грація, притягивавшая и раздражавшая Фрица.

- Сегодня вы понравились мий еще больше, чёмъ въ тотъ разъ, проговорила она посли нёкотораго молчанія. Однаво и досталось же профессору Вальборгу! прибавила она съ насмишливой улыбвой. Значить, вы внаете, что почтенный критикъ написалъ какой-то историческій романъ, что-то изъ временъ финкійцевъ или ассирійцевъ? Онъ очень гордится имъ.
- Нътъ, я этого не зналъ, но я понялъ по его лицу, что лавры Эберса не даютъ ему покоя. Мить очень жаль, что я былъ невъжливъ относительно одного изъ гостей вашей матушки.
- Ахъ, это пустяви! Я тавъ довольна, что вы отдълали этого стараго бонзу. Онъ привывъ во всеобщему повлоненію, ему нивто нивогда не противоръчить, и это ему будеть очень полезно. Но, однаво, бойтесь: вы нажили себъ врага!
- О, я это отлично видълъ по его лицу, и трепещу за свой бъдный романъ.
- Вашъ новый романъ! Вейсблейхеръ уже свазалъ мнѣ его заглавіе. Оно объщаетъ очень много, а я ужасно любопытна. Разскажите же мнѣ содержаніе!
 - Я этого не могу сдёлать, сударыня.

Томъ VI.-- Нояврь, 1902.

- Развъ это неприлично уже до такой степени?
- Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Я просто боюсь и не умѣю говорить о своихъ произведеніяхъ.
- Вы—странный человъвъ, совствъ особенный и не похожій на другихъ... Однаво, я, важется, собралась вамъ говорить вомплименты; но мнъ такъ хочется поближе узнать васъ, пронивнуть во вст ваши тайны. Я увтрена, несмотря на вашъ невинный видъ, что вы что-то сврываете. Ну, скажите мнъ, вавъ очутились вы въ этой дыръ? Въдь раньше вы жили въ Берлинъ?

Фрицъ равсказалъ вкратцъ о провалъ своей драмы.

- Конечно, это было не главное, что заставило меня убхать, но мнъ вдругъ опротивъла сустливая, шумная жизнь, мнъ захотълось тишины, уединенія. Я оставиль Берлинъ и прівхаль сюда.
- Какъ это глупо! восиливнула вдругъ, вся оживившись, Анни и выпрямилась на качалить. Берлинъ это единственный городъ, гдъ дъйствительно живутъ! И что за бъда, что вы провалились. Сегодня провалились, завтра имъли бы успъхъ. Нужно бороться, бороться, не переставая, изо всъхъ силъ. Это самое главное.
- Я прівхаль сюда, чтобы собраться съ мыслями. Мив нужень быль покой и тишина для новой большой работы.
- Отлично! Теперь вы съ ней покончили и возвращайтесь въ Берлинъ. Это необходимо для успѣха вашего новаго романа. Если онъ будетъ имътъ вообще успѣхъ, то въ Берлинъ о васъ прокричатъ, вы сразу станете самымъ интереснымъ человъкомъ, и васъ будутъ приглашать наперерывъ во всѣ салоны.
- Да, это слава одного дня. Она проходить и разлетается навъ дымъ.
- Ужъ я повабочусь, чтобы этого не случилось. За это я вамъ ручаюсь! воскликнула Анни, и глаза ен засверкали. Прівъжайте въ Берлинъ—и вы увидите! У насъ бывають всё выдающіеся двятели театральнаго міра, всё журналисты и писатели. Вы познакомитесь съ нужными людьми. Вы только напишите
 что-нибудь для сцены, а ужъ я позабочусь о постановке. Всё
 поэты крайне непрактичны и нуждаются въ одобреніи, а въ
 Берлинъ съ одной скромностью недалеко уйдешь. Провинція губить людей, г-нъ Бертингъ, вы мнё повёрьте. Я увёрена, что
 вы послушаетесь меня, и осенью же будете въ Берлинъ. Я очень
 надъюсь на это.

Фрицъ не сказалъ ничего опредъленнаго Анни Эшауеръ. Эта женщина, съ ен кипучей жизнерадостностью, всегда возбужденная и остроумная, была типичной представительницей шума и

суеты богатыхъ вварталовъ Берлина. Она притягивала и волновала Фрица своими движеніями, полными чувственности, ярвими, биестящими глазами, своимъ голосомъ и даже молчаніемъ.

- Въдь вы прівдете. Не правда ли?
- Нътъ. Это мив неудобно.
- Почему неудобно?
- Я не свободенъ.
- Вы не свободны? Въдь вы не женаты и не отецъ многочисленнаго семейства. Акъ, да, понимаю...— на лицъ Анни появилась уже знакомая Фрицу лукавая и насмъшливая улыбка: вы влюблены... Въдь да, я не ошиблась?

Глава Анни въ эту минуту, когда она ждала отвъта Фрица, смотръли на него съ пытливымъ выраженіемъ, но затъмъ она разсивнявсь и продолжала шутливымъ тономъ:

- Будьте же отвровенны, г-нъ Бертингъ. Я уважаю на дняхъ въ Карлсбадъ, и въроятно не увижусь съ вами цълое лъто. Меня очень интересуетъ ваша судьба, и миъ кажется, что вамъ живется не особенно хорошо. Скажите миъ откровенно, не могу ли в вамъ быть хоть сколько-нибудь полезной? Вамъ совсъмъ нътъ никакой причины дълать обиженное лицо. Въ моемъ предложеніи вътъ для васъ ровно ничего обиднаго.
- Я очень благодаренъ вамъ за ваше доброе отношеніе, сударыня, отвътилъ Фрицъ. Неожиданный оборотъ разговора подъйствоваль на него какъ ушатъ холодной воды. Увъряю васъ, что мнъ ровно ничего не нужно. Мнъ необходимъ покой для работы, и здъсь въ этомъ отношеніи мнъ, конечно, лучше, тъмъ въ Берлинъ.
- Ахъ, какъ вы мнѣ надовли съ вашимъ повоемъ! Но, во всякомъ случав, я очень прошу васъ обратиться именно ко мнѣ въ тяжелую минуту. А теперь, въ знакъ своего согласія, дайте мив вашу руку.
 - Какая у васъ тонкая и нервная рука!

. XIV.

Фрицъ Бертингъ не забылъ своего объщанія принести фрейлейнъ фонъ-Лаванъ сочиненія Бальзака, и понесъ ей вниги.

Ему отворила дверь толстощекая горничная. Онъ назваль ей свое имя, и она съ сіяющимъ лицомъ пригласила его войти. Фрицъ Бертингъ, во избъжаніе недоразумвнія, счелъ нужнымъ объяснить ей еще разъ, что онъ желаетъ видъть именно ба-

рышню, а не старыхъ дамъ. Горничная выслушала его съ видомъ полнаго пониманія и, хихикая, сказала, что барышня Гедвига уже давно приказала провести барина, когда онъ придетъ, прямо къ ней.

Фрицъ вошелъ съ внигами въ узкую комнату въ одно овно. Гедвига фонъ-Лаванъ сидъла за письменнымъ столомъ. Увидъвъего, она встала и пошла въ нему на встръчу. Она протанула ему руку и посмотръла ему прямо въ глаза своими спокойными и ясными глазами. Потомъ она предложила ему състь, а сама опять подошла въ письменному столу и развязала пакетъ съ книгами.

Онъ смотрѣлъ, какъ она быстро перебирала маленькія, пожелтѣвшія вниги, заглядывая съ любопытствомъ въ оглавленіе. На ней было сѣрое, совершенно гладкое платье, и ен мальчищеская фигура казалась особенно худой и тонкой. Фрицъ смотрѣлъна профиль ен блѣднаго лица, окруженнаго дымкой бѣлокурыхъвьющихся волосъ, и его поразило опредѣленное выраженіе дѣловитости, составлявшей характерную особенность всего существамолодой дѣвушки.

Фрицъ Бертингъ попробовалъ ей посовътовать, въ какомъ порядкъ читать принесенныя имъ книги, чтобы лучше и полиже изучить автора.

- Видите ли, г-нъ Бертингъ, я не имъю ровно нивакой способпости изучать авторовъ и ихъ произведенія. Я всегда читала безъ всякой системы и только то, что мив нравилось. Я нивогда не изучала литературу, какъ это принято дёлать.
 - -- Но какъ же вы могли спастись отъ этого въ школѣ?
- Я нивогда не была ни въ одной школъ. Я много путешествовала съ моимъ отцомъ, много наблюдала изъ окна вагона
 и слушала разсказы отца. Онъ былъ моимъ учителемъ, и я не
 знаю лучшаго преподавателя. Хотя у него и не было ровно никакой системы, но я многому выучилась у него шутя, безъ всякихъ усилій.

Она уставила вниги на полку, одинъ томъ оставила на письменномъ столъ, и затъмъ съла напротивъ Фрица. И опять его поразило спокойствие и увъренность, съ какой она все это дълала и говорила. Въ каждомъ ея движени, въ каждомъ словъ было что-то выдержанное и породистое.

Онъ сталъ разспрашивать молодую дѣвушку объ ея родителяхъ, и она въ немногихъ, но яркихъ словахъ обрисовала ему свое дѣтство и юность.

Отецъ фрейлейнъ фонъ-Лаванъ служилъ офицеромъ въ инти-

десятыхъ годахъ. Потомъ, въ силу какихъ-то несчастно сложившихся обстоятельствъ, онъ долженъ былъ выйти въ отставку и потхалъ въ Америку, гдт и принималъ участіе въ междоусобной войнъ. Тамъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плтнъ. Послт окончанія войны онъ открылъ книжную торговлю и женился на нт вжт, но вскорт разорился и овдовтлъ. Съ этого времени начинается его скитальческая жизнь. Онъ утхалъ изъ Америки съ маленькой Гедвигой и началъ странствовать по Европт, перетвжая постоянно съ мъста на мъсто. Въ Ментонт онъ встртился съ сестрами Киткенъ и обручился съ Амандой, но умеръ, не усптвъ обътнъться. Передъ смертью онъ умолялъ свою невтсту позаботиться объ его дочери. Гедвигт онъ не оставилъ никакого наслъдства, кромт дневника и своихъ воспоминаній.

Фрицъ Бертингъ спросилъ, не собирается ли фрейлейнъ фонъ-Лаванъ издать эти мемуары. Гедвига отвътила, что до сихъ поръ она еще серьезно объ этомъ не думала. Записки ея покойнаго отца были интимнаго характера.

- Вфроятно онъ имъютъ отношение въ политивъ? освъдомился Фрицъ.
- О, ни мальйшаго. Эти воспоминанія—чисто личнаго характера, и тетя Аманда возмутилась, когда прочла нівсколько строкь. Очень многое написано въ формів писемъ къ женщинівдругу, и тетя никакъ не могла повітрить, что это лицо—вымышленное. Она собиралась предать сожженію всю рукопись, и мнів съ трудомъ удалось спасти ее.—Гедвига завернула рукавъ и обнажила тонкую, ніжную руку.—Вотъ посмотрите,—сказала она, укавывая на багровый рубецъ:—я вытащила изъ огня записки отца, и теперь онів вдвойнів мои. Я не отдамъ ихъ никому на світь, и когда мнів удастся ихъ напечатать, я думаю, что очень многіе отнесутся къ нимъ иначе, чімъ тетя Аманда. О, какъ я рада, что это все мое, совсіть мое!—сь гордостью прибавила она, и легкій, чуть замітный румянецъ окрасиль ея блідныя щеки.
- Вы непремънно должны поближе познакомиться съ моими тетушками, г-нъ Бертингъ. Это такія милыя, славныя старушки, и я очень люблю ихъ объихъ. Онъ очень обидятся, если вы не зайдете къ нимъ. Онъ застънчивы и очень любопытны.

Она отврыма дверь въ переднюю, и они прошли черезъ нее въ большую залу. Тамъ, благодаря спущеннымъ сторамъ, было полутемно. Мебель стояла вся въ бълыхъ чахлахъ. Черезъ эту комнату, имъвшую какой-то нежилой видъ, Фрицъ и Гедвига прошли въ комнату поменьше, гдъ сидъла старшая тетушка, Ида.

Она сидъла и шила въ очкахъ на носу, и очень испугалась, когда вошла Гедвига съ молодымъ человъкомъ. Фрейлейнъ фонъ-Лаванъ еще разъ представила гостя старушкъ, но это видимо нисколько не успокоило тетушку. Все съ тъмъ же испуганнымъ видомъ она быстро сложила свою работу и, шепнувъ что-то дъвушкъ на ухо, заковыляла къ дверямъ и исчезла изъ комнаты.

- Тетушка Ида пошла въ Амандъ. Она должна непремънно ей все разсказать и посовътоваться, что дълать. Аманда на три года моложе Иды, и потому Ида относится въ ней вакъ въ ребенку. Она одъваетъ ее по своему вкусу, считаетъ ее врасавицей и не пускаетъ по вечерамъ гулять одну. Большая часть дня посвящается соображеніямъ о томъ, что должна събсть и выпить Аманда, когда ей слёдуетъ кататься и когда гулять пъшкомъ. Аманда считается слабаго здоровья, и тетушка Ида устроиваетъ постоянныя консультаціи съ домашнимъ докторомъ насчетъ того, какое лекарство нужно дать сестръ. Вотъ въ этомъ и проходитъ наша жизнь.
 - Но вакъ же вы можете все это выдерживать?
- Я?—великолъпно. Мои старушки такъ сильно заняты другь другомъ, что для меня имъ почти не остается времени, и я дълаю ръшительно все, что мнъ угодно.

Какъ разъ въ эту минуту вошли сестры. Въ салонъ г-жи Гильшіусъ онъ показались Бертингу удивительно похожими другъ на друга старушками, но здъсь ему сразу бросилось въ глаза ихъ существенное различіе. Насколько Ида относилась небрежно въ своей наружности, настолько Аманда усиленно занималась ею. Видно было, что она наскоро принаридилась для гостя. Ел голову украшала кружевнан наколка съ изумительнымъ пестрымъ бантомъ. Сестры поздоровались съ Фрицемъ, и объ уставились на него своими большими круглыми глазами съ выраженіемъ любопытныхъ птицъ. Онъ видъли въ первый разъ писателя въ своемъ домъ.

Ида заявила, что онъ очень мало понимають въ искусствъ, но имъ приходится встръчать много знаменитостей въ салонътежи Гильшіусъ. Онъ были ярыми театралвами и стъны ихъ гостиной были увъщаны фотографіями актеровъ и актрисъ въ ихъ коронныхъ роляхъ. На самомъ видномъ мъстъ красовались карточки несравненнаго Вольдемара. Ида поспъшила сообщить, что г-нъ Гесловъ уже два раза оказалъ имъ честь откушать у нихъ, но Аманда сейчасъ же поправила сестру и сказала, что онъ былъ у нихъ не два, а три раза.

Фрицъ съ любопытствомъ посматривалъ на Гедвигу. Ему хо-

телось понять, вакъ она относится ко всему окружающему, но девушка все время сидела съ самымъ невиннымъ детскимъ лицомъ и имела такой видъ, точно все происходившее очень мало касалось ен.

Когда Фрицъ поднялся, чтобы распрощаться съ козяйвами, то объ сестры пришли въ страшное волненіе. Онъ, очевидно, собирались что-то свазать, но ни одна не ръшалась начать, и онъ въ замъшательствъ подталкивали другъ друга. Наконецъ Ида, какъ старшая, ръшилась. Она выступила немного впередъи, краснъя, какъ застънчивая дъвочка, пригласила Фрица откушать у нихъ въ ближайшую субботу.

XV.

Въ городъ явилась на гастроли труппа изъ южной Германіи. Фрицу уже нѣсколько разъ приходилось читать рецензіи о талантѣ пріѣзжихъ актеровъ и о прекрасной постановкѣ ньесъ, но все это не вызывало въ немъ ни малѣйшаго желанія пойти въ театръ. Народныя пьесы, съ ихъ крестьянскимъ жаргономъ, нисколько не привлекали его. Но однажды утромъ онъ получилъ отъ Лемфинка, вернувшагося изъ своей поѣздки, коротенькую записку. Лемфинкъ сообщалъ, что взялъ на сегодняшній вечеръ ложу бенуара и надѣется видѣть Фрица и Альму своими гостями. Онъ прибавлялъ, что знакомъ съ труппой, и увѣренъ, что она доставить удовольствіе фрейлейнъ Луксъ.

Невозможно было уклониться отъ тавого любезнаго приглашенія, и Фрицъ сказалъ Альмѣ, чтобы она позаботилась о своемъ вечернемъ туалетѣ.

Въ этотъ вечеръ давали пъесу изъ народной жизни съ куплетами и хорами. Альма и Фрицъ сидёли въ аванъ-ложё, Лемфинвъ же пом'ёстился позади. Альма была очень интересна, и много биновлей было направлено на ихъ ложу.

Лемфинкъ угадалъ вкусъ Альмы. Содержаніе пьесы было самое примитивное. Въ началъ зло какъ будто побъждало добро, но въ концъ концовъ порокъ былъ достойно наказанъ, а добродътель торжествовала. Альма переживала все происходившее на сценъ. Она отъ души смъялась во всъхъ комичныхъ мъстахъ, плакала и страдала вмъстъ съ героями. Иногда, въ особенно трагическихъ моментахъ, она вдругъ кръпко схватывала за руку Фрида, и сію же минуту вслъдъ за этимъ, при первомъ словъ, она быстро оборачивалась къ Лемфинку, вся улыбающаяся и съ блестящими глазами. Во время антравтовъ она сидъла съ лицомъ внезапно разбуженнаго ребенка, которому не дали досмотръть до конца чудесной приснившейся ему сказки.

Во время большого антракта Фрицъ отправился въ буфетъ, выпить стаканъ пива, а Лемфинкъ съ Альмой остались въ ложъ. Фрицъ стоялъ съ стаканомъ пива и скользилъ разсъяннымъ взглядомъ по толиъ совершенно чужихъ и неинтересныхъ людей, когда къ нему неожиданно подошелъ человъкъ съ темными быстрыми глазками и острой бородкой.

- Это вы, Зильберъ? Я васъ не замътиль въ театръ.
- Конечно я! Только я не сижу такъ важно, какъ вы; у меня свое скромное рецензентское мъсто въ партеръ.
 - Ну, а какъ вамъ нравится пьеса?
- Нѣчто совсѣмъ не литературное, но для разнообразія это довольно недурно. Хотя я долженъ вамъ признаться, что плохо слѣдилъ за происходившимъ на сценѣ. Меня развлекала близость вашей ложи.
 - Нашей ложи?—съ недоумъніемъ переспросиль Фрицъ.
- Отъ всего сердца поздравляю васъ, милъйшій Бертингъ, — восвливнулъ Зильберъ. — Вы настоящій счастливчивъ! Обладать тавимъ совровищемъ! Въдь это сама непосредственность, и притомъ тавая свъжесть, тавая жизнерадостность! Одинъ этотъ звонкій смъхъ — уже бальзамъ для души. Еще разъ поздравляю васъ и прошу принять мое искреннее пожеланіе вамъ всяваго благополучія.

Фрицъ былъ до такой степени возмущенъ циничной улыбкой на лицъ Зильбера и всъмъ его неожиданнымъ фамильярнымъ тономъ, что въ первую минуту даже растерялся и не зналъ, что сказать. Но потомъ ему стало смъщно; въ экстазъ маленькаго человъчка было что-то въ высшей степени комичное. Въ концъ концовъ, онъ ръшилъ, что сердиться не стоитъ: восхищеніе Альмой, какъ всегда, было ему только лестно.

— Я сразу догадался, что женщины сходять по вась съ ума, милъйшій Бертингъ, и сегодня я видъль только подтвержденіе моего предположенія. Я—поклонникъ женщинъ, и потому завидую вамъ. Въдь вы не сердитесь на меня за это?

Но какъ разъ въ эту минуту раздался звонокъ. Нужно было спѣшить на свои мѣста, и разговоръ оборвался.

Изъ театра они всё втроемъ зашли въ ресторанъ. Лемфинкъ и здёсь былъ своимъ человёкомъ, и они уютно усёлись за отдёльнымъ столикомъ въ концё комнаты. Фрицъ и Альма давно уже не бывали въ хорошихъ ресторанахъ, и теперь ёли съ не-

скрываемымъ удовольствіемъ вкусныя кушанья, съ такимъ радушіемъ предлагаемыя имъ Лемфинкомъ. Сначала они пили вино, а потомъ перешли на шампанское. Возбуждение Альмы все еще не улеглось. Она сидъла вся взволнованная и голосъ ея замътно дрожаль. Лемфинкъ, противъ обывновенія, въ этоть вечеръ много говорвять о своей семьй и о своемъ прошломъ. Присутствіе Альми, казалось, развязало ему языкъ въ этомъ направленіи. Онъ съ перваго же ввгляда почувствовалъ расположение къ дъвушкъ. Альм' онъ тоже очень нравился, но въ ихъ отношенияхъ не было и тын любовнаго элемента. Вообще, въ жизни Лемфинка почти отсутствоваль романическій элементь, и всю свою ніжность онъ сосредоточиваль исключительно на своей сестръ Тони. О ней онъ всегда говорыть съ вакимъ-то благоговениемъ и обожаниемъ, точно о любимой невъстъ. Онъ называль ее не иначе какъ "своей маленькой сестренкой", хотя она была на годъ старше его. И сегодия въ его разсказахъ эта Тони играла главную роль. Онъ витащель изъ кармана старый замшевый мёшечекь и, вынувъ взъ него фотографію, передаль ее Фрицу и Альмі, со словами:

— Вотъ моя сестра!

На фотографіи было изображено моложавое и энергичное женское лицо съ вздернутымъ носомъ и умными глазами. Фрицъ не нашелъ въ немъ ничего особеннаго, но Альма не могла оторваться отъ фотографіи.

- Кавая она, должно быть, добрая и врасивая!—прошептала дъвушва.
- Она у меня умница и сердце у нея волотое, сказалъ Лемфинкъ, заботливо укладывая карточку обратно въ замшевый мъщечекъ.

Затемъ разговоръ перешелъ на другую тему. Лемфинкъ и Фрицъ заговорили о Берлинъ.

— Тамъ появился новый талантъ, — сказалъ Лемфинкъ. — Вчера было первое представление пьесы одного совершенно неизвъстнаго автора, и сегодня всъ газеты наполнены отзывами о ней.

Фрицъ еще не зналъ объ этомъ событіи. Онъ спросилъ у вельнера послёдній нумеръ берлинской газеты и сталъ просматривать театральную хронику.

— Я знаю автора, — произнесъ онъ. — Недавно еще онъ прозябаль въ неизвъстности, а теперь сразу сталъ знаменитостью. "Вчерашнее представление открываетъ передъ нами новую эпоху въ въмецкой литературъ"... Читалъ ты это, Лемфинкъ? Я немного знакомъ съ произведениями этого господина. Онъ писалъ теат-

ральныя пьесы, романы и новеллы, и все это ничтожно, ничтожно до посл'ядней степени. А воть сегодня его называють немецкимь Ибсеномъ, сравнивають съ Мольеромъ и Шекспиромъ.

- Но въдь такая похвала, дорогой Бертингъ, для людей понимающихъ—хуже всякой брани.
- Не въ этомъ дъло, Лемфинкъ! Онъ достигъ своего, и это самое главное. Стать передъ лицомъ всего народа и навърное знать, что тебя слышатъ, развъ въ этомъ не величайшее счастье!
- Я совътую тебъ, Бертингъ, обратиться къ исторіи литературы. Если ты станешь смотръть на нее издали, то она представится тебъ громадной горной цъпью, среди которой выдъляется одинокая вершина. Когда-то все это было однимъ плоскогорьемъ и уровень его доходилъ до этой выдающейся точки; но постепенно все, что одъвало и закрывало остовъ горы, осыпалось и превращалось въ удобреніе для долинъ или въ песокъ морской. Все рыхлое и неустойчивое исчевло въ глубинъ земли и моря, осталось только одно гранитное основаніе. Этотъ уцълъвшій остовъ кажется еще выше, еще величественнъе, благодаря своему одиночеству, и онъ будеть существовать еще много въковъ.
- Мысль очень хорошая, Лемфинкъ, но въ ней я не нахожу утёшенія. Мий нёть дёла до того, что будеть послів моей смерти. Я хочу, чтобы меня знали и любили при жизни. Я хочу слышать и читать о томъ, какое впечатлійніе производять мон произведенія; я хочу слышать отзвукъ моихъ мыслей, видіть отраженіе моихъ чувствъ; хочу испытать высочайшее наслажденіе отъ сознанія, что мое внутреннее "я" выражено передъ тысячами людей.
- Твое честолюбіе мий понятно, Бертингъ, но я знаю наслажденіе болйе высокое, чймъ то, о которомъ ты говоришь. Выше всего на свётй я ставлю тихую, но могучую любовь, которан побуждаетъ человйка въ творчеству и заставляетъ его забывать, что существуютъ успёхъ и слава. Вйрь мий, что только въ тишинй выростаетъ дёйствительно великое. Ни въ физической, ни въ духовной природё ничто не проходитъ безслёдно. И если даже крошка, упавшая со стола, не пропадаетъ безъ пользы, то неужели проявленіе силы духовной можетъ оказаться бевплоднымь? Рано или поздно, но настоящее всегда займетъ свое мёсто. Слава проходитъ, одно настоящее вёчно.

Фрицъ ничего не отвътилъ. Лемфинкъ не разубъдилъ его, но нъкоторыя слова друга задъли его за живое и взволновали его.

— Однаво, мы совсёмъ забыли о нашей дамё, —вдругъ замётилъ Лемфинвъ, увазыван глазами на Альму.—Мы не можемъ выдержать получаса, чтобы не увлечься какимъ-нибудь литератур-

Онъ наполнить стананы виномъ и чокнулся съ Альмой.

XVI.

Была уже поздняя ночь, когда Лемфинвъ разстался съ Фрицемъ и Альмой. Они всё вмёстё вышли изъ ресторана, и Лемфинвъ, немного проводивъ ихъ, повернулъ въ себе домой.

Альма шла подъ-руку съ Фрицемъ. На улицъ не было ни души, и дъвушка, тъсно прижимансь въ молодому человъку, болтала громко и съ оживленіемъ, вспоминая пьесу и всъ подробности веселаго вечера. Фрицъ слушалъ ее довольно разсъянно. Овъ чувствовалъ себя утомленнымъ, и ему хотълось спать. Оживленіе Альмы онъ приписывалъ вику.

"Завтра ее навърное будеть тошнить", — мельвнуло у него въ головъ.

Они подходили уже въ своей удицѣ. Здѣсь освѣщеніе было плохое и тротуаръ замѣтно съузился. Поворачивая за уголъ, они почти столинулись съ высовимъ и худымъ человѣкомъ. Онъ вырось точно изъ-подъ вемли и какъ вкопанный остановился передъ ними.

- Людвигъ! вскривнула Альма. Фрицъ старался въ темнотъ разсмотръть человъка, загородившаго имъ дорогу. Онъ видълъ передъ собой худое лицо съ темными, глубоко посаженными главами, и ему показалось, что губы Дюдвига вздрагиваютъ, точно онъ собирается заговорить съ ними.
- Прошу васъ дать намъ дорогу! энергично сказалъ Фрицъ, и Глюкъ, бросивъ горящій взглядъ на дѣвушку, весь дрожа, отошелъ въ сторону.

Фрицъ чувствовалъ, какъ вздрагивала рука Альмы.

— Онъ идеть за нами, онъ идеть за нами! — шептала, спотываясь, дъвушка. И Фрицъ, дъйствительно, слышалъ за собою шаги, и сознаніе, что ихъ въ эту глухую ночную пору преслітують обожатель Альмы, было для него не особенно пріятно. Но они благополучно добрались до дома. Фрицъ быстро открылъ дверь и, пропустивъ въ нее Альму, оглядълся кругомъ. На противоположной сторонъ узкой улицы медленно шелъ Людвигъ Глюкъ, отворачивая лицо отъ Фрицъ. Фрицъ слъдилъ глазами за высокой, сгорбленной фигурой, пока она не исчезла во мракъ.

Войдя въ себъ въ комнату, Фрицъ прежде всего зажегъ

ламиу, и ему бросилась въ глаза мертвенная блёдность Альмы. Девушка дрожала всемъ теломъ и лицо ен выражало ужасъ.

- Что съ тобой, дорогая?—спросиль Фрицъ и взялъ объими руками ея руку, холодную вакъ ледъ.
- Слава Богу! прошептала она. Я такъ боялась, что онъ сдълаетъ тебъ что-нибудь дурное.

Фрицъ сталъ смѣнться надъ ен страхомъ. Онъ увѣрялъ, что теперь, вогда онъ разглядѣлъ хорошо Людвига Глюка, онъ убѣдился, что въ немъ нѣтъ ровно ничего страшнаго.

На следующій день Фрицъ Бертингъ, пообедавь въ ресторань, вернулся домой и засталь всехть въ страшномъ переполохе. Уже въ воридоре на него налетела г-жа Клиппель и оглушила его своими воплями. Случилось что-то неслыханное, и она положительно не знала, чего можно ждать дальше отъ фрейлейнъ и ея обожателя. Фрицъ отстранилъ врикливую особу и посившилъ въ себе въ вомнату, чтобы узнать отъ самой Альмы, что случилось въ его отсутстве. Девушка была спокойне, чемъ ночью, но ея лицо безъ единой вровинки и неестественный блескъ широко расерытыхъ глазъ выдавали ея волненіе.

Вотъ что она разскавала Фрицу: цёлыхъ полъ-часа Людвигъ Глюкъ умолялъ, чтобы ему дали поговорить съ нею, но она, какъ только услышала его голосъ, тотчасъ же убъжала къ себъ и заперлась на ключъ. Глюкъ долго стоялъ у дверей и требовалъ, чтобы его впустили. Привлеченные шумомъ со всёхъ сторонъ, стали сбъгаться люди. Глюкъ настанвалъ на своемъ, ему предлагали уйти. Опасаясь чего-нибудь еще худшаго, Альма ръшила выйти. Она стала умолять Людвига оставить ее въ покоъ, заклинала его честью больше не мучить ее. И онъ наконецъ ушелъ.

Въ это время г-жѣ Клиппель удалось проскользнуть въ комнату своихъ жильцовъ, и она снова принялась жаловаться. Она говорила, что не привыкла къ такому шуму и безобразію въ своей квартирѣ, что это случилось съ нею въ первый разъ въ жизни. Фрицъ прекратилъ ен нытье, объявивъ, что перваго числа съъзжаетъ съ квартиры. Хозяйка оторопѣла. Этого она не ожидала и попробовала что-то возражать, но Фрицъ еще разъ весьма внушительно повторилъ ей, что они больше не остаются у нея на квартирѣ, и она ушла къ себъ.

Фрицъ, обдумывая все случившееся, пришелъ къ тому заключенію, что необходимо принять мёры, чтобы обезопасить себя отъ дальнёйшихъ вторженій Людвига Глюка.

Обращаться въ полицію ему не хотелось. Альма советовала

сейчасъ же перевхать на другую ввартиру, въ другой конець города, но объ этомъ Фрицъ не хотвлъ и слышать. Это уже полодило на бъгство, и притомъ Глювъ довольно легко могъ узнать и ихъ новое мъстожительство.

Бертингу вазалось, что всего лучше отыскать Людвига и постараться уговорить его оставить Альму въ поков. Этотъ человъвъ по своимъ письмамъ произвелъ на него такое впечатлъніе, что его можно убъдить. По справкамъ оказалось, что штукатуръ не вибетъ опредъленнаго мъстожительства, но Фрицу указали пивную, гдъ онъ проводилъ свободное время, и онъ направился туда.

Штукатуръ сидъль за отдъльнымъ столикомъ и читалъ газету. Фрицъ подошелъ въ нему и назвалъ его по имени. Людвигъ вздрогнулъ, и его блъдное лицо вспыхнуло. Видно было, что онъ сразу узналъ Фрица.

— Вы позволите мет пристсть въ вашему столу? Мет необходимо съ вами поговорить, — сказалъ Фрицъ.

Людвигь уставился неподвижнымъ взглядомъ на говорившаго и сдълалъ головой какое-то неопредъленное движеніе.

Фрицъ взялъ стулъ и сълъ напротивъ Глюка.

— Мит сообщили, что третьяго дня вы были у меня на квартирт и хотали непременно поговорить съ фрейлейнъ Альмой Луксъ. Втар это такъ, г-нъ Глюкъ?

Что-то похожее на усмъщку скользнуло по лицу Людвига. Это вывело изъ себя Фрица.

— Прошу васъ избавить меня отъ дальнъйшихъ посъщеній! —почти завричалъ онъ. — Фрейлейнъ Луксъ слышать о васъ не хочетъ, и я въ свою очередь не желаю имътъ васъ своимъ гостемъ. Запомните это хорошенько!

Губы Глюка дрогнули нѣсколько равъ, раньше чѣмъ ему удалось произнести слово.

— Мит больше не о чемъ разговаривать съ Альмой, — наконецъ проговорилъ онъ. — Она напрасно запирается отъ меня, —въдь и не злодъй.

Удрученный видъ Глюва усповоилъ Фрица. Действительно, этотъ человевъ всего меньше походилъ на злодея.

— Можетъ быть, вы довёрите мнё то, что собирались сказать Альмё, г-нъ Глюкъ. Я передамъ ей.

Глювъ недовърчиво покосился на своего собесъднива, и Фрицъ опять замътилъ непріятную усмъщку на его лицъ, но понялъ на этотъ разъ, что это была не усмъшка, а просто нервное подергиванье губъ.

— Вы можете спросить Альму,—началь Глювь своимь тихимъ голосомъ,—помнить ли она еще того, вто избавиль ее отъ преследованій одного молодца, — она уже знаеть, вавого. Я-то преврасно все это помню и даже по временамъ чувствую боль въ томъ мёстё, вуда миё всадили ножъ. А вотъ помнить ли Альма объ этомъ,—вы ужъ у нея спросите.

Штукатуръ замолчалъ и опять нервная судорога искривила его губы. Онъ тяжело дышалъ и потъ крупными каплями выступиль у него на лбу.

Фрицъ былъ удрученъ. Онъ не ожидалъ, что все это произведетъ на него такое тяжелое впечатлъніе. Его сопернить ему положительно нравился. У Глюка были такіе темние, виразительные глаза, а затаенное страданіе дълало его лицо значительнымъ и почти прекрасныхъ.

— И еще мий котйлось вое о чемъ спросить Альму, —продолжалъ Глювъ. —Мий котйлось спросить ее, помнить ли она, вакъ я помогалъ ихъ семьй посли смерти стараго Лукса? У меня было тогда очень мало, но я отдавалъ имъ все до послиднято гроша. Альма должна это помнить, —въдь это все было шесть или семь лётъ тому назадъ.

Фрицъ, не отрываясь, смотрѣлъ на говорившаго. Вся эта любовная исторія представлялась ему теперь въ другомъ освѣщеніи.

— Я вналъ Альму, когда она еще бъгала въ короткомъ платьв, - продолжаль между твмъ Глювъ. - Тогда она ходила въ шволу, и я часто помогаль ей учить уроки. Особенно трудно давалась ей ариометика, -- она нивавъ не могла сладить со счетомъ, и тогда со всёхъ ногь бёжала во мей. А яжиль по одной лъстницъ съ Луксами, только этажемъ повыше. Жили они тогда довольно б'ёдно. Самъ-то старивъ былъ добрый человёвъ и хорошо относился во мив. Останься онъ живъ, все было бы по другому, --- ну, а вдова-то и года не ждала, съ другимъ повънчачалась. Альма была уже тогда взрослая и все понимала. Ей-то пришлось хуже всёхъ, и она частенько забёгала ко миё подёлиться своимъ горемъ и выплаваться въ волю. Тогда она върила, что ближе меня у нея нътъ никого на цъломъ свътъ, а вотъ теперь, вивсто всякой благодарности, она гонить меня, какъ перваго встречнаго. Могъ ли я когда-нибудь думать, что это такъ будетъ?

Увленшись своими воспоминаніями, Глюкъ совершенно забыль, кто сидить передъ нимъ, а Фрицъ боялся его прервать.

— Дуракомъ я тогда быль, воть что! И думаль я еще, что

она любить меня. Я разсуждаль тогда такь: она еще черезчурь молода, да и нёть у насъ денегь, чтобы сейчась же пожениться. Я все надёнлся, что мий удастся сконить кое-что, но въ маленькомъ городё нельзя было разсчитывать на хорошій заработокъ. Воть я и рёшился уёхать. Быль я и въ Россіи, и въ Австріи, и везді я работаль какъ воль, времени на ёду не всегда хватало. Денегь я накопиль, правда, достаточно, но всему помёшала болёвнь. Меня и въ солдаты не взяли, потому что нашли, что грудь у меня черезчуръ узкая. Тогда я только радовался этому, — для моихъ плановъ это было прекрасно, но воть, когда я уже думаль о возвращеніи на родину, у меня вдругь хлынула горломъ кровь. Полгода я продежаль въ больницё въ Будапештё. Все накопленное пошло прахомъ, и съ той поры уже никогда не удавалось мит вернуть прежняго здоровья.

Глюкъ провелъ рукой по лбу, блестъвшему отъ выступившаго на немъ пота. Фрицу бросилась въ глаза его узкая, нервная рука. Это была рука не простого ремесленника, а художника, да и весь Глюкъ производилъ впечатлъніе тонкой и богато одаренной натуры.

— Я много разъ писалъ Альмъ, но она отвъчала мнъ очень ръдко. Я умолялъ ее подождать моего возвращенія и не связывать ни съ въмъ другимъ своей жизни. И вотъ однажды я получилъ отъ нея письмо, — она сообщала мнъ, что ъдетъ въ Берлинъ. Я боялся большого города, и я оказался правъ. Очень скоро получилъ я ея послъднее письмо: она просила меня не писать ей больше. Я прочелъ это письмо въ больницъ. Какъ жаль, что я не умеръ тогда!

Онъ тяжело вздохнулъ, на его глазахъ выступили слезы, и губы задрожали такъ сильно, что нъкоторое время онъ не могъ произнести ни слова.

— Она была такая девушка, какой второй во всемъ свете выть! Я говориль себе, что кроме нея ни одна женщина не будеть моей женой. И нужно же было, чтобы все это такъ случилось!

Онъ закрылъ глаза рукой.

- Г-нъ Глювъ, началъ Фрицъ послѣ нѣвотораго молчанія, мнѣ нечего прибавить въ тому, что вы разсказали. Напомню вамъ только одно: Альма нивогда вамъ ничего не объщала, нивогда вы не были съ ней обручены.
- Да развѣ я объ этомъ говорю!—раздраженно вскричалъ Глюкъ.—Я былъ осломъ. Я думалъ, что и безъ кольца можно сохранить върность. Въдь я былъ лучшимъ другомъ Альмы. Та-

вого друга, какъ н, она никогда не имъла, да никогда и не будетъ имъть.

- Дружба не связываеть людей на цёлую жизнь. Въ этомъ вы ужъ навёрное согласны со мной, г-иъ Глюкъ.
- Ну, а какъ же въ такомъ случай можно назвать ваше отношение къ Альмій? воскликнулъ штукатуръ, и вскочилъ съ своего міста. Вы-то обручены съ ней? Отвітьте мий прямо на мой вопросъ, милостивый государь! Думаете вы жениться на Альмів, женитесь ли вы на моей Альмів?
- Вы не имъете никакого права задавать миъ подобные вопросы, г-нъ Глюкъ, отвътилъ, блъдиъя, Фрицъ.
- Я тавъ и зналъ, что вы не собираетесь на ней жениться! все твиъ же тономъ прежняго возбужденія продолжалъ Глюкъ. Тавъ и зналъ! повторилъ онъ, и его темные глаза блеснули торжествомъ.

Фрицъ поднялся съ своего мъста.

- Мий очень жаль, г-иъ Глювъ, что вашъ тоиъ лишаетъ меня возможности продолжать дальше нашъ разговоръ. Единственное, что я могу вамъ еще повторить, это то, что Альма сама выбрала меня, но не васъ.
- Выбрала васъ! Тъмъ хуже. И что же вы дали ей за это? Ничего, кромъ стыда. Въдь то, какъ живете вы, у насъ, простыхъ людей, принято называть незаконной связью. Такъ всегда поступаютъ съ дъвушками господа, подобные вамъ. Обманутъ дъвушку, а потомъ и бросятъ ее. И съ Альмой такъ будетъ. Я въ этомъ увъренъ!

Фрицъ направился въ выходу, но Глювъ пошелъ за нимъ слъдомъ.

— Передайте отъ меня Альмъ, что я никогда не оставлю ее. Такъ и скажите: пускай она гонить меня какъ собаку, но я, Людвигь Глюкъ, буду до гроба ей въренъ. Такъ и скажите ей.

XVII.

Въ субботу Фрицъ Бертингъ отправился въ сестрамъ Китхенъ. Онъ устроили ему торжественный объдъ, и за столомъ ховяйки, стараясь щегольнуть передъ писателемъ своимъ образованіемъ и знаніемъ литературы, говорили исключительно о предметахъ самыхъ возвышенныхъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ залу. Для такого торжественнаго дня съ пунцовой шолковой мебели сняли чахлы, и она

стояла во всемъ своемъ великольщи. Тетушки усълись рядомъ на диванъ и не спускали глазъ съ молодыхъ людей, изръдка вмъшивансь въ ихъ разговоръ. Фрейлейнъ фонъ-Лаванъ сидъла, какъ всегда при старушкахъ, съ дътски-невиннымъ лицомъ. Она ни однимъ словомъ не противоръчила имъ ни въ чемъ, съ почтительнымъ видомъ выслушивала ихъ замъчанія, и только едва замътная насмъшливая улыбка скользила отъ времени до времени по ея губамъ.

Послѣ кофе Аманда отправилась къ себѣ отдохнуть, и Фрицъ съ Альмой остались подъ надзоромъ одной Иды. Старой дѣвушкѣ тоже очень хотѣлось спать, ея глаза становились все меньше и меньше, а пестрый бантъ ея праздничной наколки склонялся все ниже къ столу.

— Видъли вы наши чудесныя картины? — вдругь спросила Гедвига.

Фрицъ отвътилъ отрицательно, и она повела его къ столу на противоположный конецъ комнаты. Тамъ она взяла папку съ тисненными золотыми буквами и, развязавъ ее, показала Фрицу нъсволько плохихъ одеографій.

- Какая прелесть! воскликнуль Фриць, съ трудомъ удерживаясь отъ смъха.
- Да. Не правда ли?—раздался съ другого конца комнаты сонный голосъ Иды.—И я должна вамъ сказать, что это стоитъ не дешево.
- Я прочла въ газетъ о томъ, что вышла ваша новая внига. Можете вы мнъ ее дать?—свазала Фрицу въ полголоса Гедвига, дълая видъ, что перебираетъ олеографіи.

Фрицъ повосился на диванъ, откуда въ эту минуту доносилось мирное похрапываніе. Ида заснула, и всякія предосторожности теперь были излишними.

— Книга выйдеть изъ типографіи только черезъ двѣ недѣли, -проговорилъ онъ, — но я долженъ васъ предупредить, что это чтеніе не для молодыхъ дѣвицъ.

Гедвига презрительно вздернула свой хорошенькій носъ, и лицо ея приняло такое обиженное выраженіе, что Фрицъ поспешилъ ее успокоить об'єщаніемъ прислать романъ, какъ только онъ выйдетъ изъ печати.

Гедвига милостиво улыбнулась и заговорила о Бальзавѣ и о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на нее. Фрицъ разсѣянно прислушивался въ ея словамъ. Онъ думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на Гедвигу его собственная книга. Въ углу попрежнему мирно похранывала старая дѣ-

Томъ VI.-Новерь, 1902.

вушка. Заходившее солнце восыми лучами освъщало старинную пунцовую мебель и фамильные портреты почтенныхъ бюргеровъ и разряженныхъ дамъ.

Но вдругь все сразу измѣнилось. Въ передней задребезжалъ ввонокъ. Тетушка Ида вскочила, пошатываясь спросонокъ и протирая заспанные глаза. Въ залу вошла толстая горничная съ хитрымъ лицомъ. — Артистъ императорскихъ театровъ г-нъ Гесловъ! — доложила она, а за ней, одѣтый по послъдней модъ, съ цилиндромъ въ рукахъ, уже стоялъ великолъпный Вальдемаръ Онъ съ необыкновеннымъ изяществомъ раскланялся съ сидъвшими въ залъ, поставилъ цилиндръ на маленькій столикъ и, откинувшись слегка назадъ, сталъ съ небрежнымъ видомъ разстегивать перчатку.

Фрицъ слёдилъ за измёнившимся выраженіемъ лица Гедвиги. Она уже не улыбалась обычной ей насмёшливой улыбкой, а съ видомъ какого-то напряженнаго любопытства слёдила за Гесловомъ.

Въ залу явилась и Аманда. Лицо у нея было заспанное, но это не помъщало ей восторженно улыбаться и привътствовать дорогого гостя.

Затъмъ объ старыя дъвушки усълись по своему обыкновению рядомъ и уже не спускали восхищенных глазъ съ знаменитаго актера. Вальдемаръ Гесловъ разсказывалъ имъ, что собирается проъхать въ Швейцарію. Онъ увлекался разнаго рода спортомъ и собирался заниматься цълое льто плаваніемъ, верховой ъздой, греблей и фехтованіемъ. Онъ становился болье оживленнымъ и натуральнымъ, когда попадалъ на свою любимую тему. Видно было, что то, о чемъ онъ говорилъ въ данную минуту, составляло главный интересъ въ его жизни.

- Мы тоже увзжаемъ! проговорила Гедвига, воспользовавшись моментомъ, когда Гесловъ замолчалъ, чтобы взять изърукъ одной изъ тетушекъ чашку кофе.
- Уважаете? Куда же это? быстро оборачивансь къ дъвушкъ, спросилъ актеръ.
 - Тетушки что-то говорили объ Интерлакенъ.
- Объ Интерлавенъ Вотъ отлично! Я и самъ думаю туда заъхать. Итавъ, весьма возможно, что мы съ вами встрътимся.
- Вотъ было бы чудесно! воскликнули тетушки въ одинъ голосъ.
- Въ прошломъ году мы тоже встрътились и притомъ совершенно неожиданно, отчеканивая каждое слово, произнесъ

Вальдемаръ Гесловъ, — и вотъ теперь счастливый случай сводитъ васъ опять вибств.

Фрицъ ваглянулъ на Гедвигу. Она не произнесла больше ни слова, но онъ хорошо видълъ, какъ она покрасиъла.

Вальдемаръ Гесловъ и сестры Китхенъ оживленно заговорили объ Интерлакенъ. Гедвига сидъла и слушала съ видомъ хорошо воспитаннаго ребенка, который не смъетъ вмъшиваться въ разговоръ старшихъ. Фрицъ почувствовалъ себя совершенно лиштимъ и поспъшилъ откланяться.

Домой онъ вернулся въ очень дурномъ настроеніи дука. Гедвига ему перестала нравиться, и онъ рёшилъ не посылать ей обёщанной книги.

XVIII.

Фрицъ Бертингъ держалъ въ рукахъ первый экземпляръ своего романа. Онъ съ трудомъ могъ себъ представить, что эта небольшая кинга, въ четыреста печатныхъ страницъ, стоила ему многихъ мучительныхъ часовъ и тяжелаго упорнаго труда. Онъ совнавать, что наступилъ моментъ, когда созданное имъ перестало битъ тайной, сдълалось достояніемъ всёхъ, и онъ чувствовалъ потребность услышать правдивый дружескій отзывъ, раньше чъмъ о немъ заговорятъ совершенно ему чужіе и часто вполнѣ невжественные люди.

Главнымъ образомъ для этого онъ поторопился дать экземширъ своей книги доктору Лемфинку. Генрихъ Лемфинкъ взялъ книгу въ руки, взглянулъ на лестную для него надпись автора и съ видомъ знатока перелисталъ нъсколько страницъ. "Книга издана чисто, а это всегда производитъ хорошее впечатлъніе", замътилъ онъ.

Вскоръ Фрицъ получилъ всъ свои авторские экземпляры и разослалъ ихъ нъвоторымъ изъ своихъ берлинскихъ друзей. Онъ послалъ книгу въ Парижъ барону Шубскому; г-жа Гильшіусъ тоже получила экземпляръ съ ничего не выражающей и довольно безпрътной авторской надписью. Вейсблейхеръ позаботился разослать экземпляры для отзыва во всъ газеты и журналы.

Между тъмъ Лемфинкъ все еще ни однимъ звукомъ не обмолвился о романъ, и Фрицъ успоканвалъ себя тъмъ, что его другъ еще не успълъ прочесть его книгу; но проходили дни, а Лемфинкъ все молчалъ, и это молчаніе начинало уже тревожить Фрица. Какъ-то случайно они встрътились на улицъ, и Лемфинкъ опять ничего не сказалъ о романъ. Теперь молчаніе друга произвело уже тягостное впечатлъніе на Бертинга.

Но вотъ однажды въ квартиру Фрица совершенно неожиданно явился Лемфинкъ.

— Здравствуй! Какъ поживаешь? А гдъ же фрейлейнъ Альма? — отрывисто спросилъ онъ.

Фрицъ отвътилъ, что Альма дома и сидитъ за работой. Онъсобирался позвать ее, но Лемфинкъ остановилъ ее.

— Нътъ, не зови ея. Я хочу поговорить съ тобой о романъ, и совсъмъ не нужно, чтобы она слушала.

Фрицъ объяснилъ, что Альма сидитъ отъ нихъ черезъ комнату, и ей не будетъ ничего слышно.

— Воть и отлично!—сказаль Лемфинкъ.—Я прочель твой романь, Бертингь, два раза прочель.

Здёсь Лемфинкъ замолчалъ и сталъ ходить по комнате изъ угла въ уголъ, скрестивъ на груди руки и съ выражениемъ серьезности и сосредоточенности на лицъ. У Фрица замерло сердце, и ему вспомнилось первое представление его пьесы въ Берливъ.

— Да не томи же ты меня, ради всего святого!—воскливнулъ Фрицъ.—Хочешь разить, такъ рази скоръе! Романъ тебъ не понравился?

Генрихъ Лемфинкъ остановился передъ Фрицемъ, стоявшимъ у своего письменнаго стола, и посмотрълъ ему прямо въ глаза своими прекрасными и выразительными глазами. Ихъ красота заслоняла безобразіе всего лица. Въ эту минуту и въ глазахъ, и въ лицъ Лемфинка было что-то невыразимо печальное. Эта печаль, придавая благородство лицу, дълала его почти красивымъ.

- Въ твоей книгъ, дорогой Бертингъ, много таланта, вкуса и воображенія. Слогъ въ ней превосходный, во всемъ видна рука настоящаго художника, но... я буду совсъмъ откровененъ съ тобой—въ общемъ, книгъ твоей чего-то недостаетъ.
- Я не совсёмъ понимаю, какін еще ты предъявляеть требованія къ литературному произведенію?
- Видишь ли, Бертингъ, я принадлежу къ числу очень благодарныхъ читателей. Когда я читаю чье-нибудь произведеніе, я иду за авторомъ повсюду, куда онъ только захочетъ вести меня, но при этомъ еще я интересуюсь его личнымъ внутрепнимъ міромъ. Мнѣ всегда хочется знать, насколько самъ писатель искрененъ въ своихъ произведеніяхъ и способенъ ли овъ на глубокое чувство..
 - Но въдь, кажется, я никогда и не собирался идти въ

пропов'вдники. Я понимаю, когда такіе люди, какъ профессоръ Вальборгь, требують отъ писателей, чтобы они изображали одно прекрасное; но когда ты, Лемфинкъ, начинаешь говорить въ этомъ же тонъ, я изумляюсь и просто отказываюсь тебя понимать...

- Бери откуда теб'в угодно матеріаль для твоихъ произведеній, Бертингъ, не останавливайся ни передъ какою грязью, ни передъ какимъ уродствомъ, но изображай это такъ, чтобы во всемъ прежде всего чувствовалась душа, давшая жизнь всему этому!
 - Я писаль мой романь вровью сердца, Лемфинкь!
- Да, у тебя много искреннихъ страницъ, но въ общемъ въ главномъ, повторяю, книга тебъ не удалась. Въ ней слишкомъ много жизненной гари и чада, въ каждой строчкъ чувствуется пряный привкусъ чувственности.
- Но вёдь именно эта чувственность и составляеть тему моего романа. Я хотёлъ изобразить отношенія половь во всей ихъ необувданности и неприкрашенной дикости. Здёсь нётъ мёста вопросу о приличіи и неприличіи. Предоставь, Лемфинкъ, старымъ дёвамъ возмущаться темой моего романа, самъ же пойми, что я долженъ былъ написать именно такъ, а не иначе.
- Я не браню тебя за твой выборь, Бертингь,—я только думаю, что твоя тема слишкомъ ужъ щекотливая и скользкая, и нужно было черевчуръ много условій, чтобы осилить ее. Твое произведеніе—это зеркало, отражающее картину, изображенную въ другомъ зеркаль. Но это второе зеркало не есть зеркало твоей души, Бертингъ. Душа въ твоемъ произведеніи, какъ и въ твоей живни, занимаетъ мало мъста, а между тъмъ только одно ея дуновеніе можетъ сдълать чистымъ все нечистое. Ты пвшешь объ отношеніяхъ половъ, этимъ отношеніямъ ты отводинь такое мъсто, что они заслоняютъ всъ другія человъческія чувства, но гдъ же то, что называется любовью, Бертингъ? Ты не обмолвился ни единымъ словомъ объ этомъ великомъ чувствъ. Его нъть ни въ твоемъ романъ, ни въ твоей жизни!

Какъ разъ въ эту минуту въ коридоръ хлопнула дверь, и вслъдъ за этимъ въ комнату вбъжала Альма и вся розовая и улыбающаяся остановилась въ дверяхъ.

— У насъ докторъ Лемфинкъ, а я этого и не знала. Миъ инкто не пришелъ сказать! — воскликнула дъвушка, и въ голосъ ен слышались обида и радость.

XIX.

О романъ Фрица Бертинга стали появляться отвывы въ газетахъ. О содержаніи романа пова говорили очень мало, новездъ очень подчервивали интересное заглавіе. Вскоръ одинъизъ довольно извъстныхъ вритиковъ, покровительственно относившійся въ новому направленію въ литературъ, помъстиль въодномъ изъ литературныхъ обзоровъ краткую замътку, гдъ Бертингъ былъ названъ писателемъ, подающимъ надежды. Но на
ряду съ этими, болье или менте благопріятными, отзывами вдругъ
появилась цълая вритическая статья профессора Вальборга. Онъ
яростно разносилъ Бертинга и предостерегалъ всъхъ отъ чтенія
этого бездарнаго порнографическаго произведенія. Фрица это
задъло за живое, и онъ бросился къ Вейсблейхеру, но издатель
нисколько не былъ опечаленъ неблагопріятнымъ отзывомъ. Отлично, великольпно!—нъсколько разъ повториль онъ.—Его ругня
будетъ для насъ чудесной рекламой!

Дъйствительно, Фрицъ вскоръ увидълъ подтверждение этихъ словъ. И въ обществъ, и въ газетахъ объ его романъ заговорили, какъ объ интересной сенсаціонной новинкъ. Поэтъ Кароль написалъ Бертингу восторженное письмо и въ заключение сообщилъ, что собирается писать возражение на недостойную и возмутительную статью Вальборга. Фрицъ не обратилъ на это особеннаго вниманія, но разъ, когда онъ, по обыкновенію, сидълъ съ Лемфинкомъ въ ресторанъ, тотъ бросилъ передъ нимъ на столъ послъдній нумеръ одной изъ радикальныхъ газетъ, со слевами:

— Вотъ изумительное происшествіе! Зильберъ ложаеть затебя копья.

Фрицъ просмотрѣлъ замътку. Она была составлена очень горячо, и авторъ ея, съ необычайной ловкостью защищая Бертинга, платилъ сторицею старому профессору за всѣ его нападки.

Лемфинкъ возмущался непрошеннымъ защитникомъ и увърялъ Бертинга, что рано или поздно Зильберъ представитъ ему счетъ за свою защиту; но Фрицъ на этотъ разъ не соглашался съ своимъ другомъ. Онъ увърялъ Лемфинка, что старому профессору будетъ очень полевно узнать, что существуютъ люди, которые его нисколько не боятся. Вообще, послъ нослъднято разговора съ Лемфинкомъ о романъ и послъ того, какъ онъ ограничился довольно краткимъ печатнымъ отзывомъ о книгъ

Бертинга, въ душт Фрица остался вакой-то непріятный осадокъ и что-то существенно изминилось въ его отношеніи въ старому другу. Бертингъ все чаще и чаще останавливался на мысли, что они—люди разныхъ поколеній и что во взглядахъ Лемфинка, вакъ и въ немъ самомъ, много устартлаго и отжившаго.

Черезъ нъсколько недъль послъ выхода романа, Бертингъ получилъ письмо отъ своей сестры Констанціи. Она была возмущена и заглавіемъ, и содержаніемъ романа, и недоумъвала, зачъмъ это брату понадобилось напечатать подъ своимъ полнымъ именемъ такую неприличную книгу. Она много и пространно говорила о чести фамиліи и о бъдномъ покойномъ отцъ, чъи кости теперь содрогаются отъ ужаса. Фрицъ только горько улыбнулся, прочтя это посланіе, и разорвалъ его на мелкіе куски. Со всъмъ этимъ онъ уже давно покончилъ, и все это были отвуки прошлаго, не имъвшаго для него теперь ни малъйшаго сиысла и значенія.

Благодаря своей новой внигь, Бертингь быль осчастливлень неожиданнымъ посъщениемъ. Однажды, въ субботу днемъ въ нему явился Теофиль-Алонзъ, весь въ черномъ, и съ такой торжественной миной, точно онъ собрался на похороны. Овазалось, что творецъ "Суллы" пришелъ засвидътельствовать почтеніе н ножелать всяваго успъха своему собрату по перу. Теофиль выразился весьма одобрительно о внигв и сообщиль, что больше всего заинтересовался физіолого-патологической стороной. Эти вопросы уже давно преследовали его, а въ Германіи до сихъ воръ нивто еще не коснулся ихъ въ литературъ. Самъ Теофиль собирался пополнить этотъ пробълъ и въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ роману изъ современной жизни въ десяти томакъ. Планъ этого "монументальнаго произведенія" нвъ области современной психологіи толны, по выраженію самого Алонза, быль уже готовъ, и онъ собирался на дняхъ прочесть его Бертингу.

Посъщение Теофиля имъло еще и другую цъль. Онъ заручился, наконецъ, аттестатомъ зрълости, и для такого торжественнаго случая его мать подарила ему три тысячи марокъ. Теофиль собирался на эти деньги попутешествовать. Одному ведить скучно, и онъ предложилъ г-ну Бертингу ъхать съ нимъ, причемъ всё расходы бралъ на себя.

Фрицъ быль удивленъ подобнымъ приглашеніемъ и спросилъ, куда же именно собирается вхать молодой человакъ. Теофиль объяснилъ, что, въ сущности говоря, ему это безразлично. Къкартинамъ природы онъ вполив равнодушенъ, а интересуется нсключительно чисто психологическими вопросами. Но, во всякомъ случай, онъ предполагалъ бы пройхаться въ сйверному полюсу, такъ какъ Ледовитый океанъ манитъ его своей дикостью и неприступностью.

Въ заключение своей довольно пространной рѣчи Теофиль объявилъ, что онъ долженъ передать г-ну Бертингу письмо отъ своей сестры Анни.

Фрау Эшауеръ писала Бертингу, что онъ сдълаетъ доброе дъло, если согласится сопутствовать ея брату. Анни совътовала имъ пробхать въ Норвегію. На обратномъ пути она приглашала ихъ прівхать на штрандъ въ Бинцъ, гдъ она проведетъ лъто съ мужемъ въ обществъ своихъ друзей. То, что она думаетъ о романъ, она могла сказать Фрицу только лично. "Итакъ, до свиданія на штрандъ!" — стояло въ концъ письма.

Въ этомъ планъ было очень много соблазнительнаго. Лътняя духота и пыль становились невыносимыми, и Фрица уже давно тянуло убхать куда-нибудь изъ города, но всему мъшалъ въчный денежный вопросъ. А между тъмъ жизнь его за послъднее время была не изъ пріятныхъ. Хозяйка, знавшая, что жильцы у нея не остаются, отравляла имъ жизнь ежедневными мелочными придирками; встръча съ Глюкомъ тоже оставила довольно непріятное воспоминаніе, но тяжелъе всего было переносить угнетенное и подавленное настроеніе Альмы.

Фрицъ объявилъ дъвушкъ, что съ осени они будутъ жить на разныхъ квартирахъ. Ему казалось, что такъ имъ будетъ и удобнъе, и свободнъе, потому что одинъ не будетъ мъшать другому работать. Онъ уже подыскивалъ помъщение для Альмы по близости отъ того заведения, на которое она работала. Гдъ будетъ онъ жить самъ, объ этомъ онъ еще серьезно не думалъ.

На всё уб'єжденія Фрица Альма повторяла только одно:—Вижу, что я теб'є надобла!— Она не спорила и не возмущалась, но лицо у нея было убитое, а глаза совс'ємъ красные отъ постоянныхъ слезъ. Больше всего на св'єт'є хот'єлось ей ни днемъ, ни ночью не разлучаться съ любимымъ челов'єкомъ. Покорная его мал'єйшему желанію, она не им'єла понятія ни о притворств'є, ни о кокетств'є, разжигающемъ и поддерживающемъ страсть. Любовь была смысломъ и содержаніемъ ея жизни, и разлука казалась ей безсмысленной жестокостью.

Фрицъ рѣшилъ принять предложеніе Теофиля-Алоиза. Онъ ожидалъ многаго отъ предполагаемой повздки. Его, какъ художника, манила еще невиданная имъ дикая природа, и онъ надвялся, что продолжительная разлука прогонитъ мрачный при-

вракъ свуки и пресыщенія, грозившій въ последнее время его любви. Но больше и сильнее всего ему котелось избавиться отъ паутины серой, безцветной жизни и вздохнуть на свободе полной грудью.

XX.

Уже двъ недъли Фрицъ Бертингъ жилъ въ Бинцъ, гдъ закончилось ихъ нутешествіе съ Теофилемъ. Тамъ же находилась в Анни Эшауеръ съ мужемъ. Она составляла центръ большого кружка знакомыхъ, съъхавшихся на купальный сезонъ. Банкиръ Эшауеръ не мъшалъ своей женъ веселиться. Она была на двадцать лътъ моложе его, но онъ не признавалъ ревности, и главнымъ правиломъ какъ частной, такъ и общественной его жизни било: "никакого безполезнаго волненія"! Жена также не мъшала ему развлекаться въ балетъ, ресторанахъ и загородныхъ садахъ. Въ Бинцъ онъ скучалъ и ръдко появлялся въ обществъ. Проницательные люди увъряли, что онъ проводилъ время въ сосъдней рыбацкой деревушкъ, гдъ жила на дачъ одна дама берлинскаго полусвъта.

Фрицъ Бертингъ также чувствовалъ себя не очень пріятно въ обществъ людей, окружавшихъ Анни Эшауеръ. Для нихъ на первомъ планъ были деньги, и человъкъ, занимающійся литературой и не получающій за это огромныхъ гонораровъ, казался ямъ непонятнымъ и чуждымъ явленіемъ. Зато фрау Анни была съ нимъ очень мила. Она всически старалась сделать для него пріятнымъ пребываніе въ Бинців и при всёхъ оказывала ему особое вниманіе. Трое молодыхъ людей изъ берлинской jeunesse dorée, ухаживавшіе за фрау Эшауеръ, были лишены этого пріятнаго занятія съ прівздомъ Фрица и Теофиля. Одинъ изъ нихъ быль женихомъ. Невъста его, врасивая черноволосая дъвушка съ прекраснымъ цвътомъ лица и стройной фигурой, находилась туть же. Къ сожалънію, ея врасоту портило довольно сильное восоглазіе. Всву больше обращаль вниманіе на этоть недостатовъ ея женихъ. Ихъ свадьба была решена родителями, находившими, что присоединение одного милліона въ другому -- дівло очень хорошее.

Теофиль также пришелся не ко двору въ этомъ обществъ. Всъ узнали, что онъ пишетъ стихи, и приставали къ нему, чтобы онъ прочелъ "что-нибудь новенькое". Вначалъ онъ принималъ эти просьбы за чистую монету, и былъ очепь гордъ, но своро понялъ, что надъ нимъ смъются, и сталъ проводить время исклю-

чительно въ обществъ косоглазой дъвицы. Они вдвоемъ отправлянсь на прогулки, и она была обречена выслушивать всъ произведенія мувы юнаго поэта.

Это обстоятельство очень облегчило положение Фрица. Въ вачествъ компаньона онъ былъ принужденъ до этихъ поръ посвящать все свое время Теофилю, а это было нелегво. Передъ ними проходили разнообразные красивые виды, но Теофиль быль способенъ испортить наслаждение самымъ красивымъ пейважемъ. Онъ то объясняль, то вритивоваль, то вдохновлялся и вудахталь, вавъ курица, несущая яйцо, прежде чемъ выпустить на свёть новое произведеніе. Каждое стихотвореніе прочитывалось Фрицу, и если онъ дълалъ какое-нибудь замъчаніе, то Теофиль начиналъ говорить о "непониманіи". Впрочемъ, у Фрица былъ еще другой спутнивъ. Онъ съумълъ бы избавить его и отъ болъе непріятныхъ и навойливыхъ впечатлівній, чімъ банальные стихи и глупыя річи Теофила. Спутникъ этоть быль: "Такъ говориль Заратустра" Ницше. Слова Ницше сливались для него съ впервые услышаннымъ шумомъ овеана, и объ силы виъстъ оглушали и воскищали его душу. Въ этомъ чтеніи среди грандіозной природы было мучительное наслаждение. Тело его валетало на вершину могучаго вала, а душа—на самую выстую точку человъческаго познанія, чтобы потомъ съ ужасомъ погружаться въ водяную бевдну и въ бездну противоръчій. Каждый день въ немъ вознивалъ новый міръ и каждый день разрушался. Ничего по-добнаго не испытываль онъ съ тъхъ поръ, какъ впервые услышаль музыку Вагнера. После этого творить самому—казалось безуміемъ. Фрицъ чувствовалъ, что его умъ и душа связаны, ослаблены, уничтожены:

— Какой у васъ видъ несчастный, точно вы съ похмелья! — сказала, встрётившись съ нимъ, Анни Эшауеръ. Съ ласковой насмёшкой освёдомилась она о томъ, какъ онъ спалъ, и доволенъ ли своимъ желудкомъ, назвала его своимъ "поэтическимъ младенцемъ" и сообщила, что собирается усыновить его.

Въ ен заботв о немъ было въ самомъ дълв что-то материнское. Въ Берлинв она энергично хлопотала о распространевін его романа и лично просила извёстныхъ критиковъ дать отзывы о книгв. Фрицъ считалъ ее неглупой и совершенно отдёлялъ отъ окружавшихъ ее людей, но она не казалась ему больше такой физически привлекательной, какъ вначалв. Это значительно облегчало ему пребываніе съ нею. Вообще, люди на него мало вліяли въ послёднее времи. Онъ былъ въ особенномъ, нервномъ состояніи, но это не было безплодное разстройство нервовъ отъ

угомленія и мелкихъ заботъ. Напротивъ, онъ жилъ физически очень спокойно и ни о чемъ житейскомъ не думалъ, но въ глубинъ его души и сознанія что-то зарождалось, просилось наружу, требовало жизни.

XXI.

Фрицъ Бертингъ сидёлъ подъ старымъ, узловатымъ дубомъ и читалъ письмо, написанное знакомымъ почеркомъ.

.. Милый Фрицъ!

"Большое, большое теб' спаснбо за хорошенькія почтовкия варточен. Я, вавъ только получу отъ тебя въсточку, такъ н бъгу въ внежному магазину, гдъ въ овит выставлена большая географическая карта. На ней я отыскиваю то м'ясто, откуда ты мив написаль. Ради Бога, Фрицъ, будь адоровъ! Я не знаю, что со мною будеть, если что-нибудь случится съ тобою. Миж тогда и жить не надо, - что и безъ тебя? Господинъ Лемфинкъ встрътилъ меня недавно на улицъ и нашелъ, что у меня плохой видъ. Это отъ тоски по тебъ. Очень грустную новость должна я тебв сообщить. Недавно Людвигь Глюкъ написаль мив двв строчки карандаціомъ. Онъ опять слегь и поступиль въ больницу. Онъ меня умолнав придти въ нему. Я внала, что ты бы не разсердился, и пошла. Людвигь быль очень радь, и мы долго говорили о томъ времени, когда онъ жилъ у насъ въ домъ. Но онь быль очень плохъ, и больничный служитель сказаль мив, что онъ долго не выживеть. Онъ опять сталъ говорить мив, жакъ меня любить, и я не могла удержаться и очень планала. Тогда примель довторь и сказаль, чтобы я уходила, потому что больной очень волнуется. На другой день, вогда я пришла въ больвицу, мив свазали, что въ полночь Людвигъ умеръ. Мив очень жаль его, онъ былъ хорошій человівъ. Я проводила его до могалы, - вёдь вромё меня у него нивого нёть близкихъ. Мнё очень котелось поставить ему памятникъ, и я решила сделать это на заработанныя мною деньги, но мий стали делать разныя затрудненія. Тогда я обратилась къ довтору Лемфинку, и онъ быль тавъ добръ-все мей устроилъ. Ахъ, мой милый, милый Фрицъ, возвращайся спорве! Мив кажется, что я цвлую ввчность тебя не видала. Цёлую тебя тысячу разъ. Исвренно любящая тебя "Альма Лувсь".

Когда Фрицъ прочелъ это письмо, то ему захотелось уйти куда-нибудь подальше и побыть наедине съ саминъ собою. Онъ

объщаль въ этотъ день сдълать прогулку съ Анни Эшауеръ, но самая мысль объ этой повровительствующей ему дамъ стала для него невыносимой.

Чтобы попасть въ лёсъ, ему необходимо было пройти мимо веранды, на воторой сидёло все общество молодежи. Его стали звать, но онъ не пошелъ. До него донеслись слова: "поэтическій младенець Анни", сопровождаемыя дерзкимъ смёхомъ. Молодые люди не подозрёвали, до какой степени они облегчали ему его рёменіе уёхать. Письмо Альмы прозвучало для него какъ призывъ. Ему вспоминалось прошлое, и образъ любимой дёвушки, уже начинавшій блёднёть, всталъ передъ нимъ, какъ живой, на фонё ласкающаго яркаго пейзажа. Яснёе, чёмъ когдалибо, онъ сознавалъ, что любилъ только ее одну, любилъ все ея существо, здоровое и чистое, какъ горный воздухъ.

Между деревьями вдали мельвнуло врасное платье, и Фриць бросился бъжать въ самую глубь лъса, боясь встръчи съ Анни Эшауеръ и предстоявшаго разговора объ отъездъ.

Снова его мысли обратились въ Альмъ. Ему вспомнилось прощанье съ нею. Былъ тихій августовскій вечеръ. Поъздъ его отходиль въ первомъ часу ночи, ложиться спать не стоило. Въ послъдній разъ сидъли они въ вомнать, гдъ прожили вмъстъ цълый годъ. Альма горько плакала, а онъ неумъло утьшаль ее, сознаван, что причиной ея слезъ былъ страхъ потерять его во время разлуки. Вдругъ она съ страстнымъ порывомъ бросилась ему на шею. Все ея нъжное, стыдливое существо преобразилось. Вся она была олицетворенное желанье, горячее, могучее, побъждающее. Теперь онъ покорился ей, — она стала его властительницей. Унылое прощанье превратилось въ радостный праздникъ любви. У нея не было больше ни жалобъ, ни слезъ. Ему ясно представлялось выраженіе счастливаго торжества на ея лицъ и слышался увъренный голосъ: "До свиданья, мой Фрицъ"!

Страстная тоска по ней охватила его. Ему безумно захотвлось снова почувствовать привосновение нежимихь, но сильныхъ рукъ.

Только за объдомъ увидалъ Фрицъ Анни Эшауеръ. Все ея общество объдало по семейному за однимъ столомъ въ обширной столовой. Бертингъ извинился за свое внезапное исчезновеніе, объяснивъ его тъмъ, что получилъ письмо съ непріятнымъ извъстіемъ, и боядся нагнать на другихъ скуку своимъ обществомъ. Это извиненіе было встръчено насмъшливой улыбкой.

Теофиль былъ трагиченъ необывновенно: его симпатія въ чужой невъсть давала ему возможность считать себя однимъ наъ участниковъ драмы въ современномъ вкусь. Послъ объда Фрицъ и Анни встрътились на штрандъ, и онъ сообщилъ ей о своемъ отъъздъ. Онъ сказалъ, что его лучшій другъ, докторъ Лемфинкъ, боленъ и проситъ его пріъхать.

Анни насмъшливо посмотръла на него сбоку.

- Когда вы объ этомъ узнали? спросила она.
- Я сегодня утромъ получилъ письмо.
- У вашего друга удивительно дътскій почеркъ. Я бы сказала, судя по адресу, что это письмо писала кухарка или горничная. Итакъ, вашъ бъдный другъ такъ боленъ и, несмотря на это, пишетъ вамъ длиннъйшее письмо?

Фрицъ былъ болѣе равсерженъ, чѣмъ смущенъ, и спросилъ, съ вакихъ поръ стали контролировать его письма.

— Письмо все утро пролежало у привратника. Что это за женщина вамъ пишетъ?

Фрицъ ръшилъ, что поддерживать ложь было бы недостойно его и Альмы.

- --- Это письмо я получиль оть одной милой, доброй дъвушки.
- И эта кухонная фея—или что такое она тамъ изъ себя представляетъ—приказываетъ вамъ вернуться?

Фрицъ преврительно пожалъ плечами и ничего не отвътилъ.

— Ради Бога, убзжайте! — воскликнула Анни ядовитымъ тономъ. — Вернитесь въ объятія этого благороднаго созданія! Можно было сразу догадаться, какого сорта муза васъ вдохновляеть!

Фрицъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Въ первый разъ насившливая, холодная Анни потеряла всякое самообладаніе. Глаза ея сверкали, но губы предательски вздрагивали, такъ что каждую секунду можно было ожидать, что она расплачется. Однако она быстро овладёла собой.

— Очень жаль!—начала она уже совсёмъ другимъ тономъ.— Я такъ къ вамъ привыкла, Фрицъ, и надёнлась, что вы поёдете вмёстё со мною въ Берлинъ.

Онъ поблагодарилъ ее за ея доброту и сказалъ, что никогда не забудетъ всего того, что она для него сдълала. Она прервала его, неестественно разсмъявшись, и въ доказательство того, что не имъетъ ничего противъ его отъъзда, предложила заплатитъ за его обратный билетъ. Фрицъ покраснълъ. Ему было стыдно за женщину, въ эту минуту ничъмъ не отличавшуюся отъ окружавшихъ ее людей. Онъ поблагодарилъ ее, но сказалъ, что у него есть золотые часы, и онъ продастъ ихъ въ крайнемъ случаъ. Затъмъ онъ быстро простился съ Анни Эшауеръ,

и невольно вспомнилъ слова Заратустры въглавъ о цъломудріи: "Не лучше ли попасть въ руки убійцы, чъмъ въ мечты страстной женшины?"

XXII.

Фрицъ не предупредилъ Альму о своемъ воввращени и съ вокзала прямо пробхалъ на ея новую квартиру. Онъ не воображалъ, что она будетъ до такой степени радоваться. Она, буквально, не знала, что делать отъ восторга. То начинала смёнться, то плакать. Обнимала его, хлопала въ ладоши, бёгала но комнать и снова обнимала его. Потомъ, успоконвшись немного, показала ему свое новое помещение. Оно было лучше прежняго, чище, и хозяйка помещалась совсёмъ отдельно, въ конце длиннаго коридора. На столе стоялъ свежий букетъ розъ, подарокъ доктора Лемфинка, не забывшаго Альму во все время отсутствия Фрица. Денегъ у Бертинга не было, онъ отдалъ последние пфенниги носильщику; у Альмы ихъ тоже было мало, но она всетаки сбёгала въ магазинъ и принесла бутылку вина и любимыя Фрицемъ сласти, чтобы отпраздновать должнымъ образомъ его возвращеніе.

Бертинтъ лежалъ на диванъ и мечталъ. Сумерви сгущались. Кавъ хорошо было, что онъ вернулся, кавъ очаровательна была Альма! Она думала, что онъ васнулъ, и тихо двигалась по вомнатъ, улыбаясь и напъвая дътскую пъсенку. Онъ чувствовалъ себя счастливъйшимъ человъкомъ. Когда она наврыла на столъ, уврасивъ его букетомъ Лемфинва, Фрицъ всталъ и съ удовольствіемъ подсълъ въ закускъ, тавъ кавъ ему очень хотълосъ тъсть. За то до двига ва закускъ, тавъ кавъ ему очень хотълосъ тъсть. За то деяти прочимъ всталавнула, но печальное настроеніе продолжалось у нея недолго. Она весело убрала со стола, и они устансь рядомъ на диванъ, не зажигая ламиы.

Разговоръ зашелъ о будущемъ. Фрицъ собирался найти себъ отдъльную комнату. Онъ чувствовалъ въ пальцахъ писательскій зудъ и, кромъ того, котълъ зарабатывать кучу денегъ. Онъ погладилъ руки Альмы, прибавивъ, что въ будущемъ ей не придется колоть себъ пальцы иглой, — онъ будетъ работать за двоихъ. Альма притихла. Она положила голову на плечо Фрица и о чемъ-то глубоко задумалась. Онъ поцъловалъ ее въ глаза и въ губы, но она улыбнулась отсутствующей улыбкой, точно во снъ. Послъдній слабый свъть уходящаго дня проникъ въ комнату

свозь маленькое окно. Углы комнаты уже тонули въ темнотъ. Весь міръ затихъ, все ушло куда-то; они были одни на свътъ, они вавоемъ.

Онъ обняль ее и хотъль страстно прижать къ себъ, но она засково и нъжно отстранила его руки. Онъ не могь понять, почему она не отвъчала на его ласки, послъ такой долгой разлуки. Въ первый разъ онъ встръчаль въ ней такое равнодушіе.

Она вся задрожала, обвила руками его шею и прижалась лицомъ къ его лицу, точно ища у него защиты отъ него же самого. Онъ чувствовалъ, накъ лобъ ея сталъ влажнымъ, руки похолодъли, а горячее, прерывистое дыханіе обжигало ему щеку. Она собиралась заговорить, но не ръшалась, и наконецъ прошептала ему что-то на ухо.

Онъ страшно испугался. Только не это, ради Бога только не это!

— У тебя... ты?..

Вивсто ответа она еще ближе прижалась въ нему и вивнула съ улыбкой, закрывъ глава. Ему казалось, что передъ нимъ вдругъ распрылась бездна, и оттуда насмешливо глядело на него что-то невиданное, безформенное, отвратительное, и волосы шевелились у него на головъ. Ему хотълось вскочить и оттолкнуть отъ себя Альму; но она врвико обвила его руками, ласкала и ціловала его. Тайна ея была открыта, и вся сдержанность ея исчезла. Она напомнила ему о томъ вечеръ, вогда они прощались передъ его отъвздомъ. Тогда это и случилось. Въ ея словахъ онъ слышаль блаженство и торжество женщины, самое страстное желаніе которой исполнено. Такъ вотъ что значиль ея безумный порывъ! Теперь онъ испытываль отвращение и страхъ въ ея существу, завлючавшему въ себв удивительную, ужасающую тайну. Онъ чувствоваль, что его обманули, перехитрили. Исчевъ аромать любви; весенняя свёжесть ихъ свободныхъ отношеній ствинась грубымъ безобразіемъ жизни: физическимъ закономъ, заботой о семьй, о будущемъ ребений, который скоро начнеть предъявлять свои права къ матери и къ нему...

XXIII.

Такъ какъ у Фрица еще не было отдъльной комнаты, то онъ по неволъ долженъ былъ переночевать у Альмы, но на другое же утро отправился искать себъ помъщеніе и взялъ первое попавшееся, чтобы только не чувствовать себя вполнъ безпріютнымъ. Печальный это быль день. Моросиль дождь; все тонуло въ туманъ, на улицъ — грязь, и у прохожихъ — мрачныя, озабоченныя лица. Точно кто-то провель чудовищной кистью, обмокнутой въ сърую краску, по красивому городу и смазаль и стеръ съ него все яркое, веселое и живое. Все это особенно дъйствовало на нервы послъ яркаго солица и смъющагося пейзажа, къ которымъ онъ привыкъ за послъднія недъли.

Визить въ Вейсблейхеру не улучшиль его настроенія. Издатель сообщиль ему, что хотя его романь и хорошо расходился, такь что въ Рождеству онъ предполагаль выпустить его вторымь изданіемь, тъмъ не менье, за покрытіемъ расходовь, денегь оставалось не болье ста марокъ. Фрицу, предполагавшему жить на двъ квартиры, это было особенно непріятно. И что теперь дълать? Его преследовали слова, которыя Альма вчера вечеромъ прошептала ему на ухо. Они отнимали у него всякую энергію, давили его къ землъ. Приняться за новый романъ, какъ совътоваль ему издатель, казалось невозможнымъ.

Онъ ръшилъ повидаться съ Лемфинкомъ.

Отъ Альмы онъ узналъ, что его другъ перевхалъ и поселился за городомъ. Фрицъ отправился къ нему по конкъ. Домъ, гдъ жилъ Лемфинкъ, примыкалъ одной ствной къ скалъ, а передъ окнами его былъ расположенъ небольшой садъ. Всегдашней мечтой Лемфинка было поселиться въ такой обстановкъ. Доктора не было дома, когда явился Бертингъ. Онъ, по словамъ хознина, увхалъ въ редакцію и долженъ былъ скоро вернуться. Фрицъ осмотрълъ давно знакомые ему предметы въ комнатъ друга: бюстъ Гете, дорогую гравюру на мъди съ портрета Бисмарка, Ленбаха, и два политипажа Томаса.

Своро возвратился изъ города Лемфинвъ и радостно привътствовалъ Фрица. Пока онъ умывался въ сосъдней комнать, Бертингъ долженъ былъ подробно разсказать ему о своемъ путешествіи. Потомъ хозяинъ самъ затопилъ печку, зажегъ лампу, приготовилъ чай и разставилъ на столъ мясные и рыбные консервы, масло и хлъбъ. Хозяинъ дома былъ вдовецъ, и мужчины справлялись съ хозяйствомъ сами. Послъ закуски Лемфинкъ поставилъ на столъ коньякъ, красное вино, лимонъ, сахаръ и горячую воду. Фрицъ ръшился наконецъ заговорить объ Альмъ, и изъ словъ Лемфинка понялъ, что тотъ ничего не зналъ объ ея положеніи. Онъ самъ сообщилъ ему эту новость, надъясь найти сочувствіе, но Лемфинкъ принялъ извъстіе совсъмъ иначе. Онъ былъ радостно удивленъ и поздравилъ своего друга. Онъ надвялся, что теперь Фрицъ сдвлаетъ то, что давно долженъ былъ сдвлать, т.-е. жениться на Альмв.

- Это такое счастье для васъ обоихъ! закончиль онъ свою ръчь.
 - Для Альмы можеть быть, но для меня?
- О твоемъ счастьй здёсь рёчи быть не можетъ. Вопросъ въ томъ, хочешь им ты поступить, какъ порядочный человёкъ.
- Ну, у тебя сейчасъ на сцену явятся понятія абсолютнаго добра и абсолютнаго вла, которыхъ, какъ тебъ извъстно, я не признаю.
- Нѣтъ, вѣдь самый простой рабочій, никогда не употребляющій этихъ словъ, отлично знаетъ, какъ ему нужно поступить, если онъ находится въ твоемъ положеніи; такъ что тутъ дѣло только въ честности.
- Это ужъ слишкомъ! Ничего безчестнаго въ моемъ поведеніи ивтъ. Альма отлично знала, что я не собирался жениться.
- Это одно изъ доказательствъ ея трогательной привазанности къ тебъ. Я тебя знаю, и поэтому увъренъ...
- Еслибы ты меня зналь, то поняль бы, что такая женитьба для меня погибель, —по крайней мёрь, какь для писателя.
- По моему, для тебя гораздо опаснее отваваться отъ нея, и я уверень, что ты поступишь такъ, какъ тебе сважеть внутренній голосъ.

Фрицъ не возражалъ больше и посидёлъ еще у своего друга, чтобы не повазаться обиженнымъ. Они простились по обывновенію дружелюбно, но у Бертинга было такое чувство, какъ будто что-то порвалось въ ихъ отношеніяхъ.

XXIV.

Устроившись въ новомъ помѣщеніи, Фрицъ рѣшилъ писать новый романъ. Нужда заставляла его работать, и онъ не сталъ, какъ прежде, ждать вдохновенія. Темой для новой повѣсти онъ взялъ приключеніе съ штукатуромъ Людвигомъ Глюкомъ. Надъ нервой своей вещью онъ работалъ совсѣмъ иначе. Она вся вынилась изъ глубокаго и сильнаго настроенія, обстановка для дѣйствія подошла сама собою. Теперь же у него имѣлся только одинъ интересный карактеръ,—все остальное надо было подогнать къ нему. Героиней повѣсти являлась безсердечная кокетка, не умѣющая оцѣнить рѣдкой любви обожающаго ее человѣка.

Тоиъ VI.—Нояврь, 1902.

Вокругъ этихъ двухъ типичныхъ представителей извъстной среды группировались остальныя второстепенныя и третьестепенныя лица повъсти.

Фрицъ работалъ съ утра до ночи, и съ каждой новой главой произведение заинтересовывало его самого все больше и больше. Ему казалось, что онъ сделалъ шагъ впередъ, перейди отъ фивіологін въ психологін. Усталость, охватывавшая его въ вечеру. служила благовиднымъ предлогомъ, чтобы не идти въ Альмъ. Его работа стояла у него на первомъ планъ, и онъ тщательно избъгалъ всего непріятнаго, что могло нарушить его художественное настроеніе. Хозяйкі онъ сказаль нивого не принимать, но однажды въ нему явилась нежданная гостья. Это была толстощевая горинчиая Китхенъ. Она принесла ему свертовъ отъ Гедвиги фонъ-Лаванъ, сообщила, что барышин вернулись изъ лътняго путешествія и много равъ о немъ вспоминали, многовначительние, чимъ вогда-либо, улыбнулась и исчезла. Въ свертки оказались рукопись и письмо. Гедвига писала, что просить его высказать свое суждение объ ея разсказв. Отъ тетокъ она скрывала свои литературныя занятія, во избіжаніе лишнихъ разговоровъ и недоразуменій. Она просила Фрица придти и лично высказать ей свое мевніе. Разсказь быль написань въ формъ переписки невъсты съ своимъ женихомъ и съ другимъ, имъвшимъ на нее права еще раньше жениха. Видно было по иввоторымъ неумълымъ пріемамъ и противоръчіниъ, что это было первое произведеніе, но авторъ вполив овладель своимъ стожетомъ, несмотря на его трудность, и три действующія лица вышли живыми, хотя авторъ не прибавиль отъ себя ни строчки и разсказъ вончался письмомъ невъсты въ своему первому другу каванунъ свадьбы. Фрицъ собирался самъ отнести рукопись, но какъ разъ въ это время получилъ телеграмму отъ своего друга, барона Шубсваго, возвъщавшаго, что остановится у него два дня провздомъ изъ Парижа въ Краковъ. Это посвщение было очень невстати, потому что Бертингъ долженъ былъ работать, но все-таки онъ быль польщень вниманіемь знаменитаго собрата. Михаилъ Шубскій быль моднымь писателемь. Онъ издаль маленькій сборникь стиховь, написанныхь подъ влінніемь Поля Верлена, потомъ маленькую внижку эскизовъ и разскавовъ, напоминавшихъ не то Эдгара Поэ, не то Гюнсманса. Навонецъ, онъ написалъ вровавую драму изъ временъ польскаго возстанія. Но всего удачиве были его критическія статьи. Его наблюденія вращались главнымъ образомъ въ области физіологіи современной любви. Онъ изучиль до мельчайшихъ подробностей всь пороки и извращенія, преимущественно ть, которые имъють отношеніе къ религіи. Занимался также и оккультизмомъ. Имъть сношенія съ Михапломъ Шубскимъ значило быть знавомымъ со всьии направленіями и школами, со всьми художниками и учеными, дававшими тонъ современному всемірному литературному оркестру.

Шубскій прівхаль съ ночнымъ скорымъ повздомъ, и Фрицъ встретиль его на вокзале. Несколько времени просидели они въ ресторане отеля, где Шубскій остановился. Онъ потребоваль абсента и громко выругался, услыхавъ, что ресторанъ не держить его любимаго напитка. Внёшнимъ образомъ Шубскій мало изменился: у него было то же утомленное, блёдное лицо, низкій лобъ и широкій черепъ, тё же довольно длинные беловурые волосы, маленькій ротъ, красивый аристократическій носъ и тонкія руки. Въ общемъ онъ производилъ женственное впечатленіе.

На другой день въ двенадцати часамъ Шубскій явился въ жвартиру Фрица, жалунсь на отвратительный кофе, поданный ему въ гостинницъ, и умоляя дать ему чего-нибудь возбуждающаго. Бертингъ, всегда самъ варившій себъ кофе, приготовилъ ему стаканъ връпчаншаго мокка. Остальной день они посвятили осмотру города. Шубскій объявиль, что пішкомъ ходить не можеть, и они ватались изъ улицы въ улицу въ продолжение нъсвольких часовъ, причемъ Шубскій съ усталой, скучающей миной отвинулся на подушку эвипажа и только изръдка ронялъ какой-нибудь вопросъ. Когда они сошли съ извозчика, то баровъ Шубскій ничемъ не выразиль намеренія заплатить ему, и пришлось это сдёлать Фрицу. Онъ предложилъ своему другу пойти въ концертъ или въ оперу, но Шубскій объявиль, что пъмецкая музыка дъйствуетъ ему на нервы. Они отправились въ кафе, гдъ, въ радости парижскаго гостя, нашелся абсенть и гдв заплатить опять пришлось Фрицу. На другой день Шубскій явился уже после двенадцати часовъ. Онъ быль въ вартинной галерев. Сужденіе его было коротко и ясно: старыя картины свучны, какъ вездъ, а такъ называемыя современныя достойны сивка. Онъ попросиль дать ему, какъ вчера, крыпкаго кофе, для поддержанія ослабъвшихъ нервовъ, и что-нибудь почитать.

— A это чье такое? — спросиль онъ, приподнявъ высово рукопись Гедвиги фонъ-Лаванъ.

Фрицъ объяснилъ ему, кому принадлежала рукопись, втайнъ ведовольный, что она попалась его гостю. Шубсвій перелисталь и**всколько страниць и углубился въ чтеніе, улегшись на** дивань и прихлебывая кофе.

- Веше мийніе? спросиль Фриць, когда онъ вончиль читать.
- Это документъ! Ръдкій въ Германіи документъ высшей нервной культуры. Великолъпное презръніе предразсудковъ. Пари держу, что авторъ—породистая женщина. Замужемъ она?
 - Она почти ребеновъ! Ей семнадцать лътъ!
- Новое довавательство того, что женщина инстинктомъ понимаетъ и знаетъ извъстныя отношенія. Мив хотьлось бы съ ней познакомиться.

Фрицъ ничего не могъ возразить на это, и они отправились въ домъ фрейлейнъ Китхенъ. Къ сожаленію, они нашли Гедвигу въ обществъ тети Иды. Шубскій, раскланявшись со старухой, обратилъ все свое вниманіе на племянницу, а Фрицу пришлось занимать тетушку.

Старушка стала жаловаться на плохое здоровье сестры. У нея не проходилъ катарръ легвихъ, и доктора опять посылаля ихъ на югъ.

Бертингу очень хотелось спросить, быль ли съ ними въ Интерлакене Вальдемаръ Гесловъ, но онъ боялся, что Гедвига услышить его вопросъ. Она въ это время разговаривала съ барономъ на превосходномъ французскомъ явыке; причемъ онъ сообщаль ей о новомъ христіански-мистическомъ направленія французской литературы. Взглядывая сбоку на Гедвигу, Фрицънашелъ, что она за лето похорошела и пополнела, и сообщилъ объ этомъ тете Иде. Старушка была очень довольна. Очевидно, это было действіе швейцарскаго воздуха. Гедвига делала большія восхожденія на горы. Оне боялись ее отпускать, но, къ счастью, Вальдемаръ Гесловъ вызвался ей сопутствовать. Фрицъузналъ, что ему было нужно, и такъ какъ разговоръ съ тетей Идой больше не интересоваль его, то онъ, при первой же возможности, всталъ и началъ прощаться.

XXV.

Остальную часть вечера они провели въ ресторанъ, гдъ Шубскій самъ составилъ меню ужина, начинавшагося съ устрицъ и заканчивавшагося пуншемъ. Къ каждой перемънъ было заказано соотвътствующее вино, и за все это долженъ былъ платить Фрицъ, такъ какъ Шубскій замътилъ ему при случаъ, что его финансы въ плохомъ состояніи и что онъ телеть въ Краковъ, чтобы упрочить за собою накое-то наслёдство.

Кушая камбалу съ голландскимъ соусомъ и запивая ее шабли, Шубскій высказалъ свое митніе о фрейлейнъ фонъ-Лаванъ. Гедвигу онъ причислялъ къ ттмъ немногимъ, нервнымъ, впечатлительнымъ и породистымъ женщинамъ, которымъ принадлежало будущее. Для него она являлась типичной представительницей своего пола. Фрицъ возразилъ, что ему Гедвига представлялась болъе интересной въ умственномъ отношении; женственности, какъ ему казалось, въ ней было мало.

— Ну, въ такомъ случав, вы въ области психологіи мальчишка и щеновъ, извините, милъйшій мой! — воскликнулъ Шубскій. — Съ такими-то глазами да не женственна! Все можеть быть обманчиво въ женщинв, кромв глазъ. Глаза выдаютъ всв ихъ тайны, и по глазамъ фрейлейнъ Лаванъ и вижу, что она вообще слишкомъ рано созръла, и въ ней, пожалуй, есть даже наклонность въ порочности. У нея не только воображеніе развито, у нея и опыть есть, для меня это ясно...

Фрицъ сталъ горячо возражать, но невольно подумалъ о Вальдемаръ Гесловъ.

Между тімь Шубскій, подъ вліяніемъ вина, замітно оживился; его разочарованный, усталый видъ исчезъ, и онъ сталь болтать безъ умолку.

- Кто вы такое съ вашей Германіей?—ораторствоваль онъ, уплетая рябчика и запивая его шампанскимъ. —Вы мужики! Въ этомъ причина вашей ховяйственной силы и культурной слабости. Современное человъчество живетъ нервами, ими оно замънило силу. Въ этомъ же причина и вашихъ политическихъ услъховъ. Сильный мужикъ побъждаетъ слабаго нервнаго человъка. Бисмаркъ естъ конецъ, а не начало эпохи. Герой будущаго будетъ побъждатъ совсъмъ иначе. Ницше не нъмецъ, онъ достояніе всего міра; даже Шопенгауеръ и тотъ среди васъ —бълый воронъ. Вагнеръ типиченъ для Германіи, онъ истый нъмецъ по работоспособности и энергіи, но въ художественномъ отношеніи Листъ и Шоненъ превосходять его.
- Ваше мивніе слишкомъ субъективно, перебиль его **Фрицъ.**—Не заговориль ли въ васъ патріотизмъ?

Миханаъ Шубскій вскочиль съ своего м'вста, но тотчась же снова свять и подперъ голову рукою.

- Я не хотълъ васъ обидъть, свазалъ Фрицъ.
- Нътъ, другъ мой!—восвливнулъ Шубскій съ пасосомъ и пожалъ ему руку.—Вы мит только напоминли объ одной старой

мечтъ. И я мечталъ вогда-то о независимости Польши. Но, бытъ можетъ, мы предназначены для чего-нибудь высшаго, чъмъ внъшнее могущество.

Кельнеръ подалъ кофе и спросилъ, какіе прикажуть подать ликеры. Шубскій ванялся выборомъ ихъ и выказалъ при этомъ тонкое пониманіе знатока. Кельнеръ принесъ цёлую батарею бутылокъ и кувшинчиковъ голландскаго, французскаго, нёмецкаго и итальянскаго происхожденія. Красивыя руки барона дрожали, когда онъ бралъ бутылку, глава блестёли и онъ произносилъ отрывистыя, короткія фразы, какъ въ бреду.—Въ будущемъ у насъ будетъ—не искусства, а одно искусство, не наслажденія, а наслажденіе. Запахи, краски, звуки—все въ одномъ!

Онъ налилъ въ рюмки черри-бранди и произнесъ, отхлебывая маленькими глотками темно-красную жидкость:

— Горько и сладко; напоминаеть еще не распустившуюся молодую дъвушку.

Онъ закурилъ ароматную папиросу и продолжалъ:

— Завтра я убажаю. Вы меня не провожайте, —жаль было бы испортить впечатятніе этихъ прекрасныхъ часовъ, и кромъ того я и такъ отнялъ у васъ много дорогого времени. Но в хочу на прощанье поговорить съ вами о вашей внигъ, которую вы были такъ добры прислать мив. Это - сильная вещь, въ ней есть вости и мускулы, но недостаеть нъжныхъ линій и преврасной гладкой вожи. Вы меня понимаете? Кром'в того, вашъроманъ сдёланъ слишкомъ по методё почтеннаго Зола, а мы эту методу уже отставили. Но я вовлагаль на вась большія надежды, Бертингъ. Многіе изъ вашихъ стиховъ свидътельствовали о томъ, что вы -- одинъ изъ ищущихъ ощупью новыхъ откровеній. Вы-одинъ изъ нашихъ; я съ сегодняшняго дня причислию васъвъ нашинъ. Не даромъ я завхалъ сюда: я имвлъ счастье сраву выудить двухъ людей. Ахъ, эта девушка произвела на меня неизгладимое впечатленіе! Точно я узналь еще новый аромать въ жизни. Я готовъ плакать, что не увижу ен больше. Дарю ее вамъ. Онъ поднялъ ставанъ съ шампанскимъ, выпилъ его и бросиль черезь плечо. - Ну, а теперь перейдемь къ высочайтему изъ вськъ ощущеній, - къ абсенту.

Пробужденіе Бертинга на другой день было самое тягостное. Во-первыхъ, у него съ похмелья страшно больла голова; во-вторыхъ, онъ перечелъ свою повъсть, нашелъ ее невозможной и влобно затиснулъ въ ящивъ стола; въ-третьихъ, ему все время

мучительно вспоминалась сквозь винные пары фигура вельнера со счетомъ. Когда онъ наконецъ ръшился заглянуть въ кошелевъ, то тамъ ничего не оказалось, и онъ съ увлечениемъ провляль своего друга барона со всёми его преврасными словами. Не зная, что съ собою дёлать, онъ отправился въ вофейную, чтобы просмотрёть газеты. Тамъ онъ встрётилъ Зильбера, Теофиля и съ ними еще молодого человъка, Маркуса Гизеля. Ихъ познакомили, и Зильберъ заявилъ, что ови втроемъ только-что говорили о Бертингъ и имъютъ къ нему важное дъло. Фрицъ съ удивленіемъ разглядываль этотъ тріумвиратъ. Зильберъ, по обывновенію, быль очень б'ёдно одёть; востюмъ Теофиля поражалъ своимъ великолепіемъ, и въ этомъ отношеніи его еще превосходиль Маркусъ. Бертингъ вспомниль, что г-жа Гильшіусъ говорила ему объ этомъ своемъ родственники, называя его "деваденть Маркусъ". Трудно было себъ представить болъе изнъженнаго юношу съ болве утонченными манерами и съ болве выхоленными руками. Теофиль глядёль на него съ восхищениемъ и во всемъ подражаль ему.

- Мы собираемся основать журналь, объявиль Зильберь, такой журналь, какого въ Германіи еще не было. Онъ будетъ основанъ исключительно на эстетическихъ принципахъ.
- Это все прекрасно, но вто же дастъ деньги для журнала?—спросилъ Фрицъ.
- Уже дали, вотъ пробный нумеръ! съ торжествомъ заявилъ Зильберъ и передалъ Бертингу нѣсколько напечатанныхълистовъ. Тутъ было начало романа "Въ Гетто", стихотвореніе Теофиля-Алонза и афоризмы Маркуса Гизеля.
- Обратите вниманіе на виньстви и заставки,—сказаль Зильберъ:—все будеть строго выдержано въ изв'ястномъ стилъ. Журналъ будетъ называться "Импрессіонистъ". Я назначенъ редакторомъ, а эти молодые люди—соредакторами.

Соредавторы встали и удалились, причемъ Теофиль усердно, но не вполнъ успъшно старался кивать съ меланхолической ульбеой на прощанье и шагать такъ же неслышно, какъ Маркусъ. Послъ ихъ ухода, Зильберъ заговорилъ совершенно другимъ тономъ. Г-жа Гильшіусъ хотъла найти занятіе для своего сына и видала значительную сумму на журналъ. Такую жы сумму пожертвовалъ и Маркусъ. Они считали себя хозяевами журнала, во настоящимъ хозяиномъ былъ Зильберъ. Онъ искалъ подходящихъ сотрудниковъ и сталъ упрашивать Бертинга дать что-нибудь въ новый журналъ.

— У меня есть одна начатая вещь, но не знаю, подой-

деть ли она вамъ, — неръшительно проговориль Фрицъ, и передаль въ нъсколькихъ словахъ содержание повъсти.

— Отлично, боевая вещь!—воскликнулъ Зильберъ.—А какой вы хотите получить гонораръ?

Фрицъ зналъ, что Зильберъ сочтетъ его за дурака, если онъ назначить мало, и назвалъ довольно значительную сумму. Зильберъ на мгновеніе закрылъ глаза и проговорилъ, тщетно стараясь сврыть торжествующую улыбку:

— Вы позволите мив, Бертингъ, ивсколько округанть эту сумму.

XVI.

У Фрица не было времени часто ходить въ Альмъ. Всего охотиве посвидаль онь ее по вечерамь, когда слишкомь уставалъ отъ работы. Онъ часами просиживалъ въ ен вомнатв, отдаваясь своимъ мыслямъ, и просилъ ее не зажигать огня. Ему непріятно было видіть, какъ быстро измінялись ея фигура и лицо. Альма пробовала заводить разговоръ, разсказывала о разныхъ пустявахъ. Прежде они интересовали и забавляли его, но теперь обывновенно онъ отвъчаль ей вздохомъ или подавленнымъ звивомъ. Тогда она пыталась въ темнотв погладить его по щекъ или по волосамъ, но онъ говорилъ, что у нея шаршавые пальцы отъ иголки и что они зацепляють. Альма неслышно глотала слезы, боясь, чтобъ онъ ихъ не замётилъ. Онъ не выносиль плача, и пожалуй не сталь бы больше приходить. Теперь она боролась не столько за себя, какъ за своего будущаго ребенва. Ей такъ хотвлось сохранить ему отца. Она не сердилась на Фрица за его ръзкости и холодность въ ней. Она была ему слишкомъ благодарна за прошлое счастье. Сидя за одинокой работой, она снова переживала до мельчайшихъ подробностей все сцены ихъ прошлой совместной жизни. Кроме того, ее уже начало захватывать материнское чувство, и она инстинктивно заботилась о своемъ ребенкъ, стараясь избъгать непріятныхъ впечатленій и волненія. Совивстная живнь съ Фрицемъ была бы для нея теперь ядомъ, и она втайнъ радовалась, что онъ не требовалъ отъ нея никакихъ ласкъ. Въ ней уже зарождалось новое чувство въ нему: довърчивая привязанность женщины въ отцу ен ребенка. Чувства Фрица были совсвиъ другого рода.

Онъ смотрёль на то, что составляло счастье Альмы, какъ на неизбёжное несчастье. Онъ сознаваль, что поступаеть не

но рыцарски, грубо отталкивая отъ себя эту бъдную, беззащитвую женщину, но не могь поступать иначе. Теривніе, съ кавых она переносила его выходки и дурное настроеніе, раздражало его больше, чёмъ всякое возмущение и сопротивление. Бывали дни, вогда онъ начиналъ жалеть ее и чувствовалъ въ ней бівгодарность, вспоминая, какъ она была въжна и какъ помогала ему въ трудныя минуты жизни. Онъ ръщаль быть добрымъ въ ней и обращаться съ нею осторожно, помня, въ какомъ она положенія. Но достаточно было одного слова, одного вздоха, одного вида ея, напоминавшаго ему о томъ, о чемъ онъ не хотыт помнить, чтобы снова въ немъ закнивлъ гиввъ и раздраженіе. Какъ она, такъ и онъ защищаль своего ребенва-свое искусство. Яснве, чвиъ вогда-либо, онъ видваъ, что продолженіе этихъ отношеній грозило гибелью его творчеству. Они ста новились похожи на дурную привычку, отъ которой не хотятъ отделаться изъ лени и страха потерять известное удобство. Бертинга это возмущало, потому что онъ чувствовалъ себя выше всего этого. Онъ жладновровно равсуждаль о томъ, что чувство матери будеть у Альмы сильнее любви въ нему, и что она уже начинала смотръть на него, вакъ на отца своего ребенка, обязаннаго содержать этого ребенка и ее.

Единственнымъ спасеніемъ для него и для нея могла бы явиться дружба, но для этой дружбы въ прошломъ было слиштомъ мало духовнаго единенія, возможнаго только у двухъ людей, стоящихъ на одномъ уровнъ умственнаго развитія. Альма возлагала всъ свои падежды на ребенка и наивно воображала, что онъ явится связующимъ ввеномъ между нею и Фрицемъ.

После разговора объ Альме, Бертингъ не видался съ Генрихомъ Лемфинкомъ. Въ кафе Лемфинкъ больше не приходилъ, съ техъ порь какъ поселился за городомъ, а самому отправиться навестить друга, после возникшаго между ними недоразуменія, у Фрица не было охоты. Онъ втайне надеялся, что встретить Лемфинка случайно на улице, и все обойдется само собою. Этой встречи, однако, не произошло, но онъ получилъ отъ друга короткое письмо, видимо написанное очень спешно. Лемфинкъ писалъ, что сестра сообщила ему о серьезной болезни матери, и что онъ убъжветь на родину.

XVII.

Уже нъсколько недъль тому назадъ Фрицъ Бертингъ получиль отъ г-жи Гильшіусь любезную записку съ напоминаніемъ,

что по средамъ она всегда дома и рада видёть у себи своихъ друзей. Знаменитости, собиравшіяся у очаровательной вдовы, не особенно привлекали Бертинга, но не отояваться совсёмъ на приглашеніе было нев'єжливо, и Фрицъ, въ одну изъ ближайшихъ средъ, сврепа сердце, отправился въ г-же Гильшіусъ.

Онъ засталь тамъ уже довольно большое общество. При входъ въ залу ему бросилось въ глаза много знакомыхъ лицъ. Длинноволосые поэты были на лицо, а черноволосыхъ и бълокурыхъ поэтессъ съ прошлой зимы, казалось, еще прибавилось.

Фрицъ прошелъ черезъ залу. Онъ искалъ хозяйку дома и на ходу раскланялся съ Теофилемъ-Алонзомъ и Маркусомъ Гизелемъ. Г-жа Гильшіусъ сидъла въ гостиной и о чемъ-то горячо спорила съ Вейсблейхеромъ и профессоромъ Вальборгомъ. Фрицъ уже съ порога комнаты услышалъ, что говорили объ "Импрессіонистъ". Голосъ Вейсблейхера звучалъ раздраженно, и по виду стараго профессора можно было заключить, что онъ вполнъ сочувствуетъ издателю.

Замътивъ Бертинга, всъ трое сразу замолчали. Хозяйка поздоровалась съ гостемъ съ видимымъ смущеніемъ, Вейсблейхеръ овинулъ его негодующимъ взглядомъ, а Вальборгъ едва вивнулъ ему головой. Затъмъ снова наступило гробовое молчаніе.

Фрицъ понялъ, что онъ вдёсь лишній, и отправился въ залу, гдё сразу попалъ въ руки бёлокурой авторши "Плюща", и Фрицъ довольно разсёянно поблагодарилъ за присылку ен второй книги "Вёчно-зеленое" и проговорилъ что-то довольно туманное по поводу прелестныхъ стихотвореній. Сіяющее круглое лицо поэтессы вдругъ омрачилось.

— Но въдь это не стихи, а новеллы, г-нъ Бертингъ! — съ упрекомъ произнесла она. — Фрицъ смъщался. Онъ и не заглянуль въ присланную ему внигу, и, пробормотавъ что-то неясное, онъ поспъшилъ покинуть разобиженную поэтессу и пошелъ отмскивать Зигфрида Зильбера. Ему хотълось, чтобы всезнающій Кароль объяснилъ ему, что происходитъ въ этомъ домъ, такъ какъ въ настроеніи общества ему чувствовалось что-то непривычное для салона г-жи Гильшіусъ.

Онъ нашелъ Зильбера въ красномъ будуаръ, любимой комнатъ Анни Эшауеръ. Зигфридъ Зильберъ наскоро просматривалъ какую-то довольно объемистую рукопись, а передъ ними въ позъ ожиданія стоялъ одинъ изъ длинноволосыхъ. Замътивъ Фрица, онъ сложилъ листы и, сунувъ ихъ въ карманъ, покровительственно потрецалъ по плечу поэта. Затъмъ уже онъ поздоровался съ Фрицемъ.

- Бомба лопнула! тономъ дружескаго довърія обратился онъ въ Бертингу. Вчера только я сдаль на почту объявленія о нашемъ . Импрессіонисть", а сегодня всъ листви и газеты уже наполнены имъ. Не вкусенъ показался утренній кофе нашему знаменитому Вальборгу. Г-жа Гильшіусъ, Теофиль-Алоизъ и наконецъ самъ Маркусъ Гизель въдь все это его бывшіе върноподданные! Онъ надъялся на нихъ какъ на каменную стъну. И сколько еще ждетъ его разочарованій! Подумать страшно! Молодая дама, съ которой вы только-что говорили, уже спрашивала, когда можно меня застать въ редакціи. Въдь она тоже печаталась у Вейсблейхера. Приходило ли что-нибудь подобное въ голову этому Вейсблейхеру, когда онъ вабраковаль мой романь? Теперь онъ изо всъхъ силъ старается снова привлечь на свою сторону г-жу Гильшіусъ. Не туть-то было, въдь контрактъто у меня въ карманъ!
 - Вы и мое имя выставили на объявленіи?
- Само собой разумбется. Вы у насъ одинъ изъ столповъ. Вотъ, посмотрите.

И онъ показалъ Фрицу объявление о новомъ журналъ, переполненное громкими фразами. Тамъ говорилось и о "новыхъ свъточахъ", и о "новой занимавшейся заръ", и о "молодыхъ силахъ, рвущихся освободить искусство изъ оковъ и изъ-подъ гнетущей власти разныхъ устаръвшихъ авторитетовъ".

Только теперь поняль Фриць, о чемъ такъ спорили и горячились г-жа Гильшіусь и ея два собесъдника. Онь хотъль поговорить съ Зильберомъ, но того рвали на части. Всъ хотъли его видъть и перекинуться съ нимъ хоть нъсколькими словами. Фрицъ, какъ всегда, удивлялся ловкости и находчивости, съ какой Зильберъ обращался съ самыми разнообразными людьми. Никому изъ видъвшихъ его въ салонъ г-жи Гильшіусъ не могло придти въ голову, что этотъ увъренный въ себъ человъкъ когда-то торговалъ старымъ платьемъ.

Трогательное единомысліе, царившее обывновенно на собравіяхъ у г-жи Гильшіусь, было нарушено; на этотъ разъ ея гости шумъли и волновались точно пчелы, когда въ ульт нарождается новая матка. Профессоръ Вальборгъ стоялъ въ сторонт отъ встать, одиновій и встани забытый. Фрицъ, взглянувъ на него, нашелъ, что старикъ даже довольно эффектенъ въ своей новой роли развънчаннаго короля. Вейсблейхеръ, слопявшійся по залть съ видомъ хищника, у котораго вырвали изъподъ носа лакомую добычу, внушалъ ему гораздо ментье симпатіи.

Навонецъ, наступилъ моментъ самый знаменательный для

большинства гостей, по словамъ Анни Эшауеръ: подали ужинъ, и всъхъ попросили въ столовую.

Фрицъ Бертингъ, запасшись стаканомъ вина и кускомъ миса, усълся въ дальнемъ углу, откуда могъ сповойно наблюдать все общество.

Ему не хватало Анни Эшауеръ съ ея мѣтвими, остроумными словечками. Не было здѣсь сегодня и фрейлейнъ фонъ-Лаванъ,—а онъ тавъ надѣялся встрѣтиться съ нею.

На противоположномъ концъ столовой сидъли за отдъльнымъ столомъ Теофиль-Алоизъ, его кузенъ Маркусъ и двъ молодыя дъвушки. Барышни не спускали восторженнаго взгляда съ блъднаго лица и загадочныхъ глазъ многообъщающаго юноши. Во время ужина явился Вальдемаръ Гесловъ. Онъ пріъхалъ прямо изъ театра.

Онъ, какъ всегда, былъ великолъпенъ, но все его великолъпіе потускить отъ близости таниственнаго и загадочнаго Маркуса Гизеля. Появленіе его прошло почти незамъченнымъ, и онъ совершенно случайно очутился, съ тарелкой и стаканомъ вина, рядомъ съ Фрицемъ.

- Г-нъ Бертингъ! Вотъ пріятная неожиданность! проговорилъ онъ, здороваясь съ Фрицемъ, и тотчасъ же съ увлеченіемъ принялся за тду. Фрицу захоттлось узнать отъ него чтонябудь о Гедвигъ Лаванъ, и онъ спросилъ:
 - Вы часто посъщаете старушевъ Китхенъ?
- Нътъ! отвътилъ Гесловъ. Этой зимой я еще ни разу не собрался въ нимъ. Меня рвутъ на части, и я просто не въ состоянии принимать всъ приглашения.

И онъ снова съ прежнимъ увлечениемъ продолжалъ уплетать кушанье.

- А вто же этотъ молодой блёдный человёвъ въ томъ концё вомнаты?—вдругъ спросилъ Гесловъ, и вогда Фрицъ назвалъ ему Марвуса Гизеля, прибавилъ:
- Я нахожу, что съ прошлаго года общество стало здёсь гораздо хуже.

Несмотря на все свое желаніе что-нибудь выпытать у Геслова относительно Гедвиги и ихъ лѣтней встрѣчи въ Интерлавенѣ, Фрицъ не могъ ровно ничего добиться. Гесловъ увърялъ, что дамы только мѣшаютъ въ путешествіяхъ, и фрейлейнъ Лаванъ далево не такой хорошій ходокъ, какъ онъ надъялся.

XVIII.

Фрицъ получиль отъ Гедвиги Лаванъ письмо съ извѣщеніемъ, что тетушки отправились лечиться въ Каиръ, и съ приглашеніемъ посѣтить ее какъ можно скорѣе.

Онъ отправился въ ней и не засталь ен дома, но толстощекая горничная сказала ему, что барышня просила непремённо задержать до ен возвращения г-на Бертинга, если онъ придетъ безъ нен. Она провела Фрица въ комнату Гедвиги и подалаприготовленную для него книгу стихотворений Поля Верлена. Фрицъ вспомнилъ, что когда-то сказалъ Гедвигъ, что, къ сожалъню, мало знакомъ съ этимъ поэтомъ, и такое внимание съ ек стороны тровуло его. Но едва онъ принялся за книгу, какъ вернулась и сама ховяйка.

Онъ видълъ, что дъвушка ему обрадовалась, и это было ему врайне пріятно. Всмотръвшись въ Гедвигу, онъ нашелъ въ ней перемъну: она вся стала какъ-то проще и доступнъе, и онъ приписаль это отсутствію тетушекъ.

Она уговорила Фрица остаться и пообъдать вмъстъ съ нею, и послъ объда они опять сидъли вдвоемъ въ ен комнатъ и пили кофе изъ старинныхъ фарфоровыхъ чашекъ съ золочеными вранив. Тетушки держали эти чашки въ шкафу подъ стекломъ, а Гедвига пустила ихъ на каждый день. За кофе Фрицъ говорилъ съ дъвушкой о ен новеллъ и сказалъ, что у нен естъ несомнънный талантъ. Онъ даже посовътовалъ ей напечатать ен произведеніе, и, сверхъ ожиданія, она безъ всякихъ колебаній радостно ухватилась за эту мысль. Фрицъ находилъ, что самое лучшее—это напечатать новеллу въ ихъ новомъ журналъ, и заговорилъ съ Гедвигой объ "Импрессіонисть". Гедвига слушала его съ увлеченіемъ и ръшила отдать свою новеллу именно въ этотъ журналъ.

Съ этого дня Фрицъ Бертингъ сдълался почти ежедневнымъ гостемъ Гедвиги Лаванъ.

Она работала надъ своей новеллой по указаніямъ Фрица, а Фрицъ въ это время сидълъ обыкновенно рядомъ съ нею у ея письменнаго стола и читалъ. Иногда Гедвига брала книгу и читала вслухъ какія-нибудь стихотворенія, преимущественно французскихъ поэтовъ. Голосъ у нея былъ тихій и музыкальный, и Фрицъ очень любилъ ея чтеніе.

Онъ только-что повончилъ съ своей повъстью и отдалъ ее въ "Импрессіонистъ". Теперь свободнаго времени у него было очень много, и онъ цъликомъ отдавалъ его Гедвигъ. Съ каждымъ днемъ дъвушка привлекала его все больше и больше.

О Вальдемарѣ Гесловѣ Фрицъ почти забылъ. Гедвига теперь сидѣла постоянно дома и очень рѣдко бывала въ театрѣ. Въ домѣ она хозяйничала по-своему. Торжественную залу она освободила отъ всѣхъ ненужныхъ, загромождавшихъ ее вещей и обратила ее въ жилую комнату. Теперь, когда приходилъ Бертингъ, сюда переселялась съ своей работой Гедвига, и Фрицъ могъ, сволько ему было угодно, разгуливать по обширной комнатѣ.

Въ одинъ прекрасный день Фрицъ явился къ Гедвигъ съ первымъ нумеромъ "Импрессіониста", и они вмъстъ долго изучали его содержаніе. Нумеръ открывался обращеніемъ редактора къ публикъ. Здъсь Зильберъ, съ свойственнымъ ему красноръчіемъ, говорилъ о новыхъ путяхъ и сообщалъ, что журналъ будетъ преслъдовать, главнымъ образомъ, художественные интересы. Затъмъ слъдовало начало повъсти Фрица и отрывки изъ "Гетто" Зильбера. Нумеръ заканчивался аворизмами Маркуса Гизеля и стихами Теофиля-Алонза.

Фрицъ Бертингъ былъ разочарованъ, вогда увидёлъ свою повъсть въ печати. Его не удовлетворяла ни форма, ни содержаніе. Ему казалось, что онъ впервые ясно поняль главный недостатовъ своихъ произведеній. Его творчество было слишкомъ поверхностно. Недостаточно было, какъ онъ сделаль въ этой повъсти, взять эпизодъ изъ вседневной жизни и художественно обработать его. Нужно было захватывать жизнь гораздо глубже. Нужно было обладать зондомъ, проникающимъ въ еще нетронутыя, дремлющія глубины человіческой души, въ ті сврытые отъ глазъ резервуары человъческой натуры, гдъ всъ побуждени спять, какъ маленькія діти въ пруду, изъ котораго ихъ выносять аисты. Безсознательное растительное и животное существо, инстинкты и страсти должны обнаружить передъ художнивомъ всъ свои тайны, а онъ долженъ воплотить ихъ и вывести, торжествуя, на свъть Божій. Совершить это чудо послів музыви могла только лирическая поэзія, и Фрицъ Бертингъ вернулся въ своей первой любви: въ стихамъ.

Это они за последнія недели бродили въ немъ, то терзая его, то давая ему высшее счастье. Они зародились въ немъ давно. Еще путешествуя по морю съ "Заратустрой", почувствоваль онъ, вавъ они шевельнулись въ его душів, точно ребеновъ во чревів матери. Безобразныя и тяжелыя впечатлівнія жизня отдалили ихъ на время, но теперь они брызнули вристальнымъ потокомъ изъ его души.

II-на С-ва.

МЕЛКІЕ ПРОМЫСЛЫ

RЪ

АНГЛІИ

Многіе вкономисты-теоретики такъ-навываемой "классической нколи" считають кустарные и полу-кустарные промыслы лишь остаткомъ старины, обреченнымъ на исчезновеніе, и чёмъ скорёе, тёмъ лучше. По ихъ мнёнію, всякая попытка изслёдованія этихъ исчезающихъ промысловь— не болёе какъ безплодная трата вречени. Въ первой половинё истекшаго столітія, когда хлопчато-бумажныя фабрики стали строиться въ колоссальныхъ разміврахъ, разоряя мелкіе заводы и мастерскія, въ которыхъ работали исключительно па ручныхъ станкахъ, — экономисты, подъ впечатлівніемъ этой "промышленной эколюціи", не задаваясь впечатлівніемъ этой промышленной эколюціи", не задаваясь пислью объ отдаленныхъ послёдствіяхъ, пришли къ заключенію, что мелкія промяводства не въ состояніи бороться съ крупными и обречены на вымираніе.

Борьба, воторая въ сущности была лишь борьбой между ручнымъ и машиннымъ твацкимъ станкомъ, считалась въ то время борьбой между крупнымъ и мелкимъ производствомъ. Последующее развите фабричной деятельности въ другихъ отрасияхъ повело къ обобщенію этого заключенія. Ученые того времени не предвидёли развитія мелкой, полу-кустарной промышленности, изобрётенія маленькихъ газовыхъ и керосиновыхъ двигателей и пользованія паровой силой въ мелкихъ мастерскихъ, въ такъ-называемыхъ tenement-factories 1), и мало-по-малу при-

¹⁾ Начто въ рода кустарныхъ фабрикъ, въ которихъ крошечния мастерскія съпроведенной паровой силой отдальнымъ кустарямъ.

выкли смотръть на мелкіе промыслы, какъ на "жалкую борьбу противъ прогресса".

"Централизація промысловъ" стала "экономическимъ закономъ"; когда указывались противоръчащіе факты, ихъ считали лишь переходнымъ состояніемъ, которое должно было предвъщать неминуемо гибель мелкихъ промысловъ. Еще недавно одинъ изъ французскихъ политико-экономовъ въ "Journal des Economistes", въ серьезной статьъ о мелкихъ промыслахъ Германіи, писалъ: "Конечно, мы не можемъ ожидать, что кустарные промыслы исчезнутъ вдругъ, какъ въ волшебной сказкъ. Вымираніе продлится нъкоторое время, но они обречены на смерть".

Въ разореніи ремесленниковъ и развитіи фабрикъ, въ которыхъ рабочіе, въ особенности женщины и дети, работали при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, францувскіе соціалисты 1848 года видьли могущественный аргументь въ пользу соціализма. "Рабочіе, загнанные въ подобный адъ, не выдержатъ, — писали они; - новая система, достигнувъ широваго развитія, сама себя погубить и вызоветь соціальную революцію". "Централизація капитала и промышленности" сдълалась любимой темой фурьеристовъ и сенсимонистовъ. Нъмецкіе ихъ послъдователи, Энгельсь и Марксъ, развивали ту же идею, выдавая ее за "всемірный законъ историческаго развитія". Наконецъ, они объявили, что кустарные промыслы служать преградой промышленной технакв н соціальному прогрессу, такъ же какъ и могуществу челов'єка надъ природой, и потому "должны быть уничтожены". Посав нхъ исчезновенія, большіе капиталисты естественно пожруть другь друга, оставя за собой "немногихъ узурпаторовъ", которыхъ легео будеть лишить собственности. Цодобныя произвольныя обобщенія, построенныя на узвомъ основанів-не р'ядкость въ нъмецкой ученой литературъ. И потому именно, что Гермавія переживала такое же быстрое развитіе крупной промышленности, какое переживала Англія пятьдесять лёть тому назадь, эта простая формула прогресса казалась основательной и служила символомъ віры большинства німецкихъ передовыхъ писателей и экономистовъ.

Къ сожальнію, до последняго времени, въ стране съ такимъ высокимъ промышленнымъ развитіемъ, какъ Великобританія, не существовало точныхъ цифръ, которыя могля бы наглядно показать значеніе кустарныхъ промысловъ. Извёстно, что въ Бельгіи изъ 290.300 человекъ рабочихъ почти половина работаетъ на заводахъ, имеющихъ мене 50 человекъ, и почти одна треть—въ мелкихъ мастерскихъ, по три человека въ каждой (среднихъ и новыхъ вустарныхъ промысловъ, въ самое недавнее времи, частью подъ вліяніемъ новаго спроса и частью вслёдствіе дешевой электро-двигательной силы. Но и Франція, и Бельгія не считались примъромъ, заслуживающимъ вниманія. "Эти страны— въ переходномъ состояніи, — говорили намъ; — посмотрите на Англію: тамъ вы не встрётите ничего подобнаго; и такою же должна сдалаться промышленность всей Европы черезъ нечногіе годы". Между тъмъ, въ Англіи не было статистическихъ данныхъ ни въ польку, ни противъ этого заключенія, и аргументація была совершенно лишена основанія. Вплоть до 1896 г. (отчеть сэра Вильяма Плоудена) не было сдълано ни одной попытки привести въ изв'ястность число рабочихъ внъ отдёла обработки волокнистыхъ веществъ, хотя они и составняють 3/4 всего рабочаго населенія Великобританіи 1).

Фабричный акть 1895 г. вызваль, наконець, въ 1897 году годовой отчеть главнаго инспектора фабрикь и мастерскихъ и понолниль этоть пробыль. Правда, что сведения и таблицы фабричнаго неспектора не замёняють организованной промышленной статистиви. Онъ даеть сведения, полученныя отъ козневъ о числе мужчинъ, женщинъ и детей на всехъ фабривахъ и въ большинствъ мастерскихъ, но не заносить въ свои таблецы фабрикъ по величинъ, такъ какъ это потребовало бы массы работы вив обяванностей инспекторовь, а таких списковь фабрикь, кановы списки каменноугольных копей, -- совсёмъ не печатается. Потому приходится удовлетворяться одними общими итогами. Мы не можемъ определить, что столько-то фабрикъ имветь болве 1.000 рабочихъ, столько-то-отъ 500 до 1.000 человъкъ н т. д. Мы имъемъ только группы фабрикъ, для которыхъ можемъ разсчитать общее среднее число рабочихъ. Впрочемъ, каждый отдель промышленности разделень въ отчете на подъотдълы, и въ отчете 1896 г. частные итоги фабривъ и рабочихъ даны для важдаго подъ-отдёла и важдаго графства. Это даеть возможность составить нёсколько соть частныхъ итоговъ для такого же числа группъ. Итоги эти весьма поучительны.

Значеніе мелкихъ промысловъ видно уже изъ слѣдующихъ итоговъ, которые заключаютъ въ себѣ большинство всего рабочаго населенія Великобританіи. Итоги послѣдняго столбца говорять сами за себя.

¹⁾ Cm. Annual Report of the Chief Inspector of Factories and Workshops for the Year 1896. P. 136. London. 1897.

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

1897.		Число фабривъ.	Число рабочихъ.	Среднее число ра- бочихъ на фабрику.
Фабриви обработ, волокнистыхъ в	se-			
ществъ		10.883	1.051,564	97
Остальныя фабрики		79.059	2.755.460	35
Мастерскія	•	88.814	676.446	8
Итого	•	178.756	4.483.800	25

Къ этой таблицѣ надо добавить еще слѣдующее: цифри, касающіяся фабрикъ, т.-е. такихъ заводовъ, гдѣ употребляются паръ, газъ, керосинъ или электричество,—вполнѣ точны. Но, по вышеупомянутымъ причинамъ, число мастерскихъ безъ всявихъ механическихъ двигателей гораздо меньше дѣйствительности. Общій итогъ рабочихъ-кустарей въ мастерскихъ очевидно долженъ превышать милліонъ чел. и, такимъ обравомъ, возвысить общій итогъ всего рабочаго населенія до 4.893.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Изъ этого видно, что отъ 1/ь до 1/4 (20—240/о) рабочихъ въ Великобританіи занято въ мастерскихъ, среднее число рабочихъ въ которыхъ менѣе восьми.

Всиатриваясь въ многочисленные итоги въ отдълв обработви воловнистыхъ веществъ, мы поражаемся значительнымъ чесломъ мельихъ заводовъ въ этой наиболее централизованной отрасли промышленности. Такъ, напримъръ, въ графствъ Ланкаширъ, въ которому относится почти половина рабочихъ этой отрасли, мы находимъ 3.132 фабриви, воторыя, среднимъ числомъ, имъють по 139 чел. въ важдой; въ графствъ Іорвъ, дающемъ одну треть всёхъ клопчато-бумажныхъ рабочихъ, -3.210 фабрикъ, съ среднимъ числомъ рабочихъ въ въ 73 чел. Въ графствъ Нотингэмъ--- центръ машиннаго вружева и чулочнаго производства -средній итогъ рабочихъ для каждой фабрики всего 43 чел. (на 386 фабрикъ). Если принять во вниманіе, что въ этихъ трехъ графствахъ есть фабрики съ крупнымъ числомъ рабочихъ отъ 500 до 1.000 и даже 5.000 чел., то становится очевиднымъ, что рядомъ съ ними должно существовать множество мельихъ, которыя и выражаются въ среднемъ выводъ. Что васается другихъ мъстностей, гдъ обработва воловнистыхъ веществъ не достигла такого значительнаго развитія, то мы находимъ въ 49 графствахъ 2.000 фабрикъ, большинство которыхъ занимаетъ менъе 100 чел., порядочное количество меньшихъ, по 50 чел., и даже такія, въ которыхъ работають оть 10 до 20 чел. Изъ этого очевидно, что и въ воловно-обработывающей промышленности мелкія предпріятія весьма далеки отъ поглощенія ихъ крупными.

Этотъ гезультать можно было предвидеть и раньше. Въ жаждой странв, на ряду съ большими, должно существовать большое воличество мельих мастерских, успах воторых основанъ на разнообразіи производства и легвости, съ воторой онъ приспособляются въ въчно вамъняющейся модъ. Для пряжи и тванья инткалей большая фабрика, конечно, выгодиве, частью въ техническомъ, во, главнымъ образомъ, въ коммерческомъ отношенів. Но для шерстяныхъ матерій, наприміръ, на которыя мода постоянно меняется, полушерстиных и набивныхъ, даже для шелковъ, мастерская гораздо удобиве фабрики, въ виду большей возможности приспособленія. Цифры отчета подтверждають это предположение. Онъ показывають, что больши фабрики преобладають въ пряже и тванье клопчатой бумаги, въ шерстяномъ, джуговомъ и льняномъ производствахъ; въ остальныхъ же отрасляхъ обработки волокнистыхъ веществъ (шерсть, шодди 1), волось, пенька, кружево, чулки и тванье шолка) мелкіе заводы и мастерскія преобладають и, взятые вийств, занимають 240.000 человъвъ 2). Извъстно также, что во времена расцвъта хлопчатобумажнаго производства, машиностроители, поставивъ прядильныя и твацкія машивы на большія хлопчато-бумажныя фабрики, стали сбывать свои машины въ разсрочку маленькимъ ассоціащінть твачей. Такимъ способомъ возникло большое число мелжихъ твацкихъ ваводовъ и существуетъ до сихъ поръ.

Всв эти цифры добыты, какъ сказано выше, путемъ средвихъ выводовъ, которые, однако, нельзя считать вполив достаточными и опредвленными. Для уясненія вопроса желательны были бы болве точныя свёдвнія о действительномъ распредвленіи фабрикъ по величинв.

Изъ отчета главнаго фабричнаго инспектора Великобританій видно, что изъ 6.603 фабрикъ только 65 занимають по 1.000 или болье человькь (всего 102.600 рабочихь). Затьмъ идуть 795 фабрикъ, въ которыхъ отъ 200 до 999 чел. (всего 331.500 челов.). Большинство составляють среднія фабрики, съ персонажомъ отъ 100 до 200 чел. (2.955 фабрикъ съ 443.120 рабочими). Наконецъ насчитываются еще 1.790 фабрикъ съ количествомъ менье 100 рабочихъ. Существуеть даже большое количество еще болье мелкихъ предпріятій, въ которыхъ занято отъ 20 до 50 чел.; тавихъ фабрикъ 1.400, дающихъ варабо-

¹⁾ Персть, вырабатываемая машинкой изъ старыхъ ковровъ и шерстяного примым.

²) Множество чулочныхъ мастерскихъ совсёмъ не вошло въ списки фабричныхъ заисиекторовъ.

токъ 42.000 чел. Число мелкихъ мастерскихъ въ дъйствительности гораздо больше.

Если въ обработив волокинстыхъ веществъ централизація не пошла такъ далево, какъ думали, то еще более поражаеть въ отчеть громадное воличество мельнать заводовъ по другимъ отраслямъ промышленности. Некоторые изъ нихъ---въ связи съхлопчато-бумажными фабривами, большинство же относится въглавной промышленности страны и, несмотря на всв предсказанія, удержало за последнюю половину столетія характерь мелваго производства. Конечно, въ машинномъ, вораблестроительномъ, вагонномъ и железномъ промислахъ, а также въ литейномъ, бълнльномъ и врасильномъ - существують врупные заводы и фабриви; и они хорошо извъстны въ Англіи. Но точное числофабривъ, въ воторыхъ болъе 1.000 чел., равняется всего 128; въ нихъ работають всего 355.208 чел. изъ 3.000.000 общаго числа рабочихъ. Кромъ того, отчетъ даетъ свъдънія, помимомастерских, о 34.042 заводахъ, въ которыхъ работаютъ менве 10 чел. въ важдомъ, и насчитываетъ 270.000 рабочихъ в 34 000 хозяевъ въ мельнат промыслать вий твацкихъ и прадиленъ. Такимъ образомъ, крупные и мелкіе промыслы почты уравновъшиваются, и, конечно, ни Бельгія, ни Франція не могля бы дать болве поразительной картины мелкаго производства.

Обращаясь въ различнымъ отраслямъ внѣ обработви воловнистыхъ веществъ и слѣдуя классификаціи отчета, находимъ, что газовые заводы, по большей части,—средней величны и занимаютъ, среднимъ числомъ, по 78 рабочихъ; резиновые—по 125 человъкъ. Въ стеклянномъ производствъ, очевидно, имѣются громадныя фабрики, судя по среднему выводу = 87 раб. въ каждомъняъ 456 стеклянныхъ заводовъ всей Великобританіи.

Чугуно-литейные и желёзные заводы, конечно, принадлежать къ крупному производству и на каждый заводъ приходится отъ 100 до 400 чел. Но и въ этомъ случай крупные чугумо-литейные заводы ни въ какомъ случай не составляють общаго правила. Напротивъ, изъ 5.318 фабрикъ, большинство занимаетъ отъ 60 до 15 рабочихъ; среднія—по 10 человівъ, и какъ ни странно это кажется, имёются 508 заводовъ съ числомъ рабочихъ менйе 10 челов. Страна покрыта такими крошечными литейнями, существующими бокъ-о-бокъ съ крупными заводами.

Никому не придеть въ голову искать мелкихъ предпрінтій среди кораблестроительнаго производства или среди фабрикъ для приготовленія металлическихъ трубъ. Одиннадцать правительственныхъ заводовъ одни занимаютъ 23.455 человъвъ. И однако сред-

ній выводъ для этого громаднаго отдёла промышленности, обнимающаго 5.300 отдёльныхъ фабрикъ, равняется лишь 69 чел. для каждой; во многихъ графствахъ среднее число рабочихъ падаетъ до 10.

Большія фабрики встрічаются еще въ производстві щелочей и спичекъ. Но въ мыльномъ и свічномъ производстві, на ряду съ громадными фирмами, которыя слишкомъ хорошо всімъ знажомы по громкой рекламі, — мелкое производство держится стойко. Въ этой отрасли, а также въ изготовленіи химическаго удобренія и вообще во всіхъ химическихъ производствахъ, насчитывается до 2.000 мелкихъ заводовъ, по 29 чел. среднить числомъ, и 135 заводовъ искусственнаго удобренія, въ которыхъ меніве 10 чел. въ каждомъ.

Мебель, деревянная и желъзная, производится въ 2.500 заводахъ, между которыми не мало крупныхъ; но мелкіе преобладають. Въ настоящее время большіе мебельные склады и магавины не имъють своихъ собственныхъ мастерскихъ и служатъ, то большей части, лишь выставкой образцовъ, тогда какъ мебель изготовляется тысячами мелкихъ заводовъ и мастерскихъ. Среднее число рабочихъ на такихъ заводахъ колеблется между 20 и 50, а количество заводовъ, въ которыхъ менъе 10 чел., достигаетъ почтенной цифры 968. Кромъ того, въ отчетъ упоминается, въ графъ мебельныхъ и обойныхъ—4.108 мастерскихъ, дающихъ работу 42.106 чел. Еслибъ кустари-одиночки были вънесены въ отчетъ, эти цифры поднялись бы значительно.

Производство пищевыхъ веществъ представляетъ всевозможных градаци. Кромъ большихъ фабрикъ хлъба, бисквитовъ, сажара, щоволада, варенья и консервовъ, хорошо извъстныхъ и въ Англіи, и по всей Европъ, — тутъ существуетъ и множество меленхъ, крошечныхъ заводовъ. Послъдніе такъ многочисленны, что занимаютъ почти ²/з всѣхъ рабочихъ этой отрасли. Среднийъ числомъ, въ 6.500 отдъльныхъ заводахъ этого рода—по 18 чел. въ каждомъ. Само собой понятно, что мукомольныя и круподерныя мельницы не нуждаются въ многочисленномъ персоналъ; однако, когда встръчаень въ отчетъ ночти 6.000 меленхъ мельницъ, невольно поражаенься тъмъ, что такое значительное производство все еще остается при старинныхъ вътряныхъ и маленькихъ паровыхъ мельницахъ. Еще удивительнъе, что пивовареніе находится въ такомъ же положеніи, и средній выводъ рабочихъ въ 2.076 пивоваренныхъ заводахъ равняется лишь 24 чел. Изъ этого числа почти половина (989)—пивоварни, солодовни, и проч.,—имъютъ менъе 10 рабочихъ въ каждой.

Что насается искусственныхъ минеральныхъ водъ, то производство это всецьло принадлежить мелкой промышленности и завимаеть 37.000 чел., разсвянныхь въ 3:365 заводахь, изъ которыхъ 2.000 можно назвать вполнъ кустарными. Въ ситцепечатномъ дълъ-большинство врупныхъ заводовъ. Всего ихъ-104, съ рабочимъ персоналомъ отъ 170 до 700 чел. Средв врупныхъ предпріятій находятся 14 большихъ фабривъ для овраски бумажныхъ тваней въ красный цвътъ. Бъленье, окраскаи галандреніе производятся на крупныхъ и среднихъ фабрикахъ-(отъ 50 до 100 чел.). Всевозможное печатаніе по матеріямъ, помимо миткаля, относится къ категорін мелкихъ промысловъ; бъленьемъ, крашеньемъ, галандрой и паковкой пряжи и ткапей занято 2.500 мельихъ заводовъ, съ 100.000 чел. рабочихъ. Болъе 500 подобныхъ заводовъ считаютъ не болъе 10 чел. въваждомъ. Фактъ этотъ служитъ прекраснымъ примъромъ того, какъ мелкія производства дополняють крупкыя.

Въ изготовлении готоваго платья, бълья, обуви, шляпъ и перчатовъ машины достигли замічательной быстроты производства, и въ числе фабрикъ этой отрасли преобладають среднія — съ 80 до 150 рабочими. Кром'я того, многія фабрики дають работу "на сторону" по мелкимъ мастерскимъ, которыхъ насчитываются тисячи. - 12.000 рабочихъ занято изготовленіемъ пороха въ нъскомвихъ большихъ заводахъ. Во всёхъ же остальныхъ отрасляхъ, врупные заводы существують какъ исключеніе. Мелкія мастерскія попали въ отчеть въ число фабрикъ только потому, что пользуются кое вакими механическими двигателями. Хозяева считаются десятвами тысячь и во многихь промыслахъ работають сами варяду со своими четырьмя или пятью, а иногда и дюжиной помощниковъ. Общій видь этихъ производствъ и ихъ техническіе пріемы совершенно такіе же, какъ и въ мелкихъ промыслажь Франціи и Германіи, съ тою только разницей, что зд'ясь этв промыслы чаще всего находятся въ промышленныхъ деревняхъ, въ которыхъ они комбинируются съ полеводствомъ или садоводствомъ, какъ, напримъръ, сады Юры и Роны, -- тогда какъ въ-Англін эти производства, по большей части, гивздятся въ "черной странъ 1) или въ еще болъе мрачныхъ предмъстьяхъ большихъ городовъ.

Ручное, полу-кустарное производство преобладаеть даже въ

¹⁾ Black Country—называется вся фабричная мёстность въ сосёдстве Манчестера, Шеффильда, Ливерпуля и т. д., такъ какъ димъ отъ трубъ, буквально, затемняетъ солнце и покрываетъ всю мёстность сажей. Фрукти и овощи приходится частить и отмывать отъ толстаго слоя угольной пыли

таких значительныхъ промыслахъ, какъ металлические: выдёлываніе ножеваго товара и инструментовъ всевозможныхъ наименованій и бевконечнаго разнообразія. Этоть промысель занимаеть болье милліона рабочихъ Великобританіи, и ручная выдълва играеть не последнюю роль въ высокой репутаціи англійскихъ металлическихъ товаровъ за границей. Въ этой громадной области мелкій промысель пустиль глубовіе корни. Выделва пиль, напилковъ, долотъ, топоровъ, винтовъ, такъ называемыхъ "американскихъ сборныхъ инструментовъ, вилокъ, ножей, садовыхъ инструментовъ и т. д. производится милліонами для внутренняго употребленія и распространена по всему св'яту. Способъ взготовленія --- кустарный и точно такой, какимъ былъ пятьдесять леть тому назадь. Раздача паровыхъ и другихъ двигателей отдёльнымъ кустарямъ сдёлалась общимъ правиломъ: Маленькая литейная по срединъ двора, четыре стороны вотораго заняты сотнями мелкихъ мастерскихъ, въ которыя проведена двигательная сила отъ центральной паровой машинывоть обычный типъ. Мастерскія обыкновенно нанимаются кустарями, и тогда дробятся еще на "углы". Такого рода учрежденія пріобръли въ Англіи спеціальное названіе "tenementfactories", такъ какъ онъ всего болъе напоминаютъ "tenementhouses" -- дома, въ которыхъ всв квартиры отдаются отдельными вомнатами. Въ Шеффильдъ въ настоящее время 170 тавихъ кустарных фабрикъ. Если войдете въ такую кустарную фабрику, вы увидите ряды маленькихъ мастерскихъ, по 21/2 квадратныхъ аршина въ каждой; кустарь помъщается между огнемъ и наковальней и дълаетъ лезвен ножей. Дальше идутъ ряды мастерскихъ покрупнъе, въ которыхъ работаетъ мастеръ-хозяннъ съ насколькими помощнивами, далая самые разнообразные инструменты. Въ нижнемъ этажъ -- маленькія, сырыя каморки, въ которыхъ выдёлываются пилы и напилки, а въ комнатахъ побольше полирують и точать инструменты. Оволо 15.000 человъкъ занято въ этихъ кустарныхъ фабрикахъ, выработывая ножи и инструменты, которыми славится Шеффильдъ по всему свъту.

Тоть же вустарный характеръ сохранился и во многихъ другихъ производствахъ; таково производство замковъ въ Вилменголять и его окрестностяхъ, въ графствъ Стаффордъ (500 мелкихъ заводовъ, съ 4.000 рабочихъ). Здёсь же выдёлывается конская сбруя, садовые инструменты, гигіеническія приспособленія для домовъ и безконечное число разнообразныхъ
предметовъ изъ мёди, луженаго и гальванизированнаго желёза
и другихъ металловъ и сплавовъ, — все это въ области кустар-

ной. Количество рабочихъ на заводахъ обывновенно менве двадцати, и въ большинствъ случаевъ-менъе десяти. Несмотря на существованіе ийскольких врупных, число мелких заводовь такъ велико, что, по среднему выводу, на каждый заводъ гальванизированнаго жельза приходится 28 рабочихъ, земледыльческихъ инструментовъ — 32 человъва, иголочный и булавочный — 43 человъта и на заводы разныхъ мелкихъ инструментовъ-25 человъкъ. Даже въ производствъ паровивовъ приходится лишь 48 рабочихъ на каждый заводъ. 104 тысячи рабочихъ въ этихъ промыслахъ работаютъ въ 3.000 фабрикахъ, въ воторымъ надо прибавить 60.000 человъвъ въ 7.500 мастерскихъ (и гораздо больше, еслибы кустари-одиночки были зарегистрованы). То же самое находимъ мы и въ производствъ велосипедовъ, которымъ занято 46.000 человъкъ въ 1.780 заводахъ и мастерскихъ; въ электрическихъ мастерскихъ-среднее число рабочихъ менъе десяти. Сюда же относятся проволочные, гвоздильные и винтовые заводы, въ воторыхъ или ручнымъ способомъ, или съ помощью самыхъ несложныхъ машинъ или инструментовъ, куются безконечно разнообразныя вещи, употреблиемыя въ строеніи кораблей и лодокъ, въ постройкъ домовъ и вообще во всъхъ отрасляхъ человъческой деятельности, включая даже тяжелыя цепи и якоря для вораблей. Короче сказать, одна треть всего рабочаго населенія, за исключениемъ рабочихъ на ткацвихъ и прядильныхъ фабривахъ, занята ручнымъ производствомъ. Треть эта равняется 830.260 человъвъ въ 14.899 заводахъ. Несмотри на громадныя фабрики Армстронга, Уитворта и казенные заводы, средній выводъ даетъ всего лишь лишь 56 человъкъ на каждый заводъ.

Что касается менте важных производствъ, еще не упомянутых выше, они вст показываютъ громадное развитіе мельой промышленности и почти вст принадлежатъ въ области кустарной. 54.000 человть работаютъ въ крошечных заводахъ, а также въ различных мастерскихъ, въ которыхъ выдълываются ювелирныя, серебряныя и никкелированныя издълія, часы, фотографическія принадлежности, игрушки и т. п. Къ той же вустарной области относится и множество мелкихъ заводовъ деревянныхъ и кожевенныхъ товаровъ, издълій изъ рога и кости, а также кирпичныхъ, изразцовыхъ, горшечныхъ и фарфоровыхъ, въ которыхъ насчитываютъ 260.000 рабочихъ и 11.200 хозяевъ. Если выдълить нъсколько болъе крупныхъ заводовъ, гдъ общное число рабочихъ отъ 15 до 40 человъкъ, то окажется, что списки фабричнаго инспектора даютъ тысячи мелкихъ заводовъ съ числомъ рабочихъ менте десяти.

Что васается печатанія, литографіи, изготовленія переплетовъ и ванцелярскихъ принадлежностей, то рабочіе этихъ спеціальностей распредёляются или по очень крупнымъ фабрикамъ, ши по тысячамъ медкихъ. Достаточно указать, что 120.000 человікъ этой группы разсёяны въ 6.000 фабрикахъ и что однёхъ печатень съ числомъ менёе 10 рабочихъ и зарегистрованныхъ въ числё фабрикъ—всего 4.219.

Въ производствъ щетовъ, канатовъ, парусовъ, корзинъ и тысячи разнообразныхъ предметовъ изъ кожи, бумаги, дерева и металловъ насчитывается 130.000 рабочихъ и 4.300 козяевъ,т.-е. снова передъ нами является общирная кустарная сфера. Соединивъ всв эти мелкія производства, получаемъ болве 1.200.000 человъвъ. Если все вышепоименованное занесено въ отчеть подъ рубрику фабрикъ, то это объясняется употреблевіемъ механическихъ двигателей — пара, газа, веросвна или электричества. Тёмъ не менёе, громадное число ихъ, какъ мы видели, принадлежить къ области мелкаго производства. Въ мастерскихъ дёленіе идетъ еще гораздо дальше, такъ какъ въ нихъ около милліона рабочихъ, — среднимъ числомъ, по 8 чело-въкъ въ каждой. Этотъ классъ заключаеть въ себъ пекарей, портныхъ, сапожниковъ, деревенскихъ плотниковъ, колеснивовъ, кузнецовъ и тому подобныхъ мастеровыхъ, которыхъ можно считать личными слугами населенія. Но онъ содержить также и громадное число мастерскихъ, которыя производятъ товаръ не только для м'встнаго употребленія, но и для большого рынка; и овазывается, что рабочіе этой категоріи составляють, по мень-шей мъръ, ²/з всего населенія мастерскихъ. Въ этой области находимъ мы 1.200 мастерсвихъ, выработывающихъ чулки, вружево и даже развыя твани безъ помощи пара, газа или вавихълибо иныхъ двигателей. Болве 20.000 человъкъ изготовляютъ эвипажи и повозки, и 60.000 чел. — равличныя металлическія надълія. Какъ сказано выше, всё эти цифры ниже действительности. Что касается одежды всяваго рода, т.-е. мастерства шляпнаго, башмачнаго, перчаточнаго, искусственныхъ цветовъ и т. д., то ими заняты 351.600 женщинь и мужчинь въ 48.425 мастерских, отъ 5 до 50 человъвъ въ важдой. Всв онв поставляють свои издёлія на большіе магазины. Весьма часто магавины служать только для того, чтобы принимать завазы, а работа производится въ мельихъ мастерскихъ предмёстій и даже по дальнимъ деревнямъ. Громадные шляпные магазивы играютъ роль выставовъ, а мастерскія, поставляющія имъ товаръ, разсвяны въ графствъ Серрей, въ Шотландін и даже въ Савсоніи. Маленькія мастерскія, въ которыхъ работають отъ 5 до 50 швеекъ и портныхъ, представляють обычный типъ этой громадной отрасли промышленности. То же самое замъчается въ производствъ туфель, дешевыхъ ювелирныхъ издѣлій и многихъ другихъ. Мелкія мастерскія—настоящіе представители этой промышленности, а большіе склады и ярко освъщенные магазины ихъ прилавки.

Въ вышеупомянутыхъ цифрахъ, теривливо собранныхъ фабричными инспекторами, открывается цёлый новый міръ, о которомъ не подозрѣвали экономисты. Изъ-за нихъ выступають не призраки и не остатки прошлаго, не безнадежные неудачниви, борющіеся съ приливомъ, но сотни промысловъ, полныхъ жизни и способности безконечно приспособляться, возникшихъ изъ потребностей жизни, которыя развиваются и дифференцируются во всёхъ направленіяхъ. Местами встречаются мастерскія, которыя, 20-30 лёть тому назадь, занимали какуюнибудь дюжину работницъ, а теперь, подъ управленіемъ ловеаю хозянна, выросли въ большую фабрику, въ которой 200 жевщинъ работають шляны, и машины двигаются электричествомъ. Но рядомъ съ этимъ сотни мелкихъ мастерскихъ, съ новъйшими газовыми или электрическими двигателями, примъняются въ новымъ и новымъ спеціальностямъ. Только-что начали всѣ носить воротники и рукавчики — и вотъ явилось множество спеціальныхъ мастерскихъ, изготовляющихъ одня только воротники и рукавчиви. Вошли въ моду нарядныя жестяныя коробки и въ домашнее употребленіе, и въ большихъ бисквитныхъ фабривахъ, и въ бакалейныхъ магазинахъ-и для производства этихъ предметовъ вознивають новыя мастерскія. Быть можеть, ваваянибудь одна большая фабрика и поглотила нёсколько малыхъ, но десятки новыхъ, мелкихъ мастерскихъ уже появились взамвнъ---какъ это было въ Уэльсв съ велосипедами, гдв тисячи мелкихъ мастерскихъ распространились по всей странъ. Всь отдъльныя части велосипедовъ покупаются въ Бирмингамъ, собираются по мелкимъ мастерскимъ, причемъ вносятся сотни равличныхъ усовершенствованій. Мелкіе промыслы не убиты и не могуть быть убиты; они, вакъ Протей, въчно видоизмъняются.

Изъ приведенныхъ нами цифръ видно, что лишь малая часть исего рабочаго населенія Великобританіи находить заработки на крупныхъ фабрикахъ, числомъ болёе 500 чел. въ каждой,—в именно одна восьмая часть, если принять общій итогь въ 4.800.000. Отъ 3/8 до 1/8 всёхъ рабочихъ занято на среднихъ фабрикахъ съ числомъ рабочихъ отъ 100 до 200 чел., изрёдка

съ 500 чел., и почти половина всего рабочаго населенія разсъява по мелкимъ фабрикамъ и мастерскимъ.

Тысячи разныхъ предметовъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни, дълаются кустарнымъ способомъ; судя по тому, что мы знаемъ по другимъ странамъ, можно предположить, что итогъ стоимости всего, что выработывается мелкими производителями въ Великобританіи, немного ниже суммы производства крупныхъ предпріятій. Что же касается тѣхъ "нѣсколькихъ узурпаторовъ", о которыхъ писалъ Марксъ, то мы находимъ вмѣсто нихъ 200.000 хозяевъ.

Тъмъ не менъе, благодаря предвзятой идеъ, мельія производства были до сихъ поръ въ забросв; и ихъ загнали изъ деревень въ мрачные дома и трущобы большихъ городовъ. Ученые прямо не хотвли ничего знать о нихъ; съ ними поступали какъ съ бёдными родственниками, которымъ разбогатёвшій дёлецъ "совътуетъ вымеретъ". Въ программахъ техническаго воспитанія кустарное производство не принималось въ разсчетъ, и по этойто причинъ въ Англіи, за послъднее время, приходилось такъ много слышать о немецкомъ товаре (made in Germany"). Мелкія, домашнія вещи, изділія fantaisie, канцелярскія принадлежности, одежда и т. д. выработываются въ Англіи въ такихъ же мельихъ мастерскихъ, и рабочіе получають ту же нищенскую плату, какъ въ Германіи или въ Парижів и Вінів. Вообще, англійскіе кустари мало выиграли отъ возрожденія прикладныхъ искусствъ и продолжають работать по старомоднымъ, иногда безвиуснымъ образцамъ, тогда какъ въ Вънъ, Парижъ и Шварцвальдъ техническое образованіе было спеціально приспособлено въ вустарнымъ ремесламъ, вызывая въ кустаряхъ стремленіе къ изобретению новых инструментов и машин и новых техничесвихъ процессовъ. Достаточно взглянуть на немецкія игрушки, богемское стекло или французскія articles de fantaisie, чтобы убъдиться въ этомъ. Въ то же время въ Германіи возникла широкая организація для объединенія мелкихъ производителей. Организація эта такъ разрослась, что теперь нътъ ни одного городка въ Великобританіи, гдъ бы не встрътился нъмецкій commi-voyageur, развозящій образцы своихъ "безділушевъ" или "подарковъ изъ Брайтона" и т. п. товаровъ, приспособленныхъ для любого курорта и города. Онъ не скупщикъ, а прямой представитель организованных вустарей. Черезъ него они-въ прямыхъ, торговыхъ сношеніяхъ съ розничной торговлей Англіи.

Англійскіе мелкіе промыслы, въ своемъ безконечномъ, постоянно мѣняющемся и постоянно разростающемся разнообразіи,

представляють необходимое дополнение врупной промышленности. Всякій, кому сколько-нибудь знакомы эти ручные промыслы, не можеть не видёть въ нихъ широкаго поля, въ которомъ воспитывается и крёпнеть техническій духъ націи. Взгляните, напрямёръ, на современный велосипедъ съ его принадлежностями и сравните его съ старымъ типомъ; разберите это множество частных усовершенствованій, придуманныхъ безконечнымъ числомъ менкихъ изобрётателей, и вамъ станетъ ясна исторія каждой составной части, а также и вліявіе мелкихъ изобрётеній на велькій техническій прогрессъ. Велосипедъ уже переходить въ моторъ, подобно тому, какъ электрическая игрушка разрослась въ электрическую желёзную дорогу.

Что васается общепринятой идеи о необходимости исчезновенія мелкихъ промысловъ, то эта идея разбивается сама собой, кавъ своро мы обращаемся въ фавтамъ дъйствительной жизни. Одно тольво поверхностное знавомство съ промышленностью могло создать этотъ "законъ" въ умахъ эвономистовъ, которые проповъдывали его, не справляясь съ дъйствительностью, въ теченіе полувъка. Чъмъ больше вникаешь въ настоящее положеніе мелкой промышленности Англіи, тъмъ болье убъждаешься въ томъ, что она постоянно и неуклонно развивалась и захватывала новыя сферы дъятельности за эти послъднія пятьдесять лътъ. Поэтому практическіе инженеры были безусловно правы, утверждая, что кустарные промыслы пріобрътуть еще болье значенія, когда въ важдомъ поселенін будеть дешевая доставка электрической двигательной силы.

Б--#.

Лондонъ, 1902.

КНИГА

O

КНЯЗЪ В. А. ЧЕРКАССКОМЪ

 Матеріалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго. Составила кн. О. Трубецкан. Томъ первый: Князь В. А. Черкасскій и его участіє въ разрішенім крестьянскаго вопроса. Княга І. Москва 1901. У + 331 + 176.

Неумвнье и даже нежеланіе нашего общества цвинть своихъ замъчательных в людей и заботливо поддерживать память о нихъ вздавна горестно поражаеть наблюдателей русской жизни. "Мы ленивы и нелюбопытны", -- сказаль Пушкинь. Къ этому можно, сь полнымъ правомъ и на основаніи яркихъ и внушительныхъ примъровъ, добавить: "...и неблагодарны". И послъднее-горше перваго... Еще можно понять отсутствіе интереса въ прошлому, нитыть органически не связанному съ настоящимъ, --- можно извинить нежоторую лёнь, удерживающую отъ историво-аржеологических изследованій по отношенію въ людямъ, дела и личность воторыхъ уже давно "поросли травой забвенья" и ничвиъ нынъ не отражаются на общественно-бытовыхъ явленіяхъ жезни, --- но тыть оправдать полное равнодущіе къ памяти людей, чьихъ трудами, усиліями воли и нер'вдко правственными страданіями в матеріальными лишеніями куплены для современныхъ поволеній человоческія условія существованія?! Когда изв'єстны, хотя бы въ общихъ чертахъ, изъ источнива элементарныхъ всторическихъ сведеній, тягостныя или постыдныя явленія намей внутренней живни, конецъ которымъ положенъ дружною ра-

ботой лучшихъ сыновъ родины и великодушнымъ починомъ и твердою волею Монарха, то какъ же не пожелать узнать — кто и какъ принималь участіе въ такомъ благотворномъ и чреватомъ последствіями труде?! Къ такимъ явленіямъ нашей исторической жизни относится, безъ сомнънія, кръпостное право, —это своего рода не внѣшнее, а внутреннее монгольское иго,— пронивавшее и отравлявшее собою всѣ проявленія дѣятельности государственнаго организма, искажавшее и подавлявшее всв проявленія личной жизни народа,—въ сущности, по справедливому замічанію Я. И. Ростовцева, и не существовавшаго, до упраздненія врёпостного права, вакъ нёчто цёлое и самостоятельное. Отміна крітностного права не только обусловила, но имъла своимъ неизбъжнымъ и прямымъ послъдствіемъ реформу суда и отмъну подушной подати и дала возможность введени общей воинской повинности. Судъ присяжныхъ, столь сильно облегчающій судебное бремя государства, быль бы немыслимь при существованіи рабства,—а общая воинская повинность въ корив подрывала бы начало вотчиннаго хозяйства, построеннаго на даровомъ и подневольномъ трудъ. Какъ на всъхъ сторонахъ нашего государственнаго быта до сихъ поръ отражается починъ Петра Великаго, такъ почти на всъхъ основаніяхъ нашего современнаго общественнаго быта сказывается великая и коренная реформа Александра II-го. А между тъмъ-много ли мы знаемъ о важивиших двятеляхь твхъ незабвенныхъ годовъ, когда, по мѣткому выраженію Некрасова, "ковалась" эта реформа? Гдѣ не только ихъ серьезныя біографіи, но хотя бы даже систематическое собраніе матеріаловъ для такихъ біографій? Какія наследованія или общедоступныя воспоминанія можно указать для болбе или менбе близкаго внакомства съ личностью и двятельностью великой внягини Елены Павловны-этой "вимфы Эгерів" Царя-Освободителя, — и ея ближайшей сотрудницы, баронессы Эдиты Раденъ, той "geistreiche" Раденъ, благородство духовной природы воторой заставляло важдаго, по словамъ И. С. Авсавова, при встрвчв или бесвав съ нею, невольно выпрямаятися душою... Гдъ подробное описаніе жизни и титанической работы Николая Алексъевича Милютина? Гдъ цъльный очеркъ интереснъйшей дъятельности Юрія Өедоровича Самарина? А между твить времи уходить— и дъйствуетъ двояко разрушительнымъ образомъ: письменные матеріалы "выцвътаютъ" и утрачиваютъ интересъ своей связи съ текущей дъятельностью, а драгоцънныя устныя воспоминанія современниковъ и очевидцевъ, столь важныя для возстановленія неуловимыхъ впослёдствіи чертъ живого

образа повойныхъ дъятелей, исчезають безследно и съ прогрессирующею быстротою. У насъ принято смотръть на личныя воспоминанія объ общественныхъ дівтеляхъ вакъ на нівчто въ родів непривосновенной собственности, которою лишь иногда можно, въ минуты хорошаго настроенія, подблиться съ друзьями. Но это неправильно. Не только можно, а должно делиться, нбо вначе стираются всё жизненныя врасви съ лицъ и событій и утрачивается поучительная картина всёхъ перипетій медленной в упорной борьбы за лучшія пріобрётенія духовной в политичесвой культуры. Обыкновенно ссылаются на несвоевременности вли преждеаременность систематического обнародованія матеріаловъ и воспоминаній — и все со дня на день отвладывается, до техъ поръ, пока, "яко тать въ нощи", не подойдетъ смерть-и образъ двятеля, который могь бы быть запечатлень въ благодарномъ сознанін потомства, не померкнеть въ собственномъ сознаніи равнодушнаго или излишне робкаго хранителя воспоминаній.

Воть почему нельзя не приветствовать появленія вниги, изданной и составленной княжною О. Трубецкою. Книга перван І-го тома предпринятаго ею труда содержить систематическія воспоминанія о д'ятельности князя В. А. Черкасскаго съ 1824 по 1859 годъ и въ высшей степени интересную переписку его съ Ю. О. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ в другими-за время, предшествовавшее работамъ по освобождевію врестьянъ и за первый періодъ этихъ работъ, когда отміна врепостного права обсуждалась въ губернскихъ комитетахъ. Квига иняжны Трубецкой заслуживаеть самаго внимательнаго ознакомленія со стороны каждаго, понимающаго громадное значеніе реформы, частвцу исторіи которой эта книга живописуєть не съ оффиціальной стороны, а давая возможность читателю присутствовать при откровенной бесёдё людей разнаго темперамента в склада, но одушевленныхъ одинаково пламенною любовью къ родинъ и тревожною заботою о ея судьбахъ. Эта внига-пъльвый и дорогой кусокъ, выръзанный изъ пестрой твани дъйствижельной, а не сочиненной исторіи, въ которой разноцв'ятныя вити индивидуальныхъ свойствъ и действій сплетаются въ едивый узоръ общаго движевія.

Центральною фигурою вниги является, конечно, самъ внязь Червасскій. Друзья, ведущіе съ нимъ переписку, часто говорять о немъ лично, — онъ самъ рисуетъ себя со всёхъ сторонъ своего харавтера въ своихъ письмахъ и въ дёйствіяхъ. И онъ стоитъ предънами какъ живой. Это — натура сильная, страстная, при внёшнемъ спокойствіи и самообладаніи. Она вся проникнута тёмъ,

что францувы называють "esprit de combativité", и совершенно чужда приспособляемости. Весь преданный своему делу, упорный и настойчивый въ преследованіи своей пали, вн. Черкасскій не только не знаетъ столь обычнаго у насъ, заклейменнаго еще княземъ Одоевскимъ, "рукавоспустія", но въчно борется, находи, по собственному выраженію, что "вездю и всюду наступательная война выгодите оборонительной". Оружіемъ въ этой войнъ ему служить сильный, двятельный умъ, сила слова и быстрая находчивость. "Какъ острый лучъ свёта рёжеть слабые, подслёповатые глаза, -- говорить о немь И. С. Авсаковь, -- такь его острый умъ вололь, ръзаль, особенно же глаза людей съ туманною мыслыю, ублажающихся самообольщениемъ. Онъ любилъ, въ сожальнію слишком в любиль, издываться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малейшей пощады влеймиль высовомерную, злую глупость. Онъ владель удивительнымъ уменьемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ ръчей своего антагониста и въ грудъ фразъ о безворысти и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своеворыстнаго мотива".

Воспитанникъ московскаго университета, въ наиболъе славный періодъ его существованія, Черкасскій до конца дней сохраниль благодарную память о Погодинъ и Крыловъ. Первый, говорить онъ, — "вселяль въ слушателяхь уважение въ историческому труду, возбуждаль самодентельность ихъ умовъ и радостно привътствовалъ и поощрялъ каждаго, кого успъвалъ посвятить въ тайныя наслажденія науки. Опъ вливаль въ молодия души живые задатки народнаго самосознанія". О Погодин'в внязь Черкасскій всегда отзывался съ особымъ уваженіемъ. Интересно, что еще вадолго до появленія монументальнаго труда Н. П. Барсукова объ эгомъ замъчательномъ и своеобразномъ человъвъ, И. С. Аксавовъ, въ 1854 году, въ письмъ въ своимъ родителямъ, говорилъ: "Погодина за многое можно уважать, и когда умретъ онъ и представится намъ вся жизнь его, какъ одно цвлое, тогда многіе, даже враги, отдадуть ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усвано лицо каждаго человъва, даже врасавицы, если разсмотрёть въ микроскопъ, исчезнутъ и не обратять на себя вниманія, когда выдастся впередь общій обливь человъва. Этотъ-то общій обливъ не всегда уважается людьни при жизни человъка, --- впрочемъ, онъ и не ясно видимъ иногда, -но вообще люди охотиве путешествують по прыщамъ и буграмъ человъка, чъмъ всматриваются въ общій типъ его физіономіи. Въ Погодинъ много и много такого хорошаго, ради котораго можно простить ему и дурное"... Не менъе имъло вліянія на

выям Черкасского и преподавание профессора римского права Крыдова, своеобразная и высоко-талантливая личность котораго оставляла ненягладники слёдъ на складе ума его слушателей, для которыхъ образъ "Нивиты Крылова" составляль и нынв еще составляеть одно изъ самыхъ дорогихъ и свётлыхъ воспоминаній объ университеть. Нравственная связь Черкасскаго съ его "alma mater" невогда не ослабъвала. Уже приближаясь къ концу своей дъятельной живни, при оставлении должности московскаго городского головы, отвёчая на обращенныя въ нему приветствія и отвлоняя отъ себя слишкомъ лестные отзывы, онъ сказалъ: "единственная заслуга моя заключается, быть можеть, лишь въ томъ, что я оставался и остался постоянно верень некоторымь заветнимъ убъжденіямъ, насажденнымъ въ меня сызмала, варощеннымъ во инв московскимъ университетомъ и съ университетской скамьи внесеннымъ мною въ общественную деятельность, - убъжденіямъ, которымъ и надеюсь остаться вернымъ до конца...

Въ ствиахъ этого университета и воспиталъ впервые будущій дватель по освобожденію крестьянъ свои завѣтныя мысли объ уничтоженіи крѣпостного права, служенію которымъ посвятиль всѣ свои силы. Въ написанномъ на золотую медаль, въ 1844 году, "Очеркъ исторіи сельского сословія вз Россіи", —явивнемся продолженіемъ оставшагося въ рукописи "Разсужденія объ укрполленіи крестылиз", — представивъ очеркъ политическаго развитія русской волости, князь Черкасскій приходить къ убѣжденію, что для нея есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостного состоянія — общинный политическій быть, основанный на твердой поземельной собственности.

"Но когда же настанеть для Россів вождельный день?"—
спрашиваеть себя князь Черкасскій. "Жатва быстро зрветь, великая историческая драма безостановочно клонится къ неминуемой развязкі; исторія уже, кажется, произнесла свой судь, факть
ожидаеть лишь законодательнаго освященія. Пусть казна, согласившись крестьянь своихь назвать свободными, согласится еще
на посліднюю жертву, и оброкь ихъ назоветь просто поземельной податью; пусть частные владільцы, двісти літь незаконно
пользовавшіеся крестьянскою барщиною, наконець оть нен откажутся и, въ видів вознагражденія, согласятся признать ихъ
віковое, рішительно неотъемлемое владініе полною отчинною
собственностью. Мечта о "вожделінномь днів" не оставляла затімь кн. Черкасскаго, и—во всів его письма, разсужденія и
личныя сношенія она вплетается неизбіжно и властно. Подъ
вліяніемь этой мечты онь пишеть въ 1846 году проекто посте-

Томъ VI.—Нояврь, 1902. 21

пеннало освобожденія крестыяні, въ которомъ говорить, что при изысканіи средствь для коренного измѣненія условій крестьянскаго быта должно имѣть въ виду, что "въ настоящемъ вопросѣ принимають живое участіе три лица, изъ коихъ каждое имѣетъ свои собственные интересы, часто находящіеся въ борьбѣ съ выгодами другихъ сторовъ: это—самъ крестьянинъ, помѣщикъ и государство. Примирить по возможности противорѣчащія выгоди этихъ сторонъ—вотъ главная задача!.. Выгоды крестьянина требуютъ, чтобы, получая свободу, онъ не вступилъ въ бѣдственный разрядъ бобылей, пролетаріевъ. Онъ долженъ имѣть осѣдлость, принадлежать къ общинъ, импть недвижимую собственность. Свобода будетъ ему постылымъ даромъ или, лучше, гибелью, если не соединить съ нею твердаго поземельнаго владънія, которое для бѣдняка, особенно лишеннаго всякаго образованія, есть лучшая нравственная опора".

Задушевная мысль внявя Червасского о надълъ освобожденныхъ отъ врёпостной зависимости земельною собственностьюне только не встрвчала сочувствія въ помінцичьемъ сословін, не при малейшей попытке облечься въ законодательное осуществиеніе, хотя бы въ самомъ свромномъ видъ, наталкивалась на суровое и категорическое отриданіе. Проектированное секрепиньсия комитетом 1826 г. "новое устройство всехъ состояний въ государствъ", воспрещавшее всякое отчуждение врестьянъ безъ вемли, вызвало настойчивыя возраженія веливаго внязя Константина Павловича, получившія особую силу подъ вліяніемъ іюльской революцік и польсевго вовстанія. Новый "комитет» для изысканія средствъ на улучшенію состоянія крестьяна разных званій, отврытый въ 1835 г., приступиль въ делу съ робостью предъ "гибельными последствіями слишкомъ поспешно провозглашен-наго слова свободы" и установивъ, какъ руководящія начала, необходимость совершенія реформы съ "незамътною постепенностью" и признаніе пом'вщичьей земли во всемъ са объем'в "неотъемлемою и непривосновенною собственностью помъщива",-почиль оть дёль своихь. Третій секретный комитеть 1839 г. составиль обнародованное въ 1842 году положение объ обязанных крестьянах. Основныя черты проекта этого положенія, выработанныя графомъ Киселевымъ и состоявшія въ установленія общей формы надъла и обезпеченныхъ круговою порукой повинностей, на случай согласія пом'вщиковъ на увольненіе своить врестьянь въ свободные хаббопашцы, подвергансь такому смягченію и испаженію въ окончательной редакціи, что этоть новый завонъ оказался мертворожденнымъ, такъ какъ на практике онъ

имъть всего лишь пять случаевъ примъненія. Вообще, въ эти годы, всякое предположеніе о надъленія врестьянъ землею встръчалось бевусловно неодобрительно. Изъ названнаго выше проекта жилзя Черкасскаго и изъ переписки П. В. Анненкова съ Бълинскимъ видно, что на выборахъ 1843—44 гт. нъсколько человить тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ предложеніемъ отнустить каждый въ имъніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по одной деситинъ на ревизскую душу и съ освобожденіемъ ихъ отъ всёхъ прежнихъ отношеній къссосподамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ ихъ долга опекунскому совъту по 45 руб. сер. На это предложеніе свое дворяне получили увъдомленіе, что правительство принять его не можеть, такъ какъ оно прямо противоръчитъ основной его мысли сохранить за дворянствомъ въвеприкосновенности повежельную собственность.

При такомъ положеніи дела, мечта вн. Червасскаго была далева отъ осуществленія. Между тімъ, сознаніе несправедлявости врвпостного права, столько разъ имъ выраженное, не могло оставлять его въ спокойномъ бездействін. По горькой пронін судьбы, онъ быль, однаво, лишенъ возможности отпустить свошкъ врестьянъ на волю съ землею. Его старшій брать, человысь выдающихся способностей и самаго привлекательного характера, погибалъ подъ вліяніемъ несчастной страсти къ нгрів и совершенно разорился. Князь В. А. Черкасскій, нъжно его любя, неодновратно преходель въ нему на помощь въ тяжкія минуты, -- и это отразилось на его собственномъ матеріальномъ положении. Онъ вынужденъ былъ заложить свое имъніе въ опекунскій советь. Но, по действовавшимь вы то время граждансвимъ законамъ, помъщикъ не имълъ права отчуждать ни одной десятины изъ заложеннаго именія до уплаты всего дома. Желая коть что-либо сдёлать для своихъ врестьянъ въ тогдащиее безпросветное время, и обставить ихъ выходъ на свободу прочными условінии, исключающими личный, въ каждомъ случав, произволь, онъ предоставиль у себя всемъ желающимъ право вывупаться на волю на твердо установленныхъ и льготныхъ основаніяхъ, съ разсрочкою невысокой платы на три года и съ оставленіемъ угодій въ пользованіи освобождаемыхъ, при ихъ желаніи, за половинный размёръ оброка. "J'ai fait une grande innovation par rapport à la libération de mes paysans,—пишеть онъ, 26-го октября 1846 г., брату своему Евгенію:—се matin j'ai signé un "всемилостивъй-шій манифестъ" о постоянной таксъ для желающихъ откупиться жрестьянь, et je l'ai déposé au Comptoir en le faisant proclamer.

Vogue la galère"! Дворовые, рабочіе на сахарномъ завод'в княза и наиболее домовитые врестьяне немедленно стали пользоваться условіями "всемилостив'єйшаго манифеста", и Черкасскій распространиль его действіе на именія своей матери, которыми управляль, гдё отвупилось болёе половины первоначальных , таголь". Попытка освобожденія врестьянь, предпринятая внявень въ ранней молодости-ему было всего 22 года, -- безъ житейскаго опыта и предусмотрительной обдуманности всёхъ правтическихъ имущественныхъ ея последствій какъ для него (напр., платежь подушныхъ за освобожденныхъ), такъ и для невыкупившихся врестьянъ (напр., рекрутская повинность), причиняя ему впослъдствін вначительные убытви и хлопоты, послужила темою для разнообразныхъ ядовитыхъ противъ него обвиненій, шедшихъ отъ его многочисленныхъ недруговъ и противнивовъ по врестьянскому дълу. Сначала сосъдніе помъщиви, напуганные его "противными интересамъ своего вванія" дъйствіями, а съ ихъ голоса и дворяне другихъ губерній-съ негодованіемъ стали указывать на то, что онъ волнуетъ весь врай и возбуждаетъ въ врестьянахъ и дворовыхъ духъ непослушанія и строптивости, поступая такъ по тайному уговору правительства (sic!), объщавшаго ему за это мъста, чины и отличія, и оказавшаго ему денежную поддержку. Но вогда, уже въ новое парствованіе, вопросъ освобожденія быль рёшень и пошель безостановочнымь ходомь, противь вы Черкасскаго, по поводу того же предпринятаго имъ освобожденія, было выдвинуто обвиненіе въ ворыстной предусмотрительности, нашедшее себъ выраженіе, между прочимъ, и въ брошюръ, распространенной среди гласныхъ тульскаго земства послъ смерти кыязя и вызвавшей горячую защиту покойнаго со стороны П. О. Самарина.

Новый толчокъ мысли объ освобождении крестьянъ, однаво безъ всякаго намека на надълъ, былъ данъ самимъ Государемъ. Принимая, 18 мая 1847 г., депутацію смоленскихъ дворянъ, императоръ Николай Павловичъ, по свидътельству современневовъ, сказалъ: "Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежить намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою ва государство, но я не понимаю, какимъ образомъ человъкъ сдѣлался вещью, и не могу себъ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невъжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ тор-

говли, промышленности... Почти одновременно съ этимъ, повидимому по почину тульскаго губернатора Н. Н. Муравьева (впослъдствін графа Амурскаго), образовался, съ Высочайшаго разрішенія, кружовъ тульскихъ поміщиковъ для составленія проекта освобожденія крестьянъ въ ихъ собственныхъ импыняхъ. Свідінія объ этомъ кружкі, державшемъ, какъ видно изъ письма Хомявова въ Попову, місто и содержаніе своихъ преній въ большомъ секреть, очень скудны и сбивчивы, но несомнічно, что кн. Черкасскій заняль въ немъ выдающееся положеніе, вель бурные и ожесточенные споры, составляль записки и разработаль проекть, разосланный разнымъ лицамъ, сознававшимъ важность назрівшаго вопроса объ отмінів крізпостного права. По поводу послідняго, князь Валеріанъ Голицынъ писаль ему 26 августа 1847 г.:

"Je connais déjà votre projet, cher Woldemar,—nous l'avons lu et commenté... Je l'approuve en général, seulement j'y trouve quelques longueurs. Prenez garde: évitez de faire bailler l'Etat...

"Jai rompu jusqu'à présent beacoup de lances, cher ami, pour la libération des paysans, personne, plus que moi, ne désire voir changer cet ordre de choses. C'est une plaie infecte que l'esclavage, et il est difficile de nier les abus horribles qui en sont la suite. Et pourtant, on les nie!—Que faire?—Un incurable égoïsme d'un coté, une insouciance, une paresse et une nonchalance inconcevable d'un autre, font que ce status-quo plait, et puis l'on patange dans cette boue.

"Comme je suis sur le point de vendre deux terres, j'attendrai, cher ami, d'opposer ma signature, mais vous pouvez compter sur moi, je ne reculerai devant aucun sacriflice, car cet état d'abrutissement me soulève le cœur depuis bien longtemps"...

Но пока Черкасскій, въ тісномъ кружкі товарищей и немногихъ единомышленниковъ отдавался всей душою снова явившейся надежді на осуществленіе своей завітной мечты, настушила февральская революція, сразу и рішительно вызвавшая врупную переміну во взгляді правительства на умістность и своевременность какихъ-либо попытокъ къ освобожденію крестьянъ. Въ Тулу прискакалъ фельдъегерь, привезшій приказъ: "коммиссію распустить и всякую дальнійшую разработку вопроса остановить". Отъ участниковъ "кружка" была потребована подписка, что они освобожденіемъ врестьянъ больше заниматься не будуть. И все по этому вопросу смолкло.

Наступили годы бользненнаго затипья, разрышившагося погромомъ Крымской войны, въ которой столь плачевную роль сыгралъ горячій противникъ благородныхъ предложеній Киселева и будущій врагъ "партіи надівла" при окончательной разработків врестьянскаго вопроса, князь Меньшиковъ, которому его прославленное салонное остроуміе не помогло избіжать своеобразныхъ лавровъ въ битві при Альмів.

Князь Червасскій, между тэмъ, женился, усиленно стальзаниматься хозяйствомъ и сощелся въ Москвъ съ кружкомъ славянофиловъ, въ которыхъ, хотя и не раздёляя многихъ изъ ихъ взглядовъ, онъ цѣнидъ чистоту побужденій и искреннюю любовь къ родинв. Въ этой средв, какъ отивчаютъ-въ своихъ письмахъ Хомяковъ-и въ дневникъ А. И. Кошелевъ, "эманципаців" была постояннымъ и любимымъ предметомъ беседи въ 1849 и 1850 г.г. Въ сабдующій затёмъ годъ сознаніе необходимости распространенія здравыхъ взглядовъ на крапостное право въ обществъ породело въ вружкъ, къ которому принадлежаль вн. Черкасскій, мысль объ изданіи "Московскаго Сборника", во второмъ томъ котораго должна была появиться статья внязя "Юрьевъ день". Ей, однако, не удалось тогда увядъть свъта. Весь второй томъ "Сборника", со всъми статьями въ рукописи, не былъ допущенъ до печатанія-и "не потому, что въ немъ было скавано, а потому, что умолчано", какъ объясниль издателю начальникъ штаба III-го отдъленія извъстний Л. В. Дуббельть. Вмёсте съ тёмъ нёвоторые участники "Сборнива", Аксаковъ, Кирфевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій, подвергансь ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надвору.

Но война приходила въ концу. Наступалъ миръ, тагостныя условія вотораго были куплены ціною внутренних неурядиць. Это обратило взоры всёхъ на домашнія дёла. "Въ Москве 🗷 Петербургъ менъе говорять о миръ, чъмъ объ уничтожени връпостного состоянія", — пишеть, въ февраль 1856 г., Черкасскому Кошелевъ. Последнему было разрешено издание "Русской Бесъды", и съ друзей его снято запрещеніе писать, чъмъ тотчасъ же воспользовался кн. Черкасскій для составленія "политическихъ обозрѣній" для "Бесѣды", очень, вирочемъ, связанный въ своей работ'я ценвурнымъ требованіемъ "представлять одинъ связный разсказъ политическихъ событій, почерпнутыхъ исключительно изъ русскихъ источниковъ и безъ всякихъ своихъ сужденій". Неудовлетворенный ни журнальною работою при таких» условіяхъ, ни путешествіями по Россіи и за-границей, — несоблазняемый торнымъ путемъ казенной службы, князь Черкасскій, при первомъ пробужденіи замершей мысли объ освобожденів, отдается ей снова и представляеть, 1 января 1857 г., министру

внутреннихъ двят общирную записку "о мучших средствах ка постепенному исходу изъ кръпостного состоянія", въ которой, ссылаясь на неудачу всёхъ мёръ предшествовавшаго царствованія, находить, что они обусловливалась въ вначительной стецени "личною правительственною изобретательностью и притязаніемъ въ приведенію въ исполненіе новыхъ общихъ формулъ сельских отношеній, варощенных и выработанных въ канце*лярской* атмосферѣ, а не въ народной сознательной жизни". Излагая въ 15-ти пунктахъ тв главные законодательныя ивры, которыя не только казались ему вполив возможными, но и совершенно необходимыми, вн. Червасскій говорить: "пора, вийсти съ темъ, возвратить въ этомъ деле обществу слишвомъ долго заглушенный свободный голось его, выслушать его мевніе, вызвать несомивнно присущую ему изобрётательность и самодвятельность, которыя нивакою лихорадочною деятельностью правительства замвнены быть не могутъ. Откровенно вопрошенное общество, бевъ сомнънія, найдеть въ богатомъ запась практическаго опыта своего и готовыя формуды, и тайну новыхъ искомыхъ отношеній".

Иронія судьбы преслідовала не разъ князя Черкасскаго въ его трудахъ и начинаніяхъ. Эта ваписка его была, вследствіе кавого-то недоразумвнія, смвшана съ запискою неизвестнаго автора "о способажь новало устройства отношеній между землевладъльцами и земледъльцами", появившеюся во второй половинъ нятидесятых в годовъ, -- и онъ, теоретическій защитникъ освобожденія съ землею и неустанный практическій борець за осуществление именно таного освобождения, быль провозглашень авторомъ стровъ, характеризующихъ тв раздутыя или, быть можетъ, напусвныя опасенія, которыми своекорыстные ревнители отживавшаго врепостного строя старались повліять на правительство, въ счастію не внявшее ихъ злов'єщимъ прорицаніямъ. Княжна О. Трубецкая, которой, въ ся интересной работь, помогаль профессоръ В. О. Ключевскій, категорически отрицаеть авторство вн. Черкасскаго по отношеню въ этой запискъ и печатаеть въ приложеніяхъ въ своей внигв настоящую звлиску его вмъстъ съ благодарственнымъ, по поводу доставленія ея, письмомъ товарища министра внутреннихъ дълъ Левшина. Но и помимо этого-достаточно прочесть отрывки изъ приписанной ки. Червассвому записви, чтобы увидёть, что, уже какъ человёкъ съ аснымъ и строгимъ слогомъ, и съ тонвимъ литературнымъ вкусомъ -- онъ не могь быть составителемъ этого набора "жалкихъ" и "страшныхъ" словъ. Воть что писалось тамъ, между прочимъ, во поводу предположеній объ освобожденіи кріпостных съ землею:

"Довольно свазаннаго, важется, чтобы убъдиться въ опасности устроить освалость поселянь на земляхь, имъ собственно принадлежащихъ; но если къ этому присовокупить тв неистовства и кровопролитія, которыя ожидають всёхъ во время перехода отъ настоящаго порядка въ освобожденію съ вемлей, то лезвее ножа уже чувствуется на шей, воображение рисуеть пальцы и другіе, члены, раздробленные на наковальнях сельских кузниць, вдали видятся потвшные огни, на которыхъ мелкимъ огнемъ жарятся землевладёльцы, судьи и правители, или торжественные востры изъ ободранныхъ помещиковъ и чиновниковъ... Господи милосердый! избави и сохрани Россію отъ подобнаго испытанія во имя развитія и человічества. Ніть, въ Россіи освобожденіе съ врвностнымъ правомъ на землю невозможно. Пауперизмъ и пролетаріать опасны и вредны, но демократическое разділеніе поземельнаго владенія страшно и ужасно". Какъ невольно вспоминаются при чтеніи этихъ пророчествъ слова Вирхова: "вездъ есть своекорыстныя и боязливыя натуры-и у страха есть свои перои. Когда эти несчастные начинають дрожать --- имъ важется, что весь міръ дрожить вмёстё съ ними".

Переписка вн. Черкасскаго съ выдающимися лицами его вружка пріобрѣтаетъ, съ 1857 года, особую цѣнность. Она даетъ возможность заглянуть въ возвышенные помыслы лучшихъ людей земли русской въ тѣ дни, когда ихъ родина начинала "совлекатъ съ себя ветхаго Адама"; —она проливаетъ свѣтъ на первые шаги въ этомъ отношеніи представителей разныхъ видовъ власти, — шаги волеблющіеся и неувѣренные.

"Вы, конечно, читали, — пишеть вн. Черкасскому Ю. О. Самаринъ, — очень замъчательный циркуляръ внязя Горчакова, которымъ опредъляется тонъ нашей будущей политики. Отнынъ политика Россіи будетъ русская—вотъ въ двухъ словахъ его содержаніе. Но въ Парижъ и въ Лондонъ это показалось дерзостью, и Бруновъ подвернулся съ пошлымъ извиненіемъ: "Voyons, пе prenez donc pas nos paroles au sérieux, се que nous disons ne s'adresse pas à l'Europe, c'est pour l'usage intérieur, c'est une concession, que fait le gouvernement à l'opinion nationale, dont il subit la pression". Вся Нессельродовщина — въ этихъ словахъ! Но всего забавнъе то, что эту ноту, предназначенную для домашняго употребленія, читала публика англійская, французская и нъмецкая; не читала ее только наша публика, потому что въ русскихъ газетахъ она не была обнародована. Это со-

вершенно въ духѣ старой системы: на что-де имъ знать, что дѣлается съ Россіею; 'ихъ дѣло жертвовать, когда велять"!

18 ноября 1857 г., Самаринъ пишетъ: "Печальнъе всего то, что, повидимому, нивто не понимаетъ, что политическій ударъ, нанесенный намъ, и подъ которымъ мы до сихъ поръ еще налодимся, вынуждаетъ насъ стать отвровенно на путь прогресса въ нашей внутренней политивъ,— что не въ томъ дъло, чтобы исправить нъкоторыя вопіющія несправедливости или раздать нъкоторыя подачки; надо пробудить отъ сна всё производительныя сны страны, какъ нравственныя и умственныя, такъ и матеріальныя, уничтоживъ рабство (казенное и помъщичье кръпостное право), возвративъ слово Церкви, давъ болъе широкое основаніе народному просвъщенію, преобразовавъ нашу подушную податвую систему и тоже рекрутскую. Однимъ словомъ, необходимъ опредъленный планъ, надо знать, чего хотимъ, а не пробавляться изо дня въ день разными изворотами".

Какъ известно, въ начале 1857 года быль, по старому обычаю, обравованъ новый секретный комитеть по врестьянскому двлу подъ предсвательствомъ внязн Орлова. Все могло окончаться привычною ванцелярскою истомою. Но, въ счастью Россів, въ веливодушномъ сердцѣ Государя прочно и совнательно укрвинлась мысль о коренномъ уничтожение рабства, "неблагородный духъ" котораго умоляль его истребить поэть. Въ концъ лета 1857 года, Александръ II вернулся изъ-за граници, где бесвдоваль съ Гакстгаузеномъ, гдв часто видался съ великою внягинею Еленою Павловною. 20 ноября 1857 года, последоваль знаменитый рескрипть виленскому генераль-губернатору Назимову. Надежда обращалась въ увъренность, и наболъвшему чувству, столь долгое время, повидимому, безъисходному, предстояло обратиться въ сознание плодотворнаго, энергическаго и радостнаго труда... "Jacta est alea!!! -- пишеть Кошелевь: -- Кесарь переступня трезъ Рубивонъ! Честь и слава нашему Царю и Государю!".

Червасскій въ это время находился въ Римъ, гдѣ сблизвися съ баронессою Эдитою Радевъ, относившеюся въ освобожденію врестьянъ съ живъйшимъ участіемъ своего глубоваго сердца и возвышеннаго ума. Она представила вн. Червассваго великой внягинъ,—и между этою, до сихъ поръ не оцъненною по заслугамъ замъчательною женщиною и имъ начался оживленный обмънъ мыслей все по тому же, начинавшему всъхъ волновать, назръвшему вопросу. "Хотълъ я,—пишетъ Червасскій

Кошелеву въ январъ 1858 г., -- дождаться положительныхъ навъстій отъ моего брата изъ Тулы, которому я писалъ, что если меня захочеть выбрать дворянство въ комитеть, или если назначить губернаторь, то я немедленно возвращусь въ Россію. Но отвъта до сихъ поръ я отъ него не имъю, и не внаю даже положительно, что думаеть и чего кочеть наше дворянство... Всв эти недоумънія и безпрестанная дума о томъ, что теперь дълается, или чего не дълается теперь въ Госсіи, совершенно портить пребывание мое въ Римъ, какъ бы ни могло оно быть пріятно при другихъ обстоятельствахъ. Другая изъ причинъ оповданія моего отвёта та, что я хотёль прежде прочесть вашу статью объ общинъ въ IV кн. "Беседи"; здёсь есть только одинъ экземпляръ, принадлежащій великой княгині, и коть она отдала его читающей русской братін, книга эта еще не дошла до меня. Вообще, великая внягиня — единственный здёсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ, и я также пользуюсь ея крохами, но всетаки всего этого мало, газеты нъть ни одной, а о посольствъ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хоть одну печатную русскую строку. Присутствіе здёсь великой княгини полезно еще въ томъ отношенія, что, по врайней мъръ, замъняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извъстіями политическій отдъль русскихъ газеть и виъсть даеть возможность судить о томъ, какъ смотрять на все теперь совершаницееся въ высшихъ оффиціальныхъ вругахъ Петербурга. Ко мив она до сихъ поръ любезна до врайности и во всёхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе врестьянь и притомо со землею. Вообще же нельзя сказать, чтобы мысль эта нравилась адёсь всёмъ нашимъ соотечественнивамъ. На дняхъ О..., говорятъ, написалъ больщое письмо молодой императрицъ, гдъ указываеть ей на мнимыя опасноств начинающагося преобразованія, достаточно, по его мивнію, расврывающіяся изъ радости либеральной партія! Воть какіе у насъ премудрые государственные люда и какъ они становятся дальновидны, вакъ скоро начинають бояться за свои доходы".

Пользуясь вниманіемъ веливой внягини, вн. Червасскій составиль для нея дві общирныя записви "о масныхъ и существеннюйшихъ условіяхъ успожа новато положенія". Для харавтеристиви ихъ отношеній по крестьянскому вопросу служить, между прочимъ, слідующая записочка баронессы Раденъ по полученіи извівстія о допущеніи этого вопроса въ обсужденію вы печати:

"Mon Prince, je viens de recevoir de Russie des lettres fort

intéressantes. M-me la Gr. Duchesse voudrait vous en parler et Vous engage, si le temps continue à être mauvais, à venir chez elle à 3 heures. En attendant je ne saurais me refuser le plaisir de vous annoncer, que la libre discussion des grandes questions du jour vient d'être autorisée dans les Revues. Naturellement qu'on excepte les Ordonnances Imp. du nombre des sujets discutables.

Съ возвращениемъ вн. Черкасскаго, въ апрълъ 1858 г., для него настала пора дъятельной работы, наполнившей всю его жизнь. Установленный, по предложению А. И. Кошелева, между нить, Червасскимъ и Ю. О. Самаринымъ, постоянный, аккуратный и последовательный обмень писемь для того, чтобы держать другь друга въ курст всего хода врестьянскаго дела въ сферъ дъятельности важдаго изъ нихъ и дъйствовать вмъстъ, дружно и согласно, --- даетъ возможность видёть всю настойчивую и самоотверженную службу ихъ великому делу. Эти своего рода "окружныя посланія", исполненныя величайшаго интереса, возвращались въ первоисточнику обывновенно съ замѣчаніями и съ выраженіемъ согласія или несогласія на тв или другія, содержавніяся въ нихъ, мивнія или предположенія. Нівоторыя письма, исходившія отъ Ю. О. Самарина, бывали облечены частію въ вмористическую оболочку. Онъ велъ дневникъ засъданій самарсваго комитета въ драматической формъ и, называя ивкоторыя свон большія письма рапортами, выставляль на нехъ №. Такъ, въ рапорию № 1 (отъ 9 октября 1858 г.), адресованномъ "Алевсандру Ивановичу Кошелеву и князю Владиміру Александровичу Червасскому отъ сострадальца ихъ по самарскому комитету, члена отъ правительства Юрія Самарина", последній пишеть:

"По старой, котя и неразумной привычей сознавая себя въ некоторой крепостной зависимости отъ издателя "Сельскаго Благоустройства" 1), который на длинныя мои письма и пространные доводы изволить отвечать краткими резолюціями на поляхъ, въ роде след.: "вздоръ", "совершенно неосновательно" и т. п., имею честь донести о первомъ появленіи, привнакахъ и дальнейшемъ ходе нынё повсеместно господствующей умственной болезни, поражающей дворянскій организмъ и на оффиціальномъ языке именуемой: комитетскими совтщаніями.

"Первое предварительное собраніе, какъ я им'влъ честь въ свое время докладывать, происходило въ іюл'в м'всяц'в для разсмотр'внія составленной мною программы вопросовъ для описа-

¹⁾ Т.-е. А. И. Кошелева.

нія дворянсвихъ иміній, каковая программа была утверждена, ва исключениемъ одной статьи. Въ оной, въ скобкахъ, я включилъ опредвление усадьбы, т.-е. перечисление составныхъ частей ел со вилючениемъ и выгона; но благородное дворянство таковую мою воровскую продёлку, имъвшую цълью впослёдствін устранить дальнейшее сопротивление отдачи выгона, -- усмотреть изволило и, осерчавъ не мало на смиреннаго раба вашего, постановить благоволило: что выгонъ-де врестьянину не нуженъ и болье относится въ живописности и уврашению мъстности, чъмъ къ козяйственнымъ потребностямъ всякаго рода, проживающихъ въ деревняхъ, скотовъ, какъ-то: коровъ, гусей, кръпостныхъ крестьянъ, свиней и телятъ, ваковые скоты удобно могутъ снисвивать себъ приличное пропитание и бевъ выгона, отъ подажния доброхотныхъ дателей. За симъ, оставивъ раба вашего въ немаломъ конфувъ, изволило разъвхаться по домамъ, для понужденія себ'в подобныхъ въ составленію описаній, положивъ собраться вновь 25-го сентября", и т. д.

Иногда эти письма-въ той же формъ окружныхъ посланійкасались и личныхъ вопросовъ участниковъ переписки. Такъ, осенью 1858 г., князю Черкасскому были сделаны предложенія о поступлении на службу. Онъ не считалъ удобнымъ дать тотъ или другой отвёть, не передавъ вопросъ на обсуждение друзей, и высказаль лишь мевніе, что служебныя условія стеснили бы его дъятельность. Особенно интересенъ ръшительный отвътъ, данный ему по этому вопросу Самаринымъ въ письмъ въ Кошелеву: "... частныхъ услугъ и содействія — сволько угодно, вступленія же въ службу-рішительно ни подъ какимъ видомъ, ни съ какимъ чиномъ, ни на какую должность!". Онъ мотивироваль это, между прочимъ, твмъ, что служба, въ ен тогдашнихъ условіяхъ, не способна была принять въ себя свіжіе элементы на новыхъ правахъ, а пріемъ на старомъ положеніи неизбъжно быль бы связань сь подчинениемь всёмь началамь, пріемамъ и условіямъ сложившагося служебнаго безпорядва, т.-е. съ правомъ претворить по-своему всякаго честнаго и даровитаго человѣка.

Отсылая читателя въ этой переписке, занимающей большую часть книги первой разбираемаго изданія и представляющей ненямённое осуществленіе прекраснаго стараго правила, гласящаго: "in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas", мы только укажемъ, что друзья, бывшіе въ переписке, не скрывали отъ себя трудности предстоявшей задачи. Наиболее впечатлительный между ними, Юрій Өедоровичъ Самаринъ писалъ:

"Знаменія многовначительныя, хотя и ускользающія отъ общественваго внеманія, совершаются у насъ въ глазахъ. Самое первое и важное - это небывалое никогда, безпримърное спокойствіе всего врівностного сословія. Ни отвуда ни жалобы, ни стона, ни признава нетерпенія. Все молчить и выжидаеть - что будеть? Что же тантся подъ этимъ величавымъ молчаніемъ?... Въ то время вавъ мы муштровали создативовъ, строили и театры, и цирки, возстановляли въ Европъ австрійскіе порядки и не думали объ 11 милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-тави жиль, хотя въ смысле чисто стихівнаго, безсовнательнаго развитія. Это развитіе совершалось такъ же незамётно и таниственно, вакъ постепенное разложение верна, брошеннаго вглубь земли, какъ образование ростка, кори, -- вообще какъ весь процессь растительности. Нужды, потребности, боли и муки всяваго рода усиливались съ важдымъ днемъ, удовлетворение и уврачевание становились болже и болже необходимыми, а между твиъ мы объ нихъ и не думали; мы не только не приступали въ дёлу, даже ничего не подготовляли для будущаго приступа. 15-ть томовъ Свода Законовъ и 32 къ нимъ продолжения вышли въ теченіе 20 літь, и въ этой груді нельзя найти ни одной статьи, которая бы въ чемъ-нибудь улучшала положение кръпостного сословія. Теперь мы стали втупивъ, потому что мы вастигнуты врасплохъ вопросомъ, который не былъ никвиъ возбуэкденз, а отерся въ намъ самъ, какъ непрошенный гость, который долго и безплодно стучался въ дверь и звонилъ въ воловольчивъ. Потребности настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши средства: воть въ двухъ словахъ, какъ представляется мей настоящее положение дваъ. Подъ средствами я равумено не только деньги, но и тоть запась сведеній, данныхъ, ума и воли, которыми располагаеть правительство"...

Въ другомъ письмѣ, отъ 16 августа 1858 года, онъ пишетъ Черкасскому:

"Я получиль на дняхь извлечение изъ постановлений московскаго комитета. Нельзя сказать, чтобы Бълокаменная отличилась. C'est maigre, incomplet, vague, diffus et ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'à chaque ligne vous voyez percer un parti pris de ne jamais aborder de front les questions difficiles et d'éviter tout ce qui pourrait exiger un travail sérieux. La paresse et la nonchalance triomphent même de la cupidité. Вы такъ и читаете промежъ стровъ: что котите, то и дълайте, только, ради Бога, поскоръе избавьте отъ трудовъ и хлопотъ. Коли котите, и эта боязнь труда можеть въ искусныхъ рукахъ сдёлаться сильнымъ рычагомъ, но все это очень грустно. Въдь это признави неизлъчимой болъзни одряхлъвшаго общества. Давайте будить, что есть силы!"

"Будить" было трудно. Нужна была горичан любовь въ делу. чтобы, подчасъ, не опустить рукъ. "Неизлечимая болезнь" сказывалась не одною пассивностью, --- она неръдво принимала свойства бреда и переходила въ раздражение, вызывавшее наступательныя дъйствія съ неравборчивостью въ пріемахъ-часто наивныхъ, а иногда прямо грубыхъ. Переписва содержить въ себв, въ этомъ отношенів, много харавтерных указаній. Въ Туль, напримъръ, на пріем'в у товарища министра Левшина, въ октябр'в 1857 г., накодится депутать, требующій установленія строжайшей цензуры на только-что начавшіе дышать и подавать привнави жизни журналыи совершеннаго запрещенія Б. Н. Чичерину писать что-либо! Тамъ же, 2-го декабря 1858 года, большинство губерискаго дворянскаго комитета по устройству быта пом'ящичьихъ врестьянъ, желая отклонить весьма серьезное, во непріятное ему васъданіе,послъ ряда канцелярскихъ затрудненій, - прибъгаетъ къ особой уловкъ, состоящей въ заявленіи о распространивінемся въ заяв "угарномъ чадъ", съ просьбою не открывать засъданія, —и покидаеть залу, несмотря на объясненія вн. Черкасскаго и пяти членовъ меньшинства, что они не чувствують на себе никакого вліянія угара и что заврытіе заседанія незаконно. Въ той же Туле, во время дворянскихъ выборовъ, противники внязя Черкасского нодаютъ губерискому предводителю Арсеньеву покрытую множествомъ подписей бумагу о томъ, чтобы просить будущаю губерисваго предводителя ходатайствовать предъ правительствомъ объ удаленін Червасскаго изъ врестьянскаго комитета, --- и когда Арсеньевъ отказывается принять бумагу, поднимають такой шумъ и гамъ, что онъ вынужденъ закрыть засёданіе и удалиться, окруженный ими и угрожаемый... Въ марть 1859 года князю Черкассвому устраивается дуэль. Нъвто В. - впоследствии мировой посреднивъ перваго призыва и вполив сочувствующій ви. Черкасскому человёкъ, --- заявляеть въ засёданік, что князь разнаго съ нимъ мивнія потому, что состоить въ комитетв членомъ отъ правительства и, въроятно, не сочувствуя дворянству, взялъ за правило ему вредить и т. д. Споря съ нимъ, Червасскій замъчаеть, что в при самомъ исвреннемъ сочувствіи дворянству ему можно оказать иногда "медвъжью услугу". Споръ оканчивается мирно, но недруги внявя пользуются его замівчаніемъ, чтобы поджечь В. счесть себя осворбленнымъ, такъ какъ извёстная басня Крылова начинается словами: "услужливый дуравъ-опаснъе врага",

н побудить его въ вызову, причемъ, по объяснению П. О. Самарина, севунданты В. имъли наивную смълость утверждать, что
дъйствують даже не отъ его имени, а отъ имени большинства
вомитета. Повидимому, строгія условія дуэли, поставленныя винвемъ Черкасскимъ, вакъ вызваннымъ, не дали ей состонться.
Изъ множества примъровъ можно еще отмътить слъдующій,
указывающій, до чего у насъ тогда было малое внавомство съ
влементарными пріемами веденія преній и руководства ими.
Членъ менъшинства, баронъ В. М. Менгдевъ, въ бурномъ засъданіи, требуетъ у исправляющаго должность предсъдателя, уъзднаго предводителя К. многократно и тщетно, дать ему слово,
на что наконецъ К. отвъчаеть ему сердито: "Какъ вы хотите,
баронъ, чтобы я далъ вамъ честное слово, не услыхавъ раньше,
въ чемъ дъло и о чемъ вы хотите меня просить"!?

Всв подобныя происшествія: - упорное непониманіе большинствомъ ни своихъ настоящихъ, ни общихъ интересовъ, -- стремленіе встын мітрами затянуть управдненіе тяготившаго совітсть лучшихъ людей порядка вещей, -- глухое недоброжелательство н явно враждебныя действія противъ безкорыстимхъ защитниковъ безправнаго и темнаго крепостного сословія, -- клеветы и инсинуаців-все вто, въ концѣ концовъ, въ связи съ массою работы, утоминио Самарина, Коптелева и Чернасского и отражалось на ихъ душевномъ настроеніи. Вотъ, напр., какая работа лежала по санарскому вомитету на Самаринъ:---, вотъ противъ чего будетъ споръ, —пишетъ объ въ одномъ наъ своихъ окруженые посланій, -это право вступать въ монашество и въ военную службуболтся, чтобы дворовые не разбажались отъ нихъ; воспрещеніе отдавать врёпостныхъ людей, безъ ихъ согласія, въ услуженіе, работу и во временное владеніе. Они (т.-е. большинство) хотять оговорить, что пом'вщикъ удерживаеть право определять дворовыхъ людей въ услужение въ женъ, дътямъ и близвимъ домашнимъ. Я оспариваю, доказывая, что это и безполезно, потому что порядочному человъку дворовые не откажутъ въ согласін, и вредно-потому что формальное право подало бы поводъ къ злоупотребленіямъ и увлекло бы въ неисчерпаемую ка-вунстику. Затёмъ, воспрещеніе дворовыхъ людей безъ ихъ согласія переводить въ врестьяне: -- они хотять, чтобы можно было отслужившихъ свое время и негодныхъ для услугъ сбывать съ рукъ на шею крестьянамъ. Воспрещение безъ согласия крестьянъ переселять ихъ изъ одного имънія въ другое тоже хотять удержать. Право подъ присягою свидетельствовать въ уголовныхъ дыахь, въ коихъ замъшанъ помъщикъ, — сильно возстають противъ этого. Мив придется подать не менве четырехъ протестовъ.

"По всему этому вы можете судить, довольно ли у меня дёла. Шесть разъ въ недёлю — три раза въ комитете и три раза въ редакціонной коммиссіи — я долженъ диспутовать 4 часа къ ряду, писать вопросы, проекты положеній, особыя мивнія и т. д. Вся комитетская работа на моихъ плечахъ. Никто не помогаеть. Прочіе только спорять и возражають, но никто ничего не дёлаеть, потому, во-первыхъ, что гораздо легче опорочивать чужую работу, и во-вторыхъ — по дворянской лёни. Мое положеніе очень странно: они меня не терпять, всёми мёрами и сплетнями стараются меня поссорить съ моими сторонниками, а между тёмъ бевпрестанно обращаются ко мив и все возлагають на меня".

"Спросите-ка Тургенева, — пишеть И. С. Аксавову въ октябръ 1858 г. Черкасскій — объ одномъ экземпляръ нашего комитета, котораго онъ у меня видълъ и который далеко не самый худшій. Онъ не можетъ припоминать о немъ безъ ожесточенія. Я, говоря съ членами большинства, всегда говорю имъ, что они напоминають мит мени самого, когда мит было летъ семь; меня ставили въ уголъ, я блажилъ, плакалъ, кричалъ, топалъ ногами и все-таки не хотълъ учить скучнаго урока. Это сравненіе ихъ бъситъ, но не исправляетъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь говорить съ человъкомъ, не совствъ глупымъ, который явно васъ понимаетъ, но не хочетъ даже показать этого вида и на вст ваши краснортивне доводы отвъчаетъ вамъ: нътъ, не правда! Вотъ я теперь въ этомъ положеніи"...

"Большинство у насъ теперь неистовствуеть, -- пишеть онъ въ другомъ письмъ, --- откававшись подавать голоса вслухъ и введши тайную баллотировку шарами; за симъ, заперевъ свои двери в отказавъ даже тульскимъ дворянамъ въ правъ присутствовать въ вомитетъ, большинство во вчерашнемъ засъдании не удовольствовалось еще и этимъ и пришло, наконецъ, въ великоленному предложению: отнять у насъ, меньшинства, право даже записывать наши отдельныя мибнія въ журналы заседанія. Каково! Шумъ былъ такой, вакого еще ни разу не было; признаюсь, они въ первый разь успъли меня вывести изъ себя; не вняю, какъ дъло это кончится, но я ихъ стращаю, что если они ръшать такое беззавоніе, то я свои отдёльныя мивнія буду посылать прямо въ министерство, съ просьбою объяснить мит, вакъ в куда мив ихъ впредь подавать. Будущее засвдание будеть, по всвиъ ввроятіямъ, еще бурнве, ибо я рвшился не уступать въ этомъ вопросъ, во что бы ни стало"!

Тавнить образомъ, преврасно владъвшій собою, представлявшій, по выраженію очевидца его діятельности, Хомявова, "веливолійный образецъ парламентскаго діятеля и оратора", вн. Червасскій начиналь терять самообладаніе, несмотря на свой "евргіт de combativité". А этоть духъ бойца быль въ немъ силенъ. "Я предвижу—пишеть онъ въ ноябріз 1858 г. Кошелеву—въ этомъ вомитеті для себя рядъ скучныхъ, томительныхъ и тяжелыхъ испытаній, но я зараніве объявиль всімть, что чомз болое будута стараться мню долать непріятностей, томя тверже я буду сидоть на своємъ мюсть, и что никакая сила меня не выкурить. Но что приважете ділать противъ 16 или 17 вомпаєтвыхъ голосовъ, съ 10-ью или 11-ью, разділенными еще между собою по вопросу о наділів! Знаете ли вы, что по этому вопросу я оставусь при своємъ мийніи одинъ съ тремя или четырьмя голосами! Это еще самое большое!"

Нѣсколько иначе отражалось тяжелое положеніе члена отъ правительства въ губерискомъ комитетѣ на Ю. Ө. Самаринѣ. И онъ владѣлъ собою среди враждебной обстановки, но втайнѣ глубоко страдалъ. Ему приходилось постоянно "connaitre la sottise dans l'injustice", какъ выразился Сорель въ своей рѣчи о Тэнѣ. Онъ пишеть, въ концѣ 1858 года, своимъ соратникамъ: "до сихъ поръ я не измѣнилъ данному себѣ обѣту: не горячиться, не ссориться, не выходить изъ себя, но я чувствую, что это искусственное вовдержаніе разстраиваетъ мое здоровье. Ночью натура береть свое, кровь приливаетъ въ голову, сердце бъется, и ночь проходитъ безъ сна, въ лихорадочномъ раздраженіи или въ неумолкающемъ бреду, въ спорахъ и битвахъ. Желалъ бы я знать, не испытываете ли вы того же самаго?".

Положеніе Кошелева тоже было не лучше. Въ рязанскомъ губерискомъ комитетв его твснили и оскорбляли всевозможнымъ образомъ, старансь заставить сложить съ себя званіе члена отъ правительства. Но сломить его не удалось—и переписка друзей содержить въ себв подробное описаніе всвят перипетій этой борьбы, окончившейся, однако, победою Кошелева и объявленіемъ Высочайшаго выговора большинству комитета. "Оборонительная" выдержка Кошелева не уступала "наступательной" энергіи кн. Черкасскаго, и оба они не падали духомъ и не сомиввались въ правомъ и окончательномъ успёхё своего дёла, какая бы буря ни ревёла вокругь. Въ этомъ отношеніи замёчательно окруженое письмо Кошелева, отъ 11 февраля 1859 г. Тёснимый въ рязанскомъ комитетв, онъ, вмёсть съ тёмъ, видёль

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

и невозможность продолжать изданіе своего "Сельскаго Благоустройства", въ которое уложиль много силь и матеріальныхъ средствъ. Всю статьи по врестьянсвому вопросу предписано было непремённо отсылать, сверхъ обычной цензуры, на предворительную цензуру министерства внутреннихъ дёлъ и всюхз министерствъ и главныхъ управленій, воторыхъ можетъ что-либо касаться въ этихъ статьяхъ. Сообщая о своемъ рёшеніи превратить, въ видё такихъ условій, свое изданіе, если не удастся добиться—путемъ поёзден въ Петербургъ, чтобы "постучаться во всё двери",—отмёны этого распоряженія, Кошелевъ тотчасъ же обращается къ главному вопросу—о врестьянскомъ дёлё—и, забывъ свои личныя огорченія, подробно вритикуетъ журналы и постановленія тверского и рязанскаго губернскихъ комитетовъ.

Среди борьбы и споровъ, представлявшихъ то, что въ механивъ называется "безполезнымъ треніемъ", бывали, однако, для выдающихся членовъ меньшинства и минуты торжества и душевнаго удовлетворенія. Тавія минуты должень быль пережить внязь Червасскій, вогда, 20 девабря 1858 года, на ввартир'в у барона Менгдена, въ самый разгаръ похода противъ него на выборахъ, одна треть изъ всёхъ собравшихся въ Туле дворянъ дала ему необычный объдъ, движимая уваженіемъ въ личному харавтеру стойваго и вёрнаго представителя лучшаго направленін въ врестьянскомъ дёлё. Этоть обёдь быль отвётомъ на распространяемые противнивами Червасского служи о разныхъ нападеніяхъ на него въ зал'є дворянскаго собранія. Въ ряд'є рвчей, начатыхъ привътствіемъ отъ товарищей по университету, была обрисована двятельность кн. Черкасскаго по комитету и въ собраніи дворянства, гдъ, по словамъ Хомявова, онъ предлагалъ всевозможныя объясненія, когда могь говорить съ полною свободою, -- и постоянно отвазываль въ нихъ, какъ своро являлась хоть тънь принужденія и угрозы. Тость въ память "незабвеннаго учителя-Т. Н. Грановскаго" закончиль этоть знаменательный для вн. Черкасскаго празднивъ.

Переписка князя съ Кошелевымъ не только представляетъ богатые матеріалы для исторін освобожденія крестьянъ, но рисуетъ также многосторонній и д'ятельный умъ Черкасскаго, постоянно занятый творческою работою. Изъ писемъ его видно, что, попутно съ вопросами объ устройствъ сельскаго быта, его живо интересовали и вопросы объ устройствъ близкаго къ народу суда. Онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на волостной судъ, предвидя главнъйшіе его недостатки, проявившіеся впосл'єд-

ствін на практикъ, но его очень занимало устройство мировой юстипів—и онъ не разъ возвращался въ писанію статьи о "мирных судьях , въ воторой предлагаль дев системы ихъ избранія. Затыть онъ разработаль и составниь подробный проекть земскаго банка подъ названиемъ "Вольнаго тульскаго земельнаго кредитнаго общества", имъвшаго цълью доставить врестьянамъ возможность, съ помощью открываемаго вредита, пріобрести отъ своихъ поивщиковъ нужное для ихъ обезпеченья количество земли и доставить возможность важдому пом'ящиму получить немедленное и достаточное вознаграждение за уступасную врестьянамъ землю. Московскій цензурный комитеть не разрішня нанечатанія этого проекта въ "Сельскомъ Благоустройствъ". Настойчивый авторъ сдался не сразу: онъ послалъ проекть, въ формъ пробнаго отиска, великой княгине Елене Павловие, которая чрезъ А. А. Абазу препроводила ему свои замівчанія, сущность которыхь сводилесь въ предпочтению мистичние вемельнымъ банкамъ для содъйствія выкупу — общей государственной операціи. Вивств съ твиъ онъ подробно писалъ министрамъ Ланскому и Ковалевскому, проси отміны запрещенія, наложеннаго ценвурой, но просить все-тави не увидель тогда света, вследствіе решительных восраженій противъ него со стороны министра финансовъ.

14 марта 1857 г., внязь Червасскій получиль письмо отъ предсёдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцева, поміченное 9-мъ марта. Въ немъ говорилось:

"Многочисленные и почтенные труды ваши по врестьянсвому вопросу, проявившеся какъ въ литературной вашей двятельности, тавъ и въ средв комитетскихъ вашихъ занятій, побуждають меня, съ Высочайшаго одобренія, пригласить васъ, отъ имени Его Императорскаго Величества, если только обстоятельства ваши дозволять, принять на себя делжность членаэксперта въ коммиссіяхъ для составленія положеній о врестьянахъ.

"Въ случав принятія сего приглашенія имёю честь просить васъ почтить меня о томъ ув'йдомленіемъ и посившить прибытіемъ въ Петербургъ, гдв воммиссіи наши уже отврыли свои засъданія".

Такое же приглашеніе получиль и Ю. Ө. Самаринь. Предъ нями открывалось новое, болье широкое поле двятельности и борьбы. Въ письмахъ, которыми они обмвнялись, звучить бодрое сознаніе важности предстоящей миссіи, ньсколько однако омраченное твмъ, что ихъ върный сотоварящъ Кошелевъ не призванъ въ Петербургъ... Въ началъ апръля, по закрытіи тульскаго губернскаго вомитета, — Червасскій выбхаль въ місто своего новаго служенія ділу освобожденія врестьянь.

Этимъ отъевдомъ заванчиваются напечатанные покуда вняжной Трубецкою "Матеріалы". Намъ думается, что даже изъ нашего бёглаго и далеко не нолнаго очерка должно быть видно, какой глубокій интересъ могутъ представить дальнёйшіе выпуски, которые будуть содержать въ себё отдёлы: "Князь Черкасскій в редакціонныя коммиссіи (1859—1861 г.)", и "Князь Черкасскій—мировой посредникъ (1861—1863 г.)". Въ архивё князь Черкасскаго хранятся, какъ видно изъ предисловія издательницы, собранные вдовою послёдняго богатые матеріалы и для исторів его дальнёйшей дёятельности, въ качестве министра внутреннихъ и духовныхъ дёлъ въ царстве Польскомъ, въ званіи московскаго городского головы и въ роли завёдующаго гражданскою частью въ Болгаріи, во время восточной войны. Они, вёроятно, составять второй томъ изданія.

Къ вышедшему первому тому приложена фототипическая группа членовъ "меньшинства" тульскаго губернскаго вомитета. Среднее мъсто между ними занимаетъ внязь В. А. Черкасскій. Вся его поза, съ връпво переплетенными пальцами рукъ дышеть энергією, знающею чего она хочеть, и упорною настойчивостью. Физическій обликъ внязи Черкасскаго, врушныя и мужественныя черты его лица, смёлый, рёшительный вворъ и вся его повадка очень мало измёнялись съ теченіемъ лётъ. Пишущій настоящія строви встрётня внязя въ 1877 году, предъ самымъ его отъевдомъ въ Болгарію, у баронессы Раденъ, въ свромной ввартирѣ воторой, въ теченіе многихъ лѣтъ, сходились, со своимъ планами и надеждами, тревогами и сомибнівми, Ниволай Милютинъ, Юрій Самаринъ, князь Черкасскій, Иванъ Аксаковъ, Дмитріевъ, Кавелинъ, Чичеринъ-и просиживалъ долгіе вечера Тургеневъ. Онъ быль тоть же, какъ и на группъ "меньшинства", полный жизни и твердой, ясно совнающей свои цели, воли; -- это сказывалось въ тонъ его ръчи, въ сповойномъ жесть. "Вамъ предстоить тами большая борьба, - сказала ему баронесса Раденъ, и въроятно вы у многихъ встрътите враждебное противъ себя настроеніе". — "Что-жъ борьба, — ответиль Черкасскій, — борьба это живнь, а враговъ имъть я люблю"... И чувствовалось, что это тавъ и есть на самомъ дълъ. Это было последнее свилание внязя со своею старою и върною пріятельницею и союзницею. Онъ скончался въ Болгаріи, въ 1878 году, въ знаменательный для него день 19-го февраля...

Предпринявъ свой обширный трудъ, "не взирая на свою неумълость и неопытность", издательница имъла цълью "дать важдому
читателю возможность возсозданія, по опубливованнымъ ею матеріаламъ, — доблестнаго и благороднаго облива одного изъ наиболье выдающихся дъятелей царствованія Александра II". Можно
смало сказать, что цъль эта, несмотря на недовъріе издательницы
въ своимъ силамъ, достигнута вполнъ. Страницы ея вниги живута
в будятъ мысль читателя, вниманіе вотораго невольно привовывается въ личности и упованіямъ выдающихся людей лучшихъ
льть эпохи "въ сврижаляхъ царства незабвенной".

Княжна Трубецкая обусловинваетъ доведеніе до конца предприятаго изданія, между прочимъ, необходимостью вознивновенія твердаго убъжденія, что царствованіе Александра II настолько отошло въ область исторіи, что обнародованіе относящихся вънему документовъ не является преждевременнымъ. Намъ кажется, что, въ этомъ отношеніи, почтенная составительница вниги, вложившая въ свое дѣло столько внимательнаго труда и теплой любви, можеть быть спокойна. Собранные ею матеріалы для исторіи гражданскаго развитія родины—всегда своевременны. Изъ нихъ звучить не только голосъ неподкрашенной и истинной правды, но и слышится, подкрѣпленное поучительными примърами, столь нужное во всякое время, слово призыва къ настоящему и неустанному служенію родной странѣ...

А. Кони.

HOBOE

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ

 Вотчинное право. Проектъ Височайше учрежденной редакціонной коминскія по составленію гражданскаго уложенія. Томи І—III, съ объясненіями. Спб., 1902.

Важнъйшій отдёль имущественных правь, касающихся непосредственнаго обладанія вещами и цённостями, получаєть въ настоящемъ проектё своеобразное освъщеніе, благодара усвоенному составителями арханческому термину "вотчинное право". Подъ вотчиннымъ правомъ разумълось въ былое время право наследственной собственности, преимущественно поземельной; теперь этимъ терминомъ, давно вышедшимъ изъ употребленія, предлагается называть боле обширную область правоотношеній, касающихся не только поземельныхъ, но и движимыхъ имуществъ. Неудобства этой терминологіи, на которыя мы указывали въ свое время 1), весьма чувствительно отзываются на общей системъ и на всемъ содержаніи проекта.

Поземельныя отношенія, составляющія основу всего народнаго быта, не выдёлены въ особую группу, а смёшаны почемуто съ совершенно посторонними предметами. "Вотчинныя права—читаемъ мы въ первой стать проекта—суть: 1) право собственности; 2) права въ чужомъ имуществ ; 3) залогъ и закладъ. Къ вотчиннымъ правамъ относятся также авторское право и привилегіи на изобретенія, а равно права на фирму и на товарные знаки". Соединеніе столь разнородныхъ вещей нодъ одной

¹⁾ См. нашу статью въ "Въстинкъ Европы", 1900, январь, стр. 249 и слъл.

общей рубрикою не оправдывается инкакими логическими мотивами и вносить лишь ненужную запутанность въ существующія понатія. Если уже требовалось во что бы то ни стало ввести въ употребление терминъ "вотчинное право", то необходимо было по врайней міру держаться его точнаго смысла и ограничить его примънение опредъленнымъ вругомъ правъ, имъющихъ какую-либо связь съ поземельною собственностью. Нивто не назоветь заклада вотчиннымъ правомъ; нельзя относить авторское право и привилегіи на изобретенія къ той же категоріи правъ, вавъ и права по землевладению. Правда, составители проекта понимаютъ вотчинное право въ томъ шировомъ значении, какое придается юристами праву вещному; но последнее не совпадаетъ н не можеть совпадать съ вотчиннымъ правомъ, да и не было вообще надобности ни вамёнять одинъ терминъ другимъ, ни вводить въ законодательство классификацію, противоръчащую природв вещей. Поземельное право, по своей исключительной важности для народа и по своимъ спеціальнымъ особенностимъ. должно занимать самостоятельное мёсто въ гражданскомъ уложенін; во всявомъ случай, оно заслуживало бы того, чтобы его не смъщивали съ другими "правами на вещи" и между прочимъ съ такими, вакъ авторское право или права на фирму и на товарные знави.

Следуя во многомъ иностраннымъ водевсамъ, воммиссія по составлению уложения даеть обстоятельное и отчасти теоретичесвое опредвление права собственности, безъ различия предметовъ этого права. По 16-ой стать в проекта, "право собственности есть право полнаго и исключительнаго господства лица надъ имуществомъ, насколько это право не ограничено завономъ и нравами другихъ лицъ". Такъ какъ право собственности можетъ принадлежать не только лицамъ, но и учрежденіямъ, сословіямъ и самому государству, то правильные было бы, вмысто "господства лица", поставить "обладаніе" имуществомъ. Зат'ямъ, не довольствуясь признавами полноты и исключительности права собственности, проекть перечисляеть и опредъляеть существенние элементы этого права. "Собственнику принадлежить право на владение имуществомъ, съ устранениемъ всякаго посторонняго воздъйствія и вившательства" (ст. 17), — что, впрочемъ, подразумъвается уже въ правъ полнаго и исилючительнаго обладанія ниуществомъ. "Собственнику принадлежитъ право пользованія вмуществомъ: онъ въ правв извлекать изъ имущества всякаго рода доходы и вообще употреблять имущество по своему усмотрвнію. Доходы завлючаются или въ плодахъ, т.-е. въ произве-

Digitized by Google ---

деніяхъ имущества, или же въ наемной плать, въ процентахъ съ вапиталовъ и въ другихъ повременныхъ платежахъ. Къ плодамъ причисляется и приплодъ животныхъ. Приплодъ принадлежитъ собственнику самки" (ст. 18). Послъдняя прибавка представляется намъ излишнею: у животныхъ приплодъ естественно принадлежитъ родившей его самкъ, и мыслъ о самцъ никогда не связывается съ понятіемъ "приплода". Навонецъ, "собственнику принадлежитъ право распоряженія имуществомъ: онъ въ правъ отчуждать имущество, установлять на немъ права въ пользу другихъ лицъ, производить въ имуществъ всяваго рода измъненія и даже уничтожить его" (ст. 19).

Такимъ образомъ, главныя проявленія права собственностивладеніе, пользованіе и распоряженіе — завершаются правоиъ уничтоженія. Насколько намъ извістно, ни въ дійствующихъ нашихъ завонахъ, ни въ иностранныхъ кодевсахъ не упоминается о правъ собственника уничтожать имущество, и это право нигдъ не возводится на степень общаго принципа, въ вачествъ необходимой принадлежности права собственности. Включая это право въ составъ законныхъ признаковъ права собственности, коммиссія по составленію уложенія ничёмъ не мотивируеть тавого нововведенія. Какъ замічаеть въ одномъ мість сама коммиссія, "совершенно полной, неограниченной собственности въ дъйствительности не существуеть". Зачемъ же вносить въ законъ понятіе о такомъ абсолютномъ "господствів лица надъ имуществомъ", вакого въ действительности не существуетъ? Если въ видъ общаго правила провозглашается право собственнива уничтожать имущество, то это право будеть сохранять свою силу во всъхъ случаяхъ, когда оно положительно не устранено закономъ, и самыя изъятія изъ этого общаго правила должны будуть подвергаться ограничительному толкованію. Собственнякь, вонечно, можеть фактически разрушать и истреблять принадлежащія ему вещи, безъ пользы для себя и другихъ, но это не есть право, достойное защиты и покровительства законовъ. Относительно вемли, какъ предмета собственности, нъть и указанной фавтической возможности, и следовательно право уничтожения доступно далеко не всвиъ формамъ собственности.

Изъ предметовъ нашего обладанія одни предназначены въ тому, чтобы быть уничтоженными, и въ этомъ именно заключается ихъ употребленіе, — напр., матеріалы для приготовленія пищи, для отопленія и т. п.; — другіе служать для постояннаго пользованія и утрачивають свою цінность только съ теченіемъ времени, или оть случайной порчи; третьи, наконецъ, употреб-

имотся безъ ущерба для своей сохранности и должны быть оберегаемы отъ гибели или отъ вредныхъ вліяній въ интересахъ всего общества, — напр., поземельныя имущества, ліса, воды, отчасти рудники и вопи. Предметы первой категоріи несомнінно уничтожаются людьми; но безцільное уничтоженіе, несогласное съ назначеніемъ вещей, будеть уже злоупотребленіемъ, которое не можеть быть поощряемо закономъ. Хлібный торговець или крупный землевладівлецъ пожелаеть, напримірть, истребить часть своихъ запасовъ хліба, чтобы повысить ціны или предупредить ихъ паденіе; промышленный спекулянть вздумаеть бросить въ море значительную партію какого-нибудь общеполезнаго товара, для поддержанія его дороговизны; — неужели нужно зараніве признать подобное право єз собственниками?

Предположимъ, что богатый скряга рёшить передъ смертью уничтожить навопленныя богатства, чтобы они нивому после него не остались; или владёлецъ унаслёдованныхъ милліоновъ устроить себь новую забаву --- будеть опускать золотыя монеты въ воду; или собственнивъ имънія, предвидя продажу его съ публичнаго торга, станеть систематически разорять свою вемлю, вирубить леса, затопить рудники и копи. Всё эти лица будуть нисть полное право действовать такимъ образомъ, опирансь на то опредъление права распоряжения, которое содержится въ 19-ой стать в разбираемаго проекта. Въ действительности мы видимъ, что люди, считающіе себя въ правѣ безцѣльно уничтожать свое ниущество, берутся въ опеку, вакъ расточители или сумасшедшіе; на им'внія ихъ налагается аресть по требованію родственниковъ или кредиторовъ, — такъ что безусловное право уничтоженія, предполагаемое коммиссією, не только не вытекаеть изъ принципа собственности, но противоръчитъ ему на практикъ. Дело именно въ томъ, что институтъ частной собственности по существу выходить за предълы индивидуальнаго права и неизбъжно захватываеть интересы семейные и общественные: отдёльныя распоряженія собственника могуть им'єть важныя посл'єдствія для его семьи и причинять восвенный вредъ всему обществу, и предусмотрёть всё случаи этого рода въ законе нёть возножности. Къ сожалению, коммиссия какъ будто не обратила вниманія на эту общественную сторону собственности и придала послёдней узко-индивидуальный характеръ. Пользованіе правомъ собственности не должно также нарушать элементарныя предписанія человіческой морали, и съ этой точки врінія не можеть быть и ръчи о правъ истребленія имущества, въ то время какъ существують массы нуждающихся бъднявовъ. Слова проевта:

Digitized by Google

"и даже уничтожить его" (ниущество)—желательно было бы замёнить другими, какъ напримёръ: "но не уничтожать его безцёльно".

Нововведеніе представляєть и следующая, 20-ая статья проекта: "Собственникъ можетъ огородить и окопать свое имъніе". Эта статья, по словамъ коммиссін, "имъеть цълью не только установить опредвленность границъ недвижимыхъ именій и темъ устранить возможные споры и пререванія между сосёдями, но преслъдуетъ и интересы публичнаго порядка, -- именно, дозволяя собственнику окалывать и огораживать свое именіе, она затрудняетъ разнаго рода преступныя посягательства на имущество, всегда более возможныя относительно таких вижній, доступь въ воторыя представляется отврытымъ". Коммиссія упустила при этомъ изъ виду, что, вромъ навлонности въ преступнымъ посягательствамь, окрестное населеніе можеть имъть право прохода и провада черезъ имвніе, и что это право, повсемвстно признаваемое, было бы нарушено закрытіемъ доступа въ предълы частно-владельческих вемель. Преступныя посягательства не предупреждались бы сооружениемъ обычныхъ деревенскихъ заборовъ, а пограничные споры и неудовольствія сопутствовали бы важдой попытвъ владъльца устроить ограду или окопы вдоль границъ имфиія. Общій характеръ нашего землевладфиія не допускаеть той замкнутости отдёльных поместій, которая существуеть въ западной Европъ; интересы крестьянъ и помъщиковъ твено связаны между собою, и взаимная экономическая зависимость ихъ не можеть быть разграничена заборами. Притомъ нътъ нивавого повода вводить у насъ особое правило о дозволенін владёльцамъ огораживать и ованывать свои имінія, ибо и теперь не запрещено производить такого рода работы на своей вемлъ, если найдется на это охота.

Несравненно более важныя перемены вносится проектомь по отношению къ объему права поземельной собственности. "Право собственности на имущество распространяется на все, что естественнымъ путемъ или трудомъ и искусствомъ произведено въ имуществе" (ст. 22). По смыслу этой статьи, все, произведенное въ именіи трудомъ и искусствомъ, не только своимъ, но в чужимъ, составляеть собственность владельца. Въ соответственномъ постановленіи нашего десятаго тома говорится ясно о праве собственника только на то, что произведено его трудомъ и искусствомъ: "По праву полной собственности на имущество, владельцу принадлежать всё плоды, доходы, прибыли, приращенія, выгоды и все то, что трудомъ и искусствомъ его произвення, выгоды и все то, что трудомъ и искусствомъ его произве-

дено въ томъ имуществъ" (ст. 425). Пропускъ одного маленькаго слова имъетъ здъсь громадное принципіальное значеніе, и пропусвъ этотъ—врайне характерный.

Всякать за признаніемъ права собственности на продукты тужого труда провежнашается новое право на воздухъ, окружающій землю. "Право собственности на землю простирается на поверхность, на воздушное нада нею пространство и на нъдра" (ст. 23). До сихъ поръ "воздушное пространство" не было и не могло быть предметомъ частной собственности; по нашимъ действующимъ законамъ, владълецъ имъетъ право на "вев произведенія на поверхности ея" (ст. 424 десятаго тома), но нивавъ не на прилегающую атмосферу. Французскій водевсъ ограничивается утвержденіемъ принципа, что "собственность почвы обнимаетъ собственность на то, что надъ нею и подъ нею" (ст. 552). По германскому уложению "право собственнива повемельнаго участва простирается на пространство надъ поверхностью и на почву подъ поверхностью; однако, владелець не можеть воспретить постороннія воздійствія, предпринимаемыя на такой высотъ или глубинъ, что онъ не имъетъ интереса въ устраненів ихъ" (ст. 905). Другими словами, пространство надъ землею считается принадлежащимъ собственнику не само по себъ, а лишь въ той мъръ, въ какой оно необходимо для свободнаго пользованія им'внісит и возведенными въ немъ постройками. Нашъ проектъ создаетъ нъчто совершенно другое-право на "воздушное надъ нею (поверхностью земли) пространство", безъ ограничения его какими-либо предълами, и независимо отъ потребностей и условій вемлевладінія. Воздушное пространство вилючаеть и облава, и тучи, и дождь, и снёгь, и самый воздухъ, --- все это дълается собственностью землевладъльца въ гравипахъ его имфнія.

Коммиссія установила это новое право не случайно, а сознательно, по обсужденіи всёхъ относищихся въ нему обстоятельствъ и доводовъ. Въ коммиссіи, — читаемъ мы въ мотивахъ въ проекту, — "возбужденъ былъ вопросъ, не следуетъ ли, по примъру германскаго уложенія, включить въ проектъ правило въ томъ смысле, что собственнисъ не въ праве препятствовать действіямъ другихъ лицъ, предпринимаемымъ на такой глубинъ или висоте, где онъ ничемъ не стесняется въ пользованіи имуществомъ. По этому предмету въ коммиссіи было высказано, что, конечно, есть такая высота, где возможно предпринимать действія, не нарушающія ни въ чемъ интересовъ собственниковъ, — напр., пролетать на воздушномъ шаръ. Точно также до-

пустима и извъстная глубина, гдъ дъйствія другихъ лицъ не стесняють собственника въ пользовании его имуществомъ. Въ Лондонъ, напр., имъются подъ вемлею разныя сооруженія, не стъсняющія собственниковъ. Но, съ другой стороны, нельзя не привнать, что какъ въ отношеніи высоты, такъ и глубины, нътъ такого предъла, за которымъ, при существованіи вообще интереса въ пользованіи воздушнымъ пространствомъ и нъдрами, безусловно прекращался бы интересъ собственника. Поэтому на всявой высоть и на всявой глубинь, на которыя только возможенъ доступъ человъка для какихъ-либо практическихъ цълей въ пользованіи недвижимостью, свобода этого доступа должна быть сохранена прежде всего для собственника. Къ тому же, за непризнаніемъ действующимъ закономъ принятаго въ Германіи, а также въ губерніяхъ привислянскихъ, начала свободнаго горнаго промысла, т.-е. производимаго независимо отъ согласія собственниковъ земли, у насъ ни на вакой глубинъ нельва допускать действія постороннихъ лицъ безъ согласія собственнива земли. Равнымъ образомъ сомнительно, можно ли устроить проволоки и кабели въ воздушномъ пространствъ безъ согласія собственника, надъ вемлею котораго устройство это произво-дится. Случаи же, когда на извъстной высотъ можно предпринимать вавія-либо действія, не нарушая ни въ чемъ интересы собственника, едва-ли есть практическая необходимость предусматривать въ гражданскомъ уложении. Независимо отъ сего, на основаніи правила ст. 905 германскаго гражданскаго уложенія, возможны всякія злоупотребленія. Собственнивъ, напримъръ, выстроитъ часть крыши своего дома или балконъ въ воздушное пространство сосъда и будеть доказывать, что они не стъсняють сосъда. Въ силу изложеннаго, коммиссія не нашла желательнымъ вилючить въ проектъ правило, о которомъ идетъ ръчь, признавъ вмъстъ съ тъмъ, что если правительство найдетъ нужнымъ, въ видах устройства въ нъдрахъ земли или въ воздушномъ пространство общеполезных сооружений, ограничивать права собственника въ вакомъ-либо отношении, то на сей предметъ долженъ быть изданъ особый законъ, примънительно къ порядку, установленному для отчужденія недвижимых имуществъ на государственныя или общеполезныя надобности".

Подчервнутыя нами міста въ соображеніяхъ воммиссів показывають, что вновь вводимое право частной собственности на "воздушное пространство" можеть при извістныхъ условіяхъ представлять весьма реальную и крупную піность. Коммиссія уже теперь находить сомнительнымъ, "можно ли устронть про-

волоки и вабели въ воздушномъ пространствъ безъ согласія собственника, надъ вемлею котораго устройство это производится"; но намъ кажется, что коммиссія ошибается: согласіе собственника требуется только для постановки столбовъ, на которыхъ держатся воздушные вабели и проволови, ибо по существующимъ завонамъ воздушное пространство само по себв не входить въ составъ вемлевладальческихъ правъ и является еще пока свободнимъ и общедоступнимъ. Положение, вонечно, радивально измънится съ принятіемъ предлагаемаго нововведенія: тогда уже, дійствительно, нельзи будеть проводить кабели и проволови черезъ вовдушныя пространства, объявленныя собственностью землевладъльцевъ, и придется вступать съ последними въ договоры объ уступкъ ими права пользованія атмосферою для устройства телеграфимхъ и инмхъ влектрическихъ сообщеній. Коммиссія заранве предвидить, что въ будущемъ могуть понадобиться "общеполезныя сооруженія въ воздушномъ пространстві, -- хотя возможность такихь воздушныхъ сооруженій остается для насъ не совсёмъ ясною; —на этоть случай предлагается вознаграждать владвльневъ воздушныхъ пространствъ, "применительно въ порядву, установленному для отчужденія недвижимых имуществъ на государственныя и общественныя надобности"! Не странно ли, однаво, -- создавать новый видъ воздушной собственности въ пользу вемлевладъльцевь, и затъмъ выкупать у нихъ эту фантастическую собственность по правиламъ объ отчуждении недвижимыхъ имуществъ?

Непонятны также указанія коммиссін на неудобство оговорки германскаго уложенія относительно высоты и глубины: нивто не можеть направлять часть врыши своего дома или балвонъ въ воздушное пространство сосъда, на какой бы высотв это ни было, потому что этимъ стеснено было бы право соседа построить такой же точно домъ въ соответственномъ месте, на границе своего имвнія, и на этоть счеть существують спеціальныя правила о сосъдствъ, о правъ на свътъ и видъ, о пользовании пограничной полосою земли безъ ущерба для сосъдей. Такія правила имъются и въ проектв (ст. 49 и след., и въ частности ст. 66), и установление ихъ не находится ни въ какой зависимости отъ мнимаго права собственности на воздушное пространство. Съ другой стороны, право на недра земли въ смысле разработки рудъ, при совершенномъ отсутствіи последнихъ, не могло бы мъщать, напримъръ, прокладев трубъ, на извъстной глубинъ, черевъ чужія владінія, безъ малійшаго нарушенія каких бы то ни было владельческих интересовъ.

Напрасно коммиссія такъ легко и безповоротно рішаеть вопросъ о нъдрахъ земли. Если въ предълахъ чьего-либо повемельнаго участва случайно найдется кладъ, то не весь онъ и не всегда принадлежитъ собственнику,—часть его, по проекту, дается нашедшему (ст. 133); темъ более неть основания всецело присвоивать владёльцу или пріобрётателю именія неожиданно отврывшіяся подъ землею стихійныя богатства, нив'ємъ туда не положенныя и не им'єющія нивавой связи съ трудомъ рукъ человъческихъ: владълецъ можетъ претендовать лишь на извъстную долю добычи, которая въ нолномъ объемъ должва принадлежать государству, какъ верховному собственнику національной территоріи. Пустынныя вемли Клондайка могли находиться въ частномъ владенів, вогда въ нихъ оказались богатейшія золотоносныя жилы; но едва ли вто сталъ бы утверждать, что случайные владъльцы этихъ земель, пастіе на нихъ свой скоть, имели бы естественное право полной и исключительной собственности на все колоссальные запасы открытаго тамъ золота. Когда неисчернаемые подземные источники нефти признаются собственностью отдъльныхъ лицъ, пріобръвшихъ за безцънокъ участки земли въ извъстномъ районъ для обработви или застройни, то это не можетъ быть объяснено никакими разумными причинами: плоко совнаваемые публичные интересы подчиннются тугъ ошибочному и одностороннему пониманію фиктивных частных правъ. Можно мириться съ неправильными, такъ сказать черезчуръ раздутыми формами собственности; но по крайней мёрё на будущее время не следовало бы отрекаться отъ законныхъ правъ государства и жертвовать ими для доставленія незаслуженнихь выгодь отдівльнымъ лицамъ.

Во всёхъ западно-европейскихъ законодательствахъ замёчается въ новёйшее время стремленіе ввести индивидуальную собственность въ извёстныя границы и возстановить права государства и общества на ту область публичныхъ благъ и интересовъ, которая нёкогда, въ силу традиціонныхъ недоразумёній и формальныхъ толкованій юристовъ, была включена въ кругъ частнаго господства. Это стремленіе вызывается не какими-нибудь произвольными теоріями и идеями, а могучимъ культурнымъ ростомъ государственной и національной жизни, широкимъ развитіемъ міровыхъ экономическихъ отношеній и связей, и яснымъ сознаніемъ того, что сфера публичнаго, государственнаго служитъ надежнымъ хранилищемъ интересовъ націи для будущаго. Наша коммиссія по составленію гражданскаго уложенія идетъ по обратному пути; она съуживаетъ область публичнаго и расширяетъ

частное, индивидуальное, причемъ относить въ послѣднему даже то, что до сихъ поръ несомнѣнно стояло внѣ всяваго имущественнаго оборота.

Землевладелецъ, который заявиль бы притязание на "воздушное пространство", возбудиль бы противь себя всеобщія насувшки; еще въ влассическихъ "Институціяхъ" римскаго права, при перечисленів предметовъ, не подлежащихъ частному обладанію, упоминается прежде всего, въ видё примёра, воздухъ, а теперь, по предположению коммиссии, воздухъ долженъ также визть своихъ собственнивовъ-распорядителей. Намъ могуть возразить, что ръчь идеть о пространствъ надъ землею, а не о воздухв, воторымъ мы дышемъ; но въ проектв говорится именно о "воздушњомъ пространствъ", и если последнее вылючается въ право собственности землевладальцевь, то мы имвемъ право свазать, что воздухъ дълвется предметомъ собственности. Коммиссія допускаеть еще, что интересы землевладыльца не затрогиваются въ томъ случать, когда надъ его землею пролегитъ на большой висотъ воздушный шаръ; - воспользуемся этимъ примъромъ и посмотремъ, къ чему приводить внесеніе словъ о надземномъ пространстви въ законъ о собственности. Воздухоплавание рано или повдно выйдеть изъ стадіи опытовъ и пріобратеть значеніе правнынаго и постояннаго способа передвиженія, такъ какъ изобрътеніе механизма, обезпечивающаго управленіе ходомъ воздушнаго шара, есть только вопросъ времени. Въ будущемъ развитие воздушныхъ путей сообщения можетъ достигнуть такой степени совершенства, что они стануть успъшно конкуррировать съ желъзными дорогами и пароходами — по врайней мъръ по перевозвъ пассажировъ. Образуются постоянныя линіи пролета воздушныхъ шаровъ, съ остановвами для пріема и спуска пассажировъ; быть можетъ, устроятся воздушныя станціи для обновленія иврасходованных запасовъ газа и балласта. Если пространство надъ вемлею будеть объявлено частною собственностью, то систематическое передвижение воздушныхъ шаровъ оважется въ зависимости отъ согласія землевладёльцевъ и сдёлается для нихъ предметомъ врупнаго матеріальнаго интереса, вавого не представляеть случайный пролеть отдёльнаго воздушнаго шара вадъ чьимъ-либо имвніемъ. Тогда наступить, пожалуй, моменть для осуществления предусмотринных воммиссиею сдиловь, "применительно въ порядку, установленному для отчужденія недвижемыхъ имуществъ на государственныя или общественныя надобности". Какой же смыслъ имбетъ создание такого права, которое въ будущемъ должно ственить польвование общедоступною

нынѣ воздушною стихіею? Почему землевладѣльцы должны получить въ свое распоряженіе то, что теперь имъ не принадлежить и что по существу никому въ отдѣльности принадлежать не можеть? Право на землю можеть простираться на воздушное надънею пространство только въ смыслѣ безпрепятственной хозяйственной эксплуатаціи земли и возведенія на ней всевозможныхъ построевъ, а не въ смыслѣ какого-то новаго, ничѣмъ не ограниченнаго права, какъ это вытекаетъ изъ редакціи 23-й статьи проекта.

Подобно воздуху, и вода становится по проекту частною собственностью въ более шировомъ значени, чемъ до сихъ поръ. "Роки, озера и другія воды, находящіяся въ предвлахъ одного и того же имънія, признаются принадлежащими собственнику этого именія" (ст. 25). По действующимь ныне ваконамь, довера, судоходныя рэки и ихъ берега" причисляются въ составу имуществъ государственных, а другія воды принадлежать владін-цамь земли, въ преділахь воторой оні находятся. Большинство иностранных завонодательствъ признаетъ ръки и озера публичнымъ или государственнымъ достояніемъ; на это ссылается сама воммиссія. "Тавъ, по пруссвому ландректу, судоходныя по природъ ръки составляють собственность государства, а выгоды отъ нихъ принадлежать въ его регаліямъ. Точно также по францувсвому гражданскому водексу судоходныя или сплавныя ръки не могуть быть объектомъ частной собственности, а составляють имущество публичное (domaine public), находящееся въ въдънія государства. По итальянскому гражданскому уложенію, всё, безь исвлюченія, рівки составляють также имущество публичное. По гражданскому уложенію Цюрихского кантона, озера, ръки, а также ручьи, составляють общественное достояніе, разв'я втолибо могь бы доказать свое гражданское право на нихъ, существующее въ силу обычая. По австрійскому гражданскому уложенію, большія и малыя рівн называются общимъ или публичнымъ достояніемъ; впрочемъ, это уложеніе знаеть также и частные ручьи. По сербскому уложенію, ръки нивъмъ не могутъ быть присвоены, но составляють народное или государственное имущество. По проекту баварскаго гражданскаго уложенія, рык, отврытыя для общаго пользованія, принадлежать государству в ивъяты изъ оборота". Несмотря на эти многочисленные и убъ дительные прецеденты, воммиссія рішила всі вообще наши озера и ръки, въ томъ числъ и судоходныя, передать прибрежнымъ частнымъ землевладъльцамъ.

Коммиссія исходила при этомъ не изъ вакихъ-либо общихъ

соображеній о государственной пользів или о справедливости, а нвъ простого узко-формального толкованія существующихъ текстовъ, въ связи съ разъясненіями вассаціоннаго департамента сената. По этому толвованію выходить, что и теперь наши судоходныя рівки и озера могутъ принадлежать частнымъ собственнивамъ, ибо, по опредъленію закона, государственными имуществани называются "всв имущества, не принадлежащія никому въ особенности", и слъдовательно, судоходныя ръки и овера причислены въ государственнымъ имуществамъ только на тотъ случай, если онъ не принадлежатъ никому въ отдъльности. А такъ вакь, по другимъ статьимъ закона, принадлежностями имъній считаются "состоящіе въ нихъ рівки, озера, пруды, болота, дороги, источники и другія м'вста, симъ подобныя", и влад'влецъ земли имветь право на "воды, въ предвлахъ ея находящися",-то нельзя дёлать исвлючение и для судоходныхъ рёвъ, отнесенвыхъ, по недоразумению, къ государственнымъ имуществамъ. Это удивительное толкованіе, дівлающее честь изобрівтательности нанихъ юристовъ-правтивовъ, вполив усвоено коммиссіею по составленію уложенія и принято за основу предлагаемой статьи проекта, -- какъ будто коммиссія имъла своей задачей не выработку новаго разумнаго и цълесообразнаго закона, а примъненіе сенатской вазунстики въ спорному гражданскому делу.

"Такимъ образомъ, -- разсуждаетъ воминссія, -- нашъ ваконъ, вавь и мъстный сводъ прибалтійснихъ губерній, признаеть право собственника имънія на воды, накодящіяся въ предълахъ онаго. ни черезъ него протекающія, безразлично къ вопросу о томъ, отврыты ли онв для общаго пользованія или неть, установляя лишь определенныя ограниченія въ отношеніи пользованія водами, какъ на польку общую, такъ и въ польку соседей. Хотя вторая часть статьи 406 десятаго тома и причисляеть, между прочимъ, судоходныя ръви въ составу государственныхъ имуществъ, но это не совстми вприо (??), такъ какъ, съ одной стороны, признание судоходныхъ ръвъ государственною собственностью даже въ томъ случав, когда рвки эти находятся въ предылахь земель, состоящихъ въ частной собственности, противорвчить вышеприведеннымъ 387 и 424 статьямъ законовъ гражданскихъ, а съ другой --- несогласно и съ тъми узаконеніями, которыя послужили основаніемъ для всёхъ овначенныхъ статей, вбо въ увавоненіяхъ этихъ нивавого постановленія въ смысле признанія всёхъ безъ исключенія судоходныхъ рёкъ государственнымъ имуществомъ не содержится"...

Мы не знаемъ, въ какомъ смыслѣ названо здѣсь "не сотокъ VI.—Нояврь, 1902.

всёмъ вёрнымъ" прямое постановленіе закона; -- бывають законы несправедливые, неясные, несогласные съ другими законами или съ общими началами права, но невърныхъ и "не совсъмъ върныхъ" завоновъ не существуетъ. Если въ дъйствующемъ нынъ сводъ гражданскихъ законовъ несомнънно имъется статья 406-ая, причисляющая судоходныя рівки къ имуществамъ государственнымъ, то нивто-ни даже завонодательная воммиссія-не можеть сомевваться въ подлинности и обязательности этого постановленія, пока оно не отмінено установленными порядкоми. Противоръчіе же даннаго завона съ другими и особенно съ источнивами, на которыхъ онъ основанъ, если такое противоръчіе дъйствительно существуеть, -- разрышается вовсе не простымъ отрицаніемъ или самовольнымъ уничтоженіемъ завона, а путемъ разъясненія его связи съ общимъ смысломъ и духомъ завонодательства. Коммиссія противопоставляеть , не совсёмь върному" положительному закону нъкоторыя узаконенія XVII и XVIII въвовъ объ отдачъ ръвъ и озеръ въ угодье для рыбной довли; но, во-первыхъ, въ этихъ узаконенияхъ ничего не говорится о правъ частной собственности на судоходныя ръви, и во-вторыхъ, нельзя опровергать действующій законъ ссылкою на прежнія узаконенія, давно потерявшія силу. Совершенно непозволителенъ также тотъ способъ устраненія противорічій между различными статьими закона, какой примъняется въ настоящемъ случав. Въ одной статьв идеть рвчь о судоходных рвкахъ, вань о государственных имуществахь, а въ другихъ постановленіяхъ упоминается о водахъ и ръкахъ, какъ о принадлежностяхъ частныхъ имфиій; не ясно ли, что воды и ръви второй ватегоріи не могуть принадлежать въ числу судоходныхъ? Гдв же туть противоръчіе? Почему первый завонь, установляющій право государства, долженъ признаваться вакъ бы несуществующимъ, въ виду несогласія его съ другими законами, установляющими право для частныхъ лицъ? На чемъ основывается этотъ своеобразный принципъ, по воторому право государства отступаетъ передъ правомъ частнымъ, даже при отсутствіи всявой завонной и разумной въ тому причины?

Между тёмъ коммиссія, взамёнъ отвергаемаго ею прямого постановленія закона о государственномъ характерё судоходныхъ рёкъ, принимаеть въ руководство крайне замысловатый и совершенно произвольный выводъ кассаціоннаго департамента, что "судоходныя рёки принадлежать казнё только въ томъ случав, если онё находятся въ предёлахъ казенныхъ земель; всё же прочія судоходныя рёки состоять лишь въ завёдываніи госу-

дарства, въ качествъ путей сообщения". Прибавка о казенныхъ эсиляхъ, неизвъстно откуда взявшаяся, дълаетъ, конечно, излишникъ и безпъльнымъ самый законъ: разумвется само собою, что вазна пользуется въ вазенныхъ имъніяхъ не меньшими владъльческими правами, чёмъ частные собственники, и что рёки, протекнощія въ предёлахъ казенныхъ земель, принадлежать казні, независимо отъ правила о принадлежности всёхъ вообще судоходныхъ ревъ государству. Последнее правило, очевидно, исчезаеть при подобномъ толкованін; но уничтоженіе смысла толкусмой статьи могло только по недосмотру повазаться истолкованіемъ ея, и коммиссія впала въ серьезную юридическую ошибку, принявъ на въру неудачное равсуждение сената. Право публичное, право государства на судоходныя рэки, признаваемое всёми законодательствами, подменивается здёсь владельческимъ правомъ вазны на воды, находящінся въ казенныхъ земляхъ; публичный, государственный интересь отстраняется при помощи искусственныхъ натежевъ, напоминающихъ скорве старинные судебные пріемы, чёмъ вдравое и безпристрастное обсужденіе вопроса съ точви зрвнія общаго смысла и цели завоновъ. Тавъ ремается рядъ важныхъ и врупныхъ проблемъ, въ которыхъ частное право сопривасается съ публичнымъ.

Въ отличие отъ разныхъ западно-европейскихъ законодательствъ, начиная съ древне-римскаго, нашъ проектъ въ принцинь управдияеть право государства даже на большін судоходныя рівн и заботливо отдаеть ихъ въ собственность береговымъ виадельцамъ. "Собственнивъ, которому принадлежать оба берега рвин, имбеть, въ предвляхъ своего имбиня, исключительное право ловить въ ръвъ рыбу, содержать на ней перевовы, устранвать мельницы и другія вододійствующія заведенія, и вообще нользоваться ею, насколько это не ограничено закономъ на пользу общую или на пользу сосъдей (стр. 26). Волга или Дивпръ ноступаетъ въ частную собственность всъхъ тъхъ землевладъльцевь, мимо именій которыхь эти реки протекають, и если какіенвоудь крупные промышленники или синдиваты успёють скунить вемли вдоль ихъ береговъ съ объихъ сторонъ на болве вые менъе вначительномъ пространствъ, то они будутъ въ правъ распоряжаться этими великими артеріями Россін въ качествъ хозяевъ; за государствомъ останется лишь право "ограничивать" этихъ собственниковъ, и интересы "общей пользы" будутъ имъть вначеніе лишь въ той мъръ, въ какой они будутъ предусмотръны спеціальными ограничительными законами. Если въ былое время рви и овера отдавались частнымъ лицамъ въ угодье для рыбной довян, - на что ссылается теперь коммиссія, - то при первобитныхъ условіяхъ экономической жизни и культуры эти раздачи имъли такой же характеръ, какъ и пожалованья городовъ и цълихъ областей въ вориленіе, и дёлать изъ этихъ стариванихъ распоряженій какіе-либо выводы для настоящаго и будущагобыло бы болье чъмъ странно. Судоходныя рыки пвиятся теперь не по одной рыбной ловай, какъ прежде, и огромная важность ихъ для всего народа и государства при современномъ промышленномъ развитіи едва ли нуждается въ разъясненіи. Теченіе ръвъ служить, между прочимъ, источникомъ двигательной силы, передаваемой на разстояніе, и это стихійное могущество, воторое въ будущемъ представить цівность многихъ милліардовъ рублей, не можеть быть отнято оть государства и націи. Немыслимо провозглащать право собственности землевладальцевъ на сплавныя и судоходныя ръви; частнымъ лицамъ должны быть предоставлены по отношению въ последнимъ только те права, которыя будуть точно перечислены и определены въ ваконе,вакъ это принято большинствомъ иностранныхъ водексовъ.

Въ томъ же духв предпочтенія частныхъ правъ публичнымъ подтверждается проевтомъ право собственности владельцевъ на вемли, занятыя дорогами. Въ десятомъ томъ свода законовъ "большія дороги" отнесены въ имуществамъ государственнымъ, наравив съ судоходными ръвами и озерами; коммиссія, однако, не придаеть вначенія этому обстоятельству и соглашается съ вазуистическимъ толкованіемъ нівоторыхъ нашехъ юристовъ, отрицающихъ принадлежность "большихъ дорогъ" государству. Согласно съ этимъ, и проектируется новое правило: "Собственнивъ, черевъ имъніе воего пролегаеть дорога общаго пользованін, хотя и сохраняеть право собственности на землю поль дорогою, если вемля эта не была отчуждена въ порядив понудительнаго отчуждения на государственныя или общественныя надобности, но не въ правъ предпринимать ничего такого, что могдо бы въ вакомъ-либо отношения затруднить свободное пользованіе дорогою". Такъ какъ земля подъ большими трактами не принималась, конечно, въ разсчетъ при оценка именій последовательными пріобр'ятателями ихъ, то она и не могла считаться собственностью владъльцевъ; номинальное право ихъ становится дъйствительнымъ тольво съ упраздненіемъ дорогъ, и тогда присоединяемое въ имвніямъ пространство земли является бевпричиннымъ подаркомъ со стороны государства. Хотя это правило не имъетъ большого практическаго значенія, но въ принципіальномъ смыслъ было бы несомнънно правильнъе послъдовать приивру французскаго кодекса, по которому всякія вообще дороги, содержимыя на государственный или общественный счеть, признаются публичнымъ достояніемъ.

Къ числу полезныхъ нововведеній проекта слідуеть отнести въсторыя ограниченія права собственности, вызываемыя хозяйственными нуждами сосъднихъ имъній. "Тотъ, вто имъетъ право пользоваться водою изъ естественнаго или искусственнаго водовивстилища, можеть для нуждъ своей домашней жизни, либо для надобностей сельскаго хозяйства или промышленности, провести воду посредствомъ каналовъ или трубъ черезъ чужое имъніе, за соотв'єтственное вознагражденіе, уплачиваемое до начала работь собственнику сего имънія. Разиъръ вознагражденія, за етсутствіемъ соглашенія о томъ заннтересованныхъ лицъ, опредълется судомъ". Равнымъ образомъ, "для осущения сырыкъ ни болотистыхъ местностей и для спусва излишней воды, которая не можеть быть потреблена на мёсте, собственнивъ въ аравъ отводить воду изъ своего имънія черезъ чужое въ море, рыку, озеро или нимя водовийстилища, посредствомъ каналовъ ши трубъ, причемъ онъ обязанъ уплатить, до начала работъ, соответственное вознаграждение собственнику имения, черезъ которое отводится вода, и возм'встить прибрежнымъ собствениивамъ убытки въ случай подтопа ихъ именій. Отводъ воды не допускается, если можно ожидать значительнаго вреда для прибрежныхъ имъній". Если собственникъ, при возведеніи зданія на своей земль, неумышленно застроиль часть вемли сосыда, то овъ пріобрітаетъ право собственности на занятую чужую землю, "съ обязанностью уплатить сосёду стоимость, воторую она имёла при началъ работъ по постройкъ, и вознаградить его за причиненные постройкою убытки". Въ этихъ случаяхъ проекть отступаеть уже оть строго-формальнаго пониманія права собственности и дълаеть нъкоторую уступку реальнымъ интересамъ жизни.

Проекть возстановляеть и регулируеть весьма важный для землевладёнія институть долгов'ячной аренды подъ названіемъ насл'ёдственнаго оброчнаго владёнія. "По праву насл'ёдственнаго оброчнаго владёнія одно лицо (оброчный владёлець) им'ёнть в'ячное или срочное насл'ёдственное владёніе въ им'ёнія другого лица", съ обязанностью уплачивать ежегодный оброкъ деньгами или произведеніями земли; право это "не можеть быть установлено на срокъ мен'е тридцати-шести л'ётъ". "Одно лицо", въ выраженія едва ли подходящія для поземельныхъ отношеній, въ которыхъ главную роль призваны вграть, съ одной стороны, государство или казна, а съ другой,—

сельскія общества или крестьянскія товарищества. Отдача земли въ обровъ можетъ развиться у насъ прочно единственно лишь въ формъ систематическаго заселенія вазенныхъ, общественныхъ в пустующихъ частныхъ вемель твии элементами крестьянства, которые вытёсняются изъ родныхъ селъ малоземельемъ и не находать приложенія для своихъ рабочихъ силь вив земледвлія. Мысль объ образовани хуторскихъ хозяйствъ на началахъ долгосрочной или въчной аренды не имъетъ у насъ будущности, такъ вавъ она противоръчить въковымъ привычкамъ и характеру народа; наши врестьяне не могутъ устроиваться и работать иначе, какъ коллективно, и всякія попытки искусственнаго перевосинтанія ихъ въ духв индивидуализма должны бить чужды законодательству. Институть оброчнаго владенія, обставленный надлежащимъ образомъ, могъ бы принести огромную пользу не только врестьянамъ, нуждающимся въ вемлъ, но и врупнымъ частнымъ владельцамъ, не знающимъ, что делать съ своими запущенными имъніями. Стремленіе вести ховяйство наемнымъ трудомъ удается только немногимъ опытнымъ и энергическимъ деятелямъ, съумевшимъ пріобръсть довъріе и уваженіе врестьянь; надежды на обезпеченіе исправности рабочихъ при помощи принудительныхъ или карательныхъ мёръ не оправдались и не могутъ оправдаться на дълъ. По справедливому замъчанию коммиссии, "болъе цълесообразнымъ средствомъ привлеченія рабочаго въ землі, особенно въ мъстностихъ, гдъ вообще земледъльцевъ мало, напр. въ восточныхъ губерніяхъ Россін, является для врупныхъ собственнивовъ устройство ими поселеній рабочихъ на правахъ наследственнаго оброчнаго владенія, подобно тому, какъ это предполагается сдёлать въ съверной Германіи". По проевту, "оброчный владелець можеть свое право владенія отчуждать и вавещать, вакъ въ пъломъ, такъ и въ части. Въчный оброчный владелець, сверхь того, можеть свое право владенія обременять залогомъ, а равно установлять въ имѣніи сервитуты". Оброчный владелецъ "обязанъ вносить всяваго рода сборы и отправлять повинности по имънію"; если ему предоставлено по договору право, посредствомъ выкупа оброка, пріобрёсть землю въ собственность, то выкупная сумма, при отсутствии предварительнаго соглашенія объ ея размірь, опреділяется черезъ помноженіе ежегоднаго оброва или его средней стоимости на двадцать-пять. Право выкупа должно было бы имёть применение исключительно по отношению къ частно-владельческимъ, а не къ казеннымъ землямъ; къ сожаленію, проекть не устанавливаеть никакого различія между двумя типами оброчнаго владёнія — на земляхъ го-

сударственныхъ и частныхъ, а подводить объ группы поземельныхъ отношеній подъ однъ и тъ же нормы было бы большою ошибвою. Коммиссія ненямённо имееть въ виду только отдёльнихъ "собственниковъ" (терминъ, кстати сказать, излюбленный составителями проекта, хотя рёдко употребляемый въ общежитіи н въ литературъ, -- развъ только въ проническомъ смыслъ); собственнивъ-государство какъ будто теряется среди безразличной толпы частныхъ собственниковъ, для которыхъ преимущественно н выработывается гражданское уложеніе. Собственникъ можеть прекратить оброчное владъніе, если въ нъдрахъ земли найдутся "ивсторожденія ископаемыхъ значительной цвиности"; онъ обязанъ при этомъ уплатить въчному оброчному владъльпу сумму, равную десятилътнему оброку, а срочному—сумму, равную пяти-лътнему оброку, и "вознаградить оброчнаго владъльца за возведенныя въ имъніи постройки и сооруженія, (за) сдъланныя насажденія и вообще за всё произведенныя имъ въ имёніи улучшенія, по выбору оброчнаго владельца—или въ размере поне-сенныхъ имъ затратъ на улучшенія, или же въ размере после-довавшаго отъ улучшеній повышенія стоимости именія". Собственникъ можетъ также потребовать превращенія оброчнаго владънія, если за три года не уплаченъ оброкъ, или "если оброчный владълецъ пользуется имъніемъ хищнически или не выполняеть существенныхъ постановленій договора"; и въ этихъ случанить соблюдается то же правило о вознаграждении владъльца за постройки и сдёланныя улучшенія.

Къ вопросу о врестьянскомъ землевладёніи воммиссія отнеслась вполнё разумно, ограничивъ свою задачу "упорядоченіемъ существующихъ правилъ о поземельномъ устройстве врестьянъ и внесеніемъ въ эти правила частичныхъ улучшеній по указаніямъ судебной практиви и опыта". Эта часть проекта разработана обстоятельно, съ надлежащимъ безпристрастіемъ, воторое приходится особенно цёнить при господствующемъ нынё непріязненномъ отношеніи въ поземельной общине.

Громадный трудь, исполненный воммиссіею, заслуживаеть сочувственнаго вниманія не только какъ законодательная работа, но и какъ врупный вкладъ въ нашу небогатую идеями и склонную къ безцёльной схоластикъ юридическую литературу. Теоретическій характеръ работы сказывается во многихъ постановленіяхъ проекта и въ самой ихъ редакціи, не всегда ясной и общедоступной. Не всякій пойметь смыслъ "пользовладёнія правами", или правила, что "одно и то же имущество можеть быть

Digitized by Google

въ самостоятельномъ владъніи одмого лица и вмъстъ съ тымъ въ производномъ владъніи другого лица"... "Сервитутъ есть такое право въ чужомъ имъніи, которое налагаеть на собственника этого имънія обязанность что-либо терпъть (?) или чего-либо не дълать", — опредъленіе, едва ли соотвътствующее понятію о сервитутъ: оно можеть даже напугать собственниковъ, выставляя на первый планъ ихъ обязанность "терпъть". Эти и подобные ихъ недостатки или недосмотры будуть въроятно исправлены пре окончательномъ разсмотръніи проекта въ законодательномъ порядкъ; позволительно надъяться, что подвергнутся измъненію и тъ принципіальныя стороны и особенности "вотчиннаго права", которыя указаны выше.

Л. Слонимскій.

новый трудъ

0

ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЪ.

Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и проминиленный кривись (1893—1902).
 П. Имгулина. Харьковъ. 1902.

Реформа денежнаго обращенія въ Россіи долго будеть привлекать къ себв вниманіе изслідователей, не только какъ историческій факть, но и какъ живое явленіе текущей жизни,—потому что, несмотря на ся внішнюю законченность, металлическое обращеніе далеко еще нельзя признать прочно у насъ укоренившимся, и заботы о его поддержаніи составляють наиболіве видный мотивь экономической политики финансоваго в'ядомства. Годъ назадъ, этому предмету посвящено было интересное изслідованіе П. Х. Шванебаха ("Денежное преобразованіе и народное хозяйство"); въ настоящій моменть передъ нами трудъ профессора харьковскаго университета, П. П. Мигулина, изданній подъ двумя заголовками: какъ одинъ изъ томовь обширнаго изслідованія о русскомъ государственномъ кредиті и какъ самостоятельная работа, посвященная денежной реформів.

Два указанныя изследованія о возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи резко отличаются одно отъ другого. П. Х. Шванебахъ следить за экономической политикой мин. финансовъ,— имерищей въ виду обезпеченіе предполагаемой реформы,—и ея вліяніємъ на народное хозяйство; П. П. Мигулинъ задался пёлью выясненія внёшней, технической стороны преобразованія. Главный интересь его книги ноэтому заключается въ описаніи и критической оценкъ техь пріемовъ, какіе употреблялись министерствомъ финансовъ, для

фиксаціи курса кредитнаго рубля, водворенія золота въ обращеніи и оффиціальнаго возстановленія металлическаго обращенія при девальвированномъ рублѣ. Матеріалами же для такого описанія служили не только опубликованные документы, изслѣдованія и статьи, но и неизданныя дѣла министерства финансовъ, вслѣдствіе чего трудъ г. Мигулина вноситъ много новыхъ фактическихъ данныхъ въ вопросъ о ходѣ дѣла возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Въ нижеслѣдующемъ мы воспользуемся его трудомъ для того, чтобы напомнить читателю главные моменты этого дѣла и дополнить ихъ вовыми, сообщаемыми авторомъ, свѣдѣніями.

Долгое время предполагалось возможнымъ возстановить у насъметаллическое обращение не иначе, какъ послъ доведения кредитнаго рубля до его нарицательной стоимости; а такъ какъ упадокъ его цени приписывался неумеренному выпуску бумажных денегь, то погашеніемъ части обращавшихся кредитокъ и открывалась обыкновенно вампанія противъ бумажнаго денежнаго обращенія. Г. Мигулинъ возражаеть противъ такого воззрвнія на предметь. Разстройство у насъ денежнаго обращенія-говорить онъ-было обусловлено не чрезиврнымъ, будто бы, выпускомъ кредитокъ, а "ликвидаціей старыхъ банковыхъ установленій, неудачнымъ возобновленіемъ сооруженія желёзныхъ дорогъ и огромнымъ отливомъ нашихъ путешественниковъ за границу, вследствіе предоставленной имъ въ 1856 г. на этоть счеть полной свободы. Эти причины уничтожили благопріятный для нась разсчетный балансь, бросили на заграничный рыновъ массу нашихъ предитныхъ билетовъ и истощили разивиный фондъ" (стр. 3). Борьба съ этимъ зломъ-по его мевнію-должна быть поэтому направлена совсћињ не въ ту сторону, какъ предполагалось. Нужно было заботиться о достиженіи выгоднаго баланса и разрішеніем сділокъ на металлическую валюту воспрепятствовать дальнайшему отливу золота, стремившагося за границу потому что-при существованіи закона о равпоцівнности кредитных и металлических денегь-"никто не хотъль платить болъе дорогими деньгами, когда можно было платить дешевыми". Эту послёднюю мёру финансовое вёдоиство пыталось применять, однако, лишь после неудачи попытовъ возстановить металлическое обращение путемъ извлечения излишнихъ, по его мивнію, билетовъ.

Следуеть, однако, иметь въ виду, что обстоятельства, какъ известно, не давали правительству возможности извлечь изъ обращения такое количество кредитокъ, чтобы можно было проверить господствовавшую теорію о причинахъ низкаго курса бумажнаго рубля и заметно повысить (если теорія верна) этотъ курсъ. Оставалось поэтому или примириться надолго съ чисто бумажнымъ обращеніемъ, или пытаться водворить въ странѣ золото, несмотря на низкій курсъ рубля, допустивъ совершеніе сдѣлокъ въ золотой валютѣ по курсу дня. Финансовое вѣдомство и приходило обыкновенно къ такому рѣшенію, но предположенія объ этомъ Рейтерна. Бунге и Вышнеградскаго разбивансь о сопротивленіе государственнаго совѣта, находившаго, что обращеніе правительства къ этому средству равносильно оффиціальному признанію девальваціи кредитнаго рубля, чего государственный совѣть не считаль возможнымъ допустить и по принципіальнымъ основанивъ, и въ виду неблагопріятнаго впечатлѣнія, какое эта мѣра проязведеть на общество. У министерства финансовъ не оставалось послѣтого никакихъ другихъ спеціальныхъ средствъ для исправленія денежваго обращемія, кромѣ подготовительной мѣры—накопленія золотого размѣннаго фонда путемъ покупки волота и внѣшнихъ займовъ.

И предполагавшееся допущение сдъловъ на золото, и образование разивниато фонда не обезпечивали, однако, доставленія того условія, которое считалось sine qua non возстановленія разміна: доведенія ціны вредитнаго рубля до паритета. А такъ вак въ распоряжени правительства не находилось никакихъ средствъ болье или менье быстраго достиженія этой цели и такъ какъ кь пониженной ценности кредитнаго рубля съ теченіемъ времени прискособились всё наши внутревнія отношенія, то руководители финансовъ чаще и чаще стали приходить въ заключенію, что поднятіе курса рубля до нарицательной его стоимости не составляеть необходимаго условія возстановленів металлическаго обращенія, что доведеніе ціны вредитнаго рубля до зелотого-при существующихъ условіяхъ-будеть даже скорте вредно, чать полезно, потому что опять поведеть къ необходимости переоцънить всё наши приности, не говоря уже о последующемъ за нимъ ухудшенін разсчетнаго баланса, какъ следствін сокращенія вывоза, увеличения ввоза и усиленнаго отлива за границу русскихъ путешественнивовъ. При такомъ взгляде на предметь, спеціальныя (не говоримъ объ экономической и финансовой политикв государства, насколько таковая опредвлялась интересами возстановленія металлическаго обращенія) міры для возстановленія металлическаго обращенія должны были заключаться въ накопленіи разміннаго фонда, упроченів курса кредитнаго рубля на определенномъ отношеніи къ рублю волотому и открытін затымъ разміна по этой пониженной цінь бумажныхъ денегь. Въ этомъ направления, собственно говоря, и совершались подготовительныя операціи въ возстановленію металлическаго обращенія. О напопленіи волотого фонда заботились всё наши министры. Поддержаніе курса предитнаго рубля составляло предметь желаній и Рейтерна, и Бунге, но борьба съ его колебаніями была столь мало**усв'ящих, что и тотъ, и др**угой, въ конц'в концовъ "совершенно отчаялись

даже въ возможности подобной борьбы съ надеждой на успъхъ, и отъ нея отвазались" (стр. 19). Вышнеградскій занять былъ по преимуществу накопленіемъ золотого фонда и этой цъли жертвовалъ устойчивостью курса кредитнаго рубля, повышая или понижая его, смотря по тому, какъ это было выгодно и финансовому въдомству (покупавшему золото), и нашей внёшней торговлъ, и только при нынёшнемъ министръ финансовъ, — получившемъ отъ предшественниковъ солидный запасъ золота, — приняты были систематическія міры къ упроченію курса кредитокъ.

Управленіе финансами Вышнеградскаго завершилось грандіознымъ и вполет достойнымъ его экономической и финансовой политики голодомъ 1891—1892 гг., во-очію показавшимъ всёмъ невёрующимъ упадовъ благосостоянія и народнаго хозяйства въ целой трети Россіи. Быть можеть, подъ вліяніемъ этого указанія преемникь Вышнеградскаго въ первое время своего управленія какъ бы отказался отъ мысли о возстановленіи металлическаго обращенія и выказаль наміреніе идти по пути содвиствія поднятію промышленности страни, приступивъ въ преобразованію государственнаго банка и сооруженію сибирской жельзной дороги; средства же для усиленной двятельности банка и для выполненія указаннаго сооруженія предполагалось получить путемъ выпуска особыхъ банкнотъ и бумажныхъ денегь, что, вонечно, очень мало вязалось съ задачей возстановленія металлическаго обращенія. Эти міры, однако, не были приведены въ исполненіе, а черезъ два съ небольшимъ года взгляды министра изминились и онъ быстро и ръшительно двинулся по пути водворенія металлическаго обращенія.

Этотъ первый періодъ исторіи настоящаго управленія финансами г. Мигулинъ объясняетъ неизбъжнымъ колебаніемъ министра финансовъ, "какой ему держаться политики", обусловленнымъ "противоръчивыми и неустойчивыми взглядами на вопросы денежнаго обращенія, какъ въ нашей литературі, такъ и въ административныхъ сферахъ" (стр. 15-16). Объяснение это можно признать въроятнымъ лишь на половину. Очень можеть быть, что успъшные результаты принятыхъ мъръ для упроченія — въ интересахъ промышленности н торговли — курса кредитнаго рубля навели министра финансовъ на мысль, что водвореніе металлическаго обращенія на почь девальнированнаго рубля-не такая уже отдаленная вадача, какъ предполагалось раньше. Но решительный приступь въ денежной реформе имееть и другую, уже постороннюю причину, на которую и указывалось въ литератур'в (Шванебахъ, Ходскій). Министерство финансовъ начало принимать деятельное участіе въ экономической жизни страны и не только въ качествъ государственнаго ея регулятора, но и въ ролг предпривимателя и торговца. Достаточно указать на винную моно-

полію, на развитіе вазеннаго желівнодорожнаго хозяйства и на участіе правительства въ поддержаніи цёнъ клёба черезь покупку его для образованія государственныхъ продовольственныхъ запасовъ-чтобы устранить всякія на этоть счеть сомнінія. Это направленіе діятельвости министерства требовало большого оборотнаго капитала, и хоты вазна владъла врупными суммами вазначейской наличности, но последнія завлючались по преимуществу въ золотомъ запасё, а золото обращения въ странъ не имъло. Нужно было поэтому или продавать золото, съ такимъ трудомъ собранное прежними министрами, или отказаться отъ расширенія казеннаго хозяйства, или принять м'ёры къ току, чтобы золото обращалось въ странъ на ряду съ бумажками. Манистръ финансовъ остановился на последнемъ решеніи; но котя г. Мигулинъ и указываеть на этотъ мотивъ денежной реформы, но представляеть дело такимъ образомъ, какъ будто бы онъ заключался линь въ желаніи избъжать необходимости прибъгать къ временнымь выпускамъ кредитныхъ билетовъ (подъ обезпечение волотомъ рубль за рубль) для производства текущихъ расходовъ обыкновеннаго характера (поврываемыхъ государственными доходами), и ничего не говорить о широких зателях промышленно-торговаго характера (стр. 52-53).

Такъ это, однако, или иначе, но въ 1895 г. принимается рядъ въръ по преобразованию денежнаго обращения, исходной гочкой которыхъ служило достигнутое въ теченіе предшествующихъ трехъ лёть упроченіе курса кредитнаго рубля. Эта послёдняя цёль достигнута была путемъ двоякаго рода мъръ: борьбою съ заграничной спекуляціей съ русскимъ кредитнымъ рублемъ и систематической покупкой и продажей казною волотых тратть (обязательствь заграничных покупателей русскихъ товаровъ уплатить условленную сумму въ металлической валють), которыми производилась также расплата и за привозимые въ Россію товары. Въ зависимости отъ того, преобладало ли на рынкъ предложеніе тратть (ограничиваемое размърами вывоза), или спросъ на нихъ (обусловливаемый суммою ввоза)—курсъ кредитнаго рубля поднимался или падаль. Но еслибы существоваль аппарать, снабжающій рыновъ золотыми траттами въ разміррів дівствительнаго на нихъ требованія-увазанная причина волебанія бумажнаго рубля устранилась бы и курсъ его пріобраль бы некоторую устойчивость. Тавой аппарать и быль устроень нынешнимь министромь финансовь. Правда, покунка тратть производилась въ широкихъ размерахъ при Вышнеградсвомъ, но она имъла цълью пріобретеніе золота. При нывышнемы же министры пріобрытеніе государственнымы банкомы тратть, вогда онъ были на рынкъ въ излишкъ, и продажа ихъ или аналогичныхъ имъ банковыхъ векселей на заграничныхъ своихъ корреспондентовъ-при усиленномъ требованіи на нихъ со стороны импортеровъ-удерживало курсъ кредитнаго-рубля на опредёленномъ уровий.

Изъ числа тъхъ и другихъ мъръ для устраненія волебаній курса г. Шванебахъ считаеть дъйствительной лишь операцію продажи и покупки тратть; но г. Мигулинъ важное значеніе приписываеть и обузданію спекуляціи, и ставить его даже "въ величайшую заслугу нывъщняго министра" (стр. 48).

Упрочение определеннаго курса кредитнаго рубля предпринато было въ цъляхъ общеркономическихъ; но когда эта задача (въ 1893-1894 гг.) была удачно выполнена-министерство финансовъ воспользовалось даннымь положениемь, какь исходной точкой для возстановленія металлическаго обращенія. "Упроченный курсь вредитнаго рубля позволяль надеяться на притовъ въ намъ въ случай выгодныхъ для насъ разсчетныхъ балансовъ золотой монеты, еслибы сдёлен на таковую были разрешены. Поэтому министръ финансовъ, въ марте 1895 г., внесъ въ государственный совить представление о разришении сдиловъ на золотую валюту въ цёляхъ привлеченія иностранныхъ капиталовь, приданія нашей денежной систем'в изв'ястной эластичности и подготовки въ будущемъ размъна бумажныхъ денегъ". Входя съ этимъ представленіемъ, министръ финансовъ вмёстё съ тёмъ заявляль, что мъра эта никоимъ образомъ не предръщаетъ вопроса объ утверждени золотого обращенія, которое онъ находиль преждевременнымъ и требующимъ "для успъха своего осуществленія многихъ подготовительныхъ меропріятій и сочетанія благопріятныхъ условій", въ томъ числъ-такого прочнаго экономическаго положенія, "чтобы случайное неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ не могло его пошатнуть". "Возстановленіе въ будущемъ металлическаго обращенія, -- говорыль министръ финансовъ, — немыслимо безъ того, чтобы золото было не только накоплено въ государственной казив, но и получило распространеніе въ частныхъ оборотахъ". Предлагаемая имъ мёра и должна была служить этой последней цели (стр. 49). Ознавомленіе г. Мигулина съ подлинными делами по этому предмету повазало, что это заявленіе министра финансовъ сдёлано имъ, несмотря на то, что вопросъ о возстановленіи металлическаго обращенія рішень быль безповоротно и поставленъ на одижанщую очередь. Внося, годъ спустя, въ государственный совъть проекть этого возстановленія, министръ финансовъ "отказался отъ вышеприведенныхъ словъ своего представленія, сказавъ, что ихъ писаль не овъ, а его чиновники, и что министръ ответственъ лишь за предлагаемую меру, но никакъ не за всв соображенія, поміщаємыя въ подписываємыхъ имъ представленіяхъ (стр. 50). Проф. Мигулинъ считаеть употребленный пріемъ соврытія передъ государственнымъ совътомъ настоящей цъли предлагаемаго мітропріятія "неизбіжнымъ"— "въ виду прежняго троевратнаго противодійствія государственнаго совіта въ ділі разрішенія сділовъ на золотую валюту", изъ опасенія, "что предлагаемая мітра есть переходная въ возстановленію разміна вредитныхъ билетовъ на золото не по нарицательной ихъ ціні (вавъ это и было на самомъ ділі). Что же оставалось министру финансовъ, вавъ не увітрать, что вопрось о разміні имъ еще окончательно не рішень?" (стр. 50).

Любопытно, что, одобряя соврытіе оть высшаго законодательнаго учрежденія настоящихъ мотивовъ проекта о разрішеніи сділокъ на золотую валюту, потому что безъ такого соврытія проекть не получиль бы одобренія государственнаго совета, г. Мигулинь вы то же время находить, что получившая этимъ путемъ силу закона мъра являлась въ данный моменть излишнею, и что для возстановленія разміна правительство ниймо достаточный запась золота и "не нуждалось въ предварительномъ притокъ золота всябдствіе разръщенія заключать сділки на волотую валюту". Но если такъ, то "изъ-за чего же хлопоталъ министръ финансовъ и для чего проводилъ этотъ законъ?" -- спрашиваетъ авторъ (стр. 52). Отвъть на вопрось г. Мигулинъ находить въ недостатив у вазны вредитныхъ денегь для текущихъ расходовь и въ невозможности для производства послёднихъ пользоваться золотымъ запасомъ, такъ какъ золото въ странъ не обращалось. Не желая обращаться для пріобрътенія бумажекь къ займамь или къ временному выпуску кредитокъ, министерство финансовъ рѣшило ввести золото въ обращеніе; такъ какъ государственный советь не согласился бы сделать это нутемъ возстановленія металлическаго обращенія съ пониженной цінностью рубля, то министръ остановился на мере допущения сделовъ на золото. Мотивы эти были, конечно, также скрыты отъ государственнаго совъта; но послъдній точно догадывался о намъреніи министерства и какъ будто бы нарочно принималъ меры въ тому, чтобы помъщать ихъ осуществлению. "Слъдуеть вовсе отвазаться отъ разрёшенія казнё производства платежей золотой монетой — говорится въ журналь государственнаго совъта по этому вопросу,--дабы устранить всякую возможность предположенія, будто правительство воспользуется этимъ правомъ для исполненія своихъ обязательствъ во назначенному имъ самимъ невыгодному для вредиторовъ курсу" (стр. 50). Тъмъ не менъе, главному и шестнадцати мъстнымъ вазначействамъ министръ финансовъ разръшилъ "выдавать вредиторамъ вавны, въ случав ихъ на то согласія, часть следуемыхъ изъ вазны денегь золотою монетою"; а "некоторые, не въ меру ретивые чивовники,--говорить г. Мигулинъ,--видя нежеланіе публики брать зодото добровольно, разными способами стали вынуждать это "добровольное" согласіе". Трудно, однако, предположить, чтобы на настойчивыя дъйствія въ этомъ смысль низшая финансовая администрація рышилась, не имъя одобренія высшей. Такъ ли, однако, или иначе, но нерасположеніе публики къ золоту было настолько велико, что мъры министерства финансовъ по водворенію его въ обращеніе—безъ номощи вышеупомянутыхъ пріемовъ—грозили обратиться въ ничто, а примъненіе названныхъ средствъ вызывало не только недовольство, но и "негодованіе со стороны общества" (стр. 56). "Необходимо было спъшить съ реформой денежнаго обращенія",—заключаеть по этому новоду г. Мигулинъ,—и министерство финансовъ усиленно занялось разработкой плана реформы.

"Первый вопросъ, который предстояло рашать, быль вопросъ, построить ли новую денежную систему на серебръ, золоть или на обоихъ металлахъ, и если на обоихъ, то въ вакомъ отношения. Второй вопросъ, зависящій отъ перваго: въ какомъ отношеніи и на какой металль возстановить размёнь кредитныхь билетовь. Третій вопрось васается техническихъ сторонъ предпринимаемой операціи. Четвертый вопросъ: какъ въ будущемъ организовать эмиссіонную операцію и вакъ измѣнить, сообразно съ тѣмъ, уставъ государственнаго банка? Наконецъ, пятый вопросъ: своевременна ли затъваемая реформа, т.-е., созданы ли уже такія условія, при которыхъ разм'єнъ кредитныхъ билетовъ и металлическое денежное обращение настолько обезпечены, что, при кормальныхъ условіяхъ экономической жизни, имъ не грозить никакая опасность". Въ обществъ, какъ извъстно, госнодствовало мивніе, что девальвація вредитнаго рубля нарушаеть права держателей последнихъ, такъ какъ бумажныя деньги есть долгь государства, который оно обазано уплатить золотомъ. Въ виду этого, 6 октября 1895 г., Высочайме учреждена была коммиссія спеціалистовъ (членами которой состояли, между прочимъ, бывшій профессоръ кіевскаго университета П. П. Цитовить, проф. петербургскаго университета И. И. Кауфманъ, довторъ уголовнаго права Н. А. Невлюдовъ, изв'єстный юристь А. Л. Боровиковскій) для разъясненія вопросавакой монетой, -- золотой или серебряной (тогда обезцівненной), - по дъйствующимъ законоположеніямъ — правительство обязано оплачивать кредитные билеты.

На ряду съ этими подготовительными мърами по проведенію реформы, министерство финансовъ приняло и рядъ мъръ дальнъйшаго практическаго развитія послъдней: было объявлено о пріемъ золотой монеты во всъ казенные платежи; курсъ кредитнаго рубля былъ внезапно фиксированъ на 67% его нарицательной цъны (по какому курсу предположено произвести девальвацію); усиленъ размѣнный фондъ. "Планъ денежной реформы,—говоритъ по поводу всъхъ этихъ мъръ г. Мигулинъ,—былъ такимъ образомъ выработанъ и въ общихъ чертахъ

оффиціально сообщень (стр. 64), а 6 марта 1896 г. въ комитетъ финансовъ быль внесенъ и весь проекть "исправленія денежнаго обращенія". Проекть этотъ быль вибств съ тёмъ опубликованъ во всеобщее свёдёніе и вызваль оживленную полемику—устную (въ вольно-экономическомъ обществв), письменную (въ формв записовъ) и печатную. Комитеть финансовъ (въ составв девяти членовъ: великаго князя Константина Константиновича, Д. М. Сольскаго, М. Каханова, М. Н. Островскаго, В. М. Маркуса, Т. И. Филиппова, Ө. Г. Тернера, С. Ю. Витте и А. Н. Иващенкова, и при участіи бывшаго предсёдателя коммиссіи 6 октября, сенатора Голубева) посвятиль обсужденію проекта пять засёданій и одобриль его, внеся нёвоторыя поправки. "Сь такого рода измёненіями проекть Высочайшаго указа и правила исправленія денежнаго обращенія поднесены были Государю Императору, которому благоугодно было собственноручно на подлинномъ начертать (14 апр. 1896 г.): "Внести въ Государственный Совётъ" (стр. 125).

Такимъ образомъ, вопросъ о возстановленіи металлическаго обращенія съ девальваціей кредитнаго рубля поступиль на обсужденіе законодательнаго учрежденія, всегда бывшаго противникомъ послёлней мърм. Отврывая первое засъдание государственнаго совъта, председатель его, Д. М. Сольскій, сделавь краткій очеркъ исторіи вопроса о денежномъ обращении въ Россіи, высказался лично за реформу и въ заключение добавиль, что "всв высказанныя до сего времени возраженія и сомивнія не поколебали его мивнія по этому вопросу; напротивъ того, пройдя черезъ такой искусь, оно еще болве укрвинлось. Теперь, дойдя до государственнаго совета, дело будеть разълснено и ръщено окончательно. Спъшить заключеніемъ---въ виду важности предположенныхъ мъръ - не желательно; весьма полезно будеть посвятить два-три засёданія предварительному обміну минній. съ темъ, чтобы въ теченіе летниго времени зрело обдумать дело и собрать могущія потребоваться дополнительныя свёдёнія и справки. Такимъ образомъ, гг. члены будутъ поставлены въ возможность осенью высказать свое окончательное сужденіе-заключеніе по настоящему важному дълу, по тщательномъ и всестороннемъ его соображении" (стр. 134).

Въ вступительной річи министра финансовъ было указано на затрудненія, испытываемыя нашей развивающеюся промышленностью и торговлей вслідствіе неподвижнаго состоянія количества денежныхъ знаковъ, какъ слідствія обезціненія кредитнаго рубля. "Ежегодно осенью ощущается особенно сильное безденежье, отчего государственный банкъ ограждаеть свою кассу повышеніемъ учетнаго процента, но пользы отъ этого ніть, ибо къ намъ не могуть, —какъ въ другихъ странахъ, гдів господствуеть правильная валюта, —притечь деньги

Томъ VI.--Нояврь, 1902.

извив, и торговля и промышленность наши становятся въ совершенно безвыходное положение. Положение министра финансовъ также очень трудное, ибо къ нему обращены все нарекалія, вызываемыя такими ненормальными порядками. Выхода изъ него два: или возстановить металлическое денежное обращение, или обратиться въ увеличению предитныхъ билетовъ; ибо оставлять далве Россію въ тоиъ же положенін, при коемъ ся денежное обращеніе не можеть увеличиться, было бы равносильно заключенію ребенка въ футлярь съ цёлью помъшать его росту. Ни одинъ министръ финансовъ не выдержитъ долго нынашняго положенія и прибагнеть въ вонца вонцовъ нь новому выпуску бумажныхъ денегъ". "Въ заключение своей ръчи министрь финансовь свазаль, что для него всего важные, чтобы государственный совёть указаль цёль, къ которой въ будущемъ слёдуеть стремиться. Въ противномъ случав министръ финансовъ будеть въ полной неопределенности относительно дальнейшаго направленія этого вопроса. Но лично онъ будеть скорве радоваться отрицательному ръшенію по настоящему дълу. При утвержденіи проекта на министра финансовъ, вакъ на иниціатора реформы, будуть направлены всі обвиненія, если накоторыя ся стороны покажутся неудебными. Если же, наобороть, проекть не будеть принять и придется силою вещей обратиться въ выпускамъ вредитныхъ бидетовъ, то положение министра финансовъ будетъ гораздо легче. Выпусвъ даже 300-400 милл. руб. новыхъ бумажевъ не сразу уронить курсь, а между твиъ учетный проценть будеть низокъ, изобиле денегь вызоветь новыя предпріятія, всё сдёлки будуть совершаться легко. Отрезвляться придется потомъ, можетъ быть лишь черезъ 10 летъ, и нарежанія, неизбежныя при окончательномъ обезцвиеніи бумажныхъ денегь, будуть обращаться уже не въ нынешнимъ финансовымъ деятелямъ, на долю воихъ достанутся одив похвалы за оживленіе торговли и промышленности" (стр. 136).

"Такимъ образомъ, — замѣчаетъ проф. Мигулинъ, — министръ финансовъ ставилъ дѣло утвержденія его проекта на новую почву, грозя, въ случаѣ его непринятія, новыми выпусками бумажекъ. Коночно, такая постановка вопроса не могла не вызвать возраженій". Возраженія же заключались въ указаніи преувеличеній министромъ финансовъ степени нужды въ денежныхъ знакахъ и на наличность въ его рукахъ удобнаго средства удовлетворенія этой нужды безъ наводненія страны новыми неразмѣнными кредитками. Средство это заключалось во временномъ выпускѣ бумажекъ подъ обезпеченіе ихъ золотомъ, съ изъятіемъ ихъ изъ обращенія по минованіи въ нихъ надобности. Что же касается возраженій въ государственномъ совѣтѣ на

существо проекта министра финансовъ, мы здёсь остановимся на немногихъ пунктахъ.

"Законодательное закрёнленіе за вредитнымь рублемь существующей цёны на волото (66°/з коп. золотомъ) есть мёда насильственная. несправединвая и несоответствующая достоинству государственной власти",--говорили противники реформы. Членъ государственнаго совыта Д. Г. фонъ-Дервизъ назваль эту меру даже элостнымъ банкротствоиъ, "въ виду того, что министръ финансовъ указывалъ на блестащее экономическое и финансовое положение России, при которомъ нроизводить частичное государственное банкротство, конить девальвація, несомивню, представляется, было бы, комечно, непозволительно" (стр. 138). Вирочемъ, съ этой мерой можно бы было еще примириться "какъ съ горькой необходимостью", еслибы была уверенность въ техъ ея результатахъ, на какіе разсчитываеть министръ финансовъ. Но въ прочность размёна вёрили только два высказавшихся члена госуларственнаго совъта: Д. М. Сольскій и О. Г. Тернеръ; прочіе же ораторы находили его врайне сомнительнымъ. "На первыхъ порахъ, --- за**ивчаль** Н. В. Шидловскій, —реформа, безъ сомивнія, подниметь нашъ заграничный вредить и облегчить завлючение займовъ на постройку железныхъ дорогъ, на промышленныя предпріятія и т. п. Поступающее этимъ путемъ золото будеть понолнять отливъ последняго по разсчетному балансу, и можеть казаться, что реформа удалась. Такъ было сначала и въ Италіи. Но по мірт того, вакъ станоть обостряться угрежающій земледілію вризись, вызываемое имь ухудшеніе разсчетнаго баланса начнетъ требовать все больше волота для заграничныхъ платежей, что постепенно новолеблеть доваріе и совратить приливы къ намъ иностранныхъ капиталовъ. Начнутъ обнаруживаться затрулвенія въ разміні, и, чтобы поддерживать его, придется дідать на обременительных условіяхъ спеціальные займы для пополненія убывающаго фонда. Проценты же по этимъ займамъ будуть требовать установленія вовых налоговь. Проистекающія отсюда тягости могуть. наконецъ, оказаться непосильными, и тогда останется одно средство предупредить совершенную потерю съ огромными усиліями собраннаго фонда-придется пріостановить размінь и вернуться вновь къ кредитному обращению - быть можеть, болье разстроенному, чемь теперешнее". "Проектированная міра не иміть твердаго фундамента. висказался Д. Г. фонъ-Дервизъ. — Неть повода для отступленія оть прежней твердей и осторожной политики, которан спокойно и съ должной постепенностью стремилась вы подъему народнаго благосостояныя и къ возстановлению металлическаго обращения на прочныхъ основаніяхъ. Настоящій проекть можно сравнить съ фейерверкомъ, который быстро вспыхиваеть и такъ же быстро гаснеть" (стр. 139).

Летомъ 1896 г. "министерство финансовъ не останавливало своихъ работъ по проведению реформы ни на минуту". Составлены были возраженія на замічанія, высказанныя въ государственномъ совіть, произведено нъсколько крупныхъ работь для разъясненія различныхъ спорных вопросовъ (о нашемъ торговомъ балансв, разсчетномъ бадансъ и др.); "для подвръпленія себя заграничными авторитетами. было решено обратиться съ запросами по поводу предпринимаемой реформы въ Ад. Вагнеру, В. Лексису, Голгену и даже къ маститому Гладстону"; составлено сообщение объ обращени вредитныхъ билетовъ и о текущемъ долгв для заграничной прессы: явилась оффиціовная защита просета министра финансовъ въ внигъ ученаго севретаря министерства, А. Н. Гурьева ("Реформа денежнаго обращенія"). Вмість съ тъмъ принимались и правтическія мъры для дальнайшаго осуществленія реформы: заключень быль заемь для усиленія разм'єннаго фонда, курсь кредитнаго рубля въ 7 руб. 50 кон. за 5 рублей золотомъ закрѣпленъ былъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мннистерство финансовъ изображало въ это время какъ бы два лика: одинъ. заботяшійся о томъ, чтобы проекть денежной реформы провести піликомъ чрезъ государственный советь; другой, принимающій меры осуществленія реформы отдёльными Высочайшими повеленіями. Во вторую половину 1896 г., когда отрицательное отношение государственнаго совета въ проекту выразилось съ новой силой, второй ликъ проявиль особую діятельность. Вы декабрів министры внесь выкомитеть финансовь представление о необходимости чеканки золотой монеты съ надписью (7 руб. 50 коп.), соотвътствующею закръвленному курсу вредитнаго рубля, указывая при этомъ "на неподготовленность членовъ государственнаго совъта въ обсуждению денежной реформы. всявиствіе отсутствія оныта относительно металинческаго денежнаго обращенія и незнавомства съ его техникой" (стр. 170). А въ Высочайшемъ указъ (3 января 1897 г.), относищемся въ этому предмету. нринятіе данной мітры до окончанія разсмотрівнія проекта реформы въ государственномъ совътъ мотивировалось необходимостью "устраненія поводовъ въ сомнініямь, порождаемымь въ населеніи несоотвътствіемъ нарицательнаго достоинства золотой монеты и ся ціной, опредъленной для обивна на кредитные билеты". Высочайшимъ указомъ 1897 г. определенъ порядовъ выпусва вредитныхъ билетовъ, а 14 ноября 1897 г. Высочайше повельно отчеканить и пустить въ обращеніе пятирублевую золотую монету и сдёлать на вредитных билетахъ следующую надпись: "Государственный банкъ размениваетъ вредитные билеты на золотую монету безъ ограничения сумы $(1 \text{ руб.} = \frac{1}{15} \text{ имперіала, содержить } 17,424 доли чистаго золота)".$ Словомъ, всв вопросы, входившіе въ составъ проекта, внесеннаго на

разсмотрѣніе государственнаго совѣта, получили опредѣленное завонодательное разрѣшеніе, и дальнѣйшее обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ становилось излишнимъ.

Такова была процедура возстановленія металлическаго обращенія нинашнимъ министромъ финансовъ. Изсладованіе проф. Мигулина сладить и за дальнайшими марами финансоваго вадомства, имающими въ виду поддержаніе этого обращенія. При весьма высовомъ мианіи автора о талантахъ, способностяхъ и просващенности министра финансовъ, и несмотря на пристрастную во многихъ случаяхъ окраску принимаемыхъ имъ маръ, — трудъ г. Мигулина, тамъ не менае, заключаетъ много данныхъ и соображеній для правильной оцанки даятельности министерства, хотя бы таковая и не всегда была въ пользу посладняго. Въ настоящей заматка, однако, мы не имаемъ въ виду касаться дальнайшихъ моментовъ денежной реформы.

RR

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪНІЕ

1 ноября 1902.

Продолженіе занятій увядних комитетовь.—Родь правительства, земства и городовь въ области охраненія народнаго здравія.—Недоники земских сборовь.—Принвненіе временних правиль о народномъ продовольствін.—Земскіе члены училищних совітовъ. — Новый газетный походъ противъ земства. — Инциденть въ московскомъувядномъ земскомъ собраніи.—Участіе членовъ губериской земской управи въ убяднихъ земскихъ собраніяхъ.

Появляющіяся въ печати сведёнія о деятельности уездныхъ комитетовъ продолжають представлять много замівчательнаго и, большею частью, отраднаго. Чернскій комитеть, съ своимъ изв'ястнимъ предсъдателемъ и своими удивительными постановленіями, остается пока единственнымъ въ своемъ родв. И въ другихъ мъстахъ появляются, отъ времени до времени, предложенія, отміченныя печатью кръпостничества -- но они идуть отъ отдъльныхъ лицъ и отклоняются большинствомъ комитета. Такъ напр., въ тираспольскомъ комитеть одинъ изъ членовъ, выразивъ сочувствіе волостнымъ судамъ, назначающимъ телесное наказаніе за захвать земли и за кражу хлеба, рекомендоваль ходатайствовать о томь, чтобы достаточнымь доказательствомъ такихъ проступковъ было признаваемо заявленіе потерпъвшаго-но вызваль этимъ только общій хохоть присутствовавшихъ. На первый планъ въ заключеніяхъ комитетовъ по прежнему выступають указанія на улучшеніе правового положенія крестьинь и на распространеніе образованія, какъ на необходимыя условія сельскохозяйственнаго прогресса. На этихъ пунктахъ сходятся между собор самыя различныя мъстности имперіи: Вологда и Черниговъ, Борисоглъбскъ и Елизаветградъ, Горбатовъ и Кишиневъ, Городня и Балахна, Епифань и Таганрогь. За широкія мёры на пользу народной школы высказываются даже комитеты, но выходящіе изъ сравнительно тёснаго круга (напр. ямбургскій, тираспольскій). Многіе комитеты обстоятельно мотивирують свои предложенія, составляють подробныя за-

писки, останавливаются и на отдёльныхъ, частныхъ вопросахъ, важнихь для данной местности. Въ разныхъ формахъ проявляется мысль о созданін на м'ястахъ новыхъ центровъ д'язтельности, которая сближала бы между собою всв влассы населенія. Комитеты ямбургскій, суджанскій, борисоглібоскій, таганрогскій—стоять за мелкую земскую единицу; камышинскій комитеть проектируеть учрежденіе особыхъ сельскихъ советовъ, въ которые могли бы быть приглашаемы, съ правомъ совъщательнаго голоса, и постороннія сельскому обществу лица; въ новоторыскомъ комитетв заходила рвчь объ устройствв періодическихь волостныхь совъщаній по вопросамь сельско-хозяйственной проимпленности 1). Въ камишинскомъ комитетъ подробно обсуждалось установленіе, рядомъ съ нынъ существующими сельскими сходами, особыхъ "малыхъ сходовъ", для болёе скораго и правильнаго рёшенія текущихъ діль. Детальная работа идеть, силошь и рядомъ, рука объ руку съ возбуждениемъ наиболее важныхъ общихъ вопросовъ. Такъ напримъръ, суджанскій комитеть — одинь изъ техъ, которые всего шире поняли свою задачу, -- уже из половинъ сентября имълъ въ своемъ распоряжении 23 доклада и до сорока записокъ (последнія -главнымъ образомъ отъ крестьянъ), а поступленіе новаго матеріала все еще не прекращалось. Доклады касались, между прочимь, вліннія финансовой политики на сельское хозяйство, церковнаго прихода, организаціи юридической помощи населенію, реформы крестьянскаго суда, положенія престыянскаго хозяйства въ связи съ лежащими на немъ платежами, петейной монополіи, абсентензма, какъ неизбъжнаго слёдствія ненормальнаго положенія сельско-хозяйственной проиншленности. Къ числу выдающихся трудовъ, вызванныхъ учрежденість вомитетовь, принадлежить, повидимому, записка Н. А. Хомякова (бывшаго смоленскаго губернскаго предводителя дворянства, затёмъ директора одного изъ департаментовъ министерства земледелія и государственныхъ имуществъ), внесенная въ сычевскій ужедный комитетъ. Главная ея мысль завлючается въ томъ, что до сихъ поръ нужды земледъльческой Россіи находились въ полномъ пренебреженіи: въ разръзъ съ ними шли и желъзнодорожные тарифы, и таможенная политика, и повышение налогового бремени, падающаго всей своей тя-

¹⁾ Особий подъемъ духа чувствуется въ предложенін, направленномъ къ устройству нодобныхъ сов'ящаній. "Тотъ трепеть народной жизни"—восклицаеть авторъвредложенія, —"который ощущался присутствовавшими въ зас'яданін, когда крестьяне висказивали свои взглады на формы землепользованія и другія стороны крестьянскаго быта, когда ени страстно спорили между собою по этимъ вопросамъ и все же не могли висказать и меньшей части того, чёмъ бол'ветъ крестьянская душа, не указываеть ли на необходимость—это временное и н'ясколько случайное сов'ящаніе обратить въ урегулированное"?

жестью на сельское населеніе, и казенная монополизація нівкоторыхъ отраслей государственнаго хозяйства, и покровительство обрабатывающей промышленности въ ущербъ земледільческой, и упистенность общественной самодъятельности. Эта послідняя нота звучить почти всюду, звучить сильніве всіхъ другихъ, прямо указывая на самое больное місто русской государственной жизни.

Въ министерствъ внутреннихъ дълъ поставленъ на очередь пересмотръ правилъ, относящихси въ устройству врачебной и санитарной части. Правила эти, несомивнно устарввшія, не проводять точной демаркаціонной черты между задачами правительства съ одной стороны, земскихъ и городскихъ учрежденій-съ другой. Участіе земства и городовъ въ охранении народнаго здоровьи составляеть, за немногими исключеніями, ихъ право, а не обязанность. Всегда возможно, поэтому, уклоненіе ихъ отъ заботы по улучшенію врачебнаго и санитарнаго дела. Противодействовать такому уклонению правительство можеть только путемъ чрезвычайнымъ-признаніемъ его нарушающимъ интересы государства или населенія. Не разграничены также сферы дъятельности земствъ и городовъ, что съ особенною силою сказывается во время распространенія эпидемических болёзней. Правильному разрешенію возникающихъ отсюда вопросовъ министерство придаеть самое серьезное значеніе. Губернаторамь поручено обсудить его, совижетно съ компетентными лицами, и представить министерству заключеніе свое, освёщенное статистическими данными, къ началу 1903-го года. Вийсти съ тимъ, губернаторамъ сообщены, не въ видъ обязательныхъ указаній, а лишь для свъдьнія, нъкоторыя соображенія, высказачныя въ особомъ образованномъ при министерствъ совъщания. Сущность этихъ соображений заключается въ слъдующемъ: организація врачебной помощи населенію и попеченіе о санитарномъ благоустройстве должны быть возложены, въ виде общаго правила, въ качествъ повинности на земскія и городскія общественныя управленія. Къ обязанностямъ правительства въ этой области можеть быть отнесень всецьло лишь надзорь за надлежащею постановкою врачебнаго и санитарнаго дёла. Необходимо установить тотъ minimum обязательныхъ требованій, который можеть быть предъявляемь къ земствамъ и городамъ, съ указаніемъ признаковъ для опредвленія этого minimum'a. Тавими признавами, въ зависимости отъ численности населенія и нормальнаго для данной м'естности процента заболъваемости, могутъ быть а) въ отношении врачебной помощи: 1) количество больничныхъ коекъ; 2) число состоящихъ на общественной службъ врачей; 3) количество и размъры амбулаторныхъ пріемныхъ

покоевь; б) въ отношени санитарнаго благоустройства: 1) количество состоящих на общественной служов санитарных врачей и дезинфекторовъ; 2) размъры устройствъ, предназначенныхъ для борьбы съ заразными заболъваніями, а именно: количество и емкость дезинфекфонныхъ камеръ и прачешныхъ, санитарнаго обоза, лабораторій для изследованія пищевыхъ продуктовъ и т. п. Что касается до сравнительнаго соотношенія зажиточныхъ и б'ёдныхъ влассовъ населенія, то котя оно и можеть оказывать извёстное влінніе на опредёленіе minimum'a, но едва ли можеть быть признано рѣшающимъ. Minimum требованій должень быть разсчитань въ зависимости отъ того, будеть ли врачебная и санитарная помощь оказываема безплатно или нътъ. Общественнымъ управленіямъ не должно быть возбранено взиманіе шаты за врачебную и санитарную помощь, но желательно, чтобы область такой помощи была по возможности расширена. Во избъжаніе пререканій между земствами и городами необходимо опред'ялить обязанности земства какъ по отношению ко всей ввъренной его попеченію территоріи, такъ и въ частности по отношенію къ отквльнымъ городскимъ поселеніямъ.

Что охраненіе народнаго здоровья не должно быть предоставляемо всецько усмотрыню земских и городских учрежденій — съ этимь, въ принципъ, нельзя не согласиться: преслъдуемая цъль слишкомъ важна, чтобы государство могло отстранить отъ себя всякую заботу о степени ея достиженія. На практикі, однако, невившательство или слабое вившательство государственной власти не привело къ тамъ результатамъ, какихъ, разсуждая теоретически, можно было ожидать и опасаться. Земство, никъмъ къ тому не побуждаемое и не понуждаемое, создало и народную медицину, и народно-санитарное дёло; гораздо позже, подъ вліяніемъ земскаго ночина и по земскому образцу, была введена сельская медицина въ не-земскихъ губерніяхъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и теперь въ огромномъ большинствъ вемскихъ увздовъ для народнаго здоровья дълается и тратится больше, чёмъ въ не-земскихъ. Установленіе минимума, о которомъ говорится выше, едва ли, поэтому, значительно увеличить расходы земства на врачебную и санитарную часть, въ особенности если одновременно будетъ опредъленъ такой же минимумъ для невемскихъ губерній (само собою разум'вется, что для новыхъ расходовъ, которыхъ кое-гат потребуетъ осуществление минимума, должно быть допущено изъятіе изъ общаго правила о фиксаціи земскаго обложенія). Съ нівоторыми оговорками сказанное о земствів примінимо и къ городамъ. И здёсь устройство врачебной части сдёлало большой шагь впередь сравнительно съ до-реформенной эпохой: стоить только припомнить, чемъ были городскія больницы въ Петербурге до передачи ихъ въ въдъніе города и чъмъ онъ стали въ его рукахъ, несмотря на быстрый рость населенія 1). Въ небольшихъ городахъ, притомъ, потребностямъ населенія удовлетворяють, обывновенно, земскія больницы. И въ городахъ, следовательно, установление минимума, однороднаго для всей Россіи (т.-е. построеннаго на одинаковыхъ началахъ, независимо отъ способа завъдыванія городскимъ хозяйствомъ), не повлекло бы за собою большого напраженія бюджетных средствь. Примириться съ минимумомъ было бы легво и потому, что онъ не угрожаль бы самостоятельности земства и городовь, какъ угрожаль ей, напримъръ, изданный въ 1893 г., но, къ счастію, не введенный въ дъйствіе уставъ лечебныхъ заведеній. Опредъленіе и увольненіе врачебнаго персонала, выборъ той или другой организаціи врачебнаго и санитарнаго дъла, той или другой системы больничнаго хозяйства, твать или других размеровы вознагражденія служащихь, твать или другихъ пунктовъ для устройства больницъ и пріемныхъ повоевъвсе это завискло бы по прежнему отъ земствъ и городовъ и не подлежало бы административной регламентаціи, несовмістной съ нормальнымъ, широкимъ развитіемъ регламентируемаго дёла. Если въ области охраны народнаго здоровья земства и города въ сравнительно короткое время сдёлали такъ много, -- это объясилется именно свободой действій, обращавшей самыя ошибки въ уроки и поддерживавшей энергію исполнителей. Только благодаря ей могь сложиться симпатичный типъ земскаго врача, могли быть побъждены прецятствія, коренившіяся въ громадности разстояній, въ разбресанности населенія, въ недовіріи его въ больницамъ, довторамъ и правильному леченью... Соображенія министерства допускають установленіе платы за леченье, признавая лишь желательнымь возможно большее расширеніе безплатной помощи; въ вемской практикъ последняя-по крайней мёрё въ форме врачебныхъ советовъ и раздачи лекарствъпредставляеть собою скорве общее правило, чвив исключение. Съ самаго начала своей дентельности земство усвоило себе именно то руководящее начало, которое выставляють на видь соображения министерства внутреннихъ делъ: оно съумело понять, что установлене платы за деченье "препятствовало бы вкорененію въ населеніи привычки обращаться своевременно къ врачебной помощи". Если до сихъ поръ во многихъ увздахъ взимается плата за леченье въ вемскихъ больницахъ, то это объясняется недестаточностью земскихъ средствъ и затрудненіями, съ которыми, въ последнее время, сопря-

¹⁾ Мы очень хорошо знаемъ, что земскія и городскія больницы, не исключая столичныхъ, еще далеки, иногда очень далеки отъ совершенства — но зато слабия ихъ стороны раскрываются сравнительно легко и безпрепятственно подвергаются критикъ.

жено повышение земскихъ смётъ. Чёмъ больше требуется отъ земства, темъ очевидне необходимость предоставить ему новые источники дохода.

Задачи правительства въ области врачебнаго и санитарнаго дёла едва ли могутъ быть сведены исключительно въ надзору за правильной его постановкой. Земскіе и городскіе бюджеты, по самому своему свойству, лишены эластичности; имъ трудно, иногда невозможно выдержать внезапное бремя, налагаемое чрезвычайными обстоятельствами. При появленіи въ томъ или другомъ увздв не особенно сильной, заурядной, если можно такъ выразитьси, эпидемической болёзни, на помощь увзду приходить, обыкновенно, губернское земство, располагающее, для такихъ случаевъ, врачебнымъ персоналомъ или средствами для его приглашенія. Совершенно инымъ становится положеніе земства, если въ нівскольких убядахъ или въ цілой губерніи начинаетъ свиръпствовать такая эпидемія, какъ, напримъръ, холера. Для борьбы съ нею, систематической и энергической, текущіе доходы земствъ, уевдныхъ и губерискаго, оказываются недостаточными. Приходится прибъгать въ позаимствованіямъ изъ земскихъ капиталовъ, всегда рискованнымъ и надолго обременяющимъ земскія смёты платежемъ процентовъ и погаменія. С.-петербургское губериское земство, напримеръ, до сихъ поръ еще не вполив погасило заемъ (въ двёсти тысячь рублей), сдёланный имь въ 1892 г. для принятія мёрь противъ колеры. Намъ кажется, что такія экстраординарныя затраты должны быть принимаемы на счеть нравительства, темъ более, что ов'в приносять пользу не только той губерніи, где ов'в производятся, но и другимъ, сосъднимъ, локализируя эпидемію или смягчая ея характеръ. Изъ общихъ средствъ государства могли бы быть ассигнуемы суммы и для борьбы съ такимъ народнымъ бичемъ, какъ сифилисъ. Земство сдёлало и дёлаеть въ этомъ направленіи очень много, но для искорененія ужаснаго вла необходимы соединенныя усилія отдёльныхъ містностей и центра. То же самое слідуеть сказать и объ устройствъ больницы для умалишенныхъ, часто оказывающемся не подъ силу однимъ органамъ самоуправленія.

Другая сторона земской жизни, на которую, въ последнее время, обратило внимание министерство внутреннихъ делъ — это накопление земскихъ недонмонъ, затрудняющее правильный кодъ земскаго козяйства. Особенно велики недонмки частныхъ землевладёльцевъ, достигшія къ началу 1902-го года двадцати милліоновъ и постоянно увеличивающіяся, между тёмъ какъ въ цифре недонмокъ сельскихъ обществъ (въ 1901 г.—семнадцать милліоновъ) замечается пониженіе.

Земскимъ управамъ предложено безотлагательно приступить къ обсужденію порядка, въ которомъ онё полагали бы, начиная съ 1903-го года, производить взысканіе недоимокъ съ частно-владёльческихъ недвижимыхъ имуществъ, и предположенія свои по этому предмету представить на разсмотрёніе земскихъ собраній. Вмёстё съ тёмъ, министерствомъ указаны двё мёры, которыя могли бы способствовать какъ уменьшенію недоимокъ, такъ и устраненію вредныхъ послёдствій, связанныхъ съ ихъ накопленіемъ. Первая изъ этихъ мёръ—примёненіе къ земству той статьи городового положенія, въ силу которой недоимка въ размёрё большемъ чёмъ полугодовой окладъ лишаетъ права участвовать въ избирательномъ собраніи; вторая — невключеніе въ смёты такъ-называемыхъ благонадежныхъ недоимокъ, на самомъ дёлё часто оказывающихся вовсе неблагонадежными.

Что порядовъ взысванія недоимовъ съ личныхъ землевладальцевъ, существующій въ настоящее время, не соотв'ятствуєть своей ц'ями и настоятельно требуеть перемёны - въ этомъ не можеть быть никакого сомивнія. Полиція, обремененная другими, болве важными для нея делами, редво оказывается энергичной во взысвании земскихъ недоимовъ; напоминанія земскихъ управъ, жалобы начальнику губернік остаются, большею частью, безъ результатовъ. Эта аномалія давно уже обратиля на себя вниманіе земствъ; еще въ семидесятыхъ годахъ нъкоторыя земскія собранія (бессарабское губернское, темниковское увздное) кодатайствовали о томъ, чтобы взыскание недоимокъ было возложено на особыхъ приставовъ, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженін земства. И дійствительно, всего проще было бы поручить взысканіе недоимовъ (и текущихъ земскихъ сборовъ) земскимъ управамъ или ихъ уполномоченнымъ, съ установленіемъ такихъ правиль, которыя обезпечивали бы успёшность взысканія (врученіе повъстки о платежъ, при отсутствии владъльца, его фактическому замъстителю, а при отсутствіи послъдняго-мъстному волостному старшинъ или сельскому старостъ; короткій промежутокъ времени между врученіемъ повъстки и приступомъ къ понудительнымъ мърамъ; короткій срокъ для производства описи и оцінки; точное опреділеніе последовательности, въ которой взыскание должно быть обращаемо на разныя категоріи имуществъ; короткій срокъ между окончаніемъ описи и оцънки и производствомъ публичной продажи). Аналогичныя правила следовало бы установить и въ томъ случав, еслибы не было признано возможнымъ передать производство взысванія исполнительнымъ органамъ земства; функціи полиціи, при такомъ разръшеніи вопроса, могли бы быть переданы судебныть приставамъ. Мы вполив убъждены, что до продажи движимаго имущества недоимщика---и, темъ более, до продажи, хотя бы частичной, его недвижниего именія—діло доходило бы врайне різдво. Накопленіе недоимовь объясняется, въ большинстві случаевь, именно разсчетомъ на то, что ниванихъ серьезныхъ мізръ взысванія принято не будеть. Внести половину годичнаго земскаго сбора (уплачиваемаго, какъ извівстно, по полугодіямъ) ни для кого не можеть быть особенно тажело; серьезныя затрудненія возникають только тогда, когда въ первой просрочкі присоединяются вторая, третья, четвертая и т. д., и недоимка растеть, вдобавовъ, вслідствіе причисленія въ ней установленной пени. Своевременныя мізры взысванія выгодны, поэтому, для самихъ плательщиковъ, противодійствуя накопленію недоимовь до такого размізра, при которомъ онії становятся дійствительнымъ обремененіемъ имізнія.

Мысль о понуждении къ уплатъ недоимокъ угрозою потери избирательнаго права встретила множество возраженій въ печати-возраженій, къ которымъ мы присоединяемся всецівло 1). Совершенно справедливо было указано на то, что наиболье упорные недоимщики всего рвже являются въ избирательныя собранія, т.-е. всего менве дорожать избирательнымъ правомъ. Много недоимокъ накоплиется и на абсентенстахъ, которые не только систематически уклоняются отъ участія въ земской жизни, но даже не живутъ въ своихъ именіяхъ. Съ другой стороны, случайные недоимщики могуть быть весьма усердными посетителями избирательныхъ собраній и весьма полезными гласными. Во многихъ уёздахъ избирательныя собранія отличаются крайнею малочисленностью: закрыть въ нимъ доступъ для всёхъ тёхъ, ето не могь или не успёль внести срочный платежь, значило бы рисковать. что выборы не состоятся вовсе. Неприссообразными кажется намы и другой способъ упорядоченія земскихъ финансовъ — невключеніе въ сивты такъ-называемыхъ благонадежныхъ недоимовъ. Конечно, заранве опредвлить съ точностью сумму действительнаго поступленія недоимовъ не представляется возможнымъ; но, сколько намъ извёстно, земскія собранія вовсе не стараются ее преувеличить, по той простой причинь, что врупная ошибка въ этомъ направлении можетъ поставить земское хозяйство въ самое затруднительное положеніе, лишивъ его рессурсовъ для производства текущихъ расходовъ. Между твиъ, внезапное исключение недоимокъ изъ ожидаемыхъ доходовъ неминуемо должно повлечь за собою столь же внезапное повышение земскаго сбора, очень чувствительное для плательщиковъ и могущее привести въ новому росту недоимовъ. Существенно измънить въ лучшему положеніе вемских финансовъ можно-помино упомянутых выше м'връ къ болбе правильному взысканію недоимокъ и текущихъ сборовъ-

¹) См., напр., № 232 "Русскихъ Вѣдомостей" и № 34 "Права", а также "Саратовскій Листокъ" (цитир. въ № 249 "С.-Петербургскихъ Вѣдомостей").

только двумя путями: освобожденіемъ земства ота нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ (сюда относится въ особенности подводная повинность), и предоставленіемъ земству новыхъ источниковъ дохода (что имѣлось въ виду при изданіи, въ 1898 г., новаго положенія о промысловомъ налогѣ, но до сихъ поръ остается безъ осуществленія).

Гдё недонищивать не должно быть мёста — это между лицами, занимающими платныя земскія должности. "Могуть ли предсёдатель и члены управн"—спрашиваеть "Саратовскій Листокъ"—"принимать какін-нибудь мёры по взысканію недонмокъ, если они сами — крупные недонищики? Конечно, не могуть и никогда не будуть. А между тёмъ, въ саратовской губерніи такія ненормальности есть и, конечно, онё очень вредно отражаются на всемъ характерё земской дёятельности". Этому долженъ быть положенъ конець, въ особенности если взыскаміе земскихъ сборовь и недонмокъ перейдеть въ руки самого земства.

Для окончательной оценки новыхъ порядковъ въ продовольственномъ дёлё, введенныхъ правилами 1900-го года, недостаеть еще фактическихъ данныхъ. И теперь, однако, есть поводъ предполагать, что перемѣны въ лучшему здѣсь не произошло. Чрезвычайно характеренъ. въ этомъ отношеніи, отзывъ врестьянина (волониста), напечатанный въ № 39 "Новаго Дѣла" и основанный на ближайшемъ знакомствъ съ губерніями саратовской и самарской, такъ много въ последнее время потерпъвшими отъ неурожаевъ. По словамъ этого наблюдателя. "первая выдача продовольствія на практикі доказала, что продовольственная операція по новому закону обставлена слишкомъ многими формальностями и что эти формальности, въ большинствъ случаевъ, обходятся сельскимы обществамы и правительству очень дорого. Ныкоторые общественные даятели изъ врестьянь полагають, что расходы по формальностямъ и контролю земскихъ начальниковъ, уваннихъ съёздовъ, губерискихъ присутствій, въ нёкоторыхъ случаяхъ превишають стоимость всего выдаваемаго продовольствія... Въ деревив между врестыянами чувствуется отсутствіе чего-то нужнаго и важнаго". Это чувство едва-ли обманчиво. При дъйствін новыхъ правиль отсутствуеть, прежде всего, живая связь между помогающими и получающими помощь. На первый планъ выступаеть стремленіе уменьшить общіе разміры продовольственной ссуды. Руководящимь принципомъ является недовёріе, вызванное отчасти предвзятою мыслыю, отчасти недостаточнымъ знаніемъ містныхъ условій и отдільныхъ лицъ. Дело, требующее горячаго участія къ нуждающимся, обращается въ одно изъ обычныхъ отправленій административнаго механизма.

Отсюда неизбёжно вытекаеть рядь неудачь, одинаково тяжкихъ и для населенія, и для государства. По справедливому зам'вчанію "Русских Ведомостей" (№ 258), "какъ ни скудна газетная хроника предовольственныхъ мёропріятій по случаю неурожая 1901-го года, всетаки въ нее вошли-притомъ по большей части на основании оффиціально подтвержденныхъ данныхъ-- и случаи запоздалой доставки продовольственнаго хлеба и посевных семянь, и непорядки въ деле выясненія нужды и опредёленія потребности въ помощи, и фактъ снабженія зерномъ, совершеню несоответствующимъ назначенію, и неустройства въ операціи по заготовий хлібов. Нагляднымь подтвержденість того, что новый порядокь завідыванія народныть продовольствіемъ не выдержаль испытанія на ділів, могуть служить пожеланія, заявленныя одновременно въ нёскольких вомитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (напр. въ костроискомъ, новомосковскомъ, борисоглебскомъ), чтобы продовольственное дело было снова передано въ въдъніе земства. Эти заявленія тъмъ болье знаменательны, что идуть отъ коллегій, не совпадающихъ по своему составу съ земскими собраніями и насчитывающихъ въ своей средв немало представителей администраціи".

Красноречивымъ указаніемъ на неудовлетворительность системы, лежащей въ основании продовольственной организации--- накъ нынашней, такъ и прежней,--служить положение техъ местностей, надъ которыми въ последніе годы съ особенною силой разражалось стихійное бъдствіе неурожая. Таковъ, напримъръ, мензелинскій уёздъ (уфимской губернін), которому недавно была посвящена обстоятельная статья въ "С.-Петербургскихъ Ведомостяхъ" (№ 226). Продовольственный долгъ этого увяда приближается въ пяти милліонамь рублей, составляя на важдый врестыянскій дворь, въ среднемъ, около 75 рублей. Не выше этой цифры стоимость всёхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, получаемыхъ, при среднемъ урожав, съ крестьянской земли. Между тыть, на каждомъ дворъ, при 10 руб. 88 коп. годового оклада, лежало, въ среднемъ, болъе 41 руб. недоимовъ разныхъ сборовъ (не говоря уже о частныхъ долгахъ, которые при подобныхъ условіяхъ не могутъ не быть значительны). Нетрудно понять, сколько нужды и горя скрывается за приведенными выше цифрами, характерными, конечно, не для одного только мензелинскаго увада. Если взысваніе долговъ и недоимовъ и не производится съ особенною настойчивостью, самый факть ихъ существованія тяжело отзывается на должникахъ, ослабляя энергію и предпріимчивость, уменьшая надежду на лучшее будущее. Каково было бы положение погорыльцевь, еслибы страховыя суммы выдавались имъ не безвозвратно, а заимообразно? Убытковъ, прачиненныхъ огнемъ, страхованіе почти никогда не возм'вщаеть

всецівло; что же было бы, еслибы къ невознагражденнымъ потерямъ присоединалось еще бремя долга, непосредственно связаннаго съ пожаромъ? А между темъ, изъ двухъ бедствій-пожара и неурожаяболъ тяжкимъ сплошь и рядомъ бываеть последній. Быстрое повтореніе пожара---случай исключительный; нісколько неурожаєвь, слідующихъ одинъ за другимъ безъ перерыва или съ короткими промежутками-во многихъ частяхъ Россіи явленіе довольно обывновенное. Пожаръ ръдко наноситъ вредъ здоровью потериввшаго или его семьи, неурожай-почти всегда. Во время пожара сравнительно легко спасти домашній скоть; во время неурожая онъ часто гибнеть или сбывается за безциновъ. Пора, поэтому, перейти въ такой продовольственной систем'в, которан устраняла бы необходимость расплаты за полученную помощь. Въ основу системы могло бы быть положено страховое начало, но не въ чистомъ его видь: на образование и приращение капиталовъ, предназначенныхъ для выдачи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій, могли бы идти не только взносы самихъ земледъльцевъ, но и сборы, платимые всеми классами населенія. Поддержаніе голодающихъ-задача государственнаго характера и первостепенной важности; обусловливаемые ею расходы должны быть поврываемы, по крайней мъръ отчасти, общегосударственными средствами. Само собою разумъется, что рядомъ съ выдачей пособій (на продовольствіе и обсемененіе) могла бы существовать организація общественныхъ работъ, подобная той, какая существуетъ теперь рядомъ съ продовольственными ссудами.

Противъ обращенія продовольственной помощи изъ заимообразной въ безвозвратную можеть быть сдёлано одно, повидимому вёское возраженіе. Потеря, причиняемая неурожаемъ, не подлежить установленію съ такой точностью, какъ потеря, причиняемая пожаромъ; при извъстныхъ условіяхъ, притомъ, она чувствуется потерпъвшимъ не настолько, чтобы вызывать вознаграждение со стороны государства. Если и теперь, при системъ продовольственныхъ ссудъ, ихъ неръдко стараются получить лица, въ сущности вовсе не нуждающіяся, то еще сильнъе будеть наплывь претендующихъ на пособіе. Намъ кажется, что безусловное право на помощь при неурожав могло бы быть поставлено въ зависимость отъ уплаты страхового сбора, и самый размъръ этой помощи могь бы соотвътствовать, съ одной стороны, цифръ сбора, съ другой-интенсивности бъдствія, т.-е. степени недорода хлъбовъ сравнительно съ среднимъ урожаемъ данной местности. Дальнъйшею помощью изъ спеціальныхъ продовольственныхъ капиталовъ могли бы, какъ и теперь, пользоваться только действительно нуждающіеся, въ разм'вр'в, прямо пропорціональномъ составу ихъ семействъ и обратно пропорціональномъ ихъ состоятельности и трудоспособно-

сти. Преувеличенныя или вымышленныя заявленія о нужді были бы не болбе многочисленны, чвмъ теперь, потому что мало изменился бы вызывающій ихъ стимуль: вёдь и теперь просять о ссудё, безъ достаточныхъ въ тому основаній, превмущественно тѣ, кто разсчитываеть на возможность уклониться отъ уплаты, т.-е. на превращеніе ссуды, de facto, въ безвозвратное пособіе. Трудность опредъленія нужды совершенно одинакова и при выдачь ссудъ, и при выдачь пособій; устранить или уменьшить ее можно только цёлесообразной организаціей, на м'естахъ, продовольственнаго дела — организаціей, вакъ можно больше придвинутой къ населенію и сосредоточенной въ рукахъ лицъ, близко съ нимъ знакомыхъ. Этому основному условію не отвъчаеть порядовъ, созданный временными правилами 1900-го года: видвигая на первый планъ земскаго начальника и назначаемыхъ имъ продовольственныхъ попечителей, онъ имветь въ виду не столько полное и справедливое удовлетворение нуждъ населения, сколько охрану вазеннаго интереса. Ближе подходило къ цъли прежнее устройство, при которомъ земскія собранія и управы могли широко пользоваться содъйствіемъ містныхъ жителей; но это содійствіе все-таки имілс временный, отчасти случайный характеръ, возникая и прекращаясь вивств съ неурожайнымъ періодомъ. Вполив благопріятной почвой для продовольственной организаціи могла бы стать только мелкая земская единица; только въ ея рамкахъ, прочно установленныхъ и всегда готовыхъ, могла бы успъшно вестись борьба съ послъдствіями неурожан, какъ и другихъ бъдствій, постигающихъ населеніе. Не нужно было бы терять время на составленіе, въ каждомъ отдёльномъ случать, списковъ нуждающихся: они имълись бы на-лицо во всякое время, требуя только пов'врки и дополненія. Земству и м'єстной администраціи могь бы принадлежать общій контроль, губерискому и центральному управленію-распоряженія по заготовив и перевовив хлівба... Пересмотръ продовольственнаго устава не случайно привелъ въ изданію оременных правиль, а не постояннаго закона. Необходимымь признанъ быль опыть-и его результаты уже теперь свидетельствують о необходимости вступить на новую дорогу. Нъть, къ несчастію, основанія надъяться, что серія неурожаевъ пришла къ концу: даже въ нынъшнемъ году, сравнительно благополучномъ, имъются въ виду ивстности, въ которыхъ понадобится продовольственная помощь (увзды хвальнскій, камышинскій, николаевскій, свіяжскій, лаишевскій, белебеевскій, шадринскій). Мало хорошаго можно ожидать и оть наступающаго года, въ виду неблагопріятныхъ условій, при которыхъ, во иногихъ ивстахъ, производился посвиь озимыхъ клебовъ. Чемъ скорве будеть возобновлена работа, прерванная, въ 1900 г., изданіемъ

Digitized by Google

временныхъ правилъ, темъ спокойнъе можно будетъ смотръть на будущее.

Министерствомъ внутреннихъ дёль отклонено недавно ходатайство тверского губерискаго земства объ увеличении числа членовъ отъ земства въ училищныхъ советахъ. Мотивированъ этотъ отказъ темъ, что усиление выборнаго элемента въ ущербъ правительственному ослабляло бы вліяніе правительства на ходъ дёла народнаго образованія, которое по существу своему представляеть интересь государственный; вемскіе представители, обремененные дёлами, не могуть, притомъ, способствовать улучшенію руководительнаго надвора за шволами. На самомъ дёлё, однаво, выборные члены училищныхъ совётовъ посвящають школьному дёлу, сплошь и рядомъ, гораздо боле труда и времени, чёмъ назначенные, за исключеніемъ лишь одного инспектора народныхъ училищъ. Члены совъта по назначению-это, по большей части, одинъ изъ городскихъ священниковъ (представитель духовнаго въдомства); уъздный исправникъ (представитель министерства внутреннихъ дълъ) и инспекторъ городского (или смотритель увзднаго) училища (второй представитель министерства народнаго просвъщенія). Всь они завалены дъломъ, неимъющимъ ничего общаго съ задачами училищнаго совъта и до врайности затрудняющимъ повздки въ увздъ для посвщенія сельскихъ школъ. Только исправнику приходится сравнительно часто выбажать изъ города, но, въ большинствъ случаевъ, по такимъ экстреннымъ надобностямъ, которыя всецьло поглощають его вниманіе и время. Наобороть, въ земскіе члены совъта избираются обыкновенно предсёдатель увздной земской управы, служебныя обязанности котораго безпрестанно требують присутствія его въ разныхъ концахъ убяда, — и одинъ изъ мъстныхъ землевладъльцевъ, постоянно или подолгу живущихъ у себя въ имъніи и горячо принимающихъ къ сердцу школьное дъло. Понятно, что именно ихъ-то сельскія школы всего чаще видять въ своихъ ствнахъ, именно отъ нихъ получають наибольшую сумму вниманія и заботы. Даже инспектору народных училищь, имъющему въ своемъ въдъніи, большею частью, не одинъ увадъ, а два или три, не всегда удается сравняться съ земскими членами совета въ знаніи учащихъ и учащихся, въ изученіи потребностей важдой отдёльной школы. Не можеть онь быть и такимъ авторитетнымъ ходатаемъ за школьныя нужди передъ земскимъ собраніемъ, какъ избранные последнимъ члены училищнаго совёта. Чёмъ быстрёе, однако, растеть число земскихъ школь, тыть трудные становятся обязанности земскихы членовы училищнаго совъта, изъ которыхъ одинъ-предсъдатель управы---не можеть, вдо-

бавокъ, посвятить себя всецёло заботё о школахъ 1). Все больше и больше, повтому, чувствуется необходимость привлеченія новыхъ силъвъ сложной и нелегкой работъ. Именно этимъ, а вовсе не желаніемъ обезпечить за собою большинство въ совъть, объясняются земскія ходатайства, направленныя къ увеличенію числа земскихъ членовъ училищнаго совета. Еслибы это число и было доведено до трехъ (или, что все равно, членомъ совета, въ силу своего званія, быль бы признань вредседатель вемской управы), --- оно все-таки не сравнялось бы съ числоиъ назначенныхъ членовъ совъта. Къ послъднимъ примываетъ обыкновенно и предсъдатель совъта-предводитель дворянства, по самому положению своему болбе близкій нь администраціи, чёмь нь земству. Государственный интересъ, соединенный съ дъломъ народнаго образованія, остался бы достаточно огражденнымъ и при усиленіи земскаго элемента училищнаго совъта. Не совъть, притомъ, установляеть предълы начального обучения, одобряеть или не одобряеть учебники, регулируеть, вообще, педагогическую часть школьнаго дела: все это сосредоточено въ рукахъ учебнаго въдомства. Если совъту предоставлено утверждение учителей, то допущение ихъ въпреподаванию зависить всецьло оть инспектора. Если совыть можеть отказать инспектору въ увольненіи учителя, то инспекторь вы правы перенести спорный вопросы на разсмотрение высшей инстанции. Нужно надеяться, что пересмотрь положенія о начальных училищах, предпривятый при П. С. Ванновскомъ и, повидимому, не снятый съ очереди новымъ министромъ народнаго просвъщенія, устранить недовъріе къ земству и подниметь значеніе его въ той сферь, въ которой оно такъ много и такъ успышно потрудилось на пользу народа. Этого боятся, очевидно, завлятые враги общественной самодінтельности, усиливающіеся доказать, что затаенная цёль земства-, свести къ нулю" вліяніе правительства въ области начальнаго обученія, и ставящіе вопросъ: "Земство или министерство народнаго просв'ященія 2)? Отвіть на этоть вопрось можеть быть только одинъ: "и земство, и министерство народнаго просвъщенія". Только соединенными силами можеть быть положень колецъ невъжеству, до сихъ поръ тяготъющему надъ слишкомъ значительною частью русскаго народа.

Роль земства въ завъдывании начальной школой—только одинъ изъ исходныхъ пунктовъ новаго похода, затъяннаго реакціонною печатью съ цълью окончательнаго сокрушенія земскихъ учрежденій. Даже въ такомъ скромномъ дълъ, какъ изданіе общеземскаго органа, усма-

¹⁾ Избраніе предсъдателя управы въ члены учелищнаго совъта, не составляя общаго правила, вошло въ обычай потому, что это—лучшая гарантія солидарности между управой и совътомъ, весьма важной для успѣшнаго хода школьнаго дѣла.

²⁾ См. № 266 "Московскихъ Въдомостей".

тривается нѣчто влонящееся чуть не къ подготовкѣ государственнаго переворота. Опережая въ своемъ усердін газету внязя Мещерскаго, "Московскія Вѣдомости" (№ 240) усматривають опасность даже въ изданіи общевемскаго органа... министерствомъ внутреннихъ даль! "Принципіально несостоятельная и правтически ненужная затія, имъющая въ виду не насущные запросы трезвой дъйствительности, а угожденіе политическимь бреднямь безпочвенныхь мечтателей"воть какъ характеризуется предпріятіе, "благонадежность" котораго стоить вив всяких сомивній. Журналь, предназначенный для вспаль земствъ, пріобрътаетъ, въ силу одного этого факта, значеніе всеземской грезы, наводящей на мысль о всеземствъ. Въ основании подобныхъ измышленій лежить не что иное, какъ закоренёлая и пепримиримая ненависть въ земскимъ учрежденіямъ. Еще яснѣе она выразилась въ статъв той же газеты (ММ 255 и 256), озаглавленной: "Грозный самообманъ". Земство является здёсь настоящимъ (хотя в безсознательнымъ) виновникомъ безпорядковъ, происходившихъ прошлой весной, въ губерніяхъ харьковской в полтавской. "Обобранное (!) такъ называемымъ земскимъ самоуправленіемъ населеніе" — восклицаеть московская газета-потеряло всякое понятіе о томь, что можно и чего не можно; среди населенія стало складываться понятіе, что все можно брать по своему собственному усмотрівнію, какъ беруть и такъ называемыя, учрежденія самоуправленія". Какимъ обравомъ взысканіе, въ административномъ порядкі, земскихъ сборовъ, ничьмь, въ глазахъ крестьянской массы, не отличающихся отъ другихъ налоговъ, могло навести населеніе на мысль о позволительности самовольнаго посягательства на чужую собственность-это тайна тенденціозных влармистовъ, пренебрегающих не только правдой, но даже санымъ элементарнымъ правдоподобіемъ. Ц'вль, къ которой они стремятся per fas et nefas-замвна земскаго самоуправленія "единеніемъ истиннаго земства, т. е. государственнаго поземельнаго населенія, съ государственною властью". Другими словами, они хотять возстановить до-реформенное полновластіе администраціи, сосредоточить въ ея рукахъ все отрасли местнаго хозяйства, "поднять значеніе містной государственной полиціи, которая должна быть первымъ звеномъ въ цени государственныхъ учреждений". Чтобы этого достигнуть, для нихъ хороши всё средства, не исключая явнаго извращенія истины...

Насколько тяжело положеніе земства—даже помимо палокъ, подбрасываемыхъ ему подъ колеса реакціонною печатью, —объ этомъ можно судить по инциденту, происшедшему на дняхъ въ московскомъ увздномъ земскомъ собраніи. Московская убздная земская управа

предложила собранію просить убидный училищный совіть о совращенін въ начальных земских школах курса грамматики, согласнось детальной программой, выработанной въ 1901 г. на съёздё учителей московской губерніи (съёздъ нашель, что, при короткомъ сроків ученья въ начальной школь, грамматическія сведенія усвоиваются учащимися съ большимъ трудомъ и удерживаются въ памяти лишь на короткое время). Предсъдатель собранія, московскій убздный предводитель дворянства князь Голицынь, заявиль, что это предложение управы не подлежить обсужденію, такъ какъ по закону земскимъ собраніямъ предоставлено только зав'ядываніе хозяйственною стороною мкольнаго дъла, безъ права входить въ постановку преподаванія. Напрасно председатель управы, Н. О. Рихтеръ, указываль на то, что просьба, съ которою предполагается обратиться къ училищному совъту, не можеть быть разсматриваема какъ вторжение въ компетенцію совета; напрасно онъ напоминаль, что, состоя много леть земскимъ дъятелемъ, онъ никогда не навлекалъ на себя упрека въ нарушенін закона; предсёдатель собранія не нашель возможнымъ отступить отъ однажды выраженнаго мевнія, и предложеніе управы осталось безъ обсужденія. Между тімь, оно ни въ чемь не противоръчило закону. Управа не предлагала собранію измінить, своею властью, программу преподаванія, вившаться въ завідываніе учебною частью, взять на себя иниціативу нововведеній. Ен цаль заключалась нсключительно въ томъ, чтобы, заручась согласіемъ и сочувствіемъ собранія, усворить осуществленіе реформы, за которую высвазался созванный оффиціально съёздъ народныхъ учителей. Если земству принадлежить право ходатайства передъ высшими государственными установленіями, то можно ли отказывать ему въ праві обращаться съ просъбами къ мъстнымъ учрежденіямъ, идущимъ съ нимъ рука. объ руку и состоящимъ, отчасти, изъ его представителей? Зная мивніе земскаго собранія, земскіе члены московскаго уваднаго училищнаго совъта могли бы отстанвать его передъ совътомъ; теперь они рискують разойтись съ желаніями собранія, которому не была дана возможность высказаться по вопросу, близко касающемуся интересовъ населенія. Неужели земство, ассигнующее значительныя суммы на начальную школу, должно молчать, когда заходить рычь о лучшемъ способъ ихъ употребленія? Кому или чему можеть повредить его свободный голосъ, разъ что окончательное рёшеніе вопроса во всякомъ случав будеть зависьть отъ компетентной власти? Многіе земскіе гласные-вероятно, даже большая ихъ часть-состоять попечителями начальныхъ школъ, неоднократно присутствовали на экзаменахъ и пришли къ тому или другому заключению о целесообразности или нецълесообразности нъкоторыхъ требованій, предъявляемыхъ къ учащимся; коллективный ихъ опыть—вовсе не quantité négligeable, которую можно отбросить въ сторону безъ всякаго ущерба для дѣла... Еслибы земство не выставлялось на каждомъ шагу чѣмъ-то подлежащимъ ограниченію, обузданію, оборванію,—инциденты въ родѣ московскаго были бы совершенно немыслимы.

Херсонская губериская вемская управа предполагаеть внести въгубериское земское собраніе проекть ходатайства о предоставленіи председателю губериской управы, или его заместителю права, участвовать, съ правомъ голоса, въ убядныхъ земскихъ собраніяхъ. По мибмію управы, это могло бы установить болью правильныя отношенів. между увздишии земствами и губерискимъ, предупредить или устранить множество недоразуменій и способствовать объединенію, въ предълахъ губерніи, дъятельности земскихъ учрежденій. Мысль губернской управы нажется намъ вполнъ заслуживающей вниманія. Конечно, и теперь губерискіе гласные знакомять избравшее ихъ увздное собраніе съ намъреніями и настроеніями губерискаго земства; но имъ далеко не всегда извъстны всъ подробности того или другого дъла, въ особенности если оно находится въ подготовительной стадіи и еще не внесено управой въ губернское собраніе. Въ виду того, что увздныя земскія собранія созываются почти одновременно, мы предложили бы лишь одну поправку къ проекту херсонской управы: правоприсутствованія въ убядномъ собраніи следовало бы, какъ намъ кажется, предоставить предсёдателю управы или одному изъ ея членовъ, если только никто изъ гласныхъ даннаго собранія не принадлежить къ составу губериской управы. Максимальное число убздовъ въ губернін-пятнадцать, а минимальный составь губериской управы въ такой многоувздной губернін-предсвдатель и четыре члена. Если они выбраны губернскими гласными отъ разныхъ увадовъ, то никому изъ нихъ не пришлось бы присутствовать болье чемь въ двухъ уездныхъ собраніяхъ, что не представляло бы никакихъ особыхъ затрудненій. Малопо-малу губериская управа ознакомилась бы, такимъ образомъ, со всвии увздными собраніями своей губерніи-ознавомилась бы съ ними болве наглядно и близко, чвить это возможно путемъ изучения отчетовъ, докладовъ и журналовъ: а въ земской деятельности более чемъ въ какой-либо другой драгоценны сведенія, почерпнутыя непосредственно изъ жизни.

NHOCTPAHHOE OFOSPTHIE

1 ноября 1902.

Бурскіе генералы въ Европъ.—Англійская политика и ея континентальные обличегеля.—Нъкоторыя иллюстраціи къ вопросу о политической этикъ.—Положеніе Македоніи.—Парламентскія дъла во Франціи.—Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ.

Бурскіе генералы, Луи Бота, Деларей и Деветь, уполномоченные собраніемъ въ Ференингинъ для сбора пожертвованій въ Европъ въ пользу вдовъ и сиротъ павшихъ буровъ, исполняютъ свою печальную миссію среди всеобщихъ и шумныхъ выраженій сочувствія, сопутствующихъ имъ повсюду, начиная съ самой Англін. Личные переговоры съ британскимъ министромъ колоній, съ цёлью добиться улучшенія участи побъжденнаго народа, не привели, какъ извъстно, ни въ вакому результату; Чемберленъ на отрезъ отказался сделать какіялибо уступки и твердо стоялъ на почей буквальнаго смысла подписанныхъ условій мира, вопреки об'вщаніямъ, даннымъ на м'вств дордомъ Китченеромъ. Назначивъ три милліона фунтовъ стердинговъ въ видь пособія пострадавшимь бурамь, правительство не допускало уже обсужденія вопроса о денежной ответственности за систематическіе захваты частнаго имущества буровь и уничтожение ихъ фермъ британскими военными властями; а убытки, причиненные этими военными действіями, определяются приблизительно въ пятьдесять милліоновъ фунтовъ. "Согласно международному праву,--говорить изв'естный англійскій журналисть Стэдъ,---мы должны возм'істить бурамъ стоимость ихъ частной собственности, которую мы присвоили или истребили. Если это не будеть сделано, то международное право есть фарсь, и Гаагская конвенція, подписанная нами всего три года тому назадъ, есть обманъ". Британскія военныя власти забирали скоть и хлібные запасы буровь для продовольствія арміи, но не выдавали ввитанцій и потому не считали себя обязанными платить; такое поведеніе, по словамъ Стэда, "достойно участниковъ воровской шайки, а не цивилизованной христіанской державы: оно покрываеть Англію позоромъ передъ всёмъ культурнымъ міромъ, но не уничтожаеть права буровъ требовать вознагражденія за отобранное у нихъ имущество, въ виду общепринятыхъ и подтвержденныхъ Гаагскою конференціею правиль войны между цивилизованными народами". Если вознагражденіе не будеть дано, продолжаеть Стэдъ,

то "первый опыть ознавомленія нашихъ новыхъ согражданъ съ британской честностью не возбудить въ нихъ восторженной преданности по отношению къ монарху, потребовавшему отъ нихъ присяги на върность". Стодъ обвиняеть Чемберлена въ недобросовъстности и называеть его Шейлокомъ за безсердечно-узкое толкованіе имъ мирнаго договора, навязаннаго бурамъ; но огромное большинство англичанъ находить, что Англія выказала "безпримірное великодушіе" относительно побъжденнаго непріятеля, и что Чемберлень, отвергнувъ дальнъйшія требованія буровъ, исполниль только свой долгь, какъ британскій министръ и патріоть. Право войны, дійствительно, не отличается такою опредёленностью, какъ предполагаетъ Стэдъ; оно до сихъ поръ есть не что иное, какъ право грубой физической силы, и побъдители всегда имъють возможность ссылаться на требованія военнаго времени для оправданія самыхъ жестокихъ разрушительныхъ дъйствій. Захваты частнаго имущества и сожжение жилищъ въ непріятельской странъ подъ предлогомъ охраны безопасности арміи или въ видъ возмездія за враждебныя действія жителей—практикуются въ каждой войнь, въ болье или менье шировихъ размьрахъ; англичане въ этомъ случат поступали не хуже-а можеть быть, и гораздо лучше-пруссаковъ во время войны 1870-71 годовъ въ предълахъ французской территоріи. Вознаграждать поб'яжденных за опустошеніе ихъ земель и за причиненные имъ войною убытки-вообще не принято; обыкновенно, напротивъ, сверхъ разоренія непріятельской страны, на нее возлагають еще уплату контрибуціи для покрытія военныхъ издержекъ побъдителей. По праву войны, Англія могла бы не только не давать никакихъ денегъ бурамъ, но сдълать ихъ своими въчными должниками, лишить ихъ всякихъ политическихъ правъ и подчинить ихъ суровому режиму, вийсто предоставленія имъ широкой містной автономіи, свободы слова, печати и сходокъ, наравнъ съ полноправными британскими гражданами. Бурскіе вожди вполив понимали это и примирились съ неизбъжными послъдствіями своего новаго положенія; они не протестовали противъ отрицательнаго отвъта Чемберлена на ихъ ходатайства и ограничились призывомъ къ общественной благотворительности для облегченыя судьбы бёдствующихь буровъ, ихъ женъ и дътей. Въ печатномъ "воззвани къ цивилизованному міру" они краснорѣчиво изображають безотрадное состояніе своего народа: "Не менъе тридцати тысячъ домовъ нашихъ фермъ и значительное количество поселеній было сожжено или разрушено британскими войсками; наши жилища со всфми ихъ принадлежностями уничтожены, поля и огороды опустошены, всё наши земледёльческія орудія поломаны, мельницы разрушены, весь своть захвачень или истребленъ. Ничего не осталось у насъ. Страна превращена въ

пустыно... Мы увазываемъ на эти бъдствія не для возбужденія умовъ. а только для того, чтобы обратить вниманіе на настоятельныя нужды оставшихся въ живыхъ буровъ, особенно вдовъ и сиротъ. Мечи теперь въ ножнахъ, и всякіе споры должны умолинуть при видъ этихъ великихъ бъдствій. Сумма, назначенная британскимъ правительствомъ, даже еслибы она была увеличена въ десять разъ, покрыла бы только часть убытковъ, причивенныхъ войною; но женщины и дъти, потерявшія своихъ отцовъ и мужей, получать очень жало или ничего не получать изъ этой суммы, почему и необходимо прибёгнуть къ публичному сбору пожертвованій". Первымъ отвливнулся на этотъ призывь англичанинъ Генри Фиппсъ, участникъ "стального трёста", во главъ котораго стоитъ извъстный филантропъ Андрью Карнеги;--онъ внесъ въ шотландскій банкъ на имя генераловъ Деларея и Боты сто тисячь долларовь, причемь вы письмё на ими Боты выразиль надежду, что предпринятая благотворительная кампанія не будеть имёть никакого непріязненнаго оттінка по отношенію къ Англін. Генераль Луи Бота въ своемъ отвътъ заявиль, что, положивъ оружіе и добросовестно подчинившись подписаннымъ ими условіямъ, буры заключили миръ въ полномъ смыслѣ этого слова" и не могуть имѣть въ виду ничего недружелюбнаго относительно англичанъ. Прежде чвиъ начать объёздъ главныхъ европейскихъ столицъ съ указанною филантропическою целью, бурскіе генералы побывали въ Голландін и посътили въ Утрехтъ бывшаго трансваальскаго президента, престарълаго Крюгера, который въ містномъ соборів торжественно напутствоваль ихъ словами: "идите же по міру, въ качестві нищихъ, и собирайте милостыню для бёдныхъ вдовъ и сиротъ"!

Этихъ "нищихъ" встръчали во Франціи и въ Германіи, какъ не встрівчають королей; громадныя толим народа привітствовали ихъ съ энтузіазмомъ въ Парижі, и еще большій энтузіазмъ ожидаль ихъ въ Берлинъ. Императоръ Вильгельмъ II заранъе даль имъ знать, что приметь ихъ только при посредничествъ британскаго посла, какъ подданныхъ короля Эдуарда, и эта преувеличенная предупредительность по отношенію къ лондонскому кабинету крайне не понравилась нъмецкой публикъ, что и выражалось съ обычною ей свободою въ отзывахъ германской печати. Бурскихъ генераловъ чествовали именно какъ смълыхъ противниковъ Англіи, не разъ наносившихъ ей сильные удары, --- какъ героевъ славной борьбы маленькаго народа противъ могущественной міровой державы, -- и нежеланіе германскаго правительства обазать имъ почеть въ этомъ смыслѣ могло быть высказано, конечно, въ болъе дипломатической и деликатной формъ, чъмъ это было сдёлано Вильгельмомъ И. Отвазъ въ оффиціальной аудіенцін способствоваль лишь усиленію восторженныхъ чувствъ берлин-

скаго населенія при пріем'в бурскихъ вождей, и общенародныя оваціи приняли такой грандіозный характерь, что сами чествуемые герои были отчасти смущены. Генераль Деветь, съ свойственнымъ ему юморомъ, напомнилъ окружавшимъ его поклонникамъ африканскую пословицу, что "обезьяна изъ любви въ детямъ душить ихъ до смерти въ своихъ объятіяхъ"; онъ просилъ избавить его отъ опасности погибнуть въ объятіяхъ друзей, ганъ ванъ даже Англія считала долгомъ оставить его въ живыхъ. Речи генераловъ отличались простотою и задушевностью; ихъ искренній библейскій тонъ производиль впечатление чего-то необычнаго, несмотря на передачу черезъ переводчиковъ. Девсти тысячь марокъ было вручено имъ бурскимъ комитетомъ въ Берлине; всего собрано ими въ Германіи свыше шестисотъ тысячъ маровъ, -- гораздо больше, чемъ во Франціи. Скромные по понятіямъ и привычкамъ, чуждые какихъ бы то ни было заднихъ мыслей, бурскіе генералы прямодушно повторали, что политическихъ намбреній или плановъ у нихъ нёть и быть не можеть со времени подписанія ими условій мира; они сознательно покорились Англін, подъ вліяніемъ необходимости, и будуть строго соблюдать свои новыя обязанности британскихъ подданныхъ. Они путешествуютъ исключительно въ качествъ собирателей милостыни и притомъ только въ пользу женщинъ и дътей. Южно-африканскія женщины-говорилъ Луи Бота въ берлинскомъ дамскомъ кружкъ-"показали на дълъ, что онъ составляють сильнейшую часть народа; не будь этихъ самоотверженныхъ женъ и матерей, война прекратилась бы послъ первыхъ крупныхъ неудачъ. Наши женщины шли на встръчу смерти, хоронили своихъ детей и продолжали до конца твердо стоять въ борьбе за свободу. Мы похоронили двадцать тысячь женщинь, но оставшіяся въ живыхъ не сдавались, и самымъ тяжелымъ моментомъ для нашихъ мужчинь было первое свидание съ женами въ концентраціонныхъ лагеряхъ, когда послъ долгой разлуки они встрътили съ ихъ стороны осужденіе и горе всявдствіе потери независимости". "Моя жена съ дътьми, -- сказалъ въ свою очередь Деларей, -- вынуждена была покинуть ферму, гдв она жила въ теченіе сорока лёть; восемнадцать мізсяцевъ скиталась она по разнымъ мъстамъ, но я нашелъ ее здоровою подъ деревомъ, въ палаткъ. Другіе не могли уже найти ни своихъ женъ, ни детей". Девету, наиболее популярному изъ троихъ товарищей-героевъ, приходилось говорить чаще другихъ; въ одной лизъ своихъ річей онъ шутливо замітиль, что онъ не ораторъ, такъ какъ у него другая спеціальность-б'йгство; газеты много разъ сообщали о томъ, какъ онъ бъжаль и какъ его ловили; однако, теперь онъ никуда не обжить, котя окружень большими собраніями людей. Безьискусственное остроуміе Девета вносило ніжоторое оживленіе въ груст-

ную, монотонную повъсть о страданіяхъ буровъ, передаваемую почти одними и тъми же словами; въ сущности, эти страданія едва ли волновали публику, стремившуюся видъть и привътствовать знаменитыхъ дългелей недавней южно-африканской войны.

Независимо отъ того обаянія, которымъ всегда окружаются имена выдающихся военныхъ героевъ, личности Боты, Девета и Деларея привлекали умы и сердца еще и по другимъ причинамъ. Эти простонародные генералы, для которыхъ религія еще совпадаеть съ нравственностью, превозносились, прежде всего, какъ доблестные защитники права противъ силы, какъ представители маленькаго народа, отстаивавшаго свою свободу и независимость противь притязаній одной изъ сильней шихъ имперій міра. Такіе борцы за правое дело всегда необывновенно популарны въ чужихъ странахъ, гдф благородныя чувства справедливости и великодушін иміють мало приміненія въ собственной національной политикъ. Пріятно быть благороднымъ и великодушнымъ на чужой счеть, особенно на счеть такого несимпатичнаго государства, навъ Англія, и за это удовольствіе можно платить деньгами. Проявленіе возвышенных чувствъ въ подобной форм в обходится недорого, а между твиъ оно доставляеть людямъ нравственное удовлетвореніе. Въ каждой странъ имъются свои собственные буры, относительно которыхъ не полагается обнаруживать ничего другого, кромъ суроваго безразличія и патріотическаго пренебреженія. Краснорівчивие возгласы о борцахъ за правое дівло, попираемое гдів-то въ южной Африкъ. завлючають въ себъ элементь безсознательной фальши, когда они раздаются въ обществъ, которое равнодушно проходить мимо иногихъ загубленныхъ правыхъ дёлъ въ своемъ собственномъ отечествъ или даже ставить въ заслугу своимъ государственнымъ людямъ систематическое подавленіе права силою. Столько же фальшивы нападви континентальной печати на Англію и ея правителей во имя высшихъ принциповъ международной этики. Британскаго министра колоній, Чемберлена, принято изображать какимъ-то воплощеніемъ политической злобы и узкаго національнаго эгоизма. Для правильной оцінки такого рода отзывовъ достаточно предположить, что буры, послѣ упорной и продолжительной войны, побѣждены не англійскими, а какими-либо другими европейскими войсками. Бывшіе предводители побъжденныхъ, быть можеть, сохранили бы свободу, по, конечно, никакъ не могли бы говорить и печатать въ своемъ новомъ отечествъ то, что публично заявляли въ Англіи Луи Бота, Деветъ и Деларей; они, разумъется, ни въ какомъ случав не могли бы тогда путешествовать по Европъ, въ роли прославлиемых в героевъ, трогать сердца правдивыми разсказами о бъдствіяхъ, причиненныхъ ихъ родинъ побъдителями, и собирать пожертвованія въ пользу своего народа,—а

еслибы они поступали такимъ образомъ, то безъ сомивнія были бы лишены возможности возвратиться въ свою страну и употребить собранныя суммы по назначенію, безъ посторонняго контроля. Чемберленъ-непріятный типъ политическаго діятеля, и не сочувствующіе ему англичане не стесняются въ выраженияхъ, когда говорять объ его политивъ и даже объ его личности; журналистъ Стедъ, какъ мы видъли, примъняеть нъ нему просто ругательные эпитеты, которые въ другомъ государствъ были би немыслими по отношению въ министру. Однако, мы видимъ, что этотъ безцеремонный и настойчивый британскій имперіалисть, заправляющій всёмь ходомь дёль въ южной Африкъ, признаетъ за побъжденными такія права, накихъ другія государства не допускають для собственнаго народа. Въ Капской колоніи образовалась, по окончаніи войны, вліятельная партія "лойалистовъ", требовавшая временной отмъны конституціи и установленія болье сосредоточенной правительственной власти, безь парламента, для обевпеченія господства англійскаго элемента надъ голландскимь; за этотъ проекть высказался и выскій коммиссарь или губернаторь колоніи, лордъ Мильнеръ. Чемберленъ, однако, ръшительно отклониль ходатайство "лойялистовъ", поддержанное мёстнымъ представителемъ британской власти, ссылансь на то, что оно противоръчить законнымъ конституціоннымъ правамъ голландскаго населенія въ южной Африкъ. Можно ли себъ представить, чтобы гдъ-либо, кромъ Англін, правительство останавливалось передъ нарушеніемъ политическихъ правъ инородцевъ, когда это требовалось бы интересами господствующей національности? Въ Капской колоніи по прежнему преобладающая роль принадлежить голландцамь, которые располагають большинствомь и въ нарламентъ; наиболъе крупнымъ политическимъ дъятелемъ въ области южно-африканскихъ дъть является теперь голландецъ Янъ Гофиейеръ, глава могущественнаго союза "африкандеровъ". И честолюбивый, злостный Чембердень не только не принимаеть мъръ противъ этого порядка вещей, но еще самъ охраняетъ его отъ посягательствъ мёстныхъ патріотовъ. Каковы бы ни были личныя качества Чемберлена и какъ бы узокъ ни быль его британскій патріотизмъ, онъ все-тави, по своимъ основнымъ руководящимъ идеямъ, не имъеть ничего общаго съ заурядными представителями врънкой власти въ другихъ странахъ. Чемберленъ не боится гласности; овъ дъйствуетъ и высказывается публично, и предоставляетъ такое же право другимъ, въ томъ числъ и своимъ противникамъ и обвинителямъ. Съ англійской точки зрвнія, свобода слова и критики есть прирожденное право, которое ни у кого не можеть быть отнято; вивств съ твиъ эта же атмосфера широкой, почти ничвиъ не ограниченной публичности государственныхъ и общественныхъ дълъ считается въ Англіи самымъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ разныхъ внутреннихъ политическихъ опасностей и недуговъ. Еританское правительство, кавъ и наждый отдъльный англичанинъ, чувствуетъ себя дъйствительно свободнымъ и независимымъ, ибо ни министры, ни отдъльные граждане не боятся свъта и простора въ области политической жизни; англичане и ихъ правители не испытываютъ тревоги или страха изъ-за того, что сважутъ о нихъ Луи-Вота, Деветъ и Деларей, и слъдятъ за ихъ ръчами и поступками съ такимъ же любопытствомъ, какъ и остальная европейская публика. Они настолько увърены въ себъ, что не нуждаются въ искусственныхъ способахъ охраны отъ чужихъ, хотя бы непріятныхъ и враждебныхъ мижній; они въроятно считали бы постыднымъ зажимать кому-либо ротъ, когда сами пользуются свободою слова.

Чествованіе бурскихъ вождей за-границею имбеть отчасти значеніе вакого-то вротеста или демонстраціи противъ британской политики; но эти протесты и демонстраціи могуть свободно выражаться въ самой Англіи, если не встретять противодействія со стороны англійскаго же населенія. Англійскіе министры никому не мішають осуждать ихъ дъятельность, разоблачать ихъ ошибки, злоупотребленія или увлеченін, заступаться за буровъ или предпринимать въ ихъ пользу филантропическую или иную агитацію; и противники правительства не имъють надобности оставлять Англію, чтобы безпрепятственно заниматься такого рода оппозиціонною пропагандою. Иностранные обличители Англіи обыкновенно упускають изъ виду эту свободу критики среди самихъ англичанъ и напрасно тратятъ время на полемику противь такихь особенностей англійской политической системы, которыя съ наибольшею полнотою критикуются въ англійской же печати. Часто иностранная газетная критика, направленная противъ британскихъ дъятелей, основывается на явномъ недоразумении; такъ, между прочимъ, Чемберлена карактеризуютъ неръдко въ такомъ тонъ, какъ будто онъ возвысился и держится при помощи интригь, хотя въ дъйствительности онъ не продержался бы и одного дня, еслибы не имълъ подъ собою прочной національной и общественной опоры, и еслибы не пользовалси уваженіемъ и сочувствіемъ значительной нассы образованныхъ англичанъ. Виъсто того, чтобы идовито нападать на Англію за мнимое злоупотребленіе правомъ побъды относительно буровъ, континентальная пресса могла бы съ несравненно большею пользою удёлять вниманіе темъ злоупотребленіямъ силою, которыя постоянно практикуются ближе къ нимъ самимъ и притомъ въ такой области отношеній, гдв неть ни победителей, ни побежденныхъ.

Общественныя симпатіи къ бурамъ напрасно прикрываются сочувствіемъ въ борьбі за "правое діло", въ защиті слабыхъ противъ сильныхъ и въ печальному положению побъжденныхъ, ставшихъ изъ зажиточныхъ обывателей "нищими". Лучшимъ доказательствомъ того, что эти возвышенные мотивы не играють туть никакой роли, можеть служить равнодушіе европейской публики къ такому жгучему "правому дёлу", которое, можно сказать, вопість къ небу своей правотою. Мы говоримь о судьбъ христіанскихъ народностей Турціи, которымь берлинскій трактать 1878 года об'вщаль обезпеченіе безопасности оть произвола и насилій турецкихъ пашей, и которыя тімъ не меніе до сихъ поръ періодически выразываются башибузуками, или подвергаются жестокимъ окзекуціямъ, подъ предлогомъ возстановленія порядка. Эти злосчастныя народности живуть не въ Африкъ, а гораздо ближе; о безотрадномъ положении ихъ почти ежедневно напоминають телеграфныя извёстія, сообщающія о кровавых столкновеніях и замъшательствахъ въ различныхъ мъстностяхъ турецкой имперіи. Дъло ихъ давно признано не только правымъ, но и святымъ, такъ какъ оно заключается не въ сохраненіи или пріобрѣтеніи независимости, а въ прекращении безнадежнаго мученичества, которому не разъ собиралась положить конецъ даже невозмутимая западно-европейская дипломатія. Обитатели этихъ турецкихъ провинцій не только находятся въ положении побъжденныхъ, но и не перестають быть побъждаемыми понынъ; они не пользуются нивакими правами и лишены всякихъ законныхъ способовъ предъявлять кому-либо свои требованія или жалобы; и хотя они издавна превращены отчасти въ нищихъ, но никакого вознагражденія отъ своихъ разорителей они никогда не получали. Они мечтають лишь о сносномъ человическомъ существованіи, подъ какимъ бы то ни было правильнымъ режимомъ, и эта мечта, жонечно, чрезвычайно далека отъ той действительности, которая выпала на долю буровъ.

Казалось бы, по справедливости и по здравому смыслу, судьба Македоніи заслуживала но меньшей мёрё такого же филантропическаго участія и вниманія европейской публики, какъ и положеніе двухъ бывшихъ южно-африканскихъ республикъ. Могутъ сказать, что буры обратили на себя всеобщее вниманіе своимъ геройствомъ; но и въ Македоніи люди гибнутъ какъ герои, а когда въ населеніи замічается рішимость совершать смілые военные подвиги, то постороннія великія державы тотчасъ же вміншваются и откровенно хлопочуть о скорійшемъ подавленіи геройской борьбы въ самомъ ея зародышь. Подданные турецкаго султана никого не интересують въ Европів, какъ бы они ни страдали и что бы ни дівлали;—только немногіе отдівльные филантропы иногда поднимають свой голось въ за-

щиту этихъ безправныхъ существъ, скорфе для усповоенія своей собственной совъсти, чъмъ для достижения вавого-либо положительнаго результата. Факты, повторяющіеся изъ года въ годъ съ мучительнымъ однообразіемъ, могуть считаться общензвёстными и прочно установленными. Всв уже отлично знають, какъ двиствують башибузуки и что у турокъ называется усмиреніемъ непокорныхъ; и однаво единственною заботою дипломатіи остается сохраненіе турецкой власти въ неприкосновенномъ видъ и поддержание дружественныхъ отношеній съ Портою. Съ настоящаго года издается въ Парижѣ спедіальный журналь на францувскомъ языкі, подъ названіемъ: "Le Mouvement macédonien"; въ важдомъ нумеръ содержится множество фактическихъ свёдёній, съ точнымъ указаніемъ мёсть и именъ, и эти свъдънія, сообщаемым изъ разныхъ городовъ, селъ и мъстечевъ Турціи, дають какую-то невёроятную картину ужасовь, возведенныхь въ систему. Въ этомъ изданіи пом'вщена была, между прочимъ, интересная иллюстрація, воспроизведенная по подлинной фотографіи, снятой въ Монастыръ: три агента турецкой администраціи стоять цередъ столикомъ, на которомъ разложены ихъ трофеи — четыре отрубленныя человвческія головы. Почти все содержаніе нумеровъ этого изданія вращается около того же сюжета, какъ и иллюстрація; — когда безчинства и насилія вызывають попытку сопротивленія, то жертвы виновны въ бунтв, и съ ними расправляются уже безъ всякихъ ствсненій. Для захвата подозрительных обывателей, особенно изъ молодыхъ и грамотныхъ, ничего не требуется, кромъ усердія; люди остаются годами въ заключеніи, а иногда пропадають безследно, только потому, что ничтожнёйшій изъ полицейскихъ исполнителей вздумаль указать на нихъ, какъ на въроятныхъ вольнодумцевъ или заговорщиковъ. Прибытіе начальства въ какое-нибудь мізстечко производить тамъ панику; многіе жители разб'ягаются заблаговременно и, скрываясь въ окрестныхъ лесахъ, по неволе организують отряды повстанцевъ или, по турецкой терминологіи, разбойниковъ. Разбойничьи шайки обыкновенно находятся въ союзв съ властями и пользуются ихъ покровительствомъ, подъ условіемъ дівлежа добычи; отряды повстанценъ большею частью возникають подъ вліяніемь безвыходныхь обстоятельствъ, когда каждый здоровый субъекть инстинетивно хватается за топоръ или за какое-нибудь другое оружіе, — напримъръ, послъ разгрома жилища, изнасилованія женщинь и избіенія дітей башибузуками. Въ последние годы, отчасти по совету западно-европейскихъ кабинетовъ, Порта содержить значительную массу иррегулярныхъ войскъ въ Македоніи, для предупрежденія вовстанія; хозяйничанье этихъ военныхъ силъ среди беззащитнаго иновернаго народа чаще всего вынуждаеть жителей искать спасенія въ бъгствъ и присоединяться въ существующимъ шайкамъ или устраивать новыя. Извет могутъ приходить только средства и руководители, но матеріалъ для возстанія вырабатывается самими турками и непрерывно накопляется въ избыткъ.

Волненія не прекращались и не прекращаются въ Македоніи съ тахъ поръ вакъ Турціи предоставлена свобода дайствій въ области военныхъ и предупредительныхъ мёръ противъ недовольныхъ христівнь. Дипломатія смотрить сквозь пальцы на то, что совершается въ турецкихъ провинціяхъ; она какъ будто приняла на въру несложную теорію Порты относительно искусственныхъ вившнихъ причинъ происходящаго броженія. Все было бы благополучно на Балкансковъ полуостровъ, еслибы Болгарія и Сербія не поощряли волненій въ сосёднихъ турецвихъ округахъ, еслибы не подсылали туда эмиссаровъ. и не способствовали образованию въ Македоніи вооруженныхъ отрядовъ; поэтому прежде всего необходимо запретить болгарамъ и сербамъ принимать близко къ сердцу македонскія и старо-сербскія дъла, и заставить правительства обоихъ государствъ, особенно Болгарів, строго следить за передвиженіями и сношеніями вдоль пограничной турецкой линіи. Кабинеты великихъ державъ стали почему-то чрезвычайно дорожить расположениемъ султана, обмёниваясь съ нимъ дружественными демонстраціями, и полагали своей задачей упраздненіе или обходъ вопроса объ участи турецвихъ христіанъ-вопроса весьма ясно разрѣшеннаго еще на берлинскомъ конгрессѣ. Имѣя законное право и обязанность потребовать устраненія вопіющихъ безобразій турецкаго режима въ Македоніи, западно-европейская дипломатія фактически приняла сторону Турціи противъ Македоніи и способствовала еще большему усиленію техъ безобразій, которыя предполагалось устранить. Такой коренной повороть въ цёляхъ и стремленіяхъ не можеть быть оправдань ни интересами международнаго мира, ни честолюбивыми происками революціонныхъ комитетовъ, имвющихъ свой центръ въ Болгаріи. Обрекать на гибель ни въ чемъ неповинное населеніе Македоніи только потому, что изъ-за нея воднуются и ссорятся между собою болгарскіе и сербскіе патріоты, -- значило бы руководствоваться слишкомъ мелкими побужденіями въ международной политивъ; притомъ такое оставленіе бъдствующей области на произволь судьбы только возвысило бы роль болгарских комитетовъ и укръпило бы связи ихъ съ Македоніею. Пока Европа не возьметъ македонскаго вопроса въ свои руки, сътвердымъ намъреніемъ разръшить его безъ помощи Турціи, до тёхъ поръ положеніе дёль будеть зависёть отъ разныхъ случайностей и стихійныхъ вспышекъ, надъ которыми дипломаты не властны. Некоторые охранители международнаго спокойствія предвидять опасность войны при всякомъ серьезномъ

двиломатическомъ предпріятін, касающемся внішнихъ отношеній; такимъ образомъ, сознательная попытка привести въ исполненіе важнійтія статьи берлинскаго трактата представляется, будто бы, рискованною и неудобною, потому что обнаружила бы существующія разногласія между кабинетами относительно способовъ воздійствія на Порту. Разумбется, удобніе всего для дипломатін—ничего не ділать и не предпринимать въ области ея положительныхъ задачь, а ограничиваться обміномъ віжливостей съ падишахомъ и его визирями; но подобная дипломатическая программа по отношенію къ турещкимъ діламъ едва ли соотвітствуєть достоинству и традиціямъ, но крайней мітрі, нашей восточной политики.

Парманентская сессія во Франціи открылась 14 (1) октября внесеніемъ въ палату депутатовъ весьма эффектнаго проекта государственнаго боджета на 1903 годъ. Въ финансовой смете настоящаго года существовали крупные недочеты, доводившіе общую цифру реальнаго дефицита до 207 милліоновъ франковъ. Новый министръ финансовъ, Рувье, имъть предъ собою весьма трудную задачу, которую онъ еднако разрѣшиль, повидимому, съ блестящимъ успѣхомъ. Ему упалось не только устранить дефицить, но още получить излишекъ доходовъ надъ расходами въ размере 11 миллюковъ, несмотря на потерю 41 милліона отъ предположенняго пониженія налога на сахаръ. Общая пифра расходовъ на 1903 годъ, сравнительно съ настоящимъ годомъ, уменьшена съ 3.602 милліоновъ до 3.575 милліоновъ, т.-е. на 27 милліоновъ франковъ. Выгодная конверсія, произведенная два мізсяца навадъ, сократила расходы по государственному долгу на 32 милліона франковъ; затімъ пріостановлено погашеніе долга сберегательнымъ и школьнымъ кассамъ, что доставило сбереженій на 25 миллюновъ; наконецъ, найдены новые источники обложенія, не особенно тягостные для плательщиковь, и такимъ образомъ достигнуть результать, который съ бухгалтерской точки эрвнія можеть быть названь замечательнымь. Рувье вполей оправдаль свою репутацію, какъ опытный финансисть-практикъ, и если его бюджеть пройдеть въ палатъ безь существенных изивненій, то это будеть значительный успахъ не только для самого министра, но и для всего кабинета Комба.

Финансовые вопросы, впрочемъ, мало занимали палату на первыхъ порахъ; главнымъ предметомъ преній было, по прежнему, закрытіе неразрішенныхъ духовныхъ школъ, въ связи съ общею антиклерикальною политикою кабинета. Такъ какъ правительственные декреты, волновавшіе оппозицію, фактически приведены уже въ исполненіе, то все это діло отчасти потеряло интересъ для большинства француз-

Digitized by Google____

ской публики; страсти улеглись, и річи наиболіве выдающихся обвинителей министерства не производили того впечатлінія, на которое разсчитывали ораторы. При оправданіи и защиті своихъ дійствій Комбъ неожиданно нашель поддержку среди уміренныхъ республиканцевъ, изъ которыхъ особенно выдвинулся въ этомъ случав Жоннаръ, оказавнійся первокласснымъ ораторомъ. Кромі стараго вопроса о конгрегаціяхъ, не мало говорилось и будетъ еще говориться въ палатів по поводу стачки каменноугольныхъ рабочихъ, принимающей огромные разміры и затрогивающей нікоторые жгучіе вопросы соціальнаго законодательства. Но въ этой области передовые французскіе діятели едва ли пойдуть даліве смізыхъ и грозныхъ річей.

Колоссальная стачка каменноугольных рабочих въ Соединенных Штатахъ, продолжавшаяся пять съ половиною мъсяцевъ (съ мая) при 160 тысячахъ участниковъ, превратилась наконецъ въ половинъ октябра (нов. ст.), благодаря энергическому вившательству президента Рузевельта. Упорная борьба между горстью "угольныхъ королей" и организованною армією рабочих вызвала общій промышленный кризись, почти остановила многія производства, нуждающіяся въ углё, и обошлась рабочимъ приблизительно въ 140 милліоновъ долларовъ. Общіе убытки, причиненные этой стачкою, неисчислимы; вийсто нормальной добычи угля, опредёляемой въ 1.300.000 тоннъ въ недёлю, добывалось едва 90 тысячь; небывалая дороговизна угля увеличила цъны и другихъ предметовъ потребленія, что чувствительно отразилось на интересахъ бъднъйшей части населенія. Владъльцы угольныхъ копей, вавъ монополисты-милліардеры, не считали своихъ убытковъ; о лишеніяхъ массы рабочихъ семействъ нечего и говорить. Ховяева желали во что бы то ни стало поставить на своемъ; они решительно не признавали существованія общаго союза ваменноугольныхъ рабочихъ и хотвли иметь дело только съ отдельными рабочими, тогда какть рабочіе, руководимые президентомъ своего союза, Митчелемъ, настойчиво требовали признанія за ними таких же правъ на организацію, вавими пользуются и злоупотребляють монополисты. Устронвам свои грандіозные трёсты и безпрепятственно вступая между собою во всевозможныя соглашенія для совм'єстных дівіствій въ ущербъ митересамъ потребителей и рабочихъ, хознева не допускали, чтобы рабочіе въ свою очередь следовали ихъ примеру и противопоставляли имъ свои собственныя соглашенія. Об' стороны д' в стороны д' вонными средствами; но это была настоящая экономеческая война затрогивавшая всёхъ и каждаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Справелливость была на сторонъ рабочихъ, и общія симпатін высказывались въ ихъ пользу; однако, господствующія промышленныя силы безусловно стояли на почвё формальной свободы договоровъ и имёли возможность одержать побёду, опиралсь на преимущества богатства и сплоченнаго единства организаціи. Заключеніе мира состоялось при дёнтельномъ участіи знаменитаго монополиста Пьерпонта Моргана, которому владільцы угольныхъ вопей дали самыя широкія полномочія. Президенть Рузевельть обратился къ президенту рабочаго союза, Митчелю, съ предложеніемъ предоставить рёшеніе спорныхъ вопросовъ третейскому суду особой посреднической коммиссіи, —чего требоваль и Митчель, — безъ упоминанія о союзё рабочихъ, что ставилось непремённымъ условіємъ со стороны хозяевъ; послё переговоровъ съ Морганомъ устроился вошромиссь, приведшій къ прекращенію стачки.

Важнъйшимъ послъдствіемъ испытаннаго кризиса было возбуждевіе вопроса о переходъ угольныхъ копей въ завъдываніе государства; это требованіе, выставленное вновь образовавшеюся "угольною лигою" въ Массачузетсъ, вошло теперь въ программу демократической партіи въ штатъ Ньюйоркъ и принято недавнимъ съъздомъ американскихъ городскихъ представителей въ Детройтъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ

1 ноября 1902.

 Гр. Новополенъ. Въ сумеркахъ литератури и жизни. Харьковъ, 1902. (Вопроси сопременности. Выпускъ V).

Книжка г. Невополина заслуживаетъ вниманія тёхъ, кто интересуется вопросомъ о современномъ положеніи нашей литературы. Въ началѣ авторъ хочетъ разобраться въ "жалобахъ на наше время", въ толкахъ объ "упадкѣ литературы", старается найти "причины болѣзвенныхъ настроеній"; а затѣмъ останавливается на отдѣльныхъ писателяхъ, которые въ особенности отражаютъ новѣйшія настроенія: это — Гаршинъ, Надсонъ, Короленко, Потапенко, гр. Л. Н. Толстой, Чеховъ; авторъ говоритъ также о ницшеанствѣ, марксизмѣ, символизмѣ и оканчиваетъ изображеніемъ "похода" въ новѣйшей литературѣ противъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ одномъ, впрочемъ здравомыслящемъ, изданіи мамъ встрѣтился отзывъ о книжкѣ не весьма благосклонный. Критика г. Новополина называется "кладбищенской": не думаемъ, чтобы было основаніе опредѣлить такимъ образомъ (полагая, что терминъ означаетъ: отжившій, устарѣлый, мертвый) точку зрѣнія, которая въ современной литературѣ находить явный упадокъ и рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ новѣйшихъ критиковъ, которые предаютъ осужденію шестидесятые и семидесятые годы. "Упадокъ" г. Новополинъ доказываетъ довольно убѣдительно, и не менѣе убѣдительно доказываетъ отталкивающее ничтожество изобрѣтателей новыхъ словъ и "новой мозговой линіи"... Мы видѣли недавно, какъ "талантъ", который "умеръ" и котораго съ такою ревностью защищалъ г. Луговой, съ негодованіемъ говорилъ о тѣхъ, кто находилъ въ нашей современной литературѣ "упадокъ";— "таланту" теперь все равно, но его защитникъ могъ бы найти у г. Новополина не мало полезныхъ объясненій.

Авторъ находить, что литературныя и общественныя явленія двухъ

последних десятилетій "не оставляють ни малейшаго сомивнія вы присутствіи болевневнаго процесса, отравнящаго нашу атмосферу и сделавшаго насы неспособными противостемть интеллектуальнымы болезнямы".

Что эти болізненные симптомы дійствительно существують, объ этомъ свидетельствуеть тревожное настроеніе, охватившее самые разнородные лагери намей литературы... И это неудивительно. Деятели двухъ последнихъ десятилетій, утверждающіе, что они отврыли новое слово, "отрицали всв традиція прошлаго, какъ въ жизни, такъ и въ литературъ. Развъ, провозгласивши въ самомъ началъ восьмидесятыхъ годовъ лозунгь: "наше время не время шировихъ задачъ", -они не наносили удара тёмъ широкимъ идеаламъ, лучи которыхъ согравали небольшую кучку идеалистовъ сорововихъ годовъ? Разва, отврывши походъ противъ гласнаго суда, противъ суда присяжныхъ, противь городского и земскаго самоуправленія, они не разрушали всей колоссальной работы шестидесятых годовъ? Развъ, выдвигая повельніе, которое на всь происки и успахи реакціонеровь и на весь мракъ своего времени отзывается теоріей "пантензма", не являлись эти два десатилетія отрицанісмъ випучаго и жаждавшаго деятельности покольнія шестидесятниковь? Разві, явившись съ теоріей опрощенія, они не разрушили віры въ одинъ изъ могучить факторовь русской живин, съ которымъ вошли въ живиь представители сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, -- въ интеллигенцію? И развѣ экономическій матеріализмь сь его фаталистической вірой вь законы экономическаго развитія, съ его игнорированіемъ исторической роли личности, съ его теоріей неизбёжнаго обезземеленія крестьянства, паденія общенняго и артельнаго хозяйства и торжества индивидуализма, не является отрицаніемъ всехъ руководящихъ идей сороковыхъ и инестидесятыхъ годовь? Мудрено ли, что на закать своей жизни Салтывовъ пишеть свои "Забытыя слова"? Мудрено ли, что онъ развертываеть такую мрачную картину, какъ — "сърое небо, сърыя тучи, сърмя, ниряющія въ сёромь тумань, птици"?...

Ридомъ съ отринаніемъ историческаго труда прежнихъ поколічій во има, будто бы, открытыхъ "новыхъ словъ", новыхъ пирокихъ идей, новой "мозговой линіи" и т. п., авторъ указываетъ очень любепытную черту нашего времени.

"Еще болье наравтерная эволюція совершается въ умаль вонсервативно-настроевной группы нашего общества. Ей ли теперь не торжествовать?... Идеалы, приводившіе ее въ бъщенство, сошли со сцены... Русская жинь отлилась въ формы, прописанныя консервативного печатые. И тъмъ не менъе самыя страстныя жалобы на переживаемое безвременье, самые энергичные эпитеты по его адресу и проникнутое

нскрениимъ чувствомъ сожаление о прошедшей эпохе великихъ реформъ срываются съ устъ одного изъ самыхъ врайнихъ представителей консервативной части общества (князя Мещерскаго). Давно ли эта эпоха въ ен глазахъ была временемъ "разнузданнаго либерализма"? А теперь вы слышите, въ сочувственномъ тонъ, что все тогда "кипъло жизнью, и именно жизнью духовной, что лучшіе люди шли на общественную службу, что въ каждомъ русскомъ человъкъ билось сильно сердце, что либералы создали цълую Ніагару мыслей, стремленій въ руслё русской умственной жизни и этимъ самымъ вызывали къжизни и противниковъ этого громаднаго урагана; словомъ, что тогда все, что дремало до того, проснулось, и на борьбу выступили всв силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслъ животрепещущих вопросовъ судьбы русскаго государства, эпохою совдавшихся".--Такова, по словамъ ультра-консервативнаго публициста, характеристика шестидесятыхъ годовъ. Современная же жизнь, въ которой данъ полный просторъ консервативнымъ н реакціоннымъ вождельніямъ, представляется ему временемъ, когда "нътъ мыслей и чувствъ, изъ которыхъ могла бы слагаться духовная мощь", когда общество стало "размазнею", которая ничего не можетъдать кром'в прозябанія".

Эта цитата чрезвычайно любопытна. Если даже такіе консерваторы, какъ издатель "Гражданина", чувствують, какое живое движеніе совершалось въ эпоху реформъ и отдають ему справедливость, какое отталкивающее зрёлище представляють современные дёятели "новыхъ словъ", пантеисты, ницшеанцы, изобрётатели новыхъ "идеаловъ", да и "марксисты", потерявшіе всякій общественный смысль и здоровое чувство? — Авторъ находить во всемъ этомъ "тревожный симптомъ, свидётельствующій о переживаніи нами общей болёзни. Пусть жалуется старость, дряхлёющая, отходящая въ могилу. Но вёдь молодость великая сила, впереди у нея цёлая жизнь... Все это свидётельствуеть о реакціи, коснувшейся своимъ ледянымъ дыханіемъ не однихъ идеаловъ эпохи реформъ. Оно еще рёзче подчеркиваеть то общее оскудёніе и ту общую пришибленность, которыя около двухъ десятилётій царять въ нашей общественной жизни и леденять нашу мысль, чувство и волю".

Въ другой главъ своей книжки г. Новополинъ говоритъ объ "упадкъ литературы". Мы видъли недавно (въ книгъ г. Лугового), что новъйшіе "таланты" не только не признаютъ этого упадка, но даже негодуютъ на подобные толки, которые должны приноситъ ущербъ репутаціи ихъ собственныхъ твореній; но г. Новополинъ стоитъ на своемъ и приводитъ доказательства "упадка". Приводимъ еще нъсколько его словъ.

"Проявилось паденіе нашей литературы прежде всего въ нівоторыхъ вившинхъ ел чертахъ. Того широкаго захвата, который мы заивчаемь у писателей сорожовыхь и шестидесятыхъ годовъ, въ произведеніяхь намінхъ молодыхъ писателей нёть. У первыхъ тяготеніе въ шировимъ картинамъ распространилось даже на такихъ писателей, какъ, напримъръ, Воборыкинъ. Взять хотя бы его послъдніе романы. Кого и чего здёсь нёть? Новая фракція молодежи, старые идеалисты, либералы, народники, интеллигенты изъ народа, духовенство, наша нарождающаяся буржувзія. Эти пестрыя вартины трепещуть, живуть и рвутси изъ печатных рамовъ. Ничего подобнаго нъть даже у наиболъе даровитыхъ изъ молодыхъ писателей, и понадобился ужасный голодный годъ, понадобилось необычайное, бившее по нервамъ, явленіе, чтобы вырвать у одного изъ нихъ подобнаго рода картину. Наши писатели сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ не нуждались въ такихъ грубыхъ толчкахъ, чтобы обратить свое художественное внимание на ту или другую сторону жизни. Обстановка восьмидесятыхъ годовъ съузила горизонтъ даже наиболе даровитыхъ молодыхъ писателей: они облюбовали врошечные уголев и дальше не заглядывають. Какая-то боязнь и нервшительность прогладывають изъ этихъ крошечныхъ разсказовъ съ двумя-тремя персонажами, какая-то узость и индифферентизмъ къ широкой волнующейся жизни. Но осли каждое произведение въ отдъльности не представляеть шировой картины, — быть можеть, оно прогладываеть въ цёломъ радё произведеній? Быть можеть, и въ небольшихъ картинахъ прогладываеть жизненное отношеніе автора къ современной имъ жизни? Но помимо увости картины бросается въ глаза случайность въ выборъ свжетовъ. Произведенія писателей сороковых и шестидесятых годовь замечательны своею жизненностью... Но где эта отзывчивость у молодыхъ писателей? Что общаго между разными произведеніями одного и того же писателя? За иногими произведеніями проглядываеть бездушный фотографическій становъ, пришедшій на см'вну страстной, чуткой и отвывчивой литературь"...

"Той печати оригинальности, которой отличаются произведенія нашихъ корифеєвь, нёть ни въ одномъ изъ произведеній нашихъ молодыть нисателей. Какъ художники, они ничего не внесли новаго въ нашу литературу, и самые даровитые изъ нихъ—не что иное, какъ сколокъ съ Тургенева, Достоевскаго или Толстого. Нётъ въ нихъ той широты міросозерцанія, той силы мысли, чувства и воли, которыми окрашивались произведенія нашихъ старыхъ литературныхъ дёятелей и которыя вызвали такой страстный анализъ нашей дёйствительности, что мы даже удивили старую Европу... Ничего подобнаго нётъ у молодыхъ писателей. За небольшими исключеніями повсюду про-

глядываеть какая-то пришибленность мысли, чувства и воли. Отсюда отмёченная нами узость картинъ и случайность въ выборё сюжетовъ. Отсюда и вялость проникающаго всё эти произведения тона"...

Въ своей книжей г. Новонолинъ останавливается на такихъ темахъ, какъ: періодъ "скорби за идеалъ" и "слезъ о свободъ"——въ намей новъйшей литературъ; періодъ скорбнаго раздумья; періодъ культуртрегерства и апологіи "средняго человъка"; "совершенствоваміе личности" и "непротивленіе злу", "по ту сторону добра и зла", равнодушіе въ добру и злу, марксизмъ, походъ противъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Эти темы онъ обыкновенно связываетъ съ какихъ-либо изъ новъйшихъ писателей, которыхъ произведенія находить особенно характерными; мы упомянули, что это—Гаршинъ, Надсонъ, Короленко, Потаненко, гр. Толстой, Чеховъ.

Одну главу онъ посвящаеть "причинамъ болѣзненныхъ настроеній". Мы замѣтили раньше, что нѣвоторые критиви отнеслись въ автору не весьма сочувственно, считая его взглядъ "владбищенскимъ" и находя его сужденія о названныхъ писателяхъ не совсѣмъ правильными или невѣрными (онъ ихъ "не понялъ"),—но съ этимъ отзывомъ мы никавъ не согласны. Въ внижкъ г. Новополина, во-первыхъ, поставленъ совершенно серьезный вопросъ, требующій вниманія, потому что различныя явленія "упадка" въ нашей новѣйшей литературѣ не подлежатъ никакому сомнѣнію; а во-вторыхъ, многіе факты этого упадка отмѣчены вѣрно, и отношеніе автора въ нимъ вообще—правильное.

Авторъ думаетъ, что "сумеречное настроеніе", какое онъ откъчаетъ, принадлежитъ не одной русской литературъ, что оно распространено также въ западной литературъ—какъ, напр., ницшеавство и т. п. Авторъ вспоминаетъ Макса Нордау и готовъ витетъ съ нинъ видътъ здъсь признаки "вырожденія"; извъстныя настроенія изъ литературы западной переходятъ и къ намъ;—но авторъ справедливо указываетъ, что есть великая разница въ условіяхъ литературы западной и нашей, и при этихъ условіяхъ подобныя заимствованія представляютъ значительную нелъпость.

"Мы не станемъ разбирать, — говорить онъ, — насколько правы или, върнъе, неправы эпигоны западной Европы, объясняя обманутыми надеждами свое сумеречное настроеніе и свое отрицательное отношеніе въ старымъ идеаламъ. Можетъ быть, они и правы. Но въ лицу ли нашей интеллигенціи говорить о пресыщеніи наукой, о ея банвротствъ, когда мы еще не затвердили ея азбуки?... Исчернали ли мы коть твердую почву науки? И вообще мы еще такъ педавно пріобщились въ европейской живни и тавъ недолго дынали чистымъ воздухомъ свободы, что намъ слишкомъ рано разочаровываться и тинуться

вь хвость западно-европейскихъ пессимистовь, видавшихъ, по крайней мъръ, всякіе виды".

Это совершеню справедливо. Авторъ указываеть дальше, что "новия слова", отъ марксизма, пессимизма и пр. до символизма и декадентства, взяты просто изъ западной литературы. Тамъ, при давнемъ богатствъ литературной, общественной, политической жизни, возможно вывкое разнообразіе направленій, даже до фантастическаго каприза, какъ декадентство,—но въ нашей литературъ, очень скромной, очень пебогатой первоначальными образовательными средствами, имъющей свои ясныя, обязательныя, просвътительныя задачи, такіе капризы не имъють человъческаго смысла.

Книжка г. Новополина имъетъ одинъ недостатокъ въ томъ, что она слишкомъ эскизна. Если авторъ затронуль вопросъ объ "упадвъ", то для большей убъдительности ему слъдовало бы обратить больше вниманія на фактическую сторону своего изложенія-дать больше цитать, опредвленныхъ указаній. Между прочить, въ той главі, гді авторъ хочетъ объяснить причины "упадка", нужно было бы болве отчетливое объяснение тёхъ условий, какия приводили въ "упадку". Онъ говорить, правда, о "гнетущихъ условіяхъ", "воспитательновъ режимъ , которые отразились въ настроеніи выроставшихъ тогда поколеній; но эти условія все-таки мало определены. Между прочимъ, одна изъ жалкихъ особенностей, которою даже гордится вовое покольніе и которая есть несомніно одна изь важныхъ причинь упадка, это-потеря правственной связи съ преданіемъ сорововыхъ и шестидесятыхъ годовъ, преданіемъ общественнаго служенія литературы, которое въ нашихъ условіяхъ есть первое требоваме ся правствоннаго смысла и достоинства.

Еслибы автору случилось возвратиться къ своей работъ для второго изданія,—чего она очень бы заслуживала,—упомянутое расширеніе его изложенія прибавило бы внигъ много интереса: она была би весьма поучительна для молодыхъ читателей.

Еще небольшое зам'вчаніе. Зач'вмъ авторъ допускаль безсмысленную корректуру, — напр. "нариографія", что пишется систематически? — Д.

Этоть обширный томъ, до 600 страницъ большого формата (въ два столбца), является первой частью изданія, им'яющаго главной задачей свести статистическій матеріаль о визминей торговив Россіи, за-

[—] Сборинкъ свъдъній по исторіи и статистикъ вившией торгован Россіи. Подъ редакцієй В. И. Попроссице. Т. І. Изд. департамента такоженнях сборовъ. Спб. 1902.

ключающійся въ ежегодныхъ отчетахъ таможеннаго департамента, и разработать соотвітствующія данныя въ связи съ свідініями о таможенномъ обложеніи ввозимыхъ товаровъ и съ данными о ихъ производствів и потребленіи внутри страны. Вышедшій томъ изданія касается общей исторіи внішней нашей торговли, вывоза и привоза главнів шихъ товаровъ по европейской и азіатской границамъ въ отдільности. Слідующій томъ посвященъ будеть внішней торговлів, по странамъ назначенія русскихъ и происхожденія иностранныхъ, ввозимыхъ къ намъ товаровъ,—о торговомъ мореплаваніи, о пассажирскомъ движеніи въ Россіи и изъ Россіи и о тайномъ провозів товаровъ.

Потребность въ такомъ сводномъ изданіи ясна сама по себъ. Уже одно простое собраніе во-едино свідіній о ввозі и вывозі нашихь товаровь, ежегодно публикуемыхъ въ продолжение целаго почти столътія, и въ полномъ объемъ доступныхъ самому ограниченному числу изследователей, а равно сведенія о таможенных тарифакь, назначавшихся въ разные моменты нашей исторіи-имъеть весьма важное значение для нашего времени, когда все большее и большее число лицъ, по практическимъ или научнымъ соображеніямъ, вынуждено обращаться въ различнымъ статистическимъ изданіямъ. Темъ большее значеніе имъеть трудь, подобный разсматриваемому, завлючающій не одну простую сводку, а и нъкоторую разработку соотвътствующаго матеріала, и на ряду съ таблицами дающій рядъ монографій по главнъйшимъ предметамъ нашего экспорта и импорта. О необходимости такихъ сводныхъ работъ и по другимъ отдъламъ нашего общественнаго хозяйства неоднократно заявлялось въ печати, и самыя учрежденія, відающія посліднее, выступають, по временамь, съ наданіями, нъсколько удовлетворяющими такой потребности. Изданія эти, однако, не дають полной сводки, а ограничиваются краткими періодами или очень вратвими свёдёніями и нерёдко преслёдують цёли, постороннія данному предмету, въ род'в прославленія тіхъ или другихъ мівропріятій подлежащаго учрежденія. Въ последніе годы, за весьма пропотливый трудъ сводки оффиціальныхъ матеріаловъ берутся частныя лица (см., напримъръ, работу г. Сабурова о финансахъ и г. Булимовича о движеніи товаровъ по рельсовой сёти). Въ этомъ нельзя не усмотрёть признава врайне назрівшей потребности, а въ составляющемъ предметь настоящей замътки предпріятіи таможеннаго денартамента мы желали бы видёть знакъ того, что учрежденія, въдающія наше общественное хозяйство, сознали законность такой потребности и готовы идти ей на встрвчу.

Возвращаемся, посл'в этихъ зам'вуаній, къ "Сборнику св'єд'вній но исторіи и статистикі внішней торговли Россіи". Сборникъ этотъ со-

стоить изъ текста и табличныхъ приложеній. Последнія заключають вь себь, во-первыкъ, тарифныя ставки на разные товары, начиная сь тарифа 1724 г., причемъ за время съ 1851 по 1900 г., рядомъ со ставками тарифа, приводятся свёдёнія о вывозё и привозё даннаго товара и о суммъ взысканной съ него пошлины; во-вторыхъ, данныя о вывозв и ввозв главивишихъ товаровъ (каждаго отдельно или по группамъ) по европейской, азіатской границамъ и по суммі обінхъ за каждый годъ періода 1802—1900 гг., съ выдёленіемъ торговли съ Финляндіей, а также съ Польшей и Бессарабіей-въ періодъ существованія для нихъ особыхъ таможенныхъ границъ. Болбе детальное расчлененіе свёдёній о внёшней торговлё по участвамъ границъ и таможнямъ, по странамъ назначения и отправления товаровъ войдутъ въ составъ второго тома. Впрочемъ, эти свъдънія, въ враткомъ видъ. находятся въ текстовой части перваго тома "Сборника", въ описании вившеей торговли отдельными товарами; а для клебныхъ товаровъ сведения эти даются даже въ подробностикъ. Тексть сборника сведеній о вижиней торговле Россін состоить изъ общаго очерка исторів вившней торговли Россів, начиная съ древивишихъ временъ, о которыхъ сохранились какія-либо изв'встія, и монографій, посвященныхь 76-ти группамъ предметовъ внёшней торговли. Монографіи эти нивоть задачей разработать севденія объ отпуске и привозе товаровь съ начала истекшаго столетія и объ условіяхъ, "вліяющихъ на уменьшение и увеличение того и другого", причемъ "особенное вниманіе обращено на зависимость внішней торговли тімь или другимь товаромъ отъ производства его и потребленія внутри страны и отъ разивра таможенныхъ пошлинъ". Соотвётственно такой задачё, въ каждой монографіи излагается исторія производства даннаго товара въ Россіи съ объяснительными замічаніями о его естественной природь и главивишихъ моментахъ развитія его техники на Западь; исторія вившней торговли даннымъ товаромъ и меръ, принимавшихся въ разное время для развитія производства и вывоза или для стёсненія последняго. Но помимо указанныхъ сведений, соответствующихъ програмив "Сборника", текстовая его часть, по своему содержанію, выходить за пределы поставленной изданію задачи. Въ монографіяхъ устанавливается не только зависимость внёшней торговли отъ нёкоторыхъ, выше перечисленныхъ условій, но и вліяніе таможенныхъ пошлинъ, ввоза и вывова товаровъ и даже акцизнаго обложенія продукта на производство и потребленіе последняго внутри страны. А въ такъ случаякъ, когда вившиня торговля даннымъ товаромъ незначительна, посвященный этому товару отдёль обращается въ монографію о состояніи и исторіи соотв'ятствующей отрасли промышленности въ Россін, въ которой св'яденія о ввозе и вывозе находятся уже въ

положеніи не главнаго, а дополнительнаго предмета річи. Этимъ расширеніемъ программы изданія значительно увеличивается его интересь и, такъ сказать, общедоступность, но мы опасаемся, что оно неблагопріятно повліяло на волноту снеціальнаго его содержанія; данному обстоятельству, быть можеть, слідуеть приписать, напр., тоть фактъ, что въ "Сборникъ" недостаточно использованы неизданные во всеобщее свідініе матеріалы по пересмотру таможенныхъ тарифовь съ данными и соображеніями о различныхъ условіяхъ, такъ или иначе вліявшихъ на таможенное обложеніе различныхъ товаровъ.

Въ краткой журнальной рецензіи мы не можемъ останавливаться на содержаніи "Сборнива" по существу и на вопросв о томъ, насволько удовлетворительно выполнена имъ задача уясненія взаимозависимости различныхъ нашихъ экономическихъ явленій. Полное выясненіе этих зависимостей было и невозможно для "Сборника" уже потому, что онъ не производилъ всесторонняго изследованія предмета. а отмежеваль себв опредвленную сферу явленій и опредвленную, слёдовательно, категорію матеріаловь, за предёлы которой онъ выходиль очень радко. Въ силу этого обстоятельства, ожь не ногъ установить правильнаго заключенія о явленіи, коль скоро последнее находилось въ сильной зависимости отъ обстоятельствъ, не включенныхъ въ кругъ его разсмотренія. Укажемъ, для примера, на замічаніе "Сборника", что въ 1897 г. въ Россіи осталось клёба для внутренняго потребленія "лишь на 0,14 четверти (на душу) выше остатва обдетвеннаго 189¹/₂ года". Заключеніе это основано на опредбленія разницы уродививатося въ 1897 г. и вывезеннаго живба, между твиъ какъ изследование условий клебоной торговли показало бы, что въ 1897 г. вывозидось не только зерно последняго урожая, но и закасн предшествующихъ лъть, и что при опредълении количества хлъба, остающагося для внутренняго потребленія, следуеть производить соответствующія вычисленія не надъ данными объодномъ годе, а надъ цифрами за цёлый рядъ лётъ, установленный по соображении всей сововупности обстоятельствъ, определяющихъ гранецы времене расходованія урожая каждаго года.

Ограничиваясь по существу содержанія "Сборника" этимъ замінаніемъ, мы закончимъ нашу замітку о немъ заключеніемъ, что въ "Сборників", какъ и во всякомъ многообъемлющемъ трудів, мы находимъ вполий обоснованные выводы, но встрічаемъ также произвольныя и черезчуръ оптимистическія предположенія, опровергаемыя водъчась данными самаго же изданія. Недостатки эти, однако, не изміняють общаго научнаго характера разсматриваемаго труда, и не водлежить никакому сомийнію, что "Сборникъ сибдівній мо исторіи в статистиків визіней торговли Россіи" сділается необходимой при-

надменностью библютеми каждаго изследователя и правтическаго делем въ области народнаго хозяйства Россіи.

 Обворъ податного состоянія курской губернів за 1900 годъ. Составленъ по отчетамъ податнихъ мислекторовъ. Курскъ. 1902.

Курская казенная палата держится похвальнаго обывновенія—знакомить читающую публику съ состояніемъ податного дёла въ губернія в связи съ хозяйственнымъ положеніемъ врестьянъ. Въ ежегодныхъ сворать этого состоянія приводятся свёдёнія о доходаль врестьянь оть землежелія и промысловь, о преднолагаемыхь расходахь его на продовольствіе и подати, св'яд'внія о ход'в д'яла собиранія этихъ последникъ и высказываются имъсть съ темъ иткоторыя наблюденія и соображенія по различнымъ предметамъ и вопросамъ м'естиаго быта. Сообщаемыя свёдёнія въ большинствё случаевь, конечно, имёють только относительную ценность; въ изданіи не считается даже нужныть указывать источники иногихь свёдёній и прісмы, прим'виявшісся для ихъ провърви. Но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что казенная палата имбеть на мёстахъ своихъ агентовъ вълицё податнихь неспокторовь, обязанныхь находиться въ постоянныхь снощеніять съ населеніемь и наблюдать за состояніемь его хозяйствалегко понять, что, при подходящемъ составв этихъ агентовъ, казенная палата имфеть полную возможность составить приблизительно вравильное понатіе о положеніи въ данномъ году містнаго сельскаго хозяйства и состоянія промысловых заработковъ населенія и облечь это свое новятіе въ рядъ цифръ, назначенныхъ не для точныхъ соображеній, а для общей харантеристики вещей. Такая оффиціозная характеристика экономическаго положенія населенія им'веть тімь боже значеніе, что мрачныя картины положенія деревни до сихъ поръ рисовались преимущественно по наблюденіямъ ваподозрѣнныхъ въ тендеціозности земскихъ статистиковъ. Очень интересно, поэтому, восмотреть те рисунки, которые выводятся въ вазенныхъ ванцеляріяхъ, склонныхъ, вообще говоря, придавать своимъ сообщеніямъ болве или менве розовые оттвики.

Изданіе курской казенной палаты представляеть тімь большій для нась интересь, что курская губернія принадлежить къ тому самому (центральному черноземному) району, который обратиль на себя въ посліднее время особенное вниманіе правительственных учрежденій и для изслідованія котораго засідали и засідають епархіальныя коммиссіи. 1900-ый годъ, вообще говоря, благопріятень для курскаго земледівльца. Сборъ хлібовь въ этомь году быль "внолнів удо-

влетворительный и слёдоваль за годомъ тоже очень благополучнымь; цъны сельско-хозяйственнаго труда держались поэтому выше обычнаго уровня, а заработки отъ кустарныхъ промысловъ превзошли доходы вакого-либо изъ предшествующихъ лътъ. Это благопріятное сложеніе обстоятельствъ выразилось между прочимъ въ томъ, что отходъ населенія на сторону въ 1900 году сократился въ сравненіи съ двума предшествующими годами. Подведя же финансовые итоги хозяйственной дъятельности сельскаго населенія общую сумму его доходовь "Обзоръ" опредълилъ въ 49,2 милл. р., а расходы на продовольствіе (только хлібомъ), обсёмененіе полей, прокормъ скота и на казенные, земскіе и мірскіе платежи-въ 36,1 милл. р.; на всв остальные расходы-уплата аренды, ремонть инвентаря, одежда, соль, требы и т. п.у крестьянъ курской губерніи остается, такимъ образомъ, 13,1 милл. р., или, въ среднемъ, 6 р. 76 к. на душу. Эта средняя губериская значительно колеблется по отдёльнымъ уёздамъ, и если въ тимскомъ, суджанскомъ, щигровскомъ убядахъ она поднимается до 9 — 10 руб. на душу, то въ фатежскомъ опускается до 4, а въ грайворонскомъ увздв до 2 р. 34 к. на душу. Колебанія дохода отдёльных в семей вы предвлахъ каждаго увзда не уступають, конечно, колебаніямъ среднихъ по-уёздныхъ цифръ, и если, напримёръ, предположить, что 1/6 часть домохозяевъ грайворонскаго увзда, прокормивъ себя и свой скоть, обсенвь поля и расплатившись съ фискомъ, сохранить въ своихъ варманахъ еще по 10 р. на каждую душу, составляющую ихъ семью, то это значить, что 5/6 населенія увзда не имвють никакого остатка для удовлетворенія своихъ нуждъ сверхъ хліба; а такъ какъ населеніе это не могло не расходовать денеть на уплату за арендованную землю, на ремонть орудія, на соль, деготь, керосинь, на ийкоторыя духовныя требы, на расплату съ наиболее настойчивыми кредиторами, и такъ какъ многообразныя подати населеніемъ этого увзда были уплачены полностью, то мы не можемъ избёжать заключенія, что большая часть крестьянь грайворонскаго увяда не могла удовлетворить своей продовольственной нуждё въ нормахъ, принятыхъ казенной палатой (18 пудовъ зерна и 8 пудовъ картофеля въ годъ на душу), и должна была существовать впроголодь. Въ такоиъ же положенім находится изв'єстная часть врестьянъ и въ другихъ убядахъ курской губерніи, и потому полуголодное существованіе въ самые благополучные годы должно быть признано нормальнымъ для значительнаго числа... не отверженцевъ общества, а настоящихъ вемледъльцевъ курской губерніи. Къ сожальнію, такое существованіе является обычнымъ состояніемъ многихъ земледальцевъ не курской только губернік и не центральнаго черноземнаго района; оно больше и больше распространяется по всей территоріи земледівльческой, по преимуществу,

полосы Россіи. "Прогрессирующее обезземеленіе крестьянства,—говорить, наприм'єрь, въ посл'єднемъ отчет вемскому собранію казанская у'єздная земскам управа,—общее разстройство сельскаго хозяйства, вызванное и вызываемое многими причинами, довели населеніе до такой степени об'єдн'єнія, что голодовка, буквальная въ продолженіе по крайней м'єр половины зимы, сд'єлалась нормальнымъ явленіемъ для большей части крестьянъ".

Воздержимся, однако, отъ пронивновенія въ мрачныя глубины народнаго ховийства, ограничнися самымъ близвимъ въ намъ итогомъ обследованія курской казенной палаты, заключающимся въ томъ, что на всв расходы, требующіе затраты денежныхъ средствъ, у курскаго врестьянина въ благополучномъ году освободилось 6 р. 76 к. на душу; изь этой суммы необходимо вычесть долю владёльца арендуемой крестьяниномь земли, уплачиваемую частью при заключеніи сдёлки, частью по снятін урожая, послё чего на личные расходы крестыянина останется пять рублей на душу. Столь низвій доходь земледільца естественнымъ образомъ вызываетъ вопросъ о ближайщихъ причинахъ тавого положенія діль, и разсматриваемое нами изданіе заключаеть нівкоторыя данныя для ответа на этоть вопрось. Самъ "Обзоръ" главную причину факта видить въ условіяхь сельскаго хозяйства. Но это лишь одна сторона дёла, значеніе которой будеть еще ослабляться по мъръ того, какъ, съ естественнымъ размножениемъ населения, крестыянину придется затрачивать меньше и меньше времени на сельскохозяйственную деятельность. Другую сторону вопроса о низкомъ экономическомъ уровив населенія нужно поэтому искать въ томъ, какіе доходы имъеть это население виъ области сельскаго хозяйства. Обращаясь за разъясненіемъ этого вопроса въ "Обзору податного состоянія курской губернін" и пользуясь им'вющимь тамь расчисленіемъ крестьянскихъ доходовъ по ихъ категоріямъ, мы разобьемъ этотъ долодь на две части: летніе и зимніе. Къ летнему доходу относится 32,3 милл. р. стоимости урожан, 3,7 милл. р. заработковъ по обработкъ полей мъстныхъ землевладъльцевъ и по крайней мъръ половина, т.-е. 4,6 милл. р., суммы, приносимой крестьянами съ отхожихъ промысловь, значительную часть которыхь составляють промыслы сельско-хозяйственные и строительные, т.-е. летнія занатія. Къ зимнимъ доходамъ мы отнесемъ остальную половину (4,6 милл. р.) суммы, вкрученной въ отходъ, и всъ 2,2 милл. р., полученные населеніемъ отъ кустарныхъ промысловъ, котя названнымъ промысламъ населеніе отдаеть и часть летняго времени. Итакъ, по самымъ преуменьшеннымъ разсчетамъ, въ теченіе восьми лётнихъ мёсяцевъ крестьяне курской губернін добывають болье 40 милл. р. или болье 5-ти милл. р. въ мъсяць; а по преувеличеннымъ разсчетамъ относительно четырехъ зимнихъ

мъснцевъ-заработки ихъ въ это время не достигають и 7-ми милл. р., или 2-хъ милл. р. въ мъсяцъ. Можно поэтому допустить, что доходность лътняго мёсяца курскаго крестьянина почти въ три раза превосходить доходность месяца вимняго. Объясняется это, комочно, темъ, что въ зимнее время, вообще, существуеть очень слабый спрось на трудъ. Увеличеніе этого спроса, иначе говоря—отврытіе сельскому населенір новыхъ источниковъ заработковъ въ періодъ времени, когда оно свободно отъ полевыхъ работъ-составляетъ поэтому важное условіе обезпеченія его благосостоянія. Значеніе этого условія будеть более и болье рости, такъ какъ, повторяемъ, населеніе прибываетъ, а площадь, подлежащая обработив, остается нензивнною; фабрики и заводы беруть очень мало рабочихь, и сыновьямь земледельца приходится тесниться на томъ самомъ поле, для обработки котораго достаточно было рукъ отца. Время, отдаваемое каждымъ изъ нихъ земледълію, будеть поэтому совращаться, но зато удлинится періодъ, которых они должны заполнить работами не-земледъльческого характера.-В. В.

- Очеркъ всеобщей и русской исторін, Миханла Коваленскаго. Москва. 1902.

Авторъ даеть написанный весьма сжато, но содержательно, поеторительный курсь исторіи для старшихь классовь среднихь учебныхь заведеній, предпосылая каждой исторической эпохё отдёльную характеристику и постепенно расширяя фактическія данныя, приводимыя въ курсъ, по мъръ приближенія ихъ къ настоящему времени. Въ число историческихъ факторовъ авторомъ введены-религія, философія и литература. Ихъ краткіе, но върные очерки у разныхъ народовь и на разныхъ ступеняхъ развитія человічества составляють главное достоинство труда г. Коваленскаго, за которымъ следуетъ признать, кроме того, строго выдержанную систематичность. У насъ приходится слышать, что разбору литературныхъ произведеній и философскихъ ученій-не м'істо въ учебникахъ исторія: для первыхъ существуєть курсъ словесности, для последнихъ-университетское преподаваніе, безъ котораго они не могуть быть правильно поняты и усвоены. Излишне доказывать оппибочность такого взгляда. Точки зрвнія историка и словесника на литературныя произведенія совершенно различны. То, что для словесника явится, напримъръ, въ трудахъ Руссо, образцомъ устаръдыхъ формъ творчества, стиля и изложенія, то для историка будетъ имъть громадное значение по своему вліянию на настроение умовъ, отразившееся на ходъ и событіяхъ французской революціи. Не всякому, даже и поступающему въ университеть, приходится слушать курсъ исторів философіи, и ознавомленіе съ нею, особливо въ такихъ выпуклыхъ

чертахъ, какъ это сделано г. Коваленскимъ—ничего кроме пользы принести не можетъ. Поэтому нельзя не признать эту книгу вполне принести не можетъ. Поэтому нельзя не признать эту книгу вполне принессобразною. Она не лишена, однако, и некоторыхъ недостатковъ, легко, впрочемъ, исправимыхъ. Такъ, напримеръ, пересмотренный державами (стр. 205) Санъ-Стефанскій трактатъ до такой степени чреватъ событіями", что следовало бы указать, ез чемъ именно заключался пересмотръ. Неверно, напримеръ, указаніе, что Чернышевскій сотрудничаль въ "Русскомъ Слове"... Едва ли также можно, несмотря на замечательные литературные труды К. Д. Кавелина по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, называть его главнымъ сотрудникомъ Александра II въ крестьянской реформе. Съ большимъ правомъ сюда могъ бы быть отнесенъ, напримеръ, А. И. Кошелевъ.—К.

— Народное образованіе въ Петербургі, Ю. Н. Лавриновича. Спб. 902.

Настоящій очеркъ составленъ по поводу совершившагося въ іюнъ 25-льтняго управленія петербургскою думою городскими начальными училищами, и уже по тому одному является вполнъ встати. У насъ, не такъ давно, въ отдълъ "Хроники", по такому же поводу, былъ помъщенъ краткій историческій обзоръ хода начальнаго народнаго образованія въ столицъ и современнаго его положенія. Авторъ очерка весьма наглядно изображаетъ результаты дъятельности городского общественнаго управленія на поприщъ народнаго образованія, въ видъ таблицы, изъ которой, напримъръ, видно:

					1055 -	1000 -
		·			въ 1877 г.	въ 1902 г.
1)	Число	жителей Петербурга			750.000	1.400.000
2)	77	начальных училищь			16	471
3)	n	учащихъ			800	28.000
4)	77	окончившихъ курсъ.			88	4.000
		SH SKOTH BEST			•	ir. 2.972
6)	Отпус	калось Лумою на школ	H .		14.000 p.	1.234.000 p.

Различіе въ пом'єщеніяхъ школь и ихъ внішней обстановкі до 1877 г. и послії того, какъ то видно изъ акта пріема училищныхъ квартиръ въ 1877 г. и настоящаго ихъ положенія, представляется несравненно большимъ, чімъ ихъ количественное отношеніе. Допуская нівкоторыя удобства отъ предпринятой городомъ въ посліїдніе годы постройки школьныхъ домовъ съ соединенными классами, въ 10, 12 и боліве классовъ, авторъ усматриваетъ тутъ и неудобство. Но такой взглядъ представляетъ собою чистое недоразумівніе. Каждый школьный домъ служитъ не боліве какъ на площади круга съ радіусомъ въ одинъ и не боліве полутора километровъ, а потому ни

Томъ VI.—Нояврь, 1902.

одному изъ учащихся не пряходится, и какъ то думаетъ авторъ, хедиъ болъе одного или полутора километра, или не болъе 20-30 минутъ, а такое движение въ течение дня было бы необходимо для ребенка в безъ школы. Если за предълами этого круга нътъ другого такого же школьнаго дома, то, конечно, тамъ должны оставаться училища въ частныхъ квартирахъ, пока въ ихъ центрв не будеть выстроенъ новый школьный домъ. Городъ, чтобы иметь право сосредоточить въ многоклассные школьные дома всё 470 училищь, должень иметь, по крайней мёре, 40 домовь съ 600 учащимися въ каждомъ; а въ такомъ случав едва ли бы нашелся хотя одинъ учащійся, который жиль би оть школы дальше одного километра (почти верста). Въ Берлина, гдв въ народныхъ училищахъ обучается свыме 250.000 детей (ученіе начинается съ 6-7-летнихъ и оканчивается 14-15-летними), тамъ имъется около 250 домовъ съ соединенными влассами; но и въ Берлинъ, въ отдаленныхъ частяхъ города, гдъ населеніе очень слабо, но, твиъ не менве, двти есть, и теперь существують училища въ наемныхъ частныхъ домахъ: какъ только населеніе увеличивается и является возможность построить школьный домъ на 600-700 человых, городъ немедленно приступаеть къ такой постройки. Везъ сомнина, тимъ же нутемъ долженъ идти и Петербургъ при дальнейшей постройке школьныхъ домовъ: школьный домъ, напримъръ, на 600 дътей, долженъ обслуживать такое пространство, чтобы на немъ жило такое же ихъ число, и при этомъ всв они должны быть отъ школы не далве одного или нолутора километровъ; за этимъ пространствомъ долженъ быть или построенъ новый домъ, или училища должны пом'вщаться по прежнему въ наемныхъ домахъ. А автору представлялось дело, вероятно, въ такомъ видъ: городъ отстроилъ домъ на 12 классовъ, и, вслъдствіе того, закрылъ 12 училищъ, на какомъ бы разстояніи они ни находились, хотя бы за три или четыре километра. Всёмъ извёстна постройка перваго школьнаго дома на Васильевскомъ Островъ, и что же?-туда было переведено всего 5 старыхъ училищъ и вновь открыты 7; но и это до такой степени не исчерпывало все дётское населеніе около этого дома, что и до сихъ поръ по сосъдству съ нимъ имъются 5-6 училищь въ частныхъ домахъ, -- другими словами, въ ближайшихъ окрестностяхъ съ этимъ школьнымъ домомъ, живутъ еще отъ 250 до 300 двтей, которыя не могли быть въ него приняты. — Z.

Въ теченіе октября, въ Редакцію поступили нижеслідующія новыя книги и брошюры.

Адамовъ, П.—Руководство къ веденію сочиненій въ среди, низшихъ учебшихъ заведеніяхъ и при домашнемъ обученія Рига. 903, Ц. 1 р. 75 к.

Арсеньева, С. Д.—Разсказы наъ русской исторіи. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к. Блитыша-Каменскій, Н.—Обзоръ визминкъ сноменій Россіи, по 1800 г.

Ч. IV: Пруссія, Франція и Швеція, М. 902. Ц. 3 р.

*Баранцев*ичь, В. С.—На волю! Разскавы для детей. Съ рис. въ тексте. М. 902. Ц. 20 к.

"Аруги". Разскавы для детей средняго возраста. Съ рис. въ тексть. М. 902. Ц. 20 к.

—— Пусть живеты Три разсказа для дётей старш. возраста. Съ рис. въ текств. М. 902. Ц. 20 в.

*Бернар*а, Лазарь.—Сопіальныя задачи юданяма и еврейскій народь. Перев. Н. Гевкера, п. р. Я. Сакера. Од. 903. Ц. 30 к.

Биберенга, фонъ-Редингъ.—Походъ Суворова черезъ Швейцарію, 24 сент.— 10 окт. 1799 г. Перев. Е. П. Мартынова. Сдб. 902. Ц. 1 р. 50 в.

Боюсловскій, Н. А.— Матеріады для ивученія нижнемізловой аммонитовой фауны центральной и Сіверной Россіи. Сь 18 налеонтологическими таблицами. Спб. 902.

Бадень-Паузль.-Въ помощь разведчикамъ. Спб. 902.

Боровиковскій, А. Л.—Бракъ и разводъ по проекту гражданскаго укожешіл. Снб. 902.

Брандесь, Г.—Собраніе сочиненій. Т. VI: Натурализмъ въ Англіи. Русскіе шкатели. Съ датск., п. р. М. Лучицкой. Кіевь. 902. Ц. за 12 т.—5 р.

Васимесь, А. А.—Вызантія и Арабы. Политическія отношенія Византіи и Арабовь за время Македовской династін. 817—950. Спб. 902.

Вересаевъ, В.-Разсказы. Т. И. Спб. 902. Ц. 1 р.

Висковатовъ-Висковитый, Пав.—В. А. Жуковскій, какъ народникъ. Спб. 902 г.

Висповскій, Вичеславъ.—Разсказы. Од. 902.

Головина, К. (К. Орловскій) — Полное собраніе сочиненій. Т. IV: Вий колен, ром., ч. 3, 4 и 5. Въ Свётлый праздникъ, разск... Т. V: 1) Театральный цийгокъ, ков. 2) На высоті, ром. Спб. 902. Ц. по 1 р. 25 к. томъ.

Гордовь, Г. И., д-ръ.—Сіонизмъ и Христіане. Спб. 902. Ц. 20 к.

Григорьев, Г.—Краткій курсь химін для средней общеобразовательной жили и для самообразованія. Изд. 2-е, исправленное. Одобрено Учен. Комит. Мян. народи. просвёщенія. Спб. 902. Ц. 80 к.

Гропа, К. Я.-Петръ Александровичъ Илетневъ. Сиб. 902.

В. А. Жуковскій въ Москві въ 1837 году. Спб. 902.

Грузимскій, А. Е.—Тридцать лівть жизни Учебнаго Отділа Общества распространенія технических знаній. Ст. 5 портр. и 65 біограф. М. 902. Ц. 1 р. Гуссов, С. С. (Слово-Глаголь).—Наши общественныя діла и безділье. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ефременновъ, В.—Заметка изъ исторіи славянофильства. Воронежъ. 902.

Ечениецъ.— Мысли о язывахъ. Учителя—Ученики—Учебники—Учебныя заведенія. Признави плохого преподаванія, плохого изученія, плохихъ учебниковъ в плохихъ школъ въ изученіи языковъ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Ж., А —Антовольскій и еврен. Весь доходъ съ изданія преднавначается авторомъ брошюры въ пользу бъдныхъ евреевъ гор. Вильны. Вильна. 902. П. 40 в.

Жисаго, С. П.—Задачи университетского преподаванія права въ Германів. Спб. 902.

Жидэ, П.—Гражданское положеніе женщины съ древивникъ времень. Съ франц., п. р. и съ предисл. проф. Ю. Гамбарова. М. 902. Ц. 2 р.

Зампсскій, В. Ф.—Левцін исторін философін права. Каз. 902. Ц. 3 р.

Зелинскій, В.—Собраніе вритических в матеріаловь для наученія пронаведеній И. С. Тургенева. Выпускь первый. Изданіе четвертос. М. 902. XI. 492 стр. Ц. 2 р.

Зиминъ, Н. II.—Научныя изследованія американскаго способа очищенія воды и примеры его примененія. М. 902.

——— По вопросу о порчѣ водопроводныхъ трубъ обратными токами электрическихъ трамваевъ. М. 902.

Зола, Эм.—Трудъ, ром. Съ франц. О. Н. Поповой. Спб., 901. Ц. 1 р. 50 г. Исполатовъ, К. К.—Мысли стараго врача. По поводу "Записовъ врача", Вересаева. Новоросс. 902. Ц. 40 к.

Іспансона, Ю. А.—Руководство для приготовденія простыхь, тонких в вегетаріанских об'йдовь. Съ 66 рис. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 902. Ц. 4 р.

Канторовича, Я. А.—Сборнива опредвленій 1-го Департамента Правительствующаго Сената по городскимъ и земскимъ дізамъ за 10 літъ (1890—1901 г.). 2483 опредвленія. Съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Спб. 902. П. 8 р. 50 коп.

Касторскій, Ф.—Сборникъ статистическихъ свёдёній по Московской губерніи. Т. IV, вып. VII: Можайскій уёздъ. М. 902. Ц. 75 к.

Косуновичь, Л. И.—Книга мелодій. Спб. 902. Ц. 60 к.

Крымьскый, А. Е.—Пальнова Гылля. Экзитычни поэвыя. 1898—1901 г. Звенигородка. 902. Ц. 50 к.

Кузьмина-Караваева, В. Д.—Пресъченіе способовъ уклоненія отъ свідствія н суда. Спб. 902. Ц. 40 к.

Кюльцъ, д-ръ Л.—Отвътъ на исповъдь врача Вересаева. М. 903. Ц. 50 к. Лагераффъ, Сельма.—Чудеса Антихриста, ром. Съ швед. М. Благовъщевскаго. Сиб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Макушевъ, Влад.—1) Противъ ученія гр. Л. Н. Толстого. Сиб. 901. 2) Quousque tandem!. Спб. 902. 3) Во имя истины, на польву родины. Сиб. 902. 4) Златоструй. Монмъ маленькимъ друзьямъ. Сиб. 902. Ц. 40 к.

Марко Вовчокъ.—Народни оповидания. Т. I и II. У Кынви. 902.

Мейси», В. Ф.—Россія въ дорожномъ отношеніи, въ 3-хъ томахъ, съ при доженіемъ 5 картогр. и картъ губерній. Изд. Хозяйствен. Деп. Мин. вн. дъль. Спб. 902. Ц. 6 р. 50 к.

Мижуевъ, П. Г.—Исторія колоніальной Имперіи и волоніальной политики

Англіи. Спб. 902. Ц. 1 р.

——— Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія "Новая Зеландія". Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Минаесть, И. П.—Путешествіе Марко Поло. Перев. съ старо-франц. тексть, п. р. В. Вартольда. Спб. 902.

Миропольскій, А. П.—Ліствица, поэма въ семи главахъ, съ предисловіемъ Вадерія Брюсова. М. 902.

*Моргулис*а, М. Г.—Вопросы еврейской живни. Собраніе статей. 2-е изд. Сиб. 902. П. 1 р. 50 к.

Моресь, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 7-е, исправл. по нов. свід. Спб. 902. П. 2 р.

Мутер, Р.—Исторія живописи. Т. И. Съ нем. п. р. В. Бальмонта. Спб. 902. Ц. 2. 50 к.

Мюря, Морись.—Еврейскій умъ. Съ франц. Е. Отоцкой. Спб. 902. Ц. 1 р. Некрасов, П. А.—Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человіческой діятельности. Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле. М. 902. Ц. 70 к.

Ожешко, Элиза.—Собраніе сочиненій. Т. ІХ: Два полюса. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т. 4 р.

Оминкова, К. Е.—О расколь на Низовой Псчеры. Спб. 902.

Остемью, Вильг.—Натурь-философія. Левція, читанныя въ Лейпциг. университетв. Перев. Г. Котляръ и М. Филипповъ. М. 902. Ц. 2 р.

Папковъ, А.—Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 г.). Спб. 902. Ц. 1 р. 50.

—— Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго стров. Спб. 902. П. 40 к.

Пискорскій, В. К.—Исторія Испавін и Португалін. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ренаръ, Жюль. -- Рыживъ. Съ франц. Э. Г. Харьк. 902. Ц. 40 к.

Реманъ, Эрн.— Собраніе сочиненів, т. VII: І. Философскія драны. ІІ. Философскія статьи. Съ франц. п. р. ІІ. Михайлова. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т.—5 р.

Рокотковт, А.—Мечты в Думы. Поэмы в ствхв. М. 902. Ц. 50 в. Рукавишниковт, Иванъ — Стихотворенія. Т. ІІ, Спб. 902. Ц. 1 р. 80 в.

Рыстенко, А. В.—Къ исторіи пов'ясти "Стефавить и Ихнилать" въ византійской и славяно-русской литературахъ. Од. 902.

Рышковъ, В. - Разсказы, 2-я книжка. Спб. 903. Ц. 75 к.

Сеятаовскій, В. В.—Жилищный вопросъ съ экономической точки зрінія. Вып. І: Жилищный вопрось на Западі. Вып. 1V и V: Жилищный вопрось въ Россів. Спб. 902. Ціна за всі 5 вып. 5 рублей.

Спребинкій, А. И., докторь.—Восинтаніе и образованіе слічняхь в ихъ приврініе на Западі. Съ чертежами въ тексті и 5-ю таблицами. Сиб. 903. Стр. 1024. Ц. 6 р.

Соколовъ, Г. А.—О В. А. Жуковскомъ. Астрах. 902.

Столяров, Н.—Аналитическое доказательство предложенной г. Туганъ-Варановскимъ политико-экономической формулы; Предёльныя полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ. Кіевъ. 902. Ц. 25 коп.

Степосича, А. І.—Ежегодникъ коллегін Павла Галагана. Годъ 7-й. Кіевъ, 1902 г.

Сумцовъ, К. О., проф.—В. А. Жувовскій и Н. В. Гоголь. Харьв. 902.

—— Очерки народнаго быта. Изъртнограф. экскурсін 1901 г. по Ахтырскому уваду, Харьк. губернін. Харьк. 902.

Темниковскій, Евг.—Редигіозная и гражданская форма заключенія брака проекту гражданскаго Уложенія. Кн. 2, Яросл. 902.

Тобилевичь, Ив.—Хазяннъ. Комедія на 4 дін. Кышвъ. 902. Ц. 10 к.

Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе стихотвореній. Драмы, поэмы, повіств, былины, бэллады, притчи, пісни, очерки. Спб. 903. Т. І и ІІ. Ц. 3 р.

—— Княвь Серебряный. Пов'єсть временъ Іоанна Грознаго. Т. IV Поднаго собранія сочиненій. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Трохимовичь, В. Ө.-Афоризмы. Спб. 902. Ц. 40 к.

Файгингеръ, Гансъ.—Нитцие, какъ философъ, съ портр. Нитцие. Съ 2-го нъм. изд. А. Малининъ. М. 902. Ц. 50 к.

Фирсаесь, П. П.—Матеріалы въ вопросу о кризисѣ вемской статистива. Спб. 902. П. 3 р.

Чайковскій, М.—Жизнь II. И. Чайковскаго. Т. III. 1885--1893 г. Вып. XXI. М. 902.

Чичають, Л. М.—Дневникъ пребыванія Цари-Освободителя въ Дунайской армін въ 1877 году. Изданіе третье (народное). Спб. 902. XVI и 426 столби. П. 60 коп.

Эразмъ Роттердамскій.—Похвала глупости. Перев. съ предисл., ввел. в примінаніемъ П. П. Ардашова, проф. Юрьев. унив. Юрьевъ. 902. Ц. 1 р.

Яркавскій, И. О.—Плотность світового зевра и оказываемое виз сопротивленіе движенію. Брянскі. 901. П. 25 к.

Асевич-Бородаевская, В. И.—Сектантство въ Кіевской губернін. Баптысти и Малёванны. Спб. 902.

Шекспиръ въ переводъ и объяспеніи А. Л. Соколовскаго. Удостоено Имп. Академіею наукъ въ 1901 г. полной Пушкинской преміи. Т. I—VIII. Изд А. Ф. Маркса. Спб. 1894—98. Каждый томъ—1 р. 25 к. П. за 8 том.—10 руб.

Штепенко, Вл.—Пособіе для историческаго изученія русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ч. І: Древній періодъ. Ч. ІІ: Эпоха преобразованій и Ломоносовскій періодъ. Ч. ІІІ: Карамзинскій періодъ. Сиб. 902. Ц. 2 р. 10 к.

Шубина, Ө. Г.—Мой отвёть защитникамъ ругины въ школьной географів. Спб. 902. Ц. 15 к.

Niederle, D-r Ludor.—Slovanske Starožitnosti. V Praze. 902.

- Monografie w zakresie Dziejów Nowożytnych, wydawca Szymon Askenozy. T. I: Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem. Mai—Grudzien 1815. Przez T. Bojasinskiego. T. II. Między Jena a Tylza. 1806—1807. Przez Macieja Loreta. Bapmaba. 902. II. 1 p. 60 k.
- "Архитектурный Музей". Художественно-архитектурный журналь—выходить 10 разъ въ годъ. Подписка: въ Спб.—10 р.; иногородимиъ—12 р.; за границу—14. Подъ редакціей Вл. Карповича. Вышло 6 выпусковъ.
- Военныя событія въ Катат. 1900—1901 гг. Съ 13 планами и карт. въ текстъ. Перев. съ франц. П. В. Будзко. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.
- Геомогическія изследованія вь золотоносных областяхь Сибири. Енисейскій золотоносный районь. Вып. III, съ картой. Сиб. 902.
- Медицинскій Отчетъ по в'ядомству учрежденій Имп. Марін 1899—1900.
 Спб. 902.
- Отчеть по въдомству Дітскихъ Пріютовь, состоящихь подъ непосредственнымь Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ за 1900 годъ-Спб. 902.
- "Промышленность и здоровье". Въсгникъ профессіональной гитівны фабричнаго и санитарнаго законодательствъ. Годъ І. П. р. Я. В. Погожева. Спб. 902. Подписка на 15 мъсяцевъ, съ 1 окт. 1902 по 1 янв. 1903 г.—8 руб.—Подп. на годъ (9 мъсяцевъ) 6 руб.; 1/2 года—3 р. 50 в.; 1/4 года—2 руб.

- Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетъ. Юрьевъ. 902. Ц. 2 р.
- Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Вып. 2: ч. 1 и 2. Правила отчетности съ объясненіями и образцами очетныхъ книгъ и записей. Спб. 902.
- Тевущая сельско-хозяйственная статистика Олонецкой губерніи. Вып. V: Извістія о состоянін сельскаго хозяйства и виіземледізьческих промисловъваселенія за зимній весенній періодъ (янв. и май) 1902 г. Петрозавод 902.
- Тысяча-девятьсотъ-второй годъ въ сельско-хозяйственномъ отношении, по отвътамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. 3. Спб. 902.
- Энцивлопедія семейнаго воспитанія в обученія. Вып. L: В. В. Поворинская, О пріученін дівочень нь домашнему козайству. Спб. 902. Ц. за всі 50 выпусковь—9 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

G. Reval. "Les Sèvriennes"; стр. 385. "Les Lycéennes"; стр. 309. Paris, 1902. (Librairie Ollendorff).

Современные французскіе романисты сосредоточились на описаніи опредъленной общественной среды-высшей буржуван и аристократическаго общества, т.-е. людей болье или менье праздныхь и потому болъе изощренныхъ въ своихъ чувствахъ. Мастера психологическаго романа, Флоберъ, а потомъ Зола и Мопассанъ, болъе широко понимали свою задачу, изображали всв влассы общества и затрогивали всь стороны душевной жизни. Но средняя масса ихъ последователей создала моду на чисто светскій романь, сводящійся въ описанію любовныхъ интригь въ праздномъ обществъ. Въ настоящее время начинается некоторан реакція противъ такой исключительности сюжетовъ, и въ беллетристикъ затрогиваются живые вопросы современной жизни; углубляется также вмёстё съ тёмъ идейное содержаніе. Большое вліяніе въ этомъ смыслів оказаль Анатоль Франсь, создавшій новый родъ беллетристики своими философскими романами изъ современной жизни; въ нихъ онъ съ безпристрастіемъ историка говорить о живой действительности, переплетая вымысель съ непосредственной передачей общественныхъ событій. Прим'връ Франса создаль ц'алый рядъ произведеній, отличающихся разнообразіемъ психологическихъ темъ, изображеніемъ иныхъ душевныхъ переживаній, чёмъ колебанія между выборомъ въ возлюбленные того или другого изъ друзей мужа въ романахъ Бурже, Онэ и др.

Къ числу такихъ болъе оригинальныхъ произведеній принадлежать дев книги Габріэли Реваль: "Les Sèvriennes" и "Les Lycéennes". Въ нихъ описывается жизнь и психологія французской интеллигентной дъвушки, готовящейся къ самостоятельной трудовой жизни. Эта тема нова во французской беллетристикъ. Въ виду моды на адпльтерный романъ французскіе романисты пренебрегають изображеніемъ молодыхъ дъвушекъ; онъ выходять у нихъ безцвътными существами, занятыми только нарядами и ожидающими пробужденія къ жизни въ замужествъ; съ легкой руки Марселя Прево, автора знаменитыхъ "Demi-Vierges", новъйшіе французскіе беллетристы стали удъцять вниманіе особой категоріи світскихъ дівушекъ съ развращенних воображеніемъ, соединеннымъ съ трезвой практичностью, но этоть типъ стоитъ совершенно особняюмъ во французской жизни, и изображая его, романисты все-таки не знакомять съ французской дівушеюй. На этоть пробіль во французской беллетристикъ часто указивали нівкоторые критики, говоря, что дві категоріи дівушекъ, встрівчаємыхъ во французскихъ романахъ, т.-е. нарядныя куклы, или, какъ ихъ называють, petites oies blanches, и новтійшее изобрітеніе романистовъ, demi-vierges, далеко не исчерпывають типовъ французскихъ дівушекъ. и что изученіе женщины до замужества несомивно обогатило бы психологическое содержаніе французскихъ романовъ.

Объ книги Габріэли Реваль посвящены именно находящейся въ пренебреженін у модныхъ беллетристовь средней французской дівушкв въ томъ періодв, когда она заната развитіемъ своихъ умственныхъ силъ и приготовленіемъ нъ самостоятельной діятельности. Въ первой книжев, "Sèvriennes", говорится о двичикахь, проходящихъ университетскій курсь въ высшей женской школь въ Севрь, гдь онь готовятся въ государственной службе въ вачестве "профессоровъ" въ женскихъ лицеяхъ. Во второй, "Lycéennes", разсказъ о жизни "севріеновъ" дополняется описаніемъ преподаванія и быта женскихъ лицеевь, и характеристиками разныхъ типовъ учениць, молодыхъ дввушекъ въ возрасть отъ 16 до 21 года. Объ книги имъють документальный интересъ, въ особенности первая, написанная съ большой любовью къ женской alma mater, т.-е. къ Севрской школе, и въ особенности съ большимъ пониманіемъ и сочувствіемъ въ тажелой во многихъ отношеніяхъ судьбі дівушекъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ во Франціи.

Книги г-жи Реваль—не первыя въ своемъ родѣ. Психологію подростающей дѣвушки и разныя стороны школьнаго быта пытался изобразить извѣстный и несомиѣнно очень талавтливый романисть Вилли
въ своей прошумѣвшей книгѣ "Claudine à l'école", за которой послѣдовали двѣ другія, "Claudine à Paris" и "Claudine en ménage".
Успѣхъ "Claudine à l'école" и побудилъ вѣроятно г-жу Реваль написать свои книги. Въ нихъ многое напоминаетъ первую книгу Вилли,
и въ описаніяхъ иѣкоторыхъ подробностей школьныхъ нравовъ, и въ
манерѣ изложенія. Книга Вилли—дневникъ разбитной дѣвочки-подростка, понимающей и судящей о томъ, что происходить вокругъ нея
въ школѣ и въ жизни; она совершенно свободна отъ условностей
обыденной морали, глядить бевъ всякихъ иллюзій на жизнь, ничѣмъ
не возмущается и относится ко всему съ большимъ юморомъ. Такіе же типы чистыхъ душой, но понимающихъ жизнь и принимающихъ

все въ ней съ непосредственнымъ юморомъ, изображены въ объихъ книжнахъ г-жи Реваль, --- и это доказываеть правдивость обонхъ авторовъ. Они не выдумывають своихъ героинь, а беруть типы, созданные долгими въками культуры. Во Франціи, въ особенности въ Парижћ, въ среднемъ кругу, гдв двтей не удаляють искусственно оть жизни, и молоденькая девочка не можеть оставаться наивной: она все видить и понимаеть, причемъ, конечно, можеть сохранить неприкосновенно чистую душу. Г-жа Реваль тоже предпочитаеть форму дневниковъ въ своемъ изложеніи, какъ болье непосредственно передающую впечатленія действительности. Только у неи дневникь ведется не одной героиней, а насколькими школьницами разныхъ типовъ, въ перемежку съ письмами къ роднымъ и подругамъ; лишь отчасти повъствованіе ведется отъ лица автора. Но сходство "Sèvriennes" и "Lycéennes" съ "Claudine à l'école" ограничивается только этими вившими чертами, сходствомъ манеры изложенія, и общностью нъкоторыхъ тиновъ. Самый духъ книгъ-иной, можно даже сказать противоположный, вызванный отчасти протестомъ противъ выводовъ Вилли о психологіи подростающей французской дівушки. Вилли-томористь и скептикь; онь вкладываеть свое философское равнодущие къ вопросамъ нравственности въ душу молоденькой давушки, превращаеть ее въ зоркаго наблюдателя окружающей грязи, и затемъ, въ дальнъйшихъ книгахъ, показываеть, какъ, начиная съ енстинктивнаго отвращенія въ жизненному уродству, она постепенно сама утопасть въ немъ. Все это описано остроумно и мътко, но въ этомъ нътъ исихологін молодой дівушки, которая, естественно, делжна быть боліве занята своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ, чёмъ обличеніемъ окружающихъ. Г-жа Реваль, напротивъ того, раскрываеть внутрению жизнь молодой францувской девушки, доказываеть, что эта жизнь богата серьезными мотивами, и затёмъ рисуеть условія, въ которыя поставлена въ жизни серьезно работающая девущка въ современномъ французскомъ обществъ. Все это наиболъе выясняется въ цервой книгь "Sèvriennes", дающей совершенно иное представление о средней французской дъвушев, чемъ то, которое установилось по романамъ общаго типа.

Въ "Sèvriennes" описывается жизнь воспитанницъ Севрской школы отъ того момента, когда оне приступають къ конкурсному экзамену для поступленія, и до окончанія школы и начала самостоятельной педагогической діятельности. Отношеніе автора къ Севрской школь, — двоякое. Самая школа, занятія, духовная среда, въ которой живуть воспитанницы, даже внёшнія условія жизни "севріонокъ" въ уединенномъ прекрасномъ Севрів, среди зелени вікового парка—все это ей кажется идеальнымъ, и она очень краснорічиво описываеть радости

севрской жизни. Но на судьбу девущекъ, воспитывающихся тамъ, она смотрить съ большимъ пессимизмомъ и приводитъ множество примъровъ разочарованій и страданій, ожидающихъ ихъ по выходё изъ шволы. Эта противоположность между темь, что высшее образование могло бы дать французской дівушкі, и что оно въ дійствительности ей даеть, очень характерна для Франціи, и поэтому документальная сторона книги представляеть большой интересь, въ особенности для иностранцевъ, а въ частности для русскихъ. Получается любопытная параллель между отношениемъ къ высшему образованию женщинъ во Франціи и въ Россіи. У насъ дъвушка видить въ высщемъ образованін-цёль, ищеть въ ней удовлетворенія своимъ умственнымъ запросамъ, -- а для француженки университетское образованіе только необходимость, вызванная экономическими условіями. По даннымъ г-жи Реваль, въ Севръ стремятся поступить лишь тѣ дѣвушки, которымъ необходимо въ будущемъ зарабатывать себъ клъбъ. Севрская школа — великольшное обезпеченіе. Стонть только выдержать, — правда, очень трудный, требующій огромной подготовки, --конкурсный экзаменъ для вступленія, и жизнь покатится какъ по рельсамъ: три года вполев обезпеченной, спокойной жизни въ школф-на государственвый счеть, среди интересных занятій, и прекрасной, почти роскошной обстановки; а по окончаніи сразу получается місто учительницы, для лучшихъ (и, конечно, имъющихъ протекцію) ученицъ въ какомъ-нибудь изъ парижскихъ лицеевъ, для другихъ--- въ провинціи, съ приличнымь овладомъ и возможностью повышенія. Но, вступая на этоть путь, французская девушка знасть, что она какъ бы отрезала себя оть общества, --- она становится своего рода монахиней. Женщина-профессоръ почти не можеть разсчитывать на замужество, такъ какъ у нея въть приданаго, и кромъ того слишкомъ высокій уровень образованія отпугиваеть французскихъ мужчинъ средняго круга, дёлаетъ въ ихъ глазахъ ученую севріенку вакимъ-то существомъ средняго пола. Ей предстоить безрадостное существование учительницы, особенно тягостное, если она попадаеть въ провинцію, гдё предравсудни въ обществъ еще сильные. Пробужденные въ ней умственные интересы не находить удовлетворенія въ дальнійшей си жизни, потому что преподавание въ Севръ имъетъ слишкомъ спеціальный характеръ. При своей широтъ и серьезности программы, цъль преподаванія сосредоточена исключительно на подготовленіи въ педагогической діятельности; воспитанницы становятся хорошими профессорами, очень звающими, но совершенно не пригодными ни къ литературной, ни въ научной дъятельности. Соотвътствующая Севрской школъ Ecole Normale для мужчинь имветь другой характерь; изъ нея вышло множество ученыхъ и писателей. Высшее же образование женщины, поскольку о немъ заботится государство, имфетъ только одну правтическую цёль. Въ хорошо образованныхъ и уиственно развитыхъ женщинахъ французское общество не нуждается-онъ нужны только государству въ качествъ чиновниковъ-учительниць для средней школы, и только о подготовив таковыхъ заботится Севрская школа. Дввушки, попадая ціной тажелых усилій вь этоть женскій университеть, роковымъ образомъ подчиняются этой исключительной цели. Если занятія наукой и возбуждають въ нихъ жажду самостоятельной дёятельности, то оне отъ этого только более несчастны. Отказаться отъ матеріальнаго обезпеченія, которое даеть имъ государство, слишкомъ рискованно, такъ какъ только необходимость жить собственнымъ трудомъ побуждаеть ихъ вступить на путь университетской науки; а исполеня свое назначеніе, т.-е. вступая въ должность оплачиваемыхъ государствомъ учительницъ, онв неминуемо теряютъ всякую индивидуальность въ своей работъ. Воть каковы результаты преподаванія въ женскомъ университеть во Франціи, и рисуя ихъ такими, г-жа Реваль даеть върное освъщение "женскому вопросу" во Франціи. Когда говорится о томъ, что французская женщина стоить на низшемъ уровнъ развитія, чъмъ женщины другихъ странъ и въ частности русская женщина, то это вовсе не значить, что у нихъ меньше научныхъ знаній. Напротивъ того, программа Севрской школы не уступаеть любому университетскому курсу, и по своей научной подготовкъ любая севріенка не только выдержить сравненіе, но въроятно и преввойдеть учащихся женщинь и въ Россіи, и въ другихъ странахъ. Но отношеніе въ наукъ-иное; занятіе ею вызвано не свободной жаждой знанія и умственной работы, а экономической необходимостью, и составляеть для французской девушки своего рода несчастіе, заставляеть трудящуюся севріенку завидовать обезпеченнымъ дівушкамъ, которымъ не нужно учиться. Во время ученія онъ увлекаются своими занятіями, ихъ внутренняя жизпь несомивно болве богата, чъмъ жизнь обезпеченной дъвушки, по все-же онъ чувствують себя заранве изгнанницами въ обществв. Въ этомъ, конечно, виноваты общественныя условія, предубъжденіе противъ умственныхъ занятій для женщинъ, но виновато также и само преподавание въ Севръ, слишкомъ сосредоточенное на профессіональныхъ цёляхъ.

Сознавая эту печальную сторону высшаго образованія женщинь во Франціи, г-жа Реваль указываеть въ своей книгѣ и на положительныя стороны женскаго университета въ Севрѣ. Что бы жизнь на готовила этимъ будущимъ учительницамъ, годы, проведенные въ школѣ, полны свѣтлыхъ впечатлѣній, высокихъ умственныхъ интересовъ. Подъ вліяніемъ умственнаго труда углубляется и личная жизнь севріенокъ; ихъ чувства, ихъ отношенія къ жизни и людямъ стано-

вятся болве сознательными, болве содержательными, чемъ переживанія ихъ праздныхъ сестерь, живущихъ въ оранжерейной обстановкъ. Кром'в того, есть большое интинное очарование въ полу-монастырской уединенной жизни этой общины молодыхъ дъвушекъ (число воспитаннить, живущихъ въ Севръ, - шестьдесять), передъ которыми распрывается обаяніе литературы и искусства, которыя углубляются въ серьезное изучение философии и науки, и при этомъ молоды и любятъ жизнь, ваняты въ свободное время всякаго рода развлеченіями и живутъ личной живные, любять, полны надеждь на будущее, веселятся въ нетимномъ кругу, не думая о томъ, что жизнь можеть ихъ обмануть. Школу свою онъ всь любять, такъ какъ она не стъсняеть свободы н обогащаеть ихъ внутренній міръ. Пова он'в въ школ'в, судьба ихъ можеть измениться. Такъ какъ среди севріенокъ есть много красивыхъ и интересныхъ девущекъ, то оне надеются избегнуть чиновничества въ будущемъ. Всё онё мечтають о замужестве, такъ какъ ннымъ путемъ, путемъ свободной умственной работы, онъ не могутъ избавиться оть предстоящей имъ учительской діятельности—а она можеть только обезпечить ихъ, но не удовлетворить. Но во всякомъ случав, пока онв въ школв, жизнь ихъ интересна и полна впечатлвній, и это очень красноріччно изложено въ книгі г-жи Реваль. Она изображаеть группу воспитанниць, очень различныхь-по характеруодна отъ другой и сохраняющихъ свою индивидуальность среди общей жизни и общихъ интересовъ.

Khura "Sèvriennes" начинается съ описанія пріемнаго экзамена въ Сорбоннъ. Толиа вандидатокъ собирается на дворъ Сорбонны и идуть оживленные толки о шансахъ разныхъ кандидатокъ. Воспитанницы лучшихъ лицеевъ держатся очень самоувъренно, заранъе убъжденныя въ своемъ успъхъ. Сопровождающія ихъ учительницы дають последнія наставленія, напоминають методы, которыхь следуеть держаться при разработкъ письменныхъ темъ. Въ группахъ кандидатокъ, подготовлявшихся въ экзамену не въ лицеяхъ, а дома, болве подавленное настроеніе. После письменнаго экзамена происходить устный, и въ описаніи, напримеръ, экзамена по философіи, видно, какъ много знаній, и въ особенности развитія, требуется огъ кандидатокъ для вступленія. Наконецъ, испытанія кончены, принятыя кандидатки торжествують, отвергнутыя съ грустью возвращаются въ работв, чтобы попытать счастья черезъ годъ. Описаніе жизни и происшествій въ школ'в ведется, главнымъ образомъ, отъ лица героини, Маргариты Тріэль, которая записываеть всв свои впечатленія въ дневнике. Маргарита восторженная и вдумчивая девушка, которая живеть более сердцемь, чемъ умомъ, и потому въ ея записвахъ отражается эмоціональная сторона севрской жизни. Ей нравится обстановка школы, паркъ. ся соб-

ственная уютная комнатка; она любить красоту во всемь, радуется своей собственной красотъ и полна мношеской восторженности. Она судить о профессорахъ и учительницахъ по ихъ отношеніямъ въ ученицамъ, и ее огорчаетъ холодность начальницы шволы, ея слишкомъ оффиціальное отношеніе въ воспитанницамъ. Совсвиъ въ другомъ родв сведенія, которыя даеть о школе задорная, веселая парижанка Берта Пасси, которая пишеть частыя письма своему отцу, поэту, живущему на Монмартръ, причемъ называеть его "mon vieux Jules", и пищеть на пересыпанномъ жаргонными выраженіями языкі. Среди дівушевъ, поступившихъ вивств съ нею, есть другіе типы, --есть практическая педантва, занятая исключительно пріобрітеніемъ знаній, съ цілью лучше устроиться въ жизни; ока ни съ къмъ не входить въ близкія отношенія, боясь терять время, употребляя даже свободные часы для изученія ивмецваго и англійсваго явыковь. Занятія не интересують ее по существу; она хочеть отличиться, чтобы потомъ получить лучшее мъсто и корошо устроиться. Это-будущій идеальный чиновникъ, и въ шволъ ее не любатъ. Красавица Андріена учится очень усердно, но ен цъль-не наука. Она больше разсчитываеть на свою прекрасную наружность и кокетничаеть съ профессорами. Есть еще нъсколько другихъ типовъ, - болъзненная, истеричная Анжель, которая пылаетъ пламенной дружбой то къ одной, то въ другой воспитанницв. Въ внигв подробно описаны самыя занятія въ школь, лекцін профессоровь по философіи и исторіи, работы воспитанниць на разныя отвлеченныя темы. По описаніямъ видно, вакая серьезная подготовка дается учительницамъ. Въ споражъ съ профессоромъ философіи онв засыпаютъ его цитатами изъ нъмецвихъ и англійскихъ философовъ и своими собственными сужденіями. Общимъ любимцемъ ученицъ является изящный профессорь литературы, который увлеваеть всёхъ лекціями о поэзіи.

По дневникамъ и письмамъ ученицъ, по ихъ бесёдамъ между собой, съ воспитательницей и профессорами, выясняется двойственный характеръ школы. Съ одной стороны, профессора читаютъ совершенно свободно, посвящаютъ ученицъ во всё тонкости искусства и мысли, волнуютъ ихъ молодыя души обсужденіемъ страстей и чувствъ, воспётыхъ лучшими поэтами, и воспитываютъ ихъ умъ изложеніемъ философскихъ теорій; съ другой стороны, имъ постоянно твердятъ воспитательницы и репетиторши о педагогической цёли преподаванія, о томъ, что не нужно слишкомъ высоко заноситься въ своихъ цёляхъ, а помнить, что имъ предстоитъ обучать дѣвочекъ. Программа, которую проходять въ школъ, поражаетъ своей широтой, и работы ученицъ, о которыхъ говорится въ книгъ, показываютъ, что въ самомъ дѣлъ онъ научаются мыслить и самостоятельно работать. Нс

это развитіе и становится губительнымъ при данныхъ условіяхъ. Боле посредственныя ученицы менёе страдають. Онё усордно учатся, рады, что работа имъ дасть обезпеченіе, и не терзаются тамъ, что всявая самобытная работа кончится для нихъ съ окончаніемъ шволы. Но у более выдающихся начинается разладъ въ душе, и это развиваеть въ нихъ преобладаніе эмоціональной живии надъ умственной. Это сказывается въ судьбв Маргариты Тріэль. Она переживаеть, во время пребыванія въ Севр'в, тяжелую личную драму. Умираеть ен горячо любиман подруга, Шарлотта, невёста молодого художника, къ которому Маргарита привязана какъ въ другу. Послъ смерти Шарлотты дружба въ художнику превращается въ любовь. Художникъ тоже полюбиль Маргариту, но жениться на ней не можеть, потому что даль невъсть слово передъ смертью никогда не жениться. Тогда Маргарита ръшается свободно послъдовать за любимымъ человъкомъ. считая себя его женой передъ Богомъ, если не передъ людьми. Она кончила Севръ, но отназывается отъ мъста, чтобы следовать за своимъ возлюбленнымъ. Умственное развитіе, которое ей дала школа, сказывается такимъ образомъ въ нравственномъ освобожденіи. Большинство другихъ идуть по нам'вченному пути и становятся учительницами. Въ книгъ разсказывается печальная участь нъкоторыхъ ученицъ по окончаніи школы. Одна изъ севріеновъ, попавшая въ глухую провинцію, кончасть самоубійствомь; она не можеть примириться съ компромиссами, на которые ей приходится идти, съ общественными предразсудками, противъ которыхъ возмущается ея пробужденное сознаніе. Процвётають въ дальнёйшей жизни лишь среднія натуры, которымъ школа дала знаніе, но не развитіе.

Такимъ образомъ, въ книге г-жи Реваль раскрывается трагивмъ положенія образованной дівушки въ обществі, которое кореннымъ образомъ протестуетъ противъ поднятія умственнаго уровня женщинъ. У французской дівушки есть возможность работать и стать самостоятельнымъ человъкомъ, но если она не исключительно сильная натура, то ей предстоить печальная участь. Такова идея квиги, очень интересная для характеристики французскаго общества. Помимо этой основной идеи, книга интересна своей документальной стороной, описаніями севрской жизни и указаніями на то, какъ серьезно ведется тамъ преподаваніе, вопреки общераспространенному мивнію о необразованности и неразвитости французской дівушки. Очевидно, что французская девушка имееть полную возможность—даже больше, чъть въ другихъ странахъ-получить весьма основательное научное образование и развитие. Если же она уклоняется отъ этого пути, то вина надаеть на французское общество, относящееся съ предубъжденість къ образованію женщины.

Вторая внига г-жи Реваль, "Lycéennes"— менве серьезна; въ ней слишкомъ чувствуется вліяніе "Claudine à l'école" Вилли. Въ ней разсказывается исторія молоденькой воспитанницы лицея. Ученье ее не особенно привлекаеть; она наблюдаеть за школьными нравами, и ніжоторыя сцены описаны довольно остроумно въ письмахъ героник въ ея старшей сестрів. Но она сама мало интересуется ученьемъ; ее влечеть въ сторону искусства, и въ силу своихъ художественныхъ стремленій она почему-то різшаеть стать танцовщицей, иміля высокое представленіе о хореграфическомъ искусствів. Эта книга съ документальной стороны менве интересна, чімъ предъидущая, но всетаки и въ ней обрисовывается психологія французскихъ дівушекъ менве условнаю типа, чімъ тів, которыя описываются въ большинствів французскихъ романовъ.

II.

Hans Ostwald. Verworfene. Crp. 219. Berlin. 1902 (Julius Bard, Verlag).

Гансъ Оствальдъ-недавно выступившій молодой німецкій писатель, авторъ сборника разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ "Verworfene" ("Заброшенные"). Онъ сразу обратиль на себя общее вниманіе, чему способствовали нівкоторыя особыя обстоятельства. Въ Германін, вакъ нав'єстно, им'єсть удивительный усп'яхъ Максимъ Горькій; онъ привлекаетъ нёмецкихъ читателей ухарствомъ своихъ стихійныхъ героевъ и своимъ протестомъ противъ нивеллирующей власти культуры. Горькій нравится въ Германіи также экзотичностью своихъ разсвазовъ, новизной описываемой имъ среды, оригинальностью типовъ и положеній. Увлеченіе Горькимъ возбудило интересь и къ молодому нъмецкому писателю, Оствальду, нъсколько напоминающему Горькаго. Въ сборникъ "Verworfene" описываются бродяги, любящіе свободу своей грустной жизни, и разные люди, выброшенные изъ упорядоченныхъ условій общественной жизни. Нікоторые критики прямо называли автора "Verworfene" подражателемъ Горькаго, что вызвало протесты со стороны Оствальда. Оказывается, что Оствальдъ самъ принадлежить отчасти къ описываемой имъ средв, что опъ провель долгіе годы среди лишеній, быль настоящимь бродягой. Книга его была написана прежде, чемъ Горькій сталь известень въ Германіи, но онъ не могь найти издателя для нея до последнихъ поръ. Только теперь, когда успъхъ Горькаго создалъ моду на босяковъ въ Германін, Оствальдъ проникъ въ литературу, и книга его сразу была замъчена. Онъ, поэтому, не подражатель Горькаго, но, какъ оказывается, успахомъ своимъ онъ обязанъ вліянію русскаго писателя.

"Нёмециимь Горькимь" Оствальда нельзя назвать, хотя это и дълають накоторые намецкіе критики. Между намецкимь и русскимь писателемъ есть ивкоторое сходство. Оба они вышли изъ рабочей среды, и оба описывають не интеллигентное общество, и не деревию. а городской пролетаріать и даже низшіе его слои, бродять и людей. вореннымъ образомъ неспособныхъ къ упорядоченному труду. Оба они дунають находить поэзію и силу въ людяхь, отказывающихся оть матеріальныхь благь ради свободы; но на этомъ сходство между ними и кончаются, --- не говоря о томъ, что Оствальдъ, судя по крайней мъръ но его первой книги, кажется ниже Горькаго по таланту, и отношеніе его въ своимъ героямъ совершенно иное. Горькій видить грядущую силу въ неиспорченныхъ культурой свободныхъ людяхъ; Оствальдъ же-совершенно напротивъ того: онъ, какъ и всякій образованний человъкъ, видить спасеніе въ культурів и въ подчиненіи законамъ общества, и потому жалветь "отверженныхь" за ихъ неспособность къ правильному труду, изображаетъ ихъ очень несчастными, погибаршеми от своей роковой неприспособленности къ общественнымъ условіямь, оть преобладанія необузданных инстинктовь надь разумомь.

Самый крупный и интересный разсказъ въ книге Оствальда посить навваніе "Menschen vom Wege". Герон этого разсказа наиболье близки въ босяванъ Горьваго, по силъ говорящаго въ нихъ инстинета своболы. но, въ противоположность большинству героевъ Горькаго, они безсильны н возбуждають жалость. Это-погибщіе люди, хотя и не лишенные нитереса въ своемъ добровольномъ уклоненіи отъ законовъ общества. Въ разсказъ говорится о двухъ друзьихъ, старикъ Рихардъ и молодомъ Рольфрицв. Оба они-бродяги, живуть поданніемъ, проводять ночи въ ночлежныхъ домахъ, питаются отбросами и по цёлымъ днямъ бродять вдвоемъ и философствують. Подъ вечеръ жаркаго, утомительнаго дня они устансь у реки, свесивь ноги въ воду, чтобы освежиться, и задумчиво глядять вдаль. По реке проезжаеть лодка; въ ней силять веселыя, одётыя по-празденчному женщины въ сопровожденіи молодыхь людей; ихъ костюмы, выражение лиць, нарядный видь лодкивсе свидетельствуеть о довольстве покойной, правильной жизни. Рольфригь следить за удаляющейся лодвой и неожиданно говорить своему спутнику, что ему тоже бы хотелось быть "человекомъ, такимъ, какъ всв". узнать, что такое довольство, не питаться отбросами, не искать пріюта въ ночлежныхъ домахъ. Старикъ Рихардъ съ грустью и презрвніемь выслушиваеть его слова. Онь-бродяга по убъжденію, и думать, что его молодой пріятель вполнів съ нимъ сходится; вырвавшіяся у Рольфрица слова возбуждають въ немъ горькое чувство. Старикъ Рихардъ знаетъ, что значитъ "быть человекомъ", такъ какъ въ теченіе своей долгой жизни все испыталь, работаль въ молодости,

Digitized by Google

имъль деньги, любиль женщинь, а потомъ ему изменила жена, обмануль другь, за котораго онь поручился; онь все потераль и быстро опустыкся до бродяжничества. Теперь онъ доволень. Отсутствие потребностей дало ему свободу; онъ полюбиль ее и хотель бы привить своему молодому другу то же полное преврвніе жъ сытости, связанной со страданіями, хотель бы застанить ого полюбить свободу виню всего. Ошь со злобой и душевной мукой говорить: "Ну, что-жь, иди, стань человъвомъ, иди работать на другихъ". Но прежде чемъ послать его на работу, Рихардъ излагаетъ Рольфрицу свой дичный анти-общественный идеаль свободы, сложившійся у него на основаніи горькаго опыта. "Увъряю тебя,--говорить онъ,---лучше всего не прививываться ни въ кому и ни въ чему... Презирать всякую собственность, всякое чувство, быть равиодушнымь, совсёмь равнодушнымь, --- воть что въ жизни лучше всего. Тогда ничто не причиняеть боли. И въ сущности все принадлежить наждому. Когда я вижу красивый садъ, развъ я наслаждаюсь менже, чемь его собственникь? И тоть тоже можеть только глядеть на свой садь. И когла я вижу красивые лома. они приналлежать мив также, какь и холинну. Они отпечативнаются въ моемь мозгу-значить, они мои. И точно также все, леса и поли, статуи и нартины, даже женщины,---все, что я вижу, остается вы моемъ сознанін, а это-самое главное. Непосредственное же наслажденіе всімь этимь въ действительности-не имееть значенія; все дело-въ томъ, что происходить во мет, въ моемъ сознания". Рольфринъ склонается на доводы старина, но онъ кочеть самъ испытать все, оть чего отказался стариев, кочеть пожить "какъ человъкъ". Старинь отвъчаеть на его решеніе резкимъ насмешливымъ смехомъ и вичего не говорить. Рольфрицъ увлеченъ своей мечтой, видить себя въ воображения одътымъ вявъ всь, довольнымъ и сытымъ человъвомъ, и ръщесть найти себъ работу. Онъ униженно проситъ хознина дома рекомендовать его катальщикомъ бълья въ прачешную и, хорошо зная жадность хозянна, объщаеть ему пятнадцать процентовь изъ своего жалованы. Хозяннъ хоти и заявляеть ему превебрежительно, что не нуждается въ его грошахъ, но все-же не равнодушенъ къ предложению бродаги и доставляеть ему м'ясто. Рольфриць ложится спать съ решимостью подняться до зари и пойти на работу; но у него поднимается странное чувство въ душт; ему кажется, что онъ совершаетъ какое-то преступленіе противъ Рихарда, что онъ оснорбляеть вакую-то святыню. Рихардъ влобно сиветси надъ нимъ, сврыван свое огорчение подъ напускной гордостью; онъ спрашиваеть Рольфрица, наих долго ему придется вонить деньги и голодать, чтобы стать человёкомь, и даже намекаеть на то, что ужъ лучше добыть богатство другить, болье быстрымь путемъ. Рольфрицу страшно, но онъ понимаеть, что

огорчить старика, что за осо цванизмомъ сврывается дружесвое чувство. Утренняя кутерьма поднимающихся до разсейта рабочить будить старика, и онъ ворчить, что ему не дають скать. Разсерженние его ворчаньемъ рабочіе обзывають его тупежддемъ за то, что от спить по утрамъ и "врадеть у Бога день". На это стариять отявляеть изложениемъ своикъ теорій о свободі; онъ доказываеть, что еси вто воруеть у Господа Бога день, то это именно они, рабочіс. "Ви,-говорить онъ имъ,-предете у Бога дии. Воть вы бъжите еще прежде чёмъ солице встало, вапригаетнов въ ярмо и тянете лямку до воздей ночи. Не для того создаль Господь Богь врасоту дня. Дарами Госнода, нужно наслаждаться, а не злоупотреблять. А вы это дывете-значить, вы воруете у Бога дни". Въ этихъ словахъ выражается персинистическая философія автора. Его "бродяга по приндину" оправдываеть правдность, какь протесть противь уродства живи, вож блага которой призрачны, и въ которой трудъ является не свободнымъ проявленіемъ силь, а насильственной обузой, лишающей пользованія естественными радостями бытія.

Рольфриць чувствуеть внутрениюю правду въ злобныхъ парадовсагь старика, и съ тажелымъ чувствомъ идеть на работу, которая должна осуществить его мечту, превратить его въ такого человека, кать вск. Въ первый день работа у него спорится — въ прачешной ниъ довольны. До начала работы у него происходить маленькое столкновеніе съ городовымъ, принявшимъ его за бродигу, но, увлеченный мыслями о-новой трудовой жизни, онъ не чувствуеть нанесенной ему обиды. Онъ справляется съ работой раньше другихъ и спешить нъ своему другу Рикарду. Онъ идеть по улицъ съ гордымъ чувствомъ человека, исполнившего свой долгь, но его выводить изъ его светлего настроенія человівть, котораго онъ нечаянно толкнуль локтемъ. Этотъ человъвъ оказывается чваннымъ сердитымъ купцомъ. Онъ возмущенъ дереостью оборвыша, задъвающаго "приличныхъ" господъ, и обрушивается градомъ ругательствъ на Рольфрица. Тотъ старается выяснить недоразумьніе, извиняется въ своей нечаянной оплошности, объясняеть, что онъ не тунеядець, а рабочій, трудившійся весь день. Но вупець продолжаеть ругать "заанающихся" бродягь и грозить полиціей. Собравшаяся вокругь нихъ толиа советуеть Рольфрицу пустить въ дело кулаки, такъ какъ увъщаніями на самодовольнаго филистера подъйствовать нельзя. Но Рольфрицъ сдерживаетъ накипающій въ немъ гивы-онъ чувствуеть себя слишкомъ правымъ, чтобы прибытнуть къ силь, и хочеть убъдить своего обидчика въ его заблужденіи. Только тогда, когда толпа расходится и купецъ тоже собирается уйти, Рольфрицъ нагоняеть его и въ ръзвихъ выраженияхъ объясняеть ему несправединвость и грубость его выходии. Но послё этого столкновенія

онъ продолжаетъ путь уже более подавленный и съ меньшей верой въ спасительность и благость трудовой жизни. Вотъ онъ провель день за тажелой работой въ мрачномъ, сыромъ подваль, гдв номъщается прачешная, а въ результатъ-его же осворбиль и назваль тунеядцемъ человъкъ, не имъющій никакого права считать себя выше его. Рихардъ встричаеть своего пріятеля съ грустнымь видомъ, тщетно сврываемымъ подъ маской равнодущія и насмінность. Онъ не хочеть разл'ялить съ Рольфрицемъ ужина, купленнаго на заработанныя деньги, и угощаеть его припасенной имъ самимъ колбасой. Въ бесъдъ со старикомъ Рольфрицъ все болъе пронивается разочарованіемъ къ начатой имъ трудовой жизни, и съ жаромъ разсказываеть объ ужась дня, проведеннаго въ подваль, объ обидь, нанесенной ему на улиців, говорить о радости, испытываемой имъ теперь въ разумной бесъдъ съ другомъ. Лицо старика проясияется по мъръ того, какъ говорить Рольфрицъ. Вечеромъ, когда оба они укладываются спать, Рольфрицъ откровенно говоритъ, что работа его не радуетъ и что ему ничего не стоить отказаться оть міста въ праченной. На слідующій день онъ поздно приходить на работу, плохо исполняеть свое дъло и равнодушно выслушиваетъ упреки хозяевъ. Выйди на дворъ за бъльемъ по порученію хозяйки, Рольфрицъ видить тамъ старика Рихарда, который очутился туть, очевидно, съ целью следить за своимъ другомъ. Рольфрицу пріятно уб'єдиться въ привизанности въ нему старика, и когда онъ возвращается катать былье въ подваль, мысле его далеки отъ работы. Ему кажется страннымъ, что онъ здесь работаеть, въ то время какъ старикъ бродитъ въ одиночествъ, проса подаянія. "А відь пріятно, — думается ему, — бродить по улицамъ, ходить изъ дома въ домъ съ вечнымъ опасеніемъ, что, бить можетъ, и въ следующемъ доме тебе ничего не дадутъ. Здесь же, въ подвале, смертельно скучно". И думая объ этомъ, онъ внутренно улыбается, радуясь, что старикъ его такъ любитъ. Работа совсемъ не удается ему, и онъ уходить, отказавшись отъ мъста. Ему сразу становится легче на душть, и онъ спъшить обрадовать старика своимъ ръшеніемъ. Онъ быстро выходить изъ прачешной, нагоняеть Рихарда, идеть съ нимъ подъ дождемъ; они поднимаются на холмъ, откуда отврывается видъ на городъ, и тамъ садится отдохнуть. "Ну, что-жъ, -говорить колко старикь, -- ты теперь станешь человакомь, будешь заработывать иного денегь, будешь богать-перестанешь знаться со всвии нами". "Я вовсе не говорилъ, что не буду знаться съ вами" --отвъчаеть Рольфриць, весь вспыхнувъ. "Да какъ же, когда на тебъ будеть хорошее платье, ты отъ насъ уйдешь". Говоря это, старикъ уже понимаеть, что Рольфрицъ навсегда вернулся въ нему, и самъ объясняеть ему, что нначе оно быть не могло. "Ты не моженць стать челов'вкомъ какъ всі, — говорить онъ ему. — Какъ только тебі чтонибудь станеть поперекъ дороги, ты все бросишь. Ты не сможешь жить спокойно; тебі пришлось бы постоянно бороться за клібов, за свободу. Слишкомъ много тревоги въ твоей душів... Такъ что же ты намізренъ теперь дівлать? Пойдешь со мной?"—"Если позволищь", кочеть сказать Рольфрицъ, но не можеть произнести ни слова оть волненія и молча идеть за старикомъ подъ дождемъ.

Стихійный инстинкть свободы одержаль верхь надъ разсудкомъ въ душі Рольфрица, и онъ добровольно отказался отъ благь обезпеченой жизни. Исторія человіна, стоящаго на перепутьи между культурой и свободой, и разрішающаяся побідой идеала свободной личности, разсказана съ большимъ подъемомъ и им'веть символическій зарактерь на фоні ярко обрисованной реальной дійствительности. Босякъ представлень не какъ типъ, не какъ грядущая, будто бы, общественная сила, какъ у Горькаго, а какъ воплощеніе свободной личности, презирающей блага культуры, поскольку они достаются ціной рабства и труда изъ-подъ палки.

Въ остальныхъ повъстяхъ и малонькихъ разсказахъ Оствальдъ тоже изображаеть людей, или органически неспособныхь къ правильной жизни, или выбитыхъ изъ колеи тяжелыми обстоятельствами. Такь, въ разсказъ: "Въ четвертомъ классъ", описывается очень сжато и драматично сценка на вокзалъ передъ вагономъ четвертаго класса. Увзжаеть молодой человыть, очень истомленный съ виду, съ сврымъ, вздутымъ лицомъ, съ шировими шрамами на лицъ, въ поношенной одежде и съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ. Его провожаеть мать, бледная старая женщина, въ опрятномъ темномъ платье, и старшій брать. Мать и брать возбужденно говорять, въ чемъ-то усиленно убъждають отъбзжающаго; онъ же молча ихъ слушаеть, куря короткую трубку, и только передъ отходомъ повяда произносить отрывисто нъсволько словъ: "Ничего, теперь все пойдеть на ладъ. Воть увидишь, мама. Я стану другимъ человъкомъ". Въ этихъ словахъ-вся судьба "отверженнаго", который тешится надеждой, что завтрашній день все изменить, хотя онъ самъ знаеть, что ему спасенія неть. Въ вагоне выясняется личность юноши. Онъ мечтаеть о томъ, какъ начнеть работать, какъ будеть поддерживать старуху-мать, но, глядя на свои руки, думаеть о томъ, какъ тажела и непривычна ему работа. Въ вагонъ очень шумно, путешественники знакомятся между собой, появляется среди путешественниковъ слепой скрипачь, потомъ итальянецъ-музыканть, ведутся разговоры, всв шутять и смеются-юноша забываеть о настроеніи, съ которымъ увхалъ. Когда одинъ изъ путешественнивовь выходить на одной изъ ближайшихъ станцій, онъ видить, глядя въ вагонъ съ платформы, какъ интересовавшій его

воноша, съ шрамами на лицѣ, модносить ко рту принасенную ниъбутылку водки. Вся несложная, но тяжелая драма безнадежно-погибней жизни намѣчена въ этихъ двухъ номентахъ—прощанія съ матерью в возврата къ отравивней уже живнь юноши страсти. Въ разсказѣ "Епtwurzelt" изображена судьба молодой женщины, роковымъ образомъ гибнущей вслѣдствіе ивиѣны любимаго ею человѣка; въ "Каптот" представленъ старикъ, униженний судьбой и спасающій отътакого же униженія молодого человѣка. Онъ учить его отместись кътому, что можеть казаться униженіемъ, какъ къ подвигу сакоотреченія. Во всѣхъ разсказахъ ивображены люди, выблюшіеся или вибитые изъ колеи, любящіе по-своему свободу, но не сильные, какъ у Горькаго, а жалкіе; всѣ они изображены художествению и ярко, и въ этомъ—главное достоинство книги.—З. В.

изъ общественной хроники.

1 ноября 1902.

Увиверситетскам реформа и річь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвіщенія.—Своеобразная децентрализація, пропов'ядуемая въ "Гражданнив".—Пересмотрь Городового Положенія 1892 г. въ приміненіи къ одному городу Петербургу.—Вопроси: о способів зам'ященія должности городского голови; о распростравеніи избирательнаго нрава; о порядкі производства выборовъ; объ исполнительныхъ комминесіахъ.

Первое засъдание коммиссии на которую возложено было разсмотръніе вопроса о преобразованім высшихъ учебныхъ ваведеній, состоялось 30-го сентября. Управляющій министерствомъ народнаго просв'ященія отерыль его рычью, вь которой, какь и слыдовало ожидать, указаль не содержаніе предстоящей работы, а только ся предёлы и задачи. Программа, намъченияя въ извъстномъ циркуляръ П. С. Ванновскаго, остается въ селъ; измънению подвергнется, быть можеть, лишь формумироска поставленныхъ ею вопросовъ. "Мы призваны" — свазалъ г. управляющій министерствомъ — "продолжать діло П. С. Ванновскаго"... Это можеть быть понято не только какъ признаніе заслугь бывшаго министра, но и какъ ручательство въ томъ, что широко задуманное преобразование не будеть сведено къ частичнымъ поправванъ и полу-мерамъ. Еще большую гарантію успеха мы видимъ въ стадующихъ словахъ Г. Э. Зенгера: "всявія новыя законодательныя предположенія должны считаться со ввглядами и настроеніемъ такъ общественных деятелей, на воторых государство возлагаеть непосредственное выполнение закона. Опыть последнихъ восемнадцати лёть повазаль, что университетскій уставь 1884-го года во многомъ существенномъ не согласуется съ убъжденіями тёхъ самыхъ академических органовъ, которымъ поручено практическое проведение устава. Последствія такого разлада новели, съ одной стороны, къ целому ряду фактических отступленій оть закона, допущенных отчасти даже весьма своро послё изданія устава, съ другой-къ тому, что, подчинясь укаваніямь устава, которымь они не могли сочувствовать, совыты, факультетскія собранія и вообще члены профессорских корпорацій не сознавали себя отвітственными за всі ті неудовлетворительные результаты или тяжкія явленія академической практики, въ которыхъ усматривали связь съ особенностями устава. Неудивительно, возтому, что со стороны университетских советовь получились на

запросъ министерства во многомъ сходные между собою отвёты относительно нежелательности сохраненія въ силь нькоторыхъ изъ положеній устава 1884-го года". Признавая важность "взглядовъ и настроеній", распространенныхъ среди общественныхъ дъятелей, г. управляющій министерствомъ народнаго просвіжненія идеть прямо вы разръзь съ возэръніемъ, часто берущимъ верхъ въ оффиціальныхъ сферахъ-возэрѣніемъ, въ силу котораго намѣренія властей должны и могуть быть проведены въ жизнь, какой бы они ни встретили въ ней отголосовъ, вакую бы ни вызвали оценку со стороны лиць, ближайшимъ образомъ въ нимъ прикосновенныхъ. Вивсто того, чтобы объяснять неудачу въ примъненіи закона злою волей или неумълостью исполнителей, Г. Э. Зенгеръ ищеть и находить ся причину въ отсутствін гармонін между обязанностью и убіжденіемь, между внішнимь и внутреннимъ долгомъ. Именно потому онъ и придаетъ значеніе единодушію отзывовь, направленныхь противь устава 1884-го годаединодушію, въ которомъ съ рутинной точки врінія нетрудно было бы усмотрёть результать тенденціозной стачки недовольных элементовь. Совершенно върно опредъленъ въ ръчи Г. Э. Зентера и смыслъ отступленій оть устава 1884-го года, начавшихся чуть не вслідть за его изданіемъ. Законъ, согласованный съ потребностями и мивніями среды, не могь бы сразу стать, въ нёкоторыхъ частяхъ, мертвой буквой, не могь бы вступить въ силу только для того, чтобы тотчасъ же потерять ее.

Чемъ крупне преобравованіе, темъ многочисленне и разнообразнее обстоятельства, оть которыхь зависить его судьба. Возлагать слишкомъ большія надежды на отдёльную меру, какъ бы она ни была важна сама по себъ, значило бы идти на встръчу неизбъжному разочарованію. Отсюда оговорка, сділанная въ річи Г. Э. Зенгера. Незатронутыми, по его словамъ, останутся, и при возможно правильномъ разрешенін организаціонных вопросовь, "серьезные факторы, вліяющіе на успъшность дъятельности и на благополучіе разсадниковъ научнаго образованія въ Россіи. Многія важныя причины, осложняющія нормальное теченіе академической жизии, коренятся въ явленіяхъ, не поддающихся воздействію высшей шволы. Эта последняя, сопривасаясь съ обществомъ, имъетъ дъло со слушателями, переживающими разнообразныя визшкольныя вліянія... Безошибочных и чудодействонных способовъ устраненія всёхъ печальныхъ сторонъ нашей академичесвой жизни нието изъ насъ, конечно, не знаетъ". Чтобы окончательно убъдиться въ томъ, что законодательство, регулирующее собою ходъ высшаго образованія, не можеть быть разсматриваемо ванть нівчто самодовивющее, въ себв самомъ заключающее всв условія услувка или неудачи, стоить только припомнить положение, занимаемое въ машей

всторін обоими послёдними университетскими уставами. Уставъ 1863-го года быль первымъ изъ тёхъ законодательныхъ актовъ, которые являмись естественнымъ результатомъ освобожденія крестьянъ: за нимъ послёдовали, менёе чёмъ въ два года, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, судебные уставы, законъ о печати. Уставъ 1884-го года, наобороть, послужилъ началомъ перемёнъ, совокупность которыхъ составляеть столь яркій контрастъ съ эпохою великихъ реформъ. Понятно, что и судьба новаго университетскаго устава во многомъ будетъ зависёть отъ того мёста, которое будетъ ему дано въ общемъ теченіи нашей государственной жизни.

Задача, которую предстоить разрышить коммиссіи, принадлежить. безъ сомивнія, къ числу трудивишихъ, твиъ болве, что одновременно сь университетами преобразованы должны быть и другія высшія учебныя заведенія. Относиться къ этой реформъ "съ легкимъ сердцемъ" могутъ только тв, для кого, въ сущности, совершенно безразличенъ ен результать. Кто "свободенъ отъ науки", кто видить въ учевости и въ ученъв чуму, заражающую государство, тому, конечно, все равно, къ чему приведутъ занятія коммиссіи — если только онъ вь душть не желаеть имъ политыщей неудачи. Ничвиъ другимъ, кромъ непониманія или злорадства, нельзя объяснить, наприм'връ, сов'яты, которые даеть коммиссіи редакторь "Гражданина". Новый уставь долженъ, по его мивнію, имвть "для студентовъ" три-четыре пункта, обязывающіе ихъ посінцать лекціи и вести себя "съ уваженіемъ къ наукъ, къ начальству, къ самому себъ и, затъмъ, перечисляющіе права, соединенныя съ окончаніемъ университетского курса. "Все остальное"-продолжаеть кн. Мещерскій-, совсимь не дило устава. Это дело каждаго университета установить свои обычаи. Хотять сходки-пускай ихъ дёлають по курсамь, хотять судь, хотять кассу -пускай устраивають, лишь бы все это происходило въ ствиахъ университета, вив учебнаго времени и подъ ответственностью самихъ студентовъ. Одно изъ двухъ: или студенты настолько вврослы и развиты, что на нихъ можно положиться — тогда дайте имъ устраивать свои внутреннія діла, какъ хотять; или они діти-тогда нечего толвовать о судё, о сходкахъ и т. п.". Либеральный повидимому, такой упрощенный способъ разрёшенія спорныхъ вопросовъ таиль бы въ себь, на самомъ дъль, величанщую опасность. Чего не досказываетъ завонь, то опредъляется у насъ, какъ извёстно, наказами, инструкціями, административными распоряженіями. Молчаніе университетскаго устава относительно сходовъ, кассъ и т. н. было бы безотлагательно истолювано въ смыслъ совершеннаго ихъ запрещенія—или восполнено подробивищими указаніями и приказаніями начальства. Нужно жить вив времени и пространства, чтобы вврить въ возможность регламен-

таціи студенческой живии, созданной самими студентами и безпрепятственно приводимой въ исполненіе. Безусловно немыслемъ, притомъ, устроенный этимъ путемъ университетскій судъ — немыслимъ потому, что судъ долженъ быть облеченъ властью, а власть можеть быть дана только завономъ. Или, быть можеть, автономія, проектируемая кн. Мещерскимъ, должна принадлежать не студентамъ, а университетамъ, т.-е. профессорскимъ коллегіямъ? И въ такомъ случав все свазанное нами сохраняеть свою силу. Руководящія начала, отсутствующія въ уставв, были бы овтронрованы манистерствомъ народнаго просвъщенія; университетскимъ совътамъ было бы предоставлено только ихъ примъненіе, безъ права измънять или дополнять ихъ сообразно съ мъстными условіями. Мы очень хорощо знаемъ, что и законъ, въ русской жизни, не всегда оказывается твердымъ и непоколебимымъ, что рядомъ съ нимъ или вопреки ому совершается многое, имъ непредусмотренное или прямо запрещенное; темъ не мене только на его почве возможна хотя некоторая устойчивость, только имъ признанное и санкціонированное имъеть хоть нъкоторую живнеспособность. Уставъ 1884-го года до крайности ограничилъ внутреннюю свободу университетской жизни;---иодиять уровень этой свободи и внести ее въ тъ сферы, гдъ ся не было даже при дъйствіи устава 1863-го года, можеть только ясное и опредълениое слово новаго Saroha.

Что скрывается за просторомъ, обманчиво рисующимся въ проектъ кн. Мещерскаго-это показываеть, впрочемь, одинь изъ пунктовь самаго проекта, по которому студенть, въ теченіе недъли не посыщавшій лекцій и не представившій свидётельства о болёзни, считается выбывшимъ изъ университета!!.. Повторяя одно изъ саныъ неудачныхъ и неудобонсполнимыхъ нововведеній 1884-го года, этоть нункть свидетельствуеть о томъ, что редакторъ "Гражданина" разсматриваетъ студентовъ именно какъ детей, требующихъ постояннаю надзора и, следовательно, неспособныхъ къ корпоративной жизни. Еще ясиве настоящее настроение ви. Мещерского проглядываеть въ указаніи на пропускъ, будто бы допущенный въ программ'в коммиссія: невилючение въ нее вопроса о числе студентовъ, "вибщаемыхъ" каждимъ университетомъ. Разсмотрвнію коммиссіи этоть вопрось не нодлежить вакъ потому, что онъ можеть быть разрёшень лишь отдельно для каждаго университета, такъ и потому, что противъ чрезиврваю увеличенія числа студентовъ, насволько око действительно затрудняеть правильный ходъ занятій, уже давно принимаются мітры. Стремленіе возвести частный вопрось на степень общаго равносильно, въ данномъ случав, замаскированному желанію просто ограничить распространеніе высшаго образованія, установивъ для каждаго факультета максимальныя, по возможности невысокін нормы слушателей. Идеаломъ современныхъ газетныхъ обскурантовъ до сихъ норъ, въ этомъ отношеніи, остаются порядки, существовавшіе у насъ въ самомъ вонцъ сороковыхъ и началъ патидесятыхъ годовъ, когда число студентовъ въ здъщнемъ университетъ было доведено до 300!

Своеобразная децентрализація, предлагаемая "Гражданивомъ" для университетовъ, составлиетъ, съ ивкоторыхъ поръ, его idée fixe, проповъдуемую имъ съ особою настойчивостью. Возставая противъ опроса увадныхъ и губерискихъ комитетовъ, предпринятаго совъщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, кн. Мещерскій выражаеть убъжденіе, что "если каждой мъстности предоставить полную свободу рёшать свои сельско-хозийственные вопросы, сообравно своимъ мъстнымъ нуждемъ и условіямъ, то въ огромномъ большинстве случаевъ вишель бы толеъ, и сельско-хозяйственные вопросы, посяв ряда ошибокъ, были бы решаемы удовлетворительно. Гарантер вь томъ служили бы инстинкты самосохраненія и собственныхъ интересовъ. Вотъ вамъ свобода, вотъ вамъ средства, выпутывайтесь кагь знаете, сказало бы правительство каждому увяду-и увзды стали бы выпутываться". "Зачёмъ возбуждать умы"---читаемъ мы въ слёдующемъ "Дневникв" — "непроизводительною и неосуществимою консультаціонною работою, когда такъ легко каждой губерній и каждому увзду предоставить рёшеніе своихъ сельско-хозяйственныхъ задачъ. вать они могуть и котять, подь выслания выдыність пубернатора? Зачёмъ нужно создавать въ провинціи, подъ предлогомъ консультаціи, очаги оппозиціонной болтовни"? Въ подчеркнутыхъ нами словахъразгадка системы, рекомендуемой кн. Мещерскимъ. Объщая свободу, она оставляеть въ неограниченной силв связанность по рукамъ и ногамъ и полную подчиненность. И теперь сельско-хозяйственные вопросы, насколько они пріурочены къ данной м'встности, р'вшаются на мъстъ, мъстними учрежденіями, но учрежденіями ограниченными въ средствахъ, ограниченными въ своемъ личномъ составъ, ограниченными въ своей самостоятельности. Пока существують всё эти ограниченія, нівть основанія ожидать, чтобы увады и губерніи "выпутались" изъ своихъ затрудненій. Какое же изъ ограниченій предлагаетъ отивнить или смягчить ки. Мещерскій? Ограниченіе въ средствахъ, т.-е. финсацію земскихъ смёть? Нёть, потому что право земства установлять земскіе сборы кн. Мещерскій называеть правомъ грабить и разорять землевладъльцевъ". Ограничение въ личномъ составъ, т.-е. цензовыя условія, стъсниющія участіє въ земской дъятельности? Объ этомъ "Гражданинъ" не говорить ни слова, да нельзя

и ожидать отъ него сочувствія расширенію избирательнаго права. Ограничение самостоятельности? Что оно остается въ силь, на это прямо указываеть "высшее въдъніе" губернатора 1). И при большей, впрочемъ, независимости земства, при большемъ обилін личныхъ к матеріальных силь, оно не могло бы обойтись, во многих случанхь, безъ государственной поддержки. Указать формы и виды этой поддержки-одна изъ задачъ, предстоящихъ увзднымъ и губернскимъ комитетамъ. Ларчикъ открывается, следовательно, не такъ просто, вакъ увъряетъ кн. Мещерскій. Если его огорчаеть и безпоконть опросъ, предпринятый совъщаниемъ, то причина этому-совсвиъ другая. Въ "привлечении мъстныхъ умовъ въ государственной работъ" редакторъ "Гражданина" видитъ "повтореніе того, что было въ конць пятидесятыхъ годовъ по отношенію къ крестьянскому вопросу". Губерискіе комитеты напоминають ему агонію крівпостного права----въ его сердив воскресаеть скорбь по дорогомъ ему покойнякъ. Онъ, очевидно, боится, какъ бы дъятельность комитетовъ не стала опять для правительства исходной точкой крупныхъ преобразованій, глубово антипатичныхъ хвалителямъ "добраго стараго времени". Съ напускнымъ равнодушіемъ, сквозь которое ясно просвёчиваеть тревога. онъ говорить объ обращении комитетовъ въ "либеральныя говорильни, искусственно насаждающія оппозицію". Провинція, по его мижнію, "все-таки получить не то, что ей нужно, а то, что выработается въ центрв централизаціи". Что получить провинція--это покажеть будущее; пока хорошо уже и то, что она имбеть возможность высказаться и пользуется ею сравнительно широво и свободно. Соединеннымъ усиліямъ "Гражданина" и "Московскихъ В'ёдомостей" не удастся извратить значение факта, совершающагося передъ нашими глазами. Къ чему бы ни привели комитетскія работы, послів нихъ трудно будеть закрывать себв глаза насчеть настоящихь нуждь и желаній оусскаго общества.

Что постановленія увздныхъ комитетовъ, свидѣтельствующія о необходимости перемѣнъ съ цѣлью улучшенія въ юридическомть положеніи врестьянъ, вызываются не "фрондерствомъ", не стремленіемъ къ "либеральной болтовиѣ", какъ полагаетъ "Гражданинъ", а суровою дѣйствительностью — доказательствомъ этому можетъ служить между прочимъ, сообщеніе, полученное нами на дняхъ изъ богородицкаго уѣзда (тульской губерніи). Нѣсколько врестьянъ подали жалобу въ губернское присутствіе по слѣдующему случаю. Въ минув-

¹⁾ Что понимаеть кн. Мещерскій подъ этимъ "висшимъ відініемъ" — видно изъ сітованій его о томъ, что "губернаторскую власть растрепали и распцепали но всевозможнимъ коллегіальнимъ учрежденіямъ, съ правомъ хозямис губернін на одинъ голось между двадцатью членами".

шемъ августв мъсяцъ домохозяева одной деревии оыли вызваны въ камеру вемскаго начальника. Оть нихъ потребовали тамъ составленія общественнаго приговора о передёлё ихъ надёльной земли. Четырнадцать изъ нихъ отказались исполнить такое требование и были оштрафованы-важдый отвазавшійся пятью рублями, сь заявленість, что штрафъ будеть сложенъ сь тахъ, воторые изманять свое инвніе и согласятся на передвлъ. Два дня спусти, въ эту деревню прибыли волостной старшина и волостной писарь и настояли на составлении приговора о передълъ, а у несогласныхъ, которыхъ къ тому времени осталось десять, тотчасъ же отобрали по двё овим. для продажи на покрытіе штрафа. Еще нісколько дней спустя, приговорь о передъль быль приведень вы исполнение, безъ требуемой закономъ повърки на мъстъ, при чемъ обработанная и приготовленная въ посъву ржи земля отобрана у однихъ домоховлевъ и передана другимъ-нельзя, при этомъ, кстати не замътить-безъ установленнаго для подобныхъ случаевъ вознагражденія. Какой результать инсла поданная десятью врестьянами въ губерисвое присутствіе жалоба-еще не известно; но въ этомъ случай важна самая возможность вышеприведенныхъ фактовъ, которые, конечно, теперь будуть проверены компетентною властью. Распоряжение надвльною землею должно исходить. по закону, изъ свободнаго согласія владільцевь или того большинства, воторое, при данныхъ условіяхъ, требуется закономъ. Никамъ, ни въ вакомъ случав, это согласіе не должно быть вынуждаемо; влоупотребленіемъ является даже слишкомъ усердный уюворъ, если онъ идеть отъ лица облеченнаго властью. Никакая хозяйственная дъятельность не ножеть быть успёшна, когда хозяннъ не обезпечень отъ посторонваго вившательства, отъ давленія на его волю. Не можеть спокойно смотръть на будущее, не можеть, слъдовательно, быть и предпримчивымъ тотъ, кто постоянно рискуеть арестомъ или штрафомъ за простое пользование своимъ правомъ, за желание действовать по собственному убъяденію, а не по чужимъ приказамъ. Происшествіе въ этой деревив обнаруживаеть съ особенною ясностью значение взысканій, налагаемых на основаніи ст. 61-й положенія 12-го іюля 1889-го года; оно даеть возможность оцінить по достоинству врокодиловы слезы "Гражданина", оплавивающаго "вастрированіе" дисвреціонной власти земскаго начальника (т.-е. признаніе за сенатомъ права пов'врять законность примъненія ст. 61). Право, принадлежащее земскимъ начальникамъ, за силою ст. 61-й, действительно можеть быть названо "несчастнымъ" — но не въ томъ смыслъ, какой даеть этому слову "Гражданинъ", выражающій имъ мнимую незначительность, безобидность права, а въ самомъ прямомъ, буквальномъ значении слова.

Число крестьянъ, сознающихъ всю тяжесть своего положенія, уве-

личивается, при томъ, съ важдымъ годомъ. Съ особенною ясностью это совначие выразилось нь заниски врестьянина Носкова, представленной имъ въ вовровскій (владимірской губерніи) увядный комитеть. "Мъщанивъ, кукецъ, дворяникъ" — читаемъ мы въ этой запискъ 1),— "всь имьють свои права, только не имьеть иль престыянить. Я, воть, престьянинь: меня пригласили въ засъданіе, и я говорю; а если комунибудь мон слова не понравятся, завтра же меня посадять подъ аресть, и некому мив жаловаться... Въ продолжение последнихъ одиннадцати леть престыянское населеніе несравненно обеднело, стало бъдныхъ много больше... Бъдности земледъльца есть главная причина: стеснение и неравенство врестьянина съ другимъ гражданиномъ. Нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдеть ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управленія врестьянниу сь другими сословіями, т.-е. купцомъ, м'ящаниномъ и проч., и освободить икъ отъ нервшенныхъ судомъ врестовъ и проч. Если только правительство найдеть со своей стороны это возможнымъ, тогда черезъ нять или шесть лёть у крестьянъ явятся умъ, опособность, деньги, своть, машины и земледъльческія орудія; однимъ словомъ, все, что нужно для вемледілія, расчистки земли и проч. Въ то время состоятельный крестьянинь не будеть стремиться отъёздомъ на чужую сторону по наспорту или переходомъ въ другое сословіе, а будеть дорожить родиной. А если не будеть благоугодно правительству уравнать врестьянина съ другими сословіями и оставить врестьянское населеніе въ текущемъ настоящемъ положеніи его правленія, тогда не могуть никакія другія условія и старанія правительства уничтожить бъдность и поднять благосостояніе врестьянина и его земледъліе, потому что престыянинь при настоящихь обстоятельствать его положенія не старается разводиться земледівлість, скотоводствомъ и проч.. а стремится выбхать по паспорту на чужую сторону, или же перечислиться совсёмъ въ другое сословіе, чтобы этимъ ивбавиться отъ нервшенных судомъ непріятностей". Неужели после прочтенія этих простыхъ, но, очевидно, вылившихся изъ наболъвшаго сердна словъ, вто-нибудь, вром'в "Гражданина", решится утверждать, что юридическое положение крестьянь не имфеть ничего общаго съ ихъ хозяйственными нуждами?...

Приближается, какъ надобно думать и желать, къ концу пересмотръ Городового Положенія въ примъненіи его къ одному Петербургу, предпринятый еще при прежнемъ министръ внутреннихъ дълъ. Съ осо-

¹⁾ Приводемъ ее въ извлеченіи, а подробное изложеніе ел см. въ № 259 "С.-Петербургскихъ Вёдомостей".

бенного подробностью обсуждались въ двухъ совъщаніяхъ, созванвых г. министромъ внутреннихъ дълъ, В. К. Плеве, вопросы о способъ вывшенія должности городского головы, о порядкі производства выборовъ, о расличении избирательнаго права и объ исполнительныхъ коминесіяхъ. Всв представители городского общественнаго управленія, участвовавшіе зъ сов'вщанін (въ томъ числів трое бывшихъ городскихъ головь), высказались, суди по гаветнымь сообщеніямь, за избранів горедского головы и его товарищей (которыхъ, на основании проекта, предволагается почему-то два). И въ самомъ деле, где основание думать, что недостатии столичного городского управления зависёли, въ вакой бы то ни было мёрё, оть выборнаго характера должности городсвого головы, утверждавшагося, притомъ, Высочайшею властью? Нодавались ли городскіе головы влінейю избравшаго ихъ большинства, старались ли они удержать за собою его расположение, въ особенности порда приближались новые выборы? Наобороть, бывали нерадво случаи столеновеній между большинствомъ и городскимъ головой. Упадало ли инбраніе на людей мало способимув, мало подготовленнихь въ труднинь обизанностямъ городского головы? И на этотъ вопросъ придется отвётить отрицательно, если припомнить всё обстоятельства единственнаго избранія, могущаго, съ перваго взгляда, служить источникомъ нареваній противъ городской думы 1). Если этоть городской голова, сворбе назначенный, нежели избранный, и потому вавъ будто соединявшій въ себ'в всё условія для блестащаго исполненія обязанностей этого вванія, не всегда оставался на высоте положенія, не всегда играль выдающуюся роль въ городской думв, не всегда достаточно трудился въ городской управъ, то это объясняется, поимо несовершенствъ избирательной системы и разныхъ побочныхъ обстоятельствъ, соединениемъ въ рукахъ головы такихъ совершенно несовитестимых функцій, какъ председательство въ управе, т. е. въ исполнительномъ органв городского управленія, и предсвдательство въ думъ, призванной руководить управою и контролировать ся дъятельность. Здёсь, а не въ способе замещения должности, главный узелъ вопроса. Если земское самоуправление удалось, вообще говоря, лучше городского, то оно обязано этимъ, между прочимъ, именно етділенію председательства въ земскомъ собраніи оть председательства въ земской управъ.

Не говорить въ пользу назначенія городского головы и опыть такть губерній, гдё нёть выборнаго городского управленія. Въ виду взвёстной книги гг. Спасовича и Пильца, въ виду статьи г. Сулигов-

¹) Городскимъ головою сдълался въ последній разъ не первий, а второй канлидать, котораго, значить, городская дума вовсе не предназначала на постъ голови.

скаго, пом'вщенной у насъ (см. іюнь, 675 стр.), едва ли можно утверждать, что городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго поставлено лучше и ведется успёшнёе, чёмъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Въ Варшав'в сравнительно высокое состояніе н'якоторыхъ сторонъ городского хозяйства достигнуто благодаря исключительнымъ заслугамъ одного лица (покойнаго генерала Старынкевича), являющагося, между тамошними нашими администраторами, единственнымь въ своемъ родъ; но даже и тамъ многое остается далево позади Москвы и Петербурга. Еще меньше образцовъ для подражанія можно найти въ другихъ городахъ привислянскаго врая. Въ общемъ выводъ управленіе, во всёхъ свойхъ видахъ, едва ли можетъ быть поставлено выше самоуправленія; однибки при назначеніи отнюдь не менъе въроятны, чъмъ ошибки при выборахъ. Забавное доказательство этому можно найти въ одномъ изъ последнихъ ММ "Гражданина". Только-что посвятивъ нъсколько столбцовъ разгрому петербургской думы, князь Мещерскій разражается обвинительнымъ актомъ противъ желъзнодорожнаго въдоиства. Недавнія крупенія повздовъ на спб.-варшавской (казенной) жельзной дорогь, случайно предупревденная ватастрофа на дорогв московско-архангельской (также вазенной), хлебныя залежи на железнодорожных станціяхь въ разных концахъ Россіи-все это заставляеть его воспликнуть: "воть чего ми добились, какъ результата отъ такой выгодной для казны финансовой мёры, какъ выкупъ вспась (всёхъ?) желёзныхъ дорогь изъ частныхъ рукъ въ вазну, что нётъ уже отвётственности ни за жизнь, ни за имущество 125 милліоновъ россіянь на желёзнымь дорогахь"! Увіренъ ли вн. Мещерскій въ томъ, что нічто подобное ему не пришлось бы повторить черезъ нъсколько лъть послъ перехода городсвого хозийства въ руки администрація?.. Главный аргументь, выдвигаемый извёстными органами печати противъ самоуправленія, земскаго и городского--- это безотвътственность его представителей (конечно--мнимая). И воть, оказывается, что безответственность возможна и для чиновъ административныхъ! "Тенерь"-читаемъ мы дальше въ "Гражданинь",---, съ передачею всёхъ нашихъ дорогь въ казну, каждый управляющій дорогою, и каждый начальникь отділенія, и каждый начальникь участка-всв знають, что они сами-правительство и ответствении только передъ своимъ министромъ только на тёхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ столоначальникъ ответственъ передъ своимъ начальствомъ за то или другое упущение по делопроизводству, то есть на дълъ совствит не отвътственны". Если даже и допустить, что въ этихъ словахъ есть нъкоторая доля преувеличенія, то они во всякомъ случав остаются характерными, какъ признаніе, идущее примо въ разрёзъ съ обычной песней реакціонной печати. Необходимо прибавить,

что желѣзнодорожное вѣдомство—одно изъ самыхъ доступныхъ для критики, какъ вслѣдствіе огласки, неизбѣжно получаемой крупными событіями въ желѣзнодорожномъ мірѣ, такъ и вслѣдствіе второстепеннаго значенія, которое принадлежитъ ему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій. Гораздо труднѣе было бы обсужденіе въ печати городского хозяйства, еслибы оно перешло, всепѣло или отчасти, въ вѣдѣніе администраціи.

Сторонники назначенія городского головы, ссылающіеся на порядки привислянскаго края, упускають изъ виду еще одно обстоятельство. Тамъ, гдъ, какъ въ Варшавъ, городского представительства нътъ вовсе. назначение лица, стоящаго во главъ городского управления, не составметь чего-то въ родъ диссонанса. Во-первыхъ, такое лицо въ Варшавъ, вакъ назначенное, называется уже не городскимъ головой, а президентомъ города Варшавы; во-вторыхъ, въ Варшавћ ему не приходится нивть двля съ выборнымъ элементомъ, не приходится убъждать, соглашать, заручаться содъйствіемь и сочувствіемь людей оть него не зависящихъ. Оно знаетъ только начальство-съ одной стороны, подчиненныхъ-съ другой, ничёмъ не отличаясь, въ этомъ отношеніи, оть любого завідующаго отдільною частью. Совершенно инымъ было бы положение назначеннаго городского головы или президента въ Петербургъ, въ городъ, вообще обладающемъ выборными учреждевіями, гдв выборное начало не предназначено къ отмвив: все-же его предполагается сохранить не только для городской думы, но и для членовъ городской управы. Противъ него ополчаются одни лишь набадники реакціонной прессы, прямолинейно и безпардонно отрицающіе все несовийстное съ излюбленнымъ ими принципомъ административнаго усмотренія. Единственнымъ пристанищемъ ихъ служать, на этоть разь, "Московскія Вёдомости"; даже пожеланія "Гражданина" не идуть дальше назначенія всего состава городской управы. Поставленный лицомъ въ лицу съ избранной думой, назначенный городской голова долженъ будеть считаться съ самыми разнообразными затрудненіями, не существующими при однородности всёхъ составныхъ частей городского управленія. Фактически независимымъ отъ думы онъ все-таки не будеть, потому что достижение намізчаемыхь имъ цівлей будеть требовать средствъ, ассигнуемыхъ думой. Не безъ вліянія на дъятельность головы останется и управа, сохраняющая, по цълому ряду д'влъ, самостоятельное значеніе. Прибавимъ къ этому всегда возможныя предписанія или внушенія свыше-и мы поймемъ всю сложность отношеній, въ которыя быль бы поставлень назначенный городской голова. Въ исторіи земскихъ учрежденій за последнія десять-девнадцать леть найдется немало фактовь, ярко иллюстрирующихъ недостатки сившанной системы; припомнимъ, напримъръ, въ чему она приводила

Digitized by Google

въ тверской губерніи. Неудобная даже тогда, когда она примѣняется въ видѣ исключенія, она еще меньше окажется цѣлесообразной, если будеть возведена на степень общаго правила.

Сохраняя выборное начало, какъ основу, на которой поконтся городское управленіе, проекть преобразованія с.-петербургской городской думы вводить въ нее особую категорію лиць, пользующихся правомъ голоса или въ силу своего званія (почетные граждане гор. С.-Петербурга и бывшіе с.-петербургскіе городскіе головы), или по назначенію начальства (представители отдільных правительственныхъ въдомствъ, по одному отъ каждаго). Не возражая, въ принципъ, противъ этого нововведенія 1), находя далеко не безполезнымъ присутствіе въ дум'в почетныхъ гражданъ города, возведенныхъ въ это званіе за оказанныя городу услуги 2), мы думаемъ, что право назначенія уполномоченныхъ следовало бы признать только за теми правительственными въдомствами, которыя имъють непосредственное отношеніе въ задачамъ городского управленія, если, притомъ, они не представлени въ думъ какъ собственники находящихся въ городъ имуществъ. Первому условію удовлетворяють безспорно въдомство православнаю исповъданія, министерство народнаго просвіщенія, министерство путей сообщенія, министерство финансовъ, министерство юстиціи (пока городскою думою избираются мировые судьи) — и удовлетворяло бы министерство внутреннихъ дёлъ, еслибы ему не принадлежало назначение должностныхъ лицъ городского управленія, тёмъ самымъ вводимыхъ въ число членовъ думы. Опыть земскихъ собраній говорить въ пользу участія представителей только отъ техъ административныхъ учрежденій, которыя заинтересованы въ дълъ или прямо, какъ плательщики сбора, или косвенно, какъ служащія аналогичнымъ цілямъ.

Самую слабую сторону нашего городского самоуправленія всегда составляла и составляеть до сихъ поръ избирательная система. Городовое Положеніе 1870-го года давало несоразм'єрно большія пренмущества крупнымъ плательщикамъ городскихъ сборовъ и благопріятствовало пріобр'єтенію фиктивнаго избирательнаго ценза; Городовое Положеніе 1892-го года до крайности ограничило число избирателей и сосредоточило избирательное право въ рукахъ купцовъ и домовла-

²⁾ Иниціатива возведенія въ почетные граждане принадлежить самой думѣ, отъ которой и зависѣло бы пользоваться своимъ правомъ съ особою осторожностър.

¹⁾ Въ силу своего званія и теперь уже зас'ядаеть въ дум'я предс'ядатель соб. у'яздной земской управы, оставляемый въ ней и проектомъ. Весьма полезно было бы, на основаніи соображеній, изложенных выше, въ Внутреннемъ Обозр'яніи, выпочить въ составъ думы и предс'ядателя сиб. 14 берыской земской управы.

гальцевь. Въ настоящее время предполагается распространить это право на квартиронанимателей, платящихъ городской квартирный налогь въ размёрё не менее 30 рублей (что соответствуеть квартирной плать не ниже 1.080 рублей). Будеть ли городской квартирный налогь установлень въ замень ныне существующаго государственнаго вли въ дополнение въ нему-это, повидимому, еще не ръшено. Справедливость не была бы нарушена и въ томъ случав, еслибы избирательное право квартиронанимателей не было поставлено въ зависимость отъ уплаты ими особаго сбора въ пользу города; кому же неизвестно, что городской сборь, взимаемый съ домовладельцевъ, уплачивается, въ сущности, квартиронанимателями, какъ составная часть ввартирной платы? И теперь, следовательно, каждый квартиронаниизтель можеть и должень считаться плательщикомь въ пользу города, не только косвенно, но и прямо заинтересованнымъ въ городскихъ ділакь (косвенный интересь, обусловливаемый значеніемь городского благоустройства для важдаго городского жителя, имфеть, впрочемь, несомненно большую важность, чемъ прямой, выражающійся въ платежь определенной суммы). Допустимъ, однако, что городской квартирный налогь явится новымъ сборомъ, не отмёняющимъ ни одного изь существующихь, и что имь будуть обложены (какь это намечено вь проекть) всв квартиронаниматели, платящіе за квартиру не менве трехсоть рублей. Не говоря уже о новой тагости, которая упадеть, такинъ образомъ, на людей, располагающихъ болве чвиъ скромными средствами (изв'встно, что такое въ Петербург ввартира, стоющая 300-500 рублей), справедливо ли будеть отказать имъ въ соотвётствующемъ эквивалентъ — въ правъ голоса на выборахъ? Развъ для нихь менье, чьмь для людей достаточныхь, важны различныя отрасли городского хозяйства? Развъ не бъднъйшан часть населенія пользуется всего больше начальными школами, больницами, амбулаторіями, пріртами, богадъльнями, дешевыми средствами сообщенія, дешевыми или даровыми развлеченіями? Разв'ь, съ другой стороны, наниматели квартирь, оплачиваемыхъ менте чтмъ 1.080 рублями, лишены способности здраво судить о потребностяхъ города, о способахъ ихъ удовлетворенія, о лицахъ, могущихъ съ польвою потрудиться на этомъ поприщѣ? Мы едва ли оппиблись бы, еслибы сказали, что такою способностью обладають и многіе изъ техь, кому, за дешевизной занимаемыхъ поивщеній, вовсе не придется платить квартирнаго налога; но весьма важнымъ шагомъ впередъ было бы и распространение избирательнаго нрава по меньшей мъръ на всъхъ плательщиковъ этого налога. Только тогда судьба городского управленія перестала бы зависъть оть ничтожнаго меньшинства, численность котораго обитатели сравнительно дорогихъ квартиръ увеличили бы весьма мало (съ восьми тысичъ--

приблизительно до пятнадцати); только тогда можно было бы говорить съ нъкоторымъ правомъ объ участій населенія въ завъдываніи собственнымъ своимъ хозяйствомъ. Плательщики высшихъ разрядовъ квартирнаго налога безспорно повысить умственный уровень избирателей, внесуть въ ихъ среду предпріимчивость, подвижность, усиленный интересъ къ общественному дълу; но по своему положению, по своимъ матеріальнымъ средствамъ они будуть иметь много общаго съ большинствомъ купцовъ и домовладальцевъ, и не представленною въ избирательныхъ собраніяхъ по прежнему останется масса, всего болье нуждающаяся въ понеченіи городского управленія. Никакихъ серьезныхъ неудобствъ многочисленность избирателей, при вновь проектируемыхъ избирательныхъ порядкахъ, не представляла бы. Городъ будеть раздёлень на участки, и самый выборь гласныхь будеть совершаться не посредствомъ баллотировки шарами, продолжительность и утомительность которой прямо пропорціональны числу избирателей, а посредствомъ подачи записовъ, которую легко устроить такъ, чтобы не было ни напрасной потери времени, ни толкотни и давки. Выборная процедура можеть, напримъръ, обнимать собою нъсколько дней. съ приглашеніемъ на каждый изъ нихъ извъстнаго числа избирателей, въ алфавитномъ порядкъ.

Въ гласные, на основании проекта, могутъ быть избираемы только лица, имъющія непосредственное право голоса на выборахъ въ томъ именно участкъ, гдъ выборы производятся. Для этого требованія нъть, какъ намъ кажется, достаточныхъ основаній. Въ такомъ городів, какъ Петербургъ, избирательные участки-все равно, что бы ни было положено въ основу дъленія, - всегда будуть единицами искусственными, не представляющими собою органического целаго. Въ столице, какъ и вообще во всикомъ большомъ городъ, нътъ ничего общаго не только между жителями одного и того же квартала, одной и той же улицы, но даже между жителями одного и того же дома; сплошь и рядомъ они не знають другь друга даже по имени. Деятельность горожанина очень часто пріурочивается вовсе не къ тому участку, гдв онъ живеть, а къ совершенно другимъ частимъ города. Врачъ, напримъръ, можеть жить гдё-нибудь на окраине, потому что это нужно для здоровья его семейства, а практиковать преимущественно въ центральной части города. Другой врачь, живущій въ центрів города, можеть быть особенно извыстенъ на окраинъ, по мъсту нахожденія больници, гдъ онъ служить. Такихъ примъровъ можно привести безчисленное множество. Успашность выборовъ зависить, между прочимь, отъ ихъ сознательности, т.-е. оть степени знакомства избирателей съ тами, за или противъ кого они подають свой голось-знакомства, понимаемаго, конечно, не въ смысле личныхъ отношений, а въ смысле

яснаго представленія о деятельности и взглядахь избираемаго. Такое знакомство не обусловливается сосъдствомъ: я могу не знать ни одного изъ кандидатовъ въ гласные, живущихъ въ томъже участкъ, и очень хорошо знать многихъ, приписанныхъ въ другимъ участвамъ. Топографическое, если можно такъ выразиться, ограничение свободы выбора вносить въ избраніе элементь случайности, уменьшаеть интересь въ выборамъ, увеличиваетъ число уклоняющихся отъ пользованія избирательнымъ правомъ. Ошибочно было бы думать, что эта система способствуеть ограждению мистных интересовь, предупреждаеть слишкомъ неравномърное распредъление городскихъ средствъ между различными частями города. Местных интересовъ не такъ уже много; не всегда желательна и черезчуръ усердная ихъ защита, въ ущербъ интересамъ цёлаго—а для тёхъ изъ нихъ, которые имёють серьезное значеніе, достаточной охраной служить самое производство выборовь по участвамъ. Для того, напримъръ, чтобы не была забыта думой нарвскан часть, нъть надобности, чтобы избранные ею гласные жили (нли числились избирателями) въ ея предълахъ; позаботиться о ней могуть точно такъ же жители другихъ участковъ, разъ что имъ извъстны и близки ен нужды. Предварительныя собранія, созываемыя по участкамъ-вотъ лучшее средство установить общение между избирателями и кандидатами въ гласные, выяснить желанія первыхъ и взглады последнихъ. Необходимо только, чтобы эти собранія не встречали никакихъ вившнихъ препятствій и могли происходить совершенно открыто; иначе опи легко могуть стать ареной интригь, средствомъ достиженія личныхъ или кружковыхъ цёлей.

Въ каждомъ изъ участковъ, на которые будеть разделенъ городъ, предполагалось избирать такое число гласныхъ, которое соответствовало бы числу приписанныхъ въ участву избирателей. Не подлежитъ, однако, никакому сомивнію, что чвить біздиве часть города, тімть женьше въ ней живеть крупныхъ промышленниковь и торговцевъ, а также квартиронанимателей, платищихъ высокій квартирный налогъ-тъмъ меньше въ ней, другими словами, лицъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ. При действіи системы, намеченной проектомъ, отдаленныя части города будуть, слёдовательно, представлены въ думъ несравненно слабъе, чъмъ центральныя--и это не можеть не отозваться на степени вниманія, оказываемаго окраинамъ. Дума существуеть не для техъ или другихъ избирателей, а для всего города; число гласныхъ отъ каждаго участка должно соотвътствовать, поэтому, числу жителей участка, а не числу приписанныхъ въ нему избирателей. Равномърнымъ распредъленіемъ гласныхъ особые интересы каждой части города были бы ограждены въ гораздо большей мъръ, чъмъ

обязательнымъ выборомъ гласныхъ изъ числа избирателей даннаго участка.

Многольтній опыть доказаль, что нъкоторыя отрасли городского хозяйства, въ столицахъ и большихъ городахъ, развиваются всего лучие въ рукахъ исполнительныхъ коммиссій, сосредоточивающихся всецьло на ввъренномъ имъ дълъ и привлекающихъ къ нему большую сумму дарового труда. Отъ городской управы, поглощенной текущими дълами и управленіемъ городскими дълами на мъстъ, нельзя ожидать систематической работы надъ одной задачей, въ установившемся опредъленномъ направленіи, съ заранъе опредъленною цълью. Такая работа требуеть особаго интереса, особыхъ навыковъ и знаній, различныхъ смотря по характеру задачи. Существование исполнительныхъ коммиссій благопріятствуеть спеціализаціи, столь важной для усп'вшнаго хода дёла; благодаря имъ, каждый желающій можеть найти для себя занятіе по силамъ и по сердцу. Коммиссіи школьная, больничная, санитарная и др. достигають, вийств взятыя, результатовь, которыхъ никогда не могла бы достигнуть городская управа, даже съ помощью экспертовъ. Съ другой стороны, никакихъ неудобствъ устройство исполнительныхъ коммиссій не представляеть; какъ и управа, онъ дъйствуютъ подъ контролемъ думы и администраціи, а соглашеніе между ними обезпечивается включеніемъ ихъ председателей въ составъ управы, и кромъ того, коммиссін входять въ думу съ довладомъ не иначе, какъ черезъ управу. Нелегко, поэтому, объяснить себъ недовъріе, съ какимъ отнесся къ исполнительнымъ коммиссіямъ проекть положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга. Учрежденіе ихъ поставлено въ зависимость отъ согласія особаго по дъламъ города С.-Петербурга присутствія 1), и, что еще важнъе, городскому головъ предоставлено приглашать особыхъ лицъ для ближайшаго завёдыванія отдёльными отраслями городского хозяйства и управленія, требующими спеціальныхъ познаній и подготовки. Что такія лица должны являться не заурядными служащими, а именю вонкуррентами исполнительных воммиссій-это видно изъ того, что они включаются проектомъ, наравив съ председателями исполнительныхъ коммиссій, въ составъ общаго присутствія городской управи, гдъ такимъ образомъ и большинство голосовъ будеть обезпечено за городскимъ головой навсегда. Представимъ себъ, что городской голова пригласить особое лицо для заведыванія городскими больницами,

¹⁾ По первоначальному тексту проекта, коммиссій должны были дійствовать "пода руководствома" городского головы, но, вслідствіе возраженій нікоторых мізчисла присутствовавших, слова: пода руководствома замінены словами: "пода наблюденіема".

а городская дума въ то же самое время найдеть нужнымъ возложить завъдываніе больницами на исполнительную коммиссію. Одно изъ двухъ: или особое присутствіе не согласится на учрежденіе коммиссій, только потому, что не захочеть рисковать конфликтомъ между думой и головой—или образуется двоевластіе, несовитьстное съ правильнымъ ходомъ дёла. Намъ кажется, что учрежденіе исполнительныхъ коммиссій должно зависть исключительно отъ думы, а лица, приглашаемыя на городскую службу, ни въ какомъ случать не должны пользоваться правами, принадлежащими выборнымъ представителямъ городского управленія (т. е. членамъ управы, представителямъ неполнительныхъ коммиссій и лицамъ, избраннымъ думою для единоличнаго завъдыванія какою-нибудь отраслью городского хозяйства).

Вообще говоря, если что придаеть городскому общественному управленію настоящій его характеръ, то это именно исполнительныя воммиссін: идя въ гласные, обыватель идеть не только для того, чтобы засъдать въ думъ, принимать участіе въ преніяхъ и ръщеніи дъль открытой или закрытой баллотировкой, но еще болъе для того, чтобы внести въ городское дёло свой личный трудъ на пользу городаи исполнительныя коммиссіи открывають ему для того широкое поприще: по крайней мёрё, половина общаго числа гласныхъ идуть въ коминссін, гдё ихъ трудъ являются почти даровымъ. Въ прусскомъ городовомъ положеніи (ст. 74) безвозмездная служба гласныхъ въ исполнительныхъ коммиссіяхъ составляеть даже обязанность, за уклоненіе отъ которой не только налагается денежный штрафъ, но и лишеніе избирательнаго права отъ трехъ до шести лѣтъ; а у насъ наоборотъ: предполагали отказаться оть безвозмездной службы гласныхь въ исполнительныхъ коммиссіяхъ, или думали обставить эту службу условіями, при которыхъ не всявій согласился бы пойти на городскую службу. Это-служба почетная, и ею непременно нужно воспользоваться наилучшимъ образомъ.

ИЗВЪЩЕНІЯ

BERNANDS AND STREET

with the state of the state of

p on commen

and antibode, or

Отъ Попечительства о глухонамыхъ.

Съ разръшенія Комитета Попечительства Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны о глухонъмыхъ, съ наступившаго октября мъсяца членами Совъта сего Попечительства, докторами медицины М. В. Богдановымъ-Березовскимъ и Е. С. Боришпольскимъ, открывается въ С.-Петербургъ (Крюковъ кан., д. 7) "Пътскій Садъ" для глухонъмыхъ дътей дошкольнаго возраста и при немъ спеціальные классы для больныхъ съ разстройствами ръчи (занкъ, косноязычныхъ, нъмыхъ (афативовъ) и психически-глухихъ) и для больныхъ съ разстройствами слуха (глухихъ, тугоухихъ и глухонъмыхъ съ остатками слуха).

Дътскій Садъ будеть находиться въ въдъніи и непосредственномъ покровительствъ Попечительства Г. И. М. О. о глухонъмыхъ.

Издатель и ответственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

пато. Съ пертежами на текста и натав-патавичники. Сво. 908. Сер. 1020. Ц. 6 руб.

Наск чесовченияй обпотрації труда биль загими авторомъ болье двадцати льть тому нашть, выгда экспекие начались зъ Роскія заботи об учисти слениями. Авторъ на предисловін живгаеть варычий негорію воликновенія, на пакат 50-из годовъ, нашего Попечательства избикъ, из которожъ отъ съ самаго его опременя, за точные верхиха пати-вести отть, играли весома активную роль, и затемь объесиють гланиум ціль сносто труда; анторъ вытля нь шксу, главниять образомъ, разећать гульствующій предражуднях въ обществі патветь песпособности славихъ къ развисно и труду указыть при этомъ на значительные репультити, постигнутие на Запада на этома отнитобо, при вомощи воспитанія и образованія станить и имъ призрания, и ознакомить линь, пенья видея въздентію доджностей въ школида слічний съ продветами иль діятельности. Къ эсстор внему и подробному нахоженію того, тто рже слічано для поснитамія, образованія и причуднія сабликь на ракцичника европейских в госуварствахъ, и притонъ на основанія личвить ваблюденій на місті, кигорь присоедиинах адаум, особение интересную главу (XVIII), посменную падачают статестики и предупреприна ставоти въ Россіи, тур больни глазь в слатота достигають нанимещаго процента средентельно съ другими странами; по перетым себонка, предприватой вишеукоминутима Постительством'я, оказывается, что у наст число стимая достигаеть 220 000!! Ва приложениях такан обще результатога двательности вашего Помечительства о сабанал (1881— 1894 гг.), верепанка патора съ К. К. Гроголъ, оченимелень Попечетельства, и таблици рельежника вифапитовъ, винейникъ и толечинкъ. И выстранным дитературы этого продчетане предвтальность, инчего подобилго настоящему труду,

Рассы за догодномъ отношения, Состан. В. Ф. Мейень, Нак. Хомбета Департ. Мин. Ви. Діль. Вз 5-из томаль, съ приложеність 5 вартограмив в зарта туберній. Сиб. 902.

Года для тому шенды, г. Мейены падаль шигу: "Обоора Россія за дорожноми отношеrak finan cofpany mepane calabaia nonбелионенняхи путахъ и о мърахъ земетиъ по Елгенения дорога на сумми дорожнаго капивым, около 6 миля, рублей, до 1899 года, Настанцее выдание служить пилуктельными, попол-Beniewa Tok HHRFH, TARE HARL OND CODDINANTA зания и о путяха сообщения водимую и желіввыдорожника, что и составляеть содержание вервой засти перваго тома; во второй части вес же тома помъщено обисаліе 12 земесяхъ уберній; во второму тожі - описаніе остальвять 22 эпискихь губерній, и нь тротьемъопсиліе 17 губерній, бель земскихь учреждевів, в привислення туберній. Къ обвору выклой губерній приложена ед парта съ напеcentern na nee nelva ex nyrell configurin; na общей части поміщени міть паруограмив, навычано внображавания сравнительное состоинье вугой сообщения из губерківув.

паше на Запада, д.ра. А. И. Скробиц-като Съ чергежами из тексті и патако 1894—98 г. Надація А. Ф. Маркел. Цёма

Въ промедженъ году вероводъ Шексиара, саъванный А. Л. Соколоксиичь, биль удостоенъ Академіей ваукт полной Пунканской премін. Къ достоянствама самаго текста перевода въ настоящемъ вадавія присондинается и превосколиня его обстановка: встгингольная статья, тав переводинав стирается вивенить и пиредвлить значение Шекспира, какъ висателя, снабжена очеркома его жизни, и каждой въесъ предмествуеть предисловіє, съ опроділенієми си тливной идеи, а ви понца тексти поибидаются объясинтельныя применанім две вдавансь,-говорить переводчикь, - въ пропотливия изследопанія о каждой букий гелета, я объяснять пре-шнущественно темпыя его міста, а также изда-галь прачины, почему унитробиль то или дру-гое русское пираженіе для перевода мість, непереводимыхи буквальной,

Практические запятия по помлочие в вотапись. T. Percor B P. Mapriera, Hepen, H. A. Heгровскаго, И. Сушкина и Н. Кольдова. М. 90 %

Перевода изийстнаго труда Гексан и Мартина входить из число восьма полежихъ изданія "Библіотеки для самообразованія" и сліланы по последоему переспотрышому вигоромы оригиным. Существенная переміна состоить въ томъ, что авторъ долгое время держался путв. ведущаго отъ простого къ сложному, но загамъ, на основанія опыта, процикся убіжденість, что для учащихся легче другой путь-оть вывестнаго къ неизвъстному, в потому онъ сталь держаться обратвато порядва-нативать съ такихъ животныхъ, какъ дягунка или кроликъ, о которыхъ каждой что-шобудь да знасть, и внатимію которыхъ, равно накъ и физіологію, кожно вопать при поводи безгисленияхъ авалогій съ нашимъ собственных техомъ. Исходя иль тр-кой точки отправления, вытора на своемъ ру-посодстве полинается дально и дальне на меиво знакожую область безполюновимсь жинотникъ, нока не дойдеть до виграничной областа вежду животикми в растениями, откуда уже легво и прости подниматься въ свимы слежнимъ растительнимъ организмамъ. Изданіе спабжено 342 расунками въ текста.

Синтаконсь реобкато дзика. – Д. Д. Овеличи в с-Куликовскаго, Свб. 902, Ц. 1 р. 75 п.

Илла вигора - изложить синтавенсь отехн стиенныго изыка маучно, но въ общедоступной формы. При этемы "синтена Потебли" послужила автору основою самате извеженія, и ветому въ его трудь последовательно проведено оравило, в именно, что "синтавлическую форму сопременнато языка сабареть повимать и опретыять по ся современному глитанейческому значению, а не на основании ся прежинго значенія или порфесогическаго ся провехожденія". Ангоръ, индавая свой грудь, висыть нь виду пошитаться, педыя зв. наконень, проложить доросу научно-образному синтаксису родного ямися их инолу, т.-е. из старийе класси гамия мії. Для достиженія этой ціли автора наміреинется саблать вскорь сохращенное инданіе поетнишаго труда, беза исторического храдуналь.

овъявление о подпискъ въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ).

"Въстникъ европы"

имемесочный журналь исторіи, политики, литературы,

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мъсяца, 12 винтъ въ год. отъ 28 до 30 листовъ обывновенного журнального формата.

подписная цена.

Ha rogs:	По волугодівми:		Но четвергала года:			
Визь доставии, из Кон- торы журнала 15 р. 50 к.	7 p. 75 E.	7 p. 75 g.	З р. 90 п.	З р. 90 к.	3 p. 90 s.	12.004
Въ Патириурга, съ до- ставано	8					
родахь, съ перес. 17 " — " За границей, въ госуд.	9 , - ,	$\theta_n - \varepsilon$	5 , - ,	4	4	1-2-
почтов: союза 19 n — n	10	9	5 a	5,	5,	4, -1

Отдильная выяга журнала, съ достявною и пересылною — 1 р. 50 к

Принфраніе. — Вибети разерочки годовой подинени на журнали, подинена но выст діямы вы январы и іюдь, и но четвертамь года: нь январы, апрыть, вы и октябрь, приновается-бовъ повышенія годовой пілы подписы

Бавжеме выгазним, при годовой подпискі, пользуются обычном уступном.

HOADUCKA -

принимается на года, полгода и четверть года:

BE RETEPSYPPE:

въ москва:

 въ Конторъ журнала, В. О., 5 л., 28; вь отделениях Конторы: при кинжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

BL KIEBE:

— въ винжи, магаз. Н. Я. Оглоблина, у — въ внижи, масал, "Образности

— въ виржновъ магалить H. II 🕒 басинкова, на Моховой, и и п. торь Н. Печковской, въ Пстр

BL BAPHIABL

— въ кинжи, магаз. "С.-Петербургскій Кинжи, Складъ" Н. П. Карбисисто

Приначание.—1) Постосно порест дижена завлечать за себы ими, отчество са точника обсываченном губерије, убида и местомительства, и са нашине са биливну постивато убрежденія, так (NB) donycunemen пидача журкализа, если пута за принача за самома местомительства подвисчина.—2) Перемено пореси дожна бито Контора журкала споспринение, са указаність прежило пареса, при тема геромата спос пережоди въ многородние, доказачиванта 1 руб., и иногородние, ворежны въ тот-то-40 коп. — 2) Жилобы на неисправность доставка доставляются неключительно въ Редации в таль, осли водинета били саблана то вымениваченованность ибстать, и, согласно объед- оп-Почтоваго Департамента, не подме нака по получения скілующей вниги журовка. — 11 144 на получение журкала висинаются Контором тогкая таки это апотороднага или висота поднасчивають, догорые пригомать из подписной стаже 14 пор. коттонняе марками.

Надатель и ответегненный редактора М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКИІЯ "ВЪСТИНКА ЕВРОПЫ»:

PARRIAR KORTOPA MEPRADA

Спб., Галериан, 20.

Bac. Octp. (2 30 240

ЭКСИЕДВИЛЯ ЖУРВАЛА:

Вас. Остр., Академич. пор., 7.

Типографія М. М. Стасюльника, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1902.

высшія

народныя школы

въ швеціи

очеркъ.

Многолътнее энергичное стремленіе Швеціи въ повсемъстному насажденію въ странъ народнаго просвъщенія увънчалось, въ настоящее время, выдающимся успъхомъ. Дъйствительно, эта необщирная страна, съ суровымъ влиматомъ и сравнительно незначительными природными богатствами, съумъла поставить народное просвъщеніе на столь высокую ступень развитія, что въ этомъ отношеніи она занимаетъ нынъ, можно сказать, первое мъсто въ ряду прочихъ странъ Европы 1). Казалось бы, что именно Швеція, не особенно богатая страна, должна была бы съ большою осмотрительностью приступать во всякаго рода нововведеніямъ, сопряженнымъ съ значительными расходами. Отъ нея, поэтому, менъе, чъмъ отъ другихъ странъ, можно было ожидать введенія всеобщаго обязательнаго обученія. Еще нъсколько десятвовъ лътъ тому назадъ, экономическое положеніе Швеціи было даже весьма незавидно. Между тъмъ, уже и тогда въ этой странъ замъчалось

е стремленіе въ народному просвіщенію, а тамъ общеое митніе уже давно имітло значеніе руководящей силы,

мѣющихъ читать и писать въ Швеціи $98^{\circ}/_{\circ}$, Германіи— 97° $_{\circ}$, Швейцаріи—ликобританіи— $91^{\circ}/_{\circ}$, Франціи— $85^{\circ}/_{\circ}$, Нидерландахъ— $84^{\circ}/_{\circ}$, Бельгіи— $77^{\circ}/_{\circ}$, $-51^{\circ}/_{\circ}$, Италіи— $45^{\circ}/_{\circ}$, Испаніи— $25^{\circ}/_{\circ}$.

ъ VI.-Деваврь, 1902.

да и само общество было глубово пронивнуто сознаніемъ—что не эвономическое благосостояніе страны предшествуеть развитію народнаго просв'ященія, напротивъ, —возможно широкое распространеніе въ народ'я просв'ященія создаеть прочное экономическое положеніе вс'яхъ влассовъ населенія.

Въ 1898 году, относительно небогатая Швеція израсходовала на нужды народнаго образованія 29.250.000 кронъ, что составляеть для каждаго жителя расходь въ 5,81 кр., или почти 3 р. 50 к. Въ Россіи, при одинаковой напряженности, эта цифра должна была бы возрости до колоссальной суммы, увеличиться почти въ восемнадцать разъ противъ суммы, ассигнуемой у насъ въ послъднее время на народное образованіе.

Впрочемъ, такая "расточительность" шведскаго народа въ дълъ удовлетворенія нуждъ народнаго образованія стала проявляться лишь съ момента присвоенія страною права на самообложеніе, а этотъ моментъ совпадаетъ съ началомъ широваго пользованія самоуправленіемъ. Въ Швеціи врестьянинъ нивогда не былъ връпостнымъ, хотя и переживалъ иногда весьма тяжелыя времена. Въ настоящее время едва ли можно насчитать много другихъ странъ, имъющихъ въ своихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ столько представителей изъ мелкаго врестьянства 1), сколько ихъ приходится на долю шведскаго ривсдага. Такое широкое представительство мелкаго крестьянства въ высшемъ государственномъ учреждении и потребовало значительнаго повышения народнаго образованія. Многолетній, интенсивный трудъ на этомъ поприщъ, въ связи съ активнымъ участіемъ крестьянъ въ законодательномъ учрежденіи, весьма много содвиствоваль быстрому перерожденію шведскаго народа. Его политическая арблость привнана давно, и ею онъ довольно ръзко отличается отъ многихъ даже высоко образованных народовъ западной Европы. Но съ особенною яркостью она стала проявляться лишь въ позднъйшее врема, вавъ непосредственный результатъ широваго распространенія въ народъ просвъщенія, начавшагося въ концъ первой половини минувшаго столътія, а именно съ 1842 года, когда въ Швеція была реформирована вся школьная система. Затъмъ, съ преобразованіемъ различныхъ государственныхъ учрежденій, а также по мъръ усложнения жизненныхъ условий, съ каждымъ годомъ все болъе и болъе сталъ увеличиваться спросъ на образованіе. Новые воммунальные законы и улучшение устарфиших формъ правления,

¹) Въ настоящее время во второй камерѣ изъ 230 членовъ засѣдаютъ только 80 горожанъ и 150 сельскихъ представителей.

также вакъ и новый законъ 1866 года, опредълявний порядовъ выборовь въ риксдагь, -- все это въ вначительной степени солъйствовало повышенію общественных силь. Одновременно стало ваитно улучшаться также и экономическое положение Швеціи. На всемъ протяжени, за исключенить далекаго съвера, она покрылась густою свтью желвзных и иныхъ путей сообщения. ея промышленность окръпла, у нея выросъ огромный торговый флоть, явились свободные капиталы и значительно улучшилось сельское хозяйство. Жажда знаній, помимо требованій, предъявляемыхъ развитіемъ промышленности, стала проявляться всюду и съ особою настойчивостью. Низшая народная школа скоро перестала удовлетворить многихъ, и, тавниъ образомъ, самъ собою былъ выдвинуть вопрось о необходимости учрежденія для народа высшихъ школъ съ теоретическими и практическими курсами. Около этого времени, идея вапеляана Грундвига о высшихъ народныхъ школахъ получила правтическое осуществление въ Даніи. Въ примърахъ, следовательно, недостатва не было.

I.

Мысль объ учреждени высшихъ народныхъ школъ возникла въ Швеціи въ 1867 году и, притомъ, одновременно въ трехъ пунктахъ. Двое представителей крестынскаго сословія въ риксдагъ-Ола Андерсонъ и Свенъ Нильсонъ, жившіе въ области Своно, пришли въ убъждению о необходимости учредить для верослыхъ врестьянскихъ сыновей особыя школы, въ которыхъ, наряду съ прохожденіемъ теоретическихъ курсовъ, они пріобрътали бы также извъстную практическую подготовку, необходимую въ врестынскомъ быту. При содъйствіи молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ такой высшей народной школв, предполагалось внести больше свёта въ врестьянскую среду и такимъ обравомъ распространить въ ней свёдёнія, полезныя для земледёльцевъ. По мивнію Андерсона и Нильсона, учрежденіе подобныхъ шволъ вызывается тавже необходимостью дать врестьянамъ возможность постоянно преуспъвать, дабы они, составляя гражданское общество, могли въ интересахъ всего народа и государства имъть въ коммунахъ и риксдагъ вполив свъдущихъ представителей. Настанвая на необходимости повышенія общаго уровня народнаго образованія и въ особенности сельскаго класса васеленія, депутаты утверждали, что высшая народная школа, не отрывая врестьянь оть земли, должна стремиться еще больше

въ тому, чтобы привязать въ ней и научить ихъ возможно лучмему воздёлыванію ея. Они находили возможнымъ учреждать подобныя школы исключительно лишь въ деревняхъ, оберегая, такимъ образомъ, сельскую молодежь отъ городскихъ привычекъ. Однако, какъ осуществить такія мысли и какимъ образомъ организовать школу въ педагогическомъ отношеніи—депутаты провинціи Сконэ сами не могли разрёшить.

Между твиъ, мысль объ учреждении высшихъ народныхъ шволь въ Швеціи вознивла одновременно тавже и у доктора Сольмана, деятельнаго члена стокгольмскаго "севернаго національнаго общества" и бывшаго въ то же время однимъ изъ самыхъ талантливыхъ редакторовъ свободомыслящей газеты "Aftonbladet". На страницахъ этой газеты онъ помъстиль о томъ цёлый рядъ статей, и такимъ образомъ по настоящему вопросу образовался довольно значительный литературный матеріаль. Не ограничиваясь только статьями теоретическаго характера, Сольманъ отправиль въ Данію своего сотрудника, доктора Олунда, для практическаго ознакомленія съ постановкой преподаванія и организаціей высшихъ народныхъ школъ. Его корреспонденціи, напечатанныя въ той же газеть, читались съ большимъ интересомъ и обсуждались не только всею печатью, но также и въ спеціальных обществахъ, частныхъ вружвахъ и семьихъ. Съ особеннымъ вниманіемъ следили за печатью депутаты области Сконо -- Андерсонъ и Нильсонъ. Ознакомившись съ положеніемъ и организаціей высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, они увидъли себя во всеоружін и немедленно приступили къ осуществленію своихъ первоначальныхъ проектовъ. Общество, подготовленное печатью, отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ въ нхъ благимъ начинаніямъ. Такое движеніе въ пользу высшихъ народныхъ школъ обнаружилось не только въ образованныхъ слояхъ общества, но оно быстро распространилось также и въ крестьянской средъ. Совивстная двятельность представителей интеллигентнаго власса и врестынского сословія ознаменовалась одновременнымъ открытіемъ въ 1868 году трехъ высшихъ народныхъ шволъ въ Гвиланъ, Эннестадъ и Геррестадъ. Въ послъдующіе годы довторъ Олундъ и Андерсонъ основали еще нъсколько подобныхъ же школь, но затемь, когда место директора высшей народной школы въ Гвиланъ было предоставлено доценту лундскаго университета довтору Гольмстрему, эти шволы стали учреждаться во всехъ ленахъ 1) Швеціи.

¹) Въ административномъ отмошенін Швеція раздёлена на 25 областей, нази-

Причиной, побудившей довтора Гольмстрема заинтересоваться высшими народными шволами и затемъ направить свои усилія вообще въ поднятію народнаго образованія, послужили встрвча его и обивнъ мыслей съ Флоромъ, выдающимся въ Даніи общественнымъ дъятелемъ. Объевдивъ почти всю Швецію, Флоръ вынесъ заключеніе, что общій уровень образованія шведскаго народа н его гражданственность далево не соотвётствовали первоначальному о нихъ представленію, сложившемуся у него до повядви въ Швецію. Основываясь на многов'вковой политической свобод'в шведскаго народа, Флоръ надъялся встрътить здъсь не только большую просвъщенность, но также несравненно большее развитіе и проявленіе гражданскаго духа, нежели въ другихъ съверныхъ странахъ. Более тесное сопривосновение съ действительностью, однако, привело его въ поливитему разочарованію. Доводы датчанина повазались довтору Гольмстрему настолько убъдительными, что, не теряя напрасно времени, онъ тотчасъ же я весьма горячо занялся народнымъ образованіемъ.

Съ 1868 г., вплоть до 1901 г., въ Швеціи было учреждено 30 высших народных шволь для мужчинъ и 25 для женщинъ, причемъ въ каждой области, за исключеніемъ Сконо, ихъ приходилось по одной или по двв. Въ самой свверной области—Норрботтенъ и именно въ Баденъ, высшая народная швола существуетъ лишь съ 1896 года. Съ ея осуществленіемъ, отчасти сбылась завътная мечта Грундвига—распространить подобныя шволы вплоть до полярнаго круга.

II.

Въ противоположность Данів, всё шведскія высшія народныя школы учреждены только въ деревняхъ или посадахъ. Въ настоящее время значительная часть этихъ школъ обзавелась собственными домами, причемъ обширныя ихъ помёщенія, кромё аудиторій и квартиръ для педагогическаго персонала, вмёщаютъ также большое число вомнать, отдаваемыхъ ученикамъ въ наемъ за весьма умёренную плату. Отсутствіе достаточнаго числа ученическихъ ввартиръ вынуждаетъ учащуюся молодежь искать пріюта у сосёдей-крестьянъ или же въ другихъ деревняхъ, отстоящихъ въ нёсколькихъ километрахъ отъ мёсторасположенія школы.

ваемыхъ ленами, въ чесло которыхъ, какъ самостоятельная единица, входить Отовгольмъ съ пригородами.

Всь высшія народныя школы въ Швеціи имъють совершеню одинаковую организацію, причемъ прототицомъ этихъ школь вполив справедливо считается старвишая изъ нихъ-въ Гвилапв. Всв онв возникали по иниціатив'в только частных лиць, и практическому ихъ осуществленію всегда предшествовали многочисленные доклады и "моціи" 1) въ риксдагь, также какъ и обстоятельныя обсужденія въ частныхъ кружкахъ, въ народныхъ и другихъ собраніяхъ. Разсужденія въ польку этихъ школъ велись всегда энергично въ различныхъ слояхъ населенія и всегда им'яли цёлью убёдить въ необходимости повсемёстнаго ихъ распространенія. Отдільныя лица, общины и неріздко даже представитель государственной власти принимали самое деятельное участіе въ распространенів этихъ полезныхъ школъ, и съ этою же цёлью во многихъ областяхъ были собраны весьма значительныя денежныя средства. Такъ, напримъръ, въ одной только области Вэстманландъ въ теченіе трехъ лётъ удалось собрать болёе 40.000 кронъ. Въ другихъ областяхъ частныя пожертвованія были не менъе обильны. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ н сочувственное отношение всего населения въ идей повсемистнаго распространенія высшихъ народныхъ школъ дали возможность, въ последнее время, обзавестись наконецъ собственными строеніями и значительными земельными участками. Но первоначально высшая народная школа долго располагала весьма огравиченнымъ числомъ друзей, и только съ 1899 года она стала предметомъ всеобщаго вниманія, насчитывая многочисленныхъ друзей также среди ученыхъ, чиновниковъ и даже офицеровъ.

Въ теченіе тридцати-двухлётней деятельности высшихъ народныхъ школъ—съ 1868 по 1900 г.—общее число юношей, окончившихъ въ нихъ полный курсъ, не превышало 17.000, а для девушевъ, въ теченіе періода -1873—1900 г., это число доходило до 6.800. За все истекшее время общее число всёхъ, окончившихъ полный курсъ въ 55 существующихъ высшихъ народныхъ школахъ, достигаетъ лишь 24.000. Въ 1900 году во

¹⁾ Моція (motion)—или предложевіе—можеть бить вносима каждань депутатом'я палати въ течевіе десяти дней послі откритія риксдага. Она подастся письмено и, въ случай согласія короля, должна сводиться въ немедленному изміненію или уничтоженію одного изъ общихь, дійствующихь законовъ. Петиціонное право не ограничено въ выбор'я предмета и можеть касаться всякаго государственнаго діла. Петиція, въ сущности говоря, имість значеніе ходатайства передъ правительствомь о принятіи предлагаемыхъ мітропріятій и, въ случай согласія короля, передается въ видіт законопроекта на разсмотрівніе и утвержденіе слітдующаго очередного риксдага.

всвять школахъ было 774 учениковъ и 614 ученицъ, что, въ общей сложности, составляло лишь 1.400 учащихся. Между твиъ, въ Даніи, въ 1901 году, обучалось 5.000 человъкъ въ нивющихся тамъ 70-ти высшихъ народныхъ шволахъ, при числивнопилси тамъ 70-ти высшихъ народныхъ школахъ, при чис-ленности всего населенія вдвое меньшемъ, чъмъ въ Швеціи. При этомъ, однако, не слъдуетъ забывать, что Півеція населена менъе плотно, и просвътительные центры въ ней значительно удалены отъ районовъ сельской осъдлости. Будучи менъе доступными, они оказывають на большинство населенія не столь осязательное вліяніе, какъ просветительные центры въ Даніи. Наконедъ, болъе существенной причиной-почему высшія народныя шволы менте распространены въ Швецін — служать ея миролюбивая политика и сповойствіе, надолго воцарившееся въ ней послт разорительных войнъ 1808—1809 годовъ и 1813—1814 годовъ. Въ течение восьмидесяти слишвомъ лътъ въ Швеціи не происходило событій, подобныхъ темъ, вакія въ 1864 году выпали на долю слабой Даніи. Желая создать хотя какой-нибудь оплоть, въ случав новыхъ столвновеній, и боясь пагубныхъ для себя последствій отъ начавшейся германизаціи, Данія была вынуждена обратиться въ поспешному насажденію у себя высшихъ народныхъ школъ и темъ самымъ, въ сравнительно короткое время, добилась болбе ръшительнаго воздъйствія на духовное развитіе своего народа. Будучи заинтересовано распространеніемъ по всей странъ высшихъ народныхъ школъ, правительство въ Даніи само содъйствовало свободному ихъ развитію и оказывало имъ всяческую поддержку. Отличансь отъ шведскаго правительства большею демократичностью, оно, помимо преслъдованія политическихъ цёлей, глубже сознавало нужды своего народа, а потому само спешило къ нему на помощь, не дожидансь особыхъ побужденій. Болёе медленному распространенію этихъ школъ въ Швеціи содействовало, отчасти, всегда консервативное дужовенство. Въ многочисленныхъ случаяхъ, когда поднимался вопросъ о необходимости поднятія народнаго образованія, мно-гіе почтенные пасторы считали болве удобнымъ для себя притвориться глухими или же проявлять поливите къ нему равно-дущіе. Въ нныхъ случанхъ, хотя всегда осторожно, нъвото-рые изъ нихъ приступали даже къ организаціи весьма сильной опповиціи. Справедливость требуеть, однако, зам'ятить, что были и тажіе пасторы, которые неоднократно выд'ялли изъ своей среды искренних друзей народа, окрыленных надеждой окавать посильное содействие его духовному развитию. "Можно нажаться, — говорится въ одномъ шведскомъ изданіи, — что со временемъ снова возобновится совм'встная работа церкви и школи на пользу всей страны и ея народа".

III.

Жизненность и целесообразность высших народных шеоль выяснились съ достаточною опредъленностью лишь въ концъ восьмидесятыхъ годовъ. Нравственное удовлетвореніе, доставляемое ими всему населенію, возбудило въ нимъ всеобщее сочувствіе и дов'вріе, несмотря на упорныя попытки ничтожнаго меньшинства отрицать благотворное ихъ вначеніе. Шведская высшая народная школа, въ противоположность датской, котя развивалась чрезвычайно медленно, но ея кории, также какъ и у последней, пронивли глубово въ самые низшіе слон населенія. Дальнъйшее ея процвътаніе вполнъ обезпечено совнательнымъ стремленіемъ народа въ воспитанію въ себв гражданскаго духа н въ пріобр'втенію полезныхъ знаній. Такое предположеніе подтверждается уже тёмъ, что высшая народная швола въ Швецін была призвана въ жизни благодаря только частной иниціативъ и самодъятельности низшихъ слоевъ населенія. Она не создалась обычнымъ порядкомъ, подъ давленіемъ только теоретическаго признанія ея необходимости. Напротивъ, ..., она родилась въ сердив и мыслихъ самого народа и только въ ихъ глубинахъ получила необходимую для нея теплоту". Въ Даніи эти шволы зависять отъ одного лица, а именно директора, и потому во всёхъ отношеніяхъ представляють собою совершенно самостоятельныя учрежденія, не имінощія ничего общаго съ другими шволами. Между твмъ, всв онв пользуются весьма вначительными субсидівми отъ правительства. Въ Швецін высшія народныя шволы также учреждались по иниціативъ частныхъ лицъ, однако онъ всегда находились подъ непосредственнымъ надзоромъ многочисленныхъ ворпорацій, или же частной опеки. Во многихъ отношеніяхъ онъ все-же представляють собою сколокъ съ высшихъ народныхъ шволъ въ Даніи, хотя и преследують совершенно иныя цъли. Не пользуясь въ первые годы своей дъятельности вспоможеніями отъ государства, онв, твиъ самымъ, находились вив всякой зависимости отъ него. Неподчиненность правительственному контролю содействовала более тесному вваимному сплоченію всёхъ высшихъ народныхъ школъ, что было особенно необходимо первоначально, пока само дъло еще не наладилось и не успало достаточно окрапнуть. Свободныя отъ визмвяго вліявія и всявихъ принужденій, а также чуждыя односторонности, шведскія высшія народныя школы "развивались въ здоровой атмосферѣ, при обиліи свѣта и въ духѣ свободнаго развитія".

Отврытію высшей народной школы въ Швеціи всегда предшествуетъ учреждение особаго союза, состоящаго изъ вначительнаго числа лицъ, обязавшихся въ теченіе опредёленнаго времени гарантировать средства, необходимыя для существованія шволы. Каждый членъ подобнаго союза вносить единовременно или же ежегодно заранње опредъленную сумму, поступающую въ общій ея фондъ. По взаниному соглашению всехъ членовъ союза, изъ ихъ среды выбирается правленіе, состоящее обывновенно язъ 5-7 лицъ. Въ вругъ его обязанностей входитъ веденіе отчетности по ховяйству, наблюдение за порядкомъ и нравственностью учащихся, прінсканіе пом'вщенія, приглашеніе преподавателей и опред'вленіе разміра платы за право слушанія лекцій. Въ конців отчетнаго года, на общемъ собраніи учредителей ревизуются всё денежныя дёла, равсматривается отчетность по всёмъ отдёламъ хозяйства и составляется смёта на слёдующій учебный годь. Участіе воммуны или сельско-хозяйственнаго общества въ гарантированіи швол'в денежных средствъ влечеть за собою назначеніе въ правленіе, сверхъ опредъленнаго штата членовъ, еще по одному отъ каждаго изъ нихъ. Директоръ школы, выбираемый въ большинствъ случаевъ членами ен правленія, пользуется одинаково съ ними правомъ голоса на всехъ заседаніяхъ и исполняеть на нихъ обязанности севретаря. Предсъдатель, вице-предсъдатель и казначей выбираются исключительно изъ членовъ правленія. Въ конців года директоръ школы представляеть отъ имени правленія подробную отчетность, препровождая ее всімь членамъ швольнаго союза, всёмъ высшимъ народнымъ шволамъ въ Швецін, въ церковный департаменть, въ редакцін газеть, нъвоторымъ депутатамъ въ риксдагъ, нъвоторымъ правительственнить лицамъ, всемъ ученивамъ школы и, наконецъ, королю Оскару II, проявляющему самое живое участие въ поднятін народнаго образованія. Членами правленія могуть быть только лица, принадлежащія въ школьному союзу, причемъ ихъ общественное положение не имъетъ значения при выборахъ. Крестьянинъ пользуется здёсь полнёйшею равноправностью и засёдаетъ рядомъ съ богатымъ фабрикантомъ, дворяниномъ-помёщикомъ, судьей, пасторомъ или офицеромъ.

Во всёхъ почти шволахъ дёйствуетъ одинъ и тотъ же уставъ съ невначительными видоизмёненіями въ частностяхъ.

Утвержденіе устава всеціло зависить только оть лиць, принадлежащихъ въ школьному союзу. Уставомъ опредвляются-цъль школы, предметы обученія, кругъ обязанностей членовъ правленія, права преподавателей и нікоторыя правила для учащихся. О цъляхъ высшей народной школы въ Тэрна ея уставъ говорить прибливительно следующее. Целью высшей народной шволы должно служить стремленіе въ укорененію истинной вёры въ Бога и пробужденію среди молодежи любви въ отечеству, основанной, прежде всего, на изучении природы и исторіи Швеціи. Высшан народнан школа должна научить каждаго своего ученика правильному пониманію правъ и обязанностей шведскаго народа. Она должна также всячески содъйствовать расширеню умственнаго круговора учащихся и стремиться украпить ихъ нравственныя силы. Преподаваніе должно быть совершенно свободное и его система упрощенная, дабы облегчить ученивамъ возможность усвоенія лекцій. Высшая народная школа обявана прежде всего содъйствовать облагораживанію души и сердца, чтобы дать странъ возможно больше честныхъ труженивовъ и добрыхъ гражданъ.

Изъ тавихъ цълей видно, что высшія народныя ніволы всъхъ скандинавскихъ странъ придаютъ весьма серьезное значеніе воспитательному элементу. Это подтверждается нижеприводимыми выдержками изъ различныхъ школьныхъ уставовъ:

"Мы, — говорится въ уставъ одной норвежской высшей народной школы, — хотимъ пробудить въ молодежи желаніе жить лучшею жизнью и находить въ ней высокіе идеалы. Мы хотимъ пролить возможно больше свъта, чтобы цъли жизни были отчетливо видны каждому юношъ. Мы хотимъ научить каждаго любить и цънить свободу, которая одна только содъйствуетъ расширенію умственнаго кругозора, укореняетъ въ насъ законность, побуждаетъ любить миръ и трудъ, и научаетъ высоко цънить свою и чужую жизнь"...

"Мы нуждаемся въ новой школь, — говорилъ Грундвигъ, — которую я и называю высшей потому, что она, будучи свободной и предназначаемой только для вврослыхъ, должна перевоспитать народъ и содъйствовать усвоенію имъ возвышенныхъ взглядовь на живнь"...

"Высшая народная школа, — говорится въ уставъ другой школы, — должна имъть строго гражданскій характеръ. Она должна открывать глаза народу и помогать ему разбираться въ жизненной дъятельности; укръпляя нравственную связь между мужчиной и женщиной, она возвышаетъ вначеніе семьи и на-

учаеть важдаго ея члена сознавать: "чёмъ онъ обязанъ Богу, самому себъ, семьъ и обществу"...

Выборъ членовъ педагогическаго персонала зависить всецвло только отъ директора, помимо котораго правление не можетъ приглашать неизвъстныхъ ему лицъ. Во всъхъ высшихъ народнихъ шволахъ это правило соблюдается весьма строго, главнымъ образомъ потому, что именно въ этихъ школахъ успѣшность обученія зависить исключительно оть личныхъ качествъ преподавателя. Директоръ обязанъ лично знать его и быть хорошо освідомленным насчеть его предшествующей діятельности, и тольно въ такомъ случав, признаван его вполнв подходищимъ, входить съ представлениемъ объ утверждении своего выбора. Представляемые дипломы или иные документы, для соисканія міста преподавателя, не имъють значенія, также какъ и протекціи или ния искательства. Преданность делу, настойчивость въ труде и успъшные результаты предшествующей дъятельности-воть тъ немногочисленныя условія, которыя дають право на полученіе м'іста преподавателя въ высшихъ народныхъ школахъ. Директоръ выбирается на опредъленный срокъ, не превышающій, однако, пяти лыть, т.-е. на тоть промежутовъ времени, въ течение котораго, обывновенно, гарантируются школе матеріальныя средства. Если швола, по прошествій пятильтія, оправдала довіріє въ себі, то организуется новый союзь для прінсканія необходимых средствъ на следующее пятилетие. Съ образованиемъ новаго союза весь штать преподавателей выбирается снова, причемъ изъ прежняго состава остаются всв, спискавшіе доверіе школьнаго союза и правяванность учениковъ. Эта система дала хорошіе результаты во всёхъ высшихъ народныхъ шволахъ, пріучивъ учителей относиться серьезно въ своимъ обязанностямъ и полагаться только на собственныя свои силы. Прочность положенія преподавателя обевпечивается контрактомъ, заключеннымъ съ правленіемъ на патильтній срокь.

Директоръ получаетъ ежегодное жалованіе въ размірі 3.000 кронъ и, кромі того, даровую квартиру въ 5 — 6 комнатъ съ отопленіемъ. Въ нікоторыхъ высшихъ народныхъ школахъ лістомъ открываются курсы для дівнить, за что директоръ получаетъ добавочное вовнагражденіе въ размірі 500 кронъ. Онъ не получаетъ пенсін за выслугу лість, и, въ случай его смерти, вдові не полагается выдачи пособій. Преподаватель пользуется ежегоднимъ вознагражденіемъ въ размірі 1.200 — 1.500 кронъ и, кромі того, даровымъ помінценіемъ въ 2—3 комнаты съ отоп-

леніемъ. Въ летнее время за левціи онъ получаеть, сверхъ своего жалованья, еще добавочное вознагражденіе по усмотрівню правленія. Съ 1872 года шведскія высшія народныя школы начали польвоваться субсидіей отъ государства. Шволы съ одногодичнымъ вурсомъ, въ 1901 году получали не свыше 3.000 вронъ, съ двухгодичнымъ-не болъе 5.000 вронъ. Выстія женскія народныя шволы субсидировались суммою не свыше 1.800 вронъ въ годъ, причемъ особымъ женскимъ курсамъ, при мужсвихъ высшихъ народныхъ шволахъ, государство отпускало не болве 1.000 вронъ. Въ общей сложности государственная субсидія, выдаваемая высшимъ народнымъ школамъ, была значительно увеличена въ 1900 году и доведена до 120.000 вронъ въ годъ. Въ мужскихъ высшихъ народныхъ шволахъ плата за право слушанія лекцій колеблется въ предвлахъ 30-80 кронъ, смотря по программ'в, принятой въ швол'в. Въ женскихъ высшвиъ народныхъ шволахъ плата понижается почти на половину противъ мужскихъ. Неимущіе учениви въ большинствъ случаевъ совершенно освобождаются отъ взноса установленной платы или же съ нихъ ванмается только половина ея. Насколько дешево обходятся нъкоторыя высшія народныя школы, можно судить изъ приводимой отчетности, изданной школой съ одногодичнымъ курсомъ. Прижодо: государственная субсидія — 2.000 вронъ; отъ общины— 2.000 вронъ; отъ сельскохозяйственнаго общества - 1.000 вронъ; взносъ ученивовъ за слушаніе левцій—1.000 вронъ; плата, вносимая ученивами за наемъ ученическихъ квартиръ при шволъ-700 кронъ; итого 6.700 кронъ. Расходъ: жалованье всему педагогическому персоналу-5.000 кронъ; отопленіе и освъщеніе-700 вронъ; уборва помъщенія и веденіе внигь-200 вронъ; объявленія и типографскіе расходы—150 кронъ; пополненіе инвентаря и школьныя пособія — 300 кронъ; почта, фракты и податныя повинности-350 вроиъ; итого 6.700 вроиъ. Приходъ и расходъ въ женскихъ высшихъ народныхъ курсахъ, продолжительность которыхъ обыкновенно колеблется въ предълахъ трехъ летнихъ месяцевъ, не превышаютъ 1.500 кронъ. Сравнивая женскія высшія народныя школы въ Швеціи съ таковыми же въ другихъ скандинавскихъ странахъ, нельзя не заметить, что въ первой относятся въ нимъ безъ надлежащаго вниманія. Дъйствительно, на нужды этихъ шволъ отпусваются весьма ограниченныя средства, принятая въ нихъ программа отличается неполнотою, срокъ прохожденія курса сокращенъ въ четыре раза. противъ мужскихъ шволъ и, къ довершению всего, совивстное обученіе д'ввиць и юношей стало допускаться лишь недавно 1). Все это не освобождаеть шведскую націю отъ вполив заслуженняго ею упрека въ н'якоторой косности.

Пользунсь государственной субсидіей, шведская высшая народная швола, тёмъ не менёе, освобождена отъ правительственнаго контроля. Въ Даніи, напротивъ, надъ нею поставленъ особий чиновникъ въ качестве инспектора, который, впрочемъ, совершенно не касвется внутренней жизни и не уполномоченъ стёснять въ ней свободу преподаванія. Его дёятельность сводится, главнымъ образомъ, къ наблюденію за правильнымъ расходованіемъ денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ государствомъ. Избёгая вредной централизаціи и сознавая необходимость предоставленія высшимъ народнымъ школамъ поливиней независимости, шведское правительство предусмотрительно ограничилось лишь опредёленіемъ размёровъ субсидій.

IV.

По своей организаціи высшія народныя школы въ Швецін представляють собою совершенно свободныя учрежденія и різво отличаются отъ правительственныхъ учебныхъ заведеній. Вся діятельность послёднихъ не выходить за предёлы ихъ наружныхъ ствиъ, и внутрь которыхъ, встати замвтить, не особенно охотно пускають посторонняго посётителя. Высшія народныя школы, напротивъ, вовсе не отличаются такою замкнутостью, и ея педагогическій персональ не боится ни контроля, ни критики. Самый строгій репортерь — здісь желанный гость. Придется ему написать что-нибудь дёльное о школё, указавъ на подмёченные имъ недостатви-ему будуть только благодарны. Пожелаеть онъ написать вздоръ — его высмёють въ печати самымъ безпощаднымъ образомъ. Главевашимъ принципомъ этихъ школъ служить возможно тесное сближение педагогическаго персонала не только съ учащимися, но также и съ окружающей народной средой. Это полезное сближение придаеть высшей народной школъ большую жизненность и содъйствуеть болье быстрому распространенію ея благотворнаго вліянія на десятви тысячь людей изъ низшихъ слоевъ населенія. Будучи доступною всёмъ и каждому, высшая народная школа сама создаеть себъ контроль въ лицъ всего

¹) Въ Швеція, въ области Норрландъ только въ послёднее время открыти двѣ высмія народныя школы съ совмёстнімъ обученіемъ вэрослыхъ мужчинъ и женщинъ.

окружающаго населенія, причемъ этотъ контроль во всёхъ отношеніяхъ имъетъ несомнънныя преимущества передъ всявимъ инымъ, какого бы вида онъ ни былъ. Господствующій въ этихъ школахъ духъ свободы проявляется также въ ихъ уставахъ и, въ особенности, въ тъхъ параграфахъ, коими опредъляются права и обязанности служащихъ. Объ отношенияхъ педагогическаго персонала въ директору или въ учащимся, какъ и вообще о "под-чиненности", не говорится ни одного слова. Ихъ взаимныя отношенія подсвавываются самою жизнью и устанавливаются по обоюдному молчаливому соглашенію помимо всякой регламентаціи. Преподаватель пользуется поливишей свободой, влекущей за собою необывновенную плодотворность его д'вятельности. Судя по сущности швольной организаціи, онъ обяванъ выработать свою собственную систему, имъть свой собственный методъ преподаванія, основанный на практическихъ данныхъ и выработанный многолътнимъ опытомъ на поприщъ педагогической дъятельности. Онъ не долженъ придерживаться метода кабинетныхъ тружениковъ, стоящихъ вдали отъ живого дъла и замыкающихъ школьное дъло въ возможно тъсныя рамки. Школа должна быть прежде всего жизненной, и всякія мъропріятія ограничительнаго свойства дълають ее только мертвой, отражаясь неблагопріятно на общемъ развитіи учащихся. Многолітияя педагогическая правтика давно уже увазала на необходимость применения особаго метода во всъхъ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ и весьма опредъленно выяснила всъ слабыя стороны строгой подчиненности преподавателя чинамъ школьной администраціи. На сов'єсти преподавателя лежить тажелая отв'єтственность за направленіе умовъ молодежи и ея нравственные идеалы, а потому вполнъ естественио, что его д'вятельность должна быть ограждена отъ вм'вшательства административныхъ лицъ школы. Приглашая его занять преподавательсвое м'ясто, администрація школы, тімъ самымъ, выражаеть ему свое полное дов'яріе. Не в'ярить ему послів этого—было бы верхомъ непоследовательности.

Въ высшія народныя шволы принимають слушателей не моложе 18-ти л'ять. Эта норма обусловлена серьезностью задачь, пресл'ядуемыхъ высшими народными шволами. Ихъ ученивами могуть быть лишь взрослые люди, а именно, молодежь, стремящаяся въ самообразованію по собственному своему побужденію, такъ вавъ лишь при сод'яйствіи уб'яжденной молодежи возможяо быстрое распространеніе полезныхъ знаній въ окружающей ее деревенской сред'я. Нер'ядко въ эти школы поступають молодые люди 25-ти л'ять отъ роду и только въ исключительныхъ случаяхъ

моложе 18-ти лѣтъ. Въ теченіе всего времени существованія въ Швеціи высшихъ народныхъ шволъ средній возрасть учащихся волебался въ предѣлахъ 20—22 лѣтъ для мужчинъ и 18—20 лѣтъ для женщинъ. Помимо опредѣленнаго возраста, другимъ условіемъ для пріема въ эти шволы служитъ предъявленіе свидѣтельства объ овончаніи народной или иной школы съ одинавовой программой.

"Методъ—это единственная форма, признаваемая высшей на-родной шволой,—говорить Гольбергь, диревторъ шволы въ Тэрна. -Имъ опредълнется ежедневная ся дъятельность или жизнь. Все живущее создаеть себъ положение и тъмъ сильнъе бьется жизвенный пульсъ, чъмъ правильнъе и отчетливъе отчеканивается оно въ характеристическихъ формахъ". Высшая народная школа стоитъ потому особнявомъ. Основанная на принципахъ свободнаго саморазвитія, она должна во всёхъ отношеніяхъ отличаться отъ прочихъ учебныхъ заведеній, и чёмъ существенные и рызче будеть это различіе, тымъ плодотворные становится ся двятельность. Дыйствительно, она не признаеть ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, она не выдаеть своимъ ученикамъ аттестатовъ или иныхъ свидътельствъ, и, наконецъ, она не придерживается какой-либо опредъленной системы въ преподавании и чтеніи лекцій. Въ Швеціи высшая народная школа старается по мірт возможности дать полное удовлетвореніе всімъ стучащимся въ ея двери, но въ то же время она отказывается прививать внаніе путемъ принужденія. Отказываясь отъ всякихъ вступительныхъ экзаменовъ и удовлетворяясь лишь представленіемъ свидътельствъ объ овончаніи народной школы, она имбеть въ виду этимъ самымъ соблюсти интересы представителей бъднъйшаго класса населенія, вынужденныхъ зачастую послів школьной скамьи, въ возраств 13 — 14 лють, предаваться усиленному физическому труду въ цъляхъ поддержанія семьи или же для собственного своего пропитанія и, такимъ образомъ, не имъющихъ свободнаго времени для усвоенія всего объема вступительной программы. Между тымъ, сыновья и дочери богатыхъ крестьянъ, при избыткъ свободнаго времени, въ случав надобности, всегда имъють возможность обратиться къ содействію дьячка или народнаго учителя, которые за небольшое вознаграждение подготовять ихъ къ высшей народной шволь. Высшая народная швола, такимъ образомъ, служила бы интересамъ преимущественно состоятельныхъ влассовъ населенія, что являлось бы вопіющею несправедливостью и противоръчило бы главной ен цъли. Она также не признаеть возможнымъ подвергать своихъ учениковъ различнымъ

испытаніямъ и въ томъ числё выпускнымъ экзаменамъ. Въ противномъ случаё, она грёшила бы противъ принятаго ею основного принципа — предоставлять учащимся полнёйшую свободу.

Высшая народная школа далека также оть мысли готовить спеціалистовъ. Ея назначеніе—-содъйствовать только общему развитію молодежи и облагораживанію ея душевныхъ силъ. Въ Швеція уже существуеть не мало всякихъ другихъ учебныхъ заведеній, выдающихъ дипломы и свидътельства. "Кто ищеть спеціальныхъ знаній, — говорить Гольмбергъ, — тому надлежить обра-щаться въ ремесленнымъ и техническимъ, но не въ высшинь народнымъ школамъ. Высшая народная школа имъетъ цълью внести больше свъта въ замкнутую крестьянскую среду, привязанную къ землъ силою обстоятельствъ. Только въ этой средъ, удаленной отъ просвътительныхъ центровъ и предоставленной самой себъ, она стремится возбудить интересъ въ жизни, при-вязать каждаго въ землъ и преподать полезныя знанія, необхо-димыя въ обыденной сельской жизни. Производить повърку знаній, пріобрътенных учениками, она признаеть совершенно без-полезнымъ уже потому, что сама жизнь сдълаеть это гораздо лучше и навърно не ошибется въ оцънкъ". Виъсто выпускныхъ экзаменовъ, высшія народныя школы устронвають празднества, имъющія семейный характеръ. Къ этому торжественному дню собираются въ школьномъ помъщеніи родители учениковъ, окончившихъ курсъ, сами ученики, весь педагогическій персональ, члены правленія, члены школьнаго союза и много другихъ постороннихъ лицъ. Зданіе школы украшается зеленью и флагами — шведскими, норвежскими и датскими. Задушевная прощальная рвчь директора въ своимъ ученикамъ завершается прекраснымъ исполнениемъ патріотическихъ пъсенъ, послъ чего слъдуетъ скромный объдъ, за которымъ произносятся многочисленныя ръчн учениками и прочими присутствующими. Этотъ радостный день на всю живнь сохраняется въ памяти бывшихъ ученивовъ и содъйствуетъ еще большей привязанности ихъ въ шволъ и педагогическому персоналу, съ которымъ они впоследстви не прекращають сношеній.

Высшія народныя школы не выдають дипломовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи курса также на томъ основаніи, что вообще всякаго рода аттестаты вызывають среди учениковъ нежелательное соревнованіе. Первенство, какъ и погоня за первенствомъ въ молодыхъ годахъ, при неустановившемся характерѣ, содѣйствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, пробужденію дурныхъ инстинктовъ. Юный лицемѣръ, обладающій большими спо-

собностями и энергіей, можеть легко обмануть своихъ наставвиковъ и добиться первенства въ влассъ. Такимъ образомъ, иалонравственный юноша, въ роли первенствующаго, считался би достойнымъ подражанія. Окончивъ курсь съ блестящимъ дипломомъ, онъ вступить въ жизнь съ затаенною мыслью и здёсь прокладывать себь путь къ первенству. Но жизнь -- болъе суровая и трудная школа, а путь къ славъ и почестямъ-полонъ всявихъ соблазновъ и препятствій. На этомъ тернистомъ пути нравственно погибаютъ честолюбивые юноши и, падая все неже и ниже, становятся ватёмъ отъявленными негодяями, для которыхъ преступленія считаются единственнымъ средствомъ до-стиженія жизненныхъ цёлей. "Primus", нёкогда достойный подражанія и составлявшій гордость шволы, становится въ жизни отъявленнымъ негоднемъ! Какан безжалостная насмъшка самой жизни надъ школой и бъдными педагогами!.. Для шведской высшей народной школы болъе желателенъ нравственный юноша, съ благороднымъ сердцемъ и возвышенною душою, нежели молодой человъвъ, черезъ врай насыщенный всякими знаніями, но, въ то же время, правственно неустойчивый. Кто гонится за свидътельствомъ, того не удержить дома свромная деревенская обстановка. Онъ будеть всеми силами добиваться "теплаго мёстечва" и такъ или иначе стремиться въ тому, чтобы и его тоже "титуловали" какъ-нибудь "поприличеве". Его будеть тянуть въ городъ-иногда разсадникъ всявихъ золъ-между тъмъ, высшая народная школа стремится каждаго своего ученика привязать въ землъ.

٧.

Подробный, отчетъ, составленный директоромъ высшей народной школы въ Тэрна, весьма обстоятельно знакомитъ насъ съ порядкомъ обученія, принятымъ во всёхъ подобныхъ школахъ, вслёдствіе чего мы и обратимся главнымъ образомъ къ разсмотрѣнію этого источника.

Содъйствуя повышенію народнаго образованія и пробуждая въ своихъ ученикахъ гражданскій духъ, высшая народная школа, кромъ того, стремится дать и необходимую въ жизни правтическую подготовку. Съ этою цълью она придаетъ большое значеніе правтическимъ занятіямъ и рекомендуетъ своимъ ученикамъ принимать въ нихъ воможно больше активнаго участія. Въ ея программу входятъ слъдующіе предметы обученія: шведскій языкъ, исторія, географія, общинное устройство и коммунальные законы, госу-

TOME VI.-JERABPL, 1902.

дарственное устройство Швеців, естествовідівніе, математива, межеваніе и нивеллировка, черченіе и рисованіе, бухгалтерія, каллиграфія и пъніе. Преподаваніе ведется путемъ чтенія популярныхъ левцій, во время которыхъ преподаватель задаетъ своимъ слушателямъ многочисленные вопросы и неръдко, уклоняясь отъ главной темы, приводить попутно примъры изъ исторіи или современной жизни шведскаго народа. Въ случав неудовлетворительныхъ ответовъ, онъ старается наводить ученивовъ или же самолично разръшаеть болъе сложные вопросы. Этимъ простымъ способомъ опытный преподаватель, обывновенно, достигаеть лучшихъ результатовъ, нежели присяжный лекторъ, котя бы обремененный большимъ вапасомъ знаній, но не ум'єющій внести въ свою левцію полезное оживленіе. Многол'ятніе опыты въ Швецін показали, что вполнів благопріятные результаты обнаруживаются лишь въ тъхъ школахъ, въ которыхъ наблюдается больше жизненности, свободы и активнаго участія со стороны учащихся. Во всёхъ высшихъ народныхъ школахъ въ опредёленные дви устроиваются, такъ называемыя, "свободныя обсужденія", имъющія нравственно-воспитательное значеніе. Здівсь на обсужденіе всей аудиторіи предлагаются многочисленные примітры, взятые непосредственно изъжизни, или же нъкоторые случаи, приводимые въ сочиненияхъ лучшихъ шведскихъ писателей. Путемъ всесторонняго освъщенія обсуждаемыхъ вопросовъ преподаватель старается обратить должное внимание слушателей на причины происхожденія многихъ явленій въ общественной жизни. Отдавая предпочтение психологическому элементу и разсматривал каждое явленіе съ этически-религіозной точки зранія, онъ наводить слушателей на мысли, могущія возбудить въ каждомъ слушатель чувство состраданія въ слабымъ, бъднымъ и угнетеннымъ, тавже кавъ и чувство любви и симпатіи во всему благородному и возвышенному. Указывая на общественные недостатки или слабыя стороны отдъльныхъ лицъ, преподаватель объясняетъ причины, вызывающія ихъ, и туть же приводить нісколько приміровь удачной борьбы съ ними. Его объясненія, несомивню, въ иныхъ случаяхъ могутъ быть нъсколько тенденціозными, но, тъмъ не менъе, этимъ онъ нисколько не вредить общему ходу дъла. Предполагая, что большинство преподавателей вполнъ опытные люди и стараются принести пользу, руководясь лишь самыми добрыми намъреніями, можно съ достовърностью утверждать, что "свободныя обсужденія" служать самымь сильнымь и безопаснымь средствомъ въ рукахъ школы, съ помощью котораго она въ вратчайшій срокъ оказываеть рішительное воздійствіе на духовное развитие учащихся. Благодаря этимъ "обсужденіямъ", своевременно открываются глаза у слушателей и спадаетъ тя- желая завъса, скрывающая отъ народа истину, въ познаніи которой онъ прежде и болъе всего нуждается. Вполив естественно, что, затрогивая самые жгучіе вопросы дня, "свободныя обсужденія" представляютъ огромный интересъ для учениковъ, а потому и посъщаются ими весьма охотно.

Главивними предметами обученія во всёхъ шведскихъ высшихъ народныхъ шволахъ считаются исторія, географія, общинное н государственное устройство Швецін. "Исторія, -- говорить директоръ шволы въ Тэрна, -- должна служить основаніемъ общественвому пониманію и мышленію. Она должна отврывать глаза молодежи и содъйствовать усвоенію правильнаго взгляда на жизнь трудящагося и борющагося народа, чтобы этимъ самымъ наши юноши могли пронивнуться духомъ строгаго гражданства. Пусть наша молодежь трудящагося власса поближе познавомится со всеми основами, на воихъ покоятся религія, общество, семья, трудъ, обычан и родной очагъ. Мы рождаемся безъ всякаго представленія о нихъ и должны изучить ихъ въ дни нашего юношества. Какимъ же образомъ намъ удастся своевременно получить всв необходимыя знанія, если въ число предметовъ обученія нашей шволы не войдуть природа нашей родины, памятники нашей старины и историческое развитие нашего народа, его поэты, пъсни, церковь, общинное и государственное устройство? Наши консерваторы, --продолжаеть онъ же, --упорно твердять о безполезности и непрактичности идейнаго образованія, и въ особенности когда оно предлагается трудящемуся сословію. Однако, они не подозръвають, что ихъ собственная духовная слепота содействуеть проложенію широкаго пути для восмополитизма, общественной распущенности и даже радикализма. Если даже для взрослой молодежи трудящагося сословія мы станемъ усердно закупоривать всв саные лучшіе источники гуманитарнаго образованія, то будемъ ли мы вправъ потомъ жаловаться на весь народъ за преступность и недостаточность у насъ общественнаго духа? Ужъ не думають ли господа вонсерваторы, что все само собою устроится въ лучшему? Именно на трудящемся влассъ должна повоиться вся будущность нашей страны. Только правдивая исторія и свободное преподаваніе могуть въ значительной степени подогрёть любовь въ родинъ и содъйствовать желанію быть полезнымъ ей. Только осмысленное и справедливое отношение ко всему совершающемуся и достойная, сознательная привязанность въ родинъ способны, въ трудныя минуты, возбудить въ народъ доброволь-

ное желаніе пойти на крупныя жертвы. Но прежде всего надо просвътить его, надо показать въ правдивомъ свъть все его прошлое и настоящее, надо подарить ему высокіе идеалы, достойные просвещеннаго народа... Высшая народная школа должна пробуждать въ народъ чувство человъчности и возбуждать въ немъ глубочайщее отвращение въ идев насилия. Въ этомъ отношеніи изученіе исторіи им'веть также огромное значеніе. Д'яйствительно, только изъ исторіи молодежь трудящагося иласса узнаеть, что свободное развитіе народовъ во всв времена служило величайшей побуждающей силой въ дуковной ихъ жизни, и что только ею обусловливается достижение вначительных вультурных успаховъ. Она также увнаеть, что во всё времена человъческаго бытія немногочисленные, но культурные народы упорно отстаивали свою политическую независимость, свою свободу, свои обычан, ваконы, все, что было дорого ихъ сердцу и съ чемъ было тесно свявано ихъ прошлое. Предъ ея глазами развертывается чудовищная вартина подавленія мелкихъ народностей, ихъ тщетной борьбы и гибели. Съ другой стороны, она узнаетъ, что нъкоторымъ малочисленнымъ народамъ удавалось отстоять свою самобытность даже въ тв времена полнаго произвола грубой силы, когда всакое право опиралось только на мечъ, когда въра въ чудодъй-ственную силу темницъ, пытокъ и висълицъ была еще слишкомъ глубова, и когда не только простые смертные, но и государственные мужи были проникнуты убъжденіемъ въ возможности по любому шаблону перекранвать цёлыя страны и пересоздавать ихъ народы"...

Во всёхъ скандинавскихъ странахъ-въ Даніи, Норвегіи, Швецін, — высшія народныя шволы придають огромное значеніе изученію исторін; однаво только въ Даніи и Норвегіи оно вызывается сволько-нибудь серьезными политическими соображеніями. "Наша норвежская высшая школа, --- говорить Хр. Бруннъ, -- окрымена надеждой оказать значительное содъйствіе возрожденію въ Норвегів духа предвовъ. Необходимость этого возрожденія, какъ и всего, ведущаго въ нему, признается у насъ даже врестьянами. Многое, им вющее чисто-норвежское происхождение, успвло уже исчезнуть въ городахъ, благодаря неудержимому стремленію горожанъ къ иноземному образованію. Между тімь, въ тихой, замвнутой сельсвой жизни оно сохранилось еще и по настоящее время. Наша высшая народная школа должна поэтому всёми мёрами стараться уберечь все свое, оставшееся еще нетронутымъ западно-европейсвой цивиливаціей. Мы должны поспъшить на помощь врестынамъ и своевременно укръпить ихъ нравственныя силы на случай встречи съ чужевемцемъ, могущей произойти во всякое время. Естественно, что въ этихъ цёляхъ школа должна давать свониъ ученикамъ надлежащее образованіе, хотя и не узко національнаго характера, но все-же содействующее развитію осмысленнаго патріотизма"... Преподаваніе отечественной и всеобщей исторіи въ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ, впрочемъ, вовсе не сводится къ проповедыванію нетерпимости и исключительности я служитъ, главнымъ образомъ, средствомъ къ пробужденію гражданскаго духа.

Ознакомленіе учениковъ съ общиннымъ устройствомъ и общинными законами перенесено исключительно на практическую почву. Въ аудиторіи учениви образують, примърно, общинное правленіе, распредёлня между собою соотвётствующія должности. Одинъ, напримъръ, завъдываетъ денежными средствами общины, другой призрвніемъ бъдныхъ, третій путими сообщенія и т. д. Выборы въ общинное правленіе, также какъ и его засъданія все это продълывается въ аудиторіи съ соблюденіемъ всёхъ формальностей и въ присутствіи учащихся. Въ имфющіяся особыя книги, кром'в того, заносятся всё протоколы прим'врнаго засёданія и предполагаемыя смъты. Благодаря этому методу, учениви въ самое непродолжительное время успъваютъ весьма основательно изучить всв особенности общиннаго строя и общинные завоны въ полномъ ихъ объемъ. Критическое отношение присутствующихъ, выражающееся въ детальномъ разборъ всъхъ послъдовавшихъ распоряженій, вносить въ эти занятія особую оживленность и возбуждаеть къ нимъ большой интересъ. Въ числъ присутствующихъ почти всегда можно видъть врестьянъ изъ ближаншихъ деревень, слъдящихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всвиъ происходящимъ и нервдко принимающихъ двятельное участіе въ жаркихъ спорахъ. Такимъ образомъ, двятельность высшей народной школы переносится далеко за предълы ея мъсторасположения и усугубляется польза, приносимая этими практическими ванятіями.

Отечественная географія также проходится весьма основательно. Кром'в подробнаго изученія природы и достоприм'вчательностей Швеціи, ученикамъ читаются лекціи объ условіяхъ жизни въ разныхъ частяхъ ея, о заводской промышленной д'ятельности страны, о путяхъ сообщенія, и пр., и пр., причемъ обращается весьма серьезное вниманіе на подробное изученіе географической карты Швеціи.

По математивъ каждый ученивъ проходить столько, сколько онъ вообще усиветь усвоить, хотя, напримёръ, по алгебръ курсъ

ограниченъ до уравненій первой и второй степени. По геометріи, обыкновенно, успавають пройти всю планиметрію. Юноши занимаются математикой весьма охотно,—но большинство давушекъ обнаруживаеть къ этому предмету не только полнайшее равнодушіе, но даже непреодолимое отвращеніе.

Межеваніе и нивеллировка сперва проходятся теоретически, по учебнику. Весной ученикамъ выдаютъ инструменты, и они нъсколько дней на свъжемъ воздухъ занимаются измъреніями и съёмкой мъстности. Зачерчиваніе плановъ сопровождается иллюминованіемъ всъхъ деталей соотвътствующими красками. Къ этимъ занятіямъ ученики проявляютъ большой интересъ, и всъ работи исполняются ими весьма тщательно.

По черченію, вром'в вышеупомянутых работь, обращается вниманіе на вычерчиваніе географических варть, геометрических фигурь, прост'в'йших рисунковь мебели, полевых орудій, плановь и разр'язовъ несложнаго типа жилых строеній, конюшевь, сараевь и других хозяйственных построекъ. Кром'я того, на бумаг'я исполняются планы и разбивка цв'ятниковъ, огородовъ и небольших садовъ, съ иллюминованіемъ вс'яхъ деталей. Вс'я чертежи и рисунки исполняются въ различных масштабахъ.

Счетоводство и книговодство проходятся лишь настолько, насколько они необходимы въ несложномъ врестьянскомъ обиходъ, причемъ только незначительная часть учениковъ практически изучаетъ также торговое счетоводство. Ученицы ограничиваются усвоениемъ несложнаго счетоводства по домашнему хозяйству.

Шведскимъ языкомъ ученики занимаются довольно много. Въ программу занятій входить: прохожденіе грамматики, упражневіе въ письм'в, громкое, выразительное чтеніе, переводы съ датскаго и норвежскаго азыковъ на шведскій, составленіе дов'вренностей, удостовъреній и дъловыхъ писемъ и писаніе небольшихъ сочинений преимущественно на темы описательнаго характера. Научаясь правописавію и правильному изложевію своихъ мыслей, учениви, вромъ того, знакомятся съ письмоводствомъ, необходимымъ для каждаго крестьянина въ его обыденной деревенской жизни. Стремясь, помимо научныхъ истинъ, дать своимъ ученинамъ также практическую подготовку, высшая народная школа твиъ самымъ располагаетъ въ свою польку ихъ родителей, отдающихъ всегда предпочтеніе практическимъ занятіямъ. Шведскій крестьянинъ, прежде всего, самъ человъкъ весьма практичный, и желаеть, поэтому, въ лицъ своего сына имъть серьезнаго помощника, а не болтуна и верхогляда. Онъ мирится съ идейнимъ образованіемъ сына только потому, что въ школю онъ пріобретаетъ, кроме того, много полезныхъ сведеній, облегчающихъ веденіе широкаго хозяйства. Сверхъ всего перечисленнаго, учениви высшей народной школы знакомятся съ лучшими образцами шведской изящной литературы, народными сагами и біографіями выдающихся шведскихъ поэтовъ и писателей.

Естествовъдъніе проходится особенно подробно уже потому только, что большинство учениковъ принадлежить въ земледъльческому влассу и современныя условія жизни требують основательнаго изученія этого предмета. Левціи по химіи, физивъ, геологін я почвовъдънію сопровождаются показываніемъ таблицъ, рисунковъ, чертежей, инструментовъ и несложныхъ опытовъ. Ученицы, кром'в того, изучають кухонную химію, физіологію и домашнюю гигіену. Въ Швеціи давно уже стараются обратить вниманіе будущихъ матерей на серьезное ознакомленіе съ главнъйшими основами правильнаго ухода за ребенкомъ и борьбы съ многочисленными бользнями, похищающими ежегодно десятки тысячь детей. Высшая народная школа, желая идти на встречу обществу, стремящемуся въ пониженію смертности въ Швеціи 1), обращаетъ особое внимание ученицъ на правила соблюдения чистоты помъщенія, воздуха, питьевой воды, постели, бълья, собственнаго тыа и пр. Лекціи по вышеуказаннымъ предметамъ читаетъ ученицамъ непремънно женщина.

Слово Божіе не входить отдёльнымъ предметомъ преподаванія въ общую программу занятій, котя высшія народныя школы весьма заинтересованы тёмъ, чтобы ученики были проникнуты христіанскимъ духомъ. Въ нёкоторыхъ высшихъ школахъ сами преподаватели устроиваютъ христіанскія бесёды, причемъ выборътемы зависить исключительно только отъ нихъ же самихъ. Начало и конецъ ежедневныхъ занятій сопровождаются пёніемъмолитвъ и псалмовъ.

Пъніе имъло всегда большое значеніе въ жизни скандинавскихъ народовъ, а потому вполнъ естественно, что на него обращается много вниманія во всъхъ мъстныхъ школахъ. Высшая народная школа озабочена проведеніемъ въ жизнь только лучшихъ народныхъ пъсенъ и совершенно вытъсняетъ неприличныя,

¹⁾ Въ западной Европѣ за 1861—1870 гг. и 1886—1895 гг. смертность достигала 26,1 и 23,3 на тысячу человѣкъ; между тѣмъ, въ Швеціи, за тѣ же періоды, она достигала лишь 18,3 и 16,5 человѣкъ на тысячу. За періодъ 1886—1895 гг. смертность въ европейскихъ странахъ достигала: въ Швеціи—16,5, въ Норвегіи—16,9, въ Даніи—18,7, въ Англіи—18,8, въ Шотландіи—19, въ Нидерландахъ—20, въ Бельгіи—20,2, въ Швейцаріи—20,2, въ Финдляндіи—20,2, во Франціи—22,5, въ Германіи—24, въ Италіи—27, въ Венгріи—32 и въ Россіи—34.

сложенныя въ различныхъ притонахъ. Она не задается цёлью организовывать у себя стройные хоры и обучать учениковъ трех-голосному пёнію. Въ лучшемъ случай она довольствуется исполненіемъ пёсенъ въ два голоса. Пёніе также не входить въ число отдёльныхъ предметовъ обученія, но имъ, обыкновенно, начинаются и заканчиваются всё лекціи по исторіи и географіи, а также такъ называемыя "свободныя обсужденія".

Высшая народная школа въ Тэрна придерживалась въ 1897 г. слъдующаго росписанія занятій. Ежедневно между 7,30—7,45 часами утра исполнялось пъніе молитвъ и псалмовъ, послъ чего слъдовали лекціи между 7,45—8,45, 9—10, 10—11, 11,15—1215, 2—3, 3—4, 5—6 и 6—7 часами. Шведскому языку, включая сюда литературу, въ недълю удълялось 7 часовъ, исторіи—4 ч., географіи—3 ч., естествовъдънію—4 ч., счетоводству и математикъ—6 ч., черченію и рисованію—4 ч., каллиграфіи—3 ч., книговодству—2 ч., общиннымъ законамъ и государственному устройству—2 ч., теоретическому курсу межеванія и нивеллировки—1 ч., свободнымъ обсужденіямъ—1 ч., бесъдамъ—2 ч., практическимъ занятіямъ по дъламъ общиннаго правленія—1 1/2 ч., диспутамъ—1 1/2 ч., пънію—2 ч., прочимъ практическимъ занятіямъ—2 часа; итого—46 часовъ въ недълю. Въ субботу занятія оканчивались немного раньше обыкновенныхъ дней.

Во всёхъ высшихъ народныхъ школахъ ежегодно устроиваются 2—4 празднества для учениковъ, на которыя приглашаются также крестьяне, давно окончившіе въ нихъ курсъ. Въ эти дни всё помёщенія украшаются зеленью, флагами и транспарантами, приглашаются мёстные музыканты, устроиваются литературныя чтенія, причемъ декламируются лучшія произведенія шведскихъ поэтовъ, произносятся рёчи и всё присутствующіе соединеннымъ хоромъ исполняютъ народныя и нёкоторыя патріотическія пёсни. Во многихъ мёстностяхъ существуютъ союзы, членами которыхъ состоятъ исключительно мужчины и женщины, окончившіе курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ. Они поддерживаютъ тёсныя сношенія со школой и перёдко собираются въ ея помёщеніи послушать особыя лекціи и чтенія, устроиваемыя для нихъ педагогическимъ персоналомъ.

Высшія народныя школы имоть свой собственный печатный органь и могуть похвалиться выпускомь значительнаго числа изданій, вышедшихь изъ-подъ пера не только лиць педагогическаго персонала, но также и бывшихь учениковь.

К. Грэнгагенъ.

ВЪ

БУДАЕВСКОЙ УСАДЬБЪ

РОМАНЪ.

T.

Тихій вечеръ ранней весны давно уже надвигался на землю —и незамѣтно наступилъ въ роскошномъ паркѣ Будаевской усадьбы.

Краски темнёли на небё, точно жухли на недавно подмалеванномъ холстё; темнёли и просвёты длинныхъ аллей, безконечно тянувшихся въ разныхъ направленіяхъ парка; подъ развёсистыми вётвями вёковыхъ деревьевъ складывались шатры вечерней тьмы, а подъ кустами—свивались клубами темносинія тёни.

Казалось, природа укладывалась спать и окутывалась покрываломъ, боясь ночного холода.

За темными рощами, въ которыя постепенно переходиль будаевскій паркъ, луна еще не вставала, да и небо затянуто было плотной завъсой густыхъ, почти черныхъ облаковъ.

Въ обширномъ цвътникъ передъ домомъ старинной архитектуры пахло свъже взрыхленной землей, липкими почками деревьевъ, молодой травой и нъжнымъ, неопредъленнымъ запахомъ раннихъ весеннихъ цвътовъ. И вообще воздухъ вокругъ старой усадьбы напоенъ былъ ароматомъ, тъмъ еле уловимымъ благо-уханіемъ, которое составляетъ прелесть только-что родившейся весны.

Въ садъ выходила шировая и длинная терраса; ея стевлянную крышу поддерживали высокія, круглыя колонны, сдёланныя изъ кирпича и облицованныя известкой. Терраса шла вдоль всего задняго фасада дома и была такъ велика, что почти невозможно было разсмотрёть отчетливо лица людей, которые находились бы на разныхъ ея концахъ.

Высокое и широкое окно, выходившее на лѣвое крыло террасы, открылось подъ напоромъ чьей-то сильной руки. Въ техномъ отверстии окна показался силуэтъ дѣвушки.

Она съла на подовоннивъ, выглянула въ овно и стала жадно вдыхать прохладный воздухъ душистаго весенняго вечера.

Легкій вітеровь, точно играя и шутя, проносился по террась и освіжаль пыдавшія щеки дівушки.

И она почувствовала, вакъ "скверное" настроеніе уходить отъ нея съ каждымъ прохладнымъ лобзаніемъ весенняго в'ятерка.

Скверное настроеніе овладёло ею недавно, передъ вечеромъ— она сама не могла бы въ точности опредёлить, — почему и когда именно. Ей вспомнилось, что еще утромъ, когда ярко засвётило солнце, а въ паркё запёли птицы, она чувствовала себя прекрасно, бодро и весело.

Но по мъръ того, вакъ проходилъ этотъ чудный, свътлый день,—странная тревога прокладывала себъ путь въ ея ровно бившееся сердце. И сердце стало биться чаще и безпокойнъе.

Къ вечеру въ комнатъ стало душно, и щеки ея запылали. Ей захотълось свъжей волны воздуха, который, вмъстъ съ весенними ароматами, могъ бы ей принести и усповоение.

Теперь она зорко вглядывалась изъ открытаго окна въ насупившійся паркъ и въ тіни, перебівгавшія въ немъ подъ деревьями и кустами.

Ей казалось, что старый паркъ живетъ своей особой жизнью, своимъ самостоятельнымъ дыханіемъ. Ему до нея нътъ ръшительно никакого дъла, и онъ тихо подсмънвается надъ ея треволненіями.

А еще такъ недавно, еще сегодня, у нея было что-то общее съ этимъ паркомъ, гдѣ она часто проводила время часами, въ безмолвной бесѣдѣ съ его деревьями, кустарниками, лужайками и куртинами, скамейками и бесѣдками.

Въ немъ были укромные уголки, островки велени, оазисы цвътовъ, гроты и павильоны, которые она любила съ дътства, съ которыми сжилась съ самаго ранняго возраста.

За куртинами цвътника, прямо передъ окномъ ея комнаты открывалась широкая и безконечно-длинная аллея, обсаженная

могучими платанами. Въ самомъ концѣ аллеи, упиравшейся въ высокую каменную ограду, находилась калитка, за которой непосредственно начиналась роща.

Въ этомъ мёств, надъ оградой возвышалась небольшая каменная терраса съ кориноскими колоннами, по которымъ взбегали изъ рощи тонкія и цёпкія ветви плюща; колонны казались затванными этими лакированными листьями, среди которыхъ попадались иногда голубовато-лиловые цвёты павилики.

Отецъ дъвушки называлъ плющъ паразитомъ и довольно презрительно называлъ его тонкія и цъпкія вътви "ползучимъ гадомъ", живущимъ на счетъ соковъ деревьевъ, къ которымъ онъ цъпко привязывался.

Но ей плющъ казался върнымъ другомъ, тъмъ другомъ, который, разъ привязавшись къ дереву, остается ему върнымъ и неязмъннымъ до конца жизни.

Въ ея поэтичныхъ грезахъ плющъ былъ эмблемой върности и дружбы; въ одну изъ своихъ мечтательныхъ минутъ, на каменной свамейкъ кориноскаго павильона, она выгравировала сталью слъдующія слова: "Je meurs où je m'attache".

Такова, въ ея образъ мыслей, эмблема плюща и ея собственная эмблема, потому что она давно привязалась къ Будаевкъ, къ ея барскому дому, къ ея парку, рощъ, полямъ и лугамъ. Она сжилась, сроднилась съ ними, родилась среди нихъ и съ радостью готова была бы умереть вотъ на этой самой высотъ коринескаго павильона, въ который изъ парка вели каменныя ступени, искрошенныя временемъ и покрытыя въ углахъ зеленымъ мохомъ.

Сволько разъ забиралась она въ этотъ павильонъ съ книгой въ рукахъ! Сколько разъ книга выскальзывала изъ ен рукъ, а дъвушка прислушивалась къ своимъ мечтамъ или къ голосамъ природы—къ этому странному шороху рощи, къ этому ворчанію скрипучихъ платановъ, къ стрекотанію кузнечиковъ, къ пънію птицъ, къ аромату лъсныхъ цвътовъ, къ безмолвію неба, къ расцвъткъ кустовъ и деревьевъ!

Именно прислушивалась, — потому что шорохи, звуки, краски и ароматы были для нея голосами природы, которые много говорили ея душт, взросшей и воспитанной въ одиночествт, среди варковъ и рощъ этой забытой, покинутой владтльцами усадьбы. Это были ноты той великой и сложной симфоніи, которую она называла "Жизнью Природы" и въ которой было для нея все такъ гармонично и прекрасно...

Она стояла у овна и съ тревогой всматривалась въ этоть паркъ, молчавшій теперь какимъ-то трагическимъ молчаніемъ, точно въ предчувствіи біды.

Небо все больше и больше заволакивалось тучами, и тыма въ паркъ становилась все гуще и гуще.

И на душу дъвушки набъгали облака.

Почему этотъ парвъ кажется ей уже чужимъ, уже далевимъ, начавшимъ свое отступленіе? Никогда еще она не видъла его такимъ насупившимся и мрачнымъ.

Она знала его ранней весной, воть какъ теперь, съ его свътло-свътло-зелеными почками, съ его нъжной бархатистой травкой и блёдно-голубымъ небомъ. Въ это время года онъ точно одъвался въ легкія, прозрачныя ткани самыхъ неопредъленныхъ цвътовъ, и тогда въ немъ была какая-то странная гармонія полутоновъ, сладко и томно дъйствовавшая на ея молодую душу.

Въ разгаръ лъта парвъ проявлялъ особую силу жизни: платаны, дубы, каштаны одъвались въ темно-веленую густую листву, точно въ тяжелыя, дорогія ткани; густела трава на полянкахъ, которыя казались покрытыми плюшемъ самыхъ равнообразныхъ оттвиковь зеленой гаммы. Въ куртинахъ и цветникахъ ярко пестръли всевозможные цвъты, наполняя сладвимъ и тяжелымъ благоуханіемъ воздухъ. Солнце прив'втливо заглядывало сквозь чащу причудливо выръзной листвы, вое-гдъ накладывая позолоту на врая стволовъ; среди этой темно-зеленой симфоніи, залитыя солнцемъ лужайки казались отдёльными волотыми нотами, придававшими особую выразительность, особую силу общему радостному мотиву жизни. Прорываясь черезъ вътви и промежутки листьевъ, солнце разсыпало на аллен тысячи золотыхт. вружвовъ, нарушавшихъ монотонность широкихъ голубовато-зеленыхъ твией, и тогда казалось, что по этимъ аллеямъ разсыпаны расточительнымъ богачомъ червонцы. И всюду чувствовался мощный избытокъ жизни.

Осенью линяли враски, богатын зеленыя твани изнашивались, и красавица-природа какъ будто всюду спѣшила замѣнить до смерти ей надоѣвшій зеленый цвѣтъ всѣми оттѣнками желтаго. Симфонія перестроивалась въ другую тональность; желтѣла трава, отцвѣтали цвѣты на клумбахъ, а листья на деревьяхъ становнлись мѣдно-красными, темно-коричневыми, лимонно-желтыми; точно не желая нарушать общей гармоніи, небо тоже блѣдеѣло, чтобы не звучать диссонансомъ въ этой новой молльной симфоніи. Иногда по рощѣ и парку проносилась струя холодноватаго и рѣзкаго осенняго вѣтра и срывала сухіе, отжившіе сучья. И

платаны, медленно роняя широкіе, сухіе листья, съ шумомъ падавшіе на аллею, казалось, плакали тяжелыми слезами. Среди этой замиравшей природы, среди этихъ поблекшихъ тоновъ, на куртинахъ доцвётали яркіе осенніе цвёты и въ ихъ рёзкой окраскё было какое-то наглое ликованіе, смёлая похвальба.

И вотъ пошелъ снътъ, покрывая куртины, вътви и полянки своимъ серебрянымъ покровомъ; онъ какъ будто устроивалъ природъ дорогой металлическій футляръ, чтобы лучше сохранить всв ен цъности на будущее время. Странные эффекты давала тогда шарокая аллея, тянувшаяся передъ окномъ комнаты дъвушки. Темнокоричневый листопадъ на аллев, присыпанный серебристой снътовой пудрой, давалъ глазу красивыя питна. Такой печальной красотой прошлаго бываетъ красива головка бывшей красавицы, въ темныхъ волосахъ которой неумолимое время прокладываетъ сначала серебряныя нити, а потомъ цълыя пряди съдины. Ночью, при свътъ луны, широкая платановая аллея казалась таинственнымъ античнымъ путемъ священной рощи, въ мрачной чащъ которой должны были происходить какія-нибудь мистеріи.

Зимній вётеръ кружился иногда по аллей, точно плясаль при лунів дикую пляску, вздымая снівгь и крутя его въ воздухів; снівгь внезапно, въ разныхъ містахъ аллеи, вздымался партіями, которыя вытягивались въ длинные, тонкіе вихри, походившіе на привидінія въ саванахъ. И они такъ же быстро исчезали въ воздухів, теряясь среди оголенныхъ сучьевъ, какъ быстро возникали на землів изъ сніжныхъ сугробовъ.

Вътеръ завывалъ въ печной трубъ; казалось, цълый оркестръ игралъ въ паркъ зимнюю симфонію, съ ея унылыми мотивами, съ ея заунывными пъснями, въ которыхъ было столько рыдающихъ, точно срывавшихся съ голоса звуковъ. Дъвушка стояла тогда прислонившись къ оконному стеклу, узорчато изукрашенному снаружи морозомъ, и часами вглядывалась въ аллею, на которой шелъ зимній балъ серебристыхъ снъжинокъ, крутившихся въ вихръ медленнаго бълаго вальса...

Да, этотъ парвъ былъ истинымъ другомъ дъвушки. Она сжилась съ нимъ, чувствовала его, понимала его, любила его. Онъ умълъ таинственно говорить съ ней на ей одной понятномъ языкъ. Онъ умълъ огорчать ее и тотчасъ же находить утъщеніе. Онъ печалилъ, веселилъ и развлекалъ ее. Онъ давалъ ей высокія радости наслажденія звуками, красками и движеніемъ. Онъ давалъ ей въ этой забытой усадьбъ ощущеніе жизни, пріучилъ и привязалъ ее въ себъ невидимыми, но прочными нитями...

И ей теперь разстаться съ нимъ?

О, никогда! Скоръе умереть, легче умереть!

Она отошла отъ открытаго окна въ глубь комнаты и задумалась.

II.

Тихій вечеръ становился молчаливѣе и мрачнѣе; все затихло въ паркѣ словно передъ грозою, хотя грозы не могло быть такой ранней весною:

На небъ свапливались почти черныя тучи; вечернюю тишину нарушали отдаленныя трели не то лягушевъ, не то какой-то неизвъстной птицы, и когда эти трели умолкали, становилось еще безмолвиъе, еще мрачнъе вокругъ.

Изръдка раздавались съ другого конца террасы отдъльные выкрики карточныхъ игроковъ, и странно и больно нарушали настроеніе весенняго вечера.

Дъвушка недолго мечтала, сидя въ высокомъ и покойномъ креслъ; ее потянуло на воздухъ, на террасу, въ глубъ таннственнаго и мрачнаго теперь парка, къ той коринеской бесъдкъ, гдъ она такъ часто повъряла рощъ свои самыя сокровенныя мысли.

Она вышла на террасу.

Два желтыхъ огня, заключенныхъ въ матовые стевлянные шары, освъщали отдаленный уголъ ея блъднымъ опаловымъ пламенемъ.

За ломбернымъ столомъ сидъло четверо мужчинъ, и одинъ изъ нихъ, заслышавъ шаги на террасъ, крикнулъ:

- Вѣра, ты?
- Я, папа... отеликнулась девушка.
- Ты-что̀?
- Ничего, пойду прогуляться по парку.
- Будетъ дождь.
- Такъ что же? Я буду сидёть въ вориноскомъ павильоне.
- Ты распорядилась, чтобы намъ приготовили чай?
- Какъ же. Все будетъ готово къ десяти часамъ.
- Удостоили бы подойти въ намъ! кривнулъ хриплымъ голосомъ одинъ изъ партнёровъ, прерывая бесёду.
- Здравствуйте, Иванъ Михайловичъ! отвътила ему Въра. Нътъ, спасибо, я не подойду въ вамъ. Я не люблю винта. Мнъ жаль время, которое вы тратите на него во всъ времена года.
 - "И въ ненастные дни занимались они дъломъ", -- про-

говорилъ Иванъ Михайловичъ, —а вотъ ужъ дальше, убей меня Богъ, — не помню. Что-то такое "мѣломъ", а какъ, ей Богу, не внаю. Ну, все равно, зажмурьте глаза и подойдите. Вы зажмурите глазки, а я вамъ ручку поцѣлую.

Но Въръ не хотълось нарушать своего настроенія и, проговоривъ:

— "обойдетесь и такъ", — она быстро сбъжала со ступенекъ террасы и исчезла во тымъ, подъ вътвями платановъ.

Ее преследовали некоторое время голоса:

- Добрый вечеръ, Въра Дмитріевна!
- Вы на Ваванина злы, а за что же насъ обижаете?.. Вы говорите—три пики? Я—пассъ.
- Но ежели я говорю сразу: три пики—должны вы меня поддержать?

Раздраженнымъ голосомъ партнёръ отвътилъ:

- А ежели у меня карты самыя эсіопскія?
- Все равно, скажите что-нибудь...

Больше Въра ничего не слыхала. Ее охватило безмолвіе весенней ночи. Все быстръе и быстръе шла она по аллеъ кълюбимому павильону.

На террасъ продолжали играть.

Вававну, который играль съ отцомъ Въры, ужасно не везло. Что ни игра—ремизъ. Это происходило и отъ его неумънья играть, и отъ его художественной натуры: при видъ пяти незначительныхъ картъ одной масти, воображение его разыгрывалось, и онъ старался, во что бы то ни стало, вытянуть игру, которая неизбъжно лопалась по всъмъ швамъ при розыгрышъ. Система широкой игры ему не удавалась, и онъ вздумалъ подсиживать, но это выходило еще хуже. Онъ утанвалъ взятки и "прозъвывалъ" сносныя игры.

- Плохи вы сегодня, Иванъ Михайловичъ, сказалъ ему его партнёръ.
- И вовсе даже нъть, Дмитрій Александровичь. Нужно удивляться, напротивь, тъмъ чудесамъ, воторыя я дълаю съ такими зейопскими картами. Ей Богу! Воть, даже побожился.

Но его прервалъ одинъ изъ играющихъ.

— Божитесь, не божитесь, а вы играете какъ истый сапожникъ. И еще вамъ, можно сказать, везетъ, хотя вы и влюблены.

Онъ сказалъ это отрывисто, ръзко, сухимъ голосомъ, не допускавшимъ возраженія.

— Ну, теперь будетъ баталія!—сказалъ четвертый партнёръ, складывая карты на столъ, въ ожиданіи чего-то интереснаго. Вавакинъ взглянулъ на него.

- Вы ошибаетесь, Авоній Петровичь. У меня съ Сазановимъ никакой баталіи быть не можеть, проговориль онъ. Я врачь, и мнь, какъ врачу, отлично извъстно, что Діомидь Степановичъ страдаеть особымъ родомъ психическаго разстройства говорить всёмъ въ лицо "правду", или то, что онъ считаетъ правдой. Ей Богу, вы больны, Діомидъ Степановичъ. Посмотрите, какой вы худой и желтый, сказаль онъ Сазанову. Я здоровъ, какъ можеть быть здоровъ человъкъ на пя-
- Я здоровъ, какъ можеть быть здоровъ человъкъ на пятомъ десяткъ жизни. Но еслибы я былъ тяжко боленъ, то, конечно, предпочель бы умереть безъ вашей помощи. Потому что вы такой же плохой врачъ, какъ и винтёръ. И даже хуже.

Вававинъ передернулъ своими шировими плечами, провелъ рукой по съдъющимъ волосамъ и оглядълъ присутствующихъ, какъ бы приглашая ихъ подивиться вмъстъ съ нимъ на этого ръдваго чудава.

- Благодарю васъ и за эту правду. Но скажите: неужели вы не могли бы говорить вашу правду только тёмъ, кто о ней спрашиваетъ? Я, напримёръ, вовсе не спрашивалъ вашего миёнія ни о моей игрё, ни о моей любви, ни о моихъ врачебныхъ способностяхъ. Допускаю охотно, что я плохой винтёръ и еще худшій врачъ. Но при чемъ тутъ любовь? Ей Богу, не понимаю.
 - Вы не влюблены въ Въру Дмитріевну? Вававинъ спокойно улыбнулся.
- Допустимъ и это. Но развъ вто-нибудь у васъ объ этомъ спрашивалъ? Крыжовъ у васъ спрашивалъ? Тормиловъ спрашивалъ? Я—спрашивалъ?
- Никто, раздражительно отвётиль Сазановъ. Но я не вижу причины не говорить о томъ, что всё знають. И наконець это пришлось въ слову, и вы просто придрались въ этому слову. У васъ пренепріятный характеръ.
- Это называется съ больной головы на здоровую, —возразилъ Вавакинъ. — Намъ всёмъ казалось, что это у васъ непріятный характеръ. У васъ настоящая манія говорить "правду" въ глаза. Повторяю, это психозъ. Еслибы этого не было, вы до сихъ поръ служили бы непремённымъ членомъ присутствія. Но васъ уволили, потому что вы невыносимы съ своей правдой. Ей Богу же вы невыносимы, Діомидъ Степановичъ.

Крыжовъ и Тормиловъ поспешили прекратить этотъ разговоръ.

- Однаво, господа, не вернемся ли мы къ винту? Я—безъ вовыря,—сказалъ Крыжовъ,—а вы что, Дмитрій Александровичъ?
 - Я-пассъ, -отвътилъ Тормиловъ.
 - Но Сазановъ не унимался.
- Да, я невыносимъ, потому что говорю правду. Я знаю это таково наше время. Но мев невыносимо наше время и наше общество, которыя изолгались до последней возможности. Лгать—нынёшняя система. Чёмъ она лучше системы говорить правду? Я не вижу. Нужно иметь невоторое мужество, чтобы говорить правду... Три трефы... Все это условности. Некрасивой женщинё вы льстите изълюбезности. Глупо! Я говорю ей прямо, что она некрасива. Она и другіе сами это знаютъ... Я говорю: три бубны... Обыкновенно Вавакину говорять, что онъ играетъ мило, спокойно, пріятно, чтобы не сказать, что онъ играетъ какъ сапожникъ. Онъ и всё это знаютъ. Почему не сказать того, что всё знають, а непремённо навывороть? Глупо!.. Я—пассь, больше ничего.
 - Можно взять?
- Берите... Я не вижу, почему ложь лучше правды? Вотъ вы всѣ молчите, потому что всѣ изолгались и вамъ трудно сознаться, что я говорю правду. Губернаторъ сдѣлалъ нелѣпое заключеніе на моемъ докладѣ о видахъ на урожай. Я ему сказалъ, что это чрезвычайная нелѣпость. Онъ и всѣ это сознавали. Почему не сказать того, что сознается всѣми?.. Вотъ, напримѣръ, Вавакинъ пропускаетъ, и благодаря этому его единственный козырь пропадетъ. Я и говорю: глупо!
 - Хочу пропустить и пропускаю, огрызнулся Вавакинъ.
- И опять условная ложь. Вы это говорите, чтобы не сказать правды:— "да, я сдёлалъ нелъпъйшую ошибку по неумънью играть". Но у васъ не хватаетъ гражданскаго мужества.
 - Отстаньте! сказалъ Вавакинъ.

Тормиловъ улыбнулся.

— Да, лучше было бы бить,—проговориль онь, а Крыжовь съ видимымъ удовольствіемъ забраль взятку.

Сазановъ сдёлалъ новый ходъ и продолжалъ:

— Губернаторъ предписалъ мив въ недвлю представить подробный отчетъ о ходв эпизоотіи въ моемъ районв. Въ моемъ районв двадцать-двв волости и ни одной порядочной дороги. Чтобы только объвздить ихъ, нужно четыре-пять дней при хорошей погодв. Кромв того, нужно вездв побывать, всвхъ опросить, все обдумать, вернуться домой и еще дня три составлять отчеть. Я и сказалъ губернатору: — "ваше требованіе свидвтельствуеть о полномъ вашемъ незнакомствв съ двломъ"... Мы кон-

Томъ VI.—Декаврь, 1902.

чили партію: три туза, четыре онёра. Простая коронка... Воть почему я вышель въ отставку, Вавакинъ.

— Отстаньте.

Они начали новую партію, и Крыжовъ спросиль Тормилова:

— А что, Дмитрій Александровичь, "англичанинь" вашь действительно затра прівзжаєть?

Тормиловъ съ наружнымъ спокойствіемъ придвинуль къ себъ прикупку и отвътилъ:

- Да, завтра. Все приготовлено уже для его прієма. Въра, по врайней мъръ, говорила мнъ, что сама осматривала комнаты и приводила все въ порядовъ. Мнъ самому некогда было. Разныя дъла и отчетъ...
- Вотъ вы говорите это такъ спокойно, ввязался Сазановъ: — а между тъмъ я ясно вижу, что вы волнуетесь.
 - Я? Съ чего вы взяли? У меня все въ порядкъ.
- Нисколько въ этомъ не сомиваюсь и даже совершенно увъренъ. Но вы волнуетесь. И это очень естественно, когда въ свое родовое имънье прівзжаетъ хозяннъ, никогда въ немъ не бывавшій, и въ особенности такой, какъ вашъ "англичанинъ", какъ вы его называете. Ему наша жизнь чужда, наши порядки дики. До тридцати-двухъ лътъ онъ прожилъ въ Англіи, имъетъ слабое представленіе о родинъ и слабъйшее—о нашемъ хозяйствъ. И вотъ вы волнуетесь: какъ ему показать то, какъ объяснить это. И какъ ему покажется то, и какъ это...
- Онъ говорить, по крайней мірів, по-русски?—спросиль Вавакинь.
- Какъ мы съ вами, отвътилъ Тормиловъ. И даже пишетъ отлично.
 - Но почему же такъ?
- Это совершенно просто. Онъ родился въ Лондонъ, но съ дътства имълъ русскаго гувернера и воспитателя. Будаевъ, его отецъ, а мой покойный товарищъ по московскому университету, служилъ совътникомъ посольства въ Лондонъ и женился на англичанкъ. Онъ прівзжалъ сюда съ женой, когда она была беременна. Здъсь, осенью, онъ простудился и умеръ, а англичанку наша деревня такъ напугала, что она посиъщила убраться въ Лондонъ. Тамъ и родился Владиміръ Сергъевичъ. Онъ оставался тамъ съ матерью и два раза только пріъзжалъ въ Москву сдавать экзамены. Теперь онъ служитъ, какъ и братъ его, въ посольствъ, младшимъ секретаремъ, что-ли. Мать его умерла два года тому назадъ.

Онъ замодчалъ, сдалъ карты, разобралъ ихъ и, объявивъ игру, снова заговорилъ, обращаясь къ Сазанову.

- Чего же мей волноваться, Діомидъ Степановичъ? Я вёдь не простой, наемный управляющій, а старый другь его повойваго отца, его товарищъ по университету. И отецъ его мив вполев доввряль, да и онь тоже. Доказательство, что ни разу не прівзжаль проверять мои действія.
 - А зачвиъ теперь вдеть? спросиль Сазановъ.
- Онъ кочеть окончательно раздёлаться съ имёньемъ, продать его. Я не взяль на себя этой отвътственности и настояль, чтобы онъ самъ прівхалъ. Онъ хочеть навсегда поселиться въ Лондонъ.
- Ну, вотъ и причина вашего волненія. Куда вы дінетесь? Вы провели въ этомъ гивадъ всю жизнь, съ тридцати лъть, бросивъ для этого дела, по просьбе Будаева, даже службу. Вы сжились съ имъньемъ, съ деревней, съ домомъ, потерили здъсь жену, пріобрівли дочку. И вдругь все это бросить? Передать нивные, которое не ваше, но какъ бы ваше, какому-нибудь кущцу Обиралову и сдёлаться его привазчивомъ?
- Ни у вакого купца Обиралова ни приказчикомъ, управляющимъ я не останусь, — ръзво отвътилъ Тормиловъ.
 — На службу поступите? — участливо спросилъ Крыжовъ.
 — На службу въ моемъ возрастъ поступать поздно. Я уже
- отвывъ отъ чиновничьей службы. Но о чемъ вы, господа, волнуетесь? Будаевъ зоветъ меня въ Лондонъ, управлять его тамошними дълами и имъньемъ.
 - И вы повдете? спросилъ Сазановъ.
 - Нътъ, ръшительно отвътилъ Тормиловъ.
- Ну, воть и причина волненія вашего, да, пожалуй, и нашего, — сказалъ Сазановъ. — Нельзя же на старости остаться безъ дъла и безъ средствъ въ жизни...

Тормиловъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

- Вы стоите на своемъ. Я волнуюсь. Пусть такъ! Но безъ дъла и безъ средствъ я, во всявомъ случат, не останусь. Меня вовутъ въ себт наши состани Скуридины. Ихъ имтие—въ трехъ верстахъ отсюда и не хуже Будаевки.
 - Знаемъ! сказали Сазановъ и Крыжовъ.
- Условія отличныя. И Клавдія Егоровна, и Евгенія Львовна, тоже постоянно живуть за границей — эти въ Парижв, на водахъ и въ Ниццъ - и имъ нуженъ върный человъкъ. Имънье стало меньше давать дохода, и онв решили это лето провести здесь, чтобы изследовать причины и посоветоваться со мной. Можеть быть, я приму ихъ условія. Вы видите, особенно волноваться нечего... Мы безъ одной, но робберъ нашъ.

- Кончили?—спросиль Вавакинъ. Ну, если кончили, недурно напиться чаю.
- Съ коньякомъ? обратился къ нему Сазановъ. Зачёмъ говорить: "напиться чаю", когда слёдуетъ сказать: "напиться коньяку"?
 - Ей Богу, вы мев надовли, Сазановъ.
- Вотъ въ первый разъ вы сказали именно то, что думаете. Крыжовъ и Тормиловъ подсчитывали результаты игры, а Ваваннъ, вынувъ изъ портсигара толстую папиросу, закурилъ ее и сошелъ съ террасы въ паркъ.

III.

Въра сидъла въ своей любимой бесъдвъ и всматривалась въ рощу, тъни въ которой быстро сгущались.

Она продолжала мечтать.

Вотъ, среди ночной тьмы мелькаютъ по безконечнымъ, безлюднымъ въ эту пору полямъ свътлыя точки. Какъ будто таниственное пресмыкающееся извивается, съ шипъніемъ и свистомъ, по черной землъ, спъша изъ далекихъ, невъдомыхъ ей странъ, сюда, къ этой родной рощъ, къ этому милому парку.

Но это не чудовище, а повздъ, обывновенный повздъ, и свътлыя точви—овна вагоновъ. Въ одномъ изъ нихъ, сидя на мягкой скамъв, дремлетъ тотъ, кого всв будаевцы называютъ "англичаниномъ". Завтра онъ будетъ уже въ этомъ домв.

Какан тоска, какая печаль! Онъ нарушить ея уединеніе, ворвется въ качествъ хозянна въ ихъ мирную жизнь, начнеть заводить новые порядки и, можетъ быть, уволить отца ея отъ службы или продастъ имънье этому Щеклъеву, который давно уже подбирается къ Будаевкъ.

Отецъ говорить въ последніе дни о Скуридиныхъ. Какъ будто это одно и то же! Въ Будаевке родилась Вера, въ Будаевке ей хотелось бы и умереть. Здёсь дорогь ей каждый кусть, здёсь мило ей каждое дерево, а у Скуридиныхъ ей все, все чужое.

Кавъ странно, кавъ несправедливо, что земля—собственность. Развъ воздухъ можетъ принадлежать опредъленному хозянну? Никто не можетъ лишить ее права дышать воздухомъ родины, но, вотъ, можетъ пріъхать этотъ чужеземець и лишить ее права на родную землю.

По въръ и по рожденію этоть хозяннъ Будаевки — русскій. Здісь, въ этомъ домі складывалась жизнь его предвовъ съ старода - нихъ временъ. Они вили себъ уютное, надежное гиъздо, прочно устраивансь на этой землъ, среди этого парка. Поколъніе работало на покольніе и ткань прошлаго служила матеріаломъ для будущаго. А онъ, потомокъ этой древней семьи—чужой теперь для родины. Что представляетъ онъ собою: русскаго помъщика съ душою лорда? Всъ связи его — тамъ, гдъ-то, на далекомъдалекомъ, туманномъ островъ, небо котораго покрыто копотью фабричныхъ трубъ.

Въра вздрогнула.

Яркая зарница вспыхнула и погасла на темномъ небъ, среди деревьевъ рощи.

Ночью роща казалась мрачной, таинственной, печальной. Она точно спала, скорчившись подъ темнымъ пологомъ неба, которое походило на темносинее одъяло съ пестрыми цвътами мелькавшихъ весеннихъ зарницъ. Въръ чудилось, что и роща, какъ она сама, встревожена неизбъжной будущностью и грезитъ о томъ страшномъ времени, когда будущій владълецъ Щеклѣевъ нагонитъ сюда мужиковъ съ топорами, которые начнутъ рубить деревья, а потомъ корчевать пни.

Низво, надъ головою Вѣры свлонилась вѣтка дерева съ липвимъ и душистымъ весеннимъ листочкомъ. Онъ точно наклонился въ ней, чтобы поцѣловать ее въ лобъ. Ее тронула эта ласка рощи; но листокъ былъ холоденъ, сыръ отъ ночной росы, и по тѣлу ея пробѣжала дрожь. Ей показалось, что роща дрожитъ отъ страха подъ своимъ одѣяломъ и покрылась холодной испариной.

Никогда еще роща не казалась ей такой встревоженной, такой безпокойной, съ ея могучимъ дыханіемъ, съ ея глубокими, таннственными твнями.

Безпрестанно вспыхивавшія зарняцы нарушали теченіе ен мыслей. Когда посл'в вспышки становилось еще темн'ве вокругъ, Въра вновь возвращалась къ своимъ мечтамъ, все къ твиъ же мечтамъ о родин'в.

Родина имъетъ власть надъ человъкомъ. Человъкъ—растеніе, корни его—въ землъ. Онъ не вътеръ, свободно носящійся по полямъ...

По длинной аллев послышался скрипъ шаговъ.

Въра быстро повернула голову по направленію въ массивному темному силуэту стараго барскаго дома, который глядълъ на нее двумя-тремя освъщенными овнами.

По аллев, среди густой тымы, она, после долгаго напряженія, разглядела темную фигуру.

— Кто это? — спросила она.

- Утёшится жена, и лучшій другь забудеть друга, но я не вабуду тебя! "Тебя" это для поэзіи. И не могу утёшиться, когда васъ нётъ около меня, хриплымъ голосомъ проговорила темная фигура.
- Ахъ, это вы, Иванъ Михайловичъ!.. Вы меня испугали. Что вамъ?
- Пугается тотъ, у кого на душѣ неопрятно. У васъ, красавица, душа опрятная, и бояться вамъ некого и нечего. Все равно какъ мнѣ. А нужно мнѣ, чтобы вы шли съ нами чай пить.
- Винтъ кончили?—спросила она, съ сожалъніемъ разставаясь съ своимъ излюбленнымъ мъстомъ и спускаясь по ступенькамъ на аллею парка.
- О, yes! вавъ, въроятно, будетъ говорить владълецъ этого имънья, когда пріъдетъ сюда. Винтъ кончили. Все было кавъ по программъ: Сазановъ говорилъ, по обывновенію, намъ всъмъ свою "правду" въ лицо, хотя его нивто объ этомъ не спрашнвалъ. Ей Богу, онъ мнъ шибко надоълъ въ послъднее время, и я его, кажется, побью. Ей Богу, кончится тъмъ, что побью.
 - Ну, полно, что вы! Неужели вы не привыкли въ нему?
- Не привывъ и не кочу привывнуть!—упрямо отвътилъ докторъ.—И что его правда? Кому она нужна? И какъ будто онъ одинъ взялъ подрядъ говорить правду? Всъ мы говоримъ правду, когда не лжемъ.
- Онъ довазалъ, что онъ *всегда* говорить правду, и даже пострадалъ за это по службъ.
- Ну, потомъ, что же еще? Всѣ нападали на меня, что я плохо играю. Какъ будто я говорилъ когда-нибудь, что хорошо играю? Папа вашъ разсказывалъ объ "англичанинъ"... Что ни говорите, а онъ разстроенъ, то-есть папа, а не англичанинъ. Крыжовъ подсиживалъ и алчно хваталъ взятки, пропущенныя, конечно, мною...

Въра молча слушала болтовню доктора, безшумно, мягво, словно тънь двигаясь, вмъстъ съ нимъ, по направленію въ дому.

Ночь была тихая, теплая, и всё пили чай на широкой террасв.

Въра и Вавакинъ точно выплыли изъ океана тьмы, когда появились на террасъ.

Тормиловъ вругилъ папироску, отпивъ чай. Крыжовъ пилъ чай съ блюдечва и уничтожалъ одну за другою вруглыя домашнія булочки, какъ-то пугливо посматривая на Сазанова, точно боялся, что и Сазановъ начнетъ всть булки.

Говорили о какомъ-то Трофимѣ Сулѣ, который будто бы, несмотря на свою старость, такой негодий, равнаго которому нѣть на цѣломъ свѣтѣ.

- Не вывернется онъ у меня, клянусь честью, говорилъ между двуми глотками Крыжовъ. Давно слъжу. Да лововъ каналья, какъ выюнъ. Скользитъ между пальцами... Это вы печете булочки, Въра Дмитріевна? Ну да, не сами, но подъ вашимъ наблюденіемъ. Превосходныя булочки. Я еще возьму.
 - Пожалуйста...
- Такъ я и говорю: мошенникъ-мужикъ. Воръ-мужикъ этотъ Трофимъ Сула. Ну, да и я малый не промахъ.
- Вы?—поднявъ лѣвую бровь, что у него служило признакомъ ироніи, спросилъ Сазановъ.
 - Да, я, —равнодушно отвътилъ Крыжовъ.
- Да какой же вы "малый" и какой же вы "не промахъ"? И какой вы исправникъ, Крыжовъ, когда вы просто горохорящійся индюкъ, не больше! И я даже удивляюсь, что васъ держатъ исправникомъ.

Крыжовъ подумалъ-было, не обидъться ли ему, и даже чуть не поперхнулся булкой, которую только-что препроводилъ въ ротъ. Но потомъ, очевидно, раздумалъ, потому что привывъ уже, также какъ и другіе, къ ръзкимъ выходкамъ Сазанова.

— А я удивляюсь, какъ васъ вемля терпитъ и носить на себъ, Діомидъ Степанычъ. Языкъ вашъ—врагъ вашъ, — отвътилъ, наконецъ, онъ и спокойно сталъ допивать чай.

Тормилова, очевидно, угнетала мысль о прівздё Будаева, потому что онъ больше молчаль, куря свою "самокрутку", а когда говориль, то больше о вещахъ, имевшихъ отношеніе къ прівзду помещика.

- Въра, я на тебя полагаюсь, говорилъ онъ, во всемъ, что васается вомфорта. Принесла ли прачва постельное бълье?
 - Принесла, папа, не безпокойся, пожалуйста.
 - И умывальникъ въ его комнатъ починили?
 - И умывальникъ починили.
- Мит нашъ сегодняшній вечеръ напоминаетъ пиръ во время чумы, или последній день Помпен...—сказалъ Вавакинъ, наливая коньяку въ чай.
- Глупо! проворчалъ Сазановъ. Что вы существовали, что-ли, въ тъ времена, что вамъ что-то ихъ напоминать можетъ?
- Маньявъ! въ полголоса проговорилъ Вававинъ, но прямо ничего ему не возразилъ.
- И потомъ, что общаго между этими событіями и нашимъ вечеромъ?

Вавакинъ молчалъ.

- Я васъ спрашиваю, Вавакинъ, не унимался Сазановъ.
- Отстаньте, злобный маньякъ! огрызнулся наконецъ докторъ.
- И Помпея, и чума туть ни при чемъ, а только развѣ коньякъ, которымъ вы, какъ я вижу, злоупотребляете.
- Я вась не зваль къ себѣ въ менторы. Вамъ жаль коньяка?
 - Ничуть, онъ не мой.
 - Ну, такъ и замолчите, ей Богу!
- Господа, да будетъ вамъ! сказала Вѣра. Это скучно. Ваши мелочныя ссоры въ этотъ тихій весенній вечеръ особенно непріятны... Учитесь у природы: какой миръ, какая тишина! А вы только ругаетесь. Это, право, досадно.
- Вздоръ! возразилъ Сазановъ, и Въра съ удивленіемъ на него взглянула. Поэтическій вздоръ и фактическая ложь! Борьба за существованіе правда. Какой миръ въ природъ, когда повсюду борьба!.. Грубан сила; одно растеніе живетъ на счетъ другого, какъ и люди. Одинъ звърь вырываетъ добычу у другого, точъвъ-точь какъ у людей. Давно пора бросить этотъ лживый вздоръ и не питаться вредными обманами.
- Ого! возразила Въра. Вы все больше и больше уходите въ свою философію, въ своемъ уединеніи? Вонъ ужъ вы какъ заговорили! Бевъ поэтическаго обмана, Діомидъ Степанычъ, трудно прожить. Иллюзія нужна человъку, въ особенности тамъ, гдъ дъйствительность скучна и однообразна. Безъ обмана, безъ лжи, не было бы поэзіи.
- Ну, да... "тымы низвихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ"... Старо это...
- Да, старо, но очень върно... Постойте... Вы слышите шумъ за калиткой?

Разговоры смолкли.

Дъйствительно, среди безмолвія ночи раздавалось за оградой парка шипъніе, стукъ, точно отъ какой-то машины, потомъ послышались голоса, хохотъ, взвизгиванье.

IV.

Вскорѣ на аллеѣ показались три тѣни, направлявшіяся къ террасѣ въ полномъ безмолвіи: одна тѣнь шла впереди, другія двѣ сзади.

Въра встала изъ-за стола, подошла къ ступенькамъ, спускавшимся въ садъ, и остановилась. — Евгенія Львовна, —вы? — спросила она.

Въ отвътъ раздался шопотъ и смъхъ, сначала сдержанный, потомъ все громче и громче.

- Конечно, это вы, -- свазала Въра.
- Мы васъ хотвли испугать, подкравшись незамётно.
- Это довольно мудрено. Вашъ автомобиль шипитъ и кряхтить, какъ чудовище.
 - Неужели слышно сюда?
- Я думаю! Но такъ какъ мы васъ открыли, то идете сюда, чай пить.
 - У васъ гости?
 - Обычное общество. Папины винтёры.
 - Я тоже не одна.
 - Тъмъ лучше, безъ особеннаго одушевленія отвътила Въра. Гости вошли на террасу.

Въра занялась чаемъ.

Евгенія Львовна, которая держала въ рукахъ гитару, начала ее настраивать. Всё вавъ-то сразу смолвли.

Сазановъ разсматривалъ новоприбывшихъ, послѣ того какъ его представили Евгеніи Львовнѣ. Онъ это дѣлалъ довольно безцеременно и смотрѣлъ на нее пристально, какъ на какую-нибудь иллюстрацію журнала съ картинками. Потомъ, точно перевернувъ страницу, онъ перевелъ взоры на ея спутниковъ, молодого офицера и студента въ щегольской тужуркѣ. Окончивъ
осмотръ, онъ равнодушно отвернулся и зѣвнулъ.

Евгенія Львовна однимъ глазомъ восо взглянула на него и, взявъ нъсколько вступительныхъ аккордовъ, запъла:

> Скажи, зачёмъ тебя я встрётниъ, Зачёмъ тебя я полюбилъ? Зачёмъ твой взоръ улыбкой мей отвётниъ И счастье въ жизни подарилъ? Тебя отнимуть отъ меня, Ты не моя, ты не моя...

Всв, кромъ Сазанова, заапплодировали.

- Чудно, съ авторитетомъ сказалъ Вавакинъ.
- Великольпно, подтвердилъ Крыжовъ.

Тормиловъ и Въра одобрительно и сочувственно кивали головами, а молодые люди, прибывшіе съ Евгеніей Львовной, ничего не говорили членораздъльнаго, а какъ-то тихо вздыхали отъ избытка чувствъ, пробужденныхъ словами этого романса.

Евгенія Львовна вончила романсь, отложила гитару и при-

Отклебнувъ изъ чашки, она вдругъ обернулась къ Сазанову:

- Вамъ не нравится? спросила она его.
- Нѣтъ, коротко отвѣтилъ онъ, если вы спрашиваете про пѣніе.
- Именно про пѣніе. Вамъ не нравится самый романсъ, его исполненіе или голосъ исполнительницы?—съ чуть насмѣшливой нотвой спросила она.
 - Мит не правится романсъ, исполнение и голосъ.

Евгенія Львовна отодвинула чашку, совсёмъ уже повернулась лицомъ въ Сазанову и съ удивленіемъ его оглядёла.

— Я здъсь недавно, и очень жалью, что до сихъ поръ не имъла удовольствія васъ знать,—съ нъкоторымъ раздраженіемъ проговорила она.

Вавакинъ подталвиваль въ бокъ Крыжова, а ногой подъстоломъ Тормилова; вмёстё съ тёмъ онъ подмигивалъ Вёрё, заранёе предвкушая интересную сцену.

- Во всемъ, что вы сказали, одно только правда: что вы здёсь недавно, сказалъ Сазановъ Евгеніи Львовнѣ.
 - Остальное? вывывающе спросила она.
 - Остальное ложь.

Евгенія Львовна вскочила съ своего мѣста. Молодые люди издали восклицанія, которыя можно было принять за "o, o!".

Тормиловъ съ сердцемъ отшвырнулъ подъ столомъ ногу Вавания, который все больше и больше толкалъ его, и, обратившись въ своей гостъв, сказалъ:

— Евгенія Львовна, вы не обращайте, пожалуйста, вниманія на слова Діомида Степаныча. Онъ взяль себі странную привилегію говорить всімть въ глаза правду. Почему онъ думаетъ, что одинъ только онъ знаетъ правду—не знаю.

Евгенія Львовна съ любопытствомъ посмотрёла на Сазанова.

- Я нисколько не обижаюсь, и у каждаго своя манера веселиться. Я очень люблю все, что оригинально. Но я хотыла бы знать, въ чемъ ложь?
- Ложь въ томъ, нисколько не смущансь, отвътилъ Сазановъ, какъ будто не о немъ вовсе шла ръчь, будто вы жальете, что не знали меня раньше. А правда въ томъ, что вы жальете, что узнали меня.
 - Почему жалью?
- Потому что вы привывли къ лести и повлоненію, а не въ правдё и вритике.
- Такъ. Можетъ быть, вы столь же категорично отвътите мив и относительно моего пънія.
- Непремънно. Оно не нравится миъ потому, что въ голосъ вашемъ нътъ души, въ исполнени нътъ исвренности, а

только передразниванье цыганъ; а въ самомъ романсъ-пустой наборъ словъ для риемы.

Евгенія Львовна съ любопытствомъ на него поглядёла.

- Quel type!..—проворчалъ офицеръ.
- Обратный декаденты! шепнуль студенть.

Евгенія Львовна примолила, какъ бы разбираясь въ впечатленіи, которое произвели на нее слова Сазанова, потомъ проговорила:

— Не знаю, пов'врите ли вы мн'в на этотъ разъ, но вы мн'в нравитесь. Я обожаю все оригинальное.

Смущеніе, которое овладёло Тормиловымъ и Вёрой послё словъ Сазанова, теперь прошло.

- А я теривть не могу ничего грубаго, сказаль Вавакинъ.
- Неправда,—отвётилъ ему Сазановъ.—Вы любите именно водку и табакъ.

Офицеръ и студентъ фыркнули, остальные улыбнулись. Сазановъ не унимался.

- Вы находите оригинальнымъ, что я не восхищаюсь вашимъ пъніемъ? — спросилъ онъ у Евгеніи Львовны.
- Нътъ, не то. Я нахожу оригинальнымъ, что вы говорите всемъ правду, или по крайней мъръ то, что считаете правдой.

Но Евгеніи Львовнъ Сазановъ съ его грубыми выходками уже видимо надовлъ. Она сама привыкла относиться довольно свободно кълюдямъ, и эта привычка образовалась въ ея характеръ съ самыхъ молодыхъ лътъ, благодаря ен независимому положенію, красотъ и богатству, а также баловству, которое окружало ее въ домъ старухи-тетки, гдъ она росла послъ смерти матери, скончавшейся года три послъ ея рожденія.

Она привыкла въ лести, подобострастію, въ своеволію. Встріча съ такимъ независимымъ въ своихъ сужденіяхъ человікомъ, какимъ съ первыхъ же словъ обрисовался передъ ней Сазановъ, не могла быть ей пріятна.

- Курнаковъ, обратилась она къ офицеру, ступайте, нарвите мив въ саду цвътовъ, которые такъ вкусно пахнутъ. Можно, Дмитрій Александровичъ? обратилась она къ Тормилову.
 - Пожалуйста.
- A вы, свазала она студенту, ступайте въ автомобилю в ждите меня тамъ. Мы сейчасъ ёдемъ.
 - Но, Евгенія Львовна...

Она топнула ногой.

- Безъ разговоровъ! Ступайте и посмотрите, итъ ли меня тамъ?
 - Студентъ нехотя всталъ, но повиновался.

Она засмъялась.

- Это мон рабы, свазала она, ни въ кому не обращаясь. Вълые негры. Оба влюблены. Одинъ уклоняется отъ лагерей и взялъ отпускъ, чтобы провести часть лъта у насъ въ имъньи и вздыхать, глядя на меня; другой уклоняется отъ экзаменовъ съ той же цълью...
 - Для чего же вы смущаете молодежь? спросилъ Сазановъ. Она даже не взглянула на него.
- Жизнь коротка, заговорила она, обводя всёхъ взглядомъ и какимъ-то нарочито небрежнымъ тономъ. Молодость еще короче. Надо пользоваться и тёмъ, и другимъ. Оба мои раба глупы и иногда съ ними тошно; но безъ нихъ въ этой глуши было бы еще тошнёе; не надъ кёмъ было бы показывать свою силу. А человёкъ счастливъ только тогда, когда можетъ показывать другимъ свою силу. Я думаю, что мы стали такими нулными вслёдствіе уничтоженія крёпостного права.
 - Богъ знаетъ, что вы говорите! вскрикнула Въра.
- Вамъ это не нравится? Я знаю. Вы—дввушка стараго типа. Это имбетъ свою прелесть, какъ старинное, наивное письмо въ картинв какого-нибудь мастера прошлаго въка. Держу пари, что вы обожаете деревню, мужичковъ, паркъ, весеннія ночи в вообще буколику и шатобріановщину. Вы можете понравиться человъку съ утонченнымъ и искальченнымъ воображеніемъ...
 - А вы? смёясь, спросиль Вавакинъ.
 - А я-нетронутому юношъ.
 - Почему?
- Потому что каждый человыкь ищеть то, что для него ново, дополненія къ тому, чего у него не хватаеть. Знаете что? Бракъ есть нельпость; ньчто изжитое, изношенное, какъ старая юбка, которая разлызается отъ малыйшаго неосторожнаго обращенія. И напрасно стараются такъ охранять эту сношенную юбку. Но если выходить замужъ... я бы вышла за человыка, котораго бы ненавидыла. Такой союзъ быль бы проченъ. Онъ бы любилъ, я бы ненавидыла. Свыть и тынь, звукъ и пауза, въ общемъ—гармонія.

Сазановъ сдълаль презрительное лицо, какъ бы желая скавать: "болтай, болтай, все это для рисовки,—все равно, я ни одному слову не върю". Вавакинъ нелъпо радовался жестокоста этихъ словъ и пилъ коньякъ. Крыжова всегда утомляли "умные" разговоры, и онъ прилично дремалъ. Тормиловъ въ душъ не соглашался съ "чудодъйкой-дъвицей", но старался не показать вида; Въра конфузилась. Она всегда конфузилась при богатой и знатной сосъдкъ, которая ъздила на автомобилъ и велосипе съ въ деревив, одввалась какъ въ городв, играла въ лаунъ-теннисъ и крокетъ, душилась необыкновенными духами и говорила такія слова, отъ которыхъ ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

- Дисгармовія, вы хотите свазать? поправиль ее Вававинь.
- Ничуть. Я всегда говорю то, что хочу сказать. Представьте, я "его" безумно люблю. "Онъ" меня любить еще безумнъе. Сложите объ любви—выйдеть патока, сладость, какъ тотъ медъ, который намъ подають въ усадьбъ. Развъ можно ъсть много меду и питаться только имъ? И нельзя питаться однимъ сыромъ, который остеръ какъ человъческая ненависть. Но когда послъ тепленькаго супу идетъ здоровый кусокъ мяса, потомъ какой-нибудь пикантный соусъ, потомъ рыба, зелень, наконецъ сладкое блюдо, кофе, сыръ и такъ далъе, то объдъ разнообразенъ и вкусенъ, и все взаимно дополняетъ другъ друга, и одно вкусовое ощущение смъняется другимъ. Получается полное удовлетворение. Не такъ ли, докторъ?
- Такъ иногда лечатъ катарры желудка, отвътилъ Вавакинъ: — разнообразіемъ нищи. Но въдъ катарръ — патологія. Впрочемъ, и здоровому человъку весьма полезно разнообразіе пищи.
- Вотъ видите. Любовь и ненависть два необходимыхъ элемента счастья, какъ добро и вло — необходимые элементы жизни. Наша религія проповъдуеть одно добро. Это — пръсно, и вотъ почему люди становятся все менъе религіозными. Въ нее надо бы подложить перцу.
 - Вы большой знатовъ кулинарнаго искусства.
 - А вы-коньяку.

Ваванинъ засмъялся и перелилъ рюмку.

— Евгенія Львовна, воть вамъ цвѣты,— сказаль вошедшій на террасу офицерь и протянуль ей букетикъ пахучихъ желтыхъ цвѣтовъ.

Она взяла ихъ и закрыла ими лицо, вдыхая весенній ароматъ. Его она даже не поблагодарила.

— Какъ они хорошо пахнуть!—сказала она.—Мив всегда дълается радостно, когда я ощущаю пріятный вапахъ. Такъ весело на душв. Правда—хорошо?

И она протянула букетикъ доктору.

Вавакинъ сунулъ въ него свой красный носъ и съдые усы, тумно втянулъ въ себя воздухъ и спокойно проговорилъ:

— Какъ будто дорогимъ коньякомъ.

Евгенія Львовна усмёхнулась, отобрала букеть, встала и начала прощаться.

— Ахъ, — сказала она, — я и забыла поговорить о главномъ. Я въдь загъхала узнать, когда пріъдеть Будаевъ? Я слышала — завтра?

- Завтра, отвътили въ одинъ голосъ Тормиловъ и Въра.
- Я хотела васъ просить, чтобы вы передали ему наше приглашеніе. Тётя и я встрічались съ нимъ одинъ сезонъ въ Лондонъ и очень рады были бы съ нимъ повидаться. Тетя очень хорошо внала его отца. Такъ, пожалуйста, скажите, какъ только онъ станеть свободнее, чтобы посетные насъ. Скажете?

— Непремънио, — отвътилъ Тормиловъ. Евгенія Львовна кивнула всёмъ головой и сбёмала съ террасы въ цвътникъ. Офицеръ-за нею.

И вскоръ съ отдаленнаго конца аллен раздался ен голосъ:

Тебя отнимуть отъ меня, Ты не моя, ты не моя!...

Вавакинъ, копируя ее, хриплымъ голосомъ запълъ:

Ты не моя, ты не моя, И я-не твой, и я-не твой!

٧.

Будаевъ вхалъ въ свое родовое имвнье, сидя въ элегантномъ эвипажь, который быль ему подань на станцію, отстоявшую отъ деревни въ нъсколькихъ верстахъ.

День быль радостный, свётлый, весенній. Нёжно-зеленаго цевта зелень прекрасно рисовалась на молочпо-голубомъ небъ, давая симфонію полутоновъ въ мягкомъ волотистомъ освъщеніи солнца. Теплые свътло-коричневые тона вспаханныхъ полей походили на коричневые фоны картинъ Веласкеза.

Все трепетало въ сіяніи этого радостнаго весенняго дня. На душъ Будаева лежало, однако, какое-то уныніе.

Онъ чувствовалъ себя далекимъ путникомъ, игрою судьбы в обстоятельствъ заброшеннымъ въ невѣдомую страну съ новымъ для него пейзажемъ, въ которомъ было что-то декадентское, въ томъ смысле этого слова, какъ его понимаеть "большая публика", предполагающая, что смыслъ декадентства заключается въ томъ, чтобы все было наобороть, какь въ какомъ-нибудь фантастическиастрономическомъ романъ, гдъ люди похожи на полу-птицъ, полу-лягушевъ, висящихъ въ воздухъ; гдъ всъ законы тяжести в равновъсія нарушены; гдъ долины имъють странный пустынный видъ, а горы похожи на сахарныя головы.

Такъ и Будаеву, во время его длиннаго путешествія отъ границы Россіи до маленькой станціи, на которой ему надзежало выйти, все вазалось чрезвычайно удивительнымъ и совершенно наобороть. Экспрессъ муаль его съ изумительной быстротой. Но съ границы это уже быль не экспрессъ, а курьерскій побядь, который співшиль удивительно медленно, выжидаль трехъ звонвовь, четырехъ свистковъ и еще чего-то на самыхъ, казалось бы, незначительныхъ станціяхъ; послів всівхъ этихъ звуковъ онъ пускался очень неохотно въ путь, пыхтя, сопя и раскачиваясь, какъ бы дівлая уступку нелізной прихоти пассажировъ; въ недостатовъ времени у нихъ онъ самымъ різшительнымъ и убіжденнию образомъ не вірилъ.

Вспоминались Будаеву волоссальныя станціи-дворцы англійскихъ желёзныхъ дорогъ, вокзалы Франвфурта, Кёльна и другихъ городовъ, черевъ которые ему доводилось проёвжать, и онъ сравниваль ихъ теперь съ русскими станціями, походившими на небольшія и невысокія казармы или на дешевыя загородныя дачи, пензбёжнаго "бревенчатаго" стиля, окрашенныя въ темно-кирпичный цвётъ.

И публива была въ вагонахъ особенная: каждый пассажиръ, точно тщедушный муравей, съ огромной ношей на спинъ, тащить самъ, или при помощи носильщика, уйму чемодановъ, свертковъ, подушекъ и одъялъ, загромождая чужія мъста и заводя скандалы съ сосъдями.

Будаевъ вхалъ въ отдельномъ купэ, но могъ все это видеть своимъ наблюдательнымъ взглядомъ. Его англезированная душа возмущалась этой малой культурностью, этой невыработанной традиціей путешественника, этимъ отсутствіемъ туристскаго канона.

А повздъ шелъ черепашьимъ ходомъ; иногда останавливался тамъ, гдъ не полагалось, потому что загоралась ось, — "вто-жъ ее знаеть, анаоему, почему"!

Будаевъ скучалъ; эти нелѣпые звонки, свистки и остановки раздражали его, и тогда скука нѣсколько проходила.

"Къ чему эта безпощаднаи трата времени? — думалъ онъ, иронически улыбаясь: — такъ расточать время можетъ только страшный богачъ, но Россія—вовсе не такой богачъ. Очевидно, здёсь незнакомы съ поговоркой "время—деньги", и никто никуда не спёшитъ. Воображаю, что думаетъ обо всемъ этомъ мой Джонъ, въ сосёднемъ вагонъ"...

На одной станціи курьерскій повздъ быль задержань на полтора часа.

Долго не могли добиться причины.

Желчный начальникъ станціи раздраженно отмалчивался; оберъ-кондукторъ, на вопросъ о томъ, скоро ли двинется поёздъ, весьма серьезно отвётилъ:

— Должно, что сегодня.

Одинъ пассажиръ принялъ это за шутку дурного тона и сталъ весьма нелитературно ругаться.

Оберъ-кондукторъ взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Я не шучу, а говорю серьезно, — заявилъ онъ. — На четвертой верстъ товарный сошелъ съ рельсовъ. Вытребовали поъздъ. Ежели поспъють, то въ вечеру управятся. А пока путь несвободенъ. Не даютъ пути...

Все это онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто то, что случилось, было такъ же естественно, какъ смѣна дня и ночи въ природъ.

Да и публика находила все это естественнымъ, а если и волновалась, такъ больше отъ скуки и потому что вообще въ такихъ случаяхъ принято волноваться.

Будаевъ дивидся и этому происшествію, и этому добродушію и сповойствію пассажировъ.

У нихъ, въ Англіи, это такая рѣдкость—неисправности въ желѣзнодорожномъ движеніи,—настоящее событіе, о которомъ пишутъ, говорятъ, волнуются. Здѣсь, очевидно, это—стихійное явленіе.

Онъ ходилъ вдоль вагона, по платформъ и объяснилъ вышедшему изъ вагона Джону причину остановки.

Роди ихъ помънялись.

По перевздв границы, Будаевъ долженъ былъ ухаживать за своимъ камердинеромъ, который, конечно, ни звука не зналъ по-русски, хотя и мало терялся во время этого длипнаго пути.

Какъ истый сынъ своей родины, Джонъ никогда нигдъ не стъснялся, ни отъ чего не приходилъ въ смущеніе и повидимому чувствовалъ себя прекрасно среди чужой ему публики и среди чужой страны.

Въ буфетахъ онъ указывалъ перстомъ на то, что ему нужно; а если того, что онъ хотълъ, не было, онъ пускалъ въ дъло мимику. Его достаточно понимали.

Только однажды произошло недоразумвніе.

Джону захотёлось рыбы; а такъ какъ на столё ен не было среди блюдъ, то Джонъ сложилъ свои руки въ длину и оттопырилъ крайніе пальцы, что должно было обозначать плавники, тёмъ болёе, что онъ дёлалъ руками плавательныя и нырятельныя движенія.

Буфетчикъ былъ очень занятъ спѣшнымъ удовлетвореніемъ со всѣхъ сторонъ выражаемыхъ ему оффиціантами желаній публики, и вникнувъ, мимоходомъ, въ мимику Джона, очевидно принялъ ее за оскорбительный символическій знакъ.

— Я тебъ самъ такую штуку локажу, что ты отъ меня ку-

баремъ отлетишь!—сказалъ онъ и къ самому лицу Джона поднесъ свой кулакъ.—Я, братъ, тебъ за твою фигу такую дулю поднесу, обезьянья ты морда!..

Джонъ ровно ничего не поняль, но обидёлся и отошель, не получивъ на этотъ разъ рыбы и удовлетворившись какой-то снёдью, которая на станціонномъ языкѣ называлась "бифшексомъ", а на пассажирскомъ— "подошвой".

Джонъ очень изумился причинѣ остановки поѣзда и, расположившись на платформѣ въ почтительномъ отдаленіи отъ Будаева, сталъ молча наблюдать мѣстные нравы.

Онъ очень былъ удивленъ, когда по многочисленнымъ разговорамъ пассажировъ съ бабами понялъ, что бабы продаютъ молоко, но безъ "крынь".

- Молоко возьми, а врыню отдай! говорили бабы.
- Чудачки вы бабы!—отвъчали пассажиры.—Въдь въ твоей "крынъ" бутылки двъ молока, куда же и его дъну? Въ карманъ налить, что-ли?
- Молоко бери, а крыню отдай, уныло повторяла продавщица.
 - Да я тебъ за нее лучше деньги заплачу.
 - Ни... врыню отдай!

Тогда пассажиръ отдавалъ крыню вивств съ молокомъ и сердито махалъ руками, отходя прочь.

— Какъ же можно продавать жидкость безъ посуды? — не удержался Джонъ и спросилъ весьма почтительно у Будаева, который самъ заинтересовался этимъ обстоятельствомъ.

Но Будаевъ ръшительно не могъ придти ни въ какому естественному объяснению и недоумъвалъ.

— Смотрите, Джонъ, —вдругь свазаль онъ: —вотъ такъ, въроятно, можно купить молоко безъ посуды.

Какой-то толстый купець въ длиннополомъ сюртукъ подошелъ въ это время къ бабъ, которая неръшительно выпустила, наконецъ, крыню изъ своихъ рукъ и повторила:

- Молово возьми, а врыню отдай.
- Ладно ужъ, слыхалъ, отвътилъ купецъ, и, не долго дуиая, приложился къ кувшину губами.

Онъ не оторвался отъ кувшина, пока все содержимое не перешло въ его чрево.

Тогда онъ началъ отдуваться, отдалъ врыню и деньги бабъ, а самъ, вавъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ прочь.

Джонъ примель въ настоящій восторгь.

— A-o! — воскликнулъ онъ. — O, yes! Теперь я понимаю. Но не всъ могутъ сдълать это.

Томъ VI.—Дикаврь, 1902.

Остальныя бабы, поглядывая на счастливицу съ завистью, ушли съ полными врынями и съ разобиженнымъ видомъ.

Станція была маленькая.

Въ буфетъ на стойкъ лежало нъсколько яндъ, черствий хлъбъ, селедка и какія-то сласти.

Больше ничего съёдобнаго не было; зато водви было сволько угодно.

Навонецъ, къ вечеру пустились въ путь.

Будаевъ съ Джономъ вхали потомъ по широкой проселочной дорогъ, весьма плохо содержимой или, върнъе, вовсе не содержимой, чему Джонъ тоже не мало удивлялся.

Будаевъ совершенно не вналъ этихъ мъстъ, какъ не вналъ ничего въ Россіи, кромъ Москвы, да и ту весьма плохо.

Вокругъ пестръли полевые цвъты, все больше желтенькіе и бъленькіе. Кое-гдъ блестъла узкой лентой ръчка; по дорогъ попадались имъ истощенныя женщины, хилые мужики, истомленные зимней проголодью или отхожими промыслами, съ которыхъ они къ лъту вернулись на землю, какъ настоящіе ея рабы, прикованные къ ней невидимыми цъпями, какъ прикованы къ ней корнями кое-гдъ попадавшіяся деревья.

И мужики, и деревья, не хотъли умирать, потому что чувствовали, что не совершили еще всего, что отъ нихъ требовала жизнь. Одни страдали отъ голода и неурожаевъ, другія—отъ бездождія и засухъ. Но и тъ и другіе жили прикованные невъдомой властью къ этой почвъ.

VI.

Въ усадьбъ всъ были встревожены несвоевременнымъ прибытіемъ Будаева.

Онъ долженъ былъ, по разсчету, прівхать днемъ, но солнце уже начало заходить, а его еще не было.

Нивто не зналъ объ опозданіи повзда, и Тормиловъ посылаль на станцію нарочнаго, который и вернулся съ извістіємъ, что "машина стоить въ Лыкові, а когда будеть— про то неизвістно".

Повядь, двиствительно, простояль въ Лыкове до вечера, какъ предсказываль кондукторъ, а потомъ поплелся дальше съ тою же черепашьей скоростью, какъ шель раньше, вовсе, повидимому, не желая нагонять запоздание и ради этого, можеть быть, тоже сойти съ рельсовъ.

Поэтому на станцію Будаевку прибыли около семи часовъ вечера, вивсто того, чтобы прибыть къ дввнадцати.

Въра Дмитріевна чрезвычайно волновалась, удивлялась порой сама этому волненію, но уже считала невозможнымъ скрывать его.

И самъ Тормиловъ, какъ ни старался самъ отъ себя и отъ дочери скрыть свое волненіе, не могъ сдёлать этого.

Въ последнюю минуту все оказалось не такъ, какъ желательно, а главное, за хлопотами, Въра не успела перебраться изъ своей комнаты въ главномъ зданіи усадебнаго дома во флигель.

А это было необходимо, потому что нивто не зналъ, какую комнату выберетъ для себя хозяннъ; а комната Въры была очень хороша уже тъмъ, что выходила прямо на террасу и въ садъ.

- Гат же теперь? растерянно спрашивала Въра у отца.
 —Теперь, все равно, не успъть перенести все... Какъ же быть-то?
 Тормиловъ пожурилъ ее.
- Надо было раньше подумать, Въра. Ну, да не бъда, ръшить по его прітадъ. Къ ночи, во всякомъ случав, успъемъ. Ты только не волнуйся. Объдъ-то готовъ?
- Все сдълано. Хорошо, что послали нарочнаго, а то весь объдъ былъ бы испорченъ.

Какъ только выяснилось, что Будаевъ рѣшилъ пріѣхать въ деревню, Тормиловъ тотчасъ же послалъ Вѣру въ городъ, нанять лучшую кухарку; сами они обходились обыкновенно деревенской стряпухой, которую Вѣра по книжкамъ обучила готовить простой столъ.

И Въра, и Тормиловъ, уже дня три какъ тли пищу, приготовляемую городской кухаркой, которой оба остались очень довольны.

Эвипажъ подъёзжалъ въ усадьбё, и все въ старомъ барскомъ домё заволновалось.

Тормиловъ, дълавшій видъ, что читалъ внигу, хотя его мысли были далеко отъ печатныхъ строкъ, тяжело вздохнулъ и, закрывъ внигу, бросился на встръчу прибывшему.

Въра послъдовала за нимъ, думая съ какимъ-то несвойственнимъ ей и неожиданнымъ раздраженіемъ:

"Вотъ онъ, новый ховяннъ... зачёмъ, зачёмъ онъ пріёхалъ"?! Будаевъ поздоровался съ управляющимъ и его дочерью очень сердечно, и такъ какъ Вёра ожидала отъ него еще меньшаго, то онъ ей понравился.

Своими свётлыми, нёсколько холодноватыми глазами онъ скользнуль по ней взоромъ, который на мгновеніе, какъ бы занитересовавшись ен лицомъ, остановился на ней съ нёкоторымъ любопытствомъ.

Будаевъ тотчасъ же попросиль указать приготовленныя ему и Джону комнаты, сказаль нёсколько словь по-англійски Джону и скрылся. Тормиловъ вернулся къ дочери на террасу.

Они не знали, что предпринять, за что взяться и въ нервшительности ходили взадъ и впередъ.

Онъ, важется, очень милый! — неопредъленно проговорила.
 Въра, немного понизивъ голосъ, хотя нивто ее услышать не могъ.

Тормиловъ сомнительно покачалъ головой.

— Тебъ онъ не нравится, папа?

Тотъ пожалъ плечами.

- Право не внаю, милая. Я ие привывъ тавъ, сразу, по лицу увнавать людей, тоже почти шопотомъ отвътилъ онъ. Въ немъ что-то не-руссвое... И миъ кажется, онъ начиеть здъсь мудрить на англійскій ладъ.
- Можетъ быть, задумчиво проговорила она: онъ получилъ англійское воспитаніе; онъ родился тамъ, въ Лондонъ, и лишенъ былъ родины съ перваго дня жизни. По-моему, это большое несчастье, но развъ это его вина? Да и мать его нельзя ни въ чемъ обвинять. Ей чужда была наша жизнь, ее нельзя же было заставить жить въ нашей деревнъ. Одно меня смущаетъ...
- Что именно?—съ любопытствомъ спросилъ Тормиловъ, который считалъ дочь очень умною дъвушкою и давно уже взалъ привычку прислушиваться къ ея мивніямъ.
- Да то, что онъ ни разу за эти долгіе годы не вспомниль о родной деревнь, не заглянуль сюда, хотя бы изъ придичія или любопытства. Въдь здъсь, на деревенскомъ кладбищь похороненъ его отецъ. Это—старое родовое имъніе, а онъ ни разу не поинтересовался своей вотчиной.
- Я думаю, онъ недолго пробудеть здёсь и даже не останется на лёто. Какъ только уладить дёла, онъ навёрное укатить къ себё.
 - Развѣ дѣла можно такъ скоро устроить?
- И да, и нътъ. Можно все ръшить въ общихъ чертахъ, а потомъ я могу дъйствовать по довъренности... Однако, что же мы ходимъ здъсь? Я пойду въ себъ, надо вое-что подготовить...

Они разошлись.

Часъ спустя, состоялся объдъ, въ воторому Будаевъ пригласилъ управляющаго съ дочерью.

Будаевъ успѣлъ умыться, переодѣться въ свѣжее бѣлье и изящный англійскій лѣтній костюмъ.

Джонъ приготовилъ-было ему смокингъ, такъ какъ Будаевъ, по давно усвоеннымъ англійскимъ традиціямъ, всю свою жизнь объдалъ или во фракъ, или въ смокингъ, но здъсь онъ ръшилъ допустить эту вольность, несмотря даже на го, что ему предстояло объдать въ обществъ дъвушки.

Очутившись, послів долгаго и утомительнаго пути, въ своемъ родовомъ гиї вді, онъ почувствоваль, какъ странная атмосфера родныхъ полей, по которымъ онъ йхалъ сюда, родного воздуха, стараго барскаго дома постепенно охватываетъ его.

Никогда она не испытывалъ прежде такой истомы, которая овладъла имъ теперь.

Разница между громаднымъ городомъ, съ его шумомъ и суетливою жизнью, и этой деревенской тишиной была ощутительна. Было бы просто дико, совершенно нелѣпо облачиться въ торжественный костюмъ five o'clock'овъ и парадныхъ объдовъ съ электрическимъ освъщеніемъ, цвътами и декольтированными дамами.

Поэтому онъ съ улыбкой отрицательно покачаль головой, увида смокингъ, и потребоваль отъ Джона лётній костюмъ.

Джонъ позволилъ себъ осторожное замъчаніе, которое можно было принять за напоминаніе.

- Кажется, съ сэромъ будеть объдать молодая миссъ?
- О, yes!—отвътилъ Будаевъ,—но вы не смущайтесь, Джонъ. Здъсь, важется, все очень просто.

Онъ, однавоже, зналъ, что Джонъ, въ душѣ, не одобритъ тавого нарушенія традицій своей чопорной родины и даже мысленно произнесеть: "shoking"!

Но темъ не мене настояль на своемъ.

Объдъ шелъ вяло; разговоръ не клеился, несмотря на то, что Будаевъ, какъ свътскій человъкъ, старался его поддерживать.

Но Тормиловъ и его дочь были молчаливы, чувствовали себя связанными.

- Я очень радъ, сказалъ Будаевъ, что, наконецъ, прівхалъ на родину. Странно это представить: имъть родовое имънье и ни разу не быть въ немъ.
 - Да, конечно...-произнесъ Тормиловъ.
- А вы долго разсчитываете пробыть здёсь?—спросила Вёра. Этотъ вопросъ показался Тормилову не совсёмъ деликатнымъ, и онъ взглядомъ заявилъ ей объ этомъ.

Въра сконфузилась.

- Ахъ, простите, можетъ быть мив не следовало объ этомъ спрашивать, свазала она, покрасиввъ.
- О, ивть, отчего же? посившиль ее выручить Будаевь. Нвть, миссъ... простите, — улыбнулся онъ, — я забыль освёдомиться о вашемъ имени...

Ему сказали.

— Въ Россіи, — продолжалъ онъ, — ужасно неудобная манера называть всёхъ по имени и отчеству. Миё кажется, нужно ниёть для этого громадную память, когда вращаешься въ большомъ обществъ. Между тъмъ эта память могла бы быть упражняема на чемъ-нибудь болъе полезномъ. Вы не находите? За границей все это гораздо проще.

- Нѣтъ, не нахожу, отвѣтила Вѣра, и отецъ опять тревожно взглянулъ на нее.
 - Нътъ? Почему же?
- Всё эти сэръ и миссъ, monsieur и madame такъ безличны, такъ общи... Они не обязывають въ внимательному отношенію въ человёку, съ которымъ говоришь. Имена индивидуальны... Миё кажется, вдумчивёе относишься въ человёку, котораго нужно называть по имени, онъ является единицей, а не общей категоріей, которую называють monsieur или madame.

Будаевъ на минутку задумался, внимательно выгланулъ на нее и сказалъ:

— Въ вашихъ словахъ есть что-то для меня новое. Это интересно... Вы меня спрашивали, долго ли я вдёсь пробуду? Не думаю... Какъ только состоится эта продажа...

Въра невольно нахмурила брови, и онъ это замътилъ и замолчалъ.

Разговоръ опять упалъ, и нъкоторое времи всъ вли молча.

Чувствуя неловкость, Будаевъ заговорилъ, обращаясь въ Тормилову, имя котораго овъ зналъ, потому что состоялъ съ нимъ въ перепискъ.

- Дмитрій Александровичъ, сказалъ онъ, я передъ вами большой должникъ: вы управляли моимъ имъньемъ, несли труды, въ то время какъ я о немъ не заботился.
- Да, я управляль имъ при вашемъ повойномъ батюшев, Владиміръ Сергъевичъ,—не зная, что отвътить, сказалъ Тормиловъ.—Но вы нисколько мев не обяваны...
 - Вы были товарищемъ и другомъ моего отца...
- О, да! Мы очень любили другь друга, но я занимался имъньемъ столько же изъ дружбы, какъ и изъ необходимости имъть средства къ существованію... И вотъ я всю жизнь прожилъ здъсь, въ вашемъ родномъ гнъздъ; здъсь родилась моя дочь, здъсь схоронена моя жена. Я имълъ теплый уголъ и воспиталъ дочь. Кто же изъ насъ у кого въ долгу? Я оканчиваю уже жизнь. И вотъ это мое первое горе—простите, Владиміръ Сергъевичъ, что я для перваго же знакомства позволяю себъ говорить съ вами такъ откровенно...
 - Ради Бога... пожалуйста... Но въ чемъ же ваше горе?
- Что мив на старости леть придется разстаться съ этемъ гивздомъ.

Въра была въ восторгъ, что отецъ ея задълъ эту животрепещущую тему, которая ее жгуче интересовала.

Жадно приготовилась она выслушать отвътъ Будаева.

Будаевъ поднялъ голову.

- Ахъ, это...—сказалъ онъ. Да, дъйствительно... вамъ это не должно быть пріятно. Но вамъ не о чемъ безпоконться. Я, вонечно, приму въ соображеніе ваши личные интересы, и вы не останетесь безъ... безъ дъла.
- Я не о томъ, смущенно отвътилъ Тормиловъ. Дъло у меня всегда найдется, не безъ тайной гордости прибавилъ онъ. Мнъ просто жаль этой родовой усадьбы. Здъсь жили ваши дъди и отцы... Сколько поволъній выростилъ этотъ старый домъ и этотъ еще болье старый садъ...

Теперь Тормиловъ побъдилъ свое смущеніе.

Обывновенно молчаливый и несловоохотливый отъ природы, онъ становился многоръчивымъ, когда ръчь заходила о Будаевкъ, съ которой онъ сжился и сросся точно въ органическое цълое и смотрълъ на нее точно на свое родовое помъстье.

- И вотъ, продолжалъ онъ, придетъ какой-нибудь Щеклевъ, домъ превратитъ въ огромный амбаръ для ссыпки верна, садъ вырубитъ...
 - Для чего? удивленно спросилъ Будаевъ.
- А Богъ его знаетъ, для чего. Такая ужъ у нихъ у всёхъ страстъ все рубить! Можетъ быть, для того, чтобы устроить вдёсь какія-нибудь хозяйственныя постройки, я не знаю... Нётъ, конецъ Будаевке!..
- Я васъ понимаю, прервалъ его Будаевъ. Люди привываютъ въ своимъ мъстамъ. Я это чувствую по себъ. Миъ, напримъръ, все здъсь чуждо и странно. Все, что я успълъ видъть по дорогъ...

Въра укоризненно на него посмотръла.

- Я ничемъ не связанъ съ этимъ местомъ, —продолжалъ онъ, и меня тянетъ обратно. Я даже такъ думаю, что мне совсемъ не следовало приезжать сюда, а сделать все за-глаза. Но это вы ведь настояли, чтобы я непременно приехалъ.
 - Безъ васъ невозможно было бы ръшить многихъ вопросовъ.
- Я думаю, вы преувеличиваете. Я, все равно, мало понимаю во всемъ этомъ и не знаю ни мъстныхъ порядковъ, ни здъшнихъ обычаевъ. Я вамъ буду плохимъ помощникомъ.

Въра вслушивалась въ его ръчь.

Онъ говорилъ отлично по-русски, и это какъ будто удивляло ее и, виъстъ съ тъмъ, примиряло съ нимъ.

Иногда, въ очень ръдкихъ случаяхъ, ей казалось, что онъ

запинался и какъ бы обдумывалъ оборотъ ръчи, или переводилъ его съ мелькнувшей у него англійской мысли.

Но это случилось всего раза два въ теченіе вечера.

Незаметно она всматривалась въ его наружность.

Онъ былъ очень изященъ и строенъ, настоящій баринъ. И въ его манерахъ и низковатомъ, хорошо звучащемъ голосъ было что-то барское.

Лицо его не отличалось мужественностью—черты его были мягви,—но въ особенности ее поразили его руки, нъжныя, бълыя, вавъ у женщины, съ длинными, тонкими пальцами и выхоленными ногтями.

Онъ носилъ англійскій проборъ до самаго затылка и его св'ятло-каштановые волосы слегка завивались широкими, волнистыми прядками.

Глаза его имъли нъсколько холодное, жестковатое выраженіе, а губы часто складывались въ улыбку, въ которой была какаято скрытая иронія.

Въ его лицъ было много привлекательности, какой-то привътливости и простоты, несмотря на кажущуюся съ перваго взгляда холодность обращенія.

- Итакъ, проговорилъ Тормиловъ, вы окончательно ръшили продать Будаевку.
- И чёмъ скорее, тёмъ лучше. Отчего вы на меня смотрите съ такимъ удивленіемъ и укоромъ?— улыбнувшись, обратился онъ въ Вёрё.

Въра смъшалась.

Но, взглянувъ ему прямо въ глаза, она сразу почувствовала, что можетъ ему сказать правду.

Несмотря на тревожный взглядъ отца, она, все-тави, свазала:

- Да, Владиміръ Сергвевичъ, я нъсколько удивлена, это правда.
- У васъ очень выразительные глаза, и видите, я сразу угадалъ. Что же васъ такъ удивляетъ?

Въра не старалась выбирать выраженій.

— Если позволите, я сважу вамъ отвровенно. Меня удивляетъ та легкость, съ которой вы ръшаетесь разстаться съ родовымъ имъньемъ или съ роднымъ гнъздомъ, вакъ по старинному выражается папа.

Будаевъ улыбнулся.

— Въра Дмитріевна, я имъю удовольствіе васъ знать только нъсколько часовъ; вашего батюшку я знаю только по письмамъ; отца моего я вовсе не зналъ; никого здъсь кругомъ не знаю. Будаевка — для меня совершенная неизвъстность. Вся моя жизнь

протекла въ Англін. Тамъ у меня собственность и служба. Я воспитанъ тамъ, и привыкъ къ тому строю и людямъ. Скажите сами: что меня можетъ привявывать адёсь?

Она сначала не нашлась, что отвътить.

Но потомъ нерешительно проговорила:

- Но въдь вы русскій; русскій если не по воспитанію, то по крови...
 - Моя мать была англичанкой.
- Да, я внаю. Но вы носите русское имя, вы служите Россін, вы испов'ядуете нашу в'рру. Неужели челов'ять можеть такъ далеко уйти отъ родины, что онъ становится глухъ въ ея голосу?

Онъ опять улыбнулся своей загадочной, полу-насмъшливой улыбвой.

- Мы вогда-нибудь подробно поговоримъ объ этомъ, если повволите, привътливо сказалъ онъ. Позвольте также надъяться, что ни вы, ни вашъ батюшка не лишите меня вашего общества, и мы будемъ завтракать и объдать виъстъ.
 - Благодарю васъ, отвътила она, повраснъвъ.

А Тормиловъ прибавилъ:

- Я только-что хотёль сказать вамъ, Владиміръ Сергвевичъ, по этому поводу, что мы васъ, можеть быть, стёсняемъ...
- О, нисколько, увъряю васъ. Мнъ было бы очень невесело, еслибы мнъ пришлось вдъсь жить одному, безъ общества.

Въра вспомнила теперь поручение.

— Ахъ, — сказала она, — я чуть не забыла: Свуридины просили меня передать вамъ, что очень рады были бы, еслибы вы ихъ посътили.

Лицо Будаева замътно оживилось.

- Скуридины? переспросиль онъ.
- Да, ихъ имънье въ семи верстахъ отсюда, онъ наши сосъди... ваши сосъди, —поправилась Въра.
 - Да, я знаю. Но развѣ онѣ здѣсь?
 - Kara ze!
 - Онъ постоянно въдь живутъ за границей.
- Ихъ имънье стало давать меньше дохода, и онъ ръшили провести здъсь это лъто, чтобы узнать причину. Онъ даже обращались въ папъ, чтобы помочь имъ разобраться въ этомъ...
 - Такъ онъ здъсъ... задумчиво проговорилъ онъ. Объ?
 - Да. Евгенія Львовна и Клавдія Егоровна.
- A Евгенія Львовна не скучаеть здёсь безъ автомобиля и бищивля?
 - ___ У нея здъсь и то, и другое.

Будаевъ разсмъялся.

- Ну! Это другое дъло. У нея всегда большія затьи, свазаль онъ. Не потому ли и имънье стало давать меньше доходности? — обратился онъ въ Тормилову.
- Я еще не занимался ихъ дёломъ и достоверно ничего сказать не могу. Но я и самъ такъ подозреваю.
- Я непремънно у нихъ буду, сказалъ Будаевъ. И даже при первой возможности. Онъ милые люди. И Евгенія Львовна преинтересная дъвушка.
- Вы находите?—вырвалось у Въры, и она почувствовала разочарование къ Будаеву.
- О, да... мы съ ней провели одинъ очень веселый сезонъ въ Лондонъ. А вы... развъ не находите?
- Кто? Я?.. Она очаровательна!—проговорила Въра и натянуто улыбнулась.

Объдъ вончился, вавъ и начался, очень вяло.

Будаевъ извинился усталостью въ дорогъ и, простившись съ своими собесъдниками, удалился къ себъ.

VII.

Утромъ Будаевъ пригласилъ въ себъ Тормилова, чтобы окончательно ръшить вопросъ о продажъ и придти въ какимъ-нибудь соглашеніямъ съ покупателемъ.

Но Тормиловъ не сразу приступилъ къ дълу.

— Чтобы рёшить вопросъ о продажё, — сказаль онъ, — нужно имёть яркое представленіе о томъ, что продаешь. Вы же, Владиміръ Сергевичь, совершенно незнакомы съ вашимъ имёньемъ. Кроме того, следовало бы убедиться, въ какомъ состояніи оно находится, а для этого необходимо ознакомиться съ отчетомъ по управленію.

Будаевъ отрицательно повачалъ головой.

- Съ имѣньемъ я знакомъ по вашимъ длиннымъ и обстоятельнымъ отчетамъ, которые вы мнѣ присылали ежегодно; н его знаю, какъ свой домъ въ Лондонѣ и коттэджи въ его окрестностяхъ. И мнѣ совершенно не нужно провърять ваши отчеты и дъйствія по управленію. Вы—не простой, наемный управляющій, а товарищъ моего отца, человѣкъ, которому онъ безусловно довърялъ. Зачѣмъ вы хотите сдълать меня недовърчивѣе отца, котораго я не зналъ, но о которомъ слышалъ, что онъ былъ очень дъловымъ человѣкомъ.
 - Это върно. Онъ зналъ толкъ въ этихъ дълахъ.

- Вотъ видите.
- Благодарю васъ за довъріе, Владиміръ Сергьевичъ. Но позвольте мив еще разъ, въ качествъ ли управляющаго, или въ качествъ друга вашего покойнаго батюшки, заявить вамъ, что продавать Будаевку было бы большой ошибкой. Можетъ быть, ви назовете это вмъщательствомъ не въ свое дъло, но и чувствую, что обязанъ это сдълатъ. Простите, и не знаю въ точности состоянія всего вашего имущества, но, насколько и знаю, ви не нуждаетесь въ деньгахъ, а въ особенности не нуждаетесь экстренно.
 - Вы совершенно правы.
 - Но въ такомъ случав...
- Я вамъ объясню. Вотъ въ чемъ дёло. Я не думаю возвращаться когда-нибудь въ Россію, чтобы вдёсь поселиться. Я прожилъ всю жизнь въ Англіи, частью въ Лондоні, частью въ тотландскомъ имёньи моей матери. Нужно вамъ сказать, что на имёньи этомъ лежатъ теперь большіе долги; я хочу очистить его отъ этихъ долговъ, все привести въ порядовъ, чтобы на старости лётъ имёть убъжище. Это—чудное, прекрасное, благоустроенное имёнье въ горахъ, въ прекрасной мёстности. Имёнье это досталось матери уже обремененное долгами, да еще покойная матушка кое-что прибавила. Вотъ я и хочу Будаевку продать, а то имёнье очистить.
- Такъ, задумчиво проговорилъ Тормиловъ. Я ничего не могу возразить вамъ по поводу самаго вашего ръшенія. Это, конечно, дъло хозяина. Но какъ управляющій и какъ... русскій, съ особымъ удареніемъ подчеркнулъ онъ это слово, я долженъ возразить съ вашего разръшенія.
 - Пожалуйста! улыбнувшись, сказаль Будаевъ.
- Мив жаль, что такое прекрасное имвнье, родовое, барское, перейдеть къ Цеклвеву. Это разъ. Второе—то, что Щевлвевъ откуда-то пронюхалъ, что вы, во что бы то ни стало, котите отдълаться отъ имвнья, и сильно сжался. Онъ не даетъ корошей цвны и хочетъ пріобрести его за безценокъ.
 - Развъ нельзя поискать другого покупателя?
- Нёть. И искать нечего. Щеклевь у насъ едипственний, который можеть все-таки дать крупную сумму. Онъ вообще скупаеть все, что возможно въ уёздё, да и въ губерніи. Остальное мелочь. Изъ дворянъ Колодищевъ, Вадимъ Степановичъ, да Скуредины более крупные землевладёльцы; но Колодищевъ, котя и очень богатый, всецёло поглощенъ своимъ имѣньемъ, въ которомъ заводитъ всевозможныя новшества и образцовое веденіе козяйства, и не кочетъ разбрасываться и расширяться; а Скури-

дины сильно пошатнули свои дёла и даже нуждаются теперь въ ссудё. У нихъ Богъ знаеть что дёлалось въ имёньи! Сами онё жили постоянно за границей, сюда никогда не показывались, а здёсь шелъ настоящій грабежъ. Легко подорвать имёнье и хозяйство, но очень трудно все вновь наладить, особливо не имён запаснаго капитала. Остальные помёщики—мелочь, и имёнья ихъ заложены и перезаложены. Многія даже будуть продаваться за долги банку. Есть еще и третья причина, по которой не слёдовало бы продавать Будаевку, по крайней мёрё сейчасъ.

- А именно?
- Прошли слухи,—и весьма достовърные,—что въ двухъ верстахъ отсюда назначено мъсто для станціи новой вътви жельной дороги. Тогда Будаевка возростеть въ цънъ сильно. За что же, въ самомъ дълъ, тернть?

Онъ помодчалъ, тяжело перевелъ духъ, потому что не привывъ такъ долго и такъ много говорить.

Но привязанность въ Будаевкъ, которую онъ любилъ какъ свое дътище, а также слово, данное имъ дочери, отговорить "англичанина" отъ его безумной затъи, придали ему энергін.

— Ради Бога, Владиміръ Сергвевичь, —вновь началь онъ, не подумайте, что я, говоря такъ, блюду свои интересы.

Будаевъ сделалъ протестующій жесть.

— Конечно, я очень привязанъ въ вашему имѣнью и меѣ съ дочерью будетъ очень больно разстаться съ этими мѣстами и съ этимъ домомъ, но даю вамъ слово, что въ данную минуту я думаю только о вашихъ интересахъ и менѣе всего о своихъ.

Будаевъ сказалъ:

- Вамъ не въ чему говорить это. Я вамъ вполнъ върю.
- Мои интересы, продолжалъ Тормиловъ, мало пострадають отъ того, что Будаевка будеть продана. Меня зовуть Скуридины. Я говорю, конечно, о матеріальныхъ интересахъ. Имънье Скуридиныхъ можно еще спасти и дъла ихъ поправить, конечно, если взяться за это немедленно. И онъ предлагають миъ хорошія условія. Такъ что мой личный интересъ былъ бы, напротивъ, въ немедленной продажъ Будаевки. Потомъ, черезъ годъ, черезъ два, будеть поздно—и у Скуридиныхъ миъ нечего будеть дълать. Все это я говорю для доказательства...

Но Будаевъ давно уже порывался прервать его.

— Позвольте, Дмитрій Александровичь, — сказаль онъ. — Почему Свуридины? Я вовсе не думаль, продавая Будаевку, лишаться вашихь дружескихь услугь. Развъ я не писаль вамь, что прошу принять въ свое завъдываніе вст мои дъла въ Англів. У меня есть контора по управленію домомъ, коттэджемъ и шот-

ландскимъ нивньемъ— и вы могли бы занять мъсто главнаго управляющаго. Конечно, окладъ вознагражденія былъ бы мною значительно увеличенъ— и въ матеріальномъ смыслё вы только бы выиграли.

Тормиловъ решительнымъ отрицательнымъ жестомъ отклонилъ это предложение.

- Сердечно благодарю васъ, сказалъ онъ, но это невозножно.
 - -- Почему?
- Владиміръ Сергвевичъ! Я уже немолодъ, чтобы начинать жизнь сызнова. Я не знаю ни языка, ни порядковъ, ни ивстныхъ условій вашей родины—Англіи. Что я тамъ буду дъзать и какую могу принести пользу?
- Ахъ, да! Я забылъ, это чисто русскій взглядъ, сказалъ Будаевъ, и какая-то нотка чуть замѣтнаго презрѣнія проскользнула въ его голосѣ. У насъ надъ такими вопросами рѣшительно никто никогда не задумается. Да вы и сами знаете: на югѣ Россіи есть много англичанъ, не только управляющихъ дѣлами, но и организовавшихъ ихъ. Они ѣдутъ въ Россію, устроивають заводы, ставятъ ихъ на широкую ногу, рѣшительно нитѣмь не смущаются. Для нихъ главное дѣло и его выгода. Все остальное пустяки. Съ мѣстными условіями они знакомятся въ годъ два, и могу васъ увѣрить основательно; а языкъ изучаютъ и въ еще болѣе короткій срокъ. Такъ же поступаютъ бельгійцы и французы, когда ѣдутъ въ чужія страны. А вамъ даже организовывать ничего не пришлось бы, а только принять все готовое и устроенное въ свое завѣдываніе.

Тормиловъ молча выслушалъ эту длинную рѣчь.

— Все это такъ, — возразилъ онъ, наконецъ, — но я уже старъ для этого... и слишвомъ люблю Россію, чтобы разстаться съ нею. И потомъ—я не одинъ. У меня дочь, Владиміръ Сергъевичъ. Оторвать ее отъ родной почвы... она никогда не согласится на это.

Будаевъ пронически улыбнулся.

— Да, да, — проговорилъ онъ, — я успълъ уже замътить, что Въра... Дмитріевна — большая патріотка и, кажется, страстная и убъжденная. Но въдь это, можетъ быть, потому, что она ничего не видала, кромъ Будаевки? Очень можетъ быть, что Лондонъ ей понравился бы больше Будаевки... Жалъю, жалъю отъ души, что эта комбинація не удастся. Мнъ, все-таки, очень бы хотълось имъть около себя върнаго и уважаемаго человъка, друга моего отца.

Онъ подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

- Во всякомъ случав, вамъ не придется брать мъста у чужихъ людей. Я не хочу и не могу допустить этого. Вы все ссылаетесь на вашу старость—тоже излюбленная манера русскихъ; у насъ старивами называются люди, приближающеся въ восьмидесяти, а вамъ, я думаю, нътъ и шестидесяти лътъ. У насъ въ этомъ возрастъ люди интенсивно работають, у васъ— уже думають объ отдыхъ. Но вы, дъйствительно, много работали и долго управляли нашимъ имъньемъ, оказавъ большія услуги нашей семьъ. Я думаю, что вы не лишите меня права быть вамъ признательнымъ и назначить вамъ пенсію, если ми продадимъ Будаевву.
- Я не хотёлъ бы обидёть васъ отказомъ, Владиміръ Сергевичъ,—но я предпочелъ бы работать. Я, дёйствительно, не такъ еще старъ, какъ вы справедливо замётили. Но я вамъ очень признателенъ за ваше великодушіе.
- Это не великодушіе, а долгъ, и притомъ долгъ пріятный. И вы даже не имъете права отказываться. Но мы еще поговоримъ объ этомъ. Вотъ вы меня смутили этой желъзной дорогой. Хотя я привыкъ не измънять своимъ ръшеніямъ, но, съ другой стороны, было бы просто непрактично не выждать и продать имънье за безпънокъ.

Лицо Тормилова стало расцейтать.

— Нельзя ли поговорить съ Щевлевымъ и поставить ему на видь эту постройку станціи? Можеть быть, онъ согласится прибавить?

Тормиловъ разсивялся.

- Вы, въроятно, судите по вашимъ повупателямъ? Ваши берутъ карандашъ, разсчитываютъ точно, и если дъло выгодно и деньги позволяютъ, то повупаютъ или же, въ противномъ случаъ, отказываются.
 - Ну, да...
- У насъ не такъ. Наши покупатели, особливо такой, какъ Щеклъевъ и ему подобные, никакихъ точныхъ разсчетовъ не признаютъ. Они играютъ на стороннихъ соображенияхъ: на нуждъ продавца, на всевозможныхъ побочныхъ обстоятельствахъ. Онъ отлично знаетъ, что стоитъ Будаевка, но ежели ее можно купить за грошъ—отчего не купить. И Щеклъевъ почему-то убъкденъ, что вамъ деньги нужны чутъ не въ два дня и что вамъ, во что бы то ни стало, нужно отдълаться отъ имънън. И купить-то онъ кочетъ потому, что отлично знаетъ о предполагаемой станціи. А потомъ, когда это осуществится, онъ продастъ имънье въ пять разъ дороже. Такъ всъ они дълаются милліонерами, а наше дворянство нищими. Кто же виноватъ?...

Будаевъ задумался, ничего не отвътивъ.

Тормиловъ, пользунсь этимъ молчаніемъ, началъ читать ему отчеть по управленію, который Будаевъ слушалъ разсъянно, а можеть быть и вовсе не слушалъ.

Тормиловъ, изръдка взглядывая на него, внутренно удивлялся и старался ръшить задачу: что за человъкъ этотъ странный поивщикъ; съ одной стороны—чисто англійскій умъ, здраво, просто, трезво и практически смотрящій на вещи и даже гордящійся этимъ дъловымъ взглядомъ; съ другой—типичный русскій баричъ, легкоимсленно относящійся къ своему добру, совершенно не интересующійся тъмъ, что безъ него дълалось въ имъньи.

Отчеть онъ читаль долго, пова не явился Джонь и не пригласиль ихъ въ завтраву.

Джонъ былъ чисто одътъ и выбритъ. Онъ былъ небольшого роста и очень худъ, такъ что своръе походилъ на камердинера, и дъйствительно, онъ состоялъ исключительно при баринъ, а за столомъ служилъ Петръ, давнишній лакей Тормилова.

Джонъ влъ въ буфетной, вмёстё съ Петромъ и остальной прислугой. Онъ былъ очень неразговорчивъ и молчаливъ, и его раздражало, что эти русскіе обглядывають его, какъ какого-ни-будь рёдкаго звёря въ воологическомъ саду.

Но уже Будаевъ успълъ сообщить ему, со словъ Тормилова, что у Скуридиныхъ есть горничная англичанка, и Джонъ съ нетерпъніемъ ждалъ, когда ему удастся повидаться съ вемлячкой и подълиться съ ней впечатлъніями.

Тормиловъ и Будаевъ встали.

Управляющій свазаль:

- Владиміръ Сергвевичъ, я забылъ доложить вамъ: вчера не успвли освободить комнату, которую занимала Въра. Комната очень удобна и хорошо расположена; она выходитъ прямо на террасу и въ садъ.
 - Да... такъ что же?
 - Сегодня мы ее освободимъ. Въра перейдетъ во флигель.
 - Зачёмъ?---спросилъ Будаевъ.
- Можетъ быть, вы возьмете ен комнату? Она вамъ, на-върное, понравится.
- Нътъ, пожалуйста, не дълайте этого. Прошу васъ. Вообще, я не хотълъ бы вносить никакого нарушенія порядка въ вашъ режимъ. Ничего не перемъняйте и не стъсняйтесь въ вашихъ привычкахъ. Что бы то ни было, я не останусь здъсь долго. Да у меня и отпускъ всего на два мъсяца, а я еще хочу побывать въ Парижъ передъ возвращеніемъ въ Лондонъ. И моя комната мнъ очень нравится. И спальня, и вообще весь тотъ уголъ дома.

VIII.

Посл'в завтрака, Будаевъ, уступая настояніямъ Тормилова, р'вшиль отправиться осмотр'вть им'внье, по крайней м'вр'в въ его главныхъ чертахъ.

Быль подань эвипажь—очень удобный и помъстительный тарантась.

Будаевъ свазалъ Въръ:

- Вы не откажетесь сопутствовать намъ? Мит было бы очень пріятно, еслибы вы мит показали мою Будаевку витстт съ вашимъ батюшкой. Вы въдь такъ любите это имтнье, и оно, къ тому же, ваша родина.
- Съ удовольствіемъ, просто отв'єтила она. Это такое наслажденіе 'вздить по этимъ чуднымъ м'єстамъ.
 - Есть развъ красивыя мъста? спросиль онъ.
 - Дивныя! восторженно подтвердила она.

Будаевъ и Въра съли рядомъ, Тормиловъ— напротивъ, и эвипажъ двинулся въ путь.

Въра на этотъ разъ не чувствовала никакого стесненія, н ей даже казалось, что она давно внакома съ Будаевымъ.

И въ его тонъ было какъ будто больше простоты и искренности, чъмъ наканунъ.

Поэтому разговоръ завязался быстро и не прекращался во все время объёзда.

По объимъ сторонамъ дороги шли безконечныя поля, свътлоизумруднаго цвъта, точно покрытыя дорогимъ плюшевымъ ковромъ.

На горизонтъ синъли лъса, и нъжно-голубое небо опровинулось надъ этой безпредъльной далью.

День объщаль быть жаркій, а свётлыя облака, скапливавшіяся на нёкоторых участках неба, объщали дождь или легкую грозу, по замёчанію Вёры.

— Настоящей гровы, конечно, не будеть, еще рано, хотя въ нашихъ кранхъ онъ случаются и въ это время года. Но дождь къ вечеру, пожалуй, будетъ.

Встречались мужики, приветливо и учтиво вланявшеся Вере и Тормилову и съ любопытствомъ оглядывавше Будаева.

Нъвоторые даже останавливались или, пройдя мимо, оборачивались, какъ будто видъли нъчто необывновенное.

Они шли изъ села, бълая церковь котораго виднълась вдали, между двумя покатостями, образовывавшими ложбину.

— Это и есть село Будаевка, - сказаль Тормиловъ.

У одной межи, отдёлявшей врестьянскую землю отъ помещичьей, экипажъ остановился, и всё изъ него вышли.

Проходившіе два мужика стали и съ наивнымъ добродушіемъ слушали барскія р'вчи.

Въра ласково съ ними поздоровалась и спросила у одного, какъ здоровье его жены.

- Животомъ мается, свазалъ онъ: и не разберешь тяжела стала, что-ли, или надорвамшись.
 - А ты бы въ довтору ее сводилъ, свазала Въра.
 - Это-къ Вавакв-то?
 - Ну, да, въ нему.
- He...— сказалъ мужикъ.—Не поведу. У насъ и безъ его выпользуютъ.
 - Отчего же не хочешь въ нему? спросила она.
- A для ча? Три дня ходи—николи не поймать. Все одно, что вътеръ по пашит ловить.
- Ну, хочешь, я ему скажу, когда будеть на сель, чтобы побываль.
 - А скаже, пожалуй, равнодушно отвётиль онъ.

Другой мужиченко, ледащій и худой, съ жалкой, встрепанной бороденкой, безучастно слушаль этоть разговорь и какъ-то безпомощно-слезливо мигаль глазами.

- Вотъ у Терентья жена болжеть, сказала Въра, а у тебя какъ, все благополучно?
- У меня-то? торопливо произнесъ онъ. А ничего, слава те, Христосъ, у меня-то. Кормы плохи, — неожиданно прибавилъ онъ, суетливо завовившись на мъстъ, — плохи кормы. Подобралась пищія-то, значить, пищія подобралась. А то — ничего, слава-те, Христосъ. Почитай-что жевать нечего. Скотина дохнетъ, али что... Опять же червь.
 - Какой червь?
- А червь. Божій червь, стало быть. Такъ полагаю, всё кормы пожреть, червь-то. Голодовка будеть отъ червя-то. Всё, скажемъ, наши поля—въ червё. Оно точно, что Божій онъ, червь-то, а истинно—пожреть все до чиста. Въ ёмъ, стало быть, башка да брюхо. А окром'в эвтого ничего и нёту, въ червё-то. А то—ничего, слава-те, Христосъ, все благополучно.
- Вы бы извели червя-то, растерянно посовътовала она, сама сознавая, что совътуетъ нъчто неисполнимое.
- Кого это? Червя-то? Не извести червя. Какъ это можно, чтобы червя извести. Онъ—отъ Бога. Коли Господь послалъ его намъ и наказалъ ему: "жри"—ёнъ и жретъ. А мы что? Мы инчего—на все Его воля.

Digitized by Google

- А у насъ, въ эвономіи, нёту. Вы сами виноваты, —дёловитымъ, хозяйскимъ тономъ говорила Вёра. —Запускаете, не слёдите. Отчего его у насъ нётъ? Кажется, земли наши близко.
- Червя-то нѣтъ? Извѣстно отчего, самоувѣренно проговорилъ мужиченко и заёрзалъ на мѣстѣ.
 - Вотъ какъ! Отчего же?
- Стало быть, Господь не указаль. Не указаль Господь. Ступай, г-грить, жри на мужищкой земли, а економію обойди. Онь и обходить. А еще другая, поди, причина есть.
 - Какая?
- Про то Господу извъстно. А мы не извъстны. Какъ это можно, чтобы мы Господню волю знали? Намъ не открыто. Не открыто, сказываю, намъ. Вотъ что!
- Пустое мелешь, дядя Митрій, остановиль его Терентій: какъ это можно, чтобы Богь послаль червя мужикамъ, а помѣщика обошель? Для Бога всѣ, чай, одинаковы. Туть другая причина, въ земной утробѣ.
- Э?— удивленно проговорилъ дядя Митрій.— A какая жъ такая причина?
- Не иначе, что наша земля истощимии, а господская отдыхаеть. Подъ паромъ отдыхаеть. Сначала родить, а потомъ ей отдыхъ. А наша безъ отдыху, вотъ на ней всякая нечисть и водится. Тля, ежели правильно сказать. Все одно какъ на человъкъ, который ежели изможденъ.
- Эге, —проговорилъ Митрій, которому это объясненіе, повидимому, понравилось. Може оно и такъ, а только намъ неизвъстно. Неизвъстны мы, вотъ что! Може оно и такъ. А только коли весенній червь пропадемъ съ голоду. Начисто, всъ какъ есть.
- A вы бы земству о червъ-то заявили,—опять посовътовала Въра.
- Земству-то? А нѣшто земство противъ Господа можеть? Супротивъ мужика оно, точно, большую силу имѣетъ, заявилъ Митрій. А супротивъ Господа гдѣ жъ ему управиться, земствуто? Никакъ это невозможно.

Въра пожала плечами.

Къ нимъ подошелъ третій муживъ, въ лицъ котораго явно было видно озлобленіе. Онъ ни съ къмъ не поздоровался, невому не повлонился, угрюмо взглянувъ на Въру и на своихъ односельчанъ.

Когда же онъ увидълъ стоявшаго невдалекъ Будаева и Тормилова, лицо его приняло суровое и преврительное выражение.

— Здравствуй, Трофимъ Сула! — привътливо свазала ему Въра.

Но онъ не отвътилъ ей на привътствіе.

Будаевъ, давно прислушивавшійся къ разговору Віры съ мужиками, съ удивленіемъ гляділь теперь на Трофима Сулу и придумываль подходящее объясненіе его странному поведенію.

И по его вопросительному взгляду видно было, что онъ ръшительно ничего не понималъ.

Сула угрюмо, уныло, тупо уставился въ землю и сказалъ своямъ сельчанамъ:

— Чего вря-то языки распустили? Пустое трезвоните. Земля рожаеть, червь отъ Господа, —передразниль онъ ихъ обоихъ по очереди. —И ничего не отъ рожденія и не отъ Господа. А какъ им есть мужики, такъ намъ—червь. А какъ они пом'ящики— имъ хл'ябъ. Отъ несправедливости это, бол'яе ни отъ чего.

Никому не поклонившись, онъ съ темъ же злобнымъ, независимымъ видомъ, съ какимъ пришелъ, и ушелъ.

Будаевъ проводилъ его долгимъ ввглядомъ, въ которомъ свътилось недоброе чувство.

Въра подмътила этотъ недобрый огоневъ и еще подмътила, что онъ вообще смотритъ на муживовъ съ какимъ-то брезгливимъ чувствомъ.

Сердце ея сжалось, ей сдълалось за него больно.

Она захотела разъяснить Будаеву этого загадочнаго человека и сказала ему:

- Вы смотрите на него съ такимъ недоумъніемъ...
- Мит не встртвались до сихъ поръ такіе странные люди, ножавъ плечами, отвттиль онъ.
- Да, если хотите, онъ страненъ. Но онъ—сынъ своего народа, а народъ этотъ загадоченъ и страненъ, въ особенности...

Она замялась, потому что почувствовала, что готовится сказать неловеость.

— Въ особенности, — повторилъ Будаевъ.

И она ръшилась:

— Въ особенности для иностранца, то-есть, я котела сказать — для чужого, для непосвященнаго.

Онъ усмъхнулся.

— Ахъ, я читалъ много объ этомъ, — насмышливо проговорилъ онъ: — святая Русь, мужичовъ — не муживъ, а мужичовъ, непремыно, — народъ-сфинсъ, великій молчальнивъ и прочее. Весь арсеналъ загадочныхъ и слащавыхъ словъ... Неужели это до сихъ поръ продолжается? — съ тымъ же брезгливымъ оттынкомъ докончилъ онъ.

Она смотръла на него испуганно, жалостливо.

"Такъ вотъ онъ какой!" — мелькало у нея въ умъ.

— Отчего не говорять про себя англичане: святая Великобританія? фермерчикь — вмісто фермерь и тому подобное? Потому что это было бы сміно и... глупо. Приторная слащавость идеть всегда рядомъ съ безсиліемъ, безволіемъ. Почему государство, народъ могуть быть святыми, вогда оба могуть совершать много преступленій и мерзостей? Почему мужичовъ, а не мужикъ? Почему именно сфинксъ? Это скучно, и я всегда віваль, вогда мні доводилось читать эти народническія фальшивыя книжки. Но я, кажется, васъ обидівль? У васъ такой обиженный и печальный видъ...

Она не сразу отвътила, собираясь съ духомъ.

. — Если хотите, да, — наконецъ, сказала она, почувствовавъ свободу, потому что отецъ ея ушелъ далеко отъ нихъ въ поле. Они медленно пошли за нимъ.

Онъ видимо свучалъ и шелъ медленно, сбивая палвой попадавшівся ему травки.

- Да, продолжала она, мнѣ обидно это слышать. Я люблю Россію, люблю этотъ народъ. Больно, когда обижають любниое. Надо сердцемъ понять этотъ народъ...
 - Почему именно сердцемъ? —перебилъ онъ ее. Почему всѣ другіе народы постигаются умомъ, а нашъ—сердцемъ?
 - Я не знаю...—не нашлась она.—Въроятно, потому, что другіе народы не такъ обездолены. Да и вообще, я думаю, любить можно сердцемъ, а не умомъ. Вотъ Трофимъ Сула... онъ грубъ, мраченъ, суровъ, это правда. Онъ производитъ несимпатичное впечатлъніе, но сила его душевная велика. На него обрушилось величайщее горе, но онъ не упалъ, не спился, онъ стоитъ по прежнему кръпокъ и могучъ, какъ дубъ.
 - Какое несчастье?
 - Его сына убила въ экономіи Колодищева паровая машина. Жена его умерла отъ тифа, который ходилъ вдёсь годъ тому назадъ. Онъ остался бобылемъ. Онъ былъ крёпкій муживъ —и несчастье это не подкосило его. "На все Божья воля" вотъ девизъ ихъ всёхъ. Ныньче, за недоимки, продали его избу. Понятно, онъ ненавидитъ и паровыя машины, и помѣщиковъ, которые ихъ заводятъ, и становыхъ...
 - Скудость ума!—сказаль Будаевь.—Неумвные разобраться въ явленіяхъ жизни. При чемъ же туть машины и помъщики? Несчастный случай—не больше, и притомъ самый обыкновенный.
 - Чтобы такъ разсуждать, надо быть развитымъ человъкомъ. Откуда же имъ взять это развитіе?
 - Вотъ народники лучше бы и развивали ихъ, чѣмъ бить передъ ними земные поклоны.

— Нивакое ученье не пойдеть на голодное брюхо, — ръзко и грубовато сказала она. — Сначала надо накормить человъка, а потомъ учить его.

Они замолчали.

- Этотъ Сула, кажется, вамъ очень по душё? спросилъ Будаевъ, чтобы что-нибудь свазать.
 - Очень. Я люблю его и уважаю за твердость его духа.
- Этого мужива?—проговорилъ Будаевъ.—Вы возводите его въ герои?

Въ его вопросъ быль презрительный тонъ.

Глаза ея свервнули, и она твердо отвътила:

— Да, этого мужива. У него могли бы поучиться многіе наши интеллигенты. Когда я была маленькой и упала въ водуподъ мельничное волесо, онъ спасъ меня съ опасностью жизни.
Мнт было тогда четырнадцать лть, и я этого нивогда не забуду. То-есть, того самозабвенія, той святой простоты, съ которою онъ это сдталь. Отецъ разсказываль, какъ онъ диво на
него посмотрть, когда онъ ему предложиль вознагражденіе за
подвигъ. "Свту поставь въ храмт, а мнт ничего не надо за
ея душу", — сказалъ онъ, и въ этихъ словахъ—все его величіе.

Они подошли въ Тормилову.

Управляющій сталь объяснять Будаеву систему хозяйства, которую онъ завель на этихъ поляхъ, но Будаевъ слушалъ молча, разсвянно, скучая и видимо ничего не понимая. Онъ имълъ видъ настоящаго городского жителя, никогда не вывзжавшаго изъ каменныхъ улицъ и не умъвшаго отличить колоса ржи отъ тимоееевой травы.

Въ концъ концовъ, Тормиловъ сконфуженно умолкъ, и всъ отправились къ экипажу, чтобы продолжать путь.

Митрій и Терентій все еще стояли у межи и теперь разсматривали съ видимымъ наслажденіемъ экипажъ.

Они щупали волеса, постукивали пальцами по кузову и вздыхали.

- Знатная штука! восклицали они по очереди.
- Хату продай, поди и тъмъ не укупишь. Нътъ, не укупишь! вядыхалъ Митрій.
 - Гдв ужъ? подтвердилъ Терентій.

Увиди господъ, оба, ни слова не прибавивъ, повернули въселу и пошли.

Теперь экипажъ везъ ихъ къ лъсу.

Всѣ молчали, чувствуя какую-то неловкость, несвободу.

Тормиловъ ясно видълъ, что ничъмъ не заинтересуетъ по-

мъщива, который, очевидно, твердо ръшилъ рано или поздно разстаться съ Будвевкой, несмотря ни на какіе доводы.

Все равно, если это не случится сейчасъ, то случится позже, черезъ годъ.

Это его исвренно огорчало. Онъ нивавъ не могъ себъ представить, что ему придется навсегда покинуть это излюбленное старое гивадо.

Въра чувствовала разочарование и неловкость. Судя по вчерашнему, Будаевъ рисовался ей превраснымъ, простымъ, даже душевнымъ человъкомъ — такъ говорилъ онъ съ ней искренно просто, любезно. Сегодня онъ казался уже ей черствымъ эгонстомъ, напускающимъ на себя простоту, какъ манеру свътскаго человъка.

Будаевъ приглядывался къ обоимъ, и ихъ то угрюмый, то блаженный, при видъ полей и рощъ, видъ нъсколько раздражалъ его.

Но такъ какъ молчать всю дорогу было неловко, то онъ заговорилъ:

— Не сердитесь на меня, Въра Дмитріевна...

Тормиловъ съ испугомъ взглянулъ на дочь.

"Опять что-нибудь наговорила!—подумаль онъ:—въдь этакая у нея горячая голова".

— За что? — удивилась она.

Будаевъ шутливо обратился въ ея отпу:

- Я непочтительно отнесся въ любимцу Въры Дмитріевни.
- Къ Трофиму Сулъ, пояснила она отцу, улыбнувшись и готовая уже все простить Будаеву.
- Грубый мужикъ! проговорилъ Тормиловъ, не зная, чью сторону взять.

Она вспыхнула.

— Зачёмъ ты говоришь такъ?—рёзко сказала она.— Зачёмъ ты неискрененъ? Вёдь ты самъ его очень любишь?

Тормиловъ смутился.

- Ну, да... положимъ. Но это не мѣшаетъ ему быть грубымъ и дерзкимъ.
- Въра Дмитріевна, съ своей обычной усмѣшкой началь Будаевъ, и невозможно было понять говорить онъ искренно или съ ироніей: вы отличаетесь, какъ я вижу, нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ. Можно любить человѣка и сознавать его недостатки. Не правда ли? И можно не любить того, что вы любите, и быть все-таки "хорошимъ" человѣкомъ? Или нельзя?
- Конечно можно, сказала она. Но нельзя не любить родины и свой народъ. Нельзя! съ убъжденіемъ подтвердила она.

Тормиловъ незамътно тронулъ ногой ея ногу.

- "Да угомонись ты, ради Бога!" досадливо подумаль онъ.
- Свою родину! свой народъ! повторилъ Будаевъ. Полноте, пожалуйста. Все это слова. И слова, которыя меньше всего относятся ко мив.
- Но въдь вы же русскій, русскій! съ возмущеніемъ всиривнула она.
- Право, не знаю, —тихо отвётилъ Будаевъ, и Вёрё почудилось, что въ его голосъ проскользнула, крадучись, грустная нотка. — Отецъ мой русскій, я — православный, это върно. Но я человъвъ безъ отечества. Я тавъ же говорю по-англійски, вавъ по-русски; ни въ православную, ни въ англиканскую церковь я не хожу, въ этому я поворно равнодушенъ. Но воскресенья соблюдаю по-англійски, свято. И вообще у меня привычки англійскія, которыя перешли во мий оть матери-англичанки. Вы знаете, въ Лондонъ, въ Сити, есть церковь Baw-Bells Church... Кто родится въ домъ, въ которомъ слышится звонъ колокола этой церкви, только тотъ считается у англичанъ истымъ, настоящимъ, прирожденнымъ лондонцемъ. Я родился именно подъ звуки этого волокола, въ Сити, гдъ у матери моей былъ домъ. Такъ вакой же я русскій? Но иногда... признаніе это, меж кажется, понравится вамъ...—шутливо произнесъ онъ, — мив вдругъ двлается невыносимо тоскливо въ Лондонв, и мив противны двлаются эти Picadilly, Regent-Street'ы и народъ, который по нимъ ходитъ. Кавая-то тоска овладъваеть мною и меня куда-то тянеть.
- Это голосъ отчизны просыпается въ вашей душъ,— серьезно сказала она.
- Вы имъете склонность въ поэзіи, неопредъленно проговорилъ Будаевъ и продолжалъ, тоже въ серьезномъ тонъ: Можетъ быть. И мнъ кажется, что это было однимъ изъ стимуловъ, который побудилъ меня, наконецъ, сдаться на увъщанія Дмитрія Александровича и пріъхать сюда. Ну и что же? Я здъсь чувствую тоску по Лондону, по Европъ. Мнъ все здъсь чуждо и странно, и мало симпатично, по крайней мъръ за эти два дня, что я здъсь и за эту почти недълю, что я въ Россіи.

Онъ почувствовалъ неловкость и сейчасъ же поправился.

— Еслибы я не встрётилъ такихъ милыхъ людей, какъ вы и вашъ батюшка, я, кажется, завтра убхалъ бы отсюда.

Въра благодарно ему улыбнулась, Тормиловъ смущенно пробормоталъ что-то.

— Такъ вотъ, — продолжалъ Будаевъ, — не требуйте отъ меня какой-то пылкой любви къ Россіи, которая мив чужда, непонятна, далека отъ меня. Да еще такъ, вдругъ, сразу!.. Дайте привыкнуть.

- Я—международный человъкъ, признаю—типъ самый несимпатичный для нашего времени, но типъ будущаго. Я человъкъ безъ родины. Я думаю, впрочемъ, что въ будущемъ всъ будутъ международны,—о, въ далекомъ будущемъ, конечно, и самыя понятія о патріотизмъ исчезнутъ съ лица земли.
- Когда это будеть?—съ недоумъніемъ спросила Въра, которая до сихъ поръ никогда не слыхала такихъ ръчей и которой показалось въ нихъ что-то новое и интересное.
- Я не знаю, —отвътиль онъ. По всей въроятности, когда не будеть "ни эллинъ, ни іудей", ни язычникъ, а можетъ быть тогда, когда всъ люди будутъ братья, какъ училъ Христосъ и желалъ этого.
- Не знаю, вдумчиво взглянувъ на Будаева, сказала Въра, и ему въ эту минуту очень понравились ея глаза. Можетъ быть, вы и правы, а я не права, но когда еще это будеть! А пока... человъкъ безъ родины миъ кажется страннымъ явленіемъ... страннымъ и страшнымъ... какъ человъкъ безъ тъни! Знаете вы эту сказку?

Онъ засмъялся, и въ его смъхъ было что-то холодное, жестокое.

- Знаю, сказалъ онъ. Я говорю, что вы поэтъ. У васъ все такія поэтическія сравненія. Позвольте и мит вступить на этотъ путь. Я "человъкъ безъ тъни", пусть. А вы знаете, кого вы мит напоминаете?
 - **Кого?**
- У насъ, въ Лондонъ, на "Етріге-театръ" давали балетъ "Коппелія, или дъвушка съ эмалевыми глазами". Вотъ вы напоминаете мнъ дъвушку съ эмалевыми глазами. У васъ такіе загадочные глаза. Въ нихъ свътилась жизнь только когда старикъ Коппеліусъ гипнотизировалъ ихъ. Въ вашихъ глазахъ вспыхиваетъ жизнь, когда вы говорите о Россіи и "мужичкахъ". Россія—вашъ Коппеліусъ. Въ остальное время глаза ваши точно покрыты непроницаемой эмалью. Я готовъ найти въ вашихъ глазахъ загадочность, по не заставляйте меня находить эту загадочность въ вашихъ "мужичкахъ". Вы видите, во мнъ говорить славянская кровь...
 - -- Почему?
- Какъ только я попалъ въ загадочную страну, я заговориль о загадочности и готовъ ее видъть тамъ, гдъ, можетъ быть, ея и нътъ на самомъ дълъ...

Вфра насупилась.

Ей вдругь не понравился этотъ игривый тонъ Будаева, воторый, по ея мижню, не шелъ къ нему и котораго она отъ него не ожидала.

- Здёсь есть нёвто гораздо болёе похожій на дёвушку съ виалевими глазами, — суховато сказала она.
- Да? удивляясь перемънъ ен настроенія, спросиль Будаєвъ.—Кто же это?
 - Евгенія Львовна Скуридина.
 - Ахъ, Женя Скуридина...
 - "Почему Женя?" подумала Въра, но ничего не сказала.
- Почему же она похожа на дъвушку съ эмалевыми глазами?
 - Потому что Коппелія была вѣдь, кажется, куклой? Наступило неловкое молчаніе.

Тормиловъ возмутился и злобно уставился на дочь.

Будаевъ замолчалъ и не оправдывался въ своемъ неудачномъ сравненіи. Въра сама нашла свою выходку ръзвой и неумъствой.

Удивительно, какъ она не умъла говорить съ этимъ человъкомъ! Они знакомы всего два дня, а уже иъсколько разъ у нихъ выходили неловкія столкновенія.

Смутно совнавала она свою безпомощность, свое неумънье держать себя съ свътскими людьми.

Въдь въ его сравнени ея съ куклой, конечно, не было и не могло быть ничего оскорбительнаго. Напротивъ, онъ, очевидно, хотълъ свазать, что она—врасавица.

Но она привыкла въ ординарнымъ разговорамъ Вавакина, Крыжова и другихъ, въ ръзкимъ выходкамъ Сазанова, въ ръчамъ крестьянъ.

Отвуда ей взять этоть легвій тонъ безцільной и світской болтовни, въ которой полагается говорить вовсе не то, что думаеть, а все, что подвернется на языкъ, лишь бы это было врасиво и не тяжеловісно?..

Экипажъ остановился у опушки лёса, и всё вышли изъ тарантаса.

Тормиловъ сталъ опять объяснять Будаеву свои хозяйственныя соображенія: сколько десятинъ занимаеть лісь, какихъ породъ деревья, сколько можно опреділить на срубъ, сколько въ годъ продается бурелома и отжившаго ліса.

Будаевъ слушалъ опять молча, сосредоточенно, на этотъ разъ стараясь понять. Неловкость еще не совсёмъ прошла въ немъ.

Иногда онъ задавалъ наивные, въ хозяйственномъ смыслѣ, вопросы, чѣмъ приводилъ въ смущеніе Тормилова и въ досадливое настроеніе Вѣру, которая кое-что понимала въ хозяйствѣ, въ особенности въ лѣсномъ, потому что обожала лѣсъ.

Они пошли по лъсной тропъ.

Будаевъ счелъ нужнымъ возстановить прежнія отношенія.

- Скажите, спросилъ онъ у Въры: вы не скучаете здёсь зимою? У васъ есть общество? Есть близкіе люди?
- Общество есть, но для меня мало интересное. Это папины винтёры. Врачь Вавакинь, который боится микробовь, питаеть нёжную страсть ко мнё и къ коньяку и всячески уклоняется отъ леченія; тёмъ не менёе, любить поговорить при случай о честности. Потомъ исправникь Крыжовъ—совершенно безцвётная личность, непозволительно обращающійся съ мужиками, и Сазановъ, конекъ котораго— "правда", всёмъ намъ ужасно надовымая. Воть и все. Есть сосёди: вотъ теперь Скуридины, но ихъ некогда не бываеть въ имёньи—это рёдкій случай. Колодищевъ еще. Его очень рёдко вижу. Онъ очень занять хозяйствомъ и дёлами. Чудный, исключительный человёкъ. Но это все гости папы. Я же провожу время одна. Ёмъ, сплю, много хожу, еще больше читаю. Хожу въ село, гдё у меня много знакомыхъ мужичковъ, простите... мужиковъ.
 - И между ними—вашъ другъ Сула?
 - И между ними мой другъ Сула.
- Вы ведете созерцательную жизнь,—сказаль Будаевь,—н теперь мев многое выясняется. Но неужели же вамъ никогда не хотвлось вырваться отсюда, освъжиться, повидать свъть и людей?
- Нѣтъ, нивогда. Зачѣмъ? Люди вездѣ, я думаю, болѣе или менѣе одинаковы, а освѣжаться, какъ вы говорите, я не чувствую потребности.
 - Почему?
- Я не чувствую духоты, затхлости, чтобы явилось желаніе осв'я ваться. Я считаю, что зд'я сто и есть св'я воздухъ. Зачёмъ и вуда и поёду искать его?

Будаевъ ничего не отвътилъ, но она продолжала:

— Запросы отъ жизни у меня самые ограниченные... Что же дълать! Я здъсь родилась, здъсь умру. Если даже тамъ, за этой синей далью, лучше, —зачъмъ я буду узнавать это лучшее? Чтобы отравить себъ существованіе, вернувшись сюда? Я вовсе не хочу этого. И потомъ, возьмите растеніе, привывшее въ извъстной почвъ и влимату, и пересадите его на новую почву и подъ другое небо — оно зачахнеть.

Будаевъ задумчиво проговорилъ:

— Да, власть родины, должно быть, ужасная власть. Человъкъ, какъ дерево, пускаетъ въ землю корни. Всякіе корни—рабство. Это цъпи, приковывающія человъческую душу. Въ концъ концовъ, эти цъпи дълаются сладкими, какъ и тъ рабскіе инстинкты, которые они рождаютъ.

Вѣра быстро возразила:

- Боже мой! Что не рабство? Все рабство. Свътская жизнь тоже налагаетъ цъпи. И какія! Въдь и любовь рабство, и привязанность къ дътямъ, земяъ, дому, обстановкъ все это сковываеть, все "привязываетъ", все дълаетъ рабомъ. Но не дай Богь быть свободнымъ какъ вътеръ и не носить на себъ ни одной изъ этихъ цъпей! Тогда человъкъ теряетъ все человъческое и превращается въ ничто... въ... я не знаю, какъ сказать!
 - Въ формулу?
- Да, именно, въ отвлеченную формулу. Въ тънь... или, лучше, въ существо безъ тъни.
 - Воть мы и опять пришли къ этому...
- Да, опять, грустно согласилась она и посмотрёла на него своими эмалевыми глазами, въ которыхъ засвётился и погась огоневъ глубовой жалости.

Солнце быстро садилось за лъсной прогалиной и овращивало густымъ вишневымъ цвътомъ и тропу, и стволы деревьевъ.

Пора было возвращаться домой.

Прогудка оказалась очень долгой и нивто не разсчиталь времени.

Сильно запоздали въ объду.

Когда экипажъ подъйзжалъ къ усадьбъ, надвигался уже на Будаевку вечеръ. Тучи скопились на небъ и заняли большую его часть.

Зарницы вспыхивали и потухали вдали, за чернымъ силуэтомъ рощи. На мгновеніе становилось свётло на небё, гдё неожиданно отврывались тучи, какъ будто съ жгучимъ любопытствомъ столпившіяся у открывшейся двери, чтобы заглянуть, что дёлается на землё.

Потомъ и земля, и тучи, и рощи—все исчезало, точно въ океанъ чернилъ.

Уже не было душно, какъ днемъ.

Въ воздухѣ запахло землею, какъ пахнетъ иногда сыростью отъ кучи земли, вырытой изъ свѣжей могилы на кладбищѣ. И еще пахло отъ рощи молодой зеленью, и въ этомъ запахѣ было что-то сложное: медъ, смола, странный ароматъ земли. Въ общемъ все это давало то тонкое благоуханіе весны, которое не поддается точному опредѣленію, но несомнѣнно чувствуется.

Въра полной грудью вдыхала въ себя этотъ воздухъ.

— Какой вечеръ, какая весна! — проговорила она въ полголоса. — Я думаю, нигдъ не бываетъ такого запаха весною, какъ у насъ. И нигдъ не можетъ быть такой очаровательной природы.

Она ни въ кому не обращалась съ этимъ замъчаніемъ,

какъ бы проговоривъ его для себя, для провърки своихъ собственныхъ чувствъ, и ея спутники промодчали.

Только Будаевъ улыбнулся своей полу-иронической улыбкой. Но было уже почти темно, и она не видала этой улыбки.

IX.

Будаевъ сидълъ на террасъ и читалъ англійскій романъ. Прошло уже нъсколько дней со дня его прівзда.

По усвоенной имъ издавна привычев и воспитанію, онъ велъ здёсь тотъ же режимъ, какимъ всегда жилъ за границей.

Утромъ онъ обливался колодной водой, дёлалъ гимнастиву, занимался дёлами до завтрака; потомъ часъ или два читалъ, послъ чего отправлялся на прогулку и бродилъ по оврестностямъ до полной усталости.

Онъ съ дътства привыкъ ко всевозможнымъ физическимъ упражненіямъ, но здъсь у него не было велосипеда и недоставало гребного спорта; поэтому онъ вамънилъ все это утомительными прогулками.

Около семи часовъ подавался объдъ.

Послѣ обѣда и до чая онъ оставался на террасѣ и приглашалъ посидѣть съ нимъ Тормилова съ дочерью.

Большею же частью, въ теченіе цёлаго дня, онъ оставался одинъ или же перевидывался нёсколькими словами съ Джономъ.

Джонъ, повидимому, не скучалъ.

Онъ во всему приглядывался съ любопытствомъ, вакъ будто попалъ въ какую-то фантастическую страну, гдѣ все его очень забавляло и удивляло. Больше же всего его удивляла одежда русскихъ мужиковъ и ихъ обувь. Лапти онъ разсматривалъ какъ величайшую рѣдкость, выкраденную изъ какого-нибудь зала Британскаго музея. Удивляли его и штаны, и рубаха, одѣваемы на голое тѣло, и онъ никакъ не могъ себѣ усвоить, что это не нижнее бѣлье, а верхнее платье.

Такая "манера" одъваться казалась ему "shocking", и овъ относился къ ней неодобрительно.

Онъ купилъ даже пару лаптей и попробовалъ ихъ одъть, но тотчасъ же снялъ и спряталъ, какъ ръдкость, въ сундукъ.

Съ будвевской прислугой онъ быстро сошелся, и они отлично стали понимать другъ друга; онъ даже удивлялся сметливости русскаго народа, и уже не опасался за наобретенную имъ мимику.

Лакей Петръ, кухарка Агаевя и горничная Даша прекрасно понимали, когда онъ просилъ "виски", и твердо выучили это

слово; въ свою очередь онъ выучился правильно произносить слово "водка".

Сида, за столомъ въ буфетной, онъ говорилъ по-англійски, изшая слова съ жестами и все болье и болье вырабатывая выразительную мимику лица; они говорили по-русски, и удивительно, что всь отлично понимали другъ друга и весело смъялись.

Только людей въ "нижнемъ бѣльѣ" почему-то не любилъ Джонъ и считалъ ихъ всѣхъ поголовно "бродягами". Онъ даже, кажется, слегка боялся, когда деревенскіе мужики приходили въ усадьбу по вакимъ-нибудь дѣламъ, и косо, недружелюбно смотрѣлъ на нихъ.

Особенное уважение у прислуги онъ заслужилъ своимъ благо-говъйнымъ отношениемъ къ воскресенью.

Въ этотъ день онъ отказывался отъ водки, влъ сдержанно, почти ничего не говорилъ и читалъ, почти не отрываясь, Библію.

- Ишь вёдь, басурманинъ, а тоже вёдь христіанинъ! искренно удивлялся Петръ.
- Извъстно, поди, тоже въ Бога въруетъ! соглашалась Даша.
- И даже водки не глотаетъ въ божій день, —одобрительно поддерживала кухарка, не то что наши мужики: какъ воскресенье, такъ безпремънно чтобы нализаться.

И уваженіе въ Джону росло и укрѣплялось.

Для Будаева дни проходили чрезвычайно однообразно и походили одинъ на другой, какъ близнецы.

Сначала онъ испытываль скуку, какой-то страхъ передъ твиъ количествомъ времени, котораго всегда удивительно много оставалось впереди.

Но потомъ время пошло нъсколько быстръе, въ особенности когда вечеромъ собирались вокругъ него Тормиловъ и Въра.

Его все больше и больше занимали разговоры Вёры, ея сужденія и выводы.

Иногда онъ имъ удивлялся и задавалъ себъ вопросъ, откуда могли выработаться такіе сложные взгляды у дъвушки, прожившей до двадцати почти лътъ безвытадно въ усадъбъ.

Но потомъ онъ узналъ, что это было не такъ, и что она блестяще кончила курсъ въ губернской женской гимназіи и много

Одно время у нея даже было стремленіе отправиться въ Петербургъ, для довершенія образованія и поступленія на высшіе курсы.

Однако, эта мечта быстро прошла у нея, какъ-то сама собою. Ей жалко было оставить отца одного, да и кром'в того

она ръшила навсегда поселиться въ деревиъ, которая вполиъ удовлетворяла ее во всъхъ отношеніяхъ.

Это, какъ понялъ изъ ея разсказовъ Будаевъ, произошло вовсе не изъ ограниченности ея натуры; напротивъ, ея умъ былъ бодръ и дѣятеленъ, и она интересовалась всѣми вопросами жизни и многими изъ вопросовъ искусства. Обо всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся явленіяхъ текущаго времени она имѣла достаточно точныя и достаточно полныя свѣдѣнія и понятія.

Но натура ен была такъ же проста, какъ просты были ен потребности. Жизнь въ городъ казалась ей чрезвычайно сложной, обремененной совершенно лишними, ни къ чему ненужными условностями, только стъсняющими человъка, который, по ен миънію, прежде всего долженъ быть простъ, чтобъ сохранить свободу своего духа.

И когда отецъ съ дочерью уходили, Будаевъ чувствоваль такое состояніе, какъ будто его убаюкали, загипнотизировали мощными, тихими, простыми рѣчами, какъ гипнотизируетъ въ дѣтствъ несложная, однотонная пъсенка няньки.

Тихіе голоса, спокойныя різчи, простыя слова, ничего лишняго, ничего прянаго, ничего волнующаго. Все въ какихъ-то полутонахъ, полунастроеніяхъ. Таковы здісь люди.

Но такова и природа.

Вовругъ тишина; только роща, волнуемая иногда тихимъ вечернимъ вътеркомъ, шелеститъ и нашептываетъ какія-то непонятныя ръчи; и шопотъ ея такой же однотонный, такой же баюкающій, какъ и людскія ръчи.

Въ особенности поражала Будаева сельская природа, вогда онъ выходилъ вечеромъ въ поля.

Безконечныя поля подъ безконечнымъ звъзднымъ пологомъ неба; темно-синія безмольныя дали. Ни голоса, ни звука, ни тъсни. Какая-то мягкая симфонія тишины.

Иногда отъ нея жутко дълается, но иногда въ душу льется мягкій покой, вызывающій усыпленіе.

Развъ здъсь можно страдать безсонницей, когда все влонить, зоветь ко сну? Когда надышешься этимъ воздухомъ, — кажется, будто наглотался опіума, или что въ воздухъ разлито какое-то снотворное средство.

И онъ чувствоваль, какъ эта тишина, это безмолвное небо, эти недвижимые въ въчномъ покот поля окутывають, обволавивають, засасывають его, и какъ силы его убывають, и какъ онъ привыкаеть къ этой непривычной ему жизни.

Это новое настроеніе казалось ему забавнымъ, и онъ съ

любопытствомъ и изумленіемъ, точно исподтишка, приглядывался и прислушивался къ нему.

Съ удивленіемъ чувствоваль онъ, что мало-по-малу охладеваеть къ физическимъ упражненіямъ, къ гимнастикъ и ходьбъ.

Бывали минуты, когда, казалось бы, никакая сила не въ состояни его поднять съ вресла. Ему было лень двигаться, лень думать, лень желать.

Случись это съ нимъ въ Лондонъ, онъ бы просто испугался и пошелъ къ доктору, потому что это показалось бы неестественнымъ; вдъсь это казалось ему въ порядкъ вещей, и онъ этого не боялся, потому что, во всякомъ случаъ, былъ твердо увъренъ, что скоро настанетъ день, когда онъ энергичнымъ движеніемъ стряжнетъ съ себя все это навожденіе и покинетъ эту мягкую пуховую постель, которая называется Будаевкой и годится, какъ ему казалось, для разслабленныхъ натуръ или для выздоравливающихъ больныхъ, но не для людей, полныхъ энергіи и жажды жизни.

Тавъ думалъ онъ, сидя на террасъ.

Горничная Даша доложила ему, что прівхаль Колодищевъ

Колодищевъ вошелъ на террасу.

Это быль мужчина высокаго роста, прекраснаго сложенія. Одіть онь быль въ чечунчовый костюмь, англійскаго покроя, отлично сшитый, прекрасно на немъ сидівшій. Но сорочка на Колодищеві была не крахмальная, а мягкая, шолковая, что, впрочемь, страннымь образомъ нисколько не нарушало его внішней элегантности.

Казалось, это происходило отъ того, что онъ умёлъ какъ-то носить костюмъ и къ его фигурё рёшительно все бы шло, что бы онъ ни надёлъ.

На ногахъ у него были высокіе сапоги, а въ рукахъ онъ держалъ соломенную шляпу.

Жесты его были широви, пластичны, благородны, и въ нихъ сказывалось его происхожденіе. Голосъ звучалъ низвими "барскими" нотами; лицо его было врасиво, и суровое выраженіе сёрыхъ глазъ подъ густыми черными бровями очень шло въ этому лицу, дышавшему силой и мужествомъ, какъ и вся его фигура. Небольшая бородка съ начавшейся просёдью и расчесанные довольно длинные усы, слегка приподнятые по краямъ кверху, придавали ему Мефистофелевское выраженіе.

- Я недавно узналъ, что вы прітхали,—представившись и поздоровавшись, сказалъ онъ,—и ръшилъ навъстить васъ.
 - Я очень радъ этому, —искренно ответиль Будаевъ, крепко

пожавъ ему руку. — Я чувствую себя точно въ монастыръ и все никакъ не могу собраться навъстить сосъдей.

- Скучаете? спросилъ Колодищевъ. Городскому жителю здъсь не ужиться долго, если онъ не имъетъ твердаго намърения разъ навсегда поселиться здъсь.
 - А вы постоянно здёсь живете?
 - У меня имънье.
 - Кавъ же, я знаю. Чуть ли не самое большое въ губернів.
- Да. И я живу здёсь почти безвыёздно. Впрочемъ, осенью, разъ въ два-три года на нёсколько мёсяцевъ уёзжаю за границу, куда-нибудь на воды полечиться. Я не скучаю, я привыкъ.
 - И давно вы поселились здёсь?.
- Давно. Прівхаль я какъ-то весной, передъ повядкой за границу; откладываль повздку со дня на день, да такъ и не повхаль. Незамвтно подошла осень, и мив никуда не захотвлось двинуться съ мвста. Такъ и остался. Къ следующей весне приказаль все распродать въ Петербурге, кое-какую мебель и ценныя вещи перевезти сюда, да такъ воть и зажиль.
 - Вы говорите страшныя вещи! сказаль Будаевъ.

Колодищевъ васмъялся.

— Почему страшныя?

И оба вдругъ почувствовали необъяснимую симпатію другь въ другу.

- А вдругь этакая метаморфова со мною можеть случиться?—сказаль Будаевь.—Но я вовсе не хочу этого.
 - Съ вами это нивогда не случится.
 - Почему?
- Потому что вы, какъ я знаю, родились въ городъ, да еще за границей. У васъ нътъ связей съ родиной; нътъ тъхъ незамътныхъ нитей, которыя съ лътами кръпчаютъ и привязываютъ васъ въ мъсту рожденія, гдъ протекло все ваше дътство. Я—какъ разъ наоборотъ. Я родился здъсь, здъсь получилъ всъ первыя впечатлънія отроческаго возраста. Я только воспитывался и служилъ въ Петербургъ. Здъсь—все мнъ близко и дорого. И вотъ я вернулся сюда. Мнъ сорокъ-пять лътъ. Это такой возрасть, когда блага городской жизни кажутся дешевымъ обманомъ и когда начинается у человъка соверцательное настроеніе раг ехсепесе. У одного, конечно, позже, у другого раньше. Но это неизбъжно. Жизнь природы—отличный врачъ, куда лучше нашего Вавакина. Вы не знаете его?
 - Нътъ, еще не познакомијся.
- Типъ. Влюбленъ въ дочь вашего управляющаго н. жажется, твердо ръшилъ на ней жениться.

- Воть какъ! А она? Кстати, что это за дѣвушка? Я недавно съ ней познакомился и не успѣлъ разгадать ее.
 - Колодищевъ засменися.
- Ее и разгадывать нечего. Преврасная, здоровая, простая натура. Очень несложная, но это не значить, что ограниченная. Вполыв русская дввушка, не городская конечно, а именно такая, какая можеть только вырости на здоровой деревенской почев. Однимъ словомъ, у нея очень много общаго со мною, и на этомъ единственномъ основании Вавакинъ въ свои частыя нетрезвыя минуты ревнуеть ее ко мнв.

Будаевъ внимательно посмотрель на Колодищева.

Колодищевъ говорилъ съ нимъ ясно, просто, не стъсняясь, какъ будто зналъ его не эти десять минутъ, а давнымъ-давно, пъме годы.

- Безъ всякихъ основаній, конечно!—разрышиль себы этотъ вопросъ Будаевъ.
- Ну, конечно! смѣясь, отвѣтилъ Колодищевъ. Каків же основанія? Я ее очень люблю, это вѣрно, но вакъ братъ можеть любить сестру, потому что души у насъ родственныя и вкусы одинаковы. Мы оба любимъ деревню и мужичковъ и болѣемъ ихъ нуждами.

"Мужичьовъ, -- подумалъ Будаевъ: -- совсвиъ какъ она".

- Но любить что-нибудь сообща, продолжаль Колодищевь, совсёмъ не значить любить другь друга. Я уже пережиль тоть возрасть, когда легко влюбляются въ молоденькихъ дёвушекъ. А она несомиённо въ томъ возрастё, когда влюбляются, чего и желаю ей отъ души, только положительно не знаю, какъ вто осуществится... Здёсь все такіе неинтересные мужчины. А женихъ, кажется, одинъ Вавакинъ, да и тотъ никуда не годится.
 - Вы очень ваняты въ имфньи? спросилъ Будаевъ.
 - Очень и мив некогда скучать.
 - Но что вы дълаете?
- Кавъ что? Все. Встаю рано, слъжу за работами. У меня паровыя молотилки и всякія другія машины. Потомъ, обойдя службы, объёздивъ полевыя работы, лечу мужиковъ, отъ которыхъ нътъ отбою.
 - Вы развѣ врачъ по профессіи?
- Ничуть. Врачь по профессіи Вавакинь, но онь не лечить, отсталь. А я не врачь—и лечу. Что же дёлать? Пришлось выписать книжки и знакомиться съ элементарной медициной. У меня аптека, которою я самъ зав'ёдую. Практикой и опытомъ достигаю, большею частью, хорошихъ результатовъ, и, право,

Томъ VI.-Декавръ, 1902.

такъ навострился, что могу лечить даже довольно сложныя болъзни. Вавасинъ состоить врачомъ моей экономіи, и я ему плачу деньги. Неловко смёнить его, разъ онъ считается земскимъ врачомъ. Но мужички ему не върятъ и обходять его.

- Я видаль кое-кого изъ здёшнихъ мужиковъ.
- И вавое они произвели на васъ впечатавние? съ живостью спросилъ Колодищевъ.
 - Самое неблагопріятное, отвровенно сознался Будаевъ.
- Почему?—серьезно взглянувъ ему въ глаза, спросиль гость.
- Это вавіе-то дивари,—отвётилъ Будаевъ,—по врайней мёрё тё, которыхъ мнё пришлось видёть. Они разсуждали о какомъ-то червё. Богъ знаетъ, что они только говорили. А еще одинъ какой-то Сула,—котораго, повидимому, особенно уважаетъ m-lle Тормилова,—такъ это прямо какой-то разбойникъ.

При имени Сулы лицо Колодищева нахмурилось, потомъ вворъ его сдълался грустнымъ.

- Да, медленно проивнесъ онъ: темный народъ нашъ мужикъ! И всё его обвиняють въ невъжествъ, въ звърствъ, во тъмъ. Но гораздо темнъе его тъ, вто держитъ его въ этой тъмъ. Я знаю, съ живостью сказалъ онъ, Въра Дмитріевна очень любитъ этого Сулу, про котораго вы говорите. Въ ея глазахъ это герой, способный на безкорыстный подвигъ. Это, можетъ быть, такъ и есть. Это мужикъ-философъ; кромъ того, онъ озлобленъ...
- Она говорила мив о несчастін, которое случилось съ его близвими у васъ.
- Да...—тяжво вздохнувъ, свазалъ Колодищевъ.—Что же дълать! Сами они всегда въ этомъ виноваты, потому что ръшительно не берегутся и не щадятъ своей жизни. Но главная вина—на насъ, не съумъвшихъ просвътить ихъ. Развъ виноватъ ребеновъ, котораго близко подпустили въ паровой машинъ, если она искропитъ его? Но мы не можемъ обойтись безъ этихъ дътей", въ несчастью, и намъ не хватаетъ силъ и средствъ превратить этихъ дътей во взрослыхъ. Это—большая ошибка! Кавъ будто мы боимся, что вогда они выростутъ, то поймутъ наше безсиліе, и намъ тогда уже съ ними не справиться. Не въ этомъ ли секретъ пребыванія ихъ въ темнотъ, противъ разсъянія которой нивъмъ ровно ничего не предпринимается? У меня есть школа и учительница. Но это дъло плохо идетъ. Кавъ учить, когда люди не доъдаютъ?
 - "Опять слова Тормиловой", подумаль Будаевъ.
 - То же мив говорила Въра Дмитріевна, не утерпълъ онъ.

- Непременно. Это вамъ скажеть всякій, кто знакомъ съ нашей деревнею и условіями ся существованія. И вром'в того, им съ Върой Дмитріевной однихъ "политическихъ убъжденій", засивнися онъ. - Я уже вамъ свазалъ это. А что муживи дивитакъ это върно. На первый взглядъ-удивительный народъ: чъмъ больше дълаешь имъ добра, тъмъ они становятся подоврительнъе. Ужъ больно у нихъ подорвана въра въ добро. Вездъ они видятъ подвохъ и ваверзу. Я ли для нихъ не стараюсь, искренно и безворыстно, а они все мечутся, все волками смотрять. Сделаешь какую-нибудь льготу, послабленіе, простишь долгъ, ссуду, анъ, гляди, ужъ онъ тебъ на шею сълъ и никакъ не можеть объяснить себъ этой снисходительности добротой или сердечнымъ порывомъ, а только, молъ, тъмъ, что колодищевскій баринъ "больно ужъ простъ", что значитъ-просто шугъ. Ну, а вавъ же съ дурава, не понимающаго своей пользы, не сорвать? И стараются сорвать. Воть туть-то и нужно отбросить всякую сентиментальность и показать свою силу и умъ., Ничего они такъ не уважають, какъ силу и умъ. Слабость и простоту они ръшительно не уважають, хотя и стараются воспользоваться ими. Кто жъ себъ врагъ!

Будаевъ слушалъ внимательно.

Колодищевъ, видя, что онъ заинтересовался, продолжалъ говорить. Это былъ его вонекъ, на которомъ онъ могъ вздить сколько угодно, разъ засвлъ на немъ.

Всѣ эти вопросы близко касались его, и онъ говорилъ о нихъ всегда съ увлеченіемъ.

- Вотъ, напримъръ, одинъ изъ нихъ запахалъ большой кусокъ моего поля. Я промолчалъ. Три года онъ продолжалъ имъ пользоваться. Наконецъ, я запротестовалъ. Но онъ уже вообразилъ, что это поле его, и ничего нельзя было подълатъ. Пришлось обратиться къ суду и силой отнять этотъ кусокъ. Виъсто благодарности за трехлътнее безвозмездное пользование что же вы думаете? онъ пригрозилъ меня "сжечъ".
 - Какъ сжечь?
- Да такъ: подобраться ночью, да зажечь какую-нибудь постройку.
 - Но въдь это ужасно!
- Ну, не такъ ужъ ужасно! Будемъ слъдить. Впрочемъ, на первый взглядъ ужасно; нужно только понять, а когда поймешь—простишь. У нихъ нътъ представленія о чужихъ правахъ; они въ родъ дикарей: "у меня отнимутъ—зло, я отниму добро". Вотъ, напримъръ, Сула считаетъ меня истиннымъ виновникомъ своего несчастья. И у него какъ-то инстинктивно выработался свой

особый философскій взглядь: земля, какъ вода, какъ воздухъ, не можеть принадлежать опредъленному человъку, личности, а есть общественное достояніе всего человъчества... Понятно, онъ не такъ выражается, это только изложеніе. У него все это посвоему...

Будаевъ слушалъ Колодищева внимательно. Онъ любованся его мужественнымъ, красивымъ лицомъ, разгорѣвшимся взоромъ. Онъ чувствовалъ, что этотъ человѣвъ говоритъ съ увлеченіемъ и убѣжденіемъ.

Но въ своей душѣ онъ не находилъ настоящаго отвлика на эти рѣчи.

Онъ оставался холоденъ и равнодушенъ, и въ первый разъ, можетъ быть, самъ удивился этому.

Неужели Тормилова права, что это происходить потому, что онъ— "человъкъ безъ тъни"?

И онъ прислушался въ тому, о чемъ говорилъ теперь его сосъдъ.

Очевидно, тотъ сдёлалъ какой-то переходъ, потому что Будаевъ не могъ уловить связи.

Колодищевъ, между твиъ, говорилъ:

— То-и-дёло слышишь теперь въ оврестностяхъ: такого-то помёщива сожгли. Темный народъ, что и говорить! Но мы всё въ этомъ въ большей части виноваты. Они правыкли смотрёть на насъ какъ на людей, которыхъ можно эксплоатировать. Какъто принесла во мнё въ усадьбу баба своего ребенва, тщедушную дёвочку. Кормить, говоритъ, нечёмъ. Приказалъ—ежедневно отпускать ей молоко въ потребномъ количестве. Черезъ полгода приходитъ опять, и уже не проситъ униженно, какъ прежде, а требуетъ: "давалъ молоко, такъ ужъ и одёнь дёвчонку". Одёлъ. И даже приказалъ накупить и нашить всего въ прокъ. Опятъприходитъ: "одёлъ, такъ возьми ее совсёмъ къ себе, пустъ у тебя живетъ; выростеть—служить будетъ, а ты за то, что я тебе ее отдала, выдавай мнё ежемёсячно деньги". Ну, комечно, я ее прогналъ.

X.

Къ завтраку собрались неожиданно гости.

Пробажаль мимо усадьбы Крыжовь и "счель долгомъ представиться нашему желанному гостю".

Будаевъ принялъ его любезно и оставилъ завтракатъ.

Потомъ, вскоръ послъ Крыжова, явился Вавакинъ и тоже представился.

И онъ остался завтракать.

Будаевъ чувствовалъ себя нѣсколько растеряннымъ среди этихъ незнакомыхъ и чуждыхъ ему людей и интересовъ.

Колодищевъ, въ концъ концовъ, нагналъ на него порядочную свуку своими длинными разсужденіями, но все-таки онъ былъ воспитаннымъ и свътскимъ человъкомъ.

Остальные же показались Будаеву совствить странными.

Крыжовъ походилъ на цивилизованнаго военнаго писаря, очень гордящагося своимъ положеніемъ въ убядъ.

Онъ быль худъ, раздражителенъ отъ безконечной взды на перекладной по деревнямъ и отъ въчныхъ ссоръ съ мужиками при "выколачиваньи" недоимокъ.

Ваванинъ вошелъ въ угнетенномъ состояніи духа, что всегда бывало съ нимъ до завтрана.

Послѣ первой же рюмки водки, онъ неприлично врякнулъ отъ удовольствія, а потомъ, послѣ второй, совершенно повеселѣлъ и сталъ разговорчивъ.

Будаева поразиль вившній его видь и небрежность, съ которою онь быль одёть.

Ради торжественнаго визита, онъ облачился въ какой-то черный куцый сюртукъ, который, очевидно, давно уже сталъ ему узокъ, а можетъ быть и быль узокъ съ самаго начала.

При малейшемъ ревкомъ движени, сюртувъ этотъ трещалъ по всемъ швамъ и какъ-то удивительно хрустелъ, точно издаваль стоны отъ боли.

Пристажной воротничовъ врахмальной сорочки постоянно вылъзалъ у Вавакина изъ-подъ воротника сюртука, плохо прилаженный, неудобно сидъвшій; Вавакинъ его поправлялъ безпрестанно, что дъйствовало на нервы другихъ. Наконецъ, онъ его просто-на-просто отцъпилъ и спраталъ въ карманъ, оставивъ свою толстую, вакъ у вола, шею безъ всякаго украшенія.

Онъ былъ плотный, потный и коренастый, красный, потому что ему всегда было жарко. Узенькіе черные глаза его, точно коринки, обложенные тёстомъ, выглядывали съ этого лица съ туповатымъ выраженіемъ, и онъ, освободившись отъ обязанности ноправлять воротничокъ, безпрестанно теперь приводилъ въ порядовъ свои густые, съдоватые, непослушные волоса. Усы у него были въ безпорядкъ, лъзли ему въ ротъ, а жидкая бороденка его была некультурно-растрепана.

Крыжовъ, очевидно, обладалъ гастрическимъ разстройствомъ, потому что ѣлъ съ разборомъ, осторожно, счищая соуса и вынимая мякишъ изъ хлѣба, довольствунсь одной воркой. Но кромъ гастрическаго разстройства у него былъ еще хроническій на-

смориъ, потому что онъ тяжело дышалъ, а во время вды довольно неприлично сопълъ.

Колодищева оба они встрътили довольно странно. Крыжовъсъ явно-выраженнымъ недоброжелательствомъ, которое онъ старался въ первыя минуты скрыть преувеличенной въжливостью.

Вавакинъ относился къ помещику съ какой-то деланной добродушной шутливостью.

Познакомившись съ Будаевымъ, оба сразу взяли развязный тонъ, въ которомъ чувствовалось провинціальное: "насъ-молъ ничёмъ не удивишь", и "мы-молъ сами не лыкомъ шиты".

Въру все это ужасно коробило, а Тормиловъ сталъ вдвое безгласнъе, чъмъ бывалъ обыкновенно.

Будаевъ же былъ со всѣми очень любезенъ и корректно выдерживалъ роль хозяина, хотя все это свалилось на него довольно неожиданно, и онъ никакъ не разсчитывалъ на столь раннее открытіе сезона визитовъ.

— Ну, какъ вы нашли наши палестины? — спросиль его Крыжовъ, и самъ же отвътилъ на свой вопросъ: — мъста здъсь хорошія, воздухъ легкій и климатъ ровный. Природа тоже хороша. Народишко плохъ. Въ этомъ съ грустью надобно совнаться.

И онъ тотчасъ же вызывающе посмотрѣлъ на Колодищева. Такъ какъ Колодищевъ пропустилъ мемо ушей его слова, то онъ пожелалъ его вызвать на словесное состязаніе.

- Плохъ, говорю, народишко. Очень плохъ. Мнѣ, какъ администратору, это даже очень хорошо извъстно. Нашъ достоуважаемый помъщикъ Вадимъ Степановичъ, конечно, съ этимъ не согласенъ. Въдь вы не согласны, Вадимъ Степановичъ?
 - Не согласевъ.

Крыжовъ усиленно васопълъ.

— Ну, конечно. Развѣ же я не знаю. И само собой— наговорили уже нашему любезному ховянну кучу чудесъ про нашего мужичка?

Будаевъ въ душъ улыбнулся.

— А мужичовъ нашъ, — продолжалъ : Крыжовъ, — просто дрянь. Тупъ, неразвитъ, лёнтяй, пьяница, просто можно сказать — шулеръ. А вы не находите, что онъ плохъ. Странно это, и даже обидно-съ.

Колодищевъ все молчалъ.

— Нътъ-съ, извините, — не отставалъ Крыжовъ, которому страстно котълось завести равговоръ на эту тему, чтобы показать Будаеву, что онъ можетъ заинтересовать общество, — молчание ничего не доказываетъ. А вы докажите-съ обратное.

Digitized by Google

⁻ Зачёмъ?

- Для выясненія истины. Извините, я не даромъ завелъ этотъ разговоръ. Вопросъ, можно прямо сказать, животрепещущій по нашимъ містамъ. И поводъ къ тому есть.
 - Кавой?
- Я не вря началь этоть разговорь, Вадимъ Степановичъ. Не вря-съ. Воть вы на дняхъ опять внесли недоимку за этого Трофима Сулу. Муживъ лънтяй, и притомъ грубый лънтяй, не признающій никакихъ обязанностей съ своей стороны, просто, можно сказать—соціалистъ.
- Экъ, куда хватилъ! прыснулъ Вавакинъ, только-что опрокинувшій въ свой широкій роть рюмку коньяку и томно взглянувшій на Въру, потому что зналъ, что, защищая Сулу, сдълаеть ей пріятное.
- Непремвино-съ соціалисть. Такъ скавать, безсовнательный, допускаю. Но это у него отъ испорченной натуры. Вы не имвете удовольствія внать этого субъекта?—спросиль онъ Будаева.
 - Имфю.
 - Какъ, уже познакомились?
 - Нътъ, видълъ, мелькомъ.
- Нѣтъ-съ, а вы извольте познакомиться. Увѣренъ, будете моего мнѣнія. А вотъ Вадимъ Степановичъ не находять въ немъ ничего предосудительнаго и платятъ за него который разъ недоимку. Это развратъ-съ. Мужикъ самъ долженъ работать. Это и я захочу ничего не дѣлать, а чтобы мнѣ шло жалованье. Всякій этого захочетъ. А вы говорите—не плохъ народъ.

Колодищевъ не выдержалъ.

- Не народъ плохъ, а вы всѣ плохи.
- **Кто—ии?**
- Администраторы. И онъ пожелаль подчеркнуть свою мысль. —Я не говорю о всёхъ, а воть о такихъ, какъ вы, Асоній Петровичь. А такихъ много.
- Такъ-съ. Чёмъ же это мы такъ плохи? Про себя сважу, я стараюсь, и не чувствую себя плохимъ. Не вмёю повода-съ. И начальство меня отличаетъ.
- Ну, хватили!—пробормоталъ Вавакинъ. Вы говорите: **исправникъ**, а помните, Сазановъ васъ назвалъ не исправникомъ, а хорохорящимся индюкомъ? Ей Богу, вы—индюкъ.
- Иванъ Михайлычъ! остановила его Въра въ полголоса, и онъ покорно умолкъ.

Но Крыжовъ не обиделся.

— Сазановъ — оригиналъ, — сказалъ онъ какъ бы въ пояснение Будаеву: — и, можеть быть, даже больше, чёмъ оригиналъ. Отъ такого человека ничего не обидно. А вотъ отъ Вадима Степа-

новича обидно. Мы плохи! Всѣ мы плохи, а мужички—волото. Мы для нихъ стараемси, трудимси, съ перекладной не слъзаемъ, все для нихъ дълается, а имъ все—мало!

- Что же для нихъ дёлается?— спросилъ съ любопытствовъ Будаевъ.
 - Все-съ!
- Нѣтъ, ужъ начали, такъ говорите, сказалъ Колодищевъ. —Все—это очень много, но что же именно?
- Извольте, я скажу, ежели вы сами не изволите припоминать, достоуважаемый Вадимъ Степановичъ. Начать хотя бы съ просвёщенія. Общества трезвости работають-съ. Губериская администрація работаеть-съ. Земство работаеть-съ. Всё заняти только мужичкомъ.
 - А проку мало, сказалъ Колодищевъ.
- Я же говорю: мужикъ плохъ. Вонъ, сколько денегъ идетъ для его развлеченія и образованія. Какой народный театръ выватили въ нашемъ губернскомъ городѣ, а плата за входъ—пятачокъ-съ; а тутъ у нихъ и драма, и пѣнье, и аудиторія для лекцій, и фонографъ, и волшебный фонарь, и все-съ. Даже жалко такихъ денегъ. Университетъ-съ, одно слово!

Колодищевъ остановилъ его.

- Вотъ, кажется, въ первый разъ, что мы съ вами согласимся, Аеоній Петровичъ. Именно университеть, и именно жалко бросаемыхъ на все это денегъ, которыя могли бы быть употреблены съ большей пользой. Но говорить объ этомъ не стоитъ. Всё увлечены народными театрами, и даже меня сочли бы за мрачнаго ретрограда, если бы я заговорилъ противъ нихъ. Никто не хочетъ понять этого: народный театръ—это университетъ, высшій курсъ, высшая школа. Кто же посылаетъ ребенка въ университетъ и кто начинаетъ ребенка учить высшимъ наукамъ, когда онъ не внаетъ еще азбуки? Нашему народу даютъ сразу университетъ, то-есть театръ, аудиторію, лекціи. Это нелёпость и насмёшка! Ему нужна простая начальная школа. Воспитайте, образуйте, научите его...
 - И накормите, —вставила Вфра.
- Да, и накормите его, а потомъ посылайте въ театръ в аудиторію. У насъ же начали съ другого конца.
 - Вотъ, вотъ! Такъ всегда... одно недовольство...
- Трудно быть довольнымъ, когда постановленіе земства о десяти новыхъ начальныхъ школахъ опротестовано за ненивніемъ денегъ, а народный театръ выстроили и истратили около пятидесяти тысячъ.
 - Ну, вотъ, ну, вотъ... какъ бы обращаясь за помощью

въ Будаеву, проговорилъ Крыжовъ, не находя, что ответить по существу дела.

Но въ Будаевъ овъ поддержки не встрътилъ.

- Если все это такъ, сказалъ Будаевъ, то я вполив сотласенъ съ мивніемъ Вадима Степановича.
- Что, брать, Асонъ!—всеривнулъ Ваваеннъ.—Вотъ тебъ и влетвло! Ей Богу, влетвло! Не хорохорься.

Его опять остановила Въра.

— У насъ въ Англін, — продолжаль Будаевъ, — все это иначе. Все систематично, последовательно и логично. Одно идетъ за другимъ, одно вытекаетъ изъ другого; а ведь создавать высшія учрежденія, не имън иняшихъ, это все равно что начать строить домъ съ крыши, а не съ фундамента. Это, правда, нелъпость, и меня это очень удивляетъ, что это такъ.

Но онъ вдругъ замолчалъ, сконфузившись, что поставилъ въ примъръ Англію.

И вообще ему вдругъ стало какъ-то тошно.

Люди странные сидёли передъ нимъ, нёчто въ родё каррикатуръ, которыя онъ часто видалъ въ иллюстрированныхъ романахъ Диккенса; рёчи вели они дикія, безсистемныя и совершенно безцёльныя, очевидно—произносимыя лишь для того, чтобы убить время.

Одинъ Колодищевъ былъ ему по душѣ, но и то казался далеко не дѣловымъ человѣкомъ той англійской складки, къ которой онъ такъ привыкъ, а какимъ-то сентиментальнымъ благотворителемъ-лэндлордомъ, которыхъ ему что-то не доводилось наблюдать въ Англіи.

Правда, онъ мало вращался среди англійской земельной аристократіи, а имълъ больше сношенія съ лондонскими городскими жителями.

XI.

Будаевъ былъ очень радъ, что кончился завтракъ, и, воспользовавшись тёмъ, что Колодищевъ уёзжалъ, вышелъ его провожать.

Тормилова вызвала изъ-за стола Даша, сказавъ, что къ нему призгли мужики.

Будаевъ пообъщаль себъ вернуться, чтобы еще разъ вблизи посмотръть на этого "таниственнаго русскаго мужичка", которымъ всъ были такъ вокругъ заняты, и о которомъ всъ такъ трогътельно заботились, и которому, оказывается, все-таки ужасно пложо живется.

Но не успълъ Тормиловъ положить салфетку, какъ три му-

жива въ лаптяхъ, съ вклокоченными головами и бородами точно сшитыми и свернутыми на сторону, ввалились прямо на террасу.

Къ этому пріучила ихъ Вѣра, и противъ этого всегда протестовалъ Тормиловъ, который требовалъ, чтобы они являлись по своимъ нуждамъ въ контору или, въ лѣтнее время, во дворъ передъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась контора.

Будаевъ вакъ разъ огибалъ въ это время съ Колодищевымъ и Крыжовымъ террасу, и Тормиловъ сконфузился чрезвычайно.

— Что за порядки, братцы! — укоризненно сказалъ онъ.— Сколько разъ говорено, чтобы ходили въ контору?

Будаевъ услышалъ это и проговорилъ:

- Примите ихъ здѣсь, Дмитрій Александровичъ. Я сейчась вернусь.
 - Все ты!— сердито сказалъ Тормиловъ въ полголоса Въръ. Она смущенно пожала плечами.
- Налейте-ка мит воньячку—посошовъ! попросилъ Вавакинъ.
 - Не довольно ли, Иванъ Михайловичъ?
- Ей Богу, мало! И притомъ нѣсть вреда въ вуреніи табака и въ потребленіи коньяка, какъ говорить мнѣ въ утѣшеніе нашъ сельскій попикъ, о. Павелъ. Да вѣдь и и самъ это знаю, какъ врачъ: что есть табакъ и коньякъ? Наркотическія. Меdicamenta heroïca! Повышають они тэмпъ жизни, ей Богу! А коньякъ, кромѣ того, сушитъ, что для моей комплекціи пользительно зѣло. А лишая меня онаго, вы, стало быть, желаете моей смерти. Dixi.

Въра улыбнулась.

- Пейте, сказала она, что съ вами сдълаешь!
- Вотъ за это ручку! А мы выпьемъ и послушаемъ сихъ Гостомысловъ.

Гостомыслы стояли съ рваными шапчонками въ заскорузлыхъ рукахъ и переминались съ ноги на ногу въ нерешительныхъ позахъ.

— Что тебъ, Ефимъ? — спросилъ Тормиловъ, обратившись въ ближайшему.

Въ это время Будаевъ, незамъченный, вернулси на другой вонець террасы, гдъ онъ оставилъ свой кофе. Будаевъ сълъ въ качалку, не желая мъшать разговорамъ, и слушалъ издали.

- Хлъбушва! однотонно отвътилъ муживъ и уставился въ управляющаго немигающими, узкими глазами. Борода его заростила всъ его щеки и чуть-что не подошла въ самымъ глазамъ.
- Хлъбушка намъ! такъ же однотонно, какъ эко, откликнулся другой.

Третій муживъ молчаль, хмуро уставись въ вемлю.

— Да съ какой стати? — всиривнулъ Тормиловъ. — Гдѣ я вамъ возьму хлѣба? — всплеснулъ онъ руками и сконфуженно поглядѣлъ на Вѣру и на столъ, уставленный всевозможными яствамя, еще неубранными.

Повидимому, эти два обстоятельства подъйствовали на него раздражительно, и онъ ръзко сказалъ мужикамъ:

- Весь розданъ, нътъ у меня хлъба.
- А что же, скажемъ, мит теперь делать? равнодушно, какъ бы для проформы, проговорилъ Ефимъ. Делать-то, скажемъ, что?

И онъ не могъ уже отвести глазъ отъ Даши, которая проходила по палисаднику, мимо террасы, съ двумя тарелками, наполненными мясомъ и хлъбомъ. За ней, повизгивая, прыгали двъ дворовыя собаки, предвнушая вкусный завтракъ.

Оба мужика смотрёли теперь на эти тарелки, не будучи въ силахъ оторвать отъ нихъ свои взоры.

— Мить-то какое дело? — вдругь насупившись и напустивъ на себя суровость, ответилъ Тормиловъ. Ему было очень непріятно, что какъ разъ во время этого разговора Даша вздумала кормить собакъ, и еще ему было непріятно, что Втра не съумта все это организовать какъ следуетъ: мужики вваливаются прямо на террасу, а Даша ходитъ черезъ садъ изъ лени, чтобы не сделать несколько шаговъ лишнихъ.

Неужели Въра не могла подумать обо всъхъ этихъ мелочахъ, право?!

Мужики оторвались отъ соблазнительнаго врвлища и молча переминались съ ноги на ногу.

- Мив-то какое дело?—опять сказаль онъ имъ. Ступай въ земство.
- Тамотка уже роздано, отвътилъ мужикъ и, увидъвъ какъ Вавакинъ прихлебывалъ коньякъ, вкусно облизнулся. Какъ же таперича быть-ти?
 - Это меня не касается.

Въра съ удивленіемъ взглянула на отца.

Она, впрочемъ, знала, что онъ неръдко раздражается, когда говоритъ съ муживами, но теперь въ его ръшительномъ тонъ она заслышала что-то особенное.

- Выдай, ваша милость! вдругь взвизгнулъ мужикъ, видимо набравшись, наконецъ, храбрости отъ голоду.
- Фу ты, Господи! Да отвуда же я возьму? Говорю, весь хлъбъ роздалъ, нъту хлъба.
 - Заработаемъ! занылъ другой мужикъ.

- Да какъ же ты заработаешь? Вотъ баба-то твоя тижела́, —ну, какая она ужъ работница?
 - Опростается поди, усё отработаемъ.

А его товарищъ затянулъ на одной нотъ:

- Овсеца вовсе нътути; конопля, скажемъ, и та подошедши.
- Ну, да, у васъ все такъ, все ползетъ по швамъ. Ступайте въ контору,—тамъ все разберемъ. Приду ужо. А ты что? —обратился Тормиловъ къ третьему, который не двинулся съ мъста.
- A мы, стало быть, къ ихней милости!—и онъ кивнуль головой на Вавакина.
- A! Ну, это не мое дѣло, облегченно проговорилъ Тормиловъ. — Ну? Что же вы не идете?

Мужики затопали ногами и какъ-то мелкой, боковой рысью скатились съ террасы.

Они уже знали, что приказаніе идти въ контору равносилью исполненію ихъ просьбы.

Вавакинъ высоко поднялъ брови.

— Ко мив?—переспросиль онъ, удивившись, какъ будто онъ былъ не врачомъ, а адвокатомъ, къ которому обратились за врачебной помощью.

Мужикъ заскрипълъ какъ ржавое колесо:

— Баба моя больна, заманлась сердешная, во какъ замаллась, — молодица, ей поди бы работать, а она лежить сколько дёнъ, дюже неможется.

Ваванинъ тупо уставился на мужика.

- Мается, говоришь?-спросиль онъ.
- Во какъ.
- А что же у нея такое?
- Чего это?
- Мается-то чёмъ, безтолочь ты этавая?!... **На что жа**луется-то?
- Ни на что, батюшка. Всёмъ довольна. Что-жъ жаловаться? Лежить въ нябё, питаемъ чёмъ можемъ. Всёмъ довольна.
- Фу ты! разсердился Ваванинъ и неистово завричалъ: болить-то что? Что болить-то?
 - У ей-то?
 - Ну, да, конечно, не у тебя.
 - Животомъ мается, сердешная.
- Ну, ладно, ступай. Банки поставишь. Ужо пришлю фельдшера. Авось не помреть.
 - Гдъ помереть! согласился муживъ.

Но Вфра возмутилась.

Ничего не сказавъ, она укоризненно взглянула на Вавакина и, отведя мужика въ сторону, стала его подробно разспрашивать.

Потомъ ушла въ свою комнату и вынесла какіе-то порошки. Во время ея отсутствія, Вавакинъ сталь разносить мужика.

— Порядку не внаете! — ворчаль онъ. — Прямо сюда прёте! Что вдёсь — санитарный пункть, что-ли? Эко дёло, поди, — мается! Не помреть, чай! Нёжности какія, скажи, пожалуйста!

И пользуясь отсутствіемъ Вёры, онъ налиль рюмку коньяку и разомъ выпель ее.

Муживъ кланялся Въръ и благодарилъ ее.

- Дай Богь здоровья, матушка. Гдё жъ фелшара ждать? Это только слово, что фелшаръ...
 - Скажи бабъ-то своей, что сама навъдаюсь черевъ часъ. Муживъ ушелъ.

Будаевъ сидёлъ въ глубинё террасы и издали, никёмъ не замёченный, полускрытый японскими ширмами, слушалъ и наблюдалъ всё эти сцены.

Ему сделалось какъ-то не по себе.

Ничего подобнаго онъ до сихъ поръ не представляль себъ. Ему повазалась страшной нелъпостью эта подлинная русская жизнь, которой онъ до сихъ поръ не видълъ вблизи, и которую представляль себъ вначе.

Среди полей, пожираемыхъ какимъ-то червемъ, стоитъ его Будаевскій дворецъ, полный дорогихъ предметовъ, изящныхъ бездѣлушекъ, вкусныхъ яствъ и дорогихъ винъ. Оазисъ полнаго довольства среди голодающаго, нищенскаго населенія.

Мужики умоляють о кускъ хлъба, въ то время какъ собакъ кормять этимъ хлъбомъ и мясомъ. Люди мруть отъ бользией, въ то время какъ существуеть здъсь врачъ и фельдшеръ и даже зеиская аптека. И вмъсто врача, который пьетъ дорогой коньякъ и масляными глазами смотрить на красивую дъвушку, леченемъ больныхъ занимаются по необходимости профаны, въ родъ Колодищева и Въры.

Народъ гибнетъ отъ самаго элементарнаго невъжества, и мужики мало чъмъ отличаются отъ какихъ-нибудь африканскихъ дикарей, а имъ строятъ какіе-то театры и аудиторіи, вмъсто начальныхъ школъ.

Помѣщиви вносять за неисправныхъ плательщивовъ недоимви, а муживи "жгутъ" помѣщивовъ, и этимъ выражается ихъ благодарность.

Но въдь это какая-то дичь, сказка? Въдь это же—нелъпость, невозможная въ цивилизованной странъ!

Онъ не привывъ въ тавой жизни. Кавъ можно ъсть, вогда кругомъ стонуть отъ голода? Кавъ можно благотворить, вогда тебя за это "сожгутъ"? Конечно, и въ Лондонъ существуеть пролетаріатъ; но жизнь въ огромной столицъ—не то, что жизнь въ деревнъ. Тамъ нътъ тавого непосредственнаго общенія между богатымъ и бъднымъ классомъ; нужда не лъзетъ тавъ дерзко, тавъ назойливо на глаза достаточному человъку... И во всявомъ случаъ, тамъ, по крайней мъръ, можно объдать спокойно.

Бѣжать отсюда и какъ можно сворѣе! А еще его убѣждають не продавать Будаевки! А что ему вдѣсь дѣлать? Заняться леченіемъ мужиковъ, какъ Колодищевъ и Вѣра, или начать читать въ народной аудиторіи объ открытіи Америки Колумбомъ, когда мужики не знаютъ не только Америки, но даже простой азбуки.

"Нелъпость, нелъпость, нелъпость!" — мысленно твердиль онъ, и долго не могь придти въ себя отъ изумленія.

XII.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней, Вѣра бродила утромъ въ рощѣ. Въ легкомъ свѣтломъ фуляровомъ платъѣ, въ широкой соломенной шляпкѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, она шла по лѣсной тропинкѣ въ глубокой задумчивости.

Въ веленовато-волотистыхъ сумеркахъ лъса, стройная и изящная, она казалась лъсной феей съ ея задумчиво красивымъ лицомъ, свътло-каштановыми волосами и загадочными эмалевыми глазами.

Лицо ея было въ тъни, такъ какъ широкія поля соломенной шляпки защищали его отъ этихъ зеленоватыхъ сумерекъ. Она чувствовала въ этотъ день какую-то странную грусть в вообще была неважно настроена.

Совсвиъ, совсвиъ другого ожидала она отъ прівзда Будаева. Но вотъ ужъ онъ живетъ здвсь около двухъ недвль и только думаеть о томъ, какъ бы ему окончательно переговорить съ Щеклвевымъ.

А Щекл'вевъ "выдерживаетъ", не вдетъ, несмотря на посланное ему изв'ястие о привяд'я пом'ящива, выдерживаетъ в'яроятно для того, чтобы повазать, что онъ вовсе не торопится этой покупкой, а въ случат чего—можетъ легко и отказаться отъ нея. Она его хорошо в'ядь знаетъ.

Будаевъ сердится на эту проволочку.

Еще бы! Онъ привыкъ дёлать дёла на европейскій ладъ: быстро, точно, осмысленно, безъ лишняго пустословія, безъ взанинаго подсиживанья, принимая во вниманіе лишь одну дёйствительную выгоду оцёнки.

Въ последнее времи Будаевъ мраченъ.

Очевидно, все ему здёсь уже надоёло, и онъ никакъ не разсчитывалъ на затяжку. Положимъ, времени еще немного прошло, но дёло-то вёдь еще и не начиналось.

Вфра нагнулась, заинтересовавшись какимъ-то голубымъ цвф-точкомъ.

Потомъ она пошла дальше.

Она такъ любила этотъ славный, родной лёсъ, съ его таинственной тишиной, съ его странной безмятежной жизнью, съ его живительнымъ воздухомъ, наполненнымъ запахомъ цвётовъ, съ его шелестомъ листьевъ, журчаньемъ ручейка на днё крутого оврага и пёньемъ лёсныхъ птицъ.

Она думала, что Будаевъ привывнетъ мало-по-малу въ этой мирной, родной природъ, что онъ полюбитъ эти свътло-зеленыя поля, изумрудный лъсъ, молочно-голубое небо, темныя фіолетовия дали, эти червонные закаты и пурпурные восходы солнца, этотъ поэтичный свътъ серебряной луны и спокойное мерцанье звъздъ въ глубинъ безпредъльнаго небеснаго шатра.

Она думала, что онъ полюбить этихъ обездоленныхъ людей, живущихъ тамъ, вдали отъ усадьбы, въ грязныхъ избахъ, среди физическихъ страданій, среди болізней и голодовокъ, среди тяжелой работы. Она думала, что онъ пойметъ, почему эти люди иногда не выдерживаютъ и начинаютъ мучительно жаловаться, а начавъ жаловаться, приходятъ въ озлобленіе, несмотря на всю глубокую вітру ихъ въ то, что богъ опреділилъ человітку трудиться въ "потів лица", чтобы иміть право на жизнь.

Страдая, работая и временами озлобляясь, они ръдко разсуждають и еще ръже задаются вопросомъ: зачъмъ, для чего нужна имъ эта нелъпая, мучительная жизнь?

Такіе вопросы и Вёрё рёдко приходили на умъ, и она ни разу еще не съумёла себё отвётить на нихъ удовлетворительно.

Но Будаевъ не полюбилъ ни этой природы, ни этихъ людей. Да и какъ могъ бы онъ полюбить ихъ?

Кромъ той поъздви, на которую его вынудиль ея отець, онъ ни разу не двинулся съ мъста.

Онъ сталъ даже неразговорчивъ, молчаливъ, какъ то угрюмъ. Не куже Трофима Сулы!—улыбнулась она.—Конечно, свътскиугрюмъ; онъ остался все тъмъ же въжливымъ, корректнымъ бариномъ.

Но ихъ завтраки и объды стали проходить вяло, скучно, несмотря на то, что проходили въ разговорахъ.

Будаевъ говорилъ обо всемъ, но больше всего о Лондонъ, о заграничной жизни. Русской жизнью онъ совершенно не инте-

ресовался. Остальное время онъ проводиль въ своемъ кабинеть, читая англійскія книжки или разговаривая подолгу съ Джономъ.

Оба сердились, что газеты приходится читать два раза въ недѣлю, вогда посылали на слишкомъ отдаленную станцію нарочнаго.

Такимъ образомъ "Times" прибывалъ въ Будаевку съ опозданіемъ на двъ, а иногда и на три недъли, и это ужасно раздражало его.

Сухой трескъ раздался подъ ногами Въры.

Она вздрогнула и вышла изъ задумчивости. Это была вътва, на которую она наступила.

Выйдя изъ задумчивости, Въра вдругъ поймала себя на неожиданномъ открытіи: а въдь все время она только и думаетъ о Будаевъ.

Около часу гуляеть она по лъсу, но уже не ощущаеть въ себъ ни прежняго наслажденія прогулкой, ни прежняго отраднаго покоя.

Мысль ея все чаще и чаще возвращается въ нему, въ этому новому и странному для нея явленію жизни.

Мысль эта, какъ привязавшійся напіввь, держить ее въ плівну. Зачімь?

Она досадливо пожала плечами и пошла дальше.

На поворотъ тропы она встрътила вдругъ Вавакина.

Его привемистая фигура стала передъ нею, загородивъ ей путь. Онъ растопыриль руки.

- Не пущу дальше. Стопъ!
- Здравствуйте! сказала она.

Вавакинъ былъ особенно непріятенъ ей въ послѣднее время. Онъ сталъ какъ-то особенно усиленно пить. И товъ его сдѣлался совершенно невозможнымъ. Онъ позволялъ себѣ какіе-то намеки, двусмысленности, шуточки по отношенію къ ней и Будаеву, а она рѣшительно не выносила его въ этомъ состояніи.

- Вы вакъ сюда попали?—спросила она его, чтобы чтонибудь свазать.
 - Собственными ногами, красавица. Позвольте ручку.

Она неохотно протянула ему руку, которую онъ поцёловаль продолжительнымъ поцёлуемъ.

- Я потому спросила, что, внаю, вы не особенный любятель лъса и вообще прогулокъ.
- Върно! Не люблю лъса, когда въ немъ никого нътъ или когда въ немъ мужики, занимающеся порубкой. Но когда въ немъ лъсная фен—люблю лъсъ!

Она холодно взглянула на него.

- Вы развѣ знали, что я здѣсь? спросила она.
- Не зналъ, но чувствовалъ. Сердце сердцу въсть подаетъ.
- Вотъ какъ! И давно ваше сердце стало такимъ чувствительнымъ аппаратомъ? Да и не знаю, какъ оно могло почувствовать въсть, когда я вовсе о васъ не думала.
 - Кха! крякнулъ онъ. Вы думали, конечно, о немъ? Въра строго посмотръла на него.
- О комъ это о немъ? холодно сказала она. Говорите ясиве. Я не люблю загадовъ.
 - О немъ! О вомъ же еще? Конечно, объ "англичанинъ".
- Я еще менъе загадокъ люблю эти шутки, ръзко сказала она. Поэтому, если хотите идти со мною, то совътую отъ нихъ воздержаться.
- Ого! Какъ вы это говорите!.. Но я вовсе не шучу. Вся округа говоритъ и думаетъ только о немъ. Всё заинтересованы имъ. Воздухъ наполненъ имъ. Куда ни толкнись—все только Будаевъ, да Будаевъ. Ей Богу! Такъ что же удивительнаго, что и вы о немъ можете думать? Ей Богу, ничего удивительнаго нёту. Но ежели вы не думаете о немъ, то это миё доставляетъ радость.
 - Вамъ?! -- восиливнула она и даже остановилась.
 - Мий. А что?
 - Удивляюсь.
 - Почему?
 - Да что же вамъ-то? Не все равно развѣ, о вомъ я думаю?
- А я думаю, что не все равно. Сначала мечтали о Колодищевъ, а теперь мечты тянутся въ Будаеву.

Въра вспыхнула.

Она вонтикомъ стала сбивать головки травъ.

- Съ вами невозможно говорить, потому что вы отвъчаете не на вопросы. О Ролодищевъ я никогда не думала. Я его очень уважаю и люблю, но тъхъ намековъ, которые вы дълаете, я не допущу.
 - Колодищевъ не влюбленъ въ васъ?
- Вздоръ, конечно. Но если даже и такъ, это не значитъ, что и я въ него влюблена. А относительно Владиміра Сергъевича такъ ни того, ни другого нътъ. И это вы отлично знаете... Но все это не относится къ дълу. Положимъ, я влюблена въ... Будаева. Вамъ-то что, спрашиваю я васъ?

Она это сказала беззаботнымъ, шутливымъ тономъ, чтобы не дать ему ни малъйшаго повода подумать противное. Еслибы она разсердилась, онъ бы счелъ себя правымъ.

— Мив-много, Ввра Дмитріевна. Потому что я самъ давно влюбленъ въ васъ.

Томъ VI.--Декаврь, 1902.

Она звонко разсмёнлась.

- Вы?-проговорила она.
- Да, я. Что же туть удивительнаго? Я не могу влюбиться? Или нъть, върнъе: полюбить.
- Отчего же? Всякій челов'якъ способенъ полюбить чтонибудь вром'я...
- Коньява, вы хотите сказать? Зло и немилосердно. Зло и несправедливо. Во-первыхъ, не всякій способенъ любить, а только тотъ, у кого есть сердце...
- А развѣ есть люди безъ сердца?—все въ томъ же шутливомъ тонѣ спросила она. Вы плохой врачъ, это я давно внаю. Но у васъ нужно отнять дипломъ, если вы способны предположить, что можетъ существовать человѣкъ, лишенный такого важнаго органа...
- Вы все шутите. Но я повторяю, любить можеть человъвъ съ сердцемъ. Будаевъ, напримъръ, любить не можетъ, потому что у него виъсто сердца нумеръ "Таймса".

Въра опять вспыхнула и на этотъ разъ разсердилась.

- Я васъ очень прошу,—дрогнувшимъ голосомъ сказала она,—оставить въ покоб Владиміра Сергбевича.
 - Это вась такъ трогаеть? --- хихикнулъ докторъ.
 - Да, это меня трогаеть.

Они пошли молча.

Въра шла насупившись, смотря въ землю, вакъ будто внимательно и сосредоточенно присматривалась къ цвътамъ.

Вавакинъ посвистывалъ, что дълалъ всегда, когда находился въ растерянномъ состояни духа.

Онъ молча смотрълъ искоса на Въру, на ел опущениме глаза въ голубой тъни отъ шировихъ полей шляпки, на ел тяжелые свътло-каштановые волосы, на ел плотно сжатыя превраснаго рисунка губы, и наконецъ проговорилъ въ полголоса:

— Вы на меня еще сердитесь?

Она съ досадой взглянула на него.

- Зачёмъ вы идете со мною?—рёзко сказала она.—Другой, на вашемъ мёстё, давно ущелъ бы въ другую сторону.
 - Но ежели мив пріятно гулять съ вами?
- Не вижу, что можеть быть пріятнаго. Я не въ духь, вы это должны чувствовать.
 - Вотъ я и хочу развеселить васъ.

Она улыбнулась.

- Вашими-то пріемами? Странная идея!
- А вотъ, однако, вы улыбнулись.

И вдругъ овъ заговорилъ въ серьезномъ тонъ, въ такомъ тонъ, котораго она никогда не слыхала отъ него прежде.

Digitized by Google

Она насторожилась и вдумчиво посмотреда на него, до того это ее поразило.

— Въра Дмитріевна, — началь онъ, — прошу васъ, отнеситесь ко мет внимательно на этотъ разъ. По всей въроитности, мы говоримъ съ вами сегодня въ последній разъ.

Она не поняда его.

- Почему въ последние разъ?--удивленно спросила она.
- Я решилъ перевестись отсюда.
- Вы? Вы ръшились перевестись отсюда? Куда? Когда? Зачъмъ?
- Извольте, я отвічу на всі ваши вопросы. Куда—не знаю. Туда, гді дадуть мий місто, если дадуть еще...—грустно добавиль онь.—А то, можеть быть, погонять въ отставку. Какой же я врачь, я відь знаю...

Ее тронуло это признаніе.

- Вы могли бы быть хорошимъ врачомъ, еслибы взяли себя въ руки.
- Ну, оставимъ это... Когда?—Я не знаю. Какъ можно скоръй, какъ только удастся, и чъмъ скоръе удастся тъмъ лучше. Что вы на меня такъ смотрите? Вы думаете, я говорю неправду? Клянусь, я говорю правду, не хуже, чъмъ говоритъ ее Сазановъ. И еще клянусь: я сегодня ничего еще не пилъ. Потому я и не въ духъ, но зато могу говорить ясно и здраво. Ну, а третій вопросъ посложные. Зачымъ? Вотъ именно, зачымъ? А впрочемъ, что же тутъ сложнаго? Очень даже просто, —съ напускной храбросгью сказалъ онъ, и тотчасъ же тихо, тихо прибавилъ: —все дъло въ томъ, что я люблю васъ.

Это признаніе, такъ неожиданно свалившееся на Въру, такъ не шло къ этому коренастому, большею частью нетрезвому человъку, съ некрасивымъ лицомъ, маленькими глазками и растопыренными короткими пальцами, что ей стоило большого труда, чтобы не разсмъяться.

Будь это въ другое время, она бы сочла это одной изъ многочисленныхъ его грубоватыхъ шутовъ, которыя онъ говорить въ состояния легкаго опьяненія.

Но теперь, увидя его убитую горемъ фигуру, всмотръвшись въ его безпокойно бъгавшіе глазки, ей стало его до слезъ жалко.

— Иванъ Михайловичъ, милый, — также тихо сказала она: — вачёмъ это? Зачёмъ? Ну, зачёмъ? Мы были съ вами друзьями, хорошими друзьями. Я часто бранила васъ за ваше поведеніе, но я любила васъ, какъ хорошаго человёка. И вы относились ко миё по-дружески. Ахъ, зачёмъ, зачёмъ это?

Она остановилась и сворбно глядела на него, потому что чувствовала, что онъ действительно, не въ шутку страдаеть.

Онъ стоялъ передъ ней, какъ уличенный въ непозволительной шалости школьникъ, какъ человъкъ, на котораго внезапно свалилась штукатурка, самъ изумлявшійся своей смілости и той легкости, съ которою у него вырвалось это признаніе, давно уже шевелившееся въ его отуманенномъ мозгу и начавшемъ застывать сердці.

Но говорить надо было, онъ это чувствоваль.

Нельзя же такъ стоять безъ конца и не оправдываться.

Онъ чувствовалъ, что его признание требовало оправдания.

— Видите ли, — началь онъ робко: — можеть быть, я сказаль вамъ ръзко, очень ръзко... нужно было подготовить... но это въ первый разъ со мной, ей Богу, въ первый разъ. И я не умъю. Вотъ такъ вырвалось... Право, не знаю какъ. Можеть быть, такъ и не дълается. Но какъ дълается — я не знаю... Я привыкъ все валить на чистоту, напрямикъ. Вотъ я и говорю: я люблю васъ. И самъ знаю, что коротко это, ръзко...

Она поспъшила ему помочь.

- Иванъ Михайловичъ, но что же дальше? Это—большое несчастье для вась, но... на что вы надъетесь, чего вы хотите?
 - Натурально, вашей руки. То-есть, брака, чего же больше? Она почувствовала точно осворбление въ этихъ словахъ.

Вдругъ все сочувствіе, вся жалость къ нему у нея пропала.

— Этого никогда не будеть, — холодно и сухо отвѣтила она, и сейчасъ же раскаялась въ этой холодности и сухости. И вообще она сама не знала, что въ ней творится.

Но Вавакинъ уже сталъ приходить въ себя.

— Никогда не будеть, — проговориль онь твердымь голосомь, въ которомъ какъ будто зазвучала обида. — Но почему? Почему вы не хотите выйти за меня? Я въдь не такъ же старъ, мив нъть пятидесяти. Я служу, получаю порядочное жалованье; наконець, на что вы разсчитываете въ этой глуши?

Мало-по-малу онъ приходилъ въ обычное возбужденіе.

— И почему вамъ, ей Богу, не выйти за меня? Такъ вѣдь легко и вовсе засидъться, въ особенности въ нашихъ краяхъ. Въдь не на Колодищева же и не на Будаева вы, въ самомъ дълъ, разсчитываете?

Теперь онъ чувствоваль неодолимую жажду отмстить ей за то униженіе, которое только-что перенесъ.

Она закусила губы и съ ненавистью упорно посмотръла на него, но ничего ему не отвътила.

- Почему вы не хотите выйти за меня? уже совстиъ ръзко спросилъ онъ ее и остановился.
- Могу я не хотъть выйти за васъ или не могу?—отвътила она ему въ томъ же тонъ.
 - Можете, конечно, но почему? Почему?

Она разсердилась.

- Вы хотите внать причину?
- Обязательно.
- Потому что я васъ не люблю. Не люблю такъ, вакъ надо любить, чтобы выйтн замужъ за человъка.

Вавакинъ насмешливо и протяжно свистнулъ.

- Э-ва!—съ обычной грубостью протянулъ онъ.—Нашли причину, ей Богу! Зачёмъ же непремённо любить? Довольно, ежели одинъ вто-нибудь любить. А въ другому это придетъ.
 - Вы въ этомъ увърены?
- Обязательно. Не можеть не придти. Я знаю одного человъва, который слышать не могь запаха спаржи. А потомъ полюбилъ и даже пристрастился. Ей Богу! Всявая идіосинкразія можеть пройти.
- Моя неизлечима, свазала она опять въ шутливомъ тонъ, такъ вакъ ея раздражение уже прошло. Очень забавно показалось ей упоминание о спаржъ. Это у меня должно быть органическое, продолжала она. И притомъ, право же, у васъ очень мало общаго со спаржей.

Въра засивялась, но Вававинъ былъ все еще золъ и хмуръ.

— Какъ котите, — сказалъ онъ мрачно-ръшительнымъ тономъ, — я не отступлюсь отъ этой идеи. Я хочу на васъ жениться, и думаю, что, рано или поздно, вамъ необходимо будетъ сдълать этотъ шагъ.

Она нахмурила брови.

- Необходимо? задумчиво проговорила она, какъ бы отыскивая тайный смыслъ, который могъ бы скрываться въ этомъ словъ. Почему необходимо? Что вы хотите сказать?
- Всяво бываеть. И не тавое бываеть... "Есть многое на свътъ, другъ Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ"... Вотъ вамъ важется невозможнымъ это, а я увъренъ, я, ей Богу, увъренъ, что это случится.
- Оставайтесь при этой увъренности, опять раздраженно сказала она, потому что ощутила нъкоторый суевърный страхъ при такой категоричности. Никто, конечно, не можетъ отнять у человъка увъренности, разъ онъ увъренъ.
 - Это точно. Ничего вы со мной не подблаете. Такъ я

буду ждать! — самымъ естественнымъ и дёловымъ тономъ сказалъ онъ, точно дёло шло объ уплатъ по векселю.

Она пожала плечами.

- Послушайте, Вавакинъ, сказала она: еслибы не было такъ рано, то я подумала бы, что въ васъ говоритъ коньякъ, а вы сами ни при чемъ.
- Ахъ, оставьте вы мой коньякъ въ покоъ! Никому онъ не приноситъ вреда, ей Богу!
 - Кромъ какъ вамъ самимъ.
- Можетъ быть-съ. Но это опять-таки никого не касается. Я же не пристаю къ вамъ, что вы пьете кофе?

Они опять двинулись въ путь молча.

У калитки сада, къ которому они незамётно подошли, пройда рощу, Вавакинъ опять остановился, растопырилъ руки и упрямо проговорилъ:

- Подумайте хорошенько, Вфрочка...
- Пожалуйста, не называйте меня такъ... Хотя вы и знали меня дёвочкой, но я не желаю, чтобы меня такъ называли, въ особенности после нашего разговора.
- Когда-нибудь да буду васъ звать такъ, упряман дъвица. Такъ не все ли равно—раньше или позже? И что значить раньше, что позже? Ей Богу, это условно.

Не отвъчая ему, она прошла въ калитку.

Онъ посмотрълъ ей вследъ, не зная, следовать ли за нею, или удалиться.

- Прощайте, Иванъ Михайловичъ! шутливо сказала она ему. Будьте здоровы.
 - И вамъ того же!

Онъ побредъ назадъ и, по издавна усвоенной имъ привычкъ, началъ вслухъ разсуждать самъ съ собой, разводя руками и качая головой.

— И какъ это я раньше не сообразиль всего этого? Какъ не догадаться было, что я влюблень?—Онъ постукаль себя пальцемъ по лбу.—Проклятая башка! Что бы догадаться до пріфзда Будаева? Чего добраго, этоть англичанинь нагадить. Старъ, брать, становишься, Михайлычь: сообразительность въ ущербъ. А діагновъ и не такой дуракъ, какъ я, съумъль бы поставить. Неужто же я ее провъваю? Вотъ вздоръ! Ужъ чего я захочу, то непремъно будетъ.

И успоконвшись на этой мысли, онъ углубился въ рощу.

XIII.

Въ последнее время Вера чувствовала, что съ ней творится что-то неладное.

Ея всегдашнее ровное, спокойное расположение духа все чаще и чаще стало повидать ее. Она ощущала какую-то странную, необъяснимую тревогу, душевное смятение, тоску, которой никогда не испытывала прежде.

Ее тянуло вуда-то въ даль, и она совершала длинныя прогулки по полямъ и лъсамъ, шла быстро, какъ будто желая уйти отъ тъхъ темныхъ мыслей, которыя зарождались въ ея головъ, отъ тъхъ ощущеній, которыя тревожили ея сердце. Ни этихъ мислей, ни этихъ ощущеній она не могла себъ выяснить, и это все походило на неопредъленную боль, глухо ощущуемою организмомъ при зарожденіи въ немъ какой-нибудь серьезной бользни.

Часто она не приходила домой объдать и объясняла свое отсутствие затянувшейся прогулкой.

Очень неохотно встръчалась она теперь съ Будаевымъ. Его скучающій, угнетенный видъ, въжливые и вялые разговоры болізненно дъйствовали на нее.

Она чувствовала, что не можетъ уважать этого человъка, такого равнодушнаго къ тому, что она любить, и такого чужого имъ всъмъ.

И при встръчъ съ нимъ ей дълалось какъ-то не по себъ. Она пробовала анализировать это необывновенное чувство, впервие посътившее ее, но такъ какъ она не привыкла анализировать и разбираться въ сложныхъ вопросахъ духа, то у нея совершенно ничего не выходило въ результатъ.

Въ вонцъ мая наступилъ день годовщины смерти ея матери. Въ этотъ день она издавна привывла ходить на сельское владбище, гдъ о. Павелъ служилъ по ея просьбъ панихиду.

Въ сопровождении отца она отправилась на кладбище, но после панихиды не захотела вернуться съ нимъ домой, а осталась у могилы матери.

Сельское кладбище, окруженное съ трехъ сторонъ крестьянскими нивами, а четвертой прилегавшее къ опушкъ лъса, содержалось довольно исправно и имъло уныло-красивый видъ съ его поэзіей смерти.

Оно было бёдно, и только два памятника рёзко выдёлались на фонё покосившихся крестовъ крестьянскихъ могилъ. Одинъ принадлежалъ ея матери, другой—монументальный—представлялъ изъ себя фамильный склепъ Будаевыхъ. Здёсь были похоронены

прадёдь, дёдь и отець Владиміра Сергевича съ ихъ женами. Только мать послёдняго владёльца Будаевки нашла усповоеніе въ Англіи. Подъ небольшой красивой часовней, воздвигнутой надъ склепомъ, было еще много мёста, равсчитаннаго для будущихъ поколёній этой старой дворянской семьи.

Когда она ръшила наконецъ уйти съ могилы матери и проходила мимо часовни, она увидъла, какъ низенькая чугунная ръшотка отворилась, и изъ часовеньки вышелъ Будаевъ.

Она никакъ не ожидала этой встрвчи и вздрогнула.

Ей хотвлось уйти незамвченной, и она сдвлала движение въ сторону, но было уже повдно, потому что Будаевъ овливнулъ ее.

— Здравствуйте, Въра Дмитріевна!—сказаль онъ ей просто и по привычкъ кръпко пожаль ей руку.—Вась въ послъднее время ръдко видно... Какъ поживаете?

Онъ говориль это съ своей обычной холодной вѣжливостью, и она отлично чувствовала, что онъ говорить эти слова—вавъ свазаль бы всякія другія, соотвѣтствующія случаю.

Она холодно отвътила ему:

- Благодарю васъ...
- Я собрался посътить могилу нокойнаго батюшки,—сказаль онъ.
- Только теперь?—вырвалось у нея, и она покраснала, тотчасъ же сообразивъ неловкость вопроса: точно она упрекала его въ отсутствіи сыновняго чувства къ памяти отца.

Его всегдашняя полу-насмъшливая улыбка легла на его лицо.

— Только теперь, — отвётиль онь. — Это нехорошо? Но что вы хотите: отца я совершенно не зналь, и откуда же мий взять сыновнее чувство? Я и не спёшиль. Тёмь более, что я врагь всякаго сентиментализма, да еще по самому существу своему не могущаго быть исвреннимь. И потомь, въ этой растительной жизни, которую я веду здёсь, въ этой атмосфере русской деревни, гдё все такь тихо, точно въ могиле, есть, право, что-то разслабляющее, и я начинаю опасаться за свое будущее. Если мий еще придется прожить здёсь съ мёсяць, я, кажется, окончательно лишусь способности желать, способности проявлять свою волю. Русская деревня навёваеть какой-то гипнотическій, тяжелый сонь.

Его слова были ей непріятны и холодомъ прошлись по ея душъ.

— Вы все нападаете на нашу деревню, — неохотно сказала она, — на нашу милую, родную деревню, гдъ природа такъ же проста, какъ люди, и гдъ въетъ такой тишиной!

- Тишиной могилы, улыбнулся онъ. Я смотрълъ нашъ фамильный склепъ, прибавилъ онъ. Онъ очень хорошо содержится, и, видимо, кто-то наблюдаетъ за нижъ. Много свъжихъ цвътовъ... Надо будетъ поблагодарить вашего батюшку. У него образцовый порядовъ во всемъ.
- Вы можете на этотъ разъ поблагодарить меня, сказала она. Это и забочусь о цвётахъ...
- Да? протянулъ онъ. Я очень тронутъ, благодарю васъ. Но почему вы взяли эту заботу на себя?

Она укоризненно взглянула на него.

— Здёсь похоронена моя мать. Такъ кякъ я, вёроятно, сентиментальна по природё, — что, конечно, является большимъ недостаткомъ въ вашихъ глазахъ, — то я часто бываю здёсь. Мнё, поэтому, ничего не стоитъ слёдить за могилой покойнаго товарища моего отца. Я и дёлаю это.

Онъ продолжительно посмотрёль на нее, и она, замётивъ этотъ вяглядъ, смутилась.

- Что вы такъ задумались? невольно спросила она.
- Я удивляюсь вамъ, —долженъ онъ былъ отвётить. Удивляюсь вашей любви въ деревне, въ усадьбе, въ владбищу. Все это вамъ безконечно близко... Я не испытываю ничего подобнаго, и меня несколько удивляетъ эта привязанность въ одному месту, только потому что человевъ случайно родился на немъ.

Она раздраженно сказала ему:

- Но въдь вы же привязаны въ Лондону?
- Я? Нисколько. Еслибы меня перевели въ нашу парижскую миссію, или даже въ Римъ, Вѣну, я ничего не имѣлъ бы противъ этого. Я, вообще люблю крупные центры и жизнь въ нихъ.
 - Какой вы... чужой!--вырвалось у нея.

Онъ опять улыбнулся, но ничего не отвётилъ.

- Да, чужой, чужой намъ по духу,—продолжала она, малопо-малу одушевляясь.—Вы презираете все, что мы любимъ...
 - О, "презираете"! Это сильно сказано.

Но она почувствовала какой-то внутренній порывъ и, перебивая его, продолжала:

— Вы ненавидите все, что намъ дорого и близко. Какой же вы русскій? Только по имени и по въръ? Но духъ у васъ чужой. Вы не любите Россіи, вы какъ тотъ чужеземецъ, который, по словамъ Лермонтова, былъ,—помните?—

Заброшенъ къ намъ по волѣ рока, Смѣясь, онъ дерзко презиралъ Земли чужой законъ и нравы, Не могъ щадить онъ нашей славы, Не могъ понять въ сей мигъ кровавый, На что онъ руку подымаль!

Будаевъ громко засмъялся, что случалось съ нимъ чрезвичайно ръдко.

- Позвольте, позвольте, я никого еще не убилъ, и никакого кроваваго мига еще не было!—сказалъ онъ.
- Изъ пъсни слова не вывинешь, уже смущенно отвътила она.
 - И право же я никого и ничего не презираю.
- Но вы не любите, не любите Россіи,—настойчиво говорила она.—Вы смертельно свучаете среди насъ, васъ тянутъ въ себъ "иные берега, иныя волны"...
 - Вы въ поэтическомъ настроении сегодня...

Но она не обратила вниманія на эти слегва насмѣшливыя слова.

— Да, вы мечтаете уёхать отсюда, чтобы нивогда больше не прівзжать. Сами вы здёсь, но духъ вашъ далеко, далеко...

Она остановилась у часовии и показала рукой на склепъ.

Онъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, поглядёлъ на нее. Вѣра, съ ен глубовими эмалевыми глазами, съ ен преврасной тонкой и изящной фигуркой, прекрасно выдѣлявшейся на темной зелени кустовъ, была очень красива. Въ ен загадочныхъ глазахъ горѣлъ теперь огонекъ сильнаго душевнаго волненія.

Протянутой рукой она указала на склепъ и проговорила какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ:

— Настанеть день, когда привезуть сюда ваши останки и положать ихъ рядомъ съ вашими предками. Я не знаю, гдъ тогда будеть вашъ духъ и гдъ онъ найдеть усповоение. Но тъломъ вы будете отдыхать въ родной землъ. Золотыя нивы, зеления поросли, темныя лъсныя дали будутъ окружать вашу могилу...

Она вдругь остановилась. Ей сдёлалось стыдно. Густая врасва залила ея лицо.

Онъ съ исвреннимъ недоумъвающимъ любопытствомъ взглянулъ на это лицо.

- Ухъ, какая могильная поэзія!—мягко улыбнулся онъ, и на этотъ разъ въ улыбкъ его не было ничего ироническаго.— Вы точно духъ могильный предвъщаете мнъ скорую смерть.
- О, нътъ, нътъ! горячо сказала она. Живите, живите долго! Отъ всей души желаю вамъ этого. И простите меня за мои неумъстныя, ненужныя слова. Я сама не знаю, что со мною сегодня.

- Сегодня? переспросилъ онъ ее съ удареніемъ
- Да, сегодня. А что?
- Я думалъ, вообще въ последние дни.

Она промодчала, какъ бы задумавшись надъ его словами.

- Да, правда, сказала она, наконецъ: я сама не знаю, что со мною. Простите меня.
- О, за что же? Вы ничего обиднаго не сказали. Вы сказали правду. Когда я умру, меня, конечно, привезутъ сюда, гдъ похоронены мои предки, даже если Будаевка будеть уже собственностью купца Щеклъева.
 - Это преступленіе, твердо сказала она.
- Что—преступленіе? Продавать землю Щевльеву? Конечно, я охотно продаль бы ее Колодищеву, напримъръ, но, сколько мев извъстно, онъ не имъетъ желанія покупать ее.

Они пошли въ владбищенскому выходу.

- Послушайте, Въра Дмитріевна, послъ нъвотораго молчанія, серьезнымъ тономъ сказалъ онъ. — Повъдайте, какъ вы смотрите на жизнь? Какой вашъ идеалъ жизни? Тотъ ли, который красной нитью проходитъ черезъ всю нашу литературу?
 - А вавой именно?
- Я не знаю... идеалъ какого-то самоотреченія, аскетизма, кажды духовнаго подвига, страданій, вообще—что-то мрачное, тяжелое, буддійское. Одинъ англійскій ученый читалъ въ лондонскомъ литературномъ обществъ объ этомъ идеалъ славянской души, и я удивлялся ему, до того этотъ идеалъ суровъ и теменъ. И вы исповъдуете его, несмотря на вашу цвътущую молодость и... красоту?

Она не обратила вниманія на послѣднее слово и крайне серьезно, съ внутреннимъ убѣжденіемъ отвѣтила ему:

— Нужно другимъ отдавать то, что имъешь.

Онъ приподнялъ брови, крайне удивленный тономъ этого отвъта столько же, сколько и словами.

- Даже самое дорогое?
- Даже самое дорогое.
- А если ничего не имъешь? пошутилъ онъ.

Но она еще серьезнѣе, какъ бы не допуская шутки въ такихъ вопросахъ, отвѣтила:

— Тогда надо отдать самого себя. Я это и стараюсь дівзать, — просто продолжала она. — Польза отъ меня небольшая, но я живу въ деревнъ, никуда не хочу и отдаю всю себя на служение крестьянамъ. Для себя я ничего не ищу, ничего не желаю. Я страдаю ихъ страданиемъ и радуюсь ихъ радостью. Та польза, какую я вношу въ ихъ жизнь, ничтожна. Но въдь и я сама по себъ—ничто. Ахъ, еслибы у меня было имънье, — вонечно, я съумъла бы принести имъ большую пользу. Но я думала, что еслибы важдый человъвъ, даже маленькій, даже ничтожный, умълъ и желалъ бы принести на общее благо все то, что принести въ силахъ, въ суммъ это вышло бы значительно, и счастья прибавилось бы на землъ. Мы съ отцомъ—служащіе, несамостоятельные люди, но мы дълаемъ все, что можемъ и что должны дълать, чтобы облегчить участь этихъ обиженныхъ судьбою людей.

- Крестьянъ? спросилъ онъ.
- Да, крестьянъ. И повърьте, Дмитрій Сергьевичъ, самый тяжелый день нашей жизни будеть тоть, когда Будаевка станеть Щекльевкой и когда этоть кулакъ начнеть опутывать своими сътями этоть бъдный, темный народъ.

Онъ хотълъ что-то отвътить ей, какъ вдругъ около нихъ, за оградой кладбища, послышались ввонкіе и веселые голоса.

Они вышли въ поле, на дорогу.

Офицеръ и студентъ, увидя Въру, шумно привътствовали ее. Оба стали у своихъ велосипедовъ. Одинъ привинчивалъ гайку свернувшагося на сторону съдла; другой дорожнымъ насосомъ надувалъ воздухомъ ослабъвшую шину.

- Позвольте васъ познакомить, сказала Въра остановившемуся въ недоумъніи Будаеву. — Это... гости Евгеніи Львовны и Клавдіи Егоровны: monsieur Курнаковъ... monsieur Бериловъ, а это — Владиміръ Сергъевичъ Будаевъ.
- Ахъ, Владиміръ Сергъевичъ... очень пріятно, сказаль Курнаковъ. — Вотъ неожиданная встръча. А мы отъ васъ, изъ Будаевки...
 - Очень жалью, что вы меня не застали.
- Да мы *никого* не застали, проговорилъ Бериловъ, ни васъ, ни Въры... Дмитріевны.
- Но мы можемъ вернуться всё вмёстё, предложиль Будаевъ.
- Нътъ, благодарю васъ, сказалъ испуганно Курнаковъ: Евгенія Львовна будеть сердиться. Мы объщали къ завтраку.
- Да, мы объщали къ завтраку, какъ эхо подтвердель Бериловъ, не отрываясь отъ своей шины и накачивая ее.

Фуражка его была сдвинута на затыловъ, и потъ градомъ струился по его молодому, вишневаго цвъта лицу. Быстрал въда возбуждала ихъ, и оба говорили какими-то особенно грочвими голосами.

— Дело въ томъ, что Евгенія Львовна просила насъ затехать къ вамъ, чтобы передать вамъ ея приглашеніе.. 22 маядень рожденія Клавдіи Егоровны, и об'в желали бы васъ вид'вть въ Салвахъ.

- Садви это имъніе Скуридиныхъ, пояснила Въра.
- Ахъ, да! я и не зналъ, что вы этого не знаете... Въдь вы недавно здъсь... сказалъ студентъ. Нътъ, но каковы проклятыя дороги! съ негодованіемъ продолжалъ онъ, обращансь за сочувствіемъ въ Въръ. Чуть не погубилъ машину! Положимъ, у меня лучшая американская машина видите это клеймо. Если будете покупать, то только Кливлэндъ. И тормазъ на заднее колесо. Видите? Съ катящимися роликами это не портитъ резины. Ахъ, что же это я, заболтался! Бдемъ, Вепјатіп?
 - Вдемъ, Јеап. Я думаю, мое съдло не свернется.
- Мы и такъ опоздали, благодари каторжнымъ дорогамъ. Мое почтеніе! Очень пріятно познакомиться. У васъ нѣтъ съ собой машины? Нѣтъ? Я съ удовольствіемъ, когда хотите... Вѣра Дмитріевна, мы васъ будемъ учить, хотите? Не хотите? напрасно...

Они вскочили на свои велосипеды и съ большимъ трудомъ запедалировали.

Потомъ оба сделали вольтъ и повернули въ Будаеву и Вере.

- Ахъ, да! вривнулъ, не сходя съ велосипеда, Бериловъ: въдь мы и забыли спросить: что отвътить Евгеніи Львовнъ?
- Върнъе сказать, мы не дали возможности отвътить, поправилъ Курнаковъ.
- Смотрите! Смотрите! Я почти стою на мёств. Этого очень трудно достигнуть. Но я работаю на чэмпіонать.
 - Поблагодарите за приглашение. Я непремънно буду.
 - Олъ-райтъ!

Велосипедисты своро исчезли изъ виду.

Будаевъ разсмъялся.

— Ну, эти, по крайней мъръ, врядъ ли исповъдують вашъ идеалъ самоотреченія! — сказалъ онъ Въръ.

Она съ нескрываемымъ презрѣніемъ отвѣтила:

- О, конечно, нътъ! горячо сказала она. Одинъ "работаетъ" на чэмпіонатъ, вы слышали; другой даже надъ этимъ, кажется, не работаетъ. И оба состоятъ на посылкахъ у очаровательной Евгеніи Львовны. Она держитъ ихъ какъ комнатныхъ собачекъ, кормитъ ихъ и выпускаетъ гулять, но не иначе какъ съ какимъ-нибудь порученіемъ.
- Oro! Вотъ новое качество, о которомъ я не подозрѣвалъ: у васъ презлой языкъ.

Она пожала плечами.

Это неожиданное появление этихъ "шутовъ гороховыхъ", какъ

она ихъ въ душѣ называла, сильно раздражило ее. Во-первых, они помѣшали ея интимному разговору съ Будаевымъ; во-вторыхъ, она знала, что, увидя ее вмѣстѣ съ нимъ, да еще на владбищѣ, они сочинятъ какую-нибудь "гнусную сплетню".

- A вамъ они нравится? спросила она. Должно быть, да въдь у нихъ нътъ аскетическаго идеала...
- Что-жъ, ответилъ Будаевъ, по моему, это вполне естественно. Молодость имееть свои права и законы.
- Значить, я старуха, улыбнулась она, и, отназавшись оть его экипажа, подъ предлогомъ желанія сдёлать прогулку, она отошла отъ него и углубилась въ луга, гдё высокая трава скоро скрыла ее отъ его взоровъ.

XIV.

Чёмъ больше подвигалось впередъ лёто, тёмъ все болёе в болёе выяснялось, что деревнё угрожаетъ голодовка. Годъ тому назадъ, будаевскіе крестьяне пережили то, что на оффиціальномъ языкё называлось недородомъ. Всё подобрались хлёбомъ в уже бёдствовали. Въ воздухё чувствовался зной, готовый перейти въ засуху, а на поляхъ появился въ изобиліи какой-то червь и безнощадно съёдалъ молодые всходы.

Все впало въ уныніе.

Только Будаевка была какой-то житницей, потому что вы ней быль порядочный запась зерна, сваленный въ амбары въ урожайный годъ и до сихъ поръ еще не окончательно израсходованный.

Щевлѣеву посылались письма, ѣздили къ нему нарочные, но письма и нарочные, очевидно, не находили его, потому что онъ уѣвжалъ то въ "губернію" то ѣздилъ по "окру́гѣ" и дѣлалъ видъ, что не особенно интересовался предстоящей покупкой.

Будаевъ спалъ и видълъ, какъ бы поскоръе уъхать, а Тормиловъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы задержать его вдъсь.

Отношенія съ Върой у него остались какія-то невыясненныя, странныя, послъ этого случайнаго свиданія на кладбищъ.

При другихъ онъ почти не говорилъ съ нею, а иногда даже чуть-чуть иронизировалъ надъ ен горячностью и пылкостью. Оставансь наединъ съ нею, что случалось врайне ръдко, онъ охотно вдавался въ длиныя разсужденія съ нею все по поводу тъхъ же вопросовъ, такъ волновавшихъ ее.

Но самъ онъ больше молчалъ и слушалъ, оставансь холод-

нымъ и безучастнымъ въ страданіямъ деревни, которыя были, вивств съ твиъ, и ея страданіями.

Вовругъ было неспокойно; начиналось какое-то глухое броженіе. Крыжовъ все чаще и чаще сноваль по окрестностямь на своей перевладной и сталь еще болье худъ, желчень и золь.

Однажды онъ прівхаль въ Будаевку совершенно растерянный.

Лицо его было бавдно, губы дрожали отъ злости.

Онъ вошелъ на террасу, гдъ сидъли Будаевъ и Тормиловъ, обсуждая условія продажи имінья во всіхть деталяхъ.

- Здравствуйте! свазалъ Крыжовъ отрывисто. —Я вамъ не Копитири (
 - Нисколько, -- отвётилъ Будаевъ.
 - Я таль мимо, изъ Колодищевки. Завхаль передохнуть. Пожалуйста. У васъ такой усталый видъ.

Тормиловъ взглянулъ на Крыжова и понялъ, что въ его дъятельности произошло что-то важное.

Онъ только-что котёль задать ему вопросъ, какъ самъ Крыжовъ сказалъ:

- Будеть усталый видъ! Вы развѣ ничего не слыхали? Будаевъ и Тормиловъ переглянулись.
- Нътъ, ничего...
- Вчера вечеромъ сожгли Колодищева.

Будаевъ не совсвиъ поняль это выраженіе.

- Кавъ сожгли?! вскривнуль онъ.
- Ну, да. У него общирныя службы во дворъ. Ихъ подожгли съ трехъ сторонъ. Къ счастью, кучеръ его не спалъ и подняль тревогу. Начали тушить загоръвшееся вданіе и потушили, какъ пожаръ начался въ другомъ углу, потомъ --- въ третьемъ. Нашли связки соломы и пустую коробку спичекъ. А, ваково? Убытовъ небольшой, все удалось залить. Еще хорошо, что у него прудъ близко и легко таскать воду.
 - Никого не поймали? съ тревогой спросилъ Тормиловъ.
- Кха!-отвашлялся съ желчнымъ видомъ Крыжовъ.-Поймаешь этихъ мерзавцевъ! Я и безъ поимки знаю, что туть не безъ Сулы. Озлобленный, дерзвій муживъ. Какой-то фанатикъ. Нъть, вы поймите, господа, воодушевился Крыжовъ, въдь это ужасъ что такое! Сула мстить Колодищеву за случившееся съ нимъ вогда-то несчастье. Сула на меня смотритъ звъремъ, потому что я только исполниль то, что я должень быль исполнить, и продаль его "худобу". Да въдь какъ же не продать-то, коли онъ упорно не платить недоимки?..
- Ну, вамъ всюду мерещится Сула... неохотно сказалъ Тормиловъ.

— А вы готовы за этого негодая въ огонь и въ воду! — озлобленно кривнулъ Крыжовъ. — Его обязанность платить подати. Обязанность гражданина. Пойдите, втемящьте этому фанатику, что это — его обязанность! Положимъ, у мужиковъ — червь; урожая не будетъ, все будетъ выбдено червемъ. Но что же дълать? Миб-то что дълать? Мужики становятся дерзки. Вчера староста, при встрфчф со мной, не снялъ шапки и говорилъ дерзко. Надо же было показать примъръ. Я его послалъ въ городъ на высидку.

Тормиловъ всплеснулъ руками.

- Что вы дълаете, Асоній Петровичь! Во время восовицы, въ самый разгаръ работь, вы его сажаете... Въдь вы бъете его по карману, вы разоряете его козяйство. И потомъ вы удивляетесь, что крестьяне васъ ненавидять!
- А что же мив делать? Нуженъ примеръ. Строгій примеръ. Сегодня не сниметъ шапки. Прошло благополучно. Завтра наговоритъ дервостей, а после-завтра—где-нибудь ночью укокошить дубиной.
- Какое несчастье, что вы смотрите на подчиненныхъ вамъ крестьянъ какъ на какихъ-то разбойниковъ! Вотъ въ чемъ ваша бъда.
- Вы—либералъ, Дмитрій Александровичъ, я это давно знаю. Вы и ваша дочь. Вы ведете хозяйство, но вы все-таки довольно далеки отъ крестьянъ. Это они на насъ смотрятъ чуть не какъ на разбойниковъ.
- Если и такъ, то имъ это простительнѣе, чѣмъ вамъ. Они неразвиты, первобытны. Развѣ, напримѣръ, близко зная врестьянскій бытъ, какъ вы говорите, вы бы не могли отложить эту высидку до окончанія всѣхъ полевыхъ работъ, если ужъ высидка такъ необходима?
- Совершенно необходима. Повторяю: для примъра. И откладывать нельзя—пройдеть впечатлъніе. Дайте только поймать мнъ на чемъ-нибудь Сулу. Ого-го, что я съ нимъ сдълаю, съ мерзавцемъ! Будетъ онъ у меня мутить народъ. Въдь это ужасно, что дълается! возмущался Крыжовъ. Вчера же уряднивъ донесъ мнъ, а становой подтвердилъ, что какой-то Анисимъ-пыяница бродитъ по деревнъ и подговариваетъ врестьянъ не звать попа на требы, подъ тъмъ, молъ, предлогомъ, что попъ спрашиваетъ дорого, а имъ и такъ туго. На меня, говоритъ, сойдетъ благодатъ Господня, потому жизнь моя правильнъе поповой, и я буду васъ окрещать и погребать задаромъ. Нътъ, что вы на это скажете? Но въдь отцу Павлу надобно же жить чъмънибудь, коли у него четверо ребятъ? Надо, я васъ спрашиваю?

— Все это ужасно ненормально, — вставиль наконець свое. слово Будаевъ. — Я вижу, что нашъ общественный крестьянскій строй разъйдають глубовія язвы. Конечно, священнику надо жить. Но онъ долженъ бы получать жалованье, разъ требы являются обязательными и священникъ является въ роли служащаго, оффиціальнаго лица, безъ функцій котораго нельзя обойтись.

Крыжовъ поморщился и потеръ себъ лобъ.

- Да, конечно, —вяло отвётиль онъ, —но что же дёлать? Не намъ перестраивать эти порядки. Курьезная жизнь. Мало ли что здёсь бываеть! Вамъ, Владиміръ Сергевичъ, и во снё не снилось того, что здёсь бываеть. Дикіе вёдь люди. А вы говорите —Англія! обратился онъ къ Будаеву, хотя тотъ ровно нечего не говорилъ. —Далеко-съ намъ до Англіи!
 - Да...—протянулъ Будаевъ.—Очень, очень далеко.

И все большее и большее изумленіе охватывало его отъ всёхъ этихъ встрёчъ и разговоровъ.

Періодическіе неурожан, хлібные паразиты, эпидемическія болівни, падежи скота, нев'яжество и мракъ, мелкая, безпощадная война двухъ земельныхъ классовъ—вотъ та Россія, какою онъ виділь ее въ дійствительности, и которая казалась ему далекою отъ той Россіи, какую онъ зналъ по книжкамъ.

"Что туть можеть подблать одинъ человъвъ, еслибы даже онъ возлюбиль свое отечество, вавъ о томъ неустанно твердить Въра Дмитріевна? — думалъ онъ. — Нужно быть гигантомъ, чтобы всколыжнуть этотъ застоявшійся океанъ".

"Ахъ, да своро ли, навонецъ, прівдетъ Щевлвевъ?" — съ тоскою свазаль онъ себв.

XV.

Въ имъньи Свуридиныхъ, Большихъ-Садкахъ, ждали гостей, по случаю дня рожденія бабушки, Клавдіи Егоровны.

Старухъ было шестьдесятъ-пять лътъ, но она была еще очень подвижной, очень бодрой, благодаря дъятельной жизни, воторую она издавна вела.

Она жила постоянно за границей, съ давнихъ, очень давнихъ временъ. Родившанся въ богатой семьй стараго дворянскаго рода, она получила французское воспитание и говорила по-русски только въ случай необходимости, затрудняясь въ нёкоторыхъ оборотахъ и вставляя чуждыя для русскаго слуха фразы.

Въ деревив она, конечно, очень скучала и согласилась прівхать сюда ради внучки, Евгеніи Львовны, отъ которой отчасти зависъла въ денежномъ отношеніи, потому что ея личныя сред-

Томъ VI.—Декаврь, 1902.

ства, благодаря ея постоянному абсентензму изъ Россіи и дорогому "train" жизни, который она вела за границей, сильно пошатнулись въ последнее время, въ чемъ она, впрочемъ, обвиняла не столько себя, сколько правительство и въ особенности одинъ органъ его—министерство финансовъ, "благодаря неудачнымъ операціямъ котораго сделался кризисъ, а мы всё оттого пострадали".

Клавдія Егоровна, овдов'явшая въ молодости, жила всегда самостоятельно и только недавно стала жить съ внучкой, посл'я того какъ у Евгеніи Львовны умерла мать, и молодая д'явушка осталась безъ всякаго руководства и надвора.

Эта совивстная жизнь нівсколько стівсняла Клавдію Егоровну, и она стала усиленно мечтать о скорівшей выдачів своей внучки замужь.

Прівхавъ въ Садки на это літо, она тотчасъ же, съ своей обычной энергіей, "обшарила" всі поміншичьи углы и не нашла ничего путнаго для Евгеніи Львовны.

Колодищевъ, который быль у нея съ визитомъ, ей "не показался". Медвъдь какой-то, въчно сидящій въ своей деревенской берлогъ и обожающій, къ тому же, эту берлогу.

Будаевъ жилъ въ Англіи, и, следовательно, его нечего было и считать.

Сазановъ, о которомъ она кое-что слышала, какъ о маньякъ, тоже не шелъ въ счетъ. Она даже съ нимъ не познакомилась.

Было еще нъсколько незначительных мелких помъщиковъ, о которых не стоило даже думать и говорить, да быль еще Щеклъевъ, богатъйшій "мужланъ", который, само собою, не подъ какимъ видомъ не годился для ея внучки въ женихи.

Поэтому, когда она узнала о прівздв Будаева, то сразу ожнвилась и обрадовалась.

"Un gentilhomme pur sang,—подумала она:—il pourrait très convenablement faire l'affaire de la petite".

Но Будаевъ, съ которымъ они провели очень пріятний saison въ Лондонъ, почему-то до сихъ поръ не показывался у нихъ въ усадьбъ.

Это обстоятельство очень интриговало старуху.

"Надо это аппрофондировать", — рѣшила она и послала "les satellites de la petite" — Берилова и Курнакова — въ Будаевку, чтобы пригласить ея владёльца въ нимъ.

Когда оба сателлита вернулись, она ихъ допросила.

- Ну, что?—спросила она, сидя въ столовой за вофе.— Видъли вы се grand nigaud de Boudaëff?
 - O, yes!—смъясь, сказаль студенть.

- Довольно мрачный типъ, бабушка, -- досказалъ офицеръ.
- Вы меня старите, мой молодой другь, вакая же я вамъ бабушка?—замътила она ему.
- Позвольте, я на пять лёть старше вашей внучки. Развё у вась не могь бы быть такой внукь?
 - Mettons, но не въ этомъ суть. Онъ будетъ?
 - O, yes!—сказаль Бериловъ.
 - Преврасно. Какъ вы его нашли?

Молодые люди переглянулись.

- Мы спросили въ усадьбъ-гдъ онъ, и повхали въ поле.
- Vous n'y êtes pas... Я васъ спрашиваю, какъ вы его нашли?
- Но мы вамъ отвъчаемъ... А, да! Эврика! Понялъ! врикнулъ Бериловъ. — Вепјатіп, бабушка хочетъ знать наше впечатльніе.
 - Именно, подтвердила она.
- II est très bien, сказалъ Курнаковъ. Англійскій стиль, строгій и скучноватый, какъ хорошая англійская мебель.
- Выдержанный воньякъ. Extra dry, подтвердилъ Бериловъ.
- Sans blague! строго остановила ихъ старуха. Кавъ онъ вамъ повазался?
- Бабушка!— взмолился Курнаковъ. Nous ne tenons pas absolument à lui faire des éloges. Вы отъ насъ требуете невозможнаго. S'pas, Jean?
 - O, yes.
 - Почему невозможнаго?
- Но, позвольте, я читаю въ вашихъ тайныхъ мысляхъ: вы хотите сдълать его женихомъ Евгеніи Львовны?
 - Еслибы и такъ, Курнавовъ?
- Но мы протестуемъ! заявилъ Бериловъ: Pas vrai, Benjamin, — мы протестуемъ?
 - Mais sans doute.
 - Вамъ-то какое дёло? возмутилась бабушка.
 - Но мы влюблены, бабуся. Мы сами влюблены.
 - По уши, сказалъ Бериловъ.
 - И даже выше.

Клавдія Егоровна насмѣшливо оглядѣла ихъ своими еще живыми, выразительными глазами.

- Вы? Allons donc! Вы—два Аявса, и говорите-то вы одинавово, какъ мальчишки, вырвавшіеся на свободу. Какіе вы женихи, когда васъ за ухи надо драть!..
 - За уши, бабуся.

- Это все равно. Но, пожалуйста, бросьте вашъ балаганъ, говорите серьевно, если способны на это.
- A какт же нътъ? Извольте... Курнаковъ, ты будешь дълать докладъ?
- Ну, я, все равно. Вотъ, бабушка, началъ онъ дъловымъ тономъ: мы вытъхали, согласно полученнаго нами секретнаго предписанія, въ девять часовъ тридцать минутъ. Сначала все шло прекрасно.
 - Пре и красно...— сбалаганилъ Бериловъ.
- Не перебивай!—остановиль его Курнавовь.—Но потомъ у меня свернулось съдло на сторону, а у него шины начали выпускать духъ... Или наоборотъ, я, можетъ быть, спуталъ... Кавъ это было, Бериловъ?

Клавдія Егоровна хлопала глазами.

- Ah, ça!—сказала она наконецъ.—En voilà des farceurs! Voyons, mes amis, будете вы говорить толкомъ, а не то я васъ прогоню.
 - И оставите безъ сладвато?
- Нѣтъ, просто прикажу запречь экипажъ и отвезти на станцію.
- Угроза подъйствовала, сказалъ Курнаковъ. Voilà. Я продолжаю. Дъло въ томъ, что я не усмотрълъ въ Будаевъ элементовъ жениха для Евгеніи Львовны, по крайней мъръ.

Клавдіи Егоровн'є не хотелось выдавать своихъ тайныхъ проектовъ, но, заинтересовавшись этимъ мн'єніемъ своего посланнаго, она не удержалась, чтобы не спросить:

- Почему это, скажите пожалуйста?
- Пунктъ первый и единственный...

Для большаго эффекта онъ сделаль продолжительную паузу.

- Voyons се пунктъ?
- Онъ влюбленъ.
- Кто влюбленъ?
- Mais... le monsieur en question. О комъ же мы говоримь? Будаевъ.
 - Будаевъ влюбленъ?
 - Да, Будаевъ влюблевъ.
- Que me chantez-vous là? Въ вого можетъ быть влюбленъ такой человъкъ, какъ Будаевъ, въ этой волчьей ямъ?
 - Ho... въ женщину, конечно! s'pas, Jean?
 - O, yes! Впрочемъ, нътъ, не въ женщину...
 - Какъ не въ женщину? удивился Курнаковъ.
 - Нѣтъ. Въ дѣвушку.

- Hy... это почти одно и то же. Итакъ, онъ влюбленъ въ дъвушку.
- Въ кого же, Боже мой! И какъ вы можете это знать? Надъюсь, по крайней мъръ, онъ не дълалъ вамъ признаній?
 - Кто умветь смотрыть, тому не надо признаній.
 - Такъ говорите же, наконецъ, толкомъ!
- Вотъ, вотъ! Фонъ картины: сельское кладбище, poétique са, hein? Итакъ—сельское кладбище. Описывать декорацію?
- Passons. Я это знаю: плиты, кресты, церковь—et ainsi de suite.
- Ну, такъ вотъ. На владбищъ натурально, могилы. Среди могилъ мавзолей, въ родъ усыпальницы древнихъ фараоновъ Будаевской династіи. Фигуры, картины, для оживленія фона: молодой фараонъ Voldemar... ну, пусть будетъ четвертый, хотя я не знаю, исторически ли это върно. И молодая египетская дъвушка Въра.
 - Въра? Почему же она египетская?
- У нея разръзъ глазъ египетскій. Египетскіе глаза у нея. Ты замътилъ, Jean?
 - O, yes!
- И такіе же загадочные, какъ у муміи. Віра—это дочь управляющаго.
 - Тормилова?
- Вы угадали. Развъ это не буколическая идиллія? Молодой помъщикъ, сельское кладбище и дочь управляющаго? Развъ мы не вправъ были заключить, что туть любовь?
- Tiens, tiens! задумчиво проговорила Клавдія Егоровна. Бериловь, которому приходилось долго молчать, опять сбалаганиль.

Онъ бросился поддерживать старуху подъ руки.

- Что съ вами? -- удивленно сказала она.
- Вы говорите: tiens, tiens! Вотъ я и держу.

Она досадливо пожала плечами.

- Если вы не врете, —обратилась она въ Курнавову, —то въ вашемъ разсказъ есть интересное.
- Да лишусь я лицеврѣнія Евгеніи Львовны, ежели я совраль хотя на пятачокъ!
- Кто произносить мое имя?—спросила, входя въ столовую, Евгенія Львовна.—А, это вы?!—разочарованно протянула она.

Молодые люди кинулись цёловать ей руки.

Она лізниво отбивалась отъ нихъ и говорила своей протяжной манерой:

— Надобли... надобли. Вы ужасно скучные. Еслибы я знала, что вы такіе скучные, я бы не взяла васъ въ деревню.

Бериловъ замахалъ руками и залаплъ по-собачьи.

- Что съ вами? спросила она.
- Вы говорите о насъ какъ о собачкахъ. "Скучный Боби, я не возьму теби больше гулять". Амъ, амъ!
- Отстаньте!—сказала Евгенія Львовна.—Пойдите вуданибудь посмотрёть, нёть ли меня тамъ?

Курнавовъ трагически взглянулъ на Берилова.

- Пойдемъ, Боби, на кухню?
- Пойдемъ, Неро; можеть быть, намъ добрая кухарка дасть хорошую говяжью кость.
 - За что, Боби?
 - За то, что мы благовоспитанные шпицы.

И оба, залаявъ по-собачьи, вышли изъ вомнаты.

Дъвушка даже не улыбнулась.

Она подсъла въ столу.

- Что за конференція была у васъ съ этими влоунами?
- Нътъ, такъ...—уклончиво отвътила бабушка.
- Сто противъ одного: vous avez encore parlé o Будаевъ.
- Ну тавъ что-жъ?
- Дался онъ вамъ, право. Будаевъ—сі, Будаевъ—là. Enfin, если онъ не хочетъ ѣхать, зачѣмъ тянуть его насильно? Я, мѣсяцъ тому назадъ, сама была въ усадьбѣ и просила передать ему наше приглашеніе. Мѣсяцъ тому назадъ! И онъ не пріѣхалъ ни разу, хотя мы близкіе сосѣди. Это даже не корректно, не поджентльменски.
 - Я сейчасъ узнала новость, —прервала ее бабушва.
- Ужъ не отъ этихъ ли ищеекъ?—она кивнула головой по направлению къ дверямъ.
 - Отъ нихъ. Будаевъ влюбленъ.
 - Въ кого?-- небрежно спросила она.
 - Въ Въру Тормилову.
- Въ Въру! засмънась Евгенія Львовна. С'est le comble! Но это чистый вздоръ. И ваши вщейки, bonne maman, все въдь врутъ. Въра эта народница, эта мъщаночва въ Шиллеровскомъ вкусъ и Будаевъ! Что можетъ быть между ними общаго? Это клевета на него, и ее выдумали эти глупые мальчишки, которымъ вы имъли... неосторожность повърить. Хотя... въ концъ концовъ, какое намъ до всего этого дъло? И что намъ Будаевъ? Интересный знакомый, съ которымъ мы случайно встръчались въ Лондонъ, какъ со многими изъ русской колоніи.

Клавдія Егоровна покачала головой.

- Будаевъ молодъ, красивъ, холостъ и богатъ,—значительно сказала она.
- И?..—протинула Евгенія Львовна, прищурившись.—И значить, годится мив въ женихи? Удивительно, бабуся, какая у васъ страсть искать мив жениховъ. Это остатки русской закваски, національнаго качества. Рядомъ съ европейкой въ васъ сидитъ сваха, коренная московская сваха.

Клавдія Егоровна укоризненно покачала головой.

— Женя,—свазала она,—твоя повойная мать, вогда умирала...

Евгенія Львовна засм'ялась и продолжала, вакъ затвержевный урокъ:

— То сказала: "воть дочь моя; смотри, сестра, за нею"... или что-то въ этомъ родъ. Пожалуйста, не заботься такъ о моей судьбъ. Я о ней сама позабочусь, когда настанетъ время. И вообще, — нахмуривъ брови, продолжала она: — я не люблю опеки. Я признаю самостоятельность...

Евгенія Львовна вышла изъ вомнаты и подумала:

"Воппе maman, котъла сказать, что Будаевъ—партія. Онъ молодъ, колость и богать, а мы—наванунъ разоренія... Пожалуй, объ этомъ стонть подумать"...

Потомъ она тряхнула головой, какъ бы желая отогнать отъ себя эти мысли, но мысли не желали отходить отъ нея, и она сказала себъ:

"Il у a de l'étoffe dans tout ça... Онъ—партія, ergo... Отчего, въ самомъ дёлё, не попробовать его завлечь? Наконецъ, отчего не завести, просто-на-просто, легкій деревенскій романъ, даже и безъ всявихъ брачныхъ поползновеній, такъ, отъ скуки. Petit roman de château? Вотъ только эта простушка туть замёшалась... Какъ бы не испортила всего дёла"...

Вообще, мысль о Будаевъ видимо заняла ее. Она вливнула своихъ сателлитовъ, вскочила на велосипедъ и умчалась.

Сателлиты, какъ ръзвые щенки, издавали радостныя, молодыя восклицанія, говорили на перебой глупости, которыя ей вначаль какались смъшными, а теперь надовли смертельно, и она вельла имъ такать молча.

Это молчаніе и быстрая тізда помогали зріть мыслямь и разыгрываться воображенію...

XVI.

Будаевъ пріёхалъ между тёмъ въ Скуридинымъ, съ Тормиловымъ и Вёрой; Вавакинъ, Колодищевъ и Крыжовъ давно уже сидёли у Клавдіи Егоровны. Когда онъ остался съ нею вдвоемъ, старуха сказала ему:

— Mon cher Владиміръ Сергвевичь, мы очень рады вась видъть; Евгенія скоро должна вернуться, и я говорю также за нее. Mais à vrai dire, вы заставили себя долго желать...

Будаевъ извинялся какъ могъ.

- Клавдія Егоровна, сказаль онь, простите великодушно. Я попаль вы первый разь вы деревню... надо было осмотрёться столько новых впечатлёній. Мнё какь-то трудно было рёшиться покинуть усадьбу.
 - И хорошія—новыя впечатлівнія?

Онъ серьезно отвътилъ:

— Неурожаи, засухи, жучки, горять лёса и деревни, поджигають помёщичьи усадьбы, мруть люди оть эпидемій, падаеть скоть оть эпизоотій... Крестьяне озлоблены, исправникъ суровь, преслёдуеть крестьянь за недоимки, которыхь, какъ говорять, имъ платить нечёмъ; во время работь сажаеть ихъ "на высидку". Воть мои новыя впечатлёнія. Все темно и жалко въ этой русской жизни. Говорять, нужно жалёть крестьянъ, нужно чувствовать къ нимъ любовь. Я не знаю, почему... но я не чувствую къ нимъ ни того, ни другого. Мнё здёсь душно и тянеть вонъ отсюда. Отчего я не чувствую къ нимъ любви и жалости? Я не знаю. Я уже имёль случай слышать, что я—педанть и законникъ на англійскій ладъ. Можеть быгь...

Старуха слушала его не прерывая и старалась внивнуть въ его слова, чтобы понять, съ вакой стороны вътеръ дуетъ.

Онъ чувствовалъ себя здъсь свободнъе, вольнъе, и ему хотълось говорить. Тамъ, въ Будаевкъ, Въра съ своей любовью къ деревнъ непріятно дъйствовала на него. Онъ стъснялся говорить при ней такъ, какъ думалъ.

— Я не знаю, —продолжаль онь, —и не понимаю внутренней логики вещей. Тамъ, гдъ люди образують общество, по-моему, все должно быть основано на законности. Иначе невозможно управлять людьми. Гдъ отношенія урегулированы, тамъ очень мало мъста жалости и поблажкамъ. Здъсь — все наобороть. Въдь налоги должны быть, повидимому, сообразованы съ платежными силами населенія; слъдовательно, недоники должны быть ръдкимъ исключеніемъ изъ правила или же результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Здъсь — хроническія недоники, и что же, въ самомъ дълъ, дълать исправнику, какъ не требовать съ крестьянъ того, что законъ требуетъ отъ исправника? По-моему, онъ поступаетъ логично, законно и правильно, и еслибы поступалъ иначе, то былъ бы плохимъ исправникомъ. А здъсь всъ обвиняютъ его въ безсердечіи и суровости. При чемъ туть

сердце? Я не знаю, есть ли законъ, чтобы мужики снимали передъ нимъ шапки. Если есть, онъ опять правъ, сажая ихъ въ какую угодно рабочую пору. И я беру его сторону. Если народъ болъеть, то нужно, чтобы была врачебная помощь. У насъ на огромное пространство—Вавакинъ, qui se grise и играетъ въ карты, но не лечитъ. Тогда зачъмъ же держать его, а не сиънить? Но мив говорятъ: жалко лишить человъка послъдняго куска хлъба. Жалко болящаго мужика и жалко человъка, который приноситъ этому мужику явный вредъ.

Онъ пожаль досадливо плечами.

— И вотъ разберитесь въ этой септиментальности, которая, кажется, происходитъ не отъ сердца, а отъ какой-то логической распущенности. И я ничего не понимаю; не понимаю логики вещей, не могу уловить смысла этой странной жизни. Тогда миъ говорятъ, что я иностранецъ, "англичанинъ". Но я хочу бытъ просто-на-просто человъкомъ, разсуждающимъ логично. И я не могу этого.

Клавдін Егоровив сдвлалось вдругь невыносимо скучно.

Она ожидала отъ него легкаго разговора, въ которомъ она могла бы почерпнуть интересовавшія ее свёдёнія о его отношеніяхъ въ Тормиловой, а вмёсто того онъ осудилъ ее на слушаніе какой-то безконечно длинной лекціи.

— Вотъ мои впечатленія, —продолжаль онъ все темъ же ровнымъ и спокойнымъ тономъ; — я не знаю, хороши они или дурны. Мнё приходилось очень часто говорить объ этомъ съ m-lle Тормиловой, которая заражена страстной любовью къ мужичку и родинё...

"Enfin!" — подумала старуха, и очень обрадовалась случаю вставить нужное ей слово.

- Vous êtes toujours un bon causeur, какимъ я знавала васъ въ Лондонъ, любезно сказала она ему. Маіз à propos. Вы упомянули о m-lle Тормиловой. Вы знаете, что мы переманиваемъ ея отпа въ себъ?
- Знаю. И, кажется, онъ склоняется на это, несмотря на предложение съ моей стороны.

Заговоривъ о Тормиловыхъ, Клавдія Егоровна почувствовала почву подъ ногами.

Она хитровато улыбнулась, похлопала Будаева по рукѣ и

- Mon cher, Владиміръ Сергвевичь, бъгають слухи, что вы влюблены.
 - Я? Grand Dieu! искренно удивился онъ. Въ кого же?
 - Вы не догадываетесь?

- --- Нисколько.
- Но... въ m-lle Тормилову.

Будаевъ вдругъ ощутилъ вакую-то неловкость. Ему стало не по себъ, какъ это иногда бываетъ, когда другіе подмътять въ человъкъ черту, которой онъ ръшительно не допусвалъ въ себъ.

- Quelle idée! смущенно проговорилъ онъ. Она милая дъвушка, очень симпатичная, правда, немножко скучная съ своей любовью въ родинъ и народническими идеалами, которые далеки отъ меня и чужды мнъ... пока, по крайней мъръ. Вотъ почему я хочу скоръе раздълаться съ имъньемъ и уъхать.
 - -- Бъгство?.. Значить, есть кусочекъ правды?
- Ни врошки. Просто, я чувствую, какъ будто меня жизнь закутываетъ здёсь въ какую-то душную вату, которая обволавиваетъ меня со всёхъ сторонъ. И я боюсь ослабёть... Я обожаю силу и мощь, какъ физическую, такъ и нравственную. Un point, c'est tout.
- Ахъ, вы говорите совстви какъ Женя. Она такъ любитъ силу и самостоятельность, спортъ. Она совствиъ дъвушка поичеаи siècl'я... бициклистка, шофёзка, смъла на языкъ до дерзости...
- Я, къ сожалѣнію, очень мало внаю Евгенію Львовну, -- суховато сказалъ онъ.

Къ объду вернулась Евгенія Львовна съ молодежью.

Объдъ прошелъ вяло.

Всё шли въ разбродъ. Евгенія Львовна пивировалась съ Колодищевымъ, который съ увлеченіемъ разсказывалъ Вёрё Динтріевнё о поджоге и отвёчалъ отрывисто Скуридиной, когда она вторгалась въ разговоръ.

Въра Дмитріевна слушала его съ меньшимъ интересомъ, чъмъ обывновенно, и наблюдала за Будаевымъ, съ воторымъ Евгенія Львовна кокетничала напропалую, какъ она кокетничала толькочто съ Колодищевымъ; Въра знала, что она кокетничала потому, что Колодищевъ богатъ, а Евгенія Львовна почти разорена.

Теперь она ведеть ту же игру съ Будаевымъ, вѣроятно чтобы возбудить непріятное чувство въ Колодищевѣ и чтобы заявить на всякій случай свои права на Будаева передъ Вѣрой.

Въръ сдълалось тосиливо наблюдать за этой игрой, и ей хотълось скоръе встать изъ-за стола и уйти въ садъ, который былъ очень хорошъ въ Скуридинъ.

Бабушка больше молчала, принявъ наблюдательную позицю. Курнаковъ и Бериловъ много вли, еще больше пили, сначала разболтались, но Евгенія Львовна не удостоивала ихъ вниманіемъ, и имъ сдвлалось скучно. Крыжовъ одинъ говорилъ за всёхъ, старансь поддерживать общій разговоръ; но такъ какъ онъ все говорилъ объ одномъ и томъ же, что уже достаточно всёмъ надобло, то ему предоставляли говорить, видимо не слушая его и не вникая въ его рёчи.

Ваванинъ молча, сосредоточенно, мрачно пилъ и посматривалъ на Въру.

Въ вонцё обёда онъ вдругъ, слегва стувнувъ вулавомъ по столу и выразительно уставившись на Вёру, ни съ того, ни съ сего, среди случайнаго молчанія, громогласно произнесъ:

— А все-таки... "она вертится": "э пуръ си муове"...

Всѣ разсмѣнлись — до того это было неожиданно, и это обстоятельство развеселило общество.

Курнаковъ прыснулъ со смёху. Бериловъ расващиялся.

— Tiens, quel type!—сказалъ онъ въ полголоса.

Въра сурово ввглянула на доктора.

- Кто вертится? Ваша голова? спросила она.
- Я—Галилей, ежели онъ свазалъ это, не отвъчая на ея вопросъ, проговорилъ Вавакинъ: упрямства и во миъ много. Посадите меня въ тюрьму, какъ его посадили, ежели только его посадили, а я все-таки скажу: она будетъ моею.
 - Кто? спросиль Курнавовь.
 - А вамъ-то что? огрызнулся докторъ.
- Готовъ, спёкся, толкнувъ ногой Курнакова, тихо сказалъ Бериловъ.—Lache-le...
- Она будетъ моею! еще разъ протянулъ Вавакинъ речитативомъ.

Всѣ какъ-то сразу замолчали.

Однимъ стало неловко за этого врача, постепенно утратившаго человъческій обликъ, другіе ничего не поняли. Въра нахмурила брови, Будаевъ силился разгадать таинственное значеніе этихъ словъ, а Евгенія Львовна какъ-то двусмысленно подхихививала.

Евгенія Львовна произвела на Будаева какое-то странное, двойственное впечатлівніе; она ему правилась въ Лондоні, правилась и теперь, потому что была красива.

Красива была и Въра, но совсъмъ не такой красотой. Въ симпатичномъ, открытомъ, привътливомъ лицъ Въры все было ясно, просто, отчетливо. Грустные, задумчивые глаза ея, эти эмалевые глаза, которые нравились Будаеву, свидътельствовали о той работъ духа, которая происходила въ ней. Иногда они были такъ же просты, какъ ея улыбка, какъ яркій цвътъ ея щекъ, какъ вся она—воплощеніе типичной русской дъвушки съ ея естественными и простыми идеалами добра и общаго блага,

Въ лицъ Скуридиной было много неправильностей и не было строгой чистоты линій. Задорный носивъ, слегва вздернутый, съ нервными, тонвими новдрями, плутоватые глаза, прелестныя брови, нъскольво тяжеловатая нижняя часть лица, съ чуть-чуть опущенными углами губъ.

Но въ общемъ это лицо было и миловидно, и врасиво. Только нивавъ нельзя было догадаться — исвренно ли она смъется, отъ души ли шутитъ. Никогда нельзя было узнать, что сврывается за этимъ взоромъ и за этимъ красивымъ бълымъ лбомъ, окруженнымъ мелкими завитками свътлыхъ шелковистыхъ волосъ.

Въ рамкъ большого города, какъ Лондонъ, она была какъто болъе у-мъста, чъмъ въ этой простенькой деревенской рамкъ.

Она не могла относиться серьезно ни въ Крыжову, занимавшему ее разсвазами о злодъйствахъ муживовъ, ни въ Вававину, напивавшемуся при важдомъ удобномъ случаъ, ни въ Колодищеву, съ его исвреннимъ культомъ мужива и деревни, тяготъвшему въ этому простенькому полевому цвъточку — Въръ. Пренебрежительно и обидно-насмъшливо относилась она и въ своимъ "адъютантамъ", отъ которыхъ не знала теперь, какъ отдълаться.

Одного Будаева она считала человъвомъ своего вруга, но сообщение бабушки, сдъланное ей со словъ "ищеекъ", заставило ее внимательнъе приглядъться въ нему, въ результатъ чего получилось разочарование.

Къ остальнымъ гостямъ она относилась очень внимательно и любезно, потому что это были гости, и потому что другихъ людей не было въ этой скучной деревив.

Послъ объда всъ отправились въ садъ, и всъмъ какъ-то сразу сдълалось легче.

- Скажите, начала Евгенія Львовна, обращаясь въ Будаеву: — вы долго еще пробудете у насъ?
 - Право, не знаю. Все зависить отъ дълъ.
 - Только отъ дель?

Онъ удивленно посмотрелт на нее.

- Да; отвътиль онъ. Отъ чего же еще?
- Я не знаю. Иныхъ держатъ дёла, другихъ-магниты.
- Какіе магниты?
- Разные бывають магниты. Воть насъ, напримъръ, держить имънье. Теперь въ Парижъ скоро grand prix, а мы должны сидъть здъсь... хотя и въ очень пріятномъ обществъ, улыбнулась она, но, къ сожальнію, оно собирается не часто. Вы, на-

примъръ, ръшительно не захотъли вспомнить вашихъ лондонскихъ друзей. Вы, конечно, скажете то, что говорятъ обыкновенно...

- Что же говорять обывновенно?
- "Я былъ очень занять, столько дель, ни минутки свободной"...

Будаевъ улыбнулся.

- Я занять?! Нивто бы этому не повёриль. Я—идеаль бездальнаго человёва.
- A! Тогда причина серьезнѣе: вы просто не хотѣли насъ вилъть.
 - И это нётъ! Это ни въ вавомъ случай.
 - Mais alors? Есть же вакое-нибудь объясненіе?
- Всему есть на свътъ объяснение. Я велъ соверцательную жизнь; нътъ, невърно: растительную. Миъ лънь было двигаться. Она съ вывовомъ посмотръда на него.
- · Это страшное чудовище, въ упоръ, смъло глядя ему въ глаза, спросила она: не дочь управляющаго?

Этому вопросу онъ удивился больше всего.

- Въра Дмитріевна? Воть странный вопросъ! Миъ уже въсколько человъкъ намекали на это.
 - A вы—что?
 - Удивляюсь и только.
 - А я удивляюсь вашему удивленію.
 - Но почему, ради Бога?
- Во-первыхъ, гласъ народа гласъ Божій. Во-вторыхъ, Лунза Миллеръ, рагdon, Въра Тормилова очень миленькая дъвушка, хотя и немножко какъ бы это сказать? немножко hausgebacken домашнее печенье, очень нъжное, сдобное и приторное. Но есть многіе, которые это любятъ.
- Въра Дмитріевна очень хорошая дъвушка, серьевно сказалъ онъ, и я ее очень уважаю, но... до любви это такъ далеко, какъ...
- Il ne faut jurer de rien. И потомъ, вовсе не такъ далеко, какъ вамъ кажется. "Уваженіе" с'est déjà quelque chose. Или прелюдія, или вырожденіе любви. Я бы не могла перенести, чтобы меня уважали. Я настолько молода, и могу пока обойтись безъ этого почтеннаго чувства. Уваженіе и любовь— са пе se marie раз. Можно любить, не уважая, и уважать, не любя.
- Остановитесь на последнемъ по отношению къ Вере Дмитриевне и меня.
 - Такъ что вы увърены, что это не прелюдія?
 - Увъренъ.

Она засмѣялась, и въ этомъ смѣхѣ было что-то натянутое, непріятное.

- Держитесь на этой точев!—продолжала она, точно бравируя такой скользкой темой.—С'est pas prudent.
 - Отчего такой осторожный совъть?
- Это просто. Развѣ вы не видите, что Колодищевъ влюбленъ въ этотъ полевой цвѣтокъ нѣжнаго колера и безъ аромата?
 - Колодищевъ?
 - Ну, да.
 - А она? живо спросилъ Будаевъ.

Евгенія Львовна восо взглянула на него.

"Tiens, tiens!"— съ досадой подумала она.— "Pauvre bonne maman съ ен въчной фразой: "твон покойная мать, умиран, поручила миъ" et ainsi de suite"!

- А она? повторила Евгенія Львовна. Но согласитесь, что я дёлаюсь провинціальной кумушкой-сплетницей. Епбіп, — пожала она плечами, — је vous demande un peu, что можно здёсь еще дёлать? Но вернемся къ героинъ. Она не влюблена въ Колодищева. Она бы любила его, еслибы у нея не началась недавно опасная дёвичья эпизоотія, рагдоп, эпидемія лихорадка влюбленности.
 - Она влюблена?
 - Непремънно.
 - Это не севретъ?..
 - Въ вого именно? Ничуть. Въ васъ.

Онъ отступилъ на шагъ.

Что-то непріятное прошло у него по душъ.

Съ какой стати всё наменають на это и вмёшиваются, безъ всякаго основанія, въ интимнейшія стороны чужой жизня? Какая убійственная, чисто-русская манера—залёзать въ чужую душу и общаривать ee!

- На этотъ разъ, суховато проговорилъ онъ и въждиво улыбнулся: вы сдъдали врупную ошибку, и я не могу поздравить васъ съ наблюдательностью.
- Фраза, которая покрываеть ремарку: "онъ смущень",—
 вызывающимъ тономъ сказала она. Смотрите, Колодищевъ ей
 напъваетъ свои неизмънныя буколики: мужичокъ, коровушка, "ку
 тащися сивка", "сяду я за столъ и подумаю, какъ на свътъ
 мнъ одинокому". Или разсказываетъ ей о томъ, какъ помогъ
 ребеночку одной бабы, хорошо еще, если не "бабочки", отъ желудочка. Эти захватывающія темы когда-то интересовали ее ну,
 по крайней мъръ, какъ меня интересовало одно дивное бирюзовое
 колье въ витринъ одного магазина на гие de la Paix. Теперь она

слушаеть однимь ухомь. Ухо ел тамь, но глаза ел здёсь. Колодищевь производить на нее своими рёчами впечатлёніе осенняго дождя, оть вотораго она не можеть отдёлаться. И она вся въ трепетномъ ожиданіи солнца, затёненнаго досадной тучей.

- Сколько символовъ! воскливнулъ онъ.
- О, yes! Солнце—это вы, досадная туча— это я, потому что я заслоняю васъ. Ей недостаетъ зонтива, чтобы укрыться отъ дождя. Я не дамъ ей зонтива. И en fin de compte, если вы ничего этого не видите, то вы или неискренни, или... нена-блюдательны: возвращаю вамъ это назадъ.

Онъ слегка повлонился.

Она говорила насмъшливымъ тономъ, вышучивая Въру, отлично сознавая, что ничто не дъйствуетъ такъ на чувство, какъ насмъщка.

- Я не знаю, войдя во вкусъ, продолжала она: дѣлалъ ли ей предложение се cher Вавакинъ. Но онъ тоже влюбленъ въ нее. Что они находятъ всѣ въ ней? Вы видите, я говорю какъ старая, завистливая дѣва. Вы не возражаете?
- Только-что собирался. Еслибы не ваше молодое лицо и не вашъ свъжій, молодой голосъ, можно было бы дъйствительно подумать, что слышишь ръчи старой дъвы.

Она не обратила вниманія на эти слова.

— Я знаю, впрочемъ, почему они всё влюблены въ Луизу Миллеръ. А propos, dans ses moments perdus, m-г Тормиловъ играетъ на сврипев—и сходство тогда становится полнее. Да, такъ это оттого, что по букету—цвётокъ. А ужъ у насъ такой букетъ мужчинъ... Ну, не буду, не буду, милый дипломатъ; вижу, на васъ это действуетъ болезненно. И я, действительно, превращаюсь въ провинціалку. Что делать: если еще поживу дольше въ этой берлоге—и совсёмъ такою сдёлаюсь.

Онъ радъ былъ, что представился случай перемънить тему разговора.

- А вы долго еще думаете прожить вдёсь? спросиль онъ.
- Н...не знаю, нерѣшительно отвѣтила Евгенія Львовна.
 --Боюсь, что долго. Надо знать, что скажеть Тормиловъ, разсмотрѣвши наши дѣла. Они запущены. Мы просимъ о дополнительной ссудѣ дворянскаго банка, чтобы уѣхать. Положеніе пиковое, какъ выражается иногда Крыжовъ. Бабушка глубоко увѣрена, что мнѣ ничего другого не остается, какъ выйти хорошо
 замужъ. Хорошо это Колодищевъ, у котораго большое, очень
 большое имѣнье и нигдѣ незаложенное. Но Колодищевъ и я—
 это "въ одну телѣгу не можно впречь коня и лань" такъ,
 кажется? А вотъ что, развѣ отбить его отъ Тормиловой? шут-

ливо спросила она. — Но въдь выйти за Колодищева, значить сдълаться помъщицей и зарыться въ деревнъ съ голодными мужиками и бабами съ больными животами. Нътъ, этого я не могу. Если наши дъла не поправятся, я буду писать книгу: "Journal d'une décavée" и зарабатывать деньги личнымъ трудомъ.

Ему опять сдёлалось непріятно, какъ будто онъ почувствоваль, что ему необходимо предложить ей свои услуги въ той или иной форм'в.

И онъ очень обрадовался, вогда бабушка позвала ее въ себъ по какому-то дълу.

XVII.

Колодищевъ разговаривалъ съ Върой, но, получая отъ нея односложные, вялые отвъты, былъ очень удивленъ.

Она уже не походила на ту Въру, которую онъ зналъ всегда — энергичную, бодрую, ясную и веселую.

Онъ чувствовалъ, что какая-то тайная грусть поселилась въ ней и мъщаетъ ей жить по прежнему.

Онъ всячески старался подойти къ этому вопросу, чтоби его выяснить, но она видимо уклонялась отвътить ему прямо. Тогда онъ просто спросилъ ее:

- Что съ вами въ последнее время, Вера Дмитріевна? Она вздрогнула.
- Со мной? Что вы хотите, чтобы со мной было?
- Вы рассъяны, васъ что-то гложеть. Вы уже далеко не прежняя Въра.

Она засмѣялась.

— Съ чего вы это взяли? Я все та же.

Колодищевъ печально повачалъ головой.

— Хотвлось бы, чтобы это было такъ. Но это не такъ. Вы знаете, я привыкъ на все смотрвть прямо и просто. Позвольте поговорить съ вами о томъ, что давно уже занимаеть меня.

Въра испуганно взглянула на него.

- Развъ это необходимо? спросила она.
- Да, для меня это необходимо. Но я не красноръчивъ и не умъю говорить такъ, какъ, можетъ быть, это принято. Суть вотъ въ чемъ. Будаевъ продаетъ имънье. Вы, конечно, съ вашимъ батюшкой не можете остаться на службъ у Щеклъева.
 - О, нътъ! сказала она, на этотъ разъ горячо.
- Точно также Дмитрію Александровичу не къ чему брать мъсто у Скуридиныхъ. Не къ чему, потому что ихъ пъсенка,

важется, сцъта. Въроятно, въ концъ концовъ, рано или поздно это имънье останется за банкомъ, или же его купитъ тотъ же Шеклъевъ.

- И?-спросила она.
- Вамъ тяжело будетъ разстаться съ этими мѣстами. И я вамъ предлагаю: переѣзжайте ко мнѣ. Вашъ батюшка будетъ помогать мнѣ по хозяйству, мы съ нимъ ужъ, конечно, условимся. Ну, а потомъ...

Онъ вопросительно взглянуль на нее, какъ бы ожидая отъ нея помощи, поддержки.

Но взглядъ ея былъ испуганный и холодный.

Онъ не сказаль ей того, что готовилось сорваться съ его языка.

- Ну, а потомъ видно будетъ, печально договорилъ онъ.
- Хорошо, поговорите съ папой, тѣмъ же тономъ сказала она.

И вдругъ оба вздрогнули.

Тебя отнимуть отъ меня Ты не моя, ты не моя!

— пропѣлъ чей-то голосъ.

Это была Евгенія Львовна, которая съ своей гитарой подвравась близко въ нимъ.

Она звонко захохотала.

— Испугала? Ну, простите... Захотълось подурачиться. Или, можеть быть, вамъ не понравились слова? Тавъ грустно, когда приходится говорить: ты не моя, иль: ты не мой!

Ввра надулась.

Ей не понравилась эта выходка. Колодищевъ ничего не отвътилъ.

Курнавовъ и Бериловъ, услыхавъ пѣніе, прибѣжали на голосъ Евгеніи Львовны и стали упрашивать ее пѣть.

- Отстаньте!—сказала она:—захочу—буду пъть, не захочу—не буду; а если буду, то не для васъ, во всякомъ случаъ.
 - А для вакого же счастливца?
- Вотъ, чтобы разбудить его,—и она указала на спавшаго глубокимъ сномъ на скамъй подъ деревомъ Вавакина.

Всв разсмвились.

Вавакинъ внезапно проснудся отъ этого смъха и протеръ

- Это вы надо мной?—ни въ кому не обращаясь, спросилъ онъ.
 - Въ родъ этого, отвътилъ Курнаковъ.

Томъ VI.-Дикаврь, 1902.

Digitized by Google ----

Ваванить уже протрезвёль и искаль глазами Вёру, когорая уходила въ глубь сада.

Онъ поняль, что ее инстинктивно тянуло туда, гдѣ быль Будаевъ.

Евгенія Львовна взяла подъ руку Колодищева и пошла съ нимъ въ противоположную сторону.

Курнавовъ и Бериловъ усћись рядомъ съ довторомъ, съ которымъ у нихъ за последнее время установились короткія отношенія амикошоннаго свойства.

Они вышучивали Ваванна при всякомъ удобномъ случав, а онъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случав, говориль имъ дерзости. Никто изъ этого тройственнаго союза не обижался одинъ на другого, и въ сущности, всё очень мирно и не безъ удовольствія проводили время и коротали деревенскую скуку.

- Hy, что вы уставились на меня, словно нивогда не видали?—спросилъ ихъ Ваванить.
- Мы изучаемь въ послъднее время мисологію, отвътиль Бериловъ.
 - Вотъ на! Я васъ объ этомъ не спрашиваю.
 - Мы хотимъ знать, какой видъ имфль Бахусъ.
 - Ну и что же?
- Ну, вотъ вы и похожи на него. Вамъ бы еще въновъ надъть на голову изъ виноградной лозы—сходство было бы полное.
 - А вы знаете, на кого вы похожи?
 - На вого?
 - На двухъ дрессированныхъ пуделей.

Молодые люди разсмънлись, нисколько не обидъвшись.

Ваванинъ досадливо махнулъ рукой.

- И смъетесь-то вы пощенячьи, ей-Богу!—пробориоталь онъ.—Создасть же Господь такіе типы!
- Ну ужъ, на чемъ природа ошиблась, такъ это на васъ, Эскулапъ. Вы—Эскулапъ, который ничего не понимаетъ въ медицинъ. Вы—Бахусъ, который ничего не понимаетъ въ винъ. А туда же еще выдумали ухаживать за женщинами, въ которыхъ столько же понимаете, какъ въ медицинъ и винъ, сказалъ Курнаковъ.
 - А вы въ чемъ понимаете?
 - Въ женщинахъ.
- --- Скажите, пожалуйста! А откуда вы взяли, что я ухаживаю за женщинами?
 - Не за женщинами, а за женщиной.
 - За въмъ?
 - За Тормиловой, конечно.

Digitized by Google

Вавакинъ врякнулъ.

- A откуда это видно?—недовольно спросиль онъ. Курнаковъ ему объясниль:
- Оттуда. У васъ въ глазахъ масло.
- Tark

И вдругъ Вавакину пришла идея спросить у молодого человъва его мижніе о Въръ.

- А вы какъ о ней разсуждаете?
- Да ничего. Экстерьеръ хорошъ. Постановка корпуса правильная, портретъ недуренъ. Но чтобы судить о женщинъ, нужно видъть ее на велосипедъ. Во всякомъ случаъ, экземпляръ недурной, балловъ на десять. Ну, а нутро—неважное. Сельскій тикъ. И притомъ, влюблена.

Вавакинъ оживился.

- Ну? А въ вого?
- Конечно, не въ васъ, старый сатиръ.
- Не въ васъ ли, молодой пудель?
- Нътъ. Въ Будаева, очевидно, если моя наблюдательность жена не обманываетъ.
- Такъ. А отчего вашъ пріятель молчить все время? спросиль Вавакинъ, которому вдругь стало непріятно вести разговоръ на эту тему.

Бериловъ поднялъ голову.

- Мив здесь стало скучно. Дамъ мало, ответиль онъ; а тъ, которыя на лицо, скучны какъ осений день. Ничего не можетъ быть тоскливе влюбленной женщины... если она влюблена не въ васъ. И потомъ... — онъ внимательно ввглянулъ на Вавакина, — я соскучился по Петербургу и хотель бы убхать. Надобло. — Онъ еще пристальне посмотрелъ на врача. — Знаете что?
 - Не знаю. Глупость какая-нибудь.
- Съ какой точки зрвнія. Воть что: нівть ли у вась ста рублей безь опреділеннаго назначенія? Вы—врачь, у вась должна быть свободная наличность. Дайте мнів сто рублей, и я даю слово, что убду отсюда завтра же.
- Да мив-то что? Живите хоть до осени, или вовсе поселитесь здась.
 - Но я васъ буду изводить.
- A сволько угодно. Меня всё изводять. Я привыкъ. Даже налиъ праведникъ Сазановъ—и тоть изводить.
- Акъ, Сазановъ! сказалъ Курнаковъ. Кстати, что съ нимъ, гдъ онъ? Я его совершенно не вижу въ послъднее время.
- Миъ, конечно, все равно,—проговорилъ Бериловъ,—по ваниъ Сазановъ— идіотъ.

- Мит не все равно, но я того же митнія,—подтвердиль Вавакинъ.
 - А насчетъ ста рублей?
- Разнаго... Съ Сазановымъ что-то творится плохое. Мена на дняхъ призывала влючница его. Но я ничего не поналъ.
 - По обывновенію, замітиль Бериловь.

Вавакинъ злобно взглянулъ на него.

— Ну, вы...—сказаль онъ. И обращаясь въ Курнакову, продолжаль:—Онъ сталь худъ, какъ скелеть. И все толкуеть о правдъ. "Все надо сжечь, чтобы уничтожить ложь". А хуже всего то, что въ нему повадился Сула, и они о чемъ-то совъщаются. Какъ бы худа не вышло. Забыль сказать Крыжову. Сазановъ просто помъшанный и кончить худо. Запирается отъ людей, ничего не ъстъ, не пьетъ. Недоброе съ нимъ творится, недоброе.

Бериловъ засмъялся.

- Ну,•у васъ вѣдь вто не пьеть—помѣшанный. Можно подумать—вы геній. Дадите сто рублей?
 - Отстаньте.

Всёхъ позвали въ домъ пить чай, а послё того всё разъ-

XVIII.

Было уже темно, когда Ефимъ Акимычъ Щеклѣевъ прівхаль съ повздомъ на вокзаль изъ губерніи.

Окончивъ всё свои многочисленныя дёла, онъ рёшилъ, наконецъ, что пора взяться за Будаевское дёло, такъ какъ "дальнъйше тянуть опасно, какъ бы не вышелъ какой оборотъ, а между прочимъ доподлинно узнано о желевной дороге, и какъ бы Будаевка не прошла мимо носу".

Ъдучи въ тарантас въ Будаевку, онъ долго раздумывалъ о предстоящей покупкъ.

— Какъ бы того, "канкарентъ" какой не наклюнулся?— говорилъ онъ въ полголоса, какъ имёлъ обыкновеніе обсуждать дёла. — Да кто же бы? Кажись, вокругъ никого. Господинъ Колодищевъ не канкарентъ, потому не хочетъ расширяться, а господа Скуридины и вовсе даже безсильны. Нётъ, съ этой стороны опаски нётъ. А вотъ Тормиловъ, чай, пронюхалъ про дорогу да и настроитъ этого самого "англичана". И задорожатся, чего добраго...

Раскинувъ такимъ образомъ умомъ, Щеклѣевъ сталъ клевать носомъ, потому что на вокзалѣ много ѣлъ и еще больше "переложилъ за галстукъ"; вообще, это былъ человѣкъ весьма

трезвый и строгій въ потребностяхъ, потому что любилъ обладать всёми своими силами и всей ясностью ума, которыя были совершенно необходимы для веденія его общирныхъ дёлъ.

И въ такомъ нормальномъ состоянии это былъ человъкъ съ елейной ръчью на устахъ, съ елейной наружностью. Все дълалось именемъ Господа Бога и по Его соизволению.

Но вогда онъ допускалъ себя до выпивви и вутежа, то его елейная натура какъ-то сразу стушевывалась и пропускала сввозь себя всю затаенную необузданность исконнаго самодурнаго духа.

И теперь, послъ угощенія на вокзаль, голова у него кружилась и на душь мутило. Въ особенности въ ть моменты, когда тарантасъ подскавиваль на глубокихъ колеяхъ и "вытряживаль ему душу".

- Нивита, стой! сказалъ онъ вучеру. Не въ моготу мнъ. Словно на кораблъ качаетъ. Дай-ко-съ, я выйду да промнусь малость. И до усадьбы, поди, недалечко.
 - Недалечко, Яфимъ Акимычъ. И ночь теплая.
- A ты не разсуждай. Это діло хозяйское. Разсуждаешь, а возжи распустиль. Держи коней, говорю.

Онъ съ трудомъ вылъзъ изъ тарантаса, и его вдругъ вачнуло.

— Ишь, винище проклятое! — проворчалъ Щеклъевъ. — И что за вино на вокзалъ — ровно отрава. Мошенникъ этотъ буфетчикъ, право, мошенникъ!

Онъ шелъ, качаясь изъ стороны въ сторону.

- Эй, вто тамъ? кривнулъ онъ, обернувшись и разслышавъ шаги. — А! Муживъ съ бабой! А куда идете?
 - Въ село, отвътилъ муживъ.
- A по какой такой надобности?—присталъ Щеклѣевъ, которому котѣлось болтать.
 - Бево всякой надобности. Сельскіе мы.
 - Такъ. Ну что-жъ, какъ урожай ожидается?
 - Плохо. Голодовка будеть.
 - Что такъ?
- A такъ. Сначала это мочило, потомъ сушило, а еще червь ълъ. А таперя жукъ откуда ни возьмись.
 - Тавъ. А еще что?
 - А болъе ничего. Народъ болъетъ, скотъ болъетъ.
 - А вы лечите.

Муживъ махнулъ рувой.

— Пошто? Противъ Господа нешто пойдешь? На все Его святая воля. Ему лучше знать. Да и какіе лекаря-то? Прислали "ветерана", чтобы, значить, скотину лечиль, а онъ зам'ясто того,

чтобы лечить, говорить, убивать ее надо. Нешто экожно скотнну убивать? А коли, говорить, не убьете, солдать вызову. Нешто это лекарь? Прямо, разбойникъ.

- Такъ, задумчиво проговорилъ Щеклѣевъ, но его нисколько не интересовали эти подробности: ему хотѣлось узнать что-нибудь о Будаевѣ — Слышь ты, — сказалъ онъ, убѣдившись, что муживъ самъ не заговоритъ объ этомъ: — а что болтаютъ про будаевскаго помѣщива?
- А что болтають? Всявое болтають. Будто не нашей онъ въры, что-ли, и не нашего племени. Будто вемлю его, потому онъ неправильно ею владъеть, отберуть ее отъ него в престыянамъ дадуть...
- Ну-ну!—заволновался Щевлъевъ, понемногу трезвъя в соображая:—сейчасъ ужъ и отдадутъ! Смотри, сважи своимътамъ, чтобы и думать не могли! Потому кавъ эта земля моя будетъ—я ее покупаю у Будаева-то...
 - Ты покупаешь? протянулъ мужикъ.
 - А я-жъ. Кто-жъ больше.
 - Экая, скажемъ, напасть...
- Что-о?—зарычаль, совершенно отрезвывь, Щеклыевь.— Что ты сказаль?
 - Напасть, говорю...
 - Какъ такъ напасть? Почему напасть?
- Прижимаешь ты больно, Яфимъ Акимычъ. Тяжко мужику подъ тобой... А еще другое: мужики хотъли сами купить черезъбанку. Сказываютъ, въ губерніи банка такая есть, что мужикамъденьги даетъ, чтобы, значитъ, ловчъе вемли отбирать.

Это было ново для Щевлъева; объ этой вомбиваців съ имъньемъ Будаева онъ еще не слыхалъ.

- Дурачье! обозлился онъ. Туда же лъзете! Какая такая банка вамъ деньги дастъ? Свою землю зря червю жрать дасте, такъ, вишь, мало вамъ для червя корму. Сидъли бы, знай, да помалкивали. А ты мужикъ умный, ты разговори, вотъ что. Это въдь, я знаю, вашъ путаникъ, Сула Трофимъ, все подстранвастъ, мерзавецъ. Охъ, и побываетъ же онъ въ Сибири, какъ пить дать, побываетъ!
- A коли продается, такъ что-жъ не купить? За что туть, скажемъ, Сибирь?—возразилъ мужикъ
- А ты у меня поговори!—зарычаль Щевлёевь.—Воть я исправнику нажалуюсь. Всёмъ вамъ попадеть по пятое число. Бунтовщики!

Муживъ испуганно толкнулъ бабу, и оба свернули въ сторону. Щевлъевъ почувствовалъ себя трезвымъ и вдругъ заторошился. — Давай-ка сюда! — вривнулъ онъ кучеру. — Да погоняй, авось доберемся, пока еще не легли спать.

Щевльевъ ощущаль тревогу.

Ужъ и вправду не переигралъ ли онъ съ будаевскимъ имѣньемъ? Можетъ, ждали, ждали его, да и сообразилъ этотъ Тормиловъ и о дорогъ, и о крестъянскомъ банкъ. Ну, это еще посмотримъ! Хотъ и жохъ этотъ Тормиловъ, и туго свое дѣло знаетъ, а только въдь и онъ, Щеклъ́евъ— не промахъ... Еще разръщитъ ли земство эту покупку такимъ разореннымъ крестъянамъ? А и дуракъ онъ самъ, что-ли? Развъ у него въ земствъ нътъ руки?

Тъмъ не менъе, онъ усиленно гналъ лошадь, а кучеру давалъ легкіе тумаки въ спину.

Въ усадьбъ пили чай, когда по дорогъ раздался стукъ колесъ Щеклъевскаго тарантаса.

— А въдь это нашъ покупатель, — заявилъ Тормиловъ.

Сердце Въры вдругъ перестало биться.

Вотъ, наконецъ, та развязка, которой она такъ боялась. Въ послъднее время Щеклъевъ съ его проектомъ покупки Будаевки сталъ ей казаться мисомъ и во всякомъ случав чъмъ-то такимъ далекимъ, такимъ не скоро осуществимымъ, что она уже перестала тревожиться за участь усадьбы и ея милой, дорогой рощи.

Но, вотъ, это далекое сдёлалось вдругъ близвимъ, какъ внезапно нагрянувшая туча, отъ которой нътъ болъе никакого спасенія.

- Какъ, вы думаете, это—Щевлѣевъ?—радостнымъ голосомъ спросилъ Будаевъ, и эти радостныя ноты больно отозвались на душѣ Вѣры.
- Онъ, конечно, онъ. Ну, да, вотъ этотъ Соловей-разбойникъ самолично жалуетъ сюда.
- Чай да сахаръ! елейнымъ голосомъ сказалъ Щеклѣевъ, входя на террасу и посмотрѣвъ по колоннамъ, отыскивая гдѣнибудь образъ; но, не найдя его, перекрестился на воздухъ. Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ, какъ Господь Богъ носитъ? Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна. А это будутъ сами владълецъ?

Онъ подошелъ къ Будаеву.

— Пріятно овнакомиться. Прощенья прошу, что поздновато вкатился. На станціи позадержали малость, да и то скавать—дорога... Колеи, дождей давно не было...

Несмотря на развязный тонъ, онъ, видимо, былъ смущенъ и старался по лицамъ, освъщеннымъ желтыми огоньками садовыхъ подсвъчниковъ, угадать, какъ стоятъ его фонды, и не случилось ли что-нибудь особенное за столь долгое время его отсутствія.

Но угадать ничего не могъ.

- Мы васъ давно ждали, сказалъ холоднымъ тономъ Будаевъ, незамътно разсматривая гостя. Я изъ-за васъ три недъли лишнихъ здъсь пробылъ. Да еще, върно, придется прожить столько же, если вы будете попрежнему неръшительны.
- Вотъ сейчасъ начнетъ ломаться и говорить, что имънье ему ненужно и прочее,—сказалъ Въръ Тормиловъ въ полголоса. Но Щеклъевъ отвътилъ:
- Рѣшительности въ насъ много, очень даже много. Съ Господней помощью переговоримъ ноньче же, ежели пожелаете, потому мнѣ завтра утречвомъ ѣхать надо.
- Эге!—сказалъ Въръ Тормиловъ.—Это что-то новое. Нивогда онъ такъ не говоритъ. Върно, пронюхалъ про дорогу.
- Сегодня поговоримъ, сегодня и рѣшимъ. Можно и условыще сдѣлать этакое домашнее, промежду себя. И нотаріўса не тревожить покамѣстъ.

Ему налили чаю.

Щевлівевъ удобно усівлся, сталъ дуть на чай и пить въ привуску.

- Ужъ вы меня извините, ваша милость, обратился онъ въ Будаеву, что, можетъ быть, не во благовременье. Человъкъ я занятой; какъ выбралась минутка, такъ, стало быть, я и прі- ъхалъ.
- Пожалуйста. Куда же вы, Въра Дмитріевна? спроселъ Будаевъ, замътивъ, что она хочетъ уйти.
 - Вы будете говорить о д'влахъ; я не хочу м'вшать вамъ.
- Чъмъ вы можете помъщать? Намъ, кажется, и говорить не о чемъ съ господиномъ Щеклъевымъ? Наши условія ему давно извъстны. Нътъ, пожалуйста, останьтесь, вы такъ въдь любите сидъть въ это время на террасъ...

Въра осталась, хотя ей мучительно больно было слушать разговоръ о продажъ ея любимаго гиъзда.

XIX.

Щеклъевъ молча пилъ чай, видимо "обмозговывая" положеніе.

- Ну, что же, свазаль Дмитрій Александровичь, обращаясь къ Щеклъ́еву, потому что замътилъ недоумъвающій взглядъ Будаева.
- A что же? спросиль Щеклевь. Это вы пасчеть покупки?
 - Конечно.

— Такъ въдь такого дъла зря нельзя дълать, сидя за чаемъ. Дъло большое, огромадное дъло. Вотъ, стало быть, отойдемъ отъ стола, присядемъ въ кабинетъ и потолкуемъ, благословясь.

Ему, видимо, не нравилось, что здёсь сидёла Вёра, взгляды воторой на эту продажу ему были извёстны изъ неоднократныхъ разговоровъ съ нею.

Онъ боялся ея вліянія и противодъйствія, потому что нивавъ не могь уловить сущности ея отношеній въ помѣщиву и въ самому дълу въ его послъднемъ фазисъ.

Будаевъ усмъхнулся.

- Простите меня... Ефимъ Авимычъ, кажется? Но я недавно въ Россіи и не совсемъ еще усвоилъ здёшніе обычаи. У насъ это дёлается проще.
 - Какъ же? съ любопытствомъ спросилъ Щевлъевъ.
- Позвольте. Не будемъ даже говорить, какъ это дѣлается гдѣ бы то ни было. А просто станемъ разсуждать логично. Мнѣ хочется продать имънье, вамъ—вупить. Вотъ пунктъ первый и достаточно ясный.
 - Это точно.
- Пункть второй. Условія мои вы знасте. Съ вами ведется переписка уже около полугода. Вы не можете не знать условій. Третье. Имінье вамъ извістно лучше, чімь мнів. Вы здісь живете, изъіздили его вдоль и поперекъ, осматривали не разъ и не два.
 Планы, бумаги, описи—все у васъ имінется. Такъ въ чемъ же
 діло? Написать предварительное условіе и внести задатокъ.
 - Дорогонько просите, Владиміръ Сергвевичъ.
 - Но вы, важется, въ принципъ согласилясь на эту цъну?
- Сгоряча. Ей Богу, съ горяча. Дорогонько. Не будеть ли какой уступочки?

Тормиловъ вступился.

— Ой, Ефимъ Акимычъ, прогадаете! Я вамъ прямо заявляю: уступки не будетъ. Мы даже хотимъ увеличить цъну...

Щевльевь безповойно заёрзаль на стуль.

- Это по какому же случаю, смъю васъ обезпоконть?
- А по случаю проведенія дороги. Мы им'єнье придержимъ, а черезъ годъ, полтора— возьмемъ за него втрое.

"Тавъ и есть! — подумалъ Щевлъевъ: — о дорогъ уже сообразили".

- А болъе ничего не скажете?
- Ничего, съ недоумъніемъ отвътилъ Тормиловъ.
- "О мужикахъ, стало быть, ничего неизвъстно".
- Такъ, отвътилъ Щеклъевъ. Оно, дъйствительно, до-

рога... только въдь кто-жъ ее знаетъ, будетъ она или не будетъ. А ежели будетъ,—такъ ли пройдетъ, или какъ?

- Не безповойтесь, все это очень хорошо изв'ястно.
- Такъ... поглаживая бороду, проговорилъ Щевлъевъ. Опять же цъну вы увеличить можете, а только покупщика не найдете.
 - А почему такъ?
 - Потому капиталистовъ въ округъ нъту.

Будаевъ пожалъ плечами.

Его раздражаль этоть ни въ чему не нужный разговорь, въ которомъ онъ, какъ европеецъ, не видълъ ничего дълового, а только что-то шантажное, какое-то прижиманіе, недобросовъстное пользованіе обстоятельствами.

- Позвольте же,—сказалъ онъ,—имѣнье это вы хотите купить или не хотите?
- Отчего же? отвътилъ Щеклъевъ. Купить завсегда можно.
- Хорошо, значить—хотите, хотя и высказываетесь какъ-то неопредвленно. Стоить оно этой цвны или не стоить?
 - Отчего же? Всякой ціны стоить.
 - -- Тогда въ чемъ же дъло?
- Да отчего же не поторговаться? раздражился Щевлѣевъ, припертый вопросами Будаева къ стѣнѣ. Гдѣ же видано, чтобы такое дѣло бевъ торгу было? Это не порядокъ. И бублика у торговки не купишь, не поторговавшись. А это не бубликъ. Безъ благословенія Божія на такое дѣло не пойдешь и бевъ торгу рубля не выложишь. Даже будто неприлично такъ вдругъ, взялъ да и выложилъ все на столъ. Гдѣ же это видано-съ?
- Ахъ, ну если дёло все въ томъ, чтобы поговорить лишній часъ, такъ сдёлайте одолженіе. Я не зналъ, что это необходимо и что безъ этого неприлично.
- Совсимъ даже напротивъ! Дило не въ разговори, а въ уступки.

Тормиловъ серьезно прервалъ его:

- Вотъ что, Ефимъ Акимычъ. Время позднее, а завтра, вы говорите, вамъ вхать нужно. Поэтому мы решили съ Владиміромъ Сергевичемъ кончить сегодня. Если вы не хотите, сделка съ вами не состоится, вотъ и все. Мы найдемъ другого покупателя.
 - Кого же бы это?
- "Непремънно съ мужиками снюхался", подумалъ онъ испуганно.
 - А ужъ это наше дъло. Найдемъ.

- Капиталистовъ нъту, вотъ что, съ спокойной увъренностью проговорилъ Щекдъевъ.
 - Гдв это? Въ Россіи нвту?
 - Зачвиъ? Здвся нвту.
- Тамъ мы, въ Петербургъ, въ Москвъ поищемъ. Словомъ, вотъ послъднія условія: купчая, пошлина и всякіе расходы, какіе могутъ быть—на вангъ счетъ. Вы прибавите въ нашей прежней цъвъ семьдесятъ-три тысячи рублей. Задатовъ внесете при подписаніи предварительнаго условія и не позже пятнадцатаго іюня, а всъ деньги—по вводъ васъ во владъніе.

Щевлевь оть ужаса замахаль руками и затрясь головой.

— Это не по-божески... это не по-божески, какъ хотите-съ. Господь Богъ васъ накажетъ... — растерянно говорилъ онъ. Но потомъ растерянность прошла и елейность исчезла.

Онъ разсердился.

- Это капканъ-съ. Капканъ-съ. Но я не лисица и не волкъ. Это все одно, что на медвъдя съ топоромъ идти.
- Да позвольте, какой же капканъ? Кто же васъ въ немъ держитъ? Не правятся наши условія—переночуйте, а завтра убзжайте. Никто васъ не держитъ насильно, это вы напрасно. Полюбовная сдълка—не капканъ. Наше дъло—предложить, ваше —согласиться, а насилія здъсь никакого нъть, это вы напрасно.

Щеклъевъ замолчалъ, видимо борясь съ собою.

Будаевъ тоже молча наблюдаль эту сцену.

Въра почти не слышала, что говорили. Сердце ся билось мучительно, какъ тогда, наканунъ пріъзда владъльца, когда она съ грустью думала о разлукъ съ роднымъ гивздомъ.

Воть въ этомъ внезапномъ молчаніи, наступившемъ послівомивленных разговоровь, есть что-то страшное, різшающее. Сейчась оно кончится и кончится ея мирная жизнь въ Будаевків.

Сквозь широкіе просвёты террасы, Вёра всматривалась въ милую рощу, синёвшую передъ нею въ голубоватомъ свётё луны. Набёгали тучи, ивъ которыхъ срывались крупныя капли перваго лётняго дождя. Вдали, какъ и тогда, въ вечеръ ея перваго серьезнаго горя, вспыхивали зигваги далекой молніи надвигавшейся грозы.

Роща точно примолела. И Въръ опять показалось, что изъ таинственныхъ нъдръ рощи ползутъ на нее какія-то безформенныя тъни. И ей слышался уже стукъ топоровъ Щевлъевскихъ дровосъковъ, и сердце ен мучительно, больно сжалось.

Неужели гроза надвигается на нее такъ ръшительно и неумолимо? И она чувствовала, что съ продажей гитада для нея наступить великое горе и ее окружить безпредальная пустыня.

Гдѣ бы они ни очутились съ отцомъ, она будетъ одна безъ этой рощи и... безъ Будаева, который уѣдетъ навсегда въ Лондонъ.

При последней мысли ей стало жутко.

Какъ будто въ грозную ночь разверзлись небеса, и при яркомъ, ослъпительномъ блескъ молніи она впервые заглянула въ таинственную глубину своей души. И на этой глубинъ, куда ова въ послъднее время боялась опускаться даже съ завязанными глазами, чтобы не испугаться того, что тамъ шевелилось и назръвало, она увидала нъчто страшное, чего она боялась пуще смерти.

Но оно было, несомивнио было тамъ, свило себъ гивадо и прочно-прочно усълось.

Она до боли сжала свои похолодъвшія руки и опустила глаза, отвернувшись отъ рощи и не желая встръчаться со взоромъ того, кто такъ незамътно сдълался ей дороже рощи, дороже этого стараго дома.

Со стороны двора слышался шумъ.

Оралъ Джонъ, орала городская кухарка, и Петръ, и Даша всъ съ къмъ-то горячо спорили.

И чей-то грубый голосъ покрываль ихъ всёхъ и говориль:

— Мнѣ, значитъ, до барина. Ишь, развозились, ровно цѣпныя собаки. Сволочь! Мнѣ до барина по самонужному дѣлу!..

Тормиловъ вышель, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и вернулся на террасу съ Трофимомъ Сулой.

Въра удивленно взглянула на нихъ. Будаевъ посмотрътъ мрачно на мужива: онъ очень не любилъ его, послъ того, что наслышался о немъ, я послъ пожара у Колодищева приказалъ слъдить за нимъ Джону и ни подъ кавимъ видомъ не пускать въ усадьбу.

Глаза Щевлъева безповойно забъгали, когда онъ увидълъ на лицъ управляющаго торжество.

- Что тебъ?—спросилъ Будаевъ, обращаясь въ Сулъ, суровымъ тономъ.—Тебя не пускали, зачъмъ ты ворвался?
- Рвется песъ, грубо отвътилъ Сула, мрачно, точно пойманный волкъ, оглядывая присутствовавшихъ. Но при видъ Върш взглядъ его смягчился. Я не песъ. Я по дълу, отъ обчества По дълу я. Твой нехристь этотъ ровно собака цъпная.
 - Говори, что нужно?

Тормиловъ поспъшилъ объяснить дёло.

— Владиміръ Сергвевичъ, — свазаль онъ въ примиритель номъ тонв: — Трофимъ отъ общества крестьинъ, чтобы узнать не захотите ли вы продать Будаевку имъ.

- Такъ, такъ! закивалъ Сула головой, а Тормиловъ подмигнулъ Щеклъеву, позеленъвшему отъ влости.
 - Вотъ вамъ и капиталисты! -- сказалъ онъ ему.

Щевлевь от неожиданности потеряль способность речи. Онь нивавь этого не ожидаль и быль вне себя от элости.

— Такъ что, значить, обчество промежду себя рёшило,— продолжаль Сула. — Извёстно, какъ продаете дёдовщину, а у насъ земли, извёстно, мало... Рёшили повычить въ банкё. Слыхамши, что Яфима Акимыча тарантасъ въ усадьбё катить, поопасались, извёстно, какъ бы промежду пальцевъ не ушло. И наказали, стало быть, заявку сдёлать. Проси, молъ, намъ продать и въ банку отъ себя, молъ, обратиться, потому мы люди, извёстно, темные, а только о той банкё, извёстно, тоже наслышаны.

Щевлевъ пріобрель способность речи.

- Куда вамъ, голь этакая, будаевскія земли? И съ своимито не управляетесь, червей кормите...—злобно сказалъ онъ.
- Наша земля истощенная... устала родить, воть ее то червь, то жувъ и точить. Господская вемля—молодан, здоровая...
- Ишь, ишь, что задумали, черти! Сколько тыщъ туть надо! Сколько тыщъ! Всёхъ грамотевъ сберите, да съ старшиной—не сосчитаете.

Сула косо взглянулъ на Щеклъева и, презрительно плюнувъ на сторону, не удостоилъ его на этотъ разъ отвъта.

- Такъ вакъ же, стало быть? Обнадежить? обратился онъ къ Будаеву и Тормилову, по очереди гляда на обоихъ.
- Дурья ты голова, право дурья! опять вскипълъ Щеклъевъ. — Въдь землю-то я покупаю, — чего-жъ ты лъзешь съ своимъ косматымъ рыломъ?
- Рыло какъ рыло, обидълся Сула. А ты, чай, изъ господъ будещь? И не суйся ты, ради Господа, промежъ насъ! Въра съ трепетомъ и упованіемъ смотръла на Будаева.

Эта вомбинація не приходила ей въ голову. Теперь она сіяла отъ радости. По врайней мъръ, если ужъ надо, чтобы земля была продана, пусть она принадлежить "мужичкамъ", ея любимымъ, роднымъ мужичкамъ, а не этому вровопійцѣ Щеклѣеву.

Но Будаевъ молчалъ, и она сильно тревожилась за исходъ дъла.

- "Ахъ, отчего папа ему ничего не скажетъ?" мучительно думала она.
- Вотъ какой ты мужикъ! упрекалъ, между тъмъ, Сулу Щеклъевъ. Какъ же это ты такъ при господахъ позволяещь себъ грубости? Бога вы забыли, вотъ что! И выдумали же по-

слать вого муживи! Да тебъ давно въ Сибири пора гнить, каторжникъ ты этакій, за всъ твои дъла.

Сула вдругъ грозно надвинулся на него, и Щевлъевъ, испуганно отступивъ, спрятался за спину Тормилова, который стоялъ около него.

- За какія такія дёла? грубо скаваль Сула. Ну-ко-сь? За какія? Я муживовъ не грабиль, кавъ ты! Видёль ты мов дёла, сказывай? Самого въ Сибирь бы давно посадить, коле бы все справедливо у насъ было на свёть. А то что! Укрываете только одинъ другого. Я-те покажу: "каторжникъ"!
- Усповойся, Сула, сказалъ навонецъ Будаевъ, и Въра стала жадно его слушать, усповойся! Я тебъ отвъчу на твой вопросъ. Видишь ли, у меня уже раньше были переговоры съ Ефимомъ Акимычемъ...

Щевлъевъ высунулся изъ-за спины Тормилова и радостно закачалъ головой.

— И если онъ теперь, — продолжаль Будаевъ, — согласится на поставленныя ему условія, окончательныя, то я не вижу возможности прервать съ нимъ переговоры. Самъ, я думаю, поймешь, это было бы несправедливо, не по-божески, — добавиль онъ, улыбнувшись.

Въра понивла головой, и слезы затуманили ея глаза.

Щевлевь совсемь выбрался изъ-за своей засады.

- Я согласенъ, твердо проговорилъ онъ. Дорогонью, это нечего сказать, а только согласенъ. Ишь что выдумали: обчество! Банва! Черти! —вдругъ расхрабрился онъ. Я вамъ поважу супротывъ меня идти! Дозвольте, сударь, обратился онъ въ Будаеву, написать этакую предварительную замъточку-съ я, можетъ, заодно и задаточекъ?
- Нътъ, зачъмъ, возразилъ Будаевъ, я вашему слову върю. Уговоритесь съ Дмитріемъ Александровичемъ и въ городъ все сдълаете. У Дмитрія Александровича довъренность на все.
- Такъ... Все одно это. Вы отъ своего барскаго, дворянскаго слова не отступитесь, такъ надо полагать. Ну, вотъ, съ Господней помощью и поръшили! приходя опять въ елейное настроеніе, сказалъ Щеклъевъ. Благодареніе Господу, а безъ Его святой воли ни одинъ волосъ... не только-что дъло такое огромадное.

И вдругъ онъ радостно, мелко, влорадно захихикалъ, взглянувъ на Сулу.

— Что, брать? Ау, брать! Будаевка-то? Ась? Мы-ста, обчество! Ахъ, забодай тя жукъ навозный, шуты вы ряженые! Получиль финкосъ подъ носъ?

— Ефимъ Акимычъ! — съ негодованіемъ всирикнула Вѣра, и взоръ ен загорълся. Какъ вамъ не стыдно!

Сула мрачно насупился, и взглядъ его метнулъ молнію.

— Отвазъ, значитъ, — свазалъ онъ, стиснувъ зубы. — Пропадай всв пропадомъ, муживи?

Будаевъ собрался уйти съ террасы.

- Мит очень жаль, сказаль онъ Султ, но о чемъ же вы раньше думали?
- Извъстно, оплошали, оповдали. Ну, ладно! и въ тонъ его послышалась угроза, когда онъ повернулся, чтобы выйти. Пропадать, такъ пропадать всъмъ!

Это онъ проговорилъ тихо, но Въра услыхала его слова.

Она вздрогнула отъ какого-то темнаго смысла его словъ и предчувствия чего-то недобраго.

Быстро направилась она за Сулой и, нагнавъ его въ палисадникъ, остановила за рукавъ.

— Стой, Трофимъ! — свазала она ему дрожащимъ голосомъ. — Ты задумалъ что-то недоброе...

Сула опустиль свой взглядь въ землю, избъгая смотръть на дъвушку.

Губы его были плотно сжаты и всилокоченная борода и усы его скрывали его злую усмъщку.

- Говори, говори что-нибудь! теребила она его за рукавъ. —Говори, задумалъ что или какъ?
- Все одно пропадать! глухимъ голосомъ, неопредвленно отвътилъ онъ.

И вдругь, воодушевившись, тъмъ же "внутреннимъ" голосомъ, воторый, казалось, помимо его воли вырывался изъ его губъ, онъ продолжалъ:

— Люди мруть, скотина, извёстно, дохнеть, жрать неча. Щевлёй помещикомъ станеть—всё подохнемъ. Такъ ужъ, извёстно, лучше одинъ конецъ.

Онъ повернулся, чтобы идти, высвободивъ свой рукавъ изъ рукъ Въры.

Она бросилась за нимъ.

— Трофимъ, Трофимъ! — въ полголоса говорила она, чтобы ее не услыхали на террасъ. — Опомнись!

Онъ пріостановился, тряхнуль головой.

— Ты, барышня, ничего не бойся съ батюшкой своимъ. Тебъ бъды не будетъ, — проговорилъ онъ съ чувствомъ, и, поднявъ свою заскорузлую руку, погладилъ ея шелковистые волосы.

Затемъ твердымъ, решительнымъ шагомъ, уже больше не

оборачиваясь и не слушая ее, вышель изъ сада и сврылся въ

XX.

Нъсколько дней послъ этого событія Въра избъгала свиданій съ Будаевымъ.

Ей было тяжело видъть его, говорить съ пимъ.

И онъ чувствовалъ по отношенію въ ней что-то стѣснительное, какое-то душевное неудобство, хотя въ душѣ считалъ, что поступилъ вполнѣ дѣловымъ образомъ и иначе поступить не могъ.

Иначе поступить—значило бы пойти на эту слащавую сентиментальность, на эту чувствительность, воторая ему была такъ противна во всёхъ русскихъ дёловыхъ сношеніяхъ.

Онъ считалъ, что поступилъ и разумно, и честно, не обойдя перваго покупателя, съ которымъ сговаривался около полугода.

Какія же основанія были обойти его? Гражданскій долгь, любовь къ "мужичку"? Но любви этой онъ не чувствоваль и не признаваль, потому что сословіе крестьянь, по его мивнію, должно быть равноправнымъ сословіемъ въ государствв, наравні съ прочими. У всёхъ свои обязанности и права. При чемъ же туть какая-то ненормальная, болёзненная дюбовь непремінно къ одному сословію?

У нихъ, въ Англіи, любой фермеръ былъ бы обиженъ, еслибы на него стали смотръть съ этой сентиментальностью и ставить его въ положение опекаемаго ребенка.

Тамъ всѣ сознають свои права, не поступятся ими, и некому не нужно, сверхъ законныхъ правъ, еще какой-то сверхсмътной любви лэндлорда...

Щевлевъ увхалъ на другой день, обещавъ вернуться въ вонцу недели и "однимъ духомъ" оборудовать все дело.

Въра упрекала отца, что онъ не взялъ сторону крестыянъ. Горько упрекала.

Но онъ сказалъ ей въ оправданіе:

- Вѣруня! Я вѣдь только управляющій, ты забываешь это. Интересы помѣщика, и только его интересы, должны руководить моими дѣйствіями.
- Развѣ, съ точки зрѣнія его интересовъ, не все равно, кому продать землю?
- Конечно, нътъ. Продать ее мужикамъ—это ужасно долгая канитель: нужно возиться съ обществомъ, съ земствомъ, съ крестьянскимъ банкомъ, между тъмъ какъ, ты знаешь, Владиміръ Сергъевичъ очень торопится этой продажей. Потому я в

молчалъ. Само собой, будь я помъщикомъ, я бы продалъ нашимъ мужичкамъ и, конечно, на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Ты мнъ можешь повърить.

Послѣ этого разговора Вѣрѣ сдѣлалось очень грустно, и она съ трепетомъ стала ждать окончательной развязки.

Съ Будаевымъ она почти не встръчалась, кромъ объденныхъчасовъ.

Да и Будаевъ ждалъ, повидимому, съ нетерпѣніемъ возможности уѣхать.

Джонъ тоже горълъ нетеривнемъ. Ему было очень скучно. Англичанка Скуридиныхъ, вскоръ послъ знакомства съ нимъ, должна была покинуть своихъ господъ, которые все болъе и болъе стъснялись деньгами и стали экономить на всякихъ мелочахъ.

Она увхала въ Англію, а Джонъ остался въ обществв Петра, Даши и кухарки, и немилосердно скучалъ, а по мврв того, какъ его забирала скука, онъ озлоблялся и свирвивлъ. Его бодрой, энергичной натурв нуженъ былъ выходъ. Поэтому онъ часто придирался въ своимъ временнымъ товарищамъ по буфетной и заводилъ съ ними ссоры.

Будаевъ проводилъ большую часть времени въ рощъ и въ лъсу.

Его тянуло въ даль, въ обычной жизни, въ обычнымъ служебнымъ дъламъ, въ обычному увладу и порядвамъ.

Съ тъхъ самыхъ поръ, какъ продажа была, наконецъ, въ принципъ ръшена, онъ рвался изъ имънья и мечталъ о томъ времени, когда поъздъ умчитъ его въ "цивилизованныя страны".

Но удивительное дёло! Чёмъ яснёе представляль онъ себё день отъёзда, тёмъ страннёе чувствоваль онъ себя.

И вогда онъ прислушивался къ этому образовавшемуся въ его душъ чувству, онъ съ удивленіемъ видълъ, что это чувство похоже на жалость.

Ему было грустно разстаться съ этими містами, съ Тормиловымъ, съ Вірой! Въ особенности съ Вірой!

И это было до того для него неожиданно и ново, что онъ испугался. Это было весьма плохимъ признакомъ, и ужъ этого привходящаго въ его побядку обстоятельства онъ никакъ не ожидалъ.

При видъ Въры, какъ-то вдругъ осунувшейся, поблъднъвшей и замолкшей, бродившей по дому и саду какъ привидъніе, ему дълалось больно и непріятно. Онъ чувствоваль себя въ чемъ-то виноватымъ, и много разъ старался разъяснить себъ это чувство.

Что это? Угрызеніе совъсти или что-нибудь другое, посерьезнъе, что незамътно подкралось къ нему и овладъло его душой?

Томъ VI.—Декабрь, 1902.

Digitized by Google

Такъ раздумывалъ Будаевъ, гуляя по лёсу въ одинъ изъ жарвихъ лётнихъ дней.

Онъ услышаль за собой шаги и обернулся нахмурившись. Онъ очень не любиль, вогда прерывали его задумчивую прогулку.

Это быль Вавакинь, и Будаевь постарался сдёлать на своемь лице любезную улыбку.

Какъ могъ онъ встретить иначе посторонняго человека и гостя?

Онъ повдоровался съ врачомъ.

Ваванинъ былъ негвно возбужденъ и разстроенъ. Лицо его было хмуро и сердито.

- Гуляете?-отрывисто спросиль онь у Будаева.
- Да, какъ видите. А вы... по дълу?
- Н-ивтъ, нервшительно ответилъ врачъ. Я такъ... и отчасти по двлу. Ну что, продолжалъ онъ, уже болве свободнымъ тономъ: слыхалъ я, что продажа Будаевки окончательно рвшена?
 - Она давно была рѣшена.
 - -- Но теперь это вопросъ недалеваго будущаго?
 - Надъюсь.
 - И вамъ не жаль повинуть наши мъста?

Будаевъ сдёлалъ неопредёленный жестъ рукой.

- Конечно, жаль, любезно проговориль онь, и въ особенности тъхъ милыхъ людей, которыхъ я встрътиль здъсь. Но... Вавакинъ крякнулъ.
- Милыхъ людей! Да... оно дъйствительно. Я знаю одного милаго человъва, который будетъ въ отчанніи... Ей Богу, знаю. Будаевъ вздрогнулъ и сурово взгланулъ на Вавакина.
- Да?—медленно сказалъ онъ. На что вы хотите намекнуть?
- Какъ на что? На то, что всёмъ намъ ясно. Намъ всёмъ, да и вамъ, полагаю.
 - Я васъ не понимаю.
- Будто? A между тъмъ весьма понятно. Ясно вакъ хинный порошокъ.

Будаевъ поднялъ брови. Въ тонъ врача слышалось раздраженіе.

"Что онъ пьянъ, что-ли?" — подумалъ Будаевъ.

Но Вававинъ повидимому не былъ пъянъ; однако какое-то душевное раздражение видимо присутствовало въ немъ.

— Можетъ быть, вы будете менёе загадочны и объясните мнё ваши слова яснёе? Я не знатокъ въ хинныхъ порошкахъ и вообще въ медицине, — сухо проговорилъ Будаевъ.

- И я въ ней не большой знатовъ. Но ежели вы непре-...в ...этитох ониём
 - Прошу васъ.
- Вотъ. Есть одна дъвушка... э! да что говорить аллегоріями! Однимъ словомъ-Въра Дмитріевна...

 - Да... и что же? Ну, такъ она влюблена же въ васъ. Ей Богу! По горло. Лицо Будаева сдълалось еще строже и холодиве.
 - Она вамъ признавалась въ этомъ?
 - Ничуть.
 - Но тогда по какому же праву...
- Э! Кавія тамъ права! Это, можеть быть, въ Англів все права и права, - грубовато сказалъ Ваванивъ. - А вдёсь какія же права? Я вижу-что вижу. А что вижу, о томъ и говорю. Она влюблена, діагнозъ в'врный. Она таван была ясная, сповойная. Теперь повой ен смущенъ. А она не изъ такихъ, которыя мъняють свои увлеченія. И увлеченіе ся—тяжелый недугъ. Ужъ върьте. Я ее знаю давно.

Будаевъ смутился. Онъ долго искалъ, что отвътить, и наконецъ спросилъ своего гостя:

- Зачэмъ вы это сообщаете мив? У васъ есть опредвлензакай вви
- Непременно. А вакъ же безъ цели? Жила себе девушка, жила тихо, мирно, сповойно. Любила свою деревию, старый усадебный домъ и мужичковъ. Можетъ быть, даже нашла бы шартію, не блестящую, конечно, потому что гдв же туть настояащіе люди? Но все-таки. Допустимъ, что вавой-нибудь серьезный... ну... хотя бы и не особенно молодой человъкъ сдълалъ ей предложеніе...

Будаевъ внимательно вслушался въ его слова.

- Вы намеваете на Колодищева? наивно спросиль онъ. Вавакинъ покрасиваъ и разсердился.
- Совствить нтть! Почему Колодищевть? Я говорю вообще, теоретически. Мало ли вто? Не одинъ же здъсь Колодищевъдостойный женихъ. Ну, и вдругъ прівзжаеть такой блестящій мужчина, какъ вы...

Будаевъ криво усмъхнулся.

- Благодарю васъ, насмъщливо проговорилъ онъ.
- Да-съ! Прібэжаеть и смущаеть. Дъвушка не видъла тажижъ мужчинъ въ нашей ямв. Ну, натурально, того... застражала. И что же? Этотъ самый господинъ вдругъ уважаеть. Ну, вотъ и несчастье ея на всю жизнь. Ужъ потомъ никто другой н не подступись. Ей Богу! Вотъ и все.

- Bce?
- У Будаева мелькнула въ головъ свверная мысль.
- Это вы говорите по ея порученію? спросиль онъ.

Вавакинъ замахалъ руками.

- Да что вы это, ей Богу! Да какъ это вамъ могло придти въ голову?
 - Такъ сами отъ себя?
 - Ну, вонечно.
 - Съ какою же цёлью вы меё это говорите?

Ваванинъ подумалъ, подумалъ, потомъ съ недоумъніемъ развель руками.

— Воть это, д'яйствительно, съ вакой ц'ялью? — проговориль онъ. — Ей Богу, не знаю! Просто такъ. Это меня мучаеть, воть и все. Или н'ять! Ц'яль существуеть. Отчего бы вамъ не поговорить съ ней въ такомъ дух'я? Отрезвить, что-ли? Богь ее знаеть, — можетъ быть, она забрала себ'я что-нибудь въ голову и воображаеть, что это того... осуществимо. Знаете, этакую сдулать р'яшительную операцію? Отс'ячь разомъ, прим'янить дезинфекцію. Часто челов'якъ выздоравливаеть. Ей Богу? А? Что-жъ ее такъ-то мучить зря? А?

Будаевъ неожиданно для себя согласился вдругъ съ доводами Вавакина.

- Я могу стать въ нелъпое положение, смущенно проговорилъ овъ: вдругъ ничего подобнаго нътъ и это одна ваша фантазія?
- Ну, ужъ это будьте увърены! Я зря тоже въдь болтать не стану. А когда все это пройдетъ, кто знаетъ, можетъ быть она сдълается благоразумнъе и... и... ну, да мало ли что можетъ быть наконецъ и какъ можетъ устроиться ея судьба?
- Если все это такъ, вы правы. Надо принять меры и положить этому заблужденію конець. Благодарю васъ.
- Одно слово еще. Я вамъ открылъ тайну Въры. Впрочемъ, все-таки думаю, что вы и сами знали эту тайну или догадывались о ней. Во всякомъ случаъ, я не хотълъ бы, чтобы она знала, откуда это идетъ.
 - Будьте увърены. Я васъ не выдамъ.

И на этихъ словахъ они равстались.

Будаевъ вруго повернулъ и пошелъ въ усадьбъ. На душъ его было смутно.

Какое-то странное, небывалое еще чувство зарождалось на глубинъ его души и росло въ ней, выростая во что-то большое, тяжелсе и тревожное.

Въра вдругъ стала ему безконечно мила и близка.

XXI.

Въра сидъла на террасъ и читала внигу.

Тормиловъ былъ въ конторъ и на террасъ викого не было. Будаевъ прямо подощелъ къ ней.

Въ ен темныхъ глазахъ вспыхнулъ огоневъ испуга, и она вавъ-то инстинктивно закрыла книгу и сдълала движение удалиться.

Лицо Будаева было строго и холодно. Оволо губъ его блуждала прежняя ироническая улыбка, которую такъ не любила Въра.

Ему котвлось свазать `ей что-нибудь теплое, привътливое, ласковое, но онъ взялъ себя въ руки и сдержанно поздоровался съ нею.

"Надо быть холодиве, —подумаль онъ, —не следуеть распускаться. Недостаеть еще этого увлечения, которое можеть сделаться несчастиемь на всю жизнь".

- Вы развъ не хотите посидъть со мной?—спросиль онъ, замътивъ ен движеніе—Я помъщаль вамъ читать, простите.
- Нисколько, просто проговорила она: я всегда рада поговорить съ вами.

Онъ улыбнулся.

- Отчего вы улыбаетесь?—спросила она его удивленно.
- Да вотъ, вы говорите, что рады поговорить со мной, а между тъмъ явно избътаете меня.

Она покрасивла.

- Вы ошибаетесь. Я васъ вовсе не избътаю.
- Я своро уважаю, твердо сказаль онь, и заметиль, какъ при этихъ словахъ глаза ен потухли и губы плотно сжались. Да, и скоро уважаю, повториль онъ. Лишь бы только Щеклевь опять не затянуль дела.
- Вы такъ торопитесь?—грустно пожавъ плечами, свазала она. —Вамъ скучно здёсь?
- Нътъ, не то. Но мой отпускъ своро кончится, и я не хочу просить новаго. Да навонецъ, я прівхаль сюда по дёлу, съ опредъленной цълью, и хотъль бы, чтобы это уже вончилось. Но я здёсь не скучалъ,—любезно добавилъ онъ,—не скучалъ, потому что встретилъ милыхъ и симпатичныхъ людей.

Она не обратила вниманія на эту любезность.

— Владиміръ Сергвевичъ! — вдругъ рвшившись, начала она: — позвольте мив еще разъ поговорить о вашемъ двлв? Онъ поморщился.

- Пожалуйста, вяло сказаль онь.
- Я хотвла просить васъ за нашихъ мужичковъ.
- Ахъ, это...
- Да. Если ужъ вы решили продать Будаевку, продайте имъ. Они объдны и у нихъ мало земли. Она нужна имъ, до заръзу нужна. Въдь деньги вы, все равно, получите, и не все ли равно, получите вы ихъ изъ банка или отъ Щеклъева? И наконецъ, набравшись храбрости, сказала она, неужели ваше сердце молчитъ и нечувствительно въ нуждамъ врестьянъ?
- Мое сердце молчить въ данномъ случать, —жество отвътиль онъ, потому что этотъ разговоръ ему быль непріятень в онъ разсчитываль на другой. Въ дъловыхъ сношеніяхъ я не признаю голоса сердца, а только голосъ выгоды. И корректность дъловыхъ отношеній мъшаетъ мнъ измънить слову, данному первому покупателю. Нигдъ такъ не дълается. И увърню васъ, нигдъ въ Европъ въ дълахъ никакой роли не играетъ чувство.
 - Очень жаль, но и намъ, право, мало дъла до Европы.
 - Это уже политика, улыбнулся онъ.
- Въ которой я ничего не понимаю? Отчего же, докончите вашу фразу...
- Нѣтъ, я не говорю этого. Охотно вѣрю, что вы понимаете, но я не понимаю, къ чему, дѣлая такое простое дѣло, какъ передача имѣнья на выгодныхъ для себя условіяхъ, задаваться широкими вопросами, говорить о любви къ человѣчеству, объ обязанностяхъ патріота, о самобытности Россіи, и прочее, и прочее.

Ее оскорбляль его насмёшливый тонъ.

Она горячо заговорила:

- Итакъ, ничто не привязываетъ васъ къ родинъ, для когорой вы чужой, какъ и она для васъ! Всю жизнь жить въ чужой странъ, всю жизнь слушать чужую ръчь, всю жизнь жить точно въ гостяхъ у людей, которые не могутъ на васъ смотрёть вакъ на своего, хотя вы и родились подъ звуки благовъста какой-то лондонской церкви! Какая должна быть тоска, порой, въ вашей груди; и вы только не сознаетесь въ этомъ или не сознаете этого, пока вы еще молоды. Но настанеть старость, захочется отдохнуть въ своемъ углу, дома!.. Еслибы вы продали землю врестьянамъ, они бы вернули вамъ вашу усадьбу, потому что привыкли смотръть на васъ какъ на своего, а не на чужого. Вы бы могли имъ даже не продавать усадьбы. Щевлъевъ васъ нивогда не пустить сюда! Нивогда. Потому что вы баринъ, вы дворянивъ, а онъ — кулакъ и міробдъ; потому что онъ презираетъ нашихъ ослабъвшихъ, сознательно разоряющихся дворянъ, бъгущихъ изъ своихъ помъстій, покидающихъ родину ради своихъ вкусовъ, прихотей и капризовъ. Въ Щеклѣевыхъ теперь сила. И наши помѣщики уступаютъ имъ свое первенствующее значеніе, отдаютъ Щеклѣевымъ народъ въ рабство, во вторую крѣпостную зависимость. Такъ думаетъ мой отецъ, и я объ этомъ много думала, и върю ему, и согласна съ нимъ.

Онъ съ возростающимъ вниманіемъ следиль за ея возбужденной речью.

Глаза ея теперь горъли вдохновеннымъ пламенемъ, грудь високо вздымалась; потому что она говорила торопливо, задыхаясь, какъ бы боясь, чтобы не остановили ее, не помъшали высказать до конца все то, что накопилось у нея на душъ. Румянецъ игралъ на ея обыкновенно блъдныхъ за послъднее время щекахъ.

Ему вазалось, что вавой-то внутренній голось, можеть быть голось родины, духь этой странной Россіи, воторой онь не понималь и не любиль, говориль въ ней.

- Но когда-нибудь, продолжала она, родина призоветь васъ. Голосъ ея властно зазвучить по струнамъ вашего сердца. Смотрите, какъ бы не было поздно! Вамъ не откликнуться тогда на ен привывъ, и родина можетъ отмстить вамъ, оставивъ въвашемъ сердцъ незамънимую пустоту, незаполнимую пропасть.
 - Будаевъ, улыбаясь, задумчиво проговорилъ:
- Нивто, конечно, не знаетъ души человъва—это тайна запертой двери. Но вы желаете върить въ свазви, въ волшебныя свазви, какъ всъ эти призывы, отмщенія и голоса "родины". Но въдь это романтизмъ какой-то, который давно пора сдать въ архивъ.
- Развъ въ Англіи не любять ничего родного? Развъ тамъ не существуеть патріотизма?
- О, конечно, существуеть! Но совсёмъ другого оттёнка. Въ этомъ чувстве неть ничего сентиментальнаго, романтическаго. Тамъ любять родину, какъ нечто конкретное, но не какъ идею. Между родиной и людьми, населяющими ее, тамъ существуетъ какъ бы родъ нотаріальнаго договора, для полученія взаимныхъ выгодъ. Если и требуются жертвы, то только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ сказать, въ боевое, военное время. И тогда, конечно, всякій охотно идетъ на эти жертвы. У насъ же этихъ жертвъ требуютъ во всякое, самое обыкновенное время, походя, ради какой-то жажды къ жертвамъ, къ покаянію, къ самобичеванію. Я только здёсь это понялъ. Колодищевъ схоронилъ себя въ деревив, чтобы припосить жертву помощи "мужичкамъ"; имъ, ради идеи, онъ принесъ въ жертву свою личную жизнь. Вавакинъ никакихъ жертвъ не приноситъ,

а только пьеть. Но и онъ не можеть пить просто, "безъ иден", безъ слевы. Онъ сначала напьется, а потомъ вается, да можеть быть, и пьетъ-то ради того, чтобы получить возможность испитать сладость пованнія. Крыжовъ не просто ввыскиваеть недоимки, потому что такъ нужно, а взыскиваетъ идейно, возводить это въ какой-то культь, въ одну изъ функцій своего существованія, ділаеть это съ наслажденіемь, съ подъемомь, съ захватомъ. И вы требуете отъ меня жертвы-и непремънно идейной. Всв мои привычки, всв вкусы, влекуть меня отсюда, а вы говорите: все это выбросьте за борть, принесите жертву родинъ, похороните себя здъсь, гдъ вамъ не по нутру. Это будеть подвигъ. Зачемъ? Выгода говоритъ мев; что мив надо продать имънье, въ которомъ и не живу, чтобы устроить то, въ которомъ я живу. Вы опять говорите: если нужно продать, то не просто продайте, а съ идеей; продайте "мужичвамъ", коти бы это было и невыгодно. Вотъ эта жажда подвига, идеи, меня поражаеть...

Въра выслушала молча его длинную ръчь.

- Что удивительнаго? сказала она. Мы молоды, насъ увлекаеть "идея", вакъ вы говорите. Западъ вашъ старъ, онъ охладъль въ идейной сторонъ жизни, въ порыву. Онъ заботится о вомфортъ, объ удобствахъ жизни, вакъ всъ стариви. А вы похожи на младенца, на юношу, который воспитывался у старивовъ и перенялъ отъ нихъ всъ ихъ повадки и взгляды, отвыкъ отъ воздуха полей и лъсовъ, привыкъ сидъть въ комнатъ со старшими и наслушался ихъ старыхъ ръчей. Ничего не можетъ быть печальнъе такого юноши, который презираетъ своихъ коныхъ сверстниковъ, ненавидитъ игры и бъготню, чуждъ высокихъ порывовъ, неспособенъ на подвигъ и жертву, а только твердитъ то, что говорятъ старики. Нътъ ничего хуже преждевременной старости...
- Какъ нътъ ничего хуже и молодящихся старивовъ. Мятъ кажется, Россіи пора бы уже перестать считать себя младенцемъ и всъ свои невзгоды, неустройство и неурядицы взваливать на свою молодость. Однако, прибавиль онъ съ улыбкой, мы далеко ушли отъ начала нашего разговора и наговориле другъ другу не мало непріятныхъ вещей.
- Да, согласилась она, вернемся въ дълу. Я должна вамъ сказать, что если вы откажете мужикамъ, можеть выйти очень нехорошая исторія.
 - Вотъ вавъ! удивился онъ. Какая же?

Она нъсколько колебалась, прежде чъмъ сказать то, что ее безпокоило эти дни.

Наконецъ, она ръшилась.

— Здашніе врестьяне въ посладнее время очень озлоблены. Они болюють, голодають, скоть у нихъ падаеть, Крыжовъ совсемъ озвараль и душить ихъ безпощадно... они могуть поджечь экономію. Я очень боюсь, чтобы Сула...

При этомъ имени Будаевъ почувствовалъ вдругъ озлобленіе.

— Трофимъ Сула! — вскрикнулъ онъ. — Не говорите мнѣ о немъ! Я его не боюсь. Это вы сдѣлали изъ него здѣсь какого-то Фра-Діаволо на русскій ладъ, доморощеннаго рыцаря-разбойника... Удивительное дѣло — всѣ его боятся и всѣ благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ какой-то грядущей силой! Это — безобразіе. Прошу васъ вѣрить, — жестко сказалъ онъ, — что, при первой его попыткѣ повліять на мужиковъ въ этомъ смыслѣ, я сообщу все Крыжову и попрошу исправника удалить отсюда этого интереснаго разбойника. Давно, наконецъ, пора водворить законность и устранить произволъ.

Онъ говорилъ горячо, волнуясь и негодуя, и это очень не походило на него, всегда спокойнаго и уравновъщеннаго.

Въра смотръла на него съ грустью и недоумъніемъ.

Они долго молчали послѣ этого, но Будаевъ чувствовалъ, какъ раздраженіе не улегалось въ немъ, а все росло и росло, превращансь въ какое-то странное озлобленіе, которому надобыло дать выходъ.

За эти дни нервы его совершенно расшатались, и онъ, нивогда не испытывавшій этого раньше, приписываль это состояніе продолжительному пребыванію своему въ деревив, въ совершенно неподходящихъ для него условіяхъ.

Она грустно смотръда на него, и горькое, обидное, больное чувство ложилось на ея сердце.

Будаеву вспомнились слова Вававина, и ему захотълось обончательно разсвять "недоразумъніе", если оно дъйствительно существовало на лицо.

— Скорте бы все это кончить, — мрачно проговориль онъ, — и уткать отсюда. *Ничто* не привязываеть меня здёсь. Ни страна, ни порядки, ни люди.

Въра низво понивла головой.

Онъ видълъ, что слова его оскорбляють ее, и видълъ, какъ голова ея все ниже и ниже склонялась.

Но ему хотълось довести до конца необходимое объяснение.

— Природа вдёсь плохая, скучная, монотонная, — продолжаль онъ "оскорблять" ен любовь къ родинё: — все поля и лёса, на протяжении сотенъ версть. Уныло такъ кругомъ... Неужели вы не находите этого?

Она отрицательно и печально повачала головой.

. — Я никогда, никогда не могъ бы поселиться здъсь навсегда; мнъ казалось бы, что я погребенъ заживо въ какомъ-нибудь склепъ. Съ меня довольно будетъ, если меня похоронятъ на здъшнемъ кладбищъ, когда я умру. Но добровольно лечь въ эту могилу—нътъ, слуга покорный! Я родился въ городъ, привыкъ къ городу и никогда не промъняю его на Будаевку съ ея скучными Колодищевыми и Крыжовыми и съ такими героями, какъ вашъ Сула...

Въ его тонъ звучало такое пренебрежение къ этой дъйствительности, которою она жила, что она почувствовала наконецъ въ его словахъ оскорбление, и вопросительно взглянула на него.

Онъ пожалъ плечами.

- Мет очень жаль, —проговориль онъ, что я повидимому оскорбиль ваше чувство...
 - Да, мив больно слышать это отъ васъ.
- Повторяю, мей очень, очень жаль, но я говорю искренно, то, что думаю, и то, что чувствую. Знаете что? Я скажу больше. Предположимъ, что я здёсь полюбилъ какую-нибудь дівушку... вёдь, въ конців концовъ, ничего необыкновеннаго ніть въ такомъ предположеніи.

Она отвернулась отъ него, и на глазахъ ен задрожали слезы. Она сдёлала надъ собой героическое усиліе и постаралась овладёть собою.

- Да... проговорила она страннымъ голосомъ. Предположимъ невозможное. Что же дальше?
- Какъ бы страстно я ни любиль и какою бы взаимностью мнв ни отвъчали, при одной мысли о томъ, что мнв пришлось бы жениться и свить себъ здъсь постоянное гнъздо, я—точасъ бы уъхалъ отсюда, уъхалъ бы самымъ постыднымъ образомъ, просто-на-просто бъжалъ бы потихоньку и отъ этой любиюй дъвушки, и отъ своей любви, и отъ самого себя.

Въра вдругъ встала, взяла со стола книгу и, высоко поднявъ голову, проговорила спокойнымъ, но нъсколько высокомърнымъ тономъ:

— Сердечно радуюсь за васъ, Владиміръ Сергвевичъ, что съ вами не случилось и не можетъ случиться такой печальной исторіи. Мнѣ жаль было бы и этой дѣвушки, и васъ. Но, —ова улыбнулась, —вамъ нечего бояться, вы застрахованы. Влюбиться или полюбить можетъ тотъ, у кого естъ сердце. Люди, не признающіе отечества, люди, презирающіе родную страну, не могутъ любить. У нихъ вмѣсто сердца —твердый камень. И... увѣряю васъ, вамъ никогда не придется "бѣжать" отсюда. Вы можете просто уѣхать, какъ уѣзжаютъ всѣ, кому то нужно. Русская дѣ-

вушка не можетъ полюбить человъка безъ родины, человъка, презирающаго то, что она любитъ. Прощайте, Владиміръ Сергъевичъ.

Она гордо навлонила голову и спустилась съ террасы.

Будаевъ остался одинъ.

Ему было неловко, не по себъ. Онъ находиль себя смъшнымъ; онъ думалъ, что разрушаетъ ствны темницы, которыхъ въ дъйствительности вовсе не было. Дуракъ Вавакинъ,—но онъ еще глутве Вавакина, потому что повърилъ ему.

И навопившееся въ его душъ озлобление быстро растаяло. Ему было больно, что онъ, повидимому, осворбилъ эту дъвушку своими не очень тонкими, грубоватыми намеками.

И странное, смутное чувство становилось теперь въ его душѣ на мѣсто озлобленія, уходившаго оттуда. Еслибы Вѣра заплавала, ему было бы легче. Но она ушла съ гордо поднятой головой, съ презрѣніемъ въ врасивыхъ глазахъ. Это его осворбляло. Такъ, значитъ, все это вздоръ, что наговорилъ ему Вававинъ? Все вздоръ?!

И это сознаніе, что Віра не любить его, не увлеклась имъ, не страдаеть при мысли о скорой разлуків, что она страстно любить только своихъ мужичковъ" и Трофима Сулу и занята только заботами о ихъ благополучіи и счастьів, произвела въ его душів какую-то странную реакцію, къ которой онъ со страхомъ сталь прислушиваться. Равнодушіе Віры обиділо его до боли.

Почему, если онъ къ ней такъ же равнодушенъ, какъ къ какой-нибудь другой? Въдь не можетъ же быть ему больно, если онъ узнаетъ, что кто-нибудь къ нему равнодушенъ?

XXII.

На другой день послё этого объясненія, Вёра Дмитріевна, подъ какимъ-то предлогомъ, будто въ ея комнатё много солнца и черезчуръ жарко въ эту лётнюю пору, переговоривъ съ отцомъ, переёхала въ самый дальній флигель изъ главнаго зданія усадьбы.

- Зачёмъ это?—спросилъ ее Тормиловъ, пытливо глядя ей въ глаза. Ужъ не поссорились ли вы съ Владиміромъ Сергевичемъ? Не наговорила ли ты чего-нибудь лишняго?
- Ну... что за фантазіи, папа... Ты въ самомъ дёлё воображаешь, что мои слова что-нибудь для него значать.

И она засмвялась.

Тормиловъ недовърчиво покачалъ головой.

- Какъ знаешь, какъ знаешь... Но Владиміръ Сергвевичь будетъ очень удивленъ. Опъ меня спроситъ. Что сказать ему?
- Акъ, Боже мой! Да то и скажи. Не безповойся, онъ такъ мало интересуется всёми нами, что даже не замётить этого переселенія.

Но Будаевъ замътилъ.

Трудно было не замътить, вогда Въра Дмитріевна не толью перевхала, но сказалась больной, перестала появляться за общих столомъ и попросила отца, чтобы ей приносили объдать во флигель.

И Будаевъ сталъ замъчать, какъ безконечно долго тянулись дни и какъ медленно-медленно протекали объденные часы его tête-à-tête съ Тормиловымъ.

Отсутствіе Віры давало себя чувствовать.

Помѣщиву и управляющему почти не о чемъ было теперь говорить другъ съ другомъ. Все было переговорено и рѣшено. Будаева рѣшительно не интересовали мелкіе вопросы хозяйства и управленія. Не интересовали никогда, а теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, потому что онъ самъ уже считалъ себя лишь временнымъ гостемъ Будаевки.

Щевлъевъ опять не подавалъ признаковъ жизни и не визывалъ письмомъ Тормилова въ городъ.

И каждый разъ, сходясь ва объдомъ, Будаевъ спрашивалъ у Тормилова:

- Ну, что, отъ Щевлева ничего нетъ?
- Нътъ ничего.
- Однако, что же это значить?
- Можетъ быть, боленъ или его задержали какія-нибудь дёла въ Харьковё. Мы можемъ не безпоконться. Я хорошо знаю Щеклёева. Это дёло окончательно рёшенное.
 - Да?.. тъмъ лучше, задумчиво говорилъ Будаевъ.

И этимъ оканчивались всё ихъ разговоры. Остальное время они объдали молча.

Только одинъ разъ Будаевъ спросилъ:

— А какъ же здоровье Въры Дмитріевны?

Тормиловъ смутился.

- Нвчего, благодарю васъ.
- Она выходить?
- О, да. Она почти все время проводить въ рощъ.

Будаевъ не зналъ этого.

Онъ ръшилъ тотчасъ же послъ объда отправиться туда, какъ вдругъ привезли письмо отъ Щевлъева.

Онъ писалъ, что его задержали дъла, и онъ нивакъ не могъ

сделать раньше то, что обещаль. Но теперь онъ побываль въгороде, передаль нотаріусу всё бумаги и просиль составить условіе продажи, куптую и все, что нужно. Нотаріусь завалень дёлами и рачьше недёли не обещаеть подготовить все это. Такъ что черевъ недёлю, а для вёрности черезъ десять дней, онъ, Щеклёевъ, ждеть Тормилова въ городъ.

"И тогда однимъ духомъ все покончимъ", — вспомнилъ Будаевъ слова Щеклъева.

Странно, что это изв'встіе не доставило радости Будаеву, по крайней м'вр'в той радости, на которую онъ разсчитываль. Напротивъ, ему сд'влалось грустно.

— Дмитрій Александровичь, — сказаль онь: — теперь, мив кажется, самое время поговорить о вашей судьбв.

Тормиловъ хотвлъ отвлонить отъ себя этотъ разговоръ.

— Не безпокойтесь обо мит, Владиміръ Сергтевичъ, — искренно сказаль онъ. — Я найду себт мъсто. Я даже сдълаль вое-вакіе шаги. Я непремънно устроюсь.

Но Будаевь о деловых предметах любиль говорить деловым тоном и прерваль своего управляющаго.

— Вы не можете помъщать мев исполнить то, что я считаю своимъ долгомъ, — сказаль онъ своимъ отрывистымъ тономъ. — Вы не хотите больше служить у меня, это ръшено. Не станете вы служить и у Щеклъева, даже если бы онъ хотъль этого. Я не могу допустить, чтобы старый другъ моего отца служиль у Щеклъева.

Тормиловъ улыбнулся.

- Да Щеклъевъ и не держитъ управляющихъ. Онъ все въваетъ самъ.
- Ну, вотъ видите. Мъсто у Свуридиныхъ—вздоръ. Я не знаю, что будетъ со Свуридиными, онъ, важется, разорены. Хорошо, если она выйдетъ замужъ, а иначе я не знаю, что ихъ ожидаетъ. Я слышалъ еще что-то о Колодищевъ?
- Да, онъ говорилъ со мной и предлагалъ миъ переселиться къ нему и помогать въ его хозяйствъ.
- Это ваше дёло, нахмурившись, сказаль Будаевь: я не могу помёшать вамъ отклонить или принять это предложеніе. Я же, съ своей стороны, дёлаю вамъ предложеніе: при продажё ниёнья Щеклёву удержать Косой-Уголь. Тамъ есть очень хорошая ферма въ старомъ англійскомъ стилё мнё указаль на нее Джонъ, и я побываль на фермв. Верхній этажъ очень хорошее помёщеніе изъ четырехъ комнать, и какъ все у васъ, содержится этотъ коттэджъ-ферма образцово. Я укрёплю этотъ Косой-Уголъ за вами, то-есть просто передамъ вамъ въ полную

собственность, и назначу вамъ пенсію. Вы будете вполнъ обезпечены. Этотъ влочовъ земли будетъ вашъ, а тамъ уже ваше дъло—взять или не взять мъсто у Колодищева...

— Владиміръ Сергъевичъ...—началъ смущенно Тормиловъ, но въ это время послышались неистовые звонки и врики. На террасу вскоръ взбъжала Евгенія Львовна.

Она была возбуждена, красная и потная отъ быстрой эзди на велосипедъ, который она оставила на кленовой аллеъ у дерева.

- Bonjour! сказала она весело, подавая свою прелестную ручку съ длинными тонкими пальцами, затянутую въ перчатку, Будаеву. Comment va? Здравствуйте! кивнула она головой Тормилову. Помъщала? Нътъ? Тъмъ лучше. А у васъ обоихътакіе виды, какъ будто вы ръшали вопросы о существованіи республики Андоры.
- Мы говорили о дёлахъ, но вы намъ нисколько не помъщали. Мы уже кончили. Вёдь, правда, мы окончательно покончили съ этимъ вопросомъ?—съ удареніемъ спросилъ Будаевъ у Тормилова, какъ бы желая получить его согласіе.

Въ его вопросъ и взоръ было столько настойчивости и воли, что Тормиловъ наклонилъ голову.

- Да, свазаль онъ.
- Благодарю васъ. Вы очень усповоили меня.

Тормиловъ вышелъ.

- Ну, вотъ и все, сказалъ Будаевъ, обращаясь въ Евгеніи Львовив. Je suis à vous. Кавъ мило съ вашей сторони, что вы прівхали!
- Ah, voilà! Кому-нибудь нужно быть милымъ. Вы не вдете, прівхала я. Но представьте себъ, какой ужасъ! Вы слишали звонки?
 - Какъ же.
- Я чуть не задавила теленка. Il se fait tard, и ничего не видно. Все-таки и его зам'втила. Звоню, звоню, потому что свернуть некуда, а онъ вообразиль, что и играю съ нимъ, и прямо прыгаеть на бисиклетъ. Чуть-чуть не упала.

Будаевъ засмъялся.

- Развъ теленовъ можетъ понимать велосипедные звонки?
- Ну да, ну да, такой глупый! Янговорю... Бабуся вамъ кланяется. Адъютанты — тоже.
 - А гдъ же они? удивился Будаевъ.

Евгенія Львовна протяжно свистнула.

— Renvoyés! Прогнала. Надовли смертельно. Я сама скучаю въ этой Скуридинской трущобв, и они вдругъ вздумали скучать, изъ подражанія или ужъ не знаю какъ... Я и говорю:—ну,

миленькіе, если ужъ вы будете на мою тоску еще нагонять вашу, то merci... вотъ вамъ Богъ и пирогъ.

- Какъ-пирогъ?!
- Это такая русская пословица, когда хотять кого-нибудь выгнать, то говорять: воть вамь Богь и пирогь! Значить, надо уходить. Ну, да это все равно. Я говорю офицеру: возвращайтесь въ лагери, палатки соскучились безъ васъ. А другому тоже говорю: fichez-moi le camp, хотя у васъ и нъть палатки, но дъвайтесь куда хотите. И представьте, эти юноши... Ахъ, нъть, вы никогда себъ этого не представите!..
 - Что такое?
- Они придрались въ моей поговорвъ и говорять, то-есть, говорить одинь, но, все равно, за обоихъ. "Хорошо, говорить, мы уъдемъ, давайте намъ пирогъ". —Завтра получите. Я привазала спечь пирогъ имъ на дорогу, но figurez-vous, что они подразумъвали иносказательно деньги. Имъ не съ чъмъ было выъхать. Нътъ, скажите, куда они дъваютъ деньги? У нихъ было по сту рублей, когда они сюда пріъхали. И здъсь ихъ истратить! Куда, я васъ спрашиваю?
 - Не знаю, —улыбнулся Будаевъ.

Но она была исвренно раздражена.

— Ils étaient logés, nourris et blanchis, alors quoi... Не могли же они истратить на женщинь? Я не думаю, чтобы здёсь женщины стоили такъ дорого? Hein, qu'en dites vous?

Будаевъ пожалъ плечами.

—- Ничего не могу вамъ свазать, —я этимъ вопросомъ не занимался.

Она увидела, что увлевлась, и сконфузилась.

— Enfin, я имъ достала по пятидесяти рублей, хотя Курнаковъ находилъ, что мало, и все говорилъ о какихъ-то прогонахъ, суточныхъ и поверстномъ срокъ. Но такъ или иначе, je les ai expediés.

Она весело засмѣнлась.

- Вы сегодня очень оживлены, какъ будто произошло съ вами что-нибудь пріятное,—сказаль ей Будаевъ.—Но другой разъ не шутите съ русскими пословицами. Какъ все русское, онъ требуютъ глубоваго изученія и осторожнаго обращенія.
- Можетъ быть, ça ne m'interesse guère. А что я весела это върно! Я думаю, будешь веселой, когда мы на будущей недълъ увзжаемъ за границу.
 - A!—удивился Будаевъ.—Это ръшено? Такъ, вначитъ...
- Нътъ, ничего не значитъ. Имънье не удается ни продать, ни заложить. Въроятно, его продадутъ, въ концъ концовъ,

за долги банку. Но намъ съ бабусей удалось, какъ говоритъ Курнаковъ, "перехватить малую толику у человъка съ свободной наличностью, у котораго оказалась сумма безъ опредъленнаго назначенія". Вотъ мы и ъдемъ.

- Hy... a потомъ? осторожнымъ голосомъ спросилъ Будаевъ.
- А потомъ продадутъ имънье; можетъ быть, что-нибудь очистится отъ банковскаго долга.
 - А потомъ? уже смълъе спросилъ Будаевъ.
- Après nous le déluge!—засмънлась она.—Ну, что это, право, вы все съ своими "а потомъ?"! Развъ я знаю? Теперь я полна счастьемъ, что мы выбираемся отсюда. При нъкоторой экономіи, намъ хватитъ года на полтора. Ой, только не говорите: "а потомъ?"! Здъсь жить невозможно. Въ деревнъ тифъ и какабто желтуха или враснуха— que sais-je? Всъ бъгутъ. И мы бъжимъ. Я говорю бабушкъ:—бабуся, я вовсе не хочу умирать ни отъ тифа, ни отъ враснухи и ни отъ какого другого цвъта. Filous! Ну, вотъ я и завхала къ вамъ по двумъ дъламъ.
 - Даже по дъламъ?
 - O, yes.
 - Voyons сез дѣла.
- Во-первыхъ, купите у насъ автомобиль. Мит онъ стоилъ кучу денегъ, и онъ почти новый. Я вамъ уступлю его за тысячу. Cela vous va-t-il?

Будаевъ улыбнулся.

- Я его куплю, чтобы васъ избавить отъ него. Но я не вижу, что я буду съ нимъ дёлать, здёсь, въ деревие?..
- Бабушка говорить, что его можно приспособить въ какойнибудь молотилкъ или мотовилкъ, я не знаю, —однимъ словомъ, въ какой-то машинъ, которыя на поляхъ что-то дълають, не то съють, не то жнутъ.
- Но я самъ продаю имвные и сельско-хозяйственными работами не занимаюсь. И я думаю даже, что это невозможно, что вы говорите...
- Ну, такъ я нашла! Подарите его вашей лъсной феъ. Декадентская картинка: лъсная фея на автомобилъ, среди лъсной лужайки.
 - Pardon, вто это—лѣсная фея?
 - Ну, фен этого замка, Burghexe—Вфра.

Будаевъ сильно нахмурился.

Она замътила это и примолкла, побоявшись, что можеть испортить дъло, и, пожалуй, онъ не купить автомобиля.

— А второе дело? — холодно спросилъ онъ.

— А второе—гораздо важные. Мы котимы просить васы влать вмысты съ нами. Подумайте, это будеть такъ весело, такъ весело! Мы остановимся въ Парижы... Потомы покупаемся гдынибудь—въ Трувиллы, Остенде или Бланкенберге,—епбіл, гды закотите, а на saison—въ Лондоны. Ахъ, какъ это было бы корошо! Однымы вхать—такъ скучно! Двы женщины... Вы согласитесь, раз угаі?

Онъ отрицательно покачаль головой.

- При всемъ желаніи, не могу, Евгенія Львовна.
- Вы думаете, будеть невесело? уныло спросила она, видя, какъ этотъ долго комбинированный и серьезный планъ, такъ или иначе "овладъть" Будаевымъ встръчаетъ такой ръшительный отпоръ.
- Я не думаю этого,—напротивъ. Но я не могу *****хать такъ скоро.
 - Мы подождемъ, -- быстро сказала она.
- Но я, право, даже не могу опредълить времени. И я не собираюсь въ Парижъ. Мив надо завхать...

Евгенія Львовна прервала его.

- Тутъ, очевидно, дъло не во времени, сказала она, улыбаясь.
 - А въ чемъ? --- удивленно спросилъ онъ.
 - Въ магнитъ, опять не удержалась она отъ намека.
 - Въ какомъ магнитъ? -- холодно спросилъ Будаевъ.

Но она не смутилась его холодностью.

— Allons, jouons cartes sur table,—свазала она, воснувшись его руки.—Дѣло, конечно, въ Вѣрѣ. Скажите, она вамъ очень, очень нравится? А vrai dire, —продолжала она, не давая ему времени отвѣтить, —она мнѣ тоже очень нравится, какъ художественное произведеніе, для котораго содержаніе безразлично, важна форма! Ну... и форма у нен прекрасна. Картинка въ старомъ вкусѣ немного, гдѣ и формы, и колорить, и рисуновъ ип рец trop prononcé, нѣсколько натуралистическаго направленія... Мало неопредѣленнаго, недоконченнаго, что даетъ просторъ фантазіи, мечтамъ и догадкамъ, какъ тѣ современныя произведенія искусства, въ которыхъ есть что-то недоговоренное, тревожное. Но она вполнѣ отвѣчаетъ англійскому вкусу. Знаете, какъ есть марки шампанскаго спеціально англійскаго вкуса—ехtга dry. Однако, любовь...

Будаевъ ръзко прервать ее:

— Прошу васъ, не будемъ говорить ни о Въръ, ни о Любви, ни даже о Надеждъ, — сказалъ онъ, все еще въжливо, но холодно улыбаясь. — Мы говорили о поъздкъ за границу. Эта поъздка въ

Томъ VI.—Декаврь, 1902.

данное время для меня невозможна. Причинамъ, которыя я привелъ, вы не върите. Soit. Но не все ли равно, какія причины? Позвольте мит вручить вамъ ва купленный мною автомобиль... Вы мит его пришлете при первой окказіи...

Евгенія Львовна была сконфужена и собиралась убяжать.

По дорожев, мимо террасы раздались шаги, и въ наступившей темнотв вечера обрисовалась фигура дввушки.

Евгенія Львовна насторожила слухъ и вгляделась въ тьму.

— Въра Динтріевпа, —вы? — окликнула она проходившую.

Въра вздрогнула отъ неожиданности.

Она избъгала въ послъднее время показываться около усадьби, и выбрала теперь эту дорогу, какъ ближайшую, потому что знала, что въ эту пору на террасъ обыкновенно никто не сидълъ.

Сердце ея забилось отъ ревниваго чувства, вогда она узнала голосъ Евгеніи Львовны.

- Это я.
- Идите сюда, на террасу!
- Я спъту домой, —сухо отвътила Въра.

Но такъ какъ Евгенія Львовна и подошедшій въ это время къ периламъ Будаевъ настанвали, то она нехотя вошла.

— Вотъ, — начала Евгенія Львовна, — я уговариваю Владиміра Сергъевича такать съ нами. Что вы на это скажете?

Въра удивленно взглянула на него.

- Я? Что я могу сказать? Владиміръ Сергвевичь, въроятно, самъ внасть, что ему двлать.
- О, да, вонечно; но не въ этомъ дѣло. Мы съ бабушвой бѣжимъ отсюда. Всѣ растерялись, всѣ напуганы. Въ деревеѣ тифъ, который принимаетъ настоящіе размѣры эпидеміи. И нивто не принимаетъ никакихъ мѣръ. Врачъ—одинъ, да и тотъ не врачъ, а Богъ знаетъ что. Я говорю о Вавакинъ; онъ безсиленъ помочь чему-нибудь. Аптекъ нътъ, лечебницъ нътъ, ухода нътъ. Какая некультурпая страна!

Сердце Въры тревожно забилось.

Ей показалось, что въ эту минуту что-то решается важное, серьезное, большое въ ея жизни. И это важное, серьезное и большое, будто бы, зависить отъ ответа Будаева.

Она незаметно взглянула на него, ожидая его ответа.

— Я уже сказалъ вамъ, милан Евгенія Львовна, —проговорилъ Будаевъ, — что я не повду съ вами. И вообще не повду, пока не уладится тутъ все съ двлами. И вы напрасно тратите ваше враснорвчіе.

Въра почувствовала глубокую благодарность къ нему за этотъ отвътъ.

- Какъ знаете. A bon entendeur—salut. Но я бъгу. Мегсі, я вовсе не кочу заразиться отъ мужиковъ тифомъ и умереть въ этой дыръ. А вы?—обратилась она къ Въръ.—Вы, конечно, останетесь?
- Я, вонечно, останусь. Бъжать я не собираюсь, и вообще считаю, что бъжать съ поля сраженія могуть...

Она почувствовала, что зашла нъсколько далеко.

— Трусы? — завончива за нее Евгенія Львовна. — Ну что жъ! Пущай! — вакъ выражаются здёсь не только мужики, но и интеллигенты. — И она взяла насмёшливый, издёвательскій тонъ: — А вы, конечно, будете стоять на своемъ "честномъ" посту, ухаживать за больными, растирать бабамъ животы и обкладывать мужиковъ вомпрессами, — однимъ словомъ, совершать тысячи такого рода великихъ подвиговъ?

Въ ея тонъ звучало явное недоброжелательство въ Въръ, даже нескрываемое раздражение и обидная насмъшка.

И вдругъ всегда спокойная, всегда уравновъщенная Въра вспылила. Точно этотъ наглый тонъ Скуридиной былъ тъмъ бичомъ, который ей нанесъ ударъ по лицу.

— Да, да, да! — твердо, ръзко и громко проговорила она: я останусь, я буду ухаживать за больными, я буду совершать . эти тысячи подвиговъ, какъ вы выражаетесь, подвиговъ мелкихъ, незначительныхъ, словомъ-по моей мелкой и незначительной натуръ. И я думаю, что каждый изъ этихъ подвиговъ, въ которымъ вы относитесь съ такимъ явянив преврвніемъ, выше нодвига бъгства, трусливаго бъгства ради спасенія своей жизни. И что вамъ за дело до меня? Вы хотите обжать -- обгите. Мнв невуда бъжать, а если бы и было куда - я осталась бы. Эти грязные муживи и бабы, которыхъ вы ненавидите и презираете, вогда-то вормили и поили васъ своимъ даровымъ, връпостнымъ трудомъ. Вы были господами, они-рабами, и если бы не было наъ и ихъ каторжнаго труда, можетъ быть не было бы и васъ, не было бы и меня. Эта земля, эти мужики вскормили нась. У меня есть долгъ передъ ними, какъ и у васъ. Я хочу уплачивать этотъ врупный долгъ мелкими суммами, потому что я не богата ни умомъ, ни силами, ни средствами. Вы находите, что можно все взять у довърчиваго вредитора и бъжать за границу, даже не заплативъ процентовъ. Ваше дъло! Дъло вашей совъсти и добросовъстности. Но зачъмъ же увлекать по этому пути другихъ...

Евгенія Львовна насмішливо улыбалась.

Въ концъ ръчи Въры, которая задыхалась отъ овладъвшаго ею волненія, она поморщилась и проговорила:

- Ой, какъ старо! Я недавно читала какой-то журналь конца шестидесятыхъ годовъ, попавшійся мив случайно. Тамъ точь-въ-точь то же. Можетъ быть, и вы его читали?..
- Я не читала никакихъ журналовъ, и говорю, то, что чувствую. Вы не чувствуете такъ—и васъ не упрекаю, но жалью тъхъ, кто не чувствуетъ своего долга передъ родиной, чье сердце не бъетси за-одно съ ней, кто не понимаетъ прелести этихъ полей, лъсовъ и деревень. За этими синими лъсами и зелеными полями лежатъ безконечныя степи и луга, убогія деревни, въ которыхъ живутъ темные люди въ темныхъ хатахъ. Голодъ, бользни, нищета царствуютъ въ этихъ темныхъ хатахъ. Вы, люди, живущіе въ розовыхъ лучахъ, въ барскихъ усадьбахъ, сытые, обутые, одътые и праздные, бъжите отъ этой гъмы, спасая свое благополучіе, не котите приподнять край темной завъсы и заглянуть за нее. Ваше дъло! Но я... не люблю и не уважаю такихъ людей...
- Мѣщанство! проговорила въ полголоса Евгенія Львовна, такъ чтобы ее слышаль Будаевъ и не слыхала Вѣра. А вы, обратилась она къ Будаеву, не удостоивъ прямымъ отвѣтомъ Вѣру, все-таки остаетесь? Остаетесь платить долги, по счетамъ, воторые предъявляеть всѣмъ намъ m-lle Тормилова?

Она хихивнула и встала. Встали и Въра, и Будаевъ, который стоялъ теперь рядомъ съ Евгеніей Львовной.

Сердце Въры тревожно забилось и въ надвигающихся сумеркахъ она, затанвъ дыханіе, старалась разглядёть выраженіе лица Будаева, предугадать его отвётъ.

Это была мучительная, тягостная для нея минута.

Вдругъ онъ сдёлалъ решительный шагъ въ Вере и вакимъто особеннымъ, дрогнувшимъ голосомъ свазалъ:

— Да, я уже говориль вамъ, — я остаюсь.

Въра вздрогнула и схватилась за сердце, которое ужасно забилось.

Правда ли? Не ослышалась ли она?

- И... надолго? спросила Евгенія Львовна.
- Не знаю, отвътиль онъ: можеть быть... надолго.

Онъ чувствоваль, какъ какая-то теплая, теплая волна прилила къ его сердцу, и какъ на его душъ дълалось такъ хорошо, какъ никогда на ней не бывало.

Странное, небывалое чувство овладёло имъ; то чувство, воторое давно незамётно подкрадывалось въ нему, стучалось въ его сердце, какъ бы прося разрёшенія войти туда.

Какт и когда именно оно вошло—онъ не зналъ. Какъ онъ неосторожно впустилъ его туда—онъ не помнилъ. Но оно вошло,

оно жило теперь тамъ, оно просилось наружу и стуки его онъ

Вотъ передъ нимъ та Въра, воторую онъ такъ недавно еще оскорбилъ, и которую не видълъ нъсколько дней. Это та же Въра и не та. Она вдругъ стала къ нему близкой, и черты лица ея, и ея голосъ, и ея ръчи,—все получило вдругъ иной оттънокъ, иное освъщение...

"Господи!—взиолился онъ со страхомъ, — да что же это такое "?!

Евгенія Львовна захохотала и, быстро сбіжавь сь террасы, всчевла съ своимъ велосипедомъ въ ночной тьмѣ.

ххш.

Въра стояла и дрожала вакъ въ лихорадкъ.

 Кавъ бы по вваимному уговору, оба молча сошли съ террасы и направились по аллей въ рощф.

Все такъ же молча, точно прислушиваясь къ голосамъ, которые звучали въ ихъ душахъ, точно боясь нарушить это торжественное безмолвіе ночи, они вошли въ коринескую бесёдку.

Давно, давно не посъщала этой бесъдви Въра. Когда-то здъсь повъряла она своему дорогому лъсу тайны своей дремавшей души.

И вотъ она опять на этой вершинъ, опять окружена своей любимой зеленой природой, въ которой столько ей понятной поэзіи.

Тихо шепчутся деревья, точно разсказывая другь другу волшебныя сказки; ярко свътять съ чернаго неба свътяня звъзды. И такъ любовно журчить гдъ-то неподалеку ручей. И душа Въры теперь на высотъ. Неожиданно быстро поднялась она туда, и ей теперь страшно, удержится ли она тамъ?

Не сонъ ли это? Не мечта ли, не греза?

Въдь что же произопло, какін слова были произнесены? Ничего не произопло и ничего не было сказано. Откуда же взялось это томительно-сладкое чувство, которое вдругъ, разомъ наполнило ихъ сердца?

Долго домъ стоялъ запертый наглухо плотными ставнями. Тъма царила въ немъ, шорохи раздавались въ углахъ, а ствны затягивались паутиной. Скрипъли половицы, пищали мыши и все отдавало запуствніемъ и выморочностью.

Но вотъ пришелъ вто-то и властной рукой распахнулъ ставни. Одного мгновеннаго движенія этого было достаточно, и картина різко измінилась.

Въ темния комнаты ворвался лучъ яркаго лётняго солнца и освётилъ тайну запертой двери. Все повеселёло, все заискрилось въ этихъ яркихъ волотыхъ лучахъ. И такъ стало весело, такъ уютно, такъ отрадно въ темной, затхлой комнатъ.

Но вто же этоть волшебнивъ?

И какъ будто изъ рощи принесъ ей отвътъ ночной вътерокъ: этотъ волшебникъ—любовь.

И вотъ она слышить надъ собой нѣжный знакомый, но словно перерожденный голосъ.

— Я обидъть васъ недавно, Въра Дмитріевна. Вы должны простить меня. Но и вы относились ко мит враждебно. Вы не допускали близости между нами, вы смотръли на меня какъ на чужого вамъ, пришлаго человъка, ворвавшагося въ вашу мирную обитель, въ вашу тихую деревенскую жизнь. Вначалъ еще какъ будто была надежда на наше сближеніе. Но потомъ вы какъ-то сразу отдалились отъ меня... Отчего вы относились ко мит такъ враждебно?

Она стиснула свои руки, и когда заговорила, то не узвала своего голоса.

— Я считала васъ гордымъ, замвнутымъ, холоднымъ во всему, что и люблю, - тихо отвътила она. - Развъ это было не такъ? Наши харавтеры, наши взгляды, наши чувства такъ не походили другъ на друга. Вы презирали то, что я любила, вы такъ безучаство относились въ нашимъ полямъ и лъсамъ, какъ будто мое отечество-не ваше. Что изъ того, что вы родились на чужбинъ? Но здъсь жили ваши предви, вашъ отецъ, здъсь онъ в похороненъ. Здёсь живеть ваше народъ, съ духомъ котораго ви связаны неразрывными, хотя и невидимыми нитями; здёсь свладывался покольніями духъ русскаго человыка, гды бы онъ нь родился. Вы-сынъ этой родины, котя бы вы никогла не видали ея, хотя бы вы забыли о ней. Пусть эта. природа и эти люде никогда ничего не говорили вашей душъ. Но это временно. Повторяю вамъ, настанетъ время, когда этотъ призывъ раздастся въ вашемъ сердцъ. И я относилась въ вамъ холодно, враждебно, кавъ вы говорите, потому что я не могла... любить человъка, который пришель сюда какь чужеземець, какь гость, который только и думаеть, вакъ бы уйти отсюда.

Она замодчала.

Ей хотелось сказать ему много, очень много, но она не знала, съ чего начать, чемъ кончить. Одна мысль набытала на другую. Ей хотелось сказать ему что-нибудь краткое, въ чемъ заключалась бы вся ея мысль, что-нибудь горячее, какъ слезы,

воторыя вапали теперь изъ ея глазъ, и въ чемъ заключалось бы все ея чувство.

Но слова оставались словами, такими блёдными для выраженія чувства, такими холодными, несовершенными и далекими оть дёйствительности!

И она говорила ему все то же, что говорила уже много разъ: о патріотизмѣ, о родинѣ, о любви къ своему народу, когда хотѣла свазать только одно—о своей любви къ нему!

Но, можеть быть, одно вытекаеть естественным образом изъ другого, и именно эти слова высказывають ея сокровенную мысль?

Она не знала и замолела въ безпомощной позъ.

Будаевъ взяль ее за руку.

— Да, все это было во мев и, важется, прошло... Я благодарю васъ за то, что вы заставили меня полюбить эту грустную природу, что вы заставили меня стать близкимъ всему тому, что вы такъ горячо и беззавътно любите. Вы заставили меня познать и пріобръсти отечество. Да, можетъ быть вы правы, Въра...

Она радостно вздрогнула: онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ.

— Человъку нужна родина; быть можеть, настанеть время, когда просвътлъеть даль и прогланеть сквозь туманъ солнце для всъхъ. Тогда люди сравняются, и понятіе объ отечествъ поблевнеть. А пока мы еще люди земли. Мы не настолько сильны в мощны, чтобы порвать цъпи, приковывающія насъ къ землъ.

Ей почудился протестъ, невольный, стихійный протестъ сильнаго человъка противъ этихъ цъпей. Очевидно, онъ хотълъ сказать что-нибудь другое, но по пути мысль, какъ волна, захлестнула его и отнесла въ сторону.

Ей было больно.

Она съ тоской огляделась вокругъ.

Луна не свътила и не пълъ соловей, какъ пълъ здъсь, — такъ, казалось, еще недавно, весной. Не пакло тяжелымъ, сладкимъ запахомъ розъ и лилій, потому что онъ уже отцвъли. Садъ высохъ, пожелтълъ, опустълъ подъ жаркими лучами лътняго солнца; но когда онъ заговорилъ снова, въ душт ея расцвътала весна.

— Можно жить, — говориль онъ: — можно жить и наслаждаться жизнью даже связаннымъ всёми этими обязательными идеями о благе народа, о любви къ родине. Можно такъ жить, когда къ этимъ обязательнымъ цепямъ прибавить другія — цепи любви... Тогда все покажется въ иномъ свете.

Она грустно покачала головой.

— Нътъ, — тихо проговорила она, — чувство должно быть свободно. Гдъ цъпи — тамъ его нътъ. Нужно любить свободно, открыто, въ силу потребности, а не въ силу долга и обязан-

ностей. Что бы ни любить! Хотя бы и родину. Человъвъ безъ родины— перекати-поле, которое носится изъ одного края въ другой, гонимое вътромъ, нигдъ не находя себъ убъжища. Развъ это свобода? Она подчиняется вътру, и вътеръ гонитъ его по своему произволу...

— Въра! — съ чувствомъ произнесъ онъ, и она вся замера отъ испуга: вотъ насталъ тотъ великій моментъ, который она смутно предчувствовала, трепетно ожидала. Сейчасъ онъ сважетъ роковыя слова, которыя могутъ измънить всю ея жизнь.

И вдругъ чей-то хриплый, фальшивый голосъ пропёль у самой беседки внизу:

— Ты не моя, и я не твой! Ахъ, я не твой! ахъ, я не твой!..

И затёмъ — гадкій, пьяный смёхъ. Иллюзія ночи была смята, растоптана. Будаевъ быстро отошелъ отъ Вёры. Вавакинъ смёялся.

- Вы вдёсь?—кричаль онъ имъ. А я васъ всюду ищу... Вёра нагнулась черезъ перила.
- Что вамъ нужно? -- гизвно сказала она ему.
- Ежели я пришелъ, значитъ нужно, грубо отвътилъ Ваваниъ. Что же, вы такъ увлеклись, что ничего не видите и не слышите? Спускайтесь скоръе! Взгляните на небо...

XXIV.

И Будаевъ, и Въра разомъ подняли головы.

— Боже мой, что это?—съ замершимъ сердцемъ всирикнула она.

Все небо было окрашено яркимъ пурпуромъ. Внику раздавался хохотъ пьянаго Вавакина.

- Вы думаете, что это заря? Зап'яли соловушки до зари, анъ это зарево.
- Пожаръ! проговорилъ Будаевъ, быстро сходя внизъ и какъ бы освобождаясь вдругъ отъ кошмара, такъ внезапно и неожиданно завладъвшаго имъ.
 - Да, пожаръ, —прошептала Въра, слъдуя за пимъ.

Со стороны усадьбы слышались врики, тоть неопредъленный гамъ и шумъ, который всегда бываеть при пожарахъ и который похожъ издали на шумъ грознаго, все наростающаго прибоя.

За высовимъ домомъ небо было врасно. Сввозь узкій проудочекъ, образуемый домомъ и флигелемъ, видиблись огненные явыки, ярко вспыхивавшіе и вдругъ потухавшіе, то высоко вадымавшіета

въ какой-то яростной злобъ, то вдругъ падавшіе, точно въ изнеможеніи. Клубами поднимался дымъ съ тучами искръ, блиставшихъ на его съроватомъ фонъ.

Похоже было на то, что горъла солома.

— Господи, горитъ усадьба! — шептала Въра, и вдругъ въ ея памяти возсталъ темный образъ Трофима Сулы, когда онъ уходилъ по дорожкъ сада, нъсколько дней тому назадъ, съ угрозами на устахъ и съ горящимъ ненавистью взоромъ.

"Трофимъ исполнилъ свою угрозу, — мелькомъ пронеслось у нея въ головъ: — что будетъ, что будетъ теперъ"!..

Меньше всего она думала теперь о своихъ личныхъ дѣлахъ, но на самомъ днѣ ея испуганной души она ощутила инстинктивное совнаніе, что этотъ пожаръ уничтожаетъ не только усадьбу, но и ея только-что зародившееся счастье.

Усадьба была цёла.

Горель флигель и притомъ съ разныхъ концовъ. Въ одномъ месте пламя утихало, въ другомъ неожиданно разгоралось.

Мужики и даже бабы собрались вокругь горящаго зданія.

Появились топоры, багры, ведра съ водой. Тормиловъ былъ вдёсь же и спокойно, дёловито распоряжался всёмъ.

Больше всёхъ волновался и путалъ урядникъ.

Онъ бъгалъ по всъмъ направленіямъ, суетился, кричалъ и ругался.

— Тащи воду! Воду тащи, анасема! А ты чего стоишь разиня ротъ? А? Вотъ я тебя ужо въ колодную! Народъ тоже! Рвань, а не народъ.

На ифкоторыхъ онъ наскавивалъ съ кулавами.

Муживи и бабы дёлали, однако, свое дёло и отмахивались отъ урядника какъ отъ назойливой и надоёдливой мухи.

Они его знали давно и знали, что онъ дълается истинно свиръпымъ въ присутствии Крыжова и по его спеціальному требованію; внъ же этихъ обстоятельствъ это у него было только служебной манерой, не больше.

Флигель горълъ исправно, когда Будаевъ съ Върой подошли къ нему. Вавалинъ, помотавшись безъ нужды около пожара, куда-то исчевъ и больше уже не показывался.

Въра увидъла въ отдалени группу мужиковъ, стоявшихъ, повидимому, безъ дъла, что ее удивило.

Она подошла въ нимъ, и сердце ен сжалось отъ боли.

Среди нихъ стоялъ связанный по рукамъ Трофимъ Сула. Видъ у него былъ дивій, озлобленный; онъ походилъ на пойманнаго звъря. Волосы на головъ и бородъ были всклокочены и въ нихъ виднълись кусочки запутавшейся соломы; глаза его были

воспалены и налиты кровью; онъ злобно вращаль ими и съ ненавистью смотрёль на окружавшихъ его мужиковъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ пучокъ соломы и огарокъ свъчки — должно быть, вещественныя доказательства предполагаемаго преступленія.

— Хамы, сволочь!—ругаль онъ изръдва окружавшихъ его муживовъ. —Свово въ полонъ ввяли, ровно врага...

Онъ пробовалъ рвать веревки, которыми связаны были его руки, но только усиливалъ боль, и тогда, въ видъ компенсаци, принимался за ругательства.

- Нишкни, Сула! говорили мужики, среди которыхъ Въра узнала Терентія и Митрія. Мы што? Намъ, скажемъ, приказано: сторожи, мы и сторожимъ.
- Хамы! Сволочь! огрызался Сула, который, видимо, находиль облегчение въ этихъ словахъ.

Около муживовъ стоялъ Джонъ, къ удивленію Віры тоже расвирівній и наскакивавшій на Сулу съ англійскими ругательствами.

Онъ именно, какъ оказалось, поймаль его въ свияхъ съ пукомъ зажженной соломы и тутъ же, схвативъ его за шиворотъ выволокъ въ переулокъ и побилъ.

За это продолжительное время бездъйствія, англійская энергія накопилась въ его организмъ и искала примъненія и выхода.

Она и нашла ихъ въ Трофимѣ Сулѣ, котораго онъ билъ съ жесточайшимъ сладострастіемъ.

И теперь, при взглядъ на подскавивавшаго въ нему Джона, Трофимъ Сула дрожалъ какой-то мелкой дрожью отъ безсильной ярости, точно затравленный охотниками волкъ, и, сжимая кулаки, связанные повыше кисти, говорилъ:

— Подойди, подойди, басурманская рожа! Воть я тебѣ илюну въ твою харю! Нътъ, братъ, врешь! Не уйти тебъ отъ меня, дай срокъ!

Джонъ, произнеся какое-то англійское ругательство, при видё подходившей Вфры замёшался въ толпё и исчевъ.

Въра подошла и съ горестью во взоръ взглянула на Трофима Сулу.

Въ его лицъ что-то дрогнуло, когда онъ встрътился съ нев глазами, и оно вакъ будто просвътлъло на мгновеніе.

- Трофимъ! всерикнула она. Ты? Ты связанъ...
- А я-жъ, барышня.
- Что ты сдёлаль, что сдёлаль! крикомъ вырвалось у нея. Трофимъ угрюмо молчалъ.

Митрій отв'ятиль Върф:

— А вто же его знаеть, что онь сделаль. Англичань

скавываль, будто поджогь, что-ли. Поджогь, скавываль. Ну, известно, говорять: вяжи. Вяжи, говорять. А только сумлёваемся мы съ Терехой. Такъ скажемъ, зачёмъ ему поджигать, какая корысть? Корысть-то какая, скажемъ?

- Врешь ты все, сволочь! вдругъ прервалъ его Трофимъ, поднявъ голову. Выгораживаешь, анаеема! Врешь! Буде запираться! Я—поджогъ. Извъстно, я. Кто-жъ больше? Все въдь я. Гдъ что горитъ—все я. Запираться не стану. Зачъмъ запираться? Извъстно, терпъли, доколъ невтерпежъ стало. Исправнивъ душитъ, сажаетъ, продаетъ мужика, кому ваступиться, какъ не помъщику, скажемъ? А помъщикъ продаетъ насъ Щеклъю-Ироду! А Щеклъй, извъстно, вадушитъ, со всъмъ съ потрохомъ сожретъ, все одно, что червь. По злобъ я это, по злобъ. А вы—сволочь, хамы! обратился онъ къ мужикамъ. Я за васъ, а вы мнъ—руки къ лопаткамъ...
- Наше дёло подневольное, Трофимъ, заегозилъ Митрій, подневольное наше дёло! Мы что? Сказано: вяжи! ну, мы и того, значить, вяжемъ. Вяжемъ, значить, потому...
- А я-жъ и говорю: хамы! Вяжемъ! передразнилъ онъ мужика. А ты развяжи, такъ я опять спалю, вотъ те слово, спалю.
- Да замолчи ты, Трофимъ, ради Христа! проговорила Въра, ломая руки. Погубишь ты себя!

Трофимъ опустилъ голову и замолкъ. Все, что накопилось у него на душъ, повидимому уже вылилось, и теперь въ ней ничего не осталось.

Онъ овинулъ присутствующихъ равнодушнымъ взглядомъ и трахнулъ головой.

Въ это время появился около этой группы Вавакинъ. Пожаръ потухалъ. По землъ стлался черный, ъдкій дымъ, перемъщанный съ искрами. Стало вдругъ темнъе.

Будаевъ отыскивалъ Въру, и увидя ее около мужековъ, подошелъ.

Взоръ Сулы, который онъ поднялъ на помещика, загорелся гитвомъ, но губы его были плотно сжаты, и онъ ничего не сказалъ. Будаевъ уже зналъ отъ урядника, въ чемъ дело.

Вававинъ, пьяный, подошелъ къ Сулъ.

— Что, братъ... попался? А? Попался, голубчикъ! Такъ тебъ, мошенникъ, и надо. Всыпятъ, вотъ, ей-ей, всыпятъ, а потомъ прогуляешься по Владиміркъ...

Въра остановила его съ негодованиемъ.

- --- Какъ вамъ не стыно, Иванъ Михайловичъ! --- сказала она.
- Чего стыдно, печальница горя народнаго? Чего стыдно-то?

Ты жги, ежели хочешь, да не попадайся; а попался, голубчить, пожалуй-ка на цугундеръ! Такъ-то-съ. Стыдно ему, а не мет. Я бы его, распротоканалью, носомъ въ пламя, носомъ-съ, опалиль бы его, какъ свинью...

- Молчите! вривнула Въра. Вы пъяны!
- Пьянъ, да уменъ, два угодья въ немъ! сказалъ Вававинъ, но тёмъ не менёе какъ-то сконфуженно сжался и скрылся за спинами муживовъ, которые засмёнлись при его послёднихъ словахъ.

Подошелъ и Тормиловъ, которому нечего было больше дълать на пожаръ.

Въра бросилась въ нему.

Нервы ея не выдержали, и она заплакала.

— Папа, — сввозь слезы говорила она, — спаси Трофима! Его связали, но онъ не виновать. Его затравили, вавъ волва, его озлобили, онъ наговариваетъ на себя съ отчаннья. Въдь погубять его, окончательно погубять.

Тормиловъ упорно молчалъ и смотрълъ на Будаева.

Въ старомъ управляющемъ боролись два противоположныхъ чувства: чувство жалости и старой привазанности въ Судъ, котораго онъ тавъ давно зналъ, и который когда-то спасъ его дочь отъ гибели, и чувство законности, которое не позволяло ему ходатайствовать за явнаго поджигателя.

Въра тоже смотръла выжидательно на Будаева.

Ваванить высунулся изъ-ва спины мужиковъ и съ любопытствомъ ожидалъ, что скажетъ Будаевъ.

Подошель въ этой группъ и ураднивъ.

— Интересно, — въ полголоса проговорилъ Ваванинъ, — вавъ-то поступитъ нашъ влюбленный лордъ?

И даже врявнуль отъ удовольствія.

Будаевъ чувствоваль, что отъ него всё ждуть чего-то. Но чего? При чемъ онъ тутъ? Есть на лицо законная власть, которой и надлежить поступить такъ или иначе.

Но Въра смотръда на него такъ просительно, съ такой мольбой во взоръ плачущихъ главъ, что онъ почувствовалъ физическую необходимость сказать что-нибудь, выразить какъ-нибудь свое участіє въ дълъ.

Онъ подошелъ въ Сулв.

— Ты поджогъ? — спросилъ онъ его съ суровымъ оттънвомъ въ голосъ.

Но возбужденіе дня прошло въ Трофим' Сулі, и онъ отвітиль уставшимь, ослабівшимь голосомь:

- А хоша-бы и я.

Въра вдругъ подошла въ Будаеву близко-близво и пропивновеннымъ, дрожащимъ голосомъ сказала ему:

— Отпустите его, Владиміръ Сергьевичъ... онъ несчастный, обяный, озлобленный....

Дальше она не могла говорить.

Она чувствовала, какъ Будаевъ колебалси. Врожденное съ детства чувство законности связывало его. Въ первое время, въ мысляхъ Будаева не возникло даже ни-малейшаго сомнения въ томъ, какъ должно поступить съ поджигателемъ. Сула совершиль преступленіе; уливи ясны; поджигатель должень быть навазанъ. Тамъ, въ Англін, не нашлось бы, вонечно, ни одного такого смельчака, которому пришло бы на умъ просить о пощадъ преступника. Тамъ слишкомъ глубово вивдрилось въ умы и въ весь укладъ общественной жизни чувство законности. И, вонечно, ни одина полисмена или вонстобль, ни одно лицо, облеченное властью, даже и не вняло бы голосу такого непрошеннаго защитника. Но здёсь, въ этой странё, которую онъ только-что началъ понимать-не умомъ, а сердцемъ-все въдь не тавъ, вавъ тамъ... въ этой странъ, гдъ преступниковъ иначе не называютъ, вавъ "несчастными", и Сула является не только достойнымъ кары, но еще и "жалости". И Будаевъ почувствовалъ, какъ въ его душъ, обывновенно колодной и замкнутой, затеплилось новое чувство. чисто русское, и ему вдругъ стало "жаль этого несчастнаго". Мысленно онъ тотчасъ же упрекнулъ себя за это и обозвалъ это новое чувство "нежелательнымъ атавизмомъ".

Въра поняла, что опять наступиль для нея ръшительный моменть. И въ словъ Будаева будеть для нея ръшеніе судьбы. Если онъ изъ чувства въ ней уступить, значить—это чувство очень серьевно. Сула будеть свободень, она—счастлива. Ея судьба и судьба Сулы зависять теперь отъ него одного.

Будаевъ взглянулъ на нее и прочелъ въ ея глазахъ ту душевную муку, которая терзала ее жестоко въ эту минуту.

Но онъ все еще сдерживалъ себя и колебался.

Но вдругъ точно что-то изнутри толкнуло его, и онъ быстро, какъ бы не давая себъ возможности отступленія, внятно проговорилъ:

— Развяжите его и отпустите.

Но туть вступился урядникъ.

— Никакъ невозможно, Владиміръ Сергвевичь, — сказаль онъ. — Никакъ невозможно. Потому какъ мужикъ совершилъ преступленіе и подлежитъ каръ отвътственности. Что жъ мы будемъ поджигателей распущать по округъ? Ежели бы онъ еще заперся,

а то начисто сознался. Да и пойманъ съ поличнымъ. Нивакъ невозможно.

Въра радостно вскривнула, услыхавъ слова Будаева, и, схвативъ его руку, кръпко прижалась къ нему.

- Я васъ прошу это сдёлать для меня, сказалъ Будаевъ, чувствуя и сознавая, что уряднивъ правъ; но, разъ уже вступивъ на неправый путь, онъ рёшилъ дойти до конца. Сула дастъ слово, что это не повторится, и это будетъ хорошимъ урокомъ для него. Наконецъ, я его беру на поруви. Однимъ словомъ, я отвёчаю за него.
- Уйду я! заговориль Сула тімь же голосомь. Уйду вовсе отсюда. Далеко уйду. Слуху оть меня не будеть. Посліднее продамь, видь выправлю и уйду.
- Я не знаю, нервшительно проговориль уряднивь: право, не знаю, это противъ кары отвътственности. И потомъ, Асоній Петровичъ... Какъ ръшить Асоній Петровичъ. Я могу мъста лишиться. А за что я буду мъста лишаться? Изъ-за негодзя Сулы?
- Не безповойтесь. Я самъ скажу Асонію Петровичу. Я все это устрою и возьму *есю* понимаете ли? всю отв'ятственность на себя. В'ярьте моему слову.
- Аооній Петровичь давно на него точить вубы. Жаль ему будеть, что упустили.
- Нѣть, нѣть, я это устрою, вы, пожалуйста, не безповойтесь.

Урядникъ еще разъ нерѣшительно взглянулъ на Будаева, на Вѣру, на Тормилова, и на Тормиловъ остановился его вопросительный вворъ.

Очевидно, онъ больше довърялъ ему, чъмъ помъщику, потому что зналъ его дольше и больше.

- Вамъ нечего опасаться, сказаль Тормиловъ, и тогда урядникъ вривнулъ муживамъ:
 - Развяжите его!

Все-тави уряднивъ счелъ долгомъ прочитать нотацію Суль, подошель въ нему и сказаль:

— Слушай ты! Воть, по просьб'в господина пом'вщива, тебя, негодяя, отпустили. Долженъ ты чувствовать благодарность аль нъть?

Но Сула, повидимому, не чувствовалъ благодарности, потому что угрюмо молчалъ, уставись взоромъ въ вемлю.

Уряднивъ продолжалъ:

— Но ежели ты, скотина, еще попадешься... ну, смотри!... Прямо сказать—сгною тебя!.. И не будучи достаточно врасноръчивымъ, уриднивъ помогъ своему врасноръчію жестомъ: поднесъ въ самому носу Сулы свой увъсистый вулавъ.

Сула расправляль руки, отекшія оть впивавшихся въ нихъ веревокъ.

— Уйду я,—тупо и угрюмо повториль онъ. — Вовсе даже уйду. Тошно мив видёть всё эти рожи. Боже мой, какъ тошно! Прощенія просимъ!..

И онъ, покачиваясь, исчезъ въ ночной тьмъ.

Всв облегченно вздохнули и разошлись.

На мъстъ пожарища тлъли кое-гдъ угли и поднимался къ небу тонкій сизый дымокъ.

На востовъ блъднъло небо, пробуждаясь передъ грядущей варей.

XXV.

Джонъ ходилъ въ радостномъ настроеніи по вомнатамъ и террасамъ: Будаевъ бралъ его съ собою въ городъ, вуда онъ собрался совершенно неожиданно, съ странной внезапностью и стремительностью.

Будаевъ разсчитывалъ пробыть тамъ недёлю, и потому Джонъ укладывалъ всё необходимын вещи, какъ будто они собирались въ очень долгій путь.

Тормиловъ пришелъ въ Будаеву, сидъвшему на террасъ, и спросиль, въ воторомъ часу запрягать лошадей.

Проходившая мимо Въра услыхала этотъ вопросъ и вздрогнула.

"Онъ уважаетъ? — подумала она. — Куда? Зачёмъ? Надолго ли"? Не находя отвёта на эти вопросы, она не могла удержаться отъ жгучаго любопытства.

Поведеніе Будаева посл'в пожара ее уднвляло и разстроивало. Владиміръ Сергъевичъ сдълался замкнутымъ, не разговорчивымъ, сумрачнымъ. Два дня прошло посл'в этого событія, и они встръчались, какъ въ первый день прибытія его въ имънье, совершенно чужими людьми. Они обм'внивались общими фразами, вичего незначащими любезностями, какъ будто ничего между ними не произошло.

Въра чувствовала душевную растерянность.

Да что же произошло? — задавала она себъ вопросъ по нъскольку разъ въ день. Ничего существеннаго, важнаго между ними не было. Однако, тамъ, въ кориноской бесъдкъ, совершилось нъчто такое, что перевернуло всю ея душу.

Послъдняго, ръшающаго слова между ними свазано не было. Но зачъмъ непремънно слова? Какъ будто не бываетъ опредъленныхъ отношеній безъ формальныхъ словъ? Развъ взгляды его недостаточно врасноръчно говорили ей о любви? Развъ звукъ его голоса не проникалъ въ ея сердце? Развъ она не поняла, что онъ ее любитъ?

Ахъ, любовь, любовь! любовь, безъ воторой она прожила столько лѣтъ, которой недоставало въ ея существовани. Вотъ, она блеснула ей среди ея унылаго, безпвътнаго дня яркичъ весеннимъ лучомъ. И одного этого луча было достаточно, чтобы освътить всю ея жизнь. И жизнь показалась ей такой прекрасной, такой радостной, такой свътлой. Это не тъ радости, которыя даетъ сознаніе свято исполняемаго долга, это—радость особенная, личния, близкая и дорогая ей.

Она проходила теперь мимо Будаева и трепетно ждала, что онъ окликнетъ ее.

Но отчего лицо его такъ блѣдно, отчего глаза его такъ вопросительно и грустно смотрятъ на нее?

И она не находила отвъта на эти мучительные вопросы, и сердце ен мучительно, болъзненно сжималось.

Быть можеть, она тогда ошиблась, принявь за любовь то, что вовсе не было любовью? Но она почувствовала его любовь сердцемь, а развъ сердце дъвушки, которая никогда не любила, можеть такъ грубо ошибаться?

— Въра Дмитріевна! — окликнулъ ее Будаевъ, подходя къ периламъ террасы. — На одну минутку.

Радостно, какъ встрепенувшаяся послѣ ненастья птичка, она взбѣжала на террасу.

Тормиловъ ушелъ сделать распоряжение о лошадихъ.

Она готова была броситься на шею къ Будаеву, но онъ сдержанно поклонился ей и свазалъ:

— Въра Дмитріевна, я уважаю сегодня въ городъ... на недълю... Не думаю, чтобы меня задержали тамъ дольше.

Она ждала другого обращенія, и ее непріятно поразило то, что онъ назваль ее по имени и отчеству, а не просто Вѣра, какъ тогда въ бесѣдкъ.

Она грустно опустила голову, избътая его взгляда.

- Я это знаю... тихо сказала она: я еще вчера слышала распоряженія папы кучеру.
- Я вду по двламъ, продолжалъ онъ, впадая въ прежній двловитый тонъ. Тамъ будетъ ждать меня Щеклвевъ, отъ вотораго я получилъ письмо.

— Вы продаете Будаевку,—еле слышно сказала она, и голосъ у нея прервался.

"Все кончено. Я повърила въ волшебную сказку", — промелькнуло у нея.

— Нътъ, я не продаю Будаевки, — твердо проговорилъ онъ. — Я ръшилъ разойтись съ Щеклъевымъ. Въ концъ-концовъ, онъ въдь не давалъ никакого задатка и тянулъ безсовъстно долго это дъло. Я думаю, что не поступлю некорректно, отказавшись отъ этой сдълки. Я ръшилъ продать имънье крестьянамъ, кромъ усадьбы съ прилегающей къ ней землею подъ рощей и лъсомъ. Усадьба останется моею, моимъ pied-à-terre въ Россіи. Это мнъ не очень удобно, потому что продажа затянется надолго... но надо иногда поступаться своими интересами въ пользу своихъ соотечественниковъ, — не правда ли?

По мъръ того какъ онъ говорилъ, душа ен расцвътала и сердце начинало биться учащениъе.

"Онъ любить, онъ любить!" — радостно что-то пъло у нея на душъ. Она подняла на него восторженный взоръ.

- Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо вы это рѣшили! воскликнула она, не обративъ даже вниманія на то, что въ его послѣднихъ словахъ звучалъ оттѣнокъ прежней ироніи.
- Ну, вотъ видите! Вы такъ этого хотъли. Я радъ, что могъ доставить вамъ это удовольствіе. Очень радъ. Вашъ батюшка останется здъсь управляющимъ усадьбой. Въ случать, если крестьянамъ почему-либо не удастся купить землю—о, не по моей винъ, повърьте!—я буду отдавать имъ ее въ аренду, Дмитрій Александровичъ будетъ распоряжаться вставъ этимъ, и онъ уже далъ мнъ согласіе остаться здъсь на прежнихъ условіяхъ.
 - Какъ мев благодарить васъ, какъ благодарить!..
- Это миж нужно благодарить васъ... Ваша горячая любовь къ родиню, къ "мужичкамъ" заразила меня. Я ихъ не такъ люблю, какъ вы... но современемъ, быть можетъ... Вы видите, воздухъ отчизны остался не безъ вліянія на "черстваго англичанина".

И затемъ онъ протянуль ей руку и отрывисто сказаль ей:

— Прощайте. Мив пора вхать.

Ей вдругъ сдълалось страшно.

- Развѣ мы не увидимся? дрожа, спросила она.
- Я сейчасъ увзжаю, уклончиво отвътилъ Будаевъ, и тотчасъ же, какъ бы боясь дальнъйшаго продолжения разговора, позвалъ Джона.

Въра Дмитріевна, несмотря на радостное извъстіе, чувствотомъ VI.—Декаврь, 1902.

вала какое-то внутреннее неудовлетвореніе. Того слова, котораго она такъ жадно ждала, она не услышала, и самъ Будаевъ казался ей страннымъ. Что-то недоговоренное было въ его словахъ, которыми онъ какъ будто хотълъ скрыть грядущія событія.

Но это чувство неудовлетворенности прошло у Въры Динтріевны въ вечеру.

Сознаніе, что Будаевка будеть принадлежать врестьянамь, что усадьба, роща и лісь останутся навсегда во владініи Владиміра Сергібевича, и что она съ отцомъ не должна будеть повинуть этоть любимый старый домъ, наполнило ее радостью.

И въ концъ-концовъ, навърное, по своемъ возвращени, онъ, наконецъ, ясно и безповоротно скажетъ то слово, котораго она ждетъ отъ него вотъ уже нъсколько дней.

При встръчъ съ отцомъ, она бросилась ему на шею, обняла его своими молодыми, сильными руками и заплакала.

Чувству ея необходимъ былъ выходъ. Оно долго накоплялось въ ея душъ и властно, шумно, требовательно просилось наружу.

Тормиловъ былъ несказанно удивленъ этимъ порывомъ. Онъ не ждалъ его отъ своей сдержанной, всегда замкнутой, мало экспансивной дочери.

Еле-еле слышно, вся дрожа отъ счастья и замирая отъ овладъвшаго ею чувства, она прошептала:

— Ахъ, папа, какъ я счастлива! Папа, папа, я счастлива! Онъ котълъ спросить объясненія, но она такъ поспъщно отпяла свои руки и такъ горячо плакала, что онъ растерялся. Потомъ она быстро исчезла.

XXVI.

Роскошный паркъ Будаевской усадьбы стояль подъ покровомъ дружно надвигавшейся осени.

Быстро блекли краски, и зеленый цвёть деревьевь спёшно замёнялся богатёйшей гаммой желтаго. Всюду виднёлись свётложелтые, лимоннаго цвёта листья, мёшавшіеся съ темно-оранжевыми, мёдно-красными и темно-коричневыми. Какъ будто призванный кёмъ-то, невидимый для глаза, обойщикъ торопливой рукой снималъ старыя зеленыя драпировки и всюду замёнялъ надоёвшій уборъ—желтыми. Пожелтёла трава на полянахъ, облетёли цвёты на куртинахъ, и клумбы стояли сумрачныя съ оголившимися стволами когда-то роскошныхъ и дорогихъ цвётовъ рёдкой культуры.

Бледное небо, заволоченное тучами, печально и уныло гля-

дъло сверху на эту умиравшую природу. Струи ръзковатаго в холоднаго вътра проносились по лъсу, срывая отжившіе листья в сламывая сухіе мелкіе сучья. Аллея платановъ имъла грустный видъ. Медленно, одинъ за однимъ срывались съ нихъ шировіе, тяжелые листья и, вяло вружась въ сыромъ воздухъ, падали на промокшую землю, точно плакали о слишвомъ своро минувшемъ лътъ.

Сиротливо въбирался по колоннамъ кориноской бесёдки плющъ, цёпляясь за нихъ своими тонкими вётками, точно боясь разстаться съ тёмъ мёстомъ, къ которому онъ такъ привыкъ съ молоду.

Въ павильонъ сидъла на своемъ обычномъ мъстъ Въра.

Давно-давно она уже не всходила сюда съ внигой въ рувахъ, давно-давно не прислушивалась она въ своимъ мечтамъ, въ шопоту рощи, въ ворчанію сврипучихъ платановъ, въ шуму ихъ тяжелыхъ желтыхъ слезъ. Давно-давно голоса природы — эти пъсни родины — не волновали уже ея захолодъвшей души.

Все было такъ холодно, такъ жутко вокругъ и такъ ей теперь чуждо!

А давно ли она такъ чутко прислушивалась къ этой чудной и сложной симфоніи, которую она называла "Жизнью Природы" и въ которой находила столько гармоніи и поэзіи!

Милый лёсъ, родная роща, такіе близкіе, такіе дорогіе ей съ дётства! Зачёмъ они плотно замкнули свои уста, такъ много говорившія ея сердцу? Зачёмъ такъ мрачно и сурово смотрятъ они на нее теперь подъ этимъ желто-коричневымъ одённіемъ осени? Разлюбили ли они ее, или перестали понимать ея дёвичьи грёзы? Или она разучилась вникать въ ихъ любовный шопотъ?

Опи стали чужими ей, какъ и она имъ. Они далеко разошлись другъ отъ друга. Она измънила имъ. Когда-то она ничего не любила, кромъ нихъ; имъ повъряла свои мечты и тайны. У нихъ спрашивала совъта, къ нимъ обращалась за утъшеніемъ. И вотъ они мстятъ ей теперь за измъну и холодио, угрюмо смотрятъ на ея горе своими слезливыми осепними глазами.

Вглядываясь въ коричневые тона рощи, Въръ казалось, что деревья никогда уже больше не будутъ нашептывать ей волшебныхъ сказокъ природы и никогда въ душт ея не раздастся радостныхъ пъсенъ жизни; никогда и никуда она не уйдетъ отъ этой угрюмой тьмы, и никогда хоръ зеленаго лъса не прозвучитъ свътлымъ гимномъ среди красныхъ азалій и желтыхъ чайныхъ розъ, наполнявшихъ куртины.

Страшныя сумерки жизни будуть дружными усиліями надвигать на нее холодъ осенняго вечера, стужу безконечной зимней ночи. И дрожащій лучь луннаго світа нивогда не освітить тыми ея жизни.

Ахъ, зачёмъ, зачёмъ все это случилось! Зачёмъ и вому нужно было оторвать отъ блёдныхъ мечтаній бёдную дёвушку, влюбленную въ природу, приподнять уголъ завёсы, скрывавшей отъ нея настоящую жизнь, гдё любовь поетъ свои опьяняющія пёсни, и потомъ наглухо закрёпить этотъ приподнятый уголъ и навсегда скрыть отъ нея эту торжественную картину счастья?!

Есть два несчастія въ жизни, — припоминались ей слышанныя когда-то слова мечтателя Сазанова: — желать, чего не имбешь, и обладать всёмъ, чего пожелаешь. Только одно и осталось это утбшеніе, утбшеніе сознавать, что счастья нівть на вемлів и не можеть его быть, потому что желанія прекращаются съ жизнью, а удовлетвореніе ихъ рождаеть новыя.

Да и что такое жизнь?

Для муживовъ—отбываніе обязательной, тяжелой повивностя, которая прекращается смертью. Весь ихъ жизненный путь проходить въ минимумъ, и смерть является желанной избавительницей, въчнымъ отдыхомъ послъ въчнаго, каторжнаго труда.

А для нея жизнь оказалась плохо разыграннымъ фарсомъ на сценъ плохого провинціальнаго театра. Все такъ нельпо, такъ плохо поставлено. Слишкомъ рано опустилась занавъсь, слишкомъ поздно поднявшись. Актеры не знали ролей; говорили — когда слъдовало молчать; молчали — когда нужно было говорить. Цълые монологи остались невысказанными, сцены — перепутанными, діалоги — смятыми.

Зачёмъ было идти на такое нелёное представленіе и такъ дорого платить за свое мёсто?

И вдругъ ей вспомнилась яркая зарница, мелькавшая здесь весною, за рощей, внезапно вспыхивавшая и сразу потухавшая. Теперь—осень, ночь, и никогда больше не станетъ вспыхивать для нея яркая зарница.

Въра заглянула въ внигу. Строки, точно колья поваленнаго забора, зарябили въ ея глазахъ. Она уже прочла это мъсто о жизни, похожей на плохое представление, не поняла его, а теперь, оказалось, оно засъло въ ея душъ и сдълалось ея мыслью. Что новаго сважетъ ей внига? Ничего болъе върнаго не прочтеть она въ ней-

И она закрыла ее равнодушной рукой.

И вдругъ, съ ясной отчетливостью, предстала въ ея воображеніи картина ея послёдняго свиданія съ Будаевымъ. Она всё тё дни искала съ нимъ встрёчи. И вотъ они встрётились въ лесу.

Она много и трепетно ждала отъ этого свиданія. Но при

первомъ же взглядъ на него она поняла, что для нея все вдругъ вончено. Онъ стоялъ передъ нею блъдный, чуть смущенный, но въ глазахъ его она прочла свой приговоръ. Взоръ ихъ былъ колоденъ, какъ въ тотъ первый день, когда она съ нимъ по-знакомилась. И голосъ его звучалъ ръшительно и твердо; Будаевъ, очевидно, дълалъ видимыя усилія, чтобы не проявить овладъвшаго имъ волненія.

Онъ прямо подощелъ въ ней. Привывнувъ твердо идти къ цъи, не смущаясь никакими препятствіями, не колеблясь при видъ ея растерянности и удивленія, онъ безъ всякихъ предисловій сказаль ей:

— Дорогая Въра Дмитріевна... Я увзжаю изъ Будаевки навсегда. Изъ города, гдв я увижусь съ Щевлевымъ и гдв я исполню все, что вамъ объщалъ, я проъду прямо на повздъ, который умчить меня въ помъстье моей покойной матери, въ окрестностяхъ Cliveden'a. Вы хотите знать-почему? Потому что я не хочу этой зарождающейся любви въ родинъ и... въ вамъ. Я не хочу этой любви. Помните, какъ-то я говорилъ вамъ, что власть родины превращаеть человыка въ растеніе, нижнощее корни въ земль? Эти кории-рабство. Человъкъ привыкаетъ въ рабству и начинаеть находить въ немъ сладость скованной воли. Вотъ, такое же рабство и любовь, связывающая человъка по рукамъ и ногамъ и привизывающая его въ земль, въ дому, въ дътямъ, въ обстановив. Выслушайте меня до конца. Я всегда, больше смерти, боялся этого рабства. Соювы нужны слабымъ, сильные-не нуждаются въ нихъ. Я хочу одиново нести бремя жизни. Вы говорили, что человъвъ безъ родины-человъвъ безъ тъни, пустоцвътъ, безвременникъ, перекати-поле, которое вътеръ переноситъ изъ вран въ врай. Пусть такъ! Я и хочу быть этимъ переватиполе. Пусть вътеръ носить меня по жизненной степи. Вътеръсила, воторая играеть моей силой. Это во всякомъ случав-не цвин, которыми человыть приковань въ землы. Я кочу взять отъ жизни наибольшее, что она можетъ дать. Простите меня, но сидеть въ деревив и думать о благе народа, устроивать чайныя, школы, народные дома-для меня такая перспектива невозможна. Я не знаю еще самъ, чего хочу отъ жизни, но я хочу отъ нея ваять все, что только она можеть миъ дать. Въ вавой формъ, когда и какъ это сдълается-не знаю. И сдълается ли это-тоже не знаю. Но попробую. Простите, если я смутиль вашь повой. Я смутиль и свой собственный. Прощайте...

Она вспомнила всю эту длинную рѣчь, которую онъ произнесъ быстро, какъ бы не давая себъ времени одуматься, какъ бы боясь, чтобы она его не прервала. И потомъ онъ взялъ ея холодную руку, поцёловалъ ее н такими же торопливыми шагами, какъ торопливы были слова его, онъ отошелъ отъ нея, ни разу не обернулся и наконецъ скрылся за деревьями.

Что сдёлалось съ нею послё этой неожиданной сцены съ Будаевымъ? Что пережила она, оставшись одна? Лучше никогда, никогда и не вспоминать объ этомъ!..

Горькая, мучительная усмёшка легла на ея блёдныя губы. "Одни хотять минимума оть жизни: это мужики,—прошентала

"Одни хотять минимума оть жизни: это мужики, — прошентала она; — другой хочеть взять оть нея все, то-есть максимумъ. Кто изъ нихъ правъ"?..

Она прижала руки въ глазамъ, глубово, тяжело вздохнула и, тряхнувъ головой, спустилась по ступенькамъ павильона, чтобы пойти въ рощу, но голосъ отца, раздавшійся съ террасы, остановилъ ее.

— Въра! Иди домой, становится холодно! Мы уже кончили играть, дай намъ чаю.

Она вздрогнула и пошла къ дому.

Не все ли равно, куда идти?

Вавакинъ, Крыжовъ, Тормиловъ и Колодищевъ, который теперь замънялъ изръдка Сазанова, кончили играть въ винтъ.

Вававинъ, по обывновенію, окончательно усвоенному вить въпоследнее время, былъ нетрезвъ и при виде Веры подмигнулъ ей глазомъ.

Онъ какъ-то по-дурацки расшаркался передъ нею и вошелъ въ домъ.

Колодищевъ холодно ей повлонился и презрительно посмотрълъ на врача.

Крыжовъ быль запять какимъ-то важнымъ дёломъ, о которомъ говорилъ съ Тормиловымъ.

Тормиловъ мелькомъ взглянулъ на дочь, въ которой относился теперь бережно, какъ въ больному ребенку. Онъ зналъ, что она больна душою, и догадывался, почему,—но никогда ни однимъ словомъ не проговорился ей, ожидая, когда ея наболъвшее чувство потребуетъ отклика его души и его отцовскаго участія въ ея тяжеломъ горъ...

Холодныя дождевыя капли начали, между тёмъ, перепадать съ угрюмаго неба; казалось, оно плакало рёдкими, безсильными слевами, и глухая осенняя ночь воцарилась надъ Будаевской усадьбой...

Валер. Свътловъ.

ФЕДЕРАЦІЯ ЖЕНСКИХЪ КЛУБОВЪ

ВЪ АМЕРИКЪ.

Въ май текущаго года происходила въ городи Лосъ-Анжелесь, въ Калифорніи, шестая двухгодичная "конвенція" генеральной федераціи американскихъ женскихъ клубовъ-General Federation of women's clubs—конвенція, состоявшая изъ 1.200 делегатовъ и такого же числа альтернатовъ, - въ присутствіи н'іскольвихъ тысячь посътительницъ, собравшихся со всъхъ концовъ Союза. Конвенція эта была такъ велика по составу и по числу желавшихъ присутствовать, что въ городъ не было зданія, которое могло бы выбстить ее цёликомъ, и потому засёданія происходили одновременно въ двухъ отдъльнихъ помъщенияхъ понцертномъ театръ и синагогъ, стоящихъ рядомъ на одной улицъ и вмъщающихъ слишкомъ три тысячи человъкъ. Концертный театръ нашего города - огромное спеціальное зданіе, обывновенной американской театральной конструкціи, состоящей въ томъ, ложъ не полагается, и два верхніе яруса спускаются довольно близко къ сценъ и даютъ нъсколько десятковъ рядовъ стульевъ для зрителей, одинъ выше другого; при этомъ сцена выдвинута впередъ задней ствны, занятой огромнымъ органомъ, такъ что она открыта врителямъ и съ боковъ того полу-эллипса, который составляеть залу, хотя и видять они ее въ профиль, а не еп face. Благодаря такой конструкцій, поместительность нашихъ вонцертных театровъ, въроятно, вдвое превышаетъ помъстительность зданій той же площади европейской конструкціи, по воторой верхніе ярусы ділаются только въ глубину одной ложи, и съ бововъ театра углубленная въ заднюю ствну сцена со-

всвиъ не видна. Въ данномъ случав на сценъ, впереди, стояли. столы для бюро вонвенціи, а сзади-стулья для почетныхъ посётительниць, председательниць штатныхь федерацій и значительныхъ отдельныхъ клубовъ; кругомъ платформы, внизу, были столи для представителей прессы — до двухсоть изданій со всёхъ вонцовъ Союза прислали на конвенцію спеціальныхъ корреспондентовъ-и затемъ всё ярусы зрительной залы были биткомъ набиты делегатами. Каждый штать имбль свое опредбленное мъсто, обозначенное шолковымъ знаменемъ съ его именемъ; указывали мъста молодыя дъвушки въ бълыхъ платьяхъ, называемыя здъсь ushers; демократичность страны не допускаеть въ такихъ случаяхъ наемныхъ лицъ, и, какъ и на парадныхъ свадьбахъ, лекціяхъ, васъданіяхъ многочисленныхъ обществъ, въ церквахъ и т. д., usher'ы эти выбираются изъ молодежи семействъ членовъ собранія, — въ данномъ случав изъ дочерей членовъ м'встныхъ женскихъ клубовъ, особый комитетъ которыхъ завъдывалъ всёмъ устройствомъ дела. Комитетъ этотъ былъ организованъ еще года полтора тому назадъ, вскоръ послъ того, какъ предшествовавшая конвенція федераціи, происходившая въ мав 1900 г. въ г. Мильвоки, въ штатъ Висконсинъ, избрала мъстомъ слъдующей - именно нашъ городъ; состояль этотъ комитетъ изъ слишвомъ ста членовъ, выбранныхъ отъ мёстныхъ женскихъ влубовъ, и подраздёлялся на нёсколько десятковъ подкомитетовъ, изъ которыхъ каждый завёдываль извёстной деталью; были подкомитеты вреденціаловъ делегатовъ, программы конвенціи, прессы, помъщеній, украшенія ихъ, встрічи делегатовь на повздахь, поміщенія ихъ въ отеляхъ и частныхъ домахъ, снабженія ихъ варетами во время пребыванія въ город'в, экскурсій въ окрестности, и т. д. Благодаря такой организаціи, всякая деталь оказалась вполнъ разработанной, и публикъ пришлось не жало удивляться той предусмотрительности и ловкости, съ которыми ивстныя наши дамы справились съ этимъ чрезвычайно сложнымъ н дъйствительно большимъ дъломъ. Наши трансконтинентальныя жельзныя дороги привезли слишкомъ 50 спеціальныхъ повздовь постительниць конвенцін; высчитывають, что ихъ было свише восьми тысячь; всё были встрёчены на станціи, разм'вщены по квартирамъ, перезнакомлены между собою, словомъ, приняты въ чужомъ отдаленномъ городъ какъ бы дома; на всякій ихъ вопросъ, на всякую нужду было кому ответить и помочь устроить то или другое. Благодаря автивному участію женских членовь моей семьи, въ работв какъ вышеупомянутаго комитета, такъ и самой конвенціи, я имёль возможность слёдить по первоисточникамъ, такъ сказать, за ходомъ всего этого очень новаго, даже для Америки, дѣла, и не могъ не вывести того заключенія, что и женская половина американскаго народа обладаетъ удивительными организаторскими способностями, замѣчательнымъ умѣньемъ выработать всѣ детали и довести успѣшно всякое дѣло, какъ бы ново и велико оно ни было, до благополучнаго конца. Завидна эта способность, особенно для русскаго человѣка, за полнымъ отсутствіемъ опыта и выдержки во всемъ, что касается какой-либо самодѣятельности, обыкновенно крайне безпомощнаго въ этомъ отнощеніи.

Въ обоихъ помъщеніяхъ засъданія происходили по три раза въ день - утромъ, послъ завтрака, и вечеромъ, такъ что конвенція работала 8-10 часовъ въ день, ежедневно. Въ первое, торжественное засъданіе, конвенцію привътствовали губернаторъ штата, мэръ города, председательница штатной федераціи валифорнсвихъ женскихъ влубовъ, предсёдательница мёстнаго вомитета по организаціи и т. д.; отвъчали имъ предсъдательница генеральной федераціи и конвенціи и другіе ея чины. Затвив слушались привътствія и отчеты иностранныхъ женскихъ клубовъ---Англін, Австралін, Британской Индін, Африки и т. д., уже присоединившихся въ американской генеральной федераціи. Изъ последующих заседаній только три—четыре были посвящены деловымъ вопросамъ, касавшимся изменений въ органивации какъ генеральной, такъ и штатныхъ федерацій, условіямъ пріема отдёльныхъ влубовъ, финансовому отчету, отчетамъ постоянныхъ вомитетовъ, выборамъ чиновъ на следующее двухлетие и т. д.; все осталь-ныя были отданы рефератамъ членовъ на всевозможныя темы и преніямъ по ихъ поводу. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ разрослась двятельность американскихъ женскихъ клубовъ, и какъ ихъ влінніе успъло пронивнуть во всь отрасли человъческаго прогресса вообще, необходимо дать понятіе объ общей программ' вонвенціи. Н' сколько зас' даній было посвящено обравованію вообще и женскому въ особенности; разсматривались такіе вопросы, какъ совмістное обученіе мальчиковъ и дівочевъ, значение преподавания искусствъ въ народныхъ шволахъ и ихъ вліяніе на детскую психологію, необходимость преподаванія въ нихъ же домашней экономіи, опасность примъненія недостаточно испытанныхъ новыхъ системъ, новыхъ пріемовъ въ образованін, вначеніе вивилассныхъ занятій и экскурсій, необходимость учрежденія спеціально органивованныхъ мість для дітсвихъ игръ и занятій для дътей въ вакантное время и т. д. Всъ эти вопросы обсуждались не съ точки зрънія спеціалиста-

педагога, а съ чисто живненной, практической, съ точки врвнія матери и семьи; это была не сухая отвлеченная теорія, а выводы и разсужденія опыта и обычныхъ повседневныхъ требованій и наблюденій. Нісколько засіданій было отдано рефератамъ относительно промышленной работы женщинъ и дътей и разбору законодательствъ различныхъ штатовъ и желательныхъ реформъ въ этомъ отношеніи; особый комитеть, назначенный предшествовавшей конвенціей для изследованія положенія женщины и дътей въ промышленности страны, представилъ обширный докладъ, занявшійся особенно огражденіемъ женскаго в дътскаго труда законодательствомъ, съ выяснениемъ его несовершенства и отсталости во многихъ штатахъ. Особенно интересни были засъданія, посвященныя обсужденію рефератовъ, васавшихся реформъ государственнаго и муниципальнаго устройства. Возможность и необходимость женскаго вліянія были особенно подчеркнуты въ такихъ вопросахъ, какъ законодательство и оргапизація учрежденій для исправленія порочныхъ дітей, преступныхъ женщинь, для обезпеченія народнаго здравія, извъстныхь сторопь городского хозяйства. Эти рефераты и вызванныя ими пренія были, на мой взглядъ, особенно пънны именно потому, что не относились ко всему существующему съ огульнымъ осуждениемъ, съ плеча, такъ сказать, а напротивъ, указывая на хорошія стороны, требовали ихъ поддержки и поощренія, и относились къ худымъ съ чисто практической точки зрвнія, съ указаніемъ не только путей и методовъ къ ихъ исправлению, но и результатовъ, достигнутыхъ уже въ разныхъ мъстахъ исключительно женсвимъ вліяніемъ. Одно засъданіе было посвящено путемествующимъ библіотевамъ и коллевціямъ произведеній искусства. Вопросъ этотъ все больше и больше занимаетъ общественное метьніе Америки, и его практическая организація и необходимыя условія для достиженія наилучшихъ результатовъ составили предметъ нъсколькихъ превосходныхъ рефератовъ и дали пищу весьма нетереснымъ препіямъ. Овазывается, что дело это идетъ всего успъшнъе именно тамъ, гдъ имъ заняты женщины, такъ какъ его сухость и монотонность, несмотря на несомивниость и обширность приносимой пользы, неспособны заинтересовать собою мужчинъ въ достаточной степени. Отдъльное засъданіе было посвящено прессв и тому положенію, какое должны занимать въ ней женщины репортёры, число которыхъ быстро ростеть съ каждымъ годомъ и неизбъжно вліяеть все болье и болье на характеръ ежедневныхъ газетъ.

Я крайне сожалью, что размыры журнальной статьи не по

зволяють мит привести всю эту программу цёликомъ—такъ много было въ ней интереснаго и такъ она была разнообразна. Впрочемъ, и вышеизложеннаго достаточно, чтобы указать на ея выдающіяся стороны; остается только добавить, что съ полдюжины засёданій было отдано цёликомъ искусству; между американскими женскими клубами имтется значительный процентъ, можетъ быть, одна седьмая или даже шестая цёлаго, —занимающійся исключительно искусствомъ во всёхъ его проявленіяхъ. Они не ограничиваются живописью, музыкой и скульптурой, но занимаются и архитектурой, и фотографіей, и выжиганіемъ по дереву и кожт, и даже керамикой, переплетнымъ и мозаичнымъ дёломъ.

Что женскіе клубы занимають чрезвычайно прочное и вліятельное місто въ общественной жизни современной Америки, было доказано, между прочимъ, и темъ, что весьма многія другія исключительно жепскія ассоціаціи, — нівкоторыя изъ нихъ существують гораздо дольше самаго старшаго изъ женскихъ клубовъ и занимаются дёлами общечеловёческого характера, преимущественно благотворительными, — нашли нужнымъ прислать на конвенцію своихъ представительницъ и представить вакъ бы отчеты о своей спеціальной діятельности. Современное феминистское движение нашло въ Америкъ прочную точку опоры въ женских влубахъ, вонцентрировавшихся въ формъ генеральной федераціи, которан быстро и принимаеть характеръ средоточія вськъ чисто женскихъ общественныхъ предпріятій. Въ Америкъ имъется съ десятовъ національныхъ женскихъ организацій, преследующихъ известныя спеціальныя цели; до сихъ поръ оне дъйствовали отдъльно, каждан въ своей сферъ-теперь, благодари федераціи женскихъ влубовъ, онъ сближаются и соедивяются въ одно цёлое, более или менее компактное, и вліяніе женщины вообще, конечно, весьма существенно выиграеть, благодаря этому единенію. Одной изъ такихъ организацій является женская лига потребителей, — Consumer's league, —поставившая своей вадачей улучшение положения работающихъ женщинъ и дътей на фабрикахъ и заводахъ, въ магазинахъ и лавкахъ. Домашніе расходы семьи, покупка платья и жизненныхъ припасовъ въ Америкъ почти всецъло находятся въ рукахъ женщинъ-мужчинамъ невогда этимъ заниматься, они заняты своимъ діломъ, дівлають деньги, воторыя и расходуются женщинами; сплочивансь въ одно просе въ изврстномъ городъ или мъстечкъ, онв представляють изъ себя такую силу, которую местнымъ фабрикантамъ и купцамъ нельзя игнорировать безнаказанно, безъ

опасенія за свои доходы; они должны выслушивать ихъ представленія и требованія, вынуждены пытаться идти съ ними рука объ руку. Женскія лиги потребителей обсуждають часы работы, удобства служащихъ, ихъ вакаціи съ сохраненіемъ содержанія, оздоровленіе ихъ ном'вщеній; продавщицы въ магазин'в, въ сущности, безващитны, находятся вполнъ въ рукахъ своего нанимателя; организація въ ремесленные союзы имъ крайне затруднительна, такъ какъ предложение труда этого рода огромно, всегда превышаеть спросъ, и онъ не требуеть особыхъ познаній, — а между тімь ихъ число очень велико, достигая въ большихъ городахъ целихъ десятвовъ тысячъ. Женскія лиги потребителей и занимаются преимущественно улучшеніемъ ихъ положенія, и ихъ требованія въ этомъ отношеніи уже успъли оформиться, и обывновенно получають удовлетвореніе, какъ бы ни прижимисть быль вупець и чего бы они ему ни стоили. Необходимо, вонечно, имъть въ виду, что всякія подобныя реформы идуть въ Америкъ весьма медленно, начинаются всегда компромиссами, и не должны ни въ какомъ случав имъть въ виду насилія въ какой-либо форм'в и съ чьей-либо стороны; такть и правтичность американской женщины всего лучше иллюстрируются именно ея упъхами на этой почвъ, такой шаткой, трудной и неблагодарной. Необходимы масса работы, последовательность, теривніе, благоразуміе; приходится двйствовать исключительно убъжденіемъ противъ прямыхъ карманныхъ интересовъ своихъ же мужей, отцовъ и братьевъ. Тъмъ не менъе, женскія лиги потребителей уже достигли самыхъ осязательныхъ результатовъ: вездв, гдв онв работають, продавщицы имвють право на удобныя сидёнья, снабжаются хозяевами вдоровыми завтраками, пользуются однимъ послъ-объда въ недълю для отдыха, не подлежать диктаторскимъ штрафамъ за опозданіе, ограждены болье или менъе отъ фаворитизма и явныхъ несправедливостей; между ними и произволомъ нанимателя стоитъ извъстная сила, способная, въ случай крайности, разорить его своимъ вмёшательствомъ. Для важдаго непредубъжденнаго читателя должно быть ясво, что такое положение вещей можеть быть достигнуто только прочной организаціей, упорнымъ трудомъ, неусыпнымъ наблюденіемъ-відь женскія лиги потребителей не иміють за собой ровно ничего, кромъ своего нравственнаго авторитета. Будучи хорошо овнавомленъ съ фавтами, съ дъйствительнымъ положеніемъ діла, я не могу—въ связи со всівмъ вышензложеннымъ— не увазать туть же на абсолютную несостоятельность того кръпко укоренившагося въ Европъ объ Америкъ убъжденія, что

эта последняя — исключительно страна всемогущества доллара. Еслибы это было такъ, -- тавія явленія, вавъ деятельность женсвихъ лигъ потребителей, были бы невозможны. Онё не шумять и не кричать объ этой деятельности, не задаются , широковёщательными, неисполнимыми бумажными программами, им'йющими перевернуть человъчество, а упорно, энергично работають въ своихъ собственныхъ норахъ, улучшая шагъ за шагомъ положение своихъ беззащитныхъ сестеръ и урывая у доллара одно за другимъ человъческія права его экономическихъ рабынь, въ прямой, несомивный ущербъ своимъ собственнымъ личнымъ интересамъ. И тавихъ явленій, тавихъ скромныхъ, но серьезнъйшихъ проявленій высшихъ человъческихъ стремленій, преследуемых стойко и умело, всечасно и повсеместно работающихъ по всему пространству Союза, въ Америкъ, конечно, гораздо больше, чъмъ, напр., въ Россіи, хотя они и ускользають отъ поверхностнаго, случайнаго наблюдателя нашихъ правовъ только потому, что не вричать на всёхъ переврествахь во всеуслышаніе о томъ, что они намерены сдёлать — а действительно работають и ділають свое тихое, но огромное діло. Да простить мив читатель это невольное отступление отъ предмета-оно вырвалось у меня только благодаря случайно представившейся вовможности пристально вглядёться въ деятельность городской нашей женской лиги потребителей, вице-президентомъ которой состоитъ моя жена; у нея уходить на эту работу не мало времени, противъ чего я было-ввдумалъ бунтовать — и былъ, въ концъ концовъ, посрамленъ. Наша общественная жизнь такъ общирна и многообразна, и въ то же время такъ некриклива, что, несмотря на то, что я живу въ Америвъ уже слишвомъ двадцать леть, постоянно приходится натываться на новыя, весьма крупныя явленія, открывать, такъ сказать, въ Америкъ новыя Америви, одну за другою.

Къ сожальнію, мны лично пришлось присутствовать только на одномъ засыданіи конвенціи: во-первыхъ, доступъ мужчинамъ въ это женское святилище быль сравнительно труденъ; во-вторыхъ, я быль очень занятъ другими дылами. Мое личное впечатльніе было нысколько своеобразно. Я быль крайне удивленъ, что въ среды делегатовъ абсолютно преобладали пожилыя и даже старыя женщины; молодыхъ и даже сравнительно молодыхъ между ними было очень мало—десятки въ тысячахъ. Въ тыхъ засыданіяхъ мыстныхъ женскихъ клубовъ, въ которыхъ мны приходилось бывать прежде, молодыя женщины, выроятно, преобладали по численности—въ конвенціи же ихъ почти совсымъ не было.

Объяспяли это твиъ, что молодымъ женщинамъ, у которыхъ въ большинствъ случаевъ есть маленькія дъти, убхать за три-девять вемель, въ стоящій на краю свёта Лось-Анжелесь, больше чёнь на недёлю, очень трудно, часто невозможно; поэтому въ делегаты попали болъе или менъе свободныя отъ семейныхъ обязанностей женщины, которыхъ могли временно замвнить дома взрослыя дети. Да и расходы на такую поездку, какъ ни экономенчай, неизбъжно очень значительны. Ничто лучше не выразило дъйствительно серьезнаго интереса женщинъ Америки вообще въ вонвенціи ихъ федераціи, вавъ та пунктуальность, съ которой онъ на нее явились, несмотря на разстояніе и расходы, -- всего 2-3% делегатовъ уступили свои мъста альтернатамъ; мев говорили, что и это имвло вліяніе на возрасть присутствующихъ, такъ какъ молодыя женщины и въ финансовомъ отношении обывновенно еще не достигаютъ возможности дълать такіе крупные расходы, гораздо болье легкіе для женщинь уже пожилыхъ и болбе состоятельныхъ.

Огромный театръ наполненъ сверху до низу всключительно женщинами; въ морв ихъ светлыхъ цветныхъ костюмовъ дветри мужскія фигуры въ черномъ важутся совершенной несообразностью, какимъ-то темнымъ, неумъстнымъ пятномъ; все это представляеть собою совсёмъ необычную вартину уже по одному тому своеобразному шелесту, который издаеть тяжелый шолкъ при важдомъ движеніи. Этотъ шелесть настолько силень, что ватрудняеть слухъ; женскіе голоса, громадное большинство воторыхъ и относительно слабо вообще, и не выработано предварительнымъ опытомъ для такихъ большихъ аудиторій, являются совершенно недостаточными и слышны только на весьма небольшомъ пространствъ. Только очень немногіе изъ ораторовъ конвенцін были слышны всему театру—річи большинства пропадали настолько, что утрачивали свое непосредственное вліяніе, и возстановлялись въ своей полнотъ для самихъ слушателей только стенографическими отчетами газеть следующаго дня. Пройдетъ, въроятно, много времени, прежде чъмъ женщины будуть въ состояніи быть слышимыми въ такихъ же большихъ вонвенціяхъ при подобныхъ условіяхъ, и для достиженія этого имъ придется прежде всего устранить шолкъ и довольствоваться для своихъ костюмовъ при такихъ оказіяхъ болье скромными, болье молчаливыми матеріями и серьезно поработать надъ своими голосами. Представители прессы сидели такъ близко, что имъ каждое слово было слышно вполнъ отчетливо, --и мнъ пришлось обратиться къ ихъ помощи, дабы передать то общее впечатив-

віе, которое вынесла о конвенціи пресса, а съ нею и нашъ городъ. Пресса удивлялась почти единогласно тому знанію парламентарнаго права, которое проявили вакъ бюро засъданій, такъ н дебатировавшіе члены; за все время было сдёлано только очень немного ошибокъ, и то незначительныхъ, по такимъ спорнымъ вопросамъ, по которымъ неръдко ошибаются и опытныя во всёхъ отношенияхъ мужския собрания. Необходимо замётить, что почти въ каждомъ заседании председательствовали различныя женщины; работа предсёдателя въ такомъ большомъ собранів очень тяжела, требуеть усиленнаго нервнаго напряженія, неусыпнаго вниманія, находчивости и быстроты-и женщины вонвенціи съ большимъ успъхомъ справлялись съ нею; одна за другой онъ доказывали на опытъ, что многія изъ нихъ вполнъ способны и къ такой работъ, какъ она несомивнно ни была нова для нихъ. О предсъдательницъ федераціи, предсъдательствовавшей безсменно на всехъ деловыхъ заседаніяхъ, я не слыхаль и не читаль ничего, кромв самых восторженных похваль; это была замъчательно умная, остроумная и тактичная госпожа, удивительно ловко справлявшаяся со многими весьма тернистыми вопросами; едва ли можетъ быть какое-либо сомивніе, что женщина вообще значительно впечатлительние и обидчивъе мужчины, и требуетъ для управленія своими собраніями гораздо большей ловкости и тонкости пониманія, а въ такомъ большомъ собраніи, передъ лицомъ, такъ сказать, всего съвероамериканскаго Союза, никому, конечно, не желательно было попасть въ просакъ и ударить лицомъ въ грязь. Хотя, вонечно, безъ промаховъ не обощлось, но я не слыхалъ ни объ одномъ инциденть, который поставиль бы кого-либо въ неловкое положеніе — такъ быстро и остроумно исправляли предсёдательницы тавіе промахи. Особенно ловко и ум'єло, безъ всякой, откровенно ожидавшейся самими женщинами, шероховатости, быль обсужень и ръшенъ самый щекотливый и животрепещущій дъловой вопросъ, занимавшій не только женскіе вружки, но и всю странуэто вопросъ о допущении въ генеральную федерацію негритянскихъ женскихъ клубовъ. Такихъ клубовъ въ Америкъ пока очень немного, но штатная федерація женскихъ влубовъ штата Массачуветса приняла одинъ изъ нихъ въ свою среду, противъ чего возсталь поголовно весь югь, и настоящей конвенціи пришлось высказаться решительно по этому вопросу. Новая-Англія стояла безусловно за допущеніе, Западъ и Центръ были за вомпромиссъ, а Ють быль готовъ удалиться, еслибъ негры были признаны большинствомъ равноправными. Было, конечно, не мало жесто-

чайшихъ радикаловъ и pro, и contra, и искреннее разръщеніе вазалось абсолютно недостижимымъ. Тъмъ не менъе, дъло было разръшено и удовлетворительно, и безповоротно, к безъ возбужденія вредной, опасной партійной ненависти: конвенція ръшила, и въ сущности единогласно, что штатныя федерація вольны сами установлять правила пріема въ свою среду новыхъ влубовъ, какъ бълыхъ, такъ и цевтныхъ, а для пріема въ генеральную федерацію необходимо единогласное согласіе всёхъ членовъ ен исполнительнаго совъта; а такъ какъ въ номъ всегда есть члены и отъ женскихъ клубовъ юга, то такой пріемъ в останется вполив зависящимъ отъ ихъ усмотрвнія въ будущемъ. Конвенція разсудила-и, по моему крайнему убъжденію, вполнъ основательно, - что такъ какъ громадное большинство женскихъ клубовъ имветь, прежде всего, частный, обывновенно даже прямо интимный характерь, причемъ политическія или политико-экономическія возврвнія новаго члена имвють гораздо меньшее вначеніе, чъмъ его личныя умственныя и, главное, правственныя свойства, - то и пріемъ его въ клубъ, какъ и отдёльнаго клуба въ федерацію, долженъ быть основанъ не на требованіяхъ, ставимыхъ въ тавихъ случаяхъ политическими, научными или благотворительными обществами, а на требованіяхъ такихъ учрежденій, какъ масонскія ложи или соціальные мужскіе влубы, т.-е. не по большинству голосовъ, а при условіи единогласности выбора. Такимъ образомъ, и волки-Новая-Англія-оказались сыты, и овцы-Югъ-остались целы. Решеніе вопроса предоставлено времени и обстоятельствамъ, безъ вреднаго раскола и революцін; современные женскіе клубы оказались практичніве рабовладъльцевъ Юга и аболиціонистовъ Съвера 1860 года.

Само собой разумѣется, что современное женское движеніе и рельефивитіе его выразители—женскіе клубы—имѣють и по сейчась въ средв сильнаго пола Америки ядовитѣйшихъ противниковъ и хулителей, относящихся къ нимъ не только недоброжелательно, но и съ глумленіемъ. Что "курица не птица, женщина—не человѣкъ"—извѣстный сортъ людей будетъ утверждать, или по крайней мѣрѣ думать про себя, еще долгое время. Рабство женщины—и матеріальное, и, преимущественно, умственное и нравственное, продержится на нашей прекрасной планетѣ, по моему мивнію, дольше всѣхъ другихъ рабствъ—и крѣпостного, въ разныхъ формахъ, по имени-ли, по значенію-ли, и политическаго, и даже политико-экономическаго. Для своего окончательнаго освобожденія ей придется воевать долго, упорно усиленно—и съ неравнымъ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ ноше-

ніе, рожденіе и кормленіе дітей павсегда останутся тяжелымь и, такъ сказать, сверхштатнымъ пассивомъ на ея сторонъ, пассивомъ, который будетъ требовать отъ нея и лишнихъ усилій, и лишняго времени, и лишнихъ страданій -- сравнительно съ мужчиной. Міръ такъ полонъ борьбы-и за существованіе, и за гегемонію, и за престижи разнаго рода, сорта и наименованія,--что борьба женщины съ своими отцами, братьями и, въ особенности, мужьями-кажется этимъ послёднимъ и лишней, и ненужной, способной сдълать жизнь, и безъ того несладкую, совершенно невыносимымъ бременемъ. Словами женщина ничего не подълаетъ, ничего не докажетъ своему властелину-ей необходимо работать, действовать и быть крайне осторожной въ выборъ путей и методовъ для этой работы. Ей необходимо осязательно доказывать мужчинв основательность своихъ требованій, свои способности, свое умънье. Она не должна ожидать, чтобы ей повърили ва слово - противъ нея въковыя традиціи, тысячелътнія предубъжденія, которыя можно побъдить только фактами. Мужчина требуеть и будеть требовать доказательствъ - разсужденій для него недостаточно, и въ нимъ однимъ онъ останется глухъ и нъмъ. Вся Америка, напримъръ, съ усиленнымъ вниманіемъ следить ва последствіями дарованія полнаго права голоса во всехъ делахъ своимъ женщинамъ штатами Вайомингомъ, Колорадо, Айдахо и Монтаной. Замвчательно, что примвру перваго последовали именно соседственные съ нимъ непосредственно штаты, имфющіе лучшую возможность опфинть последствія дарованія такого права; теперь онъ уже окружень ими со всёхъ сторонъ, и очередь-за ближайшими въ этимъ последователямъ. Я беседоваль съ несколькими делегатами въ конвенціи отъ этихъ штатовъ, уже нъсколько лътъ пользующимися правомъ голоса, желая узнать, въ чемъ заключаются прямые его результаты, и. можно ли ихъ осязательно оформить? Вотъ что отвътила мнъ одна изъ нихъ, очень серьезная и вдумчивая дама: "Это правда, что обывновенно мы подаемъ свои голоса съ нашими мужьями н отцами. Мы еще ни разу не пытались назначать свои тикеты, хотя бы частичные, ни разу не предъявляли какихъ-либо особыхъ требованій. Зато ни одинъ зав'йдомый негодяй, ни одинъ изъ техъ кабатчиковъ, которые, до дарованія намъ права голоса, почти всецъло управляли по своему усмотрънію хотя бы нашимъ, напримъръ, городомъ, не могутъ теперь и надъяться на избраніе. Противъ такихъ людей мы вооружаемся поголовно, что бы тамъ ни пъли наши благовърные, какъ бы они ни были сами ими опутаны и какъ бы они ни пытались вліять на насъ.

Томъ VI.-Декаврь, 1902.

Мы забаллотировываемъ ихъ своими голосами, какъ бы сильны ни были ихи мужскія партіи. Неизбіжность такого исхода такъ хорошо установлена въ нашихъ штатахъ напередъ, что въ последніе года нашъ правительственный персональ, въ особенности городской, перемънился почти цъликомъ. Мы еще недостаточно образованы политически, чтобы составлять программы и вести самостоятельную борьбу; да мы и не котимъ этого, и сами не въримъ въ цълесообразность "женскихъ" политическихъ партій, и потому влінніе нашихъ голосовъ въ національныхъ дёлахъ едва ли замътно; зато у себя дома мы-несомивниая сила, такъ вавъ мы бевопибочно умъемъ сами по себъ отличать негодяевъ политикановъ отъ честныхъ людей, и положительно не допускаемъ ихъ до участія въ нашемъ управленін; а это, само собой разумвется, быстро очищаеть политические нравы и обычан, поднимаеть персональ, уничтожаеть подкупы, взяточничество, грявный фаворитизмъ, преступную бездеятельность власти и все тв язвы, которыми такъ полна была политическая жизнь нашихъ штатовъ, когда ею завъдывали одни мужчины. Однимъ словомъ, наше вторжение въ эту жизнь послужило могучимъ очистительнымъ для нея фильтромъ - заслуга, если хотите, чисто пассивная покуда, но очень высоко оцененная лучшими нашими общественными двятелями между самими мужчинами". Если моя собесъдница и была, въроятно, нъсколько оптимистична въ своихъ заключеніяхъ, тъмъ не менье, я думаю, что, въ общемъ, она была права, и что вліяніе дарованія женщинъ права голоса всего ръзче и быстръе проявляется именно въ очерченномъ ею направленіи. Если женщина и не можеть еще создать чего-либо новаго и самостоятельнаго въ политической жизни страны, ея голосъ все-тави въ громадномъ большинстве случаевъ будетъ по-. данъ инстинктивно противъ грязи, подлости и обмана, особенно въ дълъ общественномъ, не касающемся прямо ея семьи и близвихъ. Я лично доверяю ей въ этомъ случае неизмеримо больше, чвиъ любому нашему политивану-мужчинв.

Возможность такой женской конвенціи, возможность такого очевиднаго проявленія дізовитости, умітости и знаній, дізается еще боліве поразительной, если принять въ соображеніе крайнюю, сравнительно, кратковременность существованія женских клубовь въ Америкі вообще. Я закончу настоящую статью краткой ихъ у насъ исторіей.

Зимой 1868 года влубъ печати города Нью-Іорва давалъ парадный объдъ путешествовавшему по Америкъ и читавшему публично въ ея большихъ городахъ выдержки изъ своихъ рома-

новъ Чарльзу Диввенсу. Нъсколькимъ сдълавшимъ прессу своей профессіей женщинамъ, желавшимъ присутствовать на этомъ объдъ и лично почтить знаменитаго романиста, было довольно грубо отвазано въ билетахъ—предполагалось одно чисто муж-свое общество, въ которомъ женщинамъ не было мъста, не потому, чтобъ онв не имвли на это права, какъ писательницы, а потому что онъ-женщины. Госпожа Кроли-mrs J. C. Crolyодна изъ получившихъ такой отказъ дамъ, глубово имъ оскорбленная, вадумала открыть женщинамъ въ будущемъ возможность дъйствовать въ такихъ случаяхъ самостоятельно, независимо отъ мужчинъ; она собрала нъсколькихъ друзей, и онъ ръшили основать исплючительно женскій влубъ. Идея была, однаво, тавъ нова, что изъ пяти присутствовавшихъ на первомъ собрании женщинъ три, посовътовавшись съ мужьями, нашли ее непрактичной и огназались отъ участія уже черезъ два-три дня; тъмъ не менъе госпожа Кроли продолжала свою пропаганду, и черезъ нъсволько времени ей удалось собрать 14 женщинъ, и первый женскій клубъ Америки быль организовань въ городі Нью-Горкі въ апрілі 1868 года подъименемь "Сорозиса", отъ греческаго слова: сморос, въ сущности — куча, скопленіе. Первая ръчь перваго президента этого влуба, госпожи Кэри-mrs Alice Cary, настолько хорошо обрисовываеть положение дела въ то время, 34 года тому назадъ, что я не могу не привести слѣдующую изъ нея выдержку: "Женскій клубъ! Да это нѣчто неслыханное! Что вы будете съ нимъ двлать? Какія у васъ могуть быть цъли или стремленія? Таковы тъ вопросы, которые ежедневно задаются мев съ того момента, вавъ мы заговорили о нашемъ предпріятін, -- конечно, мужчинами. И я отвічала, что мы только желаемъ скромно подражать ихъ собственному примвру. --- У васъ есть свои влубы, -- почему же и намъ не имъть своихъ? -- говорила я.

"Мы, конечно, такъ сказать, "выскочили изъ оглобель", и намъ приходится сознаваться, со стыдомъ и униженіемъ, въ нашихъ дикихъ и преступныхъ фантазіяхъ. Начиная ав очо, мы оказываемся виновны въ томъ, что желаемъ усвоенія женщинами болье широкихъ и глубокихъ идей; стремимся къ тому, чтобы онь думали самостоятельно, сами составляли бы свои убъжденія и взгляды на вещи, не столько потому, что это ихъ право, какъ потому, что это ихъ долгъ. Мы также предлагаемъ открыть женщинамъ новые пути къ заработку; сдълать ихъ менъе зависящими и менъе обременительными для другихъ лицъ; освободить ихъ отъ такъ имъ присущаго недовърія къ собственнымъ силамъ, отъ связывающей ихъ дъятельность застънчивости; научить ихъ, что

всякан работа, какова бы она ни была, разъ она делается ею свободно и соответствуеть ея способностимь и симпатіямь, можетъ исполняться ею бевъ опасенія спуститься ниже на общественной лъстницъ, а напротивъ, съ убъждениемъ, что и самая работа будеть ею возвышена. Мы предлагаемъ заявить свой горячій протесть противъ пустыхъ сплетенъ, противъ безпримой траты времени, противъ злоупотребленія имъ; требуемъ права дълать то, на что мы способны, и говорить объ этомъ безъ испрашиванія позволеній и безъ упизительных препятствій, не для исключительнаго блага нашего пола, а для общей пользыто, что вредно моему брату, вредно мий, и что вредно мий, вредно и ему, --еслибъ онъ только взялъ на себи трудъ обдумать это и понять; оно вредно ему, сознаеть онъ это или нъть. Таковы, — отвъчала я, — нъкоторыя изъ нашихъ стремленій и цълей. Мы не утверждаемъ, что успъли уже оформить наши планы и опредълить наши пути. Мы подобны дътямъ, ищущимъ дороги во мракъ, потому что не слъдуетъ забывать, что не прошло еще и полустольтія съ техь поръ, какъ наши народныя школы были отврыты девочкамъ даже въ самыхъ культурныхъ местностяхъ нашей страны. Какимъ же образомъ можете вы ожидать отъ насъ той же мудрости, которой вы сами запасались въ теченіе многихъ столътій изъ школь и университетовъ и изъ опыта исвлючительнаго управленія дёлами человічества?

"Мы совнаемъ наши недостатки, наше несовершенство, но мы чувствуемъ, милостивые государи, что, несмотря на нихъ, честная, серьезная и скромная попытка къ лучшей жизни и болъе широкой культуръ заслуживаетъ болъе сердечнаго и болъе симпатичнаго къ ней отношенія, чъмъ то, которое мы до сихъ поръ отъ васъ встръчали гдълибо. Даже высшіе представители нашей интеллигенціи, вожаки нью-іоркской прессы, проявили такое отсутствіе великодушія относительно насъ, въ какомъ мы ихъ никогда и не подозръвали.

"Еслибы мы могли предусмотрёть тё сарвазмы и насмёшки, съ которыми мы были встрёчены, они одни, сами по себё, были бы совершенно достаточнымъ поводомъ къ организаціи этого клуба; теперь, когда онъ представляетъ собою совершившійся факть, они послужатъ самымъ сильнымъ импульсомъ къ его укрёпленію и расширенію. Но, друзья мои, эти насмёшки и сарказмы, въ концё-концовъ, представляютъ собою не что иное, какъ признаніе нашей силы, и должны, и будутъ поощрять насъ къ болёе смёлымъ и широкимъ заявленіямъ, къ болёе энергичнымъ усиліямъ для основанія дружной и компактной органи-

зація, и все, что нужно для того, чтобы создать изъ нея могучую силу для общаго блага въ будущемъ, это — согласная и дружная работа съ нашей сторопы. Нѣвоторыя изъ насъ не могуть разсчитывать, что онѣ доживутъ до этого превраснаго будущаго, но мы должны помнить и должны быть довольны и тѣмъ, что наши попытки расчистятъ дорогу тѣмъ, кто будетъ слѣдовать за нами, когда мы уже будемъ покоиться въ нашихъ могилахъ" 1).

Кто бы вы ни были, читатель, и какъ бы вы ни относились къ нашей прекрасной половинъ, — развъ вы можете найти, положа руку на сердце, хоть какое-нибудь серьезное возражение противъ этихъ скромныхъ, трогательныхъ по своей искренности и глубокой правдъ желаній? Развъ же женщины дъйствительно не были лишены всего этого только потому, что онъ—женщины?

"Сорозисъ" города Нью-Іорка считается разсадникомъ женскихъ клубовъ въ Америкъ, и онъ же съ теченіемъ времени мастерски выработалъ весьма многія стороны ихъ дъятельности; онъ, какъ въ цъломъ, такъ и въ деталяхъ своей организаціи и методовъ, служилъ и служитъ моделью для множества другихъ влубовъ. Тъ изъ нихъ, которые обладаютъ большимъ составомъ, подраздъляются на секціи, и члены присоединяются въ одной, двумъ, даже тремъ изъ нихъ, смотря по тому, что именно интересуетъ ихъ болье. Такихъ секцій бываетъ до тридцати въ одномъ влубъ, и спеціализація занятій и работы все увеличивается. Состоятельные клубы нанимаютъ лектрисъ-спеціалистокъ, учительницъ иностранныхъ языковъ, и т. д.

"Сорозисъ" же положилъ начало и настоящей генеральной федераціи женскихъ клубовъ Америки. Уже въ 1889 г. онъ, празднуя свое совершеннольтіе, 21 годъ своего существованія, пригласиль къ участію въ этомъ торжествъ делегатовъ отъ всъхъ имъвшихся въ то время въ союзъ женскихъ клубовъ, числомъ 97. На этомъ собраніи и было ръшено организовать постоянную федерацію — и первая ея конвенція засъдала въ 1890 г., въ г. Нью-Іоркъ, и къ ней присоединились 63 женскихъ клуба изъ 17 штатовъ. Тогда же было положено начало организаціи клубовъ одного штата въ штатныя федераціи. Въ 1892 г. число принадлежавшихъ къ генеральной федераціи клубовъ возросло до 189. Лътомъ 1893 г., во время Колумбовой выставки въ

¹⁾ Пророчество это, конечно, воочію исполнилось уже, и вітроятно гораздо скоріте, чітть это предполагала сама госпожа Кэри; и она, и госпожа Кроли, обіт умерли, но ихъ имена, конечно, будуть вітчно жить въ сердцахъ настоящаго и будущихъ женскихъ поколітій Америки.

Чикаго, федерація устроила спеціальный женскій конгрессъ, на которомъ присутствовали делегаты отъ 258 клубовъ. Въ вонвенція 1894 г. приняли участіе 350 клубовъ; въ 1896—478 отдёльныхъ влубовъ и 20 штатныхъ федерацій, считавшихъ въсвоей средё 947 клубовъ. За 1898 г. у меня нётъ оффиціальныхъ цифръ, но въ конвенція 1900 г. приняли участіе 2.675 клубовъ съ 166.903 членами; кромѣ того, было извёстно, что въсоюзѣ было 126 клубовъ съ 9.424 членами, не присоединвшимися еще формально въ федераціи. Къ сожальнію, оффиціальныя цифры вышеописанной, послёдней конвенція 1902 года еще недоступны, — но я слышаль, что число женскихъ клубовъ въсоюзѣ въ настоящій моменть вначительно превышаєть 4.000, а число членовъ въ нихъ—300.000.

Сотни влубовъ въ разныхъ городахъ уже успѣли обзавестись собственными зданіями, стоющими десятки тысячъ долларовъ важдый, и число влубовъ, и число членовъ въ нихъ быстро ростеть съ каждымъ днемъ; дѣятельность ихъ все расширяется, захватывая все большее число отраслей, и чувствуется и госуларствомъ, и штатами, и, въ особенности, городами. Время явныхъ насмѣшекъ и сарказмовъ надъ ними, конечно, прошло безвозвратно, ихъ конвенціи привѣтствуются губернаторами в мэрами, и, можно думать, недалекъ тотъ день, когда женщина будетъ выслушиваться съ почтеніемъ и въ конгрессѣ Союза.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ВЪРОВАНІЯ И СУЕВЪРІЯ

y

КИТАЙЦЕВЪ

По личнымъ навлюдениямъ.

Китайскій народъ, который мнів главнымъ образомъ пришлось наблюдать въ теченіе пяти літь пребыванія моего въ Пекинів и его окрестностяхъ, иміветь свою наружную жизнь и—сокровенную, мало доступную для наблюденія чужеземца. Китайское населеніе представлялось мнів съ самаго перваго знакомства, при выйздів въ Пекинъ, и въ и слідднюю минуту, черезъпять літь, при выйздів изъ него, все такимъ же, волнующимся, шумливымъ народнымъ моремъ, которое иміветь свои постоянные приливы и отливы, но оно еще не обнаружило всей своей силы, не разыгралось грозной бурей, не расходилось еще громадными волнами.

Меня интересовала прежде всего видимая, наружная жизнь китайскаго населенія, какъ бывшая мнё доступной и понятной. Съ поверхности этой жизни я надёнлся мало-по-малу проникнуть въ ея глубину, собирая всё проявленія народной жизни, поскольку выражались они въ народныхъ вёрованіяхъ, преданіяхъ н религіозныхъ сказаніяхъ.

Знакомство мое съ народною китайскою жизнью я началь съ предмета наиболее близкаго для каждаго человека — съ его здоровья. Китайцы не только охотно, но и доверчиво относились къ моимъ разспросамъ, понимая отлично, что мною руко-

водить лишь одинь интересь знанія ихъ быта, ихъ жизни, и сами, въ свою очередь, интересовались всёмъ, что касалось до непонятных вит проявленій въ жизни иноземцевъ. Проживъ пять лёть среди витайцевь, я пришель въ одному завлюченію: на почев справедливости и взаимности общение возможно между этимъ трудолюбивымъ народомъ и важдымъ чужеземцемъ. Культура китайскаго народа самобытна, равно какъ самобытно и его мышленіе. Проявленія жизни и быта китайцевь во многихь отношениять настолько первобытны, что для насъ, европейцевъ, они непонятны и непріятны, зато во многихъ другихъ отношеніяхъ условія жизни и быта китайцевъ стоять неизміримо выше условій жизни и быта цивилизованных западных народовъ. Въ отношении охранения своего здоровья отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній китайцы отстали далеко отъ европейцевъ. Китайцы и до сего времени живуть въ суевърныхъ преданіяхъ съдой старины, населяя всю видимую природу добрыми и злыми духами, демонами. Видя на себъ вредное вліяніе влиматических условій и не зная, какъ объяснить ихъ, витаецъ прибъгаеть къ помощи суевърія. Такъ, по влиматическимъ условіямъ, май місяцъ, т.-е. пятый місяцъ года (китайцы не имъють названій мъсяцевь, а обозначають ихъ по порядку цифрами), въ Китав особенно проявляеть вредное вліяніе на здоровье населенія. Во время ман м'всяца часты забол'яванія, часты случан солнечнаго удара и общая/ бользненность въ населеніи повышается: Чтобы объяснить себ' эту повышенную заболъваемость, витайцы создали существование довольно многочисленныхъ злыхъ духовъ, демоновъ, которыхъ назвали именемъ "Ся". Подъ этимъ именемъ "Ся" собраны всё злые духи, которые твии или иными способами вредять человвку и отникають у него счастіе на земль. Чтобы защитить себя оть этих вредныхъ силъ, китайскій народъ знаетъ только единственное средство, которое выражается въ ношеніи на шев амулетовъ н въ заклинаніяхъ, которыя такъ искусно умівють дівлать жрецы, даосы. Всякое климатическое явленіе, сколько-нибудь отступающее отъ обычнаго, а особенно появление эпидеміи, вызывающей среди паселенія повышенную заболіваемость, народъ объясняеть вліяніемъ злыхъ демоновъ, которымъ или приносить жертвы, чтобы задобрить, или думаеть устрашить ихъ и отогнать отъ земли, устроивая процессіи, весьма многолюдныя, съ грохотомъ, шумомъ и трескомъ пускаемыхъ въ воздухъ ракеть, фейерверковъ, криками и ударами палокъ въ мъдные гонги. Болезни усиливаются во время наступленія лътнихъ жаровъ, особенно когда задують знойные юго-восточные вётры, приносящіе изъ Монголіи тучи пыл

и песку. Ежегодно такіе вътры проносятся надъ Пекиномъ, но дують лишь въ продолженіе трехъ-четырехъ дней, затъмъ вътеръ мѣняетъ свое направленіе. Бываютъ, однако, нерѣдки года, когда юго-восточный вѣтеръ дуетъ продолжительное время, и, какъ говорили мнѣ старики-китайцы, этотъ періодъ времени достигаетъ иногда сорока дней. Тогда наступаетъ жизнь, полная ужаса и мученій. Температура держится постоянно въ 40° R, зной невыносимъ днемъ, а ночь не приноситъ прохлады. Дышать тяжело, не хватаетъ воздуха. Люди и животныя страдаютъ одинаково. Листва на деревьяхъ засыхаетъ, свертывается въ трубочки и опадаетъ. Деревья остаются голыми, растительность на поляхъ вся погибаетъ отъ засухи. На всей природъ ложится одна общая печатъ унынія. Вокругъ безжалостно палящаго своими лучами солнца появляются блѣдные круги. Надъ землей повисаетъ какъ бы завѣса, удручающая и безъ того угнетенную душу человѣка; во всей силѣ выказывается тогда его безсиліе передъмогуществомъ природы. Ужасъ сковываетъ всѣ его помыслы; страхъ, что божество пеба, благодътельное для человѣческаго рода, отказалось отъ него, доводитъ до отчаянія, взывающаго къ небу о милосердіи. Въ храмахъ совершаются заклинанія, а книга церемоній великаго учителя народа — Конфуція — предписываетъ строгій постъ, состоящій не только въ воздержаніи въ пищѣ, питіи, развлеченіяхъ, но требуеть и уединепія.

По счастію, такіе продолжительные знойные вѣтры рѣдко

По счастію, такіе продолжительные знойные вътры ръдко бывають, но и въ обычное время, когда по календарю назначенъ первый лътній день, простой народъ па дверяхъ своихъ жилищъ накленваетъ заклипанія, отгоняющія злыхъ духовъ. День начала лъта знаменуется выполненіемъ нъкоторыхъ обрядовъ, обязательныхъ для каждаго китайца. Въ каждомъ домъ совершается слъдующее: берется бокалъ, наполненный водой, и въ него всыпается превращенийй въ мелкій порошовъ краснаго цвъта какой-то минералъ, который китайцы называютъ "чин-кунъ" и которому приписывается ими чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ, принятый внутрь, опъ очищаетъ весь организмъ, разрушаетъ внутри всъ яды и уничтожаетъ всъ вредныя вліянія, а примънемый снаружи, какъ обмываніе и растираніе, онъ излечиваетъ всявіе накожные нарывы и язвы. Въ цъломъ своемъ видъ минералъ носится на шеъ, какъ амулетъ, такъ какъ обладаетъ могуществомъ не допускать приближаться къ человъку привидъніямъ и злымъ демоналъ. Тигры и гіены отъ страха убъгаютъ въ лъса и горы. Кускомъ этого минерала у дътей проводятъ по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводятъ по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводятъ по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводятъ по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу, прикасаются ко лбу и шеъ, чтобы преводять по всему тълу.

дохранить дітей отъ вередовъ и смией, которые такъ обильно покрывають во время літа кожу дітей. Приміння всі предохранительныя средства, указанныя предками, каждый вносить въ ихъ исполненіе свои личные вкусы. Ніткоторые китайци сділаннымъ воднымъ растворомъ вытирають себі лицо, а остатокъ разливають по полу дома, чтобы изгнать злого духа, если онъ запрятался гдівнибудь въ поміншеніи, а также чтобы удалить и всіхъ зловредныхъ пауковъ и другихъ ядовитыхъ насівсомыхъ.

Кром'й средствъ борьбы, унаследованныхъ отъ предвовъ, среди народа есть не мало и своихъ собственныхъ, созданныхъ въвовыми наблюденіями и обычаями. Въ каждой семь в мать-китаянка собираеть сама, по веснъ, на поляхъ или покупаеть лекарственныя пахучія вещества, которыя зашиваеть въ ладанку, и въшаеть эту ладанку на шею своему ребенку. Ладанкъ придается самая разнообразная форма, то въ видъ подушечки, то въ видъ тигра, птицы, насъкомаго, въера или въ видъ вакихънибудь другихъ животныхъ. Ладанки укращаются вышивками или золотыми нитями — у богатыхъ цвътъ матеріи предпочитается красный. Ладанки эти имъють двоякое благодътельное значеніе. Китайцы върять, во-первыхь, что запахь пахучихь лекарственныхъ веществъ разрушаетъ тъ вловредныя испаренія, которыя проникають въ тело человека, а во-вторыхъ, они убеждены, что пахучія вещества обезвреживають всё болёзненныя выделенія и заразныя начала, находящіяся въ самомъ организм'в человъка. Глубокая въра въ это целебное дъйствие пахучить веществъ основана на томъ обстоятельствъ, что въ буддистскихъ внигахъ, пользующихся большимъ авторитетомъ у витайцевъ, говорится, что разъ Будда излечился отъ своей болезни вдыханіемъ запаха цвътка лотоса. Исторія медицины говорить, впрочемъ, что запахамъ въ древности придавалось большое значене, какъ лечебнымъ средствамъ, у грековъ, римлянъ и, въ средніе въва, у европейцевъ. Убъждены были многіе, что вдыханіе пахучихъ средствъ можетъ предохранить отъ заболъваній. Красный цвъть пользуется преимуществомъ передъ всъми остальными цвътами потому, что онъ напоминаетъ собою цвътъ персика, а персику китайцы приписывають преимущественную добродьтель и могущество въ уничтожении силы злыхъ духовъ и вреднаго ихъ вліянія на человъва. Талисманы и ладанки пользуются самымъ общирнымъ распространениемъ во всъхъ слояхъ китайскаго народа. Но однихъ талисмановъ все-же недостаточно; въ помощь къ нимъ, какъ предохранители, въ домахъ въшаютъ по ствиамъ

изображенія различныхъ божествъ, сдёланныя на подобіе куволъ. Каждая такан кукла вышита на матеріи шелками. Куколъ въщается въ домъ по числу живущихъ въ немъ, такъ какъ каждая такая кукла является зам'встительницей каждаго члена семьи, в важдой вував, поэтому, достается имя того лица, которое она замъщаетъ. Часто это имя бываетъ даже написано на груди вуклы. Въ первий день лета все эти вуклы, провисевшия целый годъ, снимаются и спосятся въ одно місто, гді и располагаются въ рядъ. Передъ ними ставятся различныя яства, какъ бы въ благодарность за сдёланное благодённіе членамъ семьи за истекшій годъ, а благод'янніе это, по митий китайцевъ, состояло въ томъ, что куклы эти принимали въ себя всё вредныя начала, бывшія въ домі, и охраняли этимъ членовъ семьи отъ дъйствія этихъ началь, которыя предназначались для людей злыми духами. По окончании приношений, куклы эти всё выносятся во дворъ и сжигаются. Вийсти съ пими сжигается и завлючавшееся въ нихъ вло, а члены семьи остаются защищенными. На мъсто сожженных вуколъ выставляются новыя. Сволько дътской наивности, сколько безпомощности вроется въ этихъ върованіяхъ китайскаго народа!

Май, т.-е. пятый мёсяцъ луны, празднуется, какъ первый мёсяцъ лъта, повсюду въ Китаъ. Съ ранияго утра въ первый день мъсяца украшаются веленью ворота и двери домовъ. Изъ велени вяжутся букеты съ непременнымъ присутствиемъ веточви апра, полыни и головки чесноку вийстй съ корнемъ и листьями. Этоть буветъ прикръпляется или надъ выходными воротами на улицу, или надъ овнами; многіе изъ витайцевъ бросають его даже на крышу домовъ целой большой связкой. Значеніе этихъ растеній, вавъ целебныхъ, обусловливается несомненно ихъ сильнымъ запахомъ, который, по мижнію китайцевъ, обезвреживаетъ зловредныя начала бользней. Букеты зелени вышають надъ дверями в окнами для того, чтобы бользни не пронивли въ домъ! Чесновъ считается самымъ действительнымъ предохранительнымъ средствомъ, дъйствующимъ на 99 бользней. Китайцы, поэтому, бевъ чесноку жить не могуть, и ежедневно употребляють его въ пищу. Для европенца, не привыкшаго къ запаху чеснока, случайное пребываніе среди китайцевъ бываеть весьма тяжело, но витаецъ отъ чесноку ни за что не откажется: чеснокъ въ пищъ удлиняетъ жизнь! Китайцамъ изв'ястно также и врачебное д'яйствіе чеснову, какъ хорошаго глистогоннаго.

Посл'в чесноку китайцы придають большое ц'влебное зпаченіе польни, о благод'яніяхь которой написаны ц'влыя кпиги;

въ книгахъ указано время, когда надо рвать полынь, именю 5-го мая и до при претуховъ; указанъ способъ, какъ надо вязать полынь въ связки, чтобы она имъла силу предохранять отъ гибельныхъ повътрій. Листья полыни имъютъ общирное примъненіе: отваромъ изъ нихъ моютъ лицо и все тъло, вътку полыни женщины вплетаютъ въ свою прическу, а также и въ волоса дътей, все съ одной и той же цълью—предохранить отъ злыхъ вліяній.

Китаянки иногда въ свою прическу втикають вмъстъ съ въткой полыни изображение тигра, сдъланное изъ шолка, имъющее
тоже значение амулета, такъ какъ тигръ служитъ защитой противъ злыхъ демоновъ. Послъ полыни въ большомъ употребления
являются вътви ивы и смоковницы, такъ какъ эти дерева служатъ символами долголътия и жизненности. Насколько большое
значение придается китайцами силъ этихъ деревьевъ, можно видъть изъ слъдующаго изречения: "Втыкая въ дверь дома вътви
изъ китаянокъ убъждены также, что, втыкая вътви полыни въ
свою прическу, онъ тъмъ самымъ дълаются болъе ловкими и
сильными. На многихъ домахъ подъ пучками выставленной полыни и чесноку дълается надпись на красной бумагъ: "Да служатъ листъя полыни знаменами, призывающими тысячи благодъяній, а головки чесноку—да отгонятъ милліоны привидъній".

Въра въ чудесныя и цълебныя силы растеній не есть, однаво, принадлежность только странъ Востока. Если мы обратимся въ Европъ, то увидимъ, что растенія въ жизни ея народовъ также играли весьма видную роль и продолжаютъ имъть немаловажное значеніе и до сего дня.

Значеніе растеній было и есть для народа пе только цівлебное, но и чудодійственное по силів, которая могла отвращать оть человівка злыя козни нечистых духовь и вредных повітрій. Не говоря уже про средніе вівка, которые оставиля намъ обычай украшать церкви и дома растеніями, укажу на такія пахучія травы, каковы укропь, чебрець, заміннющія чеснокь, и на вітви березы, заміннющія иву. Въ научной европейской литературів мы имінемъ весьма интересное изслідованіе о культів растеній у разныхъ народовъ, принадлежащее перу D-г'а Маупілагій, подъ названіемъ: "Вашткиїти der Germaner und ihrer Nachbarstämme". Изъ этой книги мы узнаемъ, что вы Швеціи и Норвегіи на Ивана-Купелу воздвигають повсюду літнюю мачту съ пітухомъ наверху, и въ то же время укращають дома и комнаты зеленью. Этоть обычай распространень одина-

вово и въ городахъ, и въ деревняхъ. То же самое дълаютъ на 1-е мая, на Ивана-Купалу и на Троицынъ день. Уврашенное дерево-мачту носятъ по деревнямъ у французовъ, у нъмцевъ, у англичанъ. Такое же дерево укръплаютъ надъ воротами и надъ хлъвами, такъ какъ у населенія держится повърье, что коровы больше тогда даютъ молока и что колдуны не будутъ въ состонній дълать вреда. Такимъ образомъ, върованія китайцевъ отвъчаютъ когда-то распространенному върованію въ майское дерево у евронейцевъ, обратившееся нынъ лишь въ веселое празднество мая. Полынь также пользуется и до сего дня большимъ уваженіемъ среди европейскихъ народовъ. У французовъ въ Пикардіи существуетъ и понынъ върованіе, что злые духи боятся полыни. Во многихъ странахъ держится повърье, что въ ночь на Ивана-Купалу подъ корнемъ полыни можно найти уголь, который будетъ покровительствовать его владъльцу, предохрання его отъ заболъванія язвами, лихорадкой и пр. Мисологія растеній имъетъ много общаго у всъхъ народовъ. Извъстно также, что римляне въшали на дверяхъ своихъ домовъ гирлянды изъ боярышника, дабы отгонять вредныя вліннія и бользянь отъ обитателей дома и отъ животныхъ. Въ Греціи эту же роль играло лавровое дерево, а въ Египтъ—аиръ.

У китайцевь, какъ народа исключительно земледъльческаго, самые выдающеся праздники пріурочены въ честь неба, бога солнца, богни земли. Празднество въ честь богиви земли торжественно совершается по всему Китаю три раза въ годъ: весной, послѣ посѣва и появленія на полихъ первой зелени; лѣтомъ, когда жатва готова, и осенью, послѣ уборки жатвы. Осенній праздникъ жатвы—самый торжественный и самый чтимый народомъ. Земля, составляющая культъ почитанія у всѣхъ народовъ, только у китайцевъ сохранила этотъ культъ въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Китаецъ ставить богиню земли во главѣ остальныхъ божествъ. Оно и понятно: земля питаетъ человѣка и все живущее на ней, земля производитъ для человѣка все необходимое ему въ жизни; земля является самой любящей матерью человѣчества, создавшей человѣка и берущей его снова къ себѣ. "Мать сыра-земля"—и до сего дня еще говоритъ русскій человѣкъ; "земля-кормилица"—говоритъ русскій нахарь, имѣющій много общаго въ своихъ понятіяхъ съ земледѣльцемъ-китайцемъ. Осенній праздникъ жатвы, справляемый 15-го августа (15-й день 8-й луны), начинается торжественными служеніями въ китайскихъ храмахъ; народъ за благодѣянія, ему оказанныя богиней, приноситъ на ея алтарь жертвы отъ урожая,

а также предъ изображеніемъ богини ставятся мясныя блюда, пироги, сласти и вино, приготовленное изъ проса. На домашнихъ алтаряхъ ставятся передъ богиней спеціально въ этотъ день приготовленные пирожки изъриса пополамъ съ мукой. Пирожви дълаются вруглые по формъ и приготовляются на пару. Эти пирожки имъютъ свое названіе— "цви". Въ этотъ день къ старшему въ родъ собираются всъ родные и разсаживаются за общимъ столомъ вокругъ пирожновъ. Вмёстё съ пирожнами ставять на столь блюдо съ жженымъ сахаромъ и другими сластями. Обиліе яствъ и сластей имбеть, конечно, значеніе: мать-земля даеть своимъ дътямъ изобильную жатву, составляющую для народа и богатство, и благодъяніе. Земля, являясь матерью живущаго, имъетъ супругомъ своимъ лучезарное солице, воторое тепломъ своимъ поддерживаетъ жизнь, даваемую землей, животворить все ею рождаемое. По мере дальнейшаго развити земледелія создавались все новыя и расширялись старыя вёрованія народа-земледёльца. Хотя вемля повсюду едина и неизмънна, но произведенія ся слишкомъ разнообразны. Не зная, вавъ объяснить это богатство и разнообразіе даровъ земли, народъ создаль рядъ божествъ для важдой страны, повровительствующихъ земледъльцу и тъсно примывающихъ въ общей ихъ матери, богинъ вемли. Въ важдой странъ эти божества, покровители земледелія, навываются властелинами земли, о важдомъ изъ нихъ народъ создалъ свою особую легенду. Объ одномъ изъ нихъ, властелинъ полей, преданіе говоритъ, что онъ былъ первоначально сыномъ министра работъ во времена династіи Яо. Будучи юношей, онъ поражаль всёхь особымь даромь водворять равновъсіе между водою и землею, т.-е. онъ могъ повельвать водъ и защищалъ землю оть наводненій, чэмъ оказываль народу-земледъльцу истинное благодъяніе, за которое и быль обращенъ въ божество. Но все-таки земля давала народу много непонятнаго, производя растенія столь редвія по своему виду в оврасвъ. Отсюда народныя върованія создали еще пять божествъ, изъ которыхъ каждое имъло свое личное свойство. Одно ивъ божествъ производило изъ земли все, что имвло синій цветь, другое-все, что имвло врасный, третье производило огнецвытные предметы, четвертое -- желтые, а пятое -- черные. Но народная мысль не остановилась на своихъ первоначальныхъ созданіяхъ, а, развиваясь дальше, обобщила всё видимыя совданія природы въ одно божество, которое и было властелиномъ всехъ божествъ. Это божество является уже сыномъ вемли и солнца, располагаеть властью надъ всей природой: онъ посылаеть на землю

дождь, снёгь, росу, иней, вётерь, посредствомъ которыхъ существуеть постоянное общеніе Неба и Земли. Въ честь этого бога и подвластныхъ ему боговъ, повровителей земли, народъ создаль уже свой земледёльческій гимпъ, въ которомъ, восхваляя благодённія, оказываемыя божествомъ народу-земледёльцу, говорить, что должно приносить богу жертву отъ воёхъ плодовъ земли: и отъ проса, и отъ овецъ.

Китайскій народъ, съ дальнійшимъ развитіемъ жизни и земледълія, отделиль все непонятное для него въ явленіяхъ природы отъ понятнаго ему труда земледвльца и этотъ трудъ облевъ живою человъческою плотью, создавъ своего патріарха земледълін, подобно русскому Мивулъ Селяниновичу. Своему патріарху земледълія китайскій народъ сообщилъ легендарное происхожденіе, сділавь его сыномь горы Ли. Жиль этоть мирный витязь труда, вакъ говорять китайскія літописи-былины, въ періодъ за 2205 —1766 г. до Р. Xp.; онъ первый сталъ правильно воздёлывать всв сорта злаковъ и растеній, научивъ правильному труду и народъ. Память этого патріарха земледвлія чествуется и до сихъ поръ въ народъ. Въ честь своего героя-земледельца народъ устроиваетъ и моленія въ храмахъ, и развлеченія. Въ храмахъ возсылаются моленія о ниспосланіи теплыхъ дождей, о томъ, чтобы просо все умножалось, и чтобы мужчины и женщины благословлены были ивобиліемъ. По окончаніи моленій, населеніе идеть въ театръ, который въ дни народныхъ праздниковъ устроивается труппою бродячих артистовъ на площади селенія подъ открытымъ небомъ. Театральное представление сопровождается громвой музывой, крайне непріятной для ука европейца. Музыва состоить въ ударахъ въ гонги и барабаны, сопровождаемыхъ зву вами флейты и визгливыми голосами автеровъ. Китайскій народъ до сего дня настолько еще въруеть въ свое общение со всей природой, что зрители и слушатели театральныхъ представленій глубово убъждены въ томъ, что и боги пользуются этими зрълищами, невидимо присутствуя на представленіяхъ. Иногда такія театральныя представленія устронваются прямо въ честь боговъ.

Празднество, совершаемое въ честь богини земли лѣтомъ, происходить 6-го числа 6-й луны, т.-е., въ половинѣ іюня—началѣ іюля, когда наливаются всѣ колосья злаковъ, зерна тяжелѣютъ, поспѣваютъ всѣ фрукты. Трудъ земледѣльца даетъ видимый плодъ, радуетъ его душу. "Открыты врата Неба", говорятъ китайцы, когда земля даетъ хорошій урожай. Празднество начинается обычными моленіями и жертвоприношеніями богинѣ земля

передъ ея изображениемъ и отличается отъ празднества весною и осенью лишь тёмъ, что молодежь исполняетъ рядъ суевёрныхъ обычаевъ. Многіе еще и теперь вірять, что если въ этоть день поставить во дворъ новую деревинную лоханку, наполнить ее водой, надъ которой надо держать зеркало и внимательно смотръть въ него, то можно увидать дъйствительно разверстыя небеса, что и объщаеть великое счастіе. По поводу такого зрілища, удостоившіеся его счастливцы разсказывають обычно, сообразно вкусамъ китайскаго человека, следующую исторію. Они говорять, что видели длинный столь, накрытый красной скатертью, а за столомъ сидълъ старецъ съ длинной бълой бородой. На головъ у этого старца была корона. По мнънію разсказчиковъ, старецъ этотъ можетъ быть не иной кто, какъ припратнивъ неба, или даже самъ его властелинъ. Не всякій, копечно, удостоивается видёть небо разверстымъ, но что небо въ этотъ день развервается, — этому върять всъ китайцы и объясняють это явление различно. Одни говорять, что небо развервается для того, чтобы боги могли видъть поступки и жизнь всвхъ людей. Другіе же стараются объяснить это тімъ, что богиня вемли, все оплодотворяющая, воспринимаеть въ свою грудь живительные солнечные лучи. Посылаемый съ неба дождь одъваеть ее зеленой одеждой, и небо заботится о роств травь и злаковъ для жизни человъка на землъ. Разверзается небо, говорять третьи, въ благодарность человъку за его трудъ и заботи о вемль. Небо видить эти труды и говорить объ этомъ человыму. Какъ бы народъ ни старался объяснить прирожденную ему жизнь чувства и мысли, онъ вездъ доказываетъ, что въ душъ его горить та искра чудеснаго, которая вложена каждому Творцомъ Неба и Земли!

Китайцы, будучи народомъ исключительно земледъльческимъ, не отдъляютъ понятія богатства отъ плодородія земли. Они до мозга костей убъждены въ томъ, что только тотъ народъ богатъ, у котораго земля плодородна. Этимъ только и объясняется то глубокое уваженіе, которое всеобще у всего китайскаго народа къ труду земледъльца. Трудъ земледъльца послъ занятій науками считается самымъ благороднымъ. Въ земледъліи только китайскій народъ видитъ главные и основные устои общественнаго счастія и благополучія. Всъ китайскіе мыслители, говоря о частныхъ, отдъльныхъ видахъ богатствъ, единогласно утверждаютъ, что такія частныя богатства возможны и позволительны только тогда, когда каждый человъкъ изъ народа имъетъ достаточно для своего пропитанія. "Для чего будетъ служить каменный уголь,—гово-

рять стариви-китайцы, приверженцы народной старины, —машины, металлы, если у народа не будеть достаточно пропитанія и одежды, доставляемых всёмь земледёліемь". Только земледёліе составляеть источникь народнаго благополучія. Понятно поэтому, что такь глубоко живеть въ китайскомъ народё уваженіе къ труду земледёльца и что самъ императоръ въ день празднества въ честь Неба проводить въ почвё ограды храма плугомъ земледёльческую полосу.

Богиня земледёлія Ту-ди-гунъ чтится всёмъ витайскимъ народомъ. Къ празднеству въ честь богини земли примываетъ, вавъ второстепенное, празднество въ честь бога богатства, занимающаго также весьма почетное мъсто среди всего человъчества. Богатство любять всф, и всф стремятся его достигнуть. Въ важдой витайской семьв, будеть ли это земледвлець, ученый, купецъ, чиновникъ, военный, нищій и воръ-одинавово богъ богатства окружается почетомъ, и среди домашнихъ боговъ помъщается и статуэтка изъ фарфора, глины или бронзы и этого божка — Да-дуцза, что въ переводъ значитъ: "Великое брюхо". Мечты разбогатъть такъ доступны и понятны каждому человъку! Богъ богатства представляется благообразнымъ старикомъ, съ большимъ отвислымъ животомъ, сидящимъ въ вресле; въ руке онъ держить большой кошель съ деньгами. Въ семействахъ купцовъ богъ богатства пользуется особымъ почетомъ, и въ честь его ежемъснчно важдое 2-ое и 16-ое число совершаются жертвоприношенія съ возліяніемъ вина, куреньями и сожиганіемъ золотой бумаги. Богатые купцы въ этотъ день приглашають къ себъ на объдъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и служащихъ. Воздавая почетъ богу богатства, земледелецъ и купецъ одинаково призывають благословеніе на свои труды. Въ приморскихъ и прирачныхъ мъстностяхъ Китая въ дни этого празднества готовится даже особое блюдо: вареный рись съ устрицами. Блюдо это вакъ бы служить выраженіемъ желанія, чтобы богиня земли дала одинаково людямъ и богатства моря, и богатства земли.

Китайскій народъ, чрезвычайно наблюдательный, но не могущій уяснить себъ соціальныхъ явленій общественной жизни, старается объяснять ихъ вмѣшательствомъ божествъ въ дѣла человъка. Наблюдая крайне неравномѣрное распредѣленіе богатства и благъ земныхъ среди людей, китайскій народъ объясняетъ эту несправедливость такъ. Властелинъ неба послалъ бога богатства на землю и приказалъ распредѣлить между людьми всѣ блага земли поровну, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Исполненію этого повелѣнія воспротивилась жена бога богатства и

Томъ VI.-Декабрь, 1902.

убъдила своего супруга ослушаться и не исполнять повелънія властелина неба. Если всъ люди будуть равно богаты, говорила она, то на землъ станетъ царство эгоняма, важдый будеть жить только для себя, и общественная жизнь будетъ невозможна. Богъ богатства убъдился доводами своей жены и распредълилъ богатства неравномърно. Отсюда и существують на землъ богатые и бъдные. Китайцы, однако, не одобрили поступка жены бога и, почитая ен супруга, почитая другихъ богинь, ее совершенно исключили изъ общаго сонма божествъ, и тъмъ, быть можетъ, выразили ей порицаніе!

Съ развитіемъ жизни шло развитіе и народнаго міровоззрѣнія и народнаго мышленія. Все болѣе и болѣе охватывалъ умъ народа и его сердце разнообразный, то грозный, то добрый, но непонятный для него по прежнему міръ явленій природы, подавлявшій все существо человѣка своимъ величіемъ. Не имѣя знаній, чтобы объяснить себѣ явленія жизни, и въ то же время съ жадной пытливостью стараясь проникнуть въ окружавшій его таинственный міръ, китайскій народъ создалъ себѣ героевъ-людей, надѣливъ ихъ безсмертіемъ. Такихъ безсмертныхъ благодѣтелей считаетъ для себя китайскій народъ восемь, и всѣ они принадлежать къ даосамъ, т.-е. послѣдователямъ ученія объ истинномъ пути, ведущемъ къ безсмертію.

Главный изъ восьми даосовъ-па-сянь - навывается Ужумли-июань; онъ изображается въ востюмъ ученаго, съ въеромъ или персикомъ въ рукв, но покрытый женскимъ головнымъ уборомъ. Преданія говорять, что при рожденіи его совершались чудеса: отъ твла его исходилъ необычайный светь, и онъ началъ говорить на седьмой день. Въ дальнъйшемъ повъствуется, что онъ быль генераломъ и участвоваль въ войнъ противъ Тибета, но потерпълъ поражение и былъ казненъ. Даосская легенда, однако, не признаетъ этого, а утверждаетъ, что, потерпъвъ пораженіе, онъ скрылся въ горы совершенно одивъ. Въ горахъ его встратиль монахъ-отшельнивь и указаль путь къ спасениюдао. Принявъ ученіе монаха, Чжун-ли-цюань достигь такого совершенства, что взять живой на небо. У даосовь существуеть убъждение, что безсмертный спускается иногда съ неба на повинутую имъ землю и, помахивая своимъ чудеснымъ въеромъ, возвращаеть жизнь умершимъ. Существуеть несколько изображеній этого безсмертнаго съ различными варіаціями. Изображается онъ или вдущимъ на ци-линв (миоическій единорогь), или стоящимъ на черепахъ; иногда аистъ несеть ему палку.

Второй безсмертный, Хань-сянг-изы, покровитель садовин-

жовъ, изображается съ въеромъ и корзиною персиковъ. Изображается также ъдущимъ на львъ или стоящимъ на баснословной рыбъ ао.

Третій безсмертный, *Цао-го-цзю*, покровитель актеровъ, изображается съ кастаньетами въ рукахъ. Изображается или вдущимъ на ци-линв, или стоящимъ на ракв.

Четвертый безсмертный, Ли-те-гуай, повровитель маговъ и тародвевъ, при жизни быль великимъ ученымъ и философомъ. Знанія и могущество его были такъ велики, что онъ могь отдъять душу отъ тъла, и, оставивъ тъло на землъ, отправиться въ путешествія. Ли-те-гуай изображается безобразнымъ, хромымъ старикомъ, опирающимся на костыль, а на спинъ у него прикръплена тыквенная гориника. Изображается онъ ъдущимъ или на оленъ, или стоящимъ на крабъ. Ли-те-гуай при жизни своей былъ здоровымъ, красивымъ и молодымъ; сдълался же безобразнымъ старикомъ, благодаря слъдующему обстоятельству. Однажды онъ отправился къ учителю своему Лао-цвы на небо, оставивъ тъло свое на землъ и поручивъ охранять его своему ученику въ теченіе семи сутокъ. Ученикъ его не могъ, однако, выполнить возложенное на него порученіе, такъ какъ былъ отовванъ къ умиравшей матери. Тъло осталось одно и въ это время по одной версіи было истреблено пожаромъ, а по другой версіи —было събдено тигромъ. Когда душа Ли-те-гуай вернулась на землю, то не могла найти своего тъла. Чтобы имъть какое-нибудь пребываніе на землъ, душа вошла въ лежавшій на дорогь трупъ умершаго отъ голода калъки. Вотъ причина, по воторой онъ изображается хромымъ и старымъ.

Пятый безсмертный, Лань-цай-хэ, покровитель музыкантовъ, ивображается съ флейтой въ рукъ. Народное сказаніе сохранило о немъ много интереснаго, касающагося личныхъ его качествъ. Легенда передаетъ, что Лань-цай-хэ ходилъ въ изорванной рубашкъ, одну ногу имълъ въ сапогъ, а другую босую. Зимою онъ ложился въ снъгъ и не простужался, — отъ него шелъ только наръ. Всъ, кто зналъ его съ дътства, видъли, что онъ совершенно не старъетъ и не измъняется. Жизнь онъ велъ самую безпутную: ходилъ какъ сумасшедшій по рынкамъ, бормоталъ пъсни, смыслъ которыхъ былъ непонятенъ для большинства. Былъ въ полномъ смыслъ слова безсребренникъ. Если давали ему денегъ, то онъ носилъ ихъ на веревкъ. Если веревка обрываласъ и деньги падали, то онъ ихъ не поднималъ и даже не смотрълъ на нихъ. Если же онъ оставались цълы, то онъ раздавалъ ихъ бъднымъ и пропивалъ. Однажды, когда онъ пировалъ на бал-

вонъ трактира, послышался звукъ флейтъ и кларнетовъ. Ланьцай-хэ сошелъ внизъ, сълъ на аиста и поднялся съ немъ на воздухъ, бросивъ съ себя на землю башмакъ, поясъ и рубашку. Изображается онъ ъдущимъ на ци-линъ или стоящимъ на рыбъ. Есть преданія, что Лань-цай-хэ была женщина, а не мужчина.

Пестой безсмертный, Люй-дунь-бинь — покровитель врачей и пирюльниковъ. При жизни своей онъ отличался своею ученостью. Жилъ онъ удалившись въ пещеру, въ которой занимался само-углубленіемъ и соверцаніемъ. Здівсь написалъ онъ нівсколько книгъ. Въ пещерів посітилъ Люй-дунь-биня глава духовъ, Чжунъ-ли, и вручилъ мыслителю саблю, которой ничто человіческое не могло сопротивляться. Тогда Люй-дунь-бинь вышелъ изъ своей пещеры и, владія чудесною саблей, освободилъ Китай отъ демоновъ и свирізныхъ чудовищъ, опустошавшихъ страну. Изображается этотъ безсмертный іздущимъ на ци-линів или стоящимъ на улиткъ.

Седьмой безсмертный, Чжан-го-лао, повровитель стилистиви и врасиваго письма, изображается имёющимъ вазу для вистей. Онъ ёдетъ на осле или стоитъ на драконе. Оселъ Чжан-го-лао отличался, по свазаніямъ, необычайной быстротой бега и способностью превращаться въ такого крохотнаго, что безсмертный свободно помещаль осла въ свою маленькую вазу. Когда же наступало время отправляться въ путешествіе, то Чжан-го-лао браль нёскольво капель воды и брызгалъ ими на ослива, который принималь тогда свой настоящій видъ.

Восьмая безсмертная, женщина Хэ-сянь-гунь (янь), считается покровительницей женщинь, женскаго труда и домашнихь женскихь работь. О ней китайскія легенды разсказывають слідующее: ногда ей было 15 літь оть роду, то ей во сні явилось божественное существо, которое и предсказало ей безсмертіе. Подъ вліяніемь этого сна Хэ-сянь-гунь посвятила себя религіозной жизни и созерцанію. Она иміла способность никогда не ість и обладала быстротою движенія, равною быстротів движенія світа. Свой дарь она приміняла на то, чтобы доставать самые необыкновенные плоды для своей больной матери. Наконець она оставила землю, поднявшись среди дня на біломь облаків на небо. Безсмертная все-же часто посіщаеть землю, спускаясь на облакахъ.

Принадлежности этихъ восьми безсмертныхъ часто изображаются китайцами-художниками на картинахъ, на лаковыхъ вещахъ, на вышивкахъ, на фарфоровыхъ чашкахъ и проч. Жизнь предъявляла китайскому народу все новыя и новыя требованія,

на воторыя онъ отвъчаль, создавая новыхъ безсмертныхъ. Таковыми явились впосл'едствін Ма-ванъ, покровитель лошадей, и особенно Гуан-ди, славимый во всемъ Китав. Гуан-ди—личность историческая и жилъ въ эпоху троецарствія въ Китав, т.-е: 220—263 г. по Р. Х. Китайскія летописи разсказывають о немъ слёдующее. Когда весь Китай раздирали междоусобія и войны и власть китайскаго императора становилась шаткой, авился нѣвій Чангь, который подняль самое опасное возстаніе противъ императора, разглашая, что ему только свыше дана власть возстановить въ странъ миръ и благополучіе. Измученный и разоренный народъ призналь въ немъ своего спасителя и слено за нимъ последовалъ. Движеніе охватило всю страну; по-следователи Чанга стали носить вокругь головы желтыя повязки и въ отрядахъ своихъ употреблять желтыя знамена. Во всей странв китайскому императору осталась вврной только одна провинція Чили. Губернаторъ этой провинціи обратился въ народу съ воззваніемъ, приглашая идти всёхъ на защиту императора. Вовзваніе это подняло весь народъ, и въ губернатору явился Гуанъ-Юй, громаднаго роста, до девяти футъ, съ длинной черной бородой, бронзовымъ цвътомъ лица; глаза его блестъли какъ у враснаго феникса, а брови были вытянуты какъ два шелковичныхъ червя. Тавъ описывають летописи наружность будущаго бога войны. Летописи говорять, что до воззванія онъ занимался продажей вареных бобовъ. Принятый губернаторомъ Гуанъ-Юй образовалъ союзъ съ двумя своими братьями, которые повлялись передъ Небомъ и Землей организовать борьбу для защиты имперіи. Къ братьня шель со всёхъ сторонъ народъ, и скоро составилось громадное народное ополченіе. Гуанъюй выступиль противъ Чанга, и послідній быль первый разъ въ битві разбить. Военное счастье окончательно перешло на сторону Гуан-Юй. Войско его все увеличивалось въ числі, мятежники терпіли пораженія и одинъ городъ за другимъ переходили въ его руки. Но Чангъ еще не сдавался и далъ рёшительную битву. Гуан-Юй, подврепленный императорскими войсками, подъ начальствомъ знаменитаго генерала въ китайской исторіи, Цзао-Цзао, разбилъ Чанга въ этой битев, и самъ онъ палъ. Страна стала умиротворяться; Гуанъ-Юй быстро возвышался, но возбудиль въ себъ вависть въ генералъ Цзао-Цзао, который задумаль отложиться отъ императора и захватилъ въ плънъ хитростью Гуан-Юй. Начались снова по всей странъ мятежи и возстанія. Но Гуан-Юй, оставансь по прежнему върнымъ и преданнымъ императору, успълъ обжать изъ плъна и снова началъ энергичную борьбу съ

мятежнивами. Счастье ему, однако, на этотъ разъ измінило. Онъ быль разбить, взать въ плёнь и обезглавлень вмёстё съ своимъ сывомъ. Гуан-Юй было въ это время 58 леть, и последнія десять лётъ его жизни прошли въ непрерывной войнё за императора, которому онъ оставался неизмённо вёренъ. За свою вёрность память его польвовалась у всёхъ китайскихъ императоровъ громаднымъ почетомъ, а среди народа онъ сталъ славиться вавъ защитникъ правды, другъ ученыхъ и покровитель торговии. Впоследствін въ лице Гуан-Юй олицетворнан доверіе и честь. Онъ признанъ безсмертнымъ повровителемъ войсва, какъ богъ войны, въ 1594 г. по Р. Х., по следующему поводу. Нурхациханъ, основатель нынъ царствующей въ Китаъ династіи. еще до вавоеванія Китая отправиль въ Пекинъ посольство къ витайскому императору - просить, чтобы императоръ прислаль ему изображеніе вакого-нибудь бога. Китайскій императоръ послаль Нурхапехану изображение Гуан-Юй. Въ лицъ присланнаго изображения Нурхаци усмотрълъ сходство съ лицомъ своего отда и призналъ божествомъ, присоединивъ вмъсто имени "Юй" слово "ди", что значить: божество, властелинь. Съ завоеваніемь Китая манчжурами, Гуан-ди сталъ считаться покровителемъ всего съвернаго Китан и патрономъ царствующей династіи. День рожденія Гуан-ди торжественно празднуется 24-го дня шестой луны, т.-е. въ іюль мъсяць. Уваженіе къ личности Гуан-ди такъ велико, что ни одинъ витаецъ не осмеливается громко произнести его вмя, равно какъ имя Конфуція, чтобы не осквернить ихъ память ввукомъ своего голоса. Когда нужно назвать имя Конфуція, то витайцы говорять или "Великій учитель", или просто "Онъ", а вогда нужно назвать Гуан-ди, то говорять "лао-е", т.-е. господинъ, властелинъ. -- Съ дальнъйшимъ развитіемъ жизни явилось необходимымъ отметить счастье, чины и долголетие. Явилось поэтому новое божество- Фу лу-шоу. Фу представляется молодымъ человъкомъ съ ребенкомъ; Лу представляетъ собою мандарина, а Шоу-старива съ большой головой и продолговатымъ черепомъ. Принадлежностями Шоу являются персикъ, вверъ, кинга, трость, тыквенная горлянка, а иногда присоединяются еще аисть, черепаха и виби. Все это служить у витайцевь символомъ долголътін. Очень часто старца Шоу изображають вивсть съ олененъ и летучей мышью.

Всё народныя празднества китайцевъ соединены всегда съ какимъ-либо преданіемъ, миномъ или воспоминаніемъ о какой-либо легендарной личности. Въ числё наиболёе распространенныхъ празднествъ находится праздникъ Драконовой лодки—

Дуань-у, совершаемый 5-го числа пятой луны (въ мав месяце). Этотъ правдникъ особенно распространенъ въ южныхъ провинціяхъ Китая, и объясняють его происхожденіе ученые витайцы слъдующимъ образомъ. Въ 299 году до Р. Хр. знаменитый поэтъ Цзюэ-пинъ бросился въ ръку И-ло-цзянъ съ камнемъ на шев и утонулъ. Население области, въ которой онъ жилъ, сильно горевало о потеръ любимаго поэта и, свято храня его память, стало приносить жертвы своему погибшему любимцу, бросая въ ръку трубочки бамбука, ваполненныя варенымъ рисомъ и обвитыя разноцвътными шелками, чтобы предохранить рисъ отъ похищенія его рыбами. Мало-по-малу это мъстное чествованіе памяти поэта распространилось по сосёднимь областямь и сдёлалось народнымъ праздникомъ, во время котораго совершаются гонки на разукрашенныхъ додкахъ. Въ Пекинъ пътъ этого праздника, но время съ 1-го и по 5-ое число мая посвящено празднованію пяти ядовитыхъ пресмывающихся "у-ду-жи". По народному върованію, въ эти дни бродять по вемле ядовитыя пресмывающіяся, злые духи и вообще всякая нечисть. Ядовитыя пресмывающіяся — змёя, ящерица, жаба, скорціонъ и стоножка. О зменхъ и ящерицахъ существуеть у разныхъ народовъ и до сего дня много повърій. Камчадалы считають ящериць за разведчивовь, которыхъ посылаетъ подземный владыка на землю, чтобы они извъстили его, какому человъку настало время умереть. На основании этого повърья камчадалъ убиваетъ ящерицу, какъ только увидить ее. Латыши въ лифляндской губерніи глубово уб'вждены, что ящерица оживляеть убитых зм'вй. Китайцы в'врять, что жаба обладаеть способностью дыханіемь своимь высасывать силу человека. Стоножки витайцы страшно боятся, такъ вакъ убъждены, что она можетъ сонному человъку влъзть въ ухо, пройти въ мозгъ и, поселясь въ немъ, будетъ питаться мозгомъ человъка. Змъя также, по ихъ убъжденію, можеть вполяти въ роть человька и животныхъ и жить въ желудкъ. Чтобы предохранить себя отъ всего этого зла, въ наждомъ витайскомъ домъ въшаются тъ благодътельныя для вдоровья человъка растенія, о которыхъ уже было говорено, а затъмъ на дверяхъ написываютъ заклинанія и изображенія Чжун-Гуя и Тянь-ши (небесный учитель). Чжун-Гуй изображается въ видѣ старика съ краснымъ отъ гнѣва лицомъ и приподнятой ногой. Принадлежностью его служать мечъ и летучая мышь, которую онъ гонитъ въ домъ. Летучая мышь—символъ счастья, причемъ здѣсь подтверждается еще разъ любовь китайцевъ—отвлеченныя понятія запечатлѣвать на видимыхъ предметахъ. Фу - летучан мышь, и фу-счастье. О личности Чжун-Гуж

витайскія преданія говорять, что жиль онь во времена Танской династіи, между 618—907 г.; наружность имѣль крайне безобразную, быль ученымь и добивался получить ученую степень, но не быль удостоень ея полученія и умерь, разгиванный этимь. Китайцы глубоко върять, что Чжун-Гуй поёдаеть злыхь духовь.

Тянь-ши назывался первоначально Чжанъ-дао-линь и, по витайскимъ преданіямъ, родился въ 34 году по Р. Хр. Онъ славился огромною ученостью и познаніями силь природы. Когда ему было болье 60 льть отъ роду, онъ изобрыть большую дражоновотигровую пилюлю", принявъ которую-помолодель сразу на 30 лътъ. Изображается Тянь-ши всегда съ слъдующими принадлежностями: мечь съ семью звъздами; коробочка, испаренія изъ которой уничтожають злыхь духовь; вниги, печать, бёлый левь и лазоревый драконъ. Всв эти вещи имъють значение для объясненія д'ятельности Тянь-ши, который совершиль на вемл'я рядъ подвиговъ на пользу человъчества. Такъ, въ одномъ мъстъ бълый тигръ любилъ пить человъческую кровь, и население вынуждено было разъ въ году убивать для тигра человъва изъ своей среды. Тянь-ши наложиль запрещение на тигра и освободиль населеніе. Въ другой містности жиль громадный дравонь, воторый своимъ дыханіемъ отравляль всёхъ проходящихъ мимо. Тянь-ши наложиль запрещение и на дравона. Тянь-ши является главнымъ учителемъ даосовъ. Въ описаніи жизни Тянь-ши они разсказывають, что основатель даосивма, Лао-цзы, прислаль въ 142 году Тянь-ши книги, два меча и печать. Изъ внигъ и при помощи мечей онъ и научился укрощать влыхъ духовъ. Подъ конецъ своей жизни Тянь-ши избралъ для постояннаго своего мъстопребыванія горы Лун-ху-шань (горы дракона и тигра). Здёсь, на 123 году своей жизни, выпивъ изобрётенный имъ эливсиръ безсмертія, онъ вознесся на небо. Даосскія легенди прибавляють, что титуль Тянь-ши, вмёсто своего человёческаго имени, Чжонъ-дао-линь получилъ отъ самого властелина неба. Знанія свои, всв свои изобретенія и секреты, тайны приготовленія чудесныхъ пилюль и эликсировъ безсмертія Тянь-ши передалъ своему сыну. Сыну же передалъ мечъ и печать, столь страшные для нечистой силы, и приказаль ему сохранять эти вещи въ своемъ потомствъ.

Потомки Тянь-ши поселились на горахъ Лунь-ху-шань и стали верховными главами даосской іерархін; за ен жрецами китайскій народъ признаеть и до сего дня особое знаніе всякаго волшебства и цёлебныхъ средствъ, а также особое умёнье входить въ сношенія съ духами. Воть почему даосскіе жрецы поль-

вуются большимъ почетомъ и значеніемъ среди китайцевъ буддистовъ и конфуціанъ. Права потомковъ Тянь-ши на гору Луньку-шань были впоследствіи подтверждены императорскимъ декретомъ въ 749 г. по Р. Хр. Званіе Тянь-ши осталось въ потомстве и стало переходить преемственно въ одному изъ членовъ фамиліи Чжан-дао-линь. Получившій званіе "Тянь-ши" изъ членовъ рода воплощаетъ въ себе, какъ убеждены все даосы, и душу своего предка. Можно встретить на дверякъ китайскихъ жилищъ изображеніе только аттрибутовъ Тянь-ши, но его самого нётъ.

По возврѣніямъ китайцевъ тигръ является царемъ животныхъ, тавъ вавъ льва витайцы мало знають. Тигръ считается животнымъ благороднымъ: онъ не нападаетъ первымъ на человъка, если только человъкъ не намъревается убить тигра. Тигръ, будучи голоднымъ, не встъ пьянаго человвка, а ожидаетъ его вытрезвленія. Тигръ--- страшно долголетнее животное: черезъ пятьсоть лёть вся его шерсть становится бёлой, а черезъ тысячу лъть у тигра выростають рога. Самое название по-китайски льва словомъ "ши" многіе считають заимствованнымъ съ персидскаго имени этого животнаго-, ширъ". Во время этихъ праздничныхъ дней родственники и друзья постщають другь друга съ поздравленіями, а также посылають другь другу подарки, состоящіе изъ вина, плодовъ, различныхъ съвстныхъ блюдъ, посвященныхъ паразднику, изъ которыхъ главное мъсто занимають небольшіе треугольники изъ густо свареннаго риса съ сахарнымъ тростнивомъ. Это, быть можеть, составляеть остатокъ драконоваго ттраздника.

B. B. KOPCAROBЪ.

Пекинъ.

ФИНАНСОВЫЕ УСПЪХИ

ИТАЛІИ.

Изъ путевыхъ замьтокъ.

По пути изъ Франціи въ Италію, въ концъ августа настоящаго года, мнъ хотвлось на границъ, въ "Ventimiglia", размънять французское золото на итальянскія бумажныя лиры. Лира в франкъ номинально равноценны. Мне предложили у меняли жельзно-дорожнаго вокзала за сто франковъ золотомъ всего сто лиръ и тридцать сантимовъ. Я отказался, увъренный, что далье найду болве выгодныя условія. На другой день, въ Генув, гав ночеваль, вынужденный запастись местными деньгами, я получилъ всего сто лиръ и пятнадцать сантимовъ за сто франвовъ золотомъ. Привывшій, въ чуть не ежегодныя мои посъщенія Италін, получать гораздо болье, какъ, напримъръ, въ сентябрь прошлаго года, почти шесть процентовъ приплаты при прометь золота на бумажныя итальянскія деньги, я очень заинтересовался такимъ высокимъ ихъ курсомъ. Съ помощью многихъ старыхъ знакомыхъ, встреченныхъ въ "Viareggio", где я поселыся, мнъ удалось собрать необходимыя свъдънія и вое-вакіе документы. Надъюсь, результать моего, пожалуй, поверхностнаго изследованія будеть интересень для русскаго читателя 1).

Въ истекшее десятильтие итальянския рента и другия бумаж-

¹⁾ Объ этомъ же предметь была помъщена недавно въ "Въстинкъ Европи" (августъ, 1902) статья Г. Э. Франкенштейна: "Экономическое пробуждение Итали".

ныя ценности покупались на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ все въ болье увеличивающемся размъръ самой Италіей, то-есть итальянскими сбереженіями. Въ биржевыхъ сферахъ говорять, что за десять льтъ такихъ бумагъ было переведено въ Италію на сумму около четырехъ милліардовъ франковъ. Точное опредъленіе такой цифры, разумъется, было бы интересно; но врядъ ли оно имъетъ существенное значение въ данномъ случав, при разсмотрѣніи факта повышенія курса бумажныхъ итальянскихъ денегъ. Важно положеніе итальянской ренты на заграничномъ денежномъ рынвъ и сколько-нибудь значительная ен покупка Ита-ліей, такъ какъ послъдняя находится въ тъсной связи съ курсомъ нтальянскихъ денегъ. Очевидно, что итальянецъ-лицо или учрежденіе— для покупки за границей билета ренты или какойлибо вещи можетъ употребить только тё деньги, какими поль-вуется, т.-е. бумажныя, въ томъ размёрё, въ какомъ онё цё-нятся за границей, т.-е. по курсу ихъ. Какъ курсъ всякихъ денегъ, даже металлическихъ, такъ и ценность самыхъ крепвихъ бумагь, подвергаются на денежномъ рынкъ мелкимъ колебаніямъ, вслъдствіе отношенія между спросомъ и предложеніемъ, измъ-няющагося чуть не ежедневно въ ничтожныхъ размърахъ. Важны не дробныя измёненія въ ту или другую сторону, а коренная, такъ свазать, цифра оцёнки. Перечислять всё итальянскія бумаги, обращающіяся на иностранных биржахъ, значило бы сво-ръе затемнять общій вопросъ кредита страны, такъ какъ не всв бумаги имъють одинавовыя основанія доходности; притомъ, пришлось бы имъть дъло съ порядочнымъ воличествомъ разнородныхъ цънностей; — потому ограничусь итальянской пятипро-центной рентой и только на одной парижской биржъ, очень заинтересованной въ иностранныхъ, не-французскихъ бумажныхъ цвиностихъ. Кстати, недавно въ итальянскихъ спеціальныхъ гаветахъ было опубликовано, что во Франціи нынъ помъщено такихъ цѣнностей всего на тридцать милліардовъ франковъ, которые распредъляются слъдующимъ образомъ: русскихъ—на 9.966 милліоновъ, испанскихъ—на 2.974 милл., австрійскихъ—на 2.850 милл., итальянскихъ—на 1.430 милл., и остальное надаетъ чуть не на всъ государства въ міръ, въ гораздо меньшемъ размъръ на каждое. Чтобы доказать связь итальянской ренты съ курсомъ итальянскихъ же бумажныхъ денегъ, возьмемъ цъну этой репты въ такой-то день въ Парижъ и въ Италіи; а также и курсъ того дня. Беру 6 (19) сентября, на которомъ я остановился, дълая подсчеты. Въ этотъ день на парижской биржъ рента котировалась 102-80; а на внутреннихъ итальянскихъ103—20. Курсъ же значился 35—40 сант. Разница въ цѣнѣ ренты почти математически-очевидно зависить отъ цѣны денегъ, посредствомъ которыхъ эта рента покупается. Мѣнялы, производящіе свои операціи съ мелкими суммами, руководствуются биржевымъ бюллетенемъ, но измѣняютъ его въ ту или другую сторону согласно тому, что выгоднѣе для нихъ: увеличить или уменьшить существующій курсъ. Вполнѣ понятво, что и мелкій размѣнъ—услуга, имѣющая право на вознагражденіе, которое при существующей конкурренціи преувеличеннымъ быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ, колеблющійся около 1/30/0, можно признать достигшимъ равноцѣнности металлической валюты.

Итальянская рента номинально пяти-процентная; въ дъйствительности же она даеть только четыре процента дохода владъльцу ея. Уже давно итальянское правительство обложило свою ренту двадцати-процентнымъ налогомъ; а 20% съ пяти оставляеть владельну ренты тольке четыре. При этомъ надо еще считаться съ курсомъ. Первоначально итальянское правительство, помъстивъ свою ренту, преимущественно, на парижскомъ денежномъ рынкъ, обязалось уплачивать проценты по ней, внъ Италін, франками, т.-е. волотомъ, а внутри ея-существующими въ государствъ деньгами. Корреспонденты итальянскаго правительства за границей уплачивали и уплачивають проценты золотомъ только по представленіи самихъ билетовъ и удостовъренія (affidavit), что эти билеты принадлежать лицу, живущему за границей. Въ самой Италін процентные купоны ренты уплачиваются м'встными бумажными деньгами безъ всякихъ затрудненій. Казалось бы, что одинъ только способъ уплаты процентовъ въ дъйствительности четырехъ-процентной итальянской ренты не долженъ быль способствовать ея возврату въ отечество. Во всякомъ же случав такой возврать не должень быль содвиствовать повышенію курса итальянскихъ бумажныхъ денегъ. Однаво, мы видимъ параллельно идущими оба явленія. Къ слову сказать, наша русская четырехъ-процентная рента котируется на биржахъ гораздо ниже итальниской и врядъ-ли можно желать повышенія ся цівности. Теперь ея сравнительно высовая доходность привлекаеть повупателя; съ уменьшениемъ же таковой, при малейшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, можеть последовать массовое ея предложеніе на денежномъ рынкъ, что неминуемо поведеть въ непріятнымъ финансовымъ осложненіямъ.

Еще прошлой зимой итальянскіе сенать и палата депутатовъ разрѣшили министерству произвести конверсію желѣзно-

дорожныхъ облигацій на ето-шестьдесять милліоновъ лиръ. Миинстерство оффиціально еще не приступило въ этой конверсіи, и условія выпуска новых в трехъ-съ половиной-процентных облигацій оффиціально также еще неизвістны; однаво биржевая спевуляція ванялась этой несуществующей бумагой и сдёлки съ нею все увеличивались и увеличиваются. Теперь цена ихъ колеблется оволо 97. Хотя всюду принято говорить и писать противъ биржевой спекуляцін, а также требовать ся обузданія всякими мірами, но такое обобщение врядъ ли върно и справедливо. Несомевнно, биржевая игра, основанная на фальшивыхъ свёденіяхъ, которыми привлекается и увлекается легковърная публика, - вредна, но это-обманъ, такъ или иначе всюду предусмотрънный, преследуемый и наказуемый уголовнымъ порядкомъ 1). Спекуляція же, основанная на правильномъ разсчетв выгодности того или другого вадуманнаго предпріятія, или выпуска бумажныхъ цённостей, -- скоръе полезна. Это своего рода авангардъ, разъясняющій и расчищающій путь для армін лиць, ищущихъ пом'вщенія для своихъ сбереженій. Чімъ многочисленніве эта армія, тімъ важиве роль ен авангарда. Въ биржевыхъ вругахъ Парижа и Италіи много высказывають положительнаго, а то и предположеннаго о томъ содъйствін, которое оказываеть итальянское правительство выгодности предположенной конверсіи. Очень можеть быть и даже весьма въроятно, что итальянское правительство сделало и делаеть все ему доступное для улучшенія условій предпринимаемой имъ финансовой операціи; но оно безсильно создать основаніе этихъ условій. Несомивню, для всякой финансовой операціи, какъ правительственной, такъ и частной, требуются спеціальныя знанія и умінье ими пользоваться, но въ твеныхъ предблахъ той почвы, на которой эти знанія и это умънье должны примъняться. Никакой, самый искусный финансисть не создаеть такой почвы, а только болье или менье успышно пользуется той, на которой проявляеть свою деятельность. Не министерство Занарделли уничтожило вурсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ и повысило ренту; курсъ понемногу таялъ, а рента постепенно повышалась давно. Вмёшательство правительства въ искуєственное направленіе обоихъ явленій должно быть крайне

^{&#}x27;) Статья 413 итальянскаго уголовнаго кодекса гласить: "Кто певфрими или искусственными способами, могущими обмануть или ввести въ заблуждение чужое убъждение (buona fede), и тъмъ вводя кого-либо въ невърное понятие, доставляетъ себъ или другимъ несправедливый барышъ, причиняющий другому убытокъ, наказуется тюремнымъ заключениемъ до трехъ лътъ и неней выше ста лиръъ. При далъе пониенованныхъ обстоятельствахъ заключение можетъ быть увеличено до пяти лътъ.

осторожное; иначе оно можеть нарушить естественное дальнъйшее развитіе естественнаго ихъ положенія. Всякая искусственность, вносимая въ экономически-финансовыя отношенія, ръдко бываеть прочна. Впрочемь, въ данномъ случай предположенная конверсія настолько выгодна для правительственныхъ финансовъ, что успъхъ ея долженъ благотворно подъйствовать и на общія финансовыя сношенія Италіи, и тъмъ— на дальнъйшее ея экономическое развитіе.

Всв первовлассныя европейскія государства нына болье или менъе изнывають подъ тяжестью непосильнаго обложения для удовлетворенія ихъ политическихъ потребностей-Италія, пожалуй, более другихъ. Переставъ быть только географическимъ выраженіемъ, ей пришлось потратиться, чтобы быть утвержденной въ чинъ первовлассной державы, - а затъмъ и продолжать значельные расходы, чтобы сохранить достигнутое положение. Въ общемъ, экономическая жизнь населенія въ главныхъ европейсвихъ государствахъ стала трудною. Бевспорно настоящій, небывалый прогрессъ техники всякаго рода облегчаеть, или, сворве, можеть облегчать тягость этой жизни, но подъ условіемь, чтобы этотъ прогрессъ быль легко и свободно доступенъ для важдаго. Только одинъ частный и общественный починъ, не встръчающій ни малейшаго затрудненія или препятствія въ полному проявленію своей діятельности, можеть улучшить частную и общественную жизнь, а при такомъ улучшения тягость правительственнаго обложенія становится, разумвется, легче. Несомнънно, всякое совращение правительственныхъ расходовъ, уменьшая стягиваніе средствъ страны въ правительственныя кассы н оставляя ихъ больше для свободнаго ея пользованія, облегчаеть ходъ ея экономическаго развитія; но не всегда это возможно. Во всякомъ случав, увеличение такого стягивания также невозможно въ Италіи. гдф общественное мивніе имветь, такъ свазать, оффиціальный авторитеть. Итальянское правительство не можеть постоянно искусственно поддерживать вавъ курсъ своихъ бумажныхъ денегъ, такъ и высокую стоимость своей ренты, тавъ вавъ объ эти операціи потребовали бы значительныхъ средствъ, а следовательно и расходовъ, сврыть воторые-немыслимо. Въ Италіи есть парламенть, а въ немъ оппозиція, воторая зорко следить за дентельностью находящагося во власти министерства. Я упоминаль о въроятности расходовъ при предположенной конверсіи, но всякая такая операція всегда связана съ расходами въ томъ или другомъ видъ. Другое дъло-постоявное, весьма рискованное вмёшательство въ частныя сдёлки съ

рентой, или деньгами, котя бы съ благонамъренной цълью. Тавую операцію сврыть невозможно; да ея и не было въ продолженіе времени, предшествовавшаго упомянутой вонверсіи. Слъдовательно, надо признать, что повышеніе стоимости итальянской ренты, а тавже постепенное улучшеніе курса итальянскихъ бумажныхъ денегъ, шли естественнымъ путемъ. Въ такомъ случав эти явленія представляютъ собою весьма убъдительное доказательство, что Италія, кавъ страна, пріобръла самостоятельную вредитоспособность помимо своего правительства, бюджетъ котораго блестящимъ уже нивавъ названъ быть не можетъ. Постараемся выяснить, насколько возможно, есть ли у Италіи прочное основаніе для такой вредитоспособности.

Обывновенно принято выводить завлючение объ экономичесвомъ положение данной страны на основании торговаго ея баланса. Мит важется, что денежные знаки-только способъ обмина всявихъ произведеній, имъющій незначительное вліяніе на самый обывнъ, и потому не отъ ихъ воличества преимущественно зависить благосостояніе большинства населенія всякой страны. Если мев невозможно получить за мой трудъ или за мои произведенія достаточно для моей жизни, -- какое мив утвшение, что у сосвда въ столъ заперты мъшки съ золотомъ, имъющимъ всюду одинавовую ценость? Впрочемъ, мои экономическія воззренія ни для вого не интересны; притомъ, въ данномъ случав, торговый бадансь имъеть безспорно значение. Мы говоримъ о покупкахъ Италін за границей своей ренты въ связи съ ея же бумажнымъ денежнымъ обращениеъ. Дома, у себя, Италія за все получаеть бумажныя деньги; покупая же что-либо за границей — будь это рента или что другое, она для этого должна сначала обратить свои деньги въ такія, которыя иміють всюду одинавовую цінность, т.-е. волото. Доискиваясь, откуда Италія черпаеть свои средства для заграничныхъ покупокъ своей ренты, мы видимъ, что торговый балансь пріобретаеть серьезное значеніе именно потому, что, несмотря на такія покупки, итальянскія бумажныя деньги не только не понижаются въ своей цёнв, но повышаются. Воть торговый балансь Италін ва последніе три года, т.-е. 1899, 1900 и 1901, въ итальянскихъ лирахъ. Къ слову скавать, — для большей достовърности, и его добыль изъ итальянскаго министерства финансовъ.

		Ввозъ.	•	Вывозъ.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
1899 r.		1.512.090.888		1.447.262.298	64.828.590
1 3 0 0 r.		1.707.480.065		1.354.799.753	352.680.312
1901 r.		1.729.364.408		1.390.844.096	388.470.312

Торговый балансъ состоить изъ семнадцати категорій (такъ онѣ названы), и было бы очень интересно разобрать каждую изъ нихъ, но это вышло бы за предѣлы настоящей статьи; а потому остановлюсь только на послѣдней, семнадцатой — драгоцѣнние металлы (metalli preziosi); эта категорія обыкновенно не помѣщается въ правительственныхъ публикаціяхъ торговаго баланса, а приводится отдѣльной статьей, и потому заслуживаетъ вниманія. Вотъ она:

			Ввозъ.	Вывозъ.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
1899 г.			5,529.700	15.845.900	10.316.200 лиръ ит.
1900 r.			7.244.400	16 553,500	9.309.100
1901 г.			11.758.700	16.369.200	4.616.500

Значительное повышеніе ввоза и уменьшеніе вывоза въ 1900 г., сравнительно съ предъидущимъ 1899 г., увелично превышеніе перваго надъ вторымъ болье чымь въ пять разъ. Эта цифра поражаетъ своей величиной, и она должна была инъть подавляющее вліяніе на курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегь, вавъ въ 1900 г., такъ и въ следующемъ 1901 г., въ которомъ торговый балансь весьма незначительно поправился въ пользу Италіи. Курсъ, однако, въ это время ничего особеннаго собою не представляль, и, какь я уже говориль, въ сентябръ прошлаго 1901 года онъ не превышаль шести процентовь, что врайне тяжвимъ уже никакъ назвать нельзя. Въ то же время покупка Италіей своей ренты за границей нисколько не останавливалась, а цёна ренты росла постепенно. Не принимая въ разсчеть техъ денегь, которыя Италія посылала за границу для покупки своей ренты, остановимся только на торговомъ баланся. Несомивню, что если Италія не могла покрыть покупаемыя ею за границей необходимыя ей произведенія своими, за границу продаваемыми, то разницу она должна уплатить деньгами, им вющими тамъ безпрепятственный ходъ и опредвленную, постоянную стоимость, а такъ какъ у нея такихъ не имълось въ общемъ обращенія, то—своими бумажными деньгами по вхъ курсу за границей. Болье трехсоть милліоновь въ годъ—сумма далево не маловажная. Откуда же Италія брала или могла брать средства для такой расплаты? Вопросъ очень интересный. Постараемся его разъяснить, насколько это возможно въ бъгломъ очеркъ.

Принято указывать, что масса иностранцевъ, посъщающихъ Италію, тратять въ ней привозимыя ими деньги, что, въ общей сложности, составляя изрядную сумму, даетъ странъ значи-

тельную выгоду въ ея международномъ денежномъ обращении. Дъйствительно, благодаря удешевленнымъ, такъ называемымъ циркулярнымъ, желъзнодорожнымъ билетамъ (billet circulaire), а также удешевленію жизни въ гостинницахъ, благодаря конкурренціи между ними, количество путешественниковъ по Италіи изъ года въ годъ увеличивается. Несомнънно, расходы туристовъ произведеній иностраннымъ государствамъ въ лицъ ихъ пріъзжихъ представителей. Несомивнно также, что ивкоторая часть населенія итальянскихъ городовъ, преимущественно привлевающихъ путешественниковъ, живетъ и, пожалуй, благоденствуетъ отъ ихъ расходовъ, но такіе, какъ, напримъръ, Генуя, Миланъ, Турниъ, да и многіе другіе—въ своемъ значительномъ наглядномъ рость обязаны уже никакъ не туристамъ, а преимущественно, и даже исключительно, развитію въ нихъ промышленности и торговли. Во Франціи и въ самомъ Марсель, гдв я быль прежде Италін, я только слышаль жалобы, что конкурренція Генуи постепенно и все болье убиваеть торговую дъятельность главнаго порта на югъ Франціи, т.-е. Марселя. Наконець, посъщеніе туристами Италіи существовало издавна. Нашъ великій Гоголь провель не одну виму въ Римъ, и не онъ одинъ. Отчасти Италія, т.-е. нъкоторые излюбленные въ ней города, давно жили на счетъ иностранцевъ (forestieri); но прежде иностранцы жили подолгу въ Италіи, теперь же значительное ихъ большинство только пробажаеть по ней. Несомнънно, путешествіе по Италіи демократизировалось, и количество путешественниковъ по ней значительно возросло и ростеть, но количество денегь, оставляемыхъ ими въ странъ, врядъ-ли значительно превышаетъ то, что проживали въ ней прежніе осъдлые посътители. Безспорно, деньги туристовъ играютъ видную роль въ международномъ денежномъ обращении Италии, но самое поверхностное знакомство съ экономическимъ развитіемъ съверной Италіи и нъкоторой части средней ясно указываеть, — что также безспорно не туристы создали увеличившуюся и окрупшую вредитоспособность самой страны. Опредулить точный размурь общей суммы, оставляемой ежегодно иностранцами въ Италіи, невозможно. Приходится предположительно опредёлять ежедневный, средній расходъ туриста и помножить его на число дней, проведенныхъ шмъ, въ среднемъ, въ путешествін, и затъмъ помножить полученное на число путешественниковъ, взявшихъ упомянутые мною спеціальные желъзнодорожные билеты. Цифра, полученная отъ

Digitized by Google

такого вычисленія, будеть, однако, безусловно невърна. Много иностранцевь не пользуется такими билетами; а вмъстъ съ тъмъ много итальянцевь, въ разъъздахъ по дъламъ, беруть круговые билеты, которые въ высшей степени разнообразны. Самое основаніе разсчета, т.-е. точное количество путешественниковъ по Италіи, невозможно опредълить, а затъмъ и самый разсчеть дълается въ высшей степени гадательнымъ и невърнымъ. Говорять, что ежегодно иностранцы оставляютъ въ Италіи не менъе ста милліоновъ франковъ. Такая цифра является довольно правдоподобной, но ею покрывается менъе трети переплаты Италіи по ея торговому балансу.

По свёдёніямъ, встрёчаемымъ въ печати, а также по разсказамъ, итальянскіе эмигранты - почти нсключительно рабочій народъ. Получая рабочую плату за границей менфе, чфиъ мфстные жители, итальянцы живуть крайне экономно и умудряются присылать или привозить домой порядочныя деньги, которыя, въ общей сложности, составляють значительную сумму. По харавтеру эмиграціи трудно опредълить общее количество переселенцевъ, вследствіе воренного ся различія. Изъ северной Италів переселеніе рабочихъ направляется небольшими партіями въ Швейцарію и особенно во Францію, и совершается по жел'ізнымъ дорогамъ, вив правительственнаго контроля. Изъ южной Италіи переселеніе, напротивъ, гуртовое идеть все на пароходахъ большею частью въ Съверную и Южную Америку, а также, очень немного, въ Тунисъ. Тутъ подсчетъ переселенцевъ, уважающихъ на пароходахъ, вполнъ возможенъ, тавъ вавъ правительство за этимъ переселеніемъ строго наблюдаеть, всявдствіе громадной смертности, бывшей между переселившимися въ Бразилію. Эмиграція въ эту страну почти совершенно прекратилась не отъ правительственнаго вывшательства, а вслёдствіе удешевленія кофе на европейскихъ рынкахъ. Приманки, при прежнихъ цънахъ на кофе, составить себъ въ два, три года состояніе-уже не было, а безъ нея рисковать жизнью на трудной работь въ бразильских вофейных плантаціях не было никавого основанія. Ныні два главных пути итальянской эмиграціи на пароходахъ-Нью-Іорвъ и Аргентинская республика. Характеръ переселенцевъ различенъ, сообразно съ мъстомъ назначенія. Въ Съверной Америкъ итальянцы очень ръдко акклиматизируются и остаются тамъ. Не болъе семи-десяти процентовъ дълается американцами; большая же часть бдеть, въ концъ зимы, на железнодорожныя и полевыя работы, и, по окончаніи ихъ, возвращается, въ началу зимы, домой. Изъ отправляющихся же въ Аргентину болъе половины—или на долго, или совсъмъ остаются тамъ. Итальянская колонія въ Аргентинъ уже давно значительна, и все болье увеличивается не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ. Нынъ тамъ видную часть мъстнаго населенія составляють такъ называемые Ісоз de Italianos (ісо—смиъ; ісоз—множественное, сыновья), происходящіе отъ браковъ итальянцевъ съ мъстными женщинами. Собственно въ Тунисъ, по правительственнымъ сообщеніямъ, выъхало переселенцевъ въ первые шестъ мъсяцевъ настоящаго года нъсколько менъе десяти тысячъ душъ. Тамъ также издавна существовала итальянская колонія, и она увеличивается, но менъе, тъмъ въ Аргентинъ.

Прежде всего постараемся выяснить, сволько можеть выработать эмигранть-рабочій во время пребыванія своего вив своего отечества, а следовательно, сволько, приблизительно, онь могь бы выслать или привезти домой. Изъ собранныхъ мною сведеній наиболее типичными и верными мив показались те, которыя я получиль отъ стараго моего знакомаго, Е. С., лейтенанта итальянскаго флота, командированнаго правительствомъ сопровождать партію въ 2.400 переселенцевъ изъ Неаполя въ Нью-Іоркъ, на пароходе "Северо-германскаго Ллойда", "Неккеръ", въ прошлую зиму. Постараюсь передать какъ можно вороче сделанныя нами вычисленія.

Кавъ я уже упоминалъ, итальянскіе эмигранты Бдутъ въ Съверную Америку преимущественно на полевыя и желъзнодорожныя работы, воторыя продолжаются и могуть продолжаться около ппести мъсяцевъ. Возьмемъ за основание сто-восемьдесятъ рабочихъ дней, за которые въ Америкъ, въ среднемъ, платять по доллару въ день. Долларъ---это пять итальянскихъ лиръ. Предположимъ, что средній рабочій будеть достаточно питаться и жить сволько-нибудь сносно. Такое содержаніе, при нелегкой работь, является необходимостью, и оно въ Америвъ стоить не менве двухъ лиръ въ день. Следовательно, у рабочаго ежедневно остается въ экономіи три лиры, что, за 180 дней, составить 540 лиръ. По существующему соглашенію итальянскаго правительства съ правительствомъ свверо-американскихъ штатовъ, въ Италін въ переселенію въ Стверную Америку допускаются лишь такія лица, которыя, помимо уплаты стоимости пароходнаго билета, имъютъ при себъ достаточно средствъ, чтобы прожить на мъсть назначенія нъкоторое время, до полученія работы. На " Невверв", пароходъ въ десять тысячь тоннъ вивстимости, помъщение и содержание переселенцевъ было безуворизненное, но билетъ третьяго власса изъ Неаполя въ Нью-Іорвъ стоилъ 185 лиръ. На другихъ пароходахъ, приспособленныхъ для эмигрантовъ итальянскихъ, англійскихъ, французскихъ и австрійскихъ, стоимость такого билета дешевле, и потому въ дальнъйшемъ вычисленіи мы ограничимся только стоимостью билета третьяго класса на "Невкеръ", не принимая въ разсчетъ той скудной суммы, воторую требуется имъть въ карманъ на мъстъ назначения. Разъ эмигранть можеть предпочитать "Сверо-германскій Ллойдь" другимъ компаніямъ, это уже обозначаетъ некоторое довольство. Впрочемъ, необходимо замътить, что итальянскіе эмигранты, какъ по личному опыту, такъ и по опыту родныхъ и знакомыхъ, преврасно поняли, что, экономничая на пароходномъ билеть, рискуещь здоровьемъ во время продолжительнаго морского путешествія, а следовательно и работоспособностью. Изъ 2.400 человът, отправившихся на "Невверъ", почти всъ заявили о своемъ намъреніи вернуться въ отечество по овончаніи работь. Это совпадаеть съ общимъ характеромъ эмиграціи въ Съверную Америку, и потому, обобщая вопросъ о частной выручев рабочаго-эмигранта, мы смёло можемъ вычесть изъ суммы 540 лиръ, сбереженной имъ, стоимость пароходнаго билета въ Америку и обратно, т.-е. 370 лиръ (185 \times 2 = 370); —останется 170 лиръ. Вотъ все, что могъ бы такой рабочій привезти домой при благопріятныхъ условіяхъ.

Въ Аргентину, а также въ Тунисъ итальянцы эмигрируютъ скоръе для поселенія, если не навсегда, то надолго, и большею частью или прямо съ семьями, или съ выписываниемъ ихъ впоследствіи. При такихъ условіяхъ трудно предположить, чтобы эти переселенцы, особенно въ первое время и затъмъ ежегодно, присылали въ свое отечество какія-либо определенныя деньги. Эмигрирующіе временно рабочіе по жельзнымъ дорогамъ во Францію и Швейцарію - вавъ количественно, тавъ и по частв заработка не поддаются учету, — въ последнемъ вследствіе самаго характера работы, очень разнообразной. Вообще, итальянецъ очень привязанъ къ своей родинъ и всегда старается сохранить связь съ ней. Исключенія очень рідки. Приблизительно, количество эмигрирующихъ рабочаго класса ежегодно изъ Италін опредъляется въ полмилліона душъ, и своръе болъе, чъмъ менъе. По мнънію свъдущихъ лицъ, можно смъло предположить, что, въ общемъ, сто лиръ съ каждаго изъ нихъ возвращается или присылается на родину. Это составить ежегодный приливъ

денегь въ Италію изъ-за границы въ пятьдесять милліоновъ металлическихъ лиръ.

Если приложить полученную сумму въ пятьдесять милліоновъ во сту милл., оставляемымъ туристами въ Италін, то получится всего сто-пятьдесять мелліоновь, составляющихь менёе половины приплаты этой страны по ея торговому балансу. Сумма эта, однаво, можеть быть еще несколько увеличена. Количество рабочихъ, эмигрирующихъ ежегодно изъ Италіи, опредѣлено въ полмилліона душь, на основанім точныхь свёдёній только относительно отправляющихся на пароходахъ, а именно, въ вруглыхъ цифрахъ, вообще въ Америку — 230 тысячъ, а въ Тунисъ — 20 тысячь. Что же васается до сухопутныхъ эмигрантовъ, тоцифра предположительная. Ихъ, однако, навърное болъе, и они, имън менъе путевыхъ издержевъ, могутъ гораздо болъе присылать или перевозить денегь въ свое отечество. Затемъ, въ Италін, въ последніе годы, мелкія бумажныя деньги, въ две и одну лиру, совершенно изъяты изъ обращения и заменены серебромъ, что, несомивнио, должно было иметь влінніе на повышеніе курса ен денегъ. Вследствіе того, полагаю, можно смело прибавить еще пятьдесять милліоновь въ предъидущимь полуторастамь. Но и тогда останется болбе ста милліоновъ, которые Италія должна уплатить по своему торговому балансу деньгами, имъющими опредвленную постоянную цвнность на международномъ денежномъ рынкв, т.-е. золотомъ. Откуда же она береть это волото, вогда добываніе его не имбется у нея, а денежное ея обращеніе фидуціарное, бумажное? Какимъ образомъ, при тажихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ нивогда не былъ чрезмврно низвимъ, а въ настояищее время достигъ почти паритета, т.-е. равнопфиности бумажныхъ денегь съ металлическими? Разръшение этихъ вопросовъ требуеть спеціальнаго научнаго изследованія, - пожалуй, мало интереснаго и доступнаго общей читающей публикв. Во всякомъ случав, фактъ безспорный, что Италія, какъ страна, развила и увръпила свою вредитоспособность, вслъдствіе увеличенія своего благосостоянія. Правда, только свверная Италія представляєть собою видимое развитіе; южная же, наобороть, очень отстала оть свверной; но при возможности шировой личной двятельности, несомивнию, эта разница исчезнеть мало-по-малу. Только возможностью шировой частной и общественной деятельности можно объяснить пріобр'втенное нын'в Италіей весьма усп'вшное положение на міровомъ денежномъ рынкъ, несмотря на очень серьевныя, существенныя препятствія. Такая діятельность, крупная и мелкая, не поддается учету; да, наконець, не одни эмегранты-рабочіе привозять или присылають на родину деньги вы Италіи. Если въ ней общее настоящее финансовое положевіе достигнуто вслідствіе производительности одной только части страны, — несомнішно, при малітішемъ улучшеній другой, это положеніе еще боліве упрочится и разовьется.

Кн. Дм. Друцвой-Совольнинсвій.

Сентябрь, 1902 г. Viareggio.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

эскизъ

- Wilhelm v. Polenz. "Wurzellocker", Roman in zwei Bänden.

Окончаніе.

XXIX *).

Фрицъ Бертингъ получилъ отъ Лемфинка извъстіе, что мать его умерла, и послалъ въ отвътъ письмо съ выраженіемъ самаго теплаго участія. Онъ зналь, вавъ его другь любиль свою мать, и исвренно жалъль его, но скоро это чувство отступило на второй планъ, а на первомъ планъ остались по прежнему его стихи и Гедвига фонъ-Лаванъ. Онъ шелъ въ ней, выглядывая въ окнахъ цвёточныхъ магазиновъ наиболее причудливую орхидею, чтобы привести въ восторгь Гедвигу, большую любительницу этихъ цевтовъ, какъ вдругъ ему на встречу попалась Альма. Она шла медленно, опустивъ голову, и не видъла его. Въ первую минуту онъ хотвлъ юркнуть въ дверь сосвдняго магазина, чтобы остаться незамъченнымъ, но ему стало совъстно, и онъ окливнулъ молодую женщину. Альма вскрикнула отъ неожиданности и, красивя все больше и больше, сжимала кръпко его руку. Еслибы онъ во-время не отступиль, то она, въроятно, бросилась бы ему на шею среди улицы. Ему было непріятно такое проявленіе влюбленности, точно въ первые дни ихъ знавомства. Онъ пошелъ рядомъ съ нею и спросилъ, куда она шла. Она смутилась и послѣ нѣкотораго колебанія отвѣчала:

^{*)} См. выше: ноябрь, 251.

— Я думала о Людвигѣ Глюкѣ. Такъ грустно быть всегда одной съ своими мыслями. Ты вѣдь больше никогда не приходишь. Мнѣ хотѣлось пойти на его могилу. Ему тоже не легко жилось.

При этихъ словахъ, Бертинга охватило острое чувство жалости, но онъ ничего не сказалъ. Они молча шли рядомъ, и онъ, взглядывая сбоку на Альму, увидалъ, какъ она страшно измѣнилась за послѣднее время. Зимняя кофточка, плотно обхватывавшая ея талію, особенно рѣзко подчеркивала все безобразіе ея фигуры. И снова Фрицъ испыталъ невольное чувство физическаго отвращенія, вызываемаго въ немъ ея положеніемъ. Ему казалось, что всѣ прохожіе смотрѣли на нихъ многозначительно и насмѣшливо. Онъ предложилъ ей взять извозчика.

- Но въдь и ты со мной поъдешь, Фрицъ, не правда ли? спросила Альма такимъ голосомъ, что у Бертинга не хватило духу отказать ей. Такить имъ пришлось долго. Въ экипажъ Альма тъсно прижалась къ Фрицу и хотъла его поцъловать, но онъ отстранился и, чтобы это движение не показалось слишкомъ ръзкимъ, прибавилъ:
 - Ну, ужъ это противъ договора.

Тогда она взяла его руку и прижала къ своей груди. Онъ почувствоваль, какъ сильно и часто билось ея сердце. Она быстро нагнулась и прижала его руку къ своимъ губамъ. Фрицъ разсердился и сказаль, что онъ сойдетъ, если она будетъ такъ продолжать. Альма вся съёжилась и робко попросила его открыть окно кареты. Она задыхалась и лицо у нея горъло. Бертингъ опустилъ объ рамы. Былъ печальный зимній день, безснъжный, по и безсолнечный. Фрицу было тяжело, что онъ сдълаль Альмъ больно. Онъ избъгаль ея взгляда и смотрълъ въ окно. Карета медленно подвигалась изъ одной узкой улицы въ другую. Вдругъ дома, окпа и вывъски показались Фрицу особенно знакомыми. Они ъхали по улицъ, гдъ когда-то онъ жилъ съ Альмой. Онъ взглянулъ на нее, чтобы узнать, вспомнила ли она. Альма сидъла, широко раскрывъ полные слезъ глаза.

— Фрицъ, тамъ... наверху, — произнесла она задыхающимся голосомъ, когда они поровнялись съ домомъ, гдѣ ей столько пришлось пережить.

Она уронила голову ему на плечо и разрыдалась, и онъ не отталкивалъ ее больше.

Прівхавъ на кладбище, онъ купиль ввновъ изъ искусственныхъ цввтовъ и передаль его Альмв. Кладбище было ей повидимому хорошо знакомо, и она очень скоро провела Фрица по

лабиринту расходившихся въ разныя стороны дорожекъ въ могильной насыпи съ небольшимъ каменнымъ памятникомъ. На плитъ стояло имя Людвига Глюка и слова: "До свиданья!". Она вся была обсажена цвътами, и видно было, что за могилой съ любовью ухаживали.

Фрицъ невольно подумалъ объ ироніи судьбы, посылавшей несуществующему Людвигу то, что сдёлало бы его счастливъйшимъ человъвомъ при жизни. Альма стала на колёни и начала молиться, а Бертингъ отошелъ и медленно направился къ выходу. Вскоръ Альма догнала его. Видъ у нея былъ совсёмъ другой: усповоившійся, ясный, почти веселый. Она попросила идти назадъ пѣшвомъ, ввяла Фрица подъ руку и стала болтать, сообщая ему всё подробности своей незатѣйливой жизни. Они проходили мимо "Города Парижа", гдѣ въ былое время проводили столько вечеровъ, и Альма уговорила Бертинга зайти въ ресторанъ. Все было тамъ по прежнему, и кельнеръ привътствовалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Они усѣлись за тотъ самый столикъ, за который садились всегда прежде, и Альма вся предалась воспоминаніямъ, начиная каждую фразу словами:

— А помнишь, Фрицъ...

Но Фрицъ слушалъ ее разсъянно. Напъвы, сопровождавшіе его за послъднее время всюду, какъ далекій шумъ моря, опять зазвучали у него въ душъ и стали манить за собою.

Альма хорошо знала это особенное выраженіе въ его глазахъ, когда имъ овладъвало его искусство. Въ такія минуты онъ
только тъломъ былъ возлъ нея, а душа его странствовала гдъто очень далеко, и у Альмы не было умънья и силъ вернуть
его въ себъ. Выйдя изъ ресторана, они очутились въ полумракъ плохо освъщенной улицы. Альма робко попросила Фрица
зайти въ ней. Онъ не могъ себъ представить, какъ безконечно долго и безотрадно тянулись для нея зимніе вечера и
какъ она погибала отъ тоски по немъ. При каждомъ звукъ
шаговъ на лъстницъ, при каждомъ звонеть въ прихожей она
начинала думать, что это онъ пришелъ. И каждый разъ ен надежда не оправдывалась. Голосъ измънилъ ей, и она замолчала.

— И что будеть со мною!—продолжала она, снова овладъвъ собою.—У меня никого нътъ, кто бы позаботился обо мнъ. А ребенокъ уже началъ шевелиться. До сихъ поръ все правильно идетъ, но иногда мнъ дълается такъ страшно, что я не знаю, что мнъ и дълать съ собою. И если ты еще меня совсъмъ бросишь!.. Фрицъ молчалъ. Онъ не былъ равнодушенъ въ тому, что она говорила, но въ немъ все возростало чувство неловкости и желаніе какъ можно скорбе уйти отъ нея. Конечно, она была достойна сожалбнія,—онъ и не думалъ этого отрицать. Но вто былъ виноватъ въ этомъ? Она сама вызвала въ жизни невъдомое существо, и этимъ совершенно измънила ихъ отношенія. Что посвешь, то и пожнешь. Она хотъла сдълаться матерью, и нельзя требовать себъ двойного счастья: и материнства, и страстной любви.

— Ты зайдешь во мнѣ, Фрицъ, не правда ли?—снова повторила Альма и врѣпво ухватилась обѣими рувами за его руву, вогда они подошли въ дому, гдѣ она жила.

Онъ сталъ ей довазывать, что это было невовможно. У него была работа, и ему сегодня еще предстояло много писать. Съ силой оторвалъ онъ ея руки отъ своей руки и быстро ушелъ, чтобы избъжать слезъ и просъбъ. Иначе поступить онъ не могъ. Ради своего творчества онъ долженъ былъ дъйствовать жестоко и относительно ея, и относительно самого себя.

Вскоръ мысли его приняли другое направленіе, и передъ нимъ всталь другой женскій профиль, тонкій и изящный, а въ головъ стали всплывать риемы и сложилась строфа, надъ которой онъ прежде долго бился. И Гедвига, и этоть новый напъвъ сливались для него въ одно. Стихами онъ былъ обязанъ ей, и стихи возвъщали ему ее. Его охватило страстное, томительное желаніе увидать сегодня же своего очаровательнаго друга, и онъ сталь обдумывать, можно ли еще пойти въ ней. Навърное еще не запирали на почь крыльцо, — не было и девяти часовъ. И виъсто того, чтобы отправиться домой и засъсть за работу, какъ онъ говорилъ Альмъ, онъ пошелъ, почти побъжалъ по направленію въ дому Гедвиги фонъ-Лаванъ.

XXX.

Настала весна, и Фрица потянуло отъ письменнаго стола за городъ, гдё можно было отдохнуть отъ городского шума и подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ. Ему такъ хотелось, чтобы въ этихъ прогулкахъ его сопровождала Гедвига фонъ-Лаванъ, и онъ нарочно описывалъ ей подробно, какъ хорошо за городомъ и куда именно онъ собирается еще отправиться. Онъ надъялся, что эти разсказы соблазнятъ и ее, но она ни разу не выразила желанія ему сопутствовать. А вмёстё съ тёмъ она не

могла не скучать. Кромъ Бертинга и довтора, которому тетушки поручили надсмотръ за нею, она почти ни съ къмъ не видалась. Если Фрицъ пропускалъ одинъ день и не шелъ въ ней, то могъ быть увъренъ, что на слъдующее утро ему принесутъ отъ нея коротенькую записку съ просьбой позавтракать у нея или провести съ нею вечеръ. Кромъ цвътовъ, онъ часто приносиль ей вниги. Гедвига получила очень неправильное и несистематическое образованіе, такъ что совсёмъ не была знакома съ нъвоторыми изъ современныхъ большихъ писателей. Фрицъ съ наслаждениемъ наблюдалъ, какъ подъйствуетъ на нее Ибсенъ, и даже ръшился повнакомить ее съ Ницше. Но его ожидало полное разочарованіе. Гедвига съ интересомъ прочла новыя для нея произведенія и повидимому поняла ихъ, но они не вызвали въ ней нивакого восторга. Трагическіе призраки не лишили ее сповойствія и привычной ей холодности, а "Пъсня Заратустры" не потрясла и не подавила ее своимъ величіемъ. Она наслаждалась только умомъ, душа ея оставалась безучастной. Способности беззавътно восхищаться у нея не было. А виъстъ съ тъмъ она очень тонко понимала красоту, сильно и быстро реа-гировала на каждое впечатлъніе и была въ высшей степени нервной эстетической натурой. Чего же ей недоставало и что мъщало ей проникать въ сокровенную глубину души всякаго произведенія?

Чёмъ больше онъ узнаваль ее, тёмъ болёе она представля-лась ему нераврёшимой загадвой. Болёе внимательной и легво все схватывавшей ученицы трудно было бы найти, но Фрицъ предпочель бы сдёлаться ея ученикомъ, а не учителемъ. Онъ чувствоваль, что могь бы узнать отъ нея много новаго. Зачёмъ же искать въ внигахъ то, чему люди могутъ научиться одинъ отъ другого? Но Гедвига умъла окружать себя вакою-то непроницаемой ствною и придавать отношеніямъ деловитость, не допусвавшую слишвомъ большого сближенія. Это очень тяготило Фрица. Ея бевстрастность и всегда ровное дружелюбное чувство въ нему становились для него невыносимы. Какое было ему дело до того, что она восхищалась его умомъ, его повнаніями и начитанностью! Онъ все только даваль и даваль, совершаль въ ен честь самые головоломные умственные скачки, а въ награду не получалъ отъ нея ничего. Отъ этого въчнаго совивстнаго паренія въ высшихъ сферахъ у него захватывало дыханіе и вружилась голова. Онъ томился желаніемъ заставить Гедвигу смущенно опустить глаза или покраснёть. Вёдь въ концё концовъ она все-таки была женщина. Неужели у нея не было свойственных всякой женщинв слабостей или она только искусно сирывала ихъ? Неужели она не догадывалась объ его чувствъ? Во всякомъ случат она вела себя такъ, что онъ не могъ повволить себъ ни одного лишняго слова или даже взгляда. Только одинъ разъ онъ не сдержался и выдалъ себя. Онъ принесъ ей въ подаровъ понравившійся ей офорть, и Гедвига захотъла сама повъсить его на стъну. Она встала на стулъ и, приложивъ офортъ къ ствив, попросила Фрица посмотръть, хорошо ли такъ будеть. Вдругъ стулъ покачнулся, и молодая дъвушва упала бы, еслибы Фрицъ не подхватилъ ее. Одно мгновеніе она лежала безпомощно въ его объятіяхъ, и аромать ея волосъ и ен близость опынили его. Ему казалось, что онъ теряетъ совнаніе, и онъ пробормоталь вавія-то безсвязныя. безумныя слова. Она высвободилась изъ его рукъ, отступила назадъ и засивнялась. Онъ съ трудомъ старался овладёть собою, а въ ея лицъ появилось выражение нескрываемаго презрънія, какъ будто бы говорившее:— "Однако ты все-таки не смъешь"!

Съ этого мгновенья его положеніе сдёлалось еще невыносимве. Онъ все время задаваль себё вопрось: не играеть ли она съ нимъ? Можетъ быть, она смотрёла на него только какъ на полезнаго человёка, помогавшаго ей въ ея литературныхъ занятіяхъ?

Въ ея повъсти героиня играла съ однимъ человъкомъ, какъ вошка съ мышью, безсердечно, почти цинично. Фрицъ не былъ склоненъ видеть въ каждомъ литературномъ произведени автобіографію, но тёмъ не менёе писатель долженъ котя отчасти пережить то, что описываеть. Въ повъсти Гедвиги быль представленъ типъ утонченной безсердечной женщины, обнаруживавшій большую близость къ нему автора и его несомежниую симпатію. Не выдаль ли ее этоть торжествующій сибхъ въ минуту его слабости? Но вскоръ онъ забыль о всъхъ своихъ подовржинях подъ влінніемъ ен ласковой любезности. Въ ем внутреннемъ мірів были какія-то тайны, и онъ хотіль разгадать ихъ во что бы то ни стало. Поэтому онъ сталъ усиленно уговаривать ее совершить съ нимъ прогулку за городъ, надъясь, что весенняя природа вызоветь ее на большую отвровенность и заставить позабыть обычную сдержанность. Онъ зналь, что она была хорошій ходовъ, такъ какъ совершала трудныя восхожаенія на швейпарскія горы въ обществів Вальдемара Геслова. онъ совсвиъ не вврилъ, вогда она, въ объяснение своего отказа. приводила слова доктора, яко бы запрещавшаго ей дълать 12лекія прогулки.

XXXI.

Благодаря содъйствію Фрица Бертинга, рукопись Гедвиги фонъ-Лаванъ была принята редакціей "Импрессіониста". Чтобы не смущать своихъ тетушекъ, Гедвига выбрала, по совъту Фрица, безравличный мужской псевдонимъ. У "Импрессіониста" теперь было собственное редакціонное помъщеніе, состоявшее изъ конторы и пріемной. Писатель Кароль сдълался важной особой. Фрицъ убъдился въ этомъ, постивъ его въ его новой редакціи. Кароль былъ главнымъ редакторомъ, принималъ сотрудниковъ въ конторъ, а пріемную оставлялъ "для дамъ", о чемъ и сообщилъ Бертингу съ многовначительной улыбкой. Во внёшпости Знльбера тоже произошла большая перемёна. Онъ замёнилъ свой вёчный засаленный сюртукъ новымъ, на ногахъ у него блестъли лакированныя ботинки, а яркій пестрый галстухъ былъ приколотъ булавкой съ фальшивымъ камнемъ.

На вопросъ Бертинга, какъ идетъ журналъ, Зильберъ отвъчалъ съ улыбкой, что хотя подписка и не велика, но много расходится нумеровъ въ отдъльной продажъ, а главное—журналъ страшво бранятъ.

При выходъ изъ редавціи, Фрицъ столвнулся съ дамой, и хотя она прошла мимо него очень быстро и на лицъ у нея быль вуаль, тъмъ не менъе онъ тотчасъ же узналъ автора, "Плюща".

Черезъ нъсколько дней Бертингъ встрътился съ Зильберомъ въ кофейной. Маленькій человъчекъ подошелъ къ нему съ торжественной миной, раскланялся и произнесъ:

— Поздравляю, Бертингъ, васъ и всъхъ насъ, ибо сегодня день вашего рожденья.

Фрица это очень нозабавило. Съ тёхъ поръ, какъ онъ разстался съ своей семьей, никто не помнилъ о днё его рожденья. Исключеніе, конечно, составляла Альма. И въ этотъ день утромъ она принесла и оставила его хозяйке, для передачи ему, букетикъ альпійскихъ фіалокъ и еще свертокъ. Въ немъ оказалось несколько галстуховъ, собственноручно сшитыхъ Альмой, и стихотвореніе, списанное ею очевидно изъ какого-то сборника.

Черезъ нъсколько времени явился ливрейный лакей и передалъ Фрицу корзину съ ръдкими фруктами и письмо отъ Анни Эшауеръ.

Она сообщала ему, что прівхала посовітоваться съ извістнымъ врачомъ по нервнымъ болізнямъ, остановилась у матери

и просила его навъстить ее, такъ какъ докторъ велълъ ей лежать и она очень скучаетъ.

Фрицъ нашелъ, что она довольно легко отнеслась къ ихъ размолькъ въ Бинцъ, и кромъ того не могъ понять, откуда она узнала о днъ его рожденія. Когда Зильберъ поздравниъ его въ кофейной, то Фрицу пришло въ голову, что это онъ разболталъ, такъ какъ ежедневно бывалъ у фрау Гильшіусъ въ качествъ редактора издаваемаго ею журнала.

- Почему вы внаете, что сегодня мое рожденье, Зильберъ? спросилъ онъ.
- Надъюсь, что черезъ нъсколько десятковъ лътъ для всякаго образованнаго человъка будетъ стыдно не знать этого числа, — отвъчалъ Зильберъ.
- Ну, а пока единственнымъ образованнымъ человъкомъ въ этомъ смыслъ является фрау Эшауеръ, не правда ли?

Зильберъ на минуту смутился, но тотчасъ же громко расхо-хотался.

— Это было нескромно съ моей стороны, но вы не сердитесь, Бертингъ? Еслибы вы знали, какъ эта дама объ васъ говоритъ! Вообще, всёмъ извёстно, что вы пользуетесь успёхомъ у женщинъ. Я никогда не забуду очаровательнаго лица молодой особы, сидёвшей съ вами тогда въ ложё. Но все-таки я себе позволю дать вамъ скромный совётъ: не заставляйте такого друга, какъ фрау Анни, слишкомъ долго томиться, ожидая васъ

Была ли это дерзость со стороны Зильбера, или только безтактное любопытство? По его подвижному лицу трудно было угадать его внутреннія побужденія, и Фрицъ счелъ за лучшее перемінить тему разговора.

Черезъ нѣсколько дней Фрицъ получилъ приглашеніе къ обѣду отъ фрау Гильшіусъ. Ему не хотѣлось идти, потому что онъ былъ увѣренъ, что обязанъ этимъ приглашеніемъ Ання Эшауеръ, желавшей во что бы то ни стало его увидать, но отказаться было неловко. Къ большому удивленію Фрица, овъ не нашелъ фрау Эшауеръ въ гостиной ея матери. Послѣдняя извинилась за дочь, объясняя ея отсутствіе вновь повторившихся нездоровьемъ.

Въ числъ гостей находились Маркусъ Гизель, Зигфридъ Зильберъ, одинъ изъ длинноволосыхъ поэтовъ и бълокурая поэтесса въ сопровождении своей матери. Это была упитанная особа въ жесткомъ и шуршавшемъ при малъйшемъ движении атласномъ платъв. Ен видъ совсъмъ не наводилъ на мысль о поэтическомъ даровании ен дочери. Зильберъ, къ неудовольствию Фрица, обра-

щался съ нимъ вавъ съ лучшимъ своимъ другомъ и вообще чувствовалъ себя вавъ дома. За объдомъ онъ произнесъ ръчь и предложилъ тостъ за основателей и сотруднивовъ "Импрессіониста".

Маркусъ Гизель почти ничего не влъ, пилъ маленькими глотками вино и всячески показывалъ, какъ онъ страдаетъ отъ неэстетичности Зильбера. Теофиль-Алоизъ во всемъ подражалъ своему кузену, и добродушная фрау Гильшіусъ печально поглядывала на сына, слабымъ движеніемъ руки отсылавшаго отъ себя блюда съ кушаньями. Мать бълокурой поэтессы слушала, вытаращивъ глаза, разговоръ о литературъ, завязавшійся у ея дочери съ Зильберомъ, и по ея виду было ясно, что она гораздо больше привыкла къ разговорамъ о прислугъ и о рыночвыхъ пънахъ.

Фрау Гильшіусъ, сидъвшая рядомъ съ Фрицемъ, стала жаловаться на бодъзненное состояніе Анни, внушавшее серьезныя опасенія. Она не называла болъзни, но говорила, что боли были невыносимы и докторъ находилъ положеніе небезопаснымъ. Тъмъ болъе былъ удивленъ Фрицъ, когда послъ объда его попросили пройти въ комнату больной. Фрау Эшауеръ лежала на диванъ въ полутемной комнатъ. Фрица поразилъ сильный запахъ кръпкихъ духовъ. Анни немного приподнялась съ подушекъ, чтобы протянуть руку вошедшему.

Она слабымъ голосомъ сказала Фрицу, что очень рада его видъть, и попросила его взять стулъ и състь поближе. Освоившись съ полумравомъ, Фрицъ былъ пораженъ перемъной, происшедшей за это время въ наружности Анни. Она постаръла на нъсколько лътъ, глаза были окружены темными кругами, кожа поблекла. Непріязненное чувство къ ней Фрица сразу исчезло, и онъ участливо началъ разспрашивать ее о ея болъзни: но эти разспросы были ей видимо непріятны. Она поспъшно отвъчала, что все пройдетъ, что ее утомила зима въ Берлинъ, но что здъсь она надъется скоро поправиться.

Присутствіе Бертинга видимо оживило ее.

Голосъ сдълался сильнъе и лицо вазалось менъе болъз-

Анни стала разсказывать объ общихъ знакомыхъ въ Бинцъ, и въ этихъ разсказахъ было мало веселаго. Женихъ молодой богатой дъвушки, страдавшей заиканіемъ, былъ уличенъ въ шуллерствъ; другой молодой человъкъ изъ того же кружка оказался замъщаннымъ въ процессъ по какому-то дълу, о подробностяхъ котораго громко неудобно было говорить. И такъ далъе въ томъ

же родъ. Анни передавала эти исторіи съ большимъ легкомисліємъ, точно разсказывала смёшные анекдоты. О мужё своемъ она не упомянула, и Фрицъ не счелъ удобнымъ освёдомляться о немъ. Анни нёсколько разъ повторяла, какъ она рада, что Фрицъ наконецъ явился. Она такъ скучала и мучилась. По ночамъ она могла спать только послё впрыскиванія морфія, и днемъ было не лучше. Читать она не могла въ полутьмѣ, но его повёсть все-таки прочла. Возлё дивана на столикѣ лежалъ послёдній нумеръ "Импрессіониста". Потомъ она стала говорить о своемъ братѣ и Маркусѣ, и Фрицъ узналъ прежнюю Анни. Особенно остроумно издѣвалась она надъ статьей Теофиля подъ заглавіемъ: "Долой женщинъ!". Въ этой статье юный авторъ проповѣдывалъ, что съ слабымъ поломъ надо быть "суровымъ до жестокости", и взялъ эпиграфомъ для своей статьи слова Ницше: "Ты идешь къ женщинамъ? Не забудь вахватить хлыстъ"!

- Я бы много простила милымъ мальчивамъ, завлючила фрау Эшауеръ, еслибы они не были тавъ безнадежно скучны. Я ужъ предпочитаю маленьваго Зильбера. Тотъ, по врайней мъръ, добивается своего. Послъдній разъ я ему сказала, чтобы онъ носилъ чистыя рубашки и не кусалъ бы себъ ногти, если хочетъ имъть успъхъ у женщинъ. Вы видъли, вавъ это подъйствовало? Вообще, мы съ нимъ друзья, и я собираюсь его женить.
 - На блондинкъ? полюбопытствоваль Фрицъ.
 - Ну, конечно.
 - И на любимицѣ музъ?
- Отгадали, но, однако, довольно о нихъ. Разскажите мив о себъ, Фрицъ, попросила Анни и повернулась на диванъ такъ, чтобы лучше его видъть.

Бертингъ не могъ разсказать ей о томъ, что составляло главный интересъ его жизни, т.-е. объ отношеніяхъ съ Гедвигой фонъ-Лаванъ, и поэтому ограничился перечнемъ разныхъ вижинихъ событій.

- Замолчите!—перебила его наконецъ Анни.—Вы меня, кажется, за дурочку считаете? Неужели я пов'ярю, что ваша жизнь вся посвящена 'вд'в, питью и прогулкамъ!
- Однако это такъ, —возразилъ Фрицъ по возможности непринужденно. — Я эмъ, сплю и гуляю. Прибавьте въ этому много работы и немного чтенія—и вотъ передъ вами вся моя жизнь.
- Это неправда! восиликнула Анни съ необывновенной страстностью. Я по вашимъ глазамъ вижу, что вы лжете. Кромъ того, васъ выдаютъ ваши произведенія. Кто такъ описы-

ваеть женщинь, тоть ихъ хорошо и близко знаеть. Я хочу знать все, что вы пережили, Фрицъ!

Бертингъ былъ смущенъ и не зналъ, что сказать.

Изъ затрудненія его вывела сама Анни. Съ нею сдълался бользненный припадокъ, и все лицо исказилось отъ боли. Фрицъ въ ужасъ вскочилъ и хотълъ позвать кого-нибудь, но фрау Эшауеръ простонала сквозь стиснутые зубы, чтобы онъ не уходилъ, и что это скоро пройдетъ. Она съ усиліемъ поднялась, намочила платокъ одеколономъ и стала нюхать его. Это немного оживило ее. Она подвинулась совсъмъ близко въ Бертингу и съ горящими глазами проговорила умоляющимъ тономъ:

— Будьте отвровенны со мною, Фрицъ, скажите мнё все! У васъ есть возлюбленная, вёдь я знаю. Что же изъ этого! Вы молоды. Но разсважите мнё про нее. Красива она? Живете вы вмёстё? Что вы дёлаете целый день? Часто ссоритесь? Нельзн же вёчно только любить другъ друга. Разсказывайте, разсказывайте, Фрицъ! Вы же видите, я просто погибаю отъ жажды какой-нибудь... какой-нибудь перемёны. Такъ ужасно все здёсь лежать. Вы не можете себё представить, что со мной дёлается!

Голосъ ен сталъ звучать хрипло, она схватила со стола флаконъ и стала нюхать. Фрицъ молчалъ и, какъ зачарованный, смотрълъ на возбужденное, измученное лицо Анни. Видно было, что она боролась съ чъмъ-то болъе сильнымъ, чъмъ физическое страданье.

Вдругъ она страдальчески улыбнулась и произнесла измъ-

— Ахъ, я вижу, что и отъ васъ ничего не добьюсь! Вы не хотите помочь бёдной больной. А я такъ хорошо къ вамъ отношусь... такъ хорошо! Я бы не стала васъ упрекать, что бы вы миё ни сказали. Я вёдь знаю, что такое жизнь, и сама дёлала такія вещи, послё которыхъ ничему не могу удивляться. Но лежать здёсь день и ночь и переворачивать въ умё все прожитое—это, повёрьте миё, Фрицъ, можетъ свести съ ума. Я часто думала о васъ. Миё слёдовало милёе поступить съ вами въ Бинцъ, но когда измученъ ревностью, то и самъ не понимаешь, что говоришь и что дёлаешь.

Она стиснула зубы.

— Опять начинаются боли. На этоть разъ вы не должны при этомъ присутствовать. Объщайте маъ... Фрицъ... объщайте маъ, что придете опять! Не оставляйте меня одну. Приходите своръе и тогда разскажите маъ...—Она отвернулась и зарыла голову въ подушку, дълая знакъ рукою, чтобы опъ уходилъ.

Томь VI.-Декаврь, 1902.

XXXII.

Возвратясь домой, Бертингъ нашелъ записку Лемфинка, извъщавшаго его о своемъ возвращении. Фрицу показалось, что онъ слышитъ зовъ человъка изъ другого міра—до такой степени онъ былъ далекъ послъднее время отъ своего друга. Но все-таки у него явилось сильное желаніе увидать честное лицо Лемфинка, услыхать его голосъ и пожать ему руку. Хотя, въ сравненіи съ такими людьми, какъ Михаилъ Шубскій или Маркусъ Гивель, онъ и казался безнадежно отсталымъ и во всъхъ его взглядахъ было что-то старомодное, тъмъ не менъе онъ былъ настоящій и оригинальный человъкъ.

Было еще не поздно, и Фрицъ въ тотъ же вечеръ отправился въ Лемфинку. Его не было дома, и Фрица встрътила стройная женщина въ глубовомъ трауръ. Это была Тони, сестра Лемфинка. Она привътствовала Бертинга просто и сердечно, и онъ съ большимъ интересомъ разглядывалъ высовую дъвушку съ некрасивымъ, но оригинальнымъ и симпатичнымъ лицомъ, не узнавая въ ней "маленькую сестренку" Лемфинка, знавомую ему по фотографіи, какъ всегда—безжизненной и обезличивающей.

Разговоръ ихъ не прерывался, и вскоръ оба почувствовали себя какъ старые знакомые.

Говорили больше всего о Лемфинкъ, при чемъ въ товъ его сестры Бертингъ подмътилъ что-то материнское. При всей свеей безграничной любви къ брату, она очевидно не смотръла на него какъ на непогръшимый авторитетъ. Возрастъ Тони было трудно опредълитъ. У нея было одно изъ тъхъ некрасивыхъ, но привлекательныхъ лицъ, для которыхъ годы не очень страшны.

По всему ея существу можно было судить, что жизнь она прожила не легкую. Въ домъ ея отца единственной роскошью было образованіе, даваемое дътямъ, и эти дъти были хорошо знакомы и съ науками, и съ голодомъ.

Тони очень рано сдала экваменъ на учительницу и прожиза нѣсколько лѣть въ окрестностяхъ Лондона, въ качествѣ учительницы нѣмецкаго языка. Вѣроятно благодаря этому въ ея манерахъ не было ничего провинціальнаго, а швабскій акценть ея рѣчи придавалъ ей своеобразную прелесть. Тони сообщила Бертингу, что теперь собиралась постоянно жить съ братомъ, занимаясь его хозяйствомъ и помоган ему въ его работахъ, для чего уже выучилась писать на пишущей машинъ. Фрицъ, за послъднее время ничего не знавшій о занятіяхъ своего друга, освёдомился о его послёдней научной работь.

— Ахъ, вы еще ничего не знаете! — восиливнула Тони. — Развъ онъ вамъ не разсказывалъ? Во всякомъ случаъ, теперь это ужъ не тайна.

Она подошла въ письменному столу, вынула изъ ящива и передала Фрицу толстый томивъ. Онъ прочелъ заглавіе: "Сущность и развитіе личности въ Германіи".

— Книга только-что вышла, —пояснила Тони; —онъ вамъ послаль переплетенный экземпляръ, только вы еще не успълн получить, —и видя, что Бертингъ заглядываетъ въ неразръзанныя страницы, она прибавила: —Я вамъ дамъ экземпляръ, который онъ мнъ подарилъ, тоже въ переплетъ; вы посидите и подождите брата, — теперь онъ ужъ скоро вернется, —а мнъ надо пойти распорядиться по хозяйству.

Фрицъ усёлся въ повойное вожаное вресло Лемфинка и сталъ просматривать его внигу. Прежде всему ему хотёлось узнать планъ и цёли перваго серьезнаго произведенія своего друга. Онъ зналъ, что если Лемфинкъ рёшился выступить съ такой большой книгой, то, значить, его въ этому побудили внутренняя необходимость и глубокое убёжденіе въ правотё своихъ выводовъ. Книга представляла собою въ нёкоторомъ родё авторскую исповёдь и заключала въ себё все его міровоззрёніе; но въ этой исповёди не было мистически-восторженныхъ пророчествъ или докторальнымъ тономъ изложенной системы; все было скавано ясно и въ пластической формё, обнаруживавшей настоящаго художника. Черезъ все произведеніе красной нитью проходила мысль, выраженная въ началё первой главы:

Нѣмецкія натуры суть наиболье одаренныя, и намъ принадлежить первое мъсто въ будущей исторіи народовь, когда мы научимся самовоспитанію, какъ въ общемь, такъ и въ частности. Для достнженія этой цѣли авторь не прописываль никакихъ рецептовь, а только старался отыскать среди родного народа часто скрытые источники силы, чистоты и красоты, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекаль людей, отравлявшихъ эти источники. Въ современномъ обществъ онъ осуждалъ болъзненную утонченность и выискиваніе небывалыхъ ощущеній, доказывавшихъ только, что люди умираютъ отъ усталости и пресыщенія. Искусство, выросмее на такой почвъ, не могло быть здоровымъ, а люди, воспитанные при такихъ условіяхъ, при всемъ ихъ образованіи, были лишены настоящей умственной глубины и отличались бездушной

производительностью и виртузностью. Чтобы спастись отъ всего этого, надо было выработать въ себъ сильную твердую волю.

Мы нуждаемся въ культуръ, но не внѣшей, которой у насъ даже слишкомъ много, а во внутренней. Только самоуглублене и самосознаніе отдѣльныхъ личностей даетъ возможность всѣмъ стремленіямъ культуры соединиться въ одно живое цѣлое.

Многое въ книгъ Лемфинка поразило и задъло ва живое Фрица Многія слова были какъ будто лично къ нему обращени. Во всякомъ случаъ, это была живая книга, проникнутая сильной ненавистью и сильною любовью.

За чтеніемъ Фрицъ не замѣтилъ, какъ стемнѣло, и уже собрался уходить, когда раздались голоса Лемфинка и Тони, вышедшей къ нему на встрѣчу. Лемфинкъ быстро вошелъ въ комнату, шумно выражая свою радость при видѣ Фрица, и они крѣпко пожали другъ другу руки. Лемфинкъ, увидѣвъ раскрытую кпигу, засмѣялся и проговорилъ:

— Какъ ты скоро съ ними объими познакомился—и съ моей старой сестрой, и съ моей юной книгой!

Фрицъ, воспользовавшись темнотой, всегда способствующей искреннимъ изліяніямъ, поспѣшилъ сообщить Лемфинку о впечатлѣніи, произведенномъ на него его книгой, что доставило видимое удовольствіе автору.

Тони позвала ихъ объдать. За столомъ, глядя на брата и сестру, связанныхъ общностью интересовъ и всего виъстъ пережитого, Фрицъ невольно позавидовалъ своему другу и съ горечью подумалъ о Констанціи, превратившей ихъ родственния отношенія въ жалкую каррикатуру. Однаво, отъ его наблюдательности не ускользнула комичная сторона въ отношеніяхъ Лемфинка и Тони. Братъ иногда начиналъ объяснять авторитетнымъ тономъ сестръ нъкоторыя вещи, повидимому знакомия ей не меньше, чъмъ ему самому. Тони это было немножво смъшно и досадно, но она такъ любила своего брата, что, въ присутствіи посторонняго, ни за что не ръшилась бы обпаружить его заблужденіе, и терпъливо выслушивала вст объясненія и совъты.

XXXIII.

Послѣ поѣздки на кладбище, Фрицъ не встрѣчался больше съ Альмой. Онъ собирался самъ отнести ей деньги, чтобы уплатить за ен квартиру, но все откладывалъ это посѣщеніе. Въ одно прекрасное утро къ нему явилась его хозяйка и сообщила,

что его желаетъ видъть та самая барышня, которая приносила ему альпійскія фіалки. Хозяйка прибавила сочувственнымъ тономъ, что лицо у барышни очень печальное.

Фрицъ быстро одълся и свазалъ хозяйвъ, чтобы она попросила фрейлейнъ войти. Видъ у Альмы былъ, дъйствительно, самый удрученный, и Фрицъ опять испыталъ чувство мучительной неловкости, какого-то страха и упревовъ совъсти. Онъ усадилъ Альму, принесъ ей фруктовъ, присланныхъ Анни Эшауеръ, и спросилъ, не случилось ли чего-нибудь. Альма разсказала, сначала робво и запинаясь, но потомъ все ръшительнъе, что съ нею случилась странная вещь, о которой она сочла нужнымъ сообщить Фрицу.

Къ ней явился господинъ, подъ видомъ довереннаго отъ одного моднаго магазина, нуждавшагося въ опытной швев. Въ этомъ собственно не было ничего удивительнаго, но этотъ господинъ, повидимому еврей, не былъ похожъ на купца, и началь задавать ей совсемь не относившеся въ дёлу вопросы, вавъ напримъръ: кто платитъ за ея квартиру, не имъетъ ли она близваго друга и не воспротивится ли онъ, если она захочеть увхать изъ этого города. Чтобы отделаться отъ надобдливаго постителя, Альма объявила, что она никуда не думаеть увзжать, но ея гость после этого не ушель, а сообщиль, что пришель къ ней по порученю одной знатной особы, имени которой не могъ назвать и которая принимала живъйшее участіе въ печальной судьбъ Альмы. Онъ показаль деньги, присланныя этой благодътельницей съ условіемъ, чтобы фрейлейнъ Луксъ тотчасъ же покинула городъ и соблюдала о случившемся глубочайшую тайну. Отъ денегъ Альма, вонечно, отвазалась, и неизвъстный господинъ удалился, прося ее, по врайней мъръ, молчать, чтобы ему еще не досталось за его доброту.

Бъдная женщина ничего не понимала, но это посъщение было ей крайне непріятно и даже вызывало въ ней неопредъленный страхъ. Бертингъ попросилъ ее подробно описать наружность таинственнаго незнавомца, и Альма словами создала очень живой портретъ Зигфрида Зильбера. Сомнънія не могло быть, что это былъ именно онъ, но для чего ему понадобилось удалять Альму изъ города?

Бертингъ одобрилъ поведеніе Альмы, попросилъ ее нивому не разсказывать о случившемся и объщалъ непремънно къ ней зайти, такъ что она ушла отъ него совершенно счастливая и ободренвая.

Въ тотъ же день Бертингъ отправился къ Зильберу и сталъ

требовать, чтобы онъ объясниль ему свое поведение. Зильберъ принялъ осворбленный видъ и сначала отказался давать какія бы то ни было объясненія, но вогда Фрицъ объявилъ, что не выйдетъ изъ редакціи, не выяснивъ этого дъла, то Зильберъ произнесъ:

- Я согласенъ, что мое посъщение фрейлейнъ Луксъ можетъ показаться страннымъ...
- Не страннымъ, перебилъ его Бертингъ, а просто нахальнымъ!

Темные глаза Зильбера злобно свервнули, но онъ сдержаль себя и съ усмёшкой пожалъ плечами.

— Если вамъ угодно меня оскорблять, Бертингъ, проговориль онъ, — то я, конечно, не могу вамъ этого запретить; только это меня нисколько не задъваетъ. Еслибы вы знали мои внутреннія побужденія, продолжаль онъ, сдълавъ огорченную мину и опуская глаза, то вы взяли бы назадъ ваши слова. Вы сказали бы только, что я быль неостороженъ, взявъ на себя такое порученіе. Еслибы оно удалось, то мнъ были бы благодарны; а такъ какъ оно не удалось, то я рискую потерять друга... такъ я имълъ смълость называть васъ до сихъ поръ.

Отъ всёхъ этихъ фразъ Бертингъ пришелъ въ отчаяніе.

- Объясните мив, какая у васъ была цвль?—воскливнуль онъ. —Я ввдь знаю васъ, и потому уввренъ, что вы не станете двиствовать, не разсчитывая на выгоду.
- Этими словами вы доказываете, что не знаете меня. **Я** дъйствоваль, какъ идеалисть.
 - Идеалистъ?!
- Изъ чувства идеальной и идеализирующей дружбы. Я давно замётилъ происшедшую въ васъ перемёну, Бертингъ: вы стали совсёмъ не тотъ, и я угадалъ, что именно васъ угнетаетъ. Фрейлейнъ Луксъ, бевспорно, красива, но развъ можетъ такой человъкъ, какъ вы, удовольствоваться одной физической красотой! Эта дъвушка стала вамъ въ тягость, но вы, по свойственной вамъ деликатности, не могли сами освободиться отъ нея, и я, какъ безкорыстный другъ, ръшился помочь вамъ въ этомъ щекотливомъ дълъ.
- Знаете, Зильберъ, едва сдерживаясь, проговорилъ Фрицъ, что я не върю ни единому вашему слову. Миъ только хотълось бы внать, какой благодарности вы ждете за вашъ поступокъ отъ фрау Эшауеръ?

При этихъ словахъ Зильберъ вздрогнулъ и видимо расте-

рялся. Годова его ушла въ плечи, и можно было даже подумать, что ему стало стыдно.

— Ну, если вы знаете, то глупо было бы скрывать, — проговориль онъ едва слышно, и прибавиль, возвышая голосъ: — объ одномъ прошу васъ, Бертингъ, не приписывайте мий какихъ-нибудь низменныхъ мотивовъ. Это было безразсудно, если котите, я вийшался не въ свое д'йло, я съ этимъ согласенъ, но я не думалъ ни о какой выгодъ. В'йдь тутъ зам'йшана женщина, больная женщина... и я сдёлалъ это просто изъ жалости. Еслибы вы слышали, какъ фрау Анни меня умоляла! Увъряю васъ, она просто сама не своя отъ ревности, и если я сразу не сказалъ вамъ правды, то именно потому, что не хотълъ выдавать чужую тайну. Я над'йюсь, Бертингъ, что теперь вы миъ върите.

Последнія слова были произнесены съ обычною самоуверенностью и даже съ пасосомъ.

Бертингъ отвернулся, и взглядъ его упалъ на фотографію, стоявшую на письменномъ столѣ. Это былъ портретъ бѣлокурой поэтессы.

- Васъ удивляетъ, что у меня этотъ портретъ? спросилъ Зильберъ, слъдившій за его взглядомъ.
- Нисколько! Фрейлейнъ Бейерлейнъ—ваша сотрудница, о чемъ я узналъ изъ послёдняго нумера.
- Ну, да, Богъ мой, чего не сдёлаешь изъ вёжливости! Стихи не очень-то литературны, но и не совсёмъ плохи, и когда такая очаровательная авторша... Вы меня осуждаете?
- Нисколько. Я не мѣшаюсь въ чужія личныя дѣла, и совѣтую и вамъ впередъ придерживаться этого правила.

XXXIV.

За последніе дни Фрицу ни разу не удалось побывать у Гедвиги фонъ-Лаванъ. Когда онъ, наконецъ, отправился къ ней, то не засталь ен дома. Толстощекая горничная объявила ему, что барыння ушла къ доктору. Она повторяла это всегда, когда Гедвиги не бывало дома. Бертингъ раскрылъ какую-то книгу и, въ ожиданіи хозяйки, читалъ цёлый часъ; но Гедвига все не возвращалась, и онъ ушелъ. На следующее утро онъ получилъ отъ нея письмо съ выраженіемъ сожалёнія, что онъ не засталь ее, и съ просьбой придти позавтракать. За столомъ Гедвига сообщила Фрицу, что ен тетушки возвращаются и что ей придется скоро водворять на прежнія мёста всё отвратительныя вещи, удаленныя ею изъ комнатъ. При этомъ она довольно ядовито подсмънвалась надъ отсутствующими старушвами, и ея шутки произвели непріятное впечатлініе на Фрица. Холодніве, чъмъ когда-либо, глядъли на него ея сърые глаза, и у него явилось такое чувство, какъ будто онъ быль натурой, позирующей передъ опытнымъ художникомъ. Гедвигъ только-что припесли корректуру ея повъсти, и она попросила Фрица ее поправить, такъ какъ сама еще не умъла этого дълать. Бертингъ продержаль корректуру и ушель домой съ большимъ, чвиъ когда-либо, чувствомъ неудовлетворенности и недовольства. Чтобы разсвять это чувство, онъ отправился въ Лемфинку. Брать в сестра были ему очень рады и предложили сдёлать прогулку за городъ. Лемфинкъ, воспользовавшись отсутствиемъ Тони, отправившейся одёваться, спросиль Бертинга о здоровьё Альмы и выразиль удивленіе, что Фриць до сихь порь не заботился о томъ, чтобы удобно устроить Альму на время родовъ. По его мивнію, всего лучше было помістить ее въ женскую влинику. Приходъ Тони прекратилъ этотъ мучительный для Фрица разговоръ.

Они заняли столивъ въ загородномъ саду. Народа было очень много. Часть публиви приходила пѣшкомъ, но большинство пріѣзжало на лошадяхъ или по желѣзной дорогѣ. Здѣсь попадались и нарядныя дамы, и учащаяся молодежь, и туристы. Фрицъ разсѣянно смотрѣлъ на проходившихъ, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено одной парой. Мужчина и дама шли подъ-руку, отдѣлившись отъ остальной толпы. Бертингъ чуть не вскрикнулъ, узнавъ въ тонкой женщинѣ, въ изящномъ сѣромъ платъѣ, Гедвигу фонъ-Лаванъ, а въ высокомъ, безбородомъ мужчинѣ рядомъ съ нею — Вальдемара Геслова. Когда онъ пемного пришелъ въ себя и хотѣлъ за ними броситься, то они уже исчевли въ толпѣ.

Лемфинкъ замътилъ его волненіе и участливо освъдомился, что съ нимъ. Фрицъ пробормоталъ, что чувствуетъ себя не совствиъ хорошо, что, въроятно, это простуда, и ему лучше вернуться домой. Ему хотълось какъ можно скоръе быть одному, и онъ въ душъ проклиналъ участливую заботливость своихъ друзей, объявившихъ, что они непремънно проводятъ его до станци. Онъ не помнилъ, какъ взялъ билетъ и очутился одинъ въ купэ. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкъ. Ему почти дълалось дурно отъ остраго чувства ревности и отвращенія къ Гедвитъ фонъ-Лаванъ. Конечно, она была вполнъ свободна и никогда не давала ему права ревновать ее, но мысль, что она пред-

почла ему этого Геслова, все достоинство котораго состояло въ сильныхъ мускулахъ, и что она все время обманывала его, отправляясь на свиданія съ актеромъ, —была ему невыносима. Думать, что она предавалась самой грубой чувственности, —она, эта Гедвига, которой онъ столько времени приписывалъ самыя утонченыя чувства и самые воспріимчивые нервы художественной натуры! Онъ былъ съ нею деликатенъ, а стоило ему быть грубымъ и циничнымъ, какъ Гесловъ, и она принадлежала бы ему. Это сознаніе было для него всего мучительнъе.

Вернувшись въ городъ, онъ пошелъ въ кафе и попробовалъ читать газеты, но ничего не понималъ изъ прочитаннаго, и отправился домой. Тамъ, на столъ, лежало утреннее письмо Гедвиги—и ему живо представилась вся она, съ перомъ въ рукахъ и съ неуловимой насмъшливой улыбкой на тонкихъ губахъ. Можетъ быть, интрига съ Гесловомъ доставляла ей особое наслажденіе, потому что была связана съ обманомъ и опасностью. Какъ она стала ему ненавистна! И эта-то женщина вдохновляла его, для нея онъ писалъ свои стихи! Но вдругъ на него нашло сомнъніе: а можетъ быть, все это произошло случайно? Послъ его ухода, могъ явиться актеръ и предложить ей загородную прогулку. Но почему она ему всегда отказывала въ этихъ прогулкахъ? Во всякомъ случав, все это надо было выяснить—и онъ ръшилъ пойти къ Гедвигъ, чтобы посмотръть, какъ она объяснить свое_отсутствіе.

Горничная объявила ему, что фрейдейнъ увхала по двламъ не болбе какъ съ часъ тому назадъ, а весь день была дома. Одно ея желаніе сообщить болбе того, чвмъ ее спрашивали, уже доказывало, что она лгала. Следовательно, и она была въ заговоръ вмъсть съ своей госпожею.

Бертингъ медленно сошелъ съ крыльца. Ему все-таки очень хотълось знать, когда вернется Гедвига и будетъ ли она одна. Опять въ немъ зашевелилась ревность, но онъ не скрежеталъ больше зубами и не презиралъ, а испытывалъ только глубокую тоску и готовъ былъ заплакать отъ чувства собственнаго безсилія. Онъ не могъ уйти, не повидавъ Гедвигу. Провзжали экипажи, но все мимо. Зажглись уличные фонари, — а онъ все ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ подъбхалъ извозчикъ и остановился.

Бертингъ спрятался за уголъ сосъдняго дома и смотрълъ, затанвъ дыханіе.

Изъ экипажа вышла Гедвига, закутанная въ темный плащъ, и стала, при свътъ фонаря, искать деньги въ портмопэ.

Бертингъ вышелъ изъ своей засады и подошелъ въ ней.

— Не нужно ли вамъ мелочи?

Она быстро подняла голову.

- Ахъ, это вы? Какими судьбами такъ поздно?
- А вы какими?
- Я была у доктора. Меня тамъ такъ задержали...
- Но вёдь докторъ живеть въ двухъ шагахъ отсюда, перебилъ ее Бертингъ и, обращаясь къ кучеру, спросилъ:
 - Вы откуда взяты?

Кучеръ, боясь, чтобы ему не уменьшили платы, сталъ увърять, что дешевле взять не можетъ, и при этомъ назвалъ довольно отдаленный кварталъ.

- Тамъ живетъ Вальдемаръ Гесловъ? спросилъ Фрицъ въ полголоса, чтобы Гедвига одна могла его слышать. Она ничего не отвъчала, отдала кучеру деньги, подошла къ садовой калитиъ и отворила ее, но Бертингъ загородилъ ей путь.
 - Два слова только!-- сказаль онъ.
- Что съ вами сегодня и чего вы отъ меня хотите?—проговорила Гедвига, и голосъ ея едва замътно дрогнулъ.
- Вы провели день съ Вальдемаромъ Гесловомъ? Вы станете это отрицать?
- Отрицать—зачёмъ? Но что же вы спрашиваете, если знаете?
 - И были у него въ квартиръ?
 - Почему бы мев и не быть?
 - Что это за плащъ? Днемъ его на васъ не было.
- Это плащъ Геслова. Я совсёмъ не желаю простудиться, а ночь свёжая. Завтра я его отошлю ему, или, можеть быть, онъ самъ за нимъ зайдетъ. Довольно съ васъ?

При этомъ она направилась въ врыльцу, но Бертингъ схватилъ ее за руку.

- Гедвига, дойти до такого униженія! Это отвратительно, это пошло... я не могу найти настоящаго слова!
- Еслибъ вы знали, мой милый, какъ къ вамъ не идетъ это благородное пегодование! Однако пустите меня, я устала в хочу спать.

Фрицъ топнулъ ногой, не выпуская Гедвигу. Ему безуще хотвлось обидеть ее, сделать ей больно.

- Вы воображаете, что Гесловъ будеть вамъ въренъ? Онъ и теперь навърное измъняеть вамъ.
- Боже мой, до чего вы безвнусны и глупы! Кто вамъ сказалъ, что я дорожу какой-то върностью? и она засмвалась

н смѣнась до тѣхъ поръ, пока онъ не выпустиль ен руки. Тогда она бѣгомъ бросилась жъ крыльцу и, уже взившись заручку двери, окликнула его.

- Чего вамъ еще нужно? спросиль онъ.
- Давайте помиримся. Хотите придти завтра во мив позавтравать?
 - Вы съ ума сошли?
- Приходите! Черевъ недёлю пріёдуть тети, и тогда для женя, бёдной, начнется постъ. Такъ придете?

Фрицъ повернулся въ ней спиной и, уходя, еще слышалъ ея презрительный смъхъ.

XXXV.

Съ Гедвигой фонъ-Лаванъ у него все было вончено, но боль, причиненная ею, мучила его еще долго. Онъ не могь простить себъ, что его, знатова женщинъ, обманули и провели, вавъ иальчишку, и обманули бы еще больше, если бы случай не открылъ ему глава. Онъ бросилъ Альму, потому что она не подходила въ нему въ умственномъ отношени, потому что въ ней не было развитія, чуткости, вкуса. Все это нашель онъ въ Гедвить, но это не только не возвысило его, а совершенно придавило въ землъ. Ему было жаль, что онъ оттолкнулъ отъ себя единственное беззаветно любищее его существо, и онъ испытываль приливъ горячей нъжности въ Альмъ. Альма не стала его разспращивать, почему онъ вернулся въ ней и что значила происшедшая въ немъ перемъна. Она каждый день молилась Богу, чтобы Онъ вернулъ ей Фрица, и молитва ел была услышана. Въ психологію она никогда не вдавалась, а просто радовалась тому, что Фрицъ съ нею, и, значитъ, все теперь будетъ xopomo.

Лемфинкъ познавомилъ Бертинга съ молодымъ довторомъ Мошемъ, служившимъ въ городской женской клиникъ, и Фрицъ нанялъ помъщение для Альмы, на что потребовалась довольно большая сумма денегъ. Надо было думать о заработкъ. Конецъ его повъсти былъ напечатанъ въ "Импрессионистъ", но редавция выговорила, чтобы онъ не печаталъ ее отдъльнымъ изданиемъ раньше года, а написать что-нибудь новое—нечего было и думать. История съ Гедвигой такъ на него подъйствовала, что онъ не былъ въ состояни написать ни строчки. Пришлось обратиться къ Вейсблейхеру и просить переводной работы. Издатель предложилъ ему перевести одинъ французскій романъ, отъ вотораго

дама переводчица отвазалась, объявивъ, что для нея онъ слишвомъ пеприличенъ. Фрицъ съ радостью взялся за работу и удивлиль Вейсблейхера своимъ прилежаніемъ. Образь жизни онь вель теперь приблизительно такой же, какъ въ то время, когда они жили у фрау Клиппель. Весь день Фрицъ работалъ за письменнымъ столомъ, а вечера проводилъ у Альмы. Но тогда онъ работалъ надъ собственнымъ произведениемъ, а теперь это была переводная работа изъ-за гонорара. Переводимый имъ романъ представляль собою одну изъ последнихъ раковинъ, выброшенных на берегъ огромной натуралистической волной, прошедшей по французской литературъ, но въ немъ не сохранилось того особеннаго запаха пота, крови, угольнаго дына и пороха, которымъ пронивнутъ гигантскій циклъ "Rougon-Macquart'овъ". У этого утопченнаго эпигона преобладалъ одурманивающій аромать теплицы. У него было больше вкуса, и подробности были больше выработаны, чвиъ у великаго живописца al-fresco Зола съ его темной палитрой. Переводя какого-нибуль автора, начинаеть относиться въ нему совсёмъ иначе, чёмъ при обывновенномъ чтеніи. Вдвойнъ продумываеть всь его мысле, в на его, и на своемъ языкъ, и невольно подсматриваещь за сго скрытой внутренней работой. Фрицъ былъ пораженъ отсутствияъ оригинальности и своеобразности и необывновенной ловкостью, съ какой было написано это произведение. Онъ невольно задумался надъ вопросомъ: не сдълалось ли слишвомъ легво въ наши дни писать годныя для чтенія книги? Нужпо имъть только немного фантазіи, ума, вкуса и способности комбинировать и затъмъ беззастънчиво пользоваться произведениями другихъ авторовъ. Совровищница мыслей, знаній и наблюденій, завъщанная намъ прошлымъ, -- неисчерпаема. И поэтому именно какъ страшво трудно совдать что-нибудь свое, въ чемъ бы ярко выразвлась индивидуальность и что могло бы просуществовать хоть десятокъ лѣтъ!

Обо всемъ этомъ онъ часто бесёдоваль съ Лемфинкомъ. Кромъ этого поводомъ для споровъ являлась и внига Лемфинка. Другой на его мъстъ пришелъ бы въ отчаяніе отъ пріема, оказаннаго ей въ прессъ. Ежедневныя политическія газеты замалчивали ее. Имъ были непріятны горькія истины, преподносимия въ внигъ встмъ партіямъ. Научные органы сожальли о недостаткъ методы въ этомъ трудъ, а остальная пресса пользовалась внигой Лемфинка для своихъ якобы остроумныхъ выходовъ. Но этотъ пріемъ именно доказывалъ автору, что онъ долженъ быль написать свое сочиненіе, и онъ быль доволенъ и спокоенъ. Бертингъ пробовалъ оспаривать мийнія своего друга, стараясь защитить современную культуру, но Лемфинкъ возражалъ ему:

- Возьмемъ, напримъръ, натурализмъ. Я не обвиняю его, конечно, въ неприличіи, какъ дълають многіе, но для меня ясны его духовные недостатки. Онъ проникъ во многія важния явленія, какъ, напримъръ, въ физіологію, но отказался отъ метафизики. Въ его произведеніяхъ есть ширина, но нътъ горизонтовъ. Это точно обширная зала съ низкимъ потолкомъ. Драмы его не затрогивають огромныхъ и самыхъ важныхъ жизненныхъ проблемъ, и поэтому не увлекаютъ, не восхищаютъ, а только смущаютъ и подавляютъ.
 - А Ибсенъ? возражалъ Бертингъ.
- Что же, ты думаешь, что Ибсенъ даетъ намъ новую нравственность? Онъ только указываетъ намъ, гдв началось самое сильное гніеніе и разложеніе. Онъ дълаетъ намъ ясной нашу болёзнь, но онъ не врачь и не исцёляетъ насъ. Не таковы были Данте, Шекспиръ и Гёте, и я жалёю, что этотъ сёверный богатырь съ его огромнымъ эгоизмомъ имъетъ такое вліяніе на нъмецкую литературу. Совсёмъ другихъ учителей желалъ бы я для молодого поколёнія!
- Я не думаю, замётилъ Фрицъ, чтобы революція въ нашей умственной жизни была вызвана внёшнимъ вліяніемъ. Переворотъ произошелъ бы и безъ Зола, Ибсена и Толстого.
- Конечно, натурализмъ и соціализмъ—два родные брата, и они до нівкоторой степени очистили атмосферу, отяжелівшую отъ затхлаго филистерства и вредныхъ испареній разнихъ умственныхъ болоть; но имъ можно было симпатизировать только пока они были молоды, а теперь они старівють и сами превращаются въ сытыхъ буржуа. Научный соціализмъ—это то же, что и натуралистическая литература. Онъ держится слишкомъ на поверхности. Говорять о свободів, а сами потворствують инстинктамъмассы. Въ конців-концовъ все это приводить не къ освобожденію личности, а къ ея умерщвленію.
- Въ такомъ случат, я удивляюсь, Лемфинкъ, почему ты въ своей главт "Руководящіе умы" не поставилъ Ницше?
- Ницше не хотъть самъ быть руководителемъ, и никогда имъ не будеть. Его слова острый ножъ безъ рукоятки. Его васлуга состоитъ въ томъ, что овъ разрушилъ аскетическую сторону христіанства.
- Но, милый Лемфинкъ, неужели ты ждешь чего-нибудь отъ христіанства? Мив оно кажется давно умершимъ.

— А я, Бертингъ, сважу тебъ, что втайнъ мечтаю и надъюсь, что христіанство, освободившись отъ въкового непониманія и ложныхъ толкованій, опутывавшихъ его и мъщавшихъ его движенію, какъ ненужныя тяжелыя и темныя одежды, сдълается основаніемъ и свътомъ будущаго человъчества.

За такими разговорами время проходило незамътно. Тони не виъпнвалась въ споры двухъ друвей, но ея присутствіе было пріятно для обоихъ. Фрицъ съ большимъ интересомъ изучаль этотъ новый типъ женщины.

Еп простая, многосторонняя, но не слишкомъ сложная натура дъйствовала на него успоконтельно. Мать свою онъ потерялъ рано, съ сестрою не былъ друженъ и на всъхъ женщинъ привыкъ смотръть исключительно какъ на женщинъ; поэтому его особенно радовали завязавшіяся у него товарищескія отношенія съ Тони. Онъ охотно разсказаль бы ей объ Альмъ, но его удерживаль страхъ, что Лемфинку это можеть не понравиться.

Между тъмъ Альма переселилась въ влинику, и докторъ Мошъ аккуратно сообщалъ Фрицу о состоянии ея здоровья.

XXXVI.

У Альмы родилась дівочка. Бертингь узналь объ этомъ отъ доктора Моша. Тотъ запиской ув'ядомиль его, что все обошлось благополучно и идеть своимъ нормальнымъ путемъ.

Извъстіе о томъ, что онъ сдълался отцомъ, произвело довольно странное и неожиданное впечатлъніе на Бертинга. Оно не вызвало въ немъ ни мальйшей радости; онъ чувствовалъ себи угнетеннымъ, окончательпо связаннымъ. Ему казалось, что на него навалилась какая-то тижесть, и его охватывалъ ужасъ, когда онъ думалъ о будущемъ.

Онъ не чувствовалъ особенной потребности увидъть Альму съ дочерью. Одно сознаніе, что у него родился ребеновъ, вызывало въ немъ ощущеніе неловкости.

Онъ получилъ рано утромъ записку отъ доктора Моша в днемъ отправился въ нему.

Докторъ поздравилъ отца. Онъ увърялъ его, что дъвочка прелестна и голосъ у нея необыкновенно звонкій. Затвиъ онъ вдался еще въ нъвоторыя подробности относительно новорожденной. Фрицу пришло въ голову, ужъ не смъется ли онъ надънимъ.

Домой онъ вернулся въ самомъ отвратительномъ настроенів.

Работать онъ быль не въ состоянія, и рёшиль отправиться къ Лемфинку. Онъ хотёль сообщить о случившемся своему другу, смутно надёлсь найти у него утёшеніе.

Брать и сестра были дома. Бертингъ воспользовался минутой, когда Тони вышла изъ комнаты, и разсказалъ Лемфинку объ Альмъ.

Лемфинкъ поздравилъ Фрица, хотя и въ нѣсколько другомъ тонѣ, чѣмъ докторъ Мошъ. Онъ сказалъ, что ему довольно трудно войти въ душевное настроеніе друга, но онъ представляеть себѣ, что передъ тайной появленія на свѣтъ новаго существа, вызваннаго къ жизни взаимной любовью, смолкають всѣ мелочныя тревоги и заботы. Онъ полагалъ, что сознаніе себя виновникомъ жизни будущаго человѣка вызываетъ въ душѣ страхъ и радость. Онъ считалъ рожденіе ребенка самымъ важнымъ и знаменательнымъ событіемъ въ жизни людей.

Генрихъ Лемфинвъ казался очень взволнованнымъ, говоря все это. Фрицъ даже не ожидалъ, что новость до такой степени задънеть за живое его друга.

Вошла Тони съ вофейнымъ приборомъ, и разговоръ оборвался. Бертингъ чувствовалъ, что въ своемъ настроеніи онъ всёмъ въ тягость, и собрался уходить. Тони долго и безуспёшно уговаривала его остаться. На прощанье она не выдержала и спросила, что съ нимъ случилось. Онъ уклончиво отвётилъ, что у него дёловыя непріятности.

Лемфинкъ пошелъ его проводить, и они опять вернулись къ прерванному разговору. Лемфинкъ сказалъ Фрицу, что понимаетъ всю трудность его положенія, но просить не забывать въ тяжелыя минуты, что у него есть другъ, всегда готовый помочь ему.

Фрицъ поблагодарилъ Лемфинка. Онъ надъялся, что все уладится, и ему не придется затруднять Генриха.

На другой день утромъ Фрицъ получилъ отъ Альмы записку, написанную варандашомъ на измятомъ влочкъ бумаги. Онъ съ трудомъ разобралъ ея царапанье.

Альма писала, что все идеть хорошо, и она очень счастлива. Девочка взяла грудь. У нея вся головка въ завиткахъ и она очень похожа на Фрица. Въ заключение Альма благодарила Фрица за все и выражала надежду скоро, очень скоро увидеться съ нимъ и показать ему ихъ дочку.

Фрицъ отвътилъ Альмъ. Онъ просилъ ее беречься, спрашивалъ, не хочется ли ей чего-нибудь, и увърялъ, что готовъ сдълать для нея ръшительно все. Только придти въ ней онъ нижакъ не могъ. Докторъ былъ противъ его посъщенія.

Въ этотъ день онъ опять не могъ работать. Онъ чувствоваль себя разстроеннымъ, и ему было грустно, грустно до слезъ. Ему представлялась Альма съ ребенкомъ на рукахъ, и ему становилось до боли жаль ее. Онъ сердился на себя, смъялся надъ собственной сентиментальностью, но никакъ не могъ отогнать этихъ мыслей, и онъ продолжали терзать его.

Онъ ръшилъ опять пойти къ Лемфинку. Погода была чудесная; времени у него было много, такъ какъ работа положительно не клеилась, и онъ пошелъ пъшкомъ.

Лемфинка не было дома, но, уходя, онъ распорядился, чтобы Фрица задержали, если онъ придеть въ его отсутствіе. Онъ просилъ передать, что долженъ сообщить ему что-то очень важное.

Тони не могла объяснить, въ чемъ дёло. Утромъ братъ ев получилъ какое-то письмо, но она не знала его содержанія. Во всякомъ случаї, ей казалось, что в'єсти были хорошія.

— Не пойдемъ ли мы прогуляться?—предложила она.—Пойдемъ куда-нибудь по близости, чтобы не заставить ждать Генриха.

Фрицъ согласился. Они вышли изъ дому и пошли по каменистой дорожет къ возвышенности, съ которой открывался видъ на ръку и весь городъ, а въ отдаленіи синъли горы. Отсюда они повернули назадъ и направились домой.

Разговоръ вакъ-то не клеился. Тони, противъ обывновенія, была очень молчалива, и ея неразговорчивость повазалась Фрицу подозрительной. У Тони былъ такой видъ, точно она все время собиралась его спросить о чемъ-то и не рѣшалась. Онъ искоса посмотрѣлъ на нее, и въ эту минуту ихъ взгляды встрѣтились. Тони вся вспыхнула.

Фрицъ подумалъ, что Лемфинкъ выдалъ его тайну сестръ, в ему захотълось увнать, что думаетъ обо всемъ этомъ Тони. Овъ не могъ себъ представить, какое впечатлъніе произвело на нее неожиданное открытіе. И вдругъ Тони заговорила первая.

— Генрихъ разсказалъ мив все, г-нъ Бертингъ. Какъ здоровье малютки?—прибавила она уже болве тихимъ голосомъ.

Фрицъ отвѣтилъ, что мать и ребенокъ, насколько онъ слышалъ, чувствуютъ себя отлично.

— Развъ вы еще не видъли вашей дъвочки? — съ изумленіемъ воскливнула Тони.

Онъ возравилъ, что до сихъ поръ еще не имѣлъ возможности побывать въ больницъ, да, откровенно говоря, и не особенно стремился въ этому.

— Я васъ не понимаю! — сказала Тони.

Фрицъ пробоваль объяснить, что онъ положительно не знаеть, какъ обращаться съ такимъ врошечнымъ существомъ.

- Но это просто неестественно!—съ негодованіемъ вырвалось у дівнушки.
- Мы, мужчины, чувствуенъ себя врайне безпомощными относительно такихъ маленьвихъ дётей. Нивогда тавъ ясно не совнаемъ мы нашу слабость и нашу односторонность. Можетъ быть, это одинъ изъ тёхъ случаевъ, когда мужчина и женщина должны взаимно пополнять другъ друга. Вы не согласны со мной?

Но Тони даже ничего не отвътила на этотъ вопросъ, и они молча дошли до дома. У самаго входа дъвушка вдругъ остановилась.

— У меня къ вамъ большая просьба, г-нъ Бертингъ, — сказала она. — Позвольте мив посмотръть вашу дочку. Мив очень хотълось бы познакомиться съ Альмой. Генрихъ такъ много мив разсказывалъ о ней.

Говоря это, она взяла его за руку. Фрицъ колебался всего одно игновенье и затёмъ отвётилъ, что будеть очень радъ, если Тони познакомится съ Альмой.

Лемфинкъ быль уже дома. Онь обняль сестру и канъ-то многозначительно пожаль руку Фрицу.

- Неужели вы не видите во мив ничего особеннаго? спросиль онъ, улыбаясь.
- У тебя такой видъ, точно ты выигралъ девсти тысячъ, отвътилъ Фринъ.
- И ты не ошибся. Я дъйствительно выиграль, хотя и не на выигрышный билеть.
- Генрихъ! восвливнула, задыхаясь отъ волненія, Тони. Что съ тобой?
- А вотъ что: Фрицъ всегда увърялъ меня, что во миъ есть что-то профессорское, а темерь, кажется, этотъ взглядъ раздъляютъ и другіе. Миъ предлагаютъ канедру исторіи современной литературы...
 - Гдъ? воскливнула Тони.

Генрихъ Лемфинкъ взглянулъ на портретъ Фишера, стоявшій на его письменномъ столъ.

- На родинъ !-- отвътилъ онъ.
- Генрихъ! И Тони бросилась обнимать брата. Жаль только, что отецъ съ матерью не дожили до этого!

И она разрыдалась, прижимансь въ груди брата.

Бертингъ отошелъ къ окну. Ему не хотелось смущать ихъ своимъ присутствиемъ.

Томъ VI.--Дикаврь, 1902.

Когда улеглось первое волненіе, Лемфинкъ долженъ быль разсказать подробно, какъ все случилось. Онъ самъ быль пораженъ неожиданнымъ предложеніемъ, и думалъ, что до нѣкоторой степени обязанъ имъ одному знакомому изъ кружка Фишера. Насколько онъ слышалъ, этотъ человѣкъ пользуется теперь большимъ вліяніемъ. Но, во всякомъ случав, Лемфинкъ не прибъгалъ ни къ какой протекціи и утѣщался мыслью, что его новая книга повліяла на его избраніе гораздо болѣе всякихъ ходатайствъ и рекомендацій.

- Ты великоленень, какъ всегда!—воскликнуль Фрицъ.— Удивляюсь, какъ это ты еще не отказался отъ места! Ведь ты способень ответить...
- Еслибы я быль увёрень, что получиль его благодаря протекціи, я не задумался бы ни на одну минуту,—отвётнаь Лемфинкъ.

Тони бросилась опять обнимать брата.

- Какъ проведемъ мы вечеръ, Генрихъ? спросила она. У меня такое чувство, что я могла бы пройтись по канату.
 - -- Пусвай ръшаеть Бертингъ, -- отвътиль Лемфинкъ.

Но Фрицъ молчалъ, и Тони сраву поняла, что овначаетъ его молчаніе.

- . Вотъ что: мы останемся дома, ръшила она.
 - Это будетъ самое лучшее. Я позабочусь объ ужинъ.

И Тони вышла изъ вомнаты.

- Что съ тобой, Бертингъ? спросилъ Лемфинкъ, вогда они остались одни. Ты вакъ будто недоволенъ?
- Видишь ли, человъвъ прежде всего—эгоистъ. Твое счастье должно было заставить меня позабыть ръшительно все, а между тъмъ...
- Прости пожалуйста! Я не понимаю, что со мной сдёлалось! Вёдь я не спросиль тебя ни объ Альме, ни о девочее. Я—ужасный эгоисть. Прости меня!
- Полно, Лемфинкъ, остановиль его Фрицъ. Миѣ тяжело подумать, что придется разстаться съ тобой. Воть что удручаеть меня.

XXXVII.

Совершенно неожиданно Бертингъ получилъ письмо изъ Берлина. Его сестра Констанція написала ему, что они рішили сділать небольшое путешествіе и проіздомъ остановиться дня на два въ городі, чтобы повидаться съ Фрицемъ. Бертинга очень мало радовало предстоящее свиданіе, но изб'явать его было нельзя, и онъ поворился необходимости.

Констанція измінилась очень мало. Какъ только Фрицъ увиділь ен тонкое лицо и бізлокурые волосы, на него пахнуло чімъ-то далекимъ, полузабытымъ и все-таки роднымъ. Мужа ен не было дома, и Фрицъ былъ этимъ очень доволенъ. Присутствіе г-на Веднера всегда производило на него удручающее впечатлініе.

Разговоръ шелъ о самыхъ незначительныхъ вещахъ, но Констанція болтала безъ остановки и все время смѣялась. Фрицу она показалась даже какой-то неестественной въ этомъ непривычномъ для нея оживленія.

Фрицъ освъдомился о своемъ племянникъ Артуръ, единственномъ сынъ четы Веднеръ, и Констанція объяснила ему, что мальчивъ остался еще въ Берлинъ и они съъдутся съ нимъ въ І'мунденъ. Она много распространялась объ его успъхахъ въ наукахъ и восхищалась его благонравіемъ. Фрицъ разсъянно слушалъ сестру и немного удивлялся, почему она такъ волнуется и такъ сильно краснъетъ, разсказывая о мальчикъ. Этотъ многообъщающій юноша мало интересовалъ его, и онъ не особенно желалъ его видъть. Отсутствіе Веднера Бертингъ объяснилъ себъ тъмъ, что его зять не хотълъ мъщать свиданію брата съ сестрою.

Прощаясь съ Констанціей, Фрицъ об'вщалъ ей придти на другой день въ гостининду въ опредъленному часу. Въ общемъ, Констанція произвела довольно хорошее впечатл'яніе на Фрица. Ласковая, безобидная и веселая, она невольно располагала въ свою пользу; все непріятное въ ней онъ приписывалъ вліянію мужа.

На другой день рано утромъ Фрицъ вупилъ букетъ розъ и самъ отнесъ его въ гостиницу. Ему хотвлось, чтобы цввты передали сестрв, какъ только она проснется. Въ подъвздв отеля онъ столкнулся съ своимъ зятемъ, въ сопровождении мальчика лътъ шестнадцати.

Веднеръ былъ въ высшей степени пораженъ этой неожиданной встречей и довольно нелюбезно заметилъ Фрицу, что, насколько онъ понялъ, Констанція ждетъ его значительно поздне. Бертингъ вибсто ответа указалъ на розы. Блёдный юноша молча и съ нескрываемымъ любопытствомъ разсматривалъ Бертинга. Сходство его съ Веднеромъ было поразительное, и Фрицъ не сометвался, что это—его племянникъ Артуръ.

Веднеръ между твиъ объясниль Бертингу, что вдеть про-

водить сына на вовзаль, такъ вавъ тотъ уёзжаеть съ ихъ хорошими знакомыми. Экипажъ стояль уже у подъёзда, и Веднеръужасно торошился, хотя швейцаръ и увёряль его, что времень более чёмъ достаточно.

.И отецъ съ сыномъ убхали тавъ поспъшно, что дядя и племянникъ успъли обмъняться всего нъсколькими ничего незначащими фразами.

Теперь только поняль Бертингь, что означало смущевіе Констанціи и ея сбивчивые и уклончивые отвіты на разспросы брата объ Артурі. Его считали настолько опаснымь, что всіми способами старались оградить отъ него своего единственнаго сына. Констанція лгала, когда говорила, что мальчика ніть съними; но, вспоминая ея жалкій, растерянный видь, Фриць понималь, до какой степени ей трудно было обманывать брата. По всей віроятности, въ этомъ случаї, какъ и вообще въ жизни, она повиновалась своему мужу.

Въ назначеный наканунъ часъ Фрицъ пошелъ къ сестръ. Констанція казалась удрученной, и въ первую минуту встиъ было какъ-то не по себъ, но потомъ постепенно все обошлось. Фрицъ ни словомъ не обмолвился объ утренней встръчъ, а Веднеръ старался быть любезнымъ, котя въ душъ страшно злился на шурина. Они позавтракали втроемъ здъсь же въ гостинницъ, и послъ завтрака Веднеръ отправился къ какимъ-то знакомымъ, а Фрицъ предложилъ Констанціи осмотръть городъ.

Бевъ мужа Констанція стала опять другимъ человѣкомъ. Къней вернулось ея хорошее настроеніе, и въ обращеніи съ братомъ снова появились такъ подкупившія его наканунѣ искренность и ласка. Они долго бродили по городу и наконецъ зашли на выставку картинъ современныхъ художниковъ.

Оказалось, что Констанція не видёла еще никогда ничего подобнаго. Мужъ не водиль ее на выставки, и все, что она теперь видёла, произвело на нее сильное впечатлёніе. Прислушиваясь къ ен наивнымъ, но иногда довольно мёткимъ замёчаніямъ, Фрицъ невольно удивлялся ен непосредственной чуткости, перемёшанной съ мелочностью и пошлостью. Она видимо старалась выпытать у брата что-нибудь объ его личной жизни, но Фрицъ былъ на-сторожё. Онъ зналъ, что Констанція разскажеть все мужу, и ему не хотёлось имёть своимъ повёреннымъ г-на Веднера.

Констанція нашла, что у брата довольно плохой видъ. Онъ сильно похудёлъ, и она сомнёвалась, достаточно ли хорошо онъ питается. Она осторожно спросила его насчеть его денежныхъ средствъ, но Фрицъ оборвалъ ея равспросы. Ему не хотелось посвящать сестру въ свои дёла, и онъ перевелъ разговоръ на другую тему.

Домой они вернулись въ объду. Веднеръ уже ждалъ ихъ. Онъ былъ оживленъ и видимо чъмъ-то очень доволенъ. Онъ упомянулъ вскользь, что провелъ нъсколько пріятныхъ часовъ въ кругу людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Фрицъ изъ разскавовъ сестры уже зналъ, что Веднеръ считаетъ своими всъхъ тъхъ, кто возмущается новыми въяніями, и онъ не могъ удержаться, чтобы довольно ядовито не упомянуть о выставиъ картинъ, на которой онъ былъ утромъ съ Констанціей. Веднеръ насторожился.

- Какія же картины вы тамъ смотрѣли?—недовольнымъ тономъ спросиль онъ.
 - Бёвлина, Клингера, Либермана, Штука!
- Вотъ тоже вздоръ! преврительно вырвалось у Веднера. И охота тебъ, Констанція, терять время на подобныя глупости! Констанція покраснъла и опустила глаза. Спорить и отстанвать свое мивніе она, консчно, не смъла.

На следующій день Бертингь васталь уже сестру одну. Онь провель съ нею неселько часовь, и ему показалось, что она все время собиралась поговорить съ нимь о себе и о своей далеко не радостной семейной жизни. Но Фриць сознаваль, что не можеть ничемъ помочь ей, и уклонялся отъ ея откровенности на эту тему. При прощаньи она видимо не удержалась и заговорила о томь, что всегда ее тревожило и возмущало въ брать. Она спросила его, неужели онъ совсемъ не уметь писать иначе, чемъ онъ писаль до сихъ поръ. Сама она не прочла ни одной строчки изъ его сочиненій, но оть мужа знала, до какой степени все это ужасно. Она прибавила, что ей грустно и больно совнавать, что ея единственный брать принадлежить къ сомнительному кружку людей, не признающихъ никакой правственности и секощихъ смуту въ обществе.

Фрицъ ничего не отвътилъ Констанціи. Они говорили на разныхъ язывахъ, и никогда не могли понять другъ друга.

Въ день отъвзда Веднеровъ Фрицъ получилъ письмо отъ Альмы. Она писала, что чувствуеть себи здоровой, и что ей скучно лежать въ постели. Ей очень хотелось вавъ можно поскоре выписаться изъ больницы, повидать Фрица, а главное, показать ому дочку.

Бертингъ отправился въ довтору Мошу и сообщилъ ему, что Альма желаетъ вернуться домой.

Докторъ отвътилъ, что не видитъ никакихъ причинъ задер-

живать свою паціентву въ больницѣ. Альма могла ѣхать домой, но еще долгое время ее слѣдовало очень и очень беречь, для полнаго, возстановленія силъ и здоровья.

Альма поспъшила перебраться въ себъ. Вечеромъ въ день переъзда въ ней пришелъ Фрицъ. Ему было очень грустно, что онъ не могъ принести ей никакого, хотя бы самаго маленькаго подарка. Денегъ у него совсъмъ не было, и онъ даже остался долженъ въ больницъ.

Конечно, Фрицъ не могъ вполнѣ раздѣлить восторга Альми относительно ребенва. Молча и неподвижио стоялъ онъ передъбѣльевой корзиной, замѣнявшей колыбель его дочери. Крошечное существо съ недовольнымъ старческимъ личикомъ вызывало въ немъ какое то брезгливое чувство. Въ жарко натопленной, тъсной комнатѣ стоялъ специфическій спертый и вислый запахъ, и Фрицъ, имѣвшій тонкое обоняніе, съ трудомъ скрывалъ свое отвращеніе.

Альма съ какимъ-то чисто материнскимъ упоеніемъ возилась съ пеленками и свивальниками. Взявъ ребенка на руки, она, нисколько не стёсняясь Фрица, приложила его къ груди.

Радость ея въ первую минуту свиданія съ любимымъ человѣкомъ была безмѣрна, но теперь, когда ребенокъ лежалъ у ек груди, Фрицъ отступалъ уже на задній планъ.

Фрицъ понялъ это. Вглядываясь въ Альму, онъ былъ пораженъ происшедшей въ ней перемвной. Она вся сдълалась точно другимъ существомъ. Она достигла своей цъли, выполнила свое назначене, и любовница уступила мъсто матери.

Ребеновъ сосалъ грудь, а Альма тихимъ голосомъ говорила Фрицу, что у нея нътъ самыхъ необходимыхъ вещей для ея дъвочки. У квартирной ховяйки тоже былъ маленькій ребеновъ и она удёлила ей немного дётскаго бёлья, но его не хватало. Кромъ того, необходимо было купить люльку и ванночку.

Слушая все это, Фрицъ недоумъвалъ, откуда ему взять денегъ на всъ эти покупки, а по мъръ того какъ ребеновъ будетъ рости, ему предстояли еще новыя издержки и еще больше расходы.

Альма вамътила его удрученный видъ и стала горячо увърять, что вполит понимаеть, до какой степени ему трудно в тяжело. Она говорила, что будеть жить какъ можно экономите, и примется за работу, какъ только станетъ чувствовать себя немного покръпче. Для своей дъвочки она готова была работать изо всъхъ силъ. Ребенокъ долженъ имъть все, что ему нужно-

XXXVIII.

Однажды съ утренней почтой Бертингъ получилъ извъщение о помолвев г-на редактора Зигфрида Зильбера съ единственной дочерью вдовы г-жя Бейерлейнъ—Милли Бейерлейнъ. Это было отпечатано волотыми буквами на великолъпной толстой бумагъ. Фрицъ взялъ двъ визитныя карточки, написалъ на объихъ "сердечное поздравление" и отправилъ по назначению. Зигфрида Зильбера онъ давно не видалъ, но послъднее, что онъ о немъслышалъ, это было то, что Кароль крестился.

Въ одинъ прекрасный день Зигфридъ Зильберъ самъ явился къ Бертингу. Прежде всего онъ поблагодарилъ Фрица за "сердечное поздравленіе", а затёмъ сообщилъ, что ему нужно поговорить о дёлахъ.

Онъ разсказалъ, что составъ редакціи "Импрессіониста" приходится существенно изм'внить, въ виду печальныхъ событій въ семь Б Гильшіусь-Эшауеръ. Зильберъ не сомн'ввался, что Бертингъ уже знаетъ о всемъ этомъ, и очень удивился, когда Фрицъ объяснилъ ему, что за посл'ёднее время онъ не им'ёлъ ровно нинавихъ св'едіній объ этомъ кружкъ.

— Въ такомъ случай вы, значить, ничего не знаете о банкротствъ Эшауера и о тяжкой болезни его жены? Ее положили въ клинику, и она почти безнадежна,—сказалъ Зильберъ.

Извъстіе о бользни Анни поразило Фрица гораздо болье, чъмъ разореніе ея мужа. Онъ съ трудомъ могъ представить себъ эту полную жизни женщину тяжело больною, почти безнадежною. По словамъ Зильбера, она умирала отъ какой-то мучительной женской бользни. Все раздраженіе противъ Анни сразу улеглось въ душь Фрица, уступивъ мъсто мучительной жалости.

Г-жа Гильшіусъ слишкомъ довъряла своему зятю, и его банкротство разорило и ее. Она не могла больше поддерживать "Импрессіониста". Маркусъ Гизель собирался убзжать въ Въну, куда стремился нослъдовать за своимъ идоломъ и Теофиль-Алоивъ Гильшіусъ. Такимъ образомъ, редакціи въ прежнемъ составъ уже не существовало. Зильберъ увърялъ, что въ литературномъ отношеніи журналъ отъ этого только выиграетъ; что же касается денежныхъ средствъ, то на этотъ счеть у редактора "Импрессіониста" открывались новые горизонты.

— Скажу вамъ по секрету, что Вейсблейхеръ очень интересуется нашимъ журналомъ, — съ таинственнымъ видомъ сообщилъ Фрицу его гость. 日本のではないなるとのというのと

- Неужели это правда? изумился Бертингъ.
- Да, это почти рѣшенное дѣло, отвѣтилъ Зильберъ. Вейсблейхеръ понялъ, наконецъ, что дружба съ нами представляетъ извѣстныя выгоды.
 - А что же вы будете дълать?
- Я? Я остаюсь редакторомъ журнала. Вейсблейхеръ даеть деньги—и все пойдеть чудесно. Надъюсь, что и вы, дорогой Бертингъ, не оставите насъ вашимъ сотрудничествомъ?

Фрицъ поблагодарилъ за честь, но уклонился отъ предложенія.

— Но развѣ вы можете пожаловаться на гонораръ? Кажется, мы всегда хорошо оплачивали вашъ трудъ? Неужели ви недовольны?

Фрицъ сказалъ, что считаетъ дъло ръшеннымъ, и не желаетъ вдаваться ни въ какія объясненія.

— Но что съ вами, Бертингъ? — воскликнулъ Зильберъ. — Значитъ, вы имъете что-то противъ меня лично?

Фрицъ только пожалъ плечами. Ему не хотълось прямо сказать Зильберу, что онъ все на свътъ предпочитаетъ зависимости отъ него и Вейсблейхера.

— Положительно ничего не понимаю! — горячился Зильберъ. — Вейсблейхеръ говорилъ мнъ, что вы въ очень стъспенныхъ обстоятельствахъ, а между тъмъ...

Бертингъ просилъ Зильбера не продолжать, такъ какъ всѣ дальнѣйшіе разговоры безполезны и рѣшенія своего онъ не перемѣнитъ.

— Вы слишкомъ горды, Бертингъ, слишкомъ горды! — весь поблёднёвъ отъ волненія, проговорилъ Зильберъ. — Когда-то, когда меня еще никто не зналъ и не поддерживалъ, вы приняли во мнё участіе, и я, въ свою очередь, искренно хотёлъ быть вамъ полезнымъ. Но я вижу, что вы не въ мёру горды! Берегитесь, чтобы съ вами не случилось того же, что и съ вашимъ другомъ, довторомъ Лемфинкомъ. Благодаря самомитенію, человёвъ этотъ ничего не достигъ, да и не достигнетъ въ живни.

Въ отвъть на эти слова, Бертингь громко разсивнися и съ удовольствіемъ сообщиль гостю объ успъхъ своего друга.

Маленькій человічекъ весь насторожился, и лицо его выразило смісь удивленія, зависти и стремленіе побороть охватившую его злобу.

— Такое назначеніе—это просто находка для г-на Лемфинка, и всѣ знавшіе его печальное положеніе, конечно, отъ души порадуются за него, —проговориль онъ съ довольно кислой миной.

Фрицу стало просто невыносимо присутствіе Зильбера, и онъ вздохнулъ съ облегчениемъ, вогда его гость вдругъ заторопился уходить, ссылаясь на неотложныя редавціонныя дёла. На прощанье, Зильберъ такъ крвпко и такъ по дружески жалъ руку Бертингу, точно между ними не произопло ровно ничего непріятнаго и они разстаются въ самыхъ преврасныхъ отношеніяхъ; а черезъ нъсколько дней Фрицъ получилъ отъ него письмо сь приложеніемъ рукописи. Это была новая пов'єсть Гедвиги фонъ-Лаванъ, присланная ею для напечатанія въ "Импрессіониств". Зильберъ считалъ своимъ долгомъ познакомить Бертинга съ новымъ произведеніемъ талантливой писательницы, честь отврытія которой принадлежала исключительно ему, Бертингу. Заглянувъ въ рукопись, Фрицъ сразу понялъ, что всъ дъйствующія лица пов'єсти списаны ц'аликомъ съ хорошо знакомыхъ ему людей. Вальдемаръ Гесловъ фигурировалъ въ образв опернаго пъвца, а сама Гедвига изобразила себя подъ видомъ автрисы. Героиня занималась твиъ, что дурачила своихъ двухъ повлоннивовъ. Въ лицъ одного изъ одураченныхъ Бертингъ узналъ самого себя. Гедвига не только списала до малейшихъ подробностей наружность Фрица, но не постъснилась привести почти пълнкомъ всъ ихъ самые интимные равговоры.

Въ душъ Фрица вдругъ проснулась прежняя боль, и ему стало обидно за себя, обидно за то серьезное чувство, съ кажимъ опъ относился къ этой дъвушкъ.

Какъ разъ въ это время Бертингъ покончилъ съ переводомъ французскаго романа. Теперь, наконецъ, онъ былъ свободенъ и могъ осуществить свое давнишнее желаніе—написать критическій разборъ книги Лемфинка.

Этой книге Бертингъ приписывалъ не только литературное, но и громадное воспитательное значене. Во многомъ Фрицъ расходился съ авторомъ, но раздёлялъ вполне основной взглядъ Лемфинка на развите личности, какъ на залогъ прогресса, и ему котелось помочь распространеню и верному пониманю идей своего друга.

Статья вышла довольно объемистая, и Бертингъ отправиль ее въ Берлинъ, одному своему знакомому писателю, Максимиліану Наведе, съ предложеніемъ напечатать ее въ только-что имъ основанномъ журналъ. Статья была принята. Ее объщали напечатать въ самомъ непродолжительномъ времени.

XXXIX.

Бертингу пришлось занять денегь у Лемфинка. Теперь Альма имѣла все нужное для ребенка, а Фрицъ, пересиливая свое отвращеніе во всѣмъ специфическимъ запахамъ, ежедневно, хотя и на очень короткое время, заходилъ навѣщать ее. Онъ былъ не особенно доволенъ видомъ Альмы. Ожиданіе ребенка истощило ее, а теперь она задалась мыслью сшить собственными руками все приданое для своей дочки.

— Не кочу я бросать на вътеръ деньги, — съ упрямствомъ заявила она, и принялась съ увлечениемъ вроить и шить врошения вещи для ребенва.

Съ той поры, вакъ она сдёлалась матерью, съ ней стало трудно спорить относительно всего, что имёло коть какое-нибудь отношение къ ея материнству. Во всемъ, что касалось ребенка, у Альмы были свои опредёленные взгляды, и она ихъ отстанвала съ несвойственной ей стойкостью.

Особенно ватегорически высказалась она относительно врестинъ. Она сама выбрала имя для маленькой. Ее, какъ и мать, должны были назвать Альмой; у нея должны были быть настоящіе врестные, а крестить ее долженъ быль пасторъ въ церкви.

Фрицъ рѣшилъ, что въ этомъ случаѣ онъ покорится женской волѣ, и отправился къ Лемфинку просить брата и сестру быть воспріемниками его дочери.

Лемфинкъ уважалъ въ Швабію, и не могъ быть на крестинахъ, но Тони съ радостью приняла приглашеніе и захотва непремвню повидать Альму и ея двочку.

Въ день отъвзда Лемфинка Фрицъ прямо съ воквала проводилъ Тони до дверей Альмы, но самъ не вошелъ съ нею, изъ боязни, что его присутствие стъснить женщинъ.

Вечеромъ онъ зайхалъ въ Тони. Ему хотелось знать, вавое впечатлъніе произвели на дъвушку мать и дочь.

Какъ только онъ вошелъ, Тони сказала, что собиралась ему писать. Фрица поразилъ удрученный видъ дѣвушки, — и онъ довольно нерѣшительно спросилъ, какъ нашла она Альму и дѣвочку. Тони разомъ оживилась и стала хвалить его дочь въ такихъ выраженіяхъ и съ такой восторженностью, что Фрицъ почувствовалъ что-то похожее на отцовскую гордость.

— Однаво я собиралась писать вамъ не только объ этомъ,— сказала Тони. — Мит хотълось поговорить съ вами о матери. Мит важется, что Альма мало бережетъ себя.

- Я вполнъ съ вами согласенъ и не разъ уже говорилъ съ ней по этому поводу, но она меня не слушаетъ, отвътилъ Фрицъ.
- Но въ этомъ случай вамъ следуеть быть настойчивымъ. Меня серьезно безповоить здоровье Альмы.
- Вы считаете ее больной?—спросиль Фриць.—Мив же кажется, что она только еще не совстви оправилась и немного слаба. Докторъ Мошъ увтрялъ меня, что, въ смысле здоровья, Альма не внушаеть никакихъ опасеній.
- Довторъ Мошъ—еще слишвомъ молодой и неопытный докторъ. Онъ можетъ ошибаться. Мнъ въ жизни приходилось имъть много дъла съ больными, и въ этомъ отношени у меня върный глазъ. Альма не должна кормить дъвочку. Вотъ объ этомъ я и собиралась писать вамъ.

Фрицъ поблагодарилъ Тони за ел участіе. Онъ и самъ подозрѣвалъ, что съ Альмой что-то неладно, а теперь, послѣ разговора съ дѣвушкой, рѣшилъ серьезно заняться вопросомъ о ел здоровьѣ.

Онъ пошелъ къ Альмъ и посовътовалъ ей бросить кормить. Альма пришла въ негодованіе, а когда Фрицъ сказалъ, что Тони Лемфинкъ навела его на эту мысль, то она окончательно вышла изъ себя.

— Воть вакъ! Фрейлейнъ Лемфинкъ совътуеть это! Что же, я этого ожидала отъ нея!

И при этомъ у нея быль такой оскорбленный видь, что фрицъ раскаявался, что назвалъ имя Тони Лемфинкъ. Чтобы убёдить Альму, Бертингъ обратился къ доктору Мошу. Мошъ осмотрълъ Альму и категорически объявилъ, что нужно перейти на искусственное кормленіе. Къ большому удивленію Фрица, ожидавшаго бурной сцены и слевъ, Альма довольно спокойно подчинилась приговору доктора. Она сказала, что перестанетъ кормить ребенка, и Фрицъ написалъ Тони, что все устроилось, какъ она совътовала. Послъ этого онъ пересталъ безпоконться о здоровьъ Альмы, нисколько не сомнъваясь, что теперь она начнетъ быстро поправляться.

Но черезъ недълю его спокойное настроеніе было нарушено новымъ письмомъ отъ Тони Лемфинкъ. Она писала, что Альмъ нисколько не лучше, и что она попрежнему отказывается исполнять предписанія доктора: кормитъ сама ребенка и много шьетъ на машинкъ. Тони просила Бертинга немедленно придти къ больной, и онъ бросился къ Альмъ, внезапно охваченный предчувствіемъ надвигавшейся бъды.

Тони ждала его въ комнатѣ Альмы. Онъ васталъ дѣвушку въ передникѣ, съ бутылочкой въ рукахъ. Она сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ не шумѣлъ, и молча указала на постель. Альма спала, закрытая одѣяломъ до самой шен. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ сторъ, но теплый лѣтній воздухъ проникалъ черезъ раскрытое окно.

Задыхансь отъ быстрой ходьбы, Фрицъ прерывающимся голосомъ спросилъ у Тони, что случилось. Дёвушва постаралась успокоить его. Никакой непосредственной опасности, по ен словамъ, пока не было.

Она шопотомъ разсказала ему, что провела у больной цѣлую ночь, хотя Альма относилась въ ней съ несврываемымъ раздраженіемъ и совсвиъ не котвла ее слушаться.

Фрицъ сдёлалъ видъ, что не придаетъ этому особеннаго значенія. Онъ нисколько не сомніввался, что Альма ревнуеть его, но ему не хотівлось объяснять этого Тони.

Между тёмъ, дёвушка занялась ребенкомъ. Она стала нонть его изъ бутылочки молокомъ и обратила вниманіе отца на то, съ какой жадностью дёвочка ухватилась за бутылочку. Въ эту минуту сама Тони стала неузнаваемою. Въ худощавой, рослой дёвушкё, съ энергичными чертами лица, вдругъ пробудилось что-то мягкое и женственное. Она стала невыразимо привлекательной, почти врасивой.

Напоивъ ребенка, Тони вытерла ему тряпочкой роть и накинула платокъ на люльку. Потомъ она принялась мыть бутилочку, но съ постели послышался стонъ, и она посиъщила туда. Альма все еще спала. Она простонала во снъ. Поправивъ немного подушки, Тони вернулась въ ребенку.

Черезъ нъсколько дней Альма стала чувствовать себя какъ будто немного лучше, порывалась встать съ постели и непремънно хотъла быть въ церкви, когда будуть крестить ея дочку.

Но однажды Тони Лемфинкъ пришлось отлучиться отъ больной на короткое время по очень важному дёлу. Вернувшись, она застала Альму въ обморокъ на полу, у люльки.

Съ этого дня Альму охватило поливитее равнодущие во всему окружающему. О крестинахъ она точно забыла, и толью слабо улыбнулась, когда Фрицъ, въ назначенный день, принесь ей букетъ цвътовъ.

Тони встревожилась и умоляла Бертинга пригласить закъ можно скоръе опытнаго доктора.

Крестины совершились при довольно удручающей обстановей. Пасторъ страшно торопился, потому что его ожидали многіе, тоже съ младенцами на рукахъ. Акушерка была въ отвратительномъ настроеніи духа. Приглашенныхъ не было, и она не ждала никакой прибыли. Въ громадной, пустой церкви было холодно и темно.

Только присутствіе Тони дало возможность Фрицу кое-какъ витериї ть всю эту церемонію. Дівушка была необывновенно има, вся проникнутая сознаніемъ своихъ новыхъ серьезныхъ обязанностей, и одинъ видъ ея дійствоваль успоконтельно на Бертинга.

Послѣ возвращенія изъ церкви, Тони опять напомнила Фрицу о докторѣ. Рѣшено было устроять на другой день, утромъ, консультацію. Докторъ Мошъ пригласилъ къ больной одного изъсвоихъ коллегъ.

Утромъ, когда Бертингъ уже собирался идти къ Альмъ, чтобы узнать о результатахъ консультаціи, къ нему совершенно неожиданно явилась Тони Лемфинкъ.

Довторъ, приглашенный Мошемъ, осмотр'явъ больную, потребовалъ, чтобы ее немедленно отправили въ больницу для операціи. Тони перевезла Альму и пришла въ Фрицу.

Разсказавъ все это, дъвушка не выдержала и разрыдалась. Всъ послъдніе дни нервы ен были страшно напряжены, и она была больше не въ силахъ владъть собою. Бертингъ далъ ей выплакаться, а затъмъ сказалъ, что ръшительно не знаетъ, что ему дълать съ ребенкомъ.

При этихъ словахъ Тони сразу перестала плавать и вся какъ-то насторожилась. Потомъ робко и умолнющимъ тономъ она попросила Фрица позволить ей взять ребенва къ себъ. Когда же онъ охотно согласился на это, она принялась восторженно благодарить его.

Фрицъ отправился въ больницу. Здёсь его посылали то туда, то сюда, раньше чёмъ ему удалось добиться чего-нибудь определеннаго относительно больной. Наконецъ, ему дали справку, что фрейлейнъ Луксъ пом'ящена въ общей палатъ, куда мужчины не допускаются.

Тогда Фрицъ отыскаль больничнаго доктора, того самаго, который консультироваль съ Мошемъ и велёль отправить Альму въ больницу. Отъ него онъ узналъ, что больной уже сдёлали необходимую операцію, что все обошлось благополучно, но оперированная слаба отъ сильной потери крови. На дальнёйшіе разспросы Фрица относительно положенія больной докторъ далъ довольно уклончивые отвёты. Онъ, во всякомъ случай, быль того мийнія, что болёзнь тяжелая, но не безнадежная. Фрицу ничего

не оставалось больше, вакъ уйти, и онъ отправился къ доктору Мошу.

Отъ него онъ тоже не услышаль ничего утвшительнаго. Довторъ Мошъ, почти не отвъчая на разспросы Бертинга, говориль ему о томъ, что въ данную минуту казалось наиболъе важнымъ для него самого. Онъ всически старался обълить себя и доказать, что онъ ничъмъ не виновать относительно своей паціентви. Она была неосторожна и не хотъла исполнять докторсвихъ предписаній—вотъ что, по его словамъ, было главной причиной ея бользни. Для большей убъдительности, докторъ Мошъ нарисоваль полную картину этой бользни и забросаль и безъ того ошеломленнаго Фрица цълымъ залпомъ техническихъ и совершенно ему непонятныхъ выраженій и словъ.

Цълый день Фрицъ не находилъ себъ мъста. Сидъть дольше дома онъ былъ не въ состояніи и пошелъ въ кофейную, гдъ обывновенно прочитывалъ газеты. Здъсь онъ тоже оставался не долго и направился опять въ больницу.

Онъ не узналъ ничего новаго. Въ положенія больной за это время не произошло нивавой перемёны. Видёть ее было попрежнему нельзя. Мужчинъ пускали въ общую палату только въ исключительныхъ случаяхъ, и притомъ только самыхъ близвихъ родственниковъ. Бертингъ пожалёлъ, что на вопросъ о томъ, какъ онъ приходится больной, назвался женихомъ Альмы. Было бы, пожалуй, удобнёе сказать, что онъ ея братъ. Тогда, быть можеть, его скорёе пропустили бы къ ней.

Надзирательница падъ общей палатой обошлась съ нико очень сухо и довольно ръзко отвътила ему на его просьбу пропустить къ больной.

Фрицъ едва не вышелъ изъ себя, но сдержался и сталъ упрашивать надвирательницу сдёлать для него исключение и позволить ему повидать больную. Наконецъ, та, видимо, сжалилась надъ его страдальческимъ видомъ и сказала ему, что нужно спросить разръшения у дежурнаго доктора.

Фрицу пришлось безконечно долго прождать въ пріемной. Уже темніко, когда явился наконець дежурный врачь. Выслушавъ Бертинга, онъ даль распоряженіе провести его въ палату.

Въ пріемную пришла молоденькая сестра милосердія. Она сказала Бертингу, что состоить сидёлкой у нумера двадцать-перваго и предложила ему слёдовать за нею.

Онъ пошелъ за сестрой, и шли они очень долго. Навонецъ они остановились у дверей общей палаты. Фрицъ слышалъ, вакъ стучало его сердце. Сдълавъ надъ собой усиліе, онъ спросиль

сестру, что думаеть она о положение больной. Что-то похожее на сострадание отразилось на кроткомъ и миловидномъ лицъ дъвушки.

— Сегодня утромъ старшій врачь сказаль, что надежда еще есть,—тихо проговорила она,—но, несмотря на дигитались и ледь, температура очень высокая. Приготовьтесь въ тому, что фрейлейнъ васъ не узнаетъ.

Съ этими словами она первая прошла въ дверь. Фрицъ вошелъ за дъвушеой въ просторную залу, вдоль которой рядами стояли кровати, отдъленныя другъ отъ друга узкими проходами. Больныя уже спали, и въ просторной, почти пустой комнатъ было томительно тихо. Фрицъ шелъ за сестрой, безшумно двигавшейся въ узкомъ проходъ. Двадцать-первый нумеръ помъщался въ самомъ углу. Кровать Альмы была заставлена высокими ширмами, отдълявшими ее отъ остальныхъ больныхъ.

Фрицъ подошелъ въ вровати и пытливо заглянулъ Альмъ въ лицо. Голова больной глубово ушла въ подушки, но его поразили ен пылавшін отъ жара щеки и возбужденные блестящіе глаза. Дышала она часто и тяжело.

Сестра навлонилась въ Альмъ, отстранила съ плеча одну изъ тяжелыхъ, туго заплетенныхъ косъ больной и, застегнувъ кофточку, вынула поставленный термометръ. Записавъ температуру, она показала листъ Фрицу. Послъдняя запись показывала 41° .

- Кажется, эта температура считается очень высовой? спросиль Фриць.
- Старшій врачь приказаль сдёлать больной ледяную ванну въ случай, если температура пойдеть выше 41°,—не отвічая Фрицу на вопросъ, проговорила сестра и снова поставила больной термометръ.
- Теперь мей нужно пройти еще въ одной больной, почти шопотомъ прибавила она. — Я попрошу васъ дать черезъ десять минутъ фрейлейнъ ложку ледяной воды. У нея страшная жажда. Если что-нибудь понадобится, позовите меня!

И она безшумно исчезла, предварительно повернувъ ширмы такъ, что за ними совершенно не было видно ни Альмы, ни Фрица.

Фрицъ опустился на стулъ около вровати и схватилъ горя- тія руки Альмы.

— Альма! — стономъ вырвалось у него. — Альма!

Она ничего не отвъчала. Ея глаза были неподвижно устремлены въ одну точку и грудь поднималась судорожно отъ затрудненнаго дыханія. Онъ приблизилъ въ ней свое лицо. Ему хотълось, чтобы она его узнада, но черты ея не дрогнули. Она по прежнему смотръла вуда-то вдаль своими расширенными глазами. Ея мысли блуждали гдъ-то далево, въ таинственной области, недоступной здоровымъ. А вругомъ стояла здовъщая тишина, прерываемая только стонами и тяжелыми вздохами больныхъ, и Фрицу чудилось, что гдъ-то совсъмъ близко врадется смерть.

Вдругъ гдё-то хлопнула дверь, послышались чъи-то осторожные тажелые шаги, какія-то тёни заколыхались по былых стёнамъ и чисто натертому, блестящему полу. Шаги все приблежались и затихли недалеко отъ двадцать-перваго нумера. Затёмъ послышалась какая-то возня, точно поднимали что-то тажелое. Потомъ опять раздались шаги, опять заметались тёни на стёнахъ и на полу. Потомъ все стихло. Фрицъ почти обрадовался, когда наконецъ вернулась сестра. Взглянувъ на термометръ, она передала его Бертингу.

— Нужно сдълать ванну, - проговорила она.

Фрицъ понядъ, что ему пора уходить, и спросидъ сестру, когда можно придти, чтобы справиться о здоровъв больной. Та отвътила ему, что онъ можетъ зайти утромъ.. Тогда, быть можетъ, лихорадка спадетъ и больная придетъ въ сознаніе.-

Было около полуночи, когда Фрицъ вышелъ изъ больници. Онъ положительно не зналъ, куда ему двваться, и былъ увъренъ, что не сомкнетъ глазъ до самаго утра.

Онъ долго бродилъ по улицамъ безъ всякой цёли, желая вавъ-нибудь убить время, и ему захотвлось уйти подальше отъ людей и домовъ. Онъ направился черевъ городъ и вышелъ на набережную въ ръвъ. И внезапно вспоменлась ему звъздная августовская ночь два года тому назадъ. Ръка попрежнему бурно несла свои воды въ далекимъ лъсамъ и полямъ; все такъ же сповойно сіяль надъ ней мёснцъ. Здёсь все осталось по прежнему, только одећ волны сменились другими. Такъ было и съ Фрицемъ. Здёсь зародилась у него мысль о вниге, здёсь почувствовалъ онъ въ себъ творческую силу и пережилъ радость в муки творчества; а теперь все это уже стало прошлымъ, все исчезло, точно волны, и, какъ новыя волны на смвну старымъ, явились новыя мысли, новое настроеніе. И Фрицу казалось, что въ эту ночь что-то неизвъданное зарождается въ его душъ. Овъ близко подощелъ къ смерти, и эта близость пробудила въ немъ предчувствіе новаго, бол'ве глубокаго пониманія жизни. Ему ясно стало, что до сихъ поръ онъ шелъ съ закрытыми глазами и не слышаль того, что слышать было необходимо. Онъ увлевался

реализмомъ, не осиливъ смысла жизни, ея неисчерпаемой глубины и красоты.

Тамъ, на больничной койкъ, умирала близкая ему женщина, и догоравшее пламя ея жизни новымъ свътомъ озаряло существованіе Фрица Бертинга.

XL.

Свътало. Надъ ръкой поднялся туманъ, и Фрицъ, весь продрогшій, повернулъ къ городу. Идти въ больницу было еще рано, и онъ зашелъ на вокзалъ.

Въ этотъ часъ повздовъ не было, и въ залв онъ увидвлъ только задремавшаго въ неловкой позв лакея. Бертингъ не сталъ будить его. Въ окна неопрятной комнаты, наполненной смвшаннымъ запахомъ табака, кушаній и всевозможныхъ напитковъ, уже заглядывалъ блёдный разсвётъ, боровшійся съ еще непотушеннымъ газомъ. Фрицъ окинулъ глазами комнату, и у него пропала всякая охота оставаться здёсь.

Но вдругъ онъ почувствовалъ сильную слабость; ему повазалось, что онъ не можетъ сдълать ни шагу дальше, и онъ опустился на ближайшій стуль. Возбужденіе сразу упало; онъ былъ разбитъ и душою, и тъломъ. И опять онъ сталъ провърять себя, стараясь выяснить все темное и непонятное, что копошилось въ самой глубинъ его души. Онъ не хотълъ имъть тайнъ отъ самого себя,—ему хотълось одной правды.

Онъ съ ужасающей ясностью поняль, что душа его не хочеть, чтобы Альма жила. Онъ зналь, что относительно ея онъ не измѣнится. Она хотъла счастья, но онъ не могъ ей ничего дать кромѣ страданья. Ея смерть была для него освобожденіемъ!

Ужасъ охватиль его при этой мысли, и ему представилось, что онъ — настоящій убійца женщины, отдавшей ему все, что она имъла.

Между тёмъ зала начала наполняться людьми. Кругомъ Фрица поднялись суета и движеніе. Кто-то громко выкрикнулъ, что поёздъ отходитъ, и всё бросились на платформу. Заспанный лакей подошелъ въ Бертингу и освёдомился, не прикажетъ ли онъ чего-нибудь. Фрицъ велёлъ подать себё кофе.

Наскоро проглотивъ чашку кофе, Бертингъ поспѣшилъ выйти на улицу. Было теплое солнечное лѣтнее утро, и въ городѣ уже начиналась привычная шумная и суетливая жизнь.

Часы у вокзала показывали шесть. Фрицъ подумалъ, что уже время идти въ больницу, и направился туда. На этотъ разъ

Томъ VI -- Декаврь, 1902.

ему не дёлали никакихъ затрудненій и сразу пропустили его къ больной. Альма лежала уже не въ общей палаті, а въ отдёльной комнаті, гді кромі нея не было другихъ больныхъ.

Сестра сказала върно: Альма въ утру пришла въ себя. Она сразу узнала Фрица, улыбнулась и сдълала привътственное движеніе рукой. Фрицъ спросилъ сидълку, какъ прошла ночь. Та сказала ему, что послъ третьей ванны температура упала и теперь все зависитъ отъ дъятельности сердца.

Сестра ушла, и только теперь, всмотрѣвшись при дневномъ свѣтѣ въ лицо больной, Фрицъ увидѣлъ, до какой степени она пожелтѣла и какъ заострились черты ея лица.

Съ помощью Фрица ей удалось немного приподняться на постели. Ей, видимо, хотёлось что-то сказать ему, и Фрицъ былъ увъренъ, что она заговоритъ о ребенкъ и будетъ просить, чтобы ей принесли дъвочку.

Но онъ ошибся. Она какъ-то вскользь упомянула о маленькой Альмъ, слегка улыбнулась и, точно желая остановить самое себя, произнесла:—Она въ хорошихъ рукахъ!

Фрицъ удивился и понялъ, что она больше не ревнуетъ ни его, ни дъвочку къ Тони Лемфинкъ.—Какъ ты себя чувствуешь, Альма?—спросилъ онъ.

— Я устала, страшно устала,—прошентала она.—Ахъ, эта ночь! Ты не можешь себъ представить, Фрицъ, чего я только не перевидала за эту ночь!

При этихъ словахъ точно тёнь набѣжала на ея лицо, глаза остановились и съ выраженіемъ застывшаго изумленія устремились куда-то вдаль.

Такъ пролежала она молча и неподвижно нъсколько минутъ, потомъ точно пришла въ себя и проговорила:

- Сегодня ночью вто-то быль около моей постели. Онь сидёль здёсь и говориль со мной.
- Да въдь это быль я, Альма,—остановиль ее Фриць.— Сегодня ночью я долго сидъль у тебя.

Она недовърчиво улыбнулась. — Нътъ, это былъ не ты. Тотъ былъ совсъмъ, совсъмъ другой. Мнъ кажется, что это былъ Людвигъ Глюкъ. Я узнала его по голосу. Ахъ, еслибы мнъ только удалось припомнить, что именно онъ говорилъ мнъ! — съ тоской вырвалось у нея, и она вдругъ застонала.

— Теперь ты начнешь поправляться,— сказаль Фриць, желая навести ее на другія мысли.—Я над'яюсь, что скоро ты будешь совстив здоровой.

Большіе, блестящіе глаза Альмы медленно повернулись въ

сторону Фрица и остановились на немъ. Ему вазалось, что они заглядывають ему въ душу.

— Нътъ, этого нивогда не будетъ, мой дорогой Фрицъ, проговорила она. — Со мной уже все кончено. Я такъ устала, такъ сильно устала! А сегодня ночью мив было совсвиъ хорошо. Я не чувствовала никакой боли, и я видъла моего покойнаго отца; потомъ пришелъ Людвигъ. Потомъ еще видъла я у моей постели ангела, всего въ бъломъ, съ сіяніемъ вокругь головы. И всё они были такіе добрые, такъ ласково говорили со мной. И мив было такъ хорошо, такъ хорошо!

Фрицъ былъ больше не въ силахъ слушать и въ изнеможенін закрыль глаза.

Больная подвинулась въ нему ближе на врай постели. — Ты въдь хоть самую чуточку все-тави любилъ меня, милый Фрицъ? -- сказала она и провела рукой по его опущеннымъ

Онъ кръпко стиснулъ зубы и утвердительно кивнулъ головой. — Знаешь ли что, Фрицъ, —вдругъ медленно и какъ-то торжественно начала она:--въдь это хорошо, очень хорошо, что я умираю. И мнъ, и тебъ, да и ребенку такъ будетъ гораздо лучше. Я не гожусь для тебя. Тебъ нужна совсъмъ друтая жена. Прежде я очень хотьла, чтобы ты женился на мив. Я не говорила этого, но мив такъ хотвлось, чтобы ты поввичался со мной. А вотъ теперь я думаю совсемъ по другому. Я увърена, что все случилось въ лучшему. Въдь въ вонцъ концовъ ты все-тави ушелъ бы отъ меня, и этого я бы не вынесла. А воть теперь я ухожу оть тебя, и такъ гораздо лучше.

Онъ сталъ на волвни у ен постели, цъловалъ ей руки и обливаль ихъ слезами. Свазать ей онъ ничего не могъ.

— А все-тави мы были очень счастливы, мой ненаглядный! Помнишь ли ты ночь передъ твиъ, какъ ты увхалъ куда-то очень далеко? Помнишь ли ты, какъ мы прощались съ тобой?

Онъ только връпво пожалъ ей руку и она продолжала, склонившись надъ нимъ, точно мать надъ любимымъ ребенвомъ:

— Иногда вспоминай обо мев, Фрицъ! Только не упревай себя ни въ чемъ. Оба мы были молоды и неопытны, но я ни на что не жалуюсь, и ты не сдёлаль мий ровно ничего дурного. Минутами я была счастлива, очень счастлива! И послъднее время ты быль такимъ добрымъ! И ребеновъ у меня отъ тебя! Мить все хотелось мальчика, хотелось, чтобы онъ быль похожъ на тебя, а воть теперь я рада, что это—дввочка. Когда я уйду, у тебя все-таки останется маленькая Альма. Только воспитай

ее какъ слъдуетъ, мой дорогой! Нужно, чтобы она больше подходила къ тебъ, чъмъ твоя большая Альма. И какъ хорошо, что ты позволилъ ее назвать Альмой! Когда она подростетъ, разскажи ей про ея мать!

Фрицъ слушалъ Альму—и въ первый разъ представилась она ему во всемъ величіи своей любви. Только теперь видѣлъ онъ ея душу во всей ея красотъ. Онъ зналъ ее какъ любовницу, но въ этотъ предсмертный часъ она стала его невъстой.

Вошла сестра. Фрицъ все еще стоялъ на колъняхъ и не сразу замътилъ ее. Альма обратила его вниманіе на вошедшую. Необходимо было оправить постель, и Фрицъ долженъ былъ выйти изъ комнаты.

Онъ объщалъ Альмъ, что черевъ часъ опять придеть въ ней. Когда онъ былъ уже у дверей, она поманила его въ себъ.

Онъ поспътилъ къ кровати. Альма протянула къ нему руки, обняла его и прошептала:

— Не забывай меня!

Поцъловавъ его, она, обезсиленная, упала назадъ, на подушки.

Фрицъ, какъ безумный, бросился изъ комнаты, и самъ не помнилъ, какъ очутился на улицъ.

Дома у себя онъ засталъ целый ворохъ писемъ. Одно изъ нихъ было отъ Генрика Лемфинка. Въ письме говорилось о литературной работе и о какомъ-то предложении Накеде работать въ его журнале.

Фрицъ бросилъ письмо въ сторону. Самый близкій изъ его друзей былъ въ данную минуту такъ далекъ отъ него. Никто не зналъ, какую муку онъ переживаетъ!

Совершенно обезсиленный, онъ повалился на постель. Ему котълось забыться, заснуть коть на нъсколько минутъ. И вдругъ, неожиданно для самого себя, онъ сразу заснулъ тяжелымъ, точно свинцовымъ сномъ.

Когда онъ проснулся, уже смеркалось. Онъ взглянулъ на часы. Они стояли.

Онъ побъжалъ въ больницу. Тамъ ему сказали, что фрейлейнъ Луксъ сейчасъ понесутъ въ ванну, и видъть ее никакъ нельзя. Ему предложили зайти черезъ часъ.

Онъ опять очутился на улицъ, и вдругъ, въ своему удивленію и стыду, почувствовалъ, что страшно голоденъ. Цълый день онъ ничего не ълъ. Зайдя въ ближайшій ресторанъ, онъ спросилъ себъ первое попавшееся кушанье.

Посътители съ удивленіемъ и безпокойствомъ оглядывали

Фрица, перешентывансь между собою. Видъ у него былъ странный, почти сумасшедшій.

Проглотивъ наскоро то, что ему подали, онъ почти бъгомъ отправился въ больницу. Его заставили долго ждать въ пріемной. Съ каждой минутой ожиданіе становилось все мучительнъе. Наконецъ онъ не въ силахъ былъ выносить дольше это томительное состояніе. Никто не приходилъ за нимъ, онъ былъ увъренъ, что всъ забыли о его существованіи. Выйдя изъ пріемной, онъ самъ пошелъ отыскивать комнату Альмы, и довольно скоро нашелъ ее. Войти онъ не ръшился и, приложившись ухомъ въ скважинъ, сталъ прислушиваться.

Онъ услыхаль за дверью чьи-то заглушенные голоса и постучался. Дверь отворилась. Передъ нимъ стояла сестра.

Онъ поняль все по ея лицу.

— Полчаса тому назадъ она скончалась тихо и безъ страданій,—сказала сестра.—Вы можете взглянуть на нее.

Все, что было дальше, онъ припоминалъ потомъ какъ смутный и тяжелый сонъ.

Онъ увидълъ Альму, всю застывшую и неподвижную на больничной постели. Строго и торжественно было выражение ея воскового лица.— "Я не знаю тебя!"—точно говорило оно ему. И Фрицу казалось, что передъ нимъ лежитъ уже не та женщина, которую онъ любилъ и зналъ до малъйшихъ подробностей. Сътой онъ попрощался утромъ, а къ этой—чужой, безучастной и холодной — онъ не ръшился прикоснуться, не нашелъ въ себъсмълости поцъловать ее.

XLI.

Альму похоронили. За ея гробомъ шли Фрицъ, Тони и Генрихъ Лемфинкъ, вызванный телеграммой сестры.

Послё похоронъ Бертингъ проводилъ большую часть дня у Лемфинковъ, разговаривая съ своимъ другомъ и невольно присматриваясь и прислушиваясь къ постоянной вознё Тони съ ребенкомъ. Маленькая Альма наполняла жизнь дёвушки, и Тони, со времени водворенія ребенка въ ихъ тихомъ домѣ, стала неузнаваемой. Она вся была поглощена заботами о дёвочкё и зорко слёдила за ея физическимъ и духовнымъ развитіемъ, радостно прислушиваясь къ пробужденію въ ней будущаго человёка.

Генрихъ Лемфинкъ мужественно переносилъ всв неудобства, связанныя съ пребываніемъ въ дом'в такого маленькаго ребенка,

вакъ Альма. Онъ сознавалъ, какъ много эта девочка внесла въ

— Меня всегда мучила мысль, что Тони, при ен потребности любви и материнства, не вышла замужъ, — какъ-то сказалъ Лемфинкъ Бертингу, — а теперь, благодаря Альмъ, она вполнъ удовлетворена и счастлива.

И въ душт Бертинга постепенно зарождалось какое-то новое чувство къ ребенку. Это была не любовь, —но видъ смъшной круглой головки съ торчащимъ пушкомъ на затылкт трогалъ его до глубины души, и ему казалось, что широко открытые дътскіе глаза съ недоумтніемъ спрашивають его: —, Зачты ты далъмнт жизнь "?

Между твиъ, Лемфинки усиленно собирались въ отъвзду въ Швабію, и Бертингъ все чаще и чаще останавливался на мысли, что скоро онъ будеть совствиъ одниъ среди своихъ тяжелыхъ воспоминаній.

Но однажды, почти передъ самымъ отъёздомъ Лемфинвовъ, Генрихъ встрётилъ Бертинга извёстіемъ, что Максимиліанъ Наведе зоветъ его пріёхать въ Берлинъ и предлагаетъ ему взять на себя фельетонный отдёлъ въ его новомъ журналё. Въ смыслёгонорара, условія были пока очень скромныя, но увеличеніе платы вполнё зависёло отъ успёха журнала.

Фрицъ, ни минуты не волеблясь, согласился на это предложеніе. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Берлинъ, можно было совершенно исчезнуть, жить уединенно вдалекѣ отъ всѣхъ и работать. Правда, съ Берлиномъ у Фрица были связаны тяжелыя воспоминанія, но вѣдь и въ городѣ, гдѣ онъ схоронилъ Альму, ему жилось не легче. Кромѣ того, самъ Накеде, умный и правтичный, былъ человѣкомъ вполнѣ свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ, и совмѣстная съ нимъ работа представлялась пріятной Бертингу. Въ порученномъ ему отдѣлѣ онъ сохранялъ полную самостоятельность, и у него должно было оставаться достаточно времени для его другихъ литературныхъ занятій.

Почти одновременно съ отъевдомъ Лемфинковъ въ Швабію, Бертингъ тоже оставилъ городъ и переехалъ въ Берлинъ.

О томъ, какъ устроить маленькую Альму, никто и не разговаривалъ. Всёмъ троимъ представлялось настолько естественнымъ, что она навсегда остается у Тони, что всякіе разговоры по этому поводу казались излишними.

Наванунъ отъъзда Бертингъ и Генрихъ Лемфинвъ пошли на могилу Альмы. Тони собиралась идти съ ними, но въ послъднюю минуту вдругъ побоялась оставить безъ себя дъвочку, и они отправились вдвоемъ.

- Это удивительно! Моя сестра уже несповойна, когда д'ввочки н'ътъ у нея передъ глазами. Никогда и все-таки не думалъ, что материнство им'ъетъ такую власть надъ женщинами, сказалъ Лемфинкъ.
- И вакъ это корошо для меня лично! воскливнулъ Фрицъ. Ты только представь себъ, что я дълалъ бы съ моей дъвочкой безъ твоей сестры.

Удрученные шли они съ владбища и долго ни слова не говорили другъ съ другомъ, какъ вдругъ, почти уже у самаго дома, Генрихъ Лемфинкъ прервалъ молчаніе:

— Я часто думаю объ Альмъ, — сказаль онъ. — Есть люди, которые становятся болъе ясными и понятными послъ смерти. Она — одна изъ нихъ. Я только теперь вижу, какое это было своеобразное существо и съ какой ярко выраженной индивидуальностью! Вотъ кто обладалъ ръдкимъ и драгоцъннымъ даромъ любви! Она умерла, но то, что было въ ней сильнаго и превраснаго, переживеть ее. И знаешь, какъ это ни дико звучитъ, но намъ, остающимся, нужны такія могилы. Онъ — путеводные столбы на нашемъ жизненномъ пути, и только тотъ человъкъ можетъ постичь всю глубину и смыслъ существованія, кто, благодаря этимъ могиламъ, повъритъ въ безсмертіе.

Фрицъ ничего не отвътилъ на слова Лемфинка. Въ его душъ происходила тяжелая внутренняя работа. Смерть Альмы была для него откровеніемъ, началомъ новой жизни, но какъ сложится эта жизнь—опъ самъ еще пока не зналъ.

Въ такомъ настроеніи онъ прівхаль въ Берлинъ и принялся за свою обязательную журнальную работу. Временно ему хотвлось ограничиться критическимъ разборомъ чужихъ произведеній; творить онъ быль еще не въ силахъ. Ему необходимо было успокоиться и отдохнуть отъ только-что пережитыхъ мучительныхъ впечатлъній.

Однажды, просматривая журналы, онъ натолинулся на вритическую статью Зигфрида Зильбера о Гедвигъ фонъ-Лаванъ.

Зильберъ, разбирая ея новое произведеніе, "Непорочность", называль Гедвигу "многообъщающей современной нъмецкой писательницей" и говорилъ, что она въ высокой степени обладаетъ ръдкимъ у женщины мужествомъ обнажать свою душу, прикрывая ее только легкимъ пъломудреннымъ покровомъ своего исъусства.

Бертингъ просмотръдъ статью, и ему захотълось познавомиться съ романомъ.

Въ своемъ новомъ произведеніи Гедвига затрогивала вопросъ о положеніи женщины главнымъ образомъ въ сферѣ любви. Основной ея мыслью было то, что чувственность освящаеть всякія любовныя отношенія, тогда какъ бракъ безъ чувственности является не болѣе какъ проституціей. Это было иллюстрировано изображеніемъ жизни двухъ паръ. Была изображена дѣвушка, родившая своему возлюбленному нѣсколькихъ дѣтей, и все-таки сохранившая свою непорочность; тогда касъ ея сестра, вышедшая замужъ по разсудку и безъ всякой любви, унизилась до роли публичной женщины.

Бертингъ бросилъ внигу, не дочитавъ ее до вонца. Она поразила его грубой циничностью, и вромъ того, слишвомъ хорошо зналъ онъ Гедвигу фонъ-Лаванъ, чтобы върить ея серьезности и исвренности, вогда она васалась тавихъ вопросовъ, вавъ любовь и материнство. Вообще, за послъднее время, Бертингъ все болъе и болъе интересовался внутреннимъ міромъ важдаго писателя, съ произведеніями котораго ему приходилось знавомиться. Теперь ему было недостаточно болъе или менъе искуснаго изображенія жизни. Онъ хотълъ знать душу автора и понять его міросозерцаніе.

Занятый своей работой, Бертингъ не особенно торопился отыскать Веднеровъ, жившихъ въ Берлинъ, но Констанція узнала его адресъ и первая пришла въ брату. Уходя отъ Фрица, она не пригласила его въ себъ, и онъ понялъ, что Веднеръ попрежнему трепещетъ за сына и оберегаетъ его отъ тлетворнаго вліянія дяди.

Констанція стала довольно часто заходить въ брату, и чёмъ болье Фрицъ присматривался въ ней, темъ болье несчастной и забитой казалась ему эта женщина. Правда, словами она не жаловалась, но уже то, что она никогда не упоминала о муже и сынъ, говорило красноръчивъе всявихъ словъ.

Увидъвъ случайно на письменномъ столъ брата портретъ маленькой Альмы, присланный ему Тони, она въ первую минуту была какъ будто сильно возмущена этимъ обстоятельствомъ, во потомъ успокоилась и принялась разспрашивать о ребенкъ.

Фрицъ не предъявлялъ въ сестрѣ больше нивавихъ требованій. Онъ просто жалѣлъ ее, и эта жалость создала между ними близость людей, чуждыхъ по духу, но соединенныхъ между собой узами врови и воспоминаніями далеваго дѣтства. Онъ разсвазалъ ей про Альму, и она даже плавала при описаніи ея

смерти. Все чаще и чаще, во время своихъ посъщеній, разспрашивала она брата про маленькую Альму.

Иногда, вспоминая все случившееся и пережитое за послёдніе два года, Фрицъ ясно сознаваль, что цёлая пропасть отдёлила его отъ прошлаго. Между нимъ и обществомъ, въ воторому онъ привыкъ за время своего отсутствія изъ Берлина, послё смерти Анни Эшауеръ не оставалось ни малёйшей связи. Объ ея смерти онъ узналъ случайно изъ газетъ. Это тоже была новая могила на пройденномъ имъ жизненномъ пути, и котя эта могила не вызвала въ его душё ничего, кромё жалости къ безвременно погибшей жизни, но ему невольно вспомнились слова Генриха Лемфинка о мертвыхъ.

Альма послё смерти стала для него болёе живой, чёмъ при жизни. То, что составляло ея силу, не могло исчезнуть. Ей, ея великой любви, былъ обязанъ Фрицъ своимъ нравственнымъ обновленіемъ; благодаря ей, онъ заглянулъ въ глубину жизни, и понялъ смыслъ существованія. Онъ, какъ и многіе ему подобные, искалъ и въ жизни, и въ женщинъ одного наслажденія. Имъ не хватало смёлости заглянуть въ глубину жизни, и они, въ силу этого, не могли понять ея величія. Превращая женщину въ куртизанку, они не видъли ея нравственной красоты.

Бертингъ чувствовалъ, какъ, подъ вліяніемъ новыхъ мыслей, чувствъ и настроенія, крѣпнетъ зыбкая почва подъ его ногами. Онъ сознавалъ въ себѣ силу создать жизнь на иныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ, при совершенно измѣнившемся отношеніи и къ жизни, и къ искусству.

Искусство и жизнь вызывали въ немъ чувство трепета и благоговънія. Онъ понялъ, что жизнь и литература тъсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, и чтобы сдълаться настоящимъ писателемъ, нужно прежде всего и больше всего стремиться стать настоящимъ человъкомъ. Только вполнъ серьезное отношеніе къ жизни и тяжелая, упорная работа надъ самимъ собою дълаютъ человъка достойнымъ названія истиннаго художника.

Съ нъм. П-на С-ва.

ЕЩЕ

0

нашей школъ

- Священнять Г. Петровъ. Школа и жизнь. Сиб. 1902.

I.

Книга о. Г. Петрова во многихъ отношеніяхъ способна остановить на себъ общественное вниманіе. Будучи написана легво и общедоступно, она касается самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и обнаруживаеть въ авторъ широкій вруговоръ идейныхъ и живненныхъ интересовъ, и вмёстё съ тёмъ отсутствіе предваятыхъ точекъ арвнія при сужденіи о самыхъ, явленіяхь текущей если можно такъ выразиться, "боевыхъ" жизни. Она пронивнута стройнымъ міросоверцаніемъ мыслителяндеалиста, и вибств, съ другой стороны, вносить свъть и ясность пониманія, доступную даже школьнику, въ наиболе сложныя сети личныхъ и общественныхъ стремленій; не претендуя на спеціальнофилософскую глубину решенія, авторъ обосновываеть свои выводи на въчныхъ началахъ разума, справедливости и евангельской любви въ людямъ. Именно теперь, въ періодъ вакого-то разброда мысли и спутанности понятій о самыхъ элементарныхъ предметахъ, выходящихъ ва предълы житейской обыденности, пріятно отметить появленіе такой книги, которая будить здоровую и плодотворную работу головы и сердца во взросломъ и является въ высшей степени воспитательной для връпнущаго міросозерцанія юноши.

Словомъ, это преврасная внига, и если, при всемъ томъ, она порождаетъ, быть можетъ, цѣлый рядъ недоумѣній, то это происходитъ отъ того, вавъ намъ важется, что она слишвомъ идеалистична, и многія указанія ея, при ихъ видимой простотѣ и логической послѣдовательности, сдѣланы, можно думать, бевъ точной
справки съ положеніемъ вещей въ современной дѣйствительности.
Въ подобныхъ случаяхъ, страдательную роль играютъ не сами
идеи, блестяще проведенныя и доказанныя, но техника ихъ приложенія къ жизни, ихъ жизнедѣятельность не вообще, но въ
данное время, въ данныхъ обстоятельствахъ; допуская же, что
книга свящ. Петрова не есть только отвлеченный философсвій
трактатъ, что она преслѣдуетъ и практическія жизненныя цѣли,
—нельзя не признать этой излишней идеалистичности, которуюниже опредѣлимъ точнѣе, значительнымъ, можетъ быть, единственнымъ ея недостаткомъ.

Содержаніе вниги не блещеть новизною идей, но поражаеть ихъ постановкой и взаимной связью, въ какой онв представляются автору при обозрѣніи современной жизни. "Духа не угашайте", -- беретъ авторъ девизомъ къ первой главъ, посвященной "думамъ о школъ". Думы эти въ высшей степени безотрадны; онъ обнаруживають страшную пропасть между дъйствительностью и идеаломъ. Школа наша, безъ различін направленій, безжизненна и механична. Происходить это отъ того, вакъ кажется автору, что школа даеть своимъ питомцамъ слишкомъ много сужихъ, неинтересныхъ знаній. "Мертвечина школы глушитъ, убиваеть всякое живое чувство въ ученикъ, притупляеть всяків интересь въ живому знанію, въ живому делу, въ творчеству живни... Урови школы, какт улыбка чудной красивицы, должны пленять и чаровать юное сердце. Школа этого не делаеть. На лицъ ея нътъ игры жизни. Она спитъ, спитъ мертвымъ сномъ, ы первое, что надо сдёлать, это разбудить нашу царевну, снять съ нея покровъ мертвечины, вдунуть въ нее душу живу. Этопервая и главная насущная реформа школы". Осудивъ современную школу и сойдясь въ этомъ осужденіи, такимъ образомъ, всеми, кто писаль и серьезно думаль о ней, свящ. Петровъ указываеть на особенную важность реформы средней шволы, ванъ фундамента, на которомъ возводится самое зданіе образованія, приравниваемое авторомъ въ университетскимъ курсамъ. Существеннымъ вломъ средней школы является, по мивнію автора, пеховой, ремесленный характерь преподаванія, исключающій всявую возможность живого, художественно-педагогическаго воздёйтвія на душу учащагося. Между темъ, истинное учительствоне ремесло, но искусство, -- притомъ, искусство не менъе высокое и трудное, чвит то, которое передали ввкамъ имена Шекспира, Рафаэля, Торвальдсена. Въ подтверждение своей мысли авторъ приводить знаменитый діалогь между Гамлетомъ и Гильденштерномъ, который отвазывался играть на флейть, потому что для этого требовалось искусство, но готовъ быль, не задумываясь, по приказанію вороля, играть на душ'є Гамлета. "Неужели ти серьезно вообразиль, что на мий легче играть, чёмъ на флейтв? - говоритъ ему Гамлетъ. - Ты можешь, пожалуй, разбить меня, но играть на мив тебв не удастся"! Естественно, что такого рода искусство, имъющее конечной цълью привести внутренній міръ ребенва въ стройную гармонію и извлечь изъ него, по выраженію автора, "дивную мелодію любви, добра и правды", требуеть и соотв'ьтствующаго дарованія, и серьезн'яйшей подготовки. И люди для этого искусства несомнънно найдутся, -- надо только на школу смотръть не какъ на ремесленную мастерскую, а какъ на художественную студію. "При этомъ понятно, что и отношеніе общества въ учительскому труду должно быть не какъ въ ремеслу, а какъ къ искусству. Нельзя учителя держать въ положении почтовой влячи, которой много гону и мало ворму. Какъ бы человъкъ идеально настроенъ ни былъ, -- пить, ъсть, содержать семью надо. Въдь если и говорять справедливо, что не хлъбомъ однимъ живъ бываетъ человъкъ, то не менъе справедливо и то, что и безъ хлъба не проживешь"...

Современная швола представляется о. Петрову заваленной огромнымъ количествомъ чисто механическихъ внаній, усвоеніе вотораго требуеть отъ учащихся огромнаго напряженія памяти, труда и связанной съ этимъ чрезмърной затраты силъ. Необходимо, по его мижнію, уменьшить учебный грузь, образовать свободное время у учителя и ученика, чтобы дать имъ возможность вивств и почитать, и подумать, и поговорить. Следуеть всеми силами тольнуть юношу на самостоятельную работу мысли, и при этомъ не бояться возможныхъ увлеченій, сомнівній и временныхъ уклоненій. Она неизбіжна, какъ корь, эта критическая переоцънка дътскихъ сужденій и взглядовъ, передъ тымъ вакъ юноша начинаетъ вырабатывать собственное міросозерцаніе. , И тутъ страшны не сомнънія, а отношеніе юноши въ нимъ: будеть ли онь предоставлень самому себв, своимь собственнымь слабымъ силамъ, личному неопытному, незрълому уму, или же онъ будеть производить перестройку подъ руководствомъ опыт-наго, духовно-зрълаго и близкаго человъка, который по праву вовется учителемь". Авторъ вспоминаеть далье, что покойный

Digitized by Google

Влад. С. Соловьевъ былъ въ гимназические годы крайнимъ отрипателемъ и матеріалистомъ и доходилъ въ этомъ увлечении чуть не до иконоборчества, и онъ же первый въ Россіи подалъ голосъ противъ матеріализма и позитивизма и всю жизнь работалъ, какъ инслитель, въ области христіанской философін. "Этотъ примъръ, —говоритъ авторъ, —лучшее доказательство, что не надо бояться иолодого сока; нуженъ только при молодомъ винъ опытный винодълъ".

Заваливая лишнимъ обременительнымъ балластомъ молодыя головы и не давая истиннаго образованія, современная школа, какъ свидътельствуетъ свящ. Петровъ, самъ педагогъ-законо-учитель, — "совершенно не воспитываетъ въ своихъ питомцахъ честности и нравственной порядочности". Выпускные экзамены на аттестатъ зрълости — характерный образецъ того недовърія, съ которымъ относится учебное начальство къ своимъ питомцамъ, воспитывавшимся подъ его же руководствомъ, въ теченіе семи, восьми и десяти лътъ. Свящ. Петровъ справедливо видитъ въ этомъ доказательство полнаго банкротства школы.

Какова школа, таковы и воспитанники ея. Неудовлетворительная, съ давнихъ поръ, постановка учебнаго дела успела свазаться въ общественной жизни горькими плодами, характеристикъ которыхъ посвящена вторая глава интересующей насъ вниги. Дватели, выходившіе изъ школы съ среднимъ и высшимъ-одинаково неудовлетворительными-курсами, далеки въ огромной массъ, отъ сознанія лежащей на нихъ культурной задачи передъ родиной. Они-въ большинствъ, конечно, черствые эгоисты, хищники, сухіе формалисты, нерадивцы во всемъ, что васается общественнаго служенія и долга. Они-сердцемъ хладные свопцы. Автору подобнаго рода общественные дъятели напоминаютъ дикарей-дагомейцевъ, у которыхъ на разрисованное красками голое тёло натянутъ ограбленный у европейца фракъ, черезъ плечо-лента и въ рукахъ-модный цилиндръ. Въ такомъ видъ дагомейскіе князьки думають поразить завзжихъ сыновей культуры. Понятіе о дикаряхъ-дагомейцахъ, соединяющихъ европейскій фракъ съ ввіриною дикостью въ сердці, авторъ распространяеть на понятіе культурнаго человіка, такъ сказать европейца съ ногъ до головы, вообще. Извъстное изречение Наполеона: "поскобли русскаго-и найдешь татарина", авторъ находить возможнымь применить къ самому Наполеону и къ любому европейскому культуртрегеру, съ такимъ изменениемъ: "поскобли европейца, возьми его за живое-и найдешь дикаря". Цёлый рядъ фактовъ изъ хроники послёднихъ событій приводить

автора въ этому выводу. Вспоминаеть онъ свое посъщение Берлина въ начале витайской смуты. Толпа только-что узнала объ убійств'в нівмецваго посланнива на улицахъ Пекина, вспыхнула ненавистью и злобой и стала вричать: "Бить ихъ, восоглазыхъ!... сжечь Певинъ!.. Повъсить императрицу!.. выпустить вишки Туану!.. И хорошо, что витайскій посланникъ не случился подавего разорвали бы въ куски не куже самихъ китайцевъ. Останавливается авторъ и на знаменитомъ Вильгельмовскомъ приказъ: "Пощады не давать! Плённыхъ не брать! Всёхъ колоть! Дома жечь! Действуйте такъ, чтобы ни одинъ китаецъ даже черезъ тысячу лёть не посмёль восо взглянуть на нёмца!" -- Слышать подобные ръчи, говорить авторъ, -- "среди христіанской столици, у подножія памятнивовъ Лессинга, Шиллера и Гёте, не значить ли это-видъть культурный фракь на теле дикаря? И это не исключеніе: это-всегда и вездъ". И цълый рядъ другихъ фактовъ приводить священника Петрова къ убъжденію, что школа, и русская, и даже европейская, дълаеть не настоящее дъло. "Какимъ образомъ изъ университетовъ и академій могуть выходить Чемберлены и Родсы, - просвъщенные отравители Китая опіумомъ, — обравованные Аттилы, действующіе огнемъ и мечомъ, -- наши доморощенные Шатуновскіе, -- всь эти коршуныстервятники и за ними тысячи мелеихъ хищнивовъ, вопчивовъ и ястребовъ съ учеными значками?"

II.

Гр. Д. А. Толстой говориль отврыто, что гимназія должна только учить: "гимназія даеть четыре стіны подъ крышей, кусокъ скамым и стола, человівка, который, какъ заведенный фонографь, передаеть требуемыя программой знанія, а остальное—діло семьи . Священникъ Петровъ по всей справедливости усматриваеть печальное недоразумініе въ томъ отношеніи, что семья, съ другой стороны, отдавая дітей въ школу, полагаеть, что ея діло теперь—только кормить, одівать и платить за ученіе, а все остальное лежить на обязанности школы. "И выходить, что діти со стороны воспитанія остаются между двухъ стульевъ. Съ ними никто не говорить по душів; никто не слідить, какія думы шевелятся въ дітскомъ умів, вакія чувства зарождаются въ сердців".

Вліяніе семьи сказывается особенно сильно въ первий, дошкольный періодъ жизни ребенка. Ребенокъ въ первие четыре года дътства, какъ замътилъ психологъ Перре, узнаетъ гораздо больше, чёмъ впослёдствіи въ гимнавіи и въ университетё: онъ узнаетъ огромное количество предметовъ, словъ, пріобрётаетъ иного понятій, выработываетъ свои—дётскія. Въ эти годы опредёляются и основныя черты характера. Но ни семья, ни поэже школа, не считаются съ этими всёмъ понятными и простыми соображеніями, и семья въ большинствё случаевъ такъ же, какъ и школа, стремится выработать изъ ребенка прежде всего будущаго инженера, чиновника, доктора, судью и позже всего—человёка. Это происходитъ оттого, что и въ семъй, и въ руководителяхъ школы, затемнился коренной смыслъ жизни, стоящій въ непосредственной связи съ необходимостью переоцёнки основнихъ понятій современной культуры.

Переходя—въ главъ о современной культуръ—къ характеристикъ и критикъ послъдней, авторъ ставить вопросъ: современная намъ культура, если не есть расцвъть, то не заря ли она заключительной отмой культуры, или же она представляеть собою одну изъ разновидностей уже бывшихъ, существующихъ теперь и впредь имъющихъ быть культуръ?

Этотъ вопросъ решить темъ важнее, что, по словамъ священнива Петрова, "мы свывлись, сжились, сроднились со многими нравственными предразсудвами и извращениями, такъ сказать принюхались въ нравственнымъ безобразіямъ наличной дёйствительности, и не замвчаемъ ихъ неказистости, считаемъ грубыя проявленія животной природы неизбёжными спутниками цивилизаціи, горделиво навываемъ себя, свою культуру солью вемли, свътомъ человъчества". Если можно признать сравнительно высовой вультуру европейской техниви, культуру окружающей человыва обстановки, то нивавъ нельзя признать высовой культуру его самого, культуру человъческой личности. Въ этомъ отношеніи человічество представляется автору еще не совсімь остывшей планетой, въ которой изнутри пылаеть адскій огонь и кловочетъ лава. "Время отъ времени, нетъ-нетъ да и прорветъ пламя наружу, произойдеть то вемлетрясеніе, то изверженіе, то вспышка національной, то религіозной, то соціальной вражды. Возьмите, — продолжаеть онъ, — внутреннюю жизнь самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ: всё они, какъ громадные ежи (удачное сравненіе!), вооружены съ ногъ до головы милліонами стальныхъ штыковъ; повсюду не превращается травля слабыхъ національностей; нізть мира и единенія между представителями даже христіанскихъ церввей; высшіе влассы, какъ, напримъръ, члены парламента -- панамисты, пробдены политиванствомъ и продажностью, низшіе озлоблены до анархизма". Распространевіе европейской культуры среди другихъ народовъ и племенъ обходится имъ очень ужъ дорого и солоно и можетъ утёшать, по выраженію автора, развѣ наивныхъ простаковъ: она покупается цѣною свободы и полной экономической разоренности; отъ нея открещиваются, гдѣ только могутъ.

Современная культура — не безусловно высшая культура. Авторъ доказываеть это положение еще и тъмъ также соображеніемъ, что основнымъ идеальнымъ началомъ ея, высшимъ принципомъ жизни во всвхъ ея проявленіяхъ, признается гуманизмъ, а онъ-, нивоимъ образомъ не выстій безусловно, не въчный принципъ". Гуманизмъ-человъчность, - какъ противовъсъ бестіализма, торжества грубой физической силы среднихъ въковъ, отжилъ свой въкъ, и для нашего времени онъ недостаточенъ: "наше время удовлетворяться этимъ не можетъ. Мы на мъсто гуманивма, торжества человъчности, должны нести въ жизни начала божественности". И Ницше смутно чувствоваль необходимость сверхчеловвческого начала въ жизни, но онъ не съумълъ понять, въ чемъ она должна проявиться: не въ освобожденіи отъ евангельскихъ началь любви, а наобороть, въ полномъ подчинении имъ. "И это подчинение - дъло будущаго, главная основа единой въчной, безусловно высшей культуры". Это начало внесеть не разрушительный, но созидательный принципъ въ жизнь, придастъ внутреннюю устойчивость и красоту смыслу жизни и скажется пышнымъ расцевтомъ творческихъ силъ, заложенныхъ для созидательныхъ цёлей въ природу человёка.

Вотъ взглядъ автора и на вопросъ о женскомъ образования въ Россіи, особенно образованіи медицинскомъ: "Дёло высшаго женскаго образованія у насъ-дівло великое, общенародное, -- говорить онъ. — Позволю себъ высказать, —продолжаеть онъ, — можеть быть, смёлую на первый взглядъ мысль, — что въ зависимости отъ хода этого образованія въ значительной степени зависить характерь дальнъйшаго внутренняго развитія нашей страны". Благотворное влінніе образованной русской женщины сважется вездів-и въ семьв, гдв она "заставила бы серьезно подтянуться интеллигентнаго мужа", и въ обществъ, гдъ столько, по выраженію автора, "собавевичевщины", и въ школьномъ дълъ, и въ особенности-въ деревив, въ народной средв. Женщина-учительница и женщинаврачъ-лучшіе работники среди народа, который-, душой боленъ не менъе, чъмъ тъломъ, и онъ ищетъ облегчения и въ той, и въ другой болёвни. "Женщина-врачъ вмёсте съ искусствомъ медицины дастъ народу и массу сестеръ милосердія, поправить больное твло и отогръетъ измученную непогодой жизни народ-

ную душу". И авторъ кончаетъ эту главу призывомъ къ русскому обществу — поддерживать всячески, и нравственно и матеріально, высшее женское образованіе, и—обращеніемъ къ русскимъ студентвамъ и курсисткамъ, которыя отвътственны за судьбу высшаго женскаго образованія и передъ народомъ, и передъ десятками дальнъйшихъ покольній русскихъ женщинъ.

Въ предпоследней главе священнивъ Петровъ делаетъ попытку опредълить, въ чемъ должно состоять теперь "русское дъло". Оно подсказывается нашей большой культурной отсталостью, вамалчивать которую, закрывать глаза себв и другимъ-"и преступно, и вывств съ твиъ неумно". "Неумно, -- говоритъ авторъ, - потому, что наша отсталость - фактъ историческій, неоспоримый. Въ западной Европъ существуеть университеть, которому насчитывается почти столько же леть, сколько русскому государству. Въ то время какъ въ Новгородъ еще Гостомыслъ печаловался, что земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нътъ, на Западъ этотъ порядовъ получилъ философское обоснованіе, тамъ право изучается какъ наука". Съ другой же стороны, наша отсталость не совствить оскорбительна для національнаго самолюбія, если мы представимъ себ'в сыгранную нами историческую роль отстоять, на рубежь Азіи и Европы, мирное развитіе европейской культуры отъ нашествія варваровъ.

Ломоносовъ указывалъ когда-то на естественныя богатства Россін, ждущія прикладныхъ рукъ прилежныхъ и образованныхъ юношей. Свящ. Петровъ выдвигаетъ другую область ея духовныя богатства народа, -- и они ждутъ еще широкой разработки, - "и для русскихъ культурныхъ работниковъ по всемъ концамъ Россіи трудно найти другое, бол'ве великое "русское" д'вло, какъ разработку уже извёстныхъ, давно открытыхъ розсыпей и за-лежей народной геніальности". Авторъ ждетъ огромной пользы отъ образованія кружковъ, обществъ и собраній, которыя заботились бы о разработвъ идей и образовъ, созданныхъ производительностью народнаго генія, и широко распространяли ихъ въ толив. И время для такого дела, по мненію автора, вполне назрвло. Переживаемый нами періодъ ознаменованъ не только экономической, но и духовной скудостью: искусство и литература, театръ и музыка падаютъ отъ недостатка внутренняго содержанія. Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія авторъ считаетъ все усиливающееся прекращение духовной связи съ роднымъ, самобытнымъ геніемъ. Подобно древнему Антэю, обновлявшемуся отъ прикосновенія въ матери-земл'в, и современной русской мысли и чувству необходимо, по мивнію свящ. Петрова,

Томъ VI.-Декаврь, 1902.

привоснуться въ совровищницамъ русскаго духа, "стать въ тъсную связь со всёмъ вультурнымъ достояніемъ, добытымъ русскимъ народнымъ геніемъ въ прошломъ. Это наслёдство—не изъмалоценныхъ. Намъ даже древняя Русь оставила многое, чёмъ мы вправе гордиться передъ Европой".

Авторъ призываетъ всёхъ къ единенію, къ совийстной работё на общественное и народное благо. "Необходимъ, — говоритъ онъ, — трудъ цёлыхъ кружковъ, обществъ и собраній", и приводитъ извёстный отрывокъ стихотворенія А. М. Жемчужникова, какъ иллюстрацію отсутствія сознанія въ насъ обязанности принять участіе въ общемъ дёлё:

Уподобляемся мы, баловни судьбы, Надъ грязью дольнею стоящимъ на помостѣ; Но снизу бережно насъ держатъ не столбы, А мышцы рукъ людскихъ и спивъ согбенныхъ кости. До нашей высоты порой доходитъ вздохъ, Какъ будто вто-то тамъ, въ подполъѣ, тяжко дышитъ, Но современникъ нашъ умышленно оглохъ, Иль грезится ему, что гулъ веселья слышитъ...

Авторъ признаётъ истинными героями— героевъ долга и любви въ родинъ и ближнимъ: одинъ изъ нихъ— земскій врачъ, другая — сельская учительница. Ихъ жизнь— сплошной грудъ, лишенія, самоотверженія. Побольше бы такихъ людей, больше идеализма и въ стремленіяхъ, и въ жизни, — и легче, свътлъе и теплъе станетъ жить всъмъ, кому теперь непосильна жизненная ноша, — таковъ конечный выводъ, къ которому приводитъ автора анализъ современной русской жизни, и таковы общее содержаніе и характеръ вниги.

III.

От. Петрову данъ высокій даръ плѣнять и подвупать читателя изяществомъ изложенія, оригинальностью сравненій и мѣткостью языка. Повидимому, богатый его личный жизненный опыть и обширный кругъ чтенія возводять читателя на высовую ступень интеллектуальнаго отношенія къ предмету. Читатель не перестаетъ чувствовать, что съ нимъ говорить не человѣкъ сословія, касты или профессіи, но человѣкъ убѣжденія, основаннаго на общечеловѣческихъ началахъ, чуждыхъ односторонняго истолкованія и предразсудка. И это еще болѣе усиливаетъ и интересъ, и обаяніе книги свящ. Петрова. Но только очень внимательное чтеніе можетъ обезпечить читателю необходимое критическое отношеніе къ читаемому и дать ему возможность остапо-

виться на тъхъ пунктахъ, съ которыми онъ, можетъ быть, несогласенъ по существу.
Въ началъ нашего изложенія мы замътили, по поводу книги

свящ. Петрова, что она слишкомъ идеалистична. Объяснивъ точнъе, что мы понимаемъ въ данномъ случав, и попытаемся сдълать это на основании примъровъ, взятыхъ изъ той же книги. Тавъ, прежде всего, авторъ, вакъ намъ кажется, слишкомъ поднимаетъ положение швольнаго вопроса отъ бъдной и убогой вемли на идеальную высоту. Само по себъ это превосходно, но чтобы приложить свои руки въ школьному дълу у насе и теперь, отъ земли отръшаться нельзя. Красноръчиво рисуя печальное положеніе преподаванія Завона Божія, географіи, исторіи, литературы ("Мы просиживаемъ на школьной свамь долгіе скучные часы за сочиненіями Луви Жудяты, заточника Даніила, Сильвестра, Ломоносова и Кантемира, и, стыдно сказать, не внаемъ Достоевскаго, Тургенева, никого изъ новъйшихъ писателей"),—
авторъ по наиболъе существенному вопросу—вопросу практической, необходимой, давно назръвшей реформы школы—бросаеть какъ бы мимоходомъ двъ-три фразы о томъ, что, молъ, много толкуют о необходимости воренной перемены півольной программы, настойчиво добиваются отміны мертвых язывовь, а между тъмъ – "корень зла не здъсь; страшны не сами мерт-вые языки, страшна мертвечина учобы; страшно то, что какой предметь ни возьми, все это—мертвый языкь,—языкь, который ничего не говорить ни уму, ни сердцу ученика". Встрътить такое разсуждение и въ такой книгъ какъ-то и странно, и неудобно, не знаешь, какъ къ нему отнестись, даже и возражать не совствъ удобно. Но и безъ возражения оставить нельзя. Судя по нъкоторымъ словамъ, от. Петрову хорошо извъстенъ смыслъ и характерь толстовско-катковской учебной системы, плоды которой къ нашему времени могутъ считаться опредёлившимися вполнё: мертвые языви сыграли въ этой системъ предназначенную имъ вполнъ отчетливую роль, уже взвъшенную судьбою, — отвлечь юную мысль отъ вопросовъ жизни и преуспѣянія родины и воспитать ее на отвлеченныхъ для нея правилахъ греческой и римсвой грамматики. Плоды этой системы вполнъ подходять въ той главъ разбираемой нами вниги, воторая характеризуетъ результаты современной шволы: благодаря именно ей, наступило въ нашемъ интеллигентномъ обществъ полное духовное освудъніе, померкли свътлые идеалы и, взамънъ ихъ, развились низменные инстинкты человъка-звъря. Если корень зла не здъсь (върнъе - одинъ изъ главныхъ корней), то къ кому же обращаеть от. Петровь свое врылатое "Духа не угашайте": въ несчастной школь, ен ближайшимъ руководителямъ и учителямъ? Опить-таки, судя по внигь, от. Петровъ—самъ педагогь, и ему преврасно извъстно, въ какихъ условіяхъ проходить учительство въ школь; извъстно, несомньно, и то, что доброй воли учащихъ все-таки мало, чтобы поставить школьное дъло на правильний путь. А остроумная игра словъ въ выраженіи: "страшны не мертвые языки, а страшна мертвечна учобы", безъ болье точнаго опредъленія, къ кому она относится,—падаеть и бьеть все ту же учительскую спину, которая давнымъ-давно принадлежить лежачему человъку.

Дальнейшія слова того же злополучнаго абзатца заключають въ себъ и нъкоторую, по правдъ сказать, несообразность. "Пря такой постановкъ дъла ("мертвечина учобы"), какъ предметы въ программъ ни мъняйте, - суть останется та же. Замъните мертвые языки желаемыми большинствомъ естественными наувами, — школа ничего не выиграетъ. Мы вубрили тысячи латинскихъ и греческихъ исключеній, наши діти будуть вубрить тысячи названій видовъ, подвидовъ, мускуловъ, хрящей и позвонковъ". Другими словами: пока дътей дурно учатъ, до тъхъ поръ безразлично, чему бы ихъ ни учили. Намъ же думается, что если ужъ и учатъ дътей въ современной шволъ дъйствительно дурно, то все-же лучше учить ихъ тому предмету, воторый имъ необходимъ и самъ по себъ исполненъ живого интереса; пусть дёти узнають названія видовь и подвидовь, есля бевъ этого нельвя, благо эти названія познакомять ихъ коть насколько съ окружающимъ міромъ и містомъ человіна въ природъ. Несомивню, многое зависить отъ учителя и при современной постановкъ учебнаго дъла, но все-же можно своръе ждать талантливыхъ преподавателей изъ среды спеціалистовъ природовъдънія, чъмъ отъ такихъ "ученыхъ" филологовъ, вся ученость которыхъ иногда въ томъ и состоить, какъ свидетельствуеть авторъ въ другомъ мъстъ, что они подсчитали предлоги у Плавта или частицы у Аристофана.

Пройдутъ года и десятки лътъ, прежде чъмъ въ жизнь шволы войдутъ тъ идеальныя начала, выясненю которыхъ посвящева книга. Но было бы обидно допустить, что пока эти начала будутъ осуществляться въ жизни и въ школъ, преподавание древних языковъ будетъ отнимать все время у нашего юношества, притомъ въ ущербъ ихъ умственному и нравственному развитию, въ ущербъ ихъ знакомству съ родной природой, исторіей, литературой...

О роли древнихъ языковъ въ нашей школъ, ничего общаго,

конечно, не имѣющей съ изученіемъ античной культуры, какъ предмета исторіи, нельзя равсуждать такъ же спокойно, какъ объ окраскъ крыльевъ у бабочекъ или четвертомъ измѣреніи. Это—самый больной вопросъ современной школы, и его слѣдуетъ касаться весьма осторожно, весьма внимательно и серьезно, или—не касаться вовсе. И пройди его свящ. Петровъ молчаніемъ, не подай своего въскаго голоса въ ту или другую сторону, мы объяснили бы это молчаніе стремленіемъ соблюсти извѣстнаго рода тактъ, опасеніемъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, равнообразно волнующихъ общество и являющихся предметомъ насущной правительственной заботы. Однако вся книга свящ. Петрова написана съ цѣлью разобраться именно въ тѣхъ вопросахъ, а среди нихъ вопросъ о школѣ—едва ли не самый важный въ пастоящее время, и съ него надо начинать и имъ надо кончать всявій серьезный разговоръ о школьной реформѣ.

Повторимъ употребленное свящ. Петровымъ выражение — "надо смотръть въ корень". Это совершенно справедливо, - надо смотрѣть въ ворень, надо постигать причину явленія, и только тогда сужденіе о немъ можетъ претендовать на высшую степень достовърности. Если серьезно говорить о томъ, что наша швола мертва, и что необходимо ее оживить, --- въ чемъ не можеть быть сомновия, -- то придется признать, что мертвять ее, дъйствительно, не мертвые языки, не тв или другіе предметы, въ ихъ сущности, но мертвые люди, устроявшіе школу во имя не созидательных началь самой жизни, но предвантых принциповъ ложно понятой государственной мудрости. Впрочемъ, ръчь не о мертвыхъ людяхъ прошедшаго и настоящаго нашей школы. Ръчьо шволв, которую необходимо оживить, чего бы это ни стоило государству и обществу; необходимо сделать ее жизненнымъ органомъ народной жизни, обезпечивающимъ ея культурное развитіе въ направленіи, уже указанномъ исторіей. Оживить же шволу могуть только живые люди, при томъ люди педагогичесваго знанія и опыта, воспитатели юношества по призванію и по долголетней деятельности въ школе. И такихъ людей не мало среди учащихъ и воспитателей, какъ ни бъденъ, повидимому, въ ихъ массъ запасъ необходимой жизненности духа и идеальныхъ стремленій. Только ихъ имена не блещуть на страницахъ газетъ, толпа не рукоплещетъ ихъ блестящимъ защитамъ диссертацій на схоластическія темы; ихъ знають обыкновенно небольшіе кружки родителей да учениковъ, — да еще бывшіе питомцы, разсвянные по всей Россіи, хранять трогательно-благодарное воспоминание о съменахъ добра и правды, посъянныхъ

въ ихъ душт старым учителемъ. Имена нъвоторыхъ изъ нихъ иногда становились широко-популярными; не говоря объ Ушинскомъ, Пироговъ, другихъ славныхъ дъятеляхъ прежней педагогической семьи, — вто не знаетъ именъ недавно скончавшагося Виктора Острогорскаго, повойнаго В. П. Шереметевскаго в многихъ другихъ, бодрствующихъ, для счастія школы, понынъ. Они-то ужъ не "угасили бы духа", еслибы кругъ ихъ дъятельности не быль такъ обидно ограниченъ внёшними рамками, и еслибы мивніемъ ихъ руководствовались по существу, а не привлевали ихъ только въ вачествъ членовъ педагогическаго совъта для формальнаго опроса. Педагоги вообще, важется, не устрояли нашего просвъщенія. Его устровли болье всего чиновники (а изв'ястно, что хорошій чиновникъ — плохой педагогь, и это не обидно ни для того, ни для другого), у которыхъ содержаніе зачастую пассовало передъ формой; мудрили люди разныхъ профессій, и среди нихъ, этихъ постороннихъ шволъ вначалъ людей, неожиданно открывались иногда прирожденные педагоги, замънявшіе здравымъ практическимъ смысломъ и сочувствіемъ къ нуждамъ просвъщенія то, чего не дали личный опыть и учебная подготовка. Но едва ли такое положение вещей можно признать, какъ правило. Педагогическая корпорація— не все мертвые люди, и многіе изъ нихъ, вмъсто того, чтобы спасаться отъ школьной голодовки въ акцияныхъ и контрольныхъ канцеляріяхъ, были бы достойны занять місто рядомъ съ мужами совіта и разума, чтобы дохнуть своимъ живымъ и врожденно-педагогическимъ духомъ ва помертвъвшую школу.

Преврасенъ призывъ свящ. Петрова въ единенію, въ дружной работв на благо родины и народа. Что можеть быть лучше и для молодежи, и для взрослыхъ, какъ сойтись въ вружовъ для совывстнаго чтенія и бесёды на идейную тему, для изученія писателя или поэта? Такіе кружки самообразованія, или, лучше сказать, самооблагороженія, сослужили бы великую службу особенно въ провинціи, въ глухихъ медвъжьихъ углахъ, гдъ царатъ невообразимая жестокость и дикость нравовъ. Но знаеть ли почтенный авторъ, насколько осуществимъ его призывъ и въ столицъ, и въ провинціи, насколько каждая такая попытка встръчаетъ самыя невъроятныя, непредвидимыя и непреодолимыя препятствія? Еще недавно усматривали благо въ отдаленіи профессоровъ и педагоговъ отъ студентовъ и учащихся; что же васается провинціи, авторъ могъ бы много поучительнаго въ этомъ отношеніи вынести изъ путешествія по глухимъ городишвамъ, деревнямъ и селамъ. Кстати сказать, въ книгъ свящ. Петрова чрезвычайно

мало ссыловъ на наши родныя мъста; гораздо чаще въ его наглядныхъ описаніяхъ мелькають Берлинъ, Прага и тому подобное, -- и только Крымъ нравится ему своей очаровательной красотой. Но по Крыму, Кавказу, Финландіи — судить о россійсвой провинціи невозможно; для сужденій о ней недостаточно однихъ столичныхъ впечатленій и газетныхъ известій. Русскій человъвъ-существо въ высшей степени общительное, и если эта общительность не выходить въ большинствъ случаевъ за предълы картъ, объденныхъ и вныхъ торжествъ и крайне ръдко становится на идейную почву, то этому издавна служилъ препятствіемъ цёлый строй в'вками укоренившихся внішнихъ препятствій. И получается невозможное положеніе, отміченное авторомъ: "вся провинція только и стонеть, что д'влать нечего, что люди задыхаются отъ бездёлья. Выходить, продолжаеть онъкакое-то роковое недоразумъніе: на каждомъ шагу горы неотложной работы, нътъ работниковъ; а люди, живущіе среди этого непочатаго дела, томятся бездействіемь, изнывають оть скуки, отъ пустоты и безпальности провинціальной жизни"! Одинъ изъ влючей этого рокового недоразумёнія обнаруживается довольно легво: это - взаимное недовъріе и подозрительность. Цервовная школа не въритъ земской, земская не вездъ ладитъ со священникомъ, ближайшая власть подозрѣваетъ учителя и попечителя шволы, муживъ недовърчиво относится къ твиъ и другимъ и иногда не безъ основанія видить одни только мудрованія на его счеть тамъ, где дело представляется простымъ и яснымъ. И выходить, по баснъ Крылова, что пока "лебедь рвется въ облака, равъ пятится назадъ, а щука тянеть въ воду", --- крестьянскій возъ ни на пядь не сдвинется съ мъста...

Желательно было бы, чтобы поднимаемые свящ. Петровымъ вопросы травтовались съ большей, въ предвлахъ возможнаго, опредвленностью и не оставляли мъста недоумъніямъ и неправильнымъ истолкованіямъ. Отъ недомолвовъ и вынужденныхъ умолчаній у насъ разлился невообразимый туманъ въ общественныхъ понятіяхъ, и, кажется, сами предметы начали мънять имена. Вотъ потому всъхъ, кому дано горячее убъжденіе и съ нимъ вмъстъ даръ высказывать его хорошими, ясными и простыми словами, — лежитъ великій долгъ разгонять этотъ туманъ и облегчать лучамъ истины доступъ въ помутившееся сознаніе и взволнованную душу русскаго человъка.

Евг. Л.

СТАРЫЙ ДОМЪ

Лѣнивый вѣтерокъ въ травѣ чуть слышно бродитъ... До полдня здѣсь пріютъ и влагѣ, и тѣнямъ, А тамъ, на лѣстницѣ, гляди, какъ солнце всходитъ Все выше, все теплѣй по ветхимъ ступенямъ.

Надъ лъстницею — домъ, заросшій весь кустами. Никто въ немъ не живетъ, покинутъ онъ давно, И, какъ недобрый глазъ подъ хмурыми бровями, Чернъетъ и блеститъ подъ врышею овно.

Я такъ люблю идти заросшею тропою Средь листьевъ и цвътовъ заброшенныхъ куртинъ!.. Вотъ ирисы встаютъ лиловою семьею И одуванчики въ дыму своихъ съдинъ.

Я вечеромъ сюда усталый возвращаюсь; Здёсь ждеть меня въ травё чуть видная скамья. Съ воспоминаньями я ласково встрёчаюсь, И долго думаю—и жду чего-то я.

Мнѣ важется тогда безвластнымъ время злое, И, все одѣтое туманной тишиной, По ветхимъ ступенямъ во мнѣ идетъ былое, Чтобъ о грядущихъ дняхъ бесѣдовать со мной.

П. С. Соловьева.

ЗАБЫТЫЙ

САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

- Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ. Фантастическій разсказъ въ трехъ частяхъ.
 Князя В. Мещерскаго. Спб., 1873.—Третье изданіе, 1894 г.
- Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ. Фантастическій этюдъ въ пяти частяхъ.
 Продолженіе сочиненія: "Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ". Соч. князя В. Мещерскаго. Сиб., 1879.

Князь В. Мещерскій очень хорошо извістень, какь охранительный публицисть и издатель "Гражданина"; публика знаеть его также какь автора повістей и разсказовь изь великосвітскаго быта; но никто, кажется, не подозрівваеть въ немъ сатирика, ядовито осмінвающаго ті мнимо-консервативные принципы и шаблоны, которые съ такимъ упорнымъ усердіемъ защищаются имъ въ публицистикі. Между тімъ, перу князя В. Мещерскаго принадлежить одна изъ самыхъ різкихъ и откровенныхъ сатиръ на поверхностныя реакціонныя теченія, овладівшія вліятельною частью нашего общества съ начала семидесятыхъ годовъ и нашедшія себі постоянный органь въ "Гражданині".

Быть можеть, нельзя считать совсёмъ забытымъ романъ, напечатанный третьимъ изданіемъ еще сравнительно недавно (въ 1894 году); однако, содержаніе его, по всей въроятности, основательно забыто даже читавшими его въ свое время, такъ какъ въ противномъ случат оно не упускалось бы изъ виду при оцент консервативныхъ идей и проектовъ князя В. Мещерскаго. Действующими лицами этого "фантастическаго разсказа" являются наиболе яркіе выразители общественныхъ стремленій, близко зна-

комыхъ автору. "Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ" не блещетъ художественными достоинствами; но исторія его тероя, графа Обезьянинова, даетъ интересный матеріалъ для характеристики эпохи, не особенно далекой отъ насъ. Само собою разумѣется, что "начальническая" дѣятельность графа Обезьянинова остается всецѣло продуктомъ творческой фантавіи; — очевидно, въ его лицѣ авторъ хотѣлъ представить наглядный примѣръ несообразностей, къ которымъ привело бы на практикѣ послѣдовательное примѣненіе политическихъ рецептовъ, неуклонно излагаемыхъ въ "Гражданинѣ". Романъ князя В. Мещерскаго не нуждается даже въ особомъ критическомъ разборѣ: достаточно напомнить его сущность и привести изъ него нѣсколько назидательныхъ сценъ, чтобы отдать справедливость сатирическому замыслу автора.

Графъ Иванъ Обезьяниновъ считалъ себя призваннымъ въ роли правительственнаго дёнтеля, "потому, что былъ очень недуренъ собою, воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ военноучебныхъ заведеній, имёлъ отъ роду 34 года, подъ судомъ и слёдствіемъ никогда не находился, за исключеніемъ тёхъ двухъразъ, когда онъ попалъ подъ полуслёдствіе за равбитыя, въ веселомъ видё, стекла на улицё въ домё такомъ-то и такомъ-то"; въ области политики онъ любилъ разсуждать о разныхъ вещахъ, мало ему знакомыхъ; "всякаго, кто слишкомъ много говорилъ о земстве, онъ называлъ, самъ не зная почему, либераломъ". Получивъ назначеніе въ провинцію, — на постъ камаринскаго начальника, онъ отправился къ правителю канцеляріи и имёлъ съ нимъ слёдующій діалогъ:

...Скажите, пожалуйста, вы должны это знать: что это, вообще, большая страна—Камарино?

— Да воть, взгляните на карту...

Графъ подошелъ очень ловко къ картъ и началъ искать Какарино то наверху, то внизу, то на западъ, пока Любакинъ, подойдя, не указалъ ему пальцемъ на Камарино, сказавъ: "вотъ".

— А, вотъ оно, что же, оно не очень большое! — замътилъ графъ

- Да, не очень большое, но дъла много.

- Тамъ, говорять, того... земство вообще довольно... много себъ позволяеть. У меня тамъ есть большое имъніе, —въдь я собственно потому и приняль; я тамъ никогда не быль, но управляющій мнъ мой пишеть, что они чорть знаеть какіе выдумали разные налоги... подати...
 - То-есть, вы хотите свазать, земскія повинности?
- Ну, да, повинности,—по моему, это все равно, налоги, повинности, l'impot en général; я вообще удивляюсь, какъ это можно, чтобы

какое-нибудь земство назначало повинности... Скажите, пожалуйста, воть вы должны это знать,—мит кажется, что следовало бы на этотъсчеть принять какія-нибудь меры...

- То-есть какъ?
- То-есть, напримъръ, я полагалъ бы, что мнъ слъдовало бы въ особенности этимъ заняться поэнергичнъе.
 - Ну, я бы вамъ не советовалъ, графъ, темъ более что...
- Нътъ, извольте видъть, я долженъ вамъ сказать, что прежде чъмъ того... принять это мъсто, я немного занимался политикою, и признаться долженъ, что я сдълалъ себъ во всемъ ръшительно идеаломъ—Висмарка! Вотъ человъкъ, какой намъ нуженъ! Желъзная воля, геніальный умъ...

Уходя отъ правителя канцеляріи, графъ вдругъ вспомнилъчто-то и вновь заговорилъ:

- А, да, вотъ еще, извините, я позабылъ еще очень важный вопросъ: скажите, пожалуйста, въдь у насъ есть особые законы о земствъ, не правда ли,—гдъ бы ихъ достать? И потомъ, мнъ бы хотълось, знаете, достать какія-нибудь книги и вообще о Россіи, объадминистраціи...
- Насчеть земства есть, какъ вамъ въроятно извъстно, особое положеніе...
- A, да, знаю, знаю! Это я читаль, но я... того... хотъль бы знать насчеть повинностей... есть что-нибудь?..
 - Да, во-первыхъ, въ самомъ положени вы найдете...
- А, да, правда,... я позабыль; я, знаете, читаль очень скоро... Графъ вышель, думая про себя: au fond c'est un rouge que се monsieur! А когда надъваль шинель, онъ сказаль мысленно: однако же, чорть возьми, есть какія-то положенія, а я совсьмъ и не подозръваль, надо узнать...

Не имъя еще понятія о дълахъ и задачахъ управленія, новый камаринскій начальникъ, однако, заранье установиль точную программу своей деятельности; онъ решилъ "устроить хорошую пожарную команду, истребить нищепство, заняться тюрьмою, если можно, завести газъ по всему городу, и вообще прижимать всябія земства и тому подобные элементы"; затымь "вь мелочи, детали и дрявги администраціи не входить, все это предоставить вице-начальнику и правителю канцеляріи, а самому тольковсёмъ дирижировать, заниматься главнёйшими только дёлами и вообще руководить духомъ Камарина"... "Мое главное назначеніе, -- говориль онъ, -- поднять и усилить власть администраціи. воторая очень распущена... "- "Да помилуйте, графъ, -- возражалъ правитель его канцеляріи, -- шутка сказать, за что вы беретесь, да вакъ же вы подымете власть администраціи вообще, если вы не будете входить именно въ подробности и изучать? "-"Кавъ?! Очень просто, я устрою отличную систему полиціи, у

меня будуть все честные и порядочные люди, черезь нихь я буду все изучать, воть вамь и все".—"Да, ну, если такь, такь по вашему, что администрація, что полиція—все равно?"—"Все равно!"—"Ну, а съ земствомъ какъ же вы будете ладить, — туть въдь ваша полиція ни при чемъ?"—"Ну, съ земствомъ, батюшка, не трудно ладить, буду его держать въ ежовыхъ рукавицахъ, воть вамъ и все..."—"Да въдь, чтобы держать его въ ежовыхъ рукавицахъ, надо знать и отлично знать дъло, помилуйте, графъ..."—"Ну, нъть: учиться—это прекрасная вещь въ теоріи, а на дълъ, гдъ туть прикажете еще учиться, когда не хватаеть даже времени на то, чтобы заниматься главными вопросами. Россія, батюшка мой, такое государство, гдъ надо намъ не ученыхъ, а умныхъ людей..."

Въ дъйствительности графу Обезьянинову не нужно было быть ни знающимъ, ни умнымъ человъкомъ, чтобы оказаться на высотъ положенія. Въ Камаринъ ему быль подготовлень торжественный пріемъ; полиціймейстеръ Перепентьевъ "возв'ястиль ему, что городское общество не знаетъ, можетъ ли оно дерзнуть поднести графу, въ ознаменование его привада, три тысячи рублей на устройство стипендіи имени графа въ гимназіи, и что вообще восторгъ въ городъ такой, что просятъ позволенія устронть иллюминацію". На улицъ, куда графъ вышелъ погулять, все было необыкновенно чисто; "у подъвзда присыпано песочкомъ, полицейские почти напоминали петербургскихъ по структуръ и нарядности, а въ довершение пріятной картины, всё дома въ окрестностяхъ дома графа и многіе изъ домовъ Большой улицы украшены были флагами... "Графъ былъ очень доволенъ усердіемъ полиціймейстера и возъимълъ высокое метніе объ его заслугахъ; "а загляни онъ въ арестантскую парфентьевской части, именно въ это прекрасное утро, онъ увидель бы тамъ, что въ теченіе этой ночи забраны были шесть человъвъ челобитчивовъ, намъревавшихся подать графу жалобу на того же Перепентьева, и трое изъ мирныхъ гражданъ, по дёлу о сопротивленіи и буйствів прв предложеній изъявить всеобщую радость, по случаю благополучнаго прівзда и вступленія въ должность его сінтельства. Но графъ не заглянуль, и акціи Перепентьева въ одно это утро значительно поднялись".

Начальникъ вполнъ вошелъ въ свою роль; мелочи и дрязги административной практики для него не существовали, — онъ нтъ не видълъ и не зналъ, такъ какъ интересовался только высшим соображеніями. При представленіи ему мъстныхъ чиновъ и сословій, онъ сказалъ эффектную ръчь, въ которой выразилъ ръ

шимость быть твердымъ и непоколебимымъ въ борьбъ съ тайными недоброжелателями "администраціи, то-есть правительства вообще". "Я, господа, — заявиль онъ, между прочимъ, — первый уважаю свободу, но я не могу позволить, чтобы эта свобода была неблагонадежная или неблагонамъренная. На мив лежить, господа, обязанность объяснять, какую свободу я могу одобрять, а потому прошу васъ обращаться всегда ко мнв, а не слушать твхъ, которые среди вась (здесь графъ невольно устремиль взглядъ на земскую группу) думають о свободь разныя небылицы и сбивають съ толку общество". Особенно онъ подчеркнулъ необходимость смотреть на него, вакъ на "главнаго хознина и блюстителя порядка, благоустройства и благочинія". "А вы, господа члены вемства, - продолжаль онъ, - я надъюсь, тоже поймете, что я здъсь одинъ хозяинъ, и что никому, кромъ меня, я не позволю у себя въ Камаринъ хозяйничать; впрочемъ, и увъренъ, что мев не нужно вамъ это напоминать, такъ какъ, по всемъ свъдъніямъ, которыя я имъю до сихъ поръ, вы вели себя благоразумно; повторяю только мою просьбу-не слушать тыхь, которые хотять среди вась играть роль и ссорить вась со мною..."

Почему же и во имя чего онъ въ такомъ ръзкомъ наставительномъ тонъ обращался въ людямъ, съ которыми не имълъ еще ниванихъ столиновений? Что онъ разумълъ вообще подъ управленіемъ? Кавія мысли связываль онъ съ своимъ положеніемъ хозяина врая? "Съ нимъ происходило много, -- говоритъ авторъ, -- но самъ онъ не производилъ ничего, потому что въ немъ ничего не было; а если въ немъ ничего не было, то вопросъ: что значитъ управлять, что значить начинать управленіе, - какъ вопрось съ содержаніемъ, съ глубовимъ внутреннимъ смысломъ, и притомъ жизненнымъ, не могъ даже родиться въ умъ графа". Камарино вообще являлось ему въ какомъ-то неопределенномъ виде , смесью полей, домовъ и людей, низво вланяющихся"; земство олицетворилось для него въ предсъдателъ управы, "а такъ какъ фигура предсъдателя земской управы ему не нравилась, потому что этотъ предсъдатель ему, графу, не воздавалъ поклоненія, то и все земство графу было антипатично; а такъ какъ, напротивъ, дворянство и чиновничество согласились ему дать объдъ, то графъ считалъ и это дворянство и это чиновничество весьма важными частями государства".

На первыхъ порахъ графъ Обезьяниновъ имътъ около себя дъльнаго и честнаго человъка, который, въ качествъ правителя канцеляріи, удерживалъ его отъ ложныхъ шаговъ и не стъснялся откровенно высказывать ему свои мнънія; но разумные совъты

Ивана Оомича были врайне непріятны для графа и возбудили энергическое противодъйствіе со стороны другихъ его прибинженныхъ. Чиновникъ особыхъ порученій Маклаковъ воплощать собою "ложь, обольщеніе, обманъ"; онъ поспъшилъ доложить графу "о вавихъ-то тайныхъ сборищахъ у председателя вемсвой управы, гдъ будто бы поносили его, графа, и правительство во-обще, самыми ужасными словами"; на другой день онъ "ловко далъ графу понять, что Иванъ Оомичъ съ однимъ только предсъдателемъ управы и познавомился; на третій день онъ сообщилъ графу, что въ городъ много толкують о вліяніи на графа Ивана Оомича и о томъ, что-де опасаются, что черевъ Ивана Оомича пріобрътутъ вліяніе и земскіе либеральные люди". Этого было достаточно. "Душонка графа оскорбилась смертельно:—какъ, я буду подъ вліяніемъ, и еще кого же, земскихъ людей, — твердилъ себъ графъ внутренно со влостью, —я имъ покажу..., и съ этой минуты вопросъ о борьбъ добра со зломъ былъ ръшенъ въ пользу послъдняго. Бъдный Иванъ Өомичъ былъ, какъ говорать, coulé, а бъдный графъ, освобождая себя такъ храбро изъ-подъ добраго вліянія Ивана Оомича, и не подозр'єваль даже, что онь становился гораздо менъе самостоятельнымъ, подпадая подъ вліяніе такого человъка, какъ Маклаковъ, и такого начала, какъ его сплетни и разсказы. Но таковъ міръ, и таковы люди". Маклаковъ близко сошелся съ полиціймейстеромъ Перепентьевымъ, и оба они великолъпно устроили свои дъла. "Перепентьевъ былъ олицетвореніемъ пошлой стороны житейской мудрости, въ ея мельчайшихъ оттънкахъ... Увидъвъ, что графу пріятно, когда гладять его собаку, Перепентьевь пришель къ заключенію, что кольми паче должно быть пріятно графу все то, что гладить и ласкаетъ его сіятельство самихъ, и наоборотъ, все, что идетъ и будетъ идти противъ графской шерсти, графу должно быть непріятно. Отсюда выводъ быль очень простой: лесть и подлизыванье должны дъйствовать на его сіятельство благотворно, а для Перепентьева выгодно..." Цълымъ рядомъ искусныхъ комбинацій обезпечено было свободное хозяйничанье нъсколькихъ "пройдохъ" подъ прикрытіемъ авторитета новаго начальника, считавшаго себя единственнымъ хозяиномъ края. "Трудно себъ представить
— замъчаетъ авторъ — что-нибудь пошлъе всъхъ этихъ удававшихся Перепентьеву коварствъ. А между тъмъ, они случаются ежедневно и суть тъ невидимыя сцъпленія причинъ и событій, которыя производять порядовъ вещей, вдали для насъ, людей непривычныхъ, непонятный и заставляющій насъ ділать Богъ знаеть какія глубокомысленныя соображенія".

Что касается общественнаго элемента, а именно дворянства, то графъ "разделилъ его на две неравныя половины: одну онъ назвалъ дворянствомъ или обществомъ, а другую — вемствомъ. Первые были овцы, а вторые — козлища". Такъ какъ вторые не участвовали въ угодничествъ мъстныхъ чиновъ, "держались вообще самостоятельно, занимались делами, а не пустявами, то графъ отнесся въ нимъ недовърчиво и неблагосилонно, и назвалъ ихъ земствомъ, какъ бы именемъ, означающимъ не то учрежденіе, которое существуєть въ силу закона о земскихъ учрежденіяхъ, а что-то вообще аптипатичное, антиправительственное и неблагонадежно-политическое. Однимъ изъ результатовъ "людсвой пошлости" было то, что графъ, "осмотръвъ тюрьму и полицію, нашелъ ихъ недурными, несмотря на то, что онъ были очень свверны, а ватёмъ, осмотрёвъ земскую больницу, нашелъ ее скверною, несмотря на то, что она была короша". О земскихъ собраніяхъ онъ получалъ черезъ своего чиновника весьма неточныя свъдънія. "Вечеромъ же, работящіе члены земства, ть же дворяне, собирались на ввартиру председателя управы и до двухъ, трехъ часовъ ночи, въ потв лица, работали надъ каждымъ вопросомъ. Вотъ эти-то собранія, гдъ ръчь шла только о дълъ и гдъ никогда о графъ не говорили, потому между прочимъ, что и говорить было нечего, --были представлены графу вакъ тайныя, грозящія опасностью государству, политическія сходки. Графъ нивавъ не могъ себъ представить, какъ это можно цѣлые часы посвящать одному вопросу или вообще одному дѣлу, и вотъ причина, почему онъ охотно вѣрилъ въ политическій характеръ земскихъ совъщаній "...

Свои служебныя обязанности графъ Обевьяниновъ понималь довольно смутно, и на дёлё онъ съ самаго начала избавиль себя отъ всякой работы. Въ первомъ своемъ донесеніи высшему начальству онъ писалъ: "вступивши въ должность, я призналъ прежде всего необходимымъ ввести тё реформы, которыя могутъ, по моему, содёйствовать къ усиленію моего авторитета, какъ представителя власти". Реформы были очень простыя: онъ раздёлилъ свои "многочисленныя и многотрудныя обязанности между подлежащими лицами, съ оставленіемъ за собою только главнаго надвора и руководства", усилилъ штатъ своей канцеляріи и полиціи, учредилъ нёсколько новыхъ коммиссій и разослаль грозные циркуляры ко всёмъ подчиненнымъ мёстнымъ властямъ; затёмъ онъ могъ свободно заняться "женскимъ вопросомъ" при содёйствіи услужливыхъ чиновниковъ. Общее благополучіе послё этого предполагалось само собою. Сообщая въ Петербургъ объ

этомъ благополучін, нарушаемомъ только скрытой оппозиціей земскихъ и судебныхъ учрежденій, графъ прибавляль/ еще, что "врестьяне вообще пользуются большимъ благосостояніемъ, но, въ сожальнію, благодаря полному бездыйствію посреднивовь в распущенной убедной полиціи, недостаточно исправно платать подати и повинности". Въ циркуляръ къ исправникамъ онъ предписываль "всвиъ и каждому, подъ страхомъ немедленнаго взисванія и увольненія, въ теченіе двухъ недёль собрать всё числящіяся по уваду недонмви", и сверхъ того, "вообще имъть строгое наблюдение за духомъ и общимъ состояниемъ ввъреннаго населенія и о всякой перемінь въ оных доносить". Когда этоть циркуляръ былъ полученъ въ городъ Сараховъ, то исправниъ Иванъ Артемьевичъ ръшилъ немедленно вывхать въ увздъ для сбора недоимовъ, поручивъ письмоводителю разослать предписаніе становымъ насчеть еженедільнаго донесенія о духі населенія. "И выбхаль Иванъ Артемьевичь въ убядь, и прибыль въ первое село, какъ ураганъ, какъ вихрь, нечаянно, негаданно, къ общему смятенію и ужасу всего населенія, услыхавшаго роковой коловольчивъ исправнической тройки. И началась обычная сцена экстраординарнаго взысканія недоимокъ. Появленіе старшины, объявленіе о суммъ, подлежащей ввысванію, собраніе схода, го воръ, врики, угровы, домашния расправа въ правленіи, увъреніе, что нечего платить, въ отвёть візчое "врешь", потомъ опись, смотръ курамъ, индейкамъ, гусямъ, коровамъ, лошаденкамъ, назначение въ продажу на следующий базарный день, вотъ что начало происходить въ первомъ селъ, и вотъ что ожидало всв села, гдв были недоимви. Иванъ Артемьевичь быль добрый человъкъ; онъ зналъ, что крестьяне не могутъ заплатить, онъ върилъ въ ихъ плачъ и вопль, у самого болъла душа при видъ горя мужичковъ, но "дълать нечего", — говорилъ онъ себъ, **— "надо, надо, надо"**...

Между тъмъ, графъ невольно поддавался обычнымъ соблазнамъ властнаго положенія; ему досталась интересная молодая дама, мужъ которой нуждался въ его протекціи; въ то же время явился купецъ Митридатовъ съ предложеніемъ провести желъзную дорогу мимо имънія его сіятельства и взять это имъніе въ аренду на необыкновенно выгодныхъ условіяхъ. Графъ охотно повърилъ, что для государственной пользы необходимо предоставить сооруженіе желъзной дороги Митридатову, а не земству, хлопотавшему о концессіи на туже почти линію, — тъмъ болье, что по земскому проекту дорога проходила бы въ болье далекомъ разстояніи отъ графскаго имънія. Какъ арендаторъ имънія,

Митридатовъ выговорилъ себв право для производства нѣкоторыхъ работъ созывать крестьянъ при участіи полиціи, на что также послѣдовало согласіе графа. Незавонная сдѣлка съ Митридатовымъ относительно желѣзной дороги возбудила волненіе въ вемскихъ кругахъ; предсѣдатель управы и три депутата отъ земства отправились къ графу и просили его оказать поддержку земскому кодатайству о концессіи, причемъ пытались объяснить важность этого проекта для цѣлыхъ трехъ уѣздовъ. Графъ очень сурово принялъ земскихъ дѣятелей и ясно далъ имъ понять, что интересы земства не имѣютъ для пего никакого значенія:

- Мив все равно, о комъ вы хлопочете—о себв или о земствъ вашемъ,—я хозяинъ въ Камаринъ, а не вы, и мив, следовательно, и принадлежитъ право распоряжаться, но никакъ не вамъ; вотъ все, что я могу вамъ сказать.
- Но во всякомъ случат позвольте васъ предупредить, графъ, насчетъ нашего конкуррента и его проекта: во-первыхъ, онъ у насъ на очень дурномъ счету, какъ человъкъ; денегъ у него нътъ ни гроша; а во-вторыхъ, линія, которую онъ хочетъ строить,—не угодно ли вамъ спросить, вотъ господа помъщики вамъ скажутъ,—при этомъ предсъдатель управы указалъ на трехъ гласныхъ,—ръшительно не имъетъ ни малъйшаго для насъ экономическаго значенія.
- Совершенно справедливо, замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ, напротивъ...
- Господа, еще разъ имъю честь вамъ напомнить, что хознинъ губерніи—это я...
- Знаемъ, ваше сіятельство, сказалъ на это одинъ изъ гласныхъ, — но позвольте и намъ немного считать себя хозяевами губерніи, на точномъ основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ; вѣдь мы не съ вѣтра же говоримъ вамъ, мы вѣдь гласные, уполномоченные.
- Да хоть и распроуполномоченные, какое мив дёло! Я вамъ не мізшаю повхать въ Петербургь, хлопотать о вашей концессіи, сколько вамъ угодно, но я вамъ не позволю требовать отъ меня, чтобы я быль вашего мивнія, —никогда; я обдумаю, обсужу, и буду на той сторонів, на которой захочу самъ, —понимаете? Для меня въ Камаринів нізть ни законовъ, ни приказовъ ни отъ кого; затізмъ, очень жаль, но я ваше ходатайство уважу только тогда, когда признаю его достойнымъ правительственнаго вниманія.

При этихъ словахъ графъ всталъ, всё встали, и затемъ общій обмёнъ холодно вёжливыхъ поклоновъ, и одинъ за другимъ вышли господа гласные изъ кабинета его сіятельства. Когда графъ остался одинъ, онъ закурилъ папироску и, случайно взглянувъ въ зеркало, улыбнулся: ему показалось, что въ эту минуту онъ былъ никто иной, какъ Бисмаркъ,—твердый, умный и неумолимый; а потомъ промелькнула мысль:—если я съ земствомъ умёю справиться, то неужели устоитъ противъ меня женщина?

Какъ и следовало ожидать, хлопоты графа о концессіи въ пользу купца Митридатова увенчались успекомъ, и земству было

Томъ VI - Декаврь, 1902.

отказано въ его ходатайствъ. Подоспъли дворянскіе выборы, н кандидатомъ на постъ предводителя выдвинуть быль льстивый угоднивъ Зубенко, "обратившійся въ домашнюю прислугу графа"; но старанія посл'ядняго на этотъ разъ не приведи въ желанной цвли. За то сборъ недоимовъ завершился блестящимъ образомъ; отъ всёхъ исправниковъ поступили вполне утещительныя донесенія, и одинъ изъ нихъ, "чтобы еще ярче засвидътельствовать свою благопреданность и усердную дівятельность, прибавляль, что деньги имъ собраны, не смотря даже на то, что население этихъ деревень было въ самыхъ, повидимому, неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ, вследствіе прошлогодняго неурожая, цень на хлёбъ значительно вздорожали и врестьяне лишены возможности кормить свой скоть и пріобретать хлебь выгодно". Графъ быль очень доволенъ результатами своего управленія; онъ подписываль массу бумагь и въ теченіе одного місяца предсёдательствоваль въ 56 заседаніяхь воммиссій, причемъ убиравшій послъ засъданій комнату сторожь забраль въ свою коллекцію 56 собственноручныхъ рисунковъ графа, изъ которыхъ 14 были разныя избушки и строенія, 34 женскія годовки, и восемь-генеральскія фигуры въ лентахъ черезъ плечо". Закулиснымъ руководителемъ всъхъ дълъ былъ уже не Иванъ Оомичъ, а Маклаковъ.

Очень подробно описанъ въ романъ торжественный объфадъ Камаринскаго края графомъ Обезьяниновымъ. Предварительно составлена была, по секретнымъ свъдъніямъ, характеристика всъхъ служащихъ въ убядахъ лицъ. Объ одномъ исправнивъ сообщалось, что онъ много способствуетъ поддержанію въ народъ духа "благочестія и благоправія вообще, но страдаеть одною лишь слабостью — падкостью на женскій поль, несмотря на то, что женать и имбеть семерыхь детей"; другой "занимается слишкомъ много метеорологическими и астрономическими наблюденіями, чёмъ отвлеваеть полицію вообще отъ присущихъ ей на земль обязанностей", и сверкъ того, "страдаеть излишествомъ въ употребленіи врыпкихъ напитвовъ, преимущественно спиртуозныхъ"; третій, будучи "страстно привязанъ въ азарт-нымъ играмъ", отличается вмёстё съ темъ "излишнею набожностью и подъ предлогомъ религіозныхъ бесёдъ вводить въ игру и въ соблазнъ городское духовенство". Изъ посредниковъ нъкоторые "ленивы, но надежны"; другіе "весьма кутильнаго направленія, заподозріны въ учиненій поборовъ съ врестьянь, за-вонами не дозволенныхъ", но "въ политическомъ отношенія благонадежны"; третьи "неоднократно замічены въ тайномъ подстрекательстве населенія въ составленію тайныхъ обществъ подъ благовидными предлогами, а именно обществъ трезвости, обществъ грамотности и другихъ". Учитель исторіи "уличается въ неблагонамъренномъ толкованіи дётямъ духа и смысла исторіи, пре-имущественно по поводу Семирамиды и Сарданапала"; другой чрезмърно увлекается естественными науками и проводитъ цълые дин въ лъсахъ, "чъмъ способствуетъ распространенію въ населеніи... матеріальнаго направленія, неизбъжно отражающагося и на всемъ управленіи". Многія изъ этихъ свъдъній оказались совершенно фантастическими, и, руководствуясь ими, графъ впадаетъ въ рядъ забавныхъ недоразумъній.

Графъ отправился въ путешествіе преимущественно для отдыха и развлеченія; служебныя обязанности были для него утомительны, какъ говорить авторъ, "главнымъ образомъ потому, что въ сущности онъ не исполнялъ изъ нихъ ни единой, а не исполняль потому, что ни въ одной изъ нихъ не понималь смысла". Романъ съ интересною дамою затянулся; мужу ея доставлено хорошее мъсто, а сама она получила отъ Митридатова сто тысячъ рублей, въ видъ вознагражденія за устройство дъла съ концессіею. Графъ думаль укръпить ея привязанность вре-менной разлукою. Во всъ концы камаринской земли полетъли оповъщенія и циркуляры о предстоящемъ объъздъ; "единовре-менно по всъмъ уъздамъ крестьяне сотнями были согнаны на большія дороги, чистить оныя, мосты и гати, а пора была самая лучшая, самая горячая для работы въ полъ". Исправники писали становымъ: съ врестьянъ такой-то волости "содрали мы въ уплату педоимовъ, пожалуй, и черезчуръ много; — смотръть, чтобы нивто жаловаться не посмълъ"; а съ такой-то волости "содрать нивто жаловаться не посмълъ; а съ такои-то волости "содрать до послъдней шкуры; обязались внести, — надули прохвосты, — такъ чтобы впредь не надували, взыскать безмилосердно и представить всю сумму въ наличности ко дню графскаго прівзда; да настоять, чтобы хлъбъ-соль поднесли съ безпрекословнымъ и безпрепятственнымъ радушіемъ". Въ увздъ, гдъ было имъніе графа, сдълано было такое распоряженіе: "Если крестьяне графскаго имънія захотять жаловаться на г. Митридатова за прискаго имвнія захотять жаловаться на г. Митридатова за при-нужденіе ихъ будто бы въ даровой работв по устройству мель-ничной плотины, то вразумить ихъ мірами вротости и увіще-ваніемт; а если не подійствуеть, то черезъ волостного стар-шину и волостное правленіе, не свыше, впрочемъ, міры, опре-діленной завономъ. Чтобъ непремінно быль написанъ адресъ отъ сихъ крестьянъ благодарственный, и хлібов-соль, если можно, была поднесена на серебряномъ блюдів. Ознакомленіе съ враемъ

производилось при исвусственной парадной обстановкі и закончилось грандіознымъ пиршествомъ въ имініи графа. Выводи изъ сділанныхъ наблюденій были приготовлены зараніве. Въ своемъ оффиціальномъ отчеті о поіздкі графъ писалъ, что "крестьянское сословіе вообще вполні обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и пользуется дарованными ему правами и благодівніями въ полномъ, такъ сказать, размірів", а потому необходимо "упраздненіе общиннаго начала и крестьянскаго самоуправленія"; затімъ настоятельно требуется "значительное усиленіе губернаторской власти какъ относительно всіхъ відомствъ въ губерній, такъ въ особенности относительно земства"; однатолько полиція превосходно исполняеть свое назначеніе и "является самымъ лучшимъ учрежденіемъ" въ краі; изъ містныхъ же полезныхъ дінтелей можно указать на "весьма отрадную личность—купца Митридатова".

Два года пробыль графъ въ Камаринѣ; большую часть своего времени онъ проводилъ въ будуарѣ своей фаворитки, куда являлись къ нему иногда и чиновники по текущимъ дѣламъ управленія. Всякіе вопросы разрѣшались имъ необыкновенно просто, по усвоенной разъ системѣ. Приходитъ, напримѣръ, правитель канцеляріи съ вопросомъ: какъ отвѣчатъ на министерскую бумагу насчетъ ходатайства земства?

- A, знаю, помню: отвёчать, какъ мы отвёчали прежде, что по мъстнымъ политическимъ соображеніямъ я признаю неудобнымъ согласиться съ ходатайствомъ земства,—вотъ и все...
- Не будеть ли это немного строго,— такъ какъ въ сущности ходатайство земства по этому предмету не противоръчить никакому закону...
- Будеть или не будеть—мив все равно,—отввчаль графь,—вы знаете очень хорошо мой коренной принципъ: на всякое ходатайство земства, пока предсъдателемъ будеть Калугинъ, протесть съ моей стороны,—коротко и ясно.

"Какъ жаль", — говорилъ потомъ графъ своей фавориткъ, — "что у этого земства такъ мало правъ, а то бы я имъ показаль, что значить борьба со мною, какъ съ администраторомъ, заргізті, — а такъ скучно: побъда слишкомъ легко достается". "Я захотълъ быть администраторомъ, и сдълался, — продолжалъ графъ, — а теперь, черезъ какихъ-нибудь два года, да я не знаю, къ какой должности я не способенъ! Я все вижу насквозь, и ужъ знаю людей, да эту глупую матушку Россію, побольше всякаго министра, — ручаюсь".

Къ Пасхъ графъ ждалъ награды, но ничего не получилъ и въ врайнемъ недоумъніи уъхалъ въ Петербургъ. Сидя инвогнито

въ вагонъ, онъ слышаль бесъду кавихъ-то пассажировъ о невозможныхъ порядкахъ его администрація; онъ, конечно, ръшилъ, что эти люди-враги правительства, и "еще болъе убъдился въ томъ, что общественное мийніе-это дрянь", и что "вся его задача, какъ администратора, въ томъ и заключается, чтобы приводить умы къ одному знаменателю—къ восхваленію администраціи въ его лиць". Люди, какъ сей графъ,—поясняеть авторъ, -- "такъ уже психически сложены: "я", а кромъ "я" -вичего и нивто. Во имя этой безсмыслицы, или, върнъе, этого помешательства на одномъ пунктъ, многое должно быть имъ если не прощено, то все же вивнено въ меньшую вину". Въ Петербургъ его ждало полное разочарованіе. Высшій начальникъ, внязь Павель, сообщиль ему, что на него поступають жалобы самыя разнообразныя и повидимому не лишенныя основанія, и что невоторыя изъ инкъ компрометирують правительство; графъ пытался свалить вину на либераловъ, воторые будто бы составили противъ него цълую "шайку оппозиціи", но это увъреніе не встретило сочувствія, какъ несогласное съ фактическимъ содержаніемъ жалобъ. Графъ завлючиль, что у насъ не ум'вють еще цвинть людей, и что ему поэтому не стоить служить; однаво, по совъту своего великосвътскаго дяди, онъ отправился въ разнымъ врупнымъ сановнивамъ, постарался произвести на нихъ впечативніе своими смітыми и різпительными взглядами, сдітьлаль визить прелестной и могущественной графинъ Равинской, которой всецьло подчинень однев сановный внязь, — и очутился тавимъ образомъ въ положении директора департамента. "Графъ Обезьяниновъ – разсуждаеть князь Мещерскій — не понравился своему Камарину, и было за что Камарину находить своего начальника не по праву... Графъ Обезьяниновъ не понравился своему министру, и было за что... Но за то графъ Обезьяниновъ понравнися внязю Семену Ивановичу, понравился графинъ Равинской, понравился тому внязю, —почему и чъмънеявъстно, - и дъло сдълалось само собою, просто и скоро. Судьба тавъ захотела-и вонецъ". Графу едва не помешала мепріятная исторія, дошедшая въ это время до сената: по одному спорному делу онъ остановилъ исполнение сенатскаго ужаза и откровенно заявиль, что никакого сената онъ не признаеть, что сенать—ему не законь, а онь, камаринскій ко-вяннь,—"самь себь законь"; но и это недоразумьніе уладилось благодаря покровительству того же князя. Графъ быль опять на высотв" и небрежно излагалъ прінтелямъ свои будущія намъренія и предначертанія, причемъ иногда долженъ былъ выслушивать горькія истины:

— Да въ сущности, что за департаментъ? Какія тамъ дѣла у тебя

будуть?-спросиль его одинь изъ влубныхъ пріятелей.

- Какія?—Обывновенно какія бывають въ департаментъ дъла.—
 Здъсь графъ Обезьяниновъ призадумался. Этотъ нопросъ: "какія тамъ
 будутъ дъла?"—не приходилъ еще ему въ голову ни разу, а князь
 ему ничего объ этомъ не гонорилъ, и онъ самъ не догадался о томъ
 спросить князя.
- Однако, братъ, ты того—швахъ: принимаешь мѣсто, и не знаешь, что будешь на немъ дѣлать; да этакъ тебѣ, пожалуй, предложатъ азіатскія дѣла, или посольство!
 - Намъ нужны, братъ, не мъста, а люди, отвътилъ графъ.

— Такіе, какъ ты?

— Пожалуйста, безъ личностей; человъкъ, который себъ не знастъ

цвии, -- дрянь и никогда не будеть ничвиъ.

- Ну, а челов'явъ, который слишкомъ дорого себя п'янить, годенъ на что-нибудь? Признайся, в'ядь ужъ, entre nous soit dit, ты в'ядь ровно ничего не знаешь и ничего не д'ялалъ,—ужъ признавайся! А также въ политику суется!
- Желаю тебѣ сдѣлать, сколько я сдѣлаль: два года пробыть въ провинціи—попробуй!
- Да хоть десять літь, коль ты знаешь, что вром'й глупостей ты ничего не сділаешь.
 - Да говори про себя, сдалай милость!
- Я, батюшка мой, про себя не говорю, потому что я никуда не суюсь и никому не навязываю свою башку. Но знаешь что, Ваня, я вогъ хоть и кутить не прочь... и ничего не дълаю, а все-таки, знаешь, я увъренъ, что я полезнъе чъмъ ты.

— Ты?--И графъ презрительно на него взглянулъ.

— Да, я! И знаешь почему? По очень простой причинѣ: я по крайней мъръ освобождаю отъ своего присутствія мое отечество, а ты—ты былъ въдь такой же кутила и неучъ, какъ я—ты суешься на такія мъста, гдъ ты вреденъ, потому что ничего не знаешь, да еще отнимаешь эти мъста у порядочныхъ людей,—развъ не такъ?

— Вздоръ! — Графъ нахиурился и стряхнулъ пепелъ съ сигары на

правую сторону коляски.

Настало минутное молчаніе.

- Въ сущности, знаешь, что я тебъ скажу, сказалъ графъ твердым: и серьезнымъ вдохновеннымъ голосомъ: — въ Россіи нечего требовать отъ дюдей знанін, и то слава Богу, когда они, какъ я, преданы правительству.
- Полно вздоръ говорить: всякій мужикъ, всякій солдать преданъ правительству.

— Да, безсознательно, а сознательно преданныхъ мало.

— Такъ по твоему достаточно быть преданнымъ правительству, чтобы соваться на всякія м'яста: такъ посл'я этого, отчего я не министръ?

— Да, всякій, когда у него въ головъ не солома, какъ у тебя...

— А кто тебѣ сказалъ, что у тебя не солома? Графъ замолчалъ опять.

Въ должности директора департамента графъ Обезьяниновъ продержался не болве трехъ дней. Онъ началъ съ того, что вызваль къ себъ Маклакова и предложилъ ему мъсто вице-директора. "Когда Маклаковъ принялъ, графъ вспомнилъ, что есть въдь вице-директоръ, котораго прежде въдь надо спихнуть, а чтобы спихнуть-надо прежде съ нимъ увидъться". Графъ уже "быль предрасположень противь своего вице-директора. Читатели спросять: "Почему, -- когда опъ его даже не зналь?" На это отвътъ простой. Веливимъ людямъ à la графъ Обезьяниновъ нужны малейшіе поводы, чтобы жаловать людей въ благонадежные и разжаловывать ихъ въ неблагонадежные. Графу Обезыннинову вто-то сказаль гдё-то, что онь слышаль что-то о вакомьто виде-директоръ въ какомъ-то департаментъ его министерства"... Объ немъ говорили, "какъ о какомъ-то феномецъ ума и способностей, а на самомъ дълъ онъ не что иное, какъ нигилистъ". Въ уме графа после этихъ словъ "сложилось почти пельное представление о своемъ департаментъ, вакъ о сборищъ нигилистовъ, которое нужно пообчистить, и порядвомъ пообчистить. Ні что такъ не улыбалось графу, какъ мысль о предстоящемъ ему процессъ пообчищения du personnel своего департамента". При вступленіи въ должность онъ высказаль подчиненнымъ свои общіе принципы, завлючающіеся прежде всего въ требованіи бевусловнаго повиновенія: "У васъ, напримъръ, принято курить въ департаментъ, -- я прошу, чтобы этого не было; у васъ прииято носить бороды и какое угодно платье, --- и прошу, чтобы этого не было; у васъ принято, какъ я слышалъ, чтобы начальниви отделеній имели свои мнёнія и высвазывали ихъ свободно, -- я прошу, чтобы этого не было. А тогъ, вто хочетъ имъть свои мивнія, можеть служить, гдв ему угодно, только не у меня". Вице директора онъ призываль въ себъ на домъ, но безуспъщно, и затъмъ при первомъ свидании въ департаментъ объясниль ему, что смотрить на него какъ на върнаго исполнителя техъ высшихъ соображеній, которыя онъ, графъ, имбеть въ виду осуществлять на этомъ міств. Онъ сразу приняль такой ръзвій и высовій тонъ, что вице-диревтору оставалось только предложить свою отставку. "Я вице-директоръ не вашъ, а департамента, -- отвътилъ графу обиженный "исполнитель", -- я исполняю не ваши распоряженія, какъ бы высови они ни были, а ту часть дълъ, которая на меня будеть вами воздожена по департаменту, и исполняю ихъ подъ своею, а не вашею ответственностью. Что же васается нашихъ чиновниковъ, то полагаю, что вы имъете право отъ нихъ требовать только одного—исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей; мнъній же своихъ въ департаментъ, какъ учрежденіи бюрократическомъ, они по дъламъ имъть не могутъ". Въ результатъ вышло нъчто въ родъ департаментскаго кривиса: всъ высшіе чиновники, начиная съ вице-директора, просили уволить ихъ отъ службы при новоиъ директоръ, и кризисъ разръшился удаленіемъ самого графа Обезьянинова. Графъ уъхалъ за границу, въ ожиданіи лучшихъ временъ; въ Висбадент онъ съ дядей критикуетъ ходъ дълъ въ Петербургъ, и дядя въ утъщеніе говоритъ племяннику: "я предчувствую, что твое время близко"... Этими словами кончается романъ.

Продолжение "Одного изъ нашихъ Бисмарковъ", подъ заглавіемъ: "Графъ Обезьяниновъ на новомъ мъстъ", переносить насъ въ высшія петербургскія сферы, гдв вырабатывается текущая политива страны. Проведя нъсколько лъть въ бездъйствік, въ заграничныхъ курортахъ и въ отечественныхъ салонахъ, графъ Обезьяниновъ не переставалъ разыгрывать изъ себя государственнаго человъка, призваннаго водворить порядокъ въ руссвихъ умахъ и делахъ; онъ съ нетерпеніемъ ожидаль момента, когда къ нему вновь обратятся и предоставять ему подобающее мъсто. Вознившее тогда славянское движение утвердило въ немъ въру въ свое призваніе; ему казалось, что овъ одинъ способенъ потушить разгоръвшійся въ русскомъ обществъ опасный политическій пожаръ, угрожавшій, по его мивнію, не только миру Европы, но и прежде всего авторитету правительства. Графъ испренно возмущается тъмъ, что навія-то частныя лица самовольно волнуются по поводу турецкихъ звърствъ и вившиваются въ иностранную политику, подлежащую исключительному зав'ядыванію дипломатін; онъ находить нічто ненориальное въ самомъ фактъ публичнаго проявленія вакихъ-то народнихъ чувствъ, воторыя только повидимому направлены противъ Турців, и въ сущности подванываются подъ основы всего существующаго порядка. Онъ настойчиво повторяеть всёмь и каждому, что необходимо принять крутыя мфры для скорфинаго прекращенія славянской и всякой иной пропаганды; его взгляды встр'ячають сочувствіе и поддержку среди влінтельныхъ салонныхъ двятелей, озадаченныхъ ростомъ добровольческаго движенія, я графу Обевьянинову удается получить полномочіе для изследованія "народнаго духа" на м'вств, въ Москв'в и въ провинців,

съ цёлью выработии соотвётственныхъ способовъ обузданія. Графъ проевтируетъ организацію особаго высшаго наблюдательнаго учрежденія, подъ главнымъ его начальствомъ, съ общирными штатами чиновниковъ; штаты и оклады вызываютъ финансовыя возраженія со стороны руководителя компетентнаго въ-домства, за что этотъ сановникъ зачисленъ въ красные авторомъ проекта. Благодаря родственнымъ связямъ и при содъйствіи очаровательной вняжны, невъсты графа, дъло улаживается, и планъ осуществляется въ болже скромныхъ разижрахъ; Обезьяниновъ становится фактическимъ "президентомъ" новой коммиссіи, устранвается въ роскошномъ оффиціальномъ пом'вщеніи и собирается дъйствовать въ дукъ своей программы. Предварительная краткая повздка въ Камарино даетъ ему матеріалъ для соображеній о главнъйшихъ реформахъ, требуемыхъ для спасенія Россіи; во главъ этихъ реформъ должно стоять превращеніе провинціальныхъ начальнивовъ (или, по терминологіи автора, градоначальнивовъ) въ полновластныхъ "пашей". Графъ предлагаетъ "объединить и сдёлать всемогущею власть градоначальника, подчивить ему всв вытви мыстной администраціи безь исключенія"; "изъ каждаго градоначальника вездъ сдълать диктатора относительно борьбы со всёми проявленіями русскаго народнаго духа", и "создать вокругь этого градоначальника провинціи дворъ со всёми его престижами". Попутно являются у графа и другія болъе общія мысли; такъ, подъ вліяніемъ разговора съ одною французскою кокоткою, онъ намечаеть рядъ предположений и мъропріятій, воторыя предстоить еще обдумать: "вернуться въ старой мысли объ общей неблагонадежности тайныхъ совътниковъ, изслъдовать вопросъ объ усиленіи увеселительныхъ элементовъ для молодежи; два-три театра Буффъ, уличные кафѐ, кафе-шантаны..." "Не выписать ли побольше француженокъ? Не облегчить ли условія вредита спеціально для молодежи? Впрочемъ, это все меры отрицательныя; нужны положительныя. Газетамъ переменить тонъ... Вообще быть энергичнымъ и зоркимъ". Но, устроившись на новомъ мъстъ, графъ не торопился приступать въ реальной деятельности; онъ "уже сиделъ передъ столомъ, похожимъ на министерскій, на кресле, похожемъ на министерсвое, имель уже свои постоянныя petites entrées въ министрамъ, — следовательно уже часть его похоти была вакъ будто насыщена и успокоена". "Графъ Обезьяниновъ— замечаетъ авторъ— настоящимъ Бисмаркомъ не былъ. Но за то какіе были у него директоры отдёловъ, — чудо просто! Все изъ клуба, все его пріятели, променявшіе балеть на тушеніе русскаго народнаго духа". Пока графъ готовился искоренить народный духъ своими циркулярами, въ политикъ произошли событія, приведшів въ войнъ, и спасительная коммиссія закрылась прежде чъмъ успъла преобразоваться въ особое министерство по проекту Обезьянинова. Графъ опять очутился на мели, и сановный дядя уговариваетъ его ваняться финансами: только въ области финансовъ можно возвыситься и достигнуть прочнаго руководительнаго поста, такъ какъ въ финансахъ никто ничего не попимаетъ. "Rira bien qui rira le dernier", отвъчаетъ графъ Обезьяниновъ.

Дальнейшая судьба графа Обезьянинова неизвестна; но, судя по многимъ привнакамъ, онъ принимаетъ близвое участіе въ "Гражданинъ", гдъ нашли себъ надежный пріють его любимыя иден о "всемогуществъ" провинціальныхъ начальнивовъ, о земствъ и общественномъ мавніи, о ненужности н вредъ образованія, о государственномъ призваніи клубныхъ бонвивановь, и даже о неблагонадежности тайныхъ советнивовъ. Несомнино, что авторъ романа "Одинъ изъ нашихъ Бисмарвовъ" относится отрицательно въ типу графа Обезьянивова; онъ постоянно подчервиваетъ его надменную пустоту, его круглое невъжество, соединенное съ неповолебимымъ самомивсіемъ, его сухой эгоизмъ и тщеславіе. Тімъ не меніве графъ Обезьяниновъ выступаетъ вакимъ-то орломъ среди массы ничтожныхъ свътскихъ и чиновныхъ личностей, обгло обрисованныхъ авторомъ; онъ все-таки значительно выше твхъ разслабленныхъ, болтливыхъ манекеновъ съ "государственными физіономіями", воторые выводятся въ романв въ качествв будто бы вершителей судебъ оффиціальнаго міра. Женщины, въ изображеніи князи В. Мещерскаго, вообще умнъе и лучше мужчинъ и часто высвазывають имъ въ глаза убійственныя замінанія: "вы, то-есть всь ваши, - говорить вняжна, невъста героя, - вы служите выкому другону, какъ самому себъ; вы защитники того, что вамъ выгодно; и еслибы вавтра безпорядовъ обратился въ порядовъ вещей, я пари держу, что большая часть изъ вашихъ принялась бы быть шампіонами этого новаго порядва. Я васъ знаю... Съ дётства я насматриваюсь на вашъ міровъ; мой отецъ быль изъ вашихъ, и мой дядя тоже. Другія дѣти играль въ вуклы, а мон куклы (т.-е. монми куклами) были тъ люди, которые вокругъ моего отца разыгрывали комедію государственныхъ людей. Вообразите, и, дитя, понимала, до вакой степени они были нуль, эти переполненныя и вадутыя собою личности"... "Если чтонибудь у насъ, -- говоритъ другая дама, графиня, -- еще сохранило коть сколько-нибудь здраваго смысла, ума, нравственности

н честности, такъ это женщины. Вы, господа мужчины, простите инъ мою откровенность, вы прогнили до мозга костей, и чъмъ больше вы гніете, чёмъ вы неспособнёе, чёмъ вы бездарнёе и пошлве, твит вы заносчивве, тщеславиве, самоувврениве и надменнъе". Въ романъ внязи В. Мещерскаго ясно проводится и подтверждается рядомъ живыхъ картинъ та основная мысль, что обычныя мнимо охранительныя формулы, принимаемыя въ чистовившнемъ смыслъ, служатъ удобивишемъ, общедоступнымъ орудіемъ личнаго возвышенія и дають просторъ всевозможнымъ ворыстнымъ, мелочнымъ и назменнымъ побужденіямъ; этими формулами чаще всего завладъвають пустыйшие люди и примыняють ихъ во вредъ государству и народу, такъ какъ, по справедливому метвію автора, для усвоенія и примененія голыхъ принциповъ благонадежности въ духв графа Обезьянинова-не требуется ни внанія, ни способности, ни честности. Вражда въ серьезнымъ представителямъ земства и общественнаго мивнія объясняется въ романъ не только потребностью "всемогущества" Мавлаковыхъ и Перецентьевыхъ, но и органическимъ непониманіемъ того, что люди могуть отдаваться работв на общую пользу, не вибя въ виду матеріальныхъ выгодъ и не преследуя вакихънибудь сирытыхъ цёлей. Здравые взгляды, прямо или восвенно развиваемые въ забытомъ сатирическомъ романв внязя В. Мещерскаго, бросають своеобразный свёть на многолётнюю публицистическую діятельность редактора "Гражданина" и должны были бы, пожалуй, способствовать изманению его общей литературной репутаціи...

Л. Слонимский.

александръ онуфріевичъ КОВАЛЕВСКІЙ

Очервъ изъ исторін науки въ Россін.

I.

Хотя въ настоящее время наука въ Россіи переживаеть несомнѣнный кризисъ, и общее вниманіе отвлечено отъ нея въ сторону, тѣмъ не менѣе легко предвидѣть, что уже въ недалекомъ будущемъ она завоюетъ себѣ мѣсто, которое ей подобаеть въ развитіи русской мысли и культуры. Вотъ почему мы считаемъ умѣстнымъ разсказать читателю исторію не такъ давно скончавшагося знаменитаго русскаго ученаго, труды и необывновенно возвышенная личность котораго заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе и не однихъ спеціалистовъ.

А. О. Ковалевскій занимался естественной исторіей низших животныхъ, изученію которой онъ посвятилъ сорокъ лёть своей жизни. Расцвёть его научной деятельности падаеть какъ разъ на тотъ періодъ русской жизни, когда интересъ къ положительнымъ наукамъ занялъ самое выдающееся мёсто. Вотъ почему будеть нелишнимъ представить читателю краткій очеркъ той эпохи, во время которой выдался талантъ Ковалевскаго. Эта эпоха совпадаетъ съ началомъ царствованія Александра ІІ-го. Мысль зашевелилась повсюду, и, наряду съ проектами практическихъ реформъ въ Россіи, народилось и стремленіе къ научному развитію.

Въ средней школѣ въ то время не чувствовалось гнета ни со стороны влассицизма, ни со стороны излишняго формализма. Греческій языкъ находился въ полномъ загонѣ и латынь снивошла на очень второстепенную роль.

Въ университетахъ преподаваніе шло во многомъ еще по старинному, но среди "адъюнктовъ" и нѣкоторыхъ молодыхъ профессоровъ уже обнаруживался новый духъ. Естественныя науки преподавались большею частью очень сухо, по учебникамъ и монографіямъ, чаще всего безъ практическихъ занятій и безъ сколько-нюбудь правильнаго руководства.

Отбываніе урововъ и экзаменовъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не отнимало всего времени, оставляя много досуга для чтенія и самораввитія. Въ этомъ отношенін большую роль играли не только популярныя статьи въ русскихъ толстыхъ журналахъ, но также и общедоступныя вниги и брошюры изъ иностранной литературы. Туть были на первомъ планъ сочинения по естествознанию, дававшия общий очервъ тогдашнихъ возгрѣній на природу и жизнь. Между ними главное мъсто ванимала внижва Бюхнера: "Kraft und Stoff", распространившаяся не только среди студентовъ пятидесятыхъ годовъ, во пронившая также и въ старшіе влассы гимназій. Многіе начали изучать нёмецвій язывъ для того, чтобы читать произведенія Бюхнера, Фохта и Молешотта въ подлинникъ. Въ Россіи эти сочиненія были, правда, запрещены цензурой, но это еще болбе увеличивало ихъ ценность во мевніи мододежи. Вскоре, впрочемъ, появились и гевтографированные русскіе переводы н'ьвоторыхъ изъ этихъ внигъ, еще более содействовавшіе распространенію повитивнаго и матеріалистическаго міросозерцанія, которое, казалось, было способно отвётить на всё вопросы, задаваемые юными умами.

Но, помимо этой "подпольной" литературы, многочисленные переводы иностранныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ вліяли съ своей стороны на укрупленіе вкуса къ положительному знанію и на утвержденіе въ основахъ матеріалистическаго міровозгрунія.

Въ виду всего этого среди молодежи распространилось убъжденіе, что только положительное знаніе способно вести къ истинному прогрессу, что искусства и другія проявленія духовной жизни могутъ, наоборотъ, лишь тормазить движеніе впередъ.

Чутвій во всёмъ стремленіямъ молодого поволёнія, Тургеневъ изобразиль въ Базаров'в типъ молодого челов'ява, в врящаго исключительно въ науку и относящагося презрительно въ искус-

ству и религіи. Для того, чтобы получить отвѣть на возникавшіе въ его душѣ общіе и основные вопросы, онъ углубляется въ міръ животныхъ и старается освѣтить такимъ образомъ все касающееся и человѣка. Отъ споровъ объ общественныхъ задачахъ онъ приглашаетъ своего друга уйти, чтобы...

- " Надо-всемъ глумиться, подхватилъ Павелъ Петровить.
- "— Нътъ, лягушевъ ръзать". ("Отцы и Дъти", гл. X). Замътивъ, что отецъ Аркадія читаетъ Пушкина, Базаровъ обращается къ своему другу со словами:
- "— Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Вёдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ нынёшнее время! Дай ему что нибудь лёльное почитать.
 - "— Что бы ему дать?—спросиль Аркадій.
- "— Да и думаю, Бюхнерово "Stoff und Kraft" на первый случай". (Тамъ же).

Появленіе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ сочиненія Дарвина "О происхожденіи видовъ" дало новый и очень значительный толчовъ въ томъ же направленіи. Объединяя человѣка съ животнымъ міромъ общностью происхожденія, Дарвинъ тѣмъ самымъ усилилъ надежду рѣшить проблему человѣческаго бытія при помощи изученія законовъ, управляющихъ живыми существами.

Ученіе Дарвина, при содъйствіи многочисленных популяризацій и комментаторовъ, быстро проникло въ умы учащейся молодежи и завоевало всъ ея симпатіи еще въ то время, когда многіе изъ профессоровъ относились въ нему скептически или равнодушно.

Неудивительно, что новое направленіе захватило собою все, что было наиболее отзывчиваго и чуткаго среди молодого поколѣнія. Оно пронивло не только въ гимназія и университеты. гдъ естествознаніе преподавалось систематически и болье или менве въ полномъ видв, но и въ такія учебныя заведенія, гдв мъсто его было гораздо болъе скромно. Въ Александровскомъ лицев, куда поступали большей частью молодые люди изъ привилегированнаго слоя, въ надеждъ сдълать блестящую служебную карьеру, гдъ занятіе изящной литературой вошло въ плоть в вровь, и гдв на первомъ планв преподавались юридическія в историческія науки — и тамъ образовался кружовъ молодежи, увлевшейся стремленіемъ въ положительному знанію. Нівоторые члены этого вружва бросили даже лицей, чтобы немедленно же перейти въ занятію естествознаніемъ. Такъ какъ большая часть лицеистовъ были люди съ матеріальными средствами, то многіе изъ нихъ, по выходъ изъ лицея, увзжали прямо въ иностранные, главнымъ образомъ, нѣмецкіе университеты. Этому переселенію за границу во многомъ содѣйствовали студенческіе безпорядки 1861 года. Петербургскій университеть быль закрыть, и тѣмъ юношамъ, которые жадно стремились къ пріобрѣтенію знаній, предстояло переселиться или въ провинцію, или за границу. Провинціальные университеты въ это время не блистали выдающимися талантами. Въ московскомъ учиверситетѣ было, правда, не мало профессоровъ съ очень хорошимъ образованіемъ, но, среди естественниковъ, это были большею частью начитанные и опытные ораторы, неспособные самостоятельно двигать науку. Въ заботахъ о выборѣ мѣста для серьезнаго изученія положительныхъ наукъ должно было безъ колебанія предпочесть ностранные университеты русскимъ.

Въ это время—мы говоримъ о началѣ шестидесятыхъ годовъ—особенной славой пользовался гейдельбергскій университетъ. Расположенный въ живописной и уютной долинѣ Неккара, Гейдельбергъ привлевалъ молодежь всѣхъ странъ цѣлой плеядой первоклассныхъ естествонспытателей, между которыми достаточно назвать химика Бунзена, физика Кирхгофа, физіолога Гельмгольца, зоолога Бронна. Рядомъ съ ними было не мало второстепенныхъ; но, тѣмъ не менѣе, очень выдающихся ученыхъ. Неудивительно, что туда потянуло и жаждавшаго положительнаго знанія А. О. Ковалевскаго.

II.

Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій происходиль изъ польских дворянъ. Отецъ его, пом'ящикъ, влад'ялъ небольшимъ им'вніемъ въ динабургскомъ убяд'я, витебской губерніи. Онъ былъ католикъ, но женился на православной. Поэтому и два сына Ковалевскихъ, старшій, Александръ (родившійся 7-го ноября 1840 года) и младшій, Владиміръ (впосл'ядствіи профессоръ геологіи), были врещены въ православную въру.

А. О. провель все детство въ деревив, на родинв, гдв и сталъ приготовляться въ поступлению въ учебное заведение. Объ этомъ периодв его жизни мы не имвемъ подробныхъ сведвий.

Дътскіе годы и обученіе въ родительскомъ домѣ шли какъ и въ другихъ помъщичьихъ домахъ. Дътей нужно было помъстить въ учебныя заведенія, при чемъ выборъ отца остановился на такихъ, которыя должны были обезпечить правильную хорошую карьеру. Старшаго, Александра, онъ приготовилъ къ корпусу путей сообщенія, который считался способнымъ въ короткое

время доставить вначительное матеріальное благосостояніе. Жельзно-дорожное дело представляло огромную будущность, и въть времена уже было не мало молодыхъ инженеровъ, получавшихъ сравнительно очень большое содержаніе.

Младшій сынь, Владимірь, готовился въ поступленію въ училище правов'ядінія, открывавшаго путь въ блестящей служебной варьер'в.

Но ни одинъ изъ Ковалевскихъ не остался на пути, избранномъ для нихъ ихъ отцомъ. Они оба посвятили себя естественнымъ наукамъ. Поступивъ въ 1856 году въ третій классъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Ковалевскій подчиняется общему теченію и, спустя три года, выходитъ изъ корпуса съ твиъ, чтобы сдёлаться студентомъ естественно-историческаго отдёленія физико-математическаго факультета петербургскаго университета. Очевидно, его тянуло не къ практической дёятельности инженера, а въ храмъ чистой положительной науки.

Въ петербургскомъ университетъ того времени были талантливые профессора, способные живо передавать главные результаты современной имъ науки, но не участвовавшие лично въ научномъ движении. Исключениемъ являлся Л. С. Ценковский. Тогда еще молодой ученый, онъ былъ извъстенъ своими самостоятельными изслъдованиями въ области простъйшихъ животныхъ и растений. Такъ какъ онъ, кромъ того, отличался необивновеннымъ даромъ преподавания, то неудивительно, что онъ болъе другихъ повлиялъ на А. О. Ковалевскаго. Въ послъднемъ онъ возбудилъ жажду разработки научныхъ вопросовъ, примъромъ искренняго и серьезнаго отношения къ наукъ.

Но Ковалевскій недолго пробыль въ петербургскомъ университетъ. Студенческіе безпорядки и общее неустройство университетскихъ дълъ въ Россіи, крайне затруднявшіе правильное занятіе въ лабораторіяхъ, побудили А. О. оставить петербургскій университетъ и со второго курса его перейти въ гейдельбергскій университетъ. Въ то время Ковалевскій особенно сощелся съ нъкоторыми представителями лицейскаго кружка, о которомъ я уже упоминаль выше. Въ числъ ихъ я могу назвать давно умершаго Ножина и нынъ живущаго барона А. Ф. Стуарта. Всъ виъстъ они проживали и учились въ Германіи. Ковалевскаго сначала привлекла лабораторія Бунвена, который въ то время быль занять, вмъстъ съ Кирхгофомъ, разработкой открытія спектральнаго анализа. А. О. даже думаль одно время сдълаться спеціалистомъ по химіи и въ началъ шестидесятыхъ годовъ напечаталъ двъ небольшія работы, вышедшія изъ школи

Бунвена. Но вскоръ онъ покинулъ жимію и отдался изученію живого міра.

Профессоромъ зоологін въ Гейдельбергів въ то время быль Броннъ. Переводчикъ "Происхожденія видовъ" Дарвина и подготовленный своими предъидущими палеонтологическими изслідованіями къ принятію теоріи великаго аяглійскаго естествонспытателя, Броннъ иміль особенное вліяніе на Ковалевскаго въ смыслів привлеченія его въ число адептовъ новаго ученія. Броснвъ химію, Ковалевскій сділался зоологомъ и сразу сталь ревностнымъ поборникомъ дарвинняма.

Не удовлетвориясь, однавоже, общими мъстами, Ковалевскій, съ свойственнымъ ему свладомъ ума и характера, считалъ необходимымъ провести въ жизнь, облечь, такъ сказать, въ плоть и кровь, начала новой теоріи происхожденія видовъ. Въ этомъ отношенія сильное вліяніе оказала на него небольшая брошюрка нѣмецкаго ученаго, давно переселившагося въ Бразилію, — Фрица Мюллера, брошюра, вышедшая въ 1864 году и озаглавленная "Für Darwin". Сочиненіе это было, вскор'в посл'в его появленія, переведено на русскій явывъ ближайшимъ другомъ и сожителемъ Ковалевскаго, Ножинымъ. Въ ней основы ученія Дарвина прилагаются въ первый разъ въ исторіи развитія. На примірть ракообразныхъ, которыми Фрицъ Мюллеръ занимался долгое время, этотъ ученый повазываеть всю пользу, какую можно извлечь изт примъненія въ изученію ихъ принципа общаго происхожденія видовъ. При помощи личиночной стадіи развитія, найденной Мюллеромъ у нъкоторыхъ высшихъ ракообразныхъ-креветокъ (Penaeus), этоть ученый устанавливаеть генеалогическую связь между ними и самыми низшими представителями класса (циклопами и проч.).

Небольшая книжка Фрица Мюллера послужила исходной точкой множества работь по исторіи развитія низшихъ животныхъ, между которыми изследованія Ковалевскаго занимають первое мёсто.

Но, прежде чёмъ погрузиться въ глубь самостоятельной работы, необходимо было выполнить нёкоторыя формальныя требованія и пріобрёсти нужныя познанія по части спеціальной техники. Съ первой цёлью Ковалевскій возвращается въ Петербургъ, гдё въ 1862 г. выдерживаеть экзаменъ на кандидата естественныхъ наукъ. Въ качестве кандидатской диссертаціи онъ представляеть свое первое изследованіе объ анатоміи Idothea, одного изъ наиболее распространенныхъ представителей береговой фауны Финскаго залива. Работа эта была нёсколько позже (въ 1864 г.) напечатана въ сборникъ, изданномъ студентами с.-петербург-

Томъ VI.-Декаврь, 1902.

сваго университета. Въ ней Ковалевскій является уже точных, осторожнымъ и добросов'ястнымъ наблюдателемъ, но не дастъ еще никакихъ общихъ выводовъ.

Для самоусовершенствованія въ технивъ мивроскопических изследованій, Ковалевскій направляется въ Тюбингенъ, где пользуется руководствомъ еще вывъ живущаго профессора Дейзига. Имя последняго было очень извъстно въ конць пятидеситыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ. Лейвигъ отличался необывновенной тщательностью и прилежаніемъ. Въ теченіе короткаго времени онъ успель произвести огромное количество спеціальныхъ работъ, направленныхъ къ выясненію микроскопическаго строенія множества самыхъ разнообразныхъ представителей животнаго царства. Уже въ 1857 онъ напечаталь целый томъ гистологіи, преназобилующій массою фактовъ, но отличающійся столь же полнымъ отсутствіемъ общихъ идей. Не подлежитъ сомивнію, что Лейвигъ могъ преподать Ковалевскому правила научной, осмотрительной и точной работы, но не могъ сколько-инбудь повліять на него въ смыслё общаго теоретическаго образованія.

Въ этомъ отношенія А. О. скорве могь почерпнуть что-либо среди окружавшей его молодежи, усердно впитавшей основы новой теоріи видовъ и съ нетерпівніємъ жаждавшей примінить ихъ въ міру низшихъ животныхъ.

Подготовленный такимъ образомъ, всего более во время своего пребыванія въ Тюбингент, Ковалевскій составляеть себт обширный планъ самостоятельныхъ работъ, для выполненія которыхъ онъ стремится въ обътованную землю зоологовъ—въ Неаполь.

Ш.

Прежде чъмъ приступить въ выполнению своей задачи, Ковалевскому необходимо было вернуться въ Россію, для приведенія въ порядовъ своего матеріальнаго положенія. Средства его были очень ограниченны, и ему съ большимъ трудомъ и съ не-имовърными лишеніями приходилось бороться за свою страсть въ наукъ. Въ 1864 году онъ пріъхаль въ Петербургъ, гдъ брать его занимался изданіемъ переводныхъ сочиненій, главнымъ образомъ по естествознанію.

Вскоръ послъ того, лътомъ 1864 года, и миъ пришлось побывать въ Петербургъ. Вращаясь среди профессоровъ тамошняго университета, я впервые услышалъ о Ковалевскомъ, какъ о молодомъ зоологъ необыкновенно выдающемся и очень много объщающемъ. Я тогчасъ же отправился на его ввартиру. Открывшій мий дверь мальчикъ-слуга спросилъ, какого изъ Ковалевскихъ мий надо: того ли, который издаетъ книги, или же того, "который наслёдуетъ". Послёдняго уже не оказалось въ Петербургъ: незадолго передъ монмъ прійздомъ, онъ отправился въ Неаполь.

Осенью того же 1864 года, на съёздъ нёмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Гиссенъ прибыло нъсколько молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ недалеваго отгуда Гейдельберга. Въ числъ нхъ быль баронъ Стуартъ, сообщившій о томъ, что его друзья, Ковалевскій и Ножинъ, двятельно занимаются въ Италіи исторіей низшихъ животныхъ и что ими уже сдёлано нёсколько вапитальных отврытій въ этой области, способных пролить свъть на генеалогію животнаго міра. Самый этоть съёздь, происходившій подъ предсёдательствомъ Лейкарта, самаго выдающагося наъ воологовъ того времени, можетъ дать некоторое представленіе о настроеніи умовъ по вопросу о сравнительной исторін развитія организмовъ. Событіємъ на этомъ съёздё было появленіе молодого ученаго Вейсмава (сділавшагося впослідствін столь извъстнымъ, благодаря своимъ изследованіямъ о происхожденіи видовъ и особенно благодаря своей теоріи насл'ядственности), обратившаго на себя всеобщее внимание своей талантливостью. Онъ сделаль сообщение о своихъ изследованияхъ надъ исторіей развитія вомаровъ и мухъ; по отзыву всёхъ авторитетовъ, присутствовавшихъ на събедв, изследованія эти должны были быть признаны за влассическую работу, долженствующую лечь въ основание современныхъ представлений объ эмбриологии животныхъ.

Работа Вейсмана была выполнена необыкновенно тщательно и изложена очень подробно. Главный ея выводъ сводился къ тому, что насъкомыя развиваются по совершенно своеобразному типу и что немыслимо проводить какую бы то ни было параллель между эмбріологіей этихъ суставчатоногихъ и развитіемъ позвоночныхъ. Вейсманъ особенно налегъ на то, что образованія, которыя были ранте признаны у зародышей насъкомыхъ соотвътствующими зародышевымъ пластамъ высшихъ животныхъ, не имъютъ ничего общаго съ ними. Онъ описалъ ихъ какъ складки зачатка, исключительно свойственныя насъкомымъ и не представляющія никакой параллели ни съ зародышевыми пластами, ни съ какими-либо другими принадлежностями позвонючныхъ.

Выводы Вейсмана являлись такимъ образомъ новой опорой

мивнію, которое въ тв времена было общепринято, что каждив типъ животныхъ — поввоночныя, мягкотвлыя, суставчатоногія и проч. — представляєть особое, строго замвнутое цвлое, и что поэтому нвть никакой возможности проводить параллель между анатомическимъ устройствомъ и исторіей развитія представителей этихъ различныхъ типовъ.

Мивніе это было особенно развито Гегенбауромъ въ его учебнив сравнительной анатомін, а основаніемъ ему послужнив соображенія и работы Кювье начала девятнадцатаго столетія.

Въ лабораторіи Лейкарта, куда очень часто прівзжали нёмецкіе и иностранные ученые, обсуждалось много научных вопросовъ, между которыми на первомъ планё была теорія Дарвина, но о сравнительной эмбріологіи сколько-нибудь серьезно не упоминалось. Если и затрогивались вопросы по исторіи развитія животныхъ, то не иначе какъ ради какихъ-либо спеціальныхъ сторонъ. Въ то время, напр., особенно интересовалъ фактъ размноженія личинокъ нёкоторыхъ двукрылыхъ, открытый профессоромъ Н. Вагнеромъ въ Казани. Разработка этого замёчательнаго явленія производилась очень дёнтельно и была направлена къ тому, чтобы объяснить происхожденіе зародышей, находимыхъ въ тёлё личинокъ.

И вотъ, среди такого положенія вещей, въ лабораторія Лейкарта было получено мною, весною 1865 года, длинное письмо
отъ А. О. Ковалевскаго, въ которомъ онъ въ сжатой формѣ перечисляетъ цёлый рядъ открытій, сдёланныхъ имъ въ Неаполѣ.
Большинство ихъ относилось въ исторіи развитія низшихъ животныхъ, и на первомъ планѣ стоялъ фактъ, что у ланцетника,
Атріюхия, изъ янцъ вылупляются личинки, покрытыя рѣсниками и съ виду болѣе всего похожія на личинокъ столь низшихъ животныхъ, какъ медузы, морскія звѣзды и проч. Я тотчасъ же сообщилъ это изумительное и неожиданное откритіе
Лейкарту, который сразу оцѣнилъ все его вначеніе. Обстоятельпое содержаніе письма и точность изложенія не оставляли ни
малѣйшаго сомнѣнія въ истинности всего, что сообщалъ Ковалевскій.

Въ то время я еще лично не былъ знавомъ съ А. О., но нъсколько мъсяцевъ спустя, лътомъ 1865 года, баронъ Стуартъ и я, мы отправились въ Неаполь. На одной изъ пригороднихъ станцій этого города насъ встрътилъ Ковалевскій. Небольшого роста, но съ большой врасивой головой, казавшейся еще большей вслъдствіе огромной русой овладистой бороды, Ковалевскій всего болье поражалъ своими свътлыми, привътливыми и замъ-

以外衛軍一方とより、京都大田大大家の大はして、より

чательно добрыми глазами. Мы, тотчась после перваго знакомства, разговорились о наших работахъ и всё вмёстё втроемъ поёхали, на Санта-Лючія, гдё жилъ А. О., и гдё мы съ барономъ Стуартомъ поселились рядомъ съ нимъ.

Въ Неаполъ я могъ не только воочю убъдиться въ истинности и важности открытія личиновъ ланцетника, но въ то же время оцъниль возвышенный характеръ и научный складъ Ковалевскаго. Болъ всего поражали его энергія и настойчивость. Съ ранняго утра онъ отправлялся на экскурсію въ море, въ сопровожденіи рыбака Джіованни, получившаго большую извъстность среди воологовъ, посъщавшихъ Неаполь. Послъ тщательной переборки собраннаго матеріала, А. О. принимался за ивслъдованіе его, прерывавшееся только кратковременнымъ отдыхомъ во время объда въ маленькомъ грязномъ ресторанъ "Del'Harmonia".

Для того, чтобы закончить рядъ столь блестяще начатыхъ работъ, А. О. необходимо было прожить еще нёсколько мёсяцевъ въ Неаполё; но такъ какъ матеріальныя средства его были крайне ограниченны, то ему приходилось дёлать всевозможныя уловки и натяжки. Онъ долженъ былъ въ это время продать даже нёсколько рубахъ, чтобы достать ничтожную сумму денегъ, безъ которой онъ не могъ обойтись.

Онъ не щадиль ни средствъ, ни времени, ни здоровья. Ланцетниви въ Неаполъ находились въ тъ времена съ большимъ трудомъ. Онъ переплачивалъ Джіованни, для того чтобы добыть ихъ въ достаточномъ количествъ, и сосредоточивалъ всъ свои усилія, чтобы заставить ихъ положить ивру. Долгое время это ему не удавалось. Ланцетниви, переполненные яйцами и съменными телами, по несвольку дней живали въ его банкахъ. Обезпокоенные, они быстрыми движеніями всплывали, чтобы затімь вакъ можно сворбе снова зарыться въ несокъ, выставляя оттуда лвшь свою головную часть тёла. Но изъ всего этого ничего не выходило, и ланцетники, выведенные изъ нормальной обстановки, отвавывались метать вкру. Навонецъ, однажды уже ночью, Ковалевскому удалось найти нівсколько оплодотворенных явчекь въ одной изъ бановъ. Опъ не засыпалъ всю ночь, и тутъ-то ему представилась изумительная вартина. Яйцо, раздёлившись на цълый рядъ сегментовъ, превратилось въ пувырекъ, одна половина котораго углубилась въ другую. Вскоръ поверхность зародыша стала покрываться мерцательными волосками. Овальный зародышъ завружился внутри яйцевой оболочки и, прорвавъ по-Савднюю, выпашль въ видь личинки.

Ланцетникъ въ прежнія времена считался рыбой и прирав-

нивался сворве всего въ миногамъ, съ личинками воторых овъ имъетъ нъкоторое наружное сходство. Но по своей организаців ланцетникъ еще гораздо ниже миноги, хотя это ему не мъщаетъ обладать всъми основными признаками нозвоночнаго животнаго.

Теорія типовъ Кювье, о господствъ воторой въ шествдесятых годахъ прошлаго стольтія было уже свазано выше, не допускала и мысли о связи позвоночныхъ съ какою-либо изъ нынъ существующихъ группъ животнаго царства. И вотъ, Ковалевскій открываеть личинку ланцетника, которая представляеть несравненно большее сходство съ личинками низшихъ безпозвоночныхъ, чъмъ съ зародышами миноги или какого бы то ни было позвоночнаго вообще.

Ковалевскій, разум'вется, не остановился на отврытіи личинки ланцетника. Несмотря на всі препитствія, онъ раздобыль достаточное количество матеріала и разработаль исторію развитія этого животнаго съ тщательностью и полнотою, лучше которой ничего нельзя было и желать. Не торопясь возв'ящать ученому міру о сдёланномъ имъ важномъ открытіи, онъ сталъ шагь за шагомъ расширять его. Тутъ онъ увид'яль, что кишечный каналь ланцетника развивается посредствомъ углубленія зачатка, в что такимъ образомъ зародышъ распадается на два пласта: наружный — кожный, и внутренній — кишечный. Онъ просл'ёдніъ образованіе нервной системы изъ кожнаго пласта и сдёлаль еще рядъ другихъ цённыхъ наблюденій.

Не удовольствовавшись исторіей развитія ланцетника, Ковалевскій, въ томъ же 1865 году, собралъ еще множество нитересныхъ фактовъ, относящихся какъ къ анатомін низшихъ животныхъ (анатомія загадочнаго животнаго—Balanoglossus), такъ и къ ихъ исторіи развитія (эмбріологія гребневиковъ, голотурій). Собравъ весь этотъ матеріалъ, Ковалевскій въ концѣ лѣта покинулъ Неаполь и направился въ Петербургъ, гдѣ ему нужно было подумать о своей служебной карьерѣ. Тамъ онъ выдержалъ экзаменъ на магистра воологіи и ващитилъ свою знаменитую диссертацію "объ исторіи развитія Amphioxus".

Получивъ степень магистра, А. О. уже могъ искать мъста штатнаго доцента при какомъ-либо университеть, но его ненаситная жажда научныхъ изслъдованій отвлекла его отъ этого. Собравъ вое какія средства, онъ въ 1866 году снева ъдеть въ Неаполь. Ему было недостаточно открытія, что позвоночныя и безпозвоночныя связаны неразрывнымъ звеномъ въ видъ блуждающей посредствомъ ръсничекъ личинки ланцетника. Ему хотълось ближе опредълить, съ какой именно группой безпозво-

ночных находится въ ближайшемъ родстве эта поразительная личинка.

Съ свойственной ему энергіей и настойчивостью Ковалевскій разрабатываеть исторію развитія цёлаго ряда низшихъ животныхъ, причемъ ему удается отврыть кое-вакія родственныя черты съ ланцетнивомъ. Но это его не удовлетворяетъ. Подмътивъ, что прозрачные зародыши асцидій (оригинальныхъ морсвихъ животныхъ, привръпленныхъ въ подводнымъ предметамъ и съ виду ничуть не похожихъ ни на какое позвоночное) представляють стадін, напоминающія зародышей ланцетника, Ковалевскій ділаеть усилія для того, чтобы изслідовать подробно эту тему. Но подходящій для этого видъ асцидій (Phallusia mammilata) довольно редокъ въ Неаполе. Тогда онъ переевжаеть на островъ Искію, гдъ вступаеть въ сношенія съ мъстными рыбавами и добываеть нужное ему животное въ большомъ количествъ и въ достаточно свъжемъ видъ. Тотчасъ же онъ устроиваетъ свою маленькую подвижную лабораторію (онъ и въ Неапол'в работаль въ своей-единственной-комнать) и засаживается за эмбріологію асцидій. Работа эта даеть ему тоть необывновенно важный результать, что нервная система аспилій развивается въ видъ трубки вожнаго пласта по способу, очень сходному съ твиъ, который быль отврыть имъ у ланцетнива. Шагъ за шагомъ Ковалевскій сравниваеть развитіе последняго съ асцидіями и уподобляеть ихъ плавающую личинку позвоночному животному съ примитивной спинной струной, нервной трубкой и жабернымъ мъшкомъ.

Изучая развитіе нівоторых представителей из группт асцидій, мий сначала казалось, что наблюденные мною факты не вяжутся съ выводами Ковалевскаго. Но потомъ я самъ и многіе другіе естествоиспытатели вполий подтвердили точность данныхъ, добытыхъ А. О.

Въ концъ 1866 года Ковалевскій возвращается въ Петербургъ съ новой научной добычей, въ которой на первый планъ должна быть поставлена его работа о развитіи асцидій. Ему нужно было получить степень доктора зоологіи, для чего не требовалось экзамена, а следовало лишь представить диссертацію. Темой для последней А. О. избралъ "Анатомію и исторію развитія Phoronis", низшаго животнаго изъ отдела червей, о которомъ ранее имелись лишь очень неопределенныя данныя. Ковалевскому удалось проследить развитіе изъ янцъ Phoronis маменьнихъ, свободно плавающихъ личнюкъ, совершенно похожихъ на раннія стадіи существа, открытаго знаменитымъ Іоганномъ Мюллеромъ еще въ сорововыхъ годахъ прошлаго столътів и обозначеннаго имъ подъ названіемъ Actinstrocha. М'ясто последняго въ системъ животнаго царства вполнъ опредълялось лишь благодаря изследованіямъ Ковалевскаго.

Въ этой докторской диссертаціи, которую онъ защитиль зимою 1867 года, Ковалевскій затронуль еще нізсколько вопросовъ общей эмбріологіи, не різшаясь, однакоже, еще подводить скольконибудь опреділенные общіе итоги.

Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ, трехъ лётъ Ковалевскій обогатилъ науку множествомъ ценныхъ вкладовъ. Пора было ему послѣ этого осмотръться и позаботиться о своей участи. Получивъ степень магистра, А. О. сдёлался привать-доцентомъ вослогіи петербургскаго университета и началъ читать левціи по нъкоторымъ спеціальнымъ отдъламъ. Но преподавательская дъятельность не удовлетворяла его. Къ ней онъ чувствовалъ гораздо менъе призванія, чэмъ къ самостоятельной разработкъ чистонаучныхъ вопросовъ. Пользуясь тёмъ, что обязанности приватьдоцента оставляли ему много свободнаго времени, онъ старался своль возможно более увзжать изъ Петербурга и работать на берегу моря. Но, сдълавшись докторомъ, А. О. получилъ право на мъсто профессора. Въ петербургскомъ университетъ въ то время кафедра зоологіи была заміщена уже двумя ординарными профессорами: К. Ф. Кесслеромъ, преподававшимъ зоологію и сравнительную анатомію, и Ф. В. Овсянниковымъ, преподававшимъ физіологію. Свободнаго штатнаго мъста не было; о совданіи новой профессуры нельзя было и помышлять при тогдашнихъ условіяхъ. Вотъ почему А. О. согласился на предложеніе, сдъланное ему со стороны казанскаго университета, и приналъ должность экстраординарнаго профессора въ 1867 г. Комбинація эта пришлась тымь болые по сердцу А.О., что, передъ прибытіемъ въ мъсту своего новаго служенія, онъ получиль возможность снова на нъсколько мъсяцевъ отправиться за границу, для работъ на берегу моря. Въ конце 1867 года онъ убхаль въ Неаполь, но не одинъ, какъ прежде, а въ сообществъ молодой жены, Татьяны Кирилловны, урожденной Семеновой. Съ этихъ поръ жизнь его, ранбе того посвященная исключительно наукв, раздъляется между научной работой и привазанностью въ семьй. Последняя, однако, никогда не мешала его занятимъ: Татьяна Кирилловна поняла значеніе научныхъ интересовъ для мужа в съ полной преданностью и самозабвеніемъ всю свою живнь сообразовалась съ ними. Въ этомъ же направлении воспитала она и дътей своихъ.

Въ Неаполъ на этотъ разъ А. О. оставался недолго. Работа прежнихъ лътъ уже собрала, такъ сказать, сливки съ неаполитанскаго зоологическаго матеріала, и Ковалевскій съ женою и новорожденной дочерью перевзжаеть въ Мессину. Здъсь А. О. принимается за изученіе плавающихъ на поверхности моря животныхъ, столь многочисленныхъ въ Мессинскомъ проливъ. Между ними онъ останавливается особенно долго на своеобразномъ низшемъ животномъ, извъстномъ подъ названіемъ сагитты. Когда-то была сдълана попытка (Мейснеромъ) причислить сагитту къ низшимъ позвоночнымъ, и потому со стороны А. О. было совершенно естественно спросить себя, нельзя ли и въ ней найти звено, объединяющее двъ основныя группы животнаго царства? Подробное изслъдованіе исторіи развитія сагитты дало ему отрицательный отвътъ на этотъ вопросъ, но въ то же время позволило Ковалевскому установить нъсколько интересныхъ новыхъ фактовъ.

Любящій мужъ и отецъ, А. О. старался однавоже сколь возможно болье отдавать свое время научной работь. Но тымъ не менье семейныя обязанности иногда по необходимости отвлекали его. Новорожденную дочь, Ольгу, нужно было крестить. Для этого быль приглашень священникъ греческой церкви въ Мессинъ. Я держаль дитя въ качествъ крестнаго отца. Ковалевскій же быль особенно озабочень тымъ, какъ бы остатки восковыхъ свъчей, употребленныхъ во время церемоніи, не были потеряны, а послужили бы матеріаломъ для заливанія препаратовъ, которые въ тъ времена заключались въ смъсь воска съ оливковымъ масломъ. Этотъ техническій пріемъ А. О. заимствовалъ у Штриккера въ Вънъ, къ которому онъ тадилъ нарочно для того, чтобы изучить наилучшую методу техники разръзовъ, съ цълью примънить ее къ эмбріологическимъ изслъдованіямъ.

Изъ Мессины Ковалевскій убхаль на невоторое время въ Неаполь, а оттуда онъ направился къ мёсту своего служенія— въ Казань. Туть онъ тотчась же принимается за работу. За неимёніемъ морскихъ животныхъ, онъ изучаетъ фауну большого озера Кабанъ и находить въ немъ нёсколько кольчатыхъ червей, надъ которыми предпринимаеть рядъ интереснёйшихъ эмбріологическихъ изслёдованій. Въ то же время онъ принимается за разработку исторіи развитія водолюба, и, при помощи техники разрёзовъ, которою онъ такъ хорошо владёлъ, онъ открываеть подробности первыхъ стадій образованія органовъ. Въ мемуарахъ с.-петербургской академін 1870 года А. О. печатаетъ

большую работу подъ заглавіемъ: "Embryologische Studien an Würmern und Arthropoden", въ воторой онъ соединиль результаты своихъ мессинскихъ и вазансвихъ изследованій. Въ этопъ сочиненіи Ковалевскій подробно описываетъ зародышевые пласти у множества безпозвоночныхъ животныхъ и устанавливаетъ рядъновыхъ фактовъ относительно первыхъ стадій развитія червей и суставчатоногихъ. Уже и всколько ранве, ученіе Вейсмана объ отсутствіи этихъ пластовъ у безпозвоночныхъ было овончательно опровергнуто, но твить не менве новыя и точныя данныя, добытыя А. О., содъйствуютъ во многомъ укрвиленію новыхъ взглядовъ въ наукъ. Не подлежить ни мальйшему сомнёнію, что и эта монографія Ковалевскаго внесла основательный и прочный вкладъ въ сравнительную эмбріологію.

Всѣ свои мемуары Ковалевскій излагаль строго научным образомь, но придаваль имъ часто довольно сухую внѣшаюю форму. Онъ долго останавливался на описаніи фактовь; часто съ большими подробностями описываль рисунки, приложенние къ тексту; но общіе выводы излагаль очень, иногда даже черезчурь кратко. Вслѣдствіе этого сочиненія его не всегда легю усвоивались, и нѣкоторыя изъ нихъ не обращали на себя достаточнаго вниманія. Всѣмъ, конечно, были извѣстны самые главные результаты, но этого было мало, такъ какъ въ нихъ заключалась масса самаго цѣннаго матеріала.

Изъ нъмециихъ ученыхъ Клейненбергъ первый оцъниль по достоинству работы Ковалевского, что онъ и высказалъ въ своей замъчательной монографіи гидры. Клейненбергь быль въ то время (въ началъ семидесятыхъ годовъ) ассистентомъ у профессора Геввеля въ Іенъ. Вниманіе послъдняго было такимъ образомъ обращено на мемуары Ковалевскаго. Геккель принялся усердно ихъ штудировать и долго бесёдоваль по поводу ихъ съ своими ассистентами. Видя это, Клейненбергъ сейчасъ же сообразня, что такое усердіе его принципала должно повлечь за собою кавія-нибудь особенныя последствія. "Вы увидите, -- говориль онь своимъ товарищамъ, -- что Геквель, воторый теперь только начинаеть понимать Ковалевскаго, не преминеть воспользоваться имъ для какого-нибудь громкаго подвига". Клейненбергъ не ошибся. Вскоръ послъ того, въ 1872 году, Геккель высказаль свою "теорію гастрэа", воторая долгое время занимала умп зоологовъ и несомивно служила возбудителемъ множества новыхъ спеціальныхъ изследованій.

Такъ какъ я въ правъ предположить, что не всъ мон чита-

тели достаточно знавомы съ этой теоріей, то считаю нелишнимъ свазать о ней несколько словъ.

По теорін Геккеля, всё многоклёточныя животныя (Metazoa) произошли отъ общаго прародителя, который представлялся въ видъ плавающаго посредствомъ ръсничекъ двойного мъшка. Наружный слой послёдняго служиль для защиты и для воспріятів вавшнихъ впечатлъній, а внутренній слой исполняль роль органа пищеваренія. Этотъ первобытный вишечный каналь имбиь форму большого слёпого ившва съ единственнымъ отверстіемъ, которое служило какъ для принятія пищи, такъ и для прохожденія непереваренных остатковъ ся. Это гипотетическое первобытное существо было названо Геввелемъ: "гастрва". Оно было мысленно возсоздано имъ на основаніи фактовъ, добытыхъ главнымъ образомъ Ковалевскимъ, и состоящихъ преимущественно въ томъ, что какъ у ланцетника, такъ равно и у множества безпозвоночныхъ, въ теченіе вародышеваго развитія, наблюдается переходная стадія, когда зародышъ представляется именно въ видъ двойного мъшка съ однимъ наружнымъ отверстіемъ. Эту стадію развитія Гевкель назвалъ "гаструла" и призналъ ее за сохранившуюся доные страницу изъ генеалогія многоклеточныхъ животныхъ, за остатокъ когда-то жившей гастрэа. Впоследстви Генвель описаль ныев существующихъ животныхъ, по органивацін вполн'в соотв'ятствующих в гастрав. Но оть этихъ такъ называемых гастроадъ въ наукъ ничего не осталось. Принятіе ихъ Геккелемъ было основано на ошибев. Теорія же гастрэа имъла послъдствіемъ то, что многочисленные молодые ученые принялись усердно за разработку исторіи развитія всевозможныхъ животныхъ, причемъ имъ во множествъ случаевъ удалось найти переходную зародышевую стадію — гаструла. Вследствіе этого казалось, что теорія Геккеля дійствительно оправдывается всей суммой наличных фактовъ.

Многіе ученые даже спрашивали, почему же Ковалевскій самь, —такь какь именно онь доставиль главный фактическій матеріаль для теоріи Геккеля, —не додумался до этого обобщенія? Этоть вопрось быль, между прочимь, выдвинуть проф. Заленскимь его прекрасной річн о Коваленскомь, произнесенной напрошлогоднемь съйзді естествонспытателей въ Петербургів.

Мив кажется, что я въ состояни ответить на этотъ вопросъ. Съ самаго начала научной деятельности Ковалевскаго, съ 1865 года вплоть до его преждевременной кончины, я находился въсмыхъ близкихъ отношенияхъ съ нимъ. Мы часто и подолгу възвали другъ у друга и посвящали много времени на обсужде-

ніе научныхъ вопросовъ. Къ тому же Ковалевскій въ этомъ отношенін не быль скрытенъ: онъ охотно дёлился своими мислями съ товарищами по наукъ и любилъ подвергать ихъ строгой критикъ. Въ немъ не было и слъда нетерпимости, столь неръдкой у нашей братіи.

Совершенно естественно, что, открывъ у ланцетника стадія развитія, которыя почти буквально повторяли то, что ранте было замтично Агасси у зародышей морскихъ звтадъ, Ковалевскому пришла мысль о всеобщемъ значеніи такихъ фазъ. Онъ самъ тотчасъ же убталься въ справедливости наблюденій американскаго зоолога и сталъ искать соотвттствующихъ стадій у множества другихъ животныхъ. Ковалевскій, столь сильно и страстно увлекавшійся наукой, вообще былъ очень остороженъ въ своихъ выводахъ и подвергалъ ихъ самой строгой критикъ, отличансь и въ этомъ отношеніи отъ большинства своихъ сотоварищей по наукъ вообще, а отъ Геккеля въ особенности.

Несмотря на свои несравненныя качества какт точнаго наблюдателя, Ковалевскому, однакоже, такт сильно котелось подвести главныя фазы развитія подт общій законт, что и онт одно время не уберегся отт увлеченія. Изследуя исторію развитія низшихт безпозвоночныхт, ему казалось, что образованіе вишечпаго канала посредствомт углубленія зародышеваго пузыря (бластодермы) составляетт действительно всеобщій фактт. Онт думалт найти его и у сифонофорт. Равнымт образомт обстоятельство, что единственное отверстіе зародышеваго пищеварительнаго канала у ланцетника и у морскихт звёздт не есть ротт, показалось ему также признакомт, общимт всёмт многоклеточнымт животнымт. Вотт почему, вт своей докторской диссертаціи, онт высказался за то, что первоначальное отверстіе кишетнаго мёшка у личники Phoronis соотвётствуетт тому, чрезткоторое выбрасываются негодные остатки пищи.

Но такой ученый, вакъ Ковалевскій, не могь долго оставаться въ заблужденіи. Вскор'й онъ уб'йдился какъ въ томъ, что у н'йкоторыхъ низшихъ безпозвоночныхъ (гидрополиповъ и др.) вишечный каналъ появляется не всл'йдствіе углублевія бластодермы, такъ равно и въ томъ, что первоначальное отверстіе у личини Phoronis соотв'йтствуетъ ротовому. Этого было достаточно для того, чтобы удержать Ковалевскаго отъ изляшнихъ обобщеній и чтобы пом'йшать ему высказать теорію, подобную Геккелевской теоріи гастрэа.

Генкель, наобороть, не работая самостоятельно надъ исторіей развитія животныхъ, не углублялся въ истиниую сущность

фактовъ, а, порхая по вершкамъ, легко могъ обходить и даже игнорировать препятствія, которыя останавливали Ковалевскаго. Воть почему А. О. относился всегда очень сдержанно въ теоріи гастрэа. Масса новыхъ фактовъ, накоплявшихся въ естественной исторіи низшихъ организмовъ, убъждала все болве и болве въ томъ, что первобытныя животныя не могли быть построены по типу двойного м'яшка съ однимъ отверстіемъ и большой пищеварительной полостью. Наоборогь, они должны были являться въ видъ существъ, наполненныхъ сплошь пищеварительными влётками. Полость, въ которой совершалось внёклёточное пищевареніе, должна была развиться лишь болбе поздно, какъ спеціальное приспособленіе. Съ этимъ представленіемъ легко мирился какъ фактъ, что многія низшія безпозвоночныя вовсе не проходять стадін гаструла, такъ равно и несоотв'ятствіе между гаструлой различныхъ животныхъ, вавъ, напр., ланцетника и Phoronis.

То обстоятельство, что Ковалевскій не формулироваль самолично теоріи, подобной теоріи гастрэа, доказываеть только, что онъ, какъ ученый, быль неизмъримо выше Геккеля. Объ этомъ еще легче будеть судить будущимъ покольніямъ ученыхъ, которые увидять, какъ много осталось отъ Ковалевскаго, и какъ мало, напротивъ, прочныхъ слъдовъ оставить Геккель.

IV.

Въ предъидущей главъ мы обозръли первый и несомнънно самый блестящій періодъ дъятельности Ковалевскаго. Онъ сводится къ открытію массы первостепенной важности фактовъ по сравнительной эмбріологіи и къ укръпленію въ томъ, что животные типы не составляютъ строго обособленныхъ группъ, а могутъ быть связываемы при помощи общихъ чертъ развитія.

Этотъ періодъ заканчивается изследованіями, произведенными А. О. во время его пребыванія въ Казани. Но на этомъ отдаленномъ русскомъ востоке онъ оставался недолго. Уже въ 1869 году онъ переходить въ кіевскій университеть, которому было лестно иметь въ своей среде такого первокласснаго и знаменитаго ученаго. Переходомъ этимъ Ковалевскій пользуется опять для того, чтобы снова поработать на морскомъ берегу. Онъ открываетъ крайне поразительный фактъ. У оригинальнаго червя Bonellia до него не были извёстны самцы, и Ковалевскій находить ихъ въ видё маленькихъ существъ, живущихъ въ ка-

чествъ паразитовъ въ тълъ самовъ. Ковалевскій обставляеть это парадовсальное отврытіе такими доводами, что сомвъваться въ немъ не оказывается никакой возможности, и оно сразу становится общимъ достояніемъ науки.

Не удовдетворяясь рессурсами Адріатическаго и Средизеннаго морей, фауну которыхъ Ковалевскій уже узналь въ совершенстві, онъ предпринимаєть длинное и трудное путешествіє къ берегамъ Краснаго моря. Вмісті съ женой, никогда не покидавшей его въ его многочисленныхъ странствованіяхъ за научной добычей, и крошечной, незадолго передъ тімъ родившейся—второй дочерью, А. О. пробирается на верблюдахъ въ арабское містечко Эль-Торъ.

Ковалевскій для работы не нуждался въ великольпной обстановив зоологическихъ станцій, изъ которыхъ самая лучшая— неаполитанская—возникла въ значительной степени именно благодаря блестящимъ работамъ Ковалевскаго, произведеннымъ въ Неаполитанскомъ заливъ. Прівхавъ въ какое-нибудь мъсто, А. О. тотчасъ же раскладывалъ микроскопъ и все необходимое для работы, вступалъ въ сношеніе съ рыбаками и моряками и, спустя очень короткое время, вполив оріентировался при новыхъ условіяхъ.

Надежды Ковалевскаго найти въ Красномъ морѣ особеню богатый новый матеріалъ оправдались лишь отчасти. Ему удалось открыть оригинальное новое животное, относящееся въ гребневикамъ (Ctenophora), и въ то же время родственное съ морскими планаріями, животное, названное имъ Coeloplana. Кромѣ того, онъ сталъ собирать матеріалъ по исторіи развитія и анатоміи цѣлаго ряда интересныхъ безпозвоночныхъ.

Благодаря главнымъ образомъ его же трудамъ, эмбріологія безпозвоночныхъ стала приходить все въ болѣе и болѣе стройный порядовъ. Оставалось лишь очень немного группъ, относительно которыхъ наука не имѣла сколько-нибудь опредѣленныхъ данныхъ. Къ ихъ числу относились такъ называемыя плеченогія (Brachiopoda), оригинальныя, поврытыя двустворчатой раковиной животныя, принимавшіяся за ближайшихъ родичей настоящяхъ мягкотѣлыхъ. Пробѣлъ этотъ зависѣлъ отъ того, что плеченогія живутъ въ морѣ на значительной глубинѣ и могутъ быть добиваемы съ большимъ трудомъ. Ихъ доставляють ловцы коралловъ, которые съ своихъ продолжительныхъ странствованій привозать лишь одиночные, мало живущіе эвземпляры.

Съ твердымъ нам'вреніемъ освітить исторію развитія плеченогихъ, Ковалевскій въ 1873 году отправляется къ берегамъ

Алжиріи и, не удовлетворяясь плохимъ матеріаломъ, который ему доставляли коральеры, онъ отправляется съ ними на ихъ баркахъ, проводитъ по нёскольку дней на морѣ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и, въ концё концовъ, добивается желаннаго результата. Онъ открываетъ интереснёйщіе факты изъ эмбріологіи плеченогихъ и показываетъ, что личинки ихъ стоятъ гораздо ближе въ нольчатымъ червямъ, нежели къ молноскамъ. Изслёдованіе это и до сихъ поръ остается наилучшимъ въ этой области. Несмотря на всё удобства, которыми въ настоящее время обставлены научныя изслёдованія, еще никому не удалось уйти впередъ послё работы Ковалевскаго.

Пребываніе А. О. въ Кіевъ не было лишь продолженіемъ тріумфальнаго въвзда въ университеть св. Владиніра. На богатую воллевцію, привезенную имъ изъ Краснаго моря, ножелали наложить руку лица, въ воторымъ А. О. не питалъ достаточнаго довърія. Это послужило поводомъ въ непріятностямъ, которыя сильно возросли еще оттого, что Ковалевскій открыто порицалъ систему выбора профессоровъ по уставу 1863 года. Онъ нажодиль гораздо более целесообразнымь, чтобы каседры замещались не факультетскими и совътскими собраніями, а коммиссіей изъ соотвітствующихъ профессоровъ другихъ университетовъ. Напримъръ, если гдъ-нибудь освобождалась каоедра воологін, то кандидать на нее должень быть избрань не остальными профессорами того же университета, не имвющими должной компетенців, а профессорами зоологіи другихъ университетовъ, вакъ единственными компетентными судьями. Такая ересь доставила Ковалевскому не мало враговъ въ віевскомъ университетъ. Крайне впечатлительный, застынчивый и вовсе несклонный къ университетскимъ распрямъ и интригамъ, А. О. сталъ чувствовать себя въ Кіевъ очень не по себъ, что и подало поводъ въ его переходу въ одесскій университеть.

Благодаря содъйствію тогдашняго министра народнаго просъбщенія, графа Д. А. Толстого, въ одессвомъ университеть оказалась возможность учредить въ 1874 г. новую ординатуру при каседръ зоологіи. Несмотря на оппозицію со стороны нъкоторыхъ коллегь, которые боялись, чтобы переходъ Ковалевскаго въ Одессу не повелъ къ тому, "что каждый годъ то Ковалевскаго въ Одессу не повелъ къ тому, "что каждый годъ то Ковалевскій, то Мечниковъ, будуть проситься за границу", намъ удалось извлечь А. О. изъ Кіева и устроить его въ Одессъ. Вскоръ онъ освоился съ новой жизнью, и послъ кіевскихъ передрягъ жизнь въ Одессъ, среди преданныхъ ему друзей, показалась ему настолько пріятной, что онъ купиль себъ домъ съ

садомъ на Молдаванкъ и поселился въ немъ со всей семьей, состоящей изъ двухъ дочерей и сына. Въ Одессъ А. О. прожилъ 16 лътъ и покинулъ ее только потому, что въ 1890 г. онъ былъ избранъ на болъе подходищее для такого ученаго, какъ онъ, мъсто члена академіи наукъ въ Петербургъ.

На Одессу выпаль, такимъ образомъ, самый длинный періодъ научной діятельности Ковалевскаго. Основныя данныя сравнительной эмбріологіи были добыты еще до его перехода на югь. Теперь подлежало разобраться въ этой новой отрасли знапія в подвести по возможности общіе итоги. Теоріей Геккеля, какъмы уже виділи, Ковалевскій увлечься не могъ: слишкомъ было ясно, что явленія развитія гораздо боліве запутаны и сложни, чімъ это предполагаль іенскій зоологь. Необходимо было найта какую-нибудь точку опоры, для того, чтобы въ явленіяхъ эмбріональнаго развитія отділить первобытныя черты отъ вторичнихъ наслоеній и отмітить все то, что можеть разъяснить истинную генеалогію животныхъ. Ковалевскій и раньше имізль случай сравнивать у одного и того же животнаго процессы, происходящіе при развитіи зародыша изъ яйца, съ тіми, которые совершаются при почкованіи.

Вначалѣ своего одесскаго періода Ковалевскій особенно усердно принялся за изученіе процессовъ почкованія. Съ этой цѣлью онъ остановился съ особенной тщательностью на Ругозоша, ради чего и отправился въ Средиземному морю, во французскую Виллафранка. Онъ, разумѣется, открылъ при этомъ много повыхъ и интересныхъ фактовъ, но, съ общей точки врѣнія, результаты были сворѣе неутѣшительны, на томъ основаніи, что сравненіе развитія изъ яйца и изъ почки не давало возможности разобраться въ сложной смѣси первичныхъ явленій съ вторичными. Оказалось, что даже пониманіе зародышевыхъ пластовъ затемнялось обиліемъ второстепенныхъ наслоеній. Одинъ и тотъ же органъ одного и того же животнаго могъ обнаруживать различное происхожденіе, смотря по тому, развивался ли онъ изъ яйца, или изъ почки.

Въ сравнительной эмбріологіи, послѣ столь блестящаго періода ея возникновенія, наступилъ несомнѣнный кризисъ. Молодое поколѣніе ученыхъ старалось выйти изъ него, направивь все вниманіе на явленія оплодотворенія, изученіе котораго удалось значительно подвинуть впередъ, благодаря усовершенствованной техникѣ, а также введенію опытнаго метода. Можно было не только прослѣдить проникновеніе сѣмянного тѣла въ яйцевую клѣтку, но и изучить въ подробностяхъ процессы, совершаю-

щіеся при созрѣваніи яйца и слѣдующіе за вхожденіемъ сѣменныхъ тѣлъ. Эти изслѣдованія дали поводъ въ новымъ теоріямъ наслѣдственности, но Ковалевскій, несмотря на весь интересъ въ новымъ пріобрѣтеніямъ науки, самъ не пошелъ по этому пути.

Свою неутомимую жажду самостоятельной разработии научныхъ вопросовъ онъ пытался утолить на другомъ полъ. Посвятивь столько лътъ на изучене исторіи развитія зародыща изъ яйца и изъ почки, онъ перешель въ Одессъ къ изследованію процессовъ, происходищихъ во время превращенія насъкомыхъ. Онъ избралъ одну изъ обыкновенныхъ мухъ и разработалъ исторію ея метаморфозы съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Онъ шагъ за шагомъ проследилъ исчезновеніе личиночныхъ органовъ, причемъ онъ показалъ, что главнейшіе изъ нихъ, какъ, напр., мускулы и слюнныя железы, исчезають, потому что поёдаются и перевариваются блуждающими клётками личинки. Эти клётки, столь прожорливыя по отношенію къ нёкоторымъ тканямъ, становятся, однакоже, безсильными, чтобы поёсть молодыя нарождающіяся ткани, которыя успёвають развиться въ новые органы взрослой мухи.

Эти результаты изследованій Ковалевскаго были несколько разъ оспариваемы некоторыми молодыми наблюдателями, но безъмалейшаго успеха. Данныя, добытыя Ковалевскимъ и по этому вопросу, остались прочнымъ и ценнымъ вкладомъ въ науку.

Неожиданные и быстрые успъхи морфологическаго ивученія животныхъ привели, однакоже, въ концъ концовь, къ такому выводу, что для сужденія о значеніи явленій развитія и организаціи необходимо имъть ясное представленіе о фивіологическомъ отправленіи органовъ и тканей. Въ одномъ и томъ же зародышъ могуть быть соединены уже не функціонирующіе остатки первобытныхъ органовъ съ еще не совершающими никакого отправленія зачатками, и, притомъ, рядомъ съ органами и тканями, исполняющими опредъленную физіологическую роль. Не ограничиваясь однимъ лишь наблюденіемъ, необходимо было еще ввести въ сравнительную зоологію экспериментальную методу. Другими словами, нужно было приняться за сравнительную физіологію нившихъ организмовъ. Ковалевскій быстро освоился съ этой необходимостью, и съ неменьшей, чъмъ прежде, энергіей принялся за изученіе дъятельности нъкоторыхъ мало изученныхъ органовъ.

Изученіе превращенія мухъ дало Ковалевскому случай лично убъдиться въ важномъ значеніи явленія, названнаго фагоцитозомъ и состоящаго въ поглощеніи нёкоторыми клётками орга-

Digitized by Google

низма различныхъ твердыхъ веществъ. Во время исчезновенія личиночныхъ органовъ у мухъ, многія ткани становятся жертвою фагоцитоза. При помощи того же явленія различныя постороннія тёла, не исключая и вредоносныхъ паразитовъ, могутъ быть истребляемы подвижными клётками. Съ цёлью выяснить это явленіе, Ковалевскій занялся ивученіемъ фагоцитоза у различныхъ безпозвоночныхъ, и вскорт открылъ цёлый рядъ такихъ фагоцитарныхъ органовъ, которые можно поставить въ параллель съ селевенкою и лимфатическими железами человтка и высшихъ животныхъ. Здёсь нётъ надобности входить въ подробности, и достаточно упомянуть, что онъ опытнымъ путемъ доказалъ присутствіе такихъ органовъ у улитовъ, раковъ, сверчковъ, кольчатыхъ червей и проч.

Рядомъ съ этими изследованіями нужно поставить большое число оцитовъ и наблюденій Ковалевскаго о мочеотделительныхъ органахъ безповвоночныхъ животныхъ. Вирыскивая въ ихъ тела разнообразныя красящія вещества, Ковалевскому удалось определить отделы мочеотделительныхъ органовъ, которые поглощають эти краски съ целью удаленія ихъ изъ организма. Эти изследованія, систематически продолжавшіяся более десяти леть, превратили главу о мочеотделительныхъ органахъ безпозвоночныхъ въ одинъ изъ наиболее обработанныхъ отделовъ сравнительной физіологія.

Изучение фагоцитарныхъ и выдълетельныхъ органовъ натолквуло Ковалевскаго на систематическое изследование пиноскъ.

Сначала эти животныя заинтересовали А. О. съ точки зрънія лвшь тёхъ органовъ, физіологіей воторыхъ онъ занимался. Но, мало-по-малу, онъ втянулся въ подробное ихъ изученіе. Разыскивая, во время своихъ постоянныхъ путешествій, наибол'йе оригинальныхъ представителей этого отряда, Ковалевскій остановился особенно на Archaeobdella, Acanthobdella, Наемептагіа и Helobdella. Посл'ёдніе его мемуары, изъ когорыхъ н'ёкоторые появилсь въ св'ётъ лишь посл'ё смерти, въ значительной степени посвящены детальному изученію піявокъ и н'ёкоторыхъ очень своеобразныхъ моллюсковъ (Hedyle, Chaetoderma, Pseudovermis).

V.

Въ 1890 году А. О. Ковалевскій быль праглашень ординарнымъ академивомъ въ Петербургъ. Это м'ясто вполн'я соотв'ястовало всему его складу. Бол'я всего на св'ят п'янвеній спокойную работу въ лабораторіи и, по своей застінчивости, неохотно выступавшій на каседрі, А. О. была очень пріятна перспектива отдаться всеціло любимой наукі. Но произошло нівкоторое осложненіе. Оказалось, что у Ковалевскаго недоставало нівскольких віть службы въ университет для выслуги пенсіи; и это обстоятельство обнаружилось лишь послів его перейзда въ Пістербургъ. Тогда была придумана слідующая комбинація. Оставансь академиком д. А. О. должен быль поступить профессоромь петербургскаго университета и читать курсъ гистологіи. Ему это было тімь боліве непріятно, что приходилось преподавать новую для него вітвь науки. Разумівется, занимаясь всю живнь микроскопическими изслідованіями, онъ очень хорошо зналь и гистологію. Но все-же, для чтенія съ каседры, ему нужно было занастись множеством новаго, подчась мало интересовавшаго его матеріала. Воть почему А. О. особенно тяготился этимь посліднимь актомь своей профессуры, и почувствоваль себя особенно счастливымь, когда, вь 1894 году, онь могь выйти вь отставку изъ университета и сосредоточить всю свою діятельность въ академін наукь

Эта должность академика не была для него синекурой. Съ юношескимъ рвеніемъ принялся онъ за разработку вопросовъ, о которыхъ было упомянуто въ концъ предъидущей главы. Физически очень бодрый и връпкій, онъ часто убажалъ изъ Петербурга и вздилъ для добыванія нужнаго ему матеріала то въ Петрозаводскъ—на съверъ, то въ Крымъ и Аккерманъ—на югъ Россіи. Неръдко онъ вздилъ и за границу, какъ для изслъдованій, такъ и для различныхъ научныхъ справокъ у сотоварищей и въ коллекціяхъ.

Особенно энергично принялся Ковалевскій за организацію севастопольской біологической станціи. Учрежденіе это существовало уже давно, но оно вело незам'втную и вялую жизнь, и въ него нужно было вдохнуть душу. Никто не быль бол'ве для этого способень, какъ Ковалевскій. Сдёлавшись вполн'в безвозмездно главнымъ директоромъ станціи, онъ сталъ усиленно хлопотать какъ о матеріальномъ ея благополучіи, такъ и о томъ, чтобы прінскать подходящій персоналъ. Подолгу Ковалевскій живалъ въ Севастопол'в, увзжая оттуда въ сос'ёднія м'вста, для прінсканія морскихъ животныхъ. Такимъ образомъ онъ пос'ёщаль часто Константинополь и работалъ на берегахъ Мраморнаго моря, гдё добыль цённый матеріалъ для своихъ посл'ёднихъ работъ, а также животныхъ для лел'ёяннаго имъ акваріума біологической станціи. Заботы объ этомъ учрежденіи наполняли посл'ёднее

время его жизни, и даже смертельное вровоизліяніе въ мозгу случилось съ нимъ во время визита у г. товарища министра народнаго просв'ященія М'ящанинова, — визита, им'явшаго п'ялью исходатайствовать субсидію для станція.

Несмотря на то, что А. О. всего болье отдаваль себя на служение чистой наукт, онъ не мало увлекался и нъкоторыми сторонами практической дъятельности. Заботы о севастопольской станціи еще можно было, пожалуй, отнести отчасти на счеть желанія обставить и себя наилучшими условіями для спеціальныхъ изследованій. Но этого нельзя никакъ сказать о трудахъ Ковалевскаго по вопросу о филлоксеръ.

Когда этотъ бичъ винодёлія былъ открыть въ Бессарабін, Ковалевскій тотчасъ же принялся, съ свойственными ему энергіей, добросов'єстностью и безкорыстнымъ увлеченіемъ, за изученіе филлоксернаго вопроса. Съ этой цёлью онъ поёхалъ во Францію, гдё воспользовался указаніями своего давнишняго друга, марсельскаго профессора Маріона, им'євшаго уже значительную опытность въ дёл'є истребленія филлоксеры. Ковалевскій предложилъ прим'єнить въ Бессарабіи методу радикальнаго истребленія, посредствомъ сёрнистаго углерода, — методу, зарекомендовавшую себя въ н'єкоторыхъ м'єстностяхъ западной Европы. По этому поводу А. О. пришлось выступить на новую для него арену практической дёятельности и вытерпёть множество непріятностей.

Не подлежить никакому сометню, что ни въ наукт, ни въ правтической жизни никогда не следуеть останавливаться предъ авторитетами, ваковы бы ови ни были. Критика есть необходимое орудіе преуспъянія. Но отсюда еще не слъдуеть, чтобы, не раздёляя мийнія людей, безупречныхъ во всёхъ отношеніяхъ и снискавшихъ себъ глубокое уваженіе всёхъ компетентныхъ судей, вритиви набрасывались съ влобной яростью на лицъ, осивливающихся не раздёлять ихъ мевнія. Долгое время Ковалевсвому пришлось выносить настоящую травлю со стороны многочисленныхъ, призванныхъ и непризванныхъ журналистовъ. Тъмъ не менъе, до конца своего пребыванія въ Одессъ, А. О. оставался завъдующимъ борьбой противъ филлоксеры. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и я недостаточно знакомъ съ нимъ, чтобы высказывать окончательное суждение. Но я слишкомъ хорошо зналь Ковалевскаго, чтобы быть несомивнию убъжденнымъ въ томъ, что въ дълъ ограждения виноградниковъ онъ всегда руководился лишь желаніемъ принести посильную пользу д'ялу и былъ безусловно глукъ къ голосу самолюбія, не говоря уже о какихълибо иныхъ побужденіяхъ личнаго характера.

Точно такъ же, какъ и въ этомъ прикладномъ вопросъ, велъ себя Ковалевскій и во всёхъ другихъ случаяхъ, вогда ему приходилось сопривасаться съ живнью. Во время своей продолжительной профессорской д'вительности, онъ очень не любиль въчних интригь, которыми наполняется закулисная жизнь нашихъ университетовъ. Изъ "лекторін", гдв обывновенно усиленно обсуждались "дёла", онъ убёгалъ въ лабораторію, гдё онъ дёлалъ свое настоящее дъло. Избъган, едико возможно, вившиваться въ профессорскія распри, ему приходилось, однакоже, время отъ времени принимать въ нихъ участіе. Когда онъ быль избранъ проректоромъ одесскаго университета, первымъ его движеніемъ было отказаться оть этого званія. Друзьямъ стоило большого труда уговорить его принять должность, на что онъ согласился, надъясь быть полезнымъ студентамъ. Последние его вообще очень любили и уважали, но это не мъщало имъ, однавоже, ставить его неръдво въ очень тажелое положение и требовать отъ него невозможнаго. Ковалевскій быль, поэтому, очень радь, когда ему удалось избавиться отъ этой проректорской службы и болве, чвыъ вогда-либо, зарыться въ своей лабораторіи. Туть онъ чувствоваль себя въ соответствующей среде и делился охотно своими отврытіями съ лицами, которыя его посвіцали. Тутъ же онъ принималъ учениковъ, изъ которыхъ вышло не мало профессоровъ воологін. Навовемъ, въ числів ихъ, Бобрецкаго, Насонова, Остроумова.

Ковалевскій не только даваль советы по своей спеціальности, но содействоваль решительно всёмь, чёмь могь, преуспеванію молодежи. Вечно онь отправлялся съ разнаго рода ходатайствами, просьбами о пріеме въ университеты, о снисхожденіи и проч. Часто ему приходилось возвращаться съ пустыми руками, но когда попытка его увенчивалась успехомь, тогда онъ истиню сіяль.

Вообще, въ свою дъятельность Ковалевскій вносиль всю душу. Будучи почетнымъ попечителемъ городскихъ шволъ въ Одессъ, онъ принималъ въ нихъ самое живое участіе, какъ относительно преподаванія, такъ и улучшенія положенія учителей и учительницъ. Зная его теплое отношеніе, послъдніе всегда обращались въ нему съ полнымъ довъріемъ.

Многіе годы А. О. быль предсёдателемь "Общества естествоиспытателей" въ Одессь, а затемъ—въ Петербурге. Всегда онъ старался внести живой интересь въ эти общества. Онъ постоянно дёлаль въ нихъ самъ сообщенія и поощряль въ тому же другихъ. Уже изъ всего предъидущаго видно, что Ковалевскій быль безконечно преданный ділу, благородный служитель науки. Въто же время онъ не быль узкимъ, сухимъ ученымъ. Онъ страшно чутко относился ко всёмъ общественнымъ вопросамъ, сильно волновался ими, постоянно слідилъ ва всёми отраслями науки, радовался новымъ открытіямъ въ нихъ; онъ живо интересовался литературой и искусствомъ.

Всѣ вопросы культуры страны его занимали, и послѣднее время онъ даже усиленно мечталъ о разведеніи образцоваго садапа кавказскомъ побережьи.

Характерными чертами А. О. были доброта, необыкновенная кротость, безграничныя скромность и деликатность. Въ обращенів съ людьми онъ не только никогда не импонироваль и не стремился къ этому, но, напротивъ, былъ очень простъ, терпимъ и часто даже застънчивъ. Онъ не любилъ дълать визитовъ безъ дъла. Въчно поглощенный изслъдованіемъ какого-нибудь вопроса, если ему приходилось идти въ кому-нибудь за справкой или разъясненіемъ, то онъ начиналъ съ извиненій въ томъ, что обезпокоилъ и отнимаетъ время. Спустя нъсколько минутъ онъ брался за часы, и движеніе это сдълалось у него привычнымъ. Съ одной стороны, онъ оберегалъ время своихъ собесъдниковъ, а съ другой—боялся оторвать минуту отъ излюбленныхъ завятій.

Неудивительно, что, при своихъ душевныхъ вачествахъ, Ковалевскій былъ любимъ и уважаемъ всёми. Въ наукѣ его ния сдёлалось знаменитымъ послё первыхъ же самостоятельныхъ работъ. Многія иностранныя академіи (въ ихъ числѣ: англійское "Королевское Общество", парижская, римская, вѣнская, брюссельская, туринская и др. академіи) и общества избрали его своимъ членомъ. Въ Россіи онт былъ почетнымъ членомъ, кажется, всёхъ университетовъ, медицинской академіи и всёхъ обществъ естествоиспытателей. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ избранъ почетнымъ докторомъ наукъ кэмбриджскаго университетъ и кавалеромъ прусскаго ордена "роиг le mérite", даваемаго за научныя заслуги.

Но не формулярный списокъ Ковалевскаго я хочу представить читателю. Цёлью моей было охарактеризовать, но мірт силь, высокую личность почившаго ученаго, для котораго служеніе наукт и безусловная втра въ нее, составляли все содержаніе и весь смыслъ живни. Такихъ людей у насъ очень немного, и потому весьма желательно, чтобы память и свідденія о нихъ сохранялись и распространялись какъ можно болбе.

Было время, когда, какъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго

въка, молодые люди охотно отдавались наукъ и въровали въ то, что она поможетъ имъ обръсти душевное равновъсіе и получить отвъть на главнъйшіе вопросы, мучащіе человъчество. Но потомъ, болье нетерпъливое покольніе отшатнулось отъ науки и стало искать истины въ иныхъ областяхъ. Это ложное направленіе затянулось надолго и плоды его не замедлили обнаружиться. Я уже не говорю о томъ, что не нашлось людей для того, чтобы заполнить пробълъ, оставленный такою исключительной личностью, какъ Ковалевскій. Но каждый разъ, когда приходится думать о выборъ лиць для выполненія серьевныхъ культурныхъ цълей въ Россіи, поражаешься прискорбнымъ фактомъ общаго безлюдья.

Можно надъяться, что такое положение продлится недолго, что роль науки въ живни будеть снова признана въ должной мъръ, и что среди чуткой и стремящейся къ добру молодежи найдутся многіе, которые пойдугъ по стопамъ А. О. Ковалевскаго.

Илья Мечниковъ.

Парижъ.

ВОЛОСТЬ

RAKЪ

ЗАЧАТОКЪ МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ

Въ послъднее время въ обществъ и печати съ особенныть оживленіемъ обсуждался вопросъ о мелкой земской единицъ. При всей широтъ и серьезности постановки этого вопроса обсуждение его, намъ думается, отличалось извъстной отвлеченностью: споры сторовниковъ мелкой земской единицы и ея противниковъ носили скоръе теоретическій характеръ, въ нихъ до нъвоторой степени чувствовалось отсутствіе той практической подкладки, которая обыкновенно придаетъ аргументамъ спорящихъ сторонъ особенную жизненность и убъдительность.

Такой жизненной опорой въ обсуждении поднятаго вопроса, мы полагаемъ, могло бы въ нъкоторыхъ отношеніяхъ служить сопоставленіе проевтируемыхъ мелкихъ земскихъ организацій съ дъятельностыю существующихъ уже четыре десятильтія органовъ врестьянскаго самоуправленія.

Правда, мы чрезвычайно бёдны фактическим матеріаломъ, освъщающимъ внутреннюю жизнь этого мёстнаго общественнаго самоуправленія.

Предоставленное исключительно силамъ народной массы и находящееся подъ близкимъ контролемъ властной (опеки, крестьянское самоуправленіе мало доступно для объективнаго изученія и рідко, поэтому, является предметомъ широкаго общественнаго вниманія в обсужденія. Между тімъ, внимательное изученіе сельской общественной жизни и той эволюціи, которая несомнішно совершается въ этой жизни, дало бы весьма поучительный матеріаль, который, между про-

чимъ, помогъ бы лучше разобраться и въ вопросѣ о мелкой земской единицъ.

Возьмемъ основной вопросъ всякаго самоуправленія—право самообложенія, и посмотримъ, какъ пользуется этимъ правомъ наше крестьянское самоуправленіе.

Оговариваемся при этомъ, что районъ нашихъ наблюденій не обширенъ—одна ярославская губернія; что свідінія, которымя мы располагаемы, доставлены корреспондентами статистическаго бюро ярославскаго губернскаго земства въ май міслий текущаго 1902 года.

Крестьянское самоуправленіе, какъ извѣстно, выражается въ формѣ двухъ самоуправляющихся союзовъ, тѣсно между собою связанныхъ: сельскаго и волостного обществъ.

Изъ этихъ самоуправляющихся единицъ волость ближе всего подходить къ мелкой всесословной земской единицъ.

На территоріи волости живеть не одно только врестьянское населеніе, но очень часто бывають расположены поселки и усадьбы населенія иныхъ сословій. Хотя юридически волость и является органиваціей чисто крестьянской, но фактически она составляеть продолженіе системы органовъ общаго управленія и постепенно пріобрътаеть характеръ всесословный.

Волостная администрація несеть свою службу въ интересахъ не только крестьянъ, но и другихъ сословій, населяющихъ волость (полицейская служба, свидътельствованіе сдълокъ и договоровъ, доставленіе всякаго рода свъдъній и вообще сношенія съ правительственными и общественными учрежденіями); въ волостному суду можетъ обращаться все населеніе волости, безъ различія сословій.

Несмотря, однако, на очевидный общесословный характерь д'ятельности волостныхъ учрежденій, содержаніе ихъ всец'яло лежить на одномъ только крестьянскомъ сословіи и почти исключительно на над'яльной земл'я.

Понятно, такое положение дёла не могло не вызвать въ самомъ сельскомъ населении сознания его неудовлетворительности и несправедливости обложения на волостныя нужды только лицъ одного сословия. Правда, пока не-крестьянское население волости незначительно и не обременяеть замътнымъ образомъ своими нуждами и требованиями волостныхъ учреждений,—въ такихъ волостяхъ и не возникаетъ вопросовъ о болъе справедливомъ распредълении между различными группами мъстнаго населения волостныхъ сборовъ. Но съ развитиемъ въ волостяхъ крестьянскаго населения, а въ особенности—посторонняго и пришлаго, самой жизнью выдвигаются на очередь вопросы о болъе справедливомъ и равномърномъ участи въ волостныхъ

расходахъ лицъ всёхъ сословій, живущикъ въ предёлахъ волости. Наиболёе развитымъ въ этомъ отношеніи самосознаніемъ плательщивовъ волостныхъ сборовъ отличаются волости, въ которыхъ есть крестьянскіе и мёщанскіе поселки пришлаго населенія, живущаго на купленной или арендованной землё и не приписаннаго къ мёстнымъ сельскимъ обществамъ. Это населеніе, и по своему культурному уровню, и по укладу своей общественной и обыденной жизни, очень мало отличается отъ коренного крестьянскаго населенія. Селится още такими поселками, которые очень близко напоминаютъ собою крестьянскія деревни, и ведетъ свое полевое хозяйство въ большинствъ случаевъ на тёхъ же самыхъ основахъ, какъ и окружающіе ихъ крестьяне (трехполье, черезполосица).

Изъ многообразныхъ повседневныхъ столвновеній населенія тавихъ поселвовъ съ вореннымя жителями волости возниваетъ цёлая сёть общественныхъ отношеній, регулированіе которыхъ возможно только при дёятельномъ участіи волостного правленія и суда.

А между тъмъ, населеніе такихъ поселковъ либо совершенно не участвуеть въ содержаніи волостныхъ учрежденій, либо несеть свою долю въ волостныхъ расходахъ,—вогда поселки приписаны къ волости,—наравнъ съ безземельными крестьянами волости.

Ненормальность такого положенія вещей уже обращала на себя внимание и вкоторых в земствъ. Такъ, въ ямбургскомъ у вядномъ земскомъ собраніи, с.-петербургской губерніи, въ сессію 1892 г., гласные отъ крестьянъ заявили, что увеличивающаяся изъ года въ годъ численность пришлаго населенія въ убедь вынуждаеть мыстныя волостныя общества увеличивать мірскіе расходы, такъ какъ половина дёль и переписки въ волостныхъ правленіяхъ и судахъ производится по діламъ пришлаго населенія. По обсужденіи этого заявленія, уёздное собраніе постановило ходатайствовать, чтобы пришлое населеніе, иміющее оседлость въ увзде, было привлечено къ участію въ мірских расходахъ сельскихъ и волостныхъ обществъ. Затемъ вопросъ этоть обсуждался и въ прочихъ увздныхъ вемскихъ собраніяхъ с.-петербургсвой губерніи и н'Есколько разъ доходиль до губернскаго земскаю собранія, въ послідній разъ-въ 1897 году, когда собранію губернской управою быль представлень обстоятельный докладъ "о привлеченіи пришлаго населенія въ отбыванію мірскихъ повинностей и о пересмотръ, въ связи съ этимъ, законоположеній сельскаго и волостного устройства и самоуправленія".

Правда, по различнымъ причинамъ, отъ земства не зависѣвшимъ, вопросъ этотъ дальше губернскаго собранія въ с.-петербургской губерніи не пошелъ. Но изъ собранныхъ въ упомянутомъ докладѣ матеріаловъ видно, какое жизненное значеніе для коренного населенія

нъкоторыхъ увздовъ этой губерніи имветь удовлетворительное разръшеніе назръвшаго вопроса о равномърномъ распредъленіи волостныхъсборовъ между всёми категоріями местнаго оседлаго населенія.

Въ самое последнее время аналогичную земскую попытку нъ разрешению этого вопроса мы видимъ въ одной изъ южныхъ губерній.

Херсонская увядная земская управа уже два года останавливаетъ вниманіе своего собранія на обременительности волостныхъ сборовъ для надёльнаго населенія, которое одно только и отбываеть ихъ, несмотря на общегосударственную и общесословную службу волостныхъ учрежденій. Совмёстно съ управой, надъ этимъ вопросомъ ва послёдній годъ работала особая коммиссія. Результаты этой работы, судя по газетнымъ сообщеніямъ, могуть быть выражены въ нижеслёдующихъ предположеніяхъ земства.

Пока нёть болёе мелкихь, чёмъ уёздное земство, самоуправляющихся безсословныхъ единиць, которыя могли бы сами удовлетворять мёстныя нужды своего района,—на земствё лежить обязанность принять участіе въ расходахъ волостныхъ правленій, чтобы тёмъ самымъ оплатить ту работу, которую они несуть по порученію уёздной и губернской земской управъ. На ряду съ этимъ, херсонское уёздное земство считаеть необходимымъ возбудить ходатайство, съ одной стороны, объ отнесеніи части волостныхъ расходовъ, имёющихъ общегосударственный характерь, на счеть государственнаго казначейства, а съ другой—"о привлеченіи къ обложенію на волостныя надобности недвижимыхъ имуществъ въ районё волости, принадлежащихъ на правъ собственности непричисленнымъ къ данной волости крестьянамъ и носелянамъ, съ предоставленіемъ этимъ лицамъ права выборовъ на волостные сходы" 1).

Оказывается, что и сѣверное, и южное, зеиства въ вопросѣ о болѣе правильномъ распредѣленіи волостныхъ сборовъ пришли къ однороднымъ заключеніямъ, свидѣтельствующимъ о неудовлетворительности существующаго порядка содержанія волостныхъ учрежденій.

Въ ярославской губерніи ни одно изъ увадныхъ, ни губернское земство, еще не касались этого вопроса. Между тѣмъ, пришлое населеніе составляеть и здѣсь довольно значительный процентъ среди постоянно живущаго: крестьянскіе и мѣщанскіе поселки встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ ярославской губерніи и въ большей части волостей.

По приблизительному подсчету, въ 100 волостяхъ ярославской губерніи (изъ 166-ти) насчитывается не менёе 400 поселковъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ. Первыя мёста въ ряду уёздовъ

^{1) &}quot;С.-Иетербургскія Вѣдомости" 1902 г., № 152.

по числу поселковъ занимають: романово-борисоглъбскій (105 поселковъ), рыбинскій (85) и пошехонскій (80) увзды, а послъднія принадлежать даниловскому (11) и ростовскому (11) увздамъ.

Большинство поселковъ, особенно въ увздахъ: романово-борисоглъбскомъ, рыбинскомъ, пошехонскомъ и любимскомъ, образованы переселенцами изъ сосъднихъ губерній, преимущественно изъ тверской. Поселки первыхъ двухъ увздовъ населены почти исключительно тверяками, извъстными здёсь подъ общимъ названіемъ "кореляковъ" 1).

Въ пошехонскомъ и любимскомъ увздахъ преобладають вологжане, встрачаются новгородцы и эсты.

Происхождение остальной части поселковъ чисто мъстное. Они образовались изъ жителей мъстнаго кран, выселившихся на купленные участки земли. Неръдко ихъ происхождение объясняется просто переходомъ крестьянъ въ мъщане. Въ волостяхъ съ развитымъ отходомъ извъстная часть населения, тяготясь общественными повинностями, выписывалась въ мъщане, и такимъ образомъ выходила изъ состава крестьянскихъ сельскихъ обществъ.

Вообще, невходящіе въ составъ сельскихъ обществъ крестьянскіе и мѣщанскіе поселки получили довольно широкое распространеніе въ ярославской губерніи. И здѣсь, несомнѣнно, мысль населенія давно уже работаеть въ направленіи наиболье справедливаго распредьленія волостныхъ расходовъ между плательщиками, какъ о томъ свидѣтельствують имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи и упоминавшіеся выше матеріалы, доставленные въ статистическое бюро мѣстными жителями.

Мысль о привлечени поселковъ къ обложению на волостныя нужди чаще всего возникала и получала правтическое осуществление въ тъхъ увздахъ, гдв они чаще всего встрвчаются: романовскомъ, помехонскомъ, любимскомъ и рыбинскомъ, а также моложскомъ и угличскомъ. А вообще въ губерни въ настоящее время насчитывается 17 волостей, въ которыхъ население невходящихъ въ составъ сельскихъ обществъ поселковъ облагается въ той или другой формъ волостными сборами.

Оказывается, что въ большинствъ случаевъ облагаются поселки носторонняго населенія, приписаннаго къ волости. Дъло въ томъ, что обложеніе этой категоріи населенія волости не встръчаетъ препятствій въ нынъ дъйствующихъ законоположеніяхъ о крестьянахъ. Другое дъло—населеніе, не приписанное къ волостямъ. Обложеніе его въ настоящее время возможно только въ томъ случать, когда оно само не протестуетъ противъ этого обложенія. Но стоитъ только такимъ поселкамъ не согласиться съ приговоромъ волости и "дойти до земскаго", какъ приговоръ сейчасъ же отмъняется.

¹⁾ Большинство переселенцевъ-крестьяне бъжецкаго увзда, корельскаго его крал.

Въ арославской губерніи попытки къ обложенію поселковъ містанъ и крестьянъ, не принисанныхъ къ волости, дізались неодновратно, но далеко не всегда успівшно. Кроміз тіххъ 17 волостей, гдіз обложеніе поселковъ уже совершившійся фактъ, въ 29 волостяхъ губерній попытки къ обложенію поселковъ окончились неудачей. Особенно оживленная борьба между волостями и поселками ведется въ уіздахъ: романовскомъ, рыбинскомъ, пошехонскомъ и любимскомъ, т.-е. вакъ разъ въ тіххъ уіздахъ, которые отличаются наибольшимъ количествомъ поселковъ.

Въ шаготской волости, романовскаго увзда, неоднократно дълались попытки къ обложению переселенцевъ-тверяковъ на волостныя нужды, "но каждый разъ поселки уклонялись, доходя до земскаго начальника со своими променіями",—какъ сообщаеть корреспондентъ.

Въ томъ же увздв понгиловская волость съ 1901 года постановила "облагать, наравнъ съ надъльными землями, купленныя при посредствъ крестьянскаго банка земли поселковъ, но собственники этихъ земель (тверяки) запротестовали. Хотя увздный съвздъ приговоръ волости утвердилъ, но тверяки подали жалобу въ губернское присутстве".

Въ романовскомъ уёздё дёлались попытки привлечь къ обложению вемлю поселковъ еще въ четырехъ волостяхъ и тоже окончились неудачей—были опротестованы властями". Нужно замётить при этомъ, что одна изъ этихъ волостей думаеть возобновить свою попытку примёнительно ко 2-му примёчанію 42-й ст. общаго положенія о крестычнахъ 1).

Особенно интересная попытка была сдёлана въ рыбинскомъ уёздё: ивановскій волостной сходъ здёсь "составилъ приговоръ, чтобы обложить всёхъ проживающихъ въ волости частныхъ землевладёльцевъ". "Но уёздный съёздъ,—прибакляеть нашъ мёстный верреспондентъ, въ этомъ отказалъ".

Въ пошехонскомъ увздв, въ двухъ волостяхъ, "поселки одно время (года три) облагались волостными и сельскими сборами, но по жалобъ и вкоторыхъ—сборы отмвнены". "Коренное население недовольно",— по словамъ корреспондента. Въ волостяхъ пошехонской и соколовской, того же увзда, были тоже попытки къ привлечению поселковъ къ сборамъ на нужды волости, но "начальство считаетъ это незаконнымъ", и обложение ихъ не осуществилось.

¹⁾ Въ этомъ примъчании говорится слъдующее: "Въ составъ мъстнихъ волостей вълиочаются устроенния крестьянскими поземельними товариществами, пріобръвшими велили съ содъйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка, новия селенія до образованній изъ членовъ переселенческихъ товариществъ новихъ сельскихъ обществъ или примписки ихъ къ существующимъ селькимъ обществамъ".

Въ любимскомъ убядъ въ четырехъ волостяхъ поднимался вопросъ объ обложении поселвовъ. "Неодновратно дълались нопытки привлеть переселенцевъ, а равно и мъщанъ, живущихъ на собственной землі, къ отбыванію волостныхъ и сельскихъ сборовъ, но удовлетворенія не было, по неимънію на то закона", — пишетъ одинъ изъ волостныхъ старшинъ.

Мысль о распространеніи волостных сборовь на населеніе поселковь, несмотря на вившнія препятствія къ ея осуществленію, не замираеть среди крестьянскаго населенія губерніи, а наобороть, все больше и больше распространяется. Кром'є перечисленных уже волостей, въ наших матеріалахь им'єются указанія, что подобная мысль возникала и еще въ 13 волостяхъ губерніи, но очевидно еще недостаточно назріла, и до оффиціальнаго обсужденія на сходахь въ этихь волостяхъ діло не доходило.

Насколько вообще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наболѣлъ вопросъ о привлеченіи посторонняго населенія къ участію въ волостныхъ расходахъ, можно судить по нѣкоторымъ вамѣткамъ намихъ корреспондентовъ.

"Намъ хотълось бы знать, — пишуть изъ спасской волости, мышкинскаго увзда, гдв попытка привлечь поселки къ волостнымъ расходамъ окончилась неудачей, — почему они живутъ безданно-безпошлиню въ районъ нашей волости, пользуясь нашими услугами. Иногда даже возникаютъ жалобы на волостной судъ, и мы не знаемъ, куда обратиться".

Крестьяне якимовской волости, угличскаго увзда, "сколько разъ котвли обложить тверяковъ, но мвстное начальство не допускало, за неимвніемъ закона. Но очень жаль: волостной старшина и волостной судъ обременены ихъ двлами; ими возбуждается больше двль, чвиъ кореннымъ населеніемъ; они же тянуть коренное населеніе къ суду за потравы, самовольный провздъ и пр.; они смотрять на насъ свисока, какъ на своихъ работниковъ".

"Мысль возникала не разъ, — пишеть корреспонденть изъ павфиловской волости, рыбинскаго уйзда: — населеніе поселковь пользуется различными услугами волостного и сельскаго управленія по различнымь случанмь, а потому м'єстному населенію весьма было бы желательно привлечь населеніе поселковъ къ отбыванію сборовъ по содержанію сельскаго и волостного управленія".

Поселки "живуть на счеть коренного населенія, пользуясь безвозмездно волостнымъ и сельскимъ управленіемъ, волостнымъ судомъ, полицейскими, десятскими, сотскими и пр. Напримъръ, они часто требують волостной судъ; за каждый вытудь суда волость платить пять рублей; за все расплачивается одна надъльная земля" (черностанская волость, любимскаго увзда). Населеніе поселковъ "судится въ волостномъ судв очень часто, и всв бумаги, какъ-то: паспорта и всякая переписка, которой по ихъ двламъ очень много, идуть черезъ велостное правленіе" (максимовская волость, романово-борисоглабскаро увзда).

Коренные жители, дъйствительно, недовольны тъмъ, что жители поселковъ не несутъ ни натуральныхъ, ни денежныхъ повинностей. Въ послъднее время мъщанъ обязали имътъ хлъбованасные магазины или продовольственные капиталы,—вси отчетность опять возложена на волостное правленіе (софроновская волость, пошехонскаго уъзда).

Коль скоро въ населеніи созрѣла мысль о привлеченіи въ обложенію на волостныя нужды поселковь, дальнѣйшей стадіей ся развитія является распространеніе волостныхъ сборовь на вупчія земли вообще, а въ частности и на земли, пріобрѣтенныя въ личную собственность кореннымъ населеніемъ.

Это и понятно. Самый факть владвнія внівнадільными землями ставить собственника ихъ въ необходимость прибітать къ услугамъ волостныхъ учрежденій: совершается ли договорь о сдачів вупчей земли въ аренду,—его нужно свидітельствовать въ волостномъ правленіи; случится ли потрава посівовь и луговъ или порубка въ лісу купчаго участка,—діло доходить до волостного суда; даже полученіе окладного листа на купчую землю тоже не обходится безъ посредства волостного правленія. При такихъ условіяхъ совершенно естественнымъ является привлеченіе къ платежу волостныхъ сборовъ наряду съ землями пришлаго населенія и купчихъ земель коренного населенія.

Въ настоящее время въ ярославской губерніи обложеніе купчихъ крестьянскихъ земемь на волостныя нужды практикуется въ семнадцати волостяхъ семи утвовъ.

Въ пречистинской (любимскаго увзда) и ериловской (пошехонскаго увзда) волостяхъ купчія земли обложены только у безнадёльныхъ крестьянъ. Въ послёдней волости такой порядокъ вызываетъ недовольство среди населенія поселковъ, расположенныхъ на купчей землѣ, такъ какъ этимъ поселкамъ приходится платить за всю землю, находящуюся въ ихъ владёніи, а коренному надёльному населенію—только за землю надёльную.

Въ андреевской волости (романовскаго уёзда) купчін земли коренного населенія, облагаемыя волостнымъ сборомъ съ 1899 г., раздёлены, въ цёляхъ болёе равномёрнаго обложенія, на два разрида: къ первому отнесены болёе удобныя, а ко второму— такъ-называемыя

"приболотистым земли"; обложеніе земель перваго разряда вдвое выше второго (10 и 5 коп. съ десятины). Къ сожальнію, мы не знаемъ— къмъ, когда и какъ произведенъ этотъ своеобразный мъстный поземельный кадастръ. Но уже самый факть этотъ свидътельствуеть, что мысль о поземельномъ кадастръ проникаетъ въ область мірского волостного обложенія, и что кадастру, повидимому, предстоитъ серьезная роль въ дълъ упорядоченія этого обложенія.

Обложеніе купчих земель на волостныя нужды—дёло вообще въ ярославской губерніи сравнительно новое, только-что начинающееся. Въ романовскомъ, рыбинскомъ и пошехонскомъ уёздахъ обложеніе это практикуется лёть 8—10; въ моложскомъ оно возникло годъ тому назадъ, а въ двухъ волостяхъ ростовскаго (гарской и карашской) установлено только съ текущаго года.

Правда, нужно отметить при этомъ, что попытки привлечь къ волостному обложению купчія земли дёлались еще въ рядё волостей (четырнадцати), но окончились, по разнымъ причинамъ, неудачей. Напр., въ черностанской волости (любимскаго уёзда), "по приговору волостного схода 1901 года,—какъ сообщаетъ мёстный волостной старшина,—были обложены купчія земли крестьянъ и мёщанъ (по 1 р. 20 коп. съ каждаго двора); но сбора этого не платятъ".

Въ муравьевской волости (мышкинскаго увзда), "годъ тому назадъ, купчія земли были обложены, на волостныя нужды, по 12 коп. съ десятины, но потомъ этотъ сборъ отмвнили". Очевидно, на волостномъ сходъ взяли перевъсъ интересы "своеземцевъ". То же случилось и въ курякинской волости (романовскаго увзда), гдъ купчія земли облагались волостными сборами въ теченіе четырехъ лътъ, вплоть до 1900 года, когда вопросъ обсуждался снова и былъ ръшенъ въ отрицательномъ смыслъ.

Въ спасской волости (мышкинскаго увада) хотя куптія земли и облагаются уже два года, но сборы (волостные) поступають съ нихъ неаккуратно; причиною тому служить трудность установить территоріальныя границы волости: "многіе собственники по плану не принадлежать къ нашей волости, а потому сборовь не платять",—иншеть корреспонденть статистическаго бюро.

Въ трехъ волостяхъ пошехонскаго увзда (пошехонской, соколовской и щетинской) вопросъ о мірскомъ обложеніи купчихъ земель обсуждался на волостныхъ сходахъ, но "собственники пересилили"—и вопросъ былъ рвшенъ отрицательно.

Такая же точно участь постигла подобную попытку въ двухъ волостяхъ ростовскаго увзда (воржской и щениковской) и двухъ—рыбинскаго увзда (ивановской и троицкой).

Неудачи съ привлечениемъ къ мірскому обложению купчихъ земель

имъютъ все-таки временный характеръ. Въ существующихъ законеположеніяхъ нѣтъ препятствій къ такому обложенію; и если, тѣмъ
не менѣе, во мяогихъ волостяхъ дѣло оканчивалось неудачей, такъ
это зависѣло отъ случайнаго состава волостныхъ сходовъ и отъ энергичнаго протеста "своеземцевъ", людей наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ въ волости. Съ ослабленіемъ этого вліянія и вообще съ
развитіемъ болѣе сознательнаго и внимательнаго отношенія сельскаго
населенія къ своему самоуправленію возникщее въ населеніи стремленіе къ большей уравнительности волостныхъ сборовъ получитъ и болѣе широкое практическое примъценіе.

Привлеченіе въ мірскому обложенію купчихъ земель вызываеть въ практикъ этого обложенія еще новый вопросъ,—вопросъ объ основаніяхъ раскладки мірскихъ сборовъ между плательщиками.

Въ началъ своей двательности и сельское, и волостное общества почти одно и то же-душевой земельный надёль. Но затёмь, какъ мы выше видёли, съ развитіемъ и усложненіемъ мёстной общественной жазни это основаніе раскладки міроких сборовъ постепенно терило свое живненное значение и не могло удовлетворять требованиямъ элементарной справедливости и равномерности обложенія: явилась необходимость привлечь къ обложению пришлое врестьянское населеніе и вообще врестьянь и м'ящань, поселившихся на купчихь земляхъ. Далее, отъ обложения купчикъ земель постороннихъ крестьянъ. и мъщанъ въ обложению купчихъ земель коренного населения оставался только одинъ шагь. Но туть сейчась же возныкаль практическій вопрось: на какихъ же основаніяхъ ввести обложеніе купчихъ земель вообще, какую же ввести для нихъ раскладочную единицу? Правтика вемскаго и государственнаго обложенія подсказывала, что такимъ основаніемъ должно быть подесятинное обложеніе.

Вводя подесятинное обложеніе на волостным нужды купчихъ земель, волость неизб'єжно должна была поставить на очередь вопросъ и о переход'є отъ душевой раскладки сборовъ съ над'єльной земли въ нодесятинной.

Кромѣ названныхъ соображеній, вопросъ о переходѣ съ подушнаго обложенія на мірскія нужды надѣльныхъ земель къ подесятинному нерѣдко вызывается также большимъ неравенствомъ земельныхъ надѣловъ: въ предѣлахъ одной и той же волости очень часто встрѣчаются общины, получившія въ надѣлъ, съ одной стороны, менѣе двухъ деситинъ на душу, а съ другой — болѣе пяти или шести десятинъ. Несправедливость одинаковаго обложенія столь различныхъ по вели-

Томъ VI.-Декаврь, 1902.

чинъ земельныхъ надъловъ, понятно, не ускользаетъ отъ вниманія мъстнаго населенія. Въ ярославской губерніи въ настоящее время насчитывается уже 16 волостей, въ которыхъ подушная раскладка волостныхъ сборовъ съ надъльныхъ земель замънена подесятинной раскладкой.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей новая система раскладки волостныхъ сборовъ, не вызывая никакихъ недоразумѣній и затрудненій, дѣйствуетъ уже сравнительно давно, лѣтъ около 10—15, въ другихъ—лѣтъ 7—8. Въ самое послѣднее время новый окладной порадокъ волостного обложенія введенъ въ двухъ волостяхъ—марынской (съ 1901 г.) и гарской (съ 1902 г.).

Кромѣ 16 волостей, вопросъ о переходѣ съ подушнаго въ подесатинному обложенію надѣльныхъ земель поднимался еще въ 12 волостяхъ десяти уѣздовъ ярославской губерніи, но, очевидно, онъ здѣсь еще недостаточно назрѣлъ и разрѣшенъ пока отрицательно.

"Кому не выгодно,—сообщають, напр., изъ воржской волости, ростовскаго увзда,—тв отклонили, а большинство--не покали".

Приведенныя выше фактическія данныя изъ податной практики крестьянскаго самоуправленія дають намъ основаніе заключить, что, несмотря на современныя неблагопріятныя для него условія, крестьянское самоуправленіе далеко не можеть считаться мертвой организаціей, неспособной къ дальнійшему развитію; наобороть, въ областя самообложенія оно показало себя настолько жизнедіятельнымъ общественнымъ союзомъ, что съуміслю отрівниться отъ арханческой подушной раскладки мірскихъ сборовъ съ надільной земли, перейти къ раскладкі подесятинной, и, на ряду съ этимъ, привлекло къ обложенію на містныя общественныя нужды купчія земли какъ коренного, такъ пришлаго (посторонняго) крестьянскаго и мінцанскаго населенія.

Правда, всё эти прогрессивным теченія въ врестьянскомъ самоуправленіи замічаются еще пока въ немногихъ містностяхъ и не всегда оканчиваются успіхомъ. Но въ данномъ случай практическій успіхъ или неуспіхъ новыхъ теченій имість второстепенное значеніе; гораздо важніве—основныя тенденціи совершающейся въ врестьянскомъ самоуправленіи эволюціи.

Тенденціи же эти совершенно опредѣленно складываются въ направленіи къ расширенію и преобразованію крестьянской волости въ общественный союзъ всесословный.

Характерно въ этомъ отношеніи постановленіе ивановскаго волостного схода (рыбинскаго увзда), ръшившаго распространить волостное обложеніе на всъ частновладъльческія земли волости.

Конечно, приговоръ этотъ не былъ практически осуществленъ. Мы не знаемъ также, во сколькихъ волостяхъ тотъ же вопросъ поднимался, но не доходилъ до оффиціальнаго обсужденія на сходахъ, въ виду полной безнадежности положительнаго его разръшенія. Тъмъ не менъе, уже самое возникновеніе и постановка вопроса о всесословномъ волостномъ обложеніи въ сельскомъ населеніи очень знаменательны.

При такихъ условіяхъ созданіе болье мелкой, чёмъ увядъ, земской единицы встрытило бы въ современныхъ крестьянскихъ волостяхъ уже до некоторой степени подготовленную почву и явилось бы естественнымъ развитіемъ и завершеніемъ начавшагося движенія по упорядоченію м'ястнаго обложенія, придавъ этому движенію былье правильныя и нормальныя формы.

Не нужно, при этомъ, забывать еще и того обстоятельства, что упорядочение мъстнаго обложения, съ созданиемъ мелкихъ земскикъ органовъ, шло бы въ двухъ направленияхъ: развиваясь вширь, т.-е. распространяясь на владъльцевъ всъхъ сословий, мъстное обложение стало бы развиваться, такъ сказать, еще и вглубъ, захватывая на ряду съ земельными и различные виды не-земельныхъ недвижимыхъ имуществъ.

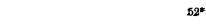
Между прочимъ, изъ правтиви андреевской волости (романовоборисоглъбскаго увзда) мы видимъ, что переходъ отъ подушнаго къ подесятинному обложенію привель общественную мысль къ сознанію необходимости поземельнаго кадастра, который бы далъ возможность сообразовать обложеніе земель съ ихъ доходностью.

Дальнъйшимъ послъдовательнымъ развитіемъ этой мысли нужно считать распространеніе мъстнаго обложенія на не-земельныя недвижимыя имущества, приносящія ихъ владъльцамъ доходъ, какъ-то: фабрики, заводы, мелкія промышленныя и торговыя заведенія.

Но крестьянскому самоуправленію, если оно будеть находиться въ тёхъ же условіяхъ, въ какихъ сейчась находится, едва ли подъсилу справиться съ этой задачей, хотя она, безъ сомивнія, рано или поздно и будеть поставлена во всей своей широть на очередь самой жизнью. И только созданіе мелкой земской единицы наиболье целесообразно разрешило бы этоть серьезный вопросъ мъстной общественной жизни.

Кл. Я. Воровьевъ

Ярославль.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪНІЕ

. 1 декабря 1902.

Новое Главное Управленіе.—Всеподданнъйшій докладъ министра внутренних діль о правительственных мітропріятіяхъ по неурожаю 1901 года.—Общіе результати продовольственной кампаніи.—Тенденціозныя газетныя нападенія на земство.—Частная благотворительность.—Дальнійшее направленіе продовольственнаго діла.—Помеженіе вопроса о мелкой вемской единиці.—Новыя свідінія о дінтельности уімнихъ комитетовъ.—Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза.—Розтастіріши.

7-го ноября состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

"Въ постоянномъ попеченіи объ упорядоченіи правительственнаю завѣдыванія торговымъ мореплаваніемъ и портами, Нами учреждень были при Министерствѣ Финансовъ совѣть по дѣламъ торговаго мореплаванія, отдѣлъ торговаго мореплаванія и комитеть по портовымъ дѣламъ.

"Признаван нынъ за благо дъла торговаго мореплаванія и портовъ сосредоточить въ самостоятельномъ учрежденіи въ ряду государственныхъ установленій, повельваемъ:

- "1) Совъть по дъламъ торговаго мореплаванія, комитеть по портовымъ дъламъ и отдъль торговаго мореплаванія, со всьми подвідомственными имъ учрежденіями, а равно управленіе строительныхъ и ремонтныхъ, для торговыхъ судовъ, заведеній выдълить изъ состава Министерства Финансовъ и предоставить въдънію особаго Главнаго Управленія торговаго мореплаванія и портовъ, подчинивъ оное главно-управляющему, облеченному правами, въ статьъ 159 учр. Мин. (Св. Зак. т. І, изд. 1892 г.) указанными.
- "2) Присвоить главноуправляющему права и обязанности, принадлежащія нынь: по части торговаго мореплаванія и портовъ—министрв Финансовъ, а по части технической въ портахъ министру Путей Сообщенія.
 - "и 3) Главноуправляющему озаботиться внесеніемъ въ установлен-

номъ порядка на Наше утверждение проекта учреждения и штата подвадомственнаго ему Главнаго Управления, а также предположений. о такъ изманениять въ дайствующихъ законахъ о торговомъ море-плавании и портахъ, которыя вызываются новымъ порядкомъ управления оными".

Того же 7 ноября предсъдателю совъта по дъламъ торговаго мореплаванія, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Миханловичу, Всемилостивъйше повельно быть Главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портями.

Когда, въ предъидущемъ нашемъ обозръніи, мы коснулись вопроса о временныхъ правилахъ, регулирующихъ народное продовольствіе, намъ не быль еще извістень всеподданнійшій докладь министра внутреннихъ дълъ о правительственныхъ меропріятіяхъ по неурожаю 1901 года. Въ этомъ докладъ одинаково важны и фактическія свъдвнія о продовольственной кампаніи-первой, веденной при двиствіи доваго норядка, --- и предположения относительно продовольственнаго устава, который должень замънить собою временныя правила. Мы узнаемъ, прежде всего, что "своевременное опредъление размъровъ продовольственныхъ нотребностей, на основании приблизительнаго ихъ подсчета, представило немало затрудненій, такъ какъ для выясненія продовольственных нуждъ цълыхъ увздовъ и губерній недостаточно подсчета урожаевъ на однъкъ крестьянскихъ вемляхъ и сопоставленія собранныхъ сведёний съ нормой крестьянского потребления и наличностью общественныхъ запасовъ, а требуется еще соображение этихъ данныхъ со веёми условіями экономической живни края, вліяющими на обезпечение народнаго продовольствия". Что система "приблизительнаго подсчета", введенная бывшимъ министромъ внутреннихъ дёлъ (циркулиромъ 17 августа 1901-го года), должна была оказаться недостаточного и нецвлесообразного-на это мы указали вследъ за ея установленіемъ 1). "Какъ бы удачно"—говорили мы тогда—"ни были придуманы основаны для прибливительнаго исчисленія ссуды, зам'внить собою разсчеть, сдёданный на основаніи точныхъ фактическихъ данвыхъ, оно не можетъ; средвій сборъ съ десятины---величина обманчивая, средняя семья-понятіе сплошь и рядомъ не соотв'ятствующее дъй отвительности". Неудивительно, затъмъ, что "точность подсчетовъ не явилась общимъ правиломъ": въ губерніяхъ воронежской, екатеринославской, таврической, тамбовской и харьковской "заблаговременно опредълить точно размъръ продовольственныхъ ссудъ не удалось", и

¹) См. Внутрениее Обозрвию въ № 10 "Въсти. Европи" за 1901 г., стр. 763.

еще болье "неустойчивыми всв предварительныя исчисленія размьровъ продовольственной помощи оказались въ губерніяхъ периской. томской, тобольской и области акмолинской". Въ европейской Россіи предварительные разсчеты-тамъ, гдё они не подтвердились на самонъ дълъ, - гръшили въ сторону щедрости; въ Сибири, наобороть, они были черенчурь низки. Въ томской губернін, напримърь, потребовалось кодичество хайба въ полтора раза большее противъ опредвленнаго сначала. Отсюда ясно, что новый способъ вычисленія разм'вровъ помощи не служить ручательствомъ противъ врупныхъ опибовъ-даже противъ ошибокъ того рода, въ которыхъ всего чаще и всего сильне упрекали земство: ошибокъ въ смысле преувеличения нужды. Вследствіе несвоевременнаго выясненія потребностей населенія, доставка хліба (не только въ сибирскія губернін, гді размівръ нужды быль сначала опредъленъ слишкомъ низко, но и въ перискую, гдф была допущена ошибка противоположнаго свойства) "настолько замедлилась, что лишь вследствіе необычно повдняго наступленія весны удалось снабдить съменами нуждающіяся мъстности до окончанія времени поська". При нормальной погодё обширное пространство аровыхъ нолей осталось бы, следовательно, незаселеннымъ. Изъ приложеній къ довладу, вмёсте съ нимъ напечатанныхъ во всеобщее сведеніе, видно, что не обошлось н безъ случаевъ несвоевременнаго полученія самявъ. Въ четыремъ увздахь томской губернін, по мевнію губернатора, недосви яровыхъ хивбовъ составляеть оволо 30%; но по удостоверению уполномоченнаго министерства внутреннихъ дёлъ, въ нёкоторыхъ селенінхъ кузнецкаго увзда онъ доходить до 70°/о. Местная администрація удостовързла, что къ первой половиев марта на станцію Обь можеть быть доставлено 11/2 милліона пудовъ свиенной пшеницы — а на самомъ деле въ этому времени оказалось возможнымъ доставить лишь съ небольшимъ 250 тысячъ пудовъ. Въ той же губерніи часть доставленнаго агентами министерства финансовъ верна была забракована врестьянскими учрежденіями; приняты были, за невозможностью ихъ замѣны или переочистки, нѣкоторыя партіи сѣмянъ, засоренность которыхъ определялась до 10°/о. Выборъ сёмянъ ячиеня, доставленнаго въ старобъльскій убядь (харьковской губ.), въ нёкоторыхъ случанхъ овазался неудачнымъ; потребовалась дополнительная очиства зерва на мъстъ... Не было, такимъ образомъ, ни одного фазиса продовольственной кампаніи, вполей свободнаго оть упущеній, и опыть 1901-1902 г. едва ли говорить безусловно въ пользу системы, установленной временными правилами.

"Во всёхъ постигнутыхъ неурожаемъ мъстностяхъ"—читаемъ ми въ всеподданнъйшемъ докладъ—"обезпечена была врачебная помощь заболъвающимъ. За исключеніемъ уфимской губерніи, гдъ въ періодъ

наибольшаго распространенія цынги, передъ весною, общее число больныхь въ четырехъ уёздахъ достигло 24 тысячъ, и хвальнскаго увзда саратовской губернін, гдв забольванія наблюдались, котя и не въ большомъ числе, въ течение пелаго года, -- эпидемия пынги нигде не получила широкаго распространенія и не была продолжительна"... Изъ приложенія къ докладу видно, однако, что довольно интенсивнаго развитія цынга достигла и въ акмолинской области, гдв, въ неріодъ наибольшей си силы, число заболёвшихъ сю доходило до двухъ тысачъ,---и въ вятской губерніи, гдв, въ восьми увздахъ, цынга приняла эпидемическій характерь и больных было около 11/2 тысячь; еще въ августъ мъсяцъ больныхъ цынгою было здъсь 370 человъвъ (до августа продолжалась эпидемія цынги и въ уфимской губерніи). Въ екатеринославской губернін эпидемическія заболіванія брюшнымъ тифомъ, цынгою и куриною слешотою продолжались до наступленія лътняго времени. Для народнаго здоровья неурожай 1901 года врошель, такимъ образомъ, далеко не безследно. На народномъ благосостояніи онъ, по выраженію всеподданнайшаго доклада, "отозвался врайне тяжко и засвидетельствоваль общее понижение уровня хозяйственной зажиточности крестьянского часеленія".

Въ всеподданнъйшемъ докладъ министра внутреннихъ дълъ реакціонная печать съуміна отыскать то, чего вы немь нівть и сліда-осужденіе земской діятельности въ прошедшемъ и настоящемъ. Какимъ путемъ эта печать приходить въ такому выводу-объ этомъ можно судить по следующимъ примерамъ. Изъ того, что неурожай 1901-го года коснулся 17 губерній и 2 областей, "Московскія В'вдомости" заключають, что онъ "едва ли уступалъ памятному неурожаю 1891-го года" — а такъ какъ последній стоиль государственному вазначейству втрое больше, чёмъ первый, то эта разница должна быть поставлена въ пассивъ земства, въдавшаго продовольственное дело десять леть тому назадь, и въ активъ администраціи, въдающей его въ настоящее время. Это выводъ безусловно и, утверждаемъ безъ колебаній, завідомо невірный. Московсвая газета не можеть не знать, что неурожай 1901-го года быль "пестрый", поразившій, въ большинстві случаевь, не сплошь цілыя губернін, даже не цілье уізды, а отдільныя містности. "Особенно неблагополучными по неурожаю", на основани циркуляра 17-го августа минувшаго года, было объявлено, если мы не ошибаемся, лишь около тридцати увядовъ. Расвроемъ приложение къ всеподданнъйшему довладу-и мы увидимъ, что въ харьковской губерніи, напримъръ, "сколько-нибудь значительной правительственной помощи" потребовали только два уёзда; въ оренбургской губернін пострадали три увзда, "но лишь въ нвкоторыхъ ихъ частяхъ"; для нижегородской губерніи понадобилась лишь ссуда въ 25 тысячъ рублей; орловская

Digitized by Google

губернія вовсе не потребовала правительственной помощи. Какое же значеніе, въ виду всего этого, остается за грозной, съ перваго взгляда, цифрой семнадиати губерній и двухъ областей? Во что обращается сравненіе съ 1891-мъ годомъ, когда районъ бъдствія быль, можеть быть, приблизительно такой же, но интенсивность—несравненно больше?..

Не сильные и другой аргументы московской газеты, заимствуемый изы той поддержки, которую продовольственная кампанія 1901—1902 г. нашла въ врестьянскихъ хлёбныхъ магазинахъ. Если хлёбные запаси овазались теперь болье обильными, чымь въ 1891 г., то это объясняется весьма просто: въ продолжение последнихъ десяти леть на пополнении ихъ настаивали должностныя лица, облеченныя властьювластью, которою не располагали и не располагають земскія учреждевія. Не оть земства, наконецъ, зависьло и закрытіе центральных хлъбныхъ магазиновъ, оплавиваемое "Московскими Въдомостями". Трудно предположить, что единственной причиной этой ивры была передача продовольственнаго дёла въ руки земства; гораздо вёролтнъе, что центральные магазины были признаны въ то время не достигающими цёли. Для того, чтобы собранный въ немногихъ магазинахъ хлъбъ безъ труда и просрочки могъ быть доставленъ въ мъстности, постигнутыя неурожаемъ, нужно такое развитіе путей сообщенія, которымъ Россія, тридцать пять леть тому назадъ, не обладала 1).

Въ вину земства ставится, далбе, недостаточное участіе въ техъ способахъ борьбы съ последствіями неурожая, которые и при действін новыхъ правиль не изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Если общественныя работы не получили широкаго развитія, то причину этому, по мижнію обвинителей, следуеть искать въ несоставленів или несвоевременномъ составленіи земствами проектовъ, плановъ и смъть, на основани которыхъ работы должны были производиться. Кредить на устройство дорожныхъ общественныхъ работь (съ обезпеченіемъ будущими поступленіями въ дорожный капиталь) остался въ большей своей части незатронутымъ. Не воспользовалось большинство земствъ и предложенными имъ безпроцентными ссудами на устройство продажи хлеба по заготовительной цене и на заготовку кориа для скота. Таковы обвиненія: посмотримъ теперь, въ какой степени они подтверждаются оффиціальными данными. Общественныя работы устраввались не только земствами, но и различными въдомствами, и крестьянскими учрежденіями — и тімь не менье не сьиграли видной роли въ борьбъ съ неурожаемъ. Это прямо указываетъ на существованіе общихъ препятствій, не зависъвшихъ отъ дънтельности или

¹⁾ Центральных клабных магазиновь было всего семь, на громадном пространства оть Камы до Чернаго моря.

бездействін земских учрежденій. О характерь таких препятствій даеть понятіе, отчасти, ссылка на климатическія условія, сдівланная въ приложения въ всеподданнъйшему довладу: въ уфимской губернін "какъ лісныя, такъ и желізнодорожныя работы встрівчали зимою большія ватрудненія въ необычайномъ обиліи выпавшаго спіта". Сивжною и продолжительною минувшая зижа была не только въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи. Въ харьковской губернін — читаемъ мы въ томъ же приложеніи — "земство возбудило рядъ ходатайствъ о сооруженій, съ продовольственными цёлями, новыхъ жельзнодорожныхъ и шоссейныхъ линій въ предвлахъ губерніи, которыя не могли быть удовлетворены немедленно, а ассигновать кредить на общественныя работы въ распоряжение крестьянскихъ учрежденій не оказалось возможности, за позднею разработкой предположеній по этому предмету". Отсюда ясно, одной стороны, что не всегда отсутствіе, въ данной губерніи, общественных работь зависёло оть земства, съ другой - что запаздывали съ составлениемъ плана общественныхъ работъ и врестьянския учрежденія. Проектировать работы безусловно полезныя и вийсти съ тимъ осуществимыя въ данное время и при данныхъ условіяхъ-очевидно не такъ легко, какъ думаетъ московская газета. Въ оренбургской губернін, гдв земства нізть, изъ ассигнованной на общественныя работы не особенно большой суммы (60 тыс. руб.) образовался значительный остатокъ. Въ сибирскихъ губерніяхъ общественныя работы, повидимому, вовсе не производились (кром' предпринятых по распоряженію комитета домовъ трудолюбія). Почему земства мало воспользовались ссудами за счеть дорожнаго капитала---угадать нетрудно: во многихъ губерніяхъ взносы въ этоть капиталь поступають неисправно, и отвътственность за ссуду могла бы пасть на общеземскія, н безъ того, въ большинстве случаевъ, крайне недостаточныя средства. Аналогичнымъ опасеніемъ, какъ видно изъ всеподданнъйшаго доклада, быль вызвань и отказь многихь земствь отъ ссудь на устройство продажи хивоа по заготовительной стоимости и на заготовку вормовъ для скота 1). Стараніе избіжать непосильной задолженности заслуживаеть, какъ намъ кажется, не порицанія, а одобренія. Добавочнаго труда земство, очевидно, не боллось: когда средства на покушку кормовъ для скота предоставлялись нуждающимся безъ возложенія ответственности на земство, последнее охотно становилось посреднивомъ между администраціей и населеніемъ. Въ тамбовской губернін, какъ видно изъ приложенія къ всеподданнъйшему докладу, всю

¹⁾ Цінш на хлібо, въ продолженіе послідней продовольственной кампаніи, не поднимались особенно высоко, такъ что едвали и была надобность въ повсемъстной организаціи продажи хліба по заготовительной цінь.

распорядительную дъятельность по этой операціи приняли на себя, по предложенію губернатора, м'єстныя уёздныя земскія управы. То же самое, судя по всеподданнъйшему докладу, можно сказать и о саратовской губернін. Выли, впрочемъ, случан, когда расходы на продажу хлёба по заготовительной цёнё и на покупку кормовъ для скога производились непосредственно изъ земскихъ средствъ: вятское земство, напримъръ, издержало на этотъ предметь свыше 450 тысять рублей... Подчервивая мнимую ацатію земства, московская газета замалчиваеть все то, что свидётельствуеть объ автивномъ участіи земскихъ учрежденій въ смигченін последствій неурожая. "Борьба съ цынгой"-- читаемъ мы въ приложеніи къ всеподданнёйшему докладу-"эперично велясь м'ёстнымъ (вятскимъ) земствомъ на собственныя средства и на суммы, ассигнованныя изъ мъстнаго губерисваго продовольственнаго капитала... Ворьба съ цынгою въ увздахъ мензелинскомъ и белебеевскомъ (уфимской губерніи) потребовала усиленныхъ расходовь со стороны м'естныхь земствъ... Больничекь земства н Краснаго Креста въ одномъ мензелинскомъ увздв было открыто шестьдесятъ". Да и вообще, возможна ли была бы сравнительно удачная борьба съ эпидеміями, еслибы не существовало постоянной земской медицинской организаціи?... Существенно важную услугу оказало земство еще въ одномъ отношении: въ всеподданнъйшемъ докладъ прямо признано, что задача крестьянскихъ учрежденій была облегчена въ тыхь мыстностяхь, гай они могли воспользоваться данными мыстной сельско-хозяйственной статистики. Елва ди можно сомивраться въ томъ, что здёсь идеть рёчь о земской статистиве. Затруднительность опредъленія разміровь нужды въ Сибири докладь объясняеть, между прочимъ, "отсутствіемъ необходимыхъ статистическихъ свёденій"—а въ сибирскихъ губерніяхъ нётъ земскихъ учрежденій.

Въ большую заслугу администраціи реакціонная печать ставить "еще болье рышительное, чыть прежде, обузданіе преувеличеній частной благотворительности. "Едва обозначалось гдь-либо быдствіе"— восилицають "Московскія Выдомости",— "какъ появлялись люди злонамыренные, чтобы, пользуясь тяжелымь положеніемъ народа, подкапываться подъ основы его государственнаго существованія. Въ последнюю кампанію этому вредному попустительству быль положень рышительный предыль... Правительство вполей справедливо, повидимому, полагало, что въ крайнемъ случай дучше даже обойтись совсёмъ безъ частной помощи, чыть подъ ен покровомъ допускать внесеніе въ населеніе политической смути". Читая эти строки, можно подумать, что частная благотворительность во время прежнихъ неурожаєвь была молько прикрытіемъ агитаціи, не встрычавшей, притомъ, никакихъ серьезныхъ препятствій. Ничего подобнаго, конечно.

не было въ дъйствительности. Что въ отдельныхъ случаяхъ за помощью голодающимъ скрывались намеренія другого рода-это возможно, хотя никаких фактических данныхъ, подтверждающихъ тавое предположение, во всеобщее свъдъние сообщено не было; но исвлюченія, по всей вероятности редкія, нельзя же возводить на степень общаго правила. Никогда частная помощь голодающимъ не достигала такихъ громадныхъ размёровъ, какъ въ 1891-мъ году-и твиъ не менъе она пользовалась широкой свободой и въ 1892-иъ году, очевидно потому, что никакихъ серьезныхъ злоумышленій во время предъидущей продовольственной вампаніи обнаружено не было. Избытвомъ довърчивости и тогдашняя администрація не отличалась; о "попустительствъ" съ ен стороны не могло быть и ръчи. Сначала она даже расположена была отрицать серьезность бедствія и необходимость усиленной борьбы съ его результатами; частному почину быль отврыть достаточный просторь лишь послё того вакъ цёлый рядъ фактовъ съ поразительною яркостью доказаль его плодотворность и его безопасность. Система ограниченій была пущена въ ходъ только весною 1898-го года, при первыхъ приступахъ въ организаціи частной благотворительности, когда о направленіи, которое она приметь, мыслимы были только догадии. То же самое, повидимому, можно сказать и о поздивишемь обострени мёрь предосторожности, затруднявшемъ для частныхъ лицъ и учрежденій активную номощь голодающимъ 1). Между темъ, отсутствие такой помощи составляеть пробель, ничемъ другимъ невосполнимый. Только она можетъ раскрыть все нужды населенія; только она, не довольствуясь простымь поддержаніемь существованія голодающихъ, можеть хоть сколько-нибудь противодёйствовать "пониженію уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія", всегда составляющему неизбіжное послідствіе неурожая. Припомнимъ, что именно частной инипіативъ лукояновскій утвадъ быль обязань, ранней весной 1892-го года, избавлениемь оть бездушной политики мъстных увздных властей, сдълавшей все отъ нея зависвишее, чтобы въ конецъ разорить населеніе; припомнимъ, что частная иниціатива создала лучшую форму помощи голодающимъ-деревенскія столовыя, открываемыя теперь и оффиціальными учрежденіями. Не даромъ же самая свётлая страница въ исторіи последнихъ голодовокъ отмечена именами гр. Л. Толстого и В. Г. Короленко. Дорога, притомъ, не одна матеріальная поддержка, оказываемая частною благотворительностью: невёсома и неизмёрима, но тёмъ не менёе громадна ценность той связи, которую она установляеть между раз-

¹⁾ Подъ вмененъ актисной номощи мы разумъемъ организацію столовыхъ, нежарень, яслей, пріютовъ и т. п. въ неурожайныхъ мъстностяхъ

личными группами населенія. Нравственный подъемъ, которымъ ознаменовано начало девятидеснтыхъ годовъ, не прошелъ безследно для русскаго общества. Чёмъ безцветне и тускле наша будничная жизнь, темъ ярче выделяется на ея фоне масса безкорыстваго, часто самоотверженнаго труда, вызваннаго борьбою съ голодомъ и эпидеміями—и темъ чувствительне потеря, сопряженная съ его предупрежденіемъ или прекращеніемъ... Пропаганда, пріурочиваемая къ народному бедствію, возможна, притомъ, и безъ прикрытія благотворительностью; несомненнымъ доказательствомъ этому служать недавнія событія въ полтавской и харьковской губерніяхъ. Изъ требованій охраны можеть вытекать надзоръ надъ законными формами деятельности, но не стесненіе ихъ, равносильное запрещенію.

Весьма пажную часть всеподданнъйшаго доклада министра внутреннихъ дълъ составляють указанія на то, въ какомъ смысле должень вестись дальнайшій пересмотрь узаконеній о народномь продовольствін. "Необходимо"---читаемъ мы въ довладъ -- почно выяснить и определить положение и обяванности земства въ области продовольственнаго дъла. По сложности своей этотъ вопросъ требуеть тщательнаго разсмотрвнія и соображенія съ возложенными на врестьянскія учрежденія закономъ 12-го іюня 1900-го года полномочіями, измънять коихъ не предполагается". Позволительно падъяться, что предположение, выраженное въ этихъ словахъ, не имъетъ силы окончательнаго решенія. Проекть общаго продовольственнаго устава, какъ видно изъ доклада, скоро будеть подвергнуть обсуждению "въ особомъ при министерствъ внутреннихъ дълъ совъщании, при участи нфкоторыхъ губернаторовъ и лицъ, близко стоящихъ въ продовольственному дёлу по службё своей въ крестынскихъ и земскихъ учрежденіяхъ". При такомъ направленіи дёла едва ли возможно предопределять заранее одну изъглавныхъ его сторонъ, съуживая, такичь образомъ, задачу и права совъщанія. Вопросъ о томъ, кому должно быть ввірено веденіе продовольственнаго діла, подлежить разсмотрінію наравий со всіми другими уже потому, что онъ им'веть ближайшую связь съ нуждами сельско-хозяйственной промышленности, обсуждаемыми теперь въ убядныхъ и губерискихъ комитетахъ. Некоторые изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, подали голосъ за возвращение продовольственнаго дела въ ведение земскихъ учреждений; трудио допустить, что мивніе ихъ останется вовсе безъ обсужденія. Въ томъ же смысль могуть высказаться и нъкоторые изъ земскихъ членовъ будущаго совъщанія, въ особенности если въ "служащимъ" въ земствь, т.-е. къ председателямъ и членамъ вемскихъ управъ, будуть при-

соединены и земскіе гласные. Результать одной продовольственной кампанін едва ли достаточень для того, чтобы признать за крестьянскими учрежденіями безусловное превосходство надъ земствомъ. При врайней скудости неоффиціальных сообщеній изъ неурожайныхь жістностей, едва ли возможна теперь полнан картина всего достигнутаго и недостигнутаго, всего сдъланнаго и несдъланнаго. Только по прошествін ніжотораго времени выяснятся окончательно послідствія неурожан, а следовательно и степень успёшности мёрь, принятыхь во времи продовольственной кампанів. Сь другой стороны, въ пользу возвращенія продовольственнаго дала въ ваданіе земства говорить одно важное соображеніе, преврасно выставленное на видъ въ статьъ г. В. Соволова: "По новоду предстоящихъ работъ по составлению общаго продовольственнаго устава" ("С.-Петербургскія Въдомости", MAN 304 и 305). "Земство" — говорить г. Соколовъ — "уще многое сделало для народа. Сно предпринимаеть рядъ меръ, направленныхъ въ поднятію козяйственной зажиточности населенія, стремится дать ему возможность предотвращать неурожан и вооружить его средствами для борьбы съ продовольственною нуждою. Эта творческая двательность въ ховайственной области навсегда останется за земствомъ. Неурожан, градобитія и вообще всяческія б'ядствія, постигающія населеніе- это лишь другая сторона жизненной медали, сторона отрицательная. Мы никакъ не можемъ уяснить себъ, почему сторона положительная, и къ тому же самая важная, вреряется земству, а другая, обратияя, предоставляется выдыню престыянскихъ учрежденій. Такое раздвоеніе, не оправдываемое никаними теоретическими соображениями, въ практическомъ отношении неминуемо можеть причинить вредь. Заботясь о ресширеніи врестьянскаго землевладенія, объ улучшеній свотоводства, о распространеній земледельчесвихъ орудій и машинъ, о травосьяніи и т. д., земство должно имъть увъренность, что его труды въ этой сферъ не пронадуть даромъ, не будуть уничтожены накою-нибудь несчастною случайностью. При выев существующей двойственности, такой увёренности не можеть быть у земства... Не во-времи поданная помощь, какъ нахлыы увшая волна, мигомъ смоетъ все, что годами насаждало земство... Какъ нельзя медицинскую часть расчленять на двъ совершенно са**м остоятельны**я половины — санитарную и лечебную, распредёливъ ихъ **тежду** двуми въдомствами, такъ нельзя дълить хозяйственную область верестьянской жизни, предоставляя заботу о ея подъем' вемству, а заботу о продовольствін—другимъ учрежденіямъ". Здёсь намінень жавь нельзя лучте слабъйтий пункть существующаго порядка. Если, по словамь всеподданнъйшаго доклада, "широкое развитие трудовой помощи недостижимо безъ живого участія земскихъ учрежденій", то не

менѣе цѣнно это живое участіе и въ другихъ видахъ продовольственной помощи, точно такъ же требующихъ близости къ населенію, знанія его нуждъ, сердечнаго отношенія къ нимъ и основательнаго знакомства со всѣми сторонами мѣстнаго хозяйства. Вполнѣ осуществимыми эти условія сдѣлаются только съ введеніемъ мелкой земской единицы; но и теперь земство удовлетворнетъ имъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ крестьянскія учреждекія.

Другіе вопросы, намізаемые въ всеподданнійшемъ довладі, касаются включенія общественныхъ работь въ число предписываемыхъ закономъ постоянныхъ мъръ борьбы съ продовольственною нуждою, наманенія порядка возмащенія продовольственных ссудь, установленія продовольственнаго налога и образованія центральных злібоныхъ складовъ. Что общественныя работы, въ неурожайные годы, могуть служить значительнымъ подспорьемъ для населенія — это безспорно; весьма важно определить точнее, на какія средства, по чьему распоряженію и подъ чьимъ контролемъ он'в должны быть производимы--- но едва ли возможно признать ихъ устройство безусловно обязательнымъ. При извёстныхъ обстоятельствахъ-напр. при раннемъ наступленіи и позднемъ окончаніи зимы, при эпидеміяхъ, ослабляющихъ трудоспособность и не допусвающихъ свопленія въ одномъ мъсть многочисленныхъ пришлыхъ рабочихъ, при эпизостіяхъ, быстро уменьшающихъ количество лошадей, --- общественныя работы, въ сколько-нибудь широкихъ размерахъ, могуть оказаться совершение неосуществимыми; видеть въ нихъ замену другихъ формъ продовольственной помощи было бы неосторожно. — Измънение порядка возмъщенія продовольственных ссудь мотивируется желанісмь сь одной стороны устранить благотворительный характерь помощи, получаемый въ тъхъ случаяхъ, вогда ссуда не взысвивается, съ другой-не отвгощать быстрымъ взысканіемъ ослаб'явшія оть неурожая хозяйства. Проектируется, следовательно, назначение более продолжительных сроковь для возвращенія ссудь. На правтив'в, въ большинств'в случаевъ, отсрочки и разсрочки и до сихъ поръ допускались весьма широко; твиъ не менве значительная часть продовольственнаго долга, не сложенняя со счетовъ въ силу милостивыхъ манифестовъ, все-таки оставалась и остается неуплаченною. Крестьянскія хозяйства, пострадавшія отъ неурожая, поправляются такъ медленно, неурожан повторяются такъ часто, общая сумма народнаго богатства такъ невелика, что ничего другого нельзя и ожидать, какіе бы ни были установлены сроки возврата ссудъ. Единственныть исходоть изъ ненормальнаго положенія мы продолжаемъ считать, поэтому, систему безвозвратныхъ пособій, производимыхъ отчасти изъ страховыхъ сборовъ, отчасти изъ общегосударственныхъ средствъ 1). Будетъ ли этотъ последній рас-

Digitized by Google

¹⁾ См. Внутр. Обозрвніе въ предъидущей книжкі нашего журнала.

ходъ обращенъ на существующіе уже источники государственныхъ доходовъ, будеть ли созданъ, для его покрытія, спеціальный налогьво всякомъ случай, онъ не долженъ упадать всецило на крестьянъ, безъ того уже несущихъ тажелое податное бремя. Повторяемъ еще разъ, поддержание голодающихъ-задача государственнаго характера; въ успъшномъ ея исполнения заинтересовано не одно только земледъльческое населеніе. Продовольственный налогь, если онъ будеть установленъ, долженъ быть налогомъ всесословнымъ. Съ точки зрвнія удобства прибъгать въ новому налогу, который усложникь бы еще больше и безь того уже сложную податную систему. — Что касается, наконецъ, до устройства центральных хлебных складовь, то оно несомненно можеть облегчить и усворить доставку катьба, въ неурожайные годы, въ мъстности, отдаленныя оть главныхъ железнодорожныхъ линій и оть средоточій хлібоной торговли. Рядомъ съ такими складами могли бы существовать и сельскіе магазины, въ особенности тамъ, гдв, вакъ совершенно върно замъчаетъ г. Соколовъ, они служатъ не столько для продовольствія во время голодовокъ, сколько для обсемененія полей въ нормальные годы.

Два мъсяца тому назадъ мы выразили надежду, что вниманіе, съ жоторымъ министръ внутреннихъ двль отнесся на работамъ курскаго земства по вопросу о мелкой земской единиць, устранить препятствія, встрічаемыя нівкоторыми земствами при обсужденіи этого вопроса. Эта надежда не оправдалась: образъ действій администраціи въ разныхъ губерніяхъ по прежнему остается различнымъ. Въ яро--славской губернін, напримёрь, вопрось о мелкой земской единицё сво--бодно обсуждался въ губернскомъ экономическомъ совете и въ увздныхъ земскихъ собраніяхъ-а въ пермской губерніи постановленія у вздных в собраній по этому предмету опротестованы губернаторомы; -опротестовано также аналогичное постановленіе нижегородскаго увзднаго земскаго собранія, и принятый собраніемъ докладъ увздной управы не допущень губернаторомъ въ печати. Что земство, выскавывансь за устройство мелкой земской единицы, не выходить изъ предъловъ, въ которые оно поставлено закономъ-это мы старались пожавать неоднократно 1). Столь же несомнина, въ нашихъ глазахъ, и своевременность постановки этого вопроса въ земскихъ собраніяхъ. О медкой земской единиць спорять въ газетахъ и на съездахъ, говорять въ у вздных вомитетахъ, думаютъ, повидимому, въ правительственныхъ -сферахъ; какимъ же образомъ можетъ молчать о ней земство, къ ко-

²) См., напр., Внутр. Обозрвніе въ № 1 "Вветника Европы" за 1902 г.

торому она подходить такъ близко, котораго касается такъ примо?... За отсутствіемъ юридическихъ доводовъ, реакціонцая нечать пускаеть въ ходъ привычные ей намеки: она даотъ понять, что вся кампанія за мелкую единицу ведется вследствіе какого-то тайнаго соглашенія, въ силу какого-то-mot d'ordre. Что ничего подобнаго нѣть на самомъ дёлё-лучнимъ доказательствомъ тому служить разнообразіе мнёній, высказываемыхъ земскими собраніями. Въ прославской губернін, напримёрь, губерискій экономическій совёть примкнуль въ сторонинамъ мельой земской одиницы, но изъ числа пяти убідныхъ зомскихъ собраній, мивнія которыхъ приведены ярославскимъ корреспондентомъ "С.-Петербургскихъ Въдомостей" (№ 311), за нее ръшительно высказались два, столь же решительно противъ нея-тоже два, а одно не ношло дальще пожеланія, чтобы продолжалось изученіе вопроса губернскимъ земствомъ. И съ этой точки зранів, сладовательно, нать причины стеснить свободу действій земства. Еще не упущено врема для осуществленія ея по отношенію къ губернскимъ земскимъ собраніямъ, сессія которыхъ предстоить въ декабрв масяца.

Различные взгляды на мелкую земскую единицу-различные въ особенности относительно св своевременности или несвоевременности -высказываются и въ убздныхъ комитетахъ. Въ кременчугскомъ комитеть, напримъръ, вопросъ о мелкой земской единиць остался отврытымъ, вероятно подъ вліянісмъ речей председателя комитета, утверждавшаго 1), что "нёсколько лёть тому назадь *вст*ь земства стояли за введение мелкой земской единицы, но съ прошлаго года перешли въ противоположной точкъ зрънія" (!). Ни въ какому ръшительному заключенію не пришель и костромской убадный комитеть. Вь малоархангельскомъ увздномъ комитетв большинство высвазалось противъ всесословной волости, находя, что крупные землевладельцы будуть вы ней подавлены представителями крестьянства. Къ присутствовавшему въ комитетъ волостному старшинъ одинъ изъ помъщиковъ обратился съ вопросомъ, желательна ли крестьянамъ всесословная волость? Не желательна - отвіналь старшина. "Вольше ничего не надо"—радостно воскликнулъ вопрошавшій 2), упуская изъ виду, что мижніе волостныхъ старшинъ далеко не всегда совпадаеть съ мижніемъ крестьянской массы; многіе изъ нихъ прямо заинтересованы въ сохраненін действующихъ порядковъ, при которыхъ лицу, облеченному властью, такъ легко составить себъ удобное и привилегированное положение. Само собою разумется, однако, что между волостными старшинами есть и такіе, которые способны смотреть на дело

¹) См. № 291 "С.-Петербургскихъ Въдомостей".

²⁾ См. № 9588 "Новаго Времени".

ве съ точки зрвнія своихъ личныхъ выгодъ. Въ рузскомъ убядномъ ломитеть, напримъръ, волостной старшина Оедотовъ прямо предложиль "учредить всессословныя волости или приходы для помощи земству, такъ какъ одно земство за всёмъ уёздомъ слёдить не можеть" 1). Къ тому же выводу приходить, другимъ путемъ, волостной старшина Константиновъ, высказывалсь за привлечение всехъ сословій въ участію въ расходахь на содержаніе волостного управленін и въ отбыванію мірскихъ повинностей, съ превращеніемъ ихъ изъ натуральныхъ въ денежныя. За мелкую земскую единицу подали голось, между прочимь, уёздные комитеты таганрогскій, нижегородскій, воронежскій, самарскій, белебеевскій, тираспольскій, більскій (смоленсвой губ.). Въ ся автивь следуеть внести и те многочисленныя мевнія увздиму комитетовь, которыя направлены къ уравненію крестьянъ съ другими сословіями. Еслибы такое уравненіе состоялось, естественнымъ последствіемъ его было бы управдненіе спеціально престъянской волости, на мъсто которой неизбъяно должна была бы стать другая самоуправляющаяся единица.

Въ дъятельности уъздныхъ и губерисвихъ комитетовъ, судя по свъдвніямъ, пронивающимъ въ печать, продолжають преобладать теченія, отміченныя нами въ предъидущихъ обозрівніяхъ. За широкое распространеніе народнаго образованія высказываются не только многіе комитеты въ внутреннихъ, земскихъ губерніяхъ-напр. белебеевскій, обоянскій, макарьевскій (нижегородской губерніи), костромской, самарскій, елецкій, воронежскій,---но и терскій областной комитеть, составленный, повидимому, исключительно изъ лицъ должностныхъ. Выслу-**Мавь доклады** совретаря статистическаго комитета и чиновника особыхъ порученій при м-въ земледьлія и государственныхъ имуществъ, терскій комитеть призналь необходимымъ введеніе въ области обязательнаго всеобщаго обученія. Столь же знаменательно и то, что многіе комитеты въ не-земскихъ губерніяхъ — напр. кіевскій, липовецкій, звенигородскій, сквирскій, таращанскій, староконстантиновскій, новоградъ-вольнскій 2), луцкій, гродненскій — подали голось за введеніе въ западномъ край земскихъ учрежденій, на общихъ съ земсвими губерніями основаніяхъ. Въ гродненскомъ убяд-

¹⁾ Тоть же волостной старшина доказываеть, въ особой записків, необходимость всділать для всіжь судь одинь", съ приміненіемъ къ крестьянамъ общихъ гражданскихъ законовъ, отмінить тілесное наказаніе и увеличить число гласныхъ отъ крестьянъ.

³) Въ составъ этого комитета входили три мировыхъ посредника, податной инспекторъ, помощникъ исправника, лъсной ревизоръ, семь помъщиковъ и два крестъянина.

номъ комитетъ указано было на необходимость измъненія правового положенія врестьянь и сравненія ихь въ гражданскихь правахъ съ лицами другихъ сословій, а также на необходимость подъема народнаго образованія, способнаго дать народу не только одну грамоту, но и развитіе умственныхъ и нравственныхъ силь, и вомитеть призналь эти указанія "въ высокой степени важными". Вопросъ о юридической равноправности крестьянъ съ другими сословіями поднять и разрішень утвердительно и въ одномъ изъ сибирскихъ вомитетовъ-нижнеудинскомъ (иркутской губерніи), въ средв котораго было выражено мивніе, что въ Сибири правовое положеніе крестьянина еще хуже, чёмь въ европейской Россін. Въ земскихъ губерніяхъ число комитетовъ, выдвигающихъ на первый планъ юридическую равноправность сословій и расширеніе общественной самолъятельности, постоянно растеть; къ названнымъ нами прежде присоединились комитеты воронежскій, костромской, развискій, белебеевскій, макарьевскій, елецкій, вольскій. Съ какою горячностью обсуждается эта тема-можно судить по отрывкамъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ костроискомъ увздномъ комитетв 1). "Обладай земство расширенными правами и увеличенными средствами" — сказалъ В. С. Соколовъ, --- "мы бы помогли невѣжеству и крестьянской слабости. А теперь попробуйте-ка почитать вечеромъ въ той же школъ мужичкамъ что-нибудь назидательное. Сейчась же вопросъ: а по какому праву? И пока мы будемъ тщетно искать этого права въ городъ у начальства, мужикъ, чтобы убить время (чёмъ же ему въ самомъ деле заняться?), пойдеть въ вабавъ. Да и у насъ съ вами дело обстоить не лучше въ этомъ отношения. Пока мы поедемъ въ Москву, чтобы испросить ходатайство прочитать что-нибудь по печатному, половина будущихъ слушателей пойдеть въ клубъ и засядеть тамъ въ карты или навъстить какой-нибудь кафе-шантанъ. Надо саминъ подняться, самимъ сдёлаться культурнёе и стараться культурнёе сдёлать другихъ. Необходимо самимъ подняться и поднять земство! На одномъ вагонъ всёхъ нашихъ нуждъ не увезешь"! Ю. А. Спаскій замётняъ, что "однимъ образованіемъ мучительный процессъ, переживаемый русской деревней, не облегчится; главную роль играеть здёсь ненормальность соціальных условій, въ которых тяжело жить темному мужику, а еще тяжелье будеть мужику образованному. Намъ говорять: сдылайте мужика культурнее; и эти печальныя условія падуть сами собою. Но въдь это значить объщать больному лекарство послъ того, какъ онъ выздоровъетъ. Говорятъ-рано давать мужику самостоятельность, онъ съ ней не справится; мы не созрёли, мы не поднялись до возмож-

¹⁾ Боле подробное изложение ихъ см. въ № 9585 "Новаго Времени".

ности регулировать жизнь собственными своими силами! Но историческое прошлое нашей родины говорить иное. Вёдь точно такія же рвчи о неимвніи привычки, о трудности приспособленія къ новымъ условіямъ мы слышали и при введеніи земскихъ учрежденій. А между тимъ результаты реформы, которой черезчуръ благоразумные дюди слено боялись, оказались блестящими. Населеніе, бывшее сначала подъ татарскимъ игомъ, а потомъ подъ игомъ разнообразныхъ правопорядковъ, не остановилось въ недоумвнім передъ освободительной реформой и сразу обнаружило огромную приспособляемость. Все хорошее въ русской жизни, на чемъ можно отдохнуть, дала эпоха великихъ реформъ, дали 60-е годы! Извёстный строй жизни всегда самъ за себя постоить; подготовленность здёсь играеть незначительную роль. И воть поэтому-то, я думаю, странно говорить о культурности, отнимая у населенія орудіе, которымъ оно можеть усившно бороться съ невъжествомъ. Начало просвъщенія народа лежить въ устраненін соніальных золь, подтачивающих современную деревню, и въ предоставленіи земству правъ и возможности взять на себя это многотрудное дъло". А вотъ, въ видъ контраста, отрывовъ изъ свазаннаго (въ рязанскомъ увадномъ комитетв) представителемъ противоположнаго направленія, земскимъ начальникомъ Тютчевымъ ¹). "Нашъ крестьянинь-развитой и умный. Если онъ увидить, что сосёдъ завель какоенибудь усовершенствованіе, приносящее пользу, то и самъ заведеть, если у него будуть средства. Безъ средствъ не поможеть нивакая вультурность. Чтобы улучшить сельскоховяйственную промышленность, не нужно заботиться объ особомъ поднятім культурности; не нужно врестынамь быть свободными гражданами. Дайте въ рязанскомъ уёздё побольше земли-и крестьяне заведуть хорошихъ лошадей, купять плуги и всякія манины, поднимуть культуру. Крестьянинь безсилень потому, что имветь только $2^{1}/_{2}$ десятины надъла. Стало быть, экономическія условія важиве культуры". Что экономическія условія въ высовой степени важны-это безспорно; но развъ улучшению ихъ не способствуеть культурность? Никто не утверждаеть, что все сводится къ улучшению правового положения крестьянъ; но какимъ образомъ можно отрицать тёснёйшую связь его сь матеріальнымъ благосостояніемъ-это для насъ загадка. Непонятно и то, почему развитымъ и умнымъ людямъ, вакими г. Тютчевъ признаетъ крестьянъ, "не нужно" быть свободными гражданами... Въ аккерманскомъ увядномъ комитеть выслушань быль докладь инспектора народныхь училищь, Д. Д. Сухорукова, о необходимости отмёны тёлесныхъ наказаній для крестынскаго населенія по приговорамъ волостныхъ судовъ и усмотрів-

¹) См. № 257 "Русскихъ Вѣдомостей".

нію административных властей. Земскій начальникъ Штанге возразиль докладчику, что возбужденіе этого вопроса не им'веть, для аккерманскаго у'єзда, практическаго значенія, такъ какъ съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ т'єлесныя наказанія зд'єсь бол'єе не прим'єняются. Другое возраженіе г. Штанге, бол'єе общаго характера, заключалось въ томъ, что административныя власти не им'єють прова подвергать крестьянъ т'єлесному наказанію. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что посл'єднее обстоятельство было очень хорошо изв'єстно г. Сухорукову; но в'єдь у'єзднымъ комитетамъ не возбранено касаться фактовъ, не основанныхъ на прав'є. Что касается до практики, введенной аккерманскими земскими начальниками, то она держится на волоскі, пока остается въ сил'є законъ, уполномочивающій волостные суды приговаривать къ т'єлесному наказанію, а земскихъ начальниковъ—допускать исполненіе подобныхъ приговоровъ.

Среди массы серьезныхъ вопросовь, затронутыхъ комитетами, есть и финансовые (комитеты самарскій и воронежскій высказались, напримъръ, за введение подоходнаго налога; елецкій комитеть-противь крайностей протекціонизма; мензелинскій комитеть указаль на тяжесть выкупныхъ платежей), и общеземскіе (комитеты елецкій и тираспольскій представили рядъ соображеній противъ фиксаціи земскихъ смёть; макарьевскій комитеть подаль голось за пересмотръ положенія о земсвихъ учрежденіяхъ, рузскій-за возвращеніе въ безсословному земству), и экономическіе (во многихъ комитетахъ заходила річь о малоземельй, какъ объ одномъ изъ препятствій къ развитію народнаго благосостоянія; высказывались разнообразныя митиія объ общинномъ владеніи), и юридическіе (рузскій комитеть обратиль вниманіе на безправное положение крестьянской женщины, причемъ одинъ ызъ престыянь выразился такы: оты тёлеснаго наказанія женщина избавлена, а оть дурака-кулака---нёть). Встрёчались предложенія, направленныя къ обостренію каръ за нарушеніе правъ собственности, за неисполненіе договоровъ-но, въ большинствъ случаевъ, они не находили поддержки. Въ рузскомъ комитетъ, напримъръ, указание на необходимость большаго обезпеченія сельских хозневъ противъ нарушенія условій найма со стороны рабочихъ вызвало возраженіе даже со стороны одного изъ земскихъ начальниковъ. "Установленіе для рабочихъ различныхъ стёсненій"-замётняв, по этому поводу, крестынинъ Өедотовъ, — "это возвращение въ връпостному праву. Кавъ заставить человека работать? У насъ есть контракты-судись. А владёть человёкомъ-нельзя. Если рабочій уходить, то самъ хозяннь виновать". Въ томъ же комитеть другой крестьянинъ (Моченовъ) предлагаль "для совращенія порубокъ налагать строгія навазанія", да и вообще "повысить навазанія за всё проступки"; но въ концё

концовъ комитетъ единогласно призналъ, что борьба съ преступностью должна быть ведена не усиленіемъ каръ, а путемъ поднятія благосостоянія и культурности населенія. Такое же противод'яйствіе мысль объ усиленіи репрессіи вызвала и въ комитетахъ черкасскомъ (донской области) и елецкомъ; въ посл'яднемъ она была заявлена крестьяниномъ, но крестьяне противъ нея и возстали. Знаменитый чернскій комитетъ остается, кажется, единственнымъ въ своемъ род'я; по крайней м'вр'я, намъ не случалось вид'ять въ реакціонной печати похвальныхъ отзывовъ о какомъ-нибудь другомъ комитетъ.

Какъ ни драгоцененъ матеріаль, представляемый заключеніями комитетовъ, онъ могъ бы быть еще богаче, еслибы всё предсёдатели жомитетовъ одинаково широко воспользовались своимъ правомъ приглашенія и призвали въ участію въ комитетахъ по меньшей мірув вськъ убздныхъ гласныхъ. На самомъ дълъ нъвоторые предсъдатели не пошли дальше состава, прямо указаннаго особымъ совъщаніемъ, или присоединили въ нему весьма немногихъ изъ числа мъстныхъ землевладъльцевъ. Мы едва ли ошибемси, если сважемъ, что именно въ такихъ комитетахъ работа щла съ наименьшимъ оживленіемъ и дала всего меньше крупныхъ результатовъ. Немногаго достигли кожитеты особенно въ отдаленныхъ и глухихъ мъстностяхъ, въ родъ сибирскихъ. Вотъ, напримъръ, что пишутъ "С.-Петербургскимъ Въдомостямъ" (№ 312) изъ Барнаула: "наши комитеты имъють по сравненю съ россійскими ту особенность, что въ нихъ совершенно лишень участія почти единственный землевладівлець и сельскій хознивъ въ Сибири-крестьянинъ. Въ комитетахъ заседаютъ исключительно чиновники различныхъ въдоиствъ. Гласность въ засъданіяхъ большинства какъ губернскихъ, такъ и увздныхъ комитетовъ отсутствуеть; ни публика, ни корреспонденты туда не допускаются; этой доли общественности вомитеты не лишались въ метрополіи даже самыми ретроградными председателями 1). Комитеты редко и плохо собираются, а иные даже совсёмь не собираются; матеріаловь они им'вють весьма скудное число; это указываеть на отсутствие общественнаго интереса въ нимъ. Въ убадныхъ комитетахъ предсъдательствуеть предсёдатель съёзда крестьянскихъ начальниковъ, т.-е. одинъ изъ крестьянскихъ начальниковъ, и онъ по своему усмотрению набирасть весь составь вомитета; это обстоятельство дёласть составь убедныхъ комитетовъ окончательно случайнымъ. Да, наконецъ, и су-

¹⁾ Корреспонденть ошибается: случан устраненія гласности бывали и въ европейской Россін—напр. въ николаевскомъ (самарской губерніи) увздномъ комитетъ, откуда, вслъдствіе этого, удалились нъкоторые члены, въ томъ числъ представитель казни, управляющій имъніемъ человъколюбиваго общества и два предсъдателя сел.жов. обществъ ("С.-Петерб. Въд.", № 302).

ществованіе убядных вомитетовь здёсь тоже случайность: отврить или не открыть въ извёстномъ городе увядный комитетъ зависить отъ мъстнаго губернатора. Поэтому, напримъръ, въ тобольской губернін вибсто убядныхь вомитетовь, имбющихь самостоятельное значеніе, учреждены увадныя предварительныя совъщанія, работы воторыхъ служатъ только матеріаломъ для губернскаго комитета. Въ другихъ губерніяхъ, большею частью, увадные комитеты учреждены не во всёхъ уёздныхъ городахъ: не изъ кого ихъ составить... Пока еще не поздно, следовало бы устранить для сибирскихъ комитетовь всв эти ненормальности, если только мы действительно хотимъ узнать нужды нашей далекой и общирной окраины, которой грозить въ недалекомъ будущемъ то же страшное оскульніе, которое такъ гнететь сердце Россін: припомнимъ только последнюю двухлётнюю голодовку, охватившую значительную часть Западной Сибири, и сосчитаемь тв усиленные расходы, которые понесла казна за эти два года на нашу окраину"!.. Въ виду разнохарантернаго, часто случайнаго состава вомитетовъ, серьезнаго вниманія заслуживають двё мёры, намеченния комитетами: кременчугскимъ-предварительное разсмотрвніе на містахъ (съ точки зрвнія ихъ осуществимости) предноложеній, на которыхъ остановится совъщаніе; рузскимъ-образованіе при совъщаніи особой коммиссіи для пересмотра земскихъ ходатайствъ, имвющихъ отношение къ сельско-хозяйственной промышленности и еще не разръшенныхъ. Послъдняя мъра предлагается лишь условно, на тотъ случай, если земскія собранія не будуть опрошены особымь совіщаніемъ. Нужно над'яться, что это условіе не наступить. Губерискія земскія собранія важно было бы выслушать уже потому, что они лучше губернскихъ комитетовъ, съ ихъ преимущественно административнымъ составомъ, могли бы обобщить массу мивній, высказанныхъ увздными комитетами. По отношению въ самимъ губернскимъ собраниямъ ту же отот выд выполнить ихъ уполномоченные, призванные для того въ особое совѣщаніе.

Министерство внутренних діль, въ виду неоднократных зенских ходатайствь, нашло необходимымъ приступить къ общему пересмотру нормъ, опредёляющихъ право участія въ земскихъ набирательныхъ собраніяхъ. Успішное осуществленіе такой работы возможно лишь при наличности матеріаловь, дающихъ полное понятіе о положеніи убзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, и точныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя могли бы быть приняты за основаніе новыхъ цензовыхъ нормъ. Исходя изъ этой мысли, министерство предложило земскимъ учрежденіямъ подвергнуть тщательному обсужденію вопрось насколько существующій размірь ценза какъ для землевладівльцевь,

такъ и для владъльцевъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, соотвътствуетъ современному положенію вещей. Привътствуя приступъ въ реформъ, настоятельность которой давно уже стоитъ внъ всякаго сомиънія, мы думаемъ, что необходимымъ дополненіемъ долженъ служить пересмотръ постановленій, относящихся къ избранію гласныхъ отъ врестьянъ и составляющихъ самый слабый пунктъ нынъшней избирательной системы.

Postscriptum. — Наше обозрѣніе было уже окончено, вогда мы прочли, въ "С.-Петербург. Въдомостяхъ" (№ 313) интересную статью г. Л. Дашкевича: "Продовольственное дело въ тамбовской губерніи". Общій ел выводъ заключается въ томъ, что новый порядокъ не подвинуль впередъ продовольственное дело. Такъ какъ продовольственная нужда могла наступить въ тамбовской губерніи не раньше весны, нъкоторые земскіе начальники не спішили доставлять губернатору данныя о ея размёрё. Тогда губернаторь, котораго торопиль Петербургъ, распорядился въ одинъ и тотъ же день (6-ое декабря) собрать во всей губерніи сельскіе сходы, которые сами, взамінь недоставленныхъ по формамъ свёдёній, должны были сказать, сколько имъ потребуется въ будущемъ продовольственной помощи отъ правительства. Тавая мёра вызвала во многихъ мёстахъ неумёренныя требованія и подала врестьянамъ несбыточныя надежды. Осенью же было приступлено къ закупев хлеба. Тамбовская губернія—по преимуществу ржаная губернія, По воличеству производства ржи она стоить во главъ всъхъ другихъ губерній; въ прошломъ году, особенно изъ ен южныхъ увздовъ, было вывезено милліоновъ пудовъ этого хлібов. Тімъ не меніве, и для этихъ увздовъ было решено въ Петербурге покупать рожь извив. А такъ накъ и по вачеству тамбовская рожь выше ржи всехъ другихъ губерній, то свой хорошій хлібов сталь вывозиться въ другія губернін и замвняться худшимъ изъ другихъ губерній. Такъ напримвръ, послв того, какъ въ ноябрв въ кирсановскій увздъ было решено ввезти нзвив, черезъ уполномоченняго отъ министерства финансовъ, 70 тысячь пудовь ржи, въ тоть же увздь въ декабръ прівхаль уполномоченный того же министерства, закупиль и вывезь оттуда вь пермсвую губернію по льготному тарифу около 60 тысячь пудовь ржи. Въ февраль губернаторъ повхаль въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ отивнъ такого порядка, что ему и удалось: для южныхъ уъздовъ была закуплена только местная рожь. Что касается продовольственныхъ требованій, то разница между ними по отдёльнымъ земскимъ участвамъ объяснялась не столько действительной нуждой, сколько разницею въ личныхъ взглядахъ отдёльнаго земскаго начальника. Иногда мало нуждающійся участокъ требоваль более сильно нуждаю-

щагося, рядомъ съ нимъ лежащаго. Объединить эту разницу во взглядахъ многіе увздные съвзды и не пытались. Сволько земскій начальникъ требоваль, столько онъ и получаль. Когда было приступлено въ составленію списковь нуждающихся, большинствовь земсвихъ начальнивовъ это было предоставлено всецёло волостному и сельскому начальству; личная проверка делалась въ редвихъ случаяхъ. Хлёбъ раздавался большею частью по списвамъ, составленнымъ сельскими писарями. Каждому земскому начальнику быль дань опредёленный хлёбный бюджеть; выдача въ большемъ или меньшемъ количествъ ставилась земскимъ начальникамъ въ вику. Между темъ, на дълъ овазалось, что заранъе составленные биджети не имъють никакого значенія. Во многихь участкахь они оказались слишкомъ недостаточными, и весною открылась нужда, которая не могла быть удовлетворена; въ другихъ остались излишви. Въ годъ средняго урожая, который прежде проходиль, обыкновенно, безъ особыхъ заботъ о продовольствін, губернская власть должна была посватить все время этому вопросу. Изъ губернім постоянно шли распоряженія, предписанія, запросы, большею частью по телеграфу, на имя исправниковъ, которые разсылали ихъ земскимъ начальникамъ съ особенными нарочными отъ земства. Эти нарочные такъ и сновали изъ города въ увздъ. О движеніяхъ хлебныхъ запасовъ требовались, в теперь требуются, чрезмірныя по своимь подробностямь відомости, составление воторыхъ перешло въ волостныя ванцелярін. Управлять изъ губернскаго города, а темъ более изъ Петербурга, живыть деломъ и регулировать издали подробности этого развътвленнаго дъла овазалось труднымъ. Посланныя бумаги часто не сходились съ дъйствительностью... Насколько такая картина, основанная на личныхъ наблюденіяхь, подтверждаеть взглядь на продовольственную реформу, выраженный нами выше---это не требуеть поясненій.

НА ПЕРВЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РАБОТАХЪ

По личнымъ навлюдениямъ.

Объ общественныхъ работахъ, предпринатыхъ въ помощь пострадавшимъ отъ голода въ 1891—92 годахъ, подъ управлениемъ и руководствомъ покойнаго генерала Н. М. Анненкова, составилось представление, какъ о работахъ мало производительныхъ, не достигшихъ результатовъ; что суммы, употребленныя и затраченныя на работы, явились брошенными деньгами; что отъ работъ не осталось никакихъ слъдовъ и т. д.

Такія отрицательныя заключенія объ этихъ работахъ совдались не безъ поспѣшности, страдають односторонностью и далеко не соотвътствують дѣйствительности.

По врайней мъръ, это такъ по отношению работъ по обводнению и возведению плотинъ, прудовъ и другихъ водозадерживающихъ сооружений въ тамбовскомъ и усманскомъ уъздахъ тамбовской губернии, въ бассейнъ р. Битюга, т.-е. того отдъла общественныхъ работъ, который признавался наиболъе важнымъ и имъющимъ огромное экономическое значение.

Говоря такъ, въ данномъ случав, мы отнюдь не опираемся исключительно только на собственныя наблюденія. На этотъ вопросъ
весьма враснорівчию отвівчають добытые факты и научныя изслівдованія, произведенныя літомъ 1900 года, подъ руководствомъ А. А.
Фока, завідующаго геодезическою частью экспедиціи по изслідованію источниковъ рікъ; всі эти факты и изслідованія опубликованы въ отчеті экспедиціи 1). Всі сооруженія генерала Анненкова, произведенныя во время общественныхъ работь, были
осмотрівны, обмірены и всесторонне обслідованы экспедиціей, причемъ по каждому пруду, путемъ опроса містныхъ жителей, возстанавливалась исторія его жизни, выясиялась степень необходимости
пруда для блинайшаго населенія, отмічались міры ухода, примірняемыя къ пруду, выяснялись причины размыва, если плотины пострадали, и даже опреділялась примірная стоимость ремонта пострадавшаго сооруженія. Въ результаті изслідованія начальникомъ геодези-

¹) Фактическія св'яд'янія объ насл'ядованіи А. А. Фока цитируются по "Русскимъ В'ядомостанъ", № 15—1902 г.

ческаго отдѣла экспедиціи сгруппированы всѣ осмотрѣнные пруды въ слѣдующія четыре категоріи: 1) пруды съ плотинами непромытыми, дѣйствующими исправно—37 сооруженій, или $40^{\circ}/\circ$; 2) пруды съ плотинами промытыми, но исправляемыми ежегодно кое-какъ,—такихъ прудовъ съ пониженнымъ горизонтомъ воды—24 сооруженія, или $26^{\circ}/\circ$; 3) пруды съ плотинами промытыми и оставленными безъ исправленія—27 сооруженій, или $29^{\circ}/\circ$; и 4) пруды непромытые, но не наполняющіеся водой—5 сооруженій, или $5^{\circ}/\circ$.

Такимъ образомъ, изъ полученныхъ экспедиціей данныхъ видно, что изъ 93 осмотр'внныхъ сооруженій *только 29*% промыты и оставлены безъ исправленія.

Такіе результаты превосходять, можно сказать, даже тв ожиданія, которыя можно было бы высказывать въ данномъ случав.

Въ моментъ изследованія прошло со времени общественныхъ работъ почти 10 лётъ, и что же мы видимъ? $71^{\circ}/\circ$ сооруженныхъ плотинъ являются до сихъ поръ способными действовать и приноситъ пользу населенію (въ 5 плотинахъ, не наполняющихся водой, могутъ быть вызваны источники, почему эти плотины необходимо отнести къ неутратившимъ утилитарнаго значенія).

Вспомнимъ, при какихъ условіяхъ организовались и происходили общественныя работы 1892 года. Прежде всего, основная ихъ цъльскорая, лихорадочная помощь истощенному и голодавшему населенію. Нужно было дать какъ можно скоръе и есъмъ голодающимъ заработокъ. Въ данномъ случав, о послъдствіяхъ работь и сооруженій, строго говоря, почти не думалось. Минуты были тяжелыя. Нужно было думать только и исключителько о работв, о хлебе для населенія. Это быль первый опыть, наскоро предпринятый, общественныхъ работь. Думать особенно не приходилось. Въ силу уже одного этого обстоятельства, безпристрастіе требуеть признанія возможности и ошибокъ, и промаховъ, и не тъхъ последствій, которыя можно было бы ожидать отъ общественныхъ работь въ томъ случав, если бы онв были предприняты и ведены спокойно, обдуманно, не съ той лихорадочностью, которая требовалась въ 1892 году. Ничего не было заготовлено, все нужно было организовать вновь. Пришлось наскоро составить контингенть техниковъ и производителей работь. Вознагражденіе ихъ колебалось отъ 75 руб. до 150 рублей, — для техняковъ, привыкшихъ обычно къ крупнымъ кушамъ, оно не Богъ знаетъ какое. Почему вхали техники на работы не особенно-то охотно и скоро. Прибавьте сюда холеру, свирвиствовавшую въ то время въ районъ общественныхъ работъ. Перспектива зараженія удерживаль многихъ отъ поездки на место работъ, а некоторые, принхавшие туда, убоялись и бъжали обратно. Не были заготовлены матеріалы и орудія производства работь. Требовался громадный, многотысячный транспорть желівныхь лопать. Высылка ихъ постоянно задерживалась и подолгу, такъ какъ не только на ближайшихъ рынкахъ, въ Липецкі, Мордові и др., лопать не находилось, но и съ отдаленныхъ рынковъоні скоро не могли быть получены.

Все вышесказанное привело къ тому, что общественныя работы замедлились, затянулись до осени, и къ вимъ оказались недоконченными нъкоторыя изъ сооруженій, хотя очень немногочисленныя. Такъчто весенняя полая вода въ этихъ недоконченныхъ плотинахъ нашла свою первую и върную жертву. Нътъ сомнънія, что такія недоконченныя плотины находятся въ числъ 29% промытыхъ и недъйствующихъ плотинъ.

Далее. Отношеніе врестьянь въ общественнымъ работамъ, въ ихъ руководителямъ, какъ видно будеть изъ моихъ дальнейшихъ воспоминаній, было безусловно отрицательное, по крайней мере, на первыхъ порахъ,—оно покоилось на невежестве и безиросветной тыме нашего народа. Населеніе относилось недоверчиво и въ наехавшимъ техникамъ, и въ работамъ, и въ прудамъ. И съ этой недоверчивостью осталось зимовать около сооруженныхъ прудовъ, которыхъ боялось (sic!).

При такихъ условіяхъ, глубовой ошибкой была надежда на то, что весной населеніе употребить всё усилія и заботы къ огражденію сооруженныхъ плотинъ отъ дъйствія полой воды, будеть бороться съней и устроить правильный надзоръ за ними и надлежащій уходъ. Къ тому же населеніе тёхъ мёстностей и понятія не имёло о такихъ, сравнительно, крупныхъ сооруженіяхъ, какія имъ оставили общественныя работы.

--- Ну-у, и прудищи!--говорили крестьяне, охан отъ изумленія;--у насъ теперича пруды-то соломкой запружены, курица въ бродъ перемахнеть, а энти--э-эвона кака махина!

Отсюда—непривычка, неумънье и незнаніе, какъ обращаться и охранять оть напора воды большія плотины.

Поэтому необходимъ былъ, весной 1893 года, правильно организованный, техническій, правительственный надзорь за сооруженными плотинами, чего не было въ надлежащемъ видѣ въ дѣйствительности. Можетъ быть, это произошло потому, что и тогда уже считали лишнимъ даже говорить объ общественныхъ работахъ; можетъ быть, въ то время звѣзда генерала Анненкова заватывалась. Не знаю. Все это уже розт factum. А я могу и буду говорить только о томъ, что было во время самыхъ общественныхъ работъ.

Отсутствіе надлежащаго ухода и надзора за сооруженіями было всюду. Но особенно плохой уходъ—за плотинами. Экспедиція А. А. Фока

отивчаеть это въ тёхъ случаяхъ, когда прудъ располагается на двухъ смежныхъ владёніяхъ. Туть каждый владёлецъ надёнлся на своего сосёда, и сооруженіе оставлялось въ жертву стихіямъ.

Теперь, принявъ въ соображение всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ происходили общественныя работы, —отсутствіе хорошаго и надзора, и ухода за прудами и плотинами—развѣ не дается право сказать, что результаты общественныхъ работь превосходять тѣ надежды, какін можно было возлагать на нихъ.

Весенняя вода шутви не любить. Плотины—больное м'всто всіхъ влад'ільцевь им'іній, мельниць и прочихъ предпріятій, въ которыхъ он'і им'ївотся. У самаго осмотрительнаго и д'ізтельнаго влад'ільца слишкомъ часто плотины уносятся и разрушаются полой водой, а иногда и сильными ливнями.

И что же мы видимъ? Изъ сооруженныхъ во время общественныхъ работъ плотинъ, черезъ десять лётъ послё ихъ сооруженія, при всёхъ неблагопріятныхъ условіяхъ ихъ постройки, охраны и ухода за ними, оказываются не утратившими своего утилитарнаго значенія 70%.

- А. Ө. Фортунатовъ, въ то время еще профессоръ Петровско-Разумовской земледъльческой академіи, въ концъ лъта 1892 года, на мой вопросъ,не знаеть ли онъ гдъ-либо мъста или работы, сказалъ мнъ:
- Потвывайте, если хотите, на общественныя работы. Я толькочто получиль оттуда свтденія, что тамъ нуждаются въ производителяхъ работь.

На другой день повздъ меня уже уносиль къ югу Россіи. Мий нужно было вхать по железной дороге до станціи Мордово, грязецарицынской линіи, а оттуда на лошадяхъ до села Политова—центральнаго пункта работь въ тамбовскомъ и усманскомъ увздахъ, где
находилась контора работь и жиль заведующій участковыми работами.

Я не буду описывать, какъ громыхаль пойздъ и какъ и о чень думаль я подъ его громыханья. И большіе художники, и поэты, и фотографы-бытописатели, сотни сотень разъ искали для своихъ твореній настроенія въ грохоті вагоновь. О чемъ я думаль? Все воображеніе, всі мои мысли неслись туда, куда уносиль меня пойздь. Время было страшное и тяжелое. Пережитой голодъ, пережитая и пережаваемая холера, давившіе, какъ страшный кошмарь, холерные безпорядки, жертвами которыхъ явились прежде всего тіз лучшіе русскіе люди, которые несли и силу, и трудъ, и знанія, и, въ данномъ случать, жизнь—ему, этому же темному, страшному въ своемъ невіжестві народу, который, будучи ослівилень безпросвітной тьмой, рваль на части этихъ людей. И я їхаль какъ разъ въ ту містность, гді только-что

разыгралась одна изъ страшныхъ трагедій русской жизни,—холерных волненія,—именно, въ мѣстность около злополучнаго села Абакумовки. Выло немножко и жутко за свое будущее. Но желаніе увидѣть, узнать, что дѣлается тамъ, внутри черноземной Россіи, внутри страданій и отъ голода, и отъ холеры, и отъ невѣжества, перечувствовать все на мѣстѣ—было сильнѣе, интенсивнѣе, и личное жуткое чувство казалосьсмѣшнымъ передъ этимъ моремъ народнаго горя.

Влизилась осень, а тамъ—и вима. Съ работами надо было спёшить. Я пробыль въ селё, гдё помёщалась контора, два дня, получиль всё руководящія начала отъ зав'вдующаго участковыми работами, забраль нивеллирь, желёзныя лонаты и уёхаль на границу усманского и тамбовскаго уёздовъ строить плотины.

Ужасовъ голода и холеры и уже не встрътилъ. Въ мъстности моихъ работъ урожай въ 1892 году былъ хотя и не хорошій, но посредственный, холера прекратилась; въ окрестныхъ селахъ, верстахъ въ десяти-пятнадцати, она еще вспыхивала кое-гдѣ, но это были ем послъдніе отголоски.

Населеніе входило въ свою почти обычную колею недобданія...

Нъсколько наиболъе яркихъ фактическихъ наблюденій и впечатлъній, вынесенных мною съ общественных работь, о которых я хочу здёсь разсвазать, рисують ту страшную, безпросвётную тьму и поразительное невъжество, соединенное съ недомысліемъ, которыя держать въ своихъ объятінхъ нашъ народъ. И до техъ поръ, пока эта тьма не разсвется и свъть широкаго образованія и просвъщенія, а не механической грамотности только, не озарить русскую землю,---всъ прогрессивныя начинанія, всё экономическія и другія реформы будуть разбиваться о твердыни народной косности. Во всякомъ случав, до твхъ поръ, покуда народъ нашъ не усвоить хоти бы простую элементарную грамотность, никакія міропріятія, никакія реформы им'ять прочнаго благотворнаго значенія не могуть. Для прочнаго воплощенія ихъ въ жизненныя формы необходимо самосознаніе народной массы: а разъ его нътъ, не будетъ и народнаго успъха. А какое же самосознаніе и вакой свёть можно отыскать тамъ, гдё возможны такія явленія, какъ холерные безпорядки, или такое міросоверцаніе, какое я видълъ среди врестьянъ во время общественныхъ работь?

Какъ относились крестьяне къ общественнымъ работамъ, къ ихъ руководителямъ и производителямъ, къ техникамъ?

Здёсь я нахожу полную аналогію съ отношеніемъ населенія многихъ м'єстностей къ медицинскому персоналу во время эпидеміи холеры. Тоть же скептицизмъ, то же недов'єріе, та же фанатическая темнота. Только отношеніе къ производителямъ общественныхъ работъ нигдѣ не перешло въ активное,—оно осталось потенціальныхъ. Отрицательное отношеніе къ общественнымъ работамъ высказывалось словами открыто, въ словахъ чувствовалось подчасъ "сердце", призывъ "къ дѣйствію", но, однако, послѣдвяго нигдѣ не случилось. Какъ колерные безпорядки происходили только въ началѣ ноявленія холеры и впослѣдствіи не возникали,—какъ населеніе, на первыхъ порахъ враждебно относившееся къ медицинскому персоналу, затѣмъ привыкало къ нему и во многихъ мѣстахъ, по окончаніи холеры, провожаю врачей, фельдшеровъ и студентовъ съ глубокой благодарностью, напутствуя ихъ иконами,—такъ и къ производителямъ общественныхъ работъ отношеніе было и недовърчивое, и отрицательное только въ началѣ работъ. Вотъ нѣсколько эпизодовъ и фактовъ, иллюстрирующихъ это отношеніе.

Какъ извъстно, въ тамбовской губернін разразились колерные безпоряден въ селъ Абавумовкъ, абавумовской волости, тамбовскаго уъзда. Врачь абакумовской больницы, г. Цевтаевъ, быль съ трудомъ спасенъ и скрыть оть озвёрёлой толны. Тяжелый эпизодь такъ страшно повдіяль на г. Цевтаева, что онь уже не вь силахь быль возвратиться къ медицинъ и, разбитый и въ конецъ разстроенный нервно, скороталъ последніе годы жизни въ ванцеляріи тамбовской губериской земской управы, своичавшись въ 1898 году. Во время происходившихъ безпорядвовъ въ селъ Абакумовкъ, на земляхъ, принадлежащихъ сосъднимъ съ Абакумовкой селеніямъ, происходили общественныя работы по сооружению плотинъ и прудовъ. Руководители работъ, чувствовавшіе яъ себ' отрицательное отношеніе крестьянь и предупрежденные о томъ, что имъ можеть грозить участь врачей, принуждени были прекратить работы и убхать въ Липецкъ, какъ ближайшій городъ. Но одинъ изъ руководителей работъ, -- человъкъ пожилой, переживавшій уже закать жизни, не увхаль-, все равно, рівшиль я,передаваль онъ мив после, --убырть, такъ убырть, умирать надо, а к ужъ жизнь прожилъ"---и остался одинъ-одинёшеневъ среди возбужденнаго населенія въ сел'в Куксов'в, -- томъ самомъ Куксов'в, "барышнипомъщицы котораго пускали въ народъ шмару (заразу) изъ подворныхъ трубъ съ балкона барскаго дома" (см. отчетъ по дълу о колерныхъ безпорядвахъ въ селъ Абакумовкъ). Двигавшіяся на безпорядка въ Абакумовку толпы народа проходили мимо квартиры убъленнаго съдинами производителя общественныхъ работъ, и ему, по своему адресу, пришлось выслушать не мало угрозь съ последовавшими потрясаніями въ воздухв кулаковъ обевумвиней толин: "Увзжай скорве, --- кричал ему изъ толпы, — а то и тебъ тоже будеть, что мы сдълаемъ сейчась докторамъ. И тебъ также кишки выпустимъ! Ишъ, окаянные, понаъхали народъ-то морить"!

Но гроза пронеслась. Дальше угрозъ дёло не пошло. И старца миновала горькая чаша растерзанія толной, — можеть быть, почтенная старость только и спасла его; страсти понемногу улеглись. Черезъ три-четыре дня, возбужденный, а потомъ успоконвшійся народъ опять сталь понемногу собираться на пруды и плотины, и работы продолжались спокойно. Какъ я упомянуль, я пріёхаль на работы, когда уже и голодъ и колера остались въ прошломъ, когда населеніе успокоилось и перешло къ нормальному влаченію тяжелой жизненной лямки. Между тёмъ, воть что я услышаль и увидёлъ.

Первымъ моментомъ работъ при возведении плотинъ являлись разведочныя работы и изследованія, съ цёлью опредёленія, насколько великъ въ "балкахъ" и оврагахъ почвенный, наносный слой. Въ случаяхъ, когда до "грунта", до глиняной подпочвы было слишкомъ глубоко, сооружение плотинъ въ такихъ мъстахъ признавалось неудобнымъ и нежелательнымъ. Прочность такихъ плотинъ была бы сомнительна, а постройка обходилась бы значительно дороже. Поэтому изсавдованія и работы начинались съ буренія. Когда я, по прівздв на общественныя работы, на земляхъ первой деревни, гдв намъчены были плотины, началь производить буреніе оврага, гдё имёль въ виду построить плотину, около меня начала собираться постепенно большая толпа народа. Скоро посмотреть на невиданную диковинку высипало все село отъ мала до велика, и оврагъ на всемъ протяженіи усвянь быль и малышами, и муживами, и бабами, и сёдыми патріархами деревни. Съдые старцы, можеть быть, много лъть не сползавшие съ печи, теперь стояли здёсь и, опершись на свои костыли и "бадоги", сосредоточенно и зорко смотръли за моими дъйствіями и "ковыряніемъ" земли; бабы-старухи вздыхали и по молчаливой, сосредоточенной толив то-и-дело проносилось: "о, Боже!" "о, Господи!". Всв недоумъвали. Даже обычно шумливая и веселая дътвора жалась въ сарафанамъ своихъ "мамокъ".

Понемногу до меня стали доноситься и протестующіе, глупые по своей нел'япости, зам'ячанія и выводы, которые начали во мні возбуждать чувство боязни этой загадочной въ своемъ нев'яжеств'я толпы.

— Вишь, —слышалось мив, —прівхаль. Воть, наковыряєть ямь-то, а потомъ напустить туда яду. Потомъ прудъ-оть запрудить, а ядь изъ ямь выйдеть и отравить всёхъ нась и всю нашу скотину!

"Боже, что это? Сонъ это, или дъйствительность? — думалось мнъ. — Гдъ же у этихъ людей разсудовъ? И какъ мы ни освъдомлены о невъжествъ народной массы, имъемъ ли мы понятие о всей бездонной пропасти этого невъжества и этой темноты"?

Когда же я, окончивъ произведенное въ несколькихъ месталь оврага бурепіе и рішивъ, что въ оврагі возвести плотину представляется возможнымъ, вынуль изъ ящика нивеллиръ, поставиль и украпиль его на треножника и приступиль къ нивеллировка, -- вся громадная толпа вакъ-то замерла въ нѣмомъ ожиданів. Всв пересуди, всё возгласы, замечанія-прекратились. Нёмая тишина длилась несколько минуть. Пока я возился около нивеллира, устанавливаль его,назалось, что около меня толпы въ 200-300 человъкъ совстмъ не было, что я стою одинъ среди пустыннаго оврага. Стариви и старухи врестились и въ безмолвномъ молчаніи уходили. Когда же десятнивъ съ рейвой ушелъ саженъ на 50 и и началъ смотрёть на рейку въ нивеллиръ, а потомъ заносить въ памятную жнижку результаты нивеллировки, изъ толиы до меня стало доноситься:---. Ну вакъ же не нечистая сила,—нешто можно изъ такой дали какую ик на есть тамъ цифирь равобраты" — "И впрямь черти, —гнать ихъ надо, воть что!"---Кое-ето отхаркивался и въ негодовании плеваль.

Становилось жутко...

По окончаніи нивеллировки, я нредложиль врестьянамь взглянуть въ нивеллирь на дёленія рейки.

- Только, смотрите, остороживе,—не уроните, не сдвиньте! предупредиль я крестьянъ.
 - "- Вишь ты, живан!"-почему-то раздалось изъ толиы.

Но затёмъ толпа стала выходить изъ оцёпенёнія. Появились на лицахъ улыбки. Стоявшіе впереди не особенно охотно, съ опасеніемъ стали приближаться въ нивеллиру. Рёшилась подойти молодежь. Стариви, восо поглядывая, не подавались. Піонеры, послё замётнаго волебанія, рёшились, наконецъ, взглянуть въ "чортову рогулину", какъ, смёясь впослёдствіи надъ своей темнотой, крестьяне наименовали нивеллирь.

И каждый смотрівшій въ нивеллиръ ахаль и охаль отъ необичайнаго изумленія, видя діленія и цифры рейки, тогда какъ простымь глазомъ, какъ кто ни старался разсмотріть что-нибудь, прикладывая къ глазамъ кулаки, на манеръ бинокля, и защищая глаза отъ солица ладонью, но ничего разглядіть не могь. Вся толпа понемногу продефилировала передъ нивеллиромъ, заглядывая въ него, щупая и трогая и самий нивеллиръ, и треножникъ, и ащикъ, въ который нивеллиръ складывается. Казалось, толпа никакъ не могла уйти безъ того, чтобы не отъискать въ нивеллиръ хоть маленькаго чертенка.

"— И што за штука такая, што за орудія?"—слышалось изъ толш, уже мягче и примиреннъе настроенной.

Бояться мив больше было нечего. Толиа была побыждена вполив. Не устояли и стариви.

На другой день утромъ въ оврагъ опять собралась вся деревня, но

уже въ праздничныхъ костюмахъ, съ радостно настроенными лицами и съ сердцами, открытыми для добрыхъ, хорошихъ чувствъ и движеній. Мы молились передъ открытіемъ работъ. М'єстнымъ церковнымъ причтомъ быль отслуженъ молебенъ. И работы закипъли.

Перехожу къ другимъ картинамъ.

Въ одной изъ деревень, гдѣ я намѣтилъ сооруженіе плотины, инѣ такъ и не пришлось приступить къ ней, по безусловно отрицательному настроенію врестьянь въ такому сооруженію. Когда я пріѣхаль въ деревню и отправился осмагривать балки и овраги,—въ деревнѣ собралась сходка. Въ результатѣ ко мнѣ явились парламентерыходаки и заявили мнѣ, чтобы я уѣзжаль отъ нихъ:—"А то, господинъ, кабы худо не было,—старики, вишь, противятся. Бають, каку
тамъ воду намъ привезли. Нешто мы безъ ихъ воды-то не проживемъ.
И-шпо отравимся". Когда я проѣзжаль по улицѣ, какой-то бородатий Власъ, потрясая посохомъ, крикнулъ по моему адресу: "Проваливай..."; далѣе слѣдовала чисто русская, отборная брань.

А черезъ двѣ недѣли врестьяне этой самой деревни приходили во мнѣ за шесть верстъ н умоляли сдѣлать имъ прудъ.

"Ты ужь насъ прости. Темный народъ. Ишь ты, вёдь мы дураки. Ахъ, ты, Господи!"—твердили врестьяне, въ числё которыхъ, съ покорной головой, стоялъ и дёдъ, вылившій на меня ушать брани.

Осень приближалась. Я боялся не окончить къ заморозкамъ пруда. Такъ крестьяне и остались безъ него.

Завъдующій участковыми работами нашего района, окончившій курсь въ Петровско-Разумовской земледъльческой академіи, П. О. М—скій, быль сильный брюнеть, южанинъ-хохоль, съ черными громадными выпуклыми глазами, большимь, широкимь лбомь и черными, смоляного цвъта волосами, дюбившій носить на пальцахъ громадные ногти. Въ то время слишкомъ усталый, нервно-бользненный, онъ смотръль на собесъдника, если можно такъ выразиться, напряженно-тоскливо, оставляя впечатльніе какого-то магнетизера-чревовъщателя. Темное населеніе утвердилось во мнініи, что "этоть черный"—не кто иной, какъ антихристь; остальные же производители работь—его подручные, а попросту—черти. Толки среди населенія о длинныхъ ногтяхъ М—го, которые должны были служить, несомніню, главнійшимь признакомъ и аттрибутомъ антихриста, были настолько сильны и упорнонадобадливы, что обладателю ихъ пришлось разстаться съ ними и срібзать ихъ.

А воть и еще случай, указывающій, какія хитросплетенія выдівлываеть народная психологія по канвіз невіжества.

Разсчеть за произведенныя работы производился нами еженедѣльно, по воскресеньямъ. Порядокъ составленія вѣдомостей, по ко-

Томъ VI.-Декаврь, 1902

торымъ дѣлалась выдача заработанныхъ денегъ, былъ слѣдующій. Десятникъ каждой возводимой плотины вносилъ ежедневно къ себѣ въ книжку всѣхъ работавшихъ на плотинѣ и вечеромъ, ежедневно, послѣ окончанія работъ, передавалъ списки конторщику. Конторщикъ составлялъ еженедѣльную вѣдомость, по которой разсчетъ производился всегда самимъ производителемъ работъ.

При производствъ перваго по началу работъ разсчета, у меня оказалось нёсколько человёкъ, и довольно много, заявившихъ мнё о томъ, что они всв работали на прудахъ, -- между темъ въ составленной въдомости ихъ не оказалось. Я пересмотрелъ еще разъ всю ведомость, -работало на каждомъ пруду по нескольку соть мужчинъ и женшинъ, - и въ ней выражавшихъ претензію не оказывалось. Призванные десятники и конторщики снова тщательно провёрили свои записи и свёрили вёдомость. По заявленію десятника и конторщика все было върно. При очной ставкъ десятника и всъхъ заявившихъ о томъ, что они работали на плотинъ, десятнивъ сказалъ, что, какъ онъ помнить, всъ эти лица, дъйствительно, работали на прудъ и въ въдомость были имъ всв занесены. Такъ ничего и не выяснялось. Я приходиль въ полное отчанніе и недоум'вніе. Плутовства какого-либо со стороны десятника и не подозръвалъ, -- онъ внушалъ мнъ довъріе, считался у меня лучшимъ десятникомъ; да и какой смыслъ быль ему не заносить работавшихъ на пруду въ списки? Единственное предположение, возможное здёсь, которое могло бы руководить десятникомъ, это-честь. Но месть въ десятку, двумъ людей, да еще и въ чужой деревет (десятники всегда брались изъ другихъ, по возможности, отдаленныхъ деревень, во избъжаніе "связей" съ населеніемъ, лицепріятія и проч.), особенно же на первыхъ порахъ работъ, когда для образованія таких злыхъ чувствъ еще не было и времени, предположить было нельза. Къ тому же и десятникъ призналъ всёхъ работавшихъ на прудахъ, заявляя лишь настойчиво, что всё они въ вёдомость занесены.

Съ другой стороны, въ въдомости оказалось очень много лицъ, ме ленешихся за разсчетомъ. Это также казалось страннымъ. Въ денгахъ была неимовърная нужда у каждаго. На разсчетъ каждый спъщилъ съ нетерпъніемъ. И въ конторъ, и около, и на всей улицъ была масса народа. Едва ли кто усидълъ дома. И вдругъ многихъ нътъ.

При вывликаніи н'вкоторыхъ именъ и фамилій, присутствующіє крестьяне выражали недоум'вніє (какъ видно будеть послів, напускное). При вызов'в одного крестьяне заявляли, что такого у нихъ въ селеніи никогда и не было. О другомъ говорили, что такой, д'яйствительно, былъ, да давнымъ давно покоится на кладбищ'в. Выкличка третьяго вызывала чуть не гомерическій хохотъ: оказывалось, что такой крестьянинъ или крестьянка "есть на селеніи, да старые, ста-

рме, и не только на прудахъ работать, но и съ печи-то еле слъзають".

Я недоумъвалъ, и меня начинало это сердить. Воображение рисовало признакъ насмъшки или издъвательства. Но въ общемъ все казалось страннымъ и крайне меня озадачивало.

Побившись безъ толку еще нѣсколько времени, я записалъ имена и фамили всѣхъ занвлявшихъ, что они работали на прудахъ, но оказались незанесенными въ списки и вѣдомость, велѣлъ десятнику и конторщику еще разъ свѣрить тщательно свои ежедневныя записи съ вѣдомостью и отложилъ разсчеть до слѣдующаго дня.

Черевъ нѣсколько часовъ послѣ разсчета, уже ночью, часовъ въ 11—12, ко мнѣ пришли десятникъ и конторщикъ и сообщили слѣ-дующую разгадку происшедшаго недоумънія.

У врестьянь, еще до вознивновенія работь, создалась легенда, будто во построенных прудахь будуть впослюдствій топить всихь работавших на нихь молодыхь мужчинь и женщинь.

Самый лучшій и вірный исходь избавленія оть такой страшной перспективы быль бы въ томъ, еслибь молодыя силы деревни совсімъ не посімдали общественныхъ работь; но какъ же пропустить рублишко-другой, когда этоть рублишко страшно дорогь и когда представляется возможность его заработать! Что же туть ділать? Послів продолжительныхъ размышленій и была придумана слідующая комбинація: работать необходимо, но записываться надо именами дідушекъ и бабушекъ, живыхъ и мертвыхъ; съ умершаго ничего не возьмешь, а живого діда или живую бабку и утопять потомъ, такъ біда небольшая. Пожили и довольно,—слава тебі, Господи! Да ихъ и не утопять, потому вому дряхлыхъ-то да старыхъ надо,—відь топить собираются только молодыхъ.

Создавъ такую фантасмагорическую комбинацію, молодыя силы деревни и приступили къ работамъ подъ прикрытіемъ тіней своихъ предковъ, живыхъ и мертвыхъ.

— Ловкую штуковину мы прядумали!-рашила деревня.

Когда я, подучивъ эти разъясненія отъ конторщика и десятшика, подсчиталь число приходившихь за разсчетомь и оказавшихся, якобы, незанесенными въ списки и въдомость, и число тъхъ, которые оказались занесенными въ въдомость, но неявившимися за разсчетомъ и ше могшими явиться потому, что одни изъ нихъ лежали давно въ сырой могиль, а другіе были прикованы старческими недугами къ печи, и сравниль два полученныя числа—они были тождественны! При производствъ разсчета на другой день всёхъ оставшихся неразсчитанными наканунь, пришлось отыскивать ихъ по записаннымъ въ въдомости именамъ ихъ бабущекъ и дъдушекъ, живыхъ и отошедшихъ въ въчность. Разсчитывая этихъ наивно-хитроумныхъ парней и дѣвицъ, молодыхъ муживовъ и бабъ, я обращалъ вниманіе на возрастъ ихъ. Это былъ, дѣйствительно, народъ все молодой: старшему было 26 лѣтъ.

Не мало было смъха самихъ крестьянъ въ этотъ день и въ последующее время надъ своей хитросплетенной выдумкой. Я помню, постоянно после вышучиваль ею крестьянъ, и это вышучиваніе, вызывая горькую и добродушную вмъсть съ темъ иронію надъ собой, надъ собственнымъ бездоннымъ невъжествомъ, сближало меня и крестьянъ все больше и больше. Этотъ смъхотворный и одновременно грустний эпизодъ былъ последнимъ актомъ скептическаго ко мнт недовърія, и къ концу работъ оно совершенно сгладилось и исчезло.

Замъчательна въ этомъ эпизодическомъ случат та сторона, что крестьяне сами не раскрыли мнт при разсчетт свою выдумку, будучи, очевидно, готовыми не получить разсчета за труды своего молодого поколънія. Можетъ быть, ими руководила та мысль и соображеніе, что въ концъ концовъ я признаю пропускъ и виновность со стороны десятника, и разсчетъ все-таки произведу. "Записаны" въ антихристовы книги работавшіе такъ и не будутъ, а деньги все-таки получатъ. Только уже десятнику и конторщику, какъ ближе стоящимъ къ народу и пользующимся, очевидно, большимъ его довъріемъ, чти им, классъ интеллигентный, удалось напасть на слъдъ столь смутившаго меня, непонятнаго вначаль эпизода и разъяснить его!

Такъ вотъ каково міросозерцаніе нашего парода, и вотъ каково было мижніе крестьянъ о производителяхъ общественныхъ работъ въ началѣ ихъ.

Населеніе, привывшее въками къ тому, чтобы все только отдавать да отдавать, не могло себъ и представить возможности, чтобы воть такъ, ни съ того, ни съ сего, пришли къ нему добрые люди, и не только безплатно понастроили ему пруды, но еще дали и заработокъ. Туть что-нибудь да не такъ, —работала непривывшая къ такить ивленіямъ, темная народная мысль, полная суевърій и скептицизма. Это-моль не добрые люди, а злые, и не только люди, а пожалуй, и сверхъестественныя силы, подъ видомъ добра, явились завлечь въ свои съти народъ. И надо ихъ остерегаться.

И фантазія налегала на фантазію, выдумка одной старухи погоняла выдумку другой. Легенды росли и обращались въ цёлыя фантасмагоріи. Темпая, невёжественная, невооруженная никакими научными знаніями, отторгнутая отъ культуры, разобщенная съ интеллигенціей толпа, не находя выхода и объясненія непонятныхъ для неи и мучившихъ ее вопросовъ, рёшала, что понаёхали злые люди, привинувшіеся овечками, посланники антихриста. Да онъ и самъ тутъ. Вонъ, тотъ самый "черный", съ когтями.

Но проходили недъли, мъсяцы. Плотины выростали, пруды наполнялись водой; стали пить ее крестьяне, стали купаться въ прудахъ. "И ничего,—вреды никакой не видно". Всъ радовались такому небывалому еще въ той степной мъстности обилію воды. А когда никто изъ ожидавшихъ смерти и страшнаго суда и со страхомъ прикасавшихся къ антихристовой водъ не умиралъ — тогда уже всякимъ опасеніямъ и подозръніямъ не стало ни почвы, ни мъста.

Итакъ, съ плотинами, созданными общественными работами, дъло обстоить, какъ теперь видно, не такъ плохо, какъ то принято думать. 40°/о изъ нихъ д'яйствують вполнъ исправно и не требують нивавихъ исправленій; 30% исправляются кое-какъ крестьинами и, следовательно, нуждаются въ капитальныхъ исправленіяхъ. Нетъ сометнія, что и остающіеся 30°/о могли бы быть въ значительной степени, а можеть быть и цёликомъ, возвращены къ дёятельности и жизни. Начальникъ геодезического отдъла экспедиціи въ указанномъ отчеть считаеть чрезвычайной необходимостью исправление плотинъ, сооруженных общественными работами, и предлагаеть приступить къ ремонту и возобновленію плотинъ немедленно. Отчеть говорить, что нынъ сами врестьяне, буквально, умоляють о поддержив и возобновлении прудовъ, предлагая свой безплатный трудъ и выражая желаніе собрать ту мли иную сумму на ремонтъ, - напримъръ, крестьяне с. Сосновки. Стоимость ремонта плотинъ исчисляется въ суммв около 19 тыс. рублей. Но эта сумма будеть и того меньше, такъ какъ крестьяне, вив всяжаго сомнънія, дадуть свои рабочія руки. Имъ нужно только руководительство и техническія указанія. Исправленіе плотинь безусловно необходимо и возможно скоръйшее. Въ той мъстности нужда въ водъ громадная. А между тёмъ, неисправленныя плотины будуть приходить съ важдымъ годомъ въ болъе безнадежный видъ. Надобно думать, что ивстное тамбовское земство поспешить взяться за это дело.

Н. М-скій.

NHOCTPAHHOE OBO3PBHIE

1 декабря 1902.

Печальныя собитія въ Македонін.—Родь европейской дипломатіи въ устройстві турецкихъ дізль.—Мисль о созваніи европейской конференцін.—Политика Вильгельна II и внутренкіе вопроси въ Германіи.

Положеніе діль въ Македоніи и въ другихъ христіанскихъ областяхъ Турціи ухудшается съ каждынъ днемъ. Турецкія власти предоставляють башибузувамь усмирять населеніе по испытанному турецкому способу: убійства, грабежи и всевовножныя насилія свирішствують повсюду, гдв обыватели принадлежать вы числу безправныхы "гауровъ". Въ спеціальномъ журналь "Mouvement macédonien", о которомъ мы упоминали уже въ прошломъ обозрвніи, печатаются длинные списки жертвъ турецкой расправы, съ точнымъ указаніемъ обстоятельствъ ихъ гибели. Въ салоникскомъ вилайетъ жандармы и солдаты распоряжаются вакъ въ непріятельской странь; мусульманамъ раздается оружіе для повальных выбіеній, которыя могуть начаться вы каждый данный моменть по нервому сигналу, ожидаемому изъ Кенстантинополя. Во многихъ селахъ христіане подвергаются публичному свченію и затвив заключаются еще въ тюрьму, гдв ихъ ждеть мучительная смерть; священниковь пытають, чтобы добиться оть нихь свёдёній о мнимыхь революціонныхь замыслахь и ихь участнивахь; женщины, начиная съ дъвочекъ-подростковъ, захватываются съ опредъленною цълью, для удовольствія башибузуковь и ихъ командировь. Въ вилайетахъ монастырскомъ и коссовскомъ образовались разбойничьи шайки, действующія съ ведома и согласія властей, и всякое сопротивление нападающимъ признается за бунть или государственную измену.

Что же дёлаеть въ это время европейская диплематія? Она довольствуется иногда робкими напоминаніями Портё о необходимости возстановленія порядка и спокойствія, въ интересахъ всеобщаго мира, и выражаеть полное довёріе къ мудрости султана, съ которымъ руководящія великія державы стараются теперь поддерживать самыя лучшія отношенія. Между тёмъ обязанности дипломатіи относительно христіанскихъ подданныхъ Турціи исно опредёлены постановленіями берлинскаго трактата. Въ силу 23-ей статьи этого трактата, Порта должна была назначить особыя коммиссіи для выработки новаго административнаго устройства отдёльныхъ провинцій, при участіи выбор-

ныхъ представителей заинтересованнаго населенія; составленные такимъ образомъ проекты подлежали обнародованію и введенію въдъйствіе тотчась же по разсмотрівнім музь вы европейской коммиссіи, учрежденной по дъламъ Восточной Румеліи. Въ 1880 году турецкое министерство иностранныхъ дълъ сообщило кабинетамъ, что предположенные проекты реформъ уже выработаны, и что остается только обсудить ихъ въ упомянутой международной коммиссіи; въ іюнъ того же года коммиссія собралась въ Константинопол'в и вскор'в уб'вдилась въ совершенной непригодности представленной ей работы, изготовленной въ турецкихъ канцеляріяхъ безъ малейшаго вниманія къ нуждамъ и желаніямъ жителей. Посвятивъ шестнадцать засёданій коренному пересмотру и нередёлкі проекта, коммиссія заключительнымъ автомъ 23 (11) августа высказала надежду, что новый регламентъ, поставленный подъ заботливую охрану Европы, "принесеть благотворные плоды населенію провинцій и обезпечить безопасность и мирь оттоманской имперіи". Но турецкіе сановники не имѣли вовсе въ виду осуществлять благодетельныя предположенія иностранныхъ дипломатовъ; проекть быль похоронень Портою безь всякихъ церемоній, и о немъ забыли, повидимому, сами составители его, хотя относящаяся къ нему дипломатическая переписка была въ свое время напечатана въ англійской "синей внигь", въ двухъ томахъ. Съ техъ поръ прошло болъе двадцати лътъ, и европейскіе кабинеты, поглощенные другими дълами, перестали уже интересоваться безотраднымъ положеніемъ турецвихъ христіанъ. Дипломатія избъгаеть вообще серьезныхъ предупредительныхъ жеръ и виешивается лишь при наступлении кровавыхъ катастрофъ, въ родъ армянскихъ избіеній или критскаго возстанія, приведшаго въ греко-турецкой войнь; но даже колоссальная ръзня въ армянскихъ округахъ Малой Азіи прошла въ сущности безплодно и не послужила поводомъ къ энергическому вившательству, отчасти потому, что событія въ мало-азіатскихъ владініяхъ Турціи затрогивали только интересы Россіи. Разумвется само собою, что великія державы не могуть относиться равнодушно къ опаснымъ внутреннимъ столиновеніямъ и безпорядкамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и еслибы турки ръшились повторить въ Македоніи опыть повальнаго истребленія христіанъ, то иностранные кабинеты, безъ сомнівнія, протестовали бы въ той или другой формв. Этоть ужасный взглядъ,что только потоки крови способны привлечь внимание Европы къ судьбамъ христіанскаго населенія Турціи, -- побудилъ горсть македонцевъ приняться за оружіе безъ всякихъ шансовъ усивха, съ единственною цёлью вызвать кровопролитіе, за которымъ послёдуеть, быть можеть, европейское вывшательство. Македонскій революціонный комитеть, руководимый извёстнымь туземнымь патріотомь, Бо-

рисомъ Сарафовымъ, ръшительно высказался противъ возстанія, нова населеніе не снабжено оружіемъ и пока не собрано достаточно средствъ для надлежащей организаціи добровольческихъ отрядовъ; онъ находилъ пагубными для Македоніи преждевременныя м'естныя вспышки. такъ какъ возлагалъ свои надежды не на дипломатію, а на пелесообразныя и сознательныя освободительныя усилія самикъ македонцевъ и сочувствующихъ имъ болгаръ. Другого мивнія держался комитеть, во главъ вотораго стоять Цончевь и Михайловскій; эти дъятели полагали, что даже частичныя волненія, заранъе обреченныя на неудачу, могуть повліять на Европу и ускорить ся заступничество. Въ сущности, оба комитета расходились только въ опънкъ техъ условій, при которыхъ можеть быть достигнуто европейское вывіпательство: Сарафовъ и его единомышленники считали для этого необходимымь действительное и всеобщее народное возстание, требующее долгой и обдуманной подготовки, тогда какъ Цончевъ и Михайловскій думали добиться того же результата немедленнымь устройствомь партизанской борьбы въ м'естностяхъ, где им'естся для этого подходящій матеріаль. Подъ руководствомъ Цончева и товарищей начались военныя действія: небольшія "четы" повстанцевь сражались съ геройскимъ самоотверженіемъ, истили за разгромъ своихъ сель и ускользали отъ преследованія, после чего турки жестово расправлялись съ безоружнымъ населеніемъ. Кровь лилась и льется, но не настолько, чтобы вывести Европу изъ ея пассивной роли. Однако, мысль о томъ, что требуются груды жертвъ для желательнаго воздействія на дипломатію, завлючаеть въ себ'в нічто чудовищное. Неужели въ самомъ дълъ иностранные кабинеты нуждаются въ подобныхъ возбудительныхъ средствахъ для исполненія задачи, предписываемой не только интересами человъчности, но и требованіями здравой политики? .Почему надо ждать новыхъ крупныхъ избіеній, чтобы приняться за осуществленіе мірь, наміченных еще берлинским конгрессом для обезпеченія безопасности и спокойствія христіанскихъ народностей Турціи?

Конечно, еслибы въ судьбъ Македоніи заинтересована была Германія или Англія, вопросъ былъ бы уже давно поднять надлежащить образомъ и въроятно разрѣшился бы благополучно; но, къ несчастью, объ эти державы не имѣютъ никакого интереса въ прочномъ устройствъ балканскихъ дѣлъ и особенно заботятся въ настоящее время о сохраненіи дружественныхъ отношеній съ султаномъ. Австро-Венгрія занята упроченіемъ и расширеніемъ своего собственнаго вліянія на Балканскомъ полуостровъ, и она откровенно отстаиваеть status quo для турецкихъ областей, тяготъющихъ къ Болгаріи и Сербіи. Что же касается нашей дипломатіи, то принципы безусловнаго миролюбія не

нозволяють ей выступать съ проектами, могущими нарушить взаимное согласіе державъ. Между тімъ не трудно было бы найти такую форму дипломатическаго вившательства, которая не возбуждала бы ничьих опасеній насчеть европейскаго мира. Анатоль Леруа-Болье, въ обстоятельной статьв, помещенной въ журнале "Européen", предлагаеть созвать международную конференцію по туроцинь діламь, причемъ иниціатива должна бы принадлежать, по его мевнію, французскому правительству. "Созваніе такой конференціи-говорить онъ -- оправдывалось бы многими въскими мотивами. Нъкоторыя изъ существенных статей берлинскаго трактата остались мертвой буквою; только европейская конференція могла бы обезпечить и контролировать ихъ применение. Конференція съ точно определеннымь кругомъ задачь не вызывала бы тревоги ни въ правительствахъ, ни среди приверженцевъ общаго мира. Вивсто того, чтобы создавать или поощрять конфликты, она, напротивъ, предупреждала бы ихъ. Сама Турція и всі народы, подвластные султану, какъ христіанскіе, такъ и мусульманскіе, несометнно выиграли бы при этомъ, такъ вавъ и для нихъ нътъ другого способа обезпеченія мира и безопасности. Конференція им'єла бы своею ц'єлью разр'єшеніе всёхъ вопросовъ, возбужденныхъ неисполненіемъ берлинскаго трактата, и чтобы разрешить ихъ, было бы большею частью достаточно лишь настоять на исполненіи трактата. Такъ было бы между прочимъ съ армянсвимъ вопросомъ. Чтобы спасти остатки наиболее европейской изъ азіатсвихъ народностей, следовало бы только заставить Порту соблюдать 61-ую статью трактата. Точно такъ же относительно европейскихъ провинцій, оставленныхъ конгрессомъ подъ властью султана, конференціи пришлось бы только потребовать введенія тахъ учрежденій, которыя объщаны были этимъ провинціямъ берлинскимъ трактатомъ и въ которыхъ Порта продолжаетъ упорно отказывать имъ до настоящаго времени. Рядомъ съ этими вопросами, наиболже настоятельными и наиболе угрожающими миру Европы, ссть еще другіе, которые естественно привлекли бы вниманіе европейской конференціи, собравшейся съ цёлью умиротворенія Востока. Положеніе Восточной Румелін, присоединенной фактически къ Болгаріи съ согласія самого султана, могло бы быть опредълено съ большею точностью; равнымъ образовъ выяснилось бы двусмысленное нынъ положение Крита. Общее состояніе Европы не только не противорвчить, но скорве благопріятствуеть совыву подобной конференців. Если континентальная Европа раздълена на двъ группы державъ, то объ эти группы одинаково проникнуты миролюбивыми намъреніями. Между участнивами обонкъ совзовъ-тройственнаго и двойственнаго-установились въ последнее время особыя соглашенія, которыя значительно облегчили бы компромиссъ между объими группами, тъмъ болье что переговоры относились бы въ точно опредъленному предмету и направлены были бы въ охранъ всеобщаго мира, одинаково необходимаго для всъхъ правительствъ. Главное затрудненіе заключается въ вопросъ о томъ, какая группа или какая держава ръшится взять на себя иниціативу въ данномъ случать. Мы желали бы, чтобы эту иниціативу приняла на себя Франція. Это была бы роль, достойная ея прошлаго и согласная съ лучшими ея традиціями... Пусть не говорять, что это было бы опасное донкихотство. Единственного опасностью было бы отсутствіе поддержки со стороны другихъ державъ; но еслибы даже нивто не последоваль за Францією, она имъла бы заслугу въ томъ, что осмълилась быть самостоятельного и върного себъ, вмъсто того, чтобы въчно тянуться за другими".

Можеть быть, Анатоль Леруа-Болье обнаруживаеть слишкомъ большой оптимизмъ по отношенію яъ международнымъ конференціямъ и соглашеніямъ, которыя именно въ области восточнаго вопроса чаще всего довазывали на дълъ свою несостоятельность. Македонскій вопросъ, какъ мы видёли, быль уже разрёшень константинопольскою коммиссіею 1880 года, согласно постановленіямь берлинскаго трактата, и если достигнутое тогда соглашение не привело ни къ чему, то и новая конференція можеть остаться безрезультатною по тімь же причинамъ. Крайне трудною задачею представляется, во-первыхъ, устраненіе принципіальныхъ и практическихъ разногласій между державами по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ каждый изъ кибинетовъ имъетъ свои особые взгляды и интересы; но когда послъ долгихъ дипломатическихъ совъщаній установится наконецъ нъкоторое подобіе единомыслія, на сцену неизбіжно выступить второе затрудненіе, гораздо бол'ве существенное, -- необходимость прямого воздъйствія на Порту, чтобы добиться оть нея подчиненія предположеннымъ мърамъ и заставить ее добросовъстно примънить ихъ на практикъ. Какія принудительныя средства должны быть употреблены противъ Турціи для новаго устройства ем провинцій, при категорическомъ несогласіи султана? Мирныя увіннанія или совийствая военная экзекуція? Но мирныя увізщанія безполезны, а военныя дійствія или угрозы означають войну, которой никто не желаеть; притомъ, для совм'встной военной экзекуціи нужна та степень единодумія державь, которая въ дъйствительности почти недостижима. Англія и Австро-Венгрія нивогда не будуть искренно и до конца д'вйствовать, напримъръ, заодно съ Россіею въ сферъ восточно-турецкихъ дълъ. Такитъ образомъ, способъ, предлагаемый Анатолемъ Леруа-Болье, самъ по себъ нисколько не гарантироваль бы успъха. Для того, чтобы вонференція практически разръшила спорные вопросы, недостаточно было бы

простого соглашенія кабинетовъ, по почину Франціи или другой державы, а требовалась бы еще твердая рёшимость по врайней мёрув одного изъ участвующихъ правительствъ во что бы то ни стало довести начатое дело до желаннаго результата. Сознательная энергія одной изъ могущественныхъ державъ имъла бы больше реальнаго значенія и върнъе достигла бы цъли безь войны, чъмъ сложныя дипломатическія комбинаціи, лишенныя единства и вдохновляемыя лишь пассивнымъ миролюбіемъ; только присутствіе такой твердой руководящей воли дълало бы конференцію полезнымь орудіемь для осуществленія поставленныхъ цівлей. Не всів кабинеты присоединились бы въ настойчивымъ и последовательнымъ мерамъ въ пользу Македоніи и другихъ турецкихъ областей; но можно быть заранве уввреннымъ, что ни одинъ изъ кабинетовъ не затъялъ бы войны для защиты существующаго турецкаго режима, и сама Турція предпочла бы уступить, чёмъ рисковать своимъ спокойствіемъ и безопасностью, еслибы вопросъ объ автономін ея христіанскихъ провинцій быль поставлень примо и твердо одною изъ тёхъ великихъ международныхъ группъ, на которыя дёлится теперь Европа. Разумная, энергическая политика, ясно сознающая свои цъли и точно разсчитывающая свои средства, не приводить и не можеть приводить къ опаснымъ замвипательствамъ и конфликтамъ, такъ какъ она своевременно предупреждаеть ихъ; наглядный прим'трь такой политики представляеть намъ Германія, сохранающая вившиее миролюбіе уже болве тридцати літь и тімь не менъе преслъдующая свои національные интересы въ международныхъ дёлахъ съ непреклонною энергіею и съ постояннымъ успёхомъ. Какъ бы то ни было, мысль Леруа-Болье о созывъ вонференціи заслуживаеть полнаго сочувствія, и попытка сдёлать что-нибудь для превращенія хроническихъ вровавыхъ неурядицъ на европейскомъ юго-востовъ едва ли встретила бы отпоръ даже среди всегдащнихъ окранителей турецкаго status quo на Балканскомъ полуостровъ.

Германія несомнѣнно принадлежить къ числу державъ, которыя отлично знають, чего хотять и что имъ нужно; въ этомъ отношеніи императорь Вильгельмъ ІІ является вѣрнымъ выразителемъ интересовъ и потребностей своего государства. Вильгельмъ ІІ систематически упрочилъ свои связи съ Турціей и извлекъ изъ этого сближенія значительныя выгоды для германской націи; онъ открылъ для нѣмецкой предпрівмчивости и нѣмецкихъ капиталовъ общирное поле дѣйствія въ Малой Азіи, устроивъ для нѣмцевъ концессію новой желѣзнодорожной линіи, имѣющей огромную будущность не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Вильгельмъ ІІ ста-

рательно поддерживаеть близкія дружественныя отношенія сь британскимъ правительствомъ, въ то время какъ неустанное и весьма успъшное соперничество съ Англіею въ разныхъ частяхъ свъта служить однимь изъ руководящихъ принциповъ его политики. Германія, можно сказать, вырвала изъ рукъ англичанъ богатвищую добычу въ Китаћ, не допустивъ подготовленнаго ими перехода долины Ян-тзе-Цяна въ сферу исключительнаго англійскаго вліянія. Мечтая о превращеніи германской имперіи въ первоклассную морскую державу, Вильгельнъ ІІ ревниво следить за каждымъ шагомъ Англіи и нередко предупреждаеть или парализуеть ея пріобретенія. Будучи близвимь родственникомъ англійской королевской фамиліи, въ качествъ внука королевы Вивторіи и племянника короля Эдуарда VII, Вильгельмъ II ум'ьетъ пользоваться этой близостью въ интересахъ своей страны. Тесное сближение съ Англиею составляеть также одну изъ давнишнихъ цълей его дипломатін, такъ какъ для Германін было бы чрезвычайно удобно расширять свое морское владычество при прямомъ или косвенномъ содъйствін англичанъ или по крайней міррі при ихъ оффиціальномъ дружескомъ сочувствін. Вильгельмъ ІІ отрекся отъ намецкихъ симпатій къ бурскимъ вождямъ, чтобы доставить невинное удовольствіе англичанамъ и заслужить ихъ признательность передъ повздвою своею въ Англію; но повздва его на этотъ разъ не была удачна и въроятно не имъла предположенныхъ политическихъ результатовъ: она совпала съ непріятными разоблаченіями и разсужденіями англійской печати относительно внёшней политики Германіи.

Въ ноябрьской книжкъ журнала "National Review", вышедшей въ свъть за нъсколько дней до прибытія Вильгельма II, помъщены весьма ръзкія обличительныя статьи противъ нъмецкихъ патріотовъ и ихъ императора; одна изъ статей подписана дипломатомъ, бывшимъ британскимъ посломъ въ Вънъ, сэромъ Горасомъ Рембольдомъ; другая принадлежить самому издателю, а подъ третьею значится таннственная подпись "А. В. С. etc."-коллективный псевдонимъ для разныхъ политическихъ дъятелей, считавшихъ себя спеціалистами по внѣшней политивъ. Общее вниманіе обратила на себя статья сэра Рембольда, какъ лица, занимавшаго еще недавно высовій пость въ дипломатическомъ міръ и имъншаго возможность основательно изучить закулисныя пружины германской дипломатіи; этоть компетентный авторъ, подъ предлогомъ восхваленія императора Франца-Іосифа, дълаетъ весьма язвительную характеристику его союзника, Вильгельма II, и отзывается крайне враждебно о Германіи, которая, по его "твердому убъяденію", остается "потенціально опаснъйшимъ и неустаннымъ врагомъ Англін". Сэръ Горасъ Рембольдъ сохраняеть еще въжливость относительно германскаго императора и отдаеть

справедливость его личнымъ дружественнымъ чувствамъ, не соотвътствующимъ настроенію германской націи; но въ другихъ статьяхъ высказываются довольно безперемонныя замъчанія и догадки о въроятныхъ политическихъ мотивахъ и цёляхъ наружнаго англофильства Вильгельма И. Почти одновременно съ отврытіемъ этой журнальной кампаніи противъ німцевъ, появились въ газетахъ оффиціозныя свівдънія о непріязненныхъ дъйствіяхъ Германіи при переговорахъ, предшествовавшихъ очищенію Шанхан, и о попыткахъ ся вившательства въ вопросъ объ уступев англичанамъ португальской бухты Делагоа въ южной Африкъ. Въ наиболъе вліятельной части англійской прессы устанавливается общій тонь недовірія и раздраженія относительно Германіи, и этоть тонъ достигь наибольшей різкости во время пребыванія Вильгельма II въ Англіи. Въ привътственной передовой стать в по поводу прибытія "почетнаго гостя вороли и націи", лондонскій "Times" замівчаеть, между прочимь: "Привітствіе, съ накимь мы встречаемь его, не должно быть понято въ томъ смысле, что страна не помнить характера политики, преследуемой германскимъ правительствомъ, или думаетъ смотръть на будущее развитие ея съ небрежнымъ безразличіемъ. Ни чувства обязательной въжливости, ни уважение въ его сильной и притягательной личности не увлекуть насъ на путь, по которому запрещають намъ идти истинные интересы націи. Изъ прошлаго мы должны вспоминать примеры, какіе слёдуеть вспоминать по соображеніямь благоразумія. Мы надвемся жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Германіею, и постараемся не забывать, что рёзкость ся дипломатических прісмовь испытывають на себъ и другіе, точно также какъ и мы. Но мягкая, податливая довърчивость, въ которую мы впадаемъ слишкомъ охотно, должна быть признаваема неумъстною при сношеніяхъ съ державою, которая такъ ясно показала свою готовность наносить раны и свою терпаливую бдительность въ захватъ всякой выгоды, крупной или мелкой; - эти качества и стремленія не стануть слабве подъ вліяніемъ нашихъ уступовъ и любезностей". Вильгельму Ц было, конечно, не особенно пріятно видеть въ Англіи этогь враждебный повороть въ сужденіяхъ о германской витиней политикт; но, въ сущности, итмецкое патріотическое чувство должно бы считаться удовлетвореннымъ: англичане признали нъмцевъ своими достойными соперниками и ставять имъ въ вину только чрезмърные и систематические успъхи въ преследованіи Рахъ крупныхъ и мелкихъ выгодъ, которыя прежде доставались одной Англіи. Упреки англійскихъ патріотовъ равносильны похваламъ съ національной німецкой точки зрінія. Осуждаемый англичанами за свою разсчетливую, чисто деловую дипломатію, Вильгельмъ II можеть

утъшаться сознаніемъ, что эта динломатія приносить посильную реальную пользу отечеству и народу.

Въ дълахъ внутренией политической жизни Германіи оффиціальные представители власти играють нёсколько иную роль, и Вильгельмъ II не всегда довольствуется выражениемъ и защитою того. что составляеть действительный интересь націи; онъ можеть свободнъе высежнивать свои личныя чувства и идеи, не опасаясь практических последствій своих сужденій, и эти сужденія гораздо чаще противорёчать господствующимъ взглядамъ, чёмъ въ иностранной политикъ. Когда умеръ одинъ изъзнаменитъншихъ намецкихъ ученыхъ, Вирховъ, Вильгельмъ II ограничился оффиціальною телеграммою къ его семейству, съ выражениемъ своего соболежнования; а недавняя смерть одного изъ врупнъйшихъ нъменвихъ заводчивовъ. Круппа. превращена была въ оффиціальное событіе первостепенной важности, и императоръ произнесъ цълую ръчь противъ лицъ, печатавшихъ о покойномъ вакія-то влеветы и сплетив. Изъ этого, конечно, не слідуеть, что Круппь быль болье цвинымь украшениемь ивмецкой націи, чёмъ Вирховъ, или что пушечное дёло важнёе, чёмъ развитіе и процебтаніе наукъ; но каждый понимаеть, что, напр., военное въдомство должно было ближе интересоваться изделіями заводовъ Круппа, чёмь сочиненіями величайшихь ученыхь. Случайныя или произвольныя разногласія въ оцінкі людей и событій проходять безслівно при обычномъ свободномъ просторъ національнаго общественнаго мивнія въ Германіи.

Парламентскіе и политическіе споры, поднятые проектомъ новаго таможеннаго тарифа, продолжають волновать намецеое общество и печать. По мёрё того вакъ подвигается впередъ обсуждение его въ имперскомъ сеймъ, оппозиція становится все болье энергическою и настойчивою, и борьба противъ аграрнаго протекціонизма все сильнъе сосредоточивается въ рукахъ вождей соціально-демократической партін. Чтобы поміншать торжеству крупных землевладівльцевь и сельских хозяевъ, добивающихся искусственнаго повышенія хлебныхъ цвиъ при помощи покровительственнаго тарифа, представители нъмецкаго рабочаго класса прибъгають не только къ доводамъ логики и справедливости, но и въ спеціальнымъ пріемамъ парламентской тактики, напоминающимъ отчасти систематическую обстружцію; они вносять десятки поправокь къ каждому параграфу проекта, требують поименныхь голосованій по всякому вопросу или предложенію, произносять безконечныя рачи и стараются затянуть пренія всевозможными способами, въ великой досадъ противниковъ. Большинство въ имперскомъ сеймъ стоить за протекціонизмъ; консерваторы, національ-либералы и многочисленная партія центра им'вють противь себя

только разрозненныя либеральныя группы и тесно сплоченную партію соціаль-демократовъ. Меньшинство не имбеть уже шансовъ побъды и располагаеть единственнымь лишь оружіемь для противодъйствія большинству-обструкцією въ различныхъ, болке или менве благовидныхъ ея формахъ; но и это оружіе можетъ быть отнято или значительно ослаблено волею большинства, путемъ соотвётственнаго измѣненія парламентскаго порядка обсужденія законопроектовъ. Одинъ изъ способовъ обструкціи, касающійся поименнаго голосованія, уже ограниченъ рашениемъ большинства, принятымъ после горячихъ двухдневныхъ преній; засъданіе 13 ноября, посвященное этому второстепенному вопросу, продолжалось почти десять часовъ безъ перерыва и было закрыто по чисто вившней причинъ-вследствіе прекращенія дъйствія электрическихъ аппаратовъ, осевщающихъ залу палаты-Соціалисть Гейне говориль въ теченіе трехъ съ половиною часовъ; внесено было болье двадцати предварительныхъ предложеній, и споры о голосованіи ихъ заняли значительную часть засёданія; только на следующій день удалось большинству провести предположенную ограничительную міру. Представители большинства грозять дальнійшими ограниченіями, если оппозиція не отважется отъ обструкціи, и не трудно предвидёть, что всё усилія меньшинства останутся въ концё концовъ напрасными. Неутомимая энергія, обнаруженная соціальнодемократическою партіею имперсваго сейма въ борьбі противъ аграрнаго протекціонизма, им'єла одинъ практическій результать: она заставила аграріевъ понизить свои требованія и согласиться на примирительныя предложенія правительства, такъ что проекть тарифа будеть въроятно принять безъ особенно крупныхъ измъненій. Возможно ли будеть, по принятіи новаго таможеннаго тарифа, возобновить торговые договоры съ другими державами и, главнымъ, образомъ съ Россією на прежнихъ основаніяхъ-это другой вопросъ, о которомъ пова еще нельзя свазать ничего определеннаго и который сильне всего озабочиваеть вліятельныя промышленныя сферы въ Германіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ

1 декабря 1902.

- -- Историческій обзоръ діятельности Комитета министровъ. Томъ первий. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра Перваго (1802 г. сентабря 8—1825 г. ноября 19). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе канцелярів Ком. мин. (Къ столітію Комитета министровъ 1802—1902). Спб. 1902.
- Томъ второй. Часть I. Комитетъ министровъ въ царствованіе императоря Никодая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Сиб. 1902.
- Томъ второй. Часть II. (Тотъ же историческій періодъ). Сиб. 1902.

Нынёшній годъ и слёдующій отмінены особымь богатствомь исторических вобилеевь. Въ нынёшнемь году совершилось столітіе сь основанія министерствь, и сколько извістно, издаются ихъ исторів, которыя, надо ожидать, представять важный историческій матеріаль; въ будущемь году совершится двухсотлітіе основанія Петербурга.

Стольтіе Комитета министровъ уже ознаменовано названнымъ выше изданіемъ. Обзоръ въковой дъятельности учрежденія требоваль, конечно, весьма продолжительнаго труда, и въ предисловіи мы читаемъ, что первое предположеніе объ этомъ обзоръ исходило отъ управляющаго дълами Комитета, статсъ-секретаря Куломзина, когда предсъдателемъ Комитета министровъ былъ М. Х. Рейтернъ, еще въ 1885 году.

На первый разъ, исполненіемъ этого плана имѣлось въ виду "открыть наукѣ доступъ къ хранящимся въ архивѣ Комитета министровъ историческимъ матеріаламъ, относящимся къ эпохѣ царствованія имп. Александра I и не подлежащимъ безусловной тайнѣ". Такимъ образомъ, въ 1888—91 годахъ изданы были два тома "Журналовъ Комитета министровъ" за 1802—1812 годы съ обширнымъ предисловіемъ, гдѣ изложена исторія возникновенія Комитета и разсмотрѣны его устройство и компетенція за время царствованія имп. Александра І. Дальнѣйшая работа была задержана тѣмъ, что въ 1892 г. учрежденъ быль комитетъ сибирской желѣзной дороги, все дѣлопроизводство котораго сосредоточено было въ канцеляріи Комитета министровъ, что

и отвлекло ея наличныя силы; но затёмъ работа возобновилась, и составленіе обзора было поручено г. Середонину.

При составленіи "Обзора" приняты были мітры въ тому, чтобы внести въ него мишь ті стороны дівтельности Комитета министровъ, которыя иміт историческій интересь. Иначе, дійствительно, "Обзорь" могь быть загромождень массою архивнаго матеріала, совсімь излишенго съ этой точки зрінія. Такимъ образомъ, отсюда исключены очень иногочисленныя діла по личному составу управленія: назначенія, увольненія, отпуски, пособія и т. п. О такихъ дізлахъ предполагалось только упомянуть, какъ о разрішаемыхъ Комитеть только къ свідінію и которыя принадлежать собственно разнымъ министерствамъ и инымъ відомствамъ.

Главное вниманіе обращено было на тё дёла, въ рёшеніи которыхъ Комитетъ принималъ непосредственное участіе, —и именно, вопервыхъ, дёла, по которымъ состоялись рёшенія Комитета, составляющія новыя законоположенія или доставлявшія образецъ для рёшенія однородныхъ дёлъ; во-вторыхъ, дёла, по которымъ послёдовали особия Высочайшія резолюціи и по которымъ возникали въ Комитетъ пренія; дёла эти, между прочимъ, важны тёмъ, что опредёляли положеніе Комитета министровъ въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій и его дёятельность, "направленную къ согласованію закона съ дёйствительностью".

"На многихъ положеніяхъ Комитета находятся собственноручныя Высочайшія резолюціи; по многимъ дёламъ подаваемы были особыя мнёнія. Такимъ образомъ, помимо того интереса, который представляютъ вносимыя въ Комитетъ дёла и его положенія, русской исторической наукі и литературі открывается рядъ документальныхъ данныхъ, свидітельствующихъ о стремленіяхъ и воззрініяхъ государей Россіи XIX віка и ихъ главныхъ сотрудниковь".

Интересь въ новъйшей русской исторіи, столь естественный, въ последнее время очень распространенъ въ нашемъ обществе и постоянно возростаетъ. Поэтому нельзя не встретить съ особымъ сочувствіемъ следующія замечанія предисловія, указывающаго взглядъ самого ведомства:

"Разработка новъйшей исторіи, столь необходимой для общественнаго самосознанія, у насъ только еще начинается; сложившіяся и слагающіяся представленія о ея главнъйшихъ дѣятеляхъ основываются частью на показаніяхъ, свидѣтельствахъ и впечатлѣніяхъ современниковъ этихъ лицъ, частью же на заключеніяхъ о характерѣ принятыхъ и проведенныхъ мѣропріятій.

"Даннымъ перваго рода, т.-е. показаніямъ современниковъ, обык-Томъ VI.—Декавръ, 1902. новенно слишкомъ субъективнымъ, журналы Комитета противополегаютъ показанія документальныя, подлинныя мивнія государственных дівятелей по многимъ вопросамъ управленія; сужденія, основанныя на общемъ характерів принятыхъ кімъ-либо мівръ, журналы Комитета часто изміняютъ или исправляютъ указаніемъ на условія и обстоятельства, при которыхъ проведены были эти мівропріятія, и которыя, т.-е. обстоятельства и условія, оставались доселів неизвівстными".

Оба источника историческихъ свёдёній несомивано имають велькую важность; но, во всякомъ случай, для нашихъ историческихъ изученій имбеть первостепенную важность извлеченіе данныхъ изъ архивовъ государственныхъ учрежденій, на первый разъ хотя въ общихъ обзорахъ, какъ настоящій,—и тёмъ подробние эти обзоры, тёмъ, конечно, лучше.

Словомъ, "Обзоръ" представляеть очень цвиный вкладъ въ новъйшую русскую исторіографію.

 А. С. Борецкій. Милліонъ. Разсказъ. Сиб. 1902. (Изданіе редакцім журнала "Образованіе").

Въ предисловіи "издателя" объясняется, что разсказу г. Борецкаго, пом'вщенному въ журнал'в "Образованіе", повидимому, удалось заинтересовать н'якоторые слои нашего интеллигентнаго общества: "этоть интересъ вызывается отнюдь не художественной стороной разсказа, а обусловливается исключительно тіми чисто практическими задачами, которыя поставлены въ немъ авторомъ". А именно, разсказъ "им'веть своею цілью обратить вниманіе общества на неотложную необходимость возможно бол'ве автивной и систематической дізтельности въ области вн'в-школьнаго образованія народа". У автора сложилась цілая программа, совм'єстившая "всі разнообразнын, намбомье 'важныя и существенныя" (кажется, это — одно и то же) "нужди вн'в-школьнаго образованія народа".

Затьмъ, "издатель" замъчаеть, что фабула разсказа невольно напоминаеть "извъстный англійскій романъ Вальтера Безанта, романъ,
въ которомъ авторомъ быль детально нарисовань планъ "Народнаго
Дворца" въ Исть-Эндъ. ...Роману Безанта суждено было сънграть
крупную и выдающуюся" (кажется, это—одно и то же) "роль въ дыть
вультурнаго развитія рабочихъ массъ, благодаря тому, что среди
англійскаго общества тотчасъ же нашлись лица, которыя поситыним
предложить свои средства для осуществленія плана, развитаго романистомъ".

Издатель выражаеть надежду, что, быть можеть, и настоящій

разсказъ, подобнымъ образомъ, вовъимъетъ практическія послъдствія для "скоръйшаго осуществленія этихъ задачъ, проведенія ихъ въ жизнь" (кажется, это—одно и то же).

Фабула разсказа немногосложна. Существуеть нъвто Выогинъ, сотруднить журнала "Новыя Ваянія". Выргинь-даровитый публицисть, въ особенности горячій пропов'єдникь народнаго образованія, сколько вовможно широкаго. Въ одно прекрасное угро является въ нему нъвто Полововъ, "архимилліонеръ", который начитался статей Вьюгина, увлекся ими за себя и за своихъ брата и сестру, и въ концъ концовъ, вивств съ последними, решилъ сделать пожертвование для превраснаго дела, проповедуемаго Вьюгинымъ. Все Полозовы богаты; они сложились по ивскольку соть тысячь, такъ что новый знакомецъ Выогина предоставиль въ его распоряжение для пелей народнаго обравованія - милліонъ. Они начинають разсуждать, что нужно сдълать на этоть милліонь,-Полозовь, впрочемь, предоставиль это на полное усмотрівніе Вьюгина, который и развиваеть цілую программу образовательныхъ изданій для народа, разъясняеть, какъ составить редакцію этихъ изданій, какія излагать народу науки, съ вакихъ книгъ начать и т. д., какъ задавать писателямъ темы, назначать конкурсы, и пр. Вьюгинъ все волновался, говорилъ... Наконецъ, онъ услышалъ стувъ въ дверь. Онъ остановился; помель отворить дверь и встретиль лосыльнаго изъ тинографіи, пришедшаго за статьей. Выло утро. Оказалось, что "архимиллюнеръ" и вся восторженная бесёда съ нивъбылъ сонъ.

Намфреніе автора было, конечно, самое лучшее. Но пріємъ намъ не очень нравится. Беллетристическія манеры (какъ пришель къ Вьюгину редакторь, какъ "пронеслась юркан горничная", какъ редакторь закуриль папиросу и "выпустиль огромную струю дыма" и т. д.), по нашему крайнему разуміню, совершенно ненужны, потому что слишкомъ банальны; не нуженъ вовсе и самый сонъ. Неужели самый предметь такъ мало значителенъ, что къ нему надо привлекать такими беллетристическими приманками? Приміръ Вальтера Безанта сюда не совсімъ идеть—по разнымъ причинамъ; между прочимъ, потому, что въ нашемъ обществі вовсе ність, какъ въ англійскомъ, такихъ просвіщенныхъ "архимилліонеровъ", которые способны были бы на подобныя широкія предпріятія; затімъ, есть громадная разница въ нравахъ, въ положеніи общественной иниціативы, и т. д.

Одна изъ первых задачь для просвётительной филантропіи, которой преданы даровитый публицисть и благожелательный "архимилліонерь", состоить не въ томъ, какую "программу" установить для "вн'в-школьнаго образованія", какую книжку издать сначала, и какую нотомъ: "мракъ нев'яжества" у насъ безграниченъ, и съ какой полезной книжки ни начинать-совершенно безразлично. Прежде, чъмъ надвяться на поддержку "общества", надо бы вспомнить о цвломъ положенім вопроса. Несмотря на всё горькіе опыты, которые грозять продолжаться и впредь, опыты голодовь и сельско-хозяйственнаго разстройства народа, въ чемъ несомивно участвовало и отсутствие корядочной школы, -- у насъ все еще господствуеть недовёріе въ настояшей народной школь (нужна ли она, не довольно ли простой дьячковской школы?), даже прямо враждебное въ ней отношеніе. Не однажди можно было читать въ современной "прессв", что народная школа ненужна,-потому что "народомъ невёжественнымъ управлять легче"! Это почти невероятно, но мы это читали даже недавно, и такія соображенія отзывались на судьбі школы. Это — одно глубокое и по истинъ гибельное заблуждение. Другимъ прискорбнымъ явлениемъ общественной жизни было издавна и донынъ крайне неясное, необезпеченное положение общественной иниціативы. Можно сказать, съ немалымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, что за последніе десятки лъть въ нашемъ обществъ было много замъчательныхъ примъровъ дъятельнаго интереса въ несомивнио благотворнымъ вопросамъ просвъщенія, общественной и народной пользы, -- какъ высшіе женскіе курсы (общіе и медицинскіе), комитеть грамотности; но взвъстно, съ какими трудностями соединялось для общественной инипіативы достиженіе этихъ задачь, и, въ сожалівнію, эти трудности бывали иногда неодолимы. Нъкоторыя изъ самыхъ симпатичныхъ и полезныхъ предпріятій падали — не отъ недостатва въ нивъ витереса общества... Однимъ словомъ, предстоитъ еще задача -- разъяснить основной вопросъ, который давно уже быль поставлень, но все еще не вошель въ общественное сознаніе, ни въ высшихь вліятельныхъ кругахъ общества, ни въ народныхъ массахъ. Намъ важется, было бы убъдительно и полезно разъяснение дъла, не теоретическое только, и не лирическое, въ беллетристическихъ сновиденияхъ, а именно разъясненіе фактическое и наглядное. Въ настоящую минуту, въ трудахъ мъстныхъ комитетовъ, работающихъ для правительствениаю Особаго Совъщанія, -- насколько эти труды бывають извъстны въ вечати, -- является не мало очень цвинихь указаній между прочимь объ "умственныхъ и духовныхъ нуждахъ" народной жизни. Собрать фактическія данныя подобнаго рода было бы очень полезно и, думаемь, интересно для общества, -- и въроятно, убъдительные, чъмъ фантастическій сонъ, даже съ его украшеніями во вкусь новышей беллетристики (предакторъ выпустиль огромную струю дыма"---изъ одной напиросы, что даже сомнительно; "юркая горничная пронеслась" и т. п.).

Намеренія автора "Милліона" были прекрасныя; но нажется намь,

что предметь, который онь такъ близко принимаеть къ сердцу, требоваль бы иного изложенія, именно фактическаго. Матеріала разсвяно очень много въ журнальной и газетной печати, и стоило бы труда собрать эти осязательныя данныя народной нужды, которыя указывали бы, что необходимо для "вив-школьнаго" образованія народа, а прежде всего для его образованія "школьнаго".

Обзоръ вустарныхъ промисловъ Россів. Составленъ по порученію Министерства Земледілія и Государственныхъ Имуществъ, членомъ-ділопроизводителемъ Кустарнаго Комитета означеннаго министерства Н. В. Пономаревымъ, подъредавцією Д. А. Тимиравева. Спб. 1902.

Прекрасно исполненное по вившности изданіе министерства земледвлія и госуд. имуществъ очень любопытно и поучительно по своему содержанію. Кустарные промыслы русскаго народа въ послёднее время стали предметомъ особеннаго интереса и изученія; недавняя выставка кустарныхъ издёлій привлекла къ себё большое вниманіе и, вёроятно, способствовала болёе серьезному пониманію въ обществё этого общирнаго явленія народнаго труда. Изданіе министерства можетъ послужить, между прочимъ, цённымъ вкладомъ въ бытовое изученіе русскаго народа.

Книга открывается общирнымъ предисловіемъ Д. А. Тимирязева, гдв авторь разъясняеть вопрось объ экономическомь значени кустарной промышленности, относительно котораго, какъ извъстно, существують мевнія положительныя и отрицательныя. Именно многіе думають, что кустарная промышленность составляеть принадлежность только болве или менве первобытнаго экономическаго строя и что, съ дальнъйшимъ развитіемъ его, она должна неизбъжно падать; что развитіе техническихъ внаній и другія условія экономическаго прогресса неизбъжно поведутъ въ спеціализаціи и дробности труда и, въ вонцъ концовъ, къ поглощению мелкихъ производствъ крупными. Само собою разумъется, что одно усовершенствование техники способно возъимъть большое дъйствіе на кустарные промыслы, можеть-если не уничтожить, то видоизменить ихъ; что фабричное производство также окажеть свое вліяніе, и производство кустарное можеть, въ нъкоторыхъ своихъ отрасляхъ, или падать, или получать иное направленіе, -- но въ ціломъ намъ представляются очень любопитными и поучительными общія замічанія г. Тимирязева объ условіяхъ и особенностяхъ нашего кустарнаго промысла. Возражая противъ упомянутыхъ ожиданій, что этотъ промысель должень упасть съ развитіемъ экономическаго строя и именно стать жертвою капитализма, авторъ

ставить общее положение, что "кустариая промышленность зиждется на началахъ, которыя находятся въ коренномъ противорвчи съ характеромъ такъ называемой капиталистической эволюцін". "Въ чистой своей форм'в кустариая промышленность представляеть собою прежде всего соединеніе занятія вемледівліємь съ ванитіємь какимъ-либо ремесломъ или какою-либо отраслью обработывающей промышленности. Затемъ, подъ кустарями следуетъ разуметь исключительно хозяевъ самыхъ мелкихъ предпріятій, въ основі которыхъ лежить преимущественно трудъ членовъ собственной семьн"... Общее развитие техники и капиталистическаго производства имфетъ, безъ сомнънія, неблагопріятное значеніе для кустарной промышленности, -- но, зам'вчасть г. Тимирязевъ, -- "въ нашемъ отечествъ ходъ подобнаго рода эволюція встрвчаеть трудно преодолимыя препятствія въ естественныхъ условіяхъ"-прежде всего въ нашихъ безконечныхъ пространствахъ и продолжительныхъ зимахъ,-последнее даеть много досуга на время превращенія полевыхъ работъ, и этотъ досугъ можеть идти на домашнюю кустарную работу, гдф, какъ въ побочномъ дфлф, рабочій можеть довольствоваться скромнымъ заработкомъ. Наконець, подавляющее вліяціе капитала можеть устраняться артельнымь началомь. "Опыть свидетельствуеть, что преимущество вапитала весьма успешно парализируется при помощи такихъ мъръ, какъ образование мелкими предпріятіями союзовъ съ спеціальными цёлями совмёстной закупки сырыхъ матеріаловъ, совивстнаго сбыта своихъ произведеній, совивстнаго пользованія кредитомъ и т. п.". "Въ настоящее время начало этого движенія наблюдается и у насъ. Исконная же склонность нашего населенія къ образованію артелей и наличность столь широко распространеннаго союза, какова община, представляють собою весьма благодарную и воспріимчивую почву для успъщнаго примъненія началъ воопераціи". Авторъ приводить любопытные прим'вры того, вавъ промысель кустарный можеть сохраняться рядомъ съ фабричнымъ производствомъ, какъ работа кустарная, напр. въ изготовленіи вемледъльческихъ орудій, представляеть даже свои преинущества, когда въ своей передълкъ упрощаеть и удешевляеть эти орудія, и т. п.

Можно было бы прибавить, что въ извъстныхъ случаяхъ ручная, т.-е. кустарная работа предпочитается фабричной, напр. домотканный холсть, кружево ручной работы и т. п.

Наконецъ, авторъ вкратцѣ упоминаетъ исторію отношеній правительства къ кустарнымъ промысламъ. Еще Екатерина II обращала на нихъ вниманіе и указывала пользу "разсѣянной промышленности"; но главнымъ образомъ интересъ къ этому вопросу развился только въ послѣднія десятилѣтія: онъ выразился сначала экономическимъ и статистическимъ изученіемъ вопроса, а затѣмъ, съ 1888 г., когда вопрось о кустарной промышленности перешель въ въдъніе министерства госуд, имуществъ, стали приниматься практическія мъры къ поддержанію и развитію кустарныхъ промысловь по программъ, выработанной министерствомъ.

Затамъ, самая внига завлючаеть въ себв описание разнообразныхъ вустарныхъ промысловъ: обработка дерева; — воловнистыхъ веществъ; — металловъ; — минераловъ. Описываются способы производства, указывается мъстность промысла; наконецъ, приложены 34 рисунка, изображающе обстановку работы.

 — И. Мелюковъ. Изъ исторів русской интеллигенців. Сборникъ статей и этюдовъ Спб. 1902.

Г-нъ Милювовъ сдёлалъ несомнённо большое удовольствіе своимъ читателямъ и почитателямъ, собравши въ внигу статьи по исторіи руссвой интеллигенціи, разбросанныя въ журналахъ и газетахъ, гдѣ, послё данной минуты, ихъ было бы трудно разысвивать. Статьи извлечены изъ "Русской Мысли", "Русскихъ Вѣдомостей", "Міра Божьяго" и т. д.; въ текстѣ "не сдѣлано нивакихъ измѣненій, вромѣ очень немногихъ стилистическихъ поправовъ, имѣвшихъ цѣлью облегчить чтеніе". "Поводомъ собрать въ одинъ сборникъ всѣ статьи, относящіяся къ "Исторіи русской интеллигенціи", было желаніе автора сдѣлать эти статьи доступными для читателей его "Очервовъ по исторіи русской культуры",—чтобы тѣмъ самымъ освободить себя отъ необходимости повтореній въ составляемомъ теперь ІІІ томѣ "Очервовъ".

Своими "Очерками" и обзоромъ русской исторіографіи авторь пріобрѣть такой, вполив заслуженный, авторитеть, что нёть надобности говорить о великомъ интересв и поучительности новой его книги. Это—рядъ историческихъ очерковъ, на пространстве последнихъ полутора въковъ русской общественности, очерковъ, написанныхъ съ обычной у автора вдумчивостью въ содержаніе историческихъ явленій и опредъленностью ихъ изображенія. Въ книге пом'єщены следующія статьи: "Верховники и піляхетство"— новое изложеніе и освещеніе событій вступленія на престоль имп. Анны Іоанновны; "Сергей Тим. Аксаковъ"; "Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ" (Станкевичъ; Бълинскій; А. И. и Н. А. Герцены); "Памяти Герцена" (главныя черты его жизни); "По поводу перениски В. Г. Бълинскаго съ невестой"; "Иадеждинъ и первыя статьи Бълинскаго"; "Университетскій курсь Грановскаго" (обозрёніе историческихъ взглядовъ Грановскаго и роль его въ исторіи университетскаго историческаго премо-

даванія); "Разложеніе славянофильства" (Н. Данилевскій, К. Леонтьевъ, Вл. С. Соловьевъ).

Собирая свои разбросанныя въ журналахъ и другихъ изданіяхъ статьи, г. Милювовъ сдълаль въ нимъ и весьма любопытное дополненіе—въ иллюстраціяхъ.

"Благодари любезному разръшению г. директора Государственнаго Архива министерства иностранныхъ дълъ, С. М. Горяннова, и содъйствію служащаго въ Аркивъ, Н. П. Павлова-Сильванскаго, оказалось возможнымъ приложить въ настоящему изданію факсимиле интереснаго историческаго документа — "кондицій" имп. Анны, сперва подшсанныхъ ею, а потомъ разорванныхъ, но сохранившихся въ Государственномъ Архивъ. Снимовъ съ рельефнаго изображения Станкевича сдёланъ былъ, по моей просьбъ, уважаемой Н. С. Бакуниной, у которой хранится оригиналь. Снимовь съ малоизвестнаго портрета Герцена-въ томъ возрастъ, къ которому относится его переписка съ будущей женой, Н. А. Захарьиной, -и съ портрета самой Н. А., сдъланнаго въ Италіи въ 1847 году, любезно сообщены мнъ извъстной изследовательницей сороковых в годовъ, Е. С. Некрасовой. Портреть молодого Белинскаго, -- тоже въ томъ возрасте, къ которому относятся главныя событія его сердечной исторіи (27-28 лёть, въ 1837-1838 году),--недавно быль издань въ враскахъ во II томв "Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго", п. р. С. А. Венгерова".--А. П.

Изящно изданная книжка, съ многими иллостраціями и картами, составлена по строго обдуманному плану—представляєть въ рядь отдъльныхъ очерковъ не только внёшній видъ, но и внутреннюю жизнь москвы, въ связи ея настоящаго съ ея историческаго очерка москвы, очерка развитія Москвы въ художественно-архитектурномъ отношенів, очерка жилищныхъ и санитарныхъ условій города, дѣятельности городского общественнаго управленія и т. д. Въ общемъ, книжка составлена очень хорошо и полно, но въ будущихъ изданіяхъ этого несомнѣнно полезнаго и предназначеннаго для усиленія средствъ образовательныхъ учрежденій московскаго отдѣленія императорскаго русскаго техническаго общества труда желательно видѣть исправленіе нѣкоторыхъ частностей. Такъ, напр., въ историческомъ очеркѣ москвы совершенно категорически утверждается, что Лжедимитрій І

[—] По Москвіз и ея окрестностямъ. Путеводитель-справочнихъ для туриста и москвича. Изданіе постоянной коммиссіи по техническому образованію. М. 1903. Состав. П. Ө. Горностаевъ и Я. М. Богуславскій, Ц. 1 р. 25 к.

быль иновъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ, и что Наказъ Екатерины II написанъ по сочинениямъ Монтескье и энциклопедистовъ, тогда какъ современное состояніе вопроса о первомъ самозванцъ не даетъ основанія для такого ръшительнаго взгляда на происхождение и личность последняго, а после труда С. М. Заруднаго о Беккарін можно считать доказаннымъ, что Наказъ въ вначительной части есть переводъ сочиненія знаменитаго итальянскаго писателя "Dei delitti e peni". Неяснымъ представляется сообщеніе о томъ, что старые бояре, съ Василіемъ Шуйскимъ во главъ, воспользовались присутствіемъ поляковъ въ Москвъ, чтобы низложить и убить самозванца. Слищкомъ односторонне охарактеризованъ кружокъ Станкевича, и едва ли правильно пом'вщена консультація помощниковъ присяжныхъ пов'вренныхъ среди ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Нельзя не замётить, что и прекрасная мысль указать могилы русскихъ писателей выполнена не совствы удачно. Не указаны многія памятныя имена, а нёкоторыя охарактеризованы неполно и поверхностно. Такъ, забыта могила-- въ Донскомъ монастыре-- Н. И. Крылова, одного изъ талантливъйшихъ и любимъйшихъ профессоровъ московскаго университета, и въ Новодъвичьемъ-Владиміра Сергъевича Соловьева; не указаны мъста, гдв лежать въ Даниловскомъ монастырв Николай Рубинштейнъ и Перовъ; О. М. Дмитріевъ, авторъ солидивишихъ ученыхъ трудовъ, отмівчень лишь вавъ авторь брошюры "О революціонномъ консерватизмъ" и т. п.

Цъна внижки — 1 р. 25 коп. въ переплетъ — можетъ быть признана довольно умъренной. — К.

Въ теченіе ноября, въ Редавцію поступили нижеслѣдующія новыя вниги и брошюры.

Абамелето-Лазарето, кн.—Вопросъ о н'вдрахъ и развите горной промышленности въ XIX столътия. Сиб. 902.

Амиенокая, А. Н.—Анна, романъ для дътей. Изд. 4-е. Соб. 902. Ц. 50 в. Бабина, Мих.—Индивидуализмъ римскаго права. Ярославль. 902.

Бестивесь, С. С. — Хозяйственные итоги истекцаго сорожанатильтія и мізры къ хозяйственному подъему. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Елиповъ, Н.—Жизнь Робинзона. Съ 102 рис. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 70 в. Елюменталь, д-ръ, Ф. М.—Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи и значеніе ихъ въ дёлё борьбы съ туберкулезомъ. Спб. 902.

Богдановъ, А. — Краткій курсь экономической науки. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Богословский, Н. А.— Матеріалы для изученія нижнеміловой аммонитовой фауны центральной я сіверной Россів. Съ 18-ю палеонтологическими таблинами. Спб. 902.

Болконскій, А.—Ученіе гр. Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Критическій этюдъ, съ очеркомъ развитія діла всеобщаго мира съ древивійшихъ временъ до нашихъ дней. Воронежъ. 902. Стр. 83. Ц. 50 к.

Боровиковскій, А. Л.—Конституція семьи, по проекту гражданскаго уложенія. Спб. 902.

Врандесь, Георгь.—Собраніе сочиненій. Съ датскаго, п. р. М. В. Лучицкой. Т. VII: Реакція во Францін. Кієвь. 902. Т. VIII: Романтическая викола во Францін. Кієвь. 902. Д. за всё 12 томовъ—5 руб.

Брауна, Лили.—Женскій вопрось, его историческое развитіе и экономическое значеніе. Спб. 903. Ц. 2 р.

*Бэринга-Гульд*ъ и *Брунэ*. — Въ лѣсахъ Флориды. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки, Составл. М. Гранстремъ. Спб. 903.

Венетаріанка.—Нічто о вегетаріанстві, Вып. 1. Спб. 902. Ц. 15 к.

Витте, С.-Повести: У озера.-На волость. Од. 901. Ц. 75 к.

—— Разсказы: Три встръчи. — Новое счастье. — Сенька. Од. 1899. II. 40 к.

——— Первый опыть, пов. Од. 1898. Ц. 75 **в.**

Головина, К. (К. Орловскій). — Полное собраніе сочиненій. Т. VI: Блудный брать, ром. въ 2 ч. Сиб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Горноставъ, П. О., и Богуславскій, Я. М. — По Москві и ел опрестноставъ. Путеводитель-справочникъ для туриста и москвича. Съ 50 идностр., картин. опрестностей Москвы и планомъ города. М. 902. Ц. въ перепл. 1 р. 25 в.

Гриммъ, братья.—Свазки и Легенды. Перев. А. С. Фридеманъ. Оъ наисстраціями. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 903. Ц. за 2 т. -2 р. 40 к.

Дебольскій, Н. Н. — Гражданская дъсспособность по русскому праву до конца XVII въка. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Дитрих», Г., д-ръ. — Леченіе свътомъ и его примъненіе при болъзняхъ кожи, почекъ, разстройствъ обмъна веществъ, ревматизмъ, подагръ, волчанкъ, малокровіи; болъзней немочи, общей слабости и т. д. Перев. В. К.—ой, п. р. и съ примъч. Г. Цъханскаго. М. 903. Ц. 50 к.

Дорошевичь, В. М. — Сахалинь. (Каторга). Съ издюстраціями. М. 902. Ц. 3 р. 50 в.

Зайцевъ, проф., А. М.—Оверо Шира и его окрестности. Съ 15-ью фототипи картою. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 25 к.

 $\bar{g}_{e,e,m,c,o,e,h}$, д-ръ мед., А. П. — Біологическія бесёды. Вып. 1. Сиб. 902. П. 35 к.

Зелинскій, В. — Методическая хрестоматія для обученія русскому явыку. III: Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и образдовыхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ изв'єстными русскими педагогами. Изд. 3-е. М. 902. П. 1 р.

Ильенко, И.—Закаспійская область. Очеркъ. М. 902. Ц. 25 к.

Катаев, К.—Сельскій вредить и врестьянское хозяйство въ Россіи. М. 902. Ц. 25 к.

Каллина, В. В.—Puschkiniana. І. Библіографическіе труды о Пушкин'я, ихъ общій характеръ и научное значеніе. П. Стихотворенія о Пушкин'я. 1817—1849. Кієвъ. 902.

Карисии, Ю. И.—Разсказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. Очерки изъ исторів литературы. Сарат. 902. Ц. 15 к.

Карпесь, Н.—Учебная внига Древней исторіи. От историческими картами. 2-е над. Первое допущ. Учен. Комит. мин. нар. просв., какъ учебное руковод., въ старшихъ классахъ гимназіи. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Кондранисова, Марія.—Материнство и уиственная работа. М. 902. Ц. 25 в. Кондранисов, д-ръ, А. П. — Краткій курсь военной гитіены, со включеніемъ правиль подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полъсраженія. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Киримчиниковъ, А.-Повъсти и разсказы. Кн. І. М. 902. Ц. 70 в.

Косыча, М. Н.—Литвины-Бълоруссы черниговской губернін, ихъ быть и пъсии. Спб. 902.

Комаяра, Д. И. — Срединное царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая. Съ 21 рис. въ текстъ. Изд. О. Поповой. Спб. 903. Ц. 80 к.

Лависса, чл. франц. акад.—Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, средняхъ въкахъ и объ исторія новаго времени. Т. И. Современная эпоха. Перев. съ 12-го изд. Е. Конзадовской. М. 903. Ц. 35 к.

Ландсберга, Г.—Долой Гаунтмана. Съ нъм. М. Семенова. М. 902. Ц. 70 к. Лесина, Е. Б. — Сборнивъ ограничительныхъ законовъ и постановлений оевреяхъ по 1-е июля 1902 г. Спб. 902.

Липпсь, Т.—Самосознаніе. Съ нем. М. Лихаревь. Спб. 903. Ц. 30 к.

Лохеицкая (Жиберъ), М. А.—Стихотворенія. Т. IV. 1900—1902. Спб. 903. Ц. 2 р.

Лугановскій, В. А. — Русскіе писатели въ польской литератур'я. Вып. 1: Гоголь. Спб. 903. Ц. 40 к.

Аютостанскій, И.—Талмудъ и Еврен. І. Талмудъ есть религіозный катикизнов и въ немъ вся сила злобно-ядовитаго ученія противъ христіанъ. ІІ. Еврен и тайныя діянія ихъ по ученію Талмуда: Компиляція изъ равныхъ талмудовь и комментарієвъ. Книга первая, пад. 3-е, исправл. и допоми. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мельшина, Л. — Въ мір'я отверженныхъ. Записви бывшаго каторжника. Т. И. 2-р. изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Менена. Фенер. — Живчикъ. Разсвазъ для дътей. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 20 рис. 2-е изд. Одобрено Учен. Комит. по учрежд. имп. Марін для ученич. библ. и младш. классовъ средне-учебн. заведеній. Сиб. 902. Ц. 2 р.

Милюковъ, П. — Изъ исторіи русской интеллигенців. Сборинъъ статей и этподовъ. Съ портретами: Н. Станкевичъ; В. Білинскій; Н. А. Герценъ; А. И. Герценъ, и снимокъ съ "Кондицій" имп. Анны. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Можаровскій, Ал.—Звіріада. Сказка-поэна на русскаго животнаго эпоса. Тамб. 902. П. 60 к.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX-мъ вѣвѣ. Т. III. Перев. З. Венгеровой. Сиб. 902.

Нордау, Максъ. — Собраніе сочиненій. Съ нім., н. р. В. Н. Микайлова. Т. VIII: І. Болівнь віжа. ІІ. Анализм думи. Кісвъ. 902. Ц. за 12 том. 5 р.

Оболенскій, Л. Е.— Максимъ Горькій и причним его успѣха. (Оныть параллели съ А. Чеховымъ и Глѣбомъ Успенскимъ). Критическій этюдъ. Спб. 903. Стр. 142. Ц. 50 к.

Оженико, Элиза. — Собраніе сочиненій. Т. Х.: І. Одна сотия. П. Хамъ-Съ польск. п. р. С. С. Зелинскаго. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т.—4 р.

Пекаторось, Г.—Современныя настроенія. Діалоги. Од. 902. П. 20 к.

Першке, Л. Л.—Отчеть вавъдующаго акцивными сборами Закавкавскаго края о ходъ акцивнаго дъла въ 1900 г. Пиленко, Ал.—Право наобрётателя. Привилегія на изобрётенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правів. Историво-догматическое изслідованіе. Т. ІІ. Спб. 903. Ц. 2 р.

Платоновъ, А. — Вокругъ маяка. І. Давно ръшенный вопросъ и новый споръ по поводу него. ІІ. Что намъ говорятъ "Исповъдники" Боборыкина? ІІІ. Изъ мрака въ царство свъта. Красноярскъ. 902.

Подкольскій, В. В.-Вечеромъ. Разсказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Поэняковъ, Н. И.-Ничего. Разсказы про дюдей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Помомаресь, Н. В.—Обворъ кустарныхъ промысловъ Россін, составл. п. р. Д. А. Тимирязева. Изд. Мин. Землед. и Г. Им. Спб. 902.

Прокоповичь, С. Н.—Кооперативное движение въ Россів. Спб. 903. Ц. 2 р. Р., И.—Рабиновичъ и Сіонизмъ. Спб. 902. Ц. 15 к.

Рагозина, З. А. — Древнъйшая исторія Востова. Исторія Ассиріи, отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рис. и 2-ма картами, печат. красками. Спб. Изд. Изд. А. Маркса. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Роберовскій, В. И.—Труды экспедицін Имп. Русск. Географ. Общ. по Центральной Азін, совершенной въ 1893—95 гг. Ч. И. Спб. 99.

Рёским, Дж.—Сочиненія. Серія І, кн. 8: Радость на в'яки и ея рыночная ц'яна, или политическая экономія искусства... Дв'я лекцін, читанныя въ Манчестер'я, въ 1857 г. Перев. Л. Никифоровъ. М. 902. Ц. 60 к.

Реформатскій, А.—Неорганическая химія. Начальный курсь. Сь 7 портр. и 95 рисунками. М. 903. П. 2 р.

Риманз, Г. — Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нъм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдъдомъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. VIII. М. 903.

Россієє, П.—Сѣверная Русь. Очерки и картинки. Съ 16 рис. 903. М. Ц. 20 коп.

Самаринъ, Өедоръ. — О мірской надёльной землів. Замічанів на статьи Б. Н. Чичерина по поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ. М. 902. Ц. 60 к.

Сергієє, протої рей І. И. (Кронштатскій).— Полный годичный кругь поученій. Безплатное иллюстрированное приложеніе въ журналу "Православное Русское Слово" на 1902-й годъ. Спб. 902.

Сикорскій, проф., И. А. — О внигів В. Вересаева: "Записки врача". Что даеть эта внига науків, литературів и жизни. Кієвь. 902.

Смольскій, И. И.—Учебникъ гинекелогической анатомія, съ указаніємъ на фівнческія отправленія женскихъ половыхъ органовъ. Спб. 902. Ц. 1 р 40 р.

Соколось, М. Е.—Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губернін о Стенькъ Разинъ. Сарат. 902. Ц. 20 к.

Соловьев, Владиміръ Сергіввичъ.—Собраніе сочиненій. Т. IV и V: 1883—1897. Сиб. 902. Въ 8 томахъ, д. 12 руб.

Тарновская, П. Н., вр.—Женщины-убійцы. Антронологическое изслідованів. Съ 163 рис. и 8 антропометр. табл. Спб. 902. Ц. 4 р.

Таубе, бар., М. А.—Христіанство и организація международнаго мира. Спб. 902. Ц. 60 к.

Тезна, М.—Принцъ и нищій. Съ англ. З. Журавской. Съ 142 рис. въ текств. Спб. 902.

Тезяковъ, Н. И., земскій санитарный врачъ.—Бесёды по гигіент въ примененін ея къ народной школе. 3-е. вед., съ 5 рис. Ц. 40 к.

--- I. Забол'вваемость населенія Воронежской губервін въ 1899 г. II.

Частный обворь главивищихъ заразныхъ заболеваній, составл. В. Успенскимъ и др. Вор. 902.

Уреанцова, Левъ.—Ночь и другіе разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Узльсь, Г.—Предвидёнія о воздёйствін процесса механики на человеческую жизнь и мысль. Перев. съ 6-го англ. изд. А. Каррикъ. М. 902. Ц. 1 р. 50 кон.

Фелонииз, А. В. — Д. В. Веневитиновъ. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 902. Ц. 30 к.

Фирсов, П. П.—Введеніе въ изученію научнаго метода. Логическія основанія элементарной алгебры. Пособіе въ самообразованію. 2-е изд. Спб. 902.

Цейнера, М.—стихотворенія. Изд. 2-е. Томскъ. 902. Ц. 75 в.

Цитеть, проф., Т.—Отношеніе мозга къ душевной діятельности. Съ нізм. Спб. 902. Ц. 40 к.

Чайковскій, М. — Живнь П. И. Чайковскаго. Т. III, вып. 22. 188—93. М. 902.

Чирикова, А. В.-Отчетъ по командировив на р. Вислу. Спб. 902.

Шевченко, Т. Г.—Мотивы поззіи. Перев. С. Дренцова. Вып. І. Съ налюстрац. и фрагментами музыки М. Лисенко. Вятка. 902. П. 45 к.

Щепкина-Куперника, Т.-Оволо вулись. М. 903. Ц. 1 р.

Я., П.—Стихотворенія. Т. І: 1878—1897. Т. ІІ. І898—1902. 5-е и 2-е изд. Сиб. 902. Ц. 2 р.

Икимовъ, Василій. — По следамъ голода. Изъ) воспоминаній. Спб. 903. Ц. 1 р.

Lanceray, Olga.—Anthologie des poètes russes, traduits en vers français. Cn6. 902. II. 1 p. 50 s.

Pellissiér, G.—Précis de l'histoire de la Littérature Française. Illustré de 85 portraits. Par.

Vinogradoff, Paul, D. C. L.—The reforming work of the Tzar Alexander II and the meaning of the present development in Russia. Cambridge, University Press. 902.

- Библіотека для самообразованія. XXII: М. А. Гансь. Краткое руководство по стереохимін. Съ франц. М. 902. Ц. 1 р.
- Библіотека Попечительства о Домахъ трудолюбія и Работныхъ домахъ. Спб. 902.
- Изв'єстія о состоянів сельскаго хозяйства въ Полтавской губернів за. 1902 г. Іюнь—Августь. № 9 (4). Полт. 902.
- Изъ рукописнаго собранія Одесской городской Публичной Библіотеки. І: Письмо И. С. Тургенева въ Л. Н. и Л. Я. Отечькинымъ. Изд. М. М. Толстого, п. р. М. Попруженка. Од. 903.
- Николай Федоровичъ фанъ-деръ-Флитъ. Опытъ біографическаго очерка.
 Спб. 902.
- Обворъ дѣятельности Правительства на польку кустарной промышленности. 1888—1902. Изд. Мин. Земл. и Гос. Им. Спб. 902.
- Отказъ проф. А. И. Введенскаго отъ третейскаго разбирательства. (Документы). Изданіе А. Н. Нечаева. Спб. 902.
- Отчеть Главнаго Управленія неокладныхъ сборовь и вазенной продажи питей за 1900 годъ.

- Отчеть о состояніи Училища при реформатскихъ дерквахъ за 1901— 1902 г. Спб. 902.
- Протоводы засёданій Общества психіатровь въ С.-Петербургі за 1900—1901 гг. Спб. 902.
- Русское Общество авклиматизаців животныхъ и растеній. Вып. 7, 8 и 9: Дневникъ отдёла Ихтіологін, п. р. В. Погоржельскаго. М. 902. Ц. по 20 к.
 - Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 112. Спб. 901.
- Сводъ статистическихъ свъдъній по сельскому ковяйству Россів къ концу XIX-го въка. Съ приложеніемъ картограмиъ и діаграмиъ. Вып. І. Изд. Мин. Земл. и Г. Им. Спб. 902.
- Сельскій трудь. № 6: Ив. Поповъ, О ковий лошадей и объ уході за копытомъ. Съ 4 рис. П. 2 к. № 6: В. Бажаевъ, Какъ завести правильное полевое травосияніе. Съ 4 рис. Спб. 902. П. 7 к.
- Справочный Указатель кустарныхъ промысловъ и кустарныхъ мастеровъ. Вып. V. Изд. Мин. Земл. и Г. Им. Спб. 902.
- Труды Карабугазской экспедицін. Отчеты Мин. Землед. и Госуд. Ин. Съ 12 карт., 13 діаграммами, 6 разр'яз. и 5 синмками. Спб. 902.
 - Труды опытныхъ въсничествъ. 1902 г. 1-й вып. Сиб. 902.
- Указатель книгь, журнальных и газетных статей по осиьскому ховяйству за 1899 годь. Составиль А. Д. Педашенко. Спб. 902.
- Указатель Всероссійской Кустарно-Промышленной Выставки 1902 г. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

N. A. Nekrassow. Gedichte. Im Versmass des Originals von F. Fiedler. Crp. 97.
Leipzig. Verl. von Ph. Reclam jun.

Въ текущемъ году, 27-го декабря, исполняется двадцать-пять летъ со дня смерти Некрасова, и чествование его памяти уже началосьсъ появленія нёмецкаго перевода его лирическихъ стихотвореній. Фридрихъ Фидлеръ, хорошо извъстный въ Россіи и Германіи переводчивъ русскихъ поэтовъ, пріурочилъ въ предстоящему двадцатипятилетію изданіе сборника стихотвореній Некрасова на немецкомъ языке. Г. Фидлерь-очень ревностный распространитель русской поэзіи въ Германіи; зная въ одинаковой степени оба языка, и относись съ величайшей добросовъстностью и любовыю къ своему дълу, точно передавая и смысль и краски русскихъ поэтовъ въ своихъ переводахъ. онъ ежегодно знакомить иностранную публику съ какимъ-нибудь изъ выдающихся русскихъ стихотворцевъ, и успѣлъ уже составить довольно полное собраніе русскихъ поэтовъ на немецкомъ языкв. Толькочто вышедшій переводъ Некрасова принадлежить къ числу самыхъ удачныхъ въ серін, изданной г. Фидлеромъ. Онъ вполнъ овладълъ размѣромъ подлинника, вѣрно передаеть духъ Некрасовской поэзіи, такъ что его немецкіе читатели смогуть вполне понять въ его передачь поэта "мести и печали", а также ознакомиться и съ нъжно лирической стороной таланта Некрасова. Выборъ стихотвореній для перевода сделанъ съ большимъ вкусомъ и съ пониманіемъ всёхъ сторонъ творчества Некрасова. Конечно, не все могло войти въ небольшой сборникъ. Г. Фидлеръ ограничился, во-первыхъ, только лирикой Непрасова; къ тому же некоторыя изъ его эпическихъ поэмъ ("Кому жить на Руси хорошо" и "Русскія женщины") переведены имъ уже раньше, въ настоящій же сборнивъ вошли только стихотворенія и нісколько менье длинныхъ поэмъ: "Рыцарь на часъ", "Саша", "У параднаго подъвзда". Изъ стихотвореній г. Фидлерь перевель все, что наиболье мзейство и цено въ поззіи Некрасова. Немецкіе читатели ознакоматся по его сборнику съ поэтомъ-гражданиномъ, скорбящимъ о жертвахъ общественныхъ условій въ "Убогой и нарядной", съ печальнижомъ народнаго горя въ "Размышленіи у параднаго подъезда", съ

пъвцомъ суровой врестьянской доли въ "Забытой деревнъ", а также и съ глубиной чистаго лиризма Неврасова въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ "Мать", поэма "Рыцарь на часъ" и др. Есть въ сборникъ и сатирическіе стихи, и такіе, въ которыхъ сказывается умънье Неврасова описывать унылую бъдную природу, какъ напр. "Несжатая полоса"—такъ что, въ общемъ, Некрасовъ представленъ очень полно, и всъ струны его поэзіи звучать въ выбранныхъ г. Фидлеромъ для перевода стихотвореніяхъ. Кое-какіе недочеты есть въ его выборъ; жаль, напримъръ, что онъ не включилъ въ сборникъ "Крестьянскихъ дътей", гдъ любовь поэта къ народу сказывается въ бодрыхъ звукахъ и свътлыхъ сельскихъ картинахъ; но г. Фидлеръ, очевидно, стъсненъ опредъленными размърами своего сборника, и ограничился поэтому самыми характерными стихотвореніями.

Что васается достоинствъ перевода, то, какъ мы уже сказали, духъ поэзін Некрасова сохраненъ въ переводъ. Некрасовъ-глубоко національный поэть, и по внутреннему содержанію, и по языку. Но чисто русская окраска его поэзіи выражается очень конкретно, и потому легче поддается передачь на другой языкъ, чъмъ болье индивидуальная по настроеніямь, хотя и менве обособленная по колориту поэзія Лермонтова, Тютчева—не говоря уже о Пушкинь, всь переводы котораго не могуть и отдаленно сравниться съ оригиналомъ, хотя, казалось бы, его общечеловъческая, классическая по формъ поэзія могла бы быть создана на какомъ угодно языкъ. Но діло въ томъ, что колоритъ, составляющій національную особенность, всегда ясенъ и осязателенъ, и потому можеть быть возсозданъ на другомъ языкъ-конечно при умъньъ переводчика справиться съ этой задачей; непередаваема же именно индивидуальная основа, quid proprium поэта, потому что это составляеть начто неуловимое, таинственное, скрывающееся за словами. Колорить поэта, національный на своемь язывь, становится экзотичнымъ на другомъ; то же, что не относится къ духу языка, а составляетъ сущность даннаго поэта, также непередаваемо, какъ нельзя передать на одномъ и томъ же языкъ настроеній одного человіка словами другого. Много приміровь доказывають, что колорить возможнее передать, чемь лирическую сущность: изъ всёхъ стихотвореній Лермонтова наиболёе удачно переведена "Пъсня о купцъ Калашниковъ" на нъмецкій языкъ. Первый переводчикъ Лермонтова, Воденштедтъ, вменялъ себе въ особую заслугу успъхъ своего перевода этой, казалось бы, чисто руссвой поэмы. Но онъ не отдавалъ себъ отчета, что чисто русскія черты этой поэмы заключаются во вившнихъ предметныхъ и фактическихъ чертахъ, о воторыхъ можно дать представленіе и словами другого языва; гораздо трудиће передать котя бы, напр., "Ангела", гдв всв слова обывновен-

ныя, существующія на всёхъ языкахъ, между тёмъ, какъ сочетаніе ихъ создаеть единственную въ своемъ родв гармоню-и ее никакими иными словами передать нельзя. Некрасовъ, въ силу своей колоритности, представляеть благодарную задачу для переводчика, и съ этой задачей г. Фидлеръ превосходно справился. Нёмецкимъ читателямъ поэзія Некрасова поважется, конечно, экзотичной, описывающей чуждыя имъ печали и незнавомыя картины природы и жизни; но это только увеличить вароятно ихъ интересь къ поэту, также какъ экзотичность среды, описываемой Горькимъ, способствовала успъху его на Западъ. Общечеловъческая сторона поэзіи Некрасова, его скорбнан любовь въ матери, его умиленное чувство передъ тихими печальными зръмищами родной природы, все это настолько ясно и конкретно, что можеть быть вполнъ понято въ точной и красочной передачъ столь опытнаго и хорошо знающаго свое дело переводчика, каковъ г. Фидлеръ. Онъ хорошо справился даже съ такой трудной для перевода поэмой, какъ "Рыцарь на часъ", върно передавъ общій тонъ настроенія и колорить унылаго сельскаго пейзажа. Къ числу лучшихъ переводовъ принадлежитъ также "Внимая ужасамъ войны" и "Убогая и нарядная"-особенно трудное для передачи стихотвореніе, въ виду картинной сжатости определеній. Не особенно удачно переданы знаменитые два стиха: "И на лбу роковыя слова-Продается съ публичнаго торга". Г. Фидлеръ переводить ихъ следующимъ образомъ: "Auch steht annonciert auf der Stirn: "Wird öffentlich ausgeboten". Туть неумъстень галлицизмь "annonciert" и не передано отношеніе ноэта къ описываемому факту: видную его внутреннему взору надпись на лбу онъ называеть "роковыми словами"—этого г. Фидлеръ не передалъ.

II.

Lucien Muhlfeld. L'associée. Roman. Crp. 351. Paris, 1903. (Librairie Paul Ollendorf).

Люсьенъ Мюльфельдъ, молодой романисть, прославился нѣсколько. лѣтъ тому назадъ романомъ "La Carrière d'André Tourette"; въ немъ онъ проявилъ много "паризіанизма" и спокойное ироническое отношеніе къ тѣмъ средствамъ, которыми достигаются жизненные успѣхи и создаются видныя положенія въ Парижѣ. Въ авторѣ "Карьеры Андрэ Турета" виденъ ученикъ Анатоля Франса, и вліяніе самаго утонченнаго и "мудраго" изъ современныхъ французскихъ романистовъ еще болѣе замѣтно въ только-что вышедшемъ и встрѣченномъ въ кри-

Томъ VI.-Декаврь, 1902.

тикѣ съ большимъ сочувствіемъ романѣ Мюльфельда "L'Associée" ("Союзница").

Идя по слёдамъ Франса, авторъ романа смотрить съ нёкоторой высоты на описываемую имъ дёйствительность, не морализируеть, не думаеть, что можно что-нибудь исправить, а только съ грустной скептической улыбкой указываеть на диссонансы жизни— незамётные для тёхъ, кто ихъ порождаеть, но трагичные для болёе тонкихъ, ищущихъ гармоніи натуръ.

Новый романъ Мюльфельда интересенъ оригинальностью своей основной идеи, или, върнъе, тъмъ, что авторъ освъщаетъ съ новой стороны вопросъ, составляющій общее содержаніе французской беллетристики. Въ "Союзницъ" ръчь идеть о семейной жизни, объ отношеніяхь мужа и жены, т.-е. о томъ, о чемъ говорится въ любомъ изъ современныхъ французскихъ романовъ, но для большинства французскихъ романистовъ семейная жизнь становится сюжетомъ психологическаго романа лишь съ того момента, когда въ ней образуется трещина, когда одинъ изъ супруговъ нарушилъ объть върности, когда обычное теченіе жизни сміняется драмой-ням комедіей отношеній, построенных на лжи и обмань. Въ болье легкомысленных романах интересь сосредоточивается на измёнё жени. на психологія ея сложных отношеній є обманутому мужу и є одному или нъсколькимъ "друзьямъ". Въ болье "правственныхъ" романахъ измёняеть мужь, и психологія сводится нь оскорбленнымь чувствамъ обманутой и непонятой жены. Въ новъйшее время, подъ вліяніемъ русскаго романа, французскіе романисты занимаются вопросами о примиреніи и прощеніи измінь, совершенныхь кімь-нибудь изъ супруговъ, т.-е. опять-таки центромъ дъйствія становится супружеская измена. Мюльфельдъ въ первый разъ подступаеть къ вопросу о семейной жизни съ совершенно новой для французовъ стороны; онъ говорить не о разстроенной семьй, не о разбитомъ семейномъ счастьй. которое нужно какъ-нибудь склеить, для того, чтобы его хватило на дальнёйшую жизнь, а о нормальномъ, благополучномъ и, казалось бы, даже счастливомъ супружествъ, безъ измънъ со стороны жены, почти безъ измѣнъ со стороны мужа. Изображая внутрениюю исторію такого брака, Мюльфельдъ задается вопросомъ о томъ, чёмъ должень быть истинный бракъ, и чёмъ онъ становится въ современной французской жизни подъ вліяніемъ среды, житейскихъ интересовъ и т. д. Не гонясь за драматическими эффектами и одушевленный исканість внутренней правды, Мюльфельдъ видить враждебныя семейному началу силы не въ разнузданности страстей, не въ жаждъ новыхъ и запретныхъ наслажденій, а въ болье прозаическихъ и болье роковыхъ-именно вследствие своей незаметности-причинахъ. Трудно бо-

роться противъ того, что вкрадывается въ жизнь исподоволь, невидимо, неосязательно, какъ болёзнь, разрушающая организмъ. Эта разрушительная сила завлючается въ рововомъ взаимномъ непониманіи двухъ людей, сошедшихся для совмъстной жизим въ лучшемъ случаъ по любви, которая вовсе не связана непременно съ внутренней гармоніей; следствіемъ же непониманін является столь же рокован скука, которая зарождается и ростеть въ отношеніяхъ двухъ людей, даже если есть любовь, но ивть гармоніи. Мюльфельдь, съ необычной для француза серьезностью въ этомъ вопросъ, строить идеаль совершеннаго брака на взаимопониманіи, на совм'встной духовной жизни, на общности стремленій-и показываеть всю пустоту и неприглядность семейной жизни, въ которой отсутствуеть внутренняя солидарность. Онъ береть случай, когда одна изъ сторонъ понимаеть, чёмъ должень быль бы быть бракь, и страдаеть оть несоответствія действительности со своими ожиданіями и стремленіями. Часто оба супруга безсознательно довольствуются формой, лишенной содержанія, живуть въ бракъ, не задумываясь надъ его сущностью, любять уже больше въ силу привычки, скучають другь подлё друга, но считають себя безупречными только потому, что неповинны въ измѣнѣ; - такова обычная средне-добродътельная семья во Франціи, не замъчающая сърости своей жизни. Но трагедія начинается съ просветленія одной изъ сторонъ, мужа или жены-и такую трагедію изображаетъ Мюльфельдъ; трагедія эта внутренняя, безъ потрясающихъ событій, скрытая подъ внъшнимъ блескомъ жизненныхъ удачъ и бевпечной свътской жизни, но темъ не мене глубокая и безнадежная.

Женевьева Телье любить своего мужа и думаеть, что несчастіе ея въ томъ, что она любитъ его больше, чемъ онъ. Но это неверно. Онъ ее любить, нъжень съ ней, цънить ея врасоту и ея душевныя качества, не измъняеть ей-кромв одного только короткаго увлеченія умирающей паціентвой, о мимолетной связи съ которой Женевьева даже не узнаеть. Но эта любовь мужа не удовлетворяеть Женевьеву, именно потому, что она видить сущность брака въ объединенной діятельности духа, а мужъ ея чисто внівшнимъ образомъ относится въ своей женв и даже не понимаеть ел стремленій въ союзу душъ; живя всю жизнь подъ одной кровлей съ нею, онъ не подозръваеть о томъ, что происходить въ ся душт. Гордая и замкнутая, она никогда не выдаеть себя; а когда, наконець, она не въ силахъ скрыть своихъ страданій, своихъ разочарованій, онъ приписываеть ся "нервность и дурное расположение духа" бользни, неврастении. Женевьева энергична. Уже после первыхъ летъ она поняла, что мужъ не относится къ ней съ той полнотой и исключительностью чувства, съ какой она относится въ нему. Полная силь и надеждъ, она задается

ігьлью завоевать то, что она называеть истинной любовью мужа. Нужно, чтобы жена была не игрушкой, не отдохновеніемъ для мужа, а подругой его, союзницей всёхъ его жизненныхъ предпріятій-и Женевьева становитси идеальной союзницей, незаметной, неутомимой и върной, ведущей своего мужа и товарища въ высокому положению въ обществъ, къ успъхамъ въ научной дъятельности. Она знаетъ, какой врагь грозить счастью ихъ молодой любви. Врагь этоть-скува и равнодушіе, порождаемое жизнью безъ заботь и дела. Телье — натура нъсколько пассивная, и ему тъмъ болье нъть надобности работать, что отецъ оставиль ему большое состояніе. Но Женевьева будить въ немъ честолюбіе--- не изъ собственнаго тщеславія, а для того, чтобы создать общее дело, въ которомъ она была бы подругой мужа. Телье-врачь, и по ея настоянію онъ открываеть лечебницу для чахоточныхь. Лечебница эта благотворительная; въ ней лечать больныхъ рабочихъ примъненіемъ разныхъ гигіеническихъ мъръ. Телье сводить всю медицину къ гигіень-въ этомъ оригинальность его системы, обращающей на себя общее вниманіе. О "dispensaire Tellier" много говорять въ прессв и въ обществъ; всв газеты отправляють журналистовъ для осмотра и описанія филантропическаго предпріятія, въ которомъ работаютъ выдающіеся врачи. Душой лечебницы становится Женевьева; она одёляеть приходящихъ рабочихъ деньгами и нужными для поддержанія ихъ силь лекарствами, виномъ и т. д., завоевываеть ихъ симпатіи участливыми вопросами, но дёлаеть это незаметно. Самъ Телье мене всего подозреваеть роль своей жены, натолкнувшей его на мысль о лечебниць и содыйствующей успыху его предпріятія. Женевьева отдаеть всю душу на то, чтобы содійствовать успёху мужа и создавать все новыя и новыя удовлетворенін порожденному ею же въ немъ честолюбію. Она и не хочеть, чтобы онъ ценилъ ея помощь; она стремится только сделать его жизнь полной и разнообразной, и темъ самымъ завоевать его любовь, т.-е. работать съ нимъ въ общемъ дълв. Занятая его славой, она любезничаеть съ журналистами, которые, очарованные ею, далають блестящую рекламу мужу. Своимъ умомъ и тактичностью она создаетъ для мужа полезныя связи, знакомить его съ нужными людьми и незамѣтно, неутомимо устранваеть его карьеру. Внимательное наблюденіе парижскихъ нравовъ показываеть ей силу женскаго вліянія. Поучительнымъ примеромъ служить для нея и жена президента сената, которая довела своего посредственнаго и мало симпатичнаго мужа до вершинъ общественнаго положенія. Но Женевьева не похожа на жену президента. Та отличается безграничной добротой и заботливостью обо всёхъ, и постоянно старается кого-нибудь пристроить и устроить. Женевьева же поглощена исключительно

мыслью о мужь, безмерной любовью къ нему, и сама признается въ этомъ въ письмахъ къ своему крестному отпу. "Я не люблю всёхъ", -пишеть она,-я люблю только одного". Къ своему сыну, маленькому Максиму, Женевьева относится съ надлежащей заботливостью, находить ему отличнаго воспитателя, присутствуеть иногда на урокахъ, но, убъдившись въ томъ, что мальчикъ въ отличныхъ рукахъ, считаетъ свой долгь по отношению въ сыну исполненнымъ; ему онане нужна, но мужу-хотя онъ этого и не сознаетъ-она необходима; она потому служить ему върной союзницей, и радуется развитию его дъятельности, сознавая себя тайной пружиной всъхъ его начинаній. Всв считають ее тщеславной, даже ея врестный отець журить ее за чрезмѣрное рекламированіе всякаго шага доктора Телье въ газетахъ, за любезность къ журналистамъ; но Женевьева объясняеть ему, что дъйствуеть не изъ тщеславія, а только изъ любви къ мужу. Ея единственная награда въ томъ, что мужъ любить отдохнуть иногда наединъ съ нею отъ постоянныхъ сношеній съ посторонними людьми, сношеній, вызванныхъ его возростающей популярностью. Въ такія минуты Женевьевъ кажется, что она приближается въ идеалу семейнаго счастья, что мужъ ея дъйствительно нуждается въ душевной близости съ нею.

Благодаря неутомимымъ стараніямъ Женевьевы, Телье пріобрівтаеть все большую популярность. Она внушаеть редактору одной газеты мысль о томъ, чтобы поручить ея мужу веденіе популярныхъ бесёдъ о гигіене, сама придумываеть и удачныя названія для этихъ бесёдъ, и указываетъ на темы, интересныя для публики, сама редактируеть первыя статьи-дёлая все это незамётно, такъ что Телье не только не видить иниціаторской роли жены и ея умственной силы, но считаеть ее обыкновенной светской женщиной, тщеславію которой льстить общее вниманіе къ ея мужу. Онъ увіренъ, что вниманіе ея поглощено туалетами, визитами и пріемами, и совершенно не подозрѣваеть о наростающей въ ен душѣ драмь. А между тѣмъ драма эта ростеть. Женевьева начинаеть замечать тщетность своихъ стараній. Чімъ болье усложняется общественная жизнь ея мужа, тімъ менье чувствуеть онъ активную близость жены. Онъ радуется, что доставляеть ей удовольствіе своимъ возростающимъ вліяніемъ въ обществв и "снисходительно" относится въ ея тщеславію, въ ея несврываемому восторгу передъ каждымъ новымъ доказательствомъ его популярности. Ей пріятно, -- думаеть онъ, -- быть женой изв'єстнаго человъка -- это, конечно, простительная слабость въ красивой свътской женщинь. Что она орудіе его успаховь-это ему и въ голову не приходить, также какъ онъ не видить ея мучительныхъ стремленій слиться съ нимъ въ единой жизни. Союзницы и товарища онъ

не видить-а смотрить на жену только какъ на случайную свидътельницу своихъ удачъ и охотно разсказываеть о своихъ успъхахъ; ен восхищение онъ спокойно принимаеть какъ должную дань своимъ талантамъ. Лечебница, которан создала его популярность, вскоръ перестаеть его занимать, --- онъ предоставляеть работу въ ней своимъ помощникамъ, занятый самъ новыми предпріятіями, журнальными работами и участіемъ въ разныхъ научныхъ ассоціаціяхъ; къ участію въ нихъ его приглашають, вакъ моднаго популярнаго гигіениста. Славу эту ему создала, главнымъ образомъ, Женевьева, придумавшая громкія заглавія для двухъ трактатовъ о туберкулезь, ..., La tuberculose assassine" для перваго, гдъ говорилось о статистикъ чахоточныхъ заболъваній; "La tuberculose guérissable" — для второго, гдъ рекомендовались гигіеническія міры для борьбы съ туберкулезомъ. Ничего новаго по существу Телье въ этихъ трактатахъ не даль, но удачная популяризація німецкой системы санаторій и эффектность заглавій, вийсти съ умилой и умной рекламой, создали Телье видное положеніе въ медицинскомъ міръ. Никому, и менъе всего самому Телье, не приходить въ голову, что и шумъ, возбужденный "системой д-ра Телье", и талантливое изложение его статей по гигиенъ-дъло ума и рукъ скромной, занятой свътской суетней жены его. Она въдь только была отчасти секретаремъ мужа, исполняла его указанія, просматривала корректуры и писала по его указаніямъ письма, которыя всегда завоевывали ему симпатін нужныхъ людей. Телье еще и потому не замівчаеть участія жены въ своихъ успівхахъ, что онъ очень невысокаго мивнія о женщинахъ. По возвращеніи изъ Турина, куда онъ вдеть на конгрессь съ женой и несколькими товарищами, заходить разговоръ о женщинахъ по поводу выступившей на конгрессв нъсколько смъшной польской докторессы. Всв выражаются за или противъ женской эмансипаціи, и Телье очень снисходительно и великодушно доказываеть, что нужно предоставлять женщинамь всв занятія, не требующія силы и иниціативы, но что въ общемъ назначеніе женщины вовсе не въ продуктивномъ трудь. Когда дело идеть о четв супруговь, то весь трудь должень быть на сторонв мужаего силь вполив достаточно для матеріальнаго обезпеченія семьи и для выполненія всіхъ нравственных и общественных обязанностей. выпадающихъ на его долю; жена же должна только укращать жизнь мужа своимъ присутствіемъ и пользоваться праздностью, для которой она создана. Женевьевъ очень тяжело слушать слова мужа. Для нея это не безразличный отвлеченный разговоръ, а приговоръ ея личному семейному счастью. Ея мужъ сознательно отделяеть свою внутреннюю жизнь отъ жизни жены-жена создана для досуга, а не для совивстныхъ усилій ума и души. Чемъ удачнее складывается жизнь

и общественная деятельность Телье, -- благодаря скрытымъ стараніямъ Женевьевы, -- тамъ болъе она убъждается въ врушении своихъ надеждъ: занятія Телье не сближають его съ женой, а раздёляють ихъ. Онъ занять своими больными, въ томъ числё молоденькой, очень больной дівушкой; увлеченный ея красотой и жалостью къ ея болъни, онъ сходится съ ней, тщательно скрывая мимолетную и не особенно серьезную интригу отъ жены. Но эта мелкая измъна, если бы даже Женевьева узнала о нею, не такъ бы огорчила ее. какъ безсознательное духовное отчуждение ен мужа отъ нен, полное невнимание его въ ен всепоглощающей любви. Онъ занять новымъ предпріятіємъ, возникшимъ тоже благодаря ей. Она внушила разбогатъвшему купцу мысль пожертвовать огромную сумму на устройство первой санаторіи для обдимую чахоточных работниць; купець изъ тщеславія, для того, чтобы создать себъ славу "филантропа-милліонера" (richissime philantrope-это соблазняющее купца слово тоже придумано Женевьевой) жертвуеть милліонь на санаторію и назначаеть Телье главнымъ врачомъ. Телье вскоръ убъждается, что польза отъ санаторіи не велива, что гигіеническихъ условій недостаточно для леченія; являются также разныя затрудненія въ администраціи,--но онъ настолько не привыкъ раздълять своихъ мыслей съ женой, что даже не посвищаеть ее въ свои заботы и отдълывается общими словами отъ ен разспросовъ. О своихъ успёхахъ онъ разсказываеть ей изъеснисхожденія къ ся тщеславію-такъ сму по крайней мірів кажется, -- но серьезныхъ сомивній въ себв онъ ей не открываеть, какъ не открыль бы ихъ чужому, -- и только позже, въ безразличномъ разговоръ онъ говорить Женевьевъ о несостоятельности медицины вообще, т.-е. скрываеть личныя чувства подъ общими разсужденіями. Жевевьева съ ростущимъ въ душев отчанніемъ убеждается въ тщетности своихъ усилій: вся жизнь ея уходить на то, чтобы стать "союзницей" мужа, чтобы обръсти его истинную любовь, сдълать ихъ бракъ союзомъ душъ, -- и каждое ея усиліе обращается противъ нея. Въ своемъ отчаннім она обращается за советомъ къ представителю церкви, къ учителю своего сына, почтенному аббату. Она разсказываеть ему подъ видомъ несчастій своей подруги свою собственную исторію и просить дать советь, который она и передасть подруге. Разговорь съ аббатомъ въ высшей степени характеренъ; онъ рисуетъ взглады и общества, и католическаго духовенства на бракъ, отивчаетъ несоотв'ятствіе, казалось бы, совершенно естественныхъ желаній Женевьевы съ обычнымъ во французскомъ обществъ взглядомъ на семью. Женевьева говорить, что ен подруга несчастна, потому что больше любить своего мужа, чвиъ онъ ее; на это аббать отвечаеть, что можеть ей только посовътовать молиться о возвращени ей привязан-

ности мужа. "Не посовътуете же вы ей, надъюсь, — возражаеть Женевьева, -- молиться святому Антонію Падуанскому, который славится твиъ, что возвращаетъ потерянные предметы?"- "Почему же и не обратиться въ нему? Антоній Падуанскій-великій святой, творящій много чудесъ... Есть, впрочемъ, и другіе святые, которые могли бы ваступиться за вашу подругу, не говоря о томъ, что она можеть прямо обратиться въ Господу Богу".--, Но, помимо молитвы, что ей посовътовать?" -- "Кромъ молитвы я ни на что не могу указать". Тогда Женевьева объясняеть аббату, что страданія ея подруги не таковы, вавъ можетъ предположить аббатъ. Мужъ ей не измъняетъ, не чуждается ел, но все-таки она страдаеть душевно, потому что она ищеть счастья только въ любви мужа, въ томъ, чтобы разділять его заботы, его трудъ, его надежды, всв ся мысли сосредоточены на мужв, -- онъ же не раздъляеть съ ней своей души. Аббать находить, что это еще не такъ трагично, что у мужа могутъ быть занятія и заботы, къ которымъ жена непричастна; что, можетъ быть, онъ къ тому же боленъ или занять матеріальными заботами, омрачающими его расположеніе духа. "Нътъ, – говоритъ Женевьева, – характеръ у него ровный, здоровье цвётущее, жизнь полна удачь, семейныхь непріятностей нъть, и его состояние превышаеть всв его потребности; кромъ того, бракъ благословленъ прекрасными діятьми". На это аббать отвівчаеть уже съ явнымъ раздраженіемъ противъ слишкомъ требовательной женщины: "Вы слишкомъ добры, сударыня, -- говорить онъ, -- что принимаете къ сердцу горе вашей подруги. Ея мужъ богатъ, здоровъ, обходителенъ и уменъ, преуспъваеть въ своихъ дълахъ. Богъ благословиль ихъ союзъ потомствомъ-чего же ей еще надо? Чтобы мужъ ея быль новымь Ромео? Передайте ей мой советь: пусть она молится Пречистой Дввв, чтобы она сохранила ей ея счастье". Когда же Женевьева все-таки съ жаромъ настанваеть на несчасти подруги, аббать говорить, что, действительно, люди часто страдають и отъ воображаемыхъ несчастій, и потому совѣтуеть неудовлетворенной женъ заняться или благотворительностью, или воспитаніемъ дівтей. Женевьева съ горечью выслушиваеть его, и только напоминаеть ему, что ен подруга предъявляетъ чисто христіанскія требованія въ браку, стремясь къ тому, чтобы мужъ и жена составляли нъчто единое, и что ей странно поэтому негодование представителя церкви противъ ея требованій. Аббать отв'ячаеть уклончиво, доказывая безсиліе католической церкви въ этомъ вопросв. "Я знаю, -- говорить онъ, -- что дозволено надъяться на счастье въ супружествъ. Христосъ благословиль бракъ, апостолы и соборы регламентировали таинство. Но не слёдуеть слишкомъ многаго ожидать оть брачнаго союза. Святой Павелъ сказалъ глубокое слово, о которомъ следуетъ помнить: "бракъ---

великая тайна", -- а передъ тайной слёдуеть превлониться безъ излишней гордыни". Изъ всего разговора съ аббатомъ Женевьева только запоминаеть слова святого Павла и объщаеть передать ихъ подругь. Этоть разговорь-одно изъ самыхъ интересныхъ мёсть въ романт и доказываеть, съ какой всесторонностью авторъ трактуеть вопрось о пониманіи брака въ французскомъ обществѣ и какъ онъ понимаеть безсиліе обычныхъ рівшеній его. Женевьева продолжаєть усердно трудиться, устроивая дёла своего мужа. Онъ достигаеть высовихъ почестей, выбранъ въ сенаторы, въ члены академіи, и мечты Женевьевы объ истинномъ союзъ окончательно разрушены. Когда мужъ разсказываеть ей о злобномъ отношеніи къ нему нікоторыхъ ученыхъ, не сдълавшихъ такой блестящей карьеры, какъ онъ, и когда она возмущается людской завистью и злобой. Телье говорить ей съ безсознательной жестокостью слова, глубоко ранящія ея душу: "Они, быть можеть, правы,-говорить онь:-противь меня не только завистливые неудачники, но и одиновіе ученые, которые работають въ тиши лабораторій; они противъ меня, потому что я пожертвоваль одиночествомъ, необходимымъ для истинныхъ служителей науки, ради суетнаго светскаго тщеславія, ради семьи. Они противъ меня, потому что я восторжествоваль, благодаря счастливымь случайностямь, а не исключительно упорнымъ и безкорыстнымъ трудамъ, ведущимъ къ истинъ". Его слова окончательно убъждаютъ Женевьеву въ томъ, что ен мужъ просто не замётиль своей союзницы, работавшей вмёств съ нимъ и за него всю жизнь. Все, что она совершила, онъ приписываеть счастливымъ случайностямъ, и считаетъ ее скорте помтол въ своей жизни, думаетъ, что правы одинокіе труженики, не берущіе на себя семейныхь обязательствь. Онъ полагаеть, что жертвоваль собой для удовлетворенія ся тщеславія, въ то время какъ она знаеть, до чего она чужда тщеславія, и какъ она, напротивъ того, пожертвовала своимъ идеаломъ тихой интимной и семейной жизни, чтобы создать ему дъятельность и положеніе, удовлетворяющія его. Она видить, что взаимное непониманіе слишкомъ глубоко и ніть возможности его разсвять. Ея грусть Телье принимаеть за разстройство нервовъ, и совътуетъ ей успокоиться. Она, дъйствительно, успокоивается, т.-е. примиряется съ неизбъжнымъ: "бракъ-великая тайна". Она увзжаеть на время въ деревню, къ своему крестному отцу, старому барону, человъку "другого въка", врагу суеты и рекламности современнаго Парижа; онъ понимаетъ интимное горе своей врестницы и сочувствуеть ей. Телье убхаль на конгрессь въ Бернъ, пишеть оттуда восторженныя письма объ оказываемых вему почестяхъонъ въдь знаеть, что это обрадуеть его жену, будеть льстить ея тщеславію. Женевьева все покорно принимаеть. Ея жизнь разбита,

но мужъ ея не подозръваеть ни о крушеніи ея надеждъ, ни о той мечть, которая, воодушевляя ее, была причиной его "случайныхъ" успъховъ.

Романъ оканчивается пессимистически: совершенный бракъ—пустая мечта, неосуществимая въ условіяхъ лихорадочной и суетной современной жизни, при полномъ непониманія смысла брачныхъ совзовъ. Жертвой падаеть тоть, кто при общей сліпоть тянется къ світу. Можеть быть, выводъ Мюльфельда—слишкомъ мрачный, и возможны новыя удовлетворительныя рішенія этого столь важнаго вопроса. Можеть быть, создадутся новые идеалы семейной жизни и откроются новые пути къ ихъ достиженію,—но пока очень знаменательно, что во Франціи, гдіть семейное начало боліте расшатано, чіть гдітьлибо, нашелся искренній и смітый писатель, который такъ ярко освітиль роковыя недоразумітьня, на которыхъ построена семья въ современномъ обществі.

Романъ Мюльфельда очень интересенъ также и съ бытоописательной стороны;—описанія литературныхъ и світскихъ иравовъ необычайно тонки, блестящи, и сказывающаяся въ нихъ иронія ділаєть автора достойнымъ послідователемъ Анатоля Франса.—3. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1902.

Интересное сообщеніе и неудачные къ нему комментаріи.—Инциденть въ казанскомъ придическомъ обществъ.—Проектируемое общество московскихъ журналистовъ.— Предстоящій юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.— "Благая въсть".—Корреспонденція взъ курской губерніи.— Письмо П. А. Тверского въ Редакцію.

Чемъ больше въ нашемъ ближайшемъ прошломъ сторовъ, погруженныхъ въ глубокую тьму, чёмъ меньше доступно для русскаго общества знакомство со многими недавними моментами величайшей исторической важности, темъ пенте все то, что даеть возможность заглявуть хоть мимоходомъ за кулисы нашей жизни. Пускай недостовъренъ, вообще, источнивъ, изъ котораго идетъ сообщеніе, пускай невысоки мотивы, его вызвавшіе: если оно содержить въ себ'в хоть малую долю истины, --ее можно распознать среди чуждыхъ ей наслоеній, отділить отъ извращающихъ ее толкованій. Все это примънимо вполнъ къ одному изъ послъднихъ "Дневниковъ" кн. Мещерсваго ("Гражданинъ", № 82), недостаточно обратившему на себя вниманіе русской печати. Вспоминая день кончины императора Александра ІІІ-го, редакторъ "Гражданина" утверждаетъ, что въ послъдніе годы жизни почившаго монарха его "томиль вопрось: работа надъ грудами бумагь не изображаеть ли собою гораздо болье мертвящій культь бюрокративма, чёмъ живительную силу самодержавія, и, отнимая у него свободу и время, не отнимаеть ли эта груда бумагь свободу и у народа, вездъ, гдъ она ему нужна для труда и для жизни"? Мысль государя, -продолжаеть кн. Мещерскій, -- приходила къдругому вопросу: конституція Россіи не нужна, но ей нужно другое; ей нужна свобода, ей нужно то же, что и русскому царю-свобождение отъ гнета бюрократизма и централизаціи, ей нужны пути правды къ нему. И развів это такъ трудно? думаль правдолюбивый самодержець. Стоить только измёнить теченіе: благодаря мнимымъ союзнивамъ самодержавія-бюрократіи и централизаціи, — ихъ все захватывающая волна снизу все возносить въ верху, въ зародышт туша всякую свободу на мъстъ; не лучше ли тихой волнъ идти сверху книзу и приносить повсюду свободу для каждой плодотворной мысли, для каждаго жизненнаго труда"?

Что мы имѣемъ дѣло, на этотъ разъ, не съ вымысломъ, а съ чѣмъ-то хоть отчасти реальнымъ-доказательство тому мы видимъ

какъ въ неудовольствіи, съ которымъ отнеслись въ сообщенію "Гражданина" обычные его единомышленники, такъ и въ полной дисгармоніи между сообщеніемъ и руководящими взглядами "Гражданина". Судя по одному изъ позднѣйшихъ "Дневниковъ" (№ 88), "консерваторы" отказываются считать своимъ того, кто позволяеть себѣ "говорить за свободу"—и, въ добавокъ, говорить за нее не отъ своего собственнаго, а отъ неизмѣримо болѣе авторитетнаго имени. И нельзя не признать, что съ своей специфической точки зрѣнія "консерваторы", привыкшіе идти рука объ руку съ "Гражданиномъ"—консерваторы, къ которымъ больше подходило бы названіе реакціонеровъ,—совершенно правы. Уличить кн. Мещерскаго въ противорѣчіи имъ было бы нетрудно: стоило бы только напомнить одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, когда онъ и его сотрудники оказывались злѣйшими врагами свободы—не только свободы дъйствій, но и свободы мысли 1).

Не въ этомъ, однако, дело: вопросъ не въ томъ, веренъ ли самъ себе редавторъ "Гражданина", сочувственно останавливаясь на извъстномъ факть, а въ томъ, -- достовъренъ ли самый факть. Опровержения его въ печати мы до сихъ поръ не встречали... Само собою разументся, что къ ложкъ чужого меду кн. Мещерскій не преминуль прибавить изрядное количество собственнаго дегтя. "Рядомъ летъ" -- восклицаеть онъ -- "убъдительно доказано, что бюрократизмъ и централизація неумышленно, но въ порядкі вещей, гораздо боліве союзники активныхъ либераловъ, чемъ правительства... Многоголовая гидра бюрократизма и централизаціи, требуя исполненія своихъ бумагъ, мирилась и мирится съ негласными попытвами ослабленія самодержавія въ его животворящей, народолюбивой и свободолюбивой сущности, и оттого мы всегда видёли бюроврата невольно ближе къ активному либералу, чёмъ къ той великой идей порядка, которой онъ обязанъ быть исполнителемъ". Когда же, однако, и въ чемъ выразилась эта близость? Конечно, не въ области самоуправленія и не въ области мъстнаго управленія, въ которой, при одобрительныхъ кликахъ "Гражданина", все больше и больше торжествують бюрократическіе принципы 2); не въ области также печати, и т. д. Совът между бюрократіей и либералами, да еще "активными" одно изъ самыхъ курьезныхъ измышленій, когда-либо появлявшихся на столь богатыхъ ими страницахъ "Гражданина".

"Нужны пути правды"—воть центрь тяжести настроенія, о которомъ повъствуеть "Гражданииъ". Пути существують отчасти, и теперь

²) Съ какою легкостью "Гражданииъ" переходить отъ нападокъ на бюрократію

^{1) &}quot;Ндея всесословной волости"—читаемъ мы, напримъръ, въ одной изъ недавнихъ статей "Гражданина"—"естъ величайшая дерзостъ, величайшее историческое преступленіе, которому имени нътъ"...

-но не вполнъ обезпечено шествованіе по нимъ правды. Раскрытію и освъщению правды могла бы служить повременная печать — но она не пользуется уже той свободой, какая была предоставлена ей тридцать-семь льть тому назадъ, закономъ 6-го апръля 1865-го года. Много важныхъ общественныхъ явленій обнаруживается на судъ — но многіе процессы, которые имъють наибольшее общественное значеніе, производятся, въ последнее время, при закрытыхъ дверяхъ и проходять незамёченными, почти никому неизвёстными. Земскимъ ходатайствамъ, ставящимъ на очередь неотложныя нужды населенія, противополагаются иногда препятствія формальнаго свойства, надолго останавливающія ихъ движеніе. Стеснена деятельность, непрочно самое существование ученыхъ обществъ, отъ которыхъ, при другихъ условіяхъ, можно было бы ожидать яркаго освіщенія тіхъ или другихъ сферъ государственной и общественной жизни. Отсюда ясно, какимъ образомъ могли бы быть созданы настоящіе, широкіе "пути правды", необходимость которыхъ такъ блистательно подтверждена сообщеніемъ "Гражданина".

При какой обстановкъ работаеть у насъ иногда общественная мысль-объ этомъ даетъ понятіе недавній инциденть въ казанскомъ вридическомъ обществъ 1). Въ засъданіи 2-го ноября предсъдатель общества, В. В. Сергіевскій, заявиль, что какь онь самь, такь и товарищь его, Н. К. Моисеенко, вынуждены сложить съ себя свои званія, такъ какъ исполненіе обязанностей, съ ними сопряженныхъ, ставится въ условія, съ которыми онъ, Сергіевскій, двадцать пять лътъ прослужившій дълу правосудія, примириться не можеть. На вопросъ членовъ общества, въ чемъ завлючаются эти условія, г. Сергіевскій объясниль следующее. Еще весною быль назначень къ слушанію реферать члена общества Н. В. Рейнгардта: "Романъ гр. Л. Н. Толстого ("Воспресеніе") и вопросы уголовнаго права, имъ возбуждаемые". По желанію администраціи, реферать быль снять сь очереди, въ виду тъхъ чрезвычайныхъ событій, которыя нарушили мирное теченіе университетской жизни. Находя условія настоящаго времени вполнъ благопріятными для мирныхъ научныхъ занятій, предсъдатель

къ ея поддержкв — объ этомъ можно судить по темъ поправкамъ, которыя онъ предлагаетъ къ положению о земскихъ начальникахъ (№ 88): "Нужно дать земскому начальнику ответственнаго заведующаго канцелярией; нужно увеличить канцелярския средства земскаго начальника; нужно сдёлать назначение его срочнымъ, дабы хорошій начальникъ могъ продолжать свою службу, а нехорошій — устранялся отъ нея". Не ясно ли, что всё эти мёры насквозь пропитаны "бюрократизмомъ"?

¹) См. № 46 газеты "Право".

назначиль на 28-ое сентября засъданіе для выслушанія реферата Н. В. Рейнгардта. Однаво, до засъданія онъ быль приглашенъ черезь полиціймейстера къ начальнику губернін, который высказаль пожеланіе, чтобы реферать г. Рейнгардта вовсе не читался. Мотивами къ тому служили тв нападки на установленный судебный порядокъ, которыми отличается романъ Толстого, тотъ "инввизиціонный" процессь, о которомъ говорится въ печатныхъ положеніяхъ референта, наконецъ, та сенсація, которую можеть произвести реферать. Такъ какт предсъдатель объясниль, что по уставу онъ не въ правъ снять безъ воли самого референта назначенный докладъ, то начальникъ губернін пригласилъ присяжнаго повъреннаго Рейнгардта и предложилъ ему реферата не читать. Присутствовавшій въ засёданіи члень общества Н. В. Рейнгардтъ подтвердилъ все сказанное председателемъ и заявиль, что онь лично оть себя подасть жалобу министру внутреннихъ дълъ на дъйствія губернатора. Многіе изъ членовъ общества не согласились примириться со смертью общества и рашили еще разъ собраться, чтобы обсудить дальныйшій образь дыйствій.

Почти одновременно съ изв'ястіемъ о затрудненіи, въ которое поставлено казанское юридическое общество, въ печати появилось сообщение о слушании въ первомъ общемъ собрании прав. сената жалобы бывшаго предсёдателя московского юридического общества С. А. Муромцева и бывшаго члена общества П. Н. Обнинскаго, на закрытіе общества распоряжениемъ бывшаго министра народнаго просвъщения, состоявшимся въ іюню 1899-го года. Подобною медленностью отличается. въ большинствъ случаевъ, и движение другихъ аналогичныхъ дълъ, по воторымъ сенатъ долженъ имъть въ виду заключение подлежащаго министра. Такъ какъ вопросъ, возникшій въ Казани, можеть перейти изъ министерства внутреннихъ дъль въ прав. сенать, то на скорое его разрѣшеніе разсчитывать, очевидно, нельзя. Юридическому обществу угрожаеть или распаденіе, или, въ лучшемъ случай, вынужденное бездействіе. Какъ трудно вновь пустить въ ходъ однажды прерванное дело-это показываеть примерь Москвы. Закрывая московское юридическое общество, министръ народнаго просвъщенія предоставиль совёту московскаго университета войти съ ходатайствомь объ учрежденіи новаго юридическаго общества, на слідующих условіяхь: 1) всв профессора юридического общества состоять членами общества по своей должности, и 2) предсъдатели общества и его отдъленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаемы министромъ народнаго просвъщенія. Прошло болве трехъ лвтъ-и о возстановлении общества до сихъ поръ ничего не слышно. Отчасти, безъ сомнёнія, это зависить оть указанной нами

въ свое время 1) строгости и непрактичности поставленныхъ условійно и безъ нихъ не легко было бы вновь собрать disjecta membra общества, воспресить замершую жизнь. Между тъмъ, исчезновение ученаго общества, особенно въ провинціи, оставляеть пробель, нелегко восполнимый. Пока оно дъйствуеть, для его членовь, да и для всъхъ интересующихся предметомъ его занятій, существуеть умственный центрь, обладающій большей или меньшей притягательной силой. Онъ будить мысль, которую съран и дряблая дъйствительность раснолагаеть въ усыпленію; онъ напоминаеть объ университетскихъ завътахъ, такъ легко забываемыхъ среди житейской суеты и однообразнаго полу-ремесленнаго труда; онъ поддерживаетъ связь между наукой и практикой -- связь, разрывъ которой особенно опасенъ въ судебномъ міръ. Чъмъ меньше ученыхъ обществъ-или чъмъ ограниченные ихъ сфера дъйствій, чъмъ безжизненные и безнадежные ихъ работа, -- тымъ меньше шансовъ для успъшной борьбы съ картами и другими засасывающими привычками различныхъ mondes où l'on s'ennuie... Казанскій инциденть важется намъ прискорбнымъ еще и потому, что сколько-нибудь серьезныхъ основаній для административнаго veto въ данномъ случать не имълось. Не было ихъ ни въ внъшнихъ условіяхъ вазанской жизни, вошедшей, въ осени текущаго года, въ свою нормальную колею, ни въ содержании реферата, подвергшагося запрету. Если нападки гр. Л. Н. Толстого на установленный судебный порядокъ не помётали широкому распространенію его романа, то почему же онв явились препятствіемъ къ чтенію реферата, который могь только воспроизвести, но не обострить ихъ? Если въ выраженіи: инквизиціонный прочессь быль усмотрень намень на сходство нашего судопроизводства съ пріемами инквизиціи, то не было ли при этомъ упущено изъ виду, что въ применени къ процессу слово инквизиціонный иметь другой, совершенно невинный смысль, означая то же самое, что сатоственный, розыскной-а изъ розыскного процесса кое-что, безспорно, до сихъ поръ сохранилось и у насъ, и даже въ континентальныхъ государствахъ западной Европы... Что касается до "сенсацін", то въ засёданіи ученаго общества, коти бы и доступномъ не для однихъ его членовъ, она едва ли представляеть какую бы то ни было опасность.

Чъмъ быстръе растеть число профессіональныхъ писателей, чъмъ шире сфера интересовъ, затрогиваемыхъ періодическою и не-періодическою печатью, тъмъ больше чувствуется потребность въ объединеніи литературныхъ силь—объединеніи свободномъ, непринужденномъ,

¹) См. Обществ. Хронику въ № 9 "Въстника Европы" за 1899 г.

создаваемомъ и регулируемомъ ихъ собственной иниціативой. Приближающійся двухсотлітній юбилей періодической прессы вызваль на свёть мысль объ учреждении московскаго общества журналистовъ. Аналогичное общество, не пріуроченное къ одному городу и къ одной категоріи литераторовъ, существовало недавно въ Петербургв, подъ именемъ союза взаимопомощи русскихъ писателей, и успъло развить, въ теченіе четырехъ літь, довольно разностороннюю дівятельность. Его закрытіе. (въ марть 1901-го года), мотивированное единичнымъ фактомъ, остановило естественный ходъ дёла, но не уничтожило и не могло уничтожить техъ причинъ, благодаря которымъ оно возникло. Все то, къ чему оно стремилось, находить себъ мъсто въ проектъ устава новаго общества: ръчь идеть здъсь и объ общеніи между писателями, и объ улучшении матеріальнаго ихъ положенія, и объ охраненіи добрыхъ литературныхъ нравовъ. Для последней цели предполагается учрежденіе, въ составѣ общества, суда чести---и за него высказывается, въ принципъ, даже та петербургская газета, которая долго стояла въ первыхъ рядахъ его противниковъ. Осуществится ли московскій проекть, получить ли онь более широкую сферу дъйствій-это покажеть будущее; характерно, во всякомъ случав, самое его появленіе. Въ Россіи общества писателей трудно осуществимы, болье чьмъ гдь-либо окружены подводными камнями; но отсюда еще не следуеть, чтобы они были невозможны. Слишкомъ пессимистическимъ кажется намъ метніе, высказанное по этому предмету "С.-Петербургскими Въдомостями" (№ 310). "На Западъ" читаемъ мы здесь — "различіе направленій не можеть помещать объединенію всей печати по нівкоторымь, васающимся только ея вопросамъ, потому что тамъ всѣ направленія пользуются одинавовыми правами гражданства и существують при одинаковыхъ внёмнихъ условіяхъ. На Западъ силы разныхъ направленій болье привыкли ценить другь друга за общія всёмь имъ профессіональныя внутреннія качества; тамъ нъть мъста личному раздраженію въ тыхъ элементахъ, которые, какъ въ Россіи, не могутъ проявить въ желательной степени свой таланть, знанія, искренность. Какое же можеть быть сближение и единение между полноправными и правоспособными элементами съ одной стороны и едва терпимыми-съ другой"? Сочувствуя мотивамъ, изъ которыхъ исходить эта аргументація, мы видимъ въ ней, однако, двъ важныя ошибки. И въ западно-европейской печати не всъ направленія поставлены въ "одинаковыя внъшнія условія"; и тамъ возможны "привилегіи", пріобрътаемыя "направленіемъ" (припомнимъ котя бы прусскій Reptilienfond); и тамъ существують органы "улицы", унижающіе достоинство печатнаго слова. Съ другой стороны, "едва терпимыхъ элементовъ" у насъ такъ много, что вполнъ

мыслимо и весьма цённо ихъ объединеніе, хотя бы къ нему и не примыкаль никто изъ "полноправныхъ". И между послёдними, впрочемъ, есть возможные участники объединенія: въ профессіональномъ союзё важна не столько сущность взглядовъ, сколько ихъ искренность, безупречность побужденій, руководящихъ ихъ защитой. Конечно, еслибы двери писательскаго союза были широко раскрыты для вслъхъ лишущихъ и выступающихъ въ печати, существованію его скоро наступиль бы конецъ, вслёдствіе слишкомъ больщихъ разногласій по элементарнымъ нравственнымъ вопросамъ; но уставы обществъ, за рёдкими исключеніями, обусловливають принятіе въ члены согласіемъ больщинства—и это, при хорошемъ составѣ учредителей, служить достаточной гарантіей противъ переполненія общества нежелательными элементами.

Отрицательно относясь въ союзамъ или обществамъ писателей, "С.-Петербургскія Въдомости" предвъщають неудачу и другому проекту, также связанному съ юбилеемъ періодической печати: проекту Г. К. Градовскаго, предлагающаго образовать, путемъ пожертвованів, особый пенсіонный фондъ литераторовь и ученыхъ 1). "На Западв"-говорить газета-, читатель имъеть свою любимую газету, такъ какъ она въ полной мёрё соотвётствуеть его политическимъ и общественнымъ взглядамъ и не стъснена въ сообщени всъхъ сколько-нибудь значительных фантовъ текущей жизни. Русскій читатель не встрічаеть въ своей газеть ни того, ни другого, въ желательной ему степени, не върить въ то, что говорить ему газета, не върить даже въ самую прочность ея существованія, постоянно жалуется на ея пустоту, скудость, даже въ столь содержательную эпоху, какъ переживаемая - и это объщаеть продолжиться in saecula saeculorum. Въ этихъ разсужденіяхъ упущено, прежде всего, изъ виду, что пенсіонный фондъ предназначается не для однихъ редакторовъ и сотрудниковъ газетъ, но для всвиъ вообще двятелей литературы, такъ много внесшей добра и свъта въ русскую жизнь, имъющей такъ много правъ на благодарность всяваго сколько-нибудь образованнаго русскаго. Нуждались многіе изъ нашихъ крупныхъ, даже великихъ писателей, нуждались, послъ ихъ смерти, ихъ семейства-и слишкомъ недостаточной была и продолжаеть быть поддержка, которую оказывало и оказываеть имъ общество, черезъ посредство литературнаго фонда и другихъ аналогичныхъ учрежденій. Заслуживають общественной поддержки и болье скромные дъятели печати, работающіе въ періодическихъ изданіяхъ. Совершенно невърно, что у русскаго читателя нъть и не можеть быть

¹⁾ Этотъ проектъ принятъ, въ главнихъ чертахъ, общимъ собраніемъ кассы взаниопомощи литераторовъ и ученихъ.

Томъ VI.—Декаврь, 1902.

любимой газеты или любимаго журнала. Не выходя за предълы болъе или менъе отдаленнаго прошлаго, назовемъ "Русскій Въстникъ" конца пятидесятых годовъ, "Современникъ" того же и нъсколько повднъйшаго времени, "Голосъ" въ послъднее деситильтие его существования. "Отечественныя Записки" редакціи Некрасова и Салтыкова; неужели можно сомнъваться въ томъ, что читатели всёхъ этихъ изданий были соединены съ ними самою тесною связью, находили въ нихъ отраженіе своихъ взглядовъ, мобили ихъ, какъ любять советника и друга? Неполноту свёдёній, сообщаемых русскими періодическими изданіями, педостаточную опредёленность выражаемых ими мнёній читатель не ставить имъ въ вину, зная, что ни то, ни другое оть нихъ не зависить. Среди тёхъ, къ кому применимо выражение Салтыкова: "читатель-другь", симпатія въ газеть или журналу не ослабляется, а, наобороть, усиливается непрочностью ихъ существованія. Мы также далеко не увърены въ успъхъ проекта, предложеннаго Г. К. Градовскимъ, но не по темъ соображениямъ, которыя приводять "С.-Петербургскія Відомости", а просто въ виду инерціи и апатіи, слишкомъ еще распространенной въ нашемъ обществв. Мы не можемъ забыть, что число членовъ литературнаго фонда, сорокъ лъть спусти послъ его основанія, все еще не превышаеть ніскольких сотень, клонясь скорве въ понижению, чвить въ повышению; мы не можемъ забыть, что если капиталы фонда достигли полу-милліона рублей, то этому тораздо больше способствовали крупныя пожертвованія самихъ писателей (Плещеева, Елисеева, Надсона, завѣщавшаго фонду право изданія своихъ стихотвореній) и нівсколькихъ отдівльныхъ лицъ (напр. покойнаго генерала Дамича), чъмъ скромные взносы, становящіеся силой только при постоянно растущей ихъ многочисленности. Очень мало дали литературному фонду и "Дружининская копъйка", и "читательскій рубль". Отъ души желаемь, чтобы более плодотворнымъ оказался краснорфчивый призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу литературнаго фонда, напечатанный В. В. Лесевичемъ въ № 313 "Русскихъ Въдомостей".

Въ одномъ только мы вполнъ согласны съ "С.-Петербургскими Въдомостями": какъ и имъ, намъ кажутся несвоевременными празднества, пріуроченныя къ юбилею печати. Для праздничнаго настроенія у современной русской печати—кромъ немногихъ органовъ, довольныхъ судьбой именно потому, что ею недовольны всъ остальные,—слишкомъ мало основаній. Юбилейнымъ днемъ ея будетъ не тотъ, который напоминаетъ о давно минувшемъ и, въ сущности, не особенно важномъ событіи (первыя "Въдомости" не имъли большого значенія, расходились плохо и издавались не безъ перерыва), а тотъ, который принесетъ съ собою давно желанную законную свободу печати.

Въ Одессъ закончилась, повидимому, чумная эпидемія, въ успъщномъ противодъйствии которой городское общественное управление сънграло выдающуюся роль. "Существуеть мивніе" — сказаль одесскій городской голова, И. А. Зеленый, представляя дум'я вратей отчеть о произведенных городомь затратахъ, --- , что государственная казна понесла расходъ по борьбъ съ чумою въ Одессъ въ такомъ же размъръ, кавъ и городъ. Но такъ ли это, если сдёлать подробное сопоставлепіе? Разві участіе города въ предупрежденін развитія эпидемій ограничивается однёми усиленными въ настоящій моменть мёрами? Развё постоянно существующія городскія врачебно-санитарныя учрежденія, содержание которыхъ стоить городу до 80.000 р. въ годъ, не способствовали успёху борьбы съ чумою? Вёдь нёкоторыя изъ учрежденій постоянной врачебно-санитарной организаціи всеціло были отданы на дъло борьбы съ чумою; напримъръ, дезинфекціонная камера въ теченіе долгаго времени ночти лишена была возможности выполнять свои обычныя текущія работы, такъ какъ находилась въ исключительномъ распоряженін санитарно-исполнительной коммиссіи для борьбы съ чумою. Другія учрежденія, какъ больница, амбулаторів, несомивнио способствовали обнаруженію подозрительных больнихъ. Можно себв представить, въ какомъ положени оказалось бы дёло борьбы съ чумной варазой, если бы не существовало широко развитой и прочно поставленной городской врачебно-санитарной организаціи". Изъ той же рвчи мы узнаемъ, что къ двятельности думской санитарно-исполнительной коммиссів и учрежденныхъ думою санитарныхъ попечительствъ сочувственно отнесся одесскій градовачальникъ... Латинсвая поговорка: "in rebus angustis cognoscuntur homines"-примънима не только къ отдельнымъ лицамъ, но и къ учреждениямъ. Одесская эпидемія показала ясно, какъ велико значеніе самоуправленія въ нашей общественной жизни. Важны не столько тъ чрезвычайныя усилія, на которыя оно оказывается способнымъ въ критическія минуты, сколько та непрерывная работа, которую оно несеть въ норжальное время, подготовляя почву для борьбы съ возможными бёдствіями. Въ виду такихъ фактовъ, какіе констатированы въ рѣчи одесснаго городского головы, во что обращаются газетным нападки на выборное начало, на общественную самостоятельность? Совершенно понятными, наобороть, становятся слова, съ которыми министры внутреннихъ дёлъ обратился недавно въ гласнымъ кіевской городской думы. "Сочувствуя идев городского общественнаго управленія" -- скаваль В. К. фонъ-Плеве, -- "я увъренъ, что мы будемъ жить въ добромъ согласіи, и надівось, что я въ ближайшемъ будущемъ буду иміть елучай доказать мое искреннее расположение въ вамъ". Къ числу признаковъ, благопріятныхъ для будущности самоуправленія, относятся и перемёны, внесенныя, судя по газетнымъ сообщеніямъ, въпроекть преобразованія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. Сохраненъ выборный характеръ должностей городского головы и его товарищей; созывать думу предположено не только по усмотрёнію городского головы или министерства внутреннихъ дѣлъ, но и по постановленію самой думы, а также по заявленію пати гласныхъ (въ первоначальномъ проектѣ требовалось заявленіе трети всего состава гласныхъ, т.-е. нѣчто почти неосуществимое). Остается нензвѣстнымъ рѣшеніе важнаго въ будущемъ для думы вопроса относительно предсѣдательства въ ней: будетъ ли дума имѣть своего предсѣдателя, а не предсѣдателя подчиненной ей управы, какъ то, къ сожалѣнію, было до сихъ поръ? Исполнительныя коммиссіи до сихъ поръ разрѣшались единолично градоначальникомъ, а теперь предполагается поставить вопросъ о ихъ разрѣшеніи въ зависимость отъ особаго присутствія но городскимъ дѣламъ, что будеть, конечно, лучше.

Въ № 317 "С.-Петербургскихъ Въдомостей" появилось важное сообщеніе, озаглавленное: "Благія Вісти". "Три года тому назадъ" читаемъ мы адёсь, --- "въ нашу печать проникъ слухъ, что въ военномъ ведомстве возбуждень вопрось объ отмене телесных наказаній, примъняемыхъ нынъ въ дисциплинарномъ порядкъ къ нижнивъ чинамъ, состоящимъ въ разрядв штрафованныхъ, и что, въ числе другихъ высшихъ вонескихъ начальниковъ, за полную своевременность этой реформы высказался такой высокій военный авторитеть, какъ М. И. Драгомировъ. Затвиъ, въ прошломъ году, въ одной изъ статей профессора военно-юридической академін А. С. Лыкомина, напечатанной въ "Русскомъ Инвалидъ", проскользнуло извъстіе о предстоящей отмънь телесных наказаній въ войскахь и по судебнымь приговорамь, кавъ средства замены въ известныхъ случаяхъ для штрафованныхъ нижнихъ чиновъ заключенія въ военной тюрьмъ. Наконецъ, въ последнее время, "Финляндская Газета" сообщила отзывъ финляндскаго генераль-губернатора на заключение финлянискаго сената о военномъ судъ въ частяхъ, пополняемыхъ преимущественно финляндскими уроженцами, въ которомъ генералъ-адыотантъ Бобриковъ, указывая, чтовоенное законодательство не должно ни въ чемъ различаться но отношенію частей единой армін въ ен целомъ составе, между прочимъ, пишеть: "полагаль бы необходимымъ допустить лишь одно отступленіе --- въ отношенін телесных наказаній, примененіе которыхъ, не практивуемое въ гражданскомъ строй Финляндіи и способное уменьшить въ глазахъ финскаго населенія почетное званіе солдата, могло бы м не быть обязательнымъ для финскихъ войскъ въ виду возможной от-

мены ихъ и върусскихъ войскахъ". Идел о совершенномъ уничтожени тълесныхъ навазанів въ военномъ въдомствъ ниветь почти сорокальтнюю давность, такъ какъ еще въ въчно памятномъ Высочайшемъ повелени 17 апреля 1863 г. было положительно выражено, что телесное наказаніе въ войскахъ по судебнымъ приговорамъ оставляется лишь въ видъ временной мітры, впредь до устройства военных вторемы и исправительныхь заведеній. Сь тёхъ поръ стремленіе къ возможному уменьшенію случаевь употребленія розогь характеризуеть всё важитьйшія работы по усовершенствованию нашего военно-уголовнаго законодательства. Въ 1875 г. было признано необходимымъ отменить телесное наказаніе, какъ замёну заключенія въ воснной тюрьмё, для нижнихъ чиновъ вообще и оставить его только для лиць, состоящихъ въ разряде штрафованныхъ. Тогда же возникалъ и вопросъ объ отибив тълесныхъ наказаній, налагаемыхъ въ дисциплинарномъ порядків, но быль рівшень отрицательно, такъ казалось, что съ отменою этого взысканія переводъ въ разрядъ штрафованныхъ утратилъ бы значеніе. Преувеличенность этого опасенія вскор'й доказали русскіе военные юристы, прим'йнявшіе въ 1879 г. русское военно-уголовное законодательство къ войскамъ только-что освобожденной отъ тяжкаго турецкаго ига Болгаріи: включивь въ лестницу навазаній ограниченіе правъ по службе, сопровождающее и у насъ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, они вовсе изгнали розги изъ военныхъ водевсовъ вняжества. Съ того времени прошло около четверти въка. Въ военномъ въдомствъ расширены мёста заключенія; наварны сдівлались господствующимь типомъ равтащенія войскъ. Сознаніе, что талесныя навазанія совершенно не соотвётствують условіямь службы комплектованія и правственному уровню нижнихъ чиновъ и не составляють незамвнимаго пробъла въ системъ наказаній, повидимому безповоротно окрыпо въ висшихъ военных сферахъ и приблизило русское общество къ новой, давно желанной реформы, въ духи гуманнаго закона 17 априля 1863 г.совершенной отмене этих наказаній вь нашемь вооруженномь народъ".--Сообщение какъ будто бы не доведено до вонца, что-то остается недосвазаннымъ; но самое заглавіе его заставляеть думать, что объщаемая имъ реформа предстоить въ близкомъ будущемъ. Если это такъ, то въсть дъйствительно можеть быть названа благою. Отмъненное въ войскахъ, телесное наказание едва ли можеть остаться въ силъ для какихъ бы то ни было другихъ группъ населенія. Исчезнувъ изъ вонискаго устава о наказаніяхъ, оно должно исчезнуть изъ положенія о волостныхъ судахъ; исчезнувъ безследно изъ закона, оно должно исчезнуть и изъ вив-законной практики. Только тогда въ русскомъ народъ будеть безпрепятственно расти и укръпляться чувство личнаго достоинства, все больше и больше, несмотря на неблагопріятныя условія, проявляющееся въ немъ и въ настоящее время.

Чрезвычайно замічательны, съ этой точки зрінія, слова, сказанныя въ временчугскомъ убядномъ комитетв однимъ изъ присутствовавшихъ въ немъ крестьянъ. Когда зашла ръчь объ уравненіи врестьянь сь другими сословіями, предсёдатель комитета сталь утверждать, что врестьяне сами не согласятся на подобную реформу. "Въ правовомъ отношенін" — воскликнуль онь, -- "крестьяне обладають пренмуществами передъ дворянами; за однородный проступовъ врестьянивъ отдёлывается легинть наказаніемъ, а дворянина привлекають къ уголовной ответственности". Что разуменось здесь подъ "легвимъ наказапіемъ" – административныя ли кары, налагаемыя на крестьянъ земскимъ начальникомъ, или уголовныя, налагаемыя волостнымъ судомъ (имъющимъ право присудить врестьянина въ розгамъ за проступовъ, для липъ другихъ сословій влекущій за собою аресть или тюрьму)-мы не знаемъ; во всякомъ случав предполагалось, что престыянамъ свойственно особенное понятіе о легкости наказанія понятіе, въ которомъ честь не играеть никакой роли. И что же? Мы согласны на уравненіе-таковъ быль крестынскій отвёть на увереніе председателя. Въ дальнейшихъ словахъ врестьянина ясно слышится ироническая нотка: "нехай"—сказаль онъ—"добре наказують и насъ, мы тоді не будемъ часто попадаться, для насъ же буде враше". И въ самомъ дёлё, болёе чёмъ странно считать преимуществомъ крестьянь передъ дворянами меньшую строгость наказанія за простое мошенничество или простую кражу. Дорожить такимъ "преимуществомъ" могутъ только мошенники и воры, а отнюдь не крестьянская масса, чувствующая и сознающая, насколько правовое положеніе ся куже положенія другихъ сословій... Взглядъ, выраженный предсъдателемъ кременчугского убядного комитета, является, къ счастію, скорбе исключеніемъ, чемъ общимъ правиломъ. Ковровскій комитеть, напримітрь, согласился во всемь съ престьяниномь Носковымь, о записив вотораго мы говорили въ предъидущей хронивв, и высказался за уравненіе врестьянь сь другими сословіями въ праваль личныхь и гражданскихъ, за освобожденіе ихъ отъ административной опеки, подчинение общимъ судебнымъ установлениямъ и избавление отъ позорнаго телеснаго наказанія.

Въ Ж 319 "С.-Петербургскихъ Въдомостей" напечатана слъдующая корреспонденція изъ Суджи, курской губерніи: "предсъдатель нашей уъздной земской управы, ки. П. Д. Долгоруковъ, оставиль службу. Этоть нашъ дъятель безспорно обладаль особой энергіей во всыхъ

дълахъ, касавшихся благоустройства населенія, всегда во все вникаль и лично проводилъ въ жизнь съ успёхомъ. Благодаря его энергіи и неутомимости въ дъятельности, суджанскій уъздъ поднялся на много выше другихъ. По иниціативъ князя Долгорукова и его стараніями почти осуществлена съть школъ всеобщаго обученія, организованы при школахъ и въ нъкоторыхъ мъстахъ библютеки-читальни, народныя чтенія, преобразована женская прогимназія-въ гимназію, открыта торговая школа и т. п. При земской управъ организованы экономическій и санитарный сов'яты; при управ'я и въ селахъ организованы склады сельско-хозяйственныхъ орудій, сёмянъ и желёза, отпускаемыхъ населенію въ кредить на льготныхъ условіяхъ; введена ссуда безлошаднымъ крестьянамъ на покупку лошадей; учреждены сельскоховяйственныя общества; учреждено нъсколько земскихъ кустарныхъ мастерскихъ: кожевенная, сапожная, коверная, корзиночная и друг.; организованъ кредитъ кустарянъ и кустари изолированы отъ эксплоатаціи продавцовъ сырья и скупщиковъ; введена въ утзять агрономія; устроена, въ ограждение врестьянъ отъ эксплоатаціи скупщиковъ, ссыпка земствомъ крестъянскаго хлаба и продажа его земствомъ же интендантству; учреждено нъсколько товариществъ мелкаго кредита; организована въ уёздё телефонная сёть; медицина въ уёздё постановлена. возможно доступные для населенія: открыто нысколько лечебниць и пріемныхъ покоевъ; организованъ врачебный совъть и санитарный убздный надзоръ; введена правильная ветеринарія; введены детскіе пріюты-ясли; введенъ техническій дорожный надзоръ и дорожныя сооружевія приведены въ возможное состояніе и т. п. Достаточно ясно видно изъ краткаго перечня, насколько деятельность кн. Долгорукова была широка и плодотворна: она захватывала всв нужды нашей леревни".

"Руссвимъ Въдомостямъ" телеграфируютъ изъ Суджи, 17-го ноября: "городская дума поднесла кн. Петру Дмитріевичу Долгорукову дипломъ о возведеніи его, съ Высочайшаго сонзволенія, въ званіе почетнаго гражданина города Суджи. По поводу оставленія имъ должности предсъдателя земской управы на состоявшемся объдъ выражалось единодушное сожальніе; получена масса сочувственныхъ телеграммъ".

Мы получили на дняхъ письмо П. А. Тверского, изъ Лосъ-Анжелесъ, въ Калифорніи, отъ 3-го ноября нов. ст.:

"Года два тому назадъ, я, пропутавшись болъе года съ понытками помочь духоборамъ въ Канадъ и издержавъ на нихъ нъсколько тысячъ долларовъ, пытался затъмъ особыми брошюрами раскрыть глаза русской читающей публикъ на то безвыходное, ужасное поло-

женіе, въ которое оказались поставленными семь слишкомь тысячь темныхъ русскихъ людей. Въ русской печати инв не повърили, и съ самыми грубыми комментаріями печатали мив возраженія, стараясь завидать меня грязью. Полагая всякую дальнъйшую полемику и безполезной, и излишней фактической же стороны моихъ сообщеній отрицать однако никто не могъ, --- я и молчалъ, такъ какъ только время могло бы разрешить, кто изъ насъ быль правъ-я ли, съ мониъ 20-ти-лътнимъ опытомъ и знаніемъ американскихъ жизненныхъ условій, или мои противники, съ ихъ теоретическими представленіями о томъ, что необходимо для "царства божія" на нашей планеть. Теперь это время пришло, и результаты таковы, что оспаривать ихъ ни подъ какимъ видомъ нельзя. Пробившись четыре года и убъдившись въ совершенной невозможности существовать при тъхъ жизневныхъ условіяхъ, въ которыя ихъ затащили мои противники, духоборы бросили свои земли и деревни, и ударились пъшкомъ, съ женщинами и дътьми, на югь, безъ руководителей, безъ опредъленнаго или даже предполагаемаго мъста, гдъ бы они могли притвнуться, поздней осенью, безъ съестныхъ принасовъ и теплаго платья и обуви. Еще въ прошломъ году они безусловно отказались подчиниться разнымъ требованіямъ містныхъ законовъ относительно порядка владінія землей, метрической регистраціи рожденій и смертей, явки браковъ и т. д. и находились съ тъхъ поръ въ состоянии открытаго сопротивленіяконечно, нассивнаго-местнымъ властямъ, которыя потеряли голову и ръшительно не знали, что съ ними дълать. Все прошлое лъто прошло въ броженіи, въ подачь прошеній правительствамъ разныхъ странъ объ отводв имъ земель для жительства, и съ наступленіемъ зимы и върной голодной смерти они побросали свои поселенія и двинулись куда глаза глядять. Вызванный канадскимъ правительствомъ изъ Англіи, В. Ч., повидимому, не успълъ ничего съ ними подълать: они теперь, очевидно, пришли въ отчаяніе, благодаря безвыходности,и переселеніе духоборовъ въ Канаду превратило ихъ, после четырехъ-лётнихъ ужаснъйшихъ усилій, въ толпу босяковъ-нищихъ, въ числѣ около семи тысячъ душъ 1), блуждающихъ по закованной морозомъ, крайне мало населенной странъ, и уже своимъ числомъ исключающей возможность пропитываться поданніемъ. Изъ прівхавшихъ съ ними руководителей не осталось ни одного; кто проживаеть въ Швейцаріи, кто вернулся въ Россію, и эта несчастная нев'яжественная толна совершенно покинута на произволъ судьбы, безъ какого бы то ни было осмысленнаго руководства. Мои последнія сведенія таковы,

Только не болъе 30 семей изъ бывшихъ богачей между ними остались на мъстахъ жительства.

что многіе уже поморозили себ'й руки и ноги, и что первая значительная сн'яжная буря, которыя тамъ очень обыкновенны въ это время года, можеть смести большую ихъ часть съ лица земли...

"Я получиль въ свое время много писемъ изъ Россіи по духоборческому дёлу, и знаю, что мое къ нему отношеніе и мои брошюры стоили мнё многихъ друзей и до извёстной степени возстановили многихъ противъ меня. Но, какъ говоритъ пословица, шила въ мёшкё не утаишь, и истина, конечно, должна была бы обнаружиться и безъ меня. Пишу эти нёсколько строкъ, чтобы познакомить васъ съ тёмъ, что теперь происходить въ Канадё, чтобы вы могли видёть, что я быль безусловно правъ во всемъ, что я сообщаль о духоборахъ.

"Канадское правительство, въ виду опасности для жизни женщинамъ и дътямъ отъ холода и голода, остановило духоборческую толну посредствомъ mounted police, и отдълило ихъ отъ мужчинъ, продовольствуя на казенный счеть; мужчины же, несмотря ни на что, бросили остановленныхъ женщинъ и дътей на понеченіе правительства, и продолжають свой путь пъшкомъ на югъ. По послъднимъ извъстіямъ, и другое носеленіе духоборовъ— въ Prince Albert Province, на ръкъ Swan River'ъ—тоже бросило свои земли и деревни и тоже пъшкомъ, въ числъ тысячи душъ, идеть на югь, куда глаза глядятъ. Изъ полученныхъ живущими здъсь духоборами писемъ я знаю, что всъ они побросали все свое имущество, всю привезенную изъ. Россіи теплую одежду, и идуть въ однъхъ рубахахъ. Оставленный на волъ скоть и лешади, всего до 200 головъ, были переловлены мъстнымъ начальствомъ и проданы съ аукціона на попалненіе долговъ".

извъщенія

Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августвишей Предсвдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъписемъ въ геліо-гравюрахъ (на міди) съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будуть выходить последовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цена каждой серін, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубли, или по 10 к. за письмо. Первыя 2 серін будуть изготовлены къ началу декабри.

Адресныя стороны открытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: "Въ польку школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.", а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдв и можно получать справки по сему изданію.

Издатель и ответственный редакторы: М. Стасюлевичъ.

матеріалы журнальной статистики

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1902 году.

Въ 1902-иъ году экземпляры «Въстника Европы» распредълялись слъдующимъ образомъ по мъсту подписки:

І. Въ губерніяхъ:

	1. DE TYCE	ћиза	ъ.					
		9 E 3.			9E8.			9 K 3.
1.	Харьковск	203	23.	Томская	59	45.	Лифляндск.	50
2.	Кіевская	193	24.	Вакинская.	59	46.	Анурск. об.	49
3.	Херсонск	178	25.	СПетерб	59	47.	Терская об.	48
4.	Екатериносл.	129	26.	Рязанская .	59	48.	Витебская .	48
5.	Саратовск	116	27.	Примор. об.	59	49.	Казанская .	47
6.	Варшавск	113	28.	Тульская	59	50 .	Минская	46
7.	Тифлисская.	112	29.	Гродненская	57	51.	Сыръ-Д. об.	45
8.	Таврическ .	106	30.	Московская.	57	52 .	Симбирская.	45
9.	Черниговск.	98	31.	Воронежск	57	53.	Псковская.	43
10.	Полтавская.	93	32.	Закаси. об.	57	54.	Тобольская.	42
11.	Курская	7 9	33.	Пред. Китая.	56	55 .	Астраханск.	41
12.	Танбовская.	7 8		Владимірск.	55	56.	Ковенская .	41
13.	Бессарабск.	77	35 .	Обл. В. Дон.	54	57.	Уфииская .	4 0
14.	Иркутская.	70	36.	Ярославская	53	58.	Виленская .	40
15.	Орловская .	68	37.	Самарская .	53	59 .	Оренбургск.	35
16.	Подольская.	66	38.	Калужская.	53	60 .	Енисейская.	34
17.	Смоленская.	66	39.	Нижегород.	53	61.	Лонжинская.	34
18.	Забайк. об.	65	40.	Могилевск	52	62.	Пензенская.	34
19.	Периская	64	41.	Кубанск. об.	52	63.	Эстляндская.	2 8
20 .	Тверская	63	42 .	Кутансская.	52	64.	Акмол. об.	2 6
21.	Новгородск.	60	43 .	Вятская	51	65.	Вологодская.	25
2 2.	Волынская.	59	44.	Костромская	51	66.	Люблинская	24

67.	Плоцкая .	23	78.	Сувалиская	. 19	89.	Ka.	лян	CKA	a .	11
68.	Эриванская.	23 7	79.	Олонецкая	. 19	90.	Кŧ	лец	Kah.		10
69.	Курляндск.	23 8	30.	Радомская	. 18	91.	Ba	38CI	RB		9
70.	Карсская об.	23 8	31.	Семипал. об	. 18	92.	C. -	MH	xeji	CE.	8
71.	Елисаветнол.	22 8	32 .	Черном. окр	. 18	93.	Ta	Bact	ryc	CK.	8
72 .	Архангельск.			Свалецкая		94.	Ty	prad	ice.	υ δ.	8
73 .	Санарк. об.	20 8	34.	Выборгекая	. 16	95.	AÓ	0-B	ьерн	төб.	4
74.	Ставропольск.	20 8	35.	Ферган. об.	16				-		
75.	Петроковск.	20 8	36.	Уральск. об	. 14					4.7	113
76.	Семиръч.об.	20 8	37 .	Нюландская	1. 13						
77.	Дагест. обл.	20 8	88.	Якутск. об	. 13						
	II. Въ СII	lетерб	ypr			•				1.1	19
	III. Въ Moc	квъ.	٠.			•				ŧ	540
	IV. За гран	ицей	•				•	•	•	1	53
						B	cero): AF	 CS.	6.5	525

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

помъщенныхъ въ «въстникъ европы»

въ 1902 году.

Анненкова-Вернаръ, Н. П. — Вабущенна внутка (апр. 593; май. 52; іюнь, 702).

VAрсеньевъ, К. К.—Одна неъ окраинъ Россіи (сент., 340).—Эмиль Зола (окт., 835).

И Вагальн, Д. И.—Изъ жизни харьковскаго университета въ началь XIX-го въка (февр., 628).

B-ro.-Medrie промыслы въ Ангаліи (нояб., 303).

Вирмововичъ, Вл. — Сельско-хозяйственный протекціонизиъ (сент., 318).
 Вланкъ, Р. М. — Всеобщее голосованіе во Фравціи. Итоги перваго пятидесятильтія. 1848—1898 гг. (май, 154).

Воборыкинъ, П. Д.—Исповедники. Повесть (янв., 5; февр., 432; марть, 21; апр., 449).

Брусянить, Вас.—По лесноя Башкирін. Разсказы изъ жизни на лесныхъ промыслахъ (янв., 246).

Въловенскій, Н.—Н. М. Мартьяновъ и Минусинскій музей (апр., 750). В. В.— Бустарные промысым и организація на въ Россіи (марть, 296).
Иностранные капиталы въ Россіи.
Б. Бранть, Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое раввитіе страны (іюнь, 817).

Ученый противникь общины ((септ., 306). — Первый банкъ для кустарей (окт., 734).

Новый трудъ о денежной реформъ (нояб., 361).

Верещагинъ, А. В.—По Манчжурін. 1900—901 г. Восноминанія и разсказы (янв., 103; февр., 573; мартъ, 130).

Витте, Софья.—Мой романъ (іюнь, 604; імль, 29).

Веселовскій, Алексій.— Послідніє годы живин Байрона, 1818—1824 г. (яйв., 80; февр., 441).

УВеселовскій, Юрій. — Французское общество вонца XIX-го вѣка въ литературныхъ типахъ того времени (мартъ, 195; апр., 638).

Виноградовъ, П. Г. — III кола на Скандинавскомъ съверъ и борьба за нее (марть, 95).

Воробьевъ, Кл.-Волость, какъ за-

чатокъ мелкой земской организаціи (дек., 800).

Воропоновъ, О. О. — Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ. 1865 — 1868 г. (янв., 289; февр., 733). — Крестьянское дѣло въ ю.-зап. краѣ (сент., 5) —Земельная торговля и спекуляція (окт., 574).

Гебель, Валер. — Наши "Городскія училища и ихъ современное положеніе. По поводу 30-літія "Положенія о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 года" (апр., 433).

Гербановскій, Мих.—Стах.: І. Баллада наъ Казии. Глинскаго. П. Наброски (янв., 283).

Гн., Е.—Стикотворенія (іюнь, 672). Головинъ, К.—Въ опустеломъ дом'в (авг., 480; сент., 52).

Гольбергь, Людв. — Эразиъ Монтанусі, ком. Съ датск. А. и П. Ганзенъ (іюнь, 555).

Гольденвейзеръ, А.— Исправительныя заведенія въ С.-Американскихъ-Пітатахъ (февр., 552).

Грэнгагенъ, К.—Высшія народныя школы въ Швецін (дек., 457).

Гутьяръ, Н. — И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ (янв., 177).—Ив. С. Тургеневъ во Франція (нояб., 94).

Даниловъ, И.—Случайная вотріча. Разсказъ (мартъ, 174).

Динтріева; В. І.— "Вемснующій града", очеркъ (окт., 546).

Дружининъ, Н. — Среди крестьянскихъ дъгъ. Сцены съ натуры (май, 120).

Друпкой-Сокольнинскій, кн. Дм.— Обвиненія и оправданіе земства. Письмо въ Редакцію (май, 351). — Финансовые усл'яхи въ Италіи (дек., 674).

Еропкинъ, А. В.—По вопросу о задачахъ губернскаго земства (янв., 319; февр., 774).

Ефиненко, А. Я. — Національная жюйственность въ творчестве Гоголя (іюль, 229). √ж., ж.—По поводу жельнодорожныхъ тарифовъ и ихъ экономическаго впаченія (мартъ, 349).

Жуковскій, В. А. — Портреть и факсимиле (май).—Письмо изъ Уйзда иъ Издателю (май, III).

Ильниъ, С. — Сонеты III евспира: 1—20 (сент., 90).

Инсаровъ, Х.Г.—Французскіе памфлетисты XIX-го въка (авг., 652; сент., 126).

Караменнъ, Н. М. — Портреть и факсимиле обертки первой книжки журнала "Въстикъ Европи", вышед-шаго въ Москвъ, въ январъ 1802 г. (янв., ІІ—ІІІ).

Катаевъ, Н. М.—Сельскій вредить и врестьянское хозяйство (май, 205). К., И.—По поводу македонскаго вопроса (сент., 369).

Кларкъ, Н. С.—На золотыхъ прінсвахъ въ южной Америвъ (авг., 440; сент., 181; окт., 514; нояб., 209).

Кони, Ан. О.—Книга о князѣ В. А. Черкасскомъ (нояб., 317).

Корсаковъ, В. В.—Религіозныя в'єрованія и уб'яжденія у катайцевъ (дек., 655).

Котляровскій, Н.—Трилогія гр. А. К. Толетого, какъ напіональная трагедія (окт., 697).

- Кочубинскій, А. — Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя (февр., 650; нарть, 5).

Крацивиить, Юр. — Въ гостяхъ на хуторъ (ново , 137).

Кузьникъ-Караваевъ, В. Д. — По вопросу о мелкой земской единицъ (апр., 803).

Л., Евг. — Еще о нашей ниолъ (дек., 752).

л-новъ, С. М. — Стяхотворенія: I-IV (іюль, 245).

Маричевъ, О.—Волостной писарь и волость. По личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ (май, 240).

Марковъ, Ва. П. — Стихотворенія: 1-IV (апр., 545). — Весенняя ночь (іюль, 327).

Мартенсъ, Ф. Ф. — Американскія висчативнія (нояб., 5).

Мечниковъ, Илья.—А. О. Ковалевскій (дек. 772).

Михайлова, О. — Стях.: І. Илъ В. Гюго: "Презрѣніе". Ц. Илъ Ж. Роденбаха: 1. Идеаль. 2. Одиночество. 3. На стражѣ (понь, 698). — У моря (окт., 713).

VМорововъ, П. О. — Финская литература, въ ея прошдомъ и настоящемъ (поль, 187; авг., 571).

М—скій, Н.— На первыхъ общественныхъ работахъ (дек., 833).

Никитинъ, А. Н.—Положеніе медваго кредита въ Петербургѣ (апр., 760).

Новиковъ, А. И. — Деревенскія сцены. Три разсказа: І. Бобыль. ІІ. Быка покупаютъ. ІІІ. Мама, дзяя! (янв., 149).

Ольнемъ, О. Н. — Муравейникъ, разск. (авг., 537).

Панкратовъ, А. — На берегахъ р. Оки. Санитарно-статистический очеркъ (май, 339).

П., И.—Стихотворенія: І. Дубрава. П. Русская пісня (февр., 772).

Повровскій, Н.—Культурное болото. Пов'єсть (май, 183; іюнь, 508).

Иоповъ, П. С. — Наканунъ реформы въ Китаъ (апр., 513).

Пынинъ, А. Н.—Н. К. Шильдеръ, неврологъ (май, 446).

Ранпопортъ, С. И.—Моя поъздва въ Шотландію (іюль, 79).

Рактеръ, Д.—По вопросу объ объднъніи черноземнаго центра Россіи (мартъ, 320).

Ротштейнъ, А. — Сонеты: І. Въ царкъ Медичи. П. Виночерній. III. Баллада (іюнь, 801). Савинъ, А. — Общедоступныя пренія въ Лондонъ (мартъ, 372).

С—ва., П—на. — Живнь Томаса Трука. Романъ. F. Hollander, Der Weg des Thomas Truck (анв., 196; февр., 676; марть, 241); апр., 686; май, 278). — Кимъ, ром. Кіт, by R. Кіерling (іюнь, 746; іюль, 247; авг., 703; сент., 213).—Шаткія основы, ром. W. v. Polenz, "Wurzellocker" (окт., 600; нояб., 251; дек., 687).

Свётловъ, Валер. — На полнути, пов. (окт., 475; нояб., 52). — Въ Будаевской усадъбъ, романъ (дек., 481).

Скаржанскій, А.—По поводу статьи Л. Буха о винной монополін (янв., 366).

Слонимскій, Л. 3. Современныя вадачи (іюль, 306). Изъ исторіи второй ямперіи (сент., 286; окт., 716).— Новое гражданское уложеніе (нояб., 342).—Забытый сатирическій романъ (дек., 753).

С., М. — Примъчание въ портрету Жуковскаго (май, VIII).

Соловьева, П. С.—*** — Стих. (мартъ, 194). — Старый домъ, стих. (дек., 752).

Стасовъ, В. В.—М. М. Антокольскій, некр. (авг., 835).

Стаховичъ, Нат. — Страничка изъ ваходустной жизен (авг., 621).

Сумиговскій, А.—Городское управвеніе въ губерніяхъ царства польскаго (іюнь, 675).

Съверовъ, Н. — Старый капитань (іюнь. 803).—Нелли, разск. (сент., 101).

Тарле, Евг. — Соціологія и историческое познаніе (окт., 429).

Тверской, П. А. — Американскій имперіализмъ и пынішніе его представители (імль, 330).—Федерація женскихъ клубовь въ Америкі (дек., 689).

Тимофеевъ, Гр — А. А. Рейнгольдть (сент., 407).

Т., кн. Г. — Россія и Вселенская Натріархія, посл'я крымской войны. 1856—60 гг. По неизданнымъ матеріаламъ (апр., 549; май, 5; іюнь, 469). Франкенштейнъ, Г. Э. — Экономическое пробуждение Итали (авг., 519).

Хистовъ, А.—Русскій Китай. Наша первая колонія на Дальнемъ Востовъ (окт., 653; нояб., 181).

Хвостовъ, Н. Б.—Въ повадъ, стих. Фр. Коппе, съ франц. (мартъ, 294).

Холоотова, Юл. — На пристани, разси. (поль, 140).

Цертелевъ, кн., Д. Н. — Письиа Владниіра Соловьева (авг., 425).

Щерба, Вл. — Учительскіе курсы и правила о курсахъ (окт. 773).

Ярошевичь, Ди.—Кустарный промысель въ Полтавской губернія (імь, б).

Хроника.

I. Виутреннее Обозръніе.—Январь - Первый годъ новаго въка.—Противоръчія въ административной практикі по вопросу о "мелкой земской единицви. -- Отношеніе къ нему различныхъ земствъ.— "Мелкіе съезды", какъ подготовка къ земскому собранію.-Постановленіе орловскаго губерискаго земскаго собранія. -Общеземскій періодическій органь.—Продовольственное дело въ вятской губернів. -Разъясненіе товарища министра народнаго просвъщенія по вопросу о четырехклассныхъ "городскихъ" училищахъ (стр. 341). — Февраль: — Государственная роспись на 1902-й годъ. —Закрытіе сов'ящанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помъстнаго дворянства. Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдъла. -- Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ "наси-ліемъ".—Сфера дворянскихъ ходатайствъ. Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ. — Программа изследованія причинъ упадка центральныхъ губерній.— Близкій конецъ работь по составленію гражданскаго уложенія. — Отделеніе Кронштадта отъ петергофскаго увзднаго земства (стр. 801).-Мартъ: - Учреждение особаго совъщанія для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. -Отношеніе къ нему земства и цечати. -Сорокъ лътъ тому назадъ и теперь.-Значеніе предсъдателя совъщанія. — Своеобразные взгляды на задачи совъщанія.-Новые продукты сословнаго прожектерства. - Еще о мелкой земской единицъ. -Земство и не-земскія губернін.—Опроверженіе въ "Спб. Въдомостяхъ" предзарайской увздной земской свдателя управы (стр. 329). — Апраль: — Насколько земскихъ ходатайствъ.—Предълы права ходатайства, и практическое его значеніе. — Два противоположных в мизнія о фиксацін земскихъ сборовъ.—Замічательное изследованіе "вымирающей деревни". —Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера. — Слукъ объ изъятіи статистическихъ работъ изъ въдънія земства.-Исторія витскаго земства.—Значеніе личностей въ общемъ дълъ.—Съездъ кустар-

Томъ VI.-Декавръ, 1902.

ныхъдъятелей въ С.-Петербургь (стр. 782). -Май: — Кончина Д. С. Сицягина. Рвчь новаго министра внутреннихъ двлъ. Перемъна въ управления министер-ствомъ народнаго просвъщения. —Задачи совъщания о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. — Проектируемые совъщаниемъ губериские комитети. - Вопросъ о мелкой земской единицѣ на кустарномъ съвздв. -- Угличское земство и начальная **мкола. — Земскі**я оцівночныя работы (стр. 365).—Іюнь: — Правительственныя сообщенія. - Разобщенность различныхъвляссовъ населенія и ен результаты.—Еще о менкой земской единиць. —Рачь управляющаго мин. народн. пр. и комментарін къ ней въ печати.—Отчеть по ведомству православнаго испо-веданія за 1898-й годь.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Квартирныя деньги чиновъ полиціи (стр. 834). — Іюль: —Высочайшій рескрипть 10 іюня с. г.-Вопросы, переданные особымъ совъщаніемъ на обсужденіе мъстныхъ вомитетовъ. -- Пренія въ губерискихъ земскихъ собраніяхъ, саратовскомъ и курскомъ. - Разныя мивнія о мелкой земской единицѣ.—Пріостановка оцѣночныхъ работъ въ 12 земскихъ губерніяхъ. — Неправильный взглядь на губериское земство. Смъщеніе фактовъ съ вымыслами. -Post-scriptum (стр. 343). — Августъ;-Законъ объ улучшени положения виъбрачныхъ детей.-Черты сходства и различія между нимъ и проектомъ гражданскаго уложенія. — Отискиваніе отцовства и материнства. -- Признаніе визбрачныхъ дътей. – Узаконеніе и усыновленіе ихъ. – Первые шаги губерискихъ комитетовъ.-Слухъ объ управднении губерискаго земства.—Еще о мелкой земской единиць.— Post-scriptum (стр. 766). - Сентябрь: -Сельско-хозяйственный протекціонизиъ, Вл. Бирюковича (стр. 318).—Октябры— Слова, произнесенныя въ Курскъ Госу-даремъ Императоромъ.—Труди убздныхъ комитетовъ по вопросу о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. - Новые законы: объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій; о дворянскихъ вассахъ

взаимопомощи; о дерковныхъ школахъ; объ артеляхъ и др. - Post-scriptum: Бесъда г. министра внутреннихъ дълъ съ представителями курскаго земства (стр. 746). – Ноябрь: — Продолженіе занятій увздныхъ комитетовъ. - Роль правительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здравія.—Недоники земскихъ сборовъ. Примъненіе временныхъ правиль о народномъ продовольствіи.— Земскіе члены училищныхъ совѣтовъ.— Новый газетный походъ противъ земства. —Инциденть въ московскомъ увздномъ земскомъ собрании. — Участие членовъ губериской земской управы въ укздныхъ земскихъ собраніяхъ (стр. 374). — Декабры: - Новое Главное Управленіе. -Всеподданнъй тій докладъ министра вн. дълъ о мъропріятіяхъ по неурожаю 1901 г. Общіе результаты продовольственной кампаніи.
 Тенденціозния газетныя нападенія на земство.-Частная благотворительность. — Дальнъйшія направленія продовольственнаго дёла. — Положеніе вопроса о мелкой земской сдиницё. — Новыя сведёнія о деятельности уездныхъ комитетовъ. -- Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза. - Post-scriptum (стр. 812).

II. Иностранное Обозръніе. — Январь:-- Политическія событія истекшаго года. Общее международное положение и китайскій вопросъ. - Война въ южной Африкъ и британская политика.-Возможная переміна министерства въ Англіи.—Колоніи и внівшніе союзы.—І'ерманскій проекть таможеннаго тарифа въ парламенть. — Печальный прусско-польскій пициденть. — Внутреннія діла въ другихъ государствахъ (стр. 378).-Февраль:-Рачи графа Бюлова въ германскомъ парламентъ. — Оффиціальный патріотизмъ и вившняя политика Германіи. Внутреннія діла въ Пруссіи. — Діло Кулемана въ прусской палатъ депутатовъ. -Парламентскія пренія о польскомъ вопросъ (стр. 821). — Мартъ: — Программы французскихъ политическихъ партій. -Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзъ. - Пренія о законахъ для охраны рабочихъ.-Реформа французской средней школы. -- Попытка голландскаго посредничества въ бурской войнъ. — Англояпонскій союзь. — Китайскія дела (стр. 359). - Апраль: - Франко-русская декларація. — Отношенія державъ на Дальнемъ Востокъ. – Ръчь Делькассе въ сенатъ. – Новыя проявленія жизненности франкорусскаго союза.—Французскія парламент-скія пренія.— Г. Делькассе и "Новое Время о багдадской жельзной дорогь. —

Южно-африканская война. — Сесиль Родсь (стр. 814).--Май: -- Правительственное сообщение о манчжурской конвенции.-Спорные вопросы и затрудненія на Дальнемъ Востокъ. — Парламентскіе выборы во Францін. — Политическія волиенія въ Бельгін. — "Избранная раса" и военные обычан (стр. 390). — Гюнь: — Повздка президента Лубе въ Россію. - Оффиціальные тосты. — "Франко-русскія" манифестацін и "патріотическая" печать — Внутреннія діла во Францін.—Діло Энберъ - Отићна закона объ охранъ въ Эльзасв Лотарингін. - Рычь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніє (стр. 857). — Іюль: — Конець южноафриканской войны. -Печальные итоги.-Содержаніе и характеръ мирныхъ условій. — Отсроченная коронація Эдуарда VII. --Политическія діла во Франціи.--Польскій вопрось въ прусскомъ сейм'я (стр. 364).—Августъ: -- Международное положеніе Италін. - Річь Делькассе о франкоитальянской дружбь.— Возобновленный тройственный союзь и общая политика въ Европъ. – Борьба съ влерикализмомъ во Франціи.—Переміны въ составі бри танскаго правительства - Лордъ Сольсбери, Бальфуръ и Чемберлэнъ (стр. 789). -Сентябрь: - Бурскіе вожди въ Канской колонів и въ Англіи. - Политическое движеніе въ южной Африкъ. — Капскій парламенть и Чемберлень. - Македонскій вопросъ. - Брюссельскій конгрессь въ защиту армянь (стр. 356). — Октябрь: — Внутреннія діла во Франціи.—Военный судъ надъ полковникомъ де-Сенъ-Реми.-Война съ клерикалами и ръчи мнинстровъ. - Примъры славянскаго единенія: событія въ Хорватів.-Попытка американскаго визшательства въ европейскую политику. - Международный судъ въ Гаагь — Берлинскій трактать и Руминія (стр. 783).—Ноябрь:—Бурскіе генерали въ Европъ, - Англійская политика и еяконтинентальные обличители. — Нъкотория иллюстраціи къ вопросу о политической этикћ. — Положеніе Македоніи. — Парламентскія діла во Францін. – Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ-Штатахъ (стр. 391). - Декабрь:-Печальныя событія въ Македонін.-Роль европейской дипломатіи въ устройств'я турецвихъ дълъ.-Мысль о созвание евронейской конференцін.— Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германін (стр. 846).

111. Литературное Обовржије. — Яннаръ: — Писъма Н. В. Гоголя. Редакци В. И. Шенрока. Въ 4-къ томакъ Изд. А. Ф. Маркса. — "На трудовомъ пути",

инт. худож. сборникъ. - А. П. - Мандельштамъ, проф. О характерѣ Гоголевскаго стиля.—Е. Л.—Новыя кинги и брошюры (стр. 392).—Февраль: — "Подъ знаменемъ науки", юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. — Сочиненія И. О. Горбунова, п. р. и съ предислов. А. О. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. О. Горбунова, гр. Ц. Шереметева.—П. А. Кулимъ, В. Пенрова. — А. П.—Новое о Пушкинъ, Ив. Щеглова.—Е. Л.—Новыя кинги и брошюры (стр. 833).—Мартъ:--А. Ериоловъ, Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркаха и принатаха. -- Божерянова, И., "Невскій проспекть", 1703—1903 г. Культурно-историческій очеркъ жизня С.-Петербурга за два въка. —XVIII-XIX. — Н. В. Гоголь въ русской позвін, со-став. В. В. Калланть. — А. И.—Новыя вниги и брошоры (стр. 388). - Апраль:-Н. К. (Н. Е. Кудринъ), Очерки совре-менной Франціи.—Н. Каръева.—А. А. Кауфианъ, Сибирское переселеніе на исходъ XIX-го вака.—Харьковскій Календарь на 1902 годъ.—В. В.—О. Д. Батюшковъ, Критическіе очерки и зам'ятки о современникахъ.—С.—ій.—А. М. Бобращевъ-Пушкинъ, Судъ и раскольники-сектанти.— К. А.—"Крестъянинъ", ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.— А. П.—Новмя книги и брошюры (стр. 827).—Май:—В. Д. Завит-невичь, Алексий Степановичь Хомяковь, т. І-ый, вн. 1 и 2.—Д.—Маркъ Басанииъ, Записки эмигранта въ Южной Америяв. — П. Н. Ардашевъ, Абсолютная монархія на Западъ. – Л. С. – Данте Алигіери, Божественная Комедія. "Адъ". Перев. Д. Минъ. - А. - Е. Д. Максимовъ. Происхожденіе нищенства и міры борьби съ нимъ. —Н. И. Тезяковъ, Ринки найма сельскохозяйственных рабочих на юга Россін въ санитарномъ отноменія.—В. В.—Но-выя дняги и брошоры (стр. 404).— Іюнь:—Арс. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литератури-житія святихъ. - М. Бородкинъ, Славянофильство Тютчева и Герцена.-- Мэтью Арнольдъ, Задачи современной критики. -А. П.-М. Н. Канустинь и его переписка съ А. А. Борвенко. — Z. — Новыя вниги и бромлоры (скр. 874).—Іюдь:— Лун де Сенть-Обень. Тридцать девять портретовъ 1808 – 1815. Фототии, воспроизвед. съ біограф. очерк. Изд. в. кн. Н. М.—И. П. Минаевъ, Путемествіе Марко Поло.—А. И.—Петръ Струве, На разныя темы (1898—1901). Сборникъ статей.— С. Г. Алекскевъ, Мистное самоуиралленіе русских крестьянь, XVIII-XIX вв. -Л. С.-П. Г. Ганзевъ, Опить оздоров-

ленія деревни.-В. В.-Новых книги и брошюры (стр. 378).—Августъ:-Исторія города Москви. Сочиненіе Ивана Забелина.—А. II. — Д. Никольскій. Земля, община и трудъ. — Л. С. — Д. Н. Вергунъ. Червонно-русскіе отзвуки. — Д. - Новыя книги и брошюры (стр. 803). — Сентябрь: –В. А. Францевъ, Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія учения связи конца XVIII и первой половины XIX стол.—А. П.—Графъ Павелъ Шереметевъ, Зимняя повздва въ Бъло-зерскій край.—Е. Л.—А. Зотовъ, Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности.—А. А. Зубрилинъ, Способы улучтенія врестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосъ. — В. В. — Новыя вниги и брошюры (стр. 381). — Отабрь: — Головачевъ, Сибирь: **Природа, Люди и Жизнь.—Е. Л.—Умеръ** таланть, пов. А. Лугового.—Д.— Б. Ф. Брандть, Торгово-промышленный кризись въ западной Европъ и въ Россіи, ч. І.— В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 795). -Ноябрь: — Гр. Новополинь, Въ сумеркахъ литературы и жизни. Д. Сборникъ свъдъній по исторіи и статистикъ визмней торговли Россін, п. р. В. И. Покровскаго, т. І.—Обзоръ податного состоянія курской губерній за 1900 годъ.-В. В. Очеркъ всеобщей и русской исторін, М. Коваденскаго. — К. — Народное образованіе въ Петербурга, Ю. Н. Лавриновича. -- Z. -- Новыя винги и брошоры (стр. 404).—Декабрь:—Историческій обзоръ деятельности Комитета министровъ въ царств. имп. Александра I и Николан І.—А. С. Борецвій, Милліонъ, разсказъ. -- Н. В. Пономаревъ, Обзоръ кустарных промисловь въ Россіи.—П. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенцін.—А. П.—По Москва и ся окрестностямь, путеводитель-справочникъ. ... К. -Новыя книги и брошюры (стр. 856).

1V. Hobocta Mhoctpahhoù Jutepatyph.—Bubaps:—I. Louis Bertrand. La Cina.—11. Max Messer. Moderne Essays.—3. B. (ctp. 405).—Февраль:—1. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—11. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—3. B.—III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer.—3. P. (ctp. 846).—Map Tb:—I, René Bazin, "Les Oberlé".—II. Wilhelm Bölsche, "Hinter der Weltstadt".—3. B. (ctp. 400).—Anp blb:—I. Brunetière, Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—3. B. (ctp. 857).—Maü:—1. Hermann Bahr, Der Apostel.—II. Edouard Estaunié, L'Epave.— III. André Beaunier, La poésie nouvelle.—3. B.

(стр. 428).—I юнь:—I. W. Jensen, Wilhelm Raabe.-II. Brieux, La petite amie. —3. В. (стр. 891). — Іюль: — І. Мах Dreyer, Drei Schelmenstücke.-II. Anatole France, L'affaire Crainquebille. -3. B. (стр. 891).—Августъ:—I. Maurice Maeterlinck. Monna Vanna. Pièce en trois actes.—II. Gabriele d'Annunzio, Francesca da Rimini.—8. B. (стр. 820).— Сентабрь:—I. Gustave Kahn, L'Adultère Sentimental.-II. Robert de la Sizeranne, Miroir de la vie (Essais sur l'évolution esthétique). - 3. B. (crp. 396) -Октябрь:—I G. Frensen, "Jorn Uhl".— II. Ad. Bartels, Geschichte der deutschen Literatur.—3. В. (стр. 820).—Ноябрь: —I. G. Reval: "Les Sévriennes", "Les Lycéennes".—II. Hans Ostwald, "Vervorfene".—B. B. (crp. 424). — Декабры:—I. Nekrassow, Gedichte, übers. von F. Fiedler. — II. L. Muhlfeld, L'Associée, roman.-3. B. (crp. 871).

У. Изъ Общественной Хрониин.-Январы-"Въстникъ Еврони" сто лътъ тому назадъ. -- Старые и новые вемцы. --Земство и печать.—Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. О. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).—Систематическое извращение истины въ "Моск. Въд."-Десятильтие касси взаимономощи литераторовъ и ученихъ. — Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженка.-P. S. — Правительственныя сообщенія (стр. 420). — Февраль: —Значеніе яслей въ голодине годи. -- Поучительный општъ. --- Пироговскій съйздъ врачей. — Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ. --Юбилей "Гражданина". — Вовобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мумкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева † (стр. 864). — Мартъ: — Чествованіе памяти Гоголя.—Стольтіе со дня рожденія Виктора Гюго. — Параллель между его "Misérables" и "Воскресеніемъ" гр. Л. Н. Толстого.—Полемика по поводу "Записокъ врача", г. Вересаева.—Правительственное сообщение о дёль сектантовъ села Павлововъ (стр. 415). - А првав:--- Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: "Крестьянивъ".--Ступеньки литературной лестинци въ Англін и въ Россіи. - Задачи и формы литературной критики. - Различные способы борьбы съ расколомъ. - Двадцатипятильтіе с-петербургскаго юридическаго общества. - Ф. Д. Нефедовъ † (стр. 871). -Май:--Пятидесятильтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго. -- Планъ "раціональнаго устроенія" русской жизни.—"Гражданинъ" и свобода нечати.— Рѣчь и нисьмо чернскаго увяднаго предводителя дворянства. - Два решенія сепата. - Г. И. Успенскій, В. Н. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ + (стр. 450).—Понъ:—Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старійшихъ русскихъ журналовъ. — "Русскія ръчи" обновленнаго "Русскаго Въстивка", какъ вкладъ въ сокровищинцу реакціонной печати.—Нъчто о "сердечности" и "твердости".— Судьба трехъ земсияхъ ходатайствъ.-Новия назначенія.-С. А. Рачинскій † (стр. 904).—Іюль:—Десятвавтіе Городового Положенія 1892-го года и совпадающее съ нишь правительственное "обозрвніе" с.-петербургскаго городского общественнаго управленія.— Своеобразный критерій оцінки правительственняхь жіропрілтій и назначеній. - Предостереженіе, данное "Гражда-логика.—Еще о двив черискаго уваднаго предводителя дворянства. — Постолиное и временное устройство средней миолы (стр. 410).—Августъ: — Двадцатинитильтіе двятельности петербургской училищной коминссін по начальному народному образованію и главивний ревультаты ел. — "Городскія" училица думи и причина ихъ усивка.—Вопрось о городскихъ исполнительных воминесілкь. — Проекть совина събада городскихъ учащихъ въ Москвѣ, и общеобразовательные курсы для учащихъ въ г. Навловскв. – Несправеданвия обвиненія.—Оригинальная городская дума.—А. Н. Бекетовъ † (стр. 847). — Сентябрь: — Времения росиясанія уроковъ въ младинхъ классахъ гимназій и реальнихь училищь.—Циркуляръ управляющаго ининстерствонъ народнаго просвыщения. Пересмотръ Городового Положенів. — Буветь изъ мижній "Гражданина" о земстви и крестьянахъ, о начальной школё и университеть, о кассаціоннихъ різпеніяхъ и крестьян-- Крестьянскій банкь и скомъ банкв. --"Московскія Відоности". — Нісковью словъ по адресу "Русскаго Въстинка" (стр. 410).—Октябрь: -- Правила о профессорскомъ судь, о кураторахъ, курсовихь собраніяхь и старостахь. — Сиб. политехническій институть. — "Универтіе финансоваго управленія. - Конгрессь вриминалистовъ въ Петербурга.—Разкіе контрасти. -- Отранныя разсужденія предпринимателя. — Возможная судебная омибиа. — Интересный вопросъ. — С. И. Старинкевичь †. — Post-scriptum (стр. 888). — Ноябры — Университетская реформа и ричь г. управляющаго министерствоять народнаго просвищения. - Своеобразная децентрализація, пронов'ядуеная

въ "Гражданинв":-Пересмотромъ Городового Положенія 1892 г. въ приміненія къ одному городу Петербургу. -Вопроси: о способъ замъщения должности городского головы; о распространеніи избирательнаго права; о порядка производства выборовъ; объ исполнительнихъ коминссіяхъ (отр. 439).—Денабрь: —Интересное сообщение и неудачные ка нему комментарін. — Инциденть въ казанскомъ юридическомъ обществъ, -- Проектируемое общество московскихъ журналистовъ. -Предстоящій юбилей русской періодической печати. - Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.— "Благая вёсть". — Корреспонденція наз г. Суджи.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію (стр. 883).

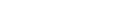
Вибліографическій Листокъ.—Январь:—Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. II. И. Вейнберга, т. VII. - Гоголь, Мертвыя души, поэма, съ 355 иллюстр.; над. А. Ф. Маркса. — "Невскій проспекть", 1703 — 1903, юбълейное изданіе, т. І, -Автобіографія Абдурахана, съ англ. М. Грудевъ. — Собраніе сочиненій Шиллера въ нерев. русск. писателей, п. р. С. Венгерова, т. III. — Февраль: — Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова. -- Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о прав'в и государств'в, П. Новгородцева. — Стихотворенія, кн. Д. Н. Цертелева. - Руководство въ физическому образованію дітей школьнаго возраста, П. Лесгафта. —Путеводитель по Великой Сибирской жельзной дорогь, А. И. Динтріева-Мажонова. — Учебние годы стараго барчука, Евг. Маркова.—Повъсти, сказки и разскази Кота-Мурлыки, т. III. — Мартъ:—Историческій обзоръ двительности Комитета министровъ. Т. І: 1802-1825, состав. С. М. Середовинъ. - Русскія придическія древности, В. Сергвевича, т. І. — Введеніе въ римскую исторію, В. И. Модестова, ч. І.—Недопътыя пъсни, С. Я. Надсона.—Горинъ, разсказъ В. І. Динтрієвой.—А прізль:—Жизнь и труди М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая. — Стихотворенія П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній "Гейне изъ Тамбова".—Сабанинъ, В. В., Систематическая Роспись внигамъ, вншедшемъ въ Россіе—за 1899-й годъ, т. І, вип. 1.— П. Сергвенко, Сократь, драмат. хроннка.—Д. Мережков-скій, "Любовь сильнье смерти", "Наука люби", "Микель-Анджело".—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, последній. — Май: — Изданіе Сиб. Городской

Ауми: Ч. І.—В. А. Жуковскій; ч. Пі: Н. В. Гоголь.—М. П. Росенгойнь, Сти-котворенія. М. Винаверь, Очерки объ адвонатурь. — Головачевь, Н., Сабирь: Природа Люди, Жизиь.—Фришкуть, Марія, Критическіе очерки и статьи.—І юнь: –В. Д. Снасовичь, Заметки о просите земскаго управленія для 18 не-земскихъ губерній. — П. Таниери, Нервые шаги древне-греческой науки, перев. Э. Радлова и Г. Церетели, съ пред. А. И. Вве-денскаго.—Шиповъ, П., капитанъ, Русская одежда.-Н. Азбелевъ, Единство въ устройствъ вселенной. — И. И. Игнатовичь, Помещичьи врестьяне накануне освобожденія. — Русскій Біографическій Словарь: Павель преподобн. — Петръ (Илейка). — Гюль: — Владеміръ Соловьевъ, очеркъ В. Д. Велечко. — Спасовичъ, В., и Пильцъ, Е., Очередные вопросы въ царствъ польскомъ. - А. Манцони, очеркъ М. Ватсонъ.—Графъ Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотръ законодательства о крестьянахъ. Изъ заметокъ практика. -- Августъ: -- Н. Н. Карабчевскій. Около правосудія. Статьи, сообщенія и очерки. — Курсъ семейнаго судебные права. Проф. А. И. Загоровскаго. — Л. Е. Оболенскій. Научныя основы красоты и искусства. — Кака люди на былоть свыть живутъ. Е. Водовозовой. Турки.—Второй сборнивъ статей. 1901—1902. Александра Новикова. — Стихотворенія Владиміра Соловьева. — Сентябрь:—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышденный кризись (1893—1902). П. П. Мигудина, проф. харьк. университета.—M. B. Кечеджи-Шаповаловъ, Женское движеніе въ Россін и за границей. — В. Гурко, Устон народнаго хозяйства Россіи.—Аграрно-экономическіе этюды. —Октябрь: -Исторія русской литературы, А. Н. Цыпина, т. II.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. X.—Путеводитель по окрестностямъ Петербурга, изд. Коммиссін по народному образов. въ Сиб.—Цели воинскаго наказанія, А. Фальева.—Русскій Китай, барона А. Буксгевдена. — Преступный міръ и его защитники, Н. В. Никитина. -Ноябрь: — Воспитаніе и образованіе слвинкъ и икъпризрвніе на Западв, д-ра А. И. Скребицкаго. — Россія въ дорожномъ отношенін, состав. В. Мейенъ.-**Шекспиръ-въ переводъ А. Л. Соколов**скаго.—Практическія занятія по зоологін и боганикъ. Т. Гексли и Г. Мартинъ.— Синтаксись русскаго языка, Д. Овсянико-Куликовскаго. — Декабрь: —Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. IV.-Женщины-убійцы, вр. П. Н. Тарновской. —Сахалинъ (Каторга), В. М. Дорошевича. — Сборникъ Историческаго Русскаго

Общества, т. 112.—Повъсия и разскази Я. Крюковскаго (Я. Я. Гуревича).

VII. Извъщенія.—І. Отъ городской Коминссіи по народному образованію.——
ІІ. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съвздъ (Январь, 436).—Отъ городской Коминссіи по народному образованію (Февраль, 881;

Мартъ, 481; Май, 466).—І. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Вванинаго Вспоможенія.—ІІ. Отъ Общества понеченія о начальномъ образованія въ г. Томскі (Аврізь, 884; Май, 466).—Отъ Попечитальства о глухонізнихъ (Октябрь, 858; Ноябрь, 456).—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (Декабрь, 898).

COLEPHANIE HECTOFO TOMA

Нояврь. — Декаврь. 1902.

Книга одиннаднатан. — Ноябрь.

	V
Американскія впечатівнія.—Очерки и замітки.—І-V.—Ф. Ф. МАРТЕНСА	5
На полнути.—Повъсть.—XI-XX.—Окончаніе.—ВАЛЕР. СВЪТЛОВА	52
Ив. С. Тургиний во Франции. —1847-1850 гг. — І-ІХ. — Н. ГУТЬЯРА	94
Въ гостяхъ на куторъ, — Личния впечативнія.—І. Въ страну далекую ІІ. На	_
хуторв. III. Гости. IV. Мой отъвадъЮРІЯ КРАПИВИНА	187
Русскій Китай. — Наша первая колонія на Дальнемъ Востокі.— VI-VIII.—	
Okonyanie.—A. XBOCTOBA	181
На золотых принскахь въ Южной Америев По дечным воспоминаніямь	101
—V.—Овончаніе.—H. С. КЛАРКА.	209
Шатыя основи. — Эскизь. — W. von Polenz, "Wurzellocker", Roman.—XIII-	200
XXVIII.—II—HU C—BON	051
	251
Merkie upomncam by Ahrain. — 5—10.	303
Книга о князь В. А. Черкасскомъ. — "Матеріалы для біографін кн. В. А. Чер-	
васскаго", состав. кн. О. Трубецкая, т. І.—А. Ө. КОНИ.	317
Новое гражданское уложение.—Л. 3. СЛОНИМСКАТО	342
Женник.—Новый трудь о динимной риформа.—"Реформа денежнаго обращения въ Россіи и промишленный кризист" (1893—1902 г.). П. П.	
щеныя въ России и промышленный кризисъ" (1893—1902 г.). П. П.	
Мигулива.— В. В	361
вительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здра-	
вія.—Недовики земскихъ сборовъ.—Примъненіе временныхъ правилъ о	
народномъ продовольствін. — Земскіе члени училищнихъ совътовъ. —	
Новый газетный походъ противъ земства. — Инцидентъ въ московскомъ	
увядномъ земскомъ собранів. — Участіе членовъ губернской земской	
управи въ увздинкъ земскихъ собраніяхъ	874
Иностраннов Овозранів. — Бурскіе генерали въ Европъ. — Англійская политива	
н са континентальные обличители. — Нъкоторыя иллостраціи къ во-	
просу о политической этикъ. — Положеніе Македоніи.—Парламентскія	
дъла во Франціи. — Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединен-	
ныхъ-Штатахъ	391
Литературнов Овозранів. — Гр. Новонодинъ, Въ сумеркахъ литератури и	
жизни. — Д. — Сборимкъ свъдъній по исторіи и статистикъ визмней тор-	
говян Россін, п. р. В. И. Покровскаго, т. І.—Обзоръ податного состоянія	-
курской губернів за 1900 годъ.—В. В.— Очеркъ всеобщей и русской	
исторін, М. Коваленскаго.—К.—Народное образованіе въ Петербургь,	
Ю. Н. Лавриновича.—Z. – Новыя книги и брошюры.	404
HOBOCTH MHOCTPAHHOR JETEPATYPH.—I. G. Reval: "Les Sèvriennes"; "Les Ly-	
céennes".—II. Hans Ostwald, "Verworfene".—3. B	424
Изъ Овщиствинной Хроники. — Университетская реформа и рачь г. управ-	
ляющаго иннистерствомъ народнаго просвъщенія. — Своеобразная де-	
централизація, пропов'ядуемая въ "Гражданнив".—Пересмотръ Городо-	
вого Положенія 1892 г. въ примъненін къ одному городу Петер-	
бургу.—Вопроси: о способъ замъщения должности городского голови; о	
распространенін избирательнаго права; о порядки производства выбо-	
ровъ; объ исполнительныхъ коммиссіяхъ	439
Изващения. — Отъ Понечительства о глухонамихъ	456
Вивлютрафический Листокъ. —Воспитание и образование сабинкъ и ихъ призръ-	
ніе на Западъ, д-ра А. И. Скребицкаго.—Россія въ дорожномъ отноше-	
нін, состав. В. Мейенъ.—Шекспирь—въ перевода А. Л. Соколовскаго.	
—Практическія занятія по зоологін и ботаникі Т. Гексли и Г. Мар-	
тинъ.—Синтаксисъ русскаго язика, Д. Овсянико-Куликовскаго.	
Овъявленія.—І-IV; І-XII стр.	

Кими дебрадцаван. — Дорабрь.

•	UIP.
Висшія народния школа за Швицін. 4 Очерь 11-Ж. ГРЭНГАГЕЛА.	457
Въ Будавиской усадыва. — Романъ. — І-ХХУІ. — ВАЛЕР. СВЪТЛОВА	481
Федерація женских клувовь въ Америка.—ІІ. А. ТВЕРСКОГО	639
Върования и суввърия у витайцевъ По личнить наблюденіанъВ. В. КОР-	
	655
САКОВА. Финансовие успаки Италін,—Изъ путевыхъ замътокъ.—КН. ДМИТРІЯ ДРУЦ-	
КОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО	674
КОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО . Шатків основи.—Эскизъ.—W. v. Polenz, "Wurzellocker".—XXIX-LI.—Окон-	
revio —Ca why II —HU C — ROW	697
чаніе.—Съ нізм. П.—НЫ С.—ВОЙ	788
Court of a corporation	
Старый домъ.—Стих. П. С. СОЛОВЬЕВОЙ	752
олентыи сатирические романъ. — "Одинъ изъ нашихъ висмарковъ" и его про-	
долженіе: "Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣсть", ки. В. Мещерскаго.	
—Л. З. СЛОНИМСКАГО	753
Альнсандръ Онуфриничъ Коналевский. — Очерки изъ истории науки въ России.	
—ильи мечникова	772
ХроннкаВолость, какъ зачатокъ мелкой эсиской организацияКЛ. Я. ВО-	
РОБЬЕВА	800
Внутренняе Овозранів Новое главное управленіе Всеподданнайтій доклада	
министра вн. дель о меропріятіяхь по неурожаю 1901 г. — Общіе ре-	
зультаты продовольственной кампаніи. — Тенденціозныя газетныя напа-	
денія на земство.—Частная благотворительность. — Дальнъйшія направ-	
ленія продовольственнаго діла. — Положеніе вопроса о мелкой земской	
единиць.—Новыя свъдънія о дъятельности увзднихъ комитетовъ.—Пере-	
смогръ земскаго избирательнаго ценза.—Post-scriptum.	812
На первых общественных работахъ. По личных наблюдения М-СКАГО.	833
Иностраннов Овозранів. — Печальния собитія ва Македоніи. — Роль европейской	
дипломатін въ устройстві турецкихъ діль.—Мысль о созваній европей-	
ской конференціи. — Политика Вильгельна ІІ и внутренніе вопроси въ	
Германін.	846
Литиратурнов Обозранів. — Историческій обзора ділтельности Комитета мини-	
стровъ въ царств. ими. Александра I и Николая I. — А. С. Борецкій,	
Милліонъ, разсказъ. — Н. В. Пономаревъ, Обзоръ кустарныхъ промыс-	
ловъ въ Россін.—И. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенціи.—	
 — А. П.—По Москвъ и ся окрестностямъ, путеводитель-справочникъ.'— 	
— K.— Повыя книги и брошюры	856
Новости Иностранной Литератури. — I. Nekrassow, Gedichte, übers. von F.	
FiedlerII. L. Muhlfeld, L'Associée, roman3. B	871
Изъ Овщественной Хроники. — Интересное сообщение и неудачные къ нему	
комментаріи. — Инциденть въ казанскомъ юридическомъ обществъ.	
Проектируемое общество московскихъ журналистовъ. — Предстоящій	
юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское	
самоуправленіе. — "Благая въсть". — Корреспонденція изъ курской гу-	
бернін.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію	883
Извъщиня. — Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества	898
Матеріали для журнальной статистики: "Въстникъ Европи" въ 1902 году	899
Алфавитный Указатель авторовь и статей, пом'вщенных въ "В'естим'я Европы"	
въ 1902 году	901
Вивлюграфический Листовъ. — Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. IV.—	
Женщины-убійцы, вр. П. Н. Тариовской.— Сахалинъ (Каторга), В. М.	
Дорошевича. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 112. —	
Повъсти и разскази, Я. Крюковскаго (Я. Я. Гуревича).	
OBESBARHIS. — I-IV: I-XVI CTD.	

ВИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Новые чинуски обнижноть собою патнадиатигітвій періодь литературной и публицистической діятельности колойнаго Влад. Согоньева, пачиная съ 1883 года и до 1897 г. Более двухъ грегей четвертаго тома занимаеть "Исторія и будущинсть теократів", - трудь, малалиній самимъ авторомъ: - Изсл'язованів всемірно-историческиго пута ка потивной жизна, "Оправдать въру намихъ итповъ, выпода ее на пивун ступень разумнаго сознания; показать, какъ эти speared steps, nearling general ora onces wherнаго обособленія и народнаго самолюбія, совладаеть съ вічнов и вселенскою петиной-воть, говорить инсибдоватиль, общая падала монто труда"... Сверхи того, из этомы сомы сомержател сабдувшия статьи: "Великій споро п xpaurianceau neaurana"; "Cornamonie ex Paнома и мосновскія галети"; "Каройство и христівастій попроск"; "Каки пробудить пант цар-шиння сили¹?—письно ил С. А. Рачинскопу, которое авторъ называль не вопражениемъ сму, а дополнениюм къ его приших, обращениому из додима вов образованной міровой средиидти нь сельскіе священнями "для самостверженнаго служения перски и наподу", Патий тома посыщент, такинов соразонь, "Національному вопрасу нь Россія" и другимь 15-ги болья мелжимь статьямь, разоблиниям по газотамь и жур-HAZRES.

Жанадина-гийни, антропологическое изсткао-ваніе прача ІІ, Н. Тарической, Саб. 902, Стр. 512. Ц. 4 р.

Почтенний авторь отень скрамие изминаеть свой общирана трука "конотлиния» и венцаниять" и спотрить на него "накъ на подвоиху матеріалика", поторые ота предоставляеть "будущимъ зодчама для дальябаней ильден занию вриживальной витрепологія, еще ожидающей спосто обобщателя". Но эта зарождающаюся въ наше преми наука будоть не мало обязана нистивнему собрания чатеріались зас нев, виполиенному на строго-точнихъ научнихъ оснонаніяхь. Авторы перапичниметел из споему, изел блованія субъектами меключительно дов креотъянской среди, и притома бель вельой пражейся посторонней кроин, изъ средонал туберній; такина образовка, на настоящема трудіприведена 160 наблюденій, субъектами китотиккъ послужили исключительно урожении центра перопейской Россій, зеликорусских губерній. Самия наблюденія натюстрировани 165 риеунками в 3-ы актроноветрическими табанивми. Авторь, выходя изи подожения, что дороrist, ambera conspinence myron agammic, when призическить", - приходить, опиралсь на евон наблюденія, нь тому виводу, что "велься ни, основний платомических далияхь, или прирожлениях правствониях отклюдей, на основанія голько одинка этиха условій ститата цемована проступникова; на втоих смасть тика прирожденнаго проступника Локороло долженъ MARTA OTSEPTORYTA, NO OCCUSION MUCCUS ETO, 210 преступление совершается, за большинству случисть, нь силу произвиших вып прообратен-прих в отворшений и подостатильт организація—

Спекание сочинивий Владивита Сетеквита Со-доважа. Т. IV, стр. 589. Т. V, стр. 552. П. за већ 8 томова—12 рублей.

Отна висм., заклечаета авгора, безефрие при-пата последствения. Мы надвемся опо вопра-титася ка интересиону и помочательному груду П. Н. Тариовской, чтобы ближе ошакомить четателя съ его богатилсь содержаниемы.

> Сахания. (Каторга). В. М. Дорошевия. Вы двуха частика. М. 903. Стр. 457-1100. IL S p. 50 m.

> Какъ би въ допилнение въ предъидущему, труду инплось настоящее малакіе, которое можно било би, водобио тому, соятляющть "Мужениц-убійци". Но явторъ поисе не имать въ шку приготовить ваучное вослідовинів; вадимь полистся предъидущее, и даль, из другомы отно-менія, гакже богатий и интересний матеріаль для сониментации съ бытомъ сославнихъ на изторгу во вейхъ на подробностихъ и обекавовећ, почависимо отъ описания природи остр. Сахалина и жини его обитателей. Изданіе весьма росвинию илинстрировани массии рисунковъ, съ видами Сахалина, постройвани на помъ и работами, в также мни ссяльно-каторишкув. Съ ихъ слова пилисани авторомъ многочисленные разсказы изъ ихъ живни, погробности совершениях ими лифениях убійства и грабежей, судь нады вини и житье на загоргы. Особый интересь нь цвигь составляеть статья, посвящениях "Урожениям», о. Сахалина", съ цілью осужаснія "весчастной вден в сахадинской колонія". По паблюденівиз автора, "больше 25 мет на Сахалина режделись дати, росли сведи вауорги, нь агмосферф прови и гризи, и съ склой колибели били сами обречени ин наторгу; это быль больной трёнь противь этихъ

Скоринкъ Импираторскаго Русскаго История-OGATO OBERCTEA, T. 112, Cop. 901, Crp. 740.

Настоящій тома представляеть одну особенностът до сихъ поръ било принято за правило сь отношения обнародинанія документись, иставандинаться на тінскоть допрессі, 1814 года; ния же впервые едільно французских правительствомъ невлючение для "Петерическаго Общества", а потому лаплась зовможность приступить из изданію дипловатической переопеди пашего и французскиго правительства, начивая съ 1818 г. по 1830 года. Изъ этого одного пожва заключать, наспользо лобовитим и вийств драгоствини для исторія той мали micrhesamoù anoxu astroninie nunt es calera документы в допломатическая перевоска упоминутыхъ правитольствъ.

Я. Крюковскій (Я. А. Гурсанты, Повісти и разовичи. Свб. 1902.

Въ разевания г. Приконению пображаются преочущественно тини в прави, послодствую-щіе нь міра "забатиха якцей". Автора хоброповестия виненеть на описиваемую има печальную тайствительность, и очерки его производить на читателя впечатленіе своимь векреппакт, запушенняю топома. Въ сочинениять г. Крюбовскито запушента отчасти влижен Максими Гормано, папушента пригоросними сећајета призната ресултаје. Па-зела Заличний и "Ваче-чентра"

объявление о подпискъ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

"ВЪСТИНКЪ ЕВРОПЫ"

ежемыслопияй журналь истории, политией, петературы,

выходить въ перимхъ числахъ каждаго месяца, 12 кинтъ нь годъ. отъ 28 до 30 листовъ обывновеннаго журнальнаго формата.

		н а			
	ши				

Ha roge:	Hu neaves	ngiames	По тотогруппа торы				
Биль домгаеви, вы Кон- торы журнала 15 р. 50 к.	пинарь 7 р. 75 в.	7 p. 75 m.	3 p. 90 s.	S p. 90 K.	5 p. 90 n.	7 p. 60 s.	
Въ Патаруурга, съ до- ставиоп	$\theta_* + \epsilon$	8	1	4	1	1	
родахъ, съ порес17 " — "	9 " - "	8,-	6	4	4	$t_{\alpha}=1$	
почтов, соков 10 " - "	10	9	h m	5	0	4	

Отдильная книга журнала, съ достанкою и пересмиком — 1 р. 50 в.

Примачение. — Вычето разорочин годовой нодинени на мурналь, поличена по неачто gioms: we ammapt a impt, it no verneprame rope: we ammapt, amptick but и октябрь, принамается-безь повышения годовой ийже поднасть.

Бикильне выглавны, при годоной подписай, полькуются обычание уступнось.

HOIRUCKA

принимается на года, полгода и четверил года: BU HETEPSYPPS:

въ отделеніяхъ Конторы; при инижныхъ магазивахъ К. Риккера, Невск. проси., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

въ Конторъ журнала, В. О., 5 л., 28; - въ винжномъ маркантъ П. П. Ка басникова, на Мохокой, и им Ковторь Н. Печковской, въ Петро-

въ внижи, магаз. Н. Я. Оглоблина, 3 — въ винжи, магаз, "Образования

— нь винян, магал. "С.-Петербургскій Канава, Складь" Н. П. Карбасови

Принтульне,— 1) Почимоний пореск голжень нагладать из сибв ими, присти. 111 ию ст точник обосновник губерий, убеза и исстинатальных и съ развијату блиг — 100 и почим обосновник губерий, убеза и исстинатальных и съ развијату блиг — 100 иму почимато у предлени, г.н. (NH) допружнением имина куримнок, реди иму точно у парвија из самочи ибстотительства подместива.— 2) Перемион идреси датала бите го парвина куримна спосиременно, са указанјета преманио пареса, при чем горимна почиматални ва пистородиме, доприниванта 1 руб., в напрородиме, поремата из горимпи и почиматални по почиматални почима вала, если водинска била одблава за кинепоничнованила местала, в, сигиска объектова ст-Поттогато Департанента, не полже ваки по колучении слідующей кинги журішля. — А) Долже на долучение журкала висилаеття Конторог только тиль изь вногородиях вли подвисчивовь, которые приложеть их водинской сумив 14 ков, почтоване жительни,

Изматель и отпітствонняй резивторь. М. И. СТАСЮЛЕВИЧЬ.

РЕДАКЦІЯ "ВЪСТИНКА КВРОПЫ":

ГЛАВНАЯ КОПТОРА ЖУРИЛЛЯ:

Сиб., Галериал, 20.

Hac. Ograpus LaQOQIC ЭКСИЕДИЦІЯ ЖУРВАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.